Институт языкознания
Российской академии
наук

Тамбовский государственный
университет имени
Г.Р. Державина

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск XLI

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ПАРАДИГМА В ЛИНГВИСТИКЕ И СМЕЖНЫХ НАУКАХ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

ISSN 2071-9639

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЛИНГВИСТОВ-
КОГНИТОЛОГОВ

Когнитивные исследования языка

Выпуск № 2 (41)

**КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ПАРАДИГМА В ЛИНГВИСТИКЕ
И СМЕЖНЫХ НАУКАХ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ**

**Материалы X Международного конгресса по когнитивной лингвистике
17-20 сентября 2020 года**

Москва – Тамбов – Екатеринбург
2020

УДК 40
ББК 80
К57

Серия включена в ***Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации результатов диссертаций.***
Зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52638 от 25 января 2013 г.
Индекс 79191 в каталоге ОАО «Роспечать» на 2020 год

Конгресс проводится при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-012-22031

***Совет редакторов*:**
Болдырев Н.Н., доктор филологических наук, профессор (гл. редактор);
Чудинов А.П., доктор филологических наук, профессор (отв. редактор выпуска);
Демьянков В.З., доктор филологических наук, профессор;
Новодранова В.Ф., доктор филологических наук, профессор;
Бабина Л В., доктор филологических наук, профессор;
Виноградова С.Г., доктор филологических наук;
Панасенко Л.А., доктор филологических наук;
Шарандин А.Л., доктор филологических наук, профессор;
Златев И., доктор филологии, профессор (Лунд, Швеция);
Талми Л., доктор филологии, профессор (Буффало, США);
Дзюба Е.В., доктор филологических наук (отв. секретарь выпуска);
Козлова Е.А., кандидат филологических наук (отв. секретарь)

К57 **Когнитивные исследования языка** / гл. ред. Н.Н. Болдырев; М-во обр. и науки РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2020. – 1046 с.
ISBN 978-5-89016-442-1

Вып. № 2 (41): Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и смежных науках: современные проблемы и методология исследования: материалы X Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 17–20 сентября 2020 г. / отв. ред. вып. А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. – 1046 с.
ISBN 978-5-7186-1668-2

В очередном выпуске периодического издания «Когнитивные исследования языка» представлены материалы X Международного конгресса, посвященного современным проблемам и методологии когнитивно дискурсивных исследований в лингвистике и смежных науках. Авторы предлагают свой опыт систематизации и осмысления когнитивно-дикурсивных методов в лингвистике и смежных науках: междисциплинарный характер проблематики конгресса отражает современные тенденции развития гуманитарных наук, в том числе актуальную потребность в доказательных методах и приемах изучения языковых форматов знания.

Издание адресовано филологам, аспирантам, студентам, а также всем, кто интересуется проблемами когнитивной лингвистики и смежных научных направлений.

УДК 40
ББК 80

ISBN 978-5-7186-1668-2 (Вып. № 2 (41))
ISBN 978-5-89016-442-1
© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2020
© ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», 2020
© Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2020

ISSN 2071-9639

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
TAMBOV STATE UNIVERSITY NAMED AFTER G.R. DERZHAVIN
URAL STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY
THE RUSSIAN COGNITIVE LINGUISTS ASSOCIATION

Cognitive Studies of Language

Volume # 2 (41)

COGNITIVE AND DISCURSIVE PARADIGM IN LINGUISTICS AND RELATED SCIENCES: CURRENT PROBLEMS AND RESEARCH METHODOLOGY

Papers of the X International Congress on Cognitive Linguistics
September 17–20, 2020

MOSCOW – TAMBOV – EKATERINBURG
2020

The publication is included in the List of publications recommended by Higher Assessment Board of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the results of candidate and doctoral dissertations.
Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technologies and Mass Comminications (Roscomnadzor), Certificate of Registration PI No. FS77-52638.
The volume enters the catalogue of the Rospechat agency of 2020. The index is 79191

The Congress is held with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-012-22031

Editorial Board:
Boldyrev N.N., Doctor of Philology, Professor (editor-in-chief);
Chudinov A.P., Doctor of Philology, Professor (volume editor-in-chief);
Demyankov V.Z., Doctor of Philology, Professor;
Novodranova V.F., Doctor of Philology, Professor;
Babina L.V., Doctor of Philology, Professor;
Vinogradova S.G., Doctor of Philology;
***Panasenko L.A.*,** Doctor of Philology;
***Sharandin A.L.*,** Doctor of Philology, Professor;
Zlatev J., Doctor of Philology, Professor (Lund, Sweden);
Talmy L., Doctor of Philology, Professor (Buffalo, USA);
Dzyuba E.V., Doctor of Philology (executive secretary);
Kozlova E.A., Candidate of Philology, Associate Professor (series executive secretary)

Cognitive studies of language / editor-in-chief N.N. Boldyrev; Ministry of science and higher education of the Russian Federation, Ministry of education of the Russian Federation Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, The Russian Cognitive Linguistics Association. – Moscow Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences; Tambov: Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin; Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2020. – 1046 p.
ISBN 978-5-89016-442-1

Vol. # 2 (41): Cognitive And Discursive Paradigm In Linguistics And Related Sciences: Current Problems And Research Methodology: Papers of the X International Congress on Cognitive Linguistics September 17–20, 2020 / volume editor-in-chief A.P. Chudinov. – Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2020. – 1046 p.
ISBN 978-5-7186-1668-2

The present issue of the “Cognitive Studies of Language” presents the materials of the X International Congress devoted to the modern problems and methodology of cognitive-discursive research in linguistics and related sciences. The authors share their experience in the systematization and understanding of cognitive-dicursive methods in linguistics and related sciences: the interdisciplinary nature of the problems of the congress reflects modern trends in the development of the humanities, including the urgent need for evidence-based methods and techniques for studying language formats of knowledge.The publication is addressed to philologists, graduate students, students, as well as anyone interested in cognitive linguistics and related research areas.

ISBN 978-5-7186-1668-2 (Vol. # 2 (41))
ISBN 978-5-89016-442-1
© FSBEIHE «Tambov State University named after G.R. Derzhavin», 2020
© Ural State Pedagogical University, 2020
© The Russian Cognitive Linguists Association, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА…… 31

I. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ. КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ПАРАДИГМА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Александрова О.В. Языковая личность как отражение когнитивно-коммуникативной деятельности человека……..... 33

Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Моделирование трансфера знания в гуманитарных науках…… 36

Бабенко Л.Г. Лингвопсихология как новое междисциплинарное научное направление…… 40

Бабина Л.В. Метонимические когнитивные модели формирования переносного значения «говорение» (на материале русских и английских глаголов)…… 44

Безукладова И.Ю. Роль личностной координаты при эгоцентрической категоризации пространства…….. 48

Беседина Н.А. Морфология в когнитивной теории языка…….. 51

Болдырев Н.Н. Междисциплинарная доминанта когнитивных лингвистических исследований……... 55

Ворожбитова А.А. Лингвориторическая парадигма: категориальная призма когнитивно-дискурсивных исследований……. 61

Демьянков В.З. Предвидеть и предсказать: дискурс о предзнании и прекогниция……. 65

Гришаева Л.И. Конструирование симулякров как проявление новых способов организации текста? …… 72

Заботкина В.И. Когнитивные механизмы межкультурного диалога… 76

Иванова С.В. Новость как когнитивно-дискурсивное образование….. 80

Иовенко В.А. Когнитивные основания национально-культурного мировидения как фактора детерминации перевода…….. 84

Иоанесян Е.Р. Об одном классе высказываний с эталонами и стереотипами…… 87

Карасик В.И. Лабиринт как символ: векторы интерпретации……... 91

Ковшова М.Л., Орлова О.С. Когнитивный анализ загадок и культурологический комментарий: опыт исследования……... 97

Колесов И.Ю. О когнитивном подходе в грамматике конструкций….. 101

Краева И.А. Интеграция методов при изучении лексических единиц, объективирующих концепт ГРАДУАЛЬНОСТЬ в английском языке…….. 106

Магировская О.В. Характеристики интегративной целостности дискурса……. 110

Миньяр-Белоручева А.П. Политика в историческом дискурсе – история в политическом дискурсе…….. 113

Оспанова Ж.Т., Толыбаева К.К., Дуйсекова К.К.
Лингвокогнитивные исследования в Казахстане:
современное состояние и перспективы…….. 117
Плотникова А.М. Амбисемия как когнитивно-семантический
феномен……. 121
Сигал К.Я. Юмор, синтаксис и проблема установки…….. 125
Топорова В.М., Корнева Е.В. Когнитивные аспекты
функционально-семантической вариативности
пространственных номинаций…… 129
Цонева Л.М. Речетворчество в медиаобразе
политического лидера…….. 132
Черняк В.Д. Отпечатки детства
в интертекстуальном тезаурусе современника…….. 137
Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивная парадигма
в современной политической метафорологии……... 141

**II. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ
И КАТЕГОРИЗАЦИЯ МИРА В ЯЗЫКЕ:
НОВЫЕ АСПЕКТЫ И ПОДХОДЫ**

Акай О.М., Куликова Э.Г. Когнитивные аспекты интерпретации
межъязыковых грамматических лакун
(на материале сопоставления русского и турецкого языков)…….. 145
Акимова О.А. О перекатегоризации апеллятивированных
словесных товарных знаков…… 149
Ашмарина И.Л., Игнатьева И.Г. Эвфемия при репрезентации
концепта PROHIBITION в административных объявлениях
в Великобритании…… 152
Бай Сюйхаожань. Ошибки в понимании русскими студентами
китайского фразеологизма “红白喜事” («Свадьба и похороны»)... 156
Бархатова Э.И. Концептуализация кибер-деятельности
как войны (на материале неологизмов
современного немецкого и английского языков)…….. 160
Бугаева И.В. Когнитивно-прагматические особенности
коммерческой номинации…… 164
Будаев Э.В. Когнитивный метод:
принцип двухуровневой структуры…… 168
Быкова О.И. Вторичная концептуализация перцептивного
вкусового признака в национальном языковом сознании…… 173
Ван С., Курьянович А.В. Вторичная и аутентичная картины мира
в зеркале проблемы конгруэнтности…….. 176
Ведута О.В., Денеко М.В., Сурмятова Ю.В.
Перифрастические единицы как фрагмент
немецкой лингвоцветовой картины мира…….. 181
Верещагина А.В. Когнитивные основы выражения отрицания
(на материале древнегреческих глаголов
с отрицательным префиксом ἀ-)……. 184

Воронина Т.М. Концептуализация *знания* в русском языке
(в аспекте отношений тождества и противоположности)…… 188
Гордиевская М.Л. Способы категоризации
посессивности/отчуждаемости в русских синтагмах
со значением «часть целого»……... 192
Гоу Яньминь, Ершов В.И. Репрезентации концепта НОВЫЙ ГОД
в китайской и русской лингвокультурах (на материале примет)… 196
Дзюба Е.В. Когнитивные механизмы кодирования
в русских загадках о животных……... 200
Дудорова М.В. Параметризация организма живого существа
в синонимико-антонимических комплексах…….. 204
Емельянова О.В. Категоризация и самокатегоризация
в контексте социальной эксклюзии…… 208
Еремина С.А. Особенности концептуализации образа России
в учебниках русского языка как иностранного для франкофонов.. 212
Жулина Е.Б. Что передает конструкция to be going to? …….. 216
Зимина М.В., Вашунина И.В. Сопоставление концептов
AMERICA и RUSSIA в американской языковой картине мира….. 220
Иванова Е.В. Динамика и статика концептуализации…… 224
Каверина О.А. Модусная категоризация объекта
посредством цветонаименования pink…… 228
Калинина Л.В. Между *типичным* и *неуловимым*:
«квантовые эффекты» категоризации…… 232
Комкова Н.И. Лексические средства репрезентации концепта
МАСТЕР в прозе Б.В. Шергина…….. 236
Леонтьева К.И. Социокультурная реперспективация
в художественном переводе: модели, форматы и доминанты……. 240
Ломакина О.В. Фразеологические средства вербализации
концепта ДОМ в творчестве Л.Н. Толстого……... 244
Лось А.Л. Когнитивная интерпретация как способ анализа различий
в значениях слов, репрезентирующих аудиальную перцепцию….. 248
Манерко Л.А., Ли С. Описание мыслительной деятельности
в когнитивных исследованиях
(в лексикографических источниках, художественном
и специальном дикурсах на английском языке)…… 252
Матвеева И.В., Саможенов С.Н. Оценочный потенциал немецких
и русских антипословиц поля «Деньги»…… 256
Миков В.Ю. Концептуальные основы отбора
страноведческого материала для пособия
по русскому языку как иностранному…… 260
Миронова Д.М. Когнитивное исследование языковой репрезентации
научного и обыденного понятий о системе
(на материале современного русского языка)……... 264
Миронова М.Ю., Киселёва С.В. Специфика определения
содержательного ядра термина……... 268
Михайлова Ю.Н. Аксиологический потенциал
концептуальной метафоры…….. 272

Мишанкина Н.А. «Вещь в науке»: как представления о вещах участвуют в создании научных понятий (на материале русской метафорической терминологии)…….. 276
Оберюхтина М.В., Филиппова М.М. О когнитивных принципах исследования в терминологии: концептуализация и категоризация в языке пиар-специалистов……. 280
Огнева Е.А. Интерпретативный потенциал текстового когнитивного моделирования…….. 284
Павлова А.В. Доминантные концептуальные структуры статального формата языкового знания……. 288
Пирожкова И.С. Динамика образа России в британских учебниках английского языка: фреймовый анализ…….. 292
Плотникова М.В., Скворцов О.Г. Метафорическая репрезентация концепта МЕГЗИТ в британском медиадискурсе……. 297
Полянчук О.Б., Черникова А.Э. Когнитивные и семантические особенности фразеологизации комплексных знаков разного уровня…….. 301
Свиридова А.В., Юздова Л.П. Концепт РОССИЯ, репрезентируемый англоязычной прессой: стереотипность представлений……... 305
Селезнева И.Л. Способы репрезентации эмоций в английском и русском языках…….. 309
Семкова А.В. Семантическая вариативность конструкций, категоризующих фоновые параметры прототипической ситуации «Речь»……. 312
Сергиенко Н.А. Лингвокогнитивная категоризация и концептуализация лингвоментальной субсферы СТРАХ в британской и американской лингвокультурах……... 316
Сивова Т.В. Колористическая визуализация дендронимического пространства в языковой картине мира К.Г. Паустовского. Концепт БЕРЕЗА……. 319
Сулейманова О.А., Яременко В.И. Теория артикля в когнитивной перспективе: дидактический аспект……. 324
Сянлинь Е. Концепт РАВНОДУШИЕ в художественной картине мира С. Довлатова (на материале цикла рассказов «Чемодан»)……... 328
Толмачева И.Н. Когнитивные доминанты реализации служебных смыслов……. 332
Томберг О.В. Трансформации концептуальных смыслов в условиях культурного трансфера (на примере взаимодействия мифопоэтической и раннехристианской аксиологии в древнеанглийской литературе)……. 335
Федяева Е.В. Количественно-пространственный формат концептуализации качества……. 340
Фролова С.С. Оценочная репрезентация личностных характеристик человека……. 343

Фурс Л.А., Королев С.В. Репрезентация знаний
английскими устойчивыми словосочетаниями
с сочинительной связью…….. 347
Харченко Е.В., Рев Васкадуве Сири Сарана Тхеро.
Этнокультурная специфика категоризации мира
посредством метафоры (на материале русской
и сингальской лингвокультуры)..... 351
Цзин Байлян. Роль когнитивной лингвистики в решении проблемы
по выделению частей речи…….. 354
Шарафутдинова О.И., Березовская Я.Л. Концептосфера
«Российские ценности» в обучении китайцев русскому языку…... 358
Шелепова Н.В. Мифологические концепты
как полимодальные структуры
(на примере английского мифоконцепта THE HOLY GRAIL)…… 362
Шишкина С.А. Лингвокультурная репрезентация концепта
познавательного интереса в русской
и английской картинах мира……... 366
Яковенко Е.Б. Концептуализация моделей
англо-саксонского общества по данным
древнеанглийских письменных памятников…….. 369

III. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бабикова М.Р. Вербально-иконическая прецедентность
в националистическом дискурсе (статистический анализ)…….. 374
Борботько Л.А. Функциональный потенциал театра
как когнитивно-дискурсивного
и лингвокультурологического феномена……... 377
Вегнер Аманда Р. Особенности понимания
в межкультурной коммуникации
(на примере спортивного дискурса)……... 381
Голубкова Е.Е., Таймур М.П. Вербально-графическая метафора:
рецепты успешного приготовления…… 385
Дымова А.В. Метафоры космоса в японском рок-дискурсе
(иконический уровень)……. 390
Золотайко А.И., Нахимова Е.А. Политика Терезы Мэй
по отношению к полиции в зеркале вербальной
и визуальной метафоры……... 394
Катермина В.В. Маскулинные неологизмы в английском языке:
когнитивно-дискурсивный аспект…….. 398
Кремнева А.В. Лингвоживописная техника письма
как один из маркеров интермедиальности:
когнитивно-семиотический аспект……. 402
Лату М.Н., Тагильцева Ю.Р. Классификация вербальных
компонентов поликодовых конфликтогенных текстов
экстремистской направленности: когнитивный анализ…… 406
Маликова А.В. Комбинаторика эмоциогенных знаков
в интернет-тексте: слова и эмоджи……. 411

Москвитина Т.Н. Способы вербализации имплицитной информации юридического англоязычного дискурса……. 415
Мячинская Э.И. Интерпретация англоязычного искусствоведческого текста как когнитивного события…….. 418
Ненашева Ю.А., Седлярова О.М., Соловьева Н.С. Преференциальность как предпосылка принятия решений при сегментации высказываний (на материале прямой речи персонажей при чтении вслух)…… 422
Нин Хуайин. Культурная интерференция в бизнес-коммуникации…... 426
Панасюк И.В. Именные аллюзии как маркеры искусствоведческого дискурса (на материале статей британских газет о русской живописи)…….. 431
Патрикеева Н.С. Классические категории в терминологии трансплантологии……. 434
Петухова Т.И. Репрезентация художественной картины мира Павла Филонова в англооязычном искусствоведческом дискурсе……. 439
Раздуев А.В. Особенности метафоризации в терминологии сфер генетики и генной инженерии (на материале английского и русского языков)……. 443
Рудинская Л.С. Метафорическая экспликация медицинских терминов, обозначающих категорию времени (на материале английской медицинской терминологии)…….. 447
Русакова М.М., Глазырина Е.С. Язык умных технологий……... 449
Рябова И.Ю. Образ судьи Англии в когнитивной ретроспективе, или «А судьи кто?» …….. 453
Севастьянова А.Л. Концепт REVOLUTION в англоязычном искусствоведческом дискурсе (на материале текстов о русском авангарде начала двадцатого века)……. 457
Сергиенко П.И. Заимствование пограничных концептуальных структур как фактор формирования межпредметной области PR…… 461
Серова И.Г. Лингвистическая репрезентация метакогнитивных процессов в англоязычном диалогическом дискурсе: гендерный аспект……. 465
Соколова Н.Ю. Русский футуризм в искусствоведческом дискурсе…. 469
Столярова А.О. Ключевые концепты англоязычного бизнес-дискурса……. 473
Феденева Ю.Б. Аксиологические параметры деятельности судьи сквозь призму басенной аллегории…… 476
Федотова Е.А. Категория «Опасность» в LSP «Безопасность производства и технологических процессов» (на материале немецкого языка)……. 480
Хобракова Л.М. Концептоцентрический характер институционального дискурса бизнес-плана……. 484

IV. КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА И РАЗНЫХ ТИПОВ ДИСКУРСА

Абакумова О.Б. Когнитивные и лингвокультурологические аспекты воспроизводимости пословиц в художественном тексте……. 489
Аль-Кадим Мухаммед Обейд Хашим. Прецедентные феномены в арабской лингвокультуре…..... 492
Барашева Д.Е. Модели репрезентации субъектов научной коммуникации в научном дискурсе……. 495
Бернат О.С., Раевская М.В. Креолизованные тексты в русскоязычном военно-политическом дискурсе периода Великой Отечественной войны……... 499
Бортников В.И. О возможностях когнитивного моделирования тематической цепочки художественного текста и его перевода……... 502
Бочетти Ф. Критический анализ текста в рамках общей теории текста……. 507
Бронникова О.В., Самофалова А.С. Когнитивно-матричный анализ дискурсивных стратегий в рекламном дискурсе……... 510
Бубнова И.А. Советское прошлое: специфика формата индивидуальных знаний как основа стратегий их внешнего конструирования……... 514
Вагина Т.С. Образ союзника в британском и американском публицистических дискурсах периода Второй мировой войны….. 518
Вепрева И.Т., Яо Цзясюй. Политика – это грязь: множественность упаковки концептуальной метафоры…….. 522
Водяницкая А.А. Цифровые методы исследования оценочной категоризации в академическом дискурсе…….. 526
Галактионова Н.А. Современные научные теории осмысления идентичности: пространственные метафоры и постмодернистские когнитивные метафорические модели…….. 530
Гезельбаш Н. Прагматические особенности блог-дискурса российских политиков…… 533
Глинская Н.П. Англоязычные психологические неонимы в когнитивном аспекте……. 537
Голубева Н.А. Полидискурсивный аспект эвфемии…… 540
Голышкина Л.А. Когнитивно-коммуникативные основания риторики декодирования……. 544
Григорьева В.С. Когнитивные механизмы речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе……... 548
Губайдуллина Е.О. Ретроспективный анализ образа СССР в американском дискурсе периода Второй мировой войны…… 552
Гудкова К.В. Доминантный принцип организации спортивного дискурса: на примере спортивного комментария…... 555
Гурочкина А.Г. Имплицитная дезинформация как основное средство воздействия на адресата в полемической политической интеракции……... 559

Десюкевич О.И. Роль метафоры в интерпретации конфликтной ситуации в медиадискурсе……... 564
Доронина Е.Г., Казакова Ю.В., Ульянова Е.П. Когнитивные основы методики обучения чтению инокультурного текста в курсе РКИ……... 568
Дроздова Т.В. Авторская метафора в научном дисурсе и тексте как индикатор изменения содержания когнитивных доминант коллективного уровня……. 572
Ерещенко М.В. Интеракциональная функция дискурсивных маркеров в процессе коммуникативного взаимодействия собеседников…… 576
Зубакина Т.Н. Интерпретация аллюзивных единиц в историческом контексте мемуаров У. Черчилля…… 580
Игнатова Ю.С. Метафорическая делегитимизация результатов выборов в дискурсе политологов (на материале текстов В.Б. Пастухова)…….. 583
Ильин М.И. Хештеги несогласия в американском политическом дискурсе в Twitter…… 587
Иссерс О.С. Лингвокогнитивные приемы стимуляции потребительского спроса, или 7 «черных пятниц» на неделе…….. 591
Ицкович Т.В., Чэн Ц. Метафора в жанре очерка: категориально-текстовой аспект (на материале очерков В.М. Пескова)…… 595
Кадачиева Х.М., Абдулкадырова А.Р. Текстовые метафоры в рассказе Э. Хемингуэя «Кошка под дождем»……. 599
Ковалева Е.И. Структурирование научного знания в специальном дискурсе……... 603
Кожухова И.В. Информационно-медийная языковая личность губернатора Челябинской области А.Л. Текслера…… 605
Колмогорова А.В. Нарративная специфика русскоязычных эмоциональных инернет-текстов……. 609
Колотнина Е.В. Метафорическое представление изменений курсов национальных валют в рамках метафорической модели «Экономика – это живой организм»……... 612
Кондратьева О.Н. «Пауки» и «мухи» в социальных сетях: дискурсивное варьирование когнитивной метафоры……... 616
Кононова И.В., Гунькова Д.Е. Дискурсивная личность американского политического радиокомментатора в когнитивном аспекте……. 620
Корнева В.В. Особенности синтаксической репрезентации объявлений о знакомстве (на материале испанского языка)…… 624
Кошкарова Н.Н. Дискурсивная специфика осмысления феномена войны в английском языке……. 628
Кузина М.А. Эволюция способов создания стереотипов о России и СССР на основе концептуальных метафор…… 632
Кузьмина Е.А., Рябых Е.Б. Современный поэтический дискурс как отражение реалий мира 21 века…… 636

Купина Н. А. Метафора «жизненный путь»:
концепция Евгения Водолазкина…… 642
Курочкина М.А., Кушнерук С.Л. Лингвостилистический анализ
заголовков в экологическом дискурсе…… 645
Лаенко Л.В. Гендерная обусловленность
коммуникативного поведения участников интервью……... 649
Мамонова Н.В. Англификация российского медиадискурса……. 653
Мангова О.Б. Вербализации операционного концепта
ХЕДЖИРОВАНИЕ в экономическом дискурсе…… 657
Марченко К.А. Гибридные форматы дискурса
как часть институционального дискурса……... 660
Мелихова И.Н. Brexit как сфера-мишень метафорической экспансии
в российском медиадискурсе…….. 664
Михайлова О.А., Чэн Юйсяо. Метафорическое моделирование Китая
в российских СМИ……... 668
Монгилёва Н.В. Лингвокультурная модель казахского дискурса
межличностных отношений…… 671
Некрасова М.Ю. Концептуальная метафора
«Война – ненастье (буря)» в британском газетном дискурсе
середины XIX века……... 675
Немирова Н.В. Прецедентность в зеркале теории
концептуальной интеграции…… 679
Никитина Д.А. Роль прецедентных феноменов в процессе
передачи знаний о мире на материале
романа Ф.С. Фицджеральда «Ночь нежна»……... 682
Новиков Д.Н., Катаева Н.О. Особенности передачи модальности,
выражаемой английским глаголом should, на русский язык:
когнитивно-семантический аспект (на примере переводов
текстов в Совете безопасности ООН
с английского языка на русский)…… 687
Олехнович О.Г. Когнитивные механизмы формирования
медицинского текста «сказка» (на примере документов
«Аптекарского приказа» XVII в.)……... 691
Онал И.О. Концептуальные метафоры
в публичных выступлениях Р.Т. Эрдогана (2018)……. 695
Опарина О.И. Некоторые тенденции представления знаний
в научном дискурсе современных интернет-публикаций…… 699
Павловская О.Е., Пономаренко И.Н., Сегал Н.А.
Антитеза как составляющая когнитивной оппозиции
симметрия / асимметрия…… 704
Панасенко Л.А., Самарина А.Г. Когнитивные механизмы реализации
интерпретирующего потенциала
концептуально-тематической области в рекламном тексте……. 707
Пахомов Л.В., Ерофеева Е.В. Алгоритм моделирования
метафорического пространства дискурса…….. 711

Потоцкая Н.П., Нахимова Е.А. Прецедентные феномены
в рекламном дискурсе индустрии красоты
периода пандемии COVID-19…….. 715
Рахматуллаева Н.Г. Перспективы исследования
структурно-семантической аналогии в английской фразеологии
с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы……. 718
Рохлина Т.А. “Lieber Geselle, das meinte ich nicht so”,
или некоторые особенности номинации
в комических рассказах о Тиле Уленшпигеле……... 723
Руженцева Н.Б. Интолерантность в зеркале СМИ:
языковое и текстовое представление……. 727
Рябых Е.Б., Кузьмина Е.А. Культурно-историческая память народа
в зеркале метафоры (интерпретирующий аспект)……. 731
Салтыкова М.С. Франкоязычный медиадискурс
Второй мировой войны: лингвопрагматический потенциал…… 735
Семенова Т.И. Эпистемические параметры дискурса……. 739
Солопова О.А. Образы войны и мира
в медиадискурсе Второй мировой войны:
бинарные метафорические оппозиции……... 743
Таюпова О.И. Лингвокогнитивный анализ политического интервью
(на материале немецкого журнального дискурса)…… 747
Тенихина А.С. Лингвокогнитивные основы формирования
лексического минимума для иностранцев,
изучающих русский язык……. 752
Тимофеев С.Е., Стародубец С.Н. Составное наименование
вежливые люди в русском и английском языке…… 755
Тимофеева М.К. Когнитивная структура поэтического текста…….. 759
Трошина Н.В. Гештальтная структура концепта НАРОДНОСТЬ
в дискурсе славянофильства…… 763
Трощенкова Е.В. Коммуникативная координация пользователей
как реакция на спин через умолчание…… 767
Турбина О.А. Способы кодирования
смыслового содержания текста……... 771
Федотова О.С. Концептуальная метафора КОНТЕЙНЕР
в репрезентации имплицитного диалога автора с читателем……... 775
Филиппова М.М., Шихалкина Т.Г. Когнитивные особенности
языка переговоров на примере текстов
художественных фильмов……... 779
Хабирова Е.И. Когнитивный анализ текста научной статьи…….. 784
Хомякова Е.Г. Диалог с художником.
Лингвокультурологический анализ текста одного интервью…….. 788
Цинкерман Т.Н., Сороколетова Н.Ю. Когнитивные модуляции
речевого поведения взрослого в воспитательном дискурсе……. 792
Чанышева З.З. Прецедентность как когнитивный механизм
формирования ценностной составляющей
политических слоганов…… 795

Чемодурова З.М. Интердискурсивность современных публицистических текстов гастрономической тематики……. 800
Чепорухина М.Г. Реализация негативного оценочного компонента в метафорической и иных моделях переноса значений…… 804
Шатрович Н.В. Вербализация концепта ПРОМЫШЛЕННОСТЬ УРАЛА в военно-публицистическом дискурсе (на материале оцифрованных итальянских архивов 1941–1945)…… 807
Шевелева Е.О. Некоторые особенности концептуализации образа В. Путина в англоязычных интернет-мемах…….. 811
Шноль К.Э. Вербальные средства когнитивного воздействия в современном американском политическом дискурсе (на материале предвыборных дебатов на пост президента США 2016 года)…….. 816
Щирова И.А. Рефлексия о научном методе как поиск истины…….. 819

V. КОРПУСНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Баландина Е.С. Корпусный подход к исследованию коллокаций soft power и military power…….. 824
Гвишиани Н.Б. Функциональные синонимы в составе текстовых парадигм (в аспекте исследования английского корпусного дискурса)……. 828
Зеркина Н.Н. Английский язык в реальном и виртуальном пространствах……. 832
Кононова И.В., Мельничук Т.А. Динамика категории оценочности в дискурсе американского предвыборного видеоролика……. 835
Кузьменко А.Н. Когнитивные основания формирования ономастических концептов в компьютерной игре…… 839
Логунова Е.А. Концептаульное исследование ЭКД на тему: “I’m 19 and looking into starting my own business”……. 843
Лыткина О.И., Перфилов Ю.А. Функции когнитивной метафоры в названиях видеоигр……... 846
Мухин М.Ю., Мухин Н.Ю. Корпусная методология в синтагматическом исследовании прозы XIX в. ……. 850
Никитина В.В. Возможности и верификационный потенциал поисковых систем (Big Data) при проведении семантического исследования……. 853
Новикова В.С. Моделирование концепта СТУДЕНТ на основе российского национального корпуса…… 859
Передриенко Т.Ю. Критическое мышление как объект исследования корпусной лингвистики……... 864
Петрова И.М. Когнитивный аспект корпусного исследования структурной вариативности английских глагольных конверсивов……. 868

Плисов Е.В., Хамидулин А.М. Концептуальная сеть лексемы Gotteshaus в формировании концепта KIRCHE в немецком языке…….. 872
Суворина Е.В., Чикало Н.А. Коллокационый анализ имен прилагательных healthy, wholesome, salubrious в современном американском английском языке……. 876
Третьякова Т.П. К вопросу об интегративном компоненте цифровизации образования: функционально-когнитивный аспект……. 880
Фомина М.А. Опыт использования триангуляционных методик с опорой на метод экспертных оценок и корпусный эксперимент при когнитивной интерпретации результатов семантического эксперимента……... 884
Фурменкова Т.В., Гордеева Е.М. Стратегии синхронного перевода в рамках корпусных исследований……. 888
Хоменко А.Ю. Компьютерные методы анализа для определения гендерной принадлежности текста. Опыт практического исследования……. 892

VI. КОГНИТИВНАЯ СОЦИО-, ЭТНО- И ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Абышева Е.М. Лингво-когнитивная модель ненецкого камлания (на материале песни шамана *«Призывание духов»* и песни-камлания *«У костра живущий бог мой»*)…… 897
Баландина И.Д. Топонимические универсалии как часть топонимической картины мира (на примере германских языков).. 901
Бекишева Е.В., Рылкина О.М. Суггестивность как концептуальная основа медицинской рекламы…….. 904
Богуславская Е.Л. Парадигмы относительных местоимений в британском и американском вариантах английского языка: сопоставительный анализ корпусных данных……... 908
Бутакова Л.О. Когнитивные стратегии интерпретации возраста носителями русского языка……. 912
Ваулина И.А., Иванова Е.Н. Проект словаря звукоизобразительных экспрессем (идеофонов) современного русского литературного языка (по данным языкового сознания)... 918
Гуц Е.Н., Орлова Н.В. Дискурсивные реализации социокультурных моделей (на материале модели пожилого человека в российском комедийном телесериале)…….. 922
Димитриева О.А. Особенности интерпретации ситуации *винопития* в романе В. Пелевина «Любовь к трем цукербринам»……. 926
Дронов П.С. Русские эмотивные идиомы с соматизмом *глаз*: особенности употребления…….. 930
Ерофеева Е.В., Петрова Т.Е., Алексеев А.И. Социальная вариативность структуры понятия «технопредпринимательство»……. 934
Коновалова Н.И. Гадание как многокодовый культурный текст……... 938

Кузнецов В.Г. Мотивирование означающим:
фонологические матрицы…… 942
Лямзина С.А. Экспансионизм профессиональной языковой личности
у женщин и у мужчин
(на материале структурированных интервью)…….. 946
Матвеева Н.В. Порождение вторичного текста подростками
как когнитивный процесс: психолингвистический аспект……... 950
Павлова Д.С. Социальная вариативность
концептуальной модели спонтанного монолога……... 954
Патиева М.М., Ушакова А.П. Ценностные аспекты
кодекса чести ингушей……. 958
Рупышева Л.Э. Концепт УРГЫ ‘ПРОСТРЕЛ’
в фольклорно-языковой картине мира бурят……. 961
Рябко О.П. Когнитивно-фреймовая теория номинации:
психологический аспект…….. 965
Скворцов О.Г., Попова Т.В. Интерпретация фрейма ТВОРИТЬ
средствами словообразовательного и ассоциативного гнезд……... 968
Сухарева О.В. Когнитивные основания актуализации
коннотативного потенциала художественных онимов
при словосложении…….. 972
Таскаева А.В. Личный герой:
особенности конкретизации героического…… 975
Фаттахова Н.Н., Файзуллина Н.И., Мубаракшина А.М.
Категоризация как результат национального фокуса внимания…. 979
Хвесько Т.В., Басуева Н.Ю. Воплощение
социокогнитивного компонента в ономастике…….. 982
Шестеркина Н.В. Мифоритуальная модель мира……... 986
Шихалиева С.Х. Метод выведения компонентов метафоры
в парадигме «тематические единства» и «тематические разрывы»
(на материале русского и табасаранского языков)…… 990
Юрьева Н.М. Действие интерактивного компонента
в рассказывании истории детьми (по материлам эксперимента)… 994
Юшкова Н.А. Прецедентные феномены и языковое сознание
молодежи: векторы аксиологического комментария…… 997

VII. КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕЧЕТВОРЧЕСТВА

Абросимова Л.С. Когнитивно-эмоциональные аспекты
индивидуального словотворчества……. 1002
Беляева И.В. Интерпретирующие значения фразеологизмов
с компонентом-зоонимом как продукт
лингвокреативной деятельности сознания……. 1006
Боровицкая Е.Н. Когнитивная аналогия как мыслительная тенденция
актуализации речетворчества
(теоретико-исторические предпосылки развития проблемы)…….. 1009
Гридина Т.А. Операциональные механизмы
вербальной креативности: игровой «трансфер»
когнитивных стереотипов в жанре афоризма…… 1013

Илюшкина М.Ю., Вершинина Т.С.
Лексико-стилистические особенности
речевого воздействия спортивных кричалок……. 1017
Киосе М.И. Лингвистическая креативность
моно- и полимодальной форм
детской художественной литературы……. 1021
Козлова Л.А. Аналогия как фактор, регулирующий
лингвокреативную деятельность языковой личности…….. 1026
Кулакова Н.В. Словотворчество как средство развития
письменной речи младших школьников…… 1030
Кшеновская У.Л. Лингвокреативность
в когнитивно-дискурсивном аспекте…….. 1034
Рыжкина Е.В. О некоторых когнитивных механизмах
фразеологической креативности в английском языке…….. 1038
Шмелёва Е.С. Креативное словообразование
на базе фразеологизмов с позиций когнитивной лингвистики
(на материале англоязычных медийных текстов)……. 1042

CONTENTS

FROM THE EDITOR…… 31

I. THEORY AND METHODOLOGY MODERN COGNITIVE LINGUISTICS. COGNITIVE-DISCOURSE PARADIGM IN MODERN LINGUISTICS

Aleksandrova O.V. Linguistic personality as the reflection of the human cognitive-communicative activity……..... 33
Alekseeva L.M., Mishlanova S.L. Knowledge transfer modeling in the humanities……. 36
Babenko L.G. Linguopsychology as a new interdisciplinary branch of lingustics…… 40
Babina L.V. Metonymic cognitive models for the formation of the figurative meaning "speaking" (on the material of Russian And English verbs)……. 44
Bezukladova I.Yu. The role of personality coordinate in the egocentric categorization of space…… 48
Besedina N.A. Morphology and cognitive theory of language……. 51
Boldyrev N.N. A multidisciplinary dominant of cognitive linguistic research…….. 55
Vorozhbitova *A.A*. Linguistic and rhetorical paradigm: categorical prism of cognitive discursive studies……... 61
Demyankov V.Z. Foreseeing and foretelling: discourse on preknowledge and precognition…… 65
Grishaeva L.I. Construction of simulacra as manifestation of new ways of text organisation? ……. 72
Zabotkina V.I. Cognitive mechanisms of intercultural dialogue…….. 76
Ivanova S.V. News as a cognitive discursive entity…….. 80
Iovenko V.A. Cognitive foundations of the national and cultural world-view as determinating factor in translation…….. 84
Ioanesyan E.R. Regarding one class of phrases with patterns, standards, and stereotypes……... 87
Karasik V.I. Labyrinth as a symbol: vectors of interpretation……. 91
Kovshova M.L., Orlova O.S. Cognitive analysis of riddles and cultural comment: research experience…… 97
Kolesov I.Yu. Towads a cognitive approach in construction grammar……. 101
Kraeva I.A. Integration of methods used in studying lexical units objectifying the concept GRADUALITY in modern english…… 106
Magirovskaya O.V. Characteristic features of discourse integrity……... 110
Minyar-Beloroucheva A.P. Politics in historical discourse – history in political discourse……... 113
Ospanova Zh.T., Tolybayeva K.K., Duisekova K.K. Linguo-cognitive research in Kazakhstan: current status and prospects……. 117
Plotnikova A.M. Ambisemy as a cognitive-semantic phenomenon…….. 121
Seagal K.Ya. Humour, syntax and the problem of set…….. 125

Toporova V.M., Korneva E.V. Cognitive aspects of the functional
and semantic variability of the spatial nominations……... 129
Coneva L.M. Verbal creativity in the media image of a political leader….. 132
Chernyak V.D. Footprints of childhood
in the intertextual thesaurus of a contemporary…….. 137
Chudinov A.P. Cognitive-discursive paradigm
in modern political metaphorology…… 141

II. CONCEPTUALIZATIONAND CATEGORIZATION OF THE WORLD IN THE LANGUAGE: NEW ASPECTS AND APPROACHES

Akay O.M., Kulikova E.G. Cognitive aspects
of interlingual grammatic lacunae interpretation
(on the Russian and Turkish languages comparative material)…….. 145
Akimova O.A. About re-caregorization of generic word trademaks……. 149
Ashmarina I.L., Ignatieva I.G. Euphemy: representations
of PROHIBITION in UK public signage……... 152
Bai Xuhaoran. Errors understanding by Russian students
of Chinese phraseologism “红白喜事” (“wedding and funeral”)…….. 156
Barkhatova E.I. Conceptualisation of cyber-activity
as war in German and English new lexicon……... 160
Bugaeva I.V. Cognitive-pragmatic features
of commercial nomination…….. 164
Budaev E.V. Cognitive method: two-level structure principle……..... 168
Bykova O.I. Secondary conceptualisation of the perceptional feature
of taste in the national linguistic consciousness……. 173
Wang X., Kurjanovich A.V. Secondary and authentic pictures of the world
in the mirror of the problem of congruence…… 176
Veduta O.V., Deneko M.V., Surmyatova Yu.V. Periphrastic units
as a fragment of the German linguistic colour world outlook…… 181
Vereschagina A.V. Cognitive basis for the expression of negation
(on the material of ancient Greek verbs with a negative prefix ἀ-)…… 184
Voronina T.M. Conceptualization of knowledge in the Russian language
(relations of identity and contrast)…….. 188
Gordievskaya M.L. Ways of categorization possessiveness
and estrangement in Russian syntagmas
with meaning ‘part of whole’……. 192
Gou Yanmin, Ershov V.I. Concept representations NEW YEAR
in Chinese and Russian linguocultures
(based on superstitious beliefs)…….. 196
Dziuba E.V. Cognitive mechanisms cognitive
in Russian riddles about animals…… 200
Dudorova M.V. Parametrization of the living being
in synonymic-antonymic complex……. 204
Emelianova O.V. Categorization and self-categorization
in the context of social exclusion……... 208

Eremina S.A. Features of conceptualization of the image of Russia in textbooks of Russian as a foreign language for francophones……... 212
Zhulina E.B. What does the construction to be going to represent? …… 216
Zimina M.V. Vashunina I.V. Comparison of the concepts AMERICA and RUSSIA in the American language picture of the world……. 220
Ivanova E.V. Dynamics and statics of conceptualisation……. 224
Kaverina O.A. Modus categorization of an object by means of the colour name pink…….. 228
Kalinina L.V. Between typical and imperceptible: "quantum effects" of categorization……... 232
Komkova N.I. Lexical means of representation of the concept of MASTER in Shergin`s prose……. 236
Leontyeva K.I. Sociocultural reperspectivation in literary translation: patterns, forms and dominants…… 240
Lomakina O.V. Phraseological means of verbalization of the concept HOME in the L.N. Tolstoy's work……. 244
Los'A.L. Cognitive interpretation as a way of analyzing the differences in the meanings of words representing auditory perception……... 248
Manerko L.A., Li S. The description of mental activity in cognitive studies (in English dictionaries, fiction and special discourse)…….. 252
Matveeva I.W., Samozhenov S.N. Evaluative meaning of the anti-proverbs in the meaning area "Money" to German – Russian…….. 256
Mikov V.Y. Country-specific material selection criteria for Russian as a foreign language textbook…… 260
Mironova D.M. Cognitive research of the language representation of scientific and everyday concepts of the system (on the material of the modern Russian language)……. 264
Mironova M.Y., Kiseleva S.V. The specifics of identifying the term's content core……... 268
Mikhailova Iu.N. Axiological potential of a conceptual metaphor……... 272
Mishankina N.A. "Artifact in science": how the representations about objects influence the scientific concepts formation (based on the Russian metaphor terminology)……... 276
Oberyukhtina M.V., Philippova M.M. On the cognitive principles in terminology studies: conceptualization and categorization in the language of pr discourse……... 280
Ogneva E.A. Interpretative potential of text cognitive modeling……. 284
Pavlova A.V. Dominant conceptual structures of stative format of linguistic knowledge……... 288
Pirozhkova I.S. Transformation of the image of Russia in British textbooks of English: frame analysis…….. 292
Plotnikova M.V., Skvortsov O.G. Metaphorical representation of MEGXIT in British media discourse……. 297
Polyanchuk O.B., Chernikova A.E. Cognitive and semantic features of phraseologization of complex signs of different level……... 301

Sviridova A.V., Yuzdova L.P. The concept of RUSSIA,
represented by the English press: stereotypical representations……. 305
Selezneva I.L. Ways of language representation of emotions
in English and Russian……... 309
Semkova A.V. Semantic variation of constructions categorizing
ground dimensions of the prototypical situation "Speech"…… 312
Sergienko N.A. Linguo-cognitive categorization and conceptualization
of linguo-mental sub-sphere FEAR
in British and American linguo-cultures…… 316
Sivova T.V. Coloristic visualization of dendronimic space
in K. Paustovsky's language picture of the world.
Concept BIRCH TREE…….. 319
Suleimanova O.A., Yaremenko V.I. Article in cognitive perspective:
didactic aspect…… 324
Hsiang-lin Yeh. The concept INDIFFERENCE in the literary worldview
of S. Dovlatov (based on the short-story collection "The Suitcase")…. 328
Tolmacheva I.N. Dominant cognitive structures
in formation of function meanings……. 332
Tomberg O.V. Conceptual transformations within cultural transfer……. 335
Fedyaeva E.V. Quantity and space interaction as one of the forms
of quality conceptualization……... 340
Frolova S.S. Evaluative representation of personality…….. 343
Furs L.A., Korolyov S.V. Knowledge representation
by English binomials…….. 347
Kharchenko E.V., Rev Waskaduwe Siri Sarana Thero.
Ethnocultural specificity of the categorization of the world
through metaphor (based on the material of Russian
and Sinhala lingua-cultures)……... 351
Jing Bailiang. The role of cognitive linguistics in solving
the problem of identifying parts of speech……. 354
Sharafutdinova O.I., Berezovskaia Y.L. Conceptosphere of Russian values
in teaching Russian language to Chinese students……. 358
Shelepova N.V. Mythological concepts as polymodal structures
(based on the analysis of the English concept
THE HOLY GRAIL)…….. 362
Shishkina S.A. Linguistic and cultural repersentation of the concept
of cognitive interest in the Russian and English worldview…….. 366
Yakovenko Ye.B. Conceptualisation of social patterns
of the anglo-saxon England in old English written records……... 369

**III. COGNITIVE LINGUISTICS
AND INTERDISCIPLINARY RESEARCH**

Babikova M.R. Verbal-iconic precedent
in nationalist discourse (statistical analysis)……... 374
Borbotko L.A. Functional potential of theatre as a cognitive,
discoursive, linguistic and cultural phenomenon…….. 377
Wegner Amanda R. Aspects of intercultural comprehension
in sports discourse…….. 381

Golubkova E.E., Taymour M.P. Cognitive specificities of mixed multimodal metaphors: the recipe for cooking…….. 385
Dymova A.V. Space metaphors in Japanese rock-discourse (iconic level)……... 390
Zolotaiko A.I., Nakhimova E.A. Teresa May's policy on police in the mirror of verbal and visual metaphor……... 394
Katermina V.V. Masculine neologisms in the English language: cognitive-discursive aspect……. 398
Kremneva A.V. Linguoartistic technique of writing as a marker of intermediality: cognitive-semiotic aspect…….. 402
Latu M.N., Tagiltseva Yu.R. Verbal components' classification of polycodic conflictogenic texts extremist direction: cognitive analysis……... 406
Malikova A.V. Combinatory of emotiogenic signs on the internet text: words and emoji……. 411
Moskvitina T.N. Verbalization means of implicit information of English legal discourse…….. 415
Myachinskaya E.I. Interpretation of English language art discourse as a cognitive event…… 418
Nenasheva Iu.A., Sedliarova O.M., Solovyeva N.S. Preference as premise for decision-making in speech chunking (based on the direct speech in reading aloud)……. 422
Ning Huaiying. Cultural interference in business commnication……. 426
Panasyuk I.V. Allusions to proper names as markers in art discourse (based on British newspaper articles on Russian painting)……... 431
Patrikeeva N.S. Classical categories in the terminology of transplantology…… 434
Petukhova T.I. Representation of Pavel Filonov's artistic worldview in anglophone art discourse…… 439
Razduyev A.V. Some features of metaphorization in the genetics and genetic engineering terminology (drawing on the material of the English, Spanish and Russian languages)…… 443
Rudinskaya L.S. Metaphoric explication of medical terms expressing time category…… 447
Rusakova M.M., Glazyrina E.S. Language of smart technologies…… 449
Ryabova I.Y. Image of the English judge in cognitive retrospection, or "Who are the judges?" …….. 453
Sevastianova A.L. Concept REVOLUTION in English art discourse dedicated to Russian avant-garde of the beginning of the 20TH century…… 457
Sergienko P.I. Borrowing of conceptual structures as the key factor to describe the formation of PR as an interdisciplinary field of knowledge……... 461
Serova I.G. The linguistic representation of metacognitive processes in the English dialogic discourse: the gender aspect…….. 465
Sokolova N.Y. Russian futurism in art discourse…….. 469

Stolyarova A.O. Key concepts of business discourse……... 473
Fedeneva Yu.B. Axiological parameters of the jugde activity
trough the alembic of fable allegorism……... 476
Fedotova E.A. Category "Danger" in LSP
"Safety of manufacture and technological processes"
(on a material of German language)…….. 480
Khobrakova L.M. Concept centric character
of the institutional discourse of business-plan…… 484

IV. COGNITIVE TEXT STUDIES AND DIFFERENT TYPES OF DISCOURSE

Abakumova O.B. Cognitive and linguo-cultural aspects
of reproducibility of proverbs in the text of fiction……... 489
Al-Kadim Mohammed Obaid Hashim. Precedent phenomena
in Arabic linguistic culture …… 492
Barasheva D.E. The models of scientific communication subjects
representation in scientific discourse…….. 495
Bernat O.S., Raevskaya M.V. Creolizes texts
in Russian military media discourse
of the great patriotic war period……. 499
Bortnikov V.I. On the possibilities of cognitive modelling
a thematic chain of a belles-lettres text and its translation……. 502
Boschetti F. Textual criticism in the perspective
of text world theory…… 507
Bronnikova O.V., Samofalova A.S. Cognitive-matrix analysis
of discursive strategies in advertising discourse…… 510
Bubnova I.A. Soviet past: specific features
of individual knowledge system
as the basis of strategies of their external construction…….. 514
Vagina T.S. The Image of the allies
in WWII British and American discourses……. 518
Vepreva I.T., Yao Jiaxu. Policy is dirt:
plurality of conceptual metaphor packaging…….. 522
Vodyanitskaya A.A. Digital tools to explore evaluative categorization
in academic discourse……. 526
Galaktionova N.A. Modern scientific theories concerning identity
interpretation: spatial metaphors and postmodern
cognitive metaphoric…….. 530
Ghezelbash N. Pragmatic features
of the blog-discourse of Russian policies……... 533
Glinskaya N.P. English psychological neonyms
in the cognitive aspect…… 537
Golubeva N.A. Polidiscursive aspect of euphemia……... 540
Golyshkina L.A. Cognitive and communicative fundamentals
for decoding rhetoric…….. 544
Grigoryeva V.S. Cognitive mechanisms of verbal interaction
in dialogical discourse…… 548

Gubaidullina E.O. Retrospective analysis of the image of the USSR in American discourse of the World War II period…… 552
Gudkova K.V. Dominant principle of sports discource organization: a case study of sports commentary……. 555
Gurochkina A.G. Desinformation as one of the widespread means of implicit speech influence on recipient in polemic political interaction……... 559
Desyukevitch O.I. Role of metaphor in interpretation of political conflict in media discourse…….. 564
Doronina E.G., Kazakova Yu.V., Ulyanova E.P. Cognitive bases of training students reading of inocultural text…… 568
Drozdova T.V. Creative metaphor in scientific discouse and text as indicating changes in dominant cognitive structures at the level of collective consciousness……. 572
Ereshenko M.V. Interactive function of discourse markers in the process of interlocutors' communicative interaction…… 576
Zubakina T.N. Interpretation of allusive units in the historical context of W. Churchill's memoirs…….. 580
Ignatova Yu.S. Metaphorical delegitimization of election results in the discourse of political scientists (based on the texts of V.B. Pastukhov)…….. 583
Ilin M.I. Hashtags of disagreement in American political discourse in Twitter……. 587
Issers O.S. Linguo-cognitive methods of stimulation of consumer's demand or it's Black Friday every day……... 591
Itskovich T.V., Cheng J. Metaphor in the essay genre: categorical-textual aspect (based on V.M. Peskov's essays)…….. 595
Kadachieva Kh.M., Abdulkadyrova A.R. Textual metaphors in E. Hemingway's prose (on the material of "Cat in the rain")…… 599
Kovaleva E.I. Scientific knowledge structures in specific discourse……... 603
Kozhukhova I.V. Informational and media linguistic personality of A.L. Texler, governor of Chelyabinsk region…… 605
Kolmogorova A.V. The narrative specific of emotional internet-texts in Russian…….. 609
Kolotnina E.V. Metaphorical representation of national currency rates changes within the framework of the metaphorical model "Economy is a living organism"…….. 612
Kondratyeva O.N. "Spiders" and "flies" in social networks: discursive variation of cognitive metaphor…… 616
Kononova I.V., Gunkova D.E. The discursive personality of an American political radio commentator from a cognitive perspective…….. 620
Korneva V.V. Special features of syntactic representation in Spanish personal advertisements…… 624
Koshkarova N.N. Discursive peculiarities of the war interpretation in the English language…….. 628

Kuzina M.A. Evolution of linguistic means employed to create stereotypes of Russia and the USSR on the basis of conceptual metaphors……. 632
Kizmina E.A., Ryabykh E.B. Modern poetic discourse as a reflection of the real world of the 21st century……... 636
Kupina N.A. Metaphor "the way of life": Evgeny Vodolazkin's interpretation……... 642
Kurochkina M.A., Kushneruk S.L. Linguistic and stylistic analysis of headlines within environmental discourse……. 645
Laenko L.V. Gender determination of interview members communicative behaviour…….. 649
Mamonova N.V. Anglification of the Russian media discourse……... 653
Mangova O.B. Verbalizations of the operational concept HEDGING in economic discourse…… 657
Marchenko K.A. Hybrid discourse formats as part of institutional discourse……. 660
Melikhova I.N. Brexit as a target sphere in metaphoric expansion in Russian media discourse…… 664
Mikhailova O.A., Cheng Yuxiao. Metaphorical modeling of China in Russian media……. 668
Mongilyova N.V. The linguocultural model of the Kazakh discourse of interpersonal relationships…… 671
Nekrasova M.Yu. Conceptual metaphor 'War is thunderstorm (storm)' in the mid 19th century British newspaper discourse……. 675
Nemirova N.V. Precedent in the mirror of the theory of conceptual integration…… 679
Nikitina D.A. The role of precedent phenomena in the process of transmitting knowledge about the world based on the novel "Tender is the night" written by F. Scott Fitzgerald…….. 682
Novikov D.N., Kataeva N.O. A cognitive-semantic approach to conveying modality expressed by the English verb 'should' in Russian (a case study of UN Security Council texts translated from English into Russian)…… 687
Olekhnovich O.G. Cognitive mechanisms for development of the medical text "tale" (based on the documents from the Pharmaceutical Order of the 17th century)……... 691
Onal I.O. Conceptual metaphors in public speeches of Recep Tayyip Erdoğan (2018)……... 695
Oparina O.I. Some tendences of knowledge presentation in academic discourse based on Internet publications…… 699
Pavlovskaya O.E., Ponomarenko I.N., Segal N.A. Antithesis as a component of the cognitive opposition of symmetry / asymmetry…… 704
Panasenko L.A., Samarina A.G. Cognitive mechanisms of realizing the unterpretative potential of conceptual-thematic domain in advertising text……... 707
Pakhomov L.V., Erofeeva E.V. Algorithm of modeling mental space of discourse……. 711

Pototskaya N.P., Nakhimova E.A. Precedent phenomena
in advertising discourse of beauty industry
during COVID-19 pandemic…….. 715
Rakhmatullaeva N.G. The cognitive-discursive perspective
on structural and semantic analogy in English phraseology…….. 718
Rokhlina T.A. “Lieber Geselle, das meinte ich nicht so”,
or some nomiation specificity in comic stories of Till Eulenspiegel…. 723
Ruzhentseva N.B. Intolerence in the media:
language and text representation ……... 727
Ryabykh E.B., Kizmina E.A. Cultural and historical memory of the people
in the mirror of metaphor (interpretive aspect)…….. 731
Saltykova M.S. French media discourse of the World War II period:
linguopragmatic potential……... 735
Semenova T.I. Epistemic properties of discourse……. 739
Solopova O.A. The images of war and peace
in the WWII media discourse: binary metaphorical oppositions……... 743
Tayupova O.I. Linguocognitive analysis of political interview
(on the material of German magazine discourse)……... 747
Tenikhina A.S. Linguocognitive bases for vocabulary teaching
to foreigners learning Russian as a foreign language……. 752
Timofeev S.E., Starodubets S.N. Compound name little green men
(polite people) in Russian and Englich languages…….. 755
Timofeeva M.K. Cognitive structure of poetic text……... 759
Troshina N.V. Gestalt structure of the concept NATIONALITY
in the discourse of slavophilism……. 763
Troshchenkova E.V. Communicative alignment of users
as a reaction to spin by failure-to-mention……. 767
Turbina O.A. Ways for coding text semantic content……... 771
Fedotova O.S. The role of conceptual metaphor CONTAINER
in representation of implicit dialogue
of the author with the reader……... 775
Philippova M.M., Shikhalkina T.G. Cognitive characteristics
of the negotiation language with reference to texts of feature films….. 779
Khabirova E.I. Cognitive analysis of research article text……... 784
Khomyakova E.G. Dialogue with the artist.
Linguocultural analysis of the interview text……. 788
Tsinkerman T.N., Sorokoletova N.Yu. Cognitive modulations
of adults’ speech behavior in educative discourse…….. 792
Chanysheva Z.Z. Precedence as a cognitive mechanism
for forming a value component of political slogans……... 795
Chemodurova Z.M. Interdiscursivity of modern non-fiction
about gastronomy……... 800
Cheporukhina M.G. Realization of negative assessment
in metaphoric and other kinds of meaning transfer models…… 804
Shatrovich N.V. Verbalization of the concert URAL INDUSTRY
(based on the material of digitized Italian archival texts)…….. 807

Sheveleva E.O. Some peculiarities of building the image
of V. Putin in English Internet memes……... 811
Shnol K.E. Verbal methods of cognitive impact
in contemporary American political discourse
(based on 2016 presidentials)……. 816
Schirova I.A. Reflections on scientific method as search for truth……... 819

**V. CASE METHODOLOGY
IN COGNITIVE-DISCOURSE RESEARCH**

Balandina E.S. Corpus-based approach to the collocation analysis
of soft power and military power……... 824
Gvishiani N.B. Functional synonyms within text paradigms
(with reference to English corpus discourse)……. 828
Zerkina N.N. The English language in real and virtual environment……... 832
Kononova I.V., Melnichuk T.A. Evaluation category dynamics
in the discourse of American election commercials……... 835
Kuzmenko A.N. The cognitive basis of onomastic concepts formation
in the computer game……. 839
Logunova E.A. Conceptual research of the economic computer discourse
“I’m 19 and looking into starting my own business”……. 843
Lytkina O.I., Perfilov Y.A. Functions of conceptual metaphor
in gaming naming……... 846
Mukhin M.Yu., Mukhin N.Yu. Corpus methodology
in the syntagmatic study of XIX century prose…….. 850
Nikitina V.V. Features and verification potential of search engines
(Big Data) in semantic research……. 853
Novikova V.S. Modeling the concept STUDENT
based on Russian national corpus……... 859
Peredrienko T.Ju. Critical thinking as an object of corpus-based study….. 864
Petrova I.M. Cognitive aspect of corpus-based study
of structural variability of English verbal conversives……... 868
Plisov E.V., Khamidulin A.M. The conceptual network
of lexeme Gotteshaus in the formation of the concept KIRCHE
in the German language…….. 872
Suvorina E.V., Chikalo N.A. The collocation analysis
of the adjectives healthy, wholesome, salubrious
in contemporary American English…… 876
Tretyakova T.P. On an integrative component of digitalization
in education: functional and cognitive aspect……. 880
Fomina M.A. Triangulation techniques in cognitive interpretation
of the results of sematic experiment:
expert evaluation method and corpus experiment…….. 884
Furmenkova T.V., Gordeeva E.M. Simultaneous interpretation strategies
and the language corpus research……... 888
Khomenko A.Yu. Computer analysis for determining gender.
Practical research experience…….. 892

VI. COGNITIVE SOCIO-, ETHNO- AND PSYCHOLINGUISTICS

Abysheva E.M. Lingvo-cognitive model of the Nenets' shamanistic ritual (based on the shamanistic rituals Invocation of the Spirits and My God Living by the Fire)……. 897
Balandina I.D. Toponymical universals as part of a toponymical worldview (based on Germanic languages)……... 901
Bekisheva E.V., Rylkina O.M. Suggestion as a conceptual base of a medical advertisement……. 904
Boguslavskaya E.L. Relative pronouns paradigms in British and American English: comparative analysis of corpora data……... 908
Butakova L.O. Cognitive strategies for interpreting age by native speakers of the Russian language……... 912
Vaulina I.A., Ivanova E.N. Draft dictionary of expressive words (ideophones) of the modern Russian literary language (according to the language consciousness)... 918
Guts E.N., Orlova N.V. Discoursive social-cultural realizations models (on the material of the elderly personal model in the Russian comedy TV series)…….. 922
Dimitrieva O.A. Features of interpretation of the wine drinking situation in the novel of V. Pelevin "Love for Three Zukberbrins"…….. 926
Dronov P.S. Russian emotive idioms with the constituent *glaz 'eye'*: aspects of usage…….. 930
Erofeeva E.V., Petrova T.E., Alekseev A.I. Social variability of the concept "technological entrepreneurship"…… 934
Konovalova N.I. Divination as a multi-code cultural text…… 938
Kuznetsov V.G. Motivation by signifiant: phonological matrixes…… 942
Lyamzina S.A. Expansionism of a professional language personality for women and men (on the material of structured interviews)……. 946
Matveeva N.V. Secondary text formation by teenagers as a cognitive process: psycholinguistic aspect…….. 950
Pavlova D.S. Social variability of the conceptual model of spontaneous monologue……. 954
Patieva M.M., Ushakova A.P. Value aspects of the ingush code of honor.. 958
Rupysheva L.E. The concept URGI 'PROSTREL' in the folk-language picture of the Buryats's world……... 961
Ryabko O.P. Cognitive-frame theory of nomination: psychological aspect……... 965
Skvorchov O.G., Popova T.V. Interpretation of the frame TO CREATE by means of a word-forming and associative nest……..... 968
Sukhareva O.V. Cognitive bases of connotational potential actualisation by artistic names in the process of compounding…….. 972
Taskaeva A.V. Personal hero: how to specify the herioc…….. 975
Fattakhova N.N., Faizullin N.I., Mubarakshina A.M. Categorization as a result of national focus…… 979
Khvesko T.V., Basueva N.Yu. Embodiment of socio-cognitive component in onomastics…….. 982

Shesterkina N.V. Myth-ritual world model…….. 986
Shikhalieva S.Kh. Method of formal derivation of metaphor components with the paradigm of “thematic unities” and “thematic breaks” (based on the Russian and Tabasaran languages)……... 990
Yurieva N.M. Activity of interactive component in storytelling by children (on the basis of materials of the experiment)…….. 994
Yushkova N.A. Precedent phenomena and linguistic consciousness of young adults: vectors of axiological comments……. 997

VII. COGNITIVE ASPECTS OF SPEECHING

Abrosimova L.S. Cognitive-emotional aspects of individual word-formation……. 1002
Beliaeva I.V. The interpretive meanings of phrasemes with the zoonym-component as a product of the linguiocreative activity of the consciousness……... 1006
Borovytska E.N. Cognitive analogy as a mental tendency of actualization of speech creation (theoretical and historical background of development of the problem)……. 1009
Gridina T.A. Operational mechanisms of verbal creativity: game “transfer” of cognitive stereotypes in the genre of aphorism……. 1013
Ilyushkina M.Y., Vershinina T.S. Lexico-stylistic features of linguistic manipulation of sport fan chants…… 1017
Kiose M.I. Linguistic creativity of monomodal and multimodal children’s literature……. 1021
Kozlova L.A. Analogy as a factor regulating the linguocreative activity of the language ego…….. 1026
Kulakova N.V. Verbal creativity as a means of developing written speech of primary school children……. 1030
Kshenovskaya U.L. Linguacreativity in the cognitive-discursive aspect….. 1034
Ryzhkina E.V. On cognitive vehicles of idiom creativity in the English language…….. 1038
Shmelyova E.S. Creative word-formation in phraseology from cognitive linguistics perspective (based on English language media texts)……... 1042

ОТ РЕДАКТОРА

Представляя читателям очередной сборник из серии научных трудов «Когнитивные исследования языка», хотелось бы подчеркнуть специфику его подготовки и содержания. Решение о выпуске данного издания было принято в Нижнем Новгороде по итогам IX Международного конгресса лингвистов-когнитологов, который постановил провести очередной лингвокогнитивный конгресс в Екатеринбурге. В соответствии со сложившейся традицией координатор конгресса становится выпускающим редактором очередного тома «Когнитивных исследований языка». Подготовка конгресса ведется на базе Уральского государственного педагогического университета при поддержке ученых Уральского федерального университета имени первого Президента Росссии Б.Н. Ельцина и Уральского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы.

Мы начали подготовку этого издания ранней осенью 2019 года, когда еще никто из нас не знал, что такое коронавирус, и не предполагал, что в наши дни эпидемия может существенно затруднить проведение научного конгресса и даже привести к его отмене или переносу. К сожалению, зимой и особенно весной 2020 года все организаторы и потенциальные участники конгресса уже в полной мере владели соответствующей информацией.

В настоящее время (01.06.2020) мы верим, что конгресс, как и намечено, состоится в Екатеринбурге с 17 по 19 сентября 2020 года, что большинство ученых, подавших заявки на участие в конгрессе и материалы для публикации, смогут выступить на пленарном и секционных заседаниях в Уральском государственном педагогическом университете.

Оргкомитет конференции искренне благодарит всех языковедов, которые подтвердили свое участие в X Международном конкрессе лингвистов-когнитологов и прислали свои материалы для публикации в очередном выпуске «Когнитивных исследований языка». Среди наших авторов как ведущие ученые, так и молодые исследователи, которые представляют 43 региона Российской Федерации и 12 зарубежных государств.

Основная цель конгресса – обсуждение современных проблем когнитивной лингвистики в ее взаимодействии со смежными научными направлениями (нейролингвистика, корпусная лингвистика, психолингвистика, компьютерные науки, социолингвистика, политическая лингвистика). Важное направление работы конгресса – апробация новых технологий, эвристик и методик когнитивно-дискурсивного анализа в лингвистике и смежных науках.

Междисциплинарный характер проблематики конгресса отражает актуальную потребность в проведении доказательных исследований, в изучении языковых форматов знания с привлечением корпусных и нейролингвистических технологий, экспериментальных данных, а также необходимость применения данных когнитивно-дискурсивного анализа в прикладных исследованиях. Междисциплинарность обусловлена также интегративными процессами в когнитивной лингвистике – круг интересов современных исследований включает когнитивно-лингвистическое моделирование социальных, экономических,

политических процессов, создание когнитивно-лингвистических моделей для онтологий (словарей-тезаурусов), анализ когниции и коммуникации в современном информационном пространстве, в контексте различных сфер деятельности, корпоративных языков и культур.

Организационный и программный комитеты конгресса, редакционная коллегия нашего выпуска выражают благодарность Российской ассоциации лингвистов-когнитологов, Институту языкознания РАН, Тамбовскому государственному университету, Уральскому государственному педагогическому университету за оказанную организационную и финансовую поддержку в проведении конгресса и публикации данного издания.

I. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ. КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ПАРАДИГМА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

О.В. Александрова *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ovaleksandrova@gmail.com

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматриваются вопросы, связанные с антропоцентрической парадигмой в изучении языка. Обращается внимание на необходимость учета как объективных факторов, сопровождающих создание языковой личности, так и индивидуальных особенностей человека, существующего в определенной социально-исторической и политической среде.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, антропоцентризм, дискурс, концепт, языковая личность, языковой портрет личности.

Споры вокруг того, что же есть предмет когнитивной лингвистики не прекращаются до сих пор, хотя, казалось бы, столько лет прошло с момента ее утверждения в языкознании, а это произошло теперь уже в далекие 90-е. Новая парадигма в любой науке нелегко приживается, ее становлению сопутствуют споры, сомнения, противоречия, а иногда и полное отрицание. Так случилось и с когнитивной лингвистикой, которая с момента ее появления подвергалась как абсолютному восхвалению, так и полному отрицанию как новое направление в изучении языка.

Что же происходило с этим новым или уже сейчас относительно новым направлением в лингвистических, и не только, исследованиях того времени. Прежде всего, нужно принимать во внимание интеграцию общего научного знания, которое началось еще с начала середины прошлого века. Стремление, в нашем случае лингвистики, выйти за пределы собственно сосредоточения на языке, но рассмотрение его функционирования, сначала не только в письменной, но и в устной речи, чему способствовало развитие новых технологий – создание звукозаписывающей и звукоанализирующей аппаратуры, проникновение в суть коммуникативной функции языка – работы Пражской лингвистической школы, работы по созданию генеративной грамматики в Американской лингвистической школе З. Хэрриса и Н. Хомского, исследования в отечественной лингвистике А.И. Смирницкого и О.С. Ахмановой – все это способствовало развитию такого направления, которое позднее получило название функционализма, легшего в основу когнитивной лингвистики.

Уже в середине прошлого века интегративные процессы стали очевидны: язык – это универсальная категория, без которой понимание личности человека

невозможно. Отсюда появление таких направлений, как психолингвистика, социолингвистика и др. Достаточно вспомнить, что еще в первой половине XX века ученые задумывались над вопросом о соотношении и взаимодействии языка и мышления [Выготский 1936].

В конце 20-го столетия, когда наука в целом вышла на новый уровень интеграции не только гуманитарных, но и естественно-научных исследований, вопрос о роли человека в этом процессе встал по-новому. И, конечно, язык, как важнейшее средство не только коммуникации и категоризации окружающего нас мира, но и его когнитивного осмысления вышел на первый план лингвистического исследования.

Итак, человек, его речевая деятельность, которая суть когнитивная деятельность, находится в центре внимания современной науки. Основатель школы когнитивной лингвистики в России Е.С. Кубрякова еще в 1996 году подчеркивала, что антропоцентризм является краеугольным камнем лингвистических исследований конца XX века [Кубрякова 1996]. Шло время, а антропоцентрическое направление не только не потеряло своей актуальности, но набирает все большую силу. Это не удивительно: все большее число наук, как гуманитарных, так и естественных, обращаются к человеку как средоточию разнообразных сведений, источников знания о нем, осмыслению того, что происходит в жизни человека и что может его ждать в будущем. В этой связи возникает вопрос о речевых характеристиках человека, не только общих, но и частных, связанных с конкретной языковой личностью, его соотнесенностью с жизнью общества в определенной историко-политической ситуации.

Вопрос о языковой личности как интеграции всесторонних знаний о человеке на настоящем этапе развития науки приобретает все больший интерес. Интересно отметить, что изучение языковой личности идет в современной лингвистике и литературоведении по разным направлениям. С одной стороны это изучение языковой личности в определенном ракурсе рассмотрения в литературных произведениях разных периодов времени, с другой стороны, это изучение личности самих авторов, где отражаются их жизненные взгляды и позиции, которые они воплощают в своих героях. Кроме того, существуют объективные исторические, социальные, политические факторы, которые влияют на создание речевого портрета определенного представителя того, или иного общества.

Так, если обратиться к работам последних лет, вопрос о языковой личности разных представителей социума встает достаточно остро. Возьмем, например, диссертационное исследование М.Г. Цуциевой, где рассматриваются особенности языковой личности политического деятеля в немецком политическом дискурсе. В центре внимания исследователя находится языковая личность политика, особенности его речевого поведения в составе дискурсивного пространства политики. Рассмотрены дискурсивные особенности речевого поведения человека в ситуациях «до власти», «во власти», «после власти». Особенно интересны высказывания политиков после их участия во власти. Взгляды меняются, как и их отношение к происходящим событиям [Цуциева 2019].

Обращаясь к работам, связанным с языковой личностью авторов художественных произведений, можно упомянуть работу А.Г. Мануэльян «Языковая личность Редьярда Киплинга: лингвопрагматические и социокультурные характеристики», в которой автор прослеживает знаковость языковой личности Р. Киплинга, его роль как «носителя языка и культуры, отраженных в его многообразном творчестве» [Мануэльян 2019: 4].

В связи с разнообразными работами, посвященными языковой личности, всегда возникает термин *дискурс.* Казалось бы, сколько уже сказано и написано об этом термине, но интерес к нему не утихает. Думается, что это интереснейшее явление в современном антропоцентрическом подходе к изучению языка: дискурсивные исследования затрагивают как объективные критерии жизни человека, так и всю гамму экстралингвистических обстоятельств его жизни: окружающую среду, жизнь социума, политические обстоятельства и многие другие. Термин *дискурс* таким образом позволяет подойти к изучению в нашем случае языковых явлений с широкой точки зрения, учитывая все сопутствующие речевому произведению факторы.

Ограниченные рамки статьи не позволяют остановиться еще на одном очень важном положении, связанном с обсуждаемой проблемой языковой личности, а именно, какова связь понятия языковой личности и концепта языковой личности. Концепт, являясь важной частью когнитивной лингвистики, также объединяет важные стороны существования определенного понятия, которое формируется в сознании человека как совокупность знаний о том или ином объекте. Концепт, как и понятие, но в более широком плане может включать, кроме прочего, знания гендерного порядка. Так, например, в работе Г.А. Матуновой рассматриваются средства репрезентации концепта ЖЕНЩИНА в современной британской прессе, а в работе М.А. Гаталовой на основе гендерных исследований представлены особенности коммуникативного поведения американского делового человека с точки зрения проявлений вежливости или невежливости [Матунова 2018; Гаталова 2018].

Возвращаясь к вопросу о языковой личности, ее составляющие представляют собой многогранный процесс познания, который связан с когнитивными процессами, происходящими как в обществе, так и на индивидуальном уровне. Изучение этого вопроса должно проводиться на междисциплинарной основе, но языковые процессы, с учетом интерактивных разработок, должны быть приняты во внимание и использованы в дальнейших исследованиях.

Литература

Выготский Л.С. Язык и мышление. М., 1936.

Гаталова М.А. Особенности невежливого речевого поведения американского делового мужчины // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 1.Ч. 2. С. 295-299.

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: Изд-во ИЯ РАН, РГГУ, 1995. С. 144-238.

Мануэльян А.Г. Языковая личность как результат взаимодействия социокультурных факторов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: филология и искусствоведение. 2016. № 1 (172). С. 45-51.

Матунова Г.А. Лексическая репрезентация гендерных стереотипов в британской прессе начала 20 века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: филология. Теория языка. Языковое образование. 2018. № 1 (29). С. 107-112.

Цуциева М.Г. Дискурсивные параметры языковой личности политика. СПб.: Политех-пресс, 2018.

O.V. Aleksandrova (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

LINGUISTIC PERSONALITY AS THE REFLECTION OF THE HUMAN COGNITIVE-COMMUNICATIVE ACTIVITY

The article is connected with the anthropocentric paradigm in the linguistic studies, when it is necessary to take into consideration the objective facts which accompany the creation of a linguistic personality, as well as individual features of a person who exists in a particular socio-historical and political period of time.

Key words: cognitive linguistics, anthropocentrism, discourse, concept, linguistic personality, linguistic picture of an individual.

Л.М. Алексеева *(Пермь, Россия)*
Пермский государственный национальный исследовательский университет
alm@psu.ru
С.Л. Мишланова *(Пермь, Россия)*
Пермский государственный национальный исследовательский университет
mishlanovas@mail.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ ТРАНСФЕРА ЗНАНИЯ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ[1]

Статья посвящена исследованию трансфера знания, одного из новейших и наиболее сложных для гуманитарных наук понятий, с помощью моделирования. Созданная модель имеет циклическую структуру и отображает комплекс взаимосвязанных и обусловленных когнитивных действий, имеющих большое значение в аспекте изучения внутренних связей и закономерностей.

Ключевые слова: трансфер знания, моделирование, циклическая модель, ментальные процедуры, производство знания.

Начиная с 70-х гг. XX в. в науке формируется новая научная парадигма – *постнеклассическая*, объектом которой становятся сложные системы,

[1] Исследование выполнено с использованием средств гранта российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-413-590009) в Пермском государственном исследовательском университете

изучаемые с помощью таких сложных понятий, как *трансфер знания,* одно из новейших сложных явлений, рассматриваемых с разных позиций в гуманитарных науках. Известно, что первоначальное понятие трансфера формировалось в аспекте социальных технологий как процесса передачи ноу-хау и изобретений коммерческим организациям [Тихомирова 2018: 127]. Новым и решающим моментом стало требование оптимизации трансфера знания, повлекшее за собой организацию менеджмента знаний.

Важной особенностью понятия трансфера гуманитарного знания является то, что оно прошло долгий путь модификации от трактовки как простого движения (переноса) к современному пониманию как сложной сети отношений. Одно из радикальных изменений, произошедших в методологии современных гуманитарных наук, это трактовка мышления, понимаемого как нелинейный процесс: «Нелинейная модель мышления исходит из понимания его как одной из характеристик когнитивного поля, поскольку основывается на описании мыслительных процессов, а также на анализе таких психологических процессов, как восприятие и выведениеи нового профессионального знания» [Алексеева, Мишланова 2017: 176].

Отметим, что в гуманитарных науках используется широкое понятие трансфера, соотносящееся с передачей одним человеком другому человеку практических и теоретических сведений, навыков, установок, которые могут использоваться при решении различного рода проблем. Данные процессы протекают в сознании отдельной личности и характеризуют ее собственную позицию в определенной информационной системе [Болдырев 2016]. В этом смысле понятие трансфера ассоциируется с трансляцией личностного знания, имеющего социальную значимость [Демьянков 2016].

Наша задача состоит в том, чтобы выявить и описать современное содержание понятия трансфера знания, а также разработать модель процессов формирования и развития трансфера знания в гуманитарных науках.

Основы понятия трансфера знания сформированы нами еще в ходе исследования дискурса, который виделся нам как циклический когнитивно-коммуникативный процесс, начинающийся с вовлечения в деятельность системного знака и заканчивающегося созданием продукта – нового, более сложного (эволюционно) вторичного знака с последующим этапом его металингвистической обработки и закреплении в социуме [Алексеева, Мишланова 2002: 77]. Поэтому из множества моделей, существующих в современной методологии науки, наиболее важной и существенной для нас является циклическая модель. Отметим, что циклические модели в качестве базовых схем современной методологии гуманитарных наук не рассматривались. В данном исследовании мы пытаемся восполнить этот пробел и представить описание данного вида модели.

При моделировании исходным для нас является следующее положение: данная модель отражает взаимодействие между мышлением и формами его развития, репрезентированными в различных ментальных конструкциях, размещенных в стадиях цикла. Это обусловлено тем, что лингвисты не имеют дело непосредственно с реальными объектами, а с конкретным знанием о них. При этом лингвисты, формируя знание об объектах и явлениях действительности, неизбежно привносят в этот процесс собственное понимание. Таким обра-

зом, происходит сложное взаимодействие между знанием и конструкциями этого знания в процессе познания. При этом деятельность познающей личности «преобразуется» в конкретный знак, вызывающий, в свою очередь, определенную кинетику на следующей стадии цикла. В каждом цикле развития знания принимает участие многообразие видов знания, т.е. трансфер – это развитие знания через связи знания.

Главным обоснованием создаваемой нами модели является идея выдающегося русского психолога Л.С. Выготского о том, что процесс образования понятий, лежащий в основе развития знания, представляет собою «новый, принципиально отличный, качественно несводимый к любому количеству ассоциативных связей тип деятельности, основное отличие которого заключается в переходе от непосредственных интеллектуальных процессов к опосредствованным с помощью знаков операциям» [Выготский 1934: 117-118].

Один из первых, кто предпринял решение проблемы моделирования знания после исследований Л.С. Выготского, был японский лингвист И. Нонака [Nonaka 1994]. С помощью модели спирали развития знания (the knowledge creation cycle) ему удалось представить развитие знания как процесс.

Наша модель объединяет представления о развитии знания, высказанные в трудах Л.С. Выготского и И. Нонака. Наша модель цикла знания предполагает дальнейшее использование уже разработанных моделей путем их нового осмысления и модификации элементов мыслительной деятельности с помощью новых интерпретаций (см: схема).

Характерным отличием созданной нами модели является то, что мы видим в трансфере целостное системное явление, которое интересует нас в аспекте внутренних связей и закономерностей перехода из одного состояния в другое.

Наше решение проблемы трансфера связано с необходимостью рассмотрения всей познавательной ситуации в виде цикла развития и усвоения отдельной личностью понятия. Чтобы выявить природу трансфера знания, нужно, на наш взгляд, обратиться к основному механизму, обеспечивающему возможность трансфера, – его выведению. Тогда можно обнаружить, что трансфер знания – это различные стадии мыслительной деятельности по формированию и осмыслению понятия.

Таким образом, началом трансфера знания являются результаты зафиксированной мыслительной деятельности, которые в дальнейшем проходят стадии познавательной ситуации, связанные с выведением индивидуального знания.

Схема. Модель трансфера знания

Отметим, что стадии структуры модели были изучены нами с помощью системы ассоциативных и направленных экспериментов.

Главный вывод заключается в том, что разработанная модель подтверждает идею о том, что понятие знания никогда не «отгораживается», а существует вместе с формами его развития и репрезентации. Это позволяет увидеть, что трансфер управляет знанием и влияет на его развитие.

Литература

Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь: Изд-во ПГУ, 2002.

Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Трансфер знания в переводе как вызов современного сетевого общества // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 1. С. 41-53.

Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Трансфер знания // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVI. С. 517-520.

Болдырев Н.Н. Исследование феномена человека как главная миссия когнитивной науки // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVI. С. 33-37.

Выготский Л.С. Мышление и речь. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934.

Демьянков В.З. Когнитивные техники трансфера знаний // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVI. С. 29-32.

Князева Е.Н. Инновационная сложность: методология организации сложных адаптивных и сетевых структур // Философия науки и техники. 2015. Т. 20. № 2. С. 50-69.

Тихомирова О.Г. Диффузия инноваций, трансфер технологий и коммерциализация инноваций // Фундаментальные исследования. 2018. № 1. С. 127-132.

Godin B. Models of innovation: Why models of innovation are models, or what work is being done in calling them models? // Social Studies of Science. 2015. Vol. 45 (4). P. 570-596.

Nonaka I. A dynamic theory of organizational knowledge creation. Organ. Sci. 1994. № 5 (1). P. 14-37.

L.M. Alekseeva (Perm, Russia)
Perm State University

S.L. Mishlanova (Perm, Russia)
Perm State University

KNOWLEDGE TRANSFER MODELING IN THE HUMANITIES

The article deals with the research of knowledge transfer, one of the modern and still undeveloped in the humanities concepts, by means of its modeling. The constructed model belongs to the cyclic types and presents a complex of interlinked and dependent cognitive procedures, which are of great importance for the study of inner relations and regularities.

Key words: knowledge transfer, modeling, cyclic model, mental procedures, knowledge production.

Л.Г. Бабенко *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
lgbabenko@yandex.ru

ЛИНГВОПСИХОЛОГИЯ КАК НОВОЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ[1]

Предмет рассмотрения – лингвопсихология как новое направление лингвистики, которое возникло на стыке психологии и когнитологии. Рассматриваются этапы ее становления, намечаются основные подходы к изучению эмоций, их классификации. Выявляются особенности категоризации эмоций на основе принципа полипарадигмальности, основанного на интеграции денотативного, структурно-семантического и когнитивного подходов.

Ключевые слова: эмоции, категоризация, языковая картина мира, лингвопсихология, психолингвистика, лингвокогнитология.

К настоящему времени в лингвистике сложилось новое междисциплинарное научное направление – лингвопсихология, истоки формирования которого можно обнаружить в трудах ученых-лингвистов 60-70-х гг. XX века. Сам термин был актуализован около двадцати лет назад, в начале XXI века, в работах В.З. Демьянкова [Демьянков 1999: 45-51], который в ряде статей аргументировал и обосновал его применение в лингвистике применительно к новому направлению. В настоящее время можно говорить о завершающем этапе его формирования. Появление этой научной дисциплины является вполне закономерным и логичным, так как оно соответствовало ситуации, сложившейся в лингвистике на рубеже веков, генерализующую черту которой одной из первых в отечественной науке отметила Е.С. Кубрякова, определившая ее как полипарадигмальность, основанную на интегральности научного подхода с целью комплексного междисциплинарноего исследования с учетом взаимодействия различных областей лингвистического знания [Кубрякова 1995: 239-320]. Сейчас, по прошествии двадцати пяти лет, можно отметить, что это явление – полипарадигмальность – осмысляется двояко. С одной стороны, она понимается как одновременное сосуществование различных самостоятельных направлений, как традиционных, так и новых, параллельно развивающихся и функционирующих в совокупности как междисциплинарная система научных воззрений. С другой, она осмысляется как целостная методологическая исследовательская платформа, заключающаяся в сопряжении различных научных подходов: семиотических, прагматических, структурно-семантических, функциональных, когнитивно-дискурсивных и др., применяемых в конкретных исследованиях с целью многоаспектного изучения языка, текста и дискурса. Лингвопсихология на этапе ее возникновения также первоначально развивалась в контексте различных гуманитарных научных парадигм, как родственных, так и различных по методологическим принципам и установкам, взаимодействуя и пересекаясь с ними в процессе изучения внутреннего мира человека, а на этапе

[1] Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-012-00458)

ее окончательного формирования она сложилась как целостное междисциплинарное направление со своей программой, философией и методологией.

В истории развития этого направления наблюдается определенная выявляются основные этапы. Предпосылками появления стали исследования второй половины XX – начала XXI в. в области лингвистики эмоций. По наблюдениям В.Ю. Апресян и Ю.Д. Апресяна, высказанным в конце XX в., внутренний мир человека занимал психиатров, философов, поэтов, но мало интересовал лингвистов. Положение, по их мнению, стало меняться с возникновением в 60-х годах прошлого века современной лингвистической семантики, когда появились первые опыты лексикографического описания эмоциональной лексики. «С тех пор интерес к словам, обозначающим эмоции, непрерывно возрастал и в теоретическом, и в лексикографическом плане» [Апресян, Апресян 1995: 453]. Кроме того, большую роль в формировании лингвопсихологии имели также исследования внутреннего мира человека, его речемыслительной деятельности и эмоциональной сферы, которые осуществлялись учеными разных научных направлений: психологии, физиологии, нейробиологии, эстетики, философии и др. При этом наиболее тесное методологическое взаимодействие наблюдалось на стыке психологии и лингвистики, следствием чего стало появление во второй трети XX в. психолингвистики, а сейчас, во втором десятилетии XXI в., лингвопсихология приобрела статус самостоятельного научного направления. Оба термина структурно и содержательно пересекаются: они образованы на основе синтеза одинаковых корневых морфем, встроенных в структуру слова в диаметрально противоположном порядке, что указывает на разный вектор направленности двух научных подходов в их взаимодействии, на их сходство и различие: в первом случае оно осуществляется в направлении от психологии к языку, во втором – от языка к психологии. В психолингвистике главным предметом исследования становится психосемантика различных речевых единиц, механизмы порождения и восприятия речи и текста, детская речь и др., изучаемые психологическими методами, прежде всего экспериментальными. В качестве самостоятельного раздела выделяется в ней и психология эмоций [Вилюнас 1989; Изард 1999; Экман 2010]. В отличие от нее предмет лингвопсихологии – внутренний мир человека: его эмоции и чувства, внутренние переживания и их внешние проявления, поведение, качества личности, выявляемые и интерпретируемые с позиций лингвистики и с использованием ее методологии. Следует отметить, что на современном этапе развития этих дисциплин они тесно связаны с когнитологией, опираются на ее фундаментальные теоретические положения, методологию. А что касается лингвопсихологии, для нее особенно важным становится исследование механизмов категоризации и концептуализации эмоций, отображения результатов их описания в формате языковой картины эмоций, опирающееся на фундаментальные принципы и разработки когнитивной лингвистики. В результате межпредметное взаимодействие рассматриваемых направлений обнаруживается в разных вариантах: психолингвистики и лингвопсихологии между собой, с одной стороны, и, с другой стороны, каждой из этих дисциплин по отдельности с когнитологией. Очень точно определена нерасторжимая

связь лингвистики эмоций и когнитологии в заголовке статьи авторского коллектива, руководимого В.З. Демьянковым: «Лингвопсихология как раздел когнитивной лингвистики, или Где эмоция – там и когниция», в которой особо подчеркивается, что «в лингвопсихологии важную роль играет инструментарий когнитивной лингвистики» [Демьянков, Воронин, Сергеева, Сергеев 2002: 36]. Вопрос соотношения эмоции и когниции привлекал внимание и других ученых, специалистов в этой области (см.: [Заботкина 2008; Шаховский 2009]). В частности, В.И. Шаховский следующим образом описывает их тесную связь: «когниция и эмоция идут рука об руку, рядом друг с другом: эмоция мотивирует когницию, когниция облегчается эмоциями; эмоции не только порождаются особыми ситуациями, но и сами порождают определенные ситуации. Они неотрывны от языка, их можно и нужно изучать с помощью языка, и именно язык является и объектом, и инструментом изучения эмоций» [Шаховский 2009: 672].

Итак, лингвопсихология рассматривается нами как новое научное направление в контексте межпредметного взаимодействия сопряженных с нею дисциплин, прежде всего психологии и когнитологии, развивающаяся на методологической базе когнитологии, способствующей исследованию категоризации и концептуализации эмоций и отображению результатов исследований в лексикографических параметрах в виде словарей эмотивной лексики нового активного типа. Сегодня чрезвычайно важным является полипарадигмальный подход к классификации эмоций, основанный на категоризации и концептуализации эмоций с помощью когнитивных технологий, используемых при интерпретации лексики, репрезентирующей эмоции в языковой картине мира, дополненный данными ее описания с опорой на структурно-семантический подход и денотативно-идеографическое описание. Особую важность имеет при этом отображение результатов исследования в формате идеографических словарей, которые при этом сами в дальнейшем становятся объектом рассмотрения и анализа.

Как отмечено выше, лингвопсихология – активно развивающееся направление в лингвистке последних 50 лет, ее развитие связано с динамикой смены научных парадигм этого периода, в нем отражены логика их развития и полученные результаты. Так, в 60–80-е годы XX в., в период доминирования структурно-семантического направления и его методологии, было много сделано в изучении семантики эмотивной лексики – структурной организации эмотивного значения отдельного слова и системной организации классов эмотивной лексики (см.: [Бабенко 1989; Лукьянова 1986; Шаховский 1987 и др.]). В последней трети XX в., в период активного развития функциональной лингвистики, внимание ученых переключилось на исследование функциональной эмотивной семантики, закономерностей и специфики функционирования эмотивной лексики в различных контекстных условиях: в структуре отдельных текстов и текстов разных авторов, различных функциональных стилей, в словарном составе различных национальных языков при их контрастивном изучении. С конца XX в. активизировались лингвокультурологическое и лингвокогнитивное направления изучения эмоций, в этот период было выявлено и изучено множество эмотивных концептов, рассмотренных с разных научных позиций на основе различных исследовательских моделей анализа. Результаты

концептологических исследований эмоций воплощались в лексикографических параметрах и способствовали развитию концептографии.

Итак, начиная с конца XX в. и до настоящего времени лингвопсихология функционирует как самостоятельное научное направление, наиболее тесно связанное с лингвокогнитологией, основными актуальными вопросами разработки которой в настоящее время являются механизмы категоризации и концептуализации эмоций, их отображения и выражения в языке, выявления репертуара языковых, речевых и дискурсивных средств, специализирующихся в выражении знаний об эмоциях, их психологической природе и системной организации, в репрезентации которой большую роль играют словари, прежде всего идеографические.

Литература

Апресян Ю.Д., Апресян В.Ю. Метафора в семантическом представлении эмоции // Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки рус. культуры, 1995. С. 453-464.

Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 86 с.

Вилюнас В.К. Перспективы развития психологии эмоций // Тенденции развития психологической науки. М.: Наука, 1989. С. 46-60.

Демьянков В.З. Лингвопсихология // Вопросы лингвистики и лингводидактики на современном этапе: материалы VII научно-практической конференции. М.: Ф-т славян. и западноевроп. филологии: Моск. пед. ун-т, 1999. С. 45-51.

Демьянков В.З., Воронин Л.В., Сергеева Д.В., Сергеев А.И. Лингвопсихология как раздел когнитивной лингвистики, или Где эмоция – там и когниция // С любовью к языку: сборник научных трудов. Посв. Е. С. Кубряковой / отв. ред. В. А. Виноградов. Москва; Воронеж: Ин-т языкознания РАН: Воронеж. гос. ун-т, 2002. С. 29-36.

Заботкина В.И. Соотношение когниции и эмоции в антропоцентрической парадигме // Когнитивные исследования языка. 2008. Вып. XXXIV. С. 678-720.

Изард К. Психология эмоций. СПб.: Питер, 1999. 464 с.

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX в. М.: РГГУ, 1995. С. 239-320.

Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики / отв. ред. А. И. Федоров; АН СССР, Сиб. отд., Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск: Наука: Сиб. отд., 1986. 227 с.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1987. 190 с.

Шаховский В.И. Эмоции в коммуникативой лингвистике // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сборник в честь Е.С. Кубряковой. М.: Языки славян. культур, 2009. С. 672-683.

Экман П. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2010. 334 с.

L.G. Babenko (Ekanerinburg, Russia)
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

LINGUOPSYCHOLOGY AS A NEW INTERDISCIPLINARY BRANCH OF LINGUSTICS

This article focuses on linguopsychology, a new interdisciplinary branch of linguistics which shares the subject matter with psychology and relies on the methods of cognitive studies. The author describes the stages of its establishment, examining the specifics of studying emotions, the role of their categorization and conceptualization.

Key words: emotions, categorization, linguistic worldview, linguopsychology, cognitive studies.

Л.В. Бабина *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
ludmila-babina@yandex.ru

МЕТОНИМИЧЕСКИЕ КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРЕНОСНОГО ЗНАЧЕНИЯ «ГОВОРЕНИЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ)[1]

В статье рассматриваются некоторые метонимические когнитивные модели, определяющие формирование переносного значения «говорение» у русских и английских глаголов в процессе концептуальной деривации. Выявляются характеристики, на основе которых осуществляется метонимическое проецирование.

Ключевые слова: переносное значение «говорение», концептуальная деривация, метонимическая когнитивная модель, концептуальные характеристики, доминантный смысл.

Исследование глаголов говорения вызывает интерес как отечественных, так и зарубежных ученых. При этом вопрос относительно того, что же понимать под глаголами говорения, решается по-разному. Первоначально, как указывает Л.М. Михайлова [Михайлова 2009], к глаголам речи относили глаголы, обозначающие процесс речи лишь в его чистом виде. Затем к глаголам речи стали относить глаголы, обозначающие какое-либо другое действие, которое может быть реализовано в процессе речи, устной или письменной (*командовать, утверждать* и т.д.), а также глаголы, обозначающие процессы речи, которые связаны с другими сторонами жизни и деятельности человека (волеизъявлением, проявлением различных эмоций).

В данном исследовании глаголы речи понимаются широко, к ним относятся не только те глаголы, которые, как единицы словаря, вне контекста обозначают процесс говорения, но и те, которые приобретают данную способность в рамках

[1] Публикация выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00267 в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина

определенного контекста, то есть так называемые «потенциальные глаголы речи» [Бахтина 1965]. Ставится цель – рассмотреть особенности формирования переносного значения «говорение» у русских и английских глаголов. Для достижения цели решаются следующие задачи: определить некоторые метонимические когнитивные модели создания русских и английских глаголов с переносным значением «говорение», выявить характеристики, на основе которых осуществляется метонимическое проецирование.

В качестве процесса, в ходе которого осуществляется формирование переносного значения «говорение» у глаголов, предлагается рассматривать концептуальную деривацию. Она обеспечивает не только образование нового концепта при помощи когнитивных моделей на основе определенных доминантных смыслов, но и установление его связей с исходной структурой знания в концептуальной системе человека, поскольку зародившийся новый смысл мотивирован исходным, и его понимание часто требует знания исходного смысла [Бабина 2009].

Осмысление глаголов с переносным значением «говорение» предполагает обращение к концептам, отражающим представления о говорении, которые содержат характеристики ‘речевая деятельность’, ‘устное вербальное общение’, ‘передача мыслей, информации’ и характеристики ‘speech activity’, ‘oral verbal communication’, ‘to express thoughts, opinions, or feelings’ соответственно. Говорение как речевая деятельность осуществляется в рамках речевой ситуации, неотъемлемыми составляющими которой являются участники общения, их отношения, предмет общения, внешние и внутренние условия коммуникации. С учетом этого в содержании концептов выявляются характеристики ‘манера говорения’, ‘характер отношения’, ‘внутреннее состояние’, ‘целевая установка’ и ‘manner of speaking’, nature of relationship’, ‘emotional state’, ‘goal’.

Проведенный анализ позволил выявить лексико-семантическую группу глаголов «эмоциональное состояние», у которых формируется переносное значение «говорение» по метонимическим когнитивным моделям:

– глаголы пребывания субъекта в эмоциональном состоянии: (русск.) *беспокоиться, веселиться, возмущаться, вспылить, гневаться, горевать, досадовать, злиться, злорадствовать, каяться, негодовать, недоумевать, обижаться, огорчаться, печалиться, пугаться, радоваться, сердиться, скорбеть, сокрушаться, сомневаться, (за)стесняться, страшиться, тосковать, тревожиться, удивляться, унывать*; (англ.) fret, mourn, gloat, lament, wonder. Модель ЧАСТЬ (пребывание в определенном эмоциональном состоянии) – ЦЕЛОЕ (говорение, сопровождаемое определенным эмоциональным состоянием).

Глагол *злорадствовать* в прямом значении означает «испытывать, проявлять злорадство» [https://kartaslov.ru] и актуализирует характеристики ‘испытать злобную радость’, ‘причина – неудача или несчастье кого-либо другого’. Переносное значение «говорение» формируется по метонимической когнитивной модели на основе характеристики ‘определенное эмоциональное состояние’.

1) *Черепеть отсиделась за спиной Белого Паруса, а на финише выстрелила. – Так Ване и надо, –* ***злорадствовал*** *Пижон. – Захотел сэконо-*

мить секунды, вот и нарвался. Пусть я утопился на Парусе, но я доволен (Анатолий Гладилин. Большой беговой день (1976-1981)) [http://www.ruscorpora.ru]. В рассматриваемом примере содержание концепта, стоящего за глаголом в переносном значении, включает характеристики ‘речевая деятельность’, ‘устное вербальное общение’, ‘передача мыслей, информации’, ‘испытать злобную радость’, ‘причина – неудача кого-либо другого’. На основании данных характеристик выводится характеристика ‘характер отношения – отрицательное’;

– глаголы становления эмоционального состояния: (русск.) *вдохновиться, воодушевиться, восторгаться, восхищаться, всполошиться, озвереть, изумиться, насторожиться, оживиться, опомниться, осмелиться, оторопеть, отчаиваться, поражаться, приободриться, осмелеть, раздражаться, разъяряться, растрогаться, смириться, смутиться, сокрушаться, ужасаться*; (англ.) admire, dare. Модель ЧАСТЬ (становление определенного эмоционального состояния) – ЦЕЛОЕ (говорение, сопровождаемое определенным эмоциональным состоянием).

Глагол *осмелиться* в прямом значении означает «набраться смелости, решимости для какого-л. поступка; отважиться, посметь» [https://kartaslov.ru] и актуализирует характеристики ‘набраться смелости, решимости’, ‘цель – совершение какого-л. поступка’. В рассматриваемом ниже контексте глагол приобретает переносное значение «говорение», которое формируется на основе характеристики ‘определенное эмоциональное состояние – ощущение чувства ответственности’.

2) – *Не совсем так, товарищ Сталин! –* ***осмелился*** *Ёсик. – Между правдой и неправдой – не пустота* (Нодар Джин. Учитель (1980-1998)) [http://www.ruscorpora.ru]. Содержание концепта, стоящего за глаголом в переносном значении, включает характеристики ‘речевая деятельность’, ‘устное вербальное общение’, ‘передача мыслей, информации’, ‘набраться смелости, решимости’, ‘цель – совершение поступка’. На основании данных характеристик и с учетом языкового контекста выводится характеристика ‘характер отношения – положительное’.

3) She wondered whether Philippa had really outgrown her passion for partially disabled men but she seemed oblivious of all this and sat like a springtime sprig in a bed of roses, contemplating her coincidental twin. Then Lee **dared**: *‘Byron had a limp, you know.’* [http://bncweb.lancs.ac.uk].

Глагол to dare в прямом значении означает “to be brave enough to do something difficult or dangerous or that you should not do” [https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/dare]. Он актуализирует характеристики ‘to be brave’, ‘goal – to do something difficult or dangerous or that you should not do’. В рассматриваемом примере концепт, стоящий за глаголом в переносном значении, включает характеристики ‘speech activity’, ‘oral verbal communication’, ‘to express thoughts’, ‘to be brave’. На основании данных характеристик и с учетом языкового контекста уточняется характеристика ‘reason – to do something difficult’ и выводится характеристика ‘emotional state – positive’;

– глаголы приведения в эмоциональное состояние: (русск.) *воодушевлять, донимать, дразнить, искушать, льстить, мучить, обнадеживать, ободрять,*

пугать, соблазнять, стращать, успокаивать, утешать; (англ.) mock, soothe, reassure, comfort, console. Модель ЧАСТЬ (приведение в определенное эмоциональное состояние) – ЦЕЛОЕ (говорение, направленное на приведение в определенное эмоциональное состояние).

4) *'Don't worry,' Maggie* **comforted** Mona who was still pale with shock. *'We'll find some way round it.' They were too sick at heart to mimic or mock this* mood away. Anything broken had to be hidden until it could be replaced or forgotten [http://bncweb.lancs.ac.uk].

Глагол to **c**omfort в прямом значении означает "to make someone feel better when they are sad or worried" [https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/comfort]. Он актуализирует характеристики 'to make someone feel better', 'a person is sad or worried'. В рассматриваемом примере концепт, стоящий за глаголом в переносном значении, включает характеристики 'speech activity', 'oral verbal communication', 'to express thoughts, feelings', 'to make someone feel better'. На основании данных характеристик и с учетом языкового контекста уточняется характеристика 'the person is shocked' и выводится характеристика 'nature of the relationship – positive'.

Таким образом, было выявлено, что переносное значение «говорение» может формироваться у глаголов лексико-семантической группы «эмоциональное состояние». Используется метонимическая когнитивная модель ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ в нескольких разновидностях, метонимическое проецирование осуществляется на основе характеристик 'определенное эмоциональное состояние', 'приведение в определенное эмоциональное состояние'.

Литература

Бабина Л.В. Концептуальные основы словообразования // Когнитивные исследования языка. 2009. № 4. С. 128-149.

Бахтина В.П. Лексико-грамматическая сочетаемость глаголов речи в русском литературном языке II половины XIX века: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 1965.

Карта слов и выражений русского языка. URL: https://kartaslov.ru (дата обращения: 15.12.2019).

Михайлова Л.М. Глаголы говорения и различные подходы к их изучению в современном английском языке // Современные проблемы межкультурных коммуникаций: язык, культура, общество. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ АПСН, 2009. С. 79-87.

Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 15.12.2019).

BNCweb. URL: http://bncweb.lancs.ac.uk (дата обращения: 15.12.2019).

Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org (дата обращения: 15.12.2019).

L.V. Babina (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

METONYMIC COGNITIVE MODELS FOR THE FORMATION OF THE FIGURATIVE MEANING "SPEAKING" (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND ENGLISH VERBS)

The article deals with some metonymic cognitive models that determine the formation of the figurative meaning "speaking" of Russian and English verbs in the process of conceptual derivation. The characteristics on the basis of which the metonymic projection is carried out are revealed.

Key words: figurative meaning "speaking", conceptual derivation, metonymic cognitive model, conceptual characteristics, dominant meaning.

И.Ю. Безукладова *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
ibesukladova@yahoo.com

РОЛЬ ЛИЧНОСТНОЙ КООРДИНАТЫ ПРИ ЭГОЦЕНТРИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА

В статье рассматриваются когнитивные основания эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке, на основе которых выделяются модели эго-пространства, приватного пространства и социального пространства. Представленный анализ позволяет выявить роль личностной координаты в процессе структурирования окружающего мира, основанном на принципе эгоцентризма.

Ключевые слова: эгоцентрический, категоризация, пространство, личностная координата, когнитивные механизмы.

Эгоцентрические модели пространства категоризуются в немецком языке как совокупности систем отношений между индивидуумом и окружающим его миром: эго-пространство ограничивает сферу личности человека; в модель приватного пространства включены близкие родственники и друзья, события и артефакты, связанные с такими приватными сферами жизнедеятельности индивидуума, как семья, дом, дружба; модель социального пространства включает в себя всех тех, с кем человек связан официально-деловыми отношениями, а также события и артефакты, относящиеся к сферам его профессиональных, образовательных, религиозных, политических, национальных интересов. Каждая модель характеризуется внутренней структурированностью [Безукладова 2016].

Когнитивным основанием эгоцентрической категоризации эго-пространства, приватного и социального пространств выступает существующий в сознании носителей немецкой линвокультуры набор социокультурных образов, структурируемых на основе конструирования и интерпретации индивидуумом собственной идентичности и идентичности других субъектов; своего места и места других индивидуумов в неразделяемом (эго-пространство),

разделяемом (приватное пространство) и коллективном разделяемом пространстве (социальное пространство); межличностных и социальных отношений, связей, характеристик, симметричности / асимметричности возрастных, социальных, позиционных статусов; отсутствия / наличия различных социально или топологически маркированных дистанций.

Эгоцентрическая категоризация пространства в немецком языке осуществляется в системе ***трех координат***, соотносимых с тремя типами дейксиса: *личностная координата*, соотносимая с личным дейксисом (основанием для конструирования личностной эгоцентрической координаты является оппозиция *адресант – адресат – третьи лица / предмет речи*); *пространственная координата*, соотносимая с пространственным дейксисом (конструируется на основе оппозиции *пространство говорящего – другие пространственные области*); *временная координата*, соотносимая с временным дейксисом (конструируется на основании оппозиции *момент речи – другое время*). При эгоцентрической категоризации пространства говорящий интерпретирует характер отношений (межличностных, пространственных, временных) между собой и окружающим его миром именно в данной системе координат.

Каждая координата представляет собой иерархичную систему, которая осмысливается и каждый раз заново конструируется человеком на базе оппозиций (das Fremde – das Eigene, hier – dort, jetzt – früher – später, bekannt – unbekannt, innen – außen, individuell – gemeinsam, privat – öffentlich etc.), выстраиваемых на основе интерпретации характеристик пространства и входящих в него сущностей различной природы. Как показывает в рамках своей теории Н.Н. Болдырев, языковая интерпретация мира в процессе его освоения и познания представлена в различных языковых единицах и категориях, а в интерпретирующей функции языка проявляется его антропоцентрическая сущность [Болдырев 2017].

Личностная координата может быть представлена как координата адресанта (*я / мы-координата*), координата адресата (*ты / вы / Вы-координата*) или координата третьего лица (*он / она / оно / они-координата*).

В формировании значений, передающих личностную координату, участвуют такие когнитивные механизмы, отражающие схемы работы человеческого сознания, как выбор точки референции, перспективизация, спецификация. Данные когнитивные механизмы обусловливают использование языковых механизмов номинации, словообразования, семантической сочетаемости. В настоящей статье покажем роль личностной координаты в моделировании Эго-пространства. Так, языковыми единицами, репрезентирующими личностную координату в немецком языке, являются имена существительные, прилагательные, личные, притяжательные, указательные местоимения, глаголы, предложные словосочетания при условии наличия в семантике номинативных языковых единиц указания на сферы Эго-пространства.

Маркируя личностную координату, говорящий опирается на системное значение личного местоимения ich: вовлеченность лица в ситуацию общения в качестве адресанта и выполнение функции точки отсчета в акте коммуникации. Остальные единицы высказывания в той или иной степени характеризуются эксплицитной или имплицитной отсылкой на *Эго* гово-

рящего, являющегося точкой референции при эгоцентрическом моделировании Эго-пространства: Du bist *schön ...,* deine Haare, dein Mund, deine Hand (Süskind). В данном случае притяжательное местоимение dein передает не только характеристику партитивности, но и, совместно с личным местоимением du в позиции подлежащего, репрезентирует координату адресата. Существительные Haare, Mund, Hand в сочетании с притяжательным местоимением dein репрезентируют сферу *физическое тело индивидуума (адресата)*.

Er trug seinen Sonntagsanzug *am Montag. ... Trotz* seiner Verkleidung sah er *den Marmorstatuen aus dem Geschichtsbuch ähnlich, ...* (Hahn) – языковым маркером *координаты третьего лица* является притяжательное местоимение sein и личное местоимение er (говорящий конструирует сферу *личные вещи индивидуума (третьего лица))*.

Mein Glück wäre infolge dessen das Mittel göttlicher Gerechtigkeit, ... (Süskind) – *координата адресанта* представлена притяжательным местоимением mein. *Эго-пространство* конструируется как сфера *психологический мир индивидуума* при помощи существительных Vergehen и Glück.

Личное местоимение ich, таким образом, является в немецком языке, как и аналогичные местоимения в большинстве других языков, выражением абсолютной адресантности, специализированным и семантически рафинированным маркером личностной координаты.

Конструкция *имя существительное + имя существительное* в функции определения является языковым маркером только для личностной *координаты третьего лица*: Ich sehe ihn am Kaminfeuer stehen mit einer von Vaters Zigarren in der Hand (Böll).

Помимо действия когнитивных механизмов выбора точки отсчета и перспективизации, важную роль при конструировании личностной координаты играет механизм спецификации – представления конкретного содержания с определенной степенью конкретизации. Так, дополнительными маркерами *личностной координаты* при эгоцентрическом конструировании Эго-пространства выступают указательное местоимение selbst, прилагательное persönlich в значении «исходящий от отдельной личности и определяемый ее опытом, чувствами, сопереживаниями» и прилагательное eigen в словосочетаниях *имя существительное + имя прилагательное* (в качестве слова-сопроводителя выступает притяжательное местоимение или артикль). Системное значение местоимения selbst – указание именно на названное лицо / объект, а не на кого-либо / что-либо еще.

При категоризации Эго-пространства использование данных языковых единиц обусловлено действием когнитивных схем *исключение – включение*, обусловливающих категоризацию Эго-пространства как пространства индивидуального, неразделяемого, принадлежащего только индивидууму, с опорой на когнитивный механизм спецификации (представление конкретного содержания). В результате, на языковом уровне достигается максимальная степень конкретизации личностной координаты:

Ich selbst *bin nicht religiös, nicht einmal kirchlich* (Böll) – личностная координата адресанта;

Es ist mir diese Nacht *ausdrücklich* zugesagt worden! *Vom Präsidenten persönlich*! (Remarque) – личностная координата третьего лица;

Einfach ist es nicht, du musst es aber lernen, die eigene Wut in den Griff zu bekommen – личностная координата адресата.

Языковой материал показывает, таким образом, облигаторность маркированности *личностной координаты* при категоризации всех сфер Эго-пространства в немецком языке.

Литература

Безукладова И.Ю. Эгоцентрические модели категоризации пространства в немецком языке: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Тамбов, 2016.

Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая природа языка. Теоретико-методологические основы // Когнитивные исследования языка. 2017. № 28. С. 20-81.

I.Yu. Bezukladova (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

THE ROLE OF PERSONALITY COORDINATE IN THE EGOCENTRIC CATEGORIZATION OF SPACE

The article discusses cognitive foundations of the egocentric categorization of space in the German language, on the basis of which the models of ego-space, private space and social space are distinguished. The analysis presented in this paper allows us to identify the role of a personal coordinate in the process of structuring the surrounding world, based on the principle of egocentrism.

Key words: egocentric, categorization, space, personal coordinate, cognitive mechanisms.

Н.А. Беседина *(Белгород, Россия)*
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
NBesedina@bsu.edu.ru

МОРФОЛОГИЯ В КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

В статье рассматриваются некоторые проблемы описания морфологического уровня в контексте современной когнитивной теории языка, разработанной в отечественной лингвистике. Особое внимание уделяется анализу морфологических форм числа и степеней сравнения с позиций многоуровневой теории значения и в аспекте интерпретативной деятельности человека.

Ключевые слова: морфология, когнитивная теория языка, морфологические формы, интерпретация, антропоцентризм.

Когнитивную теорию языка сегодня можно по праву отнести к числу доминирующих лингвистических теорий XXI века. Уточним, что под доминирующими теориями В.З. Демьянков предложил понимать те, «которые на “слуху” у специалистов в данное время, которые часто упоминаются и оказывают позитивное влияние на ход развития данной научной дисципли-

ны» [Демьянков 1995: 239]. Последние 25 лет в отечественной лингвистике стали временем активного формирования и развития различных направлений изучения языка в его когнитивной функции (см., например: [Энциклопедия… 2013]). Их объединение на основе идеи антропоцентризма и позволило сформулировать единую теорию, получившую название когнитивной теории языка (см. подр. [Болдырев 2018]). Подтверждением доминирующего статуса рассматриваемой теории служит тот факт, что за указанный период были выпущены солидные монографические труды (см., например: [Кубрякова 2004; Ирисханова 2014; Методы… 2015; Интерпретация… 2017; Болдырев 2018] и др.), опубликовано множество научных статей теоретического и методологического характера (см., например: [Беляевская 2005; Чудинов, Будаев 2007] и др.), регулярными стали авторитетные научные форумы (в т.ч., Международный конгресс по когнитивной лингвистике (в 2020 году проводится уже в десятый раз)), были учреждены и выходят в свет специализированные научные издания: научно-теоретический журнал «Вопросы когнитивной лингвистики» и академическая серия «Когнитивные исследования языка», публикации в которых задают вектор развития отечественной версии когнитивной лингвистики.

В настоящей статье предпринимается попытка представить некоторые аспекты исследования морфологического уровня языка в контексте когнитивной теории. Прежде чем перейти к их рассмотрению, обобщим основные положения, на которых основывается когнитивная теория языка. Прежде всего, напомним центральный постулат о том, что язык – это одна из когнитивных способностей человека, обеспечивающая организацию, обработку и хранение информации и входящая в единую инфраструктуру сознания. Как следствие важной задачей когнитивного исследования в лингвистике является выявление и описание зависимостей между языком и структурами знания разнообразных форматов и рассмотрение соотношения языка и сознания в контексте всех психических процессов, связанных с речевой деятельностью человека. Немаловажной оказывается и центральная роль человека в процессах познания и речевой деятельности, приводящая к креативности речевого мышления, с одной стороны, и сознательному выбору средств всех уровней для языковой репрезентации и описания ситуаций различного типа (как с точки зрения коммуникации, так и с точки зрения их организации), с другой стороны.

Методологически важным для отечественной когнитивной теории языка представляется разграничение концептуального уровня и уровня собственно языковой семантики, что обеспечивает интерпретацию языкового выражения в процессе передачи смысла с учетом не только внутриязыкового контекста, но и так называемого внешнего по отношению к системе языка контекста, отражающего весь познавательный опыт (индивидуальный и коллективный) и объединяющего весь объем знаний и мнений участников коммуникации. При этом, что особенно подчеркивается авторами многоуровневой теории значения, «значение языковой единицы становится понятным лишь в контексте других когнитивных структур» [Болдырев 2018: 33].

Использование многоуровневой теории значения применительно к морфологическим формам означает, что, например, форма множественного числа имени существительного в английском языке осмысляется как таковая только на фоне собственно языкового знания о способах передачи идеи множествен-

ности предметов (окончание -s или исторически сохранившиеся формы множественного числа), т.е. на фоне концепта ЧИСЛО (имеющего статус морфологически передаваемого). Данный концепт активируется соответственно формами множественного / единственного числа. При этом сами формы (desks, cards, cars) непосредственно не сообщают ни о численности предметов, ни об их связях друг с другом. Поэтому в процессе коммуникации существенным оказывается привлечение широкого контекста (дополнительных лингвистических факторов), позволяющего формировать и интерпретировать смысл, передаваемый в рамках конкретного предложения-высказывания. При участии дополнительных лингвистических факторов (семантического, синтаксического, контекстуального) активируется концепт КОЛИЧЕСТВО, служащий фоном для формирования лексико-грамматических смыслов, и имеющий в своем содержании количественное понятие (подр. см. [Беседина 2006]). Для корректного осмысления формы множественного числа существенную роль играет семантика имени существительного (конкретность / абстрактность / вещественность / собирательность), возможность ее дискретного / не дискретного представления и т.д. Например, в следующих случаях использование существительных предметной семантики во множественном числе направлено на формирование смысла «дискретная множественность»: She spread **the plates** near the fire. He came down between **the beds** and stopped. Для данного типа множественности характерна однородность членов, репрезентирующих некоторое дискретное количество предметов, представляющее незавершенный ряд. В этом случае понятие относится к нескольким предметам, что проявляется в совпадении характерного признака членов множества с признаками самого множества.

Не менее интересными представляются случаи использования форм единственного и множественного числа одного и того же существительного (событийной семантики) для передачи идеи повторяющихся событий. Например: I often have **headaches** / I often get a **headache**, *when I've been* working on the computer;

She sometimes goes for **rides** over the hills / She sometimes goes for a **ride** over the hills before supper.

В случае использования формы единственного числа предполагается дополнительная детализация времени или ситуации за счет ближайшего контекста в рамках предложения-высказывания (контекстуальный фактор), например: придаточное предложение времени (when I've been working on the computer), обстоятельство времени (before supper). Отметим, что для однозначной интерпретации подобных ситуаций определяющим оказывается преимущественно языковое знание в его широком понимании, представляющее собой «результат познания и осмысления системы и структуры языка, его основных единиц и категорий, принципов и механизмов формирования и передачи смыслов с помощью языка, т.е. его функционирования» [Болдырев 2018: 85-86].

К числу проблем, получающих новое осмысление в рамках когнитивной теории языка, относится способность морфологических форм участвовать в интерпретации концептуального содержания в языке. Будучи жестко

фиксированными и ориентированными на однозначное определение соответствующих областей языковой концептуализации, они в процессе коммуникации обеспечивают (во взаимодействии с языковыми единицами других уровней) передачу широкого спектра смыслов разного характера. В этой связи возможно говорить о морфологической интерпретации как особом типе, представленном в широком контексте через осмысление факторов и механизмов интерпретационного потенциала морфологических категорий и форм (см. подр. [Беседина 2013]) в единстве и взаимодействии трех основных аспектов оперирования знанием в языке (см. подробнее в [Болдырев 2018]): собственно репрезентативного, семиотического и интерпретационного. В частности, интерпретационный аспект предполагает выявление различных механизмов и способов первичной и вторичной интерпретации знаний в языке с помощью морфологических форм. Первичная интерпретативная деятельность создает систему базовых морфологических параметров-смыслов (собственно морфологических смыслов), обеспечивающих разную степень когнитивной выделенности тех или иных фрагментов репрезентируемой ситуации. Вторичная интерпретация обеспечивает различное осмысление морфологических форм на основе индивидуальной интерпретации человеком тех или иных объектов и событий, получающих представление в процессе коммуникации. Иллюстративными в этом плане являются, в частности, формы превосходной степени прилагательных, которые могут быть использованы как механизм вторичной интерпретации концептуального содержания с целью передачи просто высокой степени качества вне сравнения с чем-либо и без соотнесения с другими степенями качества (элятивное употребление). Ср., например, в английском языке – a most important point, a most interesting theory; в русском – *известнейший писатель, добрейшей души человек* (см. подр. анализ в [Беседина 2013]).

Таким образом, рассмотрение морфологического уровня в контексте когнитивной теории языка позволяет осмыслить и объяснить некоторые процессы языкового оперирования знанием.

Литература

Беляевская Е.Г. Воспроизводимы ли результаты концептуализации? (к вопросу о методике когнитивного анализа) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 1. С. 5-14.

Беседина Н.А. Морфологически передаваемые концепты: дис. … д-ра филол. наук. Тамбов, 2006.

Беседина Н.А. Интерпретационный потенциал морфологии: факторы и механизмы // Когнитивные исследования языка. 2013. Вып. XV. С. 428-436.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2018.

Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 239-320.

Интерпретация мира в языке: коллективная монография / науч. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017.

Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход. М.: Языки славянской культуры, 2015.

Чудинов А.П., Будаев Э.В. Становление и эволюция когнитивного подхода к метафоре // Новый филологический вестник. 2007. № 1. С. 8-27.

Энциклопедия когнитивной лингвистики. Тамбов: ООО «Цифра», 2013.

N.A. Besedina (Belgorod, Russia)
Belgorod State University

MORPHOLOGY AND COGNITIVE THEORY OF LANGUAGE

The paper attempts to present morphology in Russian cognitive theory of language. Morphological forms of number and degree are analyzed in the perspective of multilevel theory of semantics and interpretive activity of the human being.

Key words: morphology, cognitive theory of language, morphological forms, interpretation, anthropocentrism.

Н.Н. Болдырев *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
boldyrev@tsutmb.ru

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ДОМИНАНТА КОГНИТИВНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ[1]

В статье обсуждается междисциплинарность когнитивных исследований языка. Ставится проблема разумного подхода к решению лингвистических задач, который предполагает ограниченное использование данных, полученных в смежных науках, с позиций собственно лингвистического контекста и методологических возможностей когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: доминанта, междисциплинарность, методология, когнитивная лингвистика.

Современная отечественная лингвистика характеризуется многообразием подходов, принципов и направлений исследования. Каждое направление основывается на определенном научном видении объекта исследования и выдвигает собственные способы его моделирования в зависимости от того или иного ракурса его рассмотрения, а также используя конкретные теоретические конструкты в качестве понятийно-терминологического аппарата. Наличие системы новых научных взглядов в виде оригинальных теоретических установок и методологических принципов и отличает разные науч-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-112-50208) в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина

ные направления, например, в языкознании: сравнительно-историческое, коммуникативное, когнитивное. Каждое из этих направлений использует разные методы анализа и связанные с ними жанры представления полученных результатов: информативный, аргументативный, дискуссионный, экспериментально-описательный, реферативный и др. В последние годы в отечественном языкознании наметился особый жанр научного поиска – так называемые междисциплинарные исследования. **Цель данной статьи** – проанализировать достоинства и недостатки такого рода работ на примере когнитивного подхода к изучению языка.

С высокой степенью уверенности можно утверждать, что впервые проблема междисциплинарности в ее современном понимании была поставлена еще в середине прошлого столетия одновременно с зарождением когнитивной науки, когда Институту перспективных исследований в Принстоне в штате Нью-Джерси США были выделены значительные средства для разработки способов совершенствования каналов связи. Руководитель института Р. Оппенгеймер пригласил для решения этой проблемы специалистов из разных областей знания: физики, теории информации, психологии, медицины, лингвистики и др. В ходе обсуждения выяснилось, что решение данной проблемы зависит от совместных усилий ученых разного профиля, поскольку оно непосредственно связано с пониманием того, как работает человеческое сознание. Параллельно пришло понимание и того, что единственно надежный доступ к сознанию обеспечивает только естественный язык, и это послужило в дальнейшем импульсом к развитию междисциплинарных исследований, в том числе в области лингвистики.

После официального оформления когнитивной лингвистики как отдельного научного направления на соответствующем конгрессе в Дуйсбурге в 1989 г. и принятия решения об издании международного тематического журнала Cognitive Linguistics Дж. Лакофф в первом номере этого журнала обозначил две первые доминанты когнитивного подхода, которые способны изменить саму сущность лингвистической науки, и одна из них была связана именно с междисциплинарностью. Он, в частности, писал, что лингвист-когнитолог в своих исследованиях должен следовать двум основным установкам, или принять на себя два обязательства (commitments): описывать общие принципы организации языка (Generalization Commitment) и соотносить это описание с данными о мозге и сознании, полученными в других науках, а также и в своей собственной области (Cognitive Commitment). При этом он специально подчеркивал, что эти данные должны иметь приоритетное значение при подтверждении выдвигаемых гипотез и объяснении языковых фактов [Lakoff 1990: 40-43]. Именно установка на связь с когнитивной наукой и обусловила необходимость и актуальность междисциплинарных исследований языка, результатом которых стало повышение интереса в том числе к интерпретирующей природе сознания и как следствие – языка. Последнее, в частности, дало основание для выделения третьей основной (помимо когнитивной и коммуникативной) функции языка – интерпретирующей – и, соответственно, третьей доминанты когнитивного подхода – интерпретационной (см. подробнее: [Болдырев 2018]).

Как следует из определения Дж. Лакоффа, междисциплинарность когнитивных лингвистических исследований предполагает согласование собствен-

ных гипотез, методологии и прогнозируемых результатов с общенаучным контекстом знаний об объекте, включая знания, полученные в рамках собственно когнитивной лингвистики. Другими словами, моделирование языка, его структуры и функций, выбор доминантных конструктов метаописаний (понятийно-терминологического аппарата) не должны противоречить общенаучным представлениям о языке как когнитивной способности. Более того, они должны ориентироваться на них. Установка на когнитивный подход, настаивал Дж. Лакофф (см. указ. раб.), делает все другие установки (общефилософские, логические, понятийно-терминологические) вторичными, например, классические представления о природе категорий или уровнях категоризации, и в случае возникновения каких-либо противоречий между первичными и вторичными установками, приоритет должен оставаться за первичными, а вторичные следует менять или специально аргументировать эмпирическими данными, например, отсутствие прототипических эффектов в строении категории.

Проблема междисциплинарности в лингвистике неизбежно сталкивается с необходимостью определения ее границ и корректностью ее реализации. Иначе говоря, междисциплинарность исследований в любой области должна иметь разумные пределы, что делает актуальной постановку вопроса о разумной междисциплинарности. Лингвист в силу своей квалификации не может самостоятельно исследовать биологические аспекты работы мозга, физические и химические процессы, протекающие в нем. В то же время, анализируя языковые структуры и их использование, устанавливая связь между ними и структурами знания, он может на основе полученных результатов делать выводы и высказывать собственные предположения о роли языка в формировании и структурировании сознания, о способах организации, хранения и передачи знаний, но никак не о работе мозга, как иногда определяют цель когнитивной лингвистики начинающие или не владеющие достаточными знаниями о данном научном направлении исследователи. Не должен лингвист претендовать и на глубокую логико-философскую или психологическую проработку проблемы знания и познания в целом.

В то же время исследователь языка, утверждал С.Д. Кацнельсон, вправе высказать свое мнение о природе речемыслительных процессов, «поскольку функциональное содержание языковых форм наталкивает его на определенные выводы» [Кацнельсон 1984: 4]. Более того, подчеркивает Ж. Фоконье, современная лингвистика, уже не ограничивается только областью языка и способна внести свой существенный вклад в объяснение общих проблем познавательных процессов [Fauconnier 1999: 124]. В представления о языке, уточняет В.З. Демьянков, сегодня органично включаются сведения о том, что такое память, восприятие, на каких принципах организована когнитивная система человека (см.: [Демьянков 1992]).

Право разных наук обращаться к изучению одного и того же объекта обусловлено тем, что события, на которых основываются факты, по мнению Дж.А. Келли, не имеют институциональной принадлежности. Они находятся в публичном владении. Одно и то же событие может интерпретироваться одновременно в понятийно-терминологических системах раз-

ных дисциплин, их специфических доминант. При этом факт, истолкованный в контексте, например, философской или психологической концепции, и именно в этом видится разумный подход к междисциплинарности исследований, является продуктом именно этой концепции. В ней он выявляется, интерпретируется и приобретает смысл, и в этом случае, в частности, лингвист должен прежде всего давать анализируемому факту свое, лингвистическое, объяснение, используя междисциплинарное знание, а не слепо копируя термины и определения, а с ними и задачи других наук. Как далее отмечает Дж.А. Келли, любые системы обладают не только ограниченным диапазоном пригодности, но еще и фокусом пригодности для решения именно тех проблем, которые автор концепции имел в виду, когда придумывал свою систему [Келли 2000: 20-21].

С этой точки зрения абсолютно излишним представляется использование в лингвистических исследованиях описаний химико-биологических, нейронных и других аспектов работы мозга, специфику его правого и левого полушарий, которые, очевидно, не могут на современном этапе развития науки объяснить в должной мере, например, антропоцентрическую природу познавательных процессов. Напротив, в плане междисциплинарности для лингвистов важным представляется осознание того факта, аргументированного в рамках других наук, что в инфраструктуре мозга способность говорить выступает лишь как одна из многих других когнитивных способностей (мышление, пространственная ориентация, понимание, вычисление, обучение, речь, способность рассуждать), которая получает (или не получает) свое развитие в результате обретения языкового опыта и формирования языкового сознания как элемента человеческого сознания в целом. Последние не передаются из поколения в поколение на генетическом уровне, иначе все люди начинали бы говорить, считать, рассуждать и т. д. с самого рождения. Соответственно языковой опыт как непосредственный эмпирический объект лингвистики, будучи не связан напрямую с химическими процессами или электрическими импульсами, не может служить объяснению работы мозга, а может лишь косвенно указывать на те или иные патологии, равно как и природа мозга не может напрямую объяснить специфику языковой системы, ее структуру и функционирование.

Разумная междисциплинарность проявляется также в единстве объекта, целей и методологии исследования. Привлекая данные других наук, равно как и специалистов в области смежных дисциплин, нельзя забывать об объекте и цели именно лингвистического исследования, а перед специалистами из других областей ставить задачи, ориентированные на получение знаний о языке, а не о нейронных процессах самих по себе или о восприятии как таковом, например. Практически невозможно создать единую универсальную теорию того или иного объекта, которая устраивала бы и эффективно работала для решения проблем в разных областях знания.

Игнорирование этого факта может приводить к **когнитивному искажению**, под которым (и здесь не обойтись без междисциплинарности) в социальной психологии обычно понимают систематические отклонения в восприятии и мышлении, обусловленные стереотипами, которые приводят к сбоям в обработке и анализе информации (см.: [Tversky, Kahneman 1974]). Проблема заключается в том, что люди склонны создавать свою собственную субъективную социальную реальность, зависимую от их восприятия, и эта субъективная

реальность может определять их поведение в социуме. В результате когнитивные искажения могут приводить к неточности суждений, нелогичным интерпретациям, что иногда также отражает стремление человека формировать положительное отношение к себе [Kahneman, Tversky 1972; Bless, Fiedler, Strack 2004]. В научной сфере подобные искажения можно наблюдать в тех случаях, когда исследователи конструируют свою собственную научную реальность, игнорируя или субъективно интерпретируя в ее контексте те или иные явления, в частности языковые. Мы уже неоднократно отмечали некорректность толкования многих когнитивных понятий с позиций структурализма в некоторых лингвистических работах, типа: *содержание концепта включает семы, организованные по принципу семейного сходства; концептуализация понятия* и под., см. выше утверждение Дж. Лакоффа о приоритетности первичных установок (доминант) по отношению к вторичным.

В последнее время этот особый жанр научного изложения, который можно обозначить как «научное фэнтези» и отнести к разряду когнитивных искажений, к сожалению, приобретает широкое распространение в когнитивной лингвистике. С одной стороны, авторы, пишущие в этом жанре, конструируют свою собственную субъективную научную реальность (тот же научный социум), включающую произвольную трактовку устоявшихся понятий и терминов и умозрительное моделирование языковой реальности с претензией на междисциплинарность. С другой стороны, налицо явные жанровые характеристики фэнтези: надуманные проблемы и термины (например, *менталингвистика*), претензия на системность их рассмотрения, оторванные от языковой реальности методология и сложное изложение с использованием «междисциплинарных» метафор, собственная концептосфера, лишь терминологически напоминающая, но не совместимая по смыслу с общепринятой научной реальностью, т.е. бессмысленная с точки зрения последней. Приведем лишь несколько примеров (сохранена авторская орфография, выделение наше – *Н.Б.*):

Лингвисты вносят значительный вклад *в развитие теории морфем и, соответственно,* ***в общее развитие языков****; Языковая единица обладает мощностью тех элементов, которыми она обладает в данный момент* (из докт. диссертации);

Методика формирования концептной компетенции у студентов-лингвистов (из названия канд. диссертации);

Авторский коллектив обладает сложившейся научной инфраструктурой; Научная значимость и актуальность решения обозначенной проблемы заключается в существенном углублении в проблему вербальной доминантности левого полушария коры головного мозга и опровержение не достоверного придания правому полушарию ***«статуса атавизма»****; Из данной гипотезы вытекает необходимость дальнейшего поиска новых* ***«приводных ремней» методологического характера****, побуждающих мысленное построение схем преобразования речевого замысла в оптимальные* ***дискурс-модели текстообразования****: перевода* ***синергийного (нелинейного) устройства мысли*** *в линейную речь* (из научных работ).

В отличие от литературного фэнтези, не претендующего на объяснение мира с научной точки зрения и предполагающего гипотетичность самого этого мира, подобные работы ставят перед собой вполне конкретные научные задачи в исследовании языковой деятельности и верят в непогрешимость ожидаемых результатов, как верят в чудеса герои фэнтези, считая их нормой наравне с законами природы. При этом научность своих работ авторы видят, вероятно, в сложности и недоступности изложения для рядового ученого. С позиций реальной междисциплинарности, а именно в контексте социальной психологии, напрашивается логичный вывод о том, что в данном случае имеют место когнитивные искажения, связанные либо с ограниченными возможностями обработки информации (ограниченность базовых знаний в соответствующих областях), либо с отсутствием необходимых психических механизмов (ограниченная рациональность) (см. подробнее указанные работы по социальной психологии выше). В любом случае можно говорить о конструировании собственных научных областей, субъективной научной реальности мистического характера вне общенаучного контекста, напоминающей жанр фэнтези, но в научных текстах.

Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть, что междисциплинарность как необходимое условие и доминанта когнитивных исследований языка предполагает разумное (ограниченное и лингвистически проинтерпретированное) использование знаний, которые были получены в смежных науках с целью решения других, нелингвистических, задач в контексте иных конкретных научных концепций.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2018.

Демьянков В.З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний. М.: ИНИОН, 1992. С. 39-77.

Кацнельсон С.Д. Речемыслительные процессы // Вопросы языкознания. 1984. № 4. С. 3-12.

Келли Дж.А. Теория личности. СПб.: Речь, 2000.

Bless H., Fiedler K., Strack F. Social Cognition: How Individuals Construct Social Reality. Hove and New York: Psychology Press, 2004.

Fauconnier G. Methods and Generalizations // Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999. P. 95-124.

Kahneman D., Tversky A. Subjective Probability: A Judgment of Representativeness // Cognitive Psychology. 1972. Vol. 3. № 3. P. 430-454.

Lakoff G. The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image-schemas? // Cognitive Linguistics. 1990. № 1. P. 39-74.

Tversky A., Kahneman D. Judgement under uncertainty: Heuristics and biases // Sciences. 1974. Vol. 185. P. 1124-1131.

N.N. Boldyrev (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

A MULTIDISCIPLINARY DOMINANT OF COGNITIVE LINGUISTIC RESEARCH

The article discusses multidisciplinarity of cognitive research of language. author argues the reasonable multidisciplinary approach to language that implies linguistically substantiated borrowing of data from the related disciplines and their interpretation within the sound linguistic context and methodology of cognitive linguistics proper.

Key words: dominant, multidisciplinarity, methodology, cognitive linguistics.

А.А. Ворожбитова *(Сочи, Россия)*
Сочинский государственный университет
alvorozhbitova@mail.ru

ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА: КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ПРИЗМА КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Обоснована роль лингвориторической (ЛР) парадигмы в качестве инновационной категориальной призмы интегративного характера, обладающей высоким эвристическим потенциалом, для проведения когнитивно-дискурсивных исследований. Обобщен опыт представителей Сочинской школы в изучении и типологизации концептов как ядерной составляющей (уровень тезауруса) системы универсальных ЛР параметров.

Ключевые слова: лингвориторическая (ЛР) парадигма, когнитивно-дискурсивные исследования, языковая личность (ЯЛ), лингвокогнитивный уровень (тезаурус) ЯЛ, типология концептов.

Лингвориторическая (ЛР) парадигма – изначально интегративная и принципиально интегрирующая в каждом акте своего применения кумулятивная система исследовательских координат, порождаемая междисциплинарным синтезом терминологических аппаратов языкознания, а именно всего спектра различных лингвистических дисциплин, и тандема «классическая риторика – неориторика», в русле которого исторически сформировались все дисциплины речеведческого цикла. Одним из универсальных ЛР параметров, входящих в ядерную 9-мерность ЛР парадигмы, является *лингвокогнитивный уровень,* или *тезаурус* (Ю.Н. Караулов), в структуре языковой личности (ЯЛ) субъекта дискурсивных процессов полиэтносоциокультурно-образовательного пространства (ПЭСКОП). На данном уровне в качестве системных элементов функционируют: понятия, концепты; идеи, мировоззренческие установки, идеологические стереотипы; различные когнитивные образования ментального уровня в виде слотов, фреймов, сценариев и т.п.; базовые дискурс-этимоны; прецедентные суждения и умозаключения. Тезаурус ЯЛ продуцента и реципиента обеспечивает воз-

никновение и развитие мысли как неотъемлемой «когнитивной подкладки» слова, генерирует речевую деятельность во всех ее видах, регистрах, режимах как деятельность речемыслительную и, тем самым, является центрирующим для остальных уровней структуры ЯЛ и всех категориальных групп ЛР парадигмы. Соответственно, все исследования представителей Сочинской ЛР школы объективно являются когнитивно-дискурсивными; при этом среди них выделяется группа изысканий, специально посвященных изучению концептов.

Данные, полученные учеными в рамках основных подходов к концепту как смысловой субстанции описательно-образного и ценностно-ориентированного характера – лингвокогнитологического и лингвокультурологического (В.И. Карасик), – группируются, центрируются и органично взаимопроникают в рамках ЛР категориальной матрицы, которая, согласно ретроспективе публикаций, сформировалась к 1995 г., а с 2015 г. развивалась из 9-мерности в 16-мерность и в 32-мерность. Нами проанализированы, в том числе, различные аспекты научного рассмотрения концепта как лингвокогнитивного феномена: родо/видовые соотношения и характеристики – структурные, онтологические, медийные, хронологические, идеологические, содержательные. Так, с точки зрения масштабности когнитивных единиц соотносительными являются термины *макроконцепт* / *концепт* / *микроконцепт*. С позиций организации именной структуры выделяются *концепты простой* / *составной.* Парадигматика дискурс-текста фиксирует *концепты-синонимы* / *концепты-антонимы* и др. Особое значение для онтологии имеет *событийный концепт* (Ю.А. Сорокин) в его когнитивной динамике «от реального события к вербальному факту». *Медиаконцепт* (О.В. Орлова) формирует общественное мнение коллективной ЯЛ этноса, совокупной ЯЛ этносоциума и трансформирует массовое сознание как медийно-стилистическая субстанциональность целенаправленного («прицельного») когнитивно-дискурсивного воздействия. Термин *концепт-«новоидеологема»* (Е.Г. Малышева) фиксирует идеолого-хронологический аспект ЛР концептологии.

По материалам дискурс-ансамбля исследований Сочинской ЛР школы мы предлагаем классификацию концептов с точки зрения их общей и частной типологизации. Исходя из *четырех основных сфер* изучения дискурсивных процессов в ЛР парадигме – *социокультурной, литературно-художественной, гносеологически ориентированной, педагогической,* которые квалифицируются нами как основные суперсферы в рамках мегасферы российского ПЭСКОП, **концепты**, изучаемые в категориальном поле ЛР подхода, на первом уровне дифференциации правомерно подразделить на **социокультурные, литературно-художественные, гносеологические, педагогические**.

Остановимся на первой группе. ***Социокультурные концепты*** в их ЛР интерпретации на втором уровне дифференциации рассматриваются в дихотомии «универсальное – локальное»: **1)** ***универсальные; 2) локальные: 2.1) регионально ориентированные; 2.2) политически детерминированные; 2.3) институционально обусловленные.*** В рамках объема статьи рассмотрим более подробно универсальные и региональные.

Среди **универсальных социокультурных концептов,** актуальных на глобальном уровне речемыслительной деятельности планетарной ЯЛ, с позиций ЛР подхода проанализированы концептосферы и макроконцепты БОГАТ-

СТВО (RICHES / RICHNESS / WEALTH) (С.В. Зубарев), УСПЕХ (SUCCESS) (О.Ю. Берсенева), СТИЛЬ ЖИЗНИ (LIFESTYLE) (О.В. Скулкин). Показано, что в дискурсе прессы XXI в. микроконцептосфера БОГАТСТВО развивает заданную лексико-фразеологическим фондом биполярность. Современная российская пресса ценностно ориентирована на осмысление материального богатства как социально-философской категории (***этос***). Нравственность / безнравственность материального богатства как основное мыслительно-словесное начало речи (***логос***) продуценты дискурса комментируют, опираясь на различные типы эмоциональной аргументации (***пафос***): мифологический, убеждающий, прагматический, гедонистический, смысловыявляющий, формируя «плюрализм ценностей». Контексты современной английской прессы с репрезентантами концепта RICHES / RICHNESS / WEALTH, несмотря на широкий тематический охват (политика, экономика, культура, наука, образование, медицина, спорт, окружающая среда, реклама), демонстрируют, напротив, стабильность ценностной картины мира и способов ее представления.

Концепт УСПЕХ, выступающий когнитивной доминантой инвариантной части ЛР модели постулированного нами психолого-прагматического дискурса, или «дискурса успеха», характеризуют широкий *инвентивный репертуар* (достижение успеха в различных областях – карьера, профессия, личная жизнь, здоровье, победа над вредными привычками и др.) и разнообразие *доводов* – ***к этосу, к логосу, к пафосу***; четкость *диспозитивных маркеров*; метаболическая амплификация *элокутивного слоя*. В рамках общей стратегии проективно-мировоззренческого и стимулирующего воздействия (коммуникативная деятельность) на ***лингвокогнитивном уровне*** взаимодействий продуцента и реципиента дискурса успеха (синергетика «лингвориторико-герменевтического круга») их общение гармонизируется в рамках комплекса близких к концепту УСПЕХ понятийных сфер: концептов СЧАСТЬЕ, БОГАТСТВО, ЛЮБОВЬ, КРАСОТА, ЗДОРОВЬЕ, БЛАГОПОЛУЧИЕ. Последние репрезентируются на ***вербально-семантическом уровне*** (языковые операции), обеспечивая инвентивные, диспозитивные, элокутивные ЛР тактики (текстовые действия). На ***мотивационном уровне*** продуцента и реципиента дискурса успеха доминирует интенциональный спектр убежденности в безграничных возможностях человека, воодушевленного идеей достижения успеха и освоившего механизмы вербального самопрограммирования.

Медиаконцепт СТИЛЬ ЖИЗНИ, репрезентированный в глянцевом журнальном дискурсе (ГЖД), является глобализирующим мегаконцептом. *Инвентивно-элокутивная координация* ГЖД базируется на парадигматике, синтагматике, эпидигматике медийной концептосферы «Стиль жизни» («Lifestyle»), или «Глянец» – в наивной картине мира. Ее ядро представляют общие для мужских и женских дискурс-практик концепты: 1) глубинный уровень *гендер-идеала:* базовые суперконцепты КРАСОТА (***пафос***), УСПЕХ (***этос***), БОГАТСТВО (***логос***); 2) детерминанты *инвентивной сетки:* макроконцепты ВНЕШНОСТЬ, ВЗАИМООТНОШЕНИЯ, ИНТЕРЕСЫ, ДОСУГ; детализирующие их мезоконцепты (МОДА, ФИЗИЧЕСКАЯ ФОРМА; СЕКС, ОТНОШЕНИЯ; ЭРОТИКА, ИНТЕРНЕТ-

КОММУНИКАЦИИ, КУЛИНАРИЯ; ПУТЕШЕСТВИЯ, РАЗВЛЕЧЕНИЯ и др.) и катаконцепты (ОДЕЖДА, ОБУВЬ, АКСЕССУАРЫ, ПАРФЮМ; ЗДОРОВЬЕ, СРЕДСТВА ЛИЧНОЙ ГИГИЕНЫ; ЛЮБОВЬ, ДРУЖБА и др.). Периферию образуют гендерно-дифференцирующие мезо- и катаконцепты (муж. – мезоконцепты АВТОМОБИЛИ, АЛКОГОЛЬ, ГАДЖЕТЫ и др.; катаконцепты БОДИБИЛДИНГ, КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ; жен. – мезоконцепты ВЫСОКАЯ МОДА, ШОУ-БИЗНЕС, ГОРОСКОП, ИНТЕРЬЕР и др.; катаконцепты ФИТНЕС, ДИЕТА, КОСМЕТИКА).

Среди ***регионально ориентированных социокультурных концептов,*** детерминирующих речемыслительную деятельность региональной ЯЛ, в ЛР парадигме изучены концептосферы и макроконцепты КУРОРТ СОЧИ (А.С. Зубцов) и ОЛИМПИАДА «СОЧИ-2014» (Н.И. Пермякова). Первый концепт актуален также для совокупной ЯЛ российского этносоциума в целом, а после победы олимпийской заявки в 2007 г., когда второй концепт вышел на мировой уровень глобальной коммуникации, произошло повышение статуса первого концепта в плане международной известности на уровне планетарной ЯЛ.

При изучении регионального ПЭСКОП было установлено, что в сознании совокупной ЯЛ Сочинского региона одной из наиболее значимых ментальных доминант являлся концепт КУРОРТ СОЧИ – многокомпонентное ментальное образование, фиксирующее конкретный участок картины мира ЯЛ в его социо- и этнокультурной обусловленности, которое выступает своего рода оселком для выявления особенностей региональной ЯЛ. Затем таковым становится событийный медиаконцепт ОЛИМПИАДА «СОЧИ-2014», компоненты значения которого, в том числе парадоксально-оксюморонного характера, наслаиваются на пласт значений и значимостей концепта КУРОРТ СОЧИ, закрепленный в общественном языковом сознании. Этот оригинальный когнитивно-эмотивный вербально-смысловой комплекс на ряд лет становится доминантой сознания региональной ЯЛ, прежде всего – продуцентов и реципиентов местных СМИ. В связи с концептом ОЛИМПИАДА «СОЧИ-2014» нами введен термин ***концепт-инноват,*** под которым понимается ментальный комплекс, образующий принципиально новый (абсолютно или относительно, т.е. в рамках сложившейся ситуации) смысловой спектр, который, в случае дискуссионного характера, генерирует в общественном языковом сознании коннотативную поляризацию интерпретационных векторов речемыслительной деятельности. Постулирован также термин ***медиаконцепт-инноват*** – ментальный комплекс, внедряемый посредством СМИ властными структурами (чаще всего) в сознание коллективной региональной ЯЛ, новый в смысловом отношении, дискуссионный в случае неоднозначных последствий нововведения.

Обобщение опыта представителей Сочинской ЛР школы в изучении и типологизации концептов как ядерной составляющей (уровень тезауруса) системы универсальных ЛР параметров при рассмотрении дискурс-текстов, дискурс-практик и дискурс-ансамблей разных видов, типов и подтипов, прежде всего, институциональных, как продуктов речемыслительной деятельности коллективной / этносоциостратной / профессиональной ЯЛ демонстрирует, что ЛР парадигму правомерно квалифицировать в качестве инновационной категориальной призмы, которая в силу своего интегративного и кумулирующего характера обладает высоким эвристическим потенциалом.

***A.A.* Vorozhbitova** (Sochi, Russia)
Sochi State University

LINGUISTIC AND RHETORICAL PARADIGM: CATEGORICAL PRISM OF COGNITIVE DISCURSIVE STUDIES

The paper argues for the role of Linguistic and Rhetorical (L&R) Paradigm as an innovative categorical prism of an integrative nature with a high heuristic potential for conducting cognitive discursive research as well as summarizes the experience of the Sochi L&R School representatives in the study and typologization of concepts as the core components (thesaurus level) of the system of universal L&R parameters.

Key words: Linguistic and Rhetorical (L&R) Paradigm, cognitive discursive research, linguistic personality (LP), cognitive level (thesaurus) of linguistic personality, typology of concepts.

В.З. Демьянков *(Москва, Россия)*
Институт языкознания РАН
vdemiank@gmail.ru

ПРЕДВИДЕТЬ И ПРЕДСКАЗАТЬ: ДИСКУРС О ПРЕДЗНАНИИ И ПРЕКОГНИЦИЯ[1]

Наблюдения над большим многоязычным корпусом текстов демонстрируют межкультурные различия речи о прекогниции (предзнании) в русском и западноевропейских языках. Лексические и грамматические различия между языками, проявленные в употреблении лексических единиц, обозначающих предзнание, связаны с культурной спецификой построения и восприятия дискурса и позволяют сделать выводы об определенных общечеловеческих механизмах когниции.

Ключевые слова: употребление языка, когниция vs. прекогниция, методология когнитивно-лингвистического исследования, лингвистическая типология.

1. Когниция, бегущая впереди креативного дискурса

Когнитивно-дискурсивный подход глубоко укоренился в современной лингвистике и состоит в исследовании не только системы языка, но и того, как и в какой мере реализуются потенции этой системы в реальных текстах, ср.: “Usage-based cognitive-linguistic approaches [...] have focused their attention on the cognitive underpinnings of linguistic knowledge, asking questions as to how linguistic patterns and item-specific knowledge are stored and represented, how this knowledge emerges and what the cognitive processes

[1] Исследование, описанное в разделе 1, выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН. Раздел 2 данного исследования выполнен за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН

involved in this emergence are" [Herbst, Schmid, Faulhaber 2014: 2-3]. Распространению этого направления способствуют компьютерные технологии последних десятилетий, особенно корпусная лингвистика, предоставляющая большие данные об употребительности языковых единиц в практически неограниченном множестве текстов на протяжении многих веков. Анализ таких данных позволяет увидеть закономерности и в системе языка (наличие которых – аксиома языкознания как науки), и в когнитивных механизмах создания и понимания дискурсов различных жанров.

При этом мы каждый раз с удивлением констатируем, насколько велик зазор между сказанным и тем, что хотят сказать, а также между тем, что слышат и что осваивают в виде интерпретации [Yus 2016: xvi]. Эти пробелы дискурс часто обходит молчанием.

Слово discursus в латыни содержало идею перебегания с места на место [Демьянков 2001]. Не случайно английский термин discourse иногда переводят словом *рассуждение*, метафоризирующим логические переходы, напр.: «Последовательность представлений, их порядок или связь могут быть случайными, как это бывает большей частью в сновидениях, или же строго определенными, как это бывает тогда, когда предшествующая мысль необходимо вызывает последующую; во втором случае это – рассуждение. Но так как слово *рассуждение* (discourse) обыкновенно применяется по отношению к связи и последовательности слов, то во избежание двусмысленности я назову указанную последовательность правильным ходом мыслей (discursion)» [Гоббс 1989: 520-521] В оригинале: The succession of conceptions in the mind, their series or consequence of one after another, may be casual and incoherent, as in dreams for the most part; and it may be orderly, as when the former thought introduceth the latter; and this is discourse of the mind. But because the word **discourse** is commonly taken for the coherence and consequence of words, I will (to avoid equivocation) call it **discursion** (Th. Hobbes. The Elements of Law Natural and Politic, 1640. Ch. 4).

В идеале дискурс должен явно показывать причину для каждого логического перехода. Обычные же дискурсы от такого идеала далеки.

«Дискурсовод», автор дискурса, ведет своего адресата по закоулкам рассуждения в опоре на знания о настоящем и прошлом, но иногда и сам может засмотреться на светлое будущее, на не увиденное ранее прошлое и даже еще выше – на вечность. Фантазийную вылазку за пределы непосредственно известного или проверяемого, создание образов того, что еще не существовало и не существует, но «несомненно будет» или столь же «несомненно не будет» (ср.: *В прокат вышел рекламный сон о полете на Марс*), – называют предзнанием, или пре(д)когницией. Предчувствия подтверждаются или не подтверждаются, а предзнаниями называют то, что в итоге подтвердилось, это информация с «подтвердившимся диагнозом».

Такую когницию, «забегающую вперед», часто рассматривают в эзотерическом ключе, напр.: *Принимая концепцию Налимова – Лескова, можно построить физическую модель сверхчувственной интуиции, а также комплекса явлений сверхчувственного восприятия – телепатии, ясновидения, прекогниции и др.* (Возвращение Питирима Сорокина: материалы Международного научного симпозиума, посвященного 110-летию со дня рождения П.А. Сорокина, 2000). Собственно прекогницию, или ретрокогницию, в психи-

атрии определяют как «предсказание или предчувствие будущих событий или событий, имевших место в прошлом, но недоступных для обычных воспоминаний» [Самохвалов 2002]: это ощущение, что ты знал о событии, но вспомнил только сейчас, когда представился повод.

Важнейшие лексические единицы, упоминающие прекогницию в художественной и научной литературе, – *предвидение* (как результат предусмотрительности или как случайное угадывание) и *предсказание*, мотивированные двумя разными основами: со значением «зрительное восприятие» и «речь», ср. ***ПРЕДВИДЕТЬ*** *что, предусматривать, предузревать, предугадывать, предузнавать, предчувствовать; рассчитывать вперед, или предсказывать* (В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, 1863–1866).

В большом корпусе разножанровых непереводных русских текстов XVIII–XXI вв. примерно 300 тыс. предложений содержат хотя бы одну лексему прекогниции. Чаще всего встречаются основы *пророк-* / *пророч-* (в 22%) и *предусмотр-* / *предусматр-* (тоже в 22%); примерно на треть реже – *предсказ-* / *предскаж-* (16%) и *предвид-* / *предвиж-* (14%). В полтора раза реже, чем эти последние, – *прогноз-* (10%). Примерно еще в 2-3 раза реже – *предвест-* / *предвещ-* (4%), *провид-* (3%), *предугад-* (2%), *предвосхищ-* (2%). И совсем редко (меньше 1%): *предзна-*, *предрек-* / *предреч-*, *прозорл-* и *прекогнит-* / *прекогниц-*. Это значит, что само предзнание, подаваемое как зрительное восприятие (предусмотрение, предвидение, провидение и т.п.), и речь о предзнании (пророчество, предсказание, предвещание) примерно одинаково актуальны в дискурсе по-русски.

Русские глаголы «прекогниции» («предведения», или «предзнания») *предсказать* (*предвещать* и *предрекать*) и *предвидеть* по внутренней форме соответствуют разным ментальным действиям: одно не всегда влечет другое: *Я могу* ***предвидеть,*** *но не могу* ***предсказать*** (К. Кинчев. Песни группы АЛИСА). Тем не менее, нередко они подаются в одном букете, как одно сложное ментальное действие, ср.: *Между тем кто в целом мире, даже накануне созвания Генеральных Штатов, мог бы* ***предвидеть*** *и* ***предсказать*** *тогда ту форму, в которую воплотится это дело почти на другой же день, как началось оно...* (Ф.М. Достоевский. Дневник писателя 1877: Год II-й).

При этом сказать можно «наобум», ради красного словца: смотришь в «книгу жизни», а видишь нечто иное и об этом ином сообщаешь. Предсказание как публичный акт – ответственный поступок, предполагающий «поручительство за истинность пропозиции» (propositional commitment), которого предвидение не предполагает, ср.: [...] *я не хочу* ***предвидеть*** *ему конца, а вы* ***предвидите*** *и* ***предсказываете:*** *я и не верю и не хочу такого счастья; оно неискренне и непрочно...* (И.А. Гончаров. Обрыв, 1869). Подтверждают это и примеры типа: *Его радостное настроение все увеличивалось в последнее время оттого, что дела шли плохо: «Все вышло именно так, как я* ***предсказывал!»*** *Собственно, он не* ***предсказывал*** *ничего, но был уверен, что все заранее* ***предвидел*** (М.А. Алданов. Самоубийство, 1956).

Итак, сказать – не значит увидеть (ср. *обещать – не жениться*). Более того, замена глагола *предсказывать* на *предвидеть* может сделать предло-

жение странным, ср.: *Они поговорили о предстоящей поколке, о рыбной ловле, о двух соломинках, которые* ***предсказывают*** *дождь* (Л. Платов. Страна Семи Трав, 1954) и странное *Они поговорили о предстоящей поколке, о рыбной ловле, о двух соломинках, которые* ***предвидят*** *дождь.* Неодушевленное создание может предсказывать и предвещать, но не предвидеть!

Еще и поэтому предусмотрение и предсказание упоминают в рамках одного и того же предложения, когда подчеркивают столкновение человеческой прекогниции с реальностью, напр.: *Эту катастрофу так же невозможно* ***предусмотреть*** *инженеру, как невозможно заранее* ***предсказать*** *землетрясение* (С.Н. Сергеев-Ценский. Преображение России: Преображение человека); *Что может* ***предусмотреть*** *человечество, какие* ***предсказанные*** *сроки совпадали...* (Д. Гранин. И все же..., 1967). В русской словесности также представлена трехэтапная и даже четырехэтапная драма познания, напр.: ***Предусмотрели*** *все, кроме одного – чуда, иррационального явления, причин которого нельзя* ***предвидеть, предсказать,*** *и* ***перерезать*** (А.И. Солженицын. Бодался теленок с дубом: (Очерки литературной жизни), 1975). Даже предсказуемость бывает предусмотренной: *В классическом его понимании, планирование* ***предусматривает предсказуемость*** *действий субъектов, с которыми вступают в деловые отношения* (А.В. Лазарев. Бизнес-планирование как форма экономического управления, 2000). Воистину, *Все* ***учтено*** *могучим ураганом...* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок).

2. Взаимоадаптация предзнания и дискурса

Как ни странно, сама лексема *предзнание* по-русски звучит исключительно редко, напр.: *Людям кажется в ней чудесным* ***«предзнание-воспоминание»*** *(в смысле Платоновского* anamnesis) *о том, чему она никогда не училась* (Д.С. Мережковский. Жанна д'Арк, 1938); [...] *в эти формы* ***предзнания*** */ разъятья, / терпения* (Арк. Драгомощенко. Ксении [Тексты], 1993); ***Предзнание,*** *которому не суждено отвечать на вопросы смерти – / не прорасти в череп материи* (там же). Ломоносовское *предзнание погод* в значении «прогноз погоды» давно уже устарело.

Как болезненное состояние психики предзнание вызывает у человека ощущение, что это он сам – автор большого дискурса под названием «жизнь», которую можно редактировать, вставляя нечаянно пропущенные указания на причинно-следственные связи, ср.: «Он, естественно, заранее знает все, что случится с героем, и довольно щедро – хотя и не без лукавства – делится с читателем этим предзнанием, расставляя по роману сигнальные значки, указывающие на дальнейшие события» [Липовецкий 1997]. Редактирование предзнания – добавление, удаление или исправление таких значков – хорошо знакомо пациентам психотерапевтов: *Мы носим в себе и ожидание –* ***предзнание*** *того, каким окажется Встречный или Знакомый* (Н. Козлов. Как относиться к себе и людям, или Практическая психология на каждый день, 1999).

Итак, предзнание, как и иные предварительные или даже поспешные действия, корректируется человеком в меняющемся мире: *Называемое сознанием (предрасположением, предупорядоченностью, предпониманием,* ***предзнанием*** *жизни самого сознания) и есть способность видящего видеть себя в точке видения* (М. Мамардашвили. Труды). Да и жизнь вносит свои «корректуры», а потом верстку, гранки и чистые листы, иногда в причудливом порядке. Отсю-

да – предназначенность действия как предзнание того «дискурса», который еще только выходит из-под пера «автора жизни», напр.: *Князь Корнаков, напротив того, так же спокойно, раскланиваясь знакомым мужчинам и женщинам, проходил первые комнаты, входил в большую залу и присоединялся к отдельному кружку, как бы он входил в свою спальню, и с тем же* ***предзнанием*** *того, что он должен встретить, с которым чиновник, приходя в отделение, пробирается в знакомый угол к своему столу* (Л.Н. Толстой. Святочная ночь).

Предзнание в той степени драматично, в какой допускает сомнения в правильности и реальности создаваемой «жизни»: *И последнее предзнание людей с их чистосердечнейшими поговорками о псе и льве, синице и журавле, погонщике мулов и царе – я знала, что соперников в* ***этой*** *любви у меня не будет* (Марина Цветаева. Дом у Старого Пимена). Это предзнание зыбко и хлипко: *Холодок прошелся по загривку, а в животе зашевелился студенистый комок предзнания* (В. Каплун. Бурда-Моден).

Рассмотренным выше русским глаголам соответствуют английские: (1) со сходной внутренней формой: foretell (с родными для английского морфемами) и predict (с латинскими морфемами), (2) с иной внутренней формой: prognosticate («предзнать»), forecast («предугадать»). Во французском с идеей речи о будущем связаны: *prédire,* pronostiquer, *présager,* augurer (последнее – напоминание о профессиональных занятиях авгуров в древности), *prophétiser* (пророчествовать) и т.п. Предвидение, не обязательно проявленное в речи, фигурирует в глаголах *deviner à l'avance* и *prévoir*. Идея пророчества в реальном значении просматривается у немецких глаголов weissagen (собственно, «вещать», говорить то, что знаешь), prophezeien и wahrsagen (гадать, «правду говорить»; ср. требовательное, требующее долива после отстоя: *Да всю правду доложи* у А.С. Пушкина).

Предугадывать по-русски означает, собственно, речь (*гадать* в некоторых современных славянских языках имеют значение «говорить»). А *предвидение* и *предусматривание* только по переносу, да и то не обязательно, со словом связаны. В выражении *Я же говорил(а)!* слышится растроганная гордость собственной прозорливостью, в одном флаконе с обидой Кассандры, голосу которой напрасно не поверили. А глагол *прозреть* «обрести зрение» (французские recouvrer la vue, voir clair и *commencer à* voir clair) относится даже и не к прекогниции, а к посткогниции: прозревают после холодного душа действительности.

Немецкое Vorwissen (буквально «предзнание») в сочетаниях mit Vorwissen «с (чьего-либо) ведома» и ohne Vorwissen «без (чьего-либо) ведома» снабжено префиксом vor- «пред-», следов которого в русских переводах не находим: вместо этого делается намек на предуведомление, но не на предвидение или предсказание, напр.: *Aber ich möchte auch keinen Schritt* ohne Vorwissen der Baronin thun «Но я не хотел бы делать каких-либо шагов без ведома баронессы» (K. May. Die Liebe des Ulanen, 1885).

Близкая, но все-таки иная лексема Vorwissenschaft «преднаука» по-немецки не теряет семантической связи с лексемой Wissen «знание», что обыгрывается в следующем афоризме: Die Sprache ist eben ihrer Struktur nach eine vorwissenschaftliche Wissenschaft «Язык по своей структуре –

преднаучная наука» (H. Weinrich. Linguistik der Lüge, 1970). Имеются в виду, в частности, и die vorwissenschaftlichen Wortbedeutungen «преднаучные значения слов» (H. Rickert. Die naturwissenschaftliche Methode), используемые в качестве научных терминов. Недаром этимологическое значение играет огромную роль в рамках «терминологических культур», ср. историю слов *дискурс* и *текст, концепт* и *понятие* и т.д.

Глаголы же voraussehen (похожий глагол vorausschauen гораздо более редок) и vorhersehen (похожий на него глагол vorherschauen встречается считанное число раз, причем в переводах на немецкий) прямо упоминают идею видения, но с разными дейктическими показателями: с движением от говорящего (в глаголе voraussehen) и по направлению к говорящему (vorhersehen). Пример первого: Dieses sind alles Dinge, die man voraussieht und die deshalb nicht gesagt *und ausgeführt werden müssen* «Все это *предвидят* (в будущем) и потому не могут упомянуть и объяснить (конкретизировать)» (J.P. Eckermann. Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens, 1836). Пример второго: Wenn *keine unvorherzusehende Störung kommt, wird er gerettet sein* «Если не будет никакой непредвиденной помехи, то он будет спасен» (K. May. Im Reiche des silbernen Löwen: III, 1902). Помеху можно предвидеть, а «предусмотреть» – только обладая телескопическим коварством, поэтому фраза «Если не будет никакой непредусмотренной помехи» в качестве перевода последнего предложения прозвучит странно. Русский глагол *предусматривать* (напр., *Закон предусматривает наказание для этого деяния*) относится к прескриптивам, а не к классу собственно прекогниции, в отличие от немецкого voraussehen. Недаром забавно звучит «канцеляритная» оговорка: *И за борт ее бросает в надлежащую волну*.

Vorhersicht как субстантивация глагола vorhersehen, встречающаяся исключительно редко и не всегда упоминаемая в двуязычных словарях, таит в себе указание на свойства субъекта предвидения. Например, известную фразу А. Шопенгауэра Weil sowohl dieser *Rückblick,* wie auch die deutliche Vorhersicht des Todes, als durch Vernunft bedingt, nur im Menschen, nicht im Thiere, *möglich* ist […] (A. Schopenhauer. Die Welt als Wille und Vorstellung, 1819) следует трактовать так: «Поскольку и это подытоживание, и ясное **предвидение собственной** смерти, предопределенные разумом, возможны только у человека, но не у животных...» Буквальный перевод *предвидение смерти* (неясно, чьей) менее точно передавало бы глубокий смысл оригинала.

Теми же дейктическими показателями обладают немецкие глаголы речевого предсказания voraussagen и vorhersagen «предсказать», ср. Wettervorhersage «прогноз погоды» на многих каналах ТВ. Но параллелизм здесь неполон. Так, есть наречие voraussichtlich, но не vorhersichtlich. Бывает, что в рамках одного предложения сталкиваются две эти идеи: Eine einfache Frau, welche die Gabe *des Hellsehens im hohen Grade besaß, hatte verschiedenen Personen aus den sogenannten «besseren» Ständen im somnambulen Zustande Rat und Aufschlüsse erteilt,* ihnen auch **Voraussagungen** gemacht […], und da diese **Vorhersagungen** sich als richtig erwiesen, die Warnungen sich als berechtigt bewahrheiteten, kurz, die fragenden Personen tatsächlich Vorteil aus den Aussagen der Somnambulen erlangt hatten... «Одна женщина простого сословия, обладавшая в большой степени даром предвещания, находясь в полусознательном состоянии, давала советы и

истолкования, а также **предсказания** (**Voraussagungen**) нескольким людям из так называемых привилегированных сословий [...], и поскольку эти **предсказания** (**Vorhersagungen**) подтвердились […], эти лица получили пользу от высказываний прорицательницы...» (W. Froese. Das große Buch der Geheimwissenschaften Oder: Enthüllte Geheimnisse Der größten Zauber Zauber- und Wunderdoktoren, 2001). Префикс voraus- помещает фокус внимания на прорицательницу (от нее предсказания исходили), а vorher- – на ее клиентов, для которых предсказания подтвердились.

Сходства и различия в лексике и грамматике речи о когниции и о прекогниции в русском и западноевропейских языках предопределяются приспособлением («аккомодацией») наших культур к условиям «познания», когда воспринимаются и несомненные знания, и сомнительные сведения, а также когда расширяют кругозор под влиянием чужеземных дискурсов.

Прагматисты осторожно предполагают («предзнают»), что не только структура языка, но и «предзнакомство» с адресатом [Schmachtenberg 1982: 41] и с уровнем его осведомленности сказывается на том, как и о чем мы с ним будем беседовать (ср. [Morik 1982: 214]), а что останется вне «круга общения».

Некоторые идут дальше, смело утверждая, что мы видим только то, что знаем, а знаем только то, что хотим (у)знать [Meyer-Abich 1997: 211]. Неужели и правда, «неприлично знакомиться с незнакомыми идеями»?

Поэт же, с его еще более широкой душой, увидит здесь границы человеческого счастья:

Мы мало видим, знаем,
А счастье только знающим дано (И.А. Бунин. Вечер, 1909).

«И предзнающим», – выдохнем мы из когнитивно-лингвистического угла.

Литература

Гоббс Т. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1989. Т. 1.

Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст: сборник к 70-летию Т.М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. проф. В.Н. Топоров. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 34-55.

Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики). Екатеринбург: УрГПУ, 1997.

Самохвалов В.П. Психиатрия: учебное пособие для студентов медицинских ВУЗов. Ростов на Дону: Феникс, 2002.

Herbst Th., Schmid H.-J., Faulhaber S. From collocations and patterns to constructions – an introduction // Constructions. Collocations. Patterns. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2014. P. 1-9.

Meyer-Abich K.M. Praktische Naturphilosophie: Erinnerung an einen vergessenen Traum. München: Beck, 1997.

Morik K. Überzeugungssysteme der Künstlichen Intelligenz: Validierung vor dem Hintergrund linguistischer Theorien über implizite Äusserungen. Tübingen: Niemeyer, 1982.

Schmachtenberg R. Sprechatktheorie und dramatischer Dialog: Ein Methodenansatz zur Drameninterpretation. Tübingen: Niemeyer, 1982.

Yus F. Humour and Relevance. Amsterdam; Philadelphia, 2016.

V.Z. Demyankov (Moscow, Russia)
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

FORESEEING AND FORETELLING: DISCOURSE ON PREKNOWLEDGE AND PRECOGNITION

Modeling discourse production and recognition taking into account precognition is an important issue of cognitive linguistics. From the typological point of view, Russian and West-European languages use the lexical items denoting precognition in different ways. Thus, foreseeing and foretelling are Euroversal metaphors for precognition, which is not always the case outside this area. These two classes of metaphors are used equally frequently in Russian corpus of literary and scholarly texts. In German, deictic properties of precognition are actualized by verbal prefixes. Analyzing the way we talk about knowledge and pre-knowledge is a good heuristic means for refining cognitive-linguistic theories.

Key words: language use, cognition vs. precognition, cognitive-linguistic methodology, linguistic typology.

Л.И. Гришаева *(Воронеж, Россия)*
Воронежский государственный университет
grischaaewa@rgph.vsu.ru

КОНСТРУИРОВАНИЕ СИМУЛЯКРОВ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ НОВЫХ СПОСОБОВ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА?

В докладе обобщаются результаты наблюдения над разными форматами дискурса и разными типам текста. Обсуждаются характеристики, наиболее выпукло проявляющиеся в разнообразных актуальных условиях: гибридность, центонность, повышенная образность / метафоризация, семиотическая гетерогенность, конструирование виртуальной реальности различного вида, обилие средств смеховой культуры в нетипической для них среде и др. Принципы содержательной и формальной организации текста описываются как реализация носителями языка и культуры в конкретных коммуникативных условиях стратегий разного типа: когнитивных, номинативных, коммуникативных / дискурсивных.

Ключевые слова: организация текста, симулякр, средства и способы реализации коммуникативных стратегий, тип текста, формат дискурса.

Многочисленные случаи актуального использования языка в разных дискурсивных средах характеризуются тем, что «наивный» носитель языка и культуры зачастую не в состоянии различить вымысел и реальность, ложь и правду, подделку и факт. Другими словами, конструируемую языковыми средствами реальность, например в актуальных медиасредствах (телевидение, интернет-пространство, докудрама, фантастика, компьютерные игры, интерактивные щоу и пр.), носители языка нередко склонны воспринимать как более реальную,

нежели ту, с которой они в действительности сталкиваются сами. Поскольку с помощью языковых средств носители культуры порождают тексты, требуется выяснить, как организованы тексты, фиксирующие сконструированную сымитированную реальность, и чем такие тексты отличаются от иных, например, художественных, при восприятии которых реципиенты не путают миф и действительность, вымысел и реальность.

Для лингвиста, который по определению анализирует использование языковых средств в разных коммуникативных условиях, отмеченное обстоятельство можно сформулировать как задачу о выявлении способов и средств достижения некоторой цели с помощью разнородных языковых средств, специализирующихся на конкретной коммуникативной и когнитивной задаче – в нашем случае с порождением и восприятием симулякров, а также генетически родственных им феноменов, прежде всего фейков, столь частотных – и востребованных ныне – в актуальной медиасреде.

Симуляция как одна из наиболее эффективных современных технологий подготовки профессионалов к определенным видам деятельности (летчиков, хирургов, экспертов и др.) предлагает своим пользователям некую копию оригинала, представление, которое, казалось бы, соотносится с реальным образцом, отсылка к которому однако лишь имитируется, т.е. симулируется [Griem 2001: 585]. В силу этого репрезентации и артефакты, более не соотносимые с образцами, субстанциями, целями и идеалами, симулируют эффекты реальности с помощью моделей и кодов [Griem 2001: 586]. Благодаря симуляции, т.е. конструированию симулякров, а именно вытеснению реальности, «постисторические» общества добиваются своей стабильности через специфическую эффективность своих медиальных систем репрезентации, системность медиасимволов и форматов, известные формы репрезентации с их стереотипно-надежными механизмами воздействия [Köster 2000: 471].

В силу отмеченных особенностей симуляции правомерно искать телеологичность, изначально имманентную любому виду деятельности, и при конструировании симулякров, т.е. трактовать соответствующие процессы и техники как реализацию той или иной стратегии, итогом чего коммуникант, сознательно более или менее успешно конструирующий симулякр, достигает известную ему цель. Поэтому не удивительно, что, как убеждает реальная практика, наиболее востребованными симуляркы оказываются в медиапространстве, а именно в политической коммуникации.

Поскольку при конструировании симулякров особую значимость имеют форматы знаний и формы их репрезентации, к которым принадлежат, вне всякого сомнения, также механизмы порождения и восприятия текстов, изучение последних оказывается весьма важным для постижения сути процессов сообщения сведений о мире в коммуникации одним коммуникантом, обладающим определенным набором разнородных характеристик, другому, которому также свойственен определенный набор разнородных характеристик. Это обусловлено, очевидно, следованием обоими коммуникантами определенному паттерну той или иной интеракции и владением прототипами активизированных ментальных категорий при концептуализации и категоризации сведений о мире, профилировании комплекса акти-

вированных и соактивированных сведений о мире, перспективизации последних и в конечном итоге выбору разнородных номинативных средств, способствующих успешному решению коммуникативных и когнитивных задач, аранжированных по конвенционально известным образцам в тексте того или иного типа.

Сказанное означает последовательный учет при анализе когнитивных, психологических, социальных, языковых, интеракциональных (дискурсивных), социокультурных и др. закономерностей при кодировании, декодировании гетерогенных, гетеросубстратных, гетерохронных знаний о мире, обработке и передачи коммуникативно и когнитивно значимых сведений о мире в конкретных коммуникативных условиях. В обозначенном контексте конструирование симулякров правомерно трактовать как частный случай более общих тенденций, имманентных современным особенностям использования языка как средства познания и коммуникации. Тем самым конструирование симулякров можно определить как одно из средств и/или способов реализации дискурсивных стратегий.

Наблюдения над разными форматами дискурса и разными типами текста, представляющими собой процесс и результат решения определенной коммуникативной и когнитивной задачи в динамическом и статическом смысле соответственно, позволяют в качестве обобщения отметить ряд характеристик, свойственных столь разным по своей природе, сущности, способам организации и функциональному потенциалу, обнаруживаемых в самых разных коммуникативных условиях при использовании гетерогенных языковых средств разными носителями языка и культуры: гибридность, центонность, повышенная образность / метафоризация, семиотическая гетерогенность, конструирование виртуальной реальности различного вида, обилие средств смеховой культуры в нетипической для них среде и другие характеристики текста.

Поиск ответов на вопросы о причинах отмеченных обстоятельств приводит к выявлению ряда наиболее ярких тенденций в организации дискурса и текста. Особо следует отметить в качестве наиболее значимых следующие:

(1) последовательное и интенсивное увеличение доли семиотически гетерогенных текстов среди практически всех классов текстов. Следствием этого становится изменение принципов организации текстовой ткани в содержательном, функциональном, формальном отношении;

(2) тенденция к интенсивному проникновению средств создания комического в нетрадиционные до этого коммуникативные пространства (научный дискурс, политический дискурс, образовательный дискурс, кулинарный дискурс, многочисленные форматы медиадискурса и пр.) и появление новых, еще не конвенционализированных, способов реализации стратегий создания комического с помощью разнообразных языковых средств;

(3) тенденция к конструированию разных типов реальности (виртуальной реальности, фиктивной реальности, симулякров, фейков и т.п.) при достижении различных целей. Сюда же правомерно отнести в том числе и порождение fake news в разнообразных форматах медиадискурса, ставших одним из излюбленных для многих категорий коммуникантов средств и способов решения коммуникативных и когнитивных задач особенно в политической коммуникации;

(4) тенденция к гибридизации типов текста, в силу чего, с одной стороны, становятся диффузными границы между отдельными типами текста и, с другой стороны, это способствует появлению новых типов текста. Это сказывается на семантической, синтаксической, функциональной микро- и макроорганизации текста. Новые типы текста потенциально могут конвенционализироваться и в конечном итоге вытеснять традиционные для соответствующего коммуникативного пространства типы текста;

(5) тенденция к уплотнению информационного потока, что реализуется разными способами, в том числе и за счет более интенсивной апелляции к прецедентным феноменам, метафоризации, возрастанием вклада выводного знания в содержательную организацию текста, а также за счет изменения соотношения эксплицитного и имплицитного в тексте и др.;

(6) изменение соотношения устности и письменности как в дискурсе / коммуникации, так и в тексте как коммуникативном продукте. Эту тенденцию целесообразно рассматривать параллельно с тенденцией к гибридизации, а также с тенденцией к стилистической диффузности;

(7) тенденция к диалогизации разных форматов дискурса, следствием чего становится неизбежной трансформация семантической и синтаксической организации текстов разного типа.

Перечисленные тенденции, как очевидно, правомерно трактовать, с одной стороны, как изменение средств и способов объективации сведений в коммуникации и, с другой стороны, как преобразование способов сообщения коммуникативно значимых сведений в процессе совместного решения коммуникантами общей коммуникативной и когнитивной задачи.

Характерным следствием проявления названных тенденций следует признать следующие признаки, наблюдаемые в текстах разного типа:

– обогащение функционального потенциала языковых средств за счет функционирования последних в несвойственных для них до этого коммуникативных условиях и неконвенциональным для них образом, а также за счет повышения частотности их употребления;

– активное использование нейтральных языковых средств при порождении людических текстов (в разных форматах дискурса) в целях реализации людических стратегий в форматах общения, нетрадиционных как для соответствующих форматов, так и для стратегий порождения текстов в этих условиях;

– сознательное и/или неосознаваемое порождение fake news в разнообразных условиях и поддержание соответствующих способов организации взаимодействия между коммуникантами с разнообразными свойствами. Обращение в медиапространстве к fake news двух типов: явных и неявных для «простого» коммуниканта при очевидном доминировании последних;

– реализация стратегии на поддержание fake news одного и того же содержания в медиапространстве на протяжении длительного периода (вплоть до нескольких лет и даже десятилетий) с помощью порождения разных типов текста в разнообразных коммуникативных условиях не только в одном культурном пространстве, но и в разных языковых культурах.

Совстречаемость в актуальном коммуникативном пространстве упомянутых тенденций вряд ли можно оценить как случайность и/или отдель-

ный / единичный случай. Следовательно, в языковой культуре, очевидно, имеются стратегии на целенаправленное конструирование симулякров с помощью языковых средств, а также набор разнородных средств и способов конструирования симулякров. И это требует специального исследования.

Литература

Griem Ju. Simulakrum // Metzler Lexikon. Literatur- und Kulturtheorie. Ansätze – Personen – Grundbegriffe. Stuttgart, Weimar: Verlag J.B. Metzler, 2001. S. 585-586.

Köster W. Simulation // Metzler Lexikon. Kultur der Gegenwart. Formen und Institutionen seit 1945 (Hrsg. von Ralf Schnell). Stuttgart, Weimar: Verlag J.B. Metzler, 2001. S. 471-472.

L.I. Grishaeva (Voronezh, Russia)
Voronezh State University

CONSTRUCTION OF SIMULACRA AS MANIFESTATION OF NEW WAYS OF TEXT ORGANISATION?

The paper summarizes the results of research into different formats of discourse and different types of texts. The discussion centers around the features which are manifested in various conditions: their hybrid and centon nature, increased imaginativeness / metaphorization, semiotic heterogeneity, construction of various types of virtual reality, a large amount of elements that belong to the non-bona fide mode of culture in non-typical environment, etc. The principles of semantic and formal organization of the text are treated as the manifestation of various cognitive, nominative, communicative / discursive strategies in various contexts performed by language speakers.

Key words: text organization, simulacrum, ways and means of manifestation of communicative strategies, type of text, discourse format.

В.И. Заботкина *(Москва, Россия)*
Российский государственный гуманитарный университет
zabotkina@rggu.ru

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА[1]

В статье рассматриваются когнитивные механизмы, лежащие в основе межкультурного диалога. Основное внимание уделяется двум механизмам: интерактивного выравнивания, основывающегося на общности ментальных репрезентаций участников диалога, и механизму концептуальной интеграции. Анализ проводится на нескольких уровнях репрезентации с учетом когнитивных культурологических моделей носителей двух культур.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 17-78-30029

Ключевые слова: диалог, когнитивный механизм, угроза, интерактивное выравнивание.

Одним из вызовов XXI века является угроза потери устной коммуникации. Современный мир становится нечеловекомерен. В связи с этим одной из проблем, которую необходимо решить в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы современной лингвистики, является проблема когнитивных основ диалога.

В данной статье мы рассмотрим когнитивные механизмы, лежащие в основе диалога вообще и межкультурного диалога в частности.

Любой диалог представляет собой совместное действие. Как известно, языковая структура и процессы, происходящие в головном мозге человека, являются проявлением общих социально-когнитивных способностей, самыми важными из которых являются совместные действия, координация и конвенция [Croft 2009].

Современные подходы к когнитивному анализу диалога основываются на теории М. Бахтина. Его теория заложила основы для изучения социальной когниции (ср. [Croft 2008]), ситуационной когниции и коммуникативных аспектов когниции в целом. М. Бахтин был одним из первых ученых, который ввел понятие «другого». По его мнению, человеческая мысль становится мыслью только в условиях живого контакта с мыслью другого. «Сознание начинает жить, то есть формироваться, развиваться, находить и обновлять свое словесное выражение, порождать новые идеи, только вступая в существенные диалогические отношения с другими чужими идеями. Человеческая мысль становится подлинною мыслью, то есть идеей, только в условиях живого контакта с чужою мыслью, воплощенной в чужом голосе, то есть в чужом выраженном в слове сознании. В точке этого контакта голосов-сознаний и рождается и живет идея» [Бахтин 1972: 147].

Итак, акт коммуникации представляет собой совместное действие, которое требует определенного координирующего приема. Таким приемом в теории когнитивной социолингвистики считается «конвенция», особенно лингвистическая конвенция. В последние годы в научный обиход вошел новый концепт – «коллаборативность». Идея коллаборативности пронизывает исследования нескольких дисциплин когнитивного цикла. Так, в теории искусственного интеллекта употребляется термин «коллаборативный интеллект» (collaborative intelligence). В когнитивной социолингвистике появился термин «коллаборативная креативность» – основывающаяся на знаниях предшествующих текстов, дискурсивных практик, встраивающихся во взаимоотношения между людьми [Garter 2009; Swan et al. 2011; Jones 2012]. Появился также термин «групповая креативность» [Reiter-Palmon & Leone 2019].

Идея коллаборативности, совместного действия в коммуникации, в частности, в диалоге в последние годы получила развитие в теории интерактивного выравнивания (interactive alignment) С. Гаррода [Garrod & Pickering 2004]. В соответствии с этой теорией участники диалога стремятся к координации / выравниванию ментальных репрезентаций и, соответственно, лингвистических репрезентаций.

Интерактивное выравнивание помогает преодолеть проблему непонимания, т.е. обеспечивает общность ментальных репрезентаций и реализуется на нескольких уровнях:

1) на уровне ситуационных моделей; 2) на уровне семантической интерпретации и 3) синтаксических форм [Garrod 2004]. Иными словами, по мере развертывания диалога происходит построение нескольких уровней репрезентаций, разделяемых участниками диалога. Особого внимания заслуживают когнитивные механизмы семантической интерпретации. Речь идет прежде всего о механизме инференции. Наибольшую сложность при инферировании концептуального содержания слов в диалоге представляют полисемантичные лексические единицы, которые могут привести к созданию двусмысленности и неясности диалогических реплик. В свою очередь, неясность, как указывалось в наших предыдущих работах [Zabotkina, Boyarskaya 2018; Заботкина 2019], может носить амбивалентный характер и проявляться в виде либо «конструктивной двусмысленности», либо «деструктивной», что связано с угрозой манипуляции.

По мере развертывания диалога происходит конструирование общего ментального пространства. Данное пространство наследует роли и свойства двух исходных ментальных пространств, в которых находится каждый из участников диалога. Речь идет о таких ментальных пространствах двух участников диалога, как время, идентификация, возможность и так далее. Интегрированное ментальное пространство приобретает свою собственную структуру и новые свойства (ср. [Fauconnier 2004]).

В основе **межкультурного диалога** лежит более сложный когнитивный механизм интерактивного выравнивания. Для успешного межкультурного диалога, так же, как и для монокультурного диалога, участники коммуникации должны находиться в упомянутом выше едином интегрированном коммуникативном и когнитивном пространстве. Но это пространство представляет собой двухуровневую интеграцию, так как основывается на пересечении ментальных пространств двух участников **двух различных культур**. При этом объем общего пространства и степень пересечения двух культур определяется знанием когнитивных культурологических моделей, являющихся предметом изучения когнитивной антропологии. Культурологические модели представляют собой знание, организованное в виде схем, отражающих систему взаимосвязанных концептов определенного домена в концептуальной картине мира определенной культуры. Речь идет об изучении взаимосвязи когниции и языка в различных культурных контекстах [D'Andrade 1995; Quinn 1997; Quinn 2011]. По мере изменения культурных практик меняются ментальные модели и, соответственно, лингвистические структуры. Знание меняющихся культурологических моделей является критичным в процессе инференции на уровне семантической интерпретации полисемантичных лексических единиц. В лингвистике уже предпринимались попытки межъязыкового сопоставления моделей многозначности [Чудинов 1995], однако данному вопросу уделяется недостаточное внимание в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы. Необходимо особое внимание уделить инферированию новых значений слов, появляющихся в последнее время в современном английском языке. Так, например, новое значе-

ние слова awoke («социально пробудившийся») по-разному репрезентируется в ментальных моделях носителей русского и английского языков.

Особого внимания заслуживают когнитивные параметры и факторы, препятствующие успешному межкультурному диалогу. Речь идет прежде всего о механизме «неосознанной предвзятости / стереотипизации» (unconscious bias), который в последние годы подвергается глубокому анализу со стороны ученых-когнитологов. Данный механизм тесно связан с принятием «другого».

Мы идентифицируем себя только по отношению к «другому». В то же время в разговоре с «другим» мы страдаем от неосознаваемого предвзятого отношения к другой культуре, которое является препятствием для создания единого интегрированного когнитивного и коммуникативного пространства, основывающегося на общих ментальных репрезентациях.

Таким образом, когнитивные механизмы межкультурного диалога можно представить в виде следующей иерархии: на уровне всей когнитивной системы действуют механизмы интерактивного выравнивания и инференции, на уровне отдельных ментальных пространств участников диалога действует механизм концептуальной интеграции. При этом действие этих механизмов в межкультурном диалоге основывается на ментальных культурологических моделях двух культур.

Литература

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. третье. М.: Художественная литература, 1972.

Заботкина В.И. Когнитивные основы лингвистической креативности // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. 38. С. 208-216.

Чудинов А.П. О перспективах межъязыкового сопоставления моделей многозначности: тезисы // Россия-Франция. Диалог двух культур / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1995.

Croft W. Toward a social cognitive linguistics: New Directions in Cognitive Linguistics. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. P. 395-420.

D'Andrade R. The development of cognitive anthropology. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995.

Fauconnier G. Pragmatics and Cognitive Linguistics // The Handbook of pragmatics / ed. by L.R. Horn and G. Ward. Oxford, 2004.

Garrod S. & Pickering M. Why is conversation so easy? // TRENDS in Cognitive Sciences. 2004. Vol. 8. № 1.

Jones R.H. Discourse and creativity. London: Pearson Education, 2012.

Quinn N. The History of the Cultural Models School Reconsidered: A Paradigm Shift in Cognitive Anthropology // A Companion to Cognitive Anthropology / ed. by D. B. Kronenfeld, G. Bennardo, V. C. de Munck, M. D. Fischer. New York: Wiley-Blackwell, 2011.

Quinn N. The mainstreaming of cultural models // Paper delivered at the plenary session: Psychological Anthropology: State of the Art, at the 1997 bien-

nial meeting of the Society of Psychological Anthropology. Oct. 9-12. San Diego, 1997.

Reiter-Palmon R. & Leone S. Group dynamics and team creativity: the contribution of Kurt Lewin to the study of teams, creativity, and innovation // The creativity reader. Oxford University Press, 2019.

Swann J., Pope R., Carter R. Creativity in language and literature: The state of the art. Palgrave Macmillan, 2011.

Zabotkina V.I., Boyarskaya E.L. Conceptual foundation of event-referential ambiguity // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2018. V. 5. Issue 3.6. P. 142-148.

V.I. Zabotkina (Moscow, Russia)
Russian State University for the Humanities

COGNITIVE MECHANISMS OF INTERCULTURAL DIALOGUE

The article concentrates on the cognitive mechanisms underlying intercultural dialogue. The emphasis are on the two mechanisms: interactive alignment based on common representations of the interlocutors and mechanism of conceptual blending. We draw on several levels of representation taking on board cognitive cultural models of two different cultures.

Key words: dialogue, cognitive mechanism, interactive alignment, threat.

С.*В. Иванова* *(Санкт-Петербург, Россия)*
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
svet_victoria@mail.ru

НОВОСТЬ КАК КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В работе рассматривается новость как когнитивно-дискурсивное образование, что позволяет применить потенциал когнитивно-дискурсивной парадигмы к изучению новостного текста. Исследование сфокусировано на трактовке новости как дискурсивного жанра, организующим принципом для которого служит дискурсивность как возобновляемая дискурсивная практика. В когнитивном плане в новостном тексте выделяются концептуальные узлы, которые связаны с соответствующими нарративами.

Ключевые слова: новостной дискурс, дискурсивность, дискурсивный жанр, медиадискурс, нарратив.

Когнитивно-дискурсивная парадигма, которая стала закономерным этапом развития лингвистики и, шире, всей гуманитаристики, предопределила возможность выделить новые единицы лингвистического анализа и предложить неожиданные ракурсы рассмотрения уже традиционных для языковедческого исследования сущностей. Текст и жанр, которые в течение долгого времени оставались чисто филологическими сущностями и, как следствие, получали интерпретацию в рамках теории языка, в конечном итоге привлекли к себе внимание большого количества лингвистов, работающих в русле новых, в том

числе междисциплинарных, парадигм, одной из которых стала когнитивно-дискурсивная парадигма. Как известно, когнитивно-дискурсивная парадигма позволяет выявить связь социального и ментального, с одной стороны, и лингвистического, с другой, поскольку дискурс связывает речь, коммуникативную ситуацию и отчетливо выраженное социальное содержание [Кибрик, Паршин], а когнитивистика обращена к структурам знаний. Сопряжение когнитивного и дискурсивного начал дало надежду исследователям на новый подход к проблеме жанра вообще и к типологии жанров, в частности. Необходимо напомнить, что под жанром обычно понимают «формы текстов, которые характеризуются устойчивыми чертами, зависящими от специфики реализуемого замысла, типом представления содержания адресату, наличием или отсутствием отличительных композиционных признаков» [Майданова 2003: 183].

В настоящей работе предлагается когнитивно-дискурсивная трактовка новости как дискурсивного жанра. Согласно данной трактовке, жанр представляет собой совокупность рекуррентных паттернов. Данные паттерны связаны с действием определенных когнитивных механизмов, которые отвечают за структурирование изучаемого типа текста. Цель статьи состоит в определении эвристических возможностей когнитивно-дискурсивной парадигмы при рассмотрении новости как дискурсивного жанра. Объектом исследования выступают когнитивно-дискурсивные механизмы, задействованные при формировании данного текстотипа. Предметом исследования служат лингвистические маркеры, ассоциированные с работой когнитивно-дискурсивных механизмов. Исследование призвано ответить на вопросы о том, какие когнитивно-дискурсивные механизмы позволяют позиционировать новость как дискурсивный жанр, а также какова специфика их функционирования.

В основе методологии лежат лингвистические методы, связанные с анализом дискурсивных и когнитивных вербально опосредованных образований: дефиниционный анализ, контекстуальный анализ, анализ информации по И.Р. Гальперину, нарративный анализ. Материалом анализа послужили разнообразные тексты новостных сообщений политического характера, представляющие медиадискурс США и Великобритании. Наблюдение над текстами, послужившими материалом для анализа, производилось на протяжении двух лет.

Следует напомнить, что с точки зрения отечественной журналистской практики новость не рассматривается как самостоятельный жанр. Новость представляет собой содержание сообщений, которые в своей совокупности составляют информационные жанры. При этом информационные жанры толкуют как «средство оперативного оформления актуальной информации» [Майданова 2003: 183]. К ним относят заметку, информационную корреспонденцию, репортаж, информационное интервью, информационный отчет и т.п. [Тертычный 2006].

Не отрицая устоявшегося уже подхода к интерпретации жанра в журналистской практике, нельзя не отметить того, что дискурс-анализ дает возможность по-новому раскрыть природу новости. Есть все основания трактовать новость как дискурсивный жанр. Действительно, наблюдение

над эмпирическим материалом показывает, что новость представляет собой некую схему, или фрейм [Montgomery 2007: 1-2], включающий основные элементы, которые и составляют существо новости. Неудивительно, что пользователь хорошо представляет себе, что такое новость. Это связано с характеризующим восприятие жанра горизонтом ожидания (Цв. Тодоров). Иначе говоря, речь идет о жанровом сознании [Лейдерман 2010: 86], или, по В.М. Жирмунскому, «ощущении жанра» (цит. по [Лейдерман 2010: 86]). Новость ассоциируется с таким ощущением или ожиданием. Соответственно, понимание новости как дискурсивного жанра правомочно, так как оно обосновано коммуникативной практикой. При этом дискурсивный жанр понимается как особая и узнаваемая членами языкового сообщества конфигурация дискурсивных элементов, которые реализуют определенную цель или комплекс целей [Montgomery 2007: 26]. Для дискурсивного жанра характерен широкий охват текстов, поскольку тематический, композиционный и стилистико-языковой критерии [Бахтин 1986: 255] – те традиционные уже характеристики, которые обычно задают границы жанра, – подчиняются факторам более высокого порядка. Этими факторами выступают когнитивно-дискурсивные механизмы, лежащие в основе дискурсивного жанра новости.

Анализ многочисленных новостных текстов показывает, что они обладают своей особой архитектоникой, которая задана базовыми параметрами [кто] ÷ [что] ÷ [когда] ÷ [где] ÷ [почему] ÷ [для чего] [Иванова 2018], образующими фрейм «медиановость». Соответственно, последние можно сравнить с узлами, которые задают ментальную сетку, репрезентирующую некое событие. На этом основании представляется правомочным говорить о том, что постоянное возобновление новостного дискурса осуществляется за счет рекуррентно используемых паттернов смыслопорождения, или, иначе, дискурсивных практик, которые приводятся в действие за счет перечисленных выше базовых параметров. В каждом отдельном случае они наполняются конкретным содержанием и детализируются. Именно таким образом проявляется дискурсивность – явление, которое предполагает постоянное возобновление дискурсивной среды [Можейко]. Рекуррентность паттернов, задействованных при формировании дискурсивной среды, обеспечивает постоянство смыслопорождения. Для новости таким смыслопорождающим паттерном, который конституирует дискурсивный жанр, является вновь и вновь повторяющаяся формула [кто-то где-то что-то сделал по какой-то причине с такой-то целью] или [где-то что-то произошло по какой-то причине с такой-то целью] [Иванова 2018]. Именно к этому сводится прототипическая формула новости как дискурсивного жанра.

Вместе с тем, анализ эмпирического материала показывает, что каждый из концептуальных узлов может послужить начальной точкой развертывания нарратива. Соответственно, когнитивная структура [ЧТО-ТО с КЕМ-ТО ИМЕЛО МЕСТО ГДЕ-ТО КОГДА-ТО ПОЧЕМУ-ТО] преобразуется в многоярусное сложное образование [ЧТО-ТО с КЕМ-ТО ИМЕЛО МЕСТО ГДЕ-ТО КОГДА-ТО ПОЧЕМУ-ТО (но говорят разное по поводу каждого из элементов)] {потому что [раньше было это]} → в результате [будет что-то] → все считают {[ЧТО-ТО ИМЕЛО МЕСТО ГДЕ-ТО] хорошо / плохо}. В результате в тексте новости оказываются состыкованы самые разные нарративы. Как известно, нарратив служит упорядочению человеческого опыта, это «способ

осмысления мира», направленный на построение некоего социального конструкта [Леонтович 2011: 92]. Таким образом, описываемые в новостном сообщении социальные практики получают форму и смысл, который отвечает идеологическим воззрениям медиа источника. Соответственно, новость приобретает все характеристики социального конструкта, который навязывает реципиенту текста определенную интерпретацию происходящего.

Подводя итог, необходимо отметить, что когнитивно-дискурсивная парадигма с ее методологией позволяет увидеть те изменения, которые активно трансформируют современные информационные жанры. Наблюдения над новостным политически ориентированным медиадискурсом США и Великобритании свидетельствуют о наличии тенденции, которая ведет к сглаживанию различий между традиционными информационными жанрами. На самом деле, диффузия традиционных журналистских информационных жанров в качестве следствия ведет к оформлению дискурсивного жанра «новость». Данный дискурсивный жанр объединяет все многообразие новостных текстов, структура которых может быть представлена как сетка узлов, репрезентирующих ментальные координаты события. Анализ новости как дискурсивного жанра дает возможность идентифицировать действие социального конструкционизма, направленного на построение такой социальной реальности, которая отвечает идеологии того или иного средства массовой информации.

Литература

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.

Иванова С.В. Новость в жанре детектива: полидискурсивность и гибридизация в интернет-медиадискурсе // Когнитивные исследования языка. 2008. Вып. XXXIV. С. 639-643.

Кибрик А.А., Паршин П.Б. Дискурс // Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная энциклопедия. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html (дата обращения: 10.10.2019).

Лейдерман Н.Л. Теория жанра. Екатеринбург: Ин-т филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО: Урал. гос. пед. ун-т, 2010.

Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011.

Майданова Л.М. Жанры журналистики // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева [и др.]. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 183-185.

Можейко М.А. Дискурсивность // Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Минск, 1998. URL: http://ponjatija.ru/node/6523 (дата обращения: 02.08.2019).

Тертычный А.А. Характеристика информационных жанров // Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2006. 312 с. URL: http://evartist.narod.ru/text2/04.htm (дата обращения: 20.08.2019).

Montgomery M. The Discourse of Broadcast News. A linguistic approach. London and New York: Routledge, 2007.

S.V. Ivanova (Saint Petersburg, Russia)
Pushkin Leningrad State University

NEWS AS A COGNITIVE DISCURSIVE ENTITY

The paper treats the news as a cognitive-discursive entity, which makes it possible to apply the potential of the cognitive-discursive paradigm to the study of the news text. The study focuses on the interpretation of news as a discursive genre, the organizing principle of which is discursiveness as a renewable discursive practice. Cognitively, the news text is considered as an aggregate of conceptual nodes which are associated with the corresponding narratives.

Key words: news discourse, discursiveness, discursive genre, media discourse, narrative.

В.А. Иовенко *(Москва, Россия)*
Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
viovenko@rambler.ru

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО МИРОВИДЕНИЯ КАК ФАКТОРА ДЕТЕРМИНАЦИИ ПЕРЕВОДА

Рассматриваются когнитивная онтология сущностей – факторов детерминации перевода, детерминирующие процесс перевода когнитивные структуры, национально-культурное мировидение как самостоятельный фактор детерминации деятельности переводчика, имеющий когнитивное основание.

Ключевые слова: когнитивные структуры, система знаний, коммуникативная деятельность, факторы детерминации, перевод, национально-культурное мировидение.

В каждой особой сфере сущностей и явлений объективного мира между элементами данной предметной области возникают и существуют связи и отношения взаимообусловленности. Одна из важных задач специальных научных теорий состоит в выявлении детерминистических закономерностей, в объективации и систематизации «своих» факторов детерминации.

Для коммуникативной деятельности и перевода как ее разновидности факторы детерминации являются в целом общими, то есть процесс перевода детерминирован в основном теми же факторами, которые детерминируют акты речевой (одноязычной) коммуникации. Однако специфика перевода проявляется, в частности, в детерминации коммуникативной деятельности переводчика: общие факторы детерминации приобретают в переводе особенности, появляются новые факторы, детерминирующие именно процесс опосредованной межъязыковой коммуникации.

Онтологические основания, на которых покоится вычленение сущностей и явлений, обладающих потенциальной способностью фигурировать в качестве факторов детерминации процесса перевода, связаны с когнитивными структурами и деятельностным характером переводческого процесса [Иовенко 2005: 32-38].

Деятельностное основание опосредовано базовым деятельностным статусом всех участников межъязыковой коммуникации, сопрягающих в процессе этой коммуникации свои коммуникативные деятельности для достижения целей опосредованной межъязыковой коммуникации. Перевод есть взаимное соотношение коммуникативных деятельностей его субъектов, и поэтому все факторы детерминации влияют на порождение текста перевода только через указанные деятельности. При этом детерминированность перевода в его деятельностном измерении опирается на известную общность или сходство в способе деятельности его субъектов, обменивающихся продуктами своих коммуникативных деятельностей, а также на знания стратегий и условий совершения успешной переводческой деятельности.

Согласно когнитивным основаниям, исследование детерминистических параметров переводческой деятельности предполагает выяснение того, что знает переводчик, когда он знает, как переводить. Этот вывод вытекает из положений когнитивной психологии, в соответствии с которыми поведение человека детерминировано его знаниями [Залевская 1985: 155; Герасимов, Петров 1988: 6].

Сложная система знаний взаимосвязана с сущностными параметрами текста: концептуальным, прагматическим, языковым, ситуативным. Она включает языковые знания, знание о мире, знание принципов речевого общения, различных типов текстов и условий их употребления, знание об адресанте и/или адресате речевого сообщения, знание о ситуации общения и структуре предшествующих коммуникативных ситуаций [Богданов 1990; Кубрякова 1991: 9].

Система знаний соотносима с индивидуальными когнитивными структурами и эмоциональным опытом человека. Индивидуальные когнитивные структуры наряду с профессиональными знаниями, умениями и навыками переводчика составляют содержание коммуникативной «трикомпетентности» переводчика, которая означает его способность обеспечивать коммуникативное взаимодействие людей, разделенных лингвокультурным барьером, и включает коммуникативные компетенции членов коллективов исходного и переводящего языков, а также собственно переводческую компетенцию, которая определяется особенностями коммуникативной деятельности переводчиков в процессе перевода.

К когнитивным структурам, обладающим детерминирующим потенциалом в переводе, следует отнести: фонд общих знаний (пресуппозиций) о мире, которые служат посредником при общении людей и обеспечивают принципиальную возможность их взаимопонимания; знания форм универсальной человеческой логики, этических и эстетических норм и предписаний; знания о соотношениях языковых систем, норм и узусов исходного и переводящего языков; знания о композиционных и жанрово-стилистических характеристиках текста перевода; знания о характере трех

прагматических отношений, которые возникают между отправителем, переводчиком и получателем; знания о коммуникативных условиях реализации акта перевода.

Коммуникативная деятельность переводчиков по выбору вариантов адекватного перевода и принятию ими оптимальных решений в значительной степени обусловлена также знанием социокультурных и этно-речевых аспектов двуязычной коммуникации и, соответственно, знанием расхождений между национально-культурными мировидениями лингвоэтнических общностей, вступающих в переводческое посредничество [Иовенко 2013]. Процесс перевода объективно опосредован различиями национально-культурных мировидений, а также необходимостью их учета при создании переводных текстов.

Национальный, культурный, психологический компоненты национально-культурного мировидения опосредуют речемыслительную деятельность каждого народа на стыке когнитивных, языковых, речевых, текстовых, социокультурных аспектов этой деятельности.

В переводе различия в национально-культурных мировидениях народов фиксируют преломленные в исходном и переводящем языках идиосинкразии национального восприятия и речевой номинации у коллективов, участвующих в переводческих контактах.

Использование в переводах языковых форм выражения национально-языковой картины мира того языка, на который осуществляется перевод, придает тексту перевода необходимый колорит, приводит (при соблюдении всех остальных непременных условий!) к созданию текста перевода, который обладает национально-культурной аутентичностью и отвечает ожиданиям его получателей с точки зрения национально-культурных стереотипов восприятия. Это позволяет избежать «русифицированного» перевода (при переводе на иностранный язык) или «форанизированного» перевода (при переводе на русский язык).

Текст перевода, в котором не учтены проявления национально-культурного мировидения народа, язык которого выступает в качестве переводящего, воспринимается его носителями не вполне естественным и не может рассматриваться как полностью адекватный текст перевода.

Дифференциал национально-культурных мировидений является важным самостоятельным и полноценным фактором адекватного перевода. Его онтологическим основанием, как и у других факторов детерминации перевода, выступают когнитивные структуры. Дифференциал национально-культурных мировидений дополняет систему факторов, которая разработана в мировом переводоведении в последнее двадцатилетие XX века и включает, помимо концептуальных, языковых, текстовых, прагматических и конситуативных факторов, национально-культурные мировидения различных лингвоэтнических сообществ.

Активация факторов детерминации в сознании переводчиков на этапе «предрешения» и механизмы их идентификации, актуализации и взаимодействия при всем многообразии переводческих решений представляют собой одну из важнейших когнитивных закономерностей, лежащей в основе процесса устного и письменного перевода.

Литература

Богданов В.В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты. Л.: Изд-во Ленинградского государственного университета, 1990.

Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Выпуск 23.

Залевская А.А. Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности // Исследование речевого мышления в психолингвистике. М.: Наука, 1985. С. 150-171.

Иовенко В.А. Теоретический курс перевода. Испанский язык. М.: ЧеРо, 2005.

Иовенко В.А. Национально-культурное мировидение в переводческом измерении: монография. М.: МГИМО-Университет, 2013.

Кубрякова Е.С. Введение // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. С. 4-20.

V.A. Iovenko (Moscow, Russia)
Moscow State Institute of International Relations (University)
under the Foreign Ministry of Russia

COGNITIVE FOUNDATIONS OF THE NATIONAL AND CULTURAL WORLD-VIEW AS DETERMINATING FACTOR IN TRANSLATION

This article examines the cognitive ontology of the substances – determinating factors in translation, the cognitive structures which determine the translation process, a national and cultural world-view as a separate determinating factor of the translator's activity that has a cognitive foundation.

Key words: cognitive structures, system of knowledges, communicative activity, determinating factors, translation, national and cultural world-view.

Е.Р. Иоанесян (*Москва, Россия*)
Институт языкознания РАН
ioanevg@mail.ru

ОБ ОДНОМ КЛАССЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ЭТАЛОНАМИ И СТЕРЕОТИПАМИ

Работа посвящена проблеме имплицитности. Рассматриваются конструкции с кванторными единицами, в которых содержится имплицитная оценка и которые эксплицируют эталоны и стереотипы, в том числе и лингвоспецифические, существующие в языке.

Ключевые слова: имплицитность, оценка, кванторные единицы, эталоны, стереотипы.

Одним из типов проявления языковой интерпретации является оценка [Болдырев 2012: 40], которая «предполагает схематизацию опыта (объектов и событий) в соответствии с коллективной и индивидуальными системами

норм, идеалов, стереотипов, на основе определенных оценочных шкал, принятых в рамках той или иной культуры» [Там же: 41]. Объектом рассмотрения были выбраны конструкции с кванторными единицами – *любой* (*X*), *всякий* (*X*), *какой-угодно* (*X*) и т.п. Как показало исследование, высказывания с кванторными единицами часто содержат имплицитную оценку и эксплицируют эталоны и стереотипы, существующие в языке.

Кванторные единицы в языке имеют два класса употреблений:

1. В первом случае кванторные единицы используются как логический оператор, как квантор общности – ∀xP(x): «для всех x имеет место свойство P» [ФЭС: 253]. Например: *по закону любая работа включается в трудовой стаж*.

2. Во втором случае, в отличие от логического квантора общности, языковые кванторы ориентируют не на всю шкалу X, а лишь на крайние точки шкалы – на максимальное или минимальное значение признака или параметра, на положительный или отрицательный полюс шкалы. Например:

(1) *Ей очень нужны деньги, она согласна на любую работу / на любую зарплату*. Возможная имплицитная оценка – ‘на самую тяжелую, самую непрестижную и т.п. работу’ / ‘на самую низкую зарплату’.

(2) *Нам очень нужны такие специалисты, мы готовы платить ему любую зарплату*. Возможная имплицитная оценка – ‘самую большую зарплату’.

(3) *Она тут и была, приготовившись к какому угодно ожиданию*. (Валентин Распутин. Дочь Ивана, мать Ивана (2003) // «Наш современник», 2003.11.15)) [НКРЯ]. Возможная имплицитная оценка – ‘самому долгому’.

Свойство высказываний с кванторами содержать имплицитную оценку, соотносящуюся с крайними полюсами шкалы X, лежит в основе того, что в подобных высказываниях в качестве X часто выступают слова-эталоны. Например:

(1) *Стыдно признаться: ругаюсь матом хуже любого сапожника!* [КАКИЕ ВРЕДНЫЕ ПРИВЫЧКИ ВЫ ПРИОБРЕЛИ НА РАБОТЕ? // Труд-7, 2008.08.27) [НКРЯ]. Сапожник, как и извозчик, выступают эталоном грубости и сквернословия. Ср. *ругаться как сапожник, как извозчик*.

Заметим, что сапожник в данном случае входит в класс лингвоспецифичных эталонов, в отличие от сапожника как эталона пьяницы.

(2) *Этот грубый нахал ругается с обывателями хуже любого извозчика* (Народная воля. Социально-революционное обозрение. №№ 11-12 // «Народная воля», 1885) [НКРЯ].

(3) *Он пунктуальнее любого немца*; немец выступает эталоном аккуратности и пунктуальности.

(4) *Она дрожит над любой копейкой*; копейка как «эталон минимальной денежной единицы» [Телия 1996: 243].

(5) – *По-моему, он лучше всякого кавалериста ездит* (А.И. Куприн. Поединок (1905)) [НКРЯ]. Кавалерист выступает образцом мастерства верховой езды.

Следует упомянуть также богатство и разнообразие авторских эталонов, особенно многочисленных в художественной литературе и публицистике, например:

(1) *Григорий Александрович взвизгнул не хуже любого чеченца; ружье из чехла – и туда; я за ним* (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени, 1839-1841) [НКРЯ].

(2) *Пилипенко сумел завизжать на ТРИ октавы выше, чем любая наша Кошка-истеричка!..* (Владимир Кунин. Кыся, 1998-2000) [НКРЯ].

В качестве авторских эталонов часто выступают имена собственные, относящиеся к реальным людям, объектам, мероприятиям и т.п. Например:

(1) *Поверьте, успокаивает лучше всякого «Педигри»* (Дмитрий Смолев. Кому и корова невеста // Известия, 2007.06.26) [НКРЯ]. Ср. валериану как устойчивый эталон – *успокаивать лучше любой валерианы*.

(2) *А мужики вроде меня – они через любых Ван-Даммов пройдут* (Алексей Абраменко. Трус-город (1997) // «Столица», 1997.12.22) [НКРЯ].

(3) *– Это прескверно-с, – продолжал майор, – и если бы вы, выходя замуж, спросили старика-дядю, как вам счастливее жить с мужем, то я, по моей цинической философии, научил бы вас этому вернее всякой мадам Жанлис* (Н.С. Лесков. На ножах, 1870) [НКРЯ]; Жанлис – воспитательница детей в семье герцога Шартрского, в числе которых был будущий король Франции Луи-Филипп I.

(4) *«Кукурузник» летит слишком низко, медленно, не имеет позывных. Лучше всякого «Стелса»* (американской высокотехнологичной невидимки. – Ред. (Владимир ЛАДНЫЙ. (Наш спец. корр.). Ставропольский край. Пираты воздушного океана // Комсомольская правда, 2001.11.14) [НКРЯ].

(5) *Отдельные горячие головы уже поспешили сообщить, что он едва ли не круче всяких Фарнборо и Ле Бурже: народу, мол, в Жуковском побывало под миллион, какие еще нужны доказательства?* (Игорь ЧЕРНЯК. Международный авиакосмический салон МАКС-2001: Авиапрому приказано выжить // Комсомольская правда, 2001.08.22) [НКРЯ].

Наличие кванторных слов перед именами собственными однозначно указывает на то, что эти имена в данном случае выступают в качестве эталонных единиц.

Необходимо отметить, что конструкции вида S *делает что-л. лучше/хуже/не хуже любого/всякого X,* S *лучше/хуже/упрямее, чем любой, всякий X* и т.п. обладают очень важным свойством. В таких конструкциях, при условии, что лексические единицы S и X обозначают объекты разных семантических классов, разной природы (например, собака и человек, человек и врач и т.п.) или объекты, имеющие разные оценки в картине миря языка (например, дом и дворец), X практически всегда является словом-эталоном. Ср. предложения (1) и (2):

(1) *У Иванова дом богаче любого другого дома в округе*; сравнение дома Иванова **со всеми другими домами** в округе (соответствие логическому квантору общности).

(2) *У Иванова дом богаче любого дворца*; сравнение дома Иванова **с эталоном богатства и роскоши** (см. об оценочном компоненте в слове *дворец* в [Демьянков 2012: 37]).

Конструкции вида S *делает что-л. лучше/хуже/не хуже любого/всякого X,* S *лучше/хуже/упрямее, чем любой, всякий X* и т.п. часто эксплицируют стереотипы, подчас неосознаваемые, закрепленные в языке. И это обусловлено именно тем, что актант X в них выступает в качестве эталона. Высказывания с такими конструкциями фиксируют несовпадение стереотипа и действительности, отступление от стереотипа или несогласие с ним. Ввиду

ограниченности объема приведем лишь один пример стереотипов рассматриваемого типа – стереотип «Самым информативным для человека является вербальный акт». Вербальный акт выступает эталоном информативности, он более информативен, чем молчание, неречевые звуки, взгляд, мимика, жесты, симптомы, передающие вовне информацию о внутреннем состоянии человека:

(1) *Загоревшийся огоньком взгляд молодого доцента говорил лучше всяких слов, что он надеется сделать дело как следует* (К.М. Станюкович. Жрецы, 1897) [НКРЯ].

(2) *И молчание это выказывает его характер красноречивее всяких слов* (А.К. Толстой. Проект постановки на сцену трагедии «Смерть Иоанна Грозного», 1866) [НКРЯ].

(3) *Константин Константинович даже заплакал, и эти его пьяные слезы сказали больше любых слов* (Вацлав Михальский. Одинокому везде пустыня, 2003) [НКРЯ].

(4) <…>*сердечное объятие лучше всякого письма выразит тебе мое чувство* (А.С. Грибоедов. Письма, 1825) [НКРЯ].

Тот факт, что именно речевой акт (а не симптомы, жесты и т.п.) является эталоном, подтверждается невозможностью изменения сферы действия квантора. Ср. *молчание это выказывает его характер красноречивее <u>всяких слов</u>* и **слова выказывают его характер красноречивее <u>всякого молчания</u>, его пьяные слезы сказали больше <u>любых слов</u>* и **его слова сказали больше <u>любых пьяных слез</u>* и т.п.

Итак, в качестве объекта рассмотрения были выбраны высказывания с кванторными единицами – *любой* (*X*), *всякий* (*X*), *какой-угодно* (*X*) и т.п. Как показало исследование, высказывания с кванторными единицами часто содержат имплицитную оценку одного из участников описываемой в высказывании ситуации и эксплицируют эталоны и стереотипы, существующие в языке.

Литература

Болдырев Н.Н. К вопросу об интегративной теории репрезентации знаний в языке // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. XII. С. 33-43.

Демьянков В.З. Когниция воображаемого и изображаемого // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. XII. С. 17-32.

Иоанесян Е.Р. Аргументативные значения языковых единиц (на материале русского и французского языков). М.: Институт языкознания РАН, 2011.

Иоанесян Е.Р. Имплицитная оценка и аргументация // Научный диалог. 2020. № 1 (в печати).

Ковшова М.Л., Гудков Д.В. Словарь лингвокультурологических терминов / отв. ред. М.Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2017.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/new.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

ФЭС – Философский энциклопедический словарь / ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983.

E.R. Ioanesyan (Moscow, Russia)
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

REGARDING ONE CLASS OF PHRASES WITH PATTERNS, STANDARDS, AND STEREOTYPES

The paper deals with the problem of implicitness. The author analyses constructions with quantifier constituents that have implicit evaluative meaning and explicate patterns, standards, and stereotypes in language; these include language-specific stereotypes.

Key words: implicitness, evaluation, quantifiers, patterns, stereotypes.

В.И. Карасик *(Москва, Россия)*
Государственный институт русского языка
имени А.С. Пушкина

ЛАБИРИНТ КАК СИМВОЛ: ВЕКТОРЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ[1]

Рассматривается лингвокультурный символ «лабиринт». Предложена схема изучения этого символа в виде денотатного, культурного и персонального векторов его описания. Денотатный вектор сводится к образным и понятийным характеристикам осмысления лабиринта как символа, культурный вектор определяет его ценностное и нормативное восприятие, персональный вектор позволяет выделить типы личностей по отношению к этому символу.

Ключевые слова: лабиринт, символ, вектор интерпретации, денотат, ценность, личность.

Интерпретация текста основана на предположении, что текст принципиально допускает понимание, т.е. его содержание может сочетаться с системой знаний получателя информации, с одной стороны, и это содержание включает некоторые скрытые смыслы, которые можно установить и объяснить, с другой стороны. В этом плане толкование символов представляет собой процедуру извлечения неявно и опосредованно выраженной информации, поскольку принципиальной характеристикой символа является бесконечное множество вариантов его осмысления [Аверинцев 1983; Кармадонов 2004; Лосев 1995; Лотман 1997; Пророков 1987; Шейкин 2007; Шелестюк 1998]. Такое качество символа отличает его от эмблемы, которую узнают моментально, если она знакома адресату, и от аллегории, которая имеет либо предполагает единственное толкование. Подчеркну, что тип интерпретации – эмблематической, аллегорической либо символической – зависит от интерпретатора, коммуникативной ситуации и от объекта восприятия. К числу таких культурно значимых объектов относится лабиринт – система запутанных ходов с тупиковыми ответвлениями, метафори-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-012-00609)

чески обозначающая блуждания и поиск выхода. Толкование символа можно схематически представить в виде треугольника, углы которого соответствуют важнейшим векторам интерпретации, направленной на понимание сути объекта (денотативный вектор), на характеристику субъекта (персональный вектор), на подтверждение системы ценностей (культурный вектор). Эта схема соотносится с известной моделью Г. Фреге (предмет – знак – понятие) [Фреге 1977] и моделью понимания, по Г.И. Богину (семантическое, когнитивное и распредмечивающее понимание) [Богин 1986], но не сводится к этим моделям.

Денотативный вектор интерпретации лабиринта – это перцептивный образ сакрального строения с множеством запутанных ходов, ловушками и опасностями и неожиданно открывающимся выходом. Широко известен сюжет из древнегреческой мифологии о лабиринте на острове Крит, там обитало чудовище Минотавр, которому афиняне отправляли в жертву по семь юношей и девушек. Этот Минотавр был убит героем Тезеем, получившим от полюбившей его Ариадны чудесную нить, которая позволила ему найти выход из лабиринта. Из этого сюжета вытекают идеи 1) жертвоприношения как способа умилостивить непредсказуемую судьбу, 2) возможности выхода из запутанной ситуации при условии правильно найденного решения, 3) желательности помощника или гида в блужданиях.

Эти идеи в целом определяют культурный вектор интерпретации лабиринта, символизируя неравенство человека и судьбы и подчеркивая необходимость усилий для того, чтобы одержать победу в безвыходной ситуации. Такие усилия развиваются в двух направлениях – терпеливом распутывании клубка вариантов, перехода от квеста к новому квесту либо в энергичном противостоянии судьбе по примеру Цезаря, разрубившего Гордиев узел (вспомним фразу Роберта Фроста: The best way out is always through. – Лучший выход – всегда насквозь).

Огромный Фаюмский лабиринт, описанный Геродотом, представлял собой модель загробного мира, в определенных местах которого находились усыпальницы фараонов. Интересное культурологическое объяснение сути лабиринта мы находим в китайской цивилизации: жители Поднебесной верили, что демоны могут летать только по прямым линиям, и поэтому входы в человеческие дома содержали множество изгибов. В наши дни подобные извилистые маршруты стали повседневной нормой при регистрации в аэропортах: лабиринт упорядочивает хаотическое движение толпы.

Персональный вектор лабиринта характеризует тип личности, оказавшейся в ловушке. Одни смиряются с неизбежным поражением, теряя себя в вечном блуждании по замкнутому кругу, другие выбирают активное противостояние и пытаются пробить стены лабиринта, третьи вырабатывают рациональный способ преодоления трудностей.

Расширительное толкование лабиринта в денотативном плане акцентирует идею блужданий. Этимология слова «λαβύρινθος – лабиринт» в греческом сводится к основе со значением «двойной топорик» (Klein; Kluge). Изображение этого строительного инструмента (либо боевого оружия) стало эмблемой царя Миноса, по приказу которого архитектор и скульптор Дедал построил на Крите в городе Кносс легендарный лабиринт. Обратившись к объяснению номинации концепта БЛУЖДАНИЕ, мы видим, что в разных языках это действие объяс-

няется как движение наугад, в темноте, отсюда и слепота (германский корень blind-) (Klein; Kluge), и эвфемистическое обозначение осуждаемого отклонения от правильного пути в русской лингвокультуре (Фасмер), (аналогичный смысловой перенос прослеживается и в тюркских языках) (Севортян), в романских языках идея блуждания выражается словами, обозначающими потерю пути. Эта же идея прослеживается в китайской иероглифике и семитских языках.

Образ блуждания предполагает чужое, неизвестное место, отсюда противопоставление обжитого и необжитого пространства (город и лес). Не случайно лирический герой «Божественной комедии» Данте определяет исходную ситуацию следующим образом:

Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу, утратив правый путь во тьме долины (перевод М. Лозинского).

Блуждания ассоциативно связаны с сумраком и тьмой. Лабиринт характеризуется отсутствием окон. Непременным участником сценарного движения по лабиринту оказывается ловушка в виде западни или одушевленного существа. Строители пирамид, как известно, оставили много таких ловушек для потенциальных грабителей (например, переворачивающиеся плиты). Заблудившиеся обычно становятся добычей хищников. Если речь идет о лесе, это крупный хищник, в русском фольклоре обычно волк. Ловушке симметрично противопоставляется волшебное средство выхода из лабиринта либо помощник, ведущий героя. Важной денотативной характеристикой лабиринта является выход из него. Войти в лабиринт можно по собственной воле либо по принуждению. Выход из круглого лабиринта обычно находится в его центре, при этом противопоставляются верный и ложный выходы. Ложный выход становится ловушкой. Лабиринт обычно символизирует жизненный путь, который завершается в центральной точке, достигнув ее, путник поднимается на новую ступень бытия. Изображения круговых лабиринтов имеют тысячелетнюю историю, представлены в разных культурах и похожи на картину извилин мозга.

Наиболее типичным образом заблудившегося человека, по данным пилотажного опроса информантов, является ребенок, оказавшийся в лесу, обычно девочка. Вероятно, такое осмысление обусловлено сказками, назидательная цель которых состоит в том, чтобы внушить детям мысль об опасностях, подстерегающих непослушных мальчиков и девочек.

Денотативный вектор осмысления лабиринта приобретает символическую всеобщность в понимании Хорхе Луиса Борхеса: лабиринт как принцип устройства мира, названный «Садом расходящихся тропок». Наше отношение к реальности распадается на два типа, обозначенные как антитеза фактичности и контрфактичности в обиходном миропонимании и фактичности и поссибилизма в философском и художественном постижении бытия. В первом случае мы четко противопоставляем данное и возможное положения дел, здесь справедливы тезисы «История не знает сослагательного наклонения» и «Критерием истины для нас является практика». Во втором случае все варианты бытия равновероятны, возможное и кажущееся обладают такой же степенью реальности, как и наличествующее. Альтернативные миры сосуществуют и порой сливаются. Именно такой момент

слияния различных сюжетов бытия описан великим аргентинским писателем в его энигматических рассказах «Вавилонская библиотека» и «Сад расходящихся тропок». Лабиринт превращается в символ не только пространства, но и времени. В одном из сюжетов герой повествования может быть другом того или иного персонажа, в другом нарративе – его врагом. Лабиринт становится знаком растворения объективного мира в придуманных сюжетах и сновидениях. Интересно отметить, что стремительная экспансия виртуального мира в нашу повседневную реальность привела к размыванию границы между фактом и фейком.

Культурный вектор осмысления лабиринта характеризует ценности и нормы целенаправленного движения к некой цели.

В пословицах акцентируется утилитарно-практическая значимость успешного выхода из лабиринта в широком смысле слова – успешного преодоления сложных и запутанных препятствий. Такие советы сводятся к учету опыта предшественников и современников (*Иди широкой тропой народа – не заблудишься*), целесообразности возвращения к исходной позиции в случае ошибки (*Тот не заблудился, кто возвратился. Чем заблудиться, лучше назад воротиться*), сохранения оптимизма (*Заблудишься – вперед смотри. Если заблудившийся найдет вновь дорогу, не беда*), осуждения упрямства (*Упрямого трудно вывести из заблуждения*).

Афоризмы о лабиринтах распадаются на два типа по их назидательному смыслу. Первый тип представляет собой набор советов о том, как нужно себя вести, попав в лабиринт (сложную и запутанную ситуацию) – нужно сохранять оптимизм (*Нет лабиринтов, из которых невозможно выбраться*) (Х. Оку); следует быть предусмотрительным (*Самое трудное, когда имеешь дело с лабиринтом, состоит не в том, как пройти по его виткам или найти из него выход, а в том, как суметь не попасть в него, по крайней мере, по второму разу*) (В. Назарян). Второй тип сводится к констатации того, что по большому счету выйти из лабиринта невозможно, и, значит, нужно принять его неизбежность и жить в данных обстоятельствах: *Жизнь – это лабиринт, в котором мы делаем неверный поворот, еще не научившись ходить*) (С. Конноли); *Кто выведет тебя из лесу, если лес – это ты сам?* (Р. Андерссон); *Не существует выхода из лабиринта, он движется, когда вы идете по нему, потому что он живой* (Ф. Дик); *Нет смысла строить лабиринт, когда им является вся Вселенная* (Х.Л. Борхес).

Юмористы демонстрируют критическое отношение к неизбежности тупиков: *Лабиринт – тот же тупик, просто там не так скучно* (К. Мелихан); *Плакат у входа в лабиринт: «Дорогу молодым!»* (О. Сеин); *Выход из одного лабиринта порой является входом в другой* (В. Брудзиньский); *Если из лабиринта много выходов – это ловушка* (А. Рубаха).

Показательна притча о победе над лабиринтом.

Даосский Мастер привел ученика в парк, расположенный у горы. В парке был лабиринт без крыши с гладкими и высокими стенами. Мастер поручил ученику войти в лабиринт и найти выход. Тот плутал день и ночь, но непременно заходил в тупик. Отчаявшись, ученик лег на землю и уснул. Мастер разбудил ученика, и они вместе поднялись на гору, с высоты которой лабиринт просматривался как на ладони. Внимательно всмотревшись, ученик запомнил,

*где находится выход и без труда справился с задачей, ни разу не сбившись с пути. «Урок, который ты сегодня получил, относится к одному из самых важных секретов Искусства Жизни, – встретив у выхода ученика, сказал Мастер. – Чем дальше ты будешь отстраняться от ситуации, чем выше ты будешь над ней, чем дальше ты сможешь видеть, тем легче отыскать правильное решение» (*pritchi.ru).

Отметим, что способы успешного преодоления сложных перипетий на жизненном пути составляют ключевое содержание практической психологии и поэтому часто обсуждаются специалистами и широким кругом заинтересованных людей. Именно эта сторона сюжета о лабиринте осмысливается как символ и поэтому находит множественное выражение в художественной литературе, живописи и кинематографии.

Для выявления персонального вектора осмысления лабиринта были взяты реакции информантов на стимул «лабиринт» в «Русском ассоциативном словаре». Они таковы: *запутанный 10; путаница 6; выход, трудный 4; игра, Минотавр, правосудия, сложный 3; без выхода, большой, дорога, запутанность, катакомбы, ходы 2; Ариадны, аттракцион, безвыходность, безнадежность, бродить, в компьютере, головоломка, городской, Греция, длинный, заблудиться, заблуждения, загадка, замкнутый, запутанное помещение, золотое руно, игра (компьютер), интересно, кентавр, комнат, конек, коридоры, критский, кроссворд, кубик Рубика, лжи, любви, мыслей, не выйти, неизвестность, непроходимый, нить, планета, подвал, подземный, проблем, пройти, путаться, путь, решать, сложность, смерти, смерть, соловецкий, стена, страх, страшный, судьбы, тайн, текст на восприятие, тупик, умирать, уходит вверх, ушной, ходов, царя Миноса* 1 (РАС 1, с. 286). Анализ этих реакций дает возможность выделить следующие два типа отношения к лабиринту: 1) сложная и запутанная проблема, 2) игровое приключение. Первый тип реакций абсолютно преобладает. Такая реакция характерна для взрослых людей, стремящихся объективно оценить ситуацию и найти успешный способ решения проблемы. Можно выделить две разновидности такой реакции – определение целесообразности либо нецелесообразности решения проблемы и нахождение оптимального способа ее решения. Иное отношение к проблеме характерно для подростков и людей с романтическим отношением к жизни. Игровое отношение к лабиринту обусловлено тем, что существует определенный тип компьютерных игр – квест, состоящий в последовательном решении проблем (поиск спрятанных предметов, сражение с монстрами, выход на более высокий уровень). Компьютерная виртуальная реальность меняет отношение к жизни у игроков, которые в определенной мере переносят характеристики игры на жизнь, например, полагая, что в случае фатальной ошибки всегда можно вернуться к прежнему положению дел. Отметим, что этот тип отношений, как правило, обладает и гендерной маркированностью и может рассматриваться как новая маскулинность.

Таким образом, можно выделить три типа личностей по их отношению к лабиринту как символу запутанной проблемы: 1) созерцатели, стремящиеся остаться в стороне от рискованной ситуации, 2) деятели, трезво рассчи-

тывающие рациональные ходы для успешного прохождения испытания, 3) игроки, получающие удовольствие от решения проблемы.

Подведем основные итоги.

Можно выделить три вектора осмысления лабиринта как символа: денотативный, культурный и персональный. Суть первого вектора состоит в образе сложной запутанной проблемы, имеющей решение, включающей испытания и ловушки, с одной стороны, и возможную помощь, с другой стороны. Второй вектор сводится к нормам поведения в ситуации, предполагающей столкновение с неожиданными трудностями, такие нормы характеризуют поиск оптимальных способов решения проблемы либо нацеливают людей на принятие ситуации как данной. Третий вектор позволяет выделить три типа личностей, сталкивающихся с трудностями, – созерцателей, деятелей и игроков.

Литература

Аверинцев С.С. Символ // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 607-608.

Богин Г.И. Типология понимания текста: учебное пособие. Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1986. 88 с.

Кармадонов О.А. Социология символа. М.: Academia, 2004. 352 с.

Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995. 320 с.

Лотман Ю.М. Между эмблемой и символом // Лотмановский сборник / сост. Е.В. Пермяков. М.: Изд-во РГГУ, 1997. Т. 2. С. 416-423.

Пророков М.В. Категория художественного образа и проблема символа // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. Филология. 1987. № 4. С. 39-47.

Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. М.: ВИНИТИ, 1977. Вып. 8. С. 181-210.

Шейкин А.Г. Символ // Культурология. Энциклопедия: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2007. Т. 2. С. 457-458.

Шелестюк Е.В. Семантика художественного образа и символа (на материале англоязычной поэзии XX века): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1998. 24 с.

V.I. Karasik (Moscow, Russia)
Pushkin State Russian Language Institute

LABYRINTH AS A SYMBOL: VECTORS OF INTERPRETATION

The paper deals with labyrinth treated as a symbol. A vector scheme of this symbol interpretation has been offered. The first vector is oriented to the description of Labyrinth as a concept including its perceptive and notional qualities, the second vector explains values and norms of behavior associated with attitudes to labyrinth, and the third vector makes it possible to single out personality types taking labyrinth as a danger, or a task to be carried out, or a game.

Key words: labyrinth, symbol, interpretation vector, denotation, value, personality.

М.Л. Ковшова *(Москва, Россия)*
Институт языкознания РАН
kovshova_maria@list.ru
О.С. Орлова *(Москва, Россия)*
Институт языкознания РАН
orlovaolgas@list.ru

КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЗАГАДОК И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ[1]

Статья посвящена когнитивному исследованию загадок русской традиционной культуры и их культурологическому комментированию. На конкретных примерах показано, как когнитивный анализ позволяет выявить разные типы информации, которые формируют содержание загадки. Культурологический комментарий включает в себя сведения из области традиционной культуры; в описание загадки включены такие понятия, как стереотип, символ, мифологема и др.

Ключевые слова: загадка, когнитивный анализ, традиционная культура, культурологический комментарий, образ, стереотип.

Исследование загадок как знаков, способных хранить и передавать разные типы информации, позволяет перевести загадку в русло когнитивного и культурологического исследования, чтобы описать когнитивные ресурсы, которыми владеет носитель языка и которые используются при декодировании загадки. Для того чтобы разгадывать народные загадки, нужно иметь воображение, способность сравнивать и некоторый опыт. Не менее важно знакомство с народной культурой, это дает возможность при разгадывании опираться на знание обычаев, особенностей быта, на фольклор. В том или ином объеме этими знаниями, сформированными в традиционной культуре, воспринятыми в народной среде или опосредованно, владеет любой адресат загадки; в ходе отгадывания знания активизируются [Ковшова 2019; Орлова 2019]. В задачи исследования входит представить загадки как экспоненты культурного знания, которое лежит в основе кодирования и декодирования загаданного денотата; кратко описать типы информации, составляющие содержание загадочного текста; дать культурологический комментарий.

В загадке основное свойство исходного денотата представлено в образе другого денотата, и для уподобления, как правило, используются объекты, принадлежащие разным классам [Николаева 1994]. Однако загадывание одних видов животных часто основано на образах других видов животных; разгадывание происходит с опорой на знания из традиционной культуры. Ср. варианты одной загадки: *Корова голу̀ба, / Дома не любят, / На базаре не купят* [Загадки народов России 1999: 85, № 85]. *Сивую буренушку и дома не любят, и на торгу не купят* [Малые жанры 1986: 285]. *Сивую буре-*

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований РФФИ (проект № 18-002-00736)

нушку / И дома не любят, / На базаре не купят [Русский фольклор 1986: 44]. Что уподоблено корове в этих загадках?

Рис. 1. Корова ←Мышь

В загадках, как правило, есть прямые указания на искомый денотат, которые будят сообразительность адресата и могут служить ключевой стратегией разгадывания. В приведенных загадках роль подсказки выполняют цветовые эпитеты: *голу́ба* (т.е. сизая), *сивая* (серая), однако понимание такой подсказки также обусловлено стереотипными представлениями, что серый окрас не характерен для коров, но характерен для мышей. К разгадыванию могут подключаться и другие стратегии, например, языковая. Так, значение слова *буренушка*, от слова *бурый* (один из оттенков коричневого цвета, типичного для окраса коровы), вступает в противоречие с первым значением слова *сивая*, т.е. серая. Но образ *сивая буренушка* может интерпретироваться во втором значении, т.е. старая корова (ср. *сивый мерин*). В загадке искомому денотату даны оценочные характеристики: *дома не любят*; *на торгу* / *на базаре не купят*. К декодированию подключаются хранящиеся в памяти в «сжатом» виде знания ценностных установок культуры, символов, мифологем и др.

Дадим этим загадкам культурологический комментарий.

В образе коровы – несомненной ценности в русской традиционной культуре – описывается мышь как абсолютная антиценность. Корова в деревенском быту является кормилицей, обеспечивает пищу, достаток и благополучие человека; мышь – грызун, который уничтожает посевы и запасы в хозяйстве, причиняет ущерб, подобный краже. Корову берегут; мышь стараются истребить, изгнать. Тем самым, загадки построены на «подмене»: символ прибыли («корова») уподоблен символу убытка («мышь»). Ценностные установки народной культуры семиотизируются в грамматике загадки: во всех ее вариантах представлена ситуационная модель, ядром которой является предикат с обобщенным оценочным значением; в генеритивных глаголах, данных в отрицательной форме, выражается устойчивое отношение к объекту оценки, оно звучит как вердикт: *не любят*; *не купят*. Тем самым, в загадке про мышь описывается не денотат, а концепт, описание основано на культурных представлениях, истоки которых уходят еще дальше, в мифологию, где корова противопоставлена мыши как «чистое» – «нечистому». Согласно мифам и поверьям древних славян, корова почиталась как чистое, священное животное, ее оберегали от нечистой силы (от домового, который доил ее; от колдуний). Мышь, напротив, причисляли к нечистым, демонам (см.: [Славянская мифология 2011: 248-249, 309-310]).

В приведенных выше загадках корова, живое существо, уподобляется другому живому существу – мыши. Однако для загадок русского народа наиболее типична инверсия живого и неживого, когда неживой объект описывается в загадке как живой (см. подробнее: [Фролова 2013]). Так, в загадках русской традиционной культуры различные предметы крестьянского быта и повседневные реалии крестьянской жизни метафорически обозначаются с помощью сороки. Ср.: «*Сорока под пыл летала (уполовник)*» [Садовников 1876 № 352]; «*Сорока в куст, / Алексей за хвост (сковорода и сковородник)*» [Садовников 1876 № 360а]; «*Летели две сороки; / У них четыре хвоста (лапти, ноги в лаптях)*» [Садовников 1876 № 677е]; «*Сорочка в осочке поскакивает, / Олешка за хвостик подергивает (коса и сенокос)*» [Митрофанова 1968: 76].

Рис. 2. Сорока ←уполовник, сковорода и сковородник, лапти, ноги в лаптях, коса

Что лежит в основе такого уподобления? Все изображенные справа объекты материальной действительности уподобляются изображению слева – птице сороке на основании внешнего сходства их онтологических признаков, а именно строению этих предметов (или их совокупностей), у которых есть вытянутая часть, или «хвост». Из всех птиц для загадывания была выбрана сорока, несмотря на то, что хвост есть и у других птиц (скворец, дрозд, ворона, воробей и др.), но именно у сороки яркий длинный хвост, который заметно длиннее ее тела. Сорока издает резкие тревожные звуки при приближении кого-либо, словно предупреждает об опасности; по громкому и частому стрекотанию сорока считается наиболее говорливой и «коммуникативной» птицей. Кроме того, одним из постоянных признаков сороки является то, что она скачет, прыгает. Эти представления нашли свое закрепление в разных жанрах фольклора. Ср. сказки «Почему у сороки длинный хвост», «Про сороку» и др. Ср. пословицы и поговорки: *Сорока белобока: зеленый хвост, долгий нос*; *Как одна сорока хвост задерет, то за нею и все*; *Сорока на хвосте весть принесла*; *Вильнет умом как сорока хвостом* и др. Ср. скороговорки: *Сорока белобока, на пороге скакала, гостей поджидала; Скакала сорока по сосне и осоке*. Ср. выражение: *трещать, как сорока*.

Добавим к сказанному культурологический комментарий.

Опорой в разгадывании являются знания из области народной культуры, которые вызывают необходимые ассоциации и раскрывают созданное в загадке уподобление далеких друг от друга сущностей. Так, «сорочья» метафора, используемая для кодирования уполовника или сковороды со сковородником в образе сороки, разгадывается на основе той тематической сферы, которая в русском фольклоре часто соединяет эти предметы – это сфера приготовления пищи. Ср. в сказке: сорока *варила-варила суп, да и свалилась в горшок вниз головой* [Мышь и сорока]. Ср. в детской потешке: *Сорока-белобока / Кашу варила, / Деток кормила. / Этому дала, / Этому дала, / А этому не дала*. «Сорочья» метафора в кодировании предмета обуви на ногах («лапти», «ноги в лаптях») также возникла не случайно: образ сороки по тем или иных признакам издавна соединяется с разными предметами костюмной сферы. Сорокой называется старинный русский головной убор замужних женщин, у которого имеются «крылья» и «хвост», это роднит его с птицей сорокой: «Если смотреть на затылок женщины в этом уборе, все равно смотреть на сидящую птицу с подогнутыми крыльями» [Зеленин 1926]. Сам головной убор с помощью образа сороки не загадывается, видимо, потому, что был хорошо известен под этим названием. «Сорочья» метафора в загадке про орудие сельского труда, косу, основана на стереотипном представлении о сороке, что по полю скачет; данный стереотип «накладывается» на типичную картину сенокоса, закрепленную в обыденном сознании: косарь ловко машет косой, которая словно скачет в траве. Постепенное складывание и дальнейшее структурирование культурологического комментария видится важным шагом на пути исследования загадки как текста культуры.

Выводы. Когнитивный анализ загадок позволяет реконструировать процесс уподобления тех или иных сущностей на основании отдаленного сходства между ними и выявить когнитивную базу для кодирования и декодирования загаданного денотата. Народные загадки репрезентируют традиционную картину мира; прямое и образное описание денотата в загадке культурно детерминировано и основано на стереотипах, мифологемах, концептах и т.п., сформированных в традиционной культуре. Культурологический комментарий представляет разные типы информации, которые лежат в основе загадки и являются «ключами» для ее разгадывания.

Литература

Загадки народов России / сост. Т. Климова. М.: РОСМЭН, 1999.

Зеленин Д.К. Женские головные уборы восточных (русских) славян. М., 1926. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/zelen/1.php (дата обращения: 26.01.2020).

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры. М.: ЛЕНАНД, 2019.

Малые жанры русского фольклора. Пословицы, поговорки, загадки. / сост. В.Н. Морохин. М.: Высшая школа, 1986.

Митрофанова В.В. Загадки. Ленинград: Наука, 1968.

Мышь и сорока. Коми-зырянская народная сказка. URL: https://l-skazki.ru/komi-zyryanskie/3012-mysh-i-soroka.html (дата обращения: 27.01.2020).

Почему у сороки длинный хвост. Ительменская народная сказка. URL: https://l-skazki.ru/itelmenskie/2711-pochemu-u-soroki-dlinnyj-khvost.html (дата обращения: 27.01.2020).

Русский фольклор / сост. и примеч. В. Аникина. М.: Художественная литература, 1986.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь / под ред. С.М. Толстой. М.: Международные отношения, 2011. 512 с.

Николаева Т.М. Загадка и пословица: социальные функции и грамматика // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. 1. М.: Индрик, 1994. С. 143-177.

Орлова О.С. Непрямая номинация смерти в русских традиционных загадках // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония – 2019. М.: ФГБУН Институт языкознания РАН, 2019. С. 134-145.

Садовников Д.Н. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. СПб.: Типография Н. А. Лебедева, 1876.

Фролова О.Е. Живое и неживое в жанре загадки // Русская речь. 2013. № 6. С. 82-89.

M.L. Kovshova (Moscow, Russia)
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
O.S. Orlova (Moscow, Russia)
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

COGNITIVE ANALYSIS OF RIDDLES AND CULTURAL COMMENT: RESEARCH EXPERIENCE

The article deals with cognitive analysis of traditional Russian riddles and their cultural comment. The examples show that cognitive analysis allows to see different types of information which form the riddle. The cultural comment provided includes the information of traditional culture. The description of riddles is connected with such notions as stereotype, symbol, mythologeme etc.

Key words: riddle, cognitive analysis, traditional culture, cultural comment, image, stereotype.

И.Ю. Колесов *(Барнаул, Россия)*
Алтайский государственный педагогический университет
kolesov_iy@altspu.ru

О КОГНИТИВНОМ ПОДХОДЕ В ГРАММАТИКЕ КОНСТРУКЦИЙ[1]

В статье рассматривается проблема анализа языковых единиц с точки зрения теории грамматики конструкций при использовании когнитивного

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект 18-412-221001)

подхода. Акцент также сделан на преемственности в рассмотрении обусловленности семантической интерпретации языковых выражений знаниями говорящего о референтных ситуациях и ресурсах языка для их описания, заключающейся в учете взаимопроникновения всех звеньев системы языка.

Ключевые слова: конструкция, грамматика конструкций, категоризация, когнитивный подход, функция, знание, интерпретация.

Грамматика конструкций (лингвистика конструкций, Construction Grammar) является современной концепцией языка, которая стала, возможно, самым ярким свидетельством совокупности многих признаков современной лингвистики: полипарадигмальности, экспансии, функционализма, экспланаторности, семантико-центризма. Данная теория вобрала в себя установки и концепции традиционной и когнитивной лингвистики, философии, антропологии, теории информации, семиотики относительно ведущего принципа устройства и функционирования языка как знаковой системы вербальной коммуникации, который заключается в том, что составные номинативные единицы языка (будь то производное слово, или сложно-составное слово), как и единицы коммуникативные, построены не по принципу синтагматического соединения единиц, являющихся членами различных лексических и грамматических парадигм, т.е. не способом синтагматического развертывания речевых цепочек, а на иной основе. В качестве такого иного принципа выступают нетривиальные соединения языковых знаков в конструкции, каждая из которых обладает специфической функцией (или значением), которые неочевидны – т.е. не являются результатом сложения значений соединившихся элементов конструкции. Конструкционизм признает главенствующую роль коммуникативной функции в структурировании содержания языковых выражений, и, соответственно, связь между коммуникативной реализацией языковых единиц и их статусом в языке является основой экспланаторности теории строения языка [Boas, Fried 2005: 26-30]. Конструкционная грамматика, таким образом, является знаковой теорией языка, в которой стерты границы традиционно разграничиваемых подсистем и уровней языка: поскольку на всех языковых уровнях (от морфемы до высказывания и целого текста) единицы ведут себя как конструкции, для экспланаторности теории имеет смысл рассматривать не отдельные единицы и их роль, статус, значение и функции в языке, а то, каким образом данная единица участвует в конструкциях и какие когнитивные параметры осмысления (категоризации) содержания оказываются существенными при образовании и интерпетации конструкций.

В грамматике конструкций сложился ряд принципов их описания: а) постулат знаковости (конструкции обладают соотнесенными друг с другом формой и содержанием); б) постулат включенности (конструкции имеют связи «элемент – конструкция» и «элемент – элемент» [Croft, Cruse 2004]; в) постулат семантической идиоматичности (семантика конструкций не композициональна: значения конструкций не полностью мотивированы их компонентами [Fillmore, Kay, O'Connor 1988]; г) постулат категоризации (конструкция задает интерпретацию действительности и строит собственную категоризацию) [Рахилина 2004; 2010].

В анализируемом корпусе различных конструкций английского языка обнаруживается достаточно много структур, которые имеют статус конструкций, включающих, в первую очередь, аналитические и полуаналитические структуры с вербалиями (инфинитивом, герундием, причастиями I и II): «сложное дополнение» (We saw him run away; We saw him running; He had his car serviced; He got his wallet stolen at the marketplace), «сложное подлежащее» (He was seen to run away; They were reported to have gone away), «абсолютные конструкции» с причастиями и без них, каузативные конструкции (She cried herself to hysterics; Sounds like she danced her own feet off). Подобные конструкции являются во всех смыслах сложными полипропозициональными структурами, но даже в таком качестве могут существенно отличаться по формируемым концептам названных в них ситуаций, например, в конструкции to have smth done категоризуемые ситуации диаметрально противоположны по признаку интенциональности: He had his room redecorated «Ему сделали ремонт в комнате» (по желанию, замыслу, цели субъекта, который инициировал и каузировал действие других лиц) – He had his leg broken in a car accident «Он сломал ногу в автоаварии» (интенция отсутствует, категориально ситуация не принадлежит к каузируемым действиям других лиц, а принадлежит к происшествиям с негативным исходом).

Конструкции могут быть обнаружены в оппозициях структурно одинаковых языковых выражений, в которых противопоставленные элементы показывают различные результаты категоризации, например:

Long-legged «имеющий длинные ноги»: принадлежность неотчуждаемая – blue-bagged «имеющий синюю сумку»: принадлежность отчуждаемая;

John's room («комната Джона»: семантическая роль имени room – поссессив: участник отношения обладания) – John's questions («вопросы Джона»: семантическая роль имени questions – фактитив: объект, появившийся в результате деятельности Джона);

John's arrival (действие агенса: John arrived) – John's arrest (претерпевание действия пациенсом: John was arrested);

There were many students at the lecture (характеристика события lecture наличием аудитории слушателей students) – There were many questions at the lecture (характеристика события действиями слушателей – questions);

Snow-white linen (концептуализация параметра качества постельного белья) – knee-deep stream of water (концетуализация параметра количества: глубина водного потока).

Категоризация может формироваться в конситуативном контексте: John's cake репрезентирует знания о двух возможных ситуациях 1) The cake that John made и 2) The cake that John eat.

Следует заметить, что статусом конструкции обладают языковые выражения, которые, как знаки, имеют формальную и содержательную сторону, и как уже сказано, обе стороны композиционны, но достаточно наличия одного аспекта плана выражения или плана содержания, который не выводится из значения или формы составных частей [Рахилина 2010: 18]. Синкретичность нескольких значений в одной форме – довольно частое явление, давно ставшее предметом анализа в языке, что, видимо, подтверждает

необходимость интерпретации всей концептуальной структуры, складывающейся в результате языковой номинации некоторого положения дел, для чего востребованы обширные знания картины мира и большие массивы языковых знаний. Трудно не думать о преемственности в данном направлении когнитивной грамматики, т.к. изучение конструкций должно сопоставляться с уже известными явлениями и подходами, например, к пониманию полисемии, неоднозначности и неопределенности (polysemy, ambiguity, vagueness) как на уровне лексики, так и грамматических структур, которые после работ Н. Хомского, Дж. Лайонза и Р. Лэнекера уже стали хрестоматийными примерами того, как обусловленность семантики конструкций проявляется в том, что интерпретация языковых выражений зависит от знания говорящим как описываемых событий, так и языковых средств, которые в языке имеются для их обозначения: Flying planes can be dangerous = 1) to fly/pilot a plane is dangerous «управлять самолетом – опасное занятие», знание переходных глагольных конструкций (to fly a plane/kite) помогает увидеть данную интерпретацию; 2) planes that are flying are dangerous things «летящие самолеты представляют собой опасность». В зависимости от референтной отнесенности выражения структурная неоднозначность будет нарастать или сниматься: They can fish: a) they are able to do fishing «они умеют рыбачить», b) they produce canned fish «они консервируют рыбу».

«Подъем» роли грамматических конструкций в описании языкового механизма такого структурно-ориентированного языка, как английский (в силу его типологических особенностей с высокими показателями аналитических и изолирующих черт) связан с тем, что единицы языка на системно-парадигматическом уровне, как было отмечено Н.А. Кобриной, характеризуются неполнотой своего значения, оно в определенном смысле условно – как в грамматическом, так и в лексическом отношении, и лишь во взаимодействии и взаимопроникновении всех звеньев системы языка в процессе его функционирования, обеспечивается практическая бесконечность выражаемых смыслов [Кобрина 1981: 30]. Роль единиц языка в выполнении им когнитивной, коммуникативной и интерпретирующей функций [Болдырев 2013] связана не с их системно-парадигматическим статусом, а с их использованием в процессах репрезентации знаний, построении коммуникации, в актах интерпретации выражаемых ими смыслов при их «солидарном» использовании с другими единицами языка. Эта мысль подтверждает высказанные еще Ф. де Соссюром идеи о том, что в языке главенствующую роль играет его структурная организация, под которой он понимал совокупность всех отношений и связей между единицами языка. Сейчас этот тезис дополняется идеей о том, что благодаря наличию в языке подвижной и непрерывной актуализации всех связей и отношений между уровнями и единицами обеспечивается принцип интеграции значений и функций в пределах единиц и конструкций, и сама природа языка проявляется как динамическая, функциональная система, обладающая «креативностью», т.е. способностью приспосабливать старые средства к новым целям [Кобрина 1981; Болдырев 2013: 21].

Существенным в анализе конструкций является наличие ограничений на включение элементов, либо на включение конструкций в единицы более высокой иерархии. Приведем пример с посессивными конструкциями N's N и N of N,

которые могут быть взаимозаменяемыми только теоретически. Обратимся к примеру: предложение об американской поп-звезде *Madonna's reputation* is international / Reputation of Madonna может быть записано в двух формах (с предпочтением формы генитива имени собственного), но при включении в состав большей пропозиции, выбор нейтрализуется, т.к. структура предложения ограничивает выбор характером синтаксических отношений примыкания зависимого элемента (приложения the American singer) к определяемому (Madonna) и их преимущественно правостороннего развертывания в предложении:

The reputation of Madonna, the American singer, is international.

**Madonna's reputation, the American singer, is international.*

В качестве заключения отметим, что грамматика конструкций (CxG) направлена на выявление пути перехода от формы к ее содержанию в процессе интерпретации языковых выражений, этот поиск пролегает в сфере когнитивной семантики, раскрывающей особенности концептуализации и категоризации в грамматических конструкциях референтных «ситуаций», «положений дел» и т.п., т.е. в сфере выявления знания, репрезентируемого в конструкциях.

Литература

Болдырев Н.Н. Структурирование опыта и интегрирование смысла в высказывании // Когнитивные исследования языка. 2013. Вып. XIII. С. 18-29.

Кобрина Н.А. Функциональная модель языка // Взаимодействие языковых единиц различных уровней. Л.: Изд-во ЛГПИ, 1981. С. 30-45.

Рахилина Е.В. Категориальная структура и грамматика конструкций: контейнеры. 2004. URL: Http://www.ksu.ru/ss/cogsci04/science/cogsci04/212.doc.

Boas H., Fried M. Grammatical constructions. Back to roots. Amsterdam, 2005.

Croft W., Cruse D.A. Cognitive Linguistics. Cambridge, 2004.

Fillmore Ch., Kay *P., O'Connor* M.C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions // Language. 1988. Vol. 64 (3). P. 501-538.

I.Yu. Kolesov (Barnaul, Russia)
Altai State Pedagogical University

TOWADS A COGNITIVE APPROACH IN CONSTRUCTION GRAMMAR

The article focuses on the problem of analyzing lingual units within the theory of Construction Grammar applying cognitive linguistics approach. The emphasis is also placed on the continuity in linguistic research in viewing semantic interpretation of language expressions as dependent upon the speaker's knowing reference scenes expressed by sentences and the resources of the language for their nomination, which is effected in accounting for interpenetration of all subsystems in a language.

Key words: construction, Construction Grammar, categorization, cognitive approach, function, knowledge, interpretation.

И.А. Краева *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
irinakraeva@linguanet.ru

ИНТЕГРАЦИЯ МЕТОДОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОБЪЕКТИВИРУЮЩИХ КОНЦЕПТ *ГРАДУАЛЬНОСТЬ* В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье представлен краткий обзор методов исследования языкового материала, используемых современной лингвистикой, а также приведен фрагмент исследования новых тенденций использования лексических единиц, объективирующих концепт ГРАДУАЛЬНОСТЬ в современном английском языке. Исследование проводится на материале нечастотных качественных прилагательных с привлечением, в том числе, данных корпусных словарей сочетаемости.

Ключевые слова: градуальность, вариативность, качественные прилагательные, имплицитный, корпусные онлайн словари.

Интеграция методов исследований – одна из актуальных проблем современной лингвистики. Как известно, при наличии одного и того же **объекта** исследования именно общий метод создает **предмет** исследования, вычленяя ту сторону (или те стороны) языка, которые признаются важнейшими в данной ситуации.

Как отмечал Ю.С. Степанов, «любой крупный этап в развитии языкознания, характеризующийся изменением взглядов на язык, изменением лингвистической теории, сопровождается коренным изменением **метода**, стремлением создать новый обобщенный метод. При этом, в отличие от исчезновения старых взглядов на язык и замены их новыми, методы, унаследованные от предыдущего этапа, не исчезают полностью, а сохраняют свое значение на новом этапе в качестве более частных, специальных, но при этом основных методов» [Степанов 1998: 298-299].

Современная парадигма лингвистического знания не является исключением, поскольку ученые в своих исследованиях стремятся использовать сочетание различных общенаучных, общих и частных методов. Например: *общий* филологический метод – интерпретация текста;

разнообразные, прекрасно зарекомендовавшие себя *частные методы* анализа языкового материала – компонентный анализ, метод непосредственно составляющих, трансформационный метод и др.

Используются преломленные для нужд лингвистических исследований *общенаучные* методы, такие как количественные и статистические методы; сопоставительный метод; метод естественнонаучного эксперимента в психолингвистике; метод конкретно-социологических исследований в социолингвистике и др.

Все сказанное относится, несомненно, и к когнитивной лингвистике, стремящейся как к интеграции своих методов исследования языка, так и к интеграции с методами предшествующих научных парадигм.

Справедливо отмечают, что когнитивная лингвистика не только не отрицает достижений предшествующей ей структурной лингвистики, но принимает их во внимание и даже старается найти определенную взаимосвязь между та-

кими основными методами анализа, как компонентный и концептуальный анализ. Известные отечественные лингвисты отмечают, что компонентный анализ может использоваться и сегодня как важная первая ступень лингвистического анализа, которая предшествует концептуальному анализу.

Е.С. Кубрякова в этой связи пишет: «Соответственно нашему пониманию концептуального анализа, концептуальный анализ следует за традиционным семантическим анализом языковой формы (в терминах лексикографических дефиниций), переходя к когнитивному анализу (раскрытие более конкретных значений экстенсионалов анализируемых форм) и, наконец, завершая эту цепочку концептуальным анализом, осуществляемым в терминах концептов более высокого порядка» [Кубрякова 2009: 17].

Можно с удовлетворением констатировать, что сегодня методы когнитивной лингвистики хорошо известны и широко используются в научных исследованиях – это когнитивный анализ, концептуальный анализ, фреймовый анализ, прототипический анализ.

В настоящее время продолжается работа над уточнением основных приемов и методов когнитивной лингвистики. В этом плане следует, на наш взгляд, особо упомянуть разработанные Н.Н. Болдыревым когнитивно-матричный анализ и метод концептуально-таксономического анализа.

Кроме того, в рамках современной лингвистики успешно развивается корпусно-когнитивное направление лингвистических исследований, основными целями которого являются системное применение корпусного метода в области когнитивных исследований, в том числе при анализе семантики слова, а также разработка новых, комплексных методов анализа.

Значительные успехи отечественных и зарубежных ученых в данном направлении дают возможность говорить о возникновении корпусно-когнитивной парадигмы, хотя мы разделяем мнение о том, что следует, скорее, говорить о тенденции к созданию интегрированной методологии. В.И. Заботкина справедливо отмечает в этой связи: «Лингвисты [в последние годы] отказываются от исследовательской дихотомии “качественные vs количественные методы” и переходят к интегрированной методологии, соединяющей эти две парадигмы» [Заботкина 2015: 32].

Известно, что в настоящее время среди ученых не существует единого мнения о преимуществах интеграции качественных и количественных методов исследования, обсуждение необходимой степени их интеграции продолжается. Однако нельзя не согласиться с основными преимуществами корпуса, которые четко прекрасно сформулировал В.А. Плунгян: «Корпус – это не просто инструмент, это больше, чем инструмент, потому что использование этого инструмента очень сильно меняет наше представление о языке. Прежде всего, помимо традиционных задач науки о языке, корпус дает возможность ставить и решать совершенно новые задачи, которые в докорпусную эпоху если и приходили в голову лингвистам, то просто отбрасывались за неисполнимостью» [Плунгян 2009]. Несомненно, что «… даже для традиционных задач, то есть того, чем лингвисты всю жизнь занимались, корпус представляет собой совершенно ни с чем не сравнимые технические возможности, <…> дает нам возможность проверить, что в

языке действительно есть, а чего в языке, или, по крайней мере, в корпусе нет» [Плунгян 2009].

Проблемы языковой вариативности и нормы принадлежат, несомненно, к тем «старым», традиционным проблемам, которые находятся в поле зрения лингвистов уже долгое время и каждый раз со сменой парадигмы лингвистического знания получают новое осмысление и трактовку.

В проводимом нами исследовании, посвященном изучению особенностей объективации концепта ГРАДУАЛЬНОСТЬ в современном английском языке, предпринята попытка сочетать концептуальный анализ и данные корпусных словарей сочетаемости лексем, вербализующих концепт ГРАДУАЛЬНОСТЬ.

Так, при определении новых тенденций в использовании лексических единиц, объективирующих концепт ГРАДУАЛЬНОСТЬ в современном английском языке, а точнее, при изучении *сочетаемости* английских прилагательных с наречиями степени для выражения разной степени проявления признака, мы используем данные авторитетных онлайн словарей лексической сочетаемости, созданные на основе Британского национального корпуса (British National Corpus, BNC), – Online Oxford Collocations Dictionary и the English Collocations Dictionary Online.

В своих более ранних работах мы проводили исследование на материале качественных прилагательных, имплицитно выражающих степень проявления признака и *часто* употребляемых в английском языке, поскольку очевидно, что частотная лексика наиболее подвержена процессам варьирования. На данном этапе исследования в задачу входило проследить возможные новые тенденции в сочетаемости английских прилагательных, не принадлежащих к частотной лексике, с наречиями степени для выражения разной степени проявления признака.

Согласно результатам исследования, целый ряд нечастотных качественных прилагательных, как и частотных, имплицитно выражает высокую / очень высокую степень проявления признака, что зафиксировано в авторитетных словарях современного английского языка, например, в словаре издательства Макмиллан:

abysmal (extremely bad or low in quality = APPALLING) [MED 2012: 7];
accursed (very annoying) [MED 2012: 12];
ace (very good; very skilful) [MED 2012: 12];
backbreaking (physically very hard and tiring = EXHAUSTING) [MED 2012: 94];
baggy (very loose) [MED 2012: 98];
balletic (very graceful and controlled) [MED 2012: 100];
cadaverous (extremely thin and looking pale and ill) [MED 2012: 202];
deplorable (extremely bad and shocking = DISGRCEFUL) [MED 2012: 395];
ebullient (very happy and enthusiastic) [MED 2012: 469];
fabled (= LEGENDARY) [MED 2012: 524] и др.

Обращение к корпусным онлайн словарям сочетаемости показало, что подавляющее большинство рассматриваемых прилагательных, в отличие от частотных прилагательных, имплицитно выражающих высокую / очень высокую степень проявления признака, *не встречается* в сочетании с наречиями степени, выражающими разную степень проявления признака. Онлайн словари регистрируют лишь отдельные случаи подобного употребления. Например, прилагательное **desolute** в значении completely empty with no people or pleasant fea-

tures in it часто сочетается с наречием completely, выражающим очень высокую степень проявления признака, и наречием quite, выражающим достаточную степень признака (The landscape was quite desolute), а в значении very unhappy – с наречиями quite (достаточная степень признака), utterly (очень высокая степень признака) и наречием a little (невысокая степень признака) (She was utterly desolute after losing her baby; Her voice sounded a little desolute). При этом в ходе исследования не обнаружено кодифицированных случаев подобного употребления.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что в современном английском языке в плане лексического варьирования нечастотные качественные прилагательные, имплицитно выражающие разную степень проявления признака, в отличие от частотных прилагательных, редко встречаются в словосочетаниях с наречиями-модификаторами степени. Другими словами, согласно корпусным данным, такие словосочетания не являются частотными в узусном употреблении. Кроме того, исследование употребления подобных сочетаний, проведенное на основе авторитетных словарей, не выявило случаев перехода подобных сочетаний в разряд нормативных / кодифицированных.

Литература

Заботкина В.И. От интеграционного вызова в когнитивной науке к интегрированной методологии // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под общ. ред. В.И. Заботкиной. М.: Языки славянской культуры. 2015. С. 15-38.

Кубрякова Е.С. Основные направления концептуального анализа: вместо введения // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. I. С. 11-21.

Плунгян В.А. Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов. Лекция, прочитанная в рамках проекта «Публичные лекции». URL: http://polit.ru/article/2009/10/23/corpus/.

Степанов Ю.С. Метод // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. С. 298-299.

MED – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Second edition. Oxford: Macmillan Publishers Ltd, 2012. 1748 p.

I.A. Kraeva (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

INTEGRATION OF METHODS USED IN STUDYING LEXICAL UNITS OBJECTIFYING THE CONCEPT GRADUALITY IN MODERN ENGLISH

The article presents a brief overview of methods of research of language material used in modern linguistics, as well as a fragment of the study of new trends in the use of lexical units objectifying the concept of GRADUALITY in modern English. The study is conducted on the material of infrequently used qualitative adjectives involving the data obtained from corpus dictionaries of lexical compatibility.

Key words: graduality, variability, qualitative adjectives, implicit, corpus online dictionaries.

О.В. Магировская *(Красноярск, Россия)*
Сибирский федеральный университет
magirovskayaov@yandex.ru

ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНТЕГРАТИВНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ДИСКУРСА[1]

В статье описываются основные характеристики дискурса, которые обусловливают единство его структуры и содержания: концептуальная целостность, коммуникативная целостность, прагматическая целостность, форматная целостность. Данные характеристики рассматриваются как взаимообусловленные и взаимодействующие и, как следствие, лежащие в основе интегративной целостности дискурса и определяющие его антропоцентрическую сущность.

Ключевые слова: дискурс, концептуальная целостность, коммуникативная целостность, прагматическая целостность, форматная целостность.

Дискурсивные исследования в лингвистической науке с каждым годом расширяют диапазон возможностей и перспектив изучения данного языкового феномена, формирование которого обусловлено активной вовлеченностью человека в процессы когниции и коммуникации. В силу своей содержательной, структурной и функциональной сложности дискурс выступает объектом всех направлений в лингвистике. Каждое из направлений, в свою очередь, изучает его определенный аспект, что положительно сказывается на понимании дискурса. Тем не менее, такой подход не позволяет описать дискурс как интегративную сущность. В связи с этим не менее весомым представляется научный взгляд на дискурс как уровень целостной репрезентации сложной когнитивной деятельности субъектов в рамках их коммуникативно-прагматического взаимодействия. Такая цель обусловливает совершенно иной круг задач, которые заключаются, прежде всего, в описании дискурса как сложного функционального целого, результата интеграции основных характеристик, образующих дискурс, выявлении закономерностей и механизмов формирования и функционирования дискурса, объяснении особенностей дискурса как иерархически наивысшей языковой единицы коммуникации и т.п.

В рамках данной статьи систематизируются основные характеристики дискурса, которые обеспечивают его структурно-содержательную целостность, что, в свою очередь, позволяет представить его как в наивысшей степени антропоцентричный уровень репрезентации сложной интерпретативной деятельности его субъектов. Понимая дискурс широко, мы, прежде всего, исходим из его интегративной природы. Она заключается в том, что дискурс включает в себя все знания (языковые и неязыковые, научные и обыденные, рациональные и иррациональные, мифологические, религиозные, философские и др.) и осо-

[1] Исследоване выполнено с использованием средств гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект 20-012-00321) в Сибирском федеральном университете

бым образом их конфигурирует, т.е. отбирает, перерабатывает, трансформирует и кодирует в языке. Такая конфигурация знаний – результат интеграции целого ряда обязательных характеристик.

Первая форматная характеристика дискурса – *концептуальная целостность* – предполагает особый способ обработки информации об определенном фрагменте реальной действительности. Данная обработка осуществляется относительно основной идеи, концептуального знания, которым необходимо обменяться в процессе дискурсивной деятельности. Это своеобразный опорный концепт [Демьянков 1982], выступающий ориентиром для коммуникантов в отборе релевантных для формирования необходимого информационного пространства знаний. К релевантным относятся знания, которые, по мнению субъекта(ов) дискурса, должны быть объективированы для достижения содержательной полноты в конкретной дискурсивной ситуации и при конкретных условиях социально-дискурсивной активности (например, объяснение научной теории в рамках лекции, описание события в новостной статье, жалоба на качество товара в рекламации, обсуждение просмотренного фильма в личной беседе и т.д.). Участники дискурса, таким образом, осмысливают фрагмент реальной действительности в определенном ракурсе, т.е. относительно своей индивидуальной системы знания, мнения, опыта, чувств, эмоционального состояния и восприятия мира, а также организуют «отобранные» знания в соответствии с определенной логикой их следования, устанавливаемыми причинно-следственными связями, акцентами на конкретных фрагментах дискурса. Иными словами, они выступают носителями индивидуальных концептуальных систем, во многом определяющих те знания и тот объем, которые подвергаются вербализации.

Вторая форматная характеристика – *коммуникативная целостность* – ориентирована на систему знания всех участников дискурсивной ситуации. Ведущая роль основного участника коммуникации (субъекта дискурсивной деятельности как говорящего / пишущего лица) при этом сохраняется. Тем не менее, конструируя фрагмент реальной действительности в определенном фокусе его представления, субъект дискурсивной деятельности всегда учитывает весь спектр экстралингвистических факторов. Соответственно, коммуникативный аспект дискурса предполагает обязательное понимание конкретной дискурсивной ситуации, целей и намерений всех ее участников, их возрастных, гендерных, социальных, национальных и др. характеристик. Не менее важным для реализации коммуникативной целостности дискурса выступает учет стереотипов коммуникативного поведения, что также вытекает из знания всего объема вовлеченных в ситуацию общения экстралингвистических факторов.

Как следствие, ориентация на коммуникативный аспект проявления дискурса во многом обусловливает выбор конкретных языковых средств и приемов, а также коммуникативных стратегий и тактик. Например, вербализация концептуального знания об одном и том же произошедшем в мире событии будет разной при ее представлении ребенку и взрослому, малознакомому человеку (для поддержания беседы, в рамках дискуссии) и близкому другу и т.д.

В процессе интеграции концептуальная и коммуникативная характеристики позволяют сконструировать дискурс как общий контекст знаний, разделяемых, с точки зрения субъекта дискурсивной деятельности, всеми участниками коммуникации. Неправильный или неточный выбор языковых и/или коммуникативных средств и приемов приводит к недопониманию или полному непониманию. Это может проявляться в репликах субъекта дискурсивной деятельности или других вовлеченных в дискурсивную ситуацию участников (*Я, наверное, не так выразился; Что Вы хотите этим сказать? Почему Вы так со мной разговариваете? А можно уточнить, правильно ли я Вас понял(а)* и др.) или их поведенческой реакции.

Третья характеристика – *прагматическая целостность* – обусловлена ориентированностью дискурса на целевые установки субъекта дискурсивной деятельности. Прагматическая целостность, подобно концептуальной целостности, имеет векторный характер. Благодаря активизации данного аспекта общее знание как знание, разделяемое всеми участниками дискурса, которые включены в единый экстралингвистический контекст дискурсивной ситуации, в процессе своего развертывания относительно опорного концепта подчиняется основной целеустановке субъекта дискурсивной деятельности (например, доклад с целью информирования, выступление как повод для самопрезентации, сообщение провокационного характера и др.).

В своей совокупности три вышеуказанные характеристики необходимы для конструирования дискурса вокруг опорного концепта с учетом знаний и прагматических установок субъекта дискурса, с одной стороны, и конвенциональных норм коммуникативного поведения и общего информационного и экстралингвистического контекста, в который вовлечены все потенциальные участники дискурса, с другой стороны.

Интегративной основой, обеспечивающей каркас дискурса, способ его организации и границы, выступает четвертая характеристика дискурса – *форматная целостность*. Данная характеристика необходима для интеграции всего активного знания по определенному алгоритму его актуализации.

Форматная целостность стереотипна по своей природе. Именно данная характеристика обусловливает конкретный тип дискурса (рассказ, новость, статья, объявление, диссертация и т.д.) и, соответственно, форму представления знания, его объем, тип, степень объективности / субъективности, способ(ы) языковой и коммуникативно-прагматической организации. Инструментами форматного оперирования знаниями выступают когнитивные и языковые механизмы. Они универсальны, являются схемами работы сознания человека, что позволяет им служить для формирования и организации концептуального содержания и передачи конкретных смыслов [Болдырев, Маховикова 2012]. На уровне дискурса когнитивные и языковые механизмы (в отличие от механизмов отдельных уровней языка) интегративны, т.к. задействуются одновременно. Их активизация приводит к формированию целостного концептуального каркаса дискурса. Им также присущи такие свойства, как выделительный потенциал и конкретизирующий характер. Они, в свою очередь, участвуют в организации отдельных блоков (структурно-содержательных частей) дискурса, т.к. обеспечивают оригинальное преломление знаний субъекта дискурсивной деятельности и приводят к их определенной трансформации [Магировская 2016].

Выделенные в сугубо исследовательских целях для понимания антропоцентрической природы дискурса и его содержательно-структурной организации данные характеристики неразделимы. Они тесно взаимосвязаны, взаимообусловлены, не имеют четко очерченных границ. В своей совокупности они конструируют особую модель фрагмента реальной действительности относительно концептуальной, коммуникативной, прагматической и форматной целостности. Именно в такой сложной интеграции проявляется антропоцентрическая сущность дискурса как его ориентированность на систему знаний участников дискурса, особенности их коммуникативно-прагматического взаимодействия в конкретной ситуации, конвенциональные модели и алгоритмы структурной и содержательной организации знаний.

Литература

Болдырев Н.Н., Маховикова Д.В. Лексический способ концептуализации времени в современном английском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 2. С. 5-15.

Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. М.: Всесоюзный центр переводов ГКНТ и АН СССР, 1982.

Магировская О.В. Универсальные когнитивные механизмы дискурсивной организации знания // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVI. С. 451-453.

O.V. Magirovskaya (Krasnoyarsk, Russia)
Siberian Federal University

CHARACTERISTIC FEATURES OF DISCOURSE INTEGRITY

The article focuses on key characteristic features of discourse that determine its structure and content: conceptual integrity, communicative integrity, pragmatic integrity, and format integrity. All of them are interdependent and interacting and, consequently, they ensure discourse integrity and its anthropocentric nature.

Key words: discourse, conceptual integrity, communicative integrity, pragmatic integrity, format integrity.

А.П. Миньяр-Белоручева *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ostvera@mail.ru

ПОЛИТИКА В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ – ИСТОРИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается взаимовлияние исторического и политического дискурсов. Смена парадигм в политике приводит к пересмотру, переоценке и новому взгляду на историю, которая, в свою очередь, становится веским аргументов при решении политических проблем настоящего, что приводит к возникновению гибридных дискурсов.

Ключевые слова: история, политика, дискурс, лингвистика исторического дискурса, текст, воздействие.

В настоящее время взаимообусловленность исторического и политического дискурсов приобретает все возрастающую значимость. Парадигмальные сдвиги на политическом уровне привели к историческому повороту, который заключается в пересмотре и переоценке исторических событий, выдвигаемых в качестве веских аргументов в обосновании необходимости проведения радикально переориентированного политического курса. Использование ангажированной истории в политическом дискурсе способствует обострению противостояния сторон на политической арене современного мира, что придает истории публичный характер и социально-политическую значимость, позволяющую постулировать ее как политику прошлого. На этом фоне наблюдается возрастание интереса к историческому дискурсу, который имеет много общих черт с политическим и имеет все основания рассматриваться как вид институционального дискурса. Политический дискурс отличается жанровой вариативностью, проявляющейся в ритуальных, ориентационных и агональных жанрах [Чудинов 2006: 53-59]. Система жанров свойственна историческим первоисточникам.

Исторический дискурс – это сложное образование, под которым понимается совокупность концептуально связных текстов, погруженных в историческую действительность. Объединенные смысловой связью исторический текст и контекст, дополняя друг друга, составляют дискурсивно целое единство. Исторический текст, будучи неотъемлемой частью исторического дискурса, является «той непосредственной действительностью <…> из которой только и <может> исходить мышление», поскольку «где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления» [Бахтин]. В данном определении подчеркивается значимость текста как реально существующего материального образования. Линейный текст приобретает новые концептуальные оттенки в нелинейной фрактальности когнитивных сценариев исторических миров, исторического дискурса.

Исторический дискурс – это дискурс историков, воплотивший единство языковой формы, значения и действия [Дейк 1989: 46], который не ограничивается профессиональными рамками деятельности историков, а становится политическим оружием, когда исторические события реконструируют политики. Новая интерпретация исторических фактов, их одобрение и признание адресатом требует использования технологий убеждающего воздействия. Искусство убеждения состоит в тонком использовании едва заметно соприкасающихся понятий, благодаря которому совершаются неожиданные переходы от одних убеждений к другим, иногда вопреки ожиданиям самого говорящего [Schopenhauer 1891: 58]. Эти и другие вопросы исторического дискурса нуждаются в детальном исследовании. Политический дискурс изучает политическая лингвистика, находящаяся на стыке лингвистики, когнитологии, политологии, социальной психологии [Чудинов 2006: 3]. Всесторонний анализ исторического дискурса предлагается проводить в рамках лингвистики исторического дискурса, с позиций лингвистики, когнитологии, психологии и истории. Язык историка так же, как и язык политика, направлен на формирование общественного мнения и манипулирование общественным сознанием. Язык истори-

ка – это язык агитации и пропаганды, позволяющий оправдывать любые действия, отвечающие «государственному интересу». Всестороннее исследование языка историка, воплощенного в сложном и многогранном историческом дискурсе, необходимо для изучения механизмов манипуляции общественным сознанием и способов создания коллективного мнения.

Полидискурсивность, полифункциональность и поликодовость исторического дискурса обусловлены самим предметом – историей, охватывающей всю панораму жизни в прошлом, зафиксированную в текстах первоисточников, посредством которых историк, лишенный возможности непосредственно наблюдать за ходом исторического развития, изучает события разных веков. На когнитивном уровне историк, переосмысливая фрагменты исторической действительности, воссоздает их в своем ментальном пространстве с целью реконструкции событий прошлого. Посредством имеющегося в его распоряжении инструментария историк вычленяет «в поле истории» [Фуко 1996: 7] горизонтальные и вертикальные пласты, несущие информацию как о поступательном ходе эволюционного развертывания событий, периодически прерываемого резкими скачками революционных изменений, так и оценивает их последствия. Динамика и дискретность исторического развития позволяют историку увидеть быстротечность культурных, политических и военных событий и размеренное течение бытовой жизни в прошлом, которые он реконструирует посредством языка, воспринимаемого им как «дом бытия» [Хайдеггер 1988], в котором для него только и протекает жизнь исторического прошлого, познаваемая и реконструированная им посредством слова. Следует подчеркнуть, что историку необходимо наиболее глубоко погрузиться в «культурный контекст языковой деятельности» [Болдырев, Дубровская 2015: 14] людей прошлого для создания предельно полной картины их жизни. Виртуальное наблюдение за событиями прошлого позволяет историку постфакторно создать конструкт исторической реальности, близость которого к оригиналу всегда подвергается сомнению. Плюралистическая парадигма постмодернизма способствовала появлению множественности интерпретаций исторических событий и корреляции ранее данных им оценок. Целенаправленное моделирование исторической реальности является одним из средств идеологической пропаганды и важнейшим инструментом политической риторики, призванных воздействовать на массовое сознание с целью изменения его установок.

В историческом дискурсе, как полидискурсивном феномене, соединяются виртуальное и реальное, мифы и действительность, рисуя в воображении историка картину прошлого, которая может оказать существенное влияние на политику настоящего, предъявив откорректированные события прошлого в новом свете смысловых инверсий. В историческом дискурсе соединяются несовместимые пространства, переплетаются миры, не имеющие возможность соприкоснуться иным способом, которые не вызывают когнитивного диссонанса, но способствуют погружению в историческую «действительность» посредством совмещения событий, произошедших не только в хронологически линейном порядке в единое повествование, но и посредством соединения всех событий, темпорально-пространственный вектор которых далеко выходит за пределы места и времени изучаемых

явлений. Полифоничность исторического дискурса, свойственная полидискурсивности в целом, создается не только благодаря «многоголосию» участников исторических событий, многослойности первоисточников, но и разнообразию их интерпретации, осложненной эксплицитными и имплицитными оценками [Миньяр-Белоручева 2014].

В историческом дискурсе используют языковые средства сообщения и воздействия, направленные на информирование адресата посредством разнообразных механизмов персуазивности и суггестии, включающих убеждение и внушение, которые влияют на разные уровни сознательного и бессознательного. Вербальные средства, апеллирующие к разуму и эмоциям адресата, включают словарь, необходимый для ословления концептов истории, построения суждений и обоснования выдвинутых положений, а также стилистические фигуры речи и тропы. Анафора, эпифора, эпитеты, метафоры, сравнение, метонимия, инверсия, риторические вопросы необходимы историку для усиления экспрессивности вербального сообщения с целью воздействия на адресата. Выбор языковых средств и композиционная структура научно-исторических текстов исторического дискурса определяется целевой аудиторией. К особенностям научно-исторического текста исторического дискурса относится четкость композиционной структуры, логичность изложения и наличие автора и адресата. В настоящее время историю пишут и переписывают не только историки, играя на чувствах своего адресата, они, вместо неопровержимых фактов и аргументов, используют разнообразные средства воздействия, направленные на снижение критичности восприятия фактов и принятие противоречащих здравому смыслу инверсионных оценок исторических событий. Что касается адресатов исторического дискурса, то, по аналогии с адресатами политического дискурса, они классифицируются по политическому критерию на единомышленников и оппонентов, по количественному – на индивидуальных, групповых и массовых [Чудинов 2006: 53-59]. В зависимости от рассматриваемой проблемы исторический дискурс может быть ориентирован на любого из них. Для изменения отношения адресата к конкретному историческому событию историки используют разнообразные стратегии и механизмы воздействия, направленные на достижение поставленной ими цели.

Подводя итог, необходимо отметить, что в политическом дискурсе история востребована для решения актуальных проблем настоящего, в свою очередь, вмешательство политики в исторический дискурс приводит к переписыванию истории. Таким образом, комбинирование этих двух институциональных дискурсов – исторического и политического – было неминуемо. В результате этого «гибридного коммуникативного образования» [Карасик 2015: 194] сформировался агональный дискурс, получивший название «дискурс исторической памяти» или «дискурс исторической политики», востребованный в современном плюралистическом обществе Запада.

Литература

Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа. URL: http://www.lingvotech.com/baxtin (дата обращения: 10.12.2017).

Болдырев Н.Н., Дубровская О.Г. О формировании социокультурной специфики дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3. С. 14-25.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.

Карасик В.И. Языковое проявление личности. М.: Гнозис, 2015.

Миньяр-Белоручева А.П. Оценка в историческом дискурсе // Современная коммуникативистика. 2014. Т. 3 (10). № 3. С. 7-11.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука. 2006.

Хайдеггер М. Письмо о гуманизме. Проблема человека в западной философии: Переводы / сост. и послесл: П.С. Гуревич. М.: Прогресс, 1988.

Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996.

Schopenhauer A. Die Welt als Wille und Vorstellung. Leipzig: Brockhaus, 1891.

A.P. Minyar-Beloroucheva (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

POLITICS IN HISTORICAL DISCOURSE – HISTORY IN POLITICAL DISCOURSE

The paper deals with the correlation of historical and political discourses. A paradigm shift in politics causes the revision, reassessment and reconstruction of history. History, inturn, becomes a weighty argument for solving the political problems of the presen. All thesecontribute to the emergence of hybriddiscourses.

Key words: history, politics, discourse, linguistics of historical discourse, text, persuasion, suggestion.

Ж.Т. Оспанова *(Нур-Султан, Казахстан)*
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
zhanna19@list.ru
К.К. Толыбаева *(Нур-Султан, Казахстан)*
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
tolybaeva-karima@mail.ru
К.К. Дуйсекова *(Нур-Султан, Казахстан)*
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
kuliash@yahoo.fr

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Настоящая статья представляет собой обзор лингвокогнитивных исследований в Казахстане. Определены современные тенденции научных интересов казахстанских ученых, применяющих лингвокогнитивные методы в изучении языка во взаимодействии с мышлением, сознанием и культурой. Выстраивается предположение о перспективах исследований в казахстанской когнитивной лингвистике.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, когнитивная парадигма, лингвоконцептология, интегративные процессы.

С тех пор как когнитивная лингвистика оформилась в самостоятельное направление в современном языкознании со своей методологией и принципами изучения взаимосвязи языка, сознания и мышления, язык рассматривается учеными как когнитивный инструмент, а развитие языка интерпретируется посредством мыслительных категорий. Моделирование языка предполагается в контексте моделирования сознания. Интегративные процессы в когнитивной лингвистике в целом и междисциплинарный характер когнитивных исследований зарубежных ученых, в том числе и российских, способствовали появлению нового – когнитивного – поворота в казахстанской научной парадигме познания.

Первые предпосылки для формирования казахстанской когнитивной лингвистики были заложены крупнейшими учеными А. Байтурсыновым, К. Жубановым, С. Аманжоловым, А.Т. Кайдаровым, М.М. Копыленко и др., несмотря на то, что в их идеях еще не было когнитивных терминов. Тем не менее, ученых всегда волновали вопросы, связанные с изучением языка и мышления, языка и сознания, языка и познавательной деятельности человека.

Разумеется, в основу развития казахского языкознания в русле когнитивной лингвистики легли теоретико-методологические разработки ученых дальнего зарубежья (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Ч. Филлмор, Р. Лангакер, Р. Джакендофф, С. Пинкер) и ближнего зарубежья (Е.С. Кубрякова, В.Н. Телия, З.Д. Попов, И.А. Стернин, В.И. Карасик, В.А. Маслова, В.З. Демьянков, А.А. Кибрик, Н.Н. Болдырев, И.В Зыкова и др.).

Наряду с этим интересы современных казахстанских ученых развиваются в лингвокогнитивных исследованиях. В этом направлении работали и продолжают работать А.Е. Карлинский, Э.Д. Сулейменова, З.К. Ахметжанова, Г.Г. Гиздатов, К.К. Дуйсекова, З.К. Сабитова, Л.К. Жаналина, Ж.А. Манкеева и др. Следует отметить монографию К.А. Жаманбаевой, посвященную изучению когнитивных основ употребления языка (эмоции, символы и языковое сознание) [Жаманбаева 1998]. Выпущена учебная литература по когнитивной лингвистике на казахском языке [Оразалиева 2007], [Нұрдәулетова 2011] и др. Несмотря на достаточное количество публикаций в когнитивном ключе, до сих пор еще не сформировались научные школы и собственные направления в казахстанской когнитивной лингвистике, что подчеркивают в своих аналитических обзорах М.Ш. Мусатаева, А.И. Скрипникова, З.К. Ахметжанова, К.К. Дуйсекова, Н.М. Жанпеисова и др.

Среди когнитивно-ориентированных лингвистических исследований, проводимых казахстанскими учеными за последние двадцать лет, можно выделить следующие направления: 1) лингвоконцептологическое; 2) лингвокультурологическое, включая этнолингвистическое; 3) семантико-когнитивное; 4) когнитивные основы ономастики и терминоведения; 5) когнитивно-дискурсивное; 6) лингводидактическое исследование с применением когнитивных технологий обучения языкам и 7) когнитивная фразеология и изучение процессов метафоризации.

Теоретико-экспериментальное исследование в рамках лингвоконцептологии выполнено З.К. Ахметжановой в работе «Очерки по национальной концеп-

тологии» [Ахметжанова 2012], в которой представлены результаты комплексного анализа базовых и в то же время иерхахически структурированных концептов казахской лингвокультуры, обозначающие предметы обихода и казахского быта, отражающие ценностно-духовные и культурные ориентации казахов. В результате анализа делаются выводы относительно менталитета казахского этноса. В ракурсе лингвоконцептологического направления в Казахстане изучаются абстрактные, религиозные, мифопоэтические, авторские концепты, концепты-символы и концепты евразийской лингвокультуры Казахстана (А.Б. Иргебаева, Ж.М. Уматова, Н.М. Жанпеисова, С.Р. Сугирбекова и др.).

В рамках лингвокультурологического подхода ученые проводят исследования языковой картины мира, репрезентации идиоэтнической культуры в концептуальной системе языка, концептуальной картины мира, исследования в направлении «от языка к культуре» (М.М. Копыленко, Ш.К. Жаркынбекова, Е.А. Керимбаев, А. Ислам, К.К. Дуйсекова, Н.Ж. Шаймерденова, Г. Исина, Р.А. Авакова, С.С. Жабаева, Г. Сагидолда и др.). В учебном «Словаре евразийской лингвокультуры Казахстана» исследователи описали базовые концепты евразийской лингвокультуры, вербализованные в русском языке на территории Республики Казахстан (например, АГАШКА, АКСАКАЛ, АЙНАЛАЙЫН, АПАШКА, БЕШПАРМАК и др.), и основные характеристики менталитета народа Казахстана [Словарь 2011].

Семантико-когнитивное направление сосредоточено на изучении лексико-грамматической семантики языка, которая рассматривается в качестве средства моделирования от семантики к концептосфере (Г.Г. Гиздатов, Ш.К. Жаркынбекова, З.К. Сабитова, Л.К. Жаналина, А.Е. Бижкенова, Л. Шайкенова, С. Құлманов и др.). Так, в одной из своих ранних работ Г.Г. Гиздатов выявляет когнитивные модели механизма и функционирования языка и рассматривает их как «интервальный» образ мышления и сознания человека [Гиздатов 1998: 176]. В своих поздних работах Г.Г. Гиздатов проявляет глубокий интерес к когнитивно-дискурсивным исследованиям, в рамках которого изучаются дискурс идентичности и медиадискурс.

Вопросами когнитивных основ ономастики и терминоведения сквозь призму концептуальной структуры отечественного ономастического пространства занимаются А.Е. Бижкенова, Б. Тлеубердиева, Ж.А. Манкеева, Л.К. Жаналина, А.Х. Азаматова, З.К. Сабитова.

Созданная академиком С.С. Кунанбаевой казахстанская школа лингводидактики проводит исследования по усвоению иностранных языков в рамках изучения когнитивной деятельности человека (С.С. Кунанбаева, Н.Ж. Шаймерденова, Б.К. Мурзалина, К.Н. Булатбаева и др.).

В рамках когнитивной фразеологии и изучения процессов метафоризации осуществляют свои изыскания С.Е. Исабеков, К.К. Дуйсекова и ее ученики. Так, К.К. Дуйсековой изучается фразеологическая картина мира носителей казахского и французского языков [Дуйсекова 2006]. Сравнительно недавно стали изучаться концептуальные метафоры в политическом и художественном дискурсе, в дискурсе СМИ (М.Н. Тричик, Д.Б. Аманжолова, С. Садуакасова и др.). В рамках настоящей статьи не представляется возможным перечислить весь перечень докторских диссертаций, выполнен-

ных в перечисленных нами направлениях в когнитивном ключе. Однако можно отметить все возрастающий интерес к когнитивным и лингвокультурологическим исследованиям.

В силу особенностей географического и геополитического расположения, соседства с Российской Федерацией, а также полиэтнического состава народа Казахстана, развиваются «лингвокогнитивные связи», что способствует совместным проектам и разработкам. Здесь хотелось бы отметить активную деятельность Международной распределенной лаборатории когнитивной лингвистики и концептуальных исследований (Россия – Казахстан – Кыргызстан) под руководством М.В. Пименовой. Отдельную благодарность хотелось бы высказать оргкомитету РАЛК за предоставленную возможность участвовать в дискуссиях и мероприятиях, в том числе в работе Конгресса когнитоловлингвистов в 2019 году, на котором нам довелось узнать, в каком направлении находится когнитивная лингвистика в Российской Федерации, что также расширяет границы когнитивных исследований, дает импульсы для дальнейших изысканий, придавая результатам достижений международный характер. Как отмечает К.К. Дуйсекова, изучение в когнитивном аспекте требует от казахстанских ученых систематичного подхода для формирования научной школы [Дуйсекова 2015: 28]. Перспективными для казахстанской когнитивной лингвистики являются психолингвистические, нейролингвистические изыскания, на стыке с компьютерной лингвистикой и др., а также создание центра контрастивных когнитивных исследований в Казахстане с дальнейшей организацией международных конференций по лингвокогнитивным исследованиям с участием ученых ближнего и дальнего зарубежья и проведением совместных международных изысканий.

Литература

Ахметжанова З.К. Очерки по национальной концептологии. Алматы: Елтаным, 2012.

Дуйсекова К.К. Когнитивная лингвистика: состояние и перспективы исследований // Современные направления лингвистической науки. Алматы: Эпиграф, 2015. С. 19-76.

Дуйсекова К.К. Фразеологическая картина мира французского и казахского языков (концептуально-лингвокультурологический опыт исследования): автореф. дис. … д-ра филол. наук. Алматы, 2006.

Гиздатов Г.Г. Когнитивные модели в речевой деятельности. Алматы: Гылым, 1998.

Словарь – Словарь евразийской лингвокультуры Казахстана / З.К. Сабитова, Г.Т. Жанкидирова, К.С. Скляренко, Д.С. Шантаева; отв. ред. З.К. Сабитова. Алматы: Қазақ университеті, 2011.

Жаманбаева Қ.Ә. Тіл қолданысының когнитивтік негіздері: эмоция, символ, тілдік сана: монография. Алматы, 1998.

Нұрдәулетова Б.И. Когнитивтік лингвистика. Алматы: Дәуір, 2011.

Оразалиева Э.Н. Когнитивтік лингвистика: қалыптасуы мен дамуы: ғылыми монография. Алматы: Ан Арыс, 2007.

Zh.T. Ospanova (Nur-Sultan, Kazakhstan)
L.N. Gumilyov Eurasian National University
K.K. Tolybayeva (Nur-Sultan, Kazakhstan)
L.N. Gumilyov Eurasian National University
***K.K.* Duisekova** (Nur-Sultan, Kazakhstan)
L.N. Gumilyov Eurasian National University

LINGUO-COGNITIVE RESEARCH IN KAZAKHSTAN: CURRENT STATUS AND PROSPECTS

This article is an overview of linguo-cognitive research in Kazakhstan. The modern trends of the scientific interests of Kazakhstani scientists are determined who use linguo-cognitive in the study of the language in interaction with thinking, consciousness and culture. The assumption is being made about the prospects of research in Kazakhstan's cognitive linguistics.

Key words: cognitive linquistics, cognitive paradigm, linguoconceptology, scientific school.

А.М. Плотникова *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
annamp@yandex.ru

АМБИСЕМИЯ КАК КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН[1]

В статье рассматривается механизм совмещения значений слов, определяющий неоднозначность слова, диффузность его семантики. Амбисемия обусловлена как языковыми, так и внеязыковыми факторами и затрудняет отнесение слова к одному семантическому классу. В докладе анализируется семантика прилагательных «*социальный*» и «*цифровой*», интерпретация значений которых предполагает учет когнитивных факторов.

Ключевые слова: семантика, амбисемия, когнитивные факторы, диффузность значения.

Диффузность семантики слова, отмечаемая лексикологами и лексикографами, наиболее ярко обнаруживается в таких явлениях, как парасемия и амбисемия. Если парасемия, представляющая одновременную реализацию двух и более значений слов, носит контекстуальный характер и служит средством языковой игры, каламбура, то амбисемия представляет собой системное явление.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-012-00458 «Отношения тождества и противоположности: интеграция ментальных пространств в лексикографическом, структурно-семантическом и когнитивно-дискурсивном освещении»), а также при финансовой поддержке постановления № 211 Правительства Российской Федерации, контракт № 02.A03.21.0006

В.А. Татаринов предложил называть свойство терминов «функционировать в языке с разным объемом семантики» и «относиться к неопределенному количеству денотатов» амбисемией [Татаринов 1996: 133]. Амбисемия связана с формированием понятий, отсутствием конвенционального употребления термина в настоящий момент. Однако явление амбисемии распространено не только в сфере терминологии, но и в сфере общеупотребительной лексики, характеризующейся неопределенностью содержания.

Амбисемия может быть связана с взаимодействием значения и смысла, «внутренней» и «внешней» семантикой [Павилёнис 1986: 380]. Несколько иначе понимает амбисемию А.К. Киклевич: «…содержание слова (и шире – языкового знака) амбивалентно – с одной стороны, по отношению к дескриптивной семантике, или эндосемантике, которая имеет системно-языковой характер и, преимущественно, основана на дифференциальных семантических признаках; с другой стороны, по отношению к когнитивной семантике, или экзосемантике, которая основана на интегральных семантических признаках, вытекающих из функционирования референта знака или соответствующего концепта в тех или иных культурных и ситуативных контекстах» [Киклевич 2007: 151].

Иллюстрируя влияние контекста на интерпретацию значения, а также подчеркивая активизацию когнитивных структур, позволяющих слушающему интерпретировать высказывание, Н.Н. Болдырев приводит пример: «Слово *телефон*, например, вне контекста его употребления означает прежде всего ‘передающее устройство, аппарат’, а в ходе реального общения может передавать разные смыслы, например, ‘номер телефона’, ‘наличие или отсутствие связи’, ‘доступность’, ‘вид телефонной связи’, ‘определенные функции и возможности’ и т.д.» [Болдырев 2013: 10].

Следовательно, неоднозначность связывается исследователями либо с влиянием контекстных партнеров на семантику слова, либо с обусловленностью семантики слова внеязыковыми факторами. Влияние речевого контекста на семантику слова хорошо исследовано И.А. Стерниным в терминах семных модификаций: актуализация, редукция, наведение семы и др. [Стернин 1985].

Как показывает опыт идеографической классификации лексики, именно амбисемия затрудняет отнесение слова к одному семантическому классу. Наиболее явно это обнаруживается при классификации прилагательных, особенно относительных прилагательных. Рассуждая о специфике семантики прилагательных, Н.Е. Сулименко справедливо пишет: «Такие ментальные репрезентации, как пропозиции, лежат в основе значений собственно относительных прилагательных как производных слов, хотя и им свойственен комплексный характер значений, базирующийся на интеграции признаков объекта, обозначенного производящим именем (ср.: *городской, медицинский, августовский, квартирный, степной, сельский* и т.д.). С этой замаскированной холистичностью связано и использование пометы «относящийся к…», и недоумение лингвистов по поводу того, что относительное прилагательное меняет свое значение чуть ли не с каждым новым определяемым» [Сулименко 2008: 31]. Все перечисленные факторы (в первую очередь, сложность семантики, обусловленная двойной зависимостью относительного прилагательного – от производящего имени и контекстного партнера) определяют многоуровневый и фасетный принципы организации идеографических классов, предполагаю-

щие, что все классифицируемое множество прилагательных распределяется по нескольким классификационным признакам. Например, в словаре-тезаурусе прилагательных слово «кафедральный» включено в три группы: научные учреждения (*кафедральный семинар*), человек в образовательном процессе (*кафедральный коллектив*), учебное заведение, подразделение, помещение (*кафедральная библиотека*) [Словарь-тезаурус].

Амбисемия связана с явлением эврисемии (широкозначности), то есть максимально обобщенным значением слова. Говоря об эврисемии, исследователи часто приводят слова с предельно широкой семантикой, например: существительное thihg или глаголы to go, to make, to get, to set, to be, to have, to take, to do, to give, to let. К числу таких единиц тяготеют слова, ставшие актуальными в последние годы, например, единицы «*проект*» и «*мероприятие*», служащие способами обозначения почти любого дела и события соответственно.

Амбисемия в отличие от эврисемии связана не столько с широкой референцией слова, сколько с неопределенностью, диффузностью семантического объема слова, имеющего в словарях вполне определенное значение. Например, прилагательное «социальный» входит в группу «общие социальные понятия», по данным словарей, является однозначным и имеет значение: ‘относящийся к обществу, связанный с жизнью людей в обществе’. Безусловно, данная единица входит в состав коллокаций «социальная защита», «социальное страхование» и некоторых других, которые способны функционировать как составные наименования.

В то же время при наличии ядерного компонента принадлежности к обществу, всему общественному, слово «социальный», будучи употребленным в разных контекстах, реализует такие смыслы, которые с трудом поддаются формализованному описанию в силу их размытости: *социальные проблемы, социальные гарантии, социальные условия, социальные противоречия, социальные ресурсы, социальные права*. Обращение к различным поисковым ресурсам указывает на предельно широкую сочетаемость слова и неустойчивость значения даже в рамках однотипной сочетаемости. Например, метафорическое словосочетание *социальные болезни*, по данным Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), способно служит ярлыком для обозначения широкого круга явлений – от наименования конкретных заболеваний (туберкулеза, алкоголизма) до безработицы, взяточничества и засилья чиновничьего аппарата, от увлечений рок-музыкой до общения с маргинальными личностями. Использование слова «социальный» в ряде контекстов (*социальная сфера, социальные гарантии*) нагружает его этическим признаком, не зафиксированным в толковых словарях.

В современном мире в связи с развитием цифровых технологий такую же диффузность приобретает слово «*цифровой*». Можно провести некоторую аналогию с уже закрепившимся в определенных контекстах словом «*виртуальный*». Влияние внеязыковых факторов на развитие значений показано А.К. Киклевичем при анализе слова «виртуальный» в контекстах *виртуальный музей, виртуальная клавиатура, виртуальные покупки* [Киклевич 2007: 151-152].

Употребление слова «цифровой» выходит за рамки представленной в словарях дефиниции:

Цифровой. 1. К Цифра (1 знач.). *Цифровые надписи.* 2. *Разг.* Сумма количество чего-л., выраженные каким-л. числом. *Цифровые показатели урожая* [БТС].

Если ряд употреблений можно сгруппировать по наличию признака ‘сделанный при помощи современных цифровых технологий’ (*цифровые карты, цифровая подпись*), то другие контексты являются иллюстрацией чрезвычайной подвижности значения этого слова, способного соотноситься с разным сущностями и явлениями (*цифровой университет, цифровая среда, цифровая революция, цифровой этикет* и др.).

Если значения широкозначного слова с трудом сводимы к некоему семантическому инварианту, то значения слова, иллюстрирующего амбисемичность, тяготеют к наличию такого ядра. Для прилагательного «цифровой» при всем многообразии употреблений обязательным является компонент ‘опосредованность технологиями’. Законодательное регулирование сферы цифровых технологией может способствовать развитию правовых терминов в этой области и изменениям в значении, обусловленным погруженностью слова в правовые контексты.

При различии интерпретаций амбисемии их объединяет тот факт, что понимание композиционального знака требует от адресата речи семантического вывода, который делается с учетом ситуативного контекста, при этом сохраняется некоторая семантическая диффузность, многоплановость слова, затрудняющая соотнесение контекста с единственным значением.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: Курс лекций: учебное пособие. Изд. 4-е, переработанное и дополненное. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000.

Киклевич А. Притяжение языка. Том 1: Лингвистика текста, Коммуникативная лингвистика. Olsztyn: Instytut Dziennikarstwa i Komunikacji Społecznej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2007. 411 с.

Павилёнис Р.И. Понимание речи и философия языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. Москва, 1986. С. 380-394.

Словарь-тезаурус русских прилагательных русского языка / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2012. 864 с.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985. 137 с.

Сулименко Н.Е. Современный русский язык: к изучению семантики имен прилагательных. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2008. 240 с.

Татаринов В.А. Терминологическая лексика русского языка: эволюция проблем и аспектов изучения // Русский язык в современном обществе: функциональные и статусные характеристики. Москва: ИНИОН: РАН, 2006. С. 131-164.

A.M. Plotnikova (Ekaterinburg, Russia)
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

AMBISEMY AS A COGNITIVE-SEMANTIC PHENOMENON

The paper discusses ambisemy as a relationship within the semantic structure of a word which results in ambiguity, diffuseness of its semantics. As a result, such word cannot be ascribed to only one semantic category. Ambisemy can be determined by linguistic as well as extra-linguistic factors. The paper analyzes the semantics of adjectives '*sotsialny'* and 'tsifrovoy' by placing a special emphasis on the cognitive factors.

Key words: semantics, ambisemy, cognitive characteristics, diffusive meaning, Russian language.

К.Я. Сигал *(Москва, Россия)*
Институт языкознания РАН
kjseagal@yandex.ru

ЮМОР, СИНТАКСИС И ПРОБЛЕМА УСТАНОВКИ

Статья посвящена проблеме установки (согласно теории Д.Н. Узнадзе) в порождении юмористического высказывания средствами такой синтаксической структуры, как сочинительная конструкция. Показано, что юмористическая установка по-разному соотносится с установкой, способствующей обычно использованию синтаксической формы сочинения.

Ключевые слова: юмор, установка, рефлексия, синтаксис, сочинительная конструкция.

Развитие лингвистических концепций юмора [Attardo 1994] со всей очевидностью свидетельствует о том, что по своему семантическому механизму и по функционально-оперативным особенностям юмор является важнейшей в социально-культурной жизни человека когнитивной игрой. Согласно Р. Мартину, «когда мы участвуем в юморе, мы играем с языком и идеями (схемами, сценариями) почти так же, как дети (и взрослые) играют с физическими объектами, исследуя новые и необычные способы их использования и наслаждаясь ими. Для ребенка обычная палка может быть самолетом, человеком или винтовкой, вызывая одновременно несколько схем. Юмористическое несоответствие… может рассматриваться как проявление этой игры с идеями, где слова и понятия используются неожиданными, необычными и нелепыми способами, активизируя схемы, с которыми они обычно не связаны» [Мартин 2009: 138]. Однако юмор представляет собой особую культурную ценность не только в когнитивном, но и в коммуникативном (= дискурсивном) плане, так как юмористические «рамки» и «вкрапления» неизбежно включаются говорящим в его целесообразную речевую деятельность. В рамках когнитивно-дискурсивного подхода к языку идея М. Аптера о парателическом (от греч. telos 'цель') характере юмора [Мартин 2009: 26] кажется неточной: в деятельности субъекта речи

и в речевой кооперации в целом юмор сплошь и рядом оказывается целенаправленным, связанным с установкой, с намерением перейти к эмоционально-игровому представлению основной или – чаще – сопутствующей информации (ср. понятие «установка на комическое» у В.З. Санникова [Санников 1999: 23]).

Идея установки была разработана Д.Н. Узнадзе в рамках психологии, но, выступая в качестве объяснительного принципа активности человека во всем ее разнообразии, установка является также ключевым объяснительным принципом в лингвистике. Д.Н. Узнадзе трактует установку как целостное состояние субъекта, возникающее при наличии какой-нибудь актуальной потребности и условий для ее удовлетворения и приводящее к определенной активности [Узнадзе 2001: 33]. Установкой предопределяется как автоматизация активности, так и ее целесообразный характер [Узнадзе 2001: 330]. Д.Н. Узнадзе считал, что установка, с одной стороны, отображается в языке, а с другой стороны, определяет деятельность субъекта речи, его речетворчество [Узнадзе 2001: 414]. Получается, что единство слова или синтаксической формы как знака в языке обусловлено установкой, а употребление их в речи связано с тем, согласуется или нет эта виртуальная, так сказать, установка с актуальной установкой говорящего. По-видимому, юмор как когнитивно-дискурсивное явление основан на том, что актуальная установка юмористического высказывания не устраняет виртуальную установку, но как бы проступает через нее, воплощаясь на ее фоне. Как известно, Д.Н. Узнадзе разъяснял идею установки в языке / речи, обращаясь к процессу словотворчества [Узнадзе 2001: 398], но не менее показательно с этой точки зрения обращение к синтаксической организации юмористического высказывания, которую избирает (не важно, создавая или повторяя) субъект речи, желающий достичь в речевой кооперации «игровой когнитивной синергии» [Мартин 2009: 139].

Лингвистами давно было замечено, что в юмористических высказываниях разные синтаксические структуры представлены с неодинаковой частотностью [Санников 1999: 95]. Так, например, сочинительные конструкции являются крайне востребованными у юмористов, хотя обычно в зарубежных лингвистических концепциях юмора об этом синтаксическом явлении либо не говорится вовсе [Burgers, van Mulken 2017: 388; Dubinsky, Holcomb 2011: 55-73], либо его роль в создании юмористического эффекта сводится к подвижной сфере действия атрибутивных распространителей в конструкциях типа англ. hirsute men and women ‘(волосатые мужчины) и женщины’ или ‘волосатые (мужчины и женщины)’, приводящей к неоднозначности (ambiguity) [Blake 2007: 88]. В.З. Санников, называя сочинительные конструкции одним из «любимых» синтаксических средств в достижении юмористического эффекта [Санников 1999: 95], не объясняет, почему это так. По нашему мнению, такое объяснение может быть получено на основе идеи установки, выдвинутой Д.Н. Узнадзе.

Дело в том, что установка, приведшая к образованию синтаксической формы сочинения, отражает одну из простейших когнитивных операций – перечисление понятий, находящихся на одном уровне категоризации. В речевой деятельности говорящего эта установка, закрепленная в навыке обращения с сочинительной связью, выражается в том, что для развертки сочинительной конструкции «пресуппозитивным условием… является семантическая однородность образующих ее слов» [Норман 2013: 177]. Подчеркивание категори-

зационно-семантической одноплановости компонентов сочинительной конструкции или, наоборот, преодоление ее в том или ином отношении, на чем, собственно говоря, основан ряд юмористических приемов, соотносятся с установкой, конституирующей синтаксическую форму сочинения, и благодаря этому подлежат рефлексии, в которой как бы отслеживается «характер синтаксической работы ума» [Овсянико-Куликовский 1912: 7]. Ср., например, общеизвестный прием зевгмы: *Настоящая женщина умеет закатывать* ***банки, глаза и истерику*** [Петросян 2007: 40], при котором семантическая неоднородность компонентов сочинительной конструкции связана с одновременной многозначностью общего для них подчиняющего члена предложения – присвязочного элемента составного глагольного сказуемого.

Эта установка определяет не только единое семантическое основание для отбора сочиненных компонентов, но и возможность их гиперонимического обозначения посредством цетеры или обобщающего компонента. Наблюдения показывают, что сочинительные конструкции с цетерой в юмористических высказываниях строятся так, чтобы гипероним был менее ожидаемым, чем тот, который вызван сигнификативной общностью сочиненных компонентов. Ср.: *Я знаю* ***джиу-джитсу, самбо, дзюдо, айкидо и много других страшных слов*** [Петросян 2007: 115]. «Цетера освобождает говорящих от перечисления всех сочиненных элементов», «подчеркивая, что неназванные элементы множества подобны, аналогичны названным, они того же типа, что и названные» [Троицкий 1988: 5, 15]. В данном случае цетера указывает на то, что сочинительная конструкция могла бы быть дополнена компонентами типа *ушу, кунг-фу, карате, тхеквондо* и т.п., хотя это и не требуется по замыслу говорящего. Безусловно, цетера «и много других видов спортивной борьбы», содержащая словосочетание-гипероним, отражала бы предметно-категориальное, сигнификативное единство компонентов сочинительной конструкции, но такая цетера никак не работает на юмористическую установку. «Переключение» цетеры в метаязыковой план, наоборот, тонко обнаруживает существенное для юмора несоответствие, возникающее при употреблении менее ожидаемого гиперонима. В этом юмористическом высказывании только благодаря цетере говорящий выглядит как беспомощный, слабый человек, который вовсе не хотел бы казаться таковым. По-видимому, перед цетерой говорящий должен сделать паузу, призванную маркировать присоединение значимого для реализации юмористической установки гиперонима.

В заключение остановимся на том, какие перспективы вносит идея установки (согласно теории Д.Н. Узнадзе) в разработку проблемы «юмор и синтаксис». Во-первых, благодаря установке можно ответить на вопрос о том, почему говорящий обращается при порождении юмористического высказывания к конкретной синтаксической форме. Это объясняется тем, что установка, лежащая в основе этой синтаксической формы, особым образом вступает во взаимодействие с установкой юмористического высказывания. Подобное взаимодействие установок определяет специфику (и таксономию) юмористических приемов, создаваемых посредством той или иной синтаксической формы. Во-вторых, для юмористической установки существенна не столько синтаксическая структура в «чистом» виде, сколько

присущие ей особенности лексического воплощения, во многом обусловленные установкой, создающей ее синтаксическую форму. В-третьих, идея установки позволяет представлять во многом автоматизированные синтаксические действия субъекта речи как осуществляемые в целях достижения юмористического эффекта. В-четвертых, благодаря установке становится возможным разъяснить, почему среди синтаксических средств одни, подобно сочинительным конструкциям, часто и разнообразно употребляются в юмористических высказываниях, а другие – крайне редки и тяготеют к однотипному использованию.

Литература

Мартин Р. Психология юмора. СПб.: Питер, 2009.

Норман Б.Ю. Когнитивный синтаксис русского языка. М.: Флинта: Наука, 2013.

Овсянико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. 2-е изд. СПб.: Изд. И.Л. Овсянико-Куликовской, 1912.

Петросян Е.В. Записные хиханьки-хаханьки. М.: АСТ, 2007.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999.

Троицкий Е.Ф. Равноправные компоненты сочинительной конструкции. Смоленск: СГПИ, 1988.

Узнадзе Д.Н. Психология установки. СПб.: Питер, 2001.

Attardo S. Linguistic theories of humor. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1994.

Blake B.J. Playing with words. Humour in the English language. London; Oakville: Equinox Publishing Ltd., 2007.

Burgers Ch., Mulken M. van. Humor markers // The Routledge handbook of language and humor / ed. by S. Attardo. New York: Routledge, 2017. P. 385-399.

Dubinsky S., Holcomb Ch. Understanding language through humor. New York: Cambridge University Press, 2011.

K.Ya. Seagal (Moscow, Russia)
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

HUMOUR, SYNTAX AND THE PROBLEM OF SET

The article is devoted to the problem of set (according to the theory of D.N. Uznadze) in the production of humorous speech by means of such a syntactic structure as coordinating construction. It is shown that the humorous set relates differently to the set promoting generally the use of a syntactic form of coordination.

Key words: humour, set, reflection, syntax, coordinating construction.

В.М. Топорова *(Воронеж, Россия)*
Воронежский государственный университет
vtoporova@mail.ru
Е.В. Корнева *(Воронеж, Россия)*
Воронежский государственный университет
el_korneva@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ НОМИНАЦИЙ

В настоящей работе рассматриваются особенности вербализации непространственных смыслов на основе актуализации пространственно-ориентационных понятий на уровне обыденного и художественного сознания; описываются механизмы метафоризации и способы функционально-семантической трансформации пространственного образа.

Ключевые слова: пространственно-геометрический образ, метафорическая концептуализация и перекатегоризация, функционально-семантическая трансформация.

При разработке актуальной проблематики визуального мышления и роли метафоры в сфере научного знания в рамках когнитивных лингвистических исследований особое место занимает явление метафоризации термина и функционально-семантической вариативности терминологизированной лексики в различных видах дискурса.

Предметом рассмотрения в данной работе являются особенности языковой репрезентации непространственных смыслов на основе актуализации пространственно-ориентационных параметров мира. Система пространственно-практической ориентации человека отличается многообразием элементов и стандартных эталонов восприятия мира концептуального и чувственно-эмпирического плана (геометрические понятия, предметно маркированные эталоны формы, оппозиции пространственных параметров измерения мира «близость-удаленность», «верх-низ», «вертикаль-горизонталь»). Пространственно-геометрические образы занимают важное место в структурах представления знаний в целом и в структурах визуального мышления, выступая в функции важных когнитивных механизмов сознания [Ware 2008; Топорова 2018].

Когнитивная значимость пространственно-геометрических ориентиров восприятия мира находит отражение в дискурсивной активности и функционально-семантической вариативности их номинаций. Показательным в этом отношении является и широкое употребление лексем «геометрия» и «архитектура» в различных видах дискурса, связанное с функционально-семантической перекатегоризацией их денотатов на основе преобразования в особый гештальт-концептоним (гештальтного типа), расширяющий и увеличивающий обобщающую силу выделяемых доминантных пространственных признаков, объединяемых в единый концептуально-семантический комплекс, характеризующий структуру именуемых объектов как материального, так и идеального плана.

Следует отметить различные виды языковой актуализации этих комплексов в определенных терминосистемах и в терминологизированных областях знаний на основе метонимического переноса (ср. геометрия как наука, геометрия как предмет, преподаваемый в школе, геометрия крыла как набор геометрических характеристик, имеющих техническое значение; аналогично: геометрия велосипеда и т.д.). За пределами научного употребления в обиходном сознании данные лексемы выступают в функции идентификаторов геометрической стилизации пространства и пространственных объектов на основе актуализации дифференциальных признаков правильной геометрической формы (прямоугольников, углов, прямых, кривых, окружностей, спиралей и т.д.):

Геометрия трассы.

Модная геометрия помещения бутика.

Пространственная геометрия женских форм.

Строгая геометрия орнамента (НКРЯ).

В подобного рода случаях реализуется геометрическая семантика пространственных образов. В художественном контексте часто встречается авторское кодирование выражаемого смысла, объединяющее пространственные и предметно-ассоциативные коды. Так, у И. Бродского метафорический концептоним «геометрия утрат» строится на интеграции пространственных и предметно маркированных, эмоционально окрашенных образов, которые ассоциируются с жизненными потерями героя: *Снятой комнаты квадрат, / покрывало из холста. / Геометрия утрат как безумие проста* (НКРЯ). Здесь реализуется образ абстрактного, эмоционально выхолощенного жизненного пространства, а в значении лексемы «геометрия» актуализируется также сема количественной меры, нередко репрезентируемая данной лексемой.

В различных сферах дискурса широко представлено употребление лексемы «архитектура», репрезентирующей особенности структурирования непространственных смыслов и характер социальных отношений на основе метафорической актуализации концептонима «архитектура» в значении «структурные особенности», сформированного в сфере характеристик различных архитектурных стилей:

Архитектура безопасности.

Архитектура мысли.

Архитектура античной науки.

Архитектура памяти.

Архитектура души.

Архитектура отношений.

Рассмотренные лексемы представляют одну группу концептонимов, формирующихся в различных терминологических системах и терминологизированных предметно-тематических областях знаний на основе общего имени соответствующих концепций и их создателей (Ле Корбюзье, Евклид, Мондриан). В качестве примеров художественно-метафорической актуализации такого рода концептонимов приведем следующие:

Пространство продлевается за угол, мстя Евклиду

Победа Мондриана. / За стеклом пир кубатуры… (НКРЯ)

В другую группу мы включаем названия элементов различного рода и уровня, образующих систему пространственно-практической ориентации.

В данной работе мы останавливаемся на оппозиции вертикали и горизонтали – образов, воплощающих в художественном контексте «геометрию мироздания»: … *горизонталь пространства пересекается с вертикалью времени* (НКРЯ).

Горизонталь, вертикаль, волна и т.п. выступают знаками первичных пространственных ощущений, связываются в сознании человека с основными зрительными координатами, которые человек всегда пытался выразить с помощью геометрии: *Земля и небо образуют вертикаль* (НКРЯ). Образы горизонтали и вертикали входят в сетку координат художественного восприятия движения музыкальных тел: ... *«вертикаль» (высота звука), «горизонталь» (время), «глубина» (громкость, интенсивность звучания)* (НКРЯ).

Широко распространены в социальной сфере концептонимы «горизонталь» и «вертикаль», реализующие символические значения «последовательной связи объектов» и «иерархии отношений»:

властная вертикаль;
организационная вертикаль;
финансовая вертикаль;
силовая вертикаль;
горизонталь власти;
горизонталь и вертикаль общества.

Третью группу составляют названия элементов графической визуализации пространственных отношений, связанные с метафорической актуализацией и интерпретацией непространственных смыслов на основе пространственно-визуального кодирования. Это и отдельные пространственные конфигурации, и графические композиции (пространственно-геометрические и предметно маркированные). Мы остановимся на роли графической метафоры, получившей широкое распространение в современном русском языковом сознании. Особо значимым здесь выступает значение «кривая» – элемент графика (линия, изображающая рост или падение чего-н.):

Вот на экране появляется график. Кривая нервно дергается по осям координат. Ее пересекает спокойная прямая (НКРЯ).

Кривая сердцебиения на экране осциллографа (НКРЯ).

Кривая рекламной активности.

Кривая успеваемости.

Кривая пьянства.

Кривая роста населения.

Актуализация динамического образа кривой в графике в художественном контексте связана с эмоционально-оценочной репрезентацией непространственных смыслов психологической реальности:

Лихорадочная, путаная кривая мечтаний ученой братии в те годы то взмывала вверх, то круто осаживалась (НКРЯ).

Кривая их популярности идет зигзагами, по простой схеме: выходит альбом, появляется реклама, клипы – и всплеск интереса (НКРЯ).

Графическое выражение восприятия: восторг (кривая резко вверх), глубокое разочарование (кривая вниз) (НКРЯ).

В отличие от лексемы «кривая» лексема «график» в меньшей мере актуализирует исходный графический образ в метафорическом контексте, требуя концептуальной и эмпирической поддержки:

Осень, осень – торопливый график / Ты наносишь темные штрихи (НКРЯ).

И циферблат над уличной толпой / Отсчитывает здесь для миллионов / Блаженной жизни график круговой (НКРЯ).

Литература

Топорова В.М. Пространственные образы в структурах представления знаний // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXII. С. 282-289.

Ware C. Visual Thinking for Design. Morgan Kaufmann, 2008.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/new (дата обращения: 11.02.2020).

V.M. Toporova (Voronezh, Russia)
Voronezh State University
E.V. Korneva Voronezh, Russia)
Voronezh State University

COGNITIVE ASPECTS OF THE FUNCTIONAL AND SEMANTIC VARIABILITY OF THE SPATIAL NOMINATIONS

This paper discusses the features of verbalization of non-spatial meanings based on the actualization of spatial orientation concepts at the level of everyday and artistic consciousness; describes the mechanisms of metaphorization and methods of functional-semantic transformation of the spatial image.

Key words: spatial geometric image, metaphorical conceptualization and recategorization, functional and semantic transformation.

Л.М. Цонева *(Велико-Тырново, Болгария)*
Великотырновский университет Святых Кирилла и Мефодия
liliconeva@abv.bg

РЕЧЕТВОРЧЕСТВО В МЕДИАОБРАЗЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА

В работе анализируются яркие вербальные средства, играющие важную роль в формировании медиаобраза – совокупного представления о личности политика, которое формируется в медиадискурсе как реакция на его качества и действия. Объектом внимания являются государственные лидеры В. Путин, Д. Трамп и А. Меркель, которые в наши дни занимают первые места в рейтингах самых упоминаемых медиаперсон. Материалом для анализа служат медиатексты, опубликованные в центральных российских печатных изданиях разной политической направленности.

Ключевые слова: медиадискурс, медиаобраз, политический лидер, оценка, речетворчество, ономастическая игра.

Моделирование образа ведущего политического субъекта – актуальная тема как для политической лингвистики и дискурсологии, так и для смежных дисциплин.

Образ политика формируется прежде всего в медиадискурсе – печатные и электронные СМИ, как известно, являются важнейшим инструментом, который не просто информирует о политических субъектах, но и интерпретирует их качества и действия, подчеркивает или игнорирует некоторые из них, направляя их восприятие и оценку в определенном ключе. Поэтому образ политика определяется как медиаобраз, «экранный образ», нередко довольно далекий от реального, что обусловлено рядом факторов и причин, требующих отдельного анализа.

Предмет нашего внимания – некоторые из ярких вербальных средств, занимающих важное место в медиаобразе трех ведущих политических фигур современности – президентов России и США Владимира Путина и Дональда Трампа и канцлера Германии Ангелы Меркель.

Выбор предмета исследования обусловлен рядом причин. В первую очередь, эти люди всегда привлекают интерес российских СМИ и их адресатов, поскольку действия лидеров государств, занимающих центральное место в европейской и мировой политике и экономике, влияют в значительной степени на политическую и экономическую жизнь России.

И хотя собственно сравнение не является целью работы, анализ позволяет увидеть общее и специфическое в образе названных политиков. Так, В. Путин и А. Меркель являются политическими «долгожителями», они находятся у власти много лет – В. Путин с 2000 г. как президент и премьер-министр, А. Меркель как канцлер Германии – с 2005 г., и этот факт является предметом критики или иронизирования. Наоборот, Д. Трамп занял пост президента недавно, и именно отсутствие у него политического опыта активно подвергается критике. Кроме того, Д. Трамп отличается нетипичными для политика такого уровня высказываниями, поведением, даже внешностью, дающими основание определять его как «иномерного политика» и представлять в ироническом ключе, что можно увидеть во многих текстах.

В медиаобразах политических лидеров можно найти немало сходств, но и немало различий, в том числе в плане использования творческих приемов, о чем будет сказано дальше.

В качестве материала для анализа использовано большое количество медиатекстов, опубликованных в центральных российских печатных изданиях в последние несколько лет, в основном – в 2016–2019 гг. Именно в этот период произошли вызвавшие резонанс в обществе и медиа события, особенно важные для политиков, на которых направлено наше внимание, – в 2018 г. В. Путин стал президентом РФ на новый шестилетний срок; в 2016 г. Д. Трамп стал президентом США; в 2018 г. А. Меркель объявила об отставке с поста лидера руководящей партии ХДС, который она занимала с 2000 г.

Анализ медиатекстов разных жанров позволяет выявить и описать разнообразные проявления речетворчества (обозначаемого у разных авторов различными терминами – *словотворчество, креативность, языковая игра, выразительные средства* и т.д.), которые создаются языковой личностью для моделирования и оценки образа политика.

Здесь мы ограничимся наблюдениями над использованием антропонимов – имени и/или фамилии политического лидера – как основы для речетворчества, или ономастической игры, имеющей свою интересную специфику [Гридина 2011].

Обратимся сначала к **отонимным производным**. Имена политиков являются богатым источником новообразований, в том числе авторских, окказиональных, активизацию которых можно объяснить рядом факторов экстралингвистического характера. Один из этих факторов – демократизация жизни, а также медиасреды, допускающая саму возможность осмеивать, иронизировать важных персон, что было немыслимо в недавнем прошлом – как известно, в прежние годы первые лица государства были недосягаемы, а их имена считались почти сакральными.

Появление отонимических экспрессивных окказионализмов в медийных текстах можно связать и с разрушением стилистических барьеров, усилением тенденций антропоцентризма, повышенной степенью эмоционально-волевого состояния социума, его терпимостью к вульгарному и бранному словоупотреблению, стратегией близости к адресату, характерной для большинства постсоциалистических СМИ [Рацибурская, Самыличева, Шумилова 2014: 169].

В течение нескольких лет «героем русского словообразования», в том числе окказионального, был В. Путин – его фамилия является основой многочисленных производных с различным значением, созданных по различным моделям [Цонева 2017]. В аффиксальных производных и сложных словах (*путиниист, путинизм, путинизация, пропутинский, антипутинский, путиномания, путинофилия* и т.д.) преобладает когнитивное – они называют новые понятия (названия лиц, процессов, качеств и т.д.).

То же самое можно сказать о словах, производных от фамилий *Трамп* и *Меркель* (*трампист, антитрампист, трампистский, трампофобия, меркелизм, меркелизация* и др.).

Как показывает наш материал, в деривационных процессах последних лет первое по значимости место занимает словообразовательное гнездо с вершиной *Трамп.* Тот факт, что в 2016–2017 гг. фамилия *Трамп* «затмила» своей словообразовательной активностью фамилию *Путин*, можно объяснить стремлением медиа к злободневности, их интересом к новому, актуальному. Следует учитывать и «свежесть» краткой звучной фамилии *Трамп* для медиадискурса, в то время как фамилия *Путин* уже давно демонстрирует свой деривационный потенциал, а также активно обыгрывается.

Особого внимания заслуживают производные, образованные непродуктивными способами или «не по модели», в которых преобладает эмоционально-оценочное и ярко проявляются принципы окказиональности – творимость, необычность, новизна, экспрессивность. Ср., например, слово *Трампнаш* (Газета.ру 9.11.2016) – оно является заглавием текста об отношении России и россиян к выборам президента США и к самому Д. Трампу, которого долгое время

считали «своим». Это сложное слово, скорее всего, образовано по аналогии со словом *Крымнаш*, имеющим интересную историю образования на базе предложения-лозунга *Крым наш!* и богатую жизнь ключевого слова [Цонева 2015].

Ярче всего, на наш взгляд, эмоционально-оценочное проявляется в **контаминации** (в другой терминологии – *гибридные слова, диффузия, блендинг, словослияние, междусловное наложение*) с ее действительно безграничными возможностями в создании новых слов.

По мнению выдающегося болгарского философа И. Паси, при контаминации два значения провоцируют друг друга, намекают на что-то скрытое в их отношениях, на что-то недопустимое или ненормальное, в то время как объединение получает формальное выражение в новом слове [Паси 2001: 163].

Поэтому можно сказать, что контаминация – непростое когнитивное действие, результатом которого, как правило, является яркий творческий «продукт», каким можно считать новое слово с участием онима в качестве одного из компонентов, чаще всего первого. Прагматическую направленность контаминации – направленность на воздействие, на оценку, прежде всего негативную – можно увидеть в примерах: *«**Путолини**»: швейцарская пресса сравнила Путина с Муссолини* (Моск. комсомолец 12.8.2017); *Список учреждений, над которыми висит секира **Трампозавра**, гораздо длиннее, но я уже навлек на себя гнев музейных работников, библиотекарей, художников, ученых и других лиц* (Моск. комсомолец 1.6.2017); *Усовершенствовать отлаженную машину «**меркелеономики**» очень сложно, а вот сломать – раз плюнуть* (Моск. комсомолец 9.3.2017).

Имена трех политиков активно включаются и в **трансформации прецедентных текстов**, единиц с когнитивной и культурной значимостью. Можно сказать, что это одна из самых интересных и востребованных во многих печатных СМИ форм речетворчества.

В данных примерах использованы прецедентные тексты из басни И.А. Крылова и культовых кинофильмов «Бриллиантовая рука» и «Белое солнце пустыни»; они хранятся в когнитивной базе русского человека в определенном виде, поэтому их творческая «переделка» создает особый эффект: ***Путин**, Рак и Щука* (КоммерсантЪ 8.9.2018) – заглавие текста о встрече президентов России, Турции и Ирана, где каждый из них отстаивал свою позицию, что не позволило прийти к конструктивным решениям по важным вопросам; *А нам все равно, не боимся мы **Трампа** и ЕС* (Профиль 22.1.2018) – заглавие текста о новых международных санкциях, которые не могут повлиять на экономику России; ***Ангела**, открой личико* (Комс. правда 11.9.2015) – заглавие текста о миграционной политике А. Меркель и о мрачной картине будущего Германии, вынужденной принимать культуру мигрантов; отметим, что эмоционально-оценочное значение последнего заглавия усиливается благодаря тому, что отсылка к прецедентному тексту есть и в другой сильной позиции – концовке: *А президент Франции при проведении очередной встречи с госпожой бундесканцлер попросит ее на манер Петрухи из «Белого солнца пустыни»: «**Ангела**, открой личико!».*

Интересно переплетается экстралингвистическое с лингвистическим в **каламбуре** [Цонева 2017]. Каламбур характерен прежде всего для медиаобраза Ангелы Меркель, поскольку имя и фамилия канцлера являются благодатной основой для его создания.

Включение в каламбур обусловлено внутренней формой имени *Ангела* – ощущением в нем апеллятива *ангел,* вполне ожидаемым для носителя русского языка. Ср. в следующих примерах: *Канцлер больше не строит из себя* ***ангела*** (Новая газета 18.11.2014); *Станет ли Меркель «**Ангелой** мира»?* (Моск. комсомолец 6.2.2015).

В примерах со словом *Меркель* можно говорить о ложной этимологизации – оно связывается не с реальной, а с мнимой производяшей основой – глаголом *меркнуть:* ***Меркель*** *совсем* ***померкла****. Удастся ли канцлеру Германии сохранить свой пост* (Арг. и факты 28.12.2016) – в заглавии текста о положении А. Меркель после теракта в Берлине; *Ангела не* ***меркнет*** (КоммерсантЪ 14.3.2018) – в заглавии текста о переизбрании А. Меркель федеральным канцлером в четвертый раз; *Ангела не* ***померкель*** (КоммерсантЪ 18.8.2018) – в заглавии текста о встрече В. Путина с А. Меркель.

Эти и другие примеры каламбуров с именами политиков дают основание отметить, что даже в тех случаях, когда «эксплуатируется» лингвистический потенциал имени, можно найти связь с экстралингвистическими знаниями о референте, о действиях и ситуациях, связанных с ним.

Дальнейшее изучение этих и других «продуктов» творчества позволило бы не только яснее увидеть медиаобраз политического лидера, но и оценить их место в моделировании этого образа. Актуальным можно считать и сопоставление медиаобразов – В. Путина, Д. Трампа, А. Меркель и других политических субъектов по различным признакам – возрастному, гендерному, свой / чужой и т.д.

Литература

Галинская Т.Н. Понятие медиаобраза и его реконструкции в современной лингвистике // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 11 (160). С. 91-94.

Гридина Т.А. Этносоциокультурный контекст ономастической игры // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 219-223.

Паси И. Смешното. София: Книгоиздателска къща «Труд», 2001.

Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В. Специфика современного медийного словотворчества // Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: коллективная монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2014. С. 150-230.

Цонева Л. Слово года «крымнаш» в русском медиадискурсе // Studia russiko-slovaca universitas catholica Rosenbergensis. Ружомберок, 2015. С. 30-39.

Цонева Л. Имена и люди. Ключевые имена в медиадискурсе. Велико-Тырново: ИВИС, 2017.

L.M. Coneva (Veliko Tarnovo, Bulgaria)
St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo

VERBAL CREATIVITY IN THE MEDIA IMAGE OF A POLITICAL LEADER

The paper analyses some verbal devices that play an important role in the formation of the media image – the overall concept of a politician's personality, which is developed in media discourse as a reaction to his/her political views and actions. The study is focused on the representation of the state leaders Vladimir Putin, Donald Trump and Angela Merkel, who are presently rated as the most frequently mentioned media personalities. The analysed data include articles published in leading Russian print media of various political orientation.

Key words: media discourse, media image, political leader, assessment, verbal creativity, onomastic game.

В.Д. Черняк *(Санкт-Петербург, Россия)*
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
vdcher@yandx.ru

ОТПЕЧАТКИ ДЕТСТВА В ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОМ ТЕЗАУРУСЕ СОВРЕМЕННИКА[1]

Прецедентные феномены, генетически восходящие к детскому чтению, рассматриваются как значимая часть языковой картины мира и культурного кода нации. В интертекстуальный тезаурус современной языковой личности входят прецедентные феномены, активно представленные в различных дискурсивных практиках.

Ключевые слова: детское чтение, интертекстуальный тезаурус, прецедентные феномены, культурный код.

Многочисленные исследования последних лет, связанные с проблемой интертекстуального тезауруса личности, свидетельствуют о том, что прочные следы культуры в структуре языковой личности связаны, в первую очередь, с кругом читаемых и изучаемых текстов, транслирующих нравственные ценности лингвокультурного сообщества от одного поколения к другому. Особое место среди таких текстов принадлежит текстам детской литературы. Корпус базовых прецедентных феноменов, мотивированных детским чтением, в значительной степени определяющих пространственные и временные координаты языковой картины мира, сохраняется на протяжении десятилетий. Так, фрагменты стихотворений для детей, написанных 100–150 лет назад, многие десятилетия сохраняются в коллективной культурной памяти, пережив и их создателей, и большое количество других текстов. По словам Л.К. Чуковской, «хорошо выполненная детская книга,

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-29-14032)

книга не от ремесла, а от искусства, всегда интересна не только ребенку, но и взрослому. Маршак называл детскую книгу сестрой книги общенародной. И был прав: его же строка “рассеянный с улицы Бассейной” ушла в толщу народа, сделалась народной поговоркой. Так же как “если могу – помогу” Корнея Чуковского, или “Ох, нелегкая это работа – Из болота тащить бегемота!”» [Чуковская 2013: 23].

Детское чтение как феномен, значимый для формирования языкового сознания значительной части лингвокультурного сообщества, представляет интерес и в психолингвистическом аспекте, и с точки зрения необходимых для коммуникации норм, правил, представлений, стереотипов и ценностей. Так, например, высказывание «*Что такое хорошо и что такое плохо*» в НКРЯ представлено в 48 вхождениях, во многих случаях актуализируя ценности национального культурного кода. Ср.: «Что такое нравственность? Умение различать, *что такое хорошо и что такое плохо*. Но для кого хорошо и для кого плохо? Здесь моральному инстинкту легко ошибиться (М.Л. Гаспаров. Записи и выписки).

Произведения, относящиеся к кругу детского чтения, являются первыми текстами, с которыми сталкивается языковая личность на пути своего развития, и сохраняются как часть культурного багажа в течение всей жизни человека. Имена, названия, стихотворные строки, яркие образы из детских книг создают особенно прочные ассоциативные связи в языковом сознании, способствуют аккумулированию базовых ценностей и представлений. Тексты детского чтения формируют различные типы прецедентных феноменов: прецедентные имена (*Айболит, Буратино, Золушка, Лягушка-путешественница, Дюймовочка, Незнайка, Снежная Королева, Карлсон* и др.), прецедентные высказывания (*Наша Таня громко плачет – уронила в речку мячик; А что у вас? Что такое хорошо и что такое плохо; Мы с Тамарой ходим парой; Великий и ужасный; Поле чудес* и др.), прецедентные ситуации (*потеря хрустального башмачка; разбрасывание крошек, чтобы найти дорогу домой* и др.). Номенклатура прецедентных феноменов, связанных с детским чтением, способна показать некоторые особенности онтогенеза человека, приоткрыть тайны мнемонических и ассоциативных процессов, особенности усвоения звучащего текста.

Детское чтение объясняет существование разнообразных полей, фреймами в которых выступают конкретные произведения, а слотами фреймов – прецедентные имена, высказывания и ситуации. Эти поля актуализируются в различных типах текстов (таковы, например, многочисленные вариации поля *Золушка* и в СМИ, и в беллетристике, и в популярных сегодня текстах нонфикшн). «Политическая картина мира» в сознании россиян также тесно связана с образами детского чтения [Ворошилова 2013; Носова, Черняк 2016]. Хотя круг базовых текстов детского чтения специфичен для каждого национально-культурного сообщества, обращение в медийных текстах к любимым персонажам детских книг как к прототипическим категориям является универсальным приемом. Например, по данным исследователей, «сказочный элемент “Питер Пэн” является настолько популярным, что часто используется в политических англоязычных медийных текстах не только в качестве существительного, но и в качестве атрибута в значении “незрелый”» [Стратиенко 2017: 187]. Незнание отдельных культурных образцов, сформированных кругом детского чтения,

способно – в случае некомпетентности одного из говорящих – послужить причиной нарушения коммуникации.

О значимости прецедентных феноменов, мотивированных детским чтением, в интертекстуальном тезаурусе современной языковой личности убедительно свидетельствуют ассоциативные словари. Реакции, указывающие на неразрывную связь слова-стимула со следами детского чтения, очень распространены. Ср.: *дядя → Степа, доктор → Айболит, лампа → Алладина, старик → Хоттабыч, нос → Буратино, волшебник → Изумрудного города* и т.п. Анализ ассоциативных словарей убеждает в безусловной прочности ассоциативных связей, мотивированных детским чтением, что позволяет русской языковой личности мгновенно извлекать из ментального лексикона нужный прецедентный феномен в различных коммуникативных ситуациях [Черняк, Носова 2017]. В ассоциативном тезаурусе многие лексические единицы, в том числе весьма редкие, сохраняются именно благодаря детскому чтению. Так, специально проведенный эксперимент показал, что, например, слово *сусек* потенциально агнонимично для современного носителя языка, однако оно прочно закреплено в ассоциативно-вербальной сети, его знание у 65% респондентов имеет литературный источник, с которым в детстве знакомится каждый ребенок, – сказку «Колобок» («Взяла старуха крылышко, по коробу поскребла, по сусеку помела, и набралось муки пригоршни с две»). Наблюдается «естественная воспроизводимость – возобновляемость / повторяемость в коммуникации устойчивых феноменов, которая предопределяется и диктуется культурой и зачастую не осознается человеком» [Красных 2015: 105].

Прецедентные высказывания, мотивированные детскими стихотворными произведениями, часто используются в речи в усеченном виде в качестве своеобразных слов-сигналов, которые вызывают реакцию, детерминированную прецедентным текстом и закрепленную в ассоциативно-вербальной сети благодаря ритмическому рисунку. Такие реплики в речи сложно фиксировать, однако можно обнаружить следы подобных реакций в «Русском ассоциативном словаре»: телефон → *бегемот*; телефон → *слон*; откуда → *от верблюда*; одеяло → *убежало*. Рифмованные строки особенно прочно закреплены в языковом сознании и всплывают в памяти в самых разнообразных, в том числе бытовых, ситуациях. Таковы выражения *Мы с Тамарой ходим парой…; У меня опять 36,5; Идет бычок, качается; Ну подумаешь, укол…; Кто стучится в дверь ко мне?; Вот какой рассеянный* и многие другие. Набор коммуникативных ситуаций, речевых жанров (вопрос, сожаление, поощрение, утешение, удивление и многие другие), в которых спонтанно появляются прецедентные феномены, мотивированные детским чтением (*– Кто говорит? – Слон; – Это что за остановка?; – Тише, Танечка, не плачь; Ох, нелегкая это работа* т.п.), убеждает в прочности ассоциативных связей, которые «срабатывают» в типовых условиях коммуникации. Элементы детских стихотворных текстов часто выступают в качестве речевых шаблонов, заполняемых в зависимости от конкретной ситуации (*А что у вас; Я бы в летчики пошел*). Как показывают запросы в поисковых системах, модель, заданная строчкой В. Маяковского «*Я бы в летчики пошел, пусть меня научат*», порождает множество высказываний

(*Я б в политику пошел, пусть меня научат; Я бы в мэры пошел…; Я бы в спикеры пошел; В депутаты я б пошел, пусть меня научат*; *Я бы в Штирлицы пошел, пусть меня научат! Я бы в ректоры пошел…*).

Современные авторы, чуткие к изменениям в интертекстуальном тезаурусе языковой личности, активно обращаются к элементам детского чтения как источнику интертекстуальных включений.

Сегодня особую актуальность приобрела проблема пограничности восприятия вербального и визуального текстов. Целый ряд произведений для детей получил воплощение в визуальной культуре в виде мультфильмов или полнометражных фильмов, в связи с чем вопрос о том, какой текст – вербальный или аудиовизуальный – является источником прецедентности, часто решается не в пользу вербальных текстов, что не может не повлиять на характер интертекстуального тезауруса.

Литература

Ворошилова М.Б. Двое из ларца: ассоциативные образы В.В. Путина и Д.А. Медведева // Политическая коммуникация: материалы Международной научной конференции (Екатеринбург, 24–26.09.2013) / гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2013. С. 80-83

Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры. М.: Гнозис, 2015. 493 с.

Носова Н.П., Черняк В.Д. Вспоминая детство…(об одном типе прецедентных феноменов в политическом дискурсе) // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 33-42.

Стратиенко Ю.А. Сказочный текст «Питер Пэн» как база категоризации в англоязычных медийных текстах // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXX. С. 186-189.

Черняк В.Д., Носова Е.П. С дядей Степой в голове: детское чтение в ассоциативном тезаурусе // Языковая личность: аспекты изучения: сборник научных статей памяти члена-корреспондента РАН Юрия Николаевича Караулова. Москва: МАКС Пресс, 2017. С. 360-372.

Чуковская Л.К. Прочерк. М.: Время, 2013. 544 с.

V.D. Chernyak (St. Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University of Russia

FOOTPRINTS OF CHILDHOOD IN THE INTERTEXTUAL THESAURUS OF A CONTEMPORARY

Precedent phenomena originated in the children’s literature are considered as a valuable part of the nation’s linguistic worldview and cultural code. The intertextual thesaurus of the modern linguistic personality contains precedent phenomena that are widely spread in various discources.

Key words: children’s literature, intertextual thesaurus, precedent phenomena, cultural code.

А.П. Чудинов *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский государственный педагогический университет
ap_chudinov@mail.ru

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ПАРАДИГМА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРОЛОГИИ[1]

Сопоставлены ведущие параметры когнитивно-дискурсивной и риторической (стилистической) парадигмы в современной российской политической метафорологии. Охарактеризованы основные этапы развития теории метафорического моделирования политической реальности. Рассмотрены специфика и основные достижения уральской школы политической метафорологии. Сделан вывод о том, что дискурсивный поворот – основной вектор в развитии современной политической метафорологии.

Ключевые слова: политическая метафора, политическая метафорология, когнитивно-дискурсивная парадигма, риторическая парадигма, теория метафоры, дискурсивный поворот.

Как показано в наших предыдущих публикациях [Будаев, Чудинов 2006; 2018], конец прошлого века в американской и европейской политической метафорологии ознаменовался противоборством двух ведущих парадигм: традиционной (риторической), признанным лидером этого направления был Майкл Осборн [Osborn 1967 и др.], и когнитивной парадигмой, становление которой связано с исследованиями Джорджа Лакоффа [Lakoff 1991 и др.].

В советской политической метафорологии второй половины прошлого века преобладал стилистический подход к исследованию метафоры, которая рассматривалась преимущественно как одно из многих средств украшения политической речи. Использование стандартных, давно потерявших образность метафор в советской политической коммуникации обычно воспринималось как необходимый элемент публицистического стиля, как свидетельство верности традициям. Ситуация коренным образом изменилась в процессе социальной революции, когда существенно обновился метафорический арсенал и яркие метафоры стали одним из средств политической борьбы. Соответствующие изменения были зафиксированы в публикациях [Баранов, Караулов 1994; Чудинов 2001 и др.]. Важно подчеркнуть, что для характеристики новой метафорической картины политической реальности исследователи использовали когнитивную методологию, которая в те годы еще не была в России столь популярна.

Вполне закономерно, что когнитивная теория политической метафоры активно развивается. По нашим наблюдениям, ведущей инновацией в этой области науки стало активное использование методов, приемом и эвристик, восходящих к другим наукам и научным направлениям (психолингвистика, социолингвистика, лингвокультурология, контент-анализ, корпусные ис-

[1] Исследование выполнено с использованием средств гранта РФФИ (проект № 19-012-00465А) в Уральском государственом педагогическом университете

следования и др.), но особенно заметно обращение к методам и эвристикам политологии, социологии и дискурс-анализа.

Дискурсивная ориентация исследований по политической метафорологии вполне закономерна, поскольку, как справедливо отметил В.З. Демьянков, «интерпретируя политический дискурс в его целостности, нельзя ограничиваться чисто языковыми моментами, иначе суть и цель политического дискурса пройдут незамеченными» [Демьянков 2002: 43]. Аналогичные идеи высказывают нидерландские ученые Л. Кэмерон и Г. Лоу, отмечая, что, несмотря на значимые достижения теории Джорджа Лакоффа, она не состоянии объяснить многие дискурсивные аспекты использования метафор, а поэтому необходим «дискурсивный поворот» в метафорологических исследованиях [Cameron, Low 2011: 1].

Характерной чертой современной политической метафорологии стала нарастающая критика принципа универсализма. Практика сопоставительных исследований все чаще выявляет культурную специфику среди «ложных друзей» лингвиста – метафор, создающих иллюзию метафорических универсалий. Особенно рельефно культурная специфика вырисовывается при сопоставлении политических метафор в генетически далеких языках и культурах, однако примеры разительных различий нередко обнаруживаются при сопоставлении метафор, рожденных в культурах, основанных на родственных языках и даже на одном и том же языке. С этой точки зрения весьма интересные результаты приносит сопоставление британской и американской политической метафорики.

В России сложилось несколько фундаментальных научных школ, для которых характерно повышенное внимание к политическим метафорам (московская, петербургская, воронежская, томская и др.).

Существенный вклад в развитие рассматриваемого научного направления вносит уральская школа политической лингвистики, для которой характерно повышенное внимание к следующим перспективным направлениям.

1. Теория и методология политической метафорологии, выявление национальных и глобальных тенденций в развитии науки о политических метафорах [Чудинов 2001; Будаев 2011].

2. Сопоставительная метафорология, в том числе сопоставление иконических метафор, визуальных образов в политических дискурсах различных стран и народов [Шустрова 2017].

3. Исследования национальной специфики политической метафорики, в том числе существенных свойств русской (российской) метафорической картины мира [Кондратьева, Баумтрок 2017; Кошкарова 2017].

4. Исследования в сфере исторической динамики политических метафор на различных этапах развития нации и государства [Кондратьева 2014].

5. Метафорическая футурология, которая, опираясь на изучение исторической динамики политической картины мира, стремится выявить тенденции развития общества, предсказать будущие преобразования [Солопова 2015].

6. Исследования полимодальных метафор, в которых переплетены вербальные и иконические компоненты [Ворошилова 2013; Бабикова 2017].

7. Исследования метафорического арсенала политического лидера и факторов, определяющих изменения личностной метафорической картины политической реальности [Никифорова, Чудинов 2017].

8. Исследования роли метафор в создании коммуникативного портрета политика, который создают средства массовой информации [Руженцева 2019].

9. Юридическая метафорология, исследования проблемы юридической квалификации метафорического словоупотребления [Бабикова, Ворошилова 2017].

10. Метафорический потенциал прецедентности, в том числе закономерности метафорического использования прецедентных имен (*новый Сталин, все эти абрамовичи*) [Нахимова 2011; Bogoyavlenskaya, Nakhimova, Chudinov 2016].

11. Миромоделирование в политическом, медийном и иных дискурсах [Кушнерук 2018].

12. Когнитивные основы лексической категоризации в политическом, медийном и иных дискурсах [Дзюба 2015].

Разумеется, перечисленные направления не создают полной картины, но они позволяют сделать вывод о том, что дискурсивный поворот – это основной вектор в развитии современной политической метафорологии. Практика сопоставительных исследований все чаще выявляет национально-культурную специфику метафор, детальные когнитивно-дискурсивные исследования оставляют все меньше места для представлений о метафорических универсалиях.

Литература

Бабикова М.Р., Ворошилова М.Б. Контекстные прецедентные феномены как способ репрезентации националистических идей // Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66). С. 58-63.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М.: Институт русского языка АН СССР, 1991.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. М.: Флинта, 2018.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006.

Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафорология. Нижний Тагил: Нижне-Тагильская государственая социально-педагогическая академия, 2011.

Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013.

Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М.: ИНИОН РАН, 2002. № 3. С. 32-43.

Дзюба Е.В. Методологические принципы когнитивного исследования лексической категоризации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 2 (43). С. 5-12.

Кондратьева О.Н. Динамика метафорических моделей в русской лингвикультуре (XI–XX вв.): автореф. дис. … д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2014.

Кондратьева О.Н., Баумтрок К.А. Метафорическая интерпретация инфляции в российском медиадискурсе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 7 (184). С. 66-70.

Кошкарова Н.Н. Репезентация феномена коррупции в британском национальном корпусе // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 499-502.

Кушнерук С.Л. Миромоделирующий потенциал дискурса политического события // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 15. № 3. С. 26-31.

Нахимова Е.А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования. Екатеринбург, 2011.

Никифорова М.В., Чудинов А.П. Лингвополитическая метафорология: методологические основы и методика анализа // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 1 (25). С. 22-29.

Руженцева Н.Б. Портреты политиков: типология и речевая организация // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77). С. 57-63.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001.

Солопова О.А. Диахроническая сопоставительная метафорология: исследование моделей будущего в политическом дискурсе. М., 2015.

Шустрова Е.В. Барак Обама в американской и российской политической графике // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2017. Т. 14. № 2. С. 12-25.

Cameron L., Low G. Metaphor and the Social World. Introduction to the first issue // Metaphor and the Social World. 2011. Vol. 1 (1). P. 1-5.

Bogoyavlenskaya Y.V., Nakhimova E.A., Chudinov A.P. Precedent utterances in the national historical memory: a corpus study // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2. С. 39-48.

Lakoff G. Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // Peace Research. 1991. Vol. 23. P. 25-32.

Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // Quarterly Journal of Speech. 1967. Vol. 53. P. 115-126.

A.P. Chudinov (Ekaterinburg, Russia)
Ural State Pedagogical University

COGNITIVE-DISCURSIVE PARADIGM IN MODERN POLITICAL METAPHOROLOGY

The article compares the leading parameters of cognitive-discursive and rhetorical (stylistic) paradigm in modern Russian political metaphorology. The main stages of development of the theory of metaphorical political reality modeling are described. The specifics and main achievements of Ural political metaphorology school are considered. The discursive turn is concluded to be the main vector in the development of modern political metaphorology.

Key words: political metaphor, political metaphorology, cognitive-discursive paradigm, rhetorical paradigm, metaphor theory, discursive turn.

II. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ МИРА В ЯЗЫКЕ: НОВЫЕ АСПЕКТЫ И ПОДХОДЫ

О.М. Акай *(Ростов-на-Дону, Россия)*
Ростовский государственный экономический университет
РГЭУ (РИНХ)
Донской государственный технический университет
oksanaakay@gmail.com
Э.Г. Куликова *(Ростов-на-Дону, Россия)*
Ростовский государственный экономический университет
РГЭУ (РИНХ)
kulikova_ella21@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЛАКУН (НА МАТЕРИАЛЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ РУССКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)[1]

Чем более удалены друг от друга сопоставляемые при переводе и межкультурной коммуникации лингвокультуры, тем существеннее межъязыковая лакунарность, в том числе затрагивающая грамматические сферы. В данной статье авторы анализируют явления межъязыковой грамматической лакунарности, связанной с категориями числа, рода и времени в русском и турецком языках.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, сопоставительное языковедение, грамматическая лакунарность, когнитивные механизмы, грамматические категории числа, рода и времени.

Феномен межъязыковой лакунарности, обусловленный целым рядом факторов как собственно лингвистических, так и экстралингвистических, обнаруживается при сопоставительном анализе двух и более языков. В свете идей неорелятивизма (современной версии гипотезы лингвистической теории относительности) феномен языковой лакунарности представляется в высшей степени когнитивно обусловленным явлением. Грамматическая лакунарность, изученная гораздо меньше лексической, связана с широким спектром познавательной деятельности человека и сигнализирует о важности или, наоборот, меньшей значимости той или иной понятийной категории. Лакунарность есть следствие несовпадения в когнитивных механизмах сознания представителей различных лингвокультур, что, в свою очередь, обусловлено особенностями истории, психологии и социальной жизни. Межъязыковая грамматическая лакунарность наиболее отчетливо

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-012-00016)

проявляется при сопоставлении лингвистических систем неродственных языков, принадлежащих к разным группам с точки зрения лингвистической типологии. Покажем это на примере грамматических лакун, которые выявляются при сопоставлении русского и турецкого языков.

Грамматическое число имен существительных, хотя и не является языковой универсалией в полном смысле термина, однако присуще как языкам индоевропейской семьи, так и тюркским языкам. Лингвистическая количественная семантика является ярким примером языковой компрессии, а именно – лингвистического и когнитивного «энергосбережения». Известно, что на начальном этапе формирования грамматической категории числа форма со значением множественности у субстантивов представляла собой простое повторение лексемы, однако стремление к экономии речевых и мыслительных усилий, стремление к компрессии нашло выход во флективном выражении данной категории – путем изменения морфемы [Рифтин 1946: 51]. В агглютинативном турецком языке множественность выражается путем добавления окончания -lar, -ler к основе существительного в соответствии с законом гармонии гласных. Показатели множественности могут присоединяться к любому существительному, в том числе и неконкретной семантики. Поэтому в турецком языке отсутствуют особые разряды существительных – singularia / pluralia tantum, которые в русском языке мотивированы лексической семантикой имени. Сознанием носителей турецкого языка любой предмет или явление воспринимается как целое, неделимое, что объясняется опорой на амплифицирующий плюраль в период становления грамматической категории числа в этом языке. Амплифицирующий плюраль предопределяет доминирование тождественных признаков у предметов, объединяемых множеством (о различии амплифицирующего и эллиптического плюраля см. в: [Хазагеров, Николаев 1984: 50-55]). Это отражается в наименованиях типа существительного: **annebaba** – *родители, букв. – матьотец*.

В русском языке различаются исчисляемые/неисчисляемые существительные, формирующие следующие разряды: слова с двучисловой парадигмой, singularia и pluralia tantum. Конкретные существительные, обозначающие предметы, которые имеют симметричные парные (двойные) части, последовательно относятся к разряду pluralia tantum (***брюки, ножницы, весы***), и это обстоятельство указывает, что множество воспринималось (при формировании категории числа) сознанием носителей языка с преимущественной опорой на различия, то есть с опорой на эллиптический плюраль. Если бы различия игнорировались, а в центре внимания было бы только тождество (а любое множество есть не что иное, как тождество различий), то такие предметы оформлялись бы как существительные единственного числа.

Абстрактные существительные в русском языке имеют различную грамматическую природу и формируют свое числовое поведение в зависимости от позиционных условий (о позиционных условиях проявления грамматической семантики см.: [Панов 1999]). Квазиабстрактные существительные (абстрактные существительные в форме множественного числа) часто оказываются вовлеченными в числовую парадигму, однако, в соответствии с нормами русского языка, максимально точный перевод с использованием множественного числа абстрактного имени не всегда оказывается оптимальным. Форма «*флирты*» не

вполне стандартна, хотя может быть семантически и стилистически верно интерпретирована. Ср. более приемлемый перевод:

***Flörtlerin** ilişkiye donuşmemesinin sebepleri…*

*Причины, почему твои **знакомства** не превращаются в отношения…*

Грамматическая категория времени является важнейшей глагольной категорией, посредством которой момент совершения действия субъективно накладывается говорящим на временную ось по отношению к речевому акту. Лингвокультурные особенности ярко проявляются именно в сфере темпоральной системы, поскольку вскрывают ментальные различия на уровне восприятия событий по отношению к временной оси.

Учитывая низкую «грамматикализацию» времени, можно говорить о значительном влиянии психологических и социолингвистических факторов, которые обусловливают употребление временных форм в русском языке. В современной лингвокультурологии существует мнение о меньшей значимости настоящего времени в связи с особой ментальностью носителя русского языка: он либо ностальгирует о прошлом, либо предается мечтам о будущем, игнорируя, тем самым, происходящее в настоящий момент [Маслова 2004: 77]. Это именно русская черта, обусловленная социально-политическими параметрами и не имеющая аналогов в иных лингвокультурах.

В турецком языке существует особая темпоральная категория – прошедшее неочевидное (субъективное) время, образуемое путем присоединения к основе глагола окончаний -mış, -muş. Функционально прошедшее неочевидное время вербализует отсутствие гарантии достоверности предъявляемой информации. С помощью этой формы говорящий описывает действие, не зафиксированное им визуально. При сопоставлении с русским языком можно говорить о грамматической лакунарности. В сознании носителя турецкого языка присутствует недоверие к любой информации, и это выражается грамматически в языке. Интересно, что данная временная форма используется и при опосредованной передаче информации, полученной из официальных медийных источников – телевидения и газет:

*Mustafa Sandal hayatını anlattığı "Beni Ağlatma" adlı kitabında Tuba Ünsal'la aşkının yanı sıra Defne Samyeli'yle gözlerden uzak yaşadığı ilişkiyi de **anlatmış**. Мустафа Сандал в своей книге «Не плачь обо мне», рассказывающей о его жизни, **рассказал** о своих отношениях с Тубой Юнсалом и Дефне Самьели.*

Эта форма используется также как стилистический прием при воспроизведении сказок и былин:

*Bir zamanlar, üç oğlu olan bir değirmenci **varmış**. Değirmenci ölünce büyük oğluna değirmen, ortanca oğluna eşek, küçük oğluna da kedi miras **kalmış**. Küçük oğlu bu duruma çok **üzülmüş**.*

*Когда-то **жил** мельник с тремя сыновьями. Когда мельник умер, его старший сын **унаследовал** мельницу, средний сын – осла, а младший сын – кота. Младший сын **был** очень **расстроен** из-за этого.*

Субъективное прошедшее время вскрывает важную когнитивную особенность тюркоязычных народов, которую можно обозначить как особую осторожность в восприятии информации (на предмет ее достоверности). В русском языке ни одна грамматическая категория не является столь «чув-

ствительной» к фейковой информации, событийный ряд отслеживается без апелляции к освидетельствованию и гарантии подлинности сообщения.

Гендерная лакунарность формируется отсутствием определенного родового класса по отношению к другим языковым системам. Когнитивным обоснованием данного вида лакун нередко является привативный характер родовой оппозиции в языках типа русского. Турецкий язык не сохранил род как грамматическую категорию, существительные маркируются количественно, однако гендерный показатель отсутствует. К универсальному обозначению класса, при необходимости уточнения и указания на феминность, присоединяется «женская» лексема: dul – *вдовец*, ***dulkadın*** – *вдова* (kadın – женщина), *arkadaş – друг,* ***kızarkadaş*** – *подруга* (kız – девочка).

Турецкие местоимения также не маркированы гендерно, то есть для сознания носителей турецкого языка биологический пол не является облигаторным при характеристике человека. Местоимение «**O**» способно замещать все одушевленные и неодушевленные существительные. В лингводидактическом отношении такая редукция грамматической категории, несомненно, упрощает задачу изучения языка, однако для носителей турецкого языка представляет определенную сложность овладение русским языком, где родовая категория имеет облигаторный характер.

Исследование грамматической лакунарности позволяет проанализировать особенности когнитивности представителей различных лингвокультур, помогает понять причины незаполненности тех или иных «белых пятен» в человеческом сознании. Элиминация грамматических лакун делает возможным упрощение межкультурной коммуникации с учетом национально-специфических, культурно-обусловленных и психологических факторов.

Литература

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. Минск: ТетраСистемс, 2004.

Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, 1999.

Рифтин А.П. Из истории множественного числа // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия Филологические науки. 1946. Вып. 10. С. 50-56.

Хазагеров Т.Г., Николаев С.Г. О типологии сочетаемости количественных числительных с существительными в русском и осетинском языках // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1984. № 4. С. 50-55.

***O*.M. Akay** (Rostov-on-Don, Russia)
Rostov State Economic University RSEU (RINH)
Don State Technical University
E.G. Kulikova (Rostov-on-Don, Russia)
Rostov State Economic University RSEU (RINH)

COGNITIVE ASPECTS OF INTERLINGUAL GRAMMATIC LACUNAE INTERPRETATION (ON THE RUSSIAN AND TURKISH LANGUAGES COMPARATIVE MATERIAL)

The more distant lingual cultures are compared when translating and intercultural communication, the more significant the interlanguage lacunarity, including those affecting grammatical spheres. In this article, the authors analyze the phenomena of interlanguage grammatical lacunarity associated with the categories of number, gender and time in Russian and Turkish.

Key words: intercultural communication, comparative linguistics, grammatical lacunarity, cognitive mechanisms, grammatical categories of number, gender and tense.

О.А. Акимова *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
akimova@mgubs.ru

О ПЕРЕКАТЕГОРИЗАЦИИ АПЕЛЛЯТИВИРОВАННЫХ СЛОВЕСНЫХ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ

В статье рассматривается процесс перекатегоризации апеллятивированных словесных товарных знаков и анализируются причины и механизмы изменения исходного значения данных лексических единиц.

Ключевые слова: категоризация, перекатегоризация, словесный товарный знак, апеллятивация, концептосфера.

Центральным вопросом когнитивной лингвистики является изучение взаимодействия языка и сознания в процессе познания человеком окружающей действительности. Одной из актуальных тем в данном ракурсе представляется проблема когнитивной категоризации и перекатегоризации – процессов, непосредственно связанных с систематизацией получаемых о мире знаний с помощью категорий языка или, как пишет Н.Н. Болдырев, «соотнесения предметов мысли с различными концептуальными и языковыми категориями» [Болдырев 2001: 40].

Данная статья посвящена анализу процессов перекатегоризации (изменению исходного значения) в сфере апеллятивированных словесных товарных знаков (далее – СТЗ) английского языка, которые представляют собой динамично развивающийся сегмент английского лексикона.

Процесс апеллятивации в сфере коммерческих наименований обусловлен коммуникативно-функциональными условиями. Носители языка сами определяют значение апеллятивированного СТЗ, в котором отражаются функционально-коммуникативные потребности и особенности культурного развития лингвосообщества. В результате СТЗ (типа escalator, xerox, memory stick) претерпевают ряд семантических преобразований, которые, по словам В.И. Заботкиной, способствуют «конвенционализации (усвоение обществом) и лексикализации (усвоение системой языка)» СТЗ [Заботкина 1999: 8].

Как показывает анализ апеллятивированных прагмонимов английского языка, именно концептуальный признак ФУНКЦИЯ является когнитивной основой процесса перехода в категорию прецедентных имен, активизируется в процессе коммуникации и задает определенные параметры на основании

которых «классифицирует вещи обычный человек и… подводит под такие объединения – классы, разряды, группировки, множества, категории» [Кубрякова 1997: 45-46], моделируя семантику СТЗ и его место в системе языка.

На основании выделения ведущей функциональной компоненты апеллятивированный СТЗ занимает свое место в категориальной классификации. Общность функций служит для «своеобразной инвентаризации по типу: “предметы домашнего обихода”, … “виды одежды”, “постройки” и т.п.» [Уфимцева 1962: 132-133] и является определяющим фактором при включении СТЗ в определенную концептосферу, т.е. упорядоченную совокупность концептов народа [Попова, Стернин 2007: 36].

Однако следует отметить, что у некоторых СТЗ в силу «нагруженности» экстралингвистической информацией при вхождении в основной словарный состав языка наблюдаются определенные метаморфозы семантики, ведущие к перекатегоризации и смене концептосфер.

Одним из таких примеров является СТЗ POG, принадлежавший компании «Haleakala Dairy». Компания производила молоко в бутылках с картонными круглыми крышечками с рисунками (caps), которые часто собирались детьми. При выпуске нового продукта – сока из маракуйи (passion fruit), апельсина (orange) и гуавы (guava) – компания сохранила картонные круглые разноцветные крышечки, а дети стали использовать их в игре. Можно встретить следующее определение апеллятивированному СТЗ POG “a children's game in which players strike a pile of Pogs with an implement, winning any that land face upwards when they fall” [https://www.lexico.com/en/definition/pog]. В результате апеллятивации СТЗ POG вошел в концептосферу «игрушки и игры», хотя изначально относился к концептосфере «пища и напитки». В основе метаморфоз семантики апеллятивированного СТЗ лежит метонимическая когнитивная модель «ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ». Замещение обусловлено смежностью рассматриваемых явлений в действительности и причинно-следственной связью между названием сока, крышки от которого использовались в игре, и, вследствие, названием самой игры. С.Е. Рахманкулова, однако, отмечает, что «метонимический перенос, конечно, не является простой ментальной проекцией одного явления на другое, связанное с ним онтологически, а предполагает ряд мыслительных операций: профилирование того или иного элемента концептуализируемой области (концепта-средства), фокусирование внимания на нем и депрофилирование других, незначимых элементов, отбор актуализируемых признаков и т.д.» [Рахманкулова 2018: 6].

Похожие трансформации наблюдаются у апеллятивированных СТЗ Tabloid и Spam. СТЗ Tabloid принадлежал Burroughs Welcome and Company и использовался для концентрированных химических составов. Впоследствии доминантная характеристика СТЗ “a compressed form or dose of anything” легла в основу новых словосочетаний – tabloid newspapers, tabloid journalism и т.д., поскольку они предполагали определенный стиль изложения информации – короткие, «сжатые» статьи.

СТЗ Spam использовался для консервированной ветчины и входил в концептосферу «пища и напитки». Предпосылки для апеллятивации СТЗ были созданы в 1970 году, когда в эфире юмористической передачи “Monty Python’s Flying Circus” исполнили шуточную песню, в которой, читая меню, каждое

блюдо которого содержало данный продукт, как только официант употреблял слово “spam”, озвучивая состав блюда, на заднем фоне группа викингов начинала петь “SPAM, SPAM, SPAM, SPAM, SPAM, SPAM, SPAM, SPAM, lovely SPAM! Wonderful SPAM!”, заглушая все разговоры и мешая другим посетителям. Такие коннотации как “unwanted”, “popping up all over the menu”, “annoying”, “irritating” легли в основу нового значения, получившего широкое распространение в сети Интернет. В 1998 году лексическая единица вошла в Оксфордский словарь английского языка для обозначения нежелательных сообщений, отправляемых через Интернет, как правило, большому количеству пользователей, в целях рекламы, фишинга, распространения вредоносных программ и т.д.

В двух последних случаях изменения в семантике СТЗ проходят по метафорической схеме. В результате взаимодействия понятийных областей оригинального СТЗ и других сфер окружающей действительности, СТЗ в процессе апеллятивации «впитывают в себя дополнительные прагматические черты контекста» их употребления [Заботкина 1999: 8], что приводит к метафоризации концепта на основе ассоциаций с доминантной характеристикой СТЗ. Таким образом, апеллятивированный СТЗ «занимает определенную ячейку в сознании человека и включается в существующую классификационную ранжировку» [Манерко 2000: 40] в виде нового концепта, что приводит к смене концептосферы апеллятивированного СТЗ и языковой единицы, входящей в основной словарный состав языка, образованной от него.

Как показывает анализ, в основе явления перекатегоризации апеллятивированных СТЗ зачастую лежат процессы метонимизации и метафоризации. Они не только влияют на семантику новых лексических единиц, но и активизируют когнитивные структуры знания, способствуя образованию новых смыслов за счет выделения определенных характеристик СТЗ или на основе партитивных отношений, возникающих между используемым СТЗ и образуемым неологизмом, что может приводить к изменению концептосферы апеллятивированного СТЗ. Изучение метонимических и метафорических переносов, происходящих в сфере коммерческих наименований, позволяет лучше понять механизмы человеческого мышления, связанные с переосмыслением окружающей действительности.

Литература

Болдырев Н.Н. Перекатегоризация глагола как способ формирования смысла высказывания // Известия РАН. Серия Литература и язык. 2001. Т. 60. № 2. С. 40-55.

Заботкина В.И. Когнитивно-прагматический подход к неологии // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований. Калининград, 1999. С. 3-9.

Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Институт языкознания РАН, 1997.

Манерко Л.А. Новая методика исследования категоризации в лингвистике // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2000. № 2. С. 39-52.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: Восток-Запад, 2007.

Рахманкулова С.Е. Концептуальная метонимия на уровне структуры высказывания (на материале английского языка) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия Филология, педагогика, психология. 2018. № 1. С. 5-10.

Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка). М.: Изд-во АН СССР, 1962.

Lexico.com. URL: https://www.lexico.com/en/definition/pog.

O.A. Akimova (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

ABOUT RE-CAREGORIZATION OF GENERIC WORD TRADEMAKS

The article studies the process of re-categorization of generic word trademarks and analyses the reasons and mechanisms of changing the initial meaning of the lexical items under consideration.

Key words: categorization, re-categorization, word trademark, genericization, conceptual sphere.

И.Л. Ашмарина *(Москва, Россия)*
МГИМО МИД России
irina_ashmarina@mail.ru
И.Г. Игнатьева *(Москва, Россия)*
МГИМО МИД России
i.ignateva@inno.mgimo.ru

ЭВФЕМИЯ ПРИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА PROHIBITION В АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЯХ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В статье рассматривается явление эвфемии на материале мини-корпуса из текстов административных объявлений, собранных в современной городской среде Великобритании. Анализ показывает, что половина текстов в корпусе репрезентируют концепт PROHIBITION, однако императивная интенция прохибитива в них завуалирована, выражена косвенно или смягчена. Приводятся способы смягчения прямого прохибитива, составляющие средства эвфемизации.

Ключевые слова: эвфемия, эвфемизация, эвфемизм, политкорректность, запрет, административные объявления, репрезентация, прохибитив.

В современном англоязычном обществе наблюдается противоречивая тенденция: с одной стороны, эпоха «пост-правды» диктует использование эмоционально-окрашенного, зачастую пейоративного **языка**, с другой стороны, **явление политкорректности** накладывает своеобразный отпечаток на современный

англоязычный общественный дискурс, обусловливая появление эвфемии. Целью настоящей статьи является описание явления эвфемии в текстах административных объявлений в мультикультурной, полиэтничной и политкорректной городской среде Великобритании. Материалом исследования стали тексты административных объявлений, сфотографированных и записанных в различных общественных местах – парках, ресторанах, музеях, галереях, в транспорте, на автобусных остановках, ж/д вокзалах, аэропортах и так далее – в период с 2013 по 2019 гг. Весь мини-корпус, собранный полевым методом, составляет 225 объявлений, и, как показал анализ, 112 из них, то есть половина, репрезентируют концепт PROHIBITION. Под административными объявлениями в данной статье, согласно Н.А. Карповой, понимаются письменные тексты, «расположенные в общественных местах и нацеленные на побуждение адресата к действию» [Карпова 2015: 94].

Концепт PROHIBITION является одним из базовых концептов, регулирующих социальную жизнь общества и каждого его члена. Он входит в ряд нормативных (регулятивных) концептов, которые конструируют взаимоотношения между отдельными людьми и регламентируют жизнь общества в целом, обеспечивая стабильность и стереотипность общественно-приемлемого поведения. Еще одной характеристикой концепта PROHIBITION является его ригидность – кардинально могут различаться лишь степень запрета и субъектно-объектные отношения, в то время как базовые отношения «можно-нельзя» не ставятся под сомнение. Тем не менее, каждому социуму присущи и культурные компоненты, специфика социально-общественных норм, которые накладывают определенный отпечаток как на объем знаний, содержащихся в концепте, так и на способы объективации концепта PROHIBITION. В связи с тенденцией к политкорректности, с стремлением избежать социального напряжения и конфликтов среди различных социальных групп в городской среде, прямые и строгие запреты в административных объявлениях подвергаются эвфемизации.

Еще в 1958 г. И.Р. Гальперин определял эвфемизмы как «слова и словосочетания, появляющиеся в языке для обозначения понятий, которые уже имеют названия, но считаются почему-либо неприятными, грубыми, неприличными или низкими» [Гальперин 1958: 164]. То есть, эвфемизмы – это сознательный выбор стилистически окрашенного варианта (коннотата) для семантически нейтрального денотата, осознанный отход от речевой нормы. Схожее определение этим терминам дается в «Словаре социолингвистических терминов» под редакцией В.Ю. Михальченко: эвфемизм – это «слово или выражение, заменяющее другое слово или выражение, которое представляется говорящему нежелательным в лингвокультурном или социальном отношении» [Словарь социолингвистических терминов 2006: 242]. Таким образом, эвфемия – это явление, свойственное языковому сознанию современного англоговорящего социума, призванное исключить возникновение неприязни, отвращения, ненависти, любых негативных эмоций, связанных с денотатом или по возможности уменьшить их воздействие.

Концепт PROHIBITION в современных городских административных объявлениях Великобритании, в соответствии с речевыми нормами, репре-

зентируется словами с семантикой запрета, отрицаниями и модальными глаголами со значением строго отрицания:

– Do not park here
– No bicycles, dogs or radios are allowed
– Bicycles will be removed
– No smoking past this point
– No entry
– It is dangerous & forbidden to jump, dive or swim from the pier
– Dogs must be on a lead when on the promenade

В анализируемом мини-корпусе число вхождений глагола must составило 27, do not – 32, will в значении «предупреждение» имеет 9 вхождений, no как прототипическое средство репрезентации концепта запрета составляет 65 вхождений.

Однако особенность современных городских административных объявлений Великобритании, репрезентирующих концепт PROHIBITION, заключается в том, что в них императивная интенция прохибитива завуалирована, выражена косвенно или смягчена. Рассмотрим примеры:

Прямая	Смягченная	Косвенная	Антонимичная
Речевая ситуация – запрет парковки			
No parking	Please do not park on the grass verge	Access required at all times	Authorized vehicles only
Bicycles must not be attached to these railings	Please do not leave your bicycles on the railings, or they will be removed	Any bicycles attached to these railings will be removed	No unauthorised parking
Речевая ситуация – запрет мусорить			
Do not deposit sanitary products in the toilet	Please do not put rubbish in this bin area	It is an offence to dump rubbish in this passageway	Please help us keep this garden tidy by taking your rubbish home with you
Речевая ситуация – запрет выгула собак			
No dogs on the grass	We love dogs, but we also have an open kitchen… So they must stay outside, sorry!	Please respect this planted area by keeping dogs and children out	This is a dog-free area. Dogs are welcome on the North Lawns, Rose Walk and Elm Avenue

При этом наблюдается тенденция смягчать резкость прямого прохибитива:

1) формулами вежливости: No bicycles please / We are sorry but this area is closed. Please do not proceed beyond this point. Thank you. / Thank you for not using flash photography. Число вхождений please в мини-корпус – 80, thank you – 14;

2) модальными глаголами: Vehicles without permits may be clamped. Число вхождений may – 18;

3) употреблением глагола respect – Please respect the gardens of the Scottish national war memorial / Please respect other garden users: walk your bike. Число вхождений в мини-корпус – 11;

4) производными глагола respect, имеющего значение «вести себя так, чтобы не навредить или не обидеть, вести себя вежливо» – to avoid harming or interfering with, to behave politely – Please observe respectful silence in this area / Respectful photography permitted;

5) антонимичными конструкциями – You are in a Drinking Control Area. / Our grounds are smoke free;

6) объяснениями и комментариями, позволяющими вывести имлицитную семантику запрета: It is against the law to smoke in this bus shelter. / Beach litter kills.

Референциальное манипулирование, осуществляемое эвфемией, призвано сфокусировать внимание на одной характеристике денотата и расфокусировать его на другой, что особенно видно на примерах использования антонимических конструкций для репрезентаций концепта PROHIBITION. Заслуживает внимания мнение А.М. Кацева: «Для того чтобы стать эвфемизмом, новое наименование должно создавать ассоциации в сознании говорящего и слушающего с предметом или явлением более позитивной оценки, чем денотат» [Кацев 1988: 5].

Интересен тот факт, что концепт PROHIBITION сам по себе, являясь одним из фундаментальных концептов человеческого сознания, имеет негативную окраску. В соответствии с тенденцией развития современного англоговорящего лингвокультурного сообщества негативная семантика подвергается эвфемизации. Городские административные объявления являются кратким, но очень наглядным отражением менталитета англоязычного британского общества сегодня. Репрезентация концепта PROHIBITION показывает, что в настоящий момент наблюдается тенденция к созданию положительного эмоционального фона даже в ситуации, где прагматика исходно подразумевает конфликт интересов и навязывание или ограничение прав или действий одними субъектами социума другим. Эвфемия как лингвосоциальное явление проникает как в язык, так и в менталитет англоязычного общества.

Литература

Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958.

Словарь социолингвистических терминов. М., 2006.

Карпова Н.А. Административное объявление как речевой жанр // Жанры речи. 2015. № 1 (11). С. 93-100.

Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия: учебное пособие к спецкурсу. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1988.

I.L. Ashmarina (Moscow, Russia)
MGIMO University
I.G. Ignatieva (Moscow, Russia)
MGIMO University

EUPHEMY: REPRESENTATIONS OF PROHIBITION IN UK PUBLIC SIGNAGE

The articles looks at euphemy through the mini-corpus of texts of public signage collected in UK urban areas. The findings of the research are that 50% of the sample texts contain representations of the concept PROHIBITION, however, the intention of prohibition is expressed indirectly or is ameliorated. The article describes the linguistic means of euphemy.

Key words: euphemy, euphemization, euphemism, political correctness, prohibition, representation, public signage, prohibition, prohibitive.

Бай Сюйхаожань *(Дацин, КНР)*
Южно-Уральский государственный университет
baisujxaozhan@yandex.ru

ОШИБКИ В ПОНИМАНИИ РУССКИМИ СТУДЕНТАМИ КИТАЙСКОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА “红白喜事” («СВАДЬБА И ПОХОРОНЫ»)

Статья посвящена ошибкам в понимании русскими студентами китайского фразеологизма “红白喜事” («свадьба и похороны»). В работе мы проанализировали результаты эксперимента, в котором 120 русских студентов написали, как они понимают китайский фразеологизм “红白喜事” (свадьба и похороны). При анализе результатов эксперимента выявлены основные ошибки, дано объяснение их причин.

Ключевые слова: ошибка, фразеологизм, цвет, лингвокультурная интерференция.

Изучение иностранного языка является довольно сложным когнитивным процессом, который включает в себя множество различных факторов, поэтому в результате часто встречаются ошибки, допускаемые изучающими иностранный язык при его использовании. Как правило, данные ошибки связаны с влиянием на иностранный язык системы и правил родного языка. Многие ученые изучают это явление, которое называется интерференцией. Есть работы по фонетической интерференции, грамматической и лексической. Эти исследования показали, что родной язык играет двойную роль при изучении иностранного языка, поскольку привычки, закономерности и правила родного языка в процессе «трансформации родного языка» мешают овладению в полном объеме иностранным языком. В данной статье мы остановимся на таком явлении, как лингвокультурная интерференция, когда понимание искажается вследствие

того, что при толковании инокультурных реалий человек опирается на подсказки родной культуры.

Известно, что язык является одним из самых многоаспектных природных явлений, он обладает психической, социальной и культурной природой взаимодействия и взаимоопределения. Конечно, мы согласны с определением языка как «явления когнитивного или когнитивно-процессуального и делаем акцент на том, что имеет прямое отношение к построению, организации и усовершенствованию информации как феномена знания, а также способов ее представления» [Павилёнис 1983: 263]. Следовательно, для пользователей язык имеет фундаментальное значение и тот факт, что знание, чтобы быть переданным другому человеку, должно быть организовано в знаковые и, прежде всего, языковые формы. А.Е. Кибрик предлагает, что «когнитивный подход к языку – это убеждение в том, что языковая форма, в конечном счете, является отражением когнитивных структур, то есть структур человеческого сознания, мышления и познания. К числу важнейших когнитивных феноменов, детерминирующих языковую форму, можно отнести структуры представления различных типов знания и способы его концептуальной организации в процессах понимания и порождения языковых сообщений» [Кибрик 1994: 126]. С этой точки зрения можно отметить, что в межъязыковых и межкультурных общениях действительное передающее содержание является разными когнитивными структурами. Само конструирование когнитивной структуры также является процессом мышления, в котором человеческий опыт и способы мышления определяют создание и дальнейшее восприятие.

При восприятии мира природы люди постепенно сформировали концепцию цвета и создали слова, обозначающие цвета. В связи с влиянием географического положения, культурных традиций, национальной психологии, религиозных верований и других факторов у разных национальностей сложились разные ассоциации к одному и тому же цвету. Народы придают разные скрытые смыслы цветообозначениям. Межкультурная коммуникация позволяет выявить сходство и отличия, существующие между китайской и западной культурами. Рассмотрим символику цвета, поскольку исследование особых значений китайских и западных значений цветов необходимо для правильного понимания культурной коннотации. На основе цветовых ассоциаций можно объяснить и прояснить абстрактные концептуальные категории, также для эффективности познания и понимания объекта может быть использована символика цвета. Цвет – это естественное явление, общее для всех языков, однако во всех культурах есть специфические смыслы, приписываемые цветообозначениям.

Исследование ошибок при трактовке символического значения цвета носителями разных культур может помочь нам лучше понять эту культуру. Благодаря исследованию символики цвета мы видим, что один и тот же цвет может вызывать различные ассоциации в Китае и на Западе, отражая разные психологические и эмоциональные аспекты, что приводит к разным когнитивным структурам. На самом деле, различие символики цвета являются лишь небольшой частью различий в культурах. С помощью разных когнитивных пониманий мы продолжим исследовать сходства и различия китайской и западной культур.

Попытаемся теперь проанализировать ошибки при интерпретации смысла фразеологизма “红白喜事” («свадьба и похороны»), которые допустили русские студенты в ходе эксперимента. В 2019 г. был проведен эксперимент с целью выявления ошибок в понимании китайской культуры и анализа данных ошибок. Было опрошено 120 русских студентов, в том числе бакалавры, магистранты, аспиранты. Эксперимент был проведен в трех университетах: Южно-Уральский государственный университет (25 студентов), Челябинский государственный университет (92 студента) и Челябинский педагогический университет (5 студентов). В данной статье мы выберем и рассмотрим фразеологизм “红白喜事” («свадьба и похороны»), и в дальнейшем исследуем ошибки в понимании этого фразеологизма.

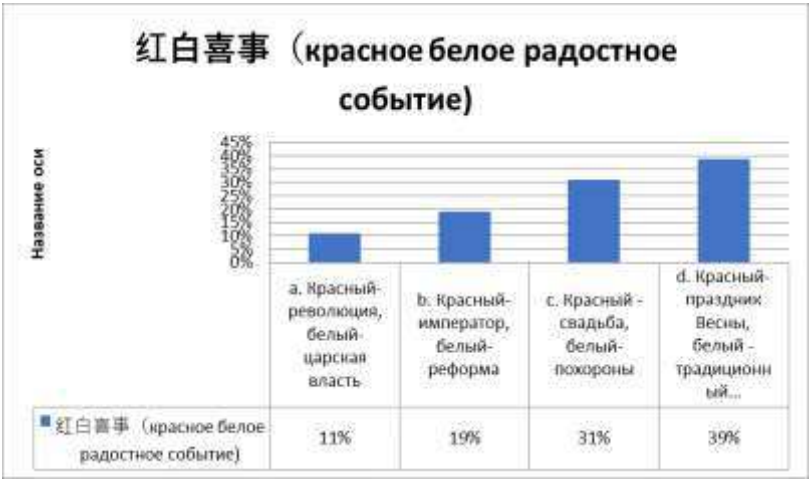


Рис.

В словаре китайских фразеологизмов《多功能使用成语词典》написано: «红白喜事»: «红：借指结婚做寿。白：借指丧事。泛指婚丧之事。» (красный цвет означает свадьбу или празднование дня рождения, а также другие радостные события, белый цвет обозначает похороны. Если обобщить, то смысл выражения – свадьба и похороны) [张长松 2003: 587]. Очевидно, что большинство русских студентов выбрали вариант «*d. Красный – праздник Весны, белый – традиционный китайский праздник поминовения усопших»*. С точки зрения широкой общественности, ассоциация красного цвета включает в себя огонь, энергию, страсть, кровь, революцию и так далее. В разных культурах символика одного цвета имеет определенные отличные значения. Как пример, в русском языке есть устойчивое словосочетание «Красная площадь», здесь красный цвет является символом красоты, также в китайском языке есть фразеологизм «红红火火», в этом случае красный цвет характеризует «процветание» и используется для описания процветающего бизнеса и жизни. Но для русских студентов, которые изучают китайский язык, красный цвет в китай-

ской культуре обозначает счастье и исполнение желаний, много людей знакомы с красным цветом китайской культуры благодаря китайскому Новому году. Поэтому о красном цвете для русских студентов появляется первое впечатление – китайский Новый год (Праздник Весны). М.А. Егорова определяет когнитивное пространство – это «ментальный мир, представляющий собой место для переработки и хранения в категоризованном виде интериоризованных знаний, являющихся результатом познания действительного и других возможных миров» [Егорова 2001: 161], а именно разное национальное когнитивное пространство к различным знаниям, которые люди формируют посредством когнитивной обработки. На основе опыта в умах людей хранятся знания, которыми люди делятся, либо знания, которые только что были установлены в современной языковой коммуникации.

Как показывает практика, при контакте с другой иностранной культурой появляется большое количество ошибок в понимании культурной коннотации, и это зависит от некоторых неправильных стереотипов. Ошибка в понимании китайского фразеологизма “红白喜事” («свадьба и похороны») помогает нам более полно и систематически понять внутреннюю связь между цветами и их ролью в конкретных культурах и обогатить содержание исследований когнитивной лингвистики. Уважение культурных различий лучше способствует общению. По возможности мы должны создать межкультурную когнитивную структуру для предупреждения лингвокультурных интерференций.

Литература

Егорова И.Г. Личностно-ориентированная коммуникация как процесс построения совместного когнитивного пространства: дис. … канд. психол. наук. М., 2001.

Кибрик А.Е. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126-139.

Павилёнис Р.И. Проблемы смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.

张长松 多功能实用成语词典 [M]. 延吉：延边大学出版社，2003. 587.

Bai Xuhaoran (Daqing, China)
South Ural State University

ERRORS UNDERSTANDING BY RUSSIAN STUDENTS OF CHINESE PHRASEOLOGISM “红白喜事” (“WEDDING AND FUNERAL”)

The article is devoted to errors in understanding by Russian students of the Chinese phraseology “红白喜事” (“weddings and funerals”). In the work, we analyzed the results of an experiment in which 120 Russian students wrote how they understand Chinese phraseology “红白喜事” (weddings and funerals”). When analyzing the results of the experiment, the main errors were identified, an explanation of their causes is given.

Key words: error, phraseological unit, color, linguocultural interference.

Э.И. Бархатова *(Калининград, Россия)*
Балтийский федеральный университет им. И. Канта
elvira.barkhatova@gmail.com

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ КИБЕР-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕОЛОГИЗМОВ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)[1]

В данной статье проводится анализ концептуализации деятельности человека в киберпространстве. На наш взгляд, одной из базовых концептуальных метафор, лежащих в основе понимания процессов, происходящих в Интернете, является КИБЕР-ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО ВОЙНА. Следует отметить, что рассматриваемая в настоящем исследовании концептуальная метафора является далеко не единственной в описании кибер-деятельности, однако одной из наиболее распространенных. В рамках статьи анализируется структура источниковой и целевой области данной метафоры. Для этой цели выстраивается фрейм [Война], а также приводятся неологизмы современного немецкого и английского языков, являющиеся лексическими репрезентациями концептуального наполнения данного фрейма.

Ключевые слова: концептуализация, концептуальная метафора, кибер-деятельность, война, неологизм, фрейм, событие.

В настоящее время возникает все большее количество исследовательских вопросов, связанных с различными аспектами деятельности людей в киберпространстве. С точки зрения когнитивной неологии интерес представляет растущее число новых лексических единиц, репрезентирующих новые явления и новые виды кибер-деятельности. В рамках настоящей статьи мы рассмотрим концептуализацию кибер-деятельности как войны. Концептуальные метафоры, включающие войну как источниковую область, являются очень распространенными. Например, согласно Master Metaphor List, выделяются следующие: COMPETITION IS WAR, ARGUMENT IS WAR, TREATING ILLNESS IS FIGHTING A WAR и т.д. [Lakoff, Espenson, Schwartz 1991: 69, 117, 176].

Основными источниками материала являются сборник немецких неологизмов 90-х гг. Neuer Wortschatz (D. Herberg, M. Kinne, D. Steffens); онлайн-база данных неологизмов немецкого языка, начиная с 2000 г., Wortwarte; онлайн-база данных неологизмов английского языка Neocrawler, а также Macmillan Buzzwords. Основными *методами*, используемыми в настоящей работе, являются концептуальный и фреймовый анализ. Концептуальная метафора является эффективным инструментом концептуального анализа и широко используется в когнитивных исследованиях, в том числе в отечественной лингвистике [Заботкина, Коннова 2012: 41-57].

Проанализируем концептуальную метафору КИБЕР-ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО ВОЙНА: областью источника выступает ВОЙНА, а областью цели – КИ-

[1] Исследование выполнено в рамках гранта «Иммануил Кант» (госзадание шифр 34.13483.2019/13.2) «Сравнительно-сопоставительное исследование репрезентации событий на материале новой лексики немецкого и английского языков». Автор благодарит DAAD и Министерство науки и высшего образования РФ

БЕР-ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. Структуру фрейма [Война] можно рассматривать через модель Дж. Лакоффа и М. Джонсона: “Participants; Parts: Attack, Defense, Retreat, Maneuvering, Counterattack, Stalemate, Truce, Surrender / victory; Stages; Linear sequence: Retreat after attack Defense after attack; Counterattack after attack; Causation: Attack results in defense or counterattack or retreat or end; Purpose: Victory” [Lakoff, Johnson 2003: 80-81]. Также фрейм [Война] можно рассматривать через структуру более общего фрейма [Hostile Encounter], включающего следующие слоты: Issue (Проблема), Purpose (Цель), Sides (Стороны), Degree (Степень), Duration (Длительность), Explanation (Объяснение), Instrument (Инструмент), Internal_cause (Внутренняя причина), Manner (Способ), Means (Средства), Place (Место), Time (Время) и др. [FrameNet 2019]. Оба варианта представляются нам достаточно громоздкими, в связи с чем предлагается взять за основу дефиниции в немецком и английском языках содержащие наиболее стабильные лексические репрезентации признаков концепта ВОЙНА:

Krieg – “mit **Waffengewalt** ausgetragener **Konflikt** zwischen **Staaten**, **Völkern**; größere **militärische Auseinandersetzung**, die sich über einen längeren **Zeitraum** erstreckt” [Duden 2019].

War – “**fighting** between two or more **countries** that involves the use of **armed forces** and usually continues for a long **time**” [Macmillan 2019]; “**armed fighting** between two or more **countries** or **groups**, or a particular example of this” [Cambridge 2019].

Таким образом, общий фрейм [Война] может иметь следующий набор слотов: *Сам конфликт; Участники; Военные действия; Оружие; Атака; Оборона; Военные институты; Место; Время*. Следует отметить, что последние два слота всегда присутствуют, т.к. являются обязательными условиями реализации любого события, однако зачастую являются имплицитными, т.е. не всегда получают концептуальное наполнение.

Рассмотрим далее реализацию данной модели. Выделенные слоты структурируют источниковую область концептуальной метафоры КИБЕР-ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО ВОЙНА. Концепт ВОЙНА является одним из базовых, соответственно хорошо подходит в качестве области источника. Область цели, как правило, представлена более абстрактными концептами, в нашем случае КИБЕР-ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. Кибер-деятельность концептуализируется как война, так как заимствует структуру соответствующего фрейма из области источника. В качестве подтверждения проецирования слотов фрейма [Война] из источниковой области в целевую («Кибер-деятельность») вместо корпусных примеров приведем неологизмы современного немецкого и английского языков. Данные неологизмы предлагается рассматривать как лексические репрезентации концептуального наполнения слотов целевой области.

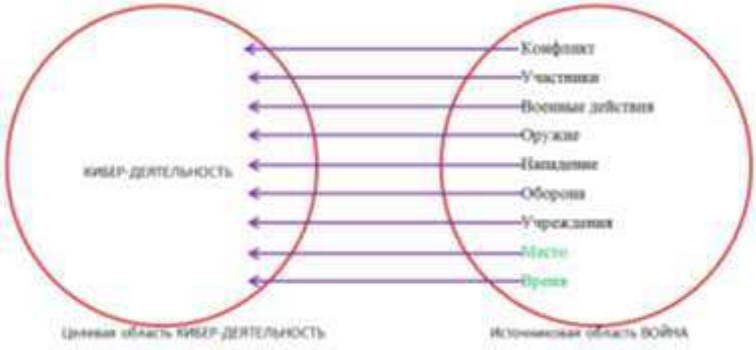


Рис. Общая модель концептуальной метафоры
КИБЕР-ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО ВОЙНА

Таблица. **Наполнение целевой области макро-концепта КИБЕР-ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ неологизмами немецкого и английского языков**

Неологизмы немецкого языка	Неологизмы английского языка	Слоты области источника
Cyberwar, Cyber-Krieg, Cyberbiowar, Cyber-Dschihad	cyberwar, cyber conflict, Cyber Jihad, cyberbattle, cyber fight	Конфликт
Cybermilitär, Cybermiliz, Cyberwarrior, Cyberabwehrtruppe, Cybertruppen	cyber troops, cybersoldier, cyberwarrior, Cyber Hitler, cyber justice warrior, cyber knight, cyber assassin, cyber crusader, cyber sniper	Участники
Cyberspionage, Cybermanöver Cyberüberwachungsprogramm, Cybersabotage, Cyber-Deeskalation,	cyber spying, cyberspace operations, cyber weaponization, cyber warfare, cyber aggression, cyberstorm	Военные действия
Cyberwaffenarsenal, Cyberaufrüstung, Cyberbombe	cyber weapon, cyberbomb	Оружие
Cyber-Anschlag, Cyberwar-Erstschlag	cyberoffensive, cyberattack	Нападение
Cyberschild, Cyberverteidigung, Cyberschutzschild	cyber defense	Оборона
Cyberkriegseinheit, Cyber-Abwehrcenter, Cyberstelle, Cyberwaffe	Cyber CIA	Учреждения
Cyberfront	Cyber Pearl Harbor	Место
-	-	Время

Как видно из таблицы, в немецком языке помимо неологизмов собственно немецкого происхождения существуют также заимствования из английского языка (например, Cyberwar, Cyberwarrior). Тем не менее, зачастую наряду с английским неологизмом формируется синонимичный немецкий, который успешно конкурирует с исходным английским (например, Cyber-Krieg/cyberwar,

Cyber-Anschlag/cyber-attack и т.д.). Слоты «Место» и «Время», как указывалось выше, не всегда концептуально наполнены. В данном случае значение места реализуется только в двух примерах – Cyberfront и Cyber Pearl Harbor; неологизмы с профилизацией времени обнаружены не были.

В результате анализа удалось подтвердить, что одна из возможных моделей концептуализации кибер-деятельности представлена концептуальной метафорой КИБЕР-ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО ВОЙНА. Данная метафора прослеживается как в немецком, так и в английском языках, что подтверждается появлением неологизмов, репрезентирующих различные аспекты кибер-деятельности. В основе данных неологизмов лежит лексика области источника «Война». Фрейм области источника проецирует свою структуру на область цели, представленную макро-концептом КИБЕР-ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

Литература

Cambridge Online Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ (дата обращения: 10.12.2019).

The Cyber Warfare Lexicon. U.S. Strategic Command, 2009.

Duden. URL: https://www.duden.de/ (дата обращения: 10.12.2019).

FrameNet. URL: https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal/framenet_search (дата обращения: 14.12.2019).

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. University of Chicago Press, 2003.

Macmillan Online Dictionary. URL: http://www.macmillandictionary.com (дата обращения: 10.12.2019).

Macmillan Buzzwords. URL: http://www.macmillandictionary.com/buzzword/ (дата обращения: 13.12.2019).

Master metaphor list / ed. by G. Lakoff, J. Espenson, A. Schwartz. University of California at Berkeley, 1991.

Neocrawler. URL: http://www.neocrawler.anglistik.uni-muenchen.de/crawler/html/ (дата обращения: 13.12.2019).

Neuer Wortschatz. Neologismen der 90er Jahre im Deutschen / D. Herberg, M. Kinne, D. Steffens. Walter de Gruyter GmbH & Co. Berlin, 2004.

The Urban Dictionary. URL: https://www.urbandictionary.com/ (дата обращения: 14.12.2019).

Wortwarte. URL: http://www.wortwarte.de/ (дата обращения: 13.12.2019).

Zabotkina V.I., Konnova M.N. Conceptual metaphors of time in German and English cultures // Präsens: сборник научных трудов / под общей редакцией Е.И. Пивовара; отв. ред. В.И. Заботкина. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. С. 41-57.

E.I. Barkhatova (Kaliningrad, Russia)
Immanuel Kant Baltic Federal University

CONCEPTUALISATION OF CYBER-ACTIVITY AS WAR IN GERMAN AND ENGLISH NEW LEXICON

The article discusses the conceptualisation of human activity in cyberspace. One of the basic conceptual metaphors involved in this process is CYBER-

ACTIVITY IS WAR. Although the metaphor under analysis is not the only one to describe cyber-activity, it proves to be widespread and vital. The article analyses the structure of source and target domains of the given metaphor. The [War] frame is established, and new lexical items of modern German and English languages representing various aspects of cyber-activity are provided.

Key words: conceptualization, conceptual metaphor, cyber-activity, war, neologism, frame, event.

И.В. Бугаева *(Москва, Россия)*
Российский государственный аграрный университет им. К.А. Тимирязева
bugaevaiv@mail.ru

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОММЕРЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

В статье описывается механизм формирования ономастического концепта из апеллятива в процессе разработки коммерческого наименования. На примере лексемы «Кремль» в составе торговой марки демонстрируется процесс появления дополнительных смыслов, ассоциаций, коннотаций, что приводит к формированию смыслового поля ономастической единицы.

Ключевые слова: когнитивно-прагматический подход, когнитивная ономастика, нейминг, коммерческие наименования, проприальное значение.

Изучение ономастики с позиций когнитивистики – сравнительно новое направление лингвистических исследований. Еще недавно понятия «ономастика» и «когнитивистика» были практически не совместимыми. Это объясняется разными подходами к оценке онима как семиотической единицы. Осмысление роли и функций ономастической лексики в разных коммуникативных ситуациях и дискурсах постепенно подвели к новым исследованиям ономастики в рамках когнитивных задач. Первенство в этом принадлежит западным ученым. Основоположником когнитивной ономастики считается немецкий ученый Э. Ханзак [Hansack 2000]. С. Брендлер указывает на важное значение трудов Э. Ханзака, в которых впервые применены положения когнитивистики к ономастическим исследованиям [Brendler & Brendler 2005]. По мнению Э. Ханзака, «имя – это адрес доступа к объему информации об индивидуальном объекте» [Hansack 2000: 78]. И дальше следует важный вывод: «Имя собственное, рассмотренное с позиций теории языка, имеет такой большой объем значения, какой вообще может иметь слово» [Hansack 2000: 78]. В концепции ученого важным является «интерпретация онимизации и апеллятивации как переструктурирования значения, которое выражается в замене денотации на коннотацию (коннотации)» [Hansack 2000: 372]. Именно С. Брендлер вводит понятие «ономастический концепт», развивая когнитивное направление в ономастике [Brendler 2008]. Результаты десятилетних исследований были обобщены и представлены в хрестоматии «Когнитивная ономастика: взгляд из Европы» [Cognitive Onomastics 2016]. В рецензии на хрестоматию Н.В. Васильева отмечает, что «ономастика не только заимствует идеи у “большой” когнитивной

лингвистики, но и порождает свои собственные когнитивные теории» [Васильева 2017: 210].

Для нашего исследования особенно важны выводы П. Шёблум, которая приходит к выводу, что именно когнитивный подход способен убедительно доказать, что имена собственные так же, как и апеллятивы, способны «участвовать в формировании концептуально-семантической сферы языка» и обладают значением [Sjöblom 2016: 129].

О том, что в европейской лингвистике большинством признается наличие значения у имен собственных, свидетельствует позиция авторского коллектива учебника по ономастике, изданного в Оксфордском университете [Oxford Handbook 2016]. Главу раздела «Имя и значение» подготовил С. Нистрём [Nyström 2016]. Ученый ставит вопрос: «Are Names “meaningless” or “meaningful”»? Отвечая на него, последовательно анализирует аргументы сторонников каждой точки зрения. В результате приходит к выводу, что у имени собственного нет лексического, но есть проприальное значение.

В российской ономатологии последнего десятилетия ряд ученых развивает идеи когнитивной ономастики [Кондратова 2017; Рабустова 2014; Щербак 2018; Karpenko 2014]. А.С. Щербак под термином «ономастический концепт» понимает «особый тип ономастического знания, определяющего семантику имен собственных, знания об ономастическом объекте действительности» [Щербак 2009: 5].

В последнее время эргонимы оцениваются как средство репрезентации концептуального содержания, и устанавливается взаимосвязь процесса номинации товаров или услуг с восприятием человеком окружающего мира и возможностью его концептуализации и репрезентации в языке [Кондратова 2017].

В рекламном дискурсе практически любая апеллятивная единица может стать онимом, что составляет обширную базу для генерирования прагматонимов, эргонимов. Ярким примером могут стать названия конфет из новогоднего детского набора: *Коровка, Сказка, Маска, Фонарики, Петушок, Картошка, Ярче!* и т.д. Такая группа онимов является результатом креативной деятельности человека, результатом индивидуализации объекта действительности, его категоризации и концептуализации.

Цель данного исследования – анализ механизма формирования ономастического концепта из апеллятива в процессе разработки коммерческого наименования. Для этого используются приемы описательного метода и концептуального анализа.

Материалом исследования послужила авторская картотека коммерческих названий, включающая как обычные апеллятивы, так и прецедентные единицы. Рассмотрим примеры прецедентных онимов, которые имеют особенности в восприятии и оценке целевой аудиторией.

Имя собственное «Кремль» не только известно большинству людей, живущих на планете, но и давно стало прецедентным именем. Причем, источником прецедентности является не основное значение лексемы, а метонимическое значение ‘символ государственной власти Российской Федерации’. Урбаноним Кремль наряду с денотативным значением географического объекта, как показали примеры из Национального корпуса рус-

ского языка, значительно чаще используется в коннотативном значении ‘верховная власть’ [Бугаева 2018].

В последние два десятилетия Кремль стал популярным торговым знаком. Запатентованные торговые марки с данной лексемой делятся на две группы. Во-первых, названия с топонимическим формантом: «*Тульский Кремль», «Тобольский Кремль», «Казанский Кремль*/Kazan Kremlin/*Казан Кремле», «Нижегородский Кремль», «Уфимский Кремль», «Костромской Кремль», «Стародворский Кремль», «Домодедовский Кремль*». «Московский Кремль» является товарным знаком и принадлежит ФГУП «Кремль», а Музей-заповедник «Казанский Кремль» стал владельцем товарных знаков с изображениями архитектурного ансамбля Казанского кремля и его фрагментов.

Во-вторых, словосочетания с прилагательным или существительным: «*Русский Кремль», «Белый Кремль», «Старый Кремль», «Башни Кремля», «Стандарт Кремля», «Выбор Кремля», Традиции Кремля», «Созвездие Кремля*». К этой же группе относятся и коммерческие названия с прилагательным «Кремлевский»: «*Кремлевский подарок», «Кремлевская стена», «Кремлевский стандарт», «Кремлевский премиум*».

Многочисленны примеры торговых марок (водка «Тульский Кремль», «Легенды Кремля», коньяк Kremlin Award, конфеты «Кремлевский мишка») и прагматонимов (торговый центр «Кремль», дизайн-студия «Белый Кремль», благотворительный фонд «Коломенский Кремль», Коммерческий банк «Старый Кремль», торговый дом «КремлёвскиЙ»). Интерес маркетологов, копирайтеров и номинаторов к лексеме «Кремль» и производному прилагательному «Кремлевский» объясняется тем, что ономастическая лексика обладает высокой культурно-исторической знаковостью, и любой оним из сферы культуры и истории воспринимается на фоне определенных ассоциаций. Результаты проведенного нами ранее ассоциативного эксперимента показывают, что использование лексемы «Кремль» в рекламных целях вызывает у испытуемых следующие ассоциации: знак высокого качества, власть, престиж, кастовость, элитарность, гордость за свою страну, могущество [Бугаева 2018]. Безусловно, эти же ассоциации переносятся на товары и услуги, маркированные товарным знаком с данной лексемой.

Прагматонимы типа «Казанский Кремль», «Тульский Кремль» расширяют свои функции, так как служат формированию имиджа города. Топонимический формант в рекламном дискурсе играет двойную роль: во-первых, топоним как ценностный ориентир свидетельствует о качестве товара (Кремлевское значит лучшее), во-вторых, известная торговая марка, имеющая в составе номинативной формулы топоним, является значимой для брендинга территории.

Урбанонимы и топонимы в составе коммерческой номинативной формулы способствуют процессу перехода их в разряд прецедентных, что впоследствии позволяет вызвать в сознании целевой аудитории требуемые ассоциации.

В качестве основной техники копирайтера должна выступать когнитивная интеграция, направленная на определение всего спектра информативного содержания, выбор ментального ориентира и формирование семантического ядра нейма. Мотивированный выбор лексемы для коммерческого названия должен соотноситься с интенциями автора и соответствовать тем функциям, которые должен выполнять бренд или торговая марка. Таким образом копирайтер перед

выбором прецедентного имени собственного в качестве ключевого слова коммерческого названия должен изучить особенности его существования в ментальном лексиконе и проанализировать максимальный объем закодированной информации. Необходимо учитывать, что прецедентное имя часто имеет множество коннотаций, «прочтение» которых зависит от контекста, ситуации и фоновых знаний представителей целевой аудитории. Прогнозировать степень восприятия можно только после проведения социологических опросов и фокус-групп.

При активном употреблении оним в составе коммерческого названия часто обрастает дополнительными смыслами, ассоциациями (общими и индивидуальными), коннотациями. Так постепенно формируется смысловое поле ономастической единицы. В примерах с урбанонимом «Кремль» видно, что речь идет не только о Московском Кремле, но и кремлях в других городах России. Но значения ‘верховная власть’, ‘элитарность’, ‘престиж’, ‘качество’ распространяются на все кремли, даже на искусственно созданную товарную марку *Стародворский Кремль*. Следовательно, оним является символической единицей, ономастическая информация о котором в результате познания окружающей действительности и осмысления мира на ментальном уровне состоит не только из информации о предмете номинации, но включает в себя разноуровневые коннотативные значения, образуя ономастический концепт.

Литература

Бугаева И.В. Кремль и кремли: лингвокультурный и ономасиологический аспекты // Русский язык в поликультурном мире / отв. ред. Е.Я. Титаренко. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. Том I. С. 96-102.

Васильева Н.В. Когнитивная ономастика: взгляд из Европы. Рец. на кн.: Cognitive Onomastics: A Reader / ed. by S. Brendler. Hamburg: Baar, 2016. 204 p. // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 3. С. 210-221.

Кондратова А.В. Концептуальные основы формирования эргонимического поля // Вестник Алтайского государственного университета. 2017. Вып. 1 (192). С. 45-51.

Робустова В.В. К когнитивной ономастике // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1. С. 41-45.

Щербак А.С. Основные типы ономастических концептов (на материале региональной концептосферы) // Вестник Томского государственного университета. 2009. Вып. 10 (78). С. 169-175.

Щербак А.С. Универсальное свойство урбанонимической категории // Неофилология. 2018. Т. 4. № 13. С. 5-11.

Cognitive Onomastics: A Look from Europe. Review of the book: Brenler, S. (Ed.). Cognitive Onomastics: A Reader. Hamburg: BAAR, 2016. 204 p.

Brendler A. & Brendler S. Namenforschung morgen: Ideen, Perspektiven, Visionen. Tomorrow’s Onomastics: Ideas, Perspectives, Visions for the Future. Hamburg: Baar, 2005.

Brendler S. Nomematics: An Identity-theoretical Framework for Onomastics (with Special Reference to the History of Names, Proper Name Lexicography, Geography of Names, Name Statistics and the Name Theory). Hamburg: Baar, 2008.

Hansack E. Der Name im Sprachsystem: Grundprobleme der Sprachtheorie. Regensburg: Roderer, 2000.

Karpenko O. Cognitive Onomastics: Names and their Environment // Proceedings of the 25 International Congress of Onomastics Sciences / ed. by C. Hough, D. Izdebska. Glasgow: University of Glasgow, 2016. Vol. 4. P. 69-74.

Nyström S. Names and Meaning // The Oxford Handbook of Names and Naming / ed. by C. Hough. Oxford University Press, 2016. P. 87-103.

The Oxford Handbook of Names and Naming / ed. by C. Hough. Oxford University Press, 2016.

Sjöblom P. A cognitive approach to the semantics of proper nouns // Cognitive Onomastics: A Look from Europe. Review of the book: Brenler, S. (Ed.). Cognitive Onomastics: A Reader, Hamburg: BAAR, 2016. P. 129-148.

I.V. Bugaeva (Moscow, Russia)
Russian State Agrarian University –
Moscow Timiryazev Agricultural Academy

COGNITIVE-PRAGMATIC FEATURES OF COMMERCIAL NOMINATION

The article describes the mechanism of forming an onomastic concept from an appellative in the process of developing a commercial name. The process of the appearance of additional meanings, associations, connotations, which leads to the formation of a semantic field of an onomastic unit, is demonstrated by the example of the Kremlin token as part of a trademark.

Key words: cognitive-pragmatic approach, cognitive onomastics, naming, commercial names, proprietary meaning.

Э.В. Будаев *(Екатеринбург, Россия)*
Российский государственный
профессионально-педагогический университет
aedw@mail.ru

КОГНИТИВНЫЙ МЕТОД: ПРИНЦИП ДВУХУРОВНЕВОЙ СТРУКТУРЫ

В докладе рассматривается двухуровневая структура когнитивного метода. Первый уровень представлен тремя группами методик: методики исследования физиологических процессов, методики исследования поведения и методики исследования знаковых систем. Второй уровень включает в себя методики моделирования когниции на основе данных, полученных на первом уровне. Только сочетание методик обоих уровней является атрибутом когнитивного метода.

Ключевые слова: когнитивный метод, методология, когнитивная наука, когнитология, когнитивная лингвистика.

Когнитивная парадигма занимает одно из центральных мест в науке Специалисты в самых разных областях знания объединяют усилия в рамках когнитивной науки (cognitive science) в поисках ответа на вопрос о природе человеческого знания и познания. Движущей силой этого объединения является понимание того факта, что решить обозначенную проблему в рамках какой-то одной науки не представляется возможным. Неизвестно, удастся ли ответить на поставленный вопрос конфедерации наук, но сложность предмета совершенно определенно требует самого широкого междисциплинарного синтеза.

При всей целесообразности междисциплинарного союза наук все очевиднее становится вопрос о необходимости определения того, какие исследования являются когнитивными, а какие нет. В последние годы помимо традиционных для когнитивной науки областей знания (философия сознания, когнитивная лингвистика, когнитивная психология, компьютерная наука, нейробиология, антропология) в союз когнитивных дисциплин включаются новые научные области (например, когнитивная история). Желание представителей разных наук следовать модной парадигме размывает границы когнитивной методологии, что требует работающего критерия для определения неотъемлемого признака когнитивных изысканий.

Предметом когнитивной науки является когниция (cognition) и ментальные феномены. Под когницией понимается совокупность мыслительных (ментальных) процессов, служащих приобретению, использованию, хранению и обработке информации [Демьянков 1994; Кубрякова 1994]. Ментальные феномены – любые содержательные единицы мышления, задействованные в когниции. Ментальные феномены – наиболее общий термин, охватывающий в разных трактовках альтернативные понятия, наполняемые различным объемом и содержанием (знания, ментальные репрезентации, концептуальные структуры и др.). Другими словами, когнитивная наука изучает как процессы обработки информации человеком, так и результаты этого процесса. При этом результаты когниции являются фактором ее дальнейшей реализации, то есть их взаимодействие носит неразрывный, диалектический характер.

Предмет науки определяет ее методологию, поэтому простым маркером когнитивного исследования является применение когнитивного метода. Специфика предмета когнитивной науки обусловливает двухуровневую структуру когнитивного метода: уровень эмпирических методик и уровень когнитивного моделирования.

Так как ментальные процессы и феномены спрятаны в «черном ящике сознания», изучать их непосредственно не представляется возможным. Единственным методом изучения когниции и ментальных феноменов является моделирование, которое традиционно используется в науке для изучения объектов, недоступных для непосредственного наблюдения. Моделированию подвергаются самые разнообразные ментальные феномены (концепты, фреймы, когнитивные модели, метафорические модели, смешанные

концептуальные пространства, образ-схемы, прототипы и др.) и процессы (концептуализация, категоризация, каузальная атрибуция, абстрагирование и и др.). Соответственно, когнитивное моделирование реализуется через набор когнитивных методик (концептуальный анализ, фреймовый анализ, метафорическое моделирование, анализ прототипов и др.).

Фактический материал для когнитивного моделирования можно получить на основе трех групп данных, в которых так или иначе проявляется когниция:

1) знаковые системы (язык и невербальные семиотические системы);

2) физиологические процессы;

3) поведение.

Каждую из этих трех групп данных изучают с помощью определенного набора методик. Знаковые системы изучаются с помощью многочисленных методик лингвистики и семиотики. Поведение изучается посредством наблюдения и эксперимента. Методология исследования физиологических процессов включает в себя широкий спектр психофизических и психофизиологических методик (фМРТ, ЭЭГ, ПЭТ, анализ скорости реакций, айтрекинг и др.). Очевидно, что эти группы тяготеют к конкретным наукам, вносящим свой вклад в междисциплинарное пространство когнитивной методологии, хотя между этими группами нет непроходимых границ. Обозначенные группы данных являются «точками доступа» к сознанию и мышлению, своеобразными «окошками» в черном ящике сознания, дающими хотя и опосредованную, но все-таки возможность изучать когницию и ментальные феномены.

Таким образом, когнитивный метод включает в себя два уровня: на первом уровне осуществляется обработка эмпирических данных с помощью методик исследования физиологии, поведения или знаковых систем, а на втором уровне реализуется когнитивное моделирование на основе данных, полученных на первом уровне. Схематически двухуровневую структуру когнитивного метода можно представить следующим образом.

Рис.

Сами по себе методики первого уровня не являются когнитивными, потому что не изучают собственно когницию. Методики второго уровня не являются самодостаточными, потому что без эмпирических данных любое моделирование ментальных структур и процессов в лучшем случае представляет собой гипотезу, требующую проверки путем дедукции, то есть обращения к эмпирическим данным (методикам первого уровня).

Принцип двухуровневой структуры позволяет легко различать когнитивные и некогнитивные исследования на методологическом уровне. Почти два десятилетия назад И.А. Стернин и З.Д. Попова, анализируя литературу по когнитивной лингвистике, отмечали, что когнитивная терминология часто носила лозунговый характер, вследствие чего наблюдалось «устойчивое, почти постоянное неразличение мыслительных (ментальных) и языковых явлений, смешение концептов и языковых средств их репрезентации» [Стернин, Попова 2001: 16]. В современных публикациях редко встречаются примеры подобного смешения, но возникает другая проблема. Достоверное использование когнитивных терминов не превращает исследование в когнитивное, если в нем не соблюдается методологический принцип двухуровневой структуры.

Слабая сторона некоторых современных публикаций, формально выполненных в русле когнитивной науки, заключается в том, что их авторы ограничиваются методиками первого уровня, то есть по сути работают в рамках некогнитивных парадигм. Декларация изучения способов объективации (для лингвистов вербализации) ментальных феноменов еще не является когнитивным анализом. Если в лингвистическом исследовании используются, например, методики структурно-семантического, дискурсивного или этимологического анализа для описания вербализации каких-либо концептов, но отсутствует когнитивное моделирование, то не приходится говорить о применении когнитивного метода, несмотря на непротиворечивое использование когнитивной терминологии.

Именно методологический синтез двух уровней создает уникальность когнитивного метода, не привязанного к методологии какой-либо одной науки. Когнитивный метод (как и когнитивная наука) является междисциплинарным по своей природе и не может быть монополизирован какой-либо одной научной дисциплиной. Двухуровневая структура – атрибут когнитивного метода, а различные сочетания методик, подобранные для достижения определенной исследовательской цели, являются модусами данного метода.

К примеру, популярная в когнитивной лингвистике методика метафорического моделирования [Баранов 2014; Будаев, Чудинов 2012; Чудинов 2003] является вариантом реализации когнитивного метода, потому что помимо анализа собственно языковых метафор (первый уровень), методика подразумевает моделирование когнитивных структур – сферы-источника и сферы-мишени метафорической экспансии, а также процессов концептуализации и категоризации, сопровождающих метафоризацию (второй уровень).

Другой популярный вариант применения когнитивного метода в когнитивной лингвистике – методика концептуального анализа. Широко применяемый вариант этой методики подразумевает сбор и анализ максимально возможного количества языковых фактов (первый уровень) для последующего моделирования концепта, его структуры и концептуальных признаков (второй уровень). Исследователи выделяют несколько разновидностей концептуального анализа [Болдырев 2019; Попова, Стернин 2007], но в каждой из них реализуется двухкомпонентный принцип когнитивного метода.

Приведем другой пример. В настоящее время популярны методики айтрекинга (видеорегистрация, фотооптическая методика, фотоэлектрическая методика, электроокулография, электромагнитный метод), которые часто используются в контексте когнитивной науки. Однако применение методик айтрекинга не означает применения когнитивного метода, потому что само по себе отслеживание фиксаций и саккад (первый уровень) не позволяет установить механизм протекания когнитивных процессов. Если же методики айтрекинга дополнить методикой когнитивного моделирования, например, на основе данных вербального протокола испытуемого, то возникает перспектива анализа корреляций между физиологическими и когнитивными процессами.

Принцип двухуровневой структуры соблюдается как при дедуктивном, так и при индуктивном векторе исследования. В первом случае исследование начинается с моделирования когнитивных процессов и феноменов и заканчивается верификацией гипотезы с помощью фактов. При индуктивном пути на основе эмпирических данных моделируются когнитивные феномены и процессы. Независимо от вектора движения исследовательской мысли, когнитивный метод подразумевает комбинацию методик моделирования и обработки эмпирических данных. Более того, дедукция и индукция на практике часто взаимно переплетаются по ходу развертывания научной мысли.

Таким образом, только сочетание методик обоих уровней является неотъемлемым признаком использования когнитивного метода. Моделирование ментальных феноменов и процессов без данных первого уровня (физиологических, поведенческих или семиотических) является в лучшем случае предположением, не подкрепленным фактическим материалом. Использование только методик первого уровня также не позволяет говорить об использовании когнитивного метода, потому что в таком случае не исследуется когниция и ментальные феномены, являющиеся предметом когнитивной науки.

Литература

Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: ЯСК, 2014.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: ЯСК, 2019.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. М.: Флинта, 2012.

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17-32.

Кубрякова Е.С. Когниция // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Московского университета, 1994. С. 81-84.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ, 2007.

Стернин И.А., Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникаций. Екатеринбург: УрГПУ, 2003.

E.V. Budaev (Ekaterinburg, Russia)
Russian State Vocational Pedagogical University

COGNITIVE METHOD: TWO-LEVEL STRUCTURE PRINCIPLE

The paper deals with the two-level structure of the cognitive method. Three groups of methods represent the first level: methods for studying physiology, methods for studying behavior, and methods for studying sign systems. The second level includes methods for modeling mental representations based on data obtained at the first level. The combination of methods of both levels is an attribute of the cognitive method.

Key words: cognitive method, methodology, cognitive science, cognitology, cognitive linguistics.

О.И. Быкова *(Воронеж, Россия)*
Воронежский государственный университет
olga.bykowa@rambler.ru

ВТОРИЧНАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПЕРЦЕПТИВНОГО ВКУСОВОГО ПРИЗНАКА В НАЦИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Статья посвящена рассмотрению вторичной концептуализации номинаций вкусового признака в различных деривационных процессах.

Ключевые слова: перцепция, вкусовой признак, концептуализация, семантическая деривация, словообразовательная деривация, фразеологизация, языковое национальное сознание.

Взаимосвязь человека с окружающим миром в большей мере зависит от восприятия, чувственного познания тех или иных предметов, явлений или процессов окружающего мира. Одним из главных каналов получения информации восприятия является вкусовая перцепция. Густический код, номинирующий вкусовые ощущения, относится к базовым кодам культуры. В каждом языке можно обнаружить множество качественных прилагательных, содержащих в первичной номинации перцептивный вкусовой признак. В процессе номинации определенными кодами фиксируется (кодируется) специфика национального сознания, которые в каждой культуре по-своему членят, категоризируют, участвуют в структурации и оценке мира, окружающего конкретного носителя языка и культуры. Следует особо отметить следующие факторы:

1. Коды в языке определяются как открытая система семантически подвижных знаков [Nöth 1990].

2. Интерпретирующий характер восприятия как основной принцип проявления антропоцентризма во вторичной рефлексии может быть основанием для оценочной концептуализации и категоризации мира в языке, а также фиксации образных представлений посредством различных тропеи-

ческих механизмов (метафоризации, метонимизации и др.) в национальном языковом сознании.

3. Восприятие и осмысление действительности имеет избирательный характер и структурирование языкового сознания детерминировано конвенциональными условиями познавательной деятельности языкового коллектива. Выявление стратегий вторичной номинации вкусового признака в немецком языковом сознании можно считать недостаточно исследованным с позиции культурологической направленности когнитивной лингвистики. В этом отношении особенно важным является определение роли вторичной концептуализации в процессах семантической, словообразовательной деривации и фразеологизации и соотношения порождаемых в этих процессах новых смыслов в национальной концептосфере.

В качестве основного когнитивного механизма в процессе семантической деривации было выявлено фокусирование признака при различии в когнитивной структуре понятий «фигура-фон». Например, herbe Kritik = strenge Kritik, строгая критика, где перцептивный вкусовой признак herb = keine gefällige Süße besitzend, sondern ein bisschen scharf, leicht bitter oder säuerlich [Добровольский 2007: 354], терпкий, вяжущий является фигурой и транспонируется в содержательную структуру Kritik, критика, являющейся фоном.

Самым продуктивным смысловым макрополем оказалось макрополе «человек» (60,7%). Данное макрополе обнаруживает наличие трех микрополей: 1) «эмоциональное состояние человека: негативное маркированное» составляет 42,5% от общего количества (159) исследуемых вторичных номинант вкусовых признаков, например, sauer во вторичной номинации недовольный, хмурый: “Ich verstehe, dass du sauer bist” [Noll 1996: 126]; 2) «эмоциональное состояние человека: позитивно маркированное» (18,2%), например, süß = zart, lieblich [DUW 1996: 1502], милый, очаровательный: ein süsses Kind; ein süsses Gesicht, очаровательный ребенок. милое лицо; 3) «физическое состояние человека» (10,6%) sauer = stark, groß, schwer [DUW 1996: 264]: Der Läufer war sauer, stark erschöpft [DUW 1996: 1294], бегун был сильно ослаблен. Второе по критерию номинативной плотности макрополе «интенсивность признака» составляет 28,7%. Для иллюстрации приведем пример: bitter, огорчительный, крайне неприятный: bitteres Unrecht, горькая правда.

Когнитивным механизмом словообразовательной деривации является интеграция признаков лексической основы и словообразовательных компонентов комплексного знака (производных, сложных и сложнопроизводных слов). Как показал анализ, вторичные номинанты вкусового признака принимают участие в актуализации трех смысловых макрополей. Самым продуктивным оказалось макрополе «интенсивность признака» (45,5%), например, bitterkalt = unangenehm kalt, bitterernst = sehr ernst [DUW 1996: 264], очень холодно, очень, крайне серьезно. Макрополе «человек» (30,3), включает микрополя: 1) «эмоциональное состояние человека (негативно маркированное)»: bittersüß sein = schmerzlich und schön zugleich [DUW 1996: 264], неприятно слащавый 2) физическое состояние человека»: fettleibig sein = sehr dick [DUW 1996: 945], очень толстый. В макрополе «вещество, продукт» (21,2%) репрезентированы номинанты Bittersalz = Magnesiumsulfat [PONS 2006: 374]; Sauerstoff = chem-

isches Element [PONS 2006: 1806]; Sauerbrunnen = kohlensaure Mineralquelle [DUW 1996: 1294], углекислый источник.

Фразеологизация номинант вкусового признака как процесс концептуальной деривации осуществляется в результате действия когнитивных механизмов концептуальной метафоры и концептуальной интеграции. Концептуальная метафора основана на установление ассоциативных связей между концептуальными структурами, относящимся к разным областям знания (доменам), например, во фразеологизме scharf auf etw. sein (begierig danach sein) [Röhrich 1994: 1302] признак интенсивности scharf, острый, резкий транспонируется в содержательную структуру денотативной ситуации, обозначающей манеру поведения человека: жадно желать чего-либо. В результате анализа фразеологизации перцептивного вкусового признака в макрополе «человек» выявлены три микрополя: «эмоциональное состояние человека» (68%) от всего корпуса фразеологизмов: а) эмоциональное состояние (негативно маркированное) (52,2%), например, sauer aufstoßen = verärgert sein [Röhrich 1994: 1286], быть рассерженным; б) эмоциональное состояние (позитивно маркированное) (13,2%): “Das süße Leben!”; “Das süße Nichtstun!” [DUW 1996: 1502], «Счастливая жизнь!»; «Сладкое безделье!»; 2) интеллектуальные способности (2,6%): Er kann sich sauer kochen lassen er ist dumm [Röhrich 1994: 1286], он глуп.

Необходимо отметить идиоэтническую специфику функционирования вторичных номинантов вкусового признака в немецкоязычном культурном пространстве. Одной из особенностей является амбивалентность номинации признака bittersüß = schmerzlich und schön zugleich [PONS 2006: 374], слащавый до неприятности.

Употребление некоторых номинантов характерно только для определенных регионов Германии или конкретных немецко-говорящих стран. Fade во вторичной номинации langweilig, reizlos, geschmacklos [Ammon 2004: 228], скучный, пошлый встречается в северо-восточных и центральных регионах Германии. Fett, жирный, как компонент фразеологизма das macht das Kraut nicht fett [Ammon 2004: 241], толку от этого мало, этим делу не поможешь, специфичен для центрально-восточной и южной Германии, в то время как в северной и центральной Германии в том же значении употребляется синонимичное das macht den Kohl nicht fett. Lecker = appetitlich, wohlschmeckend [Ammon 2004: 466], лакомый, вкусный, аппетитный характерно для коммуникантов на территории Германии (кроме южно-восточной), Австрии и Швейцарии. Но в Швейцарии и Австрии lecker воспринимается говорящими как иностранное. Sauer в словосочетании sauer sein = verärgert, wütend sein [Ammon 2004: 656], быть озлобленным, наиболее употребительно в Австрии и Германии. В других выражениях употребление sauer не так частотно в речи. Scharf во фразеосочетании das scharfe S = die Buchstabe ß [Ammon 2004: 660] немецкая буква ß используется в речи коммуникантами Германии и Австрии.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы относительно вторичной номинации вкусового признака на материале немецкого языка. В результате взаимодействия языковых и когнитивных механизмов в сознании человека признак из сферы вкусовых ощущений транс-

понируется в сферу межличностного общения: при общении с неприятными ему людьми или пребывании в плохом настроении. В немецком языковом сознании преобладают негативно маркированные вторичные номинации вкусового признака. В формировании национальной концептосферы находит отражение избирательность коллективного опыта восприятия знаний о мире, сложившиеся традиции и стереотипы в способах номинации объектов и процессов вкусовой и невкусовой природы.

Литература

Добровольский Д.О. Большой немецко-русский словарь: в 3-х томах. М.: Апрель, 2007.

Ammon U., Bickel H., Ebner J. Variantenwörterbuch des Deutschen. Berlin; New York: de Gruyter, 2004.

DUW – Duden Deutsches Universalwörterbuch A–Z / hrsg. und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion. 3., völlig neu bearb. und erweit. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1996.

Noll I. Die Apothekerin. Zürich: Diogenes, 1996.

Nöth W. Handbook of semiotics. Bloomington and Indianopolis: Indiana University Press, 1990.

PONS. Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Stuttgart: Ernst Klett Sprachen GmbH, 2006.

Röhrich L. Deutsche Umgangssprache: in 3 Bänden. Freiburg; Basel; Wien, 1994.

O.I. Bykova (Voronesh, Russia)
Voronesh State University

SECONDARY CONCEPTUALISATION OF THE PERCEPTIONAL FEATURE OF TASTE IN THE NATIONAL LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

The article deals with secondary conceptualisation of nominations of the perceptional feature of taste in different derivational processes.

Key words: perception, taste feature, conceptualisation, semantic derivation, word-formative derivation, idiomatisation, national linguistic consciousness.

С. Ван *(Томск, Россия)*
Томский государственный педагогический университет
paveltgpu@yandex.ru
А.В. Курьянович *(Томск, Россия)*
Томский государственный педагогический университет
kurjanovich.anna@rambler.ru

ВТОРИЧНАЯ И АУТЕНТИЧНАЯ КАРТИНЫ МИРА В ЗЕРКАЛЕ ПРОБЛЕМЫ КОНГРУЭНТНОСТИ

Статья посвящена исследованию проблемы соотношения вторичной и аутентичной картин мира в аспекте сопоставления результатов интерпретационной деятельности языковых личностей – вторичных и исконных, направленной на осмысление семантики единиц определенного языка. Материалом является жаргонный фрагмент русской языковой картины мира, объектом – вариант и инвариант его интерпретации со стороны вторичного и аутентичных носителей.

Ключевые слова: лингвокультура, вторичная языковая личность, вторичная картина мира, вариант и инвариант интерпретации, русский молодежный жаргон, жаргонный фрагмент картины мира.

Современное вербальное взаимодействие неуклонно приобретает характер поликультурного и мультилингвального диалога, который проникает во все сферы социальной интеракции. Речевая деятельность носителей разных языков оказывается включенной в коммуникативное пространство, эксплицирующее специфические черты контактирующих *лингвокультур* (Н.Ф. Алефиренко, А. Вежбицкая, Е.М. Верещагин, В.В. Красных, В.А. Маслова, С.Г. Тер-Минасова и др.). В связи с этим в перечне разновидностей языковых личностей сегодня распространенной считается *вторичная языковая личность* (З.М. Ветчинкина, Н.Д. Гальскова, Е.В. Потемкина, И.И. Халеева, Л.П. Халяпина и др.). В нашем представлении, инофон, постигающий иностранный язык, действует в соответствии с принципом расширения языковой способности: от овладения языковыми ресурсами, понимания нюансов смыслопорождения и возникновения коннотативных оттенков значения, коммуникативно целесообразного использования языковых ресурсов в собственной речи в условиях вербальной интеракции с исконными носителями – до навыка когнитивно-семантической интерпретации единиц иностранного языка и формирования вторичной картины мира. *Вторичную картину мира* (Н.А. Мамонтова, Е.В. Потемкина, Е.Ф. Тарасов, И.И. Халеева и др.) трактуем как представления о мире, связанные с осмыслением тех фрагментов неродной для носителя-иностранца концептосферы, которые нашли отражение в интерпретируемых им фактах иностранного языка.

Вторичная картина мира связана как с первичной картиной мира, формируемой языковой личностью в отношении фактов родной лингвокультуры, так и с аутентичной картиной мира, репрезентированной в узуальном представлении носителей иной лингвокультуры. Вторичную и первичную картину мира инофона объединяет образ интерпретатора со свойственным ему уровнем развития языковой способности, которая, в свою очередь, определяет деятельностный ресурс языкового сознания, направленный на осмысление фактов родного (первичная картина мира) и неродного (вторичная картина мира) языков. Вторичную и аутентичную картину мира сближает наличие объективной данности в виде совокупности реалий и фактов быта, истории, культуры, обычаев и традиций конкретного этноса, отраженных в национальном языке и нашедших концептуальное осмысление как в одной, так и другой картинах мира.

Различия между вторичной и первичной картинами мира обусловлены сформированностью у вторичной языковой личности компетентностной базы в базы в области владения родным и иностранным языками, позволяющей носителю сопоставлять факты этих языков с целью наиболее глубокой их интерпретации. Очевиден также факт неконгруэнтности вторичной и аутентичной картин мира, обусловленный нетождественностью тезауруса, вокабуляра, в целом уровней владения языком у иностранца и аутентичного носителя. Несмотря на глобализационные процессы, значительное влияние на формирование мышления и языкового сознания носителя-инофона оказывает его первичная картина мира. Результаты интерпретации на уровне концептуализации в отношении одних и тех же языковых фактов вторичной и аутентичной картин мира языковыми личностями разнятся. Можно говорить о существовании *вариантов* и *инварианта* интерпретации и реконструкции на базе этого вариативной и инвариантной картин мира (Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, Ю.Н. Караулов, В.А. Кухаренко и др.). В результате интерпретации фактов иностранного языка со стороны конкретной вторичной языковой личности реконструируется вариант иноязычной картины мира. Под инвариантом понимается результат интерпретации фактов родного языка, представленный авторитетными аутентичными языковыми личностями – лексикографами – в специализированных словарях.

Проиллюстрируем основные положения нашей концепции примерами анализа лексических единиц, принадлежащих *русскому молодежному жаргону* (М.Б. Бахтина, Э.М. Береговская, К.Н. Дубровина, О.П. Ермакова, Т.В. Зайковская, А.И. Марочкин, О.Д. Миралаева, Ю.Н. Никитина, Е.В. Суховей, В.В. Химик и др.). Современная языковая ситуация характеризуется регулярным и повсеместным использованием жаргонной лексики в речи носителей разных категорий. Изучение жаргонного фрагмента русской картины мира в аспекте рецепции носителя-инофона является интересной и актуальной областью лингвистических исследований. Особо значимым для интерпретатора-иностранца в синхронно-узуальном изучении русского языка является признание за жаргонизмами *лингвокультурологической* и *лингвокогнитивной* роли, что позволяет рассматривать их в качестве маркеров молодежной субкультуры и репрезентантов фрагмента национальной картины мира [Ван, Курьянович 2018]. Источниками сбора эмпирического материала выступают словари авторитетных русистов-жаргонологов [Грачев 2006, Никитина 2009 и др.], а также авторская картотека, представляющая контент единиц русского молодежного жаргона, собранных на протяжении 2013–2018 годов из устных и печатных, в том числе электронных, текстов, фигурирующих в различных сферах социального взаимодействия.

Вариант и инвариант интерпретации семантики слов русского молодежного жаргона могут быть связаны отношениями *семантического тождества, частичного* или *полного несовпадения*. Количество случаев тождественного и несовпадающего толкования в собранном контенте единиц приблизительно одинаково.

Тождественностью в интерпретации могут характеризоваться как предметно-понятийная (*жрач* – аппетит [1]. Ср.: Аппетит [Никитина 2009: 230]) и коннотативная (*напряженка* – напряженная ситуация. Ср.: Напряженная ситуация [Грачев 2006: 338]) части семантики, так и в целом смысловой план жаргонной лексемы (*вешалка* – высокая, худая девушка. Ср.: Высокая худая девушка [там же: 97]).

Установление полных / частичных различий в варианте и инварианте интерпретации более показательно, чем обнаружение тождественного толкования, поскольку именно отличительные черты формируют специфику результата интерпретационной деятельности инофона и, соответственно, фрагментов вторичной картины мира.

Случаи *полного несовпадения* в аутентичной и неаутентичной интерпретации жаргонизмов, судя по данным собранного контента, нельзя определить как частотные. Отметим, что эти различия не носят кардинальный характер и сводятся в большинстве случаев к иной формальной подаче одного и того же содержания, например: *«Гон* – ерунда, бред, чушь. Ср.: Бессмысленная речь, в том числе и под действием наркотика [Грачев 2006: 137]».

Когда различия в интерпретации проявляются в виде оттенков значения, мы говорим о *вариантах интерпретации*, соотносимых с аутентично-узуальным значением преимущественно по принципу его расширения или сужения. Приведем примеры (семы, не имеющие коррелята, выделены жирным шрифтом). Словарное значение шире за счет наращения коннотативных элементов: *«Амбал* – здоровый, сильный человек. Ср.: Физически сильный, но **глупый** человек [Грачев 2006: 40]. Вариант интерпретации инофона шире за счет упоминания в толковании потенциальных сем: *ботан* – старательный ученик, студент, который ничего не видит и не знает, кроме своих учебников, **не приспособлен к реальной жизни**. Ср.: Школьник или студент, уделяющий много времени учебе [Грачев 2006: 79].

Вариативность интерпретации определяется преимущественно тенденциями к расширению или сужению значения, в большинстве случаев связанных с интерпретацией его коннотативных составляющих. Именно случаи нетождественной интерпретации являются основой для дальнейшего изучения единиц русского молодежного жаргона в когнитивно-семантическом аспекте и реконструкции в результате этого фрагмента вторичной картины мира, а также сопоставительного анализа данного фрагмента с соответствующими фрагментами аутентичной и первичной картины мира.

В частности, в жаргонном фрагменте *аутентичной картины мира* присутствует представление о женщине с точки зрения восприятия ее внешности, выражающееся жаргонизмами, в значении которых преобладают как положительные (*Аленушка, канашка, козбака, лалара, модель, мырса, соса, трал* и пр.), так и сниженные (*дротька, замороженная, зяба, капутса, клава, козибулина, колода, коряга, красоворотка, креветка, крокодил, лохнезия, мармыга, медуза, порнуха, сковорода, удмуртия, упырша, фефела, чмошница*) компоненты смысла (примеры взяты: [Никитина 2009: 1048]). В соответствующем

[1] В примерах сначала приводится вариант интерпретации жаргонизма инофоном, далее указывается аутентичный (словарный) инвариант интерпретации.

фрагменте *вторичной картины мира* присутствуют лексемы, актуализирующие в большинстве своем негативное прагматическое звучание. Например: *вешалка* – высокая, худая девушка (неодобр., пренебр. оценка). Однако заметим, что обозначенные смыслы выявляются во вторичной картине мира на уровне ее жаргонного фрагмента и не эксплицируют общего представления иностранца о современной русской культуре, быте, языке. В *первичной картине мира* инофона (в нашем случае – носителя китайского языка) жаргонизмы, обозначающие внешность женщины и характеризующиеся доминированием в значении негативных компонентов, практически отсутствуют: в китайской культуре не принято использовать в адрес человека задевающих, в частности его внешность, слов. Философия мировосприятия китайцев основана на постулате: человек – мера всех вещей.

Таким образом, вторичная и аутентичная картины мира соотносятся на основании принципа релятивизма, характеризуются самостоятельностью и равнозначностью, рассматриваются как эквивалентные в функциональном отношении сущности.

Литература

Ван С., Курьянович А.В. К вопросу об интерпретации и употреблении русской жаргонной лексики китайскими инофонами // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. Вып. 2 (191). С. 80-86.

Грачев М.А. Словарь современного молодежного жаргона. М.: Эксмо, 2006. 704 с.

Никитина Т.Г. Молодежный сленг. Толковый словарь: около 20000 слов и фразеологизмов. М.: Астрель: АСТ, 2009. 1104 с.

***X*. Wang** (Tomsk, Russia)
Tomsk State Pedagogical University
***A*.V. Kurjanovich** (Tomsk, Russia)
Tomsk State Pedagogical University

SECONDARY AND AUTHENTIC PICTURES OF THE WORLD IN THE MIRROR OF THE PROBLEM OF CONGRUENCE

The article is devoted to the study of the relationship between the secondary and authentic pictures of the world in the aspect of comparing the results of the interpretation activities of linguistic personalities – secondary and primordial, aimed at understanding the semantics of units of a particular language. The material is a slang fragment of the Russian language picture of the world, the object is a variant and an invariant of its interpretation from the side of secondary and authentic carriers.

Key words: linguistic culture, secondary linguistic personality, secondary picture of the world, interpretation variant and invariant, Russian youth jargon, slang fragment of a picture of the world.

О.В. Ведута *(Тюмень, Россия)*
Тюменский индустриальный университет
surmjatovajv@tyuiu.ru
М.В. Денеко *(Тюмень, Россия)*
Тюменский индустриальный университет
surmjatovajv@tyuiu.ru
Ю.В. Сурмятова *(Тюмень, Россия)*
Тюменский индустриальный университет
surmjatovajv@tyuiu.ru

ПЕРИФРАСТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК ФРАГМЕНТ НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОЦВЕТОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Статья посвящена исследованию перифраз с компонентом-колоронимом в лингвоцветовой картине мира немецкого языка. В процессе анализа произведена категоризация по структурно-грамматическому принципу и принципу выявления тематических групп.

Ключевые слова: перифрастические единицы, лингвоцветовая картина мира, ментальный опыт народа.

Конструирование ментального опыта народа – одна из приоритетных задач современной лингвокогнитологии, в связи с чем устойчивый интерес к репрезентации межкультурного взаимодействия, интеллектуальной деятельности человека и особенностей социального взаимодействия определяется учеными как основа исследований реализации и функционирования языковых единиц разного уровня. Накопление эмпирического материала и терминологического аппарата складывалось путем анализа механизмов психологического и интеллектуального развития, познавательной деятельности и осмысления этих механизмов в работах по когнитивной психологии Ф. Бартлетта, Б. Величковского, М. Минского, У. Найссера, С. Палмера, Э. Роша и др. В рамках исследований этих когнитивных механизмов выделяется малоизученное направление изучения семантики и функционирования перифрастических единиц как особой системы значений, характеризующей ментальный опыт народа.

Разнообразие и емкость перифрастических единиц представляют особый интерес для лингвистов уже длительное время. Изучением этих сложных образований в разное время занимались следующие отечественные лингвисты: Ильина 1954, Шанский 1969, Иванова 1970, Матвеенко 1970, Вовчок 1978, Бельчиков 1997, Новиков 1988, 2000, Бытева 2002, Есменская 2005, Отт 2010, Чередниченко 2016; а также зарубежные исследователи: Herberg 1970; Jager 1986; Sommerfeldt, Spiewok 1988; Heusinger 2004. Впрочем, множество подходов породило полисемию термина и широкий охват языковых (речевых) явлений, отражающих полифункциональность перифраз как объектов литературоведения, стилистики, логики, риторики, социолингвистики, лингводидактики. Ключевым параметром выделения перифразы как языковой единицы принято считать ее потенциальность замещения слов.

Но следует особо отметить, что активное функционирование перифраз в процессе коммуникации требует учета того факта, что данные языковые еди-

ницы представляют собой суггестивные позиционирования различных объектов, главными из которых являются реалии, предметы и явления, конституирующие экстралингвистическую действительность. Суггестия проявляется в том, что автор или коммуникант таким образом не только эксплицитно словесно передает информацию об актуальных событиях, но и выражает, имплицитно вербализует собственную или же общесоциальную оценку предмета обсуждения. Вслед за К.А. Отт, мы выделяем наиболее частотные реалии, подлежащие перефразированию: 1) обозначения лиц, 2) обозначения реалий из сферы политики, науки и техники, 3) обозначения географических реалий, 4) обозначения товарных знаков и брендов [Отт 2010: 4-5].

Сложность построения типологии понятия «перифрастическая единица» связана с природой изучаемого явления. В научной литературе мы встречаем различные подходы к описанию данного явления. В.П. Москвин расценивает перифразу как «описательный оборот, образуемый для замены какого-либо общепринятого наименования» [Москвин 2006: 90]. Замену общепринятого понятия или иносказание в перифразе отмечают также ученые Б.В. Томашевский, Д.Э. Розенталь, потенциально эвфемистиескую сущность термина перифраза встречаем в энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: это стилистический прием, заключающийся в непрямом указании на определенное явление, которое выступает субститутом его исходному названию [Энциклопедический словарь… 1890–1907].

Пристального внимания, на наш взгляд, заслуживает дихотомия позиций авторов, относящих перифразу к:

1 – фразеологическому фонду (Н.Ф. Алефиренко [2009], В.Л. Архангельский [1964], В.В. Виноградов [1977], З.Д. Попова [1980], Н.Н. Семененко [2009], Н.М. Шанский [1969]);

2 – промежуточным элементам между свободными словосочетаниями и фразеологическими оборотами (Т.И. Бытеева [2000], А.Т. Липатов [2005], И.-Л.П. Рапшите [1973], Б.Б. Розанова [1966], Е.Н. Толикина [1967], Л.В. Хамидова [1999]).

Однако следует отметить, что существенных расхождений в толковании данного феномена мы не наблюдаем. Ученые, выделяя в качестве доминирующего тот или иной признак, сходятся в определении признаков перифразы: иносказательность, описательность, номинативность, информативность, имплицитность, самодостаточность, оценочность, кореферентность [Чередниченко 2016: 20].

Вторым неоспоримым критерием оценки языковых единиц является типизация по структурно-грамматическому принципу. Характеризуя компонентный состав, ученые отмечают наличие в перифрастических единицах двух и более слов, реже одного слова, что указывает на соотнесенность со структурными и синтаксическими моделями конкретного языка. Специфика структуры и синтаксических моделей перифраз немецкого языка заключается в том, что они диссоциируются на 3 типа:

1) однословные наименования: der Braunarbeiter *(гомосексуалист* / букв. *коречневорабочий*), Blaubart *(синяя борода)*;

2) словосочетания: der Weisse Tod (*смерть от снежных обвалов (или заносов)* / букв. *белая смерть*), die weisse Wand *(экран),* die gelbe Karte *(предупреждение* / букв. *желтая карточка*), grüne Freunde (*гринписовцы* / букв. *зеленые друзья*) и т.д.;

3) предложения: zu grauen Haaren passen keine grünen Gedanken (букв. *седым волосам не подходят зеленые молодые мысли*); eine blaue Bohne ins Fell schieben (букв. *синий горох в шкуру двигать / всадить пулю в лоб);* ins Blaue zielen, ins Schwarze treffen (букв. *целиться в синее, попасть в черное / целиться мимо, а попасть в цель (в самую точку)*.

В качестве фактического материала исследования нами были избраны перефрастические единицы немецкого языка, содержащие в своем составе компонент цветообозначение. Цвет принято относить к элементарным первичным универсальным понятиям, конституирующим характеристики реальной действительности, «которые в общественно-историческом опыте человека “попадались на глаза первыми”: различимое по величине, форме, цвету, воспринимаемое на ощупь, соизмеримое в пространстве, во времени и т.п.» [Уфимцева 2002: 201]. Началом употребления цветообозначения можно считать опосредованное указание на цвет соответствующих распространенных предметов или объектов природы: «как молоко», «как снег» (*белый*), «как сажа» (*черный*).

Изучение перифрастических единиц немецкого языка приводит к выводу о том, что их употребление отражает самобытность истории и культуры немцев и носит регулярный, а в ряде случаев обязательный характер, сформированный своеобразием их лексико-синтаксических систем. Безусловно, исключительность ассоциативно-образного мышления представителей конкретного языкового коллектива формирует национальную картину мира и интересующую нас немецкую лингвоцветовую картину мира.

Рассмотрим примеры тематических групп перифраз, зафиксированных в корпусах новейшего издания словаря Duden Deutsches Universalwörterbuch, herausgegeben vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion & F.A. Brockhaus AG, Mannheim 2007:

1. Обозначения лиц: *weisse Maus (полицейский /* букв. *белая мышь), das Braunhemd (фашист /* букв. *коречневорубашечник), ein weisser Rabe (сильно отличающийся чем-л. человек /* букв. *белая ворона), graue Eminenz (серый кардинал), blaue Jungen (Jungs) (матросы), der Schwarze Mann (пугало), grüne Witwe (соломенная вдова, живущая за городом, муж которой работает в городе /*букв. *зеленая вдова)*.

2. Обозначения реалий (культуры, искусства, науки, техники, моды): *weisse Kohle («Белый уголь», гидроэнергия), die grüne Minna (разг. шутл. Полицейский автомобиль для арестованных;* букв. *Зеленая Минна (Минна – женское имя)), die rote Laterne (последнее место в турнирной таблице /* букв. *красный фонарь), schwarze Diamanten (каменный уголь /* букв. *черные алмазы)*.

3. Обозначения географических объектов: blaue *Erde (синяя Земля), der Schwarze Erdteil (Африка /* букв. *черный континент), die grüne Hölle («Зеленый ад» (заболоченные тропические леса, особенно в устье реки Амазонки)*).

4. Обозначения товарных знаков: *das Blaue Band («Голубая лента» (знак отличия для самого скорого пассажирского судна на линии Гамбург – Америка)*), *das Blaue Kreuz (Голубой Крест – общество по лечению алкоголиков)*.

Таким образом, проведенный анализ перифрастических единиц свидетельствует об уникальности ассоциативно-образного мышления немцев.

Широкое применение в речи и кодифицированность в лексикографических источниках свидетельствует о функциональном потенциале данных единиц, конструирующих немецкую лингвоцветовую картину мира.

Литература

Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частная классификации. Терминологический словарь. М.: ЛЕНАНД, 2006. 376 с.

Отт К.А. Фукциональный спектр перифразы в современных немецких печатных СМИ: автореф. … дис. канд. филол. наук. Иркутск: 2010. 20 с.

Уфимцева А.А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики. М.: Едиториал УРСС, 2002. 240 с.

Чередниченко Ю.Е. Типы перифраз в художественном тексте (на материале русскоязычной и англоязычной прозы современных авторов): дис. … канд. филол. наук. Астрахань, 2016. 249 с.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907.

Duden Deutsches Universalwörterbuch, herausgegeben vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion & F.A. Brockhaus AG. Mannheim, 2007.

O.V. Veduta (Tyumen, Russia)
Tyumen Industrial University
M.V. Deneko (Tyumen, Russia)
Tyumen Industrial University
Yu.V. Surmyatova (Tyumen, Russia)
Tyumen Industrial University

PERIPHRASTIC UNITS AS A FRAGMENT OF THE GERMAN LINGUISTIC COLOUR WORLD OUTLOOK

The article investigates periphrastic units with the component of colour in linguistic world outlook of the German language. The structural grammatical analysis is used to reveal thematic groups.

Key words: periphrastic units, linguistic colour world outlook, mental experience of the people.

А.В. Верещагина *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
linaanghelina@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ГЛАГОЛОВ С ОТРИЦАТЕЛЬНЫМ ПРЕФИКСОМ *ἀ-*)

Настоящее исследование посвящено выявлению когнитивных основ глагольной префиксации на примере префикса ἀ- в древнегреческом языке. Среди соответствующих префиксальных глаголов выделяются те, которые образова-

ны от глаголов, и отыменные глаголы, ведущие свое происхождение в основном от отглагольных прилагательных.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, глагол, префикс, древнегреческий язык, отрицание.

Префиксация всегда дает определенные изменения в семантике исходного глагола. Когнитивная лингвистика позволяет выявить концептуальный уровень этих изменений. Следует отметить плеяду ученых, занимавшихся и продолжающихся заниматься вопросами, связанными с когнитивными процессами, которые легли в основу создания концептуальных структур, формирующихся в процессе концептуальной деривации [Кронгауз 2001; Кубрякова 1991; Бабина 2003].

Кроме того, не ослабевает интерес к префиксальным глаголам в различных языках [Серегина 2007; Балакин 2016; Степанова, Фляйшер 1984; Шнырко 2017], в том числе и в диахроническом разрезе [Полюжин 1993; Боровиков 2012]. Следует отметить работу В.Ф. Новодрановой на материале одного из мертвых языков – латинского языка [Новодранова 2008]. При этом данная тема не до конца исследована в древнегреческом языке, что и составляет новизну и актуальность данного исследования.

Среди целей настоящего исследования следует назвать изучение семантики древнегреческого префикса ἀ- и описание репрезентируемых им концептуальных структур, выявление когнитивных моделей, которые стоят за словообразовательными значениями глаголов определенных лексико-семантических групп, в соответствии с которыми формируются значения префиксальных глаголов древнегреческого языка.

Как утверждает Н.Н. Болдырев [Болдырев 2011: 11]: «В качестве универсального средства общей концептуализации и репрезентации функции отрицания разные языки используют отрицательные частицы типа рус. не (англ. no, нем. nicht и т.д.)». Эти частицы вместе с другими примыкающими отрицательными словами и префиксами выступают в виде прототипического ядра.

Согласно словарю И.Х. Дворецкого [Дворецкий 1958], в древнегреческом языке можно выделить около 70 глаголов с отрицательным префиксом ἀ- (или его вариантом ἀν-). Среди соответствующих префиксальных глаголов выделяются те, которые образованы от глаголов (около 15), и отыменные глаголы (около 50), ведущие свое происхождение в основном от отглагольных прилагательных.

1. Рассмотрим глаголы с префиксом ἀ- (ἀν-), вероятнее всего, образованные от глаголов (около 15 глаголов). В древнегреческом языке можно выделить следующие пары, позволяющие судить о префиксальном способе их образования от соответствующих беспрефиксальных глаголов: κρατέω «обладать силой» и ἀκρατεύω «быть невоздержанным», εὔχομαι «обещать» и ἀνεύχομαι «брать назад свою просьбу», πινύσσω «вразумлять» и ἀπινύσσω «быть без сознания», τιμάω «почитать» и ἀτιμάω «не уважать, не почитать», φρονέω «быть благоразумным, думать, мыслить» и ἀφρονέω «поступать безрассудно, безумствовать», χρειόω «быть полезным» и ἀχρειόω «делать бесполезным или непригодным», ψευστέω «говорить ложь, лгать» и

ἀψευστέω «говорить правду, не ошибаться», αἰδέομαι «стыдиться» и ἀναιδεύομαι «быть бесстыдным», σθενόω «делать сильным» и ἀσθενόω «лишать «лишать сил, ослаблять». В основе данного типа концептуальной деривации в большинстве случаев лежит принцип «достраивания», то есть добавления значения «отрицания».

2. Более многочисленную группу (около 50 глаголов) составляют древнегреческие глаголы, которые вероятнее всего были образованы от прилагательных с префиксом ἀ- (или его вариантом ἀν-).

Рассмотрим следующие пары (около 30): ἄδηλος «неизвестный, неведомый» и ἀδηλέω «быть в неизвестности», ἄδικος «несправедливый, незаконный» и ἀδικέω «совершать беззаконие», ἄνομος «беззаконный, преступный» и ἀνομέω «поступать беззаконно», ἄρρυθμος «неритмичный, нестройный» и ἀρρυθμέω «быть неритмичным», ἀσχήμων «безобразный» и ἀσχημονέω «непристойно вести себя», ἄσχολος «не имеющий свободного времени, занятый» и ἀσχολέω «занимать, интересовать», ἀφραδής «безрассудный» и ἀφραδέω «говорить и поступать безрассудно», ἄχαλκος «без меди» и ἀχαλκέω «не иметь гроша», ἀψευδής «не лгущий, истинный» и ἀψευδέω «не лгать, не ошибаться».

Отдельную и многочисленную группу (около 20 глаголов) составляют те, которые образованы от отглагольных прилагательных с префиксом ἀ- (или его вариантом ἀν-) и суффиксом -τ. Ср.: ἄμνηστος «забытый» и ἀμνηστέω «не помнить, забывать», ἀναίσχυντος «бесстыдный» и ἀναίσχυντέω «вести себя нагло, бесстыдно», ἄπιστος «не верящий, недоверчивый» и ἀπιστέω «не верить, не доверять», ἄπρακτος «бесполезный» и ἀπρακτέω «ничего не делать, бездействовать», ἄτλητος «невыносимый» и ἀτλητέω «не быть в состоянии вынести», ἄθετος «не имеющий положения, неуместный» и ἀθετέω «делать или объявлять недействительным, отвергать», ἀφρόντιστος «беззаботный, безрассудный»» и ἀφροντιστέω «быть беззаботным, беспечным», ἀφύλακτος «неохраняемый, неосторожный, беспечный» и ἀφυλακτέω «не остерегаться, быть неосторожным», ἀχάριστος «непривлекательный, неприятный» и ἀχαριστέω «быть неблагодарным, не угождать», ἄχρηστος «бесполезный, ненужный» и ἀχρηστέω «быть бесполезным, ненужным».

Кроме того, необходимо отметить несколько глаголов с несколькими префиксами, образованные, видимо, от соответствующих прилагательных с префиксами. Ср.: ἀκατάληπτος «незатронутый, непостижимый» и ἀκαταληπτέω «не понимать, не постигать», ἀνεπίστρεπτος «не оборачивающийся назад» и ἀνεπιστρεπτέω «не поворачиваться, быть равнодушным», πρόσθετος «приставной, накладной» и ἀπροσθετέω «не соглашаться», а также ἀσυγκαθετέω «не соглашаться».

3. Можно выделить также несколько сложных глаголов: ἀληθομυθέω «говорить правду», ἀνισοκρατέω «обладать неравной силой», ἀνοσιουργέω «поступать нечестиво, быть нечестивым», ἀπειροκαλεύομαι «быть лишенным хорошего вкуса».

4. Перечисленные выше глаголы можно также распределить на следующие **лексико-семантические группы**: ***глаголы, обозначающие физическое и душевное состояние*** (более 20) – ἀβουλέω «не желать, не хотеть», ἀπινύσσω «быть без сознания», ἀελπτέω «отчаяться, утратить надежду», ἀκληρέω «быть обездоленным», ἀνισοκρατέω «обладать неравной силой», ἀσθενέω «быть беспомощным», ἀληθεύω «быть правдивым», ἀμοιρέω «быть лишенным»,

ἀνεπιστρεπτέω «не поворачиваться, быть равнодушным», ἀοριστέω «быть неопределенным, быть в нерешительности», ἀπεπτέω «не переваривать, страдать от несварения», ἀτλητέω «не быть в состоянии вынести», ἀφροντιστέω «быть беззаботным, беспечным», ἀχρηστέω «быть бесполезным, ненужным», ἀχρειόω «делать бесполезным или непригодным»; ***глаголы, обозначающие деятельность органов чувств*** (около 10) – ἀβλεπτέω «не видеть, не замечать», ἀγνοέω «не знать, не узнавать», ἀβακίζομαι «быть в неведении, ничего не знать», ἀβακέω «быть в неведении», ἀδηλέω «быть в неизвестности», ἀμνηστέω «не помнить, забывать», ἀκαταληπτέω «не понимать, не постигать»; ***глаголы, обозначающие конкретные действия*** (около 30) – ἀδικέω «совершать беззаконие», ἀναίσχυντέω «вести себя нагло, бесстыдно», ἀσθενόω «лишать сил, ослаблять», ἀπρακτέω «ничего не делать, бездействовать», ἀπειθέω «не слушаться, не повиноваться», ἀπιστέω «не верить, не доверять», ἀνεύχομαι «брать назад свою просьбу», ἀνηκουστέω «не слушаться, не повиноваться», ἀπροσθετέω «не соглашаться», ἀνομέω «поступать беззаконно», ἀστοχέω «давать промах, ошибаться», ἀσυγκαταθετέω «не соглашаться», ἀσχημονέω «непристойно вести себя», ἀψευδέω «не лгать, не ошибаться», ἀτιμάω «не уважать, не почитать», ἀφειδέω «не щадить, пренебрегать», ἀφραδέω «говорить и поступать безрассудно», ἀψευστέω «говорить правду, не ошибаться». Кроме того, зафиксированы глаголы, обозначающие ***обладание*** – ἀχαλκέω «не иметь гроша», а также описывающие ***и действие, и состояние*** – ἀφρονέω «поступать безрассудно, безумствовать» и ἀχαριστέω «быть неблагодарным, не угождать», ἀνοσιουργέω «поступать нечестиво, быть нечестивым».

Таким образом, удалось установить лексико-семантические группы древнегреческих глаголов, вступающих во взаимодействие с префиксом ἀ-, хотя и в большинстве случаев это взаимодействие происходит опосредованно через отглагольные формы или основы.

Кроме того, следует отметить, что семантику большинства глаголов с префиксом ἀ-, мотивированных именами прилагательными, можно описать как «совершать действие, свойственное кому-либо или чему-либо».

Литература

Бабина Л.В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи: монография. Тамбов; Москва, 2003.

Балакин С.В. Пропозициональная основа формирования префиксальных глаголов во французском и португальском языках // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 6. URL: http://web.snauka.ru/issues/2016/06/69436 (дата обращения: 25.03.2019).

Болдырев Н.Н. Концептуальные функции отрицания как основа формирования категории // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1 (026). С. 5-14.

Боровиков А.А. Мутационные глаголы с приставкой про- со значением незапланированного негативного результата в истории русского языка: дис. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2012.

Гак В.Г. Беседы о французском слове (из сравнительной лексикологии французского и русского языков). М.: URSS, 2018.

Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958.

Кубрякова Е.С. Проблемы семантической деривации // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистики: тезисы докладов. Пермь, 1991. С. 24-25.

Новодранова В.Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии. Laterculi vocum Latinarum et terminorum. М.: Языки славянских культур, 2008.

Полюжин М.М. Диахронно-семантический аспект префиксального словообразования в английском языке: дис. … д-ра филол. наук. Москва; Ужгород, 1993.

Серегина И.В. Когнитивные и языковые основы префиксального словообразования: на материале глаголов русского и английского языков: дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2007.

Степанова М.Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. М.: Высшая школа, 1984.

Шнырко А.А. К построению функционально-семантического поля негации в современном японском языке // Известия Восточного института. 2017. № 4 (36). С. 75-83.

A.V. Vereschagina (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

COGNITIVE BASIS FOR THE EXPRESSION OF NEGATION (ON THE MATERIAL OF ANCIENT GREEK VERBS WITH A NEGATIVE PREFIX ἀ-)

The present study is devoted to identifying the cognitive foundations of verb prefixation by the example of the ἀ- prefix in the ancient Greek language. Among the corresponding prefixal verbs, those formed from verbs and anonymous verbs, originating mainly from verbal adjectives, are distinguished.

Key words: cognitive linguistics, verb, prefix, ancient Greek, negation.

Т.М. Воронина *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
tmv313@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ *ЗНАНИЯ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (В АСПЕКТЕ ОТНОШЕНИЙ ТОЖДЕСТВА И ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ)[1]

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-012-00458 «Отношения тождества и противоположности: интеграция ментальных пространств в лексикографическом, структурно-семантическом и когнитивно-дискурсивном освещении»), а также при финансовой поддержке постановления № 211 Правительства Российской Федерации, контракт № 02.A03.21.0006

Статья посвящена анализу семантики лексических единиц, репрезентирующих *знание*, с акцентом на отношениях тождества и противоположности. Показано, что такой анализ способствует выявлению значимых когнитивных признаков в структуре соответствующего концепта. Материал исследования – данные, полученные при работе над идеографическим словарем синонимико-антонимических комплексов (проект под руководством Л.Г. Бабенко).

Ключевые слова: знание, концептуализация, тождество, противоположность, синонимы, антонимы, идеографический словарь.

Концептуализация сферы знания и в целом интеллектуальной деятельности человека – неизменный объект интереса исследователей языка, поскольку в семантике языковых единиц, репрезентирующих интеллект, «отражается процесс осмысления человеком его собственной мыслительной деятельности» [Кусова 2016: 150]. Существует множество исследований семантики и когнитивного содержания единиц ментального лексикона, в том числе посвященных их лексикографическому представлению: см, например, словарные статьи, посвященные *знанию*, в [НОСС 2004; Степанов 2004; КРЯ 2017]. Представляется продуктивным подход к анализу семантики лексических единиц, репрезентирующих *знание*, с акцентом на отношениях тождества и противоположности. Л.Г. Бабенко справедливо отмечает: «Языковая концептуализация мира осуществляется в процессе его категоризации и дифференциации, что обнаружили и убедительно показали многочисленные исследования когнитологов» [Бабенко 2007: 15]. Данное исследование проводилось на основе данных, полученных при работе над идеографическим словарем синонимико-антонимических комплексов (проект под руководством Л.Г. Бабенко); о данном проекте см. [Бабенко 2019]. Лексема *знание* является многозначной, имеет абстрактную семантику, по-разному представляемую словарями. Описание значения слова, репрезентирующего столь сложный и многомерный концепт, может быть уточнено с помощью анализа вариантов его денотативной отнесенности, синонимических и антонимических связей. Н.Н. Болдырев, обосновывая значимость интерпретативной функции языка, пишет, в частности, что «языковая единица, с точки зрения когнитивной семантики, приобретает свое значение в результате выделения или высвечивания конкретного участка в пределах соответствующей когнитивной области» [Болдырев 2016: 11]. Цель данной работы – показать, каким образом «высвечиваются», профилируются представления о *знании* на фоне того, что сближается с ним и осмысляется как его противоположности.

Прежде всего, естественно, данный концепт репрезентируется лексическими и фразеологическими единицами денотативно-идеографической сферы «Интеллект», группы «Мышление». Прототипический смысл, выражаемый лексемой *знание,* – пропозициональный: ментальное состояние человека, наличие в его сознании информации, которая осмысляется как истинная [НОСС 2004: 389 и след.]; именно по признаку фактивности/путативности в НОСС противопоставлены предикаты *знать* и *считать*. Словари антонимов не отмечают эти глаголы в качестве антонимич-

ных, однако данные Национального корпуса русского языка (http://www.ruscorpora.ru) показывают, что возможны их употребления в «диагностических» для антонимии контекстах: *– Вы* ***считаете*** */ что Марина Максимовна плохо… – Я ничего* ***не считаю*** */ Кирилл Алексеич / дорогой / я* ***знаю*** (Д. Асанова, Г. Полонский. Ключ без права передачи, к/ф, 1976); *Есть небольшой, тесный круг людей, которые* ***знают,*** *–* ***не думают, не считают, а именно знают,*** *– что Осип Мандельштам – замечательный поэт* (Г. Адамович. Несколько слов о Мандельштаме, 1961). Таким образом, можно говорить о синонимико-антонимическом комплексе, формируемом следующими оппозициями: *Знать ↔ Считать, думать, полагать; Знать ↔ Предполагать, гадать, догадываться*; *Знание ↔ Мнение; Знание ↔ Предположение, гипотеза, догадка, домысел; Истина, правда, факт ↔ Предположение, гипотеза, догадка, домысел.*

На основании противопоставления по другому признаку – наличие / отсутствие в сознании человека информации, сведений – выделяется другой синонимико-антонимический комплекс, уже в составе денотативно-идеографической группы «Познание», формируемый оппозициями *Знание, знакомство, познания, осведомленность ↔ Незнание, незнакомство, неведение, неосведомленность*; *Известный, знакомый, в'едомый ↔ Неизвестный, незнакомый, безвестный, неведомый, незнаемый, неизведанный; Известность, знакомость ↔ Неизвестность, незнакомость, безвестность, неизведанность; Известно, в'едомо ↔ Неизвестно, нев'едомо*: *На самом деле то, что не требуется по логике сюжета, двигающего читателя от меньшего* ***знания*** *к большему* ***знанию****, абсолютно необходимо там, где* ***незнание*** *так же важно, как и вся даваемая в книге информация* (О. Славникова. Поэзия жизни. Зарисовки с натуры // «Октябрь», 2001); ***Неизвестные*** *страницы отечественной истории нужны власти еще меньше, чем* ***известные*** (В. Живов. Наука выживания и выживание науки // «Новое литературное обозрение», 2005).

Признак наличия/отсутствия в сознании человека информации, сведений может профилироваться с некоторыми отличиями в рамках денотативно-идеографических сфер «Наука» и «Образование», пересекающихся со сферой «Интеллект», ср., например, указания на подобные пересечения соответствующих концептов: наука «связывается с понятием “приобретение, добывание знания”, деятельность, направленная на добывание знания» [Степанов 2004: 487]; «знания связаны с образованностью человека, их человек получает, специально обучаясь» [КРЯ 2017: 383]. Основанием для различного профилирования, как представляется, служит когнитивный признак цели, т.е. знать содержание учебного предмета означает иметь его в памяти, чтобы суметь воспроизвести или использовать при необходимости, при проверке знаний: *Оценка в школе, конечно же, нужна. Без нее не обойтись. Давайте эту мысль продвигать – начнем оценивать* ***знания,*** *а не* ***незнания*** (А. Гамов. Как президент и его супруга воспитывают своих детей // Комсомольская правда, 2006.06.02). Такую оппозицию составляют только *Знание ↔ Незнание*, с конкретизацией их значений, кроме того, в данном случае существительные называют не процесс, не состояние, а результат интеллектуальной деятельности, обучения. В сфере «Наука» профилируется также целевой признак, но здесь в качестве цели воспринимается приближение к познанию истины. Такую оппозицию

составляют *Знание* ↔ *Незнание, невежество*: *... сам процесс рождения книги, как представляется мне, тоже способен нести сюжетную функцию, запечатлевая путь – от* ***незнания*** *к* ***знанию,*** *от заблуждения к истине* (А. Рекемчук. Мамонты, 2006); *По свидетельствам современников, на смертном одре он* [Лаплас] *сказал: «Наше* ***знание*** *мало, а* ***невежество*** *огромно»* (Е. Свердлов. Гениальность: гены? культура? стохастика? // «Вестник РАН», 2009). Метонимически *знание* может называть и результат научного познания, при этом при формировании оппозиции подключается оценочный компонент, реализующий когнитивную схему фальсификации, мнимого соответствия: *Знание* ↔ *Псевдознание, квазизнание, лже-знание*. Слова с отрицательной оценкой не фиксируются в словарях, однако имеются примеры противопоставлений в Национальном корпусе русского языка и в сети Интернет: *Есть вечная тема – тема знания и псевдознания / истины и лжи* (О популярности псевдоисторических знаний в России. Угол зрения с Александром Приваловым, т/к Эксперт-ТВ, 2011); *В условиях полной безответственности публичного писания и говорения, когда можно зарабатывать на жизнь проповедью любых, самых бредовых учений и теорий, общество оказалось не в состоянии отличить* ***знание*** *от* ***лже-знания*** (А. Якубовский. «Пиар» для разума. www.uran.ru › gazetanu › 2004/09). Знание может осознаваться не только как результат, т.е. совокупность познаний, но и как способ, инструмент познания, в оппозициях *Знание* ↔ *Интуиция, Знание* ↔ *Вера,* в которых профилируется признак источника: для знания необходим внешний источник, в случае интуиции источником является внутреннее иррациональное чувство, в случае веры источник не нужен вовсе: «Вера не предполагает никакого внешнего источника истинной информации. Это ментальное состояние человека, мотивированное не столько фактами, сколько имеющейся в его сознании цельной картиной мира, в которой предмет его веры просто не может не существовать» [Апресян 1995: 412].

Таким образом, анализ семантики лексических единиц, репрезентирующих *знание*, с акцентом на отношениях тождества и противоположности способствует выявлению значимых когнитивных признаков в структуре соответствующего концепта.

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с. (Язык. Семиотика. Культура).

Бабенко Л.Г. Картина мира в зеркале словаря (на материале идеографического словаря синонимов русской речи) // Мир русского слова и русское слово в мире. Том 4. Язык, сознание, личность: материалы XI Конгресса МАПРЯЛ. HERON PRESS. SOFIA, 2007. С. 15-22.

Бабенко Л.Г. Проект словаря синонимико-антонимических комплексов: проблемы лексикографической интерпретации типовой семантики и пути их решения // Научный диалог. 2019. № 10. С. 42-60.

Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10-20.

КРЯ – Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): словарь / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М.: Азбуковник, 2017. 1020 с.

Кусова М.Л. «Умный» – «Дурак»: в языке и языковом сознании школьников // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докл. и сообщ. Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею Заслуж. деят. науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Л.Г. Бабенко, 28-30 сент. 2016 г., Екатеринбург, Россия. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 149-158.

НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. 1488 с. (Studia philologica).

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.

T.M. Voronina (Ekaterinburg, Russia)
Ural Federal University

CONCEPTUALIZATION OF KNOWLEDGE IN THE RUSSIAN LANGUAGE (RELATIONS OF IDENTITY AND CONTRAST)

The article analyzes semantics of lexical units representing knowledge by focusing on the relations of identity and contrast and brings to light the significant cognitive characteristics in the structure of the corresponding concept. The analysis uses the lexical data that were collected as a part of the project led by Prof. L.G. Babenko and aimed at creating an ideographic dictionary of synonymic and antonymic sets.

Key words: knowledge, conceptualization, identity, contrast, synonyms, antonyms, ideographic dictionary.

М.Л. Гордиевская *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
margord@mail.ru

СПОСОБЫ КАТЕГОРИЗАЦИИ ПОСЕССИВНОСТИ/ОТЧУЖДАЕМОСТИ В РУССКИХ СИНТАГМАХ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ЧАСТЬ ЦЕЛОГО»

В статье речь идет об участии семантических категорий посессивности и отчуждаемости в продукции русских синтагм со значением «часть целого». Использование инструментария посессивности / отчуждаемости в этих структурах рассматривается как отход от первоначального онтологического смысла данных категорий – «свое / чужое». А экстраполяция «техники» отчуждения в

этих синтагмах оценивается как свидетельство абстракции когнитивных механизмов членения действительности.

Ключевые слова: синтаксис, синтагма, семантическая категория, посессивность, отчуждаемость.

В русском языке посессивность и отчуждаемость не относятся к числу регулярных словоизменительных категорий. Тем не менее концептуализация этих понятий весьма важна для языка, и, как это свойственно скрытым категориям (криптотипам) [Уорф 1972: 45-46], проявляется в первую очередь в синтагматике. В дальнейшем мы постараемся показать, как проявляют себя посессивность и отчуждаемость в рамках ряда русских синтагм и какие «запреты» на построение синтаксических структур накладывает бытование этих, без сомнения, различительных семантических категорий.

Категории посессивности и отчуждаемости многократно попадали в объектив лингвистических исследований. Если посессивность достаточно хорошо представлена, например, в ряде индоевропейских языков, и в целом описана, то категория отчуждаемости в ее словоизменительном варианте является менее распространенной. Ее наличие признано в осетинском, нанайском, южноюкагирском, масайском, а также ряде других языков мира (число которых не превышает трех десятков). В теоретическом плане категории посессивности / отчуждаемости исследовались с разных позиций. Так, И.А Мельчуком они отнесены к реестру семантических словоизменительных категорий, выражающих качественные характеристики [Мельчук 1998: 239-242]. В работах М.А. Журинской категории посессивности и отчуждаемости рассмотрены как универсальные понятийные категории языка, которые связаны с такими категориями, как детерминация, атрибутивность, локативность; субкатегорией отчуждаемости признана партитивность [Журинская 1979]. Е.Г. Орлянской предпринято исследование категории отчуждаемости на материале немецкого языков, при этом сама категория рассматривается как антропоцентричная и описывается как «категоризованное человеческим сознанием взаимодействие между двумя мирами – “своим” и “чужим”. Важным свойством отчуждаемости признана связь этой категории с контролироемостью / неконтролироемостью действия, временной ограниченностью / неограниченностью действия» [Орлянская 2002; 2012: 103].

Прежде всего, следует отметить, что посессивность и отчуждаемость – это комплексные категории, и в тех языках, где они выступают как словоизменительные, каждая из категорий представлена бинарно. Так, посессивность, например, в английском маркирует «обладателя», которым может быть не только «лицо», но и «предмет» – the hotel ’s entrance, the car ’s performance (примеры И.А. Мельчука) [Мельчук 1998: 240]. При этом второй член оппозиции – «не-обладатель» – не маркирован. В то же время связанная с посессивностью категория отчуждаемости представлена двумя членами: отчуждаемость (обычно выражена материальным суффиксом или предлогом), а неотчуждаемость – нулевым суффиксом или отсутствием предлога. Иначе говоря, в каждой из двух категорий есть «сильный» и «слабый» член оппозиции.

Нетрудно заметить, что основание для выделения этих категорий составляет двухуровневое онтологическое представление (1) об обладателе и обладаемом и (2) о «генеральном», «безраздельном» обладании (цельности) и возможности отчуждения обладаемого. Таким образом, за посессивностью стоит дальнейшее членение действительности: отчуждаемость или неотчуждаемость обладаемого.

Еще раз подчеркнем, что обладатель – это далеко не всегда наделенный волей и сознанием участник ситуации (агенс или реципиент). В ряде случаев посессивная структура оказывается приспособлена для обозначения соположения, иерархии разнообразных предметов и явлений: целое по отношению к части *(вершина горы*), вместилище по отношению к вместимому (*банка пива, банка из-под пива*), предмет и его свойство (the car's performance, *характеристики автомобиля*) и т.д. Здесь отношения между обладателем и обладаемым являются результатом абстракции мышления: гора не является хозяйкой своей вершины, так же как автомобиль – правообладателем своих характеристик. Иначе говоря, в синтагматике этих именных групп спрятана метафора обладания.

Категория отчуждаемости, которая в маленьких языковых коллективах призвана в самом деле различать отчуждаемое и неотчуждаемое имущество, «свое» и « чужое», с течением времени и с развитием языка нашла применение в сфере выражения партитивных отношений.

Рассмотрим русские синтагмы со значение «часть целого» сквозь призму категории отчуждаемости.

В русском языке неотчуждаемость и отчуждаемость части целого противопоставлены в правилах синтагматики. Так, конструкции (a) *сущ. + сущ. Р.п.* и (b) *сущ. + от + сущ. Р.п.* различают неотчуждаемую и отчуждаемую часть целого. В следующих далее примерах та часть целого, которая выделяется, но мыслится как единая в составе объекта, обозначается беспредложной конструкцией. Если же часть воспринимается как отдельный объект, то в синтагму вставляется предлог *от*:

(1) *Колесо машины* vs. (1') *колесо от машины*

Переднее колесо машины оказалось проколото vs. *Колесо от машины лежало у обочины дороги*.

(2) *Наконечник копья* vs. (2') *наконечник от копья*

Это был голубовато-зеленый обломок кристалла размером с наконечник копья (И.А. Ефремов) vs. *Однако мы невольно стали внимательно смотреть под ноги, надеясь увидеть либо наконечник от копья, либо ржавый боевой топор, либо шишак от истлевшего шлема* (В.А. Солоухин).

(3) *Пуговица мундира* vs. (3') *пуговица от мундира*

Мать весь день и ночь шила мне плисовые штаны и шелковую рубашку; отец приводил в порядок военный костюм и натирал до блеска – через особую дощечку с вырезами – пуговицы мундира (А.И. Деникин) vs. *В соборе хранится пуговица от мундира великого князя Святаслава Игоревича, потерянная во время битвы с Цимисхием* (М.Е. Салтыков-Щедрин).

(4) *Деталь конструктора* vs. (4') *деталь от конструктора*

Это важная деталь конструктора vs. *Под кроватью валялась деталь от старого детского конструктора*.

(5) Крышечка бутылки vs. (5') *крышечка от бутылки*

Крышечка бутылки была плотно завинчена vs. *В кармане лежали ненужные бумажки и крышечка от бутылки*.

(6) *Косточка абрикоса* vs. (6') *косточка от абрикоса*

Косточки абрикоса успешно применяют в косметологии vs. *Это были три косточки от абрикоса, которыми угощали при дворе эмира бухарского* (Л. Синицына).

Если часть регулярно отчуждаема от объекта, т.е. мыслится как составляющая, но отдельная/самостоятельная часть, то применение конструкции *сущ. + сущ. Р.п* невозможно:

(7) *Тарелка от сервиза* (**тарелка сервиза*).

(8) *Ключ от спальни* (**ключ спальни*).

Напротив, неотчуждаемость в русских партитивах синтагмах выражается синтагмами (a) *сущ. + сущ. Р.п* или (c) *прилагательное (относительное/притяжательное) + сущ.*

(9) *Голова быка, бычья голова (*голова от быка*): *А в небольших улицах висят над тротуарами золотые булочные крендели, золотые головы быков, гигантские пенсне и пр*. (Д. Лихачев).

Неотчуждаемость проявляет себя не только в описанных синтагмах «часть целого». При вершинном глаголе в именной группе неотчуждаемость препятствует вставке предлога *от* как маркера отторжимости, например, в следующем прецедентном тексте: (10) «*Уронили мишку на пол, / Оторвали мишке лапу...*» (А. Барто) (**оторвали от мишки лапу*). Аналогично категория отчуждаемости отчасти регулирует беспредложное употребление инструмента в том случае, если орудие является частью агенса: (11) *Стукнуть кулаком* (**стукнуть с кулаком,* но *ходить с палочкой*).

Таким образом, мы видим на примере русских синтагм, что семантика категорий посессивности/отчуждаемости достаточно далеко ушла от, вероятно, первоначального онтологического назначения – разграничения мира вещей на «свое» и «чужое». По сути, эти категории лишь используют известную технику для обозначения партитивных отношений: часть целого (1-6), отчуждаемая при определенных обстоятельствах часть целого (1'-6'), отдельная самостоятельная часть целого (7-8), неотчуждаемая часть целого (9-11). По выражению Б.Ю. Нормана, синтаксические структуры «аккумулируют в себе опыт предшествующих поколений и «навязывают» его ныне живущим людям» [Норман 2013: 57].

Литература

Журинская М.А. О выражении значения неотторжимой принадлежности в русском языке // Семантическое и формальное варьирование. М., 1979.

Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Москва; Вена: Языки русской культуры: Венский славистический альманах, 1998. Т. 2.

Норман Б.Ю. Когнитивный синтаксис русского языка. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013.

Орлянская Е.Г. Категория отчуждения и ее языковая онтология в современном немецком языке: автореф. дис. …канд. филол. наук. Иркутск, 2002.

Орлянская Е.Г. Актуализация категории отчуждения в немецком языковом сознании // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 2. Т. 1. С. 102-106.

Пете И. Категория отчуждаемости и неотчуждаемости в грамматическом строе русского языка. URL: http://journal.pushkin.institute/archive/archive/1970/1970-2.pdf.

Уорф Б.Л. Грамматические категории. Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/new/.

M.L. Gordievskaya (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

WAYS OF CATEGORIZATION POSSESSIVENESS AND ESTRANGEMENT IN RUSSIAN SYNTAGMAS WITH MEANING ‘PART OF WHOLE’

The paper deals with semantic categories of possessiveness and estrangement in production of Russian combinations with meaning ‘part of a whole’. The use of this apparatus of possessiveness/estrangement in these structures is seen as deviation from original ontological sense of the categories ‘one’s own/alien’. And the use of estrangement technics here is an evidence of abstraction of cognitive mechanisms explaining reality.

Key words: syntax, syntagma, semantic categories, possessiveness, estrangement.

Гоу Яньминь *(Китай; Москва, Россия*)
Российский университет дружбы народов
yan04min06@gmai.coml
В.И. Ершов *(Москва, Россия)*
Московский государственный институт международных отношений (Университет), Одинцовский филиал
ershovik@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА *НОВЫЙ ГОД* В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРИМЕТ)

Статья посвящена рассмотрению микроконцепта НОВЫЙ ГОД как неотъемлемого компонента макроконцепта ПРАЗДНИК. В качестве репрезентантов рассматриваются китайские и русские приметы. Показано, что для китайской лингвокультуры важное значение имеют атрибуты (фейерверк, парные полосы красной бумаги, осколки посуды), а для русской лингвокультуры благополучие в наступающем году связано с хорошим урожаем.

Ключевые слова: примета, концепт ПРАЗДНИК, концепт НОВЫЙ ГОД, китайская лингвокультура, русская лингвокультура.

Традиционно в качестве основных средств репрезентации концептов выступают слова и фразеологические ресурсы языка: идиомы и пословицы. На наш взгляд, необходимо использовать и материал примет, которые «являются одним из древнейших типов паремий и представляют особое явление в национальной культуре» [Русские… 2008: 74] и представляют собой «продукт народного творчества, демонстрируют яркий образец структурно-смыслового единства языка и стиля» [Кулькова 2012: 36]. Вслед за авторами «Паремиология без границ» мы рассматриваем приметы как видовое понятие по отношению к паремиям [Паремиология… 2020].

«Праздники присутствуют во всех лингвокультурах, однако имеют национальное преломление, которое выражается как в репертуаре праздников, так и в культурных традициях празднования» [Комова, Ломакина 2019: 80]. Концепт ПРАЗДНИК является культурно маркированным, т.к. отражает религиозные особенности и культурные традиции того или иного народа. Структура обозначенного концепта является многослойной и коррелирует с типами праздников (государственными, религиозными, профессиональными, календарными (сезонными) и др.).

В европейской и в азиатской культуре Новый год является одним из популярных праздников. При анализе русской лингвокультуры необходимо принимать во внимание, что до 1700 г. Новый год начинался в сентябре, поэтому современные русские приметы создавались уже в XVIII в. и позднее.

Китайский новый год представляет собой самый важный из всех китайских праздников.

Цель данной статьи – рассмотреть средства вербализации путем примет микроконцепта НОВЫЙ ГОД как элемента макроконцепта ПРАЗДНИК в китайской и русской лингвокультурах.

Проанализируем китайские приметы.

1. 过年吃饺子，来年日子更红火。(Рус. В Северном Китае поедание пельменей при встрече Нового года принесет еще большее процветание в жизни в Новом году). Эта примета основана на традиции лепки пельменей всей семьей перед праздником, что способствует объединению семьи.

2. **放爆竹，迎新年。**(Рус. Разжигание петард и фейерверков накануне нового года – к счастью). Разжигание петард и фейерверков имеет целью бросить старое и поприветствовать новый год.

3. 贴春联，迎新年。(Рус. В канун Нового года наклеивать парные полосы красной бумаги с новогодними пожеланиями (Китайский Новый год) – к счастью и безопасности).

4. 贴窗花，迎新年。(Рус. В канун Нового года вырезание бумажных узоров для наклейки на окна – к счастью).

5. **除夕守夜**，为新年带来好运气。(Рус. Не спать в канун нового года – к счастью). Ночное бодрствование символизирует изгнание всех злых болезней и избавляет от несчастья.

6. **打破**东西要说岁岁（碎碎）平安。(Рус. Если кто-нибудь разбивает тарелку, ему нужно сказать: «Благополучия год за годом», тогда в следующем году все будут в безопасности и здоровы). Слова *разбить* и *каждый год* по-китайски звучат одинаково.

7. **新年**贴财神贴得勿高勿低，主人家里钱铺满地 (Рус. Если до Нового года в вашем доме изображение бога богатства располагается на правильном уровне (70–80 см), тогда ваше благосостояние улучшится). Бог богатства – бог мировых финансовых ресурсов в китайском даосизме.

8. **大年初一**扫地不吉利。(Рус. Если подмести пол в первый день китайского нового года, у семьи могут быть неприятности в будущем году.) Первый день Нового года – праздник метлы, подметание пола сметет счастье и удачу, этим можно навлечь стихийное бедствие.

Как видно из примеров, традиционные обряды и ритуалы являются основным содержанием новогоднего праздника, представляют собой культурное наследие Китая.

Представим русские примеры, связанные с Новым годом, для вербализации обозначенного микроконцепта.

В русской лингвокультуре атрибутом праздника считается богато сервированный стол. Чтобы год был удачным, надо было варить кашу [Даль 1996: 325], на что указывает этнограф и фольклорист И.П. Сахаров в книге «Сказания русского народа» [Сахаров 2000: 213]. Отметим, что до настоящего времени хорошо накрытый стол в канун Нового года – символ благополучия русских.

Однако больше всего примет, вербализующих микроконцепт НОВЫЙ ГОД, связано с определением погодных особенностей будущего года, потому могут считаться фенологическими: *Если на Новый год небо звездное – к урожаю; На Новый год много звезд на небе – ягоды будут; Сильный ветер на Новый год – богатый урожай орехов; Звездная ночь на Новый год – урожай гороха и чечевицы; В Новый год сильнвй мороз и малый снежок – к урожаю хлебов, а если тепло и нет снега – к неурожаю* [Зимин, Спирин 1996: 452]. Значимость наблюдений над природой продиктована обыденным сознанием русских, тем фактом, что благополучие связывалось с хорошим урожаем, плодородием.

Мы исходим из связи концепта и ценности. «Ценность существует в форме идеального образа и его предметного воплощения, причем представления об одной и той же ценности могут различаться даже в рамках одной лингвокультуры» [Нелюбова 2019: 324]. Система ценностей народа суммируется в концептосфере, описание которой возможно благодаря «инвентаризации языкового (прежде всего, паремиологического) материала», позволяющего «уточнить перечень ценностей, выделив ядро и периферию состава» [Ломакина, Мокиенко 2018: 306]. Анализ китайских и русских примет показал, что для анализируемых лингвокультур семья является ценностью, поскольку именно традиции лепки пельменей у китайцев и подготовки приготовления каши у русских укрепляют семью, благодаря чему и новый год становится удачным.

Выявление языковой и этнокультурной специфики примет, уточнение их паремиологического статуса и места обогащает паремиологическую теорию и практику лингвокультурологической презентации китайской паремиологии в

целом. Как показало рассмотрение паремиологического материала – примет китайского и русского языков, представляющих микроконцепт НОВЫЙ ГОД, для китайской лингвокультуры важное значение имеют атрибуты (фейерверк, парные полосы красной бумаги, осколки посуды). Несмотря на наличие в русской культуре новогодней елки, главного атрибута Нового года, в русской паремиологии отсутствуют приметы, связанные с этим. В русской культуре микроконцепт НОВЫЙ ГОД также связан с желанием благополучия, которое достигается при хорошем урожае, на этом основании можно говорить об отождествлении благополучия в жизни с получением хорошего урожая. Анализ проанализированных примет, связанных с празднованием Нового года, способствует знакомству с лингвокультурой того или иного народа.

Литература

Даль В.И. Пословицы русского народа: сборник: в 2 т. М.: ТЕРРА: «Книжная лавка – РТР», 1996. Т. 2. 424 с.

Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. М.: Сюита, 1996. 544 с.

Комова Д.Д., Ломакина О.В. Словарное и дискурсивное направления реконструкции паремиологической картины мира: опыт интерпретации (на материале русского языка) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2019. № 3 (103). Ч. 1. С. 78-86.

Кулькова М.А. Русские и немецкие паремии: когнитивно-дискурсивный подход к изучению. Казань: Печать-Сервис-XXI век, 2012. 214 с.

Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 303-317.

Нелюбова Н.Ю. Отражение этнокультурных ценностей в пословицах франкоязычных стран // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 2. С. 323-335. Doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-323-335.

Паремиология без границ: монография / Е.Н. Антонова, М.А. Бредис, Т.Е. Владимирова, Л.Н. Гишкаева, Е.Е. Иванов, Е.И. Зиновьева, Д.Д. Комова, О.В. Ломакина, А.С. Макарова, В.М. Мокиенко, Н.Ю. Нелюбова, Е.К. Николаева, Е.И. Селиверстова, Н.Н. Семененко, Ф.Г. Фаткуллина, Р.Х. Хайруллина; под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020.

Русские паремии: новые формы, новые смыслы, новые аспекты изучения: коллективная монография / научн. ред. проф. Т.Г. Никитина. Псков: ПГПУ, 2008. 256 с.

Сахаров И.П. Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым / сост. С.Д. Ошевский; предисл. Г.П. Присенко. Тула: Приок. кн. изд-во, 2000. 480 с.

陈勤建. 中国风俗小辞典[M]. 上海辞书出版社, 2008.2. (Чэнь Циньцзянь. Китайский словарь обычаев и традиций. Шанхай: Шанхайское Народное Издательство, 2008. 620 с.)

Gou Yanmin (China; Moscow, Russia)
Peoples' Friendship University of Russia
V.I. Ershov (Moscow, Russia)
Moscow State Institute of International Relations (University), Odintsovo branch

CONCEPT REPRESENTATIONS NEW YEAR IN CHINESE AND RUSSIAN LINGUOCULTURES (BASED ON SUPERSTITIOUS BELIEFS)

The paper is devoted to the analysis of the microconcept NEW YEAR as an integral component of the macroconcept HOLIDAY. Chinese and Russian superstitious beliefs are considered as representatives. It is shown that attributes (fireworks, paired strips of red paper and fragments of dishes) are important for Chinese linguoculture, while for Russian linguoculture, well-being in the coming year is associated with a good harvest.

*K*ey words: superstitious beliefs, concept HOLIDAY, concept NEW YEAR, Chinese linguoculture, Russian linguoculture.

Е.В. Дзюба (*Екатеринбург, Россия*)
Уральский государственный педагогический университет
elenacz@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ КОДИРОВАНИЯ В РУССКИХ ЗАГАДКАХ О ЖИВОТНЫХ[1]

В статье рассматриваются когнитивные механизмы, отражающие специфику процессов кодирования и декодирования информации об окружающем мире в русских загадках о животных; устанавливается взаимосвязь между особенностями познаваемого объекта (набором категориальных признаков) и смысловым ядром (самим объектом), «зашифрованным» в метафорическом микротексте; выявляются закономерности кодирования информации в загадке, позволяющие сделать ее более доступной для расшифровки и способствующие сохранению и трансляции этнокультурного, категориально структурированного знания в емкой и нестандартной форме.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, языковая категория, категоризация, загадка, когнитивные механизмы.

Загадка (особенно традиционная, народная, хранящаяся в коллективном языковом сознании многие столетия) выполняет важную когнитивно-дидактическую функцию: она позволяет в емкой и нестандартной форме зафиксировать знание народа о мире, сохранить и передать следующим поколениям опыт когнитивной интерпретации данных об окружающем мире. Ее ин-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-013-00895 «Учимся понимать Россию: когнитивные стратегии формирования методического материала по русскому языку как иностранному»

тегрированная сущность, т.е. способность отражать человеческое знание вообще и одновременно актуализировать специфику национального мышления, служить средством дискурсивно обусловленной развлекательной и дидактической коммуникации, притягивает исследователей, стремящихся изучить ее в самых разных аспектах: этнолингвистическом (С.Я. Сендерович, В.Н. Топоров), лингвокультурном (М.Л. Ковшова, О.С. Сергеева и др.); структурно-семантическом (Р. Джордж, А. Дандес, Р. Петш, А.Н. Журинский, Ю.И. Левин); собственно логическом (Э. Кёнгэс-Маранда); дискурсивном (Ч. Скотт); семантико-когнитивном (А. Тэйлор, Р.Д. Абрахамс, А. Дандес).

В данном исследовании внимание сосредоточено на когнитивно-семантическом аспекте изучения загадки, который позволяет проанализировать заложенные в смысловой структуре данного микротекста механизмы познания объектов окружающей действительности и выявить закономерности взаимообусловленности специфики познаваемого объекта и содержания загадки.

Размышляя о структурно-смысловом наполнении текста загадки, Р. Джордж и А. Дандес рассматривают ее как традиционное словесное выражение, содержащее один или более описательный элемент, пара которых может находиться в оппозиции: референт элементов должен быть разгадан [Georges, Dundes 1963]. Однако, как было ранее указано в ряде работ [Дзюба 2018a; Дзюба 2018b; Дзюба 2019], кодируемые в загадке признаки (описательные элементы) отнюдь не случайны: в традиционных фольклорных жанрах они тщательно отобраны и соотнесены с той категорией, к которой принадлежит объект познания. Иными словами, «в текстах русских народных загадок, интенционально рассчитанных на успешное декодирование…, зашифровываются именно существенные признаки категоризации, то есть те мыслительные конструкты, которые предопределяют членство категорий» [Дзюба 2019: 171]. При этом, как известно, категория понимается как «одна из познавательных форм мышления человека, позволяющая обобщать его опыт и осуществлять его классификацию. Образование категории тесно связано с формированием концепта или группы концептов, вокруг которых она строится, то есть с выделением набора признаков, выражающих идею подобия или сходства объединяемых единиц» [Кубрякова 1997].

Залогом успешности декодирования загадки является не только наиболее точное указание существенных признаков категоризации объекта, но также их удачная комбинация (обычно концептуализация осуществляется на основании двух-трех признаков). В случае указания лишь одного признака категоризации степень вероятности, что загадка будет успешно декодирована (угадана), значительно снижается. Ранее это было доказано на примере загадок двух категорий «ОРУДИЯ ТРУДА» [Дзюба 2018a] и «ФРУКТЫ – ОВОЩИ» [Дзюба 2018b]. В данной статье будут рассмотрены загадки, объекты кодирования которых включены в категорию «ЖИВОТНЫЕ»; анализу подверглось 125 русских загадок из сборника М.А. Рыбниковой [Рыбникова 1932].

Одним из основных кодируемых признаков в загадках о животных является смысловой конструкт ‘характеристики внешнего облика’ (ср.:

С бородой, а не мужик, с рогами, а не бык! (Козел); Снизу камень, сверху камень, четыре ноги да одна голова. (Черепаха); От ушей и до хвоста, хищная кошка, в пятнах всегда! (Леопард); Вместо хвостика – крючок, вместо носа – пятачок. Пятачок дырявый, а крючок вертлявый (Свинья); Белый как снег, надутый как мех, лопатами ходит, а рогом ест (Гусь); Зимой белый, летом серый (Заяц); Стоит копна, спереди вилы, сзади метла (Корова); С бородой родился, никто не дивился (Козел); Ползун ползет, иголки везет (Еж); Не княжеской породы, а ходит с короной (Петух); признак актуализирован в 42 текстах из 125 рассмотренных).

Следующий актуальный признак – ‘поведенческие особенности’ (ср.: *Сидел на заборе, пел да кричал, а как все собрались, замолчал (Петух); Зимой спит, летом – ульи ворошит (Медведь); Кто на себе свой дом носит? (Черепаха); Под полом таится, кошки боится (Мышь); Поменял трусишка цвет, а потом запутал след (Заяц); Рук нет, а строить умеет (Птица); Угадай, что за зверь: зубы точит, в половице дверь сделать хочет? (Мышь); Купался, а сух остался (Гусь); Сидел на заборе – кричал, а как все собрались – замолчал (Петух); Гладишь – ласкается, Дразнишь – кусается (Собака); Днем спит, ночью летает и прохожих пугает (Сова); Сидит Маланья на белых горах, ждет живых и мертвых (Курица)* и др.; признак актуализирован в 22 текстах из 125).

Часть загадок о домашних животных (5 из 125) актуализирует признак ‘хозяйственное назначение домашнего животного’, ср.: *Не пахарь, не столяр, не кузнец, не плотник, а первый на селе работник (Лошадь); Голодна – мычит, сыта – жует, малым ребятам молоко дает (Корова)* и др.

Ряд текстов строится на кодировании совокупности установленных признаков: ‘поведенческие особенности’ и ‘особенности внешнего вида’ (ср.: *Колючий, а не кактус. Плавает, а не рыба. Катится, а не колобок. Колется, а не роза. Пыхтит, а не чайник (Еж); Не ездок, а со шпорами, не сторож, а всех будит (Петух); Кто имеет гребень, но им не чешется (Петух); Кто осенью холодной ходит хмурый и голодный? (Волк); Бела как снег, черна как жук, зелена как лук, вертится как бес и повертка в лес (Сорока); Черная заплатка и серая заплатка на березе скачут (Ворона);* представлено 42 таких загадки из 125).

Отдельной группой можно считать такие «комплексные» загадки, в которых указанные выше компоненты сочетаются с мыслительным конструктом ‘место обитания’, ср.: *По горам, по долам ходит шуба да кафтан (Овца); Пришла из лесу птичница в рыже шубке кур посчитать (Лиса); По болотам прыгает, по-человечьи плавает (лягушка / жаба); Молод конь за морем бывал, спереди шильце, сзади вильце, на груди белое полотенце (Ласточка)*; *Сердитый недотрога живет в глуши лесной, иголок очень много, а нитки ни одной (Еж).* Изолированно не встречается в текстах признак ‘пищевые предпочтения животного’, он также сочетается с каким-либо иным: ‘поведенческие особенности’, ‘место обитания’ и т.д.; ср.: *В дупле живет да орешки все грызет (Белка).*

Анализ собранных текстов с зашифрованным зоонимом позволил выделить наиболее актуальные для кодирования категориальные признаки объектов животного мира, описываемых в загадках: ‘характеристики внешнего облика’, ‘поведенческие особенности’, ‘хозяйственное назначение домашнего животного’, ‘место обитания’, пищевые предпочтения’ (расположены по степени убывания).

Из приведенных примеров видно, что закодированный в загадках о животных объект познания актуализирован посредством шифрования одного или двух (реже трех) признаков, которые лежат в основе категоризации животного мира и фиксируются в текстах этого жанра в метафорической форме. Это позволяет сделать вывод о наличии отчетливой взаимообусловленной связи существенных признаков категоризации объектов окружающего мира, закрепившихся в языковом сознании носителей языка, – с одной стороны, и зашифрованного в тексте загадки объекта – с другой стороны. Именно наличие этой взаимообусловленной связи позволяет найти наиболее точный ответ при отгадывании загадки (т.е. декодировании зашифрованной информации в тексте).

Изучение скрытых в метафорической форме загадки когнитивных механизмов позволяет установить универсальные и этноспецифические особенности познания, особенно если такие исследования ведутся в сопоставительном аспекте. Исследование загадки может представлять интерес для когнитивной лингводидактики: в этом смысле потенциал текста данного жанра кроется именно в выявлении общечеловеческих закономерностей мышления, с опорой на которые можно переходить к осмыслению нестандартной языковой формы, отражающей многообразие ресурсов каждого конкретного национального языка.

Литература

Дзюба Е.В. Лингвокогнитивная природа русской народной загадки // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 168-172.

Дзюба Е.В. Отражение процессов категоризации в русских загадках // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34. С. 123-126 (2018a).

Дзюба Е.В. Отражение когнитивных механизмов в русских загадках // Взаимодействие языков и культур: материалы Международной научной конференции, 28–30 мая 2018 г. / под ред. О.А. Турбиной. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018. Т. 1. С. 46-49 (2018b).

Кубрякова Е.С. Категория // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак-т МГУ им. Ломоносова, 1996.

Рыбникова М.А. Загадки. М.; Ленинград: ACADEMIA, 1932. 488 с.

Georges R.A., Dundes A. Toward a Structural Definition of a Riddle // Journal of American Folklore. 1963. № 76. P. 111-118.

E.V. Dziuba (Ekaterinburg, Russia)
Ural State Pedagogical University

COGNITIVE MECHANISMS COGNITIVE IN RUSSIAN RIDDLES ABOUT ANIMALS

The focus within the article is set on cognitive mechanisms, representing peculiarities of coding and decoding processes of information about outer world in the Russian riddles about animals; correlation is established between the features of an explored object (set of category features) and semantic core (an object itself), encoded in a metaphoric microtext; there are regularities of coding in-

formation within a riddle that make it more available for decoding and contribute to conservation and transmission of ethno-cultural, categorically structured knowledge in a concise and non-typical form.

Key words: cognitive linguistics, language category, categorization, riddle, cognitive mechanisms.

М.В. Дудорова *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
primrose81@yandex.ru

ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ ОРГАНИЗМА ЖИВОГО СУЩЕСТВА В СИНОНИМИКО-АНТОНИМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСАХ[1]

В статье рассмотрены признаки, номинируемые в группе «Особенности внешнего строения организма живого существа», определены основания для противопоставления признаков в системе антонимических отношений, выявлены регулярные модели и параметры для описания организма живого существа в синонимико-антонимических комплексах.

Ключевые слова: когнитивные признаки, синонимия, антонимия, синонимико-антонимические комплексы.

Исследование выполнено в рамках работы над идеографическим словарем синонимико-антонимических комплексов (далее – САК) русского языка, создаваемым членами Уральской семантической школы под руководством профессора Л.Г. Бабенко. По мнению Л.Г. Бабенко, «отношения противоположности пронизывают различные сферы бытия, что отражается в картине мира того или иного языка и составляющих ее фрагментов, а также соответственно поразному репрезентируется <…> в идеографических словарях» [Бабенко 2016: 37]. Группа «Особенности внешнего строения организма живого существа» входит в состав денотативно-идеографической сферы «Живая природа», подгруппу «Живое существо» (названия и классификация приведены в соответствии с синопсисом, разработанным Л.Г. Бабенко на основе комплекса словарей, подготовленных учеными Уральской семантической школы [Бабенко 2015: 29]). Сфера «Живое существо» содержит в составе несколько подгрупп, отражающих представление о различных категориях, связанных с животным и человеком, например, строение живого существа, физиологические процессы в организме живого существа, движения и жесты живого существа. Рассмотрим группы САК, описывающие строение организма живого существа.

Группа «Особенности внешнего строения организма живого существа» организуется в виде нескольких подгрупп, номинирующих признаки организма,

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-012-00458 «Отношения тождества и противоположности: интеграция ментальных пространств в лексикографическом, структурно-семантическом и когнитивно-дискурсивном освещении»), а также при финансовой поддержке постановления № 211 Правительства Российской Федерации, контракт № 02.A03.21.0006

связанные с телосложением, строением головы, частей тела, конечностей, а также кожным и волосяным покровом. Рассмотрим каждую подгруппу.

Оппозиции подгруппы *Особенности телосложения живого существа* характеризуют организм с точки зрения пространственных параметров:

– протяженность по вертикали: *Высокий – невысокий*; в САК наблюдается определенная степень регулярности отображения параметров в образовании антонимических пар внутри состава синонимических рядов: *высокорослый – низкорослый, великорослый – малорослый, длинный – короткий*; данные пары сосуществуют с лексемами, маркирующими только один признак: *рослый, высоченный, долговязый – маленький, приземистый*;

– высота и объем: *Крупный – мелкий*;

– ширина и объем: *Крепкий – тщедушный* и *Толстый – худой*; в САК *Толстый – худой* наблюдается регулярность отображения базового параметра с добавлением таких новых параметров, как: причина появления признака (*откормленный, раскормленный, сытый, упитанный – истощенный, исхудалый, отощалый*), соотношение мягких / твердых тканей (*мясистый, толстомясый – костистый, костлявый; жирный, ожиревший, ожирелый – жилистый*), расположение в пространстве частей тела относительно общих очертаний организма (*расплывшийся, бокастый – поджарый, поджаристый; пышнотелый, пышный – сухой, сухощавый, сухопарый, худощавый*); остальные единицы маркируют параметры, номинируемые только правой или левой частью оппозиции (например, форма (*круглый*), объем в аспекте измерения (*неохватный*), различные метафоры (*тучный, сдобный*), фактура (*гладкий*), производимое впечатление (*солидный*) и др.).

Оппозиции подгруппы *Особенности строения головы живого существа* характеризуют части головы с точки зрения следующих параметров:

– величина: *Большеглазый – узкоглазый* и *Большеротый – узкоротый* (акцент в оппозиции на параметр ширины раствора глаза и рта, однако ширина понимается как протяженность по вертикали, поэтому в левой части оппозиций наиболее частотной оказывается единица, акцентирующая размер как универсальный параметр); САК *Большелобый – узколобый* отражает нерегулярность в избранных основаниях параметризации, так, противопоставление организуется по параметру протяженности по вертикали, который номинируется через понятие ширины (*широколобый – узколобый*) и высоты (*высоколобый – низколобый*), также односторонне представлен универсальный параметр величины (*большелобый*) и формы (*крутолобый*);

– ширина: *Широкомордый – узкомордый* и *Широконосый – узконосый* демонстрируют параметризацию лица и носа с точки зрения смотрящего на живое существо анфас, в этом случае параметр ширина соответствует протяженности по горизонтали; САК *Полнолицый – узколицый* представляет симметричную оппозицию по параметру ширины (*широколицый, широкомордый – узколицый, узкомордый*), только левой частью оппозиции представлен параметр объема (*полнолицый, толстолицый, толстомордый, толсторожий, толсторылый*);

– объем: САК *Толстогубый – тонкогубый* организуется по принципу внутренней синонимии членов, называющих объемные губы (*толстогубый, пухлогубый, пышногубый*) и противопоставления их параметру отсут-

ствия объема, названного в логике противопоставления (*тонкогубый*) или с добавлением параметра ширины по вертикали (*узкогубый*); САК *Толстощекий – осунувшийся* демонстрирует противопоставление имеющегося объема (*толстощекий, полнощекий, щекастый*) и результата постепенной потери объема (*осунувшийся*).

Оппозиции подгруппы *Особенности строения частей тела живого существа* характеризуют организм с точки зрения пространственных параметров:

– длины: *Длинношеий – короткошеий* (оппозиция симметрична по параметру длины, параметр в данном случае объясняется вертикальной протяженностью части тела);

– объема: *Подтянутый – отвислый* (оппозиция по параметру расположения части тела относительно плоскости, отправной точкой для оценки становится плоскость тела: ровно/вглубь (*подтянутый, ввалившийся, впалый, втянутый, плоский*) или выпукло и вниз (*отвислый, обвислый, вислый*); *Пышногрудая – плоская* (оппозиция по параметру объема относительно плоскости тела: значительно выступать вперед (*пышногрудая, полногрудая, грудастая*) или соответствовать уровню плоскости тела (*плоскогрудая, плоская*);

– ширины: *Широкобедрый – узкобедрый, Широкогрудый – узкогрудый, Широкозадый – узкозадый, Широкоплечий – узкоплечий*; все оппозиции демонстрируют параметризацию частей тела с точки зрения смотрящего на живое существо анфас, в этом случае параметр ширина соответствует протяженности по горизонтали; все оппозиции симметричны.

Оппозиции подгруппы *Особенности строения конечностей живого существа* характеризуют организм с точки зрения параметра длины: *Длинноногий – коротконогий, Длиннорукий – короткорукий, Длиннохвостый – короткохвостый*; все оппозиции симметричны.

Оппозиции подгруппы *Особенности кожного покрова живого существа* характеризуют организм с точки зрения параметров:

– фактура: *Гладкий – морщинистый* (параметр рельефа), *Гладкий – прыщавый* (параметр наличия выпуклостей), *Гладкий – рябой* (параметр наличия впадин); отметим, что для этих трех САК характерно скрытое противопоставление ровный – неровный, которое специализируется в правой части при помощи указания на причину неровности; при этом оппозиции идентичны в левой части *гладкий, ровный* (что воспринимается как нормативная фактура кожи);

– цвет: *Румяный – бледный* (параметр временного наличия определенного оттенка кожи, осложненный представлением о причинах появления такого оттенка в правой части: *малокровный*), *Смуглый – белый* (параметр относительно стабильного цвета кожи);

– физические свойства: *Упругий – дряблый* (параметр способности / неспособности восстанавливать форму после внешнего воздействия).

Оппозиции подгруппы *Особенности волосяного покрова живого существа* характеризуют организм с точки зрения параметров:

– наличие / отсутствие волосяного покрова: *Волосатый – лысый*; отметим, что члены САК маркируют градацию проявления базового признака: наличие густых волос (*лохматый, мохнатый, пушистый*), наличие волос (*волосатый, волосистый*), отсутствие волос на некоторых участках тела (*плешивый, облезлый, оголенный*) и их полное отсутствие (*лысый, безволосый*); в левой части

маркируется добавочный параметр состояния волос (*косматый, кудластый, кудлатый, патластый, патлатый*), а в правой – параметр приобретения признака (*облыселый*);

– расположение волосяного покрова относительно кожи: *Гладкий – растрепанный* (САК номинирует расположение волос/шерсти с точки зрения полного (*гладкий*) или неполного (*клочковатый, непричесанный, нечесаный, вихрастый, лохматый*) прилегания, а также подчеркивает каузацию признаков, названных в правой и левой части оппозиции (*зализанный, приглаженный, прилизанный – растрепанный, взлохмаченный, взъерошенный, разлохмаченный, всклокоченный, встрепанный, раскосмаченный, трепаный*);

– длина: *Длинноволосый – коротковолосый*, *Длинношерстый – короткошерстый*; оппозиции симметричны;

– фактура: *Кудрявый – прямой* (левая часть оппозиции содержит единицы, называющие различную степень проявления неровной фактуры – от незначительной (*волнистый, вьющийся*) до максимальной (*курчавый, кудреватый, кучерявый*));

– цвет: САК *Светловолосый – темноволосый* имеет симметричную организацию оппозиций, дифференцированных по принципу объекта, который выдвигается на первый план в номинации; такими объектами являются волосы (*светловолосый – темноволосый*; *беловолосый, белокурый, белобрысый – черноволосый*), кудри (*светлокудрый – чернокудрый, темнокудрый*), цвет (*светлый – темный; белый – черный*), голова (*белоголовый, светлоголовый – черноголовый*); не образует оппозитивного признака определенный оттенок волос (*златовласый, золотоволосый; златокудрый, золотокудрый*).

Таким образом, описание строения живого существа носит оппозитивный характер. В основе оппозиций лежит ряд как универсальных параметров (длина, высота, ширина, объем), так и ряд специфичных для различных подгрупп (цвет, фактура, физические свойства). САК организуется вокруг базовой оппозиции, однако не всегда имеет симметричную структуру с точки зрения регулярности отражения какого-либо параметра, такая нерегулярность обусловлена наличием единиц, номинирующих не только базовый, но и ряд добавочных признаков.

Литература

Бабенко Л.Г. Репрезентация отношений противоположности в русском языке: проблемы категоризации и лексикографические параметры // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. 26. С. 37-41.

Бабенко Л.Г. Синопсис (свод) идеографической классификации русской лексики (общая глобальная структура словаря) // Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Москва; Екатеринбург: Каб. ученый, 2015. С. 22-42.

M.V. Dudorova (Ekaterinburg, Russia)
Ural Federal University

PARAMETRIZATION OF THE LIVING BEING IN SYNONYMIC-ANTONYMIC COMPLEX

The article overviews the features nominated in the group “Peculiarities of the outward appearance of the living being” and the base for the opposition in the system of antonymic relations. The article presents parameters for the description of the living organism in synonymic-antonymic complex.

Key words: cognitive features, synonymity, antonymity, synonymic-antonymic complex.

О.В. Емельянова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный университет
emelianovaolga@yandex.ru

КАТЕГОРИЗАЦИЯ И САМОКАТЕГОРИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ

Статья посвящена анализу языковой репрезентации категоризации и самокатегоризации в контексте социальной эксклюзии. Показано, как бинарная оппозиция «свой-чужой» связана с отношениями включения/инклюзии и исключения/эксклюзии и как самокатегоризация актуализируется в автореферентных высказываниях.

Ключевые слова: социальная эксклюзия, категоризация, самокатегоризация, оппозиция «свой-чужой», групповая принадлежность.

Категоризация входит в ядро понятийного аппарата когнитивной лингвистики, отображая фундаментальные связи объективной действительности и познания. Безусловную значимость этого понятия отмечает Н.Н. Болдырев, определяющий категоризацию как отнесение объектов познания к определенным рубрикам опыта – категориям – и присвоение им имен категорий [Болдырев 2016: 37]. Социальная категоризация осуществляется путем причисления человеком окружающих его людей к определенным социальным группам (классам). Одним из базовых способов категоризации социального мира является его разделение на «своих» (близких, понятных, похожих на меня) и «чужих» (далеких, непонятных, непохожих на меня), на «мы» и «они». Оппозиция «свой-чужой» предполагает противопоставление множеств, совокупностей, групп и связана с отношениями включения (инклюзии) и исключения из социальной общности (эксклюзии). Сразу оговорим, что в работе принимается более широкое понимание эксклюзии, несводимое к обозначению социально незащищенных категорий населения.

Потребность в принадлежности к определенной группе, реализуемая путем самоотождествления индивида с какими-либо идеями и ценностями, социальными группами и культурами, признается одной из базовых потребностей человека. В то время как инклюзия / принадлежность передается в английском языке главным образом существительным belongingness и глаголами belong и fit (in), для выражения эксклюзии и тех чувств, которые испытывает человек, лишенный возможности обрести желаемое ощущение принадлежности, используются выражения feel excluded, sense of not belonging, отрицательные формы глаголов belong fit (in), существительное outsider и ряд других. Наибо-

лее эксплицитной номинацией для категории «чужих» в оппозиции «свой-чужой», признаваемой исходным пунктом социальной стратификации, является, на наш взгляд, существительное outsider – someone who does not belong to a particular group or organization [Macmillan 2006: 1009]: (1) **What made Imamu an outsider** in Brooklyn is quite similar to the reason **Boo is an outsider** *in'* To Kill a Mockingbird', he did not conform with his new community's social behavior (BNC). Весьма показательно, что категоризация Boo is an outsider сопровождается указанием на основание для социальной эксклюзии: это невозможность / неспособность / нежелание индивида подчиняться групповому давлению, принимать определенный стандарт, стереотип поведения, нормы, ценностные ориентации группы, т.е. отсутствие основных признаков конформного поведения.

Часто наблюдается сочетание сразу нескольких средств актуализации эксклюзии, как в примере (2), где подробно описываются причины неприятия жителями одного из Внешних Гебридских островов англоязычных хиппи, основавших там свою коммуну, в которой выросла героиня и которая воспринимается местными жителями как сборище dropouts and druggies: (2) 'I was **one of the outsiders**,' she said. *'I was born in North Uist, but* **we never really belonged'** *<…>'So you can imagine what it was growing there,' she said. 'We went to the local school and got teased for being the hippy kids. We* wore weird home-made clothes. No leather shoes, of course. **We had no Gaelic, of course, no real island culture. The adults tried to learn, but the islanders *didn't make it* easy to join in. In the end we were isolated and it felt like it was us against the world.** I left for university, **wanting to be like everyone else,** but some of the old values stuck (Cleeves 127-129). Уже специфического внешнего вида и привычек обитателей колонии было бы достаточно, чтобы возникло отчуждение, но ситуация усугубляется еще и тем, что эти странные люди не знали гэльского языка и культуры. Язык, по утверждению Э. Сепира – мощный фактор социализации. «Он говорит как мы» равнозначно утверждению «Он один из наших» [Сепир 1993]. Отсутствие общего языка оказалось одной из основных причин того, что колонисты, несмотря на все усилия, так и не стали «своими», т.е. не реализовали свою потребность в групповой принадлежности, оставшись посторонними – outsiders – к которым причисляет себя героиня, производя таким образом самокатегоризацию. Отсюда чувство отверженности, исключенности (we were isolated) и отчуждения (it felt like it was us against the world). Здесь уместно напомнить о том, что групповая идентичность включает когнитивный и эмоциональный (аффективный) компоненты. Когнитивный компонент заключается в осознании человеком принадлежности к группе и достигается путем сравнения своей группы с другими по ряду значимых признаков. Таким образом, в основе групповой идентичности лежат когнитивные процессы познания (категоризации) окружающего социального мира [Почебут 2004]. Повзрослевшая героиня давно избавилась от детских комплексов, вызванных неприятием ее «группы принадлежности» местными жителями, однако ее желание «быть как все» говорит о многом.

Неразрывно связанный с когнитивным эмоциональный компонент состоит в переживании своей принадлежности к группе в форме различных

чувств. Во многих случаях он актуализируется чрезвычайно выразительными средствами. Частое упоминание не только эмоциональной травмы, но и чисто физиологической реакции имеет под собой вполне реальные основания. Учеными установлено, что любое изгнание из социальной группы, особенно значимой для конкретного человека, напоминает физическую боль. Так, сканирование мозга людей показало, что реакция на физическую боль и на социальное исключение имеют во многом общую нейронную базу.

У кого-то болезненную реакцию вызывает частный, единичный случай эксклюзии, а кто-то сталкивается с ней постоянно. Неприятные физиологические ощущения возникают в ответ на слова о «неполном соответствии» принятым в группе (в данном случае это коллеги по работе) нормам поведения, хотя подвергшийся критике человек не считает, что нарушил какие-то правила: (3) The argument ended, once again, with the Dean being unhappy with me, though I had not broken any rules, and me being reminded that I needed to try harder to *'fit in'*. <…> Riding home, I was aware of **a tightness in my chest** and realized it was **a physical *response to the Dean's advice***. *I knew that, if I could not 'fit in' in a science depar*tment of a university, I could not fit in anywhere (Simseon 98). Опять не оправдал ожиданий значимой группы, опять «отбился от коллектива» – герой с самого детства изо всех сил старается «вписаться», быть принятым, реализовать свою потребность в принадлежности, понимая при этом, что он другой, не такой как все; но он не один такой: (4) And how could I be sure that other people were not doing the same – playing the game to be accepted but suspecting all the time that they were different?(Simseon 311). Другие – это почти чужие; относя себя к группе себе подобных (different), персонаж осуществляет самокатегоризацию.

Если социальная категоризация предполагает отнесение человеком окружающих людей к тем или иным социальным группам – категориям, то самокатегоризация в современной антропоцентрической науке определяется как когнитивное группирование себя с некоторым классом идентичных объектов, т.е. причисление себя к определенной группе людей, обладающих сходными характеристиками [Леонова 2014]. Неудивительно, что наиболее эксплицитное выражение самокатегоризация получает в автореферентных высказываниях, в которых субъектом сообщаемого факта является сам говорящий, как, например, в случае с астронавтом, побывавшем на луне и тем самым оказавшимся «вне группы»: (5) So I left NASA and returned to the Air Force. But I don't think the Air Force knew what to do with someone who went to the moon. **I was an outsider**. I was the egghead from academia who got in because the rules had changed. While I looked for validation from my fellow contemporaries, I instead found jealousy and envy. I did not find team spirit. This led to dissatisfaction, an unease. What I felt was depression (COCA).

Приведенные примеры позволяет упомянуть о двух социально-психологических теориях, объясняющих поведение человека в малых группах, которые признаются основным объединением, где разворачиваются межличностные отношения и происходит формирование личности. Это теория когнитивного диссонанса и теория ценностного обмена. В основе когнитивного диссонанса лежит переживание дискомфорта, вызванного рассогласованностью между ожиданием ценности и реальными ценностями. Согласно второй теории, в основе межличностных отношений лежит обмен ценностями материального

и нематериального характера. Малая группа находится в равновесии, если обмен ценностями устраивает всех [Пырьев 2016]. Если же предлагаемые ценности не нужны человеку или они недостаточны, если, как в примере (5), не оправдались ожидания астронавта, рассчитывавшего получить одобрение коллег, их признание и принятие в группу (validation, team spirit) и столкнувшегося вместо этого с завистью и ревностью, его автореферентное высказывание так актуализирует самокатегоризацию по линии «свой-чужой»: I was an outsider.

Таким образом, проведенное исследование позволило определить круг основных языковых способов актуализации социальной категоризации и самокатегоризации в системе представлений о «своих» и «чужих». Социальная эксклюзия, причисление человека к категории «чужих» может нанести ему тяжелую психоэмоциональную травму отвержения, о чем свидетельствует богатый набор выразительных средств, реализующих эмоциональный компонент групповой принадлежности или ее отсутствия.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXIV. С. 35-48.

Леонова Е.В. Реализация стратегии самокатегоризации на национально-этническом уровне. URL: https://cyberleninka.ru/article/.

Почебут Л.Г., Мейжис И.А. Социальная психология. URL: https://iknigi.net/avtor-lyudmila-pochebut/32312.

Пырьев Е.А. Психология малых групп. URL: http://elib.osu.ru/bitstream.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. URL: http://philology.ru/linguistics1/sapir-93h.htm.

BNC – British National Corpus. URL: http://www.natcorp.ox.ac.uk/.

Cleeves – Ann Cleeves. Dead Water. London, 2013.

COCA – Corpus of Contemporary American Language. URL: https://www.english-corpora.org/coca/.

Macmillan – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. URL: https://www.macmillandictionary.com/.

Simseon – Graeme Simseon. The Rosie Project. London, 2013.

O.V. Emelianova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

CATEGORIZATION AND SELF-CATEGORIZATION IN THE CONTEXT OF SOCIAL EXCLUSION

The article deals with the language representation of categorization and self-categorization processes in context of social exclusion. It demonstrates the connection between the “us versus them” opposition and inclusion / exclusion as well as the actualization of self-categorization in self-referential utterances.

Key words: social exclusion, categorization, self-categorization, “us versus them” opposition, group identity.

С.А. Еремина *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский государственный педагогический университет
swegle@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА РОССИИ В УЧЕБНИКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО ДЛЯ ФРАНКОФОНОВ[1]

В статье рассматривается образ России, формирующийся в учебниках русского языка как иностранного, созданных для франкоязычных обучающихся. Подбор лингвострановедческого материала в учебнике способствует формированию представления положительного или отрицательного образа России. В учебниках РКИ представлен концепт РОССИЯ – ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА, который выражается посредством таких мыслительных конструктов, как «могучий язык», «огромная территория», «мощная власть», «великий народ».

Ключевые слова: образ России, концепты, учебники русского языка как иностранного, мыслительный конструкт, смысловое поле.

Почти каждый учебник русского языка как иностранного, написанный для франкоязычной аудитории, через тексты, комментарии и невербальную информацию наряду с освоением языка формирует у обучающихся и образ страны изучаемого языка. Этот образ, с одной стороны, отражает нормы и ценности, сложившиеся в культуре носителей русского языка, с другой стороны, демонстрирует отношение (ментальный взгляд) самих авторов учебников русского языка к стране, чей язык предлагается выучить.

В каждом из рассмотренных в данной работе учебников присутствуют вербально и визуально представленные устойчивые мыслительные конструкты, которые позволяют говорить о формировании концепта РОССИЯ – ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА.

В определении концепта мы опирались на точку зрения Е.С. Кубряковой, которая рассматрвиает данный феномен как единицу сознания и информационной структуры, отражающей человеческий опыт [Кубрякова 1996: 90], а также на мнение Н.Н. Болдырева, манифестирующего концепты как понятия, объединяющиеся в систему знаний о мире и образующиеся на основе чувственного опыта, предметно-практической деятельности человека, на основе мыслительной деятельности, вербального и невербального общения [Болдырев 2000: 23]. Исследуемый материал (учебники русского языка как иностранного) дает основание опираться также на концепцию З.Д. Поповой и И.А. Стернина, которые отмечают, что «концепты связаны с конкретными ситуациями в памяти людей, и эти ситуации подводятся под сценарий, именуемый соответствующим концептом» [Попова, Стернин 2001: 60-61].

Учебники русского языка как иностранного наряду с грамматическими и фонетическими правилами, включая информацию о культуре России, формируют определенное смысловое поле, в котором Россия представлена как вели-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-013-00895 «Учимся понимать Россию: когнитивные стратегии формирования методического материала по русскому языку как иностранному»

кая страна с богатой историей и культурой. Концептуализация *России как великой державы* формируется через мыслительные конструкты: «могучий язык», «огромная территория», «мощная власть», «великий народ». При этом под мыслительным конструктом понимаются обобщенные ментальные единицы операционной памяти и знания человека, которые репрезентируются языковыми (или речевыми) единицами, входящими в одно смысловое поле и семантически объединяются «вокруг» отдельного когнитивного признака (термин используется вслед за: [Бабушкин 1996: 14; Бабушкин, Дзюба 2019: 7; Дзюба 2018: 127]).

Анализ учебников выявил следующие особенности мыслительных конструктов, которые обобщенно в дальнейшем мы будем определять как **территория**, **власть**, **народ** и **язык**.

Мыслительный конструкт «территория» является доминирующим. Его вербализация происходит за счет таких смысловых единиц, как 1) большая протяженность (*Здесь, на границе Европы и Азии, люди понимают, в какой большой стране они живут. На запад от них тысячи километров и на восток – тысячи; Транссибирский экспресс «Россия». Поезд № 2 идет из Москвы во Владивосток;* De Kaliningrad *à* Vladivostok, dix fuseaux horaires); 2) большой перепад в температуре, разность климата (*В Москве весна. … В Иркутске холодно?; По всей России климат очень разнообразный, есть много климатических зон: на крайнем севере – тундра, где растительность очень бедная, за ней тайга, где находятся хвойные леса, затем степь, покрытая высокой травой;* Pays le plus vaste du monde, il possède la plus grande étendue de forét); 3) большой перепад природно-географических условий (*Волга течет среди долин и гористых местностей;* La Russie est européenne *à* l'ouest et asiatique *à* l'est); 4) богатство полезных ископаемых (*Месторождения руды находятся в разных частях России*).

Вторым по частотности воспроизведения в учебниках является мыслительный конструкт «власть». Концепт представлен следующими понятиями: 1) сильная экономика и политика, иногда в прошлом (En 1894, lors de l'avenement au trone du dernier tsar de Russie Nicolas II, l'economie et la politique de la Russie sont puissantes : l'Empire russe se distingue par la grandeur de son armee et de sa flotte maritime, mais aussi par son art et sa science, reconnus dans le monde entier <*В 1894 году, во время восшествия на престол последнего российского царя Николая II, экономика и политика России были мощными: Российская империя выделяется величием своей армии и морского флота, а также своими искусством и наукой, признанными во всем мире*>; *В СССР большая часть торговли была монополией государства, но сейчас постепенно развивается частная торговля; В Советском Союзе существовала система планирования. Каждый год должна была быть выполнена известная норма. Система пятилеток развивала соревнование между рабочими и количеством ударников. Теперь в России есть безработные*); 2) влиятельный руководитель (*До революции 1917-го года Россия была империей, во главе которой был император (царь); В* XV *веке Москва, которая стала новым центром русских земель, начала освобождаться от татарской власти: великий князь московский Иван* III *отказался платить дань Казани. А его внук Иван* IV *Грозный собрал боль-*

шую армию и пошел войной на Казань. В 1552 году он взял город и сделал Казань русским городом; Петр решил начать строить новую Россию. И город, который будет новой столицей, «окном в Европу». Кончается старый век, начинается новый восемнадцатый, и вся Россия восемнадцатого века будет европейской страной; Петр – это не просто царь. Это человек с железным характером. Он построил город там, где никто не мог построить. Он победил на море и победил на земле. Он построил новую Россию; В 1997 году поставили в Москве огромный памятник Петру Великому на Москве-реке; В октябре 1917 года Ленин и партия большевиков организуют революцию в Петрограде; В СССР коммунистическая партия планирует экономику и все контролирует в стране. После 1985 года Михаил Горбачев демократизирует эту систему); 3) атрибуты власти (*Московский Кремль – символ не только Москвы, но и всей России. Это большой архитектурный ансамбль, окруженный кирпичной стеной. В этот ансамбль входит 20 башен. Главная башня – Спасская. Она выходит на Красную площадь. Каждый час москвичи слышат бой курантов на часах Спасской башни. Это главные часы страны. В Кремле работает Президент России и его администрация; В СССР государственная собственность была основой социалистического строя (социализма) и КПСС имела полную власть в советском обществе. Флаг СССР состоял из красного полотнища с изображением серпа и молота. Теперь флаг Российской Федерации белый, синий и красный, как при царской империи; Броненосец «Потемкин» и крейсер «Аврора» сыграли значительную роль в революционных событиях русской истории)*.

Смысловой конструкт «народ» реализуется через понятия 1) многонациональная страна (Sur le territoire de la F*é*d*é*ration vivent plus d'une centaine de peuples); 2) стойкий, выносливый, сильный характер (*Многие современные литературные произведения ... рассказывают о храбрых воинах, о мужественных защитниках родины и описывают подвиги героев войны, покрывших себя славой; Герои СССР*); 3) великие соотечественники (*С* XVI *по* XIX *Шереметьевы играли большую роль в истории России. В то время это была очень богатая семья. Борис Петрович Шереметьев (1652–1719) был первый русский граф и фельдмаршал. Но после него Шереметьевы больше не занимались военными делами они стали меценатами*; *Юрий Гагарин, Федор Достоевский, Анна Ахматова, Андрей Белый, Ольга Бергольц, Михаил Глинка, Крылов, Прокофьев, Врубель, Кустодиев, Шаляпин, Горький, Пастернак, Антон Чехов, Лев Толстой, Александр Пушкин, Михайло Ломоносов, Шаховской, Иван Федоров*).

На периферии смыслового поля находится смысловая единица «язык», которая вербализует понятие «могучий» и «авторитетный» как в прошлом, так и в настоящем. Ср.: La langue russe devient la langue principale des nobles, des paysans et de tous le*s habitants de l'Empire russe (les Ukrainiens, les Bielorusses,* les peuples du Caucase et meme les Finnois) <*Русский язык становится основным языком дворян*, *крестьян и всех жителей Российской империи* (*украинцев*, *белорусов*, *народов Кавказа и даже финнов*)>; Le russe est la langue de la nation russe; c'est une langue de communication internationale et interethnique. C'est une des langues officielles de l'ONU (avec l'anglais, l'espagnol, le mandarin, l'arabe et *le français) et l'une des langues de travail d'aut*res organisations internationales *comme l'UNESCO, l'OMS, de l'OSCE, l'AIEA, etc. La langue russe est parlée par*

environ 300 millions de personnes dans le monde (en 2012, le russe occupe le 4e *rang des langues les plus parlées dans le monde ou le 8e rang en* tenant *seulement compte des locuteurs natifs), parmi lesquelles 114 millions l'étudient comme langue étrangère. Selon le recensement de 2010, 138* millions de personnes parlent le russe couramment en Russie (soit 99,4% de la population). Le russe est la la*ngue officielle de la Fédération de Russie, une des langues officielles de la Biélorussie (avec le biélorusse), de la république partiellement reconnue d'Ossétie du Sud (avec l'ossète) et de la république moldave du Dniestr autoproclamée indépendante (avec* le moldave et l'ukrainien). Le russe est *considéré comme la langue officielle des républiques du Kazakhstan, du Kirghistan et de la république partiellement reconnue d'Abkhasie. Il est aussi considéré au Tadjikistan par la constitution comme « une langue* de communication inter-*ethnique » et il est utilisé officiellement dans la législation <Русский язык является языком русской нации*; *это язык международного и межнационального общения. Это один из официальных языков Организации Объединенных Наций (наряду с английским, испанским, мандаринским, арабским и французским) и один из рабочих языков других международных организаций, таких как ЮНЕСКО, ВОЗ, ОБСЕ, МАГАТЭ и др. На русском языке говорят около 300 миллионов человек по всему миру (в* 2012 *году русский язык является 4-м наиболее распространенным языком в мире или 8-м с учетом только носителей языка), среди которых 114 млн. изучают его как иностранный язык. По данным переписи 2010 года, 138 миллионов человек свободно говорят на русском языке в России (99,4% населения). Русский является официальным языком Российской Федерации, одним из официальных языков Беларуси (с белорусским), частично признанной республики Южная Осетия (с осетинским) и самопровозглашенной независимой молдавской республики Днестр (с молдавским и украинским). Русский считается официальным языком в республиках Казахстан, Кыргызстан и в частично признанной республике Абхазия. В Таджикистане Конституция также считает его «языком межэтнического общения» и официально используется в законодательстве>*.

Концептуализация России как великой державы, по данным зарубежных учебников русского языка, осуществляется посредством мыслительных конструктов (территория, власть, народ, язык), что удивительным образом сводится к емкому выскзыванию Федора Тютчева, активно цитируемому в рассматриваемых учебниках: *Умом Россию не понять, Аршином общим не измерить, У ней особенная стать – В Россию можно только верить.* Ф.И. Тютчев (см., например: [Gonina, Grabovsky 1993: 98]).

Литература

Азимов Э.Г., Вятютнев М.Н., Фарисенкова Л.В., Луайза Маминги Р. Начальный курс русского языка. М.: ИКАР, 2017. 272 с.

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: дис.... д-ра филол. наук. Воронеж, 1997. 330 с.

Бабушкин А.П., Дзюба Е.В. Модели структурной организации артефактных категорий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 5-12.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2000. 123 с.

Дзюба Е.В. Когнитивная лингвистика: учебное пособие для высших учебных заведений. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2018. 280 с.

Кубрякова Е.С. [и др.]. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1996. 245 с.

Москалева Л., Шахматова Т., Ам А. Вояж по-русски: Интенсивный курс русского языка в виде приключенческого романа. СПб.: Златоуст, 2014. 316 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 190 с.

Alphonse Ch., Jean-Pierre B. Le Russe sans peine. Paris, 1973.

Chicouène M. 40 leçons pour parler russe. Pocket, 1993. 317 p.

Goninaz M., Grabovsky O. Le mot et l'idée – révision vivante du vocabulaire russe. Éditions Ophrys, 1993. 121 p.

Jouan-Lafont V., Kovalenko F. Reportage. Russe livre 2. Nouvelle édition. Paris; Belin, 2006. 176 p.

Jouan-Lafont V., Kovalenko F. Reportage. Russe livre 1. Paris; Belin, 2005. 144 p.

S.A. Eremina (Ekaterinburg, Russia)
Ural State Pedagogical University

FEATURES OF CONCEPTUALIZATION OF THE IMAGE OF RUSSIA IN TEXTBOOKS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE FOR FRANCOPHONES

The article discusses the image of Russia, which is formed in the textbooks of the Russian language as a foreign language, designed for French-speaking students. The selection of linguistic and regional material in textbooks contributes to the formation of a positive or negative image of Russia. In the textbooks of RCTs, the concept RUSSIA IS A GREAT POWER is presented, which is expressed through such thought constructs as “mighty language”, “vast territory”, “powerful power”, and “great people”.

Key words: image of Russia, concepts, textbooks of Russian as a foreign language, thought construct, semantic field.

Е.Б. Жулина *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный университет
minna80@mail.ru

ЧТО ПЕРЕДАЕТ КОНСТРУКЦИЯ TO BE GOING TO?

To be going to осмысляется в свете подхода к языку как когнитивной деятельности человека, направленной на приспособление к среде в момент речи. Контекст ситуации и особенности восприятия человека выступают ключевыми

факторами при исследовании языка. Основным методом является когнитивный анализ языка. Конструкция передает опыт постижения пространства наблюдателем, а не значение будущности, которое он сам создает.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, холистический подход, сознание, наблюдатель, адаптация, восприятие, конструкция to be going to.

Основные отличия холистического подхода от традиционного подхода и когнитивной лингвистики «первого поколения» заключаются в следующем. Первое – язык трактуется как форма когнитивного поведения человека, направленная на эффективную адаптацию к среде в момент речи. Второе – источником знания, представленного в языке, всегда служит наблюдатель, а не говорящий. Третье – особенности восприятия отдельного человека становятся не менее важным (объективным) фактором, чем обобщенное знание множества людей. Как следствие, знание делится на три группы. Феноменологическое знание или непосредственный опыт наблюдателя, собственный предшествующий опыт наблюдателя и понятийное знание говорящего – знание, максимально абстрагированное от первоначального источника восприятия. Четвертое – контекст ситуации, или речевой контекст, то есть функционирование языка в реальном пространстве и времени определяет исследование языка как системы символов, отражающей непосредственный или опосредованный чувственный опыт человека (говорящего) в степени, достаточной для эффективной адаптации к среде.

Человек познает лишь в настоящем, прошлое и будущее для него суть абстракции, которые он выстраивает на основе своего опыта, имеющегося в памяти. Другими словами, для познающего человека существует только то, что он воспринимает органами чувств в момент познания. В силу этого, конструкция to be going to передает непосредственный чувственный опыт постижения пространства наблюдателем, а не будущее время, которого нет в объективном мире. Это значит, что данная глагольная форма служит более или менее адекватным средством адаптации наблюдателя к среде в ситуации коммуникативного цейтнота. Материалом исследования стали высказывания, взятые из прямых репортажей по плаванию на английском языке, показанных на BBC1 в июле 2017 года, так как комментарий выступает наиболее ярким примером совпадения описываемой ситуации и ситуации наблюдения. Всего было рассмотрено свыше 103 примеров. Помимо этого, особо необходимо отметить метод анализа языковых единиц, применяемый нами. Данный метод лингвистического анализа разработал М. Льюис [Lewis 1991]. Он опирается на понимание того, что аналитические глагольные формы должны рассматриваться как сумма отдельных, полноценных частей. Сложение всех частей конструкции или сказуемого дает общее значение формы. Иными словами, в соответствии с законами восприятия мира человеком познающим, а не по законам языка [Lewis 1991: 34].

Согласно традиционному подходу конструкцию to be going to противопоставляют, с одной стороны, сочетанию will+ infinitive. Решающее различие между рассматриваемыми формами глагола сводится к противопоставлению объективности и субъективности в языке. Форма will+ infinitive осмысляется как передающая логический вывод, предопределяемый чем-то. Вместе с тем,

конструкция to be going to отражает не только чье-либо мнение, намерение, предсказание, предопределяющее последующее, но и опыт отдельного человека (непосредственный или опосредованный) [Штелинг 1996: 248]. Помимо этого, описание конструкцией to be going to непосредственного опыта наблюдателя подтверждается сходством между этой формой глагола и формами Present Perfect Simple и Present Perfect Progressive по признаку «соотнесенность с настоящим», которое мыслится как момент речи [Штелинг 1996: 250].

С другой стороны, данная конструкция сравнивается с формой Present Progressive. В частности, М. Свон определяет четыре основных отличия данных глагольных форм [Swan 2005: 190], которые недвусмысленно предполагают, что семантика конструкции содержит указание как на настоящее, так и на будущее одновременно. Это явно подчеркивает значимость роли наблюдателя и его непосредственного опыта восприятия пространства при выборе данной конструкции.

Кроме того, с точки зрения морфологии отмечается, что одним из ее компонентов является форма настоящего времени going, принимающая «движение в пространстве» как основу для передачи будущего времени [Есперсен 1958: 305].

Р. Лангакер, анализируя высказывание She is going to close the door-‘Она собирается закрыть дверь’, прямо указывает на связь использования конструкции to be going to с непосредственным опытом постижения пространства наблюдателем: «субъект действия не проходит путь, он просто выполняет действие, обозначенное инфинитивом. Это говорящий / наблюдатель мысленно проходит путь, чтобы соотнести процесс с точкой отсчета. Более того, это скорее сканирование времени, а не пространства и так соотносится с потоком времени, что действие, обозначенное инфинитивом, следует за точкой отсчета. Наконец, точка отсчета обычно совпадает с моментом речи». И далее, «значение будущности go показывает различную степень грамматикализации его пространственного значения, а именно метафорическое распространение пространственного значения на темпоральное. Если при пространственной интерпретации субъект должен выполнить действие, обозначенное инфинитивом, то темпоральная не подразумевает ничего подобного. Вместо этого обнаруживается общее представление о близости или предсказуемости; таким образом, говорящий, а не субъект действия, предсказывает будущее событие» [Langacker 2014: 332] (см. также [Lewis 1991: 211; Swan 2005: 197]).

П. Клеча, отвечая на вопрос какую из этих форм глагола дети начинают использовать первой, приходит к заключению о первичности конструкции to be going to. Значимо, что первой причиной выступает восприятие формы going как варианта формы Present Progressive, поскольку она отражает смену событий в поле зрения ребенка (наблюдателя), а не только присвоение им этой формы в ходе общения со взрослыми. Кроме того, это предпочтение сохраняется у взрослых [Klecha 2008: 6].

Н.П. Бехтерева, указывая на связь времени с пространством, изменения в котором служат основой осознания времени человеком, вводит специальное понятие «внутреннее время мозга». Существенным с точки зрения определения соответствия конструкции to be going to непосредственному чувственному опыту наблюдателя служит то, что именно в связи с этим понятием она подчеркивает, что «оставаясь в физическом ‘теперь’, мозг в своем внутреннем времени оказы-

вается в будущем, которое детерминирует поведение в настоящем… возможность перевода работы мозга в иной (резко ускоренный) временной режим придает “детерминации из будущего”, т.е. целевой детерминации, не метафорический, а *реальный, физиологический характер*» (курсив мой – Е.Ж.) [Бехтерева 1987: 13]. Иначе говоря, последовательная категоризация ситуации в момент речи, то есть восприятие движущейся картинки как смены событий в поле зрения наблюдателя, выступает основанием для построения абстракции «будущее», где каждое последующее изменение в пространстве осмысляется как «наступившее будущее».

Наблюдатель, произнося высказывание I think **this is going** to be a hell of a race on the final twenty five meters, because there **is** some big names in **this** final, передает то, что видит непосредственно в момент речи. Пятерых пловцов, которые одновременно достигают отметки двадцать пять метров. Среди них он узнает трех лучших в мире пловцов на короткие дистанции. Выбирая форму **is**, он описывает наблюдаемую в момент речи часть ситуации – пять знаменитых пловцов, с одинаковым временем выходящих на последние метры заплыва. Иными словами, говоря о «существовании» пловцов, он адекватно описывает среду и этим приспосабливается к ней максимально эффективно.

Опираясь на свой непосредственный чувственный опыт, наблюдатель делает заключение о дальнейшем развитии событий в самом ближайшем будущем – очень напряженной борьбе между ними за призовые места. Поэтому он употребляет форму **is going**. Форма **is** указывает на пространственно-временное совпадение описываемой ситуации и ситуации наблюдения. Форма **going** передает динамику развития действия, которую можно только видеть. Поскольку в отличие от формы **coming** эта форма передает либо ненаправленное движение, либо движение от местоположения наблюдателя, то есть движение, в данном случае, направленное от местоположения наблюдателя в точке «сейчас» в будущее. Это подтверждает мысль Р. Лангакера о том, что конструкция to be going to является пространственной метафорой, основанной на переосмыслении опыта постижения пространства наблюдателем, и, следовательно, адекватно передает воспринимаемое им в акте коммуникации. Указательное местоимение **this** прямо указывает на то, что говорящий видит ситуацию в непосредственной близости от себя.

Употребление конструкции to be going to для адекватного описания непосредственного опыта постижения пространства наблюдателем, который таким образом приспосабливается к среде, подтверждают результаты количественного анализа. Они показывают, что эта глагольная форма встречается во всех видах прямого репортажа в 73% случаев от общего числа сочетаний, передающих значение будущности. Эти данные совпадают с результатами более обширных исследований, проведенных Д.А. Штелингом в рамках традиционного подхода. Как указывает автор, «там, где излагаются общие истины или дается объективное описание явлений или событий (например, в научной прозе) (то есть вне ситуации непосредственного общения (наблюдения) и абстрагирования от опыта конкретного наблюдателя – Е.Ж.), конструкция почти не употребляется; более чем в 60% случаев употребления конструкции подлежащее в ней выражено ме-

стоимениями 1-го или 2-го лица, т.е. относится непосредственно к самим участникам речевого акта (наблюдателям – Е.Ж.), а подлежащее в форме 3-го лица в 80% случаев также связано с одушевленностью (возможностью и способностью наблюдать – Е.Ж.)» [Штелинг 1996: 245].

Другими словами, конструкция to be going to передает не будущее время как абстракцию, выстроенную на базе опыта познающего индивида, а непосредственный чувственный опыт постижения пространства наблюдателем, что позволяет ему эффективно адаптироваться к среде в ситуации коммуникативного цейтнота. При этом происходит двойная кодировка как на уровне семантики, так и на уровне вида.

Литература

Бехтерева Н.П., Асимарин Н.П., Бородкин Ю.С., Бундзен П.В. [*и др.*]. Механизмы памяти / отв. ред. Г.А. Вартанян. Л.: Наука, 1987.

Есперсен О. Философия грамматики. М.: Иностр. литература, 1958.

Штелинг Д.А Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке: учебное пособие. М.: МГИМО: ЧеРо, 1996.

Klecha P. Explaining why gonna precedes will in acquisition. Michigan: Michigan State University, 2008. P. 1-10.

Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar: Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 2014. Vol. 1.

Swan M. Practical English Usage. London etc.: Oxford University Press, 2005.

E.B. Zhulina (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

WHAT DOES THE CONSTRUCTION TO BE GOING TO REPRESENT?

To be going to is analyzed within the new holistic approach to language as a form of cognitive behaviour aimed at the adaptation to the environment in the moment of speech. Speech context and perception of a person serve as the core elements in interpretation of language. The method of the research is the cognitive analysis of language. The construction does not show the futurity that is created in the person's mind. It represents the result of perception of space by a person.

Key words: cognitive linguistics, holistic approach, consciousness, adaptation, perception, observer, construction to be going to.

М.В. Зимина *(Нижний Новгород, Россия)*
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
zimina2312@yandex.ru
И.В. Вашунина *(Москва, Россия)*
Российский университет Дружбы народов
vashunina@yandex.ru

СОПОСТАВЛЕНИЕ КОНЦЕПТОВ AMERICA И RUSSIA В АМЕРИКАНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье проводится сопоставление содержания концептов AMERICA и RUSSIA в американской языковой картине мира. Содержание концептов моделируется на основе данных свободного ассоциативного эксперимента. Установлено, что содержание концепта AMERICA в сознании носителей ее лингвокультуры является результатом большей когнитивной обработки, чем содержание концепта RUSSIA, представленного в основном наглядно-чувственными образами.

Ключевые слова: концепт, ассоциативный эксперимент, ассоциация, ядро, периферия, тематическая группа.

В языковом сознании все знания о мире соотнесены с теми или иными формами их языкового представления и систематизированы в виде языковой картины мира (ЯКМ) [Болдырев 2019: 38]. Основной единицей ЯКМ является концепт. Концепт охватывает все богатство содержания слова и представлений носителей данной культуры о характере явления, стоящего за словом, взятым во всем многообразии его качеств, признаков, связей и оценок [Чудинов 2006: 44].

С целью выявления актуального содержания концептов AMERICA и RUSSIA был проведен свободный ассоциативный эксперимент онлайн на стимулы имена концептов. Испытуемым (американцам в возрасте 20–25 лет) предлагалось дать по 5 ассоциаций на каждый стимул. Свободный ассоциативный эксперимент используется при воспроизведении фрагментов ЯКМ и исследовании специфики формирования национального менталитета [Зимина 2015]. Основной гипотезой исследования было предположение о том, что ассоциативная составляющая концепта родной страны должна структурно отличаться от составляющей концепта чужой страны. Мы предположили наличие большего понятийного слоя в структуре концепта AMERICA (ввиду большей «знакомости» страны для ее жителей, и, следовательно, больших возможностей когнитивной обработки) по сравнению с концептом RUSSIA, а в структуре концепта RUSSIA по сравнению с концептом AMERICA должен быть значительнее представлен наглядно-чувственный слой (влияние СМИ) и оценочная составляющая (в силу того, что неизвестный объект человек в первую очередь наделяет чертами партнера по взаимодействию). Эти гипотезы были в общем подтверждены.

Перейдем к рассмотрению полевой структуры исследуемых концептов. К ядру отнесены реакции, набравшие четыре и более повторов, к периферии – три и два повтора.

Ядерными ассоциациями на стимул **AMERICA** являются следующие: home (21), freedom (19), democracy (16), states (15), diversity (13), family (12), Trump (6), racism (6). Итого: 108 (64%).

Периферия: English (3), movies (3), football (3), NY (3), guns (3), Washington (3), politics (2), travelling (2), immigrants (2), friends (2). Итого: 26 (15%).

Следующим шагом нашего исследования было распределение ассоциаций на 8 тематических групп: 1. Политика – freedom (19), democracy (16), Trump (6), politics (2), rules, liberty, elections, party, progress, NATO, human rights, free, independence. Итого: 52 (31%). 2. Родина – home (21), states (15), family (12), friends (2). Итого: 50 (29%). 3. Стереотипы – movies (3), guns (3),

football (3), dream, pizza, corn, time, UPS, coffee, burger, taxi, consumerism, capital. Итого: 19 (11%). 4. История – diversity (13), immigrants (2), slavery, history. Итого: 17 (10%). 5. Отрицательное отношение – racism (6), dirty, difficult, inequality, mortgage, homeless, garbage. Итого: 12 (7%). 6. Культура – English (3), travelling (2), flag, highway, Christmas, Halloween, interesting places, country, Statue of Liberty. Итого: 12 (7%). 7. Топонимы – NY (3), Washington (3), Las Vegas. Итого: 7 (4%). 8. Природа / климат – nature. Итого: 1 (1%).

Ядерные реакции на стимул **RUSSIA**: Putin (19), bears (15), cold (13), winter (11), Moscow (10), vodka (9), women (8), Soviet Union (6), history (6), ballet (4), snow (4), communism (4). Итого: 109 (64%).

Периферия: Siberia (3), language (3), policy (3), culture (3), nationalism (2), gulag (2), forest (2), ruble (2), caviar (2). Итого: 22 (13%).

Далее полученные ассоциации были разделены на те же 8 тематических групп: 1. Стереотипы – bears (15), vodka (9), women (8), ruble (2), caviar (2), cuisine, Borscht, plyushki, Nesting doll. Итого: 40 (24%). 2. Природа / климат – cold (13), winter (11), snow (4), forest (2), wide, beautiful nature, birch. Итого: 33 (19%). 3. Политика – Putin (19), policy (3), nationalism (2), democracy, Federation. Итого: 26 (15%). 4. История – Soviet Union (6), history (6), communism (4), gulag (2), czar, Stalin, soldiers, empire, army. Итого: 23 (14%). 5. Культура – ballet (4), language (3), culture (3), flag, churches, people, philosophy, Tolstoy, literature, different nationalities, customs, Kremlin. Итого: 19 (11%). 6. Топонимы – Moscow (10), Siberia (3), Volga, Crimea, Baikal. Итого: 16 (9%). 7. Отрицательное отношение – sucks, stubborn, scary, nuclear reactor, nuclear power stations, rockets, poor, poverty, aggression, fall. Итого: 10 (6%). 8. Родина – homeland, family, home city. Итого: 3 (2%).

Следует отметить, что среди всех полученных ассоциаций лидируют парадигматические. Данный вид ассоциаций является признаком сформированности семантического поля и возникает между словами, которые не зависят от контекста, но обусловлены наличием логических связей между предметами [Шурупова 2019: 13].

При сравнении полевой структуры данных концептов выявлено, что ядерные реакции составляют одинаковый процент (64%). Периферия и единичные реакции различаются всего лишь на 2%. Ядро / периферия / единичные: AMERICA 64 / 15 / 21%, RUSSIA 64 / 13 / 23%. Таким образом, представление об обоих концептах консолидировано.

Рассмотрим наполняемость тематических групп обоих концептов. Так, при описании концепта RUSSIA в первую очередь упоминались стереотипы о стране (24%), описывался ее климат (19%), а также политика (деятели, режимы, административное деление) (15%). При описании концепта AMERICA на первый план выходила политика (31%), восприятие страны в качестве родины (29%), а также стереотипы (11%). То есть, общим в восприятии стран является упоминание стереотипов и политических сведений. Кроме того, российский климат, специфический для жителей США, занимал второе место. Учитывая представленные ассоциации, для концепта AMERICA упоминание природы встретилось один раз, что свидетельствует о политизированности и рациональности граждан Америки.

Ассоциации, связанные с политическими отношениями, почти в два раза чаще всплывают в сознании американцев на стимул AMERICA, чем на стимул RUSSIA (31% и 15%). Это позволяет нам сделать вывод о том, что внутренняя политика играет большую роль для жителей этой страны, чем внешняя.

Более того, при рассмотрении ассоциаций этой группы обнаруживается наличие имен нынешних президентов при упоминании обоих концептов: Д. Трамп и В. Путин. Однако стоит обратить внимание, что фамилия американского президента была упомянута в три раза реже по сравнению с его русским коллегой (6 и 19 реакций), что, возможно, свидетельствует о том, что Д. Трамп не рассматривается как сильный лидер своей страны, в то время как фигура российского президента вызывает несомненный интерес у американцев.

Группа ассоциаций, связанная со стереотипами о России, занимает лидирующее место (24%). Стереотипные ассоциации, которые распространяются самими представителями американской нации о своей стране, многообразнее, однако их общее количество в два раза меньше, чем количество реакций, составляющих одноименную группу на стимул RUSSIA. В группе «Стереотипы» у обоих концептов преобладают ассоциации с едой и напитками. Для концепта RUSSIA – это vodka, caviar, cuisine, Borscht, plyushki (8%). Для концепта AMERICA – pizza, corn, coffee, burger (2%). Также представлены ассоциации, связанные с деньгами.

Национальные стереотипы, с одной стороны, облегчают межнациональное взаимодействие, так как они выступают как своего рода ориентиры для «среднего человека». С другой стороны, национальные стереотипы слишком упрощают столь сложное явление, как национальный характер [Чудинов 2006: 46-47].

Таким образом, концепт RUSSIA в большинстве случаев ассоциируется со стереотипами, природными условиями и политической ситуацией, тогда как для концепта AMERICA преобладающими являются политика, родина и стереотипы. Небольшое количество ассоциаций, входящих в тематическую группу «Отрицательное отношение» (7% ассоциаций для концепта AMERICA, 6% для концепта RUSSIA) свидетельствует о том, что оппозиция собственности и чуждости рассматривается позитивно и вызывает интерес.

Результаты проведенного эксперимента показывают, что чужая страна воспринимается в первую очередь на наглядно-чувственном уровне, на уровне бытовых стереотипов (сюда же можно отнести и представление о русском климате). Концепт родной страны в значительной степени представляет собой результат когнитивной обработки (характеристика страны в ее отношении к демократии, свободе, правам человека). Особую роль в представлении чужой страны играет первое лицо – как ее символ (со своим президентом американцы связывают свою страну значительно реже, хотя известно, что вокруг Трампа в Америке постоянно разгораются страсти). Выявленное отрицательное отношение также различается: по отношению к родной стране это рациональная оценка, а к России добавляется и эмоциональная оценка. Из исследования можно сделать вывод, что изменение

представления о России в сознании иностранцев (если поставить такую задачу) возможно путем стереотипизации таргетных образов.

Литература

Болдырев Н.Н. Доминантный принцип организации языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 37-44.

Зимина М.В. Сравнение визуального и вербального представления концепта FRIENDSHIP американцами // Теоретические и практические аспекты лингвистики, литературоведения, методики преподавания иностранных языков: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. 2015. С. 34-36.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2006.

Шурупова Е.Ю., Карабущенко Н.Б. Речь как отражение когнитивного статуса личности в поздней взрослости // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7. № 2. С. 9.

M.V. Zimina (Nizhny Novgorod, Russia)
Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin
I.V. Vashunina (Moscow, Russia)
Peoples Friendship University of Russia

COMPARISON OF THE CONCEPTS AMERICA AND RUSSIA IN THE AMERICAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

The article compares the content of the concepts AMERICA and RUSSIA in the American language picture of the world. The content of the concepts is modeled on the basis of the data from a free associative experiment. It is established that the content of the concept AMERICA in the minds of the speakers of its linguistic culture is the result of more cognitive processing than the content of the concept RUSSIA, represented mainly by visual and sensory images.

Key words: concept, associative experiment, association, the core, the periphery, a theme group.

Е.В. Иванова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный университет
lisa1810@gmx.us

ДИНАМИКА И СТАТИКА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

В статье рассматривается понятие концептуализации, анализируется содержание этого понятия в отечественной и зарубежной когнитивной лингвистике. Предпринимается попытка выделить статический аспект в содержании понятия наряду с динамическим. Анализируются результаты процесса концептуализации, высказывается предположение, что не все они могут быть отнесены к разряду концептов.

Ключевые слова: концептуализация, концептуальная структура, концепт, динамический, статический.

Понятие концептуализации принадлежит к ключевым в современной когнитивной лингвистике, определяющим трактовку и применение составляющих ее научный аппарат понятий и методов. Н.Н. Болдырев рассматривает концептуализацию как «познавательный процесс выделения и осмысления объектов, событий, их связей и характеристик и закрепления результатов познания в виде единиц знания – концептов» [Болдырев 2016: 18]. Во главу угла ставится, таким образом, процессуальный, динамический аспект рассматриваемого понятия, а результатами этого процесса признаются концепты как единицы концептуального содержания, разнообразие характеристик которых позволяет разработать и систематизировать типологию концептов, репрезентированных языковыми средствами. Подобный подход к явлению концептуализации принят в трудах целого ряда ученых [Кубрякова 2004: 319; Попова, Стернин 2010: 126]. Похожая трактовка понятия концептуализации присутствует и в западной когнитивной лингвистике, рассматривающей концептуализацию как мыслительный процесс, в котором может быть задействован язык [Evans 2007: 38].

Тем не менее, никак не умаляя и не опровергая значимость динамической составляющей рассматриваемого понятия, представляется возможным указать и на его определенную статическую составляющую. Во-первых, лингвист-когнитолог изначально имеет дело с результатами концептуализации, зафиксированными в языке, будь то языковые знаки или тексты. Исследователи не могут непосредственно наблюдать сам процесс осмысления и языковой номинации объекта или события, они могут гипотетически реконструировать его динамику и построить соответствующую модель. При этом они опираются на то знание или концептуальное содержание, которое может быть извлечено на основе анализа семантики языковой единицы и является по своему характеру статическим. Например, исследуя семантику фразеологической единицы to play (a game of) cat and mouse with somebody (to play a cruel game with somebody in your power by changing your behavior very often, so that they become nervous and don't know what to expect), можно выяснить, что кошка играет с мышью, что один человек жестоко обращается с другим, находящимся в его власти, и получает при этом удовольствие. Думается, что это знание дано нам в статике и здесь мы имеем дело с результативным, статическим аспектом концептуализации. Знание концептуализировано и зафиксировано языковой единицей, т.е. существует репрезентативная концептуализация этого знания. Однако возможно построить гипотетическую модель процесса концептуализации ситуации, в которой лицо, ее контролирующее, обращается определенным образом с другим человеком, при этом его манера поведения ассоциируется с поведением кошки, забавляющейся пойманной мышью, а участники ситуации – соответственно с кошкой и мышкой в этой неравноправной игре. При этом можно опираться, к примеру, на теорию концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера [Fauconnier, Turner 2003] или же обратиться к специально разработанной для фразеологии концепции

А.Н. Баранова и О.Д. Добровольского [Баранов, Добровольский 2008]. В последнем случае описание будет проводиться на основе предложенного данными авторами фреймового подхода к анализу процесса порождения актуального значения фразеологической единицы, который в данном случае подойдет и к анализу процесса ее формирования в диахронии.

Статический аспект концептуализации, фиксированность определенного знания о мире в языковых знаках выступает на первый план при описании того или иного фрагмента языковой картины мира, а также при извлечении закрепленных в языковом материале признаков концептов. Так, например, в работах В.А. Бруквиной [Бруквина 2016], А.А. Бутиной [Бутина 2012], В.В. Подгорной [Подгорная 2016] признаки исследуемых концептов устанавливаются на основе анализа семантики репрезентирующих их языковых единиц, соотнесенной с концептуальной плоскостью.

Косвенно о наличии статической составляющей в понятии концептуализации свидетельствуют частые употребления термина «концептуализация» вместе со словом «процесс» [Лаенко, Столярова 2017: 142; Полюжин 2017: 171], показывающее интуитивное стремление исследователей подчеркнуть именно процессуальный аспект понятия. Если бы только этот аспект составлял его содержание, возможно, указание на процессуальность ощущалось бы избыточным.

Обозначенное здесь выделение динамической и статической составляющих концептуализации связано, безусловно, с определенным пониманием статуса ментальных конструктов, являющихся результатом процесса концептуализации.

Ввиду разнообразия определений и подходов к понятию концепта, свойственных современной когнитивной лингвистике, отнесения результатов концептуализации только к концептам [Болдырев 2016: 18], на наш взгляд, можно рассматривать как дискуссионное. Так, например, если обратиться к ранее упомянутой фразеологической единице to play (a game of) cat and mouse (with somebody), то, как уже отмечалось, здесь представлены две взаимосвязанные концептуальные структуры / два фрейма, отражающие знание о поведении кошки и мыши и знание о поведении людей в ситуации с неравноправными ролями. Эти структуры, несомненно, являются результатами осмысления определенного жизненного опыта, т.е. результатами процесса концептуализации. Но можно ли их причислять к концептам, по отдельности или же во взаимосвязи? Представляется, что нет, поскольку концепт – это прежде всего структура знания, сконцентрированная вокруг того или иного объекта или явления, которая может быть названа ключевым словом, будь то репрезентирующий концепт или интерпретирующий по типологии Н.Н. Болдырева [Болдырев 2016: 23-24]. В данном случае мы имеем дело с двумя взаимодействующими фреймами, которые по своим структурно-содержательным параметрам отличаются, например, от концептов SHOPPING или TRAVELLING, имеющих фреймовую структуру. В отличие от последних фреймы, связанные с данной фразеологической единицей, нельзя назвать каким-то ключевым словом. Они фиксируют определенный фрагмент знания, полученный в ходе познания и опытного освоения мира, но структурируют его иным образом, чем концепт. Это знание не концентрируется вокруг какого-то объекта или явления и не представляет собой структуру когнитивных / концептуальных признаков этого объекта или явления, оно равномерно распре-

делено между знанием об участниках ситуации, знанием об их свойствах и взаимодействии друг с другом. Иными словами, на наш взгляд, концепты могут иметь фреймовую структуру, но не все фреймы являются концептами. Вряд ли также мы можем считать концептом, например, признак коварства кошки, зафиксированный фразеологической единицей и являющийся результатом концептуализации.

В заключение необходимо подчеркнуть, что, как справедливо отмечает Н.Н. Болдырев, главная задача исследователей заключается не в построении той или иной типологии концептов, а в анализе «неоднородности концептуального содержания, которое лежит в основе формирования множества смыслов, передаваемых языковыми формами» [Болдырев 2016: 24]. Настоящая статья как раз и преследует такую задачу.

Литература

Баранов А.Н., Добровольский О.Д. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.

Болдырев Н.Н. Типология концептов и языковая интерпретация // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVIII. С. 16-25.

Бруквина В.А. Концепты животных и птиц в языковой картине мира (на материале нестандартной лексики английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2016.

Бутина А.А. Концепты CAT и DOG в английской языковой картине мира: автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2012.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Лаенко Л.В., Столярова А.Н. Номинации лица с атрибутивными включениями как средство его концептуализации в англоязычных СМИ // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXX. С. 142-146.

Подгорная В.В. «Наивная анатомия» в английской языковой картине мира: автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2016.

Полюжин М.М. Об основных направлениях и процедурах лингвоконцептуального исследования // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXX. С. 170-173.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2010.

Evans V. A Glossary of Cognitive Linguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007.

Fauconnier G., Turner M. Conceptual Blending, Form, and Meaning // Recherches en communication: Sémiotique Cognitive. 2003. No. 19. P. 57-86.

E.V. Ivanova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

DYNAMICS AND STATICS OF CONCEPTUALISATION

The paper examines the notion of conceptualisation and analyses the contents of this notion in Russian and foreign cognitive linguistics. An attempt is

made to outline the static aspect in the contents of the notion along with the dynamic one. The results of conceptualisation are considered and an assumption is made that not all of them can be classified as concepts.

Key words: conceptualisation, conceptual structure, concept, dynamic, static.

О.А. Каверина *(Иркутск, Россия)*
Иркутский государственный университет
vastik37@mail.ru

МОДУСНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ОБЪЕКТА ПОСРЕДСТВОМ ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЯ PINK

Цветовая характеристика объекта занимает важное место в концептуализации и категоризации действительности. Посредством языковых единиц с цветовой семантикой человек не только объективирует значимую информацию, полученную перцептивно, но и выносит суждение об объекте, полагаясь на свое знание и опыт. Цветонаименование pink оперирует в двух типах модусных ситуаций – перцептивной и ментальной. Модусная категоризация перцептивной ситуации реализуется в цветовом обозначении объекта на основании естественных процессов. Ментальный модус вводит модусные ситуации внешнего воздействия и эмоционального состояния, основанные на опыте и знании говорящего.

Ключевые слова: концептуализация, категоризация, перцептивный модус, ментальный модус, цветонаименование.

Вся совокупность знаний и опыта представлена в сознании человека в виде множества концептов – ментальных образований, квантов информации, которые постоянно модифицируются, вступают во взаимодействие друг другом, формируя новые концептуальные структуры. Концепты объединяются на основе общих признаков в категории, посредством которых человек классифицирует окружающий его мир, придает воспринятому миру упорядоченный характер, систематизирует наблюдаемое и «разносит» воспринимаемую информацию по определенным группировкам (категориям) [Кубрякова 2004: 96]. Категории представляют собой концептуальные комплексы, объединяющие различные структуры знания, – вербализованное знание об объектах окружающего мира, объективированное в лексических значениях языковых единиц, в грамматических значениях языковых форм и знаний модусного характера, служащим целям интерпретации любого концептуального содержания в языке [Болдырев 2009: 30].

Модусная категоризация актуализирует отношение говорящего к действительности как форма отражения онтологии человеческого сознания и проявления индивидуального опыта и знания [Болдырев 2009: 33]. В предложении выделяется объективная часть, именуемая *диктумом*, и интерпретация диктумного содержания – *модус*. Данные термины были введены в научный обиход Ш. Балли, но получили развитие и научное обоснование в рамках когнитивной лингвистики, нацеленной на выявление форм представления знаний в мозгу человека и изучение языка как системы репрезентации и обработки зна-

ний разного типа [Болдырев 2013: 5]. Таким образом, методологический инструментарий когнитивной лингвистики позволил принципиально расширить понимание и функциональный потенциал модуса: от термина *модус*, важного с точки зрения смысловой организации предложения, до *типологии модусов* [Арутюнова 1999], с выходом на одно из фундаментальных понятий – *модусной категоризации знания*, с дальнейшей перспективой разработки *когнитивной теории языка* [Болдырев 2013: 12].

Способность классифицировать концепты базируется на непосредственном восприятии, когда осуществляется моментальное отнесение объекта к той или иной категории на основании присутствия необходимых или достаточных концептуальных признаков, либо опосредованном, сформировавшемся в знание и опыт. Другими словами, в процессе восприятия и интерпретации явлений и объектов действительности человек обладает определенным эмпирическим опытом, сложившимся с учетом среды, в которой протекает его жизненный процесс, в частности, под воздействием окружающей его культуры [Вежбицкая 1996: 285]. Так, рассуждая о значениях имен цвета, А. Вежбицкая считает их артефактами культуры, и, несмотря на различия в значениях названий цвета, каждый цвет ассоциируется с универсальным для всех языков объектом – «желтый» с солнцем, «красный» с огнем и т.д. [Вежбицкая 1996].

В поле нашего зрения попали две группы конструкций с цветонаименованием **pink**. Согласно лексикографическим источникам, прилагательное **pink** со значением цвета означает: 1) pale red [LDCE]; 2) between red and white in colour [Macmillan]; 3) of a light shade of red [GWG]. А. Вежбицкая относит *розовый* к именам цвета со «смешанной» природой, состоящий из компонентов *красный* и *белый*, где *красный* ощущается как более весомый [Вежбицкая 1996: 278]. Следовательно, цветовой «отрезок» имени цвета **pink** включает все цветовые концептуализации, находящиеся после *красного* вплоть до *белого*, исключая его крайние точки. Так, в следующем примере значение прилагательного **pink** концептуализируется как светлый оттенок, присущий небу с наступлением утра, ср.: The sky was turning **pink** with the approach of morning [COCA]. В другом примере **pink** ближе к *красному*, так как известен источник цвета – перезрелые помидоры, ср.: Amy's hands were **pink** with juice of overripe tomatoes [COCA]. Воспринимаемые цветовые ощущения могут уточняться посредством введения названия другого цвета, например, In the guest room, **pink** with rose wallpaper and blowing curtains, Mrs. Proulx set her Samsonite on the stand [COCA] или объекта, цвет которого четко концептуализируется в языковом сознании говорящего, ср.: Pancakes turn **pink** with beets [COCA].

Как показывают примеры, характеризуя объекты прилагательным со значением цвета **pink**, говорящий воспринимает некоторую внеязыковую ситуацию, в которой объект естественным образом приобретает цвет **pink** как следствие какого-то другого наблюдаемого действия. Говорящий воспринимает индивидуальные объекты, которые входят в его перцептивную зону, имплицитно присутствуя в качестве модусного субъекта. Модусный субъект и модусный предикат зрительного восприятия образуют имплицитную модусную рамку, которую можно восстановить на примере одного

из предложений выше, ср.: Amy's hands were **pink** [I saw] juice of overripe tomatoes on them.

Перцептивные глаголы способны приобретать когнитивные значения. Учитывая тот факт, что предикаты чувственного восприятия ориентированы на актуальное состояние мира, восприятие не отделено от ментальных операций [Арутюнова 1999: 413-415]. В следующем примере говорящий не видит глазами внутренних физиологических процессов, но знает о причинно-следственных связях между цветом ногтевой пластины и хорошем капиллярном кровообращении, ср.: His nail beds are **pink** with good capillary circulation [COCA]. Здесь речь идет, с одной стороны, о внутреннем зрении (знании), с другой стороны – полученное знание было выявлено в процессе изучений и наблюдений, визуальных в том числе.

Во второй группе конструкций с прилагательным **pink** актуализируется имплицитный ментальный модус. Цветонаименование **pink** получают объекты, подвергшиеся различным внешним воздействиям, например температуры, ср.: His face was soft and round and **pink** with the heat [COCA], His cheeks are **pink** with the cold [COCA]; природных факторов окружающей среды и физической нагрузки, ср.: By the time she reached the village her face was **pink** with air and exercise [BNC]; физиологических и психофизиологических реакций, ср.: Her eyes were **pink** with either hangover or crying, and her face was puffy and round, like a white balloon [COCA], He has a wide, gentle face, **pink** with blood pressure, but still handsome [COCA]; физических действий, ср.: *Ike's skin glowed* **pink** with the scrubbing from a recent shower at the pit, but his body still leaked the odor of coal [COCA]; физического износа объекта, ср.: The furniture was old without being antique and sat on a fake Persian carpet that had gone **pink** with wear [COCA]. Субъект ментального модуса выносит суждение о причине цветовой характеристики объекта.

Цветонаименование **pink** категоризует разнообразные эмоциональные состояния. Следует отметить, что концептуальные корреляции имен цвета и эмоций известны с давних времен и исследуются разными областями знаний. Цвет составляет важную часть зрительной информации, а названия цвета объективируют национальные, исторические, культурные особенности, традиции и реалии, окрашенные в различные цвета.

Анализ эмпирического материала показал, что говорящий категоризует совершенно различные эмоциональные состояния посредством прилагательного **pink**, ср.: On the second stairwell she could see the landlady peering from the *doorway of the writer's room,* **pink** with anger [BNC], Tremayne was **pink** with gratification [BNC], *Folly's face was* **pink** with defiance [BNC], After contemplating suicide at his desk, Kishore Uncle, still **pink** with shame, drew up a timetable [COCA], *Frankie's pale, sharp face turned* **pink** with enthusiasm [COCA], He was **pink** with annoyance [COCA], Laura watched while Jenny jumped in the leaves, her blond hair flying, her face **pink** with pleasure [COCA], And there was Kira, all **pink** with joy, standing in silvery fur before the mirror in our entryway [COCA], Her face shone, **pink** with relief and gratitude [COCA], Sarah turned **pink** with embarrassment [COCA], *Dan's cheeks were* **pink** with excitement [COCA]. Эмоциональный диапазон концептов, категоризуемых цветонаименованием **pink**, довольно широк и включает положительный и отрицательный оценочный компоненты.

Субъект ментального модуса выбирает для номинации эмоционального состояния прилагательное **pink** на том основании, что сферы эмоциональных концептов соприкасаются между собой. Иначе, концептуальная структура **pink** имеет нежесткую природу и способна оперировать как в сопряженных концептах, так и в проницаемых областях между концептами.

Итак, прилагательное со значением цвета **pink** актуализирует две модусные ситуации – перцептивную, полученную по зрительному каналу, и ментальную, основанную на предположении, логическом выводе.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры. 1999. 896 с.

Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. I. С. 25-77.

Болдырев Н.Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1. С. 5-13.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари. 1996. 416 с.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры. 2004. 560 с.

BNC – British National Corpus. URL: https://www.english-corpora.org/bnc/ (дата обращения: 10.12.2019).

COCA – Corpus of Contemporary American English. URL: https://www.english-corpora.org/coca/ (дата обращения: 10.12.2019).

GWG – Good Word Guide. URL: https://www.goodwordguide.com (дата обращения: 12.12.2019).

LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. URL: https://www.ldoceonline.com (дата обращения: 08.12.2019).

Macmillan – Macmillan Dictionary. URL: https://www.macmillandictionary.com (дата обращения: 08.12.2019).

O.A. Kaverina (Irkutsk, Russia)
Irkutsk State University

MODUS CATEGORIZATION OF AN OBJECT BY MEANS OF THE COLOUR NAME PINK

The color characteristic of an object takes an important place in the conceptualization and categorization of reality. Using colour names, a person not only represents the significant information received perceptually, but also makes a judgment about the object, taking into account his knowledge and experience. The color name pink operates in two types of modus situations – perceptual and mental. The modus categorization of the perceptual situation is realized in the color designation of an object based on natural processes. The mental modus introduces modus situations of external influence and emotional state, based on the experience and knowledge of the speaker.

Key words: conceptualization, categorization, perceptual modus, mental modus, colour name.

Л.В. Калинина *(Киров, Россия)*
Вятский государственный университет
grifon.kalinina@yandex.ru

МЕЖДУ *ТИПИЧНЫМ* И *НЕУЛОВИМЫМ*: «КВАНТОВЫЕ ЭФФЕКТЫ» КАТЕГОРИЗАЦИИ

Категоризация рассматривается как процесс с различными вероятными результатами, зависящими от соотношения параметров «(не)известность объекта субъекту» и «(не)четкость восприятия объекта субъектом». Проводятся междисциплинарные параллели между когнитивным процессом категоризации и квантовыми эффектами неклассической физики.

Ключевые слова: категоризация, степени категоризации, субъективность категоризации, квантовая когнитивистика.

Категоризация как когнитивный процесс осуществляется по определенной схеме, обычно включающей этапы сенсорного восприятия внешних стимулов, распознавания образов (узнавания объекта), отнесения объекта к соответствующему классу. Но далеко не всегда восприятие объекта заканчивается его уверенной категоризацией.

Трудности категоризации могут возникать по разным причинам. Часто причиной затруднений бывает неизвестность, «незнакомость» объекта субъекту. Затруднения в категоризации могут быть обусловлены и помехами восприятия, например, слишком слабыми для полноценной перцепции стимулами; слишком быстротечной манифестацией объекта, не позволяющей субъекту «уловить» его суть; слишком сложной, комплексной, гибридной природой объекта, не позволяющей с определенностью отнести его к какому-то конкретному классу. Наконец, возможны ситуации, когда перечисленные выше причины совмещаются: объект и незнаком субъекту, и нечетко себя проявляет.

Если условно обозначить параметры «известный субъекту объект» и «четкий для восприятия» как «+» и параметры «неизвестный» и «нечёткий» как «–», то возможные результаты категоризации можно представить как относящиеся к одной из четырех зон, каждой из которых соответствуют определенные средства и способы вербализации. Данные зоны пересекаются, переходят одна в другую и представляют собой своеобразную градацию от уверенной категоризации (*это X*) до неуверенности в самом факте восприятия (*нечто неуловимое*). Дадим их схематическое описание.

А. «+;+» («известный субъекту», «четкий для восприятия») – уверенная категоризация, идентификация объекта: *Это X. Явный X. Типичный X* и др.

В. «+;–» («известный субъекту», «нечеткий для восприятия») – наиболее вероятная, предположительная категоризация, попытка обнаружить в воспринятом образе признаки конкретного типа объектов: *Наверное, это X. Похоже, что это X. Больше всего напоминает X. Скорее, всего, это X* и др.

C. «–;+» («неизвестный субъекту», «четкий для восприятия») – неуверенная категоризация, попытка найти сходство между воспринятым образом и известными типами объектов: *То ли X, то ли* Y. *Не то X, не то* Y и др.

Заметим, что ситуации B и C бывает трудно разграничить, их разделение весьма условно: субъект либо «не узнает», либо «не знает» объект. Обе ситуации характеризуют предположительную, неуверенную категоризацию.

D. «–;–» («неизвестный субъекту», «нечеткий для восприятия») – самая приблизительная, описательно-уподобительная, создаваемая «по случаю» категоризация: *В* Y *есть что-то* X-*ое.* Также возможна и «пустая» категоризация, констатация самого факта существования объекта при недостаточности или, напротив, чрезмерной сложности данных для его симультанной категоризации: *Был некоторый X. Что-то / нечто неуловимое.*

Важно понимать, что оба критерия – «(не)известность субъекту» и «(не)четкость восприятия» – зависят от самого субъекта, от наблюдателя. Именно поэтому и *типичное*, и *неуловимое* следует относить к модусным, субъективно-оценочным категориям [Болдырев 2019: 152-157; Калинина, Трушков 2017]. Представим для примера ситуацию проверки зрения в кабинете окулиста по таблице с буквами. Всякий взрослый человек, проходящий такую проверку, знает буквы родного алфавита, но в зависимости от остроты зрения и от уверенности в показаниях собственных органов чувств про одну и ту же букву в одной и той же строке таблицы один человек уверенно скажет *«Н»*, другой – *«кажется, Н»*, третий – *«то ли Н, то ли И»*, четвертый – *«не вижу, не знаю»*. С другой стороны, если предъявляемые изображения субъекту в принципе незнакомы, то даже при самом четком восприятии он может назвать данный объект, используя единицы *возможно, похож, напоминает, скорее всего, странный, непонятный, то ли… то ли, не то… не то, кто-то, что-то, не знаю* и др. Ср. в связи с этим [Сидорова 2017].

В качестве примеров того, как один и тот же объект (признак, явление) может категоризироваться в диапазоне от «типичного» до неуловимого», приведем контексты, где характеризуются объекты, подходящие под категории «учитель», «запах цветов» и «провинциальность». Все примеры взяты из [НКРЯ].

(1) *Был он* ***типичный учитель****, какие бывали сто лет назад* (Д. Самойлов. Общий дневник); *Бородка, безвольный подбородок, пухлые губы, заостренный хрящеватый нос…* ***Похож на учителя****. Молодое, но уже измученное одутловатое лицо* (О. Павлов. Асистолия); *Внутри… стоял мужичок в пиджаке и картузе, явно из сельских разночинцев –* ***не то телеграфист, не то землемер, не то учитель астрономии*** (П. Крусанов. Укус ангела); *В тоне его есть* ***нечто учительское*** (Н. Карамзин. Письма русского путешественника).

(2) *На складе стоял* ***сильный запах лаванды*** (А. Житков. Супермаркет); *Цветы распространяли вокруг тонкий* ***аромат****,* ***похожий на запах миндаля*** (И. Ефремов. На краю Ойкумены); *Что-то приторно-сладкое, вялое и мечтательное,* ***запах цветов или самой земли****, витало в воздухе* (Б. Хазанов. Корсар); *Я и сейчас все еще чувствую…* ***неуловимый аромат полевых цветов*** (В. Шульгин. Последний очевидец).

(3) *...Хозяин фургона, высокий мужик лет тридцати пяти в широких брюках, пиджаке и зеленоватой рубашке с узким желтым галстуком.* ***Явный провинциал*** (В. Мясников. Водка); *Иду по улице и вижу: идет передо мной старичок и номера у домов читает. Я так сразу и подумал:* ***наверно, провинциал*** (Д. Мамин-Сибиряк. Черты из жизни Пепко); *По одежде не угадаешь:* ***мохнатый свитер… выглядит провинциально, но такой свитер вполне может напялить на себя и продвинутая юная москвичка*** (А. Слаповский. Любовь по-нашему); *В нем было* ***что-то неуловимо провинциальное*** (В. Катаев. Алмазный мой венец).

Как видим, в каждом случае налицо 4 степени категоризации: уверенная (*типичный учитель; сильный запах лаванды; явный провинциал*); предположительная (*похож на учителя; аромат, похожий на запах миндаля; наверно, провинциал*); неуверенная (*не то телеграфист, не то землемер, не то учитель; запах цветов или земли; выглядит провинциально, но… может… и москвичка*); самая приблизительная (*нечто учительское; неуловимый аромат цветов; что-то неуловимо провинциальное*). При этом только первый вариант описывает точное распознавание объекта, три остальные варианта представляют собой разные степени неуверенности.

Для данного положения дел в сфере категоризации уместной представляется аналогия с квантовыми эффектами в физике. Отметим наиболее явные параллели между этими, казалось бы, весьма далекими областями.

Как в квантовой физике всякий фотон или электрон одновременно признается и волной, и частицей (принцип дополнительности), так и применительно к категоризации можно утверждать то же самое о всяком ее акте. Акт категоризации представляет собой «частицу», «точку» в том случае, если мы имеем дело с уже готовым результатом. При этом идеальная, четкая «точка» – это уверенная категоризация: *Я сам* ***вижу, что это собака****, а не швабра* (К. Станюкович. Куцый). Но если учитывать все вероятные результаты категоризации, то, пока не реализован какой-то один из них, процесс категоризации представляет собой «волну», у которой потенциально есть свои максимум, минимум и переходная зона между ними: ¯_ Ср.: *Это собака – зверь очень похож на собаку; не то собака, не то лиса – в нем есть что-то собачье*. Как «волновая функция описывает не какую-то материальную волну, а лишь вероятность появления частицы в том или ином месте» [Федосеев 2005: 232], так и процесс категоризации имеет вероятностный характер и зависит от возможностей данного субъекта в данной ситуации. И здесь обратим внимание на то, что и в квантовой физике, и в категоризации важную роль играет фигура наблюдателя. Конечно, отождествлять процедуры интерпретации показаний коллайдера и того, что в каких-то условиях «кажется» обычному человеку, нельзя. Однако сама идея о том, что «“объективная реальность” задается, в определенном смысле творится интерпретацией» [Самойлов 2011: 53], представляется в наше время справедливой не только для гуманитарных наук.

Продолжая аналогию, заметим также, что параметры «(не)известность субъекту» и «(не)четкость восприятия» могут интерферировать. Так, они усиливают друг друга при совпадении в зонах максимума («+;+») и минимума («–;–»). Ср.: *В кустах зашелестело. Алеша* ***присмотрелся. Синицы.*** *Черные полумаски, белые воротнички, зеленоватые кофточки* (А. Снегирев. Зимние

праздники) – Алеша знает синиц (+), Алеша ясно видит именно синиц (+); *В твоей квартире есть* ***что-то неуловимо восточное*** (Ю. Пешкова. По мотивам) – субъект не знает, что именно в обстановке ему кажется «восточным» (–) и нечетко улавливает сигналы «восточности» (–). В переходных зонах («+;–» и «–;+») указанные параметры друг друга ослабляют. Ср.: *Попахивало от него* ***то ли навозом, то ли парным молоком*** (А. Азольский. Облдрамтеатр) – субъект знает запахи и навоза, и парного молока (+), но не уверен в том, какой именно из этих запахов он ощущает (–); *В египетских гробницах вы увидите фрески, где* ***с поразительной точностью*** *нарисованы все породы зверей, обитавших в Египте. Среди них* ***неизвестный зверь*** *огромной величины,* ***похожий на гигантскую гиену*** (И. Ефремов. На краю Ойкумены) – субъект не знает, к какому классу отнести существо на фреске (–), хотя ясно воспринимает его изображение (+).

Высказанные соображения согласуются с другими наблюдениями, подтверждающими, что когнитивные процессы протекают подобно квантовым (благодаря чему появилось такое научное направление, как квантовая когнитивистика), и требуют дальнейшего осмысления.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 480 с.

Калинина Л.В., Трушков М.А. «Типичное» и «неуловимое» как модусные категории языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 78-89.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/new/.

Самойлов И.В. Проблема интерпретации и ее связь с онтологией неклассической физики // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 4 (16). С. 52-56.

Сидорова М.Ю. Описания изображений «неизвестных» животных: категоризация и атрибуты // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Международной конференции, посвященной 85-летию П.А. Леканта. М.: ИИУ МГОУ, 2017. С. 136-143.

Федосеев И. Физический смысл квантовой теории // Энциклопедия для детей. Т. 16. Физика. Ч. 2. М.: Аванта+, 2005. С. 231-236.

L.V. Kalinina (Kirov, Russia)
Vyatka State University

BETWEEN TYPICAL AND IMPERCEPTIBLE: “QUANTUM EFFECTS” OF CATEGORIZATION

Categorization is considered as a process with various probable results depending on the correlation of the parameters ‘(non)acquaintance of a person with the object’ and ‘(un)distinctness of perception of the object by a person’. Interdisciplinary parallels between categorization and the quantum effects of non-classical physics are drawn.

Key words: categorization, degrees of categorization, subjectivity of categorization, quantum cognitive science.

Н.И. Комкова *(Тула, Россия)*
Московский государственный институт культуры, филиал в г. Туле
lingvo_2012@mail.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА *МАСТЕР* В ПРОЗЕ Б.В. ШЕРГИНА

Статья посвящена рассмотрению концепта МАСТЕР как фрагмента концептосферы Б.В. Шергина. На материале рассказов разных лет показано, какие лексемы участвуют в репрезентации концепта.

Ключевые слова: концептосфера, концепт МАСТЕР, язык Б.В. Шергина.

Текст художественной литературы представляет собой памятник культуры, отражающий социо-историко-культурный контекст (термин О.В. Ломакиной [Ломакина 2015: 41]), основополагающим объектом художественного текста является концепт.

Описание концептосферы Б.В. Шергина «подразумевает последовательное рассмотрение отдельных концептов в контексте всего творческого наследия писателя» [Ломакина 2019: 781]. Как показали наши наблюдения, произведения Б.В. Шергина пронизывает не только узуальная лексикология и паремиология, но и окказиональная, «появившаяся под влиянием топоса – Архангельского края» [Комкова 2019: 200], земли простых поморов: ремесленников, плотников, красильщиков, сказителей. Труд этих людей, которому они посвящали всю свою жизнь, по праву может считаться истинным *мастерством.* Поэтому важным для шергинского творчества является концепт МАСТЕР, пронизывающий прозу Б.В. Шергина.

Цель данной статьи – проанализировать концепт МАСТЕР в прозе Б.В. Шергина. Материалом исследования служит цикл рассказов «О кормщике Маркеле Ушакове».

В рассматриваемых рассказах одним из лексических средств репрезентации концепта МАСТЕР является одноименная лексема. Согласно «Словарю русского языка», лексема *мастер* имеет четыре лексико-семантических варианта: «1. Квалифицированный работник, занимающийся каким-либо ремеслом. 2. Человек, достигший большого умения, мастерства в своем деле. 3. Лицо, осуществляющее административное и техническое руководство цехом, сменой и т.д. 4. Звание, присваиваемое спортсменам, достигшим определенных результатов в том или ином виде спорта, а также лицо, носящее это звание» [Словарь 1981-1984, т. 2: 234].

Представим примеры из цикла рассказов «О кормщике Маркеле Ушакове», в котором раскрывается концепт МАСТЕР.

Повествуя о встрече Ушакова и Фомы Кырколова, Б.В. Шергин вкладывает в уста Фомы Кырколова свою жизненную позицию: настоящий мастер должен постоянно переживать за свой труд, надо стараться сделать его лучше, тогда

работа станет истинным «художеством»: «*Этак однажды привелся на пристани Фома Кыркалов, поздоровался с Маркелом и говорит насмешливо:*

– Все ходишь, ***мастер*** *Маркел Иванович? Все любуешься на суда свои?..*

– Нет, нет, Фома Онаньевич, – горестно и гневно отвечал Маркел. – Досадовать хожу, горячиться, сам на себя, хожу. Гляжу, ошибки свои считаю. Косность ума своего обличаю.

Каркалов снял шапку и поклонился Ушакову в пояс:

– Когда так, Маркел Иванович, – ты настоящий, истинный ***художник****!»* («Ушаков и Фома Кырколов»).

В записи-зарисовке юного Маркела «Мастер Молчан» Б.В. Шергин выводит настоящего представителя своей профессии: «*На Соловецкой верфи юный Маркел Ушаков был под началом у* ***мастера*** *Молчана. Первое время Маркел не знал, как присвоиться к этому учителю, как его понять. Старик все делает сам. По всякую снасть идет сам. Не скажет: принеси, подай, убери.*

Маркел старался уловить взгляд ***мастера*** *– по взгляду человека узнают. Но у старика брови, как медведи, бородища из-под глаз растет – поди улови взгляд»* («Мастер Молчан»).

Если в первом примере лексема *мастер* выступает во втором значении, то во втором контексте происходит расширение значения, концепт получает иной смысловой оттенок при помощи актуализаторов: Молчан предстает учителем, обладающим богатыми душевными качествами («*Старик все делает сам. По всякую снасть идет сам. Не скажет: принеси, подай, убери*»), а потому служащим примером для других.

Истинного мастера Б.В. Шергин называет художником, работы которого неподражаемы и остаются в памяти благодарных потомков: «*Не от слов, а от дел и примера учись нашему* ***художеству****… Ты ведь* ***художник****. Твоего дела тесинку возьмешь, она, как перо лебединое»* («Мастер Молчан»).

Концептуальное содержание рассказа, передаваемое посредством лексем *мастер, художник*, создает некий дуализм этих понятий, при этом нивелируя семантическую разницу между ними: ремесло и искусство едины, если создаются с душой и не лишены таланта.

Сам Маркел называл свое искусство мастера-судостроителя и опытного мореходца словом *художество*: «*Все свои знания Маркел объединял словом* ***“художество”****… Пчела, куда ни полетит, делает мед. Так и* ***художный мастер****: куда ни придет, где ни живет, зиждет доброту (создает красоту)»* (рассказ «Художество»).

В рассказе «Понятие об учтивости», также входящем в цикл «О кормщике Маркеле Ушакове», крестьяне из деревни Лодьма отвечают проезжающему мимо чиновнику, что у них все мастера, каждый в своей отрасли:

«– Кто у вас тут ***мастер****?..*

– Все ***мастера****, кто у чего…* («Понятие об учтивости»).

Для земляков Б.В. Шергина найти свое дело в жизни – священный долг, чтобы потомки могли человека мастером назвать.

Для Маркела Ушакова, как и для самого автора, мастер – это не возраст человека и не время нахождения его в профессии, а степень овладения любимым делом, что прославленный кормщик и объяснил людям в рассказе «Ушаков и Яков Койденский». Б.В. Шергин использует глагол *чествовать* как высшее одобрение трудов Якова Койденского, тем самым усиливая значение агентива *мастер*, о котором судят по делам: «*Как-то при людях Маркел почествовал Якова, назвав его* ***мастером.*** *Люди подивились:*

– Столь молодого ты называешь ***мастером****…*

Маркел отвечал:

– Дела его говорят, что он ***мастер****»* («Ушаков и Яков Койденский»).

Любая профессия достойна высокого звания, если человек живет своим ремеслом, посвящает ему всю свою жизнь. Б.В. Шергин восхищен бабушкой Вани, которой посвящен ряд рассказов: «*У твоей бабки есть звание "****мастер*** *малярного дела". Она и штукатурное и малярное дело умеет, и краску всякую знает, и древесную породу понимает»* («Собирай по ягодке – наберешь кузовок»). Ювелирное владение своей профессией для писателя – это *звание*.

В рассказе «Плотник думает топором» писатель создает образ плотника: *«Теперь* ***мастер*** *принялся за крыльцо… Простая снасть топор, но в умелых руках всякое дело родится красовито. Неправильно говорят, что, например* ***живописец*** *– это* ***художник****, а плотник, столяр – это простой рабочий»* («Плотник думает топором»). Б.В. Шергин расширяет концептуальный ряд *мастер-художник* устаревшим существительным *живописец*, акцентируя момент преемственности и наследования ремесла от мастера к мастеру, из поколения в поколение, при этом он использует прием авторской семантизации, представляя равновеликие в его понимании агентивы.

Не менее важен труд мастера-сказителя, передающего богатую историю и культуру Северного края, сложенные веками традиции мореходства и промысла, потому что для каждого помора наследие прародителей чтимо и незыблемо: «*Из-за нас* ***мастеров****-посказателей, артельные старосты плахами березовыми бились, дрались, боем отбивали, отымом отымали нас друг у друга*» («Новая земля»), ведь каждый новый морской путь, каждый приобретенный для рыбного предприятия навык должны быть «запечатлены» бессмертным словом.

Только собирание по крупицам наследия предыдущих поколений позволит сформировать душу истинного *художника*, поэтому всегда нужно использовать опыт работ *мастеров* старой школы: *«Когда мой ум обленится, я иду глядеть* ***художество*** *прежде бывших* ***мастеров****. Любуюсь, удивляюсь: как они умели делать прочно, красовито…»* («Дождь»). Устаревшая лексема *красовито* позволяют писателю погрузить читательскую аудиторию в атмосферу прошлого, наследия богатой культуры поморов и расширяет определение работы мастеров. Семантика *мастер* в рассказе «Дождь» обыгрывается при помощи однокоренных слов *мастерская, подмастерья*, тем самым усиливая единство концептуального содержания повествования.

Таким образом, концепт МАСТЕР в рассказах Б.В. Шергина вербализован одноименной лексемой, но получает авторское толкование за счет расширения узуального значения. Агентивы *художник, живописец* в прозе писателя также используются для обозначения семантики филигранного овладения тем или

иным трудом, достижения истинного *мастерства* в выбранном ремесле. Для поморского мастера ремесло – дело всей жизни, «художество», которому он всегда будет верен. Концепт МАСТЕР в прозе Б.В. Шергина максимально приближен к когнитивной репрезентации: влияние труда простого, но истинного *художника*, радеющего за свое дело, невозможно переоценить, это отличает поморскую культуру в целом: каждый узор на корабле, каждый повойник, умело украшенный *живописцем,* являются частью огромного пласта славянского наследия – достояния поморских *мастеров*, соотечественников Б.В. Шергина, которых он знал, понимал, всю свою жизнь собирал истории, связанные с родным краем. Использование опыта конкретного человека для понимания быта, жизни целого субэтноса приближает прозу Шергина к когнитивной репрезентации концепта МАСТЕР.

Литература

Комкова Н.И. Паремии в роли заглавия художественного произведения (на материале рассказов Б.В. Шергина) // Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме: сборник научных статей / редкол.: Е.В. Ничипорчик (гл. ред.) [и др.]; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Российский центр науки и культуры в Гомеле. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. С. 198-201.

Ломакина О.В. Фразеологические средства вербализации концепта СМЕРТЬ в творчестве Л.Н. Толстого // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVII. С. 780-785.

Ломакина О.В. Фразеология в языке Л.Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексикографическое описание: дис. … д-ра филол. наук. СПб., 2015. 390 с.

Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981-1984. Т. 2.

N.I. Komkova (Tula, Russia)
St. Tikhon's Ortodox University,
Tula branch of Moscow state Institute of Culture and Arts

LEXICAL MEANS OF REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF MASTER IN SHERGIN`S PROSE

The article is devoted to the consideration of the concept of MASTER as a fragment of the conceptual sphere of Boris Shergin. It is shown which tokens are involved in the representation of the concept on the basis of stories from different years.

*K*ey words: conceptual sphere, the concept MASTER, language of Boris Shergin.

К.И. Леонтьева *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
ksenja_leontieva@mail.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕПЕРСПЕКТИВАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ: МОДЕЛИ, ФОРМАТЫ И ДОМИНАНТЫ[1]

Представлена когнитивная типология общих моделей и частных форматов социокультурной (ре)перспективации при переводе конструируемой в произведении модели мира. Выявлена система доминант, координирующих процессы перспективации в сознании, дискурсе и тексте переводчика. Статья резюмирует результаты сравнительно-сопоставительного анализа 33 параллельных текстов.

Ключевые слова: художественный перевод, дискурс, социокультурная перспектива, реперспективация, когнитивная доминанта, языковое сознание.

Хотя социокультурные аспекты художественного перевода исследуются достаточно давно, когнитивные механизмы в основе социокультурной (ре)перспективации (адаптации, трансформации) конструируемой в произведении модели мира остаются terra incognita. Их осмысление имеет значение и для теории, и для практики перевода. Во-первых, эти механизмы соотносимы с «когнитивным бессознательным» – локусом эмоции, ассоциации, интуиции и инсайта в основе образности и креативности художественного мышления, формой которого является и перевод. Во-вторых, именно на уровне неявного осознания возникают те «непреодолимые и необратимые различия», которые недоступны контролю даже опытного переводчика [Venuti 2013: 54]. При этом наиболее значимыми будут различия в организуемой художественными кодами текста социокультурной перспективе в основе дискурсивной семантики. Это определяет *актуальность* исследования, *цель* которого – вывить типичные модели и форматы (ре)перспективации произведений англоязычной литературы в русских переводах.

В ходе исследования было рассмотрено 33 текста – 11 оригинальных произведений и 2 перевода каждого произведения на русский язык. Тексты анализировались на предмет реализованных в них моделей и форматов перспективации с учетом роли значимых для переводчика «*когнитивных доминант»* [Болдырев 2019] – структур индивидуального, но при этом социокультурно специфицированного знания, которые в силу онтологической и когнитивной выделенности для переводчика характеризуются автоматизмом активации (феноменологическое сознание). Понятие доминанты позволило учитывать гетерогенность *любых* структур знания, включая знаковые «концепты культуры», которые для конкретного переводчика могут обладать как *высокой* (доминантный характер), так и *низкой* (недоминантный характер) и вообще *нулевой значимостью* [Леонтьева 2018].

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00267) в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина

На первом этапе исследования была выделена система потенциально доминантных для переводчика с английского на русский язык моделей интерпретации мира, реализованных во всех текстах, на различных уровнях художественной структуры и независимо от параметров стратегии перевода. Это:

1) *модели интерпретации каузальности* АНТРОПОЦЕНТРИЗМ (АГЕНТИВНОСТЬ), МИСТИЦИЗМ (ПАССИВНОСТЬ), ЧЕЛОВЕК, БОГ, СУДЬБА (FATE vs. DESTINY), СЛУЧАЙ, (НЕ)ПРЕДСКАЗУЕМОЕ и (НЕ)ОПРЕДЕЛЕННОЕ – предопределяют общую аранжировку элементов перспективы;

2) *поведенческие и оценочные модели* (образуют оппозиции) СТАБИЛЬНОСТЬ – ИЗМЕНЕНИЕ; СОСТОЯНИЕ – ПРОЦЕСС; ПРИНУЖДЕНИЕ, СИЛА – СВОБОДА, ВОЗМОЖНОСТЬ (OPPORTUNITY), ВЫБОР; ВОЗДЕЙСТВИЕ – ДЕЙСТВИЕ; СМИРЕНИЕ – ВОЛЯ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ; ТЕРПЕНИЕ – РИСК, ВЫЗОВ (CHALLENGE); ДУША, ДУХОВНОЕ – ТЕЛО, МАТЕРИАЛЬНОЕ; ВНУТРЕННЕЕ (ЭТИЧЕСКОЕ) – ВНЕШНЕЕ (ЭСТЕТИЧЕСКОЕ); ЭТИКА – ПРАГМАТИКА; ЭМОЦИЯ, ОЦЕНКА – РАЦИОНАЛИЗМ; СОЦИАЛЬНОЕ – ИНДИВИДУАЛЬНОЕ; ОБЩЕЕ, СОВМЕСТНОЕ – ЛИЧНОЕ (PRIVATE, PRIVACY); КОНФОРМИЗМ – ТОЛЕРАНТНОСТЬ; ДИСТАНЦИЯ, ВЛАСТЬ, СТАТУС – РАВЕНСТВО; НОРМА, СТЕРЕОТИП, РОЛЬ – ЕДИНИЧНОСТЬ.

На втором этапе исследования с опорой на выделенные доминанты были выявлены и типологизированы модели (форматы) социокультурной (ре)перспективации, частотно реализуемые в проанализированном корпусе переводов.

I. По типу доминант в основе, социокультурному вектору и модусу осознания выделены три базовых модели (частотно их сочетание в одном переводе):

1. *Модель резистивного фрейминга перспективы* предполагает рефлективное подавление доминантной активации (механизм когнитивного контроля, сознание-доступ) форм языкового сознания, маркирующих переводчика как субъекта русского социокогнитивного пространства, в частности, в случае их конфликта с моделями интерпретации, инициируемыми кодами произведения (эстетическая доминанта стратегии перевода, механизм социокультурного ориентирования). В чистом виде реализуется редко, в снятой форме прослеживается в современных переводах, проявляющих тенденцию к форейнизации текста.

2. *Модель ассимилятивного рефрейминга перспективы* предполагает не осознаваемую переводчиком (автоматический модус, феноменологическое сознание, механизм социокультурного позиционирования) доминантную активацию форм языкового сознания, маркирующих переводчика как субъекта русского социокогнитивного пространства. Данная модель наиболее частотна ввиду невозможности полного подавления активации доминант, естественности когнитивного диссонанса при переводе, а также типичной для русских практик художественного перевода тенденции к доместикации текста.

3. *Модель агрессивного рефрейминга перспективы* рефлективно форсирует ассимилятивные тенденции в эстетических и/или идеологических целях (сознание-доступ, механизм социокультурного ориентирования, доминанта стратегии перевода) независимо от координируемой кодами произведения перспективы. Характерна для идеологически маркированных советских практик реалистического перевода (фактор хронотопа), а также современных практик «женского» и «мужского» письма (фактор гендера).

II. По характеру трансформации нарративной перспективы, соотносимой с эстетическими формами языкового сознания, выделены следующие модели.

1. Инверсия модусов художественности ПОВСЕДНЕВНОЕ – ТРАНСЦЕДЕНТНОЕ [Миловидов 2019], преимущественно вследствие лексической рекатегоризации на ином уровне и различных форм эвфемизации / дисфемизации.

2. Инверсия нарративного модуса СОБЫТИЙНОСТЬ и описательного модуса ИТЕРАТИВНОСТЬ, в том числе за счет:

– стативизации модели диегетического мира в результате 1) профилирования терминирующей фазы событий и концептуальной характеристики РЕЗУЛЬТАТ-СОСТОЯНИЕ; 2) темпоральной лексико-грамматической рекатегоризации событий в гештальтном формате (его языковой интерпретации в форме недифференцированного на фазы фрагмента опыта); 3) синтаксических и текстовых форм сжатия художественного времени и времени наррации; 4) деперсонификации и реификации характеристик действий персонажей; 5) интерпретации (часто через номинативную рекатегоризацию) ситуативных адьективных и адвербальных признаков действий персонажей как константных качеств их личности;

– пассивизации модели диегетического мира и образа мира персонажа через 1) дефокусирование его роли в структуре тех или иных, в особенности сюжетообразующих событий (деагентивация); 2) иные формы реконцептуализации каузальных связей событий в диегетическом мире произведения; 3) трансформацию вероятностной модели диегетического мира (эстетические доминанты ИНДИВИД + ВЫБОР + ДЕЙСТВИЕ + ОТВЕТСТВЕННОСТЬ; прототип современной художественной литературы) в окказиональную (доминанты ИНДИВИД + СЛУЧАЙ), императивную (доминанты СОЦИУМ + НОРМА + РОЛЬ + ОЦЕНКА) и, реже, прецендентную (доминанты СУДЬБА + РОЛЬ + СМИРЕНИЕ) модели (о данных типах нарративных моделей см. [Тюпа 2010]).

3. Расширение границ и иные формы трансформации пространства диегетического мира в результате 1) профилирования иных концептуальных характеристик в структуре образующих его событий и сцен; 2) интерпретации концептуальных характеристик в формате иной модальности; 3) категориальных сдвигов по параметрам ДЕТАЛИЗАЦИЯ – ГЕНЕРАЛИЗАЦИЯ и КОНКРЕТНОЕ – АБСТРАКТНОЕ; 4) инверсии модального и дигитального модусов наррации; 5) сдвига на уровень оценочный социальной категоризации (с возможным форсированием итеративности и инверсией модуса наррации); 6) первичной категоризации повторной референции (снятие лексических и тематических повторов).

4. Инверсия субъективно-аффективного и хроникерского модусов репрезентации наррации в результате 1) субъективации / обьективации / стереоти-

пизации оценочной категоризации; 2) сдвига модуса эвиденциальности наррации и инверсии модуса присутствия переводчика-нарратора в интерпретируемой сцене (бестелесный либо телесный наблюдатель, агенс или пациенс) за счет а) выбора иной точки обзора, б) инверсии партитивного и гештальтного форматов перспективации, в) расщепления фокуса внимания, г) рефрейминга структуры континуума ФОКУС – ФОН и общей структуры аттенционального фрейма в основе перспективы, д) категориальных сдвигов по параметрам ДЕТАЛИЗАЦИЯ – ГЕНЕРАЛИЗАЦИЯ и КОНКРЕТНОЕ – АБСТРАКТНОЕ, е) вторичной метафорической / метонимической интерпретации событий, сцен и их отдельных характеристик, ж) инверсии модального и дигитального модусов наррации, з) самоидентификации (механизм эмпатии, принятие точки зрения) переводчика с персонажем, а не с нарратором, текстовую функцию которого переводчик призван выполнять.

5. Жанровая рекатегоризация произведения и рефрейминг рецептивных ожиданий с когнитивной точкой референции в иной «парадигме художественности» [Тюпа 2010] (механизмы интертекстуальности и интердискурсивности).

Говорить об однозначных трендах реализации выделенных форматов реперспективации сложно, поскольку их комбинации, как и комбинации доминант в их основе, непредсказуемы и варьируются на протяжении одного перевода. Однако в рассмотренном материале прослеживается некоторая тенденция к абстрагированию, в частности, за счет сдвигов в дигитальный модус наррации, а также к социальной стереотипизации оценочной категоризации, стативизации, пассивизации, итеративизации и некоторой объективации повествуемого, но при частотной репрезентации наррации в субъективно-аффективном, а не тяготеющем к объективации хроникерском модусе. Данные тенденции можно рассматривать как семантический эффект действия системы тех доминант, которые маркируют дискурс переводчика-билингва как субъекта прежде всего русского социокогнитивного пространства. Схожие доминанты лежат в основе императивной модели мира, актуальной для «роевого» и «ролевого» типов сознания с характерной для них парадигмой эстетического традиционализма [Тюпа 2010].

Литература

Болдырев Н.Н. Доминантный принцип организации языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVII. С. 37-44.

Леонтьева К.И. Доминантный принцип перевода и механизмы его реализации в дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 37-46.

Миловидов В.А. Металингвистика повседневности // Гуманитарные аспекты повседневности: проблемы и перспективы в XXI веке. Воронеж, 2019. С. 20-27.

Тюпа В.И. Дискурсные формации. Очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010.

Venuti L. Translation Changes Everything. London: Routledge, 2013.

K.I. Leontyeva (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

SOCIOCULTURAL REPERSPECTIVATION IN LITERARY TRANSLATION: PATTERNS, FORMS AND DOMINANTS

Summing up the outcomes of a comparative study of 33 parallel texts in English and Russian, the article presents a cognitive typology of basic patterns and particular forms of sociocultural reperspectivation of the initial narrative world image in the translator's text. A system of cognitive dominants, which might be held accountable for such reperspectivation, is outlined as well.

Key words: literary translation, discourse, sociocultural perspective, reperspectivation, cognitive dominant, linguistic cognition.

О.В. Ломакина *(Москва, Россия)*
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Российский университет дружбы народов
rusoturisto07@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА *ДОМ* В ТВОРЧЕСТВЕ Л.Н. ТОЛСТОГО

Статья посвящена рассмотрению концепта ДОМ как неотъемлемого компонента концептосферы Л.Н. Толстого. Показано, какие фразеологические единицы и пословицы составляют обозначенный концепт в текстах писателя.

Ключевые слова: язык Л.Н. Толстого, фразеологическая единица, пословица, концептосфера, концепт ДОМ.

Система ценностей любого народа отражена в концептосфере, вербализуемой различными языковыми единицами. «Инвентаризация языкового (прежде всего, паремиологического) материала позволяет уточнить перечень ценностей, выделив ядро и периферию состава» [Ломакина, Мокиенко 2018: 306]. Согласно В.И. Карасику и Г.Г. Слышкину, ядро концепта составляют наиболее важные для этноса ассоциации, а периферию – менее значимые [Карасик, Слышкин 2001].

Состояние души человека, его внутренняя жизнь зависит от места, где он живет. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» дом определяется как «жилое пространство человека, символ семейного благополучия и богатства, локус многих календарных и семейных обрядов» [Славянские 1999: 116]. Согласимся с мнением С.А. Тимощенко, что концепт ДОМ является универсальным, а фразеологизмы и паремии, наполняющие этот концепт, отражают «философию, психологию и этику народа» [Тимощенко 2006: 238-239]. Этот концепт имеет матричный характер и обусловлен особенностями национального характера, образа жизни народа, его традициями и привычками. Э. Лассан называет дом «мерой всех вещей», что дает основание утверждать: не только антропоцентрическая метафора управляет миром, но и «домовая» [Лассан 1999: 103],

а дом «накладывается на наш образ мира и структурирует нашу жизнь в этом мире сообразно своему устройству» [Тимощенко 2006: 237].

«Описание концептосферы того или иного писателя подразумевает последовательное рассмотрение отдельных концептов в контексте всего творческого наследия писателя, т.е. с учетом не только художественных, но и дневниковых, эпистолярных мемуарных, публицистических текстов, дополняющих индивидуальную картину мира» [Ломакина 2019: 781]. При помощи методики ценностного шкалирования (подробнее см.: [Ломакина 2006]) был выделен репертуар концептов, составляющих концептосферу Л.Н. Толстого: концепты ДОМ, СЕМЬЯ, ГРЕХ, ВЕРА, СМЕРТЬ и др.

Целью данной статьи является характеристика роли фразеовербализаторов в создании концепта ДОМ в текстах различных жанров, созданных Л.Н. Толстым. Под фразеовербализаторами мы понимаем различные по структуре и происхождению фразеологические средства (прежде всего – фразеологизмы и паремии), помогающие представить рассматриваемый концепт.

Анализ толстовских текстов показал, что концепт ДОМ вербализуется, прежде всего, в паремиях, содержащих одноименную лексему (*В гостях хорошо, а дома лучше*; *Как ни хорошо в гостях, а дома лучше*; *И в гостях хорошо, и дома хорошо; Маремьяна-старица, по всем мире печальница, а дома не емши сидят; Дома стены помогают*), а также фразеологических средствах с компонентами, ассоциирующимися с этим концептом. Например, двор (4): *войти во двор*, *принять во двор, на дворе, спихнуть со двора*; земля (3): *Земля наша малая, не то, что скотину, – курицу, скажем, и ту выпустить некуда; расступись, мать сыра земля; земля-матушка никому не скажет, как корова языком слижет;* дверь (1): *Всякий пусть метет перед своей дверью*; стена (1) *в четырех стенах* и др.

Самой частотной является пословица *В гостях хорошо, а дома лучше*, которая построена на контрасте и содержит противопоставление дома внешнему миру. Эта паремия и ее варианты употреляется как в художественных текстах, так и в письмах: *Ежели бы я не сознавал, что мое путешествие мне полезно во многих отношениях и что я не теряю здесь времени, я вернулся бы в Россию уже месяц тому назад (с фр.).* ***В гостях хорошо, а дома лучше****, особенно уже в мои года и так и тянет домой к вам под крылышко* (Письмо Т.А. Ёргольской 26 июня – 8 июля 1857 г.); *До сих пор ничего особенного не работаю. Все копаюсь над старым. Но надеюсь воспользоваться досугом. –* ***Как ни хорошо в гостях, а дома лучше****. И я приеду, как хотел, уже никак не позже 24-го, если все будет хорошо у меня и у тебя* (Письмо С.А. Толстой 14 июня 1910 г.);

– Скоро ж, батюшка, вернулись, – сказала Агафья Михайловна.

– Соскучился, Агафья Михайловна. ***В гостях хорошо, а дома лучше****, – отвечал он ей и прошел в кабинет* («Анна Каренина», ч. I, гл. 26).

И не успел оглянуться, и прошла уж неделя. Какой неделя – остается уж только 5 дней до отъезда. Мы решили ехать 25-го. ***И в гостях хорошо, и дома хорошо*** (Письмо С.А. Толстой 19 июня 1910 г.).

В первых трех примерах пословица употреблена в значении «Какой бы хороший прием ни был обеспечен в гостях, он не заменит уют собственно-

го дома. Говорят, стремясь подчеркнуть любовь к родному дому». Фактически эта пословица отражает мироощущение писателя: Л.Н. Толстой считал, что дом, семья являются константами жизни. В последнем примере наблюдаем синтаксическую трансформацию паремии: благодаря повторяющемуся союзу *и…и* изменяется значение («Говорят, когда чувствуют себя одинаково комфортно и дома, и в гостях»).

Ценность дома также содержится в пословице *Дома и стены помогают*:

Я и теперь еще очень слаб и чувствую себя нездоровым. Но ***дома и стены помогают*** (Письмо М.О. Меньшикову 7 июня 1898 г.).

Левин нахмурился. Оскорбление отказа, через которое он прошел, как будто свежею, только что полученною раной зажгло его в сердце. Он был дома, а ***дома стены помогают*** («Анна Каренина», ч. 2, гл. 17).

Сема ‘дом как личное пространство’ реализуется в пословице *Всякий пусть метет перед своей дверью*: *То, что можешь сделать сам, не заставляй делать другого.* ***Всякий пусть метет перед своей дверью****. Если каждый будет делать так, вся улица будет чиста* («Путь жизни», IX, Тунеядство, 5).

В творческом наследии писателя дом воплощается по-разному: если в романах концепт ДОМ ассоциируется у писателя с усадебной культурой, то в народных драмах – с жизнью в деревне, чем объясняется употребление в народных драмах фразеологизмов с компонентом двор: *войти во двор*, *принять во двор, на дворе, спихнуть со двора*. В славянской культуре двор считался частью «жилого, освоенного пространства», но из-за того, что «примыкает к чужому, внешнему миру, а потому может быть опасным для домочадцев, особенно в определенное время суток и некоторые календарные периоды и дни» [Славянские… 1999: 31].

Концепт ДОМ можно считать макроконцептом, включающим такие концепты, как СЕМЬЯ, МУЖИК – БАБА, ОТЕЦ – МАТЬ, ГОСТЕПРИИМСТВО.

Несмотря на патриархальные устои, в толстовском творчестве подчеркивается роль женщины как хранительницы очага, хозяйки дома. Например: – *Позволенья никто не дает, а только что от мужчины в доме ничего не прибудет, а* ***женщина-жена*** *–* ***утлый сосуд****, – продолжал внушать купец* («Крейцерова соната», I).

Использованные писателем паремии, относящиеся к концепту ДОМ, не только позволяют выявить ценностные ориентиры писателя, но и отражают двойственность русского национального характера, сердобольность по отношению к чужому и нивелирование своих проблем: Матрена. *Уж прямо* ***Маремьяна-старица, по всем мире печальница, а дома не емши сидят****. Жаль девку, а сына не жаль. Навяжи ее себе на шею, да и ходи с ней. Буде пустое-то говорить* («Власть тьмы», д. 1, явл. XI).

В контексте толстовского творчества важное значение занимает перифраза *дом Бога (Отца)* в значении ‘храм’: *У меня ведь нет отца – человека, стало быть, Отец – Бог. Храм –* ***дом Бога****. Если бы вы искали меня в доме Отца моего, в храме, вы бы нашли меня* («Соединение и перевод четырех Евангелий»). Духовные искания Л.Н. Толстого привели его к необходимости трактовать библейский текст, делая его понятным и доступным.

Итак, концептосфера писателя представляет собой языковую систему, преломленную через призму общекультурных, художественных и индивидуально-

авторских концептов. При отборе языкового материала нельзя пренебрегать текстами различной жанрово-стилистической направленности. Употребление одних и тех же паремий и фразеологизмов в художественных, публицистических дневниковых и эпистолярных текстах показывает, какое место занимает та или иная ценность в концептосфере писателя. Как видно из примеров, в количественном отношении концепт ДОМ представлен небольшим количеством единиц, что, однако, не делает его периферийным. Этот концепт занимает промежуточное положение в ценностной системе координат Л.Н. Толстого: верхними «этажами» он устремлен к Богу, нижними – уходит в быт, в реальное существование. Вера в Бога, посещение храма не исключает повседневной жизни: погружение в быт, создание уюта позволяют человеку реализовать повседневные нужды, обеспечить существование на земле. Дом предстает как место для жизни, то, где хорошо, комфортно, в отличие от нахождения в гостях – на чужой территории, что отражает отношения «свой – чужой». В толстовском творчестве обнаруживается связь концепта ДОМ с концептами СЕМЬЯ, МУЖИК – БАБА.

Литература

Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75-80.

Лассан Э. О соотношении концепта ДОМ с другими концептами в текстах русской культуры // Текст. Узоры ковра. СПб.; Ставрополь, 1999. С. 103-105.

Ломакина О.В. Фразеологические средства вербализации концепта СМЕРТЬ в творчестве Л.Н. Толстого // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVII. С. 780-785.

Ломакина О.В. Фразеология народных драм Л.Н. Толстого: состав и особенности употребления: дис. … канд. филол. наук. Белгород, 2006. 178 с.

Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 303-317.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики; под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995–2014. Т. 2: Д–К (Крошки). 1999. 697 с.

Тимощенко С.А. Фразеологические репрезентации концепта ДОМ в русской языковой картине мира // Фразеологические чтения памяти профессора Валентины Андреевны Лебединской. Вып. 3 / отв. ред. Н.Б. Усачева. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2006. С. 237-240.

O.V. Lomakina (Moscow, Russia)
St. *Tikhon's Orthodox University*
Peoples' Friendship University of Russia

PHRASEOLOGICAL MEANS OF VERBALIZATION OF THE CONCEPT HOME IN THE L.N. TOLSTOY'S WORK

The article is devoted to the consideration of the concept of HOME – a component of the conceptual sphere of L.N. Tolstoy. It is shown which phraseological units and proverbs make up the designated concept in the writer's texts.

*K*ey words: L.N. Tolstoy language, phraseological unit, proverb, conceptual sphere, concept HOME.

А.Л. Лось *(Москва, Россия)*
Национальный исследовательский университет «МИЭТ»
al_los24@mail.ru

КОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК СПОСОБ АНАЛИЗА РАЗЛИЧИЙ В ЗНАЧЕНИЯХ СЛОВ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ АУДИАЛЬНУЮ ПЕРЦЕПЦИЮ

В статье анализируются различия в когнитивной интерпретации, составленной на основе ассоциативных характеристик и сочетаемости слов. Выявлены семантико-когнитивные признаки как элементы когнитивной интерпретации значений слов *шелест* и *шорох*, репрезентирующих аудиальную перцепцию. На примере этих слов показано, как с помощью когнитивной интерпретации можно объяснить различия в их значениях.

Ключевые слова: когнитивная интерпретация, семантико-когнитивный признак, аудиальная перцепция, семантический эксперимент, сочетаемость, значение.

Когнитивная интерпретация в общем понимании представляет собой результат смыслового обобщения описания значений слов, репрезентирующих некоторый концепт, с целью выявления и словесного формулирования семантико-когнитивных признаков, объективируемых значениями этих слов [Стернин 2004]. В конечном итоге набор семантико-когнитивных признаков ложится в основу моделирования концепта. Признаки, составляющие основу когнитивной интерпретации, мы называем семантико-когнитивными, поскольку они представляют результат смыслового обобщения семантических характеристик, и в их основе, так или иначе, лежит семантика слова.

Использование когнитивной интерпретации как инструмента, позволяющего исследовать процессы осмысления и структурирования знаний в нашем сознании, помогает решать как более общие, так и частные задачи. К общим задачам можно отнести построение модели исследуемого концепта на основе осмысления элементов его содержательной части или модели концептуализации определенного фрагмента действительности. Более частные задачи, которые не связаны с построением модели, заключаются в уточнении или четком разграничении значений синонимов или слов с близким значением. В большинстве случаев когнитивная интерпретация эффективна в тех случаях, когда синонимы выражаются друг через друга в словарях и объективируют содержательную сторону некоторого концепта. Так посредством когнитивной интерпретации семантических (сочетаемостных) характеристик исследуемого слова можно уточнить его значение.

Когнитивная интерпретация может строиться на базе следующих языковых и иных средств:

1) словарного описания слов, представляющих концепт;

2) исследования и описания сочетаемости этих слов путем использования корпусов текстов (Национальный корпус русского языка http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html – далее НКРЯ и другие корпусы текстов);

3) экспериментальной проверки сочетаемости слов (семантический эксперимент) или проверки ассоциаций, связанных с исследуемыми словами (ассоциативный эксперимент).

Этап экспериментальной проверки данных и их последующая интерпретация занимает важное место в любом исследовании. Однако в зависимости от того, что лежит в основе построения формулирования семантико-когнитивных признаков: анализ сочетаемости слов или их ассоциативные характеристики, сущность самой когнитивной интерпретации разная. По формальным признакам в обоих случаях мы имеем когнитивную интерпретацию, но по сути когнитивная интерпретация, построенная на анализе сочетаемостных характеристик слов или основанная на обобщении их ассоциативных характеристик, разные в той мере, в какой различаются данные, полученные при проведении ассоциативного и семантического экспериментов.

В основе ассоциативного эксперимента лежит исследование ассоциативных связей между словами и закрепленными за ними в сознании человека понятиями [Архипова 2011]. Во время эксперимента испытуемым предлагается ответить, какие ассоциации (реакции) у них возникают на некоторое слово (стимул). Ассоциации описываются словами или словосочетаниями. Реакция на стимул должна быть спонтанной, без раздумий. На обобщении словесно описанных ассоциаций формулируются семантико-когнитивные признаки как последующие элементы когнитивной интерпретации [Стернин 2004].

Семантический эксперимент используется как важный инструмент для выявления сочетаемости исследуемого слова. В ходе опроса в семантическом эксперименте информанту предлагается оценить высказывание как правильное или неправильное согласно нормам употребления в речи [Селиверстова, Сулейманова 1988]. При этом важна не спонтанная реакция, как в ассоциативном эксперименте, а продуманная оценка высказывания. На основании этой оценки можно заключить, используется ли исследуемое слово в заданном контексте или нет. По результатам анализа и обобщения данных о сочетаемости формулируются семантико-когнитивные признаки, составляющие значение исследуемого слова. Выявленные признаки определяют формирование семантики слова и позволяют уточнить его толкование на основе объяснения когнитивных связей между языковыми явлениями и процессами.

Значимость когнитивной интерпретации значений можно проиллюстрировать на примере слов *плакать* и *ворочаться*. В толковых словарях значение слова *плакать* обозначено как «проливать слезы (от горя, боли и т.п.); горевать, сожалеть по поводу чего-либо» [СРЯ 2 1984: 131]; слово *ворочаться* имеет следующее словарное описание: «переворачиваться,

поворачиваться с боку на бок, из стороны в сторону» [СРЯ 1 1984: 213]. При ближайшем анализе сочетаемости, ср.*: Было слышно, как она плакала; громко плакать; Петр слышал, как брат ворочался во сне*, можно заметить, что в языке данные действия представлены так, что в норме они могут сопровождаться звуками, и как раз семантико-когнитивный признак «процесс, сопровождающийся звуком» обязательно включается в когнитивную интерпретацию значений этих слов.

Знания о том, что эти действия могут сопровождаться звуками, являются частью «наивных» знаний о мире, которые известны индивиду по предыдущему аудиальному опыту. Значимость предыдущего опыта звукового ощущения очень важна, поскольку словесно объяснить или описать характер звука очень сложно.

Когнитивная интерпретация дает возможность выявить когнитивные связи, учитывающие иные особенности, сопровождающие процесс восприятия: чувственный образ, предыдущий перцептивный опыт, «наивные» знания о действительности и др. Эти так называемые «фоновые» знания помогают объяснить различия между значениями синонимов, репрезентирующих сходные звуковые ощущения, например, *шелест* и *шорох*. Из-за сложности языкового выражения такого рода ощущений словарные описания репрезентирующих их слов отсылают к словам, описывающим другие звуковые ощущения. В частности слово *шелест* выражается через слово *шорох*, а также в обоих словарных описаниях присутствует слово *шуршание*: «шелест – легкое шуршание, шорох» [СРЯ 3 1984: 708]; «шорох – глухой звук, шуршание….» [СРЯ 3 1984: 726]. По таким определениям сложно различить эти звуковые ощущения, и создается впечатление, что они имеют одинаковое проявление. При этом в языке эти ощущения представлены по-разному. Обратимся к анализу сочетаемости слов *шорох* и *шелест*. В ходе обобщения дистрибуций лексем *шелест* и *шорох* по данным НКРЯ было выявлено, что лексема *шелест* сочетается со следующими словами: *шелест купюр / листьев / крыльев / камыша / платья / флагов в портах / мантий / перелистываемых страниц / травинок / болотной осоки* и др. Слово *шорох* имеет следующую сочетаемость: *шорох карандаша / метлы / мыши / снега / листвы / платья / раздвигаемых веток / орехов / наших шагов; шорох на лестнице / у окна / внутри* и др.

Для звукового ощущения *шорох* были сформулированы следующие семантико-когнитивные признаки, определяющие его когнитивную интерпретацию. *Шорох* – это звук от 1) небольшого / кратковременного (также повторяющегося) трения в результате легкого соприкосновения двух и более объектов или 2) объектов и поверхности; 3) форма, размеры, конфигурация объектов могут быть разными; 4) источник трения / соприкосновения – движение объекта / объектов по поверхности. *Шелест* – это звуковое ощущение от 1) легкого неоднократного соприкосновения объектов 2) вызванного их небольшим колебанием / колыханием; 3) конфигурация объектов – «тонкое полотно», легкое и гибкое, 4) легко поддающееся колыханию от ветра или иного воздействия.

Из представленных когнитивных интерпретаций можно заключить, что звуковые ощущения *шелест* и *шорох* отличаются конфигурацией объектов, которые соприкасаются и вызывают звуковое ощущение: *шелест купюр / крыльев / флагов в портах / мантий / травинок*; *шорох карандаша / метлы / мы-*

ши / снега под ногами / раздвигаемых веток / орехов / наших шагов. Различия в репрезентации *шелеста* и *шороха* также обусловлены различными источниками производства данных звуков: в случае *шелеста* – это колебание / колыхание, в случае *шороха* – это трение и движение по поверхности. Общим признаком, который, вероятно и обусловливает сходное описание значений слов, репрезентирующих эти звуки, является легкое соприкосновение двух объектов и то, что сами слова *шелест* и *шорох* звукоподражательные и обозначают «тихий шуршащий звук». Были выявлены также слова, которые сочетаются как со словом *шелест*, так и со словом *шорох*: *шелест / шорох платья; шелест / шорох листьев; шелест / шорох страниц.*

Различия между репрезентацией звуковых ощущений *шелест листьев* и *шорох листьев* видны в более широких контекстах (см. подчеркнутые элементы контекста, которые эксплицируют различия): *Натка слышит шелест листьев, деревья покачиваются от ветра, в каждом листе трепещется голубоватый свет фонаря* [НКРЯ]; *шелест листьев и движение веток; шелест листьев могучего дерева*. В данных высказываниях описаны звуковые ситуации, в которых объекты *листья* соприкасаются друг с другом вследствие их колебания. Употребление слова *шорох* в этих высказываниях будет неправильным. Если изменить контекст таким образом, что в предложении будет косвенное указание на соприкосновение *листьев* с поверхностью или их движение по поверхности: *шорох листьев, несущихся по платформе / шорох листьев под ногами казался оглушительным*, то правильным будет использование лексемы *шорох*, а не *шелест*.

Различия между звуковыми ощущениями *шелест платья* и *шорох платья* можно объяснить так: для ощущения *шорох платья* релевантно трение полы платья о горизонтальную поверхность в результате движения. Для репрезентации звука от *шелеста платья* фокус восприятия сосредоточен на колыхании полы платья и как следствии, соприкосновения фалд платья друг с другом или с вертикальной поверхностью, как это описано, например, в предложении: *Вдруг он различил как бы осторожный шорох рукой у замочной ручки и как бы шелест платья о самую дверь* [НКРЯ].

Когнитивная интерпретация сочетаемостных характеристик синонимов позволяет разграничить их значения. Выявленные семантико-когнитивные признаки, составляющие основу когнитивной интерпретации значений слов, репрезентирующих звуковые ощущения *шелест* и *шорох*, безусловно, требуют дальнейшего развития с целью уточнения формулировок семантико-когнитивных признаков, а также сравнения полученной интерпретации с когнитивной интерпретацией слов, обозначающих сходные звуковые ощущения в английском и других языках.

Литература

Архипова С.В. Ассоциативный эксперимент в психолингвистике // Вестник Бурятского университета. 2011. № 11. С. 6-9.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html.

Селиверстова О.Н., Сулейманова О.А. Эксперимент в семантике // Известия АН СССР СЛЯ. 1988. Т. 47. № 5. С. 431-443.

Стернин И.А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 65-69.

СРЯ 1 – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1984. Т. 1.

СРЯ 2 – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1984. Т. 2.

СРЯ 3 – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1984. Т. 3.

A.L. Los' (Moscow, Russia)
National Research University of Electronic Technology

COGNITIVE INTERPRETATION AS A WAY OF ANALYZING THE DIFFERENCES IN THE MEANINGS OF WORDS REPRESENTING AUDITORY PERCEPTION

The article analyses the differences in cognitive interpretation on the basis of word associative characteristics and that composed by word combinability. Semantic-cognitive features as elements of cognitive interpretation of the meanings of Russian words shelest (swish) and shorokh (rustle), representing auditory perception are revealed. By these words as an example the author shows the differences in their meanings through their cognitive interpretation.

Key words: cognitive interpretation, semantic-cognitive feature, auditory perception, semantic experiment, combinability, meaning.

Л.А. Манерко *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
wordfnew@mail.ru
С. Ли *(Москва, Россия)*
Московский педагогический государственный университет
blazelake@hotmail.com

ОПИСАНИЕ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ, ХУДОЖЕСТВЕННОМ И СПЕЦИАЛЬНОМ ДИКУРСАХ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

В статье раскрываются концепции различных ученых в области философии, психологии и когнитивной лингвистики на понимание мыслительной деятельности человека. Было выяснено, что в английском языке основной единицей, указывающей на мыслительную деятельность в словарных источниках, обычно указывается слово thinking, но анализ художественного и специального дискурсов указывает на множество иных языковых выражений, которые способны

показать особенности когниции индивида в сочетании с дискурсивной деятельностью языковых личностей.

Ключевые слова: мышление, философия, психология, когнитивная лингвистика, художественный дискурс, специальный дискурс, когнитивная деятельность.

Появление первых идей, касающихся мыслительной деятельности (“modi cogitandi”) связано с работами Р. Декарта, который описал две ее разновидности: одна связана с «восприятием разумом» – «чувствовать, воображать, даже постигать чисто интеллектуальные вещи», а другая – с «определением воли», а именно: «желать, испытывать отвращение, утверждать, отрицать, сомневаться» [Декарт 1950: 440]. Данное противопоставление в философской науке было представлено как разделение на «разум» и «тело», что характеризовало докантинскую философию (см. [Манерко 2014]). Философская концепция Дж. Локка выделила человека как «мыслящее интеллектуальное существо, которое обладает разумом и способностью к отражению…, что человек осуществляет посредством своего сознания, неотделимого от процесса мышления, сколь и существенного для него» [Locke 2008: 208; Sharapkova, Loginov, Manerko 2019: 172]. Последующее развитие представлений о мышлении человека мы находим в трудах И. Канта, где понимание «чистого разума» или мыслительной деятельности рассматривается как противопоставление субъектно-объектных отношений, которые раскрываются на основе чувственных впечатлений, опыта человека, опирающегося на рассудочные категории и понятия, представленные в сознании в виде знания. В том или ином виде данные идеи повторялись на протяжении столетий разными философами, будучи связанными с философским и социальным контекстом эпохи и общества вплоть до второй половины XX столетия.

Именно в XX веке большее внимание было уделено мышлению в психологической науке, где «априорные философствования» о разуме и языке отходят на второй план, уступая место пониманию мышления как психического процесса «отражения действительности, высшая форма творческой активности человека» [Мещеряков, Зинченко 2002: 277]. Мышление определяется как «высший познавательный психический процесс, характеризующийся обобщенным и опосредованным отражением действительности и существующих связей между явлениями внешнего мира» [Психологический словарь 2007: 384], в котором происходит «отображение существенных связей и отношений между объектами действительности» [Блейхер 1995]. Вместе с тем, термин «мышление» часто употребляется в узком значении, фиксируя «лишь некоторые характеристики объекта исследования» [Тихомиров 1969: 33], протекающие в человеческом сознании. В широком смысле мышление рассматривается как «синоним познания» [Величковский, Лекторский 2013] или «умственная деятельность вообще» [Тихомиров 1969: 33]. При этом в нее входит воображение как особый тип мышлении, выделяется существование бессознательного, приводится суждение гештальтпсихологии о том, что память может быть продуктивной, представляя собой творческий процесс, в котором «создаются и формируются

новые средства решения задач» [Величковский, Лекторский 2013]. Внимание к процессу мыслительной деятельности и мышлению мы находим в работах Е.С. Кубряковой, которая отметила, что «мыслительная деятельность, приводящая к пониманию (интерпретации) чего-либо», а понимание (интерпретация) является составной частью когниции и коммуникации. Это «деятельность, в результате которой человек приходит к определенному решению и/или знанию» и есть *когнитивная деятельность* [Кубрякова 1996: 52].

Отталкиваясь от последнего мнения, мы бы хотели показать, как понятие мышления и мыслительной деятельности раскрывается средствами английского языка.

Согласно «Большому психологическому словарю», эквивалентом термину «мышление» в английском языке является “thinking” [Мещеряков 2002: 277]. Узнать о том, как мыслительная деятельность осуществилась можно только тогда, когда «сам мыслящий человек об этом заявляет», или когда наблюдаются некие *поведенческие действия*, которые позволяют говорить об осуществлении мыслительной деятельности, например, в случае, если сложная задача была решена правильно [PDP 1985: 771]. Термин “thinking” в «Словаре по психологии и психиатрии» определяется как «*когнитивное поведение*, в рамках которого образы или идеи репрезентируют объекты или пережитые события; названные посредством символов или имплицитные ментальные процессы. Эти процессы включают воображение, запоминание, решение задач, мечтание, свободную ассоциацию, формирование концептов и творческую мысль» [LDPP 1984: 746]. Другим англоязычным словарем по психологии термин “thinking” определяется довольно близко (в дефиниции мы обращаем внимание на термины, выделенные курсивом, которые сразу помогают понять, в рамках какой теории выполнено определение) как «любая *скрытая когнитивная или умственная манипуляция* идеями, образами, символами, словами, пропозициями, воспоминаниями, концептами, перцептами, убеждениями или намерениями...» [PDP 1985: 771]. Также этот термин охватывает умственную деятельность, связанную «с формированием концептов, решением задач, функционированием интеллекта, творчеством, комплексным обучением, памятью, обработкой символов, образностью и т.д.» [PDP 1985: 771].

Выделение поведенческих действий (behavior actions), когнитивное поведение (cognitive behavior) и скрытая когнитивная или умственная манипуляция (any covert cognitive or mental manipulation) связываются рядом когнитивистов с пониманием события или ситуации. В ней когнитивная (ментальная, мыслительная) деятельность, обладая комплексным характером, ведет к пониманию и преобразованию представлений об окружающей действительности. Она осуществляется на основе механизмов формирования знания через единицы, указывающие на ментальные состояния, процессы достижения понимания, формирование и изменение концептов, выражения мнения, ценностей (аксиологизации, деаксиологизации [Коннова 2018: 11]) и оценок и т.д. Все эти аспекты раскрываются в английском языке посредством языковых репрезентаций в виде существительных с широкой семантикой (mind, knowledge, time, history, etc.) и глагольных форм (think, thinking, understand, understanding, etc.) в художественном и специальном видах дискурса как проявление речемыслительной деятельности.

В художественном дискурсе понятие мыслительной деятельности раскрывается посредством интегрированных ментальных пространств, которые учитываются человеческим сознанием – интерпретацию, категоризацию, воспоминание и переосмысление через призму нового личностного опыта человека в новой жизненной ситуации [Ли 2018]. Конструирование структур знания в специальном дискурсе, которые были рассмотрены на материале речей выступлений выдающихся физиков о своих научных открытиях, четко прослеживается категоризация человеческих представлений об объектах в их зависимости от нового опыта и мнения. Категоризация видоизменяется со временем, участвуя как один из механизмов в концептуальной интеграции, конструировании фрейма и других ментальных процессов, которые оказываются также зависимы от экстралингвистического и коммуникативного событий [Манерко 2017].

Таким образом, в нашей работе мы попытались отразить многообразие человеческого опыта и представлений, которые воплощены в видоизменяющихся когнитивных механизмах, отражающих человеческое восприятие действительности средствами английского языка.

Литература

Блейхер В., Крук И. Толковый словарь психиатрических терминов. М., 1995. 397 с.

Величковский Б.М., Лекторский В.А. Мышление // Большая Российская энциклопедия. 2013. URL: https://bigenc.ru/philosophy/text/2241085.

Декарт Р. Избранные произведения: пер. с франц. и лат. / ред. и вступит. статья В.В. Соколова. М.: Госполитиздат, 1950. 712 с.

Коннова М.Н. Категоризация темпорального опыта в английском и русском языках: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2018. 51 с.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М: Филол. ф-т МГУ имени М.В. Ломоносова, 1996. 245 с.

Ли С. Проблема видоизменения образа времени в семантическом пространстве художественного произведения // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXI. С. 713-714.

Манерко Л.А. «Воплощенность» и схематизация человеческого опыта как основание методологического инструментария когнитивной лингвистики // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XVII. С. 92-101.

Манерко Л.А. Научное открытие как событие: конструирование структур знания в специальном дискурсе // Репрезентация событий: интегрированный подход с позиции когнитивных наук / отв. ред. В.И. Заботкина. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2017. С. 150-177.

Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. 3-е изд. СПб.: Прайм Еврознак, 2002. 632 с.

Психологический словарь / под общей науч. ред. П.С. Гуревича. М.: ОЛМА Медиа Групп: ОЛМА ПРЕСС Образование, 2007. 800 с.

Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности человека. М.: Изд-во Московского университета, 1969. 304 с.

Collins COBUILD-lexicon. Lingea Lexicon, ver.3.1.

Locke J. An essay concerning human understanding / ed. dy P. Phemister. New York: Oxford University Press, 2008.

Longman dictionary of psychology and psychiatry / ed. in chief R.M. Goldenson. New York; London: Longman, 1984. XV. 815 p.

Oxford Dictionary of English / ed. by C. Soanes, A. Stevenson. 2nd ed. Oxford: OUP, 2003. 2088 p.

Sharapkova A., Loginov E., Manerko L. Conceptualizing the mental sphere in discourse: from Enlightenment philosophy to Mark Twain // Conceptualizing the mental sphere in discourse: From Enlightenment philosophy to Mark Twain. In Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow. The journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava. Trnava: University of SS Cyril and Methodius in Trnava, 2019. IV (1), June. P. 170-240.

The Penguin Dictionary of Psychology / A.S. Reber. New York: Viking, 1985. XI. 848 p.

L.A. Manerko (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University
S. Li (Moscow, Russia)
Moscow State Pedagogical University

THE DESCRIPTION OF MENTAL ACTIVITY IN COGNITIVE STUDIES (IN ENGLISH DICTIONARIES, FICTION AND SPECIAL DISCOURSE)

Conceptions of scholars on human mental activity in philosophy, psychology and cognitive linguistics are revealed in the article. We came to the idea that in the English language the main unit pointing at cognitive activity in lexicographic sources is the word thinking, but the analysis of fiction and specialized discourse reflects many other language expressions, which are able to represent peculiarities of human cognition in discursive activity of language personalities.

Key words: thinking, philosophy, psychology, cognitive linguistics, fiction, special discourse, cognitive activity.

И.В. Матвеева *(Нижний Новгород, Россия)*
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
Iramatweewa@yandex.ru
С.Н. Саможенов *(Нижний Новгород, Россия)*
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
samozh@lunn.ru

ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ АНТИПОСЛОВИЦ ПОЛЯ «ДЕНЬГИ»

В статье представлены результаты сравнительного анализа оценочного компонента немецких и русских антипословиц поля «Деньги». Для современных паремий характерно искажение, высмеивание той самой мудрости, которая, по мнению их авторов, более не актуальна и нуждается в переосмыслении с учетом свежего взгляда на действительность. Рассмотрение значения и внутренней формы языкового знака позволяет воссоздать целостную языковую картину мира.

Ключевые слова: пословицы, антипословицы, языковая ментальность, сопоставительный анализ, оценочное прагматическое содержание, языковая картина мира.

Антипословицы являются относительно новым явлением в языке и вызывают большой интерес со стороны исследователей [Mieder 1998; Вальтер, Мокиенко 2005; Гнедаш 2010; Gossler 2005; Schmidt 2012]. При анализе новых пословиц нельзя не принимать во внимание тот факт, что трансформированные паремии несмотря на юмористическую или сатирическую игру слов несут на себе печать современной народной мудрости. Исследование антипословиц в сознании конкретного языка и культуры способствует отслеживанию изменения концепта в том или ном языке и культуре с течением времени [Горбова 2014; Романова 2014].

Свойственные пословичной картине мире тематика и конфигурация пословичных полей находит свое продолжение и в антипословичном фонде. В разных языках различия по конфигурации, которая позволяет в структуре поля разграничить микрополя, выступают на первый план.

Таким образом, сравнительное исследование антипословичных картин мира строится на последовательном сравнительном описании разнообразных составляющих их антипословичных полей. Так как содержание современных паремий распределяется по актуальным для их создателей тематическим группам, показательность сравнения во многом обусловлена выбором социально значимого по тематике поля. Предметом данного исследования является антипословичный фонд поля «Деньги» немецкого и русского языков.

Задача исследования состоит в выявлении оценочной семантики, значимой для лингвокультурного сообщества немецких и русских антипословиц поля «Geld / Деньги». Источниками антипословиц послужили в первую очередь словари «Verdrehte Weisheiten» Вольфганга Мидера и «Антипословицы русского народа» Харри Вальтера и Валерия Михайловича Мокиенко, а также другие источники.

Можно выделить несколько групп антипословиц на основе единства исходного глобального смысла.

Центральное место для немецкого языка занимает свойственная только его трансформам исследуемого поля тема бережливости (22,2%) в большей степени с положительным (61,1%) (Wer den Pfennig nicht ehrt, bekommt auch keine Gehaltserhöhung), но также и отрицательным к ней отношением (Wer den Pfennig nicht ehrt – kennt seinen eigenen Wert).

Затем следуют семантические пары (по 20%) «деньги – счастье» (Geld macht nicht glücklich, aber man wird besser mit dem Unglück fertig, wenn man

nicht arm ist) и «деньги – источник их получения» (Geld stinkt nicht, sagt der Fabrikherr. Warum, fragen die Arbeiter, trägt er dann die Nase so hoch, während wir wir schwitzend sein Geld verdienen?). То, что деньги способны сделать человека счастливым, утверждают все отобранные антипословицы на эту тему. Также в паремиях данной группы отмечается ироничная окраска. Но зарабатывать их предпочтительнее более или менее честным путем, на что указывает большое количество паремий, осуждающих «грязные» деньги (70,5%) („Geld stinkt nicht!“: eine der übelsten kapitalistischen Floskeln, die sich durch tausende von Jahren hindurchstinkt), хоть оставшиеся и допускают, что для обогащения все средства хороши (Geld stinkt nicht. Man muss den richtigen Riecher dafür haben).

Третье место (по 11%) занимают антипословичные группы, повествующие о власти (Geld regiert die Welt – und hat dieses Geschäft immer noch besser besorgt als Ideale), бедности (Armut ist keine Schande, wiederholen die Reichen und fügen hinzu: but it is confoundedly inconvenient). Власть денег признают 100% антипословиц по теме. Эту установку подкрепляет преимущественно отрицательная, даже презрительная оценка бедности (77,8%) (Armut ist zwar keine Schande, doch sie züchtet manche Bande), и лишь для пары пословиц она не является пороком (Mag sein, dass Armut keine Schande ist. Reichtum ist eine).

Такой же процент антипословиц выражает оценочное отношение к прилежанию, которое необходимо (Überstund hat Geld im Mund) или, напротив, бессмысленно для обогащения (Morgenstund hat Gold im Mund. Das sagt der Bauer, der nie einen Barren zu sehen kriegt).

В русском языке наблюдается несколько иное соотношение. Так, к первой группе (16,7%) относится тема счастья (Если ваше счастье не в деньгах, то шлите их мне). Как и в немецких паремиях, деньги ассоциируются со счастьем в 100% случаев.

Следующая группа антипословиц (14,4%), в основном, положительно (54,8%): Деньги – это некое шестое чувство, без которого остальные пять неполноценны, реже (38,5%) неоднозначно (Деньги – склока, а без них плохо!) и лишь в одном случае (Деньги – навоз) отрицательно характеризует деньги.

Третье место (10%) занимает источник денег (Деньги не пахнут, потому что их отмывают). Тут русские трансформы гораздо лояльнее, чем немецкие, и «чистота» заработка не имеет значения в 55,5% примеров (Всех денег не заработаешь – часть придется украсть), но почти половина скорее негативно оценивает нечестные способы обогащения (Лопатой деньги загребают и ею в землю погребают…).

К четвертой группе (6,7%) относятся антипословицы, в которых деньги сопоставлены со временем (Время лечит, но за деньги быстрее).

Две группы (5,6% и 4,4%) затрагивают темы принадлежности (Считать чужие деньги неприлично, а свои неинтересно) и траты денег (Скажи мне, как ты тратишь деньги, и я скажу, кто ты). И хотя примеров на эти темы нашлось немного, их отсутствие среди немецких антипословиц показывает разницу в финансовом сознании двух народов. Так, русской трате можно противопоставить широко представленную в немецком бережливость, которая и среди тем традиционных паремий занимает одну из первых позиций, что позволяет говорить об устойчивой черте народного характера. А немецкому, пусть и менее

ярко выраженному, прилежанию противостоит русское желание вместо самостоятельной усердной работы посчитать деньги в чужом кошельке.

Также представлены мелкими группами (по 3,3%) темы власти (Кто платит, не только заказывает музыку, но и заставляет ее слушать) и бедности («Бедность не порок» – любила повторять роскошь). Как и в немецком языке власть и деньги неразрывно связаны в 100% случаев.

Антипословицы, как и их прототипы, прошли долгий путь от авторских новообразований через распространение и закрепление в речи до признания их полноправным лингвистическим феноменом, требующим всестороннего изучения. «В антипословицах также как и в их паремиологических прототипах не только аккумулируется знание человека о мире, но и дается оценка этого знания и через нее та или иная жизненная установка, “программа поведения”» [Кумахова 2011: 7]. Данная установка отражает нравственное сознание общества, а также позволяет проследить культурные приоритеты.

Таким образом, несколько тем (счастье, источник дохода, бедность и власть) присутствуют в обоих языках с разной частотностью. Темы, свойственные паремиям только немецким (бережливость, прилежание) или только русским (трата денег, чужой кошелек), наглядно демонстрируют разницу менталитетов, а именно русскую финансовую несознательность в противовес неизменному стремлению немцев к экономии. Заметим также, что в ходе трансформации дидактическая направленность традиционной паремии обычно уступает место юмору. При этом основной причиной появления трансформ являются постепенные изменения ценностной ориентации общества. Оценка в антипословичном тексте эксплицируется из семантической структуры паремий, опираясь на весь смысл антипословичной единицы, на некоторые эмпирические знания, связанные с обращением с деньгами, наблюдениями за поведением людей.

Литература

Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб.: Нева, 2005.

Гнедаш С.И. Провербиальные единицы и возможности их трансформации в современном немецком языке // Вестник Чувашского университета. 2010. № 2. С. 155-159.

Горбова Н.В. К вопросу об изменении ценностной пословичной картины мира в русском языке // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 77. С. 65-67.

Кумахова Д.Б. Оценочная категоризация действительности в пословичной картине мира (на материале кабардино-черкесского и русского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Нальчик, 2011.

Романова Е.В. Немецкий юмор: лингвистический и культурологический аспекты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 7. Ч. 1. С. 168-172.

Gossler E. Besser arm dran, als Bein ab: Antisprichwörter und ihresgleichen. Wien: Präsens, 2005.

Mieder W. Verdrehte Weisheiten. Wiesebaden: Quelle & Meyer, 1998.
Schmidt W. Morgenstund ist ungesund. Hamburg: Rowohlt Verlag, 2012.

I.W. Matveeva (Nizhny Novgorod, Russia)
Linguistics University of Nizhny Novgorod
named after N.A. Dobrolyubov
S.N. Samozhenov (Nizhny Novgorod, Russia)
Linguistics University of Nizhny Novgorod
named after N.A. Dobrolyubov

EVALUATIVE MEANING OF THE ANTI-PROVERBS IN THE MEANING AREA "MONEY" TO GERMAN – RUSSIAN

In the article the author presents the results of a contrastive analysis of the anti-proverbs in the meaning area "Money" to German – Russian. Modern paremias are characterized by distortion, ridicule of the very wisdom that, in the opinion of their authors, is no longer relevant and needs to be rethought taking into account a fresh outlook on reality. Often in proverbs of the assessment is not explicit, it is inferred from the semantic structure of proverbs, drawing on all its meaning and background knowledge.

Key words: proverbs, anti-proverbs, language mentality, contrastive analysis, evaluative pragmatic content, language worldview.

В.Ю. Миков *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский государственный педагогический университет
venechkam@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ОТБОРА СТРАНОВЕДЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ДЛЯ ПОСОБИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ[1]

В статье рассматриваются критерии отбора страноведческого материала для учебника русского языка как иностранного с собственно методической точки зрения и с позиции создания исторического нарратива. Приводятся примеры. Подчеркивается важность «энциклопедических» знаний наравне с осведомленностью о текущих процессах.

Ключевые слова: образ страны изучаемого языка, критерии отбора содержания, когнитивные стратегии презентации образа страны, поликультурность, русский язык.

В последнее время все чаще звучат утверждения о том, что язык и культура становятся «своеобразным товаром», а государства стремятся к продвижению этого «товара» на мировой рынок. В основополагающем документе МИД РФ говорится о необходимости «поддержки и популяризации в иностранных госу-

[1] Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-013-00895 «Учимся понимать Россию: когнитивные стратегии формирования методического материала по русскому языку как иностранному»

дарствах русского языка и культуры народов Российской Федерации» [Основные направления… 2010].

Создавая учебник русского языка как иностранного, мы должны опираться на то, что русский язык является не только «основой истории и культуры России», но и «средством формирования позитивного образа Российской Федерации, инструментом российского влияния в мире» [Концепция… 2015].

При реализации когнитивной стратегии сочетания традиционного и актуального в освещении фактов современной действительности [Дзюба 2019: 77] мы можем разделить страноведческие сведения на две группы:

1) устойчивые знания «энциклопедического» характера;

2) актуальная информация (т.е. полученная из свежих источников информация о современных реалиях страны изучаемого языка: политике, культуре, общественной жизни и т.д.).

Задача поставлять текущую информацию в основном возлагается на педагога, который на свой вкус осуществляет отбор дополнительных материалов для представления учащимся на уроке иностранного языка, руководствуясь принципом необходимости и достаточности.

Проблема сортировки и отбора исторических и страноведческих сведений занимает «одно из ключевых мест наряду с остальными проблемами взаимодействия разных культур» [Маслыко 2010: 414]. Кроме того, «картина восприятия мира, сложившаяся в одной языковой среде, не обязательно будет эквивалентна представлениям картины мира другой нации» [Шамов 2003: 56].

Обозначенные современными методистами принципы отбора содержания в основном носят психологический и собственно методический характер. Например, Е.В. Дождикова называет следующие принципы: проблемность, понятийность, структурированность, избыточность и сравнение [Дождикова 2006: 13-14]. А.А. Миролюбов называет принцип культуросообразности, который «основывается на общечеловеческих ценностях, строится в соответствии с ценностями и нормами национальной культуры и региональными традициями, не противоречащими общечеловеческим ценностям» [Миролюбов 1982: 84]. Учебное пособие должно содержать материал, «не конфликтующий с принятой в данном обществе картиной восприятия мира» [Кулахметова 2015: 22].

С позиции отбора собственно исторических фактов мы обратимся к А. Данто, который выделяет четыре критерия отбора материала для построения исторического нарратива.

Первый критерий определяется прагматическим значением информации, когда «…выбор историком определенного исторического события или лица обусловливается тем, что данный предмет изучения представляет для него моральный интерес, и поэтому он не только сообщает, что же в действительности произошло, но и дает этому моральную оценку» [Данто 2002: 130]. Мы можем позволить описать и дать собственную моральную оценку многим противоречивым и до сих пор обсуждаемым моментам отечественной истории, как, например, правление Ивана Грозного или отмена крепостного права в России.

Второй критерий выражается в том, что «последовательность событий может иметь значение для исследователя, поскольку он рассматривает эти события как иллюстрации или свидетельства в пользу некоторой общей теории, которую он стремится подтвердить или опровергнуть» [Данто 2002: 131]. Например, говоря о способности русских людей сплотиться в трудную минуту, мы можем привести многочисленные примеры из военной истории, начиная ополчением Минина и Пожарского и заканчивая Великой Отечественной войной.

Третьим критерием А. Данто, называет «значение в свете последствий»: «Событие Е можно назвать значимым для некоторого историка Н, когда Е имеет важные, с точки зрения Н, последствия» [Данто 2002: 131]. Например, происходившая накануне Второй мировой войны в Европе большая политическая игра привела к подписанию, в числе многих подобных, пакта Молотова – Риббентропа. Современные прозападные историки склонны рассматривать подписание этого пакта как признание доли вины Советского Союза в начале большой войны, начисто игнорируя сложную систему взаимоотношений европейских стран, сложившуюся к тому периоду.

Четвертый критерий А. Данто связывает с «раскрывающим значением», когда «…на основе некоторой совокупности свидетельств мы постулируем некое повествование и затем продолжаем поиск подтверждающих его свидетельств. Обнаружение таких свидетельств может считаться важной находкой, поскольку, наконец, получает подтверждение то, в чем мы ранее не были уверены» [Данто 2002: 132]. Продолжая предыдущий пример, мы можем предложить текст о проигранной Советской Республикой войне с Польшей 1920 года, которая привела к образованию ряда территориальных претензий, а также создала прецедент массовых расправ над советскими военнопленными.

Событие «…мыслится как то, что произошло, хотя могло и не произойти. Чем меньше вероятности в том, что данное происшествие может иметь место (то есть чем больше информации несет сообщение о нем), тем выше помещается оно на шкале сюжетности. <…> …событие – всегда нарушение некоторого запрета, факт, который имел место, хотя не должен был его иметь» [Лотман 2005: 226]. Обозначим данный критерий как принцип необычности, примерами могут быть любые события, не укладывающиеся в формальную логику современного человека, как, например, призвание варягов на княжение или восстание декабристов.

Осмысление опыта представления собственной культуры [Дзюба и др. 2019: 168-188] дает нам возможность говорить, что не следует допускать умышленные недоговорки в исторических и культурных материалах с целью представить «улучшенную» версию образа страны изучаемого языка. Подобный подход оставляет возможность высказываться «обличителям», которые знают «всю правду» о «кровавом прошлом». Наоборот, в соответствии с принципом проблемности, стоит представить целостную картину и предложить различные мнения о неоднозначных событиях.

Мы полагаем, что рассмотренные критерии отбора социокультурной и исторической информации позволят анализировать формируемый учебным пособием образ России на этапе написания, подбирать яркий, неожиданный материал, способный порождать конструктивную дискуссию.

Литература

Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. 292 с.

Дзюба Е.В. Когнитивные стратегии презентации образа России в зарубежных учебниках по русскому языку как иностранному для носителей славянских языков // Филологический класс. 2019. № 1 (55). С. 75-82.

Дождикова Е.В. Методика отбора и организации культуроведческого материала с целью развития индивидуальной иноязычной культуры: дис. … канд. пед. наук. Липецк, 2006. 185 с.

Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом: утв. Президентом РФ 03.11.2015. URL: http://kremlin.ru/acts/news/50644.

Кулахметова Н.Н. Формы реализации страноведческого и лингвострановедческого компонентов на уроке английского языка в средней школе // Иностранные языки в школе. 2015. № 5. С. 22-25.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПБ, 2005. 285 с.

Маслыко Е.А. Настольная книга преподавателя иностранного языка. Минск, 2010. 414 с.

Миролюбов А.А. Связь методики обучения иностранным языкам со смежными науками // Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М.: Высшая школа, 1982. 185 с.

Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокгнитивный и лингводидактический аспекты: коллективная монография / Е.В. Дзюба, С.А. Еремина, В.Ю. Миков, И.С. Пирожкова, А.И. Суетина, О.В. Томберг; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург: [б. и.], 2019. 214 с.

Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества: утв. МИД России 18.12.2010. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher /224550

Шамов А.Н. Реализация лингвострановедческого подхода на уроках иностранных языков // Иностранные языки в школе. 2003. № 6. С. 56-62.

V.Y. Mikov (Ekaterinburg, Russia)
Ural State Pedagogical University

COUNTRY-SPECIFIC MATERIAL SELECTION CRITERIA FOR RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE TEXTBOOK

The article considers the criteria for selecting country-specific material for a textbook of Russian as a foreign language both from methodological point of view and from the position of historical narration. Examples are provided. The importance of “encyclopedic” knowledge along with the awareness of current processes is emphasized.

Key words: image of a country of the studied language, criteria of content selection, cognitive strategies for a country image presentation, multiculturalism, Russian language.

Д.М. Миронова *(Курск, Россия)*
Юго-Западный государственный университет
mir-lina@yandex.ru

КОГНИТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАУЧНОГО И ОБЫДЕННОГО ПОНЯТИЙ О СИСТЕМЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА)

В статье представлены некоторые итоги сопоставительного исследования понятийного компонента знаний о системе в научном и обыденном языковом сознании носителей русского языка. На основе концептуального анализа семантики ключевых номинаций «система» / «системный» с привлечением экспериментальных методов описываются вербализованные логико-рациональные характеристики концепта СИСТЕМА, отмечаются наиболее яркие из них.

Ключевые слова: базовая концептуализация мира, информационное содержание концепта, обыденное и научное сознание, понятийный формат знания, система.

Логико-понятийное осмысление объектов действительности представляет собой важнейшую ступень (уровень) познания, которая позволяет выделить, интегрировать и упорядочить между собой наиболее существенные, чувственные и рациональные стороны умопостигаемого в составе целостной картины мира. Профилируемые на данном этапе характеристики, прагматически существенные с точки зрения обыденной или научной когнитивной практики, образуют информационный каркас большинства концептов, позволяют различать конкретные объекты среди других, а также группировать их в классы. В плане коммуникации единицы понятийного формата, в его широком или узком прочтении, предоставляют общезначимый или групповой инвариант, наличие которого обеспечивает взаимопонимание между коммуникантами. Как следствие вышесказанного, не теряет своей актуальности выявление психологически реального понятийного (информационного) содержания концептов, лежащего в основе значений языковых единиц-репрезентантов единиц концептосферы.

В нашем исследовании, используя данные различных словарей и ассоциативных экспериментов с участием 460 респондентов, обратимся к анализу научного и наивного понятий об одном из фундаментальных свойств действительности – понятию системности, как они представлены в современном сознании русского языкового сообщества.

В истории формирования научного знания о системе, получившего закрепление в языке, ведущую роль сыграли философские и частноотраслевые попытки проникнуть в гармонию мироздания. В результате этих попыток к середине XX века в научном сообществе были выделены исторически первичный дескриптивный и более поздний, конструктивный, подходы к определению системы. Первые из них, уходящие корнями в философскую мысль, акцентируют признаки *дискретности*, *системообразующего критерия качества, структуры*, *связи* и *организации элементов*, *существования в среде*, *интегративности* системных объектов. В содержании вторых, пришедших в общенаучный обиход из естественных наук, система представлена как обладающая

собственной целенаправленной активностью или служащая средством достижения цели, некоторого полезного результата, который и выступает критерием ее выделения [Кориков, Павлов 2008: 12-20]. В этом случае фокусируются и, с той или иной мерой полноты, вербализуются такие рациональные компоненты концепта, как *цель* и *функции* системы, ее *самоорганизация*, *незамкнутость* и *адаптивность*, *обратная связь со средой*, *неполная предсказуемость поведения*, *гомеостатичность (устойчивость)*, *генезис*, *отбор* и *развитие*, *полиморфизм* и *эквифинальность*.

Значимые фрагменты декларативных и процедурных знаний о системе, отмеченные выше, получают естественную актуализацию в содержании профессионально ориентированных ассоциативных реакций представителей различных профессиональных групп. Вербальные ассоциации первого типа апеллируют к общенаучным и, благодаря массовому образованию, общеизвестным в своем большинстве элементам информационного содержания концепта СИСТЕМА: *сложность 6*, *закрытая 3*, *абстракция*, *автономная, анализ*, *большая*, *глобальный*, *подход*, *сложная*, *целостная* 2, *автономность*, *анализ системы*, *вариативность*, *величина*, *всеобъемлющий*, *гибкая*, *глобализация*, *глобальная*, *глобальность*, *дисбаланс*, *единое целое*, *единый процесс*, *завершенность*, *константа*, *линейная*, *линейность*, *многоплановость*, *моделирование*, *модель*, *наличие сложных элементов*, *неизбежность*, *непредсказуемость*, *нюансы*, *обширная*, *объем*, *объемный*, *окружение*, *окутывающий*, *отклонения*, *открытая*, *простая*, *сложная*, *размер*, *разнообразие*, *разнообразная*, *саморегуляция*, *самостоятельность*, *синхронность*, *систем*, *скоординированный*, *слаженная*, *сложное*, *сложный*, *сплоченность*, *стохастический*, *субъективная видимость части реальности*, *уравновешенная*, *часть чего-нибудь большего, находящегося вне рамок нашего восприятия, элементов, энергия* 1 (~4% от общего числа реакций ассоциативного поля «система»).

Другая группа реакций выражает более глубокое узкоспециальное знание личности в рамках той или иной научно-производственной сферы, каждая из которых специфична в обращении с системами. По сравнению с ассоциациями предыдущей группы эти реакции менее частотны и отличаются большей степенью детализации онтологических (подгруппа 1), гносеологических или методологических (подгруппа 2) аспектов системного объекта. Для сравнения покажем далее фрагменты ассоциативных полей.

<u>Подгруппа 1</u> (область профессиональной квалификации респондента указана в скобках).

Организм 6 (у биологов и экологов в числе первых реакций), *СИ* 4 (кибернетика и нелинейные процессы), *дыхательная* (биология, медицина, экология), *жизнеобеспечения* (биология, медицина), *пищеварительная* (медицина и биология), *экосистема* (медицина, биология и экология), *язык* (лингвистика) 3, *выделительная* (медицина), *парадигма* (лингвистика), *сбора данных* (информатика, кибернетика) 2, *автоматизации* (кибернетика), *анатомия* (медицина), *геология* (биология, заимствовано из геологии), *декартова* (инженеры), *заболевание* (медицина), *корневая* (экология), *кота* («схема его построения», живопись), *крови* (медицина), *кровь* (медицина), *лексическая группа* (лингвистика), *многозначность* (журналистика), *моле-*

кулярная (фармакология), *морфология* (лингвистика), *мочевыделительная, мочеполовая, нервы* (медицина), *органов* (медицина), *полива* (аграрное хозяйство), *природа* (биология), *рисков* (информатика), *склонений* (лингвистика), *сосудов* (биология), *терморегулирования* (авиация), *тест-система* (медицина), *топлива, топливоподачи* (инженерия автотранспорта), *фитоценозов* (экология), *циркуляции* (авиация), *шестерёнка* (инженерия транспорта) 1 (~2,8% ассоциативного поля «система»).

Подгруппа 2.

Уравнения (кибернетика, экономика, химия) 4, *алгоритм* 2 (кибернетика), *дифференциал, интегрального умножения* (экология), *локальный экстремум* (кибернетика), *Лоренца* (физика), *осей, ось* (авиация), *система дифференциальных уравнений* (физика), *системно-векторная психология* (биология), *Соссюр* (лингвистика), *уровни* (лингвистика), *вертикаль* (лингвистика) 1 (~ 1% АП «Система»).

По данным ассоциативных экспериментов, яркость профессионально маркированных ассоциаций, вербализующих логико-понятийное содержание концепта СИСТЕМА, составила ~ 7% для ассоциативного поля «система» и около 23% в поле «системный», что позволяет отнести их к периферийной зоне (дальней и ближней, соответственно).

В обыденной картине мире и бытовой ипостаси концепта наблюдается естественное сокращение существенных признаков системности, образующих активный слой знаний [Дроздова 2013: 78; Павлова 2007: 96]. По итогам дефиниционного анализа, среди них – характеристики *критерия качества* как общего основания для объединения элементов, *дискретности, структурности, наличие у системы* определенной полезной *функции, устойчивости* и *целостности*. Концептуальные признаки ‘критерий качества’, ‘дискретность’ ‘функциональность’ и ‘структурность’ наиболее часто представлены в дефинициях, в ассоциативных полях и демонстрируют наибольшую номинативную плотность. Именно эти признаки обеспечивают расширение категории системности в сознании носителей языка за счет развития понятийных слоев концепта СИСТЕМА с использованием языковых механизмов полисемии, как известно, не столько характерной для специальной лексики. В современном русском языке находят выражение 14 понятийных слоев знаний о системе: наиболее абстрактные – ‘множество взаимосвязанных элементов, образующих некоторую целостность, единство на основе общего признака, назначения’, ‘устройство, структура, представляющая собой единство взаимосвязанных, закономерно расположенных и совместно функционирующих частей’, ‘определенный порядок в расположении, связи и действии составляющих что-л. частей’, ‘форма организации, устройства чего-л. (хозяйственных, государственных, политических, общественных и т.п. единиц)’, ‘то, что стало нормальным, обычным, регулярным распорядком’ и детализированные – ‘совокупность хозяйственных, государственных единиц, родственных по задачам и объединенных организационно’, ‘сложное техническое или электронное устройство, состоящее из механизмов, действующих согласованно’, ‘тип, марка, конструкция каких-либо машин, сооружений’, ‘совокупность принципов, служащих основанием какого-либо учения, мировоззрения’, ‘совокупность методов, приемов, правил осуществления чего-л.’, ‘неформальное молодежное объединение, движение’,

‘операционная система компьютера’, ‘средство внутривенного вливания’, ‘классификация, группировка’.

Наиболее широкое обыденное прочтение системности представлено дефиницией «упорядоченной совокупности любого содержания» (Грачев, Шевцов). Таким образом, при освоении понятия о системе задействуется опорное знание о порядке (универсальный суперконцепт) в его проекции на пространство, время, практическую деятельность человека. Об этой взаимосвязи свидетельствуют и ассоциативные данные, в которых реакции *порядок* и *упорядоченный* на стимулы «система» и «системный» весьма частотны (имеют, соотносительно, показатель частотности 70 и 50).

Концептуальный анализ ассоциативного материала подтверждает выводы, полученные методом дефиниционного анализа, и дает возможность считать рациональные знания о дискретности системы, о наличии у нее определенной архитектоники, цели (базовую функцию) и системообразующего качества наиболее яркими, востребованными в когнитивных процессах. Ср., к примеру, некоторые реакции, относящиеся к характеристикам ‘критерий качества’ (*бизнеса, власти, защиты, здравоохранения, жизни; государственная, компьютерная, судебная, учебная* – ~ 25% поля «система»), ‘дискретность’ (*группа, комплекс, множество, скопление, совокупность, элементы; взглядов, занятий, линии, люди, правил, стадо* – ~ 13,5%), ‘целенаправленное функционирование’ (*исчисления, ловли рыбы, производство; многофункциональный, назначение, не работает, приводящий к результату, работающий, функциональный, целеустремленный, узконаправленный* – ~ 13%) и ‘структурность’ (*взаимозависимость, взаимоотношения, взаимосвязанное, выстраивать, выстроенный, дерево* («родословная»), *имеющий порядок действий, очередность, подчинение, последовательность действий, рубрикатор, сетка, симметричный, стройность, структурное построение, пошаговый, ряд, субординация, схема приема лекарств* – ~ 12%). Содержание наиболее репрезентативных смысловых зон поля отсылает к техносфере, социально-политической жизни страны и проявлениям пространственного порядка.

Результаты проведенного анализа, в проекции на базовую концептуализацию системности, проиллюстрировали типичные различия профессиональной и обыденной когнитивной деятельности, связанные с глубиной мыслительного проникновения в сущность объектов, степенью их дифференциации, выбором когнитивных контекстов и опорного знания в процессе формирования и функционирования метапрофессиональных концептов.

Литература

Дроздова Т.В. Проблема репрезентации результатов научного познания с позиций когнитивной лингвистики // Когнитивные исследования языка. 2013. Вып. XIV. С. 75-80.

Кориков А.М., Павлов С.Н. Теория систем и системный анализ. Томск: Томс. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 2008.

Павлова Ю.Е. Ассоциативный эксперимент как способ изучения соотношения научного и обыденного знания в концептуальной системе челове-

ка // Типы знаний и их репрезентация в языке: сборник научных трудов. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. С. 90-111.

D.M. Mironova (Kursk, Russia)
South-West State University

COGNITIVE RESEARCH OF THE LANGUAGE REPRESENTATION OF SCIENTIFIC AND EVERYDAY CONCEPTS OF THE SYSTEM (ON THE MATERIAL OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE)

The article presents some results of comparative research of the rational component of knowledge about the system in the scientific and everyday language consciousness of Russian speakers. Based on the conceptual analysis of the semantics of the principal nominations “system” / “systemic” with the involvement of experimental methods we reveal the verbalized logical-rational characteristics of the concept SYSTEM and describe the most relevant of them.

Key words: basic conceptualization of the world, information content of the concept, everyday and scientific language consciousness, logical knowledge, system.

M.Y. Mironova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University of Economics
mkpr@yandex.ru
S.V. Kiseleva (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University of Economics
svkiseljeva@bk.ru

THE SPECIFICS OF IDENTIFYING THE TERM’S CONTENT CORE

The article is devoted to the problem of synonymy and polysemy of investment terms of the English language from the point of cognitive linguistics and the prototype theory. The purpose of the analysis is to determine whether the content core of a polysemantic term (identified at the paradigmatic level) would differ from the content core of its synonyms (identified at the syntagmatic level). The research investigates the investment term dealer and its synonyms broker and agent.

Key words: content core, prototype, semantic components, synonymy, polysemy, term.

The phenomena of terminological polysemy and synonymy are mainly related to the specialization of the meaning of the term. Such feature of terminological units, as being systematic, determines the possibility of development of terminological polysemy and synonymy and is associated with the need to nominate similar objects of scientific knowledge. Some meanings are often formed from others by certain models of semantic derivation, which leads to the formation of the semantic structure of the word.

Today, the attention of many scientists is drawn to the problems of polysemy and synonymy of the term. The results of modern research confirm that the term, as a lexical unit of natural language, can have more than one meaning. The semantic

similarity of lexical variants forms a content core and is revealed as a set of necessary components.

Polysemy will take place in the case when the main semantic component is preserved in the semantic structure of the lexical unit, but secondary semantic components are different [Grinev-Grinevich 2008: 98]. In the present work, terminological ambiguity is understood as the designation by one term of different denotations or concepts related to the same field of knowledge, and is proved by the presence of common semes in the meanings, which form a single content core.

The most important feature of the content core is the narrowing of semantic elements to the minimum necessary components, thanks to which the meaning of the word becomes as recognizable as possible [Kiseleva 2009: 84]. Since the content core is the product of identifying and comparing all lexicographic data, at the first stage it is necessary to extract the common thing that unites all the dictionary definitions of the analyzed terms.

According to I.K. Arkhipov, many definitions are too long and complicated and do not fit the role of the content core, so it is important to narrow the set of semantic elements to the necessary minimum [Arkhipov 1998]. It is necessary to consider the lexico-semantic description of a polysemantic investment term dealer (the investment terms dictionaries record two meanings of this term): a) "1. an individual or firm willing to buy or sell securities for their own account; 2. one who purchases goods or services for resale to consumers" [http://investment_terms.enacademic.com/5019/Dealer]; b) "1. individual or firm acting as a principal in a securities transaction. Principals trade for their own account and risk; 2. one who purchases goods or services for resale to consumers" [Downes 1998: 135]; c) "1. an individual or entity, such as a securities firm, when it acts as a principal and stands ready to buy and sell for its own account; 2. more generally, an individual or entity which buys and sells products and holds an inventory" [http://www.investorwords.com/1300/dealer.html#ixzz5M4bq78I2].

As can be seen from the presented dictionary definitions, the first meaning of the term is highly specialized and is intended for translators and investment professionals. The definition of the investment term dealer (1) describes the characteristics of the goods purchased for resale – securities and specifies who exactly buys the goods and bears financial risks: the dealer conducts operations at his own expense. This information is key when using the term dealer in investment texts. The second meaning of the investment term dealer is more general, but it is in the first place in the definitions of this lexical unit in the dictionaries of business and every day English. As a result of defining the identical semes the content core of the investment term dealer is formulated: one who buys financial products for resale.

According to S.V. Grinev-Grinevich, even a slight difference in the meaning of synonyms indicates that we are dealing with two close, but still different concepts and, consequently, different terms [Grinev-Grinevich 2008: 104]. Today dictionaries fix such similar in meaning lexical units as dealer, broker and agent. However, by now there has been a clear semantic differentiation of these terms. In order to identify the semantic difference and determine the content of the core, a definitional, etymological and contextual analysis of these terms was carried out.

The results of the study showed that the studied terminological units can be considered as synonyms only in the case when the investment dealer acts as a broker, that is, bringing buyers to the market with sellers and receiving a commission for this. The fact that the dealer, depending on the situation, can act as a broker and as a principal (Director, Manager, owner of capital), caused the creation of the term broker-dealer: “when specialists trade for their own account, they act as dealers. Since most brokerage firms operate both as brokers and as principals, the term broker-dealer is commonly used” [Downes 1998: 135].

As a number of dictionaries define the term broker through the word agent, it seems necessary to research the term agent as a synonym to the term broker. The definitions of the term agent contain such semes as authorized by, to act on behalf of, represent. This fact allows us to say that one of the differences between an agent and a broker is the fact that the agent acts on behalf of and in the interests of a particular company, or, as an individual, is an employee and receives remuneration from the employer for their work. In addition, in order to conduct intermediary activities, the broker must have a license, which is confirmed by the dictionary definitions of the term broker: “must be registered” [Downes 1998: 67]; “a license is required” [http://www.investorwords.com/584/broker.html].

Nevertheless, despite some differences in the functions performed, the terms broker and agent are synonymous, since both the broker and the agent play the role of an intermediary between the seller and the buyer: “an agent or broker acts as intermediary between buyer and seller, taking no financial risk personally or as a firm, and charging a commission for the service” [Downes 1998: 16]. The fact of synonymy of the terms broker и agent is proved by the presence of the single content core: a middleman/intermediary, representative.

The etymology of the terms being analyzed also confirms the fact that they express the concept of “a middleman/intermediary, representative”. The word broker appeared in the mid-14th century and had the meaning of a commercial agent, factor, an agent in sordid business. In the middle English it was used as a disparaging name of “peddlers and pimps, one who buys and sells public office, intermediary in love or marriage” [https://www.etymonline.com/word/broker]. The Oxford English Dictionary by Murray J. defines broker as “any retail dealer, one who bought to sell over again, a second-hand dealer, or who bought for another, hence a jobber, middleman, agent” [Murray 1989: 1124].

The word agent appeared in the late 15th century and is defined by the dictionary Middle English Compendium as one who acts: “a force capable of acting upon matter, an active principle; principal agent, the chief or primary acting force” [https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary/MED830]. According to the Oxford English Dictionary by Murray J. agent is “one who does the actual work of anything, as distinguished from the instigator or employer; hence, one who acts for another, a deputy, steward, factor, substitute, representative or emissary” [Murray 1989: 178].

As for the word dealer in the old English period, the dealer acted as a mediator, a link between God and people, a person who is prayed for and revered, one who is appointed as the distributor of God's goods [http://www.bosworthtoller.com/007374]. Dictionaries of the middle English period record the following meaning of the lexical unit dealer: “one who divides or distributes; a giver; one who gives

alms" [https://quod.lib.umich.edu]. With the development of commodity-money relations and economic relations this lexical unit terminologized and became synonymous with the word merchant, that is, a person who buys goods in bulk and sells it in small batches. The Oxford English Dictionary by Murray J. defines dealer as "one who sells articles in the same condition in which he has bought them" [Murray 1989: 68].

So the terms broker, dealer, broker-dealer and agent are synonyms and are united by the same content core: a middleman/intermediary, representative. This is proved not only by the presence of common semantic components act on behalf of, buy and sell to smb, though, between a buyer and a seller, which are presented in the dictionary and encyclopedic definitions, but also examples of the use of analyzed terms in the corpus of texts:

1) agent = intermediary/middleman, representative: a) "The return for an investor buying funds through a sales agent (such as a bank or broker) was 113 percent" [COCA Washington Post 1996]. b) "Insurance agent – a representative of an insurance company who sells the firm's policies" [Downes 1998: 283];

2) dealer = intermediary/middleman, representative: a) "Manufacturers would like to eliminate the middle man and the middle man is the dealer" – says Chicago car dealer Mike Christopoulos [COCA USA Today 1995]. b) "The element of inventory risk is what distinguishes a dealer from an agent or sales representative" [Downes 1998: 135]'

3) broker = intermediary/middleman, representative: a) "How does a pipeline company become an e-commerce company? Cutting-edge technology let it mostly get out of owning gas and electric plants to become a middleman or broker in the wild trading of deregulated energy" [COCA USA Today 2002]. b) "Intermediation – placement of money with a financial intermediary like a broker or bank, which invests it in bonds, stocks, mortgages, or other loans, money-market securities, or government obligations so as to achieve a targeted return" [Downes 1998: 288].

Summing up the results of the conducted definitional and etymological analysis, we can conclude that the content core of a polysemantic term, identified at the paradigmatic level, and the content core of its synonyms, identified at the syntagmatic level, are not identical. At the paradigmatic level the content core of the term dealer is one who buys financial products for resale, at the syntagmatic level – intermediary/middleman, representative. Also, the study of a polysemantic investment term confirmed the fact that investment terms, as well as terms of other areas of special knowledge, can be formed in a semantic way from polysemantic every day words by terminologizing one of their meanings.

Литература

Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение. М.: Академия, 2008. 304 с.

Киселева С.В. Сущность многозначного слова в английском языке. СПб.: Астерион, 2009. 215 с.

Архипов И.К. Проблема языка и речи в свете прототипической семантики // Studia Linguistica № 6. Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. СПб., 1998. С. 5-22.

Bosworth J. An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth. URL: http://www.bosworthtoller. com (дата обращения: 19.08.2019).

Corpus of contemporary American English. URL: http://corpus.byu.edu/coca/ (дата обращения: 29.09.2019).

Downes J. Dictionary of Finance and Investment Terms. Fifth edition. 1998.

Investment Dictionary. URL: http://investmentterms.net (дата обращения: 19.08.2019).

Investing Glossary InvestorWords. URL: http://www.investorwords.com (дата обращения: 19.07.2018).

Middle English Compendium. URL: https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary/MED830 (дата обращения: 19.07.2017).

Murray J. The Oxford English Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 1989. Vol. 1-20.

Online Etymology Dictionary. URL: www.etymonline.com (дата обращения: 19.07.2018).

М.Ю. Миронова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
С.В. Киселёва *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный экономический университет

СПЕЦИФИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО ЯДРА ТЕРМИНА

Статья посвящена проблеме синонимии и полисемии инвестиционных терминов английского языка с позиции когнитивной лингвистики и теории прототипов. Цель исследования – определить, будет ли содержательное ядро многозначного термина (идентифицированного на парадигматическом уровне) отличаться от содержательного ядра его синонимов (идентифицированного на синтагматическом уровне). В работе анализируется инвестиционный термин dealer и его синонимы – broker и agent.

Ключевые слова: содержательное ядро, прототип, семантические компоненты, синонимия, полисемия, термин.

Ю.Н. Михайлова *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
jmikailova@yandex.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ[1]

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00399 А в Уральском федеральном университете

В докладе анализируется функционирование прилагательного *токсичный* в современной русской речи. На примере обширного языкового материала показано появление новых метафорических значений, конкретизированных по сферам-мишеням. Оценочные характеристики метафоры имплицитно связаны с ценностями или антиценностями, на основе этого формулируются аксиологические смыслы новой концептуальной метафоры.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концептуальная метафора, лексическая семантика, оценка, аксиология.

Главными ориентирами в обществе и культуре являются ценности. Они составляют основу мировоззрения, направляют человека в его деятельности и детерминируют нормы его поведения. Понятие ценности «соотносится в языкознании с понятием оценки – лингвистической категории, базирующейся на восприятии субъекта и представляющей собой результат обработки им информации об объектах и явлениях» [Матвеева 2018: 90]. Процесс оценивания практически всегда включает в себя субъективный компонент, и оценочный контекст эксплицируется нередко через концептуальные метафоры, широко представленные в медийном поле. Концептуальные метафоры в СМИ не только отражают какой-либо реальный объект в сознании носителей определенного языка, но и влияют на процесс формирования у адресатов представления об этой реальности: «прагматический потенциал метафор сознательно используется в СМИ для переконцептуализации картины мира адресата» [Будаев, Чудинов 2006: 47].

Метафоры системно объединяют концептуальные области – «сферу-донор» и «сферу-мишень», и в последней обычно сохраняется не только структура исходной области, но и ее эмотивный потенциал [Чудинов 2003]. Метафорическая оценка эксплицирует дескриптивный признак – мотив метафорического переноса. Вместе с тем ценностный смысл высказывания не сводится к оценочности, он погружен в ситуативный и культурный контекст речевого общения и зависит во многом от экстралингвистических знаний.

Цель нашего исследования – выявление ценностного содержания высказываний, включающих концептуальную метафору, в которой область-источник – это «токсичный», а область-мишень – это свойства разных объектов, явлений и процессов действительности.

Выбор для анализа прилагательного *токсичный* обусловлен частотностью и активным использованием слова в СМИ. Оно вошло в «Топ-10» слов 2017 года по результатам российского проекта «Слово года» и по версии Оксфордского словаря в 2018 году стало «словом года». В первую очередь это связано с экстралингвистическими факторами – повышенным вниманием общества к вопросам экологии: широко обсуждаются проблемы утилизации токсичных веществ, вывоз отходов из центральных регионов на север нашей страны, закрытие свалок, расположенных около крупных городов. Но не менее важным фактором актуализации этого слова является собственно лингвистический, связанный с метафорическим переосмыслением значения прилагательного.

Прилагательное *токсичный* появилось в русском языке в 1930-е гг. Современные толковые словари и словари иноязычной лексики фиксируют только терминологические значения прилагательного *токсичный* (1. соотн. с сущ. токсины, связанный с ним; 2. способный вызвать отравление; ядовитый, отравляющий) и сопровождают пометами *спец., биол., мед.* Однако в последнее время у слова *токсичный* отмечается иная сочетаемость, которая не нашла отражения в словарях. В частности, Оксфордский словарь приводит десять самых частотных слов, с которыми употреблялось прилагательное *токсичный* в 2018 году: *химикат, маскулинность, вещество, газ, окружающая среда, отношения, культура, отходы, водоросли, воздух*. Материалы Национального корпуса русского языка и базы данных Интегрум дают еще более разнообразную синтагматическую картину анализируемого прилагательного: *Но при этом президент США со всем его высокопарным пустословием в адрес России по крайней мере* ***партнер*** *не столь* ***токсичный****, как конгрессмены или демократические кандидаты в президенты* (Коммерсантъ; 27.12.2019); *Проект Хржановского, начатый еще почти на пике постмодернистской эпохи, сегодня стал восприниматься многими как продукт* ***токсичного модернизма****, анахроничный для конца второго десятилетия XXI века* (Коммерсантъ; 27.12.2019) и др.

Метафоры передают эмоционально-оценочное отношение говорящего к действительности. Оценочные характеристики метафоры связаны с положительными или отрицательными ассоциациями, вызванными у носителей языка исходными понятийными сферами. Специфичность метафорической оценки заключается в том, что объект / ситуация, отраженная в метафорическом значении, оценивается через призму исходной ситуации, отраженной в прямом значении лексемы, и создается синкретичная оценка, относящаяся одновременно к сфере-источнику и к сфере-мишени.

Современный российский медиадискурс демонстрирует экспансию лексемы *токсичный* во многие сферы общественной жизни.

1. Экономическая сфера: *У банка здесь свой интерес – при появлении* ***токсичных кредитов*** *организации приходится увеличивать резервы на покрытие убытков* (Деловой еженедельник Профиль; 01.07.2019); *Российские же компании или банки настороженно относятся к взаимодействию с* ***токсичными компаниями*** (Аукционный вестник; 20.04.2018); *Регионы с самыми крупными выплатами объявили «****токсичными****»* (АиФ-Москва; 22.08.2018).

В таком употреблении прилагательное *токсичный* приобретает значение «финансово рискованный, убыточный, бесприбыльный».

2. Политическая сфера представлена несколькими векторами развития актуальных смыслов анализируемого прилагательного.

Во-первых, в сочетании с номинациями лиц: *В британской школьной системе детей учат, что «****токсичный****»* ***Путин*** *задался целью отравить Запад»* (Военно-промышленный курьер; 27.03.2018); *Это существенно снижает его шансы на победу, и он предпочел до голосования дистанцироваться от электорально* ***токсичного хозяина Белого дома*** (Российская газета; 27.12.2019) – наводится семантика «хитрый, коварный, вредоносный».

Во-вторых, токсичными являются некоторые государства, которые таят опасность, вредны для деловых контактов: *Некоторые побаиваются ехать в*

*«**токсичную страну**», ожидая проблем не здесь, а по возвращении в США* (Ежедневная деловая газета РБК; 31.08.2018); *Да и среднестатистический гражданин на Западе считает **токсичной Россию** как таковую, а не только ее президента и элиты* (Ежедневная деловая газета РБК; 31.01.2018).

В-третьих, прилагательное *токсичный* характеризует политическую ситуацию и отношения между государствами и их лидерами в целом как напряженную, опасную: *Но в Москве понимают, что **ситуация** является **токсичной** для российско-украинских отношений* (Ежедневная деловая газета РБК; 19.07.2019); *Правящий **режим** в шаге от того, чтобы утратить международную легитимность и стать **токсичным** для ЕС* (Российские вести; 29.01.2018).

3. Сфера культуры.

Здесь актуализируется смысл «злободневный, негативный, наносящий вред психическому здоровью»: *Но как сохранить свою психику от «**токсичной» информации**, которая идет из теленовостей, газет, Интернета?* (АиФ-Здоровье; 28.05.2019); *И когда публично говоришь о необходимости фильтровать **токсичный**, **деструктивный контент**, то наши либералы крайне возбуждаются и горячо возражают, что это тоталитаризм* (Промышленные ведомости; 15.01.2019); *Станет ли **фильм токсичным** для зрителя или окажет положительный эффект?* (Огонек; 09.09.2019); *Какая это **культура** – сильная и продуктивная или негативная и**токсичная***? (БОСС (bossmag.ru); 11.07.2018).

4. Сфера межличностных отношений, где прилагательное *токсичный* характеризует конфликтного, безответственного человека, который ведет себя враждебно по отношению к окружающим: *Мое моральное здоровье от круга общения, ведь бывают «**токсичные» люди**, которые несут сплошной негатив* (АиФ-Здоровье; 28.05.2019); *Непутевая мать восьмилетнего сына и ее **токсичный бойфренд** переезжают из мотеля в мотель, то и дело бросаясь в криминальные авантюры* (Деловой еженедельник Профиль; 12.11.2018); *Одна из главных причин увольнения сотрудников – «**токсичный руководитель**»* (БОСС (bossmag.ru); 03.07.2019).

Прямое значение лексемы *токсичный* имеет имплицитную отрицательную коннотацию («ядовитый, отравляющий»), и, как видно из приведенных выше примеров, пейоративно нагруженными становятся все метафорические значения. Через такие прагматически заряженные высказывания с лексемой *токсичный* транслируются и утверждаются ценностные установки современного общества: честность, ответственность в политике; финансовое благополучие, материальное благосостояние в экономике; психическое здоровье, гармоничное взаимодействие в деловой и повседневной коммуникации и пр.

В докладе будут подробно рассмотрены аксиологические смыслы метафорических высказываний.

Литература

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006.

Матвеева Т.В. О методе выявления ценностной информации разговорного диалога // Научный диалог. 2018. № 10. С. 89-101.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 248 с.

Iu.N. Mikhailova (Ekaterinburg, Russia)
Ural Federal University
named after the first President of Russia

AXIOLOGICAL POTENTIAL OF A CONCEPTUAL METAPHOR

The report analyzes the functioning of the adjective toxic in modern Russian speech. On the example of extensive linguistic material, the emergence of new metaphorical meanings concretized by target spheres is shown. The evaluative characteristics of a metaphor are implicitly associated with values or anticoriginal values; on the basis of this, axiological meanings of a new conceptual metaphor are formulated.

Key words: cognitive linguistics, conceptual metaphor, lexical semantics, evaluation, axiology.

Н.А. Мишанкина *(Томск, Россия)*
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
Национальный исследовательский Томский государственный университет
mna@tpu.ru

«ВЕЩЬ В НАУКЕ»: КАК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВЕЩАХ УЧАСТВУЮТ В СОЗДАНИИ НАУЧНЫХ ПОНЯТИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

В докладе представлено описание системы фреймовых структур и языковых единиц, репрезентирующих представления о вещном мире, и их роли в формировании семантики метафорических терминов. Описание концептуальных структур осуществлено в аспекте универсальности / уникальности, определена специфика их вовлеченности в процессы терминообразования, параметры их трансформации при метафорической концептуализации.

Ключевые слова: метафорическая концептуализация, гносеологическая функция метафоры, метафорический термин, фреймовая структура, артефактная лексика.

Вопрос о метафорическом компоненте терминосистем был поставлен еще в рамках лексико-семантического подхода в терминоведении. Несмотря на декларируемую унифицированность терминологической лексики, терминосистемы содержат значительную часть исконных терминов, часть из которых образованы путем семантической деривации. Полагаем, что выдвижение подобных

требований указывает на вторичность процесса унификации по отношению к процессам первичного формирования терминосистем, которые развиваются как часть общей лексической системы. Соответственно, в рамках этой подсистемы действуют законы, актуальные для языка в целом. В частности, при деривации остается значимым требование прозрачности семантики новых единиц, которые и определяют появление в рамках национальной науки моделей терминообразования, свойственных только данному языку и обладающих высокой степенью информативности для его носителей. Термин «становится выразителем процессов, принадлежащих языковому сознанию, когда общеязыковая информация трансформируется в информацию терминологическую» [Володина 1993: 314]. По мнению Е.И. Голованoвой, термин в современном терминоведении понимается как единица, сформированная на пересечении профессиональной когниции и профессиональной коммуникации, и это определяет его наиболее важную функцию – гносеологически ориентирующую, или когнитивную [Голованова 2011: 49].

Особой когнитивной значимостью обладают термины, образованные на основе семантической деривации, так они упрочняют «ориентиры» в знаниевом пространстве научной профессиональной области. Проблема общности механизмов обыденного и научного познания становится одной из обсуждаемых в современном терминоведении, в этом аспекте изучаются метафорические модели различных научных областей. Цель настоящей статьи – описание системы фреймовых структур и языковых единиц, репрезентирующих знания о вещном мире, и их роли в формировании семантики метафорических терминов.

Методология исследования: в качестве общего базового подхода выступает когнитивное терминоведение. Анализ метафорической терминологии осуществлялся с опорой на теорию концептуальной метафоры [Лакофф, Джонсон 2004] и метафорического моделирования [Чудинов 2001; Резанова, Мишанкина, Катунин 2003; Мишанкина и др. 2018; Мишанкина, Рожнева 2019], представившего эффективную методику описания метафорических моделей. Материалом исследования: выборка метафорических терминов 10 научных областей, образованных на основе артефактной лексики из БД русской метафорической терминологии [Мишанкина и др. 2018]. Задача описания гносеологических структур привела к необходимости (вслед за А.П. Чудиновым [Чудинов 2001: 38]) включить в поле анализа «систему лексических единиц, внешняя и внутренняя форма которых соотносима с единой концептуальной фреймовой структурой, репрезентируемой исходной производящей единицей» [Мишанкина, Рожнева 2019]. Таким образом, при рассмотрении метафорической терминологии был сформирован список исходных опорных лексических единиц (ОЛЕ), репрезентирующих исходные фреймовые структуры (ФС), послужившие основой в процессах терминообразования. Исходное значение производящих лексем уточнялось в соответствии с [Большой толковый словарь русского языка 2000].

Анализ показал, что из 5060 метафорических терминов на основе ФС, представляющих артефакты, образовано 983 (19,35%). В качестве мотивирующей основы выступает 513 лексем разной степени частотности.

При терминообразовании понятийная область «АРТЕФАКТ» доминирует в сфере естественнонаучного знания: биология (288), геология (207) и медицина (137). Значительно реже она привлекается в других областях: информатика (75), филология (66), физика (63), психология (55), социология (43), химия (27), философия (22).

Практически для всех предметных областей наиболее значимыми оказываются знания о различных бытовых предметах и инструментах, причем в фокус попадают не только простые инструменты, но и более сложные, механические. Значительна доля представлений об архитектурных сооружениях, их видах и структурных частях, одежде, а также о геометрических объектах и др. ФС, представленные лексемами данной подгруппы, можно классифицировать по функции, выполняемой артефактом:

1. Первая, самая объемная группа (74 ОЛЕ) – это номинации хозяйственных инструментов, механизмов и отдельных деталей. В этой группе представлены такие ФС, как **рабочие инструменты**. Самая универсальная ФС репрезентирована лексемой ***цепь***, она задействована при образовании терминов во всех исследуемых предметных областях. Почти так же универсальна ФС ***сеть*** (8). ФС, на основе которых образованы единичные метафорические термины: *блок, винт, капсула, молоток, стержень, ключ, лопасть, маятник, ось, фильтр, седло, стремя, уздечка (узда), хомут* и под. Столь же значительна подгруппа ФС, представляющих типы механизмов и их деталей. Наиболее универсальны общие номинации ***механизм*** (6) и ***аппарат*** (5). Менее частотны ОЛЕ *замок, автомат, машина, агрегат, клапан, колесо, перфоратор, часы, насос, коловорот* и под. Редкими, но привлекаемыми в процессы терминообразования являются названия музыкальных и бытовых инструментов: *барабан, струна, гармоника, дудка, клавиша, колокол*; *бритва, игла, веретено, кисть, лыжи, метла, ножницы.*

2. Вторая по частотности группа (50 ОЛЕ) представляет ФС знаний о сооружениях и их частях. Функциональное назначение сооружений может быть самым различным: универсальная ФС – ***мост*** (5), более редкие – *башня, галерея, амбар, арка, бассейн, вышка, мельница, фонтан*. Самая частотная ФС, представляющая часть сооружения – ***порог*** (8). Реже задействованы *лестница, решетка, ступень, труба, окно, столб, ворота, крыша, очаг, рама, стена, перегородка, пол, потолок* и под.

3. Наименования одежды, материалов для нее и аксессуаров составляют третью по частотности группу (47 ОЛЕ). Универсальные ФС представлены названиями аксессуаров ***кольцо*** (5), ***пояс*** (5). Более уникальны ФС *корона, маска, лента, бляшка, веер, венок, сережка, запонка, очки, ремень, шпилька*. ФС предметов одежды и материалов для ее изготовления привлекаются часто, но далеко не во все терминосистемы. Назовем некоторые: одежда – *мантия, плащ, галоша, кожух, манто, муфта, рубашка, шапка, шляпа, юбка*; материал и детали: *шов, карман, узел, воротник, козырек, нить, ткань, волокно, кайма, капюшон, манжета, наколенник, рукав* и под.

4. Следующая по вовлеченности в процессы терминообразования группа ФС «Предметы письменной культуры» (24 ОЛЕ). Среди единиц данной группы нет универсальных, все они частотны, но задействованы далеко не во всех предметных областях. Назовем некоторые: *карта, книга, блокнот, грифель,*

договор, документ, калька, карандаш, печать, протокол, словарь, штамп, этикетка, ярлык.

5. ФС, репрезентирующие представления о геометрических объектах, не соотносятся с предметами непосредственно, но охватывают классы предметов. При этом, благодаря схематичности этих ФС, они оказываются наиболее универсальными: ***круг*** (8), ***дуга*** (5), ***линия*** (5), ***спираль*** (5). Активно вовлекаются в терминообразование и другие ФС этого типа: *конус, цилиндр, крест, пирамида, диск, квадрат, куб, сфера, шар*.

6. Равна по частотности предыдущей группа ФС, связанных с представлениями о различного вида посуде (16 ОЛЕ), однако среди них нет универсальных, хотя в определенных предметных областях они задействованы очень активно: *бокал, воронка, таз, чаша, ампула, блюдце, вилка, корыто, котел, пест, резервуар, сито, сифон, сосуд, чайник*.

7. Группа «Предметы интерьера», не будучи объемной (14 ОЛЕ), содержит 2 универсальных ФС: ***зеркало*** (8) и ***картина*** (6). Менее универсальны *мозаика, букет, ковер, кукла, кулиса, лампа, обои, подсвечник, ложе, люлька, скамья, стол*.

8. Группы ФС «Оружие», «Вещества», «Пища», «Бытовые емкости» примерно равны по величине (10-9 ОЛЕ): *бомба, стрела, щит, бумеранг, гарпун, кинжал, копье, пушка; лак, пудра, пурпур, стекло, фарфор, чернила; мука, бисквит, водка, окрошка, салат, сметана, студень; мешок, корзина, пакет, сумка, ящик*. При этом ФС этих групп не являются универсальными.

Как можно убедиться, представления об артефактах достаточно активно вовлекаются в процессы формирования научного знания. Наиболее активно привлекаются представления об инструментах.

Литература

Большой толковый словарь русского языка / ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

Володина М.Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации. М.: Изд-во МГУ, 1993. 112 с.

Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2011.

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: перевод с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Мишанкина Н.А., Панасенко Е.А., Рахимова А.Р., Рожнева Ж.А. Русские терминосистемы в аспекте семантической избирательности (на материале метафорических фрагментов естественных, технических и гуманитарных терминосистем): коллективная монография. М.: Флинта, 2018. 272 с.

Мишанкина Н.А., Рожнева Ж.А. База данных русской метафорической терминологии: модель описания термина // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 34-43.

Резанова З.И., Мишанкина Н.А., Катунин Д.А. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Воронеж, 2003. Часть 1.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. 238 с.

N.A. Mishankina (Tomsk, Russia)
Tomsk Polytechnic University
Tomsk State University

"ARTIFACT IN SCIENCE": HOW THE REPRESENTATIONS ABOUT OBJECTS INFLUENCE THE SCIENTIFIC CONCEPTS FORMATION (BASED ON THE RUSSIAN METAPHOR TERMINOLOGY)

The aim of the report is the description of the system for the frame structures and the language units which influence the representation of the world of objects, and the semantics of metaphorical terminology formation. The description of the conceptual structures has been carried out in the aspect of being considered as universal / unique, the ratio of the universal and unique structures has been detected, the specificity of its' involvement in the processes of terminology formation has been determined, the parameters of its' transformation within metaphorical conceptualization have been identified. The material for the research is represented by the selection of the metaphorical terms from 10 scientific fields, represented in the form of the Russian metaphorical terminology database.

Key words: metaphorical conceptualization, gnoseological metaphor function, scientific terminology, terminology system, metaphorical term, frame structure, artifact lexics.

М.В. Оберюхтина *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
abetina@yandex.ru
М.М. Филиппова *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
philippova.marga@gmail.com

О КОГНИТИВНЫХ ПРИНЦИПАХ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ В ЯЗЫКЕ ПИАР-СПЕЦИАЛИСТОВ

С позиций когнитивной лингвистики рассматриваются некоторые употребительные термины из словаря пиар-дискурса; выделены возможные категории терминов в рамках пиар-дискурса, сделаны предварительные выводы о выражении картины мира пиар-индустрии с помощью языковых средств.

Ключевые слова: когнитивный, концепт, термин, пиар, профессиональный.

Пиар-дискурс – один из профессиональных видов дискурса. При его изучении мы имеем дело как со знаками, составляющими текст, так и с экстралингвистическими реалиями профессиональной сферы. Логично, что исследование англоязычного пиар-дискурса в таком случае предполагает изучение терминологии, применяемой в рабочих ситуациях специалистами по пиару.

«Термин… является… значимым лингвокогнитивным средством ориентации в профессиональной сфере и важнейшим элементом профессиональной коммуникации. В термине реализуются механизмы познания той или иной специальной области знаний или деятельности… которые служат отправной точкой в осмыслении профессионального пространства и способствуют оптимальной организации деятельности специалистов» [Голованова 2008: 2]. Это определение подчеркивает важность представления информации о той или иной профессиональной области через терминологию, связь лингвистических явлений с экстралингвистическими и складывающуюся из этих факторов своеобразную концептуальную «картину мира». Следовательно, любой дискурс нужно анализировать с учетом его когнитивных, прагматических, функциональных особенностей и применять сделанные выводы к отдельным терминам, свойственным для данного дискурса.

Данная работа концентрируется на некоторых терминах пиара, которые можно изучать с точки зрения когнитивной лингвистики и объединять в группы в зависимости от их концептуализациии, в некоторой степени, категоризации. Концепт – это «образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении» [Стернин 2007: 17]. Материалом для исследования послужили пиар-термины, представленные в статье «Англо-русский пиар-словарь» в интернет-журнале о пиаре http://mediabitch.ru. Термины объединяются в смысловые группы согласно определенным критериям. Важнейшим методом классификации терминологии «является принцип разграничения родовых (genus proximum) и видовых (differentia specifica) терминов: родовой термин — «термин, обобщенно обозначающий некоторую категорию или класс предметов» [Ахманова 1969: 392]; видовые термины, как правило, отражают индивидуальные признаки и «соподчиненные понятия, находящиеся в одинаковых связях с одним и тем же подчиняющим понятием» [Ахманова 1969: 10]. Внимание в данном исследовании также уделяется внутренней форме терминов (по В.Н. Ярцевой – это «семантическая и структурная соотнесенность составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка; признак, положенный в основу номинации при образовании нового лексического значения слова»), а также сочетаемости слов внутри одной терминологической единицы. Следует отметить концептуальную неоднородность многих терминов из рассматриваемого словаря. В большом количестве присутствуют жаргонизмы, многие из которых нельзя найти в других словарях языка пиар-специалистов, напр., [Cain 2009; Davis 2007]. Это расхождение подтверждает справедливость замечания К. Хадсона об активном порождении жаргонизмов так называемыми would-be professions [Hudson 1979: 104].

Различие концептуализации и категоризации состоит в том, что концептуализация как аспект анализа словарного состава языка направлена на «выделение неких минимальных единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении», категоризация – «на объединение единиц, проявляющих в том или ином отношении сходство или характери-

зуемых как тождественные, в более крупные разряды» [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1996]. Таким образом, при концептуализации лексики мы выделяем ряд лингвокультурологически значимых для данной области знания (в нашем случае, для сферы пиара) компонентов значений; при категоризации – пласты сходных или тождественных по определенным семантическим и структурным признакам лексических единиц. В данном исследовании проверяются следующие предположения: 1) на словарь пиара оказывает влияние то, что коммуникации бизнес-предприятий с общественностью все чаще осуществляется через интернет; 2) подвергаются ре-концептуализации слова и общего слоя языка делового общения, и общеупотребительного вокабуляра, приобретая дополнительные коннотации, важные для обозначения реалий пиара; выделяются некие общие идеи-компоненты значения у переосмысленных в сфере паблик рилейшнз бизнес-терминов; 3) морфологическая / синтаксическая структура терминов довольно единообразна и может связываться в единую систему.

Анализируя словарь, представленный в указанной статье, можно сделать следующие выводы о концептуализации лексики пиар-дискурса. Во внутренней форме многих терминов / в их семантической структуре присутствует общий компонент значения, такой, как «резкое движение»: round-up, reach, spin; это можно считать отражением стремительности жизни в современном деловом мире; эта же общая сема присутствует и в термине «продвижение» promotion. Часть терминов содержит слово media как родовой термин, приставку e- (electronic). Собственно родовых терминов (genus proximum) в данной статье мало (например, media, PR), выделяются некоторые differentia specifica (видовые термины от них) – promoted media, Shared Media, vertical media, Earned Media, media-genic, Proactive PR / Reactive PR, E-PR, collateral PR. Некоторые термины из общеупотребительного словаря бизнеса подвергаются метафорическому переосмыслению в вокабуляре пиар-практик или могут находиться с лексемами из общего словаря в отношениях метонимии. Например, Evergreen в жаргоне пиара означает «всегда актуальная и интересная новость» (в общем словаре номинативное значение – «вечнозеленый»); embargo – «договоренность с репортером, благодаря которой он обязуется не выпускать какую-либо информацию до оговоренного вами времени» (в общем словаре номинативное значение – «запрет на торговлю и любую коммерческую деятельность»); boilerplate – «блок с краткой информацией о компании в конце пресс-релиза» (в общем словаре – «шаблон»). Данные профессиональные термины, жаргонизмы нацелены на оптимизацию и улучшение бизнес-процессов; слова, называющие новые тенденции, материальные средства, отношения воспринимаются как имеющие положительные коннотации в своей семантической структуре и часто более эмоциональны. Интересно в этом смысле слово greenwashing, имеющее позитивные коннотации, но употребляющееся иронически или саркастически (по аналогии с brainwashing).

Отметим: слово media на протяжении всего текста статьи употребляется в значении «контент», наполнение интернет-страницы. Упомянем термин hard-news, где hard используется в одном из своих номинативно-производных значений «able to be proven, firmand solid». Любопытно: именно у данного автора термин article означает «статья / колонка или другой материал для СМИ, *напи-*

санный клиентом» (sic!). Таким образом, анализ выбранной лексики пиара показывает, что большая часть терминов дает название типам отношений внутри и вне организаций, занимающихся пиаром в основном *в интернете*, а также называет специфические явления, где главную роль играют взаимодополняющие и взаимообогащающие отношения пиар-специалистов с прессой и *клиентами*.

Особенно интересно, на наш взгляд, то, что в данном словаре словарные единицы даны по-английски, а их толкование (не эквиваленты!) по-русски. В связи с этим возникает вопрос: можно ли вообще говорить о существовании русскоязычного словаря пиара? Важно также то, что пиар-специалисту постоянно приходится осуществлять когницию в своей профессиональной сфере по законам иностранного (английского) языка. Подчеркнем: «...бессмысленно формулировать семантические описания в терминах условий истинности (то есть соответствия действительности). Выражения, описывающие “объективную” ситуацию, могут различаться по значению, в зависимости от того, как эта ситуация рассматривается и “конструируется”: выражение навязывает образ этой ситуации…» [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1996: 63].

Что касается категоризации, выявлены следующие закономерности: 1) выделяются такие лексико-семантические группы, как «виды вспомогательных документов в пиар-практиках», «виды пиар-практик»; 2) среди терминов, отобранных для анализа, 100% составляют существительные, из которых сложные существительные – 27%, словосочетания «прилагательное / причастие + существительное» – 13%; 3) в 8% случаев существительные образуются при помощи конверсии от соответствующих глаголов.

Сделанные выводы – лишь повод для дальнейших дискуссий по теме, для постановки и решения новых теоретических и особенно прикладных задач. Как известно из работ психологов, рассматривавших память в контексте взаимодействия с когнитивной функцией мышления – Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева – категоризация и концептуальная классификация слов являются одними из наиболее эффективных приемов запоминания иностранных слов. А значит, возможно и даже необходимо в процессе изучения словаря пиара и обучения лексике из ЛСП «связи с общественностью» «связывать терминосистему с процессом содержательного речепроизводства… раскрывать особенности реального бытования той или иной терминологической единицы… в профессиональном общении специалистов» [Назарова 2014: 146].

Литература

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969.

Голованова Е.И. Когнитивное терминоведение: учебное пособие. Челябинск: Энциклопедия, 2008.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.. Краткий словарь когнитивных терминов / под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.

Назарова Т.Б. Диалектика когнитивного и коммуникативного аспектов в учебной терминографии // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2017. № 2 (9). С. 145-148.

Стернин И.А. Типы значений и концепт // Концептуальное пространство языка: сборник научных трудов / под ред. проф. Е.С. Кубряковой. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. С. 257-282.

Cain S. Key Concepts in Public Relations. New York: Palgrave Macmillan, 2009.

Davis A. Mastering Public Relations. New York: Palgrave Macmillan, 2007.

Hudson K. The Jargon of the Professions. London: The Macmillan Press Ltd., 1979.

Mediabitch.ru. Независимый журнал о PR. URL: http://mediabitch.ru/english-russian-pr-dictionary (дата обращения: 09.01.2020).

M.V. Oberyukhtina (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University
M.M. Philippova (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

ON THE COGNITIVE PRINCIPLES IN TERMINOLOGY STUDIES: CONCEPTUALIZATION AND CATEGORIZATION IN THE LANGUAGE OF PR DISCOURSE

This paper discusses how the current PR terms function from a cognitive linguistics perspective. It singles out some categories to divide the PR vocabulary into and draws some preliminary conclusions on the conceptualization and re-conceptualization of reality with the help of linguistic means.

Key words: cognitive, a concept, a term, PR, professional.

Е.А. Огнева *(Белгород, Россия)*
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ogneva@bsu.edu.ru

ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕКСТОВОГО КОГНИТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

В статье рассматривается корреляция художественного текста и текстового мира писателя. Исследуются особенности построения мономодели и полимодели текстового мира писателя и определяется их интерпретативный потенциал. Обосновывается тот факт, что художественный концепт ВРЕМЯ является концептом-доминантой как в мономодельном, так и в полимодельном текстовых мирах писателя.

Ключевые слова: художественный текст, текстовый мир писателя, моделирование, интерпретативный потенциал.

Существуют различные определения текста, в том числе художественного текста как форматы знания. Под форматом знания Н.Н. Болдырев понимает

«определенную форму представления знания на мыслительном (концептуальном) или языковом уровнях» [Болдырев 2009: 26].

В проводимом исследовании художественный текст рассматривается как синергия многовекторных аспектов бытия народа, реализованная в индивидуально-авторском преломлении писателя, представляющая собой комплексное, целостное когнитивно-дискурсивное образование линейного характера, все компоненты которого в совокупности репрезентируют коммуникативную интенцию писателя в виде единой иерархически организованной ядерно-периферийной структуры концептосферы художественного текста.

В процессе взаимодействия читателя и текста, ядерно-периферийной структуры концептосферы текста, как известно, возникают текстовые миры.

Основные положения теории текстовых миров представлены в монографии голландского ученого П. Верта, который подчеркивает, что тексты, различные по своей природе, создают различные миры [Werth 1999].

Наряду с П. Вертом, Е. Семино определяет текстовый мир как «контекст, сценарий или тип реальности, возникающий в нашем сознании при чтении текста» [Semino 1997: 3]. По мнению С.Л. Кушнерук, «в содержательном плане текстовый мир представляет собой концептуальное пространство, которое создают отправитель и получатель, взаимодействуя с текстом» [Кушнерук 2011: 45], с учетом специфики текстуально ориентированных, авторско-ориентированных и читателе ориентированных подходов [Klarer 2011].

Поскольку можно смоделировать ядерно-периферийную структуру концептосферы текста, то можно смоделировать и текстовый мир писателя, выстраиваемый на основе текста. В этом случае значимы параметры текстовой проекционной модели, заданные мировидением писателя, целями и задачами создания конкретного произведения.

Как известно, «моделируемые текстовые миры потенциально соответствуют реальному миру» [Клемёнова, Кудряшов 2013], поскольку порождение новых сообщений на основе текстовых конструктов, формирующих коды, приводит к созданию комплексных текстовых миров, вследствие того, что «представление о когнитивной репрезентации того, о чем говорится в тексте, предопределяет развитие понятия текстового мира» [Кушнерук 2019: 24], т.к. «в ментальном плане самая глубокая текстовая организация объективного мира ведет к модели множества миров» (см. подробнее: [Cojocaru, Bragaru, Ciuch 2012]), в том числе и к модели, сопряженной с конкретным текстом или совокупностью текстов того или иного писателя.

Следовательно, рассмотрение понятия «текстовый мир» закономерно подводит к необходимости исследования его параметров, коррелирующих в определенной степени с параметрами ядерно-периферийной структуры концептосферы текста, поэтому моделирование текстового мира писателя строится на принципах моделировании концептосферы текста.

Существуют различные подходы к моделированию текста, его концептосферы, в частности, один из подходов – это моделирование в виде ядерно-периферийной структуры, что способствует выявлению различных ас-

пектов построения концептосферы текста как основы для моделирования формата текстового мира писателя.

Текстовый мир писателя, т.е. индивидуально-авторский текстовый мир, по нашему мнению, может быть рассмотрен в виде интерпретативной *мономодели* или *полимодели*.

Под *мономоделью авторского текстового мира* понимается модель, в которой «прослеживается сюжетно-тематическое единство концептосфер всех произведений автора» [Огнева 2019: 61].

Значимо, что при мономодельности авторского текстового мира в концептосфере каждого отдельно взятого произведения может быть от одного до нескольких концептов-доминант, оказывающих влияние на параметры выстраиваемого мира в большей степени, чем обычные концепты, составляющие номинативное поле концептосферы. Примечательно, что во всех концептосферах текстов, образующих мономодельный текстовый мир писателя, концепты-доминанты идентичны.

Под *полимодельностью авторского текстового мира* понимается модель, в которой прослеживаются следующие особенности: а) сюжетно-тематическая синергия концептосфер различных произведений автора, б) сюжетно-тематическое сопряжение различных произведений автора, в) полярность концептосфер всех произведений автора.

Примечательно, что при полимодельности авторского текстового мира в концептосфере каждого отдельно взятого произведения наряду с обычными художественными концептами также может быть от одного до нескольких концептов-доминант. При условии, что несколько концептов-доминант идентичны в концептосферах текстов как основ для создания полимодельного мира писателя, они обеспечивают синергию полимодельности текстового мира этого писателя.

При условии, что несколько концептов-доминант идентичны в концептосферах нескольких текстов, но при этом в двух и более концептосферах текстов часть концептов-доминант варьируются по тематике, такие модели идентифицируются как сопряженные.

При условии, что в концептосферах текстов наличествуют полярные концепты-доминанты, эти концепты обеспечивают полярность полимодельности авторского текстового мира.

Определение мономодельности или полимодельности текстового мира писателя является закономерным этапом для перехода к рассмотрению концептов-доминант и определению их интерпретативного потенциала.

Одним из художественных концептов-доминант, характерных как для мономодельного текстового мира писателя, так и для полимодельного текстового мира писателя предстает концепт-доминанта ВРЕМЯ.

Рассмотрение параметров художественного концепта-доминанты ВРЕМЯ показывает, что этот концепт предстает базовым компонентом при формировании комплексной темпоральной модели концептосферы художественного текста. Под комплексной темпоральной моделью концептосферы художественного текста понимается исследовательский конструкт, представляющий собой совокупность когнитивно-сюжетных темпоральных моделей и модели художественного концепта-доминанты ВРЕМЯ.

Под когнитивно-сюжетными темпоральными моделями рассматриваются следующие типы моделей: линейные одновекторные модели, линейные многовекторные модели, нелинейные одновекторные модели, нелинейные многовекторные модели, циклические модели и линеарные модели.

При рассмотрении текстовых темпоральных когнитивных моделей значим тот факт, что «в художественном произведении могут наблюдаться существенные временные нарушения» [Даниленко 2015: 689], что оказывает прямое влияние на параметры этой текстовой темпоральной когнитивной модели.

Определение параметров текстовых темпоральных когнитивных моделей осуществляется посредством когнитивно-герменевтического анализа художественного концепта-доминанты ВРЕМЯ. Именно этот подход является одним из действенных способов определения интерпретативного потенциала текстовых когнитивных конструктов.

Таким образом, концепция текстового когнитивного моделирования пополняется еще одним подходом, в котором во главе угла находятся мономодельность и полимодельность текстового мира писателя, которые в сочетании с когнитивно-герменевтическим анализом текстовых когнитивных конструктов как форматов знания способствуют определению интерпретативного потенциала текстового мира писателя.

Литература

Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып IV. С. 25-78.

Даниленко И.А. К вопросу о линераном и циклическом художественном времени // Когнитивные исследования языка. 2015. № 21. С. 688-690.

Клемёнова Е.Н., Кудряшов И.А. Герменевтический анализ текста: когнитивные основания // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 7. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/germenevtic-heskiyanaliz-teksta-kognitivnye-osnovaniya-1 (дата обращения: 10.02.2017).

Кушнерук С.Л. Теория текстовых миров как исследовательская программа в рамках когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1. С. 45-51.

Кушнерук С.Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование: Опыт сопоставительного исследования рекламной коммуникации. М.: Флинта, 2019. 368 с.

Огнева Е.А. Концепты-доминанты как информативные конструкты текстовых миров. М.: Эдитус, 2019. 190 с.

Cojocaru S., Bragaru C., Ciuch O.M. The role of language in contracting social realities. The appreciative inquiry and reconstruction of organizational ideology // Revista de Cerceture si interventie Sociala. 2002. P. 31-43.

Klarer M. An introduction to literary studies. 3d edition. London and New York: Routledge, 2011. 226 p.

Semino E. Text worlds // Cognitive poetics: goals, gains, and gaps / ed. by G. Brone, J. Vandaele. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2009. P. 33-72.

Werth P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. L.: Longman, 1999. 390 p.

***E.A.* Ogneva** (Belgorod, Russia)
Belgorod State National Research University

INTERPRETATIVE POTENTIAL OF TEXT COGNITIVE MODELING

The article deals with the correlation of the literary text and the writer's text world. The forming specific features of monomodel and polymodel of the writer's text world are investigated and interpretative potential is determined. The fact is substantiated that the literary concept of TIME is a concept-dominant in both the monomodel and polymodel writer's textual worlds.

Key words: literary text, writer's text world, modeling, interpretative potential.

А.В. Павлова *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
pavlova_a@bk.ru

ДОМИНАНТНЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ СТАТАЛЬНОГО ФОРМАТА ЯЗЫКОВОГО ЗНАНИЯ[1]

В статье рассматриваются структурно-содержательные особенности статального формата языкового знания. С учетом статичности как интегральной концептуальной характеристики, интерпретирующей отсутствие изменения, выделяются и описываются доминантные концептуальные структуры статального формата языкового знания.

Ключевые слова: когнитивная доминанта, состояние, статальность, интерпретация, категоризация, концептуализация.

Одним из основных аспектов рассмотрения состояния как формата языкового знания является выявление его структурно-содержательных особенностей. Учитывая одну из доминантных ролей состояния в языковом сознании субъекта познания [Павлова 2018], структурные компоненты статального формата наполняет психологически значимое концептуальное содержание. Статичность как интегральная концептуальная характеристика интерпретирует неизменяемость в течение некоторого времени и выступает форматообразующим основанием статальности.

Рассмотрение структурно-содержательных особенностей статального формата знания в современном английском языке целесообразно начать с основных аспектов интерпретации мира грамматикой английского языка. Как известно, любое событие / положение дел / ситуация получает языковую интерпретацию как с учетом временных – настоящего, прошедшего и будущего, так и аспектуальных характеристик. Согласно когнитивной грамматике англий-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00267) в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина

ского языка эти характеристики придают прошедшим и настоящим событиям статус фактически реальных, будущим событиям – статус проектируемой реальности, а событиям, осмысленным как возможные, желаемые и т.д., – статус потенциальной реальности [Radden 2007]. Статично интерпретированные события фактической, проектируемой и потенциальной реальности обнаруживают широкую вариативность своей репрезентации в статальном формате, раскрывая его структурно-содержательную специфику. В качестве основных статальных концептуальных структур знания рассматриваемого формата выделяются следующие:

1) EXISTENTIAL STATE интерпретирует статичность относительно различных аспектов существования объектов и событий мира. Существование при этом подразумевает самое широкое понимание. Говоря о человеке, имеется в виду весь спектр возможных состояний в рамках бытийной репрезентации. Формирование соответствующего статального смысла осуществляется при соотнесении экзистенциальной статальной характеристики с объектом одной из доминантных концептуально-тематических областей статальной интерпретации знаний о мире, а именно, MAN, NATURE, ARTIFACT. В рамках концептуально-тематической области состояний человека экзистенциальная статальная характеристика, интерпретируя психо-эмоциональное состояние человека, получает реализацию в таких статальных смыслах, как, например, ‘be shocked’, ‘be happy’, ‘be frightened’, ‘be surprised’, ‘feel about’, ‘feel like’, etc. Возможности осмысления различных аспектов существования человека в статике раскрывают структуру экзистенциального статального концепта, реферируя к физическим, физиологическим, ментальным состояниям человека, а также финансовому состоянию, например, ‘be sane’, ‘be alive’, ‘be ill’, ‘be aware’, ‘exist’, ‘want’, ‘understand’, ‘be good to someone’, ‘be a millionaire’, ‘think that’, etc. В рамках концептуально-тематической области состояний природы экзистенциальная статальная характеристика реферирует к состояниям окружающей природной среды и состояниям живой / неживой природы и находит реализацию в соответствующих статальных смыслах, как ‘be cold’, ‘be windy’, ‘be hot’, ‘be frozen’, etc. Обобщенно-регулярный и конкретно-временной аспекты статальной интерпретации окружающей природной среды обеспечивают выделение в концепте STATES OF INVIRONMENT таких статальных концептов, как CLIMAT и WEATHER соответственно. В рамках концептуально-тематической области состояний артефактов эта экзистенциальная характеристика к функциональной пригодности объекта, созданного человеком, реализуется, например, в таких смыслах, как ‘be fast’ (about a clock), ‘be precious’ (about stones), ‘be a masterpiece’ (about works of art), etc.;

2) POSSESSIVE STATE интерпретирует статичность относительно обладания или владения чем-то. Существующие исследования посессивного концептуального содержания на материале разных языков выделяют физическое (physical possession – ‘have a book’) и абстрактное (abstract possession – ‘have an idea’) обладания [Heine 1997; Stassen 2009]. В зависимости от объекта физическое владение может реферировать к финансовому состоянию человека (‘own a mansion’), а абстрактное владение – к менталь-

ным (‘possess the talent of doing smth’) или физическим состояниям (‘have a temperature’, ‘have a flu’). Формирование соответствующего статального смысла осуществляется при соотнесении посессивной статальной характеристики с объектом одной из вышеупомянутых доминантных концептуально-тематических областей статального форматирования знаний о мире. Например, в рамках концептуально-тематической области состояний природы посессивная статальная характеристика находит реализацию в таких статальных смыслах, как, например, ‘have branches’ (about the tree), ‘have two wings’ (about the bird), etc. Эти примеры помогают дальнейшей типологизации посессивного состояния, указывая на возможность выделения неотчуждаемого владения (inalienable possession – ‘have blue eyes’) и отчуждаемого (alienable possession – ‘have blue jeans on’). В рамках концептуально-тематической области состояний артефактов посессивная статальная характеристика, интерпретирующая неодушевленное неотчуждаемое владение, реализуется в таких статальных смыслах, как, например, ‘have three windows’ (about the room), etc.;

3) SPATIAL STATE интерпретирует статичность относительно определенной локации человека, объектов и явлений природы, артефактов, например, ‘be/live in Moscow’, ‘be in bed’, ‘be in prison’, ‘be in church’, ‘be in class’, а также относительно определенных положений в пространстве, ‘sit’, ‘stand’, ‘lie’, etc. Кроме того, базовые пространственные характеристики ‘up’, ‘down’, ‘at’, ‘in’, ‘on’ и некоторые другие обнаруживают высокий интерпретирующий потенциал формирования вторичных статальных смыслов, например, ‘be down’ – ‘be unhappy’, ‘be down with’ – ‘be ill’, ‘be up for’ – ‘be enthusiastic about an upcoming event’, etc.;

4) QUALITATIVE STATE интерпретирует статичность относительно качеств человека, артефакта, а также качественных характеристик явлений и объектов природы. Так, в рамках концептуально-тематической области состояний человека квалитативная статальная характеристика реферирует к физическим качествам, умственным способностям, параметрам телосложения человека, качествам его личности, роду занятия и под., например, ‘be strong’, ‘be smart’, ‘be kind-hearted’, ‘be tall’, ‘be overweight’, ‘be a scholar’, etc. В рамках концептуально-тематической области состояний артефактов квалитативная характеристика реферирует к функциональной пригодности объекта, созданного человеком, и реализуется, например, в таких смыслах, как ‘be comfortable’, ‘be fresh’, ‘be delicious’, ‘be light’, ‘be spacious’, etc. В рамках концептуально-тематической области состояний окружающей среды и природных объектов квалитативная статальная характеристика реферирует к различным параметрам качества природного объекта и реализуется, например, в таких смыслах, как, например, ‘be ripe’ (about fruit and vegetables), ‘be polluted’ (about water, air, soil, etc.), ‘be fertile’ (about the land), etc.;

5) QUANTITATIVE STATE интерпретирует статичность относительно количественных характеристик объектов и событий мира. В рамках концептуально-тематической области состояний человека квантитативная статальная характеристика реферирует к интеллектуальным и физическим, а также финансовым состояниям человека, например, ‘read 200 words a minute’, ‘be 2 meters high’, ‘weigh 100 kilos’, ‘earn a million a year’, etc. В рамках концептуально-тематической области состояний природы квантитативная статальная характе-

ристика реферирует к погодным условиям, например, ‘it is 30º below zero’, ‘wind speed is 15 meters per second’, ‘humidity is 90%’, etc. В рамках концептуально-тематической области состояния артефактов квантитативная статальная характеристика реферирует к качественным характеристикам созданных человеком объектов мира, например, ‘a hundred year old house’, ‘a million dollar mansion’, etc.;

6) TEMPORAL STATE интерпретирует статичность относительно темпоральных характеристик объектов и событий мира. В рамках концептуально-тематической области состояний человека темпоральная статальная характеристика реферирует к психоэмоциональным и физическим состояниям человека, например, ‘Christmas mood’, ‘spring inspiration’, ‘last minute preparation’, etc. В рамках концептуально-тематической области состояния природы темпоральная статальная характеристика реферирует к погодным условиям и обобщенным состояниям природы, например, ‘midday heat’, ‘summer rain’, ‘pre-dawn silence’ etc.;

7) RELATIONAL STATE интерпретирует статичность относительно реляционных характеристик объектов и событий мира. Так, в рамках концептуально-тематической области состояния человека реляционная статальная характеристика реферирует к отношениям человека с другими людьми, природным миром и миром артефактов, например, ‘be a father/mother/sister/brother, etc.’, ‘be a boss/headmaster/top manager, etc.’, ‘be a member of some club/association/committee, etc.’, ‘be a neighbour’, ‘be involved’, ‘be similar to’, ‘belong’, etc. В рамках концептуально-тематической области состояния артефактов реляционная статальная характеристика реферирует к различного рода отношениям между объектами мира, например, ‘contain’, ‘consist of’, ‘correspond to’, ‘match’, ‘suit’, etc.

Представленные доминантные концептуальные структуры выступают схемами вторичной интерпретации знаний о мире в статальном формате.

Литература

Павлова А.В. Состояние как когнитивная доминанта языкового сознания. Тамбов: Принт-Сервис, 2018. 136 с.

Heine B. Possession: Cognitive Sources, Forces and Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Radden G., Dirven R. Cognitive English Grammar. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007.

Stassen L. Predicative Possession. Oxford: Oxford University Press, 2009.

A.V. Pavlova (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

DOMINANT CONCEPTUAL STRUCTURES OF STATIVE FORMAT OF LINGUISTIC KNOWLEDGE

The article deals with the specific structure and contents of stative format of linguistic knowledge. Taking into account the integral character of the static conceptual characteristic the author deciphers dominant stative domains interpreting absence of change.

Key words: dominant of linguistic cognition, state, stativity, interpretation, categorization, conceptualization.

И.С. Пирожкова *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский государственный экономический университет
Irene22@live.ru

ДИНАМИКА ОБРАЗА РОССИИ В БРИТАНСКИХ УЧЕБНИКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ФРЕЙМОВЫЙ АНАЛИЗ[1]

В статье рассматривается изменение образа России в материалах британских учебников Headway. Были проанализированы учебники 1993 и 2019 годов издания. Метод фреймового анализа позволил выявить высокочастотные и низкочастотные элементы, составляющие образ России, а также зафиксировать изменения в образе России: в первом издании уделяется внимание русскому языку и его роли в современном мире, Россия представлена как страна, привлекательная для иностранных туристов, и затрагивается тема искусства; в последнем издании учебника на первый план выдвигается образ Москвы, темы революции, политики и войны.

Ключевые слова: образ России, учебник английского языка, Headway, имагология, стереотипы, фреймовый анализ, когнитивная лингвистика.

Усиливающиеся процессы глобализации делают изучение иностранных языков неотъемлемой частью жизни людей в разных странах. Самым востребованным иностранным языком в России является английский, который изучают и в школах, и в вузах, и в языковых центрах нашей страны. Высокий спрос на английский язык привел к том, что рынок учебников английского языка ежегодно пополняется все новыми УМК, изданными как в России, так и за рубежом. Научное сообщество, в свою очередь, проводит анализ учебников иностранного языка с разных позиций и с разными целями. Для настоящего исследования актуальны работы в русле нового направления в лингводидактике – имагологии, в рамках которой происходит реконструкция образов путем анализа языковых средств их репрезентации. Образ России анализируется на материале учебников истории [Шаншиева 2009; Баталов 2010; Шарифжанов 2009; Журавлева, Курилла 2009], географии [Лескинен 2010], иностранного языка [Молчановский 2012; Ардатова 2015; Дзюба 2019; Веснина, Кирилова 2019]. Авторы приходят к неутешительным выводам: «нередко в зарубежных учебниках русского языка как иностранного создается искаженный и весьма тенденциозный образ России» [Дзюба, Еремина и др. 2019: 5], что мешает интеграции России в международное сообщество, формирует негативное отношение к русским за рубежом. В учебниках английского языка образ России тоже зачастую клишированн и стереотипизирован [Пирожкова, Тенихина 2019; Миков 2019].

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-013-00895 «Учимся понимать Россию: когнитивные стратегии формирования методического материала по русскому языку как иностранному»

Целью данного исследования является сравнительный анализ британских учебных комплексов по английскому языку семьи Headway для выявления изменения образа России в первом и последнем (на сегодняшний день) издании этого учебника для шести уровней владения (Soars L., Soars J. Headway…. Oxford University Press, 1993; Soars L., Soars J., Hancock P. New Headway. Fifth Edition… Oxford University Press, 2019). Важно отметить, что отдельные издания данного УМК уже подвергались анализу с точки зрения реконструкции образа России. Так, С.И. Сухомлинова пишет о критериях отбора учебников английского языка, акцентируя внимание на недостатках популярных учебников [Сухомлинова 2011]. Говоря о социокультурном компоненте учебников Headway, Lifelines и Cutting Edge, автор приводит четыре примера явно негативных контекстов о России. К сожалению, автор не указывает, из каких конкретно учебников взяты данные примеры. Е.В. Папилова анализирует образ России в учебниках Headway второго поколения и приходит к выводу, что созданный образ достаточно многогранен, затрагиваются разные аспекты жизни России, такие как большая территория, холодная погода, искусство, космос и др. [Папилова 2018]. Образ России не содержит негативных характеристик, что идет вразрез с выводом ранее упомянутого исследования.

Итак, учебники Headway представляют интерес для исследователей, так как содержат достаточно большое количество упоминаний о России. На наш взгляд, важно провести сравнительный анализ разных поколений этого учебника для выявления изменения образа России. Для реконструкции образа России мы использовали один из методов когнитивной лингвистики – метод фреймового анализа, суть которого заключается в реконструкции образа страны с помощью выявления его отдельных элементов и их упорядочения. «Фрейм является наиболее удобной формой представления культурных знаний и, в данном случае, будет выступать способом организации, структурирования и упорядочивания информации» [Терских 2015: 42]. Для отбора материала для анализа мы применяли метод сплошной выборки. Было проанализировано 14 учебников и выделено 35 контекстов, относящихся к России. Перейдем к описанию фреймов, представляющих образ России в рассматриваемых учебниках.

Первое поколение учебников Headway было издано в 1993 году и регулярно переиздавалось. УМК состоит из учебника, рабочей тетради, книги для учителя и аудио- и видеофайлов шести уровней (Beginner, Elementary, Pre-Intermediate, Intermediate, Upper-Intermediate, Advanced). В ходе исследования было выделено 15 контекстов с упоминанием России – городов, известных людей, изобретений и других реалий. Данные по зафиксированным моделям таковы: Россия – это русский язык: 20% / 5%; Россия – это путешествия: 13% / - ; Россия – это искусство: 13% / 5%; Россия – это Москва: 6% / 20%; Россия – это эмигранты: 6% / - ; Россия – это соперник США: 6% / - ; Россия – это холодная погода: 6% / 5%; Россия (СССР) – это шпионаж: 6% / 5%; Россия – это космическая держава: 6% / 5%; Россия – это Октябрьская революция: 6% / 15%; Россия – это СССР: 6% / 5%; Россия – это политика: - / 15%; Россия – это война: - / 10%; Россия – это нефть:

- / 5%; Россия (СССР) – это супердержава: - / 5% (количество единиц в учебниках 1993 г. / количество в учебниках 2019 г.).

Приведем примеры самых востребованных моделей: *Россия – это русский язык* реализуется с помощью транслитерации приветствия на русском языке *«Pr*ivy*et»* [Elementary 1993: 7]. Героями этого учебника являются переводчица японского происхождения, Кейко Уилсон, работающая в Нью Йорке в ООН и говорящая на японском, английском и русском языках, и журналист службы BBC, Марк Кёниг, работающий в Москве и говорящий на немецком, английском и русском языках [Elementary 1993: 20]. В данном случае можно сделать вывод, что знание русского и английского языков открывает хорошие карьерные перспективы. Еще одно упоминание русского языка встречается в тексте «English as a world language», рассказывающем о роли английского языка в мире и причинах его распространения, где авторы сравнивают английский и русский языки: *"*Old English like modern German, French, Russian and Greek had many inflexions to show singular and plural, tense, person, etc.*"* [Upper Intermediate 1993: 2]. Еще одна причина популярности английского языка – открытость его словаря, новые слова с легкостью заимствуются из других языков. Русский же язык является закрытым и заимствование новых слов воспринимается негативно: *"*Purists of the French, Russian and Japanese languages are resisting the arrival of English in their vocabulary*"*.

Россия – это путешествия является вторым по популярности фреймом в учебниках Headway первого поколения. Россия представлена как привлекательная для иностранных туристов страна, в которую иностранцы ездят нечасто: *"*Find someone who has been to Russia. Two of us have been to Russia. None of us has been to Russia. When did you go to Russia?*"* [Pre-Intermediate 1993: 49]. Задание на заполнение пропусков: *"She … … to Russia twice, but I … never …* there*"* [Pre-Intermediate 1993: 77]. К сожалению, в учебнике не содержится материала о достопримечательностях или туристических местах нашей страны, привлекательность России для путешествий не раскрыта.

Россия – это искусство представлена двумя примерами: предлагается составить предложения об известных людях, среди которых советский артист балета Рудольф Нуреев [Elementary 1993: 42]. Россия традиционно ассоциируется с литературой, а именно, с именем писателя Льва Толстого *"*I like all Russian writers especially Tolstoy*"* [Elementary 1993: 54]. Особое внимание хотелось бы обратить на текст Two teenage geniuses, размещенный в учебнике уровня [Elementary 1993: 43]. В тексте рассказывается о двух гениальных подростках, эмигрировавших в США из России и Индии. Иван Мирский – русский, занимает 13 строчку в мировом шахматном рейтинге. Он приехал в Америку вместе с отцом, который не работает и не говорит по-английски. Иван, в свою очередь, не учится в школе, а целый день проводит за шахматами. Подросток из Индии же представлен в ином свете, вся его семья говорит по-английски, отец работает врачом в Нью-Йорке, а сам герой учится в университете и мечтает стать врачом. В данном случае можно говорить, что задействованы образы русских, не говорящих на английском языке, русских эмигрантов и замкнутость русских.

Рассмотрим образ России, представленный на страницах последнего, **пятого поколения** учебника Headway. Данное издание представляет собой многокомпонентный УМК, в состав которого помимо стандартных элементов входят

сборник тестов, идиом, сборник текстов о культуре (в основном англоговорящих стран) и сборник CLIL (тексты разной тематики, расширяющие кругозор учащихся). Изучив учебник и сборник CLIL, мы выделили 20 контекстов о России. В основе образа России находятся три фрейма: Россия – это Москва, Россия – это Октябрьская революция, Россия – это политика.

Россия – это Москва: задание в учебнике уровня Beginner (с. 18) предлагает соотнести название страны и города, Россия представлена своей столицей – Москвой, в то время как некоторые другие страны представлены своими крупными городами. Здесь, вероятно, проявляется плохое знание географии России британцами. В учебнике следующего уровня [Elementary 2019: 94] мы видим задание: "Look at the skylines and match them with the cities". Москва представлена собором Василия Блаженного и Кремлем, одними из самых знаменитых на западе достопримечательностей России, образ которых регулярно встречается в учебниках.

Россия – это Октябрьская революция. По материалам проанализированных учебников, можно сделать вывод, что события 1917 года в России считаются на западе переломным моментом не только в истории нашей страны, но и всего мира в целом. Так, в учебнике уровня Advanced 2019 года выпуска в разделе Turning points (Переломные моменты) Октябрьская революция (которую британцы называют Russian Revolution), стоит в ряду таких событий, как полет на Луну, битломания, образование ООН, падение берлинской стены, наделение женщин правом голоса, атомный взрыв, изобретение пенициллина, первое электронное письмо, отправленное королевой Елизаветой, теракты 9 сентября 2001 г. В пятом поколении учебников Headway Октябрьской революции посвящен объемный текст на страницах дополнительного пособия CLIL [CLIL Upper Intermediate 2019: 9]. Вводятся такие слова как "Bolsheviks", "Red Army", "Provisional government", "communist dictatorship", "Tsar", "iron curtain", "Warsaw pact" и др.

Актуальным становится фрейм *Россия – это политика*, представленный именами политиков: *"*16 June, President Bush ... (meet) the Russian Prime Minister Vladimir Putin for the first time at a conference in Slovenia*"* [Elementary 2019: 62], а также названием политической организации «Большая восьмерка», в состав которой входит Россия *"*At the 1994 Summit in Naples, the Russian officials held meetings with the leaders of G7 and Russia formally joined the group in 1997, resulting in the Group of Eight or G8)*"* [CLIL Intermediate 2019: 34].

Россия – это война – это новый фрейм, который не встречался в первом издании рассматриваемого учебника. Стоит отметить, что в данном контексте чаще упоминается СССР *"*The Cold War is the name for a period of political and military tension between the West (the US and its NATO allies) and the East (the Soviet Union and its Warsaw Pact allies)*"* [CLIL Upper Intermediate 2019: 12]. Несмотря на то, что в тексте говорится о СССР, мы считаем возможным включать фрейм война в состав образа России, так как встречаются примеры, приравнивающие СССР к России (At the end of the Second World War, the Soviet Union set up communist governments in the Eastern European countries that had been liberated by the Russians during the war; It was

a dangerous time when some British MI5 agents and Russian KGB agents acted as *"double agents" and secretly worked for the opposing gover*nment).

Таким образом, мы видим, что за прошедшие 26 лет с момента выхода первого издания учебника Headway образ России трансформировался: неактуальным стало представление России как страны талантливых эмигрантов, соперника США и страны, в которую иностранцы ездят довольно редко. В то же время востребованной становится ассоциация России с войнами и революциями (если в первом поколении учебника Октябрьская революция упоминалась лишь вскользь, то в пятом поколении этому событию посвящен целый раздел), привлекает внимание политическая активность России, природные ресурсы (в частности нефть).

Литература

Ардатова Е.В. Образ России в современных учебниках по русскому языку как иностранному // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 3. С. 3-11.

Баталов Э.Я. Образы России и США в учебниках другой страны // США и Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 8. С. 61-74.

Веснина Л.Е., Кирилова И.В. Образ России в китайских учебных материалах по русскому языку как иностранному: аксиологический аспект // Филологический класс. 2019. № 1 (55). С. 83-88.

Дзюба Е.В., Еремина С.А., Миков В.Ю., Пирожкова И.С., Суетина А.И., Томберг О.В. Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты: коллективная монография. Екатеринбург, 2019. 208 с.

Дзюба Е.В. Когнитивные стратегии презентации образа России в зарубежных учебниках по русскому языку как иностранному для носителей славянских языков // Филологический класс. 2019. № 1 (55). С. 75-82.

Журавлева В.И., Курилла И.И. Образы России на страницах американских школьных учебников истории XIX – начала XX века // Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций / Институт Кеннана Международного научного центра им. Вудро Вильсона. Волгоград, 2009. С. 16-67.

Лескинен М.В. Представления об «отечестве» и «родине» в русских учебниках географии последней трети XIX в.: конструирование национальной идентичности // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2010. № 3. С. 40-55.

Миков В.Ю. Образ России в учебниках английского языка как иностранного // Когнитивные стратегии филологического образования в России и за рубежом: сборник научных статей / гл. ред. С.А. Еремина. Екатеринбург, 2019. С. 14-18.

Молчановский В.В. Учебник русского языка как иностранного в ряду средств формирования образа России // Слово.ру: балтийский акцент. 2012. № 4. С. 22-25.

Папилова Е.В. Образ России в Headway // Будущее в настоящем: человеческое измерение цифровой эпохи: материалы III Международной научной конференции Гуманитарные Губкинские чтения (Москва, 5–6 апреля 2018 г.) / ред.: М.Б. Балычева, О.М. Смирнова. М.: Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, 2018. Ч. 2. С. 55-60.

Пирожкова И.С, Тенихина А.С. Образ России в британских учебниках английского языка для русскоязычных обучающихся // Педагогическое образование в России. 2019. № 9. С. 92-98.

Сухомлинова С.И. К вопросу об учебнике английского языка // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 1. С. 134-136.

Терских М.В., Малёнова Е.Д. Медиаобраз сибирского региона: лингвокогнитивное моделирование: монография. Омск: ЛИТЕРА, 2015. 160 с.

Шаншиева Л.Н. Образ России в учебниках истории стран Балтии // Россия и современный мир. 2009. № 2 (63). С. 90-100.

Шарифжанов И.И. Образ России в современных школьных учебниках Германии // Clio moderna. Альманах зарубежной истории и историографии. 2009. № 7. С. 123-124.

I.S. Pirozhkova (Ekaterinburg, Russia)
Ural State University of Economics

TRANSFORMATION OF THE IMAGE OF RUSSIA IN BRITISH TEXTBOOKS OF ENGLISH: FRAME ANALYSIS

The article studies the changes of the image of Russia that is presented in the British textbooks Headway, published by the Oxford University Press. We compared the first and the fifth editions of the textbook published in 1993 and 2019 respectively. Frame analysis, one of the methods of cognitive linguistics, revealed frequent and rare elements in the image of Russia, as well as the changes in it: in the first edition the role of the Russian language is emphasized, Russia is shown as a country attractive for foreign tourists and as a country with strong traditions in art; in the fifth edition Moscow is mentioned several times, as well as the topics of the Russian revolution, politics and war.

Key words: image of Russia, textbook in English, Headway, imagology, stereotype, frame analysis, cognitive linguistics.

М.В. Плотникова *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
plotnikova_mary@mail.ru
О.Г. Скворцов *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
skvortsovy@mail.ru

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА *МЕГЗИТ* В БРИТАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ[1]

[1] В статье использованы материалы исследования, выполненного в рамках гранта РФФИ (проект № 19-011-32179)

В статье рассматривается метафорическая репрезентация концепта МЕГЗИТ в британском медиадискурсе. На основе анализа текстов британских СМИ, отобранных с привлечением корпусной методологии, выделяются основные метафорические модели, отражающие отношение британской общественности к феномену Мегзита.

Ключевые слова: Мегзит, медиадискурс, метафора, метафорическое моделирование, корпус.

8 января 2020 г. герцог и герцогиня Сассекские, принц Гарри и Меган Маркл объявили в своем аккаунте в социальной сети Instagram о своем решении *отступить от выполнения обязанностей старших членов королевской семьи* и стать финансово независимыми, а также о своем намерении *сбалансировать время* пребывания между Великобританией и Северной Америкой.

Эта новость нашла широкое отражение в британских и мировых СМИ. В информационном пространстве социальных сетей сложение принцем Гарри и Меган Маркл королевских полномочий мгновенно обрело название #Megxit (*Мегзит*), запустив целую цепь реакций как рядовых пользователей, так и публичных персон.

Концептуальная репрезентация языковой картины мира соответствует доминирующей в современных гуманитарных науках антропоцентрической парадигме исследований [Болдырев 2015; 2016]. Значительное место в методологической канве работы занимают достижения Уральской школы политической лингвистики [Будаев, Чудинов 2018; Нахимова, Скворцов 2019; Bogoyavlenskaya, Nakhimova, Chudinov 2016 и др.].

В качестве материала исследования используются тексты британских СМИ (включая печатные и Интернет-издания).

Методология отбора материала исследования включает метод сплошной выборки, а также корпусный метод, позволяющий получать наиболее релевантные результаты при работе с медиатекстами. Анализ проводится на основе данных англоязычного мега-корпуса СМИ NOW corpus (News on the Web), содержащего 9,4 млрд. словоупотреблений. В ходе работы с корпусом выделено 426 контекстов употребления слова Megxit, проанализировано около 200 контекстов, отобранных из британских источников.

При анализе текстов британских СМИ были выделены следующие метафорические модели, интерпретирующие отношение общественности, политических аналитиков и журналистов к неоднозначному поступку герцога и герцогини Сассекских.

Доминирующую позицию занимает метафорическая модель *МЕГЗИТ – ЭТО ПОБЕГ*. В рамках данной модели Гарри и Меган предстают жертвами устаревших обычаев и традиций британской королевской семьи:

– MEGHAN Markle can *"*finally breathe*"* after escaping a *"*soul crushing*"* and *"*toxic*"* life as a royal, a close pal has claimed (The Sun, 16.01.2020).

Физиологическая метафора, апеллирующая к органам дыхания, а также ставшее прецедентным по отношению к королевской семье метафорическое употребление химического термина *токсичный,* показывают жизненную необходимость побега для принца Гарри и Меган Маркл.

В рамках данной модели также встречаются случаи употребления милитарной метафоры, где побег представлен как способ борьбы за жизнь:

– Royal escape: *'Naïve'* Prince Harry and Meghan Markle fighting for the life they want (Express, 01.03.2020).

Наиболее продуктивной в данной модели является криминальная метафора, где сложение королевских обязанностей представлено как тщательно продуманный побег из плена:

– *Prince Harry and Meghan*'s decision to *'escape'* looks like a carefully laid plan (The Guardian, 09.01.2020).

Кроме того, издания зачастую затрагивают финансовую сторону вопроса, представляя Мегзит как побег из «золотой клетки»:

– The more money a family has, the harder it is to escape (The Guardian, 12.01.2020).

Второй по степени продуктивности метафорической моделью стала модель *МЕГЗИТ – ЭТО ИГРА.* Театральная метафора используется авторами с целью отражения различных нюансов политического бэкграунда, результатом которого стал Мегзит:

– The royal family can be a powerful international force, and the Sussexes could have been leading advocates for progressive British values. Instead they have decide <u>to exit the stage</u>. Will they find they like not being <u>in the limelight</u>? (The Spectator, 16.01.2020).

Продуктивным является представление Мегзита как стремления к смене ролей:

– It had been known for some time that Harry and Meghan had been unhappy with royal life and were seeking <u>to change their roles</u> (Express, 11.03.2020).

В некоторых случаях издания подчеркивают принудительный характер подобных изменений:

– <u>Forced to give up roles</u> they're incredibly proud of after sacrificing so much to get there (Fox News, 12.03.2020).

Кроме того, в контексте Мегзита, в медиадискурсе наблюдаются иронические апелляции к прецедентному имени *Игра престолов* (популярный американский сериал, действие которого происходит в вымышленном мире, напоминающем средневековую Европу):

– Megxit Triggers UK *'Game Of Thrones'*: Here's Where Ex-Royals Harry & Meghan Stand Now (Republic, 19.01.2020).

Подчеркивая финансовые интересы Сассекских, британские СМИ прибегают к использованию экономической метафоры; в ходе исследования была также выявлена метафорическая модель *МЕГЗИТ – ЭТО ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ.*

В рамках данной модели королевская семья представлена как некая корпорация, которую покидают ее сотрудники, чтобы открыть собственное дело:

– Harry and Meghan <u>quit the firm</u> (The Telegraph, 09.01.2020).

– *The couple claimed the Queen does not have 'jurisdiction' over the term 'royal' overseas in a lengthy post confirming* <u>they would no longer be trademarking the name</u> (Metro, 22.02.2020).

При этом высказываются опасения, что герцог и герцогиня Сассекские могут найти иной, сомнительный источник финансирования в недружественных Великобритании странах:

– From a diplomatic perspective, the worry is less about their endorsing products, more about them taking roubles from an iffy oligarch, say, particularly if that involves overseas tax havens (The Spectator, 16.01.2020).

Отношение консервативно настроенных британцев выражает метафорическая модель *МЕГЗИТ – ЭТО ВЫЗОВ ТРАДИЦИЯМ.*

В рамках данной модели королевская семья символизирует незыблемость британского социального порядка, традиционных ценностей, а Мегзит – проявление самонадеянности и неуважения к традициям:

– *They didn't even tell the Queen* (Daily Mirror, 09.01.2020).

– *Harry and Meghan 'will be punished' for defying Queen with Megxit* (Page Six, 09.01.2020).

– PRINCE Harry is *"*defiant*"* over Megxit and dropped his royal title as he *"*doesn't need one to be a big deal*"* (The Sun, 27.02.2020).

Издания подчеркивают, что традиции были нарушены очень грубо:

– Was it too impudent? Too bold? Too similar to a raised middle finger? (The Telegraph, 13.01.2020).

Наконец, в части изданий наблюдается тенденция к поиску виновного в ситуации, сложившейся в королевской семье. При этом можно выделить метафорическую модель *МЕГЗИТ – ЭТО ВИНА МЕГАН МАРКЛ:*

– MEGHAN MARKLE hates the term *"*Megxit*"* which she considers to be unfair as it puts *"*all the blame in her camp*"*, according to a royal expert (Express, 26.02.2020).

В изданиях подчеркивается, что принц Гарри «пошел на поводу» у Меган, стараясь сделать ее счастливой; с этой целью используется метафора механизма:

– Meghan Markle *'driving force'* behind Megxit with Harry *'*convinced it'll make her happy*'*(Mirror, 08.03.2020).

Помимо Меган Маркл общественность также обвиняет ее окружение. В частности, в одном из изданий выявлена апелляция к прецедентному феномену *сила трех* (сила трех сестер-ведьм из американского сериала *Зачарованные*, которая проснулась, когда сестры собрались вместе после долгой разлуки), что проводит параллель между герцогиней Сассекской и ведьмой:

– The power of three: meet the key women who are shaping the Duchess of Sussex's world right now (The Telegraph, 13.01.2020).

Проанализированные образы ярко демонстрируют как существенные различия в оценке рассматриваемой ситуации, так и когнитивный потенциал метафорического моделирования, его прагматические возможности.

Литература

Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1 (42). С. 5-12.

Болдырев Н.Н. Исследование феномена человека как главная миссия когнитивной науки // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 33-37.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. М., 2018.

Нахимова Е.А., Скворцов О.Г. Политическая лингвистика: гибридная наука или автономное научное направление? // Политическая лингвистика. 2019. № 4 (76). С. 179-185.

Bogoyavlenskaya Y.V., Nakhimova E.A., Chudinov A.P. Precedent utterances in the national historical memory: a corpus study // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2 (47). С. 39-48.

M.V. Plotnikova (Ekaterinburg, Russia)
Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
O.G. Skvortsov (Ekaterinburg, Russia)
Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

METAPHORICAL REPRESENTATION OF MEGXIT IN BRITISH MEDIA DISCOURSE

The article deals with the metaphorical representation of the MEGXIT concept in British media discourse. We identify the main metaphorical models reflecting the attitude of the British public to the phenomenon of Megxit on the basis of the analysis of verbal and creolized texts of British media, selected by means of the corpus methodology.

Key words: Megxit, media discourse, metaphor, metaphorical modeling, corpus.

О.Б. Полянчук *(Воронеж, Россия)*
Воронежский государственный университет
bollona@mail.ru
А.Э. Черникова *(Воронеж, Россия)*
Воронежский государственный университет
bollona@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ КОМПЛЕКСНЫХ ЗНАКОВ РАЗНОГО УРОВНЯ

Статья посвящена изучению когнитивных и языковых механизмов, формирующих фразеологичность значения комплексного знака, представленного производным словом или фразеологизмом. Указывается на сходство и различие этих процессов для фразеологизмов и производных слов. Особое внимание уделяется разграничению понятий «фразеологичность значения» и «фразеологическое значение».

Ключевые слова: концепт, комплексный знак, фокусирование, концептуальная интеграция, фразеологичность значения, фразеологическое значение, словообразовательное значение.

Изучение механизмов, определяющих процесс образования комплексного знака, представляет особый интерес. Это объясняется, во-первых, важностью исследования динамических процессов, касающихся семантического аспекта языка, и, во-вторых, необходимостью поиска причин когнитивного характера, указывающих на взаимосвязь динамических процессов, происходящих в концептосфере и идеосфере. В процессе формирования комплексного знака, состоящего из нескольких языковых единиц, возникает новая семантическая единица, которая приобретает особое значение, не эквивалентное сумме значений частей, составляющих комплексный знак (далее – КЗ). В последнее время направление исследования, ставящее в центр внимания именно такой аспект изучения КЗ, приобрело особенную значимость. Таким образом, остается актуальным изучение основ взаимодействия компонентов КЗ как на концептуальном, так и на вербальном уровне.

Целью настоящей статьи является рассмотрение когнитивных процессов, лежащих в основе образования КЗ разных степеней идиоматичности (французские производные слова и фразеологизмы). Для достижения поставленной цели мы поставили перед собой следующие задачи: 1) выявить основные когнитивные механизмы, определяющие дальнейшее формирование рассматриваемых КЗ; 2) разграничить понятия фразеологичности значения и фразеологического значения; 3) исследовать общие и отличительные черты процессов формирования КЗ, представленных производными словами и фразеологизмами.

Поскольку фразеологизмы, так же как и производные слова, являются комплексными знаками, мы считаем необходимым привести в соответствие термины, применяемые в их исследовании. Прежде всего, говоря о типах языковых значений, мы отмечаем, что для фразеологии аналогом словообразовательного значения является фразеологическое значение. Фразеологическое значение представляет собой признак структурных отношений компонентов, составляющих фразеологизм, выражает типовую семантику фразеологизма и характеризуется как регулярное и воспроизводимое в других фразеологических единицах. Например, во фразеологическом единстве beau comme un astre – «прекрасный как солнце» может быть выделено следующее фразеологическое значение: «быть похожим на то, что обозначено природным явлением» (сравним с типовым словообразовательным значением: «быть похожим на обозначенное производящей основой»). Важно отметить, что данное значение является типовым, регулярным для ряда фразеологизмов, таких как, например, avoir comme un brouillard sur l'esprit – «быть как в тумане, плохо понимать», craindre comme la grêle – «бояться, как чумы». Таким образом, мы рассматриваем фразеологическое значение как типовое языковое значение, присущее конкретной сфере языка – фразеологии.

Рассматривая термин «фразеологичность значения», следует отметить, что фразеологичность понимается как аналог идиоматичности, т.е. невыводимости семантики КЗ из семантики составляющих его компонентов. Понятие идиоматичности рассматривается в трудах многих ведущих лингвистов (О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Е.С. Кубрякова, И.С. Улуханов и другие) [Ермакова 1977; Земская 2011; Кубрякова 2002; Улуханов 2005]. О.П. Ермакова, изучая проблему идиоматичности применительно к производным словам, определяет данное понятие как «невыраженность некоторой части значения произ-

водного формально выделяемыми в нем частями», а также выделяет различные степени идиоматичности производных слов [Ермакова 1977: 13]. Вслед за О.П. Ермаковой, мы придерживаемся традиционного понимания понятия «идиоматичность».

Таким образом, разграничивая, термины «фразеологическое значение» и «фразеологичность значения», мы отмечаем, что первый указывает на тип языкового значения, а второй – на степень фузии компонентов КЗ. Кроме того, первый термин используется только при изучений явлений фразеологии, а второй может быть применен как к фразеологизму, так и к производном слову.

Говоря о динамическом аспекте процесса идиоматизации, необходимо особенно отметить важное отличие этого процесса применительно к фразеоединицам и производным словам. В частности, производное слово не сразу может быть охарактеризовано как обладающее определенной степенью идиоматичности, поскольку на первом этапе процесса словообразования производное слово сохраняет высокую степень мотивации, т.е. обладает слабой идиоматичностью. Затем производное слово приобретает новые значения и теряет прозрачность своей семантики, что ведет к появлению у него такого свойства, как идиоматичность (или фразеологичность) значения. Например, badigeonneur 1. Peintre qui badigeonne un mur – «маляр», 2. Mauvais peintre – «плохой художник». Что касается фразеологических единиц, то в них процесс фразеологизации происходит одновременно с появлением идиоматичности значения. Данный процесс может быть рассмотрен на примере фразеологических сращений, фразеологическое значение которых является затемненным, а уровень фразеологичности – высоким: donner froid dans le dos «напугать», reprendre terre – «восстановить свои силы, начать что-л. с новыми силами», être dans une de ses lunes: elle est dans une de ses lunes – «на нее опять нашло, это ее прихоть, причуда», oiseau de nuit – «темная личность», un soleil de janvier *разг.* – «размазня, бледная немощь, безвольный человек», tout chaud tout bouillant – «в спешке». Высокая степень фразеологичности данных сращений обнаруживается в момент формирования фразеологизма, и на этом его дальнейшее семантическое развитие прекращается. Другими словами, динамика формирования производного слова и динамика образования фразеологизма отличаются по своему характеру. В первом случае процесс семантического развития не ограничен во времени, перспективен и, следовательно, явление фразеологизации (идиоматизации) является длительным. Во втором случае процесс фразеологизации происходит мгновенно (он не растянут во времени).

Рассматривая фразеологизмы и производные слова с позиции когнитивной лингвистики, следует акцентировать внимание на том, что, как в плане словообразования, так и в плане фразеологии, когнитивными причинами, определяющими степень идиоматичности производного слова либо фразеологизма является сильная / слабая позиция концептуализируемого признака [Полянчук 2006; 2009]. При наличии сильных позиций концептуализируемых признаков обоих концептов-аналогов компонентов «будущего» производного слова или фразеологизма имеет место такой способ концептуальной интеграции, который приводит к семантическому дефокуси-

рованию, при котором сохраняется один из фокусов. В данном случае речь идет о частичной идиоматичности производного слова, или о формировании фразеологического единства (d*é*couronner – «срезать верхушку», froid de canard – «собачий холод»). При наличии сильной позиции одного из концептуализируемых признаков и слабой позиции другого происходит фузия концептов, приводящая к полному семантическому дефокусированию. В частности, концептуализируемый признак является результатом полной интеграции базовых концептов, что приводит к перспективизации, предполагающей новый фокус [Ирисханова 2014]. В этом случае речь идет о значительной идиоматичности производного слова или об образовании фразеологического сращения (d*é*brousailler «прояснить ситуацию», chaleur de foie – разг. «вспышка, порыв гнева»). Таким образом, когнитивные механизмы формирования производного слова и фразеологизма идентичны.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать следующие выводы: процессы формирования комплексных знаков разного уровня (производные слова и фразеологические единицы) обладают рядом сходных и отличительных признаков. В рамках семантического уровня к первым относятся: аналогичный характер репрезентации таких типов языковых значений, как фразеологическое и словообразовательное; параллелизм параметров, определяющих степень идиоматичности комплексных знаков (со стороны производного слова – частичная мотивация, частичная идиоматичность, словообразовательное значение, представленное в измененном виде; со стороны фразеологической единицы – частичная мотивация, частичная идиоматичность и фразеологическое значение, представленное в измененном виде – соответственно, фразеологические единства и фразеологические сращения). К отличительным признакам относится характер процесса идиоматизации при формировании производного слова и фразеологизма: в первом случае имеет место развитие многозначности на базе производного слова и, следовательно, процесс опрощения происходит в несколько этапов. Во втором случае речь идет об одновременности процесса идиоматизации и образования фразеологизма. Именно поэтому, на наш взгляд, представляется уместным разграничить термины идиоматизация и фразеологизация, используя первый для исследования производных слов, а второй – для изучения фразеологизмов.

Глубинные структурные когнитивные процессы определяют путь образования КЗ. Процессы концептуальной интеграции обнаруживают идентичные черты при формировании комплексных знаков, представленных производными словами и фразеологизмами, что свидетельствует о тождественных когнитивных механизмах, определяющих природу комплексного знака.

Литература

Ермакова О.П. Проблемы лексической семантики производных и членимых слов: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 1977. 36 с.

Земская Е.А. Современный русский язык: словообразование: учебное пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2011. 328 с.

Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.

Кубрякова Е.С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61. № 1. С. 13-24.

Полянчук О.Б. Когнитивные основы перевода лексических единиц, репрезентированных комплексным знаком // Социокультурные проблемы перевода. Воронеж, 2006. Вып. 7. Ч. 2. С. 195-222.

Полянчук О.Б. Французское производное слово в динамическом аспекте: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Воронеж, 2009. 36 с.

Улуханов И.С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М.: Азбуковник, 2005. 311 с.

O.B. Polyanchuk (Voronezh, Russia)
Voronezh State University
A.E. Chernikova (Voronezh, Russia)
Voronezh State University

COGNITIVE AND SEMANTIC FEATURES OF PHRASEOLOGIZATION OF COMPLEX SIGNS OF DIFFERENT LEVEL

The article is devoted to the study of cognitive and linguistic mechanisms that form the phraseological the meaning of a complex sign represented by a derivative word or phraseologism. The similarity and difference of these processes for phraseological units and derived words is indicated. Particular attention is paid to the distinction between the concepts of “idiomaticity” and “phraseological meaning”.

Key words: concept, complex sign, focusing, conceptual integration, idiomaticity, phraseological meaning, derivative meaning.

А.В. Свиридова *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
sviridovaav2@cspu.ru
Л.П. Юздова *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
uzdovalp@cspu.ru

КОНЦЕПТ *РОССИЯ*, РЕПРЕЗЕНТИРУЕМЫЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССОЙ: СТЕРЕОТИПНОСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

В статье речь идет о стереотипах как проявлении процесса концептуализации представлений о мире. Концепт РОССИЯ в англоязычной прессе представлен различными стереотипами, которые выражаются языковыми и речевыми единицами разных уровней.

Ключевые слова: стереотип, концептуализация, этническое сознание, этнокультурный стереотип.

В процессе межкультурных контактов языковыми единицами различного уровня фиксируются типичные черты, характерные для этноса. В.Г. Крысько определяет этнический стереотип как вид социального, представляющего «схематизированный образ своей или чужой этнической общности, который отражает упрощенное (иногда одностороннее и неточное, искаженное) знание о психологических особенностях и поведении представителей конкретного народа и на основе которого складывается устойчивое и эмоционально окрашенное мнение одной нации о другой или о самой себе» [Крысько 2002: 133]. Используются термины *этнокультурный, культурный стереотип*. В.А. Маслова понимает под *этнокультурным стереотипом* «обобщенные представления о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ» [Маслова 2001: 108]. Содержание этнического стереотипа рассматривается в работах Е. Бартминьского: в основе стереотипа – признаки, которые могут не существовать, но субъективно возводятся в ранг типических, «доменов», среди них: *язык и специфическая культура, внешний вид* (немец – блондин, голубые глаза, русский – борода, шапка-ушанка, валенки), *пищевые привычки* (немец – пиво и колбаса, русский – водка, картошка), *жизненные принципы и ситуации* (русский – бедность, пьянство, немец – богатство, трудолюбие), *психосоциальные характеристики* (немец – агрессивность, дисциплина, русский – общительность, загадочность, еврей – предпринимательская жилка) [Бартминьский 2009: 15]. Признаки стериотипизации могут формироваться вокруг явлений природы (Россия – снег, Англия – туман), продукции (Россия – самовар, балалайка, Франция – духи, сыр, вино). Иногда ассоциации могут возникать в связи с национальными особенностями кухни [Боголюбова, Николаева 2013]. Ученые выделяют *отрицательный стереотип* (например: *все русские – пьяницы*) и *положительный стереотип*. На формирование этнических стереотипов оказывают влияние такие факторы, как климат, территория страны, особенности национального характера, быта, религия, образование, семья, социальный состав общества, политическая и административная система, исторические особенности жизни общества [Боголюбова, Николаева 2013].

Рассмотрим стереотипность представлений о России в англоязычной прессе. Широко представлен стереотип **«Россия – агрессивная страна»**. Our current low point in relations was not caused by Russian misbehavior on arms control; *it was caused by Russia's inter*ference in our democracy (The Washington Post, Aug. 13, 2017). С помощью определенных языковых средств можно наделить положительной оценочностью «свое», отрицательной – «чужое». На уровне морфологии это выражается различными частями речи. Например, для разделения «свой» / «чужой» – местоимение our. *"Russia is arming, leading, training, and* fighting alongside anti-government forc*es," Tillerson said, in some of the harshest* comments on Russia and Ukraine from any Trump administration official (Foreign Policy, Dec. 07, 2017). Оценочную окраску придает цитация, несущая отпечаток авторской модальности. Для реализации стереотипа используется прием градации с усиливающимися экспрессивными семами: arming, leading, training, andfighting. Until very recently, Washington stood alone as the go-to destination for

such leaders. Right now, American power in the region is perceptibly in retreat – *testimony to the success of Russia's military intervention in Syria, which shored* President Bashar al-Assad after years of U.S. insistence that he must go (Bloomberg, Oct. 03, 2017). Автор противопоставляет политическое поведение Вашингтона after years in sistence и агрессивное поведение России military intervention. Russia is back, again playing a destructive, diabolical role in world politics. The technology for spreading disinformation and the use of that fake fact to spread friction and discord, to deceive and to menace, may have changed, but the mind-set has remained the same (The New York Times, June 07, 2017). В контекстах активно функционируют слова разных семантико-грамматических классов, принадлежащих к группе «агрессивные действия»: nefarious influence; playing a diabolical role; the Russian intervention; interference in our presidential election. Таким образом, выбор нужной единицы обеспечивается наличием синонимического ряда. В предложения вводятся слова с приставками dis-, de-, образующие пары антонимов с производящими или однокорневыми лексемами, которые формируют сему негативной оценочности, например, destructive, disinformation, discord. By the construction of this pipeline, Europe hands its economic independence to Gazprom as the Russian bear strangles its southern adversary of Ukraine (The Hill, Oct. 09, 2018). В данном контексте функционирует зооморфное метафорическое выражение Russian bear strangles с отрицательной коннотацией. Автор транслирует негативное отношение к стране. Russian bear – стереотип, который является символом агрессивности, нецивилизованности политики русских. *Against the U.S., the KGB's president saw an opportunity to* employ the dark arts that Russian security services mastered decades ago, but updated for the social media age (Newsweek, May 31, 2017).

Другой стереотип **«Россия – слабая, отсталая страна»** также активно репрезентируется в прессе. Yet Russia remains a byword for backwardness and corruption. Its gross domestic product is less than 10% that of the U.S. or the European Union (The Wall Street Journal, July 23, 2018). Для репрезентации стереотипа используются метафоры и лексемы, приписывающие России признаки разрушения, отсталости: backwardness and corruption. The only gathering point left for the 160 year-round residents is a small general store that stocks plenty of vodka and a little bit of everything else (The Washington Post, July 29, 2017). Рисуется типичный пейзаж российской глубинки, где жизнь народа не меняется много лет: the 160 year-roundresidents, small general store. Противопоставлены словосочетания plenty of vodka и a little bit of everything else. To*day, Russia's $1.58 trillion* GDP is about the same as that of the greater New York City area, and less than one-twelfth that of the United States. Russia relies heavily on energy exports and faces falling birth rates (The Atlantic Council, July 21, 2018). Журналист приводит сравнение экономик России и США. Это сравнение не в пользу России: about the same as, relies heavily on energy exports and faces falling birth rates – использованы штампы газетно-публицистического стиля. Russia today is a lot smaller, poorer and weaker than the old Soviet Union it once dominated (Fox News Channel, Dec. 13, 2018). Нагнетание однородных определений, выраженных качественными прилагательными (градация), формирует мысль о том, что Россия

отсталая, опасная для цивилизованного мира страна. Использование качественных прилагательных негативной оценки демонстрирует стремление автора к воздействующему эффекту, а не к объективному освещению событий. Russia's economic output is suffering from a lack of sector diversification that puts it behind some of its largest rivals on the world stage (CNBC July 19, 2018).

Широко представлен и стереотип «В России ничего не меняется». Russians *think this way because that's how their country actually works, whetherunder* tsars, Red commissars, or *"former"* Chekists (Observer, July 11, 2018). There is no doubt that czarist Russia, the Soviet Union and contemporary Russia should be criticized for its corrupt political system and human rights violations (The Washington Post, Dec. 05, 2017). Стереотипность образа России, в которой ничего не меняется, поддерживается упоминанием исторических реалий: tsars, Red commissars, or *"former"* Chekists. The Kremlin repeatedly promises action against this age-old scourge, now probably as rampant as ever (The Spectator, Aug. 4, 2018). В американском медийном дискурсе Россия репрезентируется как страна, ведущая безуспешную борьбу с коррупцией (age-oldscourge, asrampantasever). While Russia has reemerged as the principal ideological and strategic adversary of the West, no longer does the Kremlin espouse Marxist-Leninism but rather a cynical illiberalism that exploits corruption, nativism and strongman rule (Brookings, July 14, 2018). Для того чтобы показать неизменность политики России, используется глагол reemerged. Префикс re- обычно выражает значение повторяемости действия. Для придания негативной оценочности используется существительное illiberalism, в котором префикс il- играет роль отрицания основного значения и лексемы с отрицательной коннотацией – corruption, nativism, strongmanrule. One historic weakness of thePutin system is that it cannot move in reverse: it does not have the ability to acknowledge mistakes or abandon counterproductive policies. That is partially a matter of habit and inertia, but also a function of belief (The New Yorker, June 29, 2018). Оценка политико-экономических условий страны дается посредством существительных, словосочетаний can not move in reverse, mistakes. Мысль выражена структурой бессоюзного предложения: вторая часть предложения – неожиданный вывод о непоправимости ситуации, так как она обусловлена belief. *...under Vl*adimir Putin Russia has reverted to being an old-fashioned communist dictatorship minus the ideology but with the same paranoia, the same penchant for aggression and the same intolerance of political dissident? (US Today, July 08, 2018). Для усиления воздействия на читателя используются однородные дополнения с отрицательной коннотацией (paranoia, penchant for aggression, intolerance) с одинаковым определением same. Функционирование медицинской метафоры в данном контексте создает образ больной, неадекватной современному миропорядку власти. Ключевыми словами этого сегмента являются communist, dictatorship, paranoia, intolerance, которые создают аллюзию на образы вождей времен Советского Союза.

Среди других стереотипных представлений англоязычной прессы о России следующие: **«В России много пьют»**, **«В России суровые зимы»**, **«Русские никогда не улыбаются»**,**«Русские – несчастные, страдающие люди»**, **«Русские – великие хакеры»**. В целом концепт РОССИЯ в англоязычной прессе продолжает активно разрабатываться.

Литература

Крысько В.Б. Этническая психология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2002. 320 с.

Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. 2-е изд., стереотип. М.: Академия, 2004. 208 с.

Бартминьский Е.Л. Базовые стереотипы и их профилирование (на материале польского языка) // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: сборник статей. М.: Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 2009. С. 11-21.

Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Новые формы международного культурного сотрудничества во внешней культурной политике современных государств // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 8. С. 386-389.

A.V. Sviridova (Chelyabinsk, Russia)
South Ural StateHumanitarian Pedagogical University
L.P. Yuzdova (Chelyabinsk, Russia)
South Ural StateHumanitarian Pedagogical University

THE CONCEPT OF RUSSIA, REPRESENTED BY THE ENGLISH PRESS: STEREOTYPICAL REPRESENTATIONS

The article deals with stereotypes as a manifestation of the conceptualization process of ideas about the world. The concept RUSSIA in the English press is represented by various stereotypes that are expressed by language and speech units of different levels.

Key words: stereotype, conceptualization, ethnic consciousness, ethnocultural stereotype.

И.Л. Селезнева (*Тамбов, Россия*)
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
seleznevair68@mail.ru

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭМОЦИЙ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье рассматриваются возможные способы передачи эмоционального состояния посредством концептуализации человека как контейнера с находящимися или динамически движущимися внутри эмоциями на примерах английского и русского языков.

Ключевые слова: эмоции в языке, языковая репрезентация, концептуализация, концепт КОНТЕЙНЕР, наполненность эмоциями.

Развитие языка идет непрерывно и динамично. Человек беспрестанно использует и создает новые способы выражения или описания всевозможных событий или объектов действительности. Иными словами, человек

постоянно познает окружающий мир, является носителем когниции и сам активно участвует в формировании новых выразительных средств [Болдырев 2014: 28].

Когда мы пытаемся эксплицировать свои мысли языковыми способами, мы непременно концептуализируем описываемое с опорой на наши фоновые знания об окружающей среде, которые мы получаем по большей части от конкретных объектов. Процесс концептуализации является значимым для человека, поскольку именно тогда мы осмысляем действительность, создаем познавательные структуры в своем сознании [Кубрякова 1997: 93]. В то же время важным аспектом познания, восприятия, понимания мира человеком становятся и абстрактные явления, например, эмоции. Для этого тело человека представляется разграничителем между его внутренним миром и внешней средой, а также концептуализируется как некий контейнер, вмещающий некоторое количество эмоций [Апресян 2005]. Помимо того, что человек воспринимает самого себя как контейнер с возможным содержимым и границами, отделяющими его от внешнего мира, находящегося за его пределами, он может концептуализировать и остальные объекты действительности как такие же отделенные от окружающего мира контейнеры со своими собственными внутренними пространствами.

Характеризуя себя как контейнер, человек осмысляет свое тело как ограниченный объект, способный коммуницировать с окружающим миром посредством помещения чего-либо внутрь и извлечения внутреннего содержимого наружу. Человек является носителем эмоций, а сами эмоции являются составной частью эмоциональной системы человека. Исходя из этого, можно рассматривать концепт КОНТЕЙНЕР как один из способов передачи эмоций в языке. Рассмотрим несколько примеров:

1. <u>Rage filled</u> Birch as he spotted the empty box lying on the floor [COCA].

В данном примере человек представлен как носитель эмоции (rage) за счет использования глагола fill. to fill – cause (a space or container) to become full or almost full [Oxford Dictionary].

Концепт КОНТЕЙНЕР в следующих русскоязычных примерах репрезентирован с помощью глагола *наполнять*, что означает «занять до предела (наложить, налить, загрузить и т.п.)» [Толковый словарь Ушакова]. Наполнение может происходить как положительными эмоциями (радость, гордость), так и отрицательными (беспокойство).

2. *Дикая <u>радость наполнила</u> этого всегда сдержанного человека* [НКРЯ].

3. *Когда Артем взглянул в них, его <u>наполнило непонятное беспокойство</u>, словно ожидание чего-то очень важного, что должно было вот-вот произойти* [НКРЯ].

4. *Это событие взволновало его, неожиданно для него самого <u>наполнило гордостью</u>* [НКРЯ].

5. *Andy*'s father, Oscar Aviles, who still struggles *<u>to contain his anger</u>…* [COCA].

В этом случае аналогичный смысл передается эксплицитно посредством семантики глагола contain. To contain – 'If something such as a box, bag, room, or place contains things, those things are inside it' [Collins Dictionary], а также имплицитно – за счет репрезентации внутренних границ с помощью глагола struggle.

В этой же функции может быть использовано прилагательное full, означающее ‘containing or holding as much or as many as possible; having no empty space’ [Oxford Dictionary], в составе идиоматического выражения full of the joys of spring, как в следующих предложениях:

6. Because you know they came up, they were full of the joys of spring, looking around, chatting to their friends and then they started looking at the stepping stone [BNC].

7. On a good day, it only takes a glimpse of blue sky or a tree in blossom to make me feel full of the joys of spring and in love with life [BNC].

Семантика русского прилагательного *полный*, означающего «содержащий в себе, вместивший в себя много чего-н.» [Толковый словарь Ушакова], также репрезентирует схожий смысл:

8. *В решительную минуту полный страха и надежд, он боялся этого последнего испытания [НКРЯ]*.

Примером метафорической репрезентации эмоции как наполняющей человека может служить употребление глагола bubble (‘быть переполненным, кипеть’ [ABBYY Lingvo], ‘be filled with an irrepressible positive feeling’ [Oxford Dictionary]) в предложении ниже:

9. She bubbled with enthusiasm as she described the results [COCA].

В русском языке есть схожая метафорическая репрезентация эмоционального состояния, которая представлена глаголом *кипеть*:

10. *Настя вернулась к себе, чувствуя, как внутри у нее все кипит от ярости* [НКРЯ].

11. *Проиграв и раз, и другой, Заур кипит от едва сдерживаемого возмущения* [НКРЯ].

Рассмотренные примеры, таким образом, свидетельствуют о том, что концепт КОНТЕЙНЕР может использоваться для передачи эмоционального состояния человека в языке. Его репрезентация может осуществляться за счет эксплицитного или имплицитного указания на содержимое, заполняющее определенное пространство, а также на внутренние границы этого пространства.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

Кубрякова Е.С. Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997.

Апресян В.Ю. Семантические типы эмоциональных метафор // Эмоции в языке и речи: сборник статей / под ред. И.А. Шаронова. М.: РГГУ, 2005. С. 9-31.

Collins Dictionary. URL: http://www.collinsdictionary. com/.

Oxford Dictionary. URL: http://www.oxforddictionaries.com/.

Corpus of Contemporary American English (COCA). URL: http://corpus.byu.edu/COCA/.

BNC – British National Corpus. URL: https://corpus.byu.edu/bnc/.

I.L. Selezneva (Tambov, Russia)
Tambov State University named after G.R. Derzhavin

WAYS OF LANGUAGE REPRESENTATION OF EMOTIONS IN ENGLISH AND RUSSIAN

The article considers possible ways to represent the emotional state of people through the conceptualization of a human as a container with emotions placed in or dynamically moving inside, using examples of English and Russian languages.

Key words: emotions in language, language representation, conceptualization, concept CONTAINER, full of emotions.

А.В. Семкова *(Мирный, Россия)*
Политехнический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» в г. Мирном
semkova1@rambler.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ КОНСТРУКЦИЙ, КАТЕГОРИЗУЮЩИХ ФОНОВЫЕ ПАРАМЕТРЫ ПРОТОТИПИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ «РЕЧЬ»

Каждая прототипическая ситуация обладает собственным набором фигуральных и фоновых параметров. Категоризуя ситуации реальной действительности, говорящий подводит их под ту или иную прототипическую ситуацию, выделяя те параметры, которые релевантны для него в момент речи. В статье исследуются семантические изменения конструкций в результате категоризации различных фоновых параметров прототипической ситуации.

Ключевые слова: прототипическая ситуация, прототипическая конструкция, параметр, фигура, фон.

В когнитивной грамматике под конструкцией понимается объединение когнитивной модели (концептуальной структуры) и соответствующей языковой формы [Lakoff 2008; Goldberg 2003]. Когнитивная модель зачастую обозначается как прототипическая ситуация, представляющая собой когнитивный образ ситуации реального мира [Кустова 2000: 108]. Каждая прототипическая ситуация характеризуется набором параметров, классифицирующихся как облигаторные (фигуральные) и дополнительные (фоновые).

В прототипической ситуации «Речь» обнаруживаем следующие параметры:

Фигуральные:

1) «агенс» (субъект речи);
2) «процесс говорения» (речевой акт);
3) «адресат» (слушающий);
4) «передаваемая информация».

Фоновые:

5) «способ говорения»:
а) «громкость»;

б) «темп/скорость»;

в) «наличие/отсутствие эмоций в речевом акте»;

б) «цель».

Конструкции, категоризующие прототипическую ситуацию наилучшим образом и без примеси иных свойств, называются прототипическими. Они существуют в сознании говорящего как готовые формы для репрезентации прототипической ситуации [Lakoff 1980: 70-72]. Прототипическая ситуация речи категоризована прототипической конструкцией $\mathbf{N_{speaker}}$ $\mathbf{V_{say/speak/talk/tell}}$ $\mathbf{N_{addressee}}$ $\mathbf{N_{information}}$.

Как правило, прототипическая конструкция категоризует фигуральные параметры прототипической конструкции. Фоновые параметры являются условиями, которые сопровождают речевой акт, и не репрезентируются в прототипической конструкции, а лишь подразумеваются. Принцип «фигура – фон» представляет базовую когнитивную способность человека фокусировать свое внимание на самой важной информации [Фурс 2009: 290], а особенность механизма «фигура – фон» в теории гештальтов заключается в том, что фигура выделена или эксплицитна, а фон неявен, имплицитен, при этом он оказывает косвенное влияние на фигуру. Фоновые параметры не исключаются из ситуации, создавая общий фон ситуации.

В теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона прототипическая ситуация понимается как гештальт или набор характеристик, реализующихся вместе [Lakoff 1980: 71]. На самом деле, прототипическая ситуация реализуется в одном или нескольких своих проявлениях, поскольку в реальности вряд ли найдется конструкция, способная вербализовать всю ситуацию сразу [Ковалева 2008: 82]. Причина заключается в том, что уникальность события предполагает дополнительно отмеченные смысловые блоки, которые зачастую не вербализуются в структуре предложения [Фурс 2009: 31].

Таким образом, естественно, что в процессе языковой категоризации один параметр прототипической ситуации выделяется говорящим, а другой уходит в фон [Лаккоф 1981: 358]. Когда фоновый параметр категоризуется на поверхностном уровне и становится фигуральным, конструкция изменяет свое значение и становится непрототипической. Рассмотрим семантическую вариативность данных конструкций.

В результате анализа конструкций с предикатами речи, приходим к выводу, что в реальной жизни говорящий часто обращает внимание на способ и цель говорения. Следовательно, фоновые параметры «способ» и «цель» становятся фигуральными, а некоторые облигаторные уходят в фон. В непрототипических конструкциях «способ» и «цель» категоризованы либо предикатом, составляющим периферию ЛСГ речи, либо соответствующими сирконстантами.

Если говорящий обращает внимание на громкость речевого акта, он интуитивно выбирает периферийный глагол речи в качестве предиката: to whisper, to shout, to cry, to hiss и т.д., поскольку сема «громкость» обнаруживается в значениях этих глаголов. Например, to shout: “to express strong emotions in a loud voice” [Cambridge Advanced Learner's Dictionary]. Проанализируем конструкцию (1) Mother shouted for the children [BNC]. Очевидно, что для говорящего важнее способ речи, нежели сама информация

(фигуральный параметр «информация» не представлен на поверхностном уровне), и параметр 5а «громкость» становится фигуральным. Данная конструкция семантически близка следующей: (2) He spoke in a barely audible, husky growl [BNC], в которой параметр «громкость» вербализован сирконстантом in a barely audible, husky growl. Говорящий замечает, что субъекта речи еле слышно, манера речи перекрывает то, что пытается донести говорящий агенс.

Внимание говорящего может быть направлено на эмоции агенса, сопровождающие процесс речи: (3) Paul shouts angrily and loudly at smaller children who want to play with the toys he is using [BNC]. В ситуации, вербализованной данной конструкцией, два фоновых параметра становятся фигуральными: 5а «громкость» и 5с «наличие эмоций в речевом акте». Они категоризованы глаголом to shout, в значении которого обнаруживаются семы «сильная эмоция» и «громкость», а также сирконстантами loudly и angrily. Конструкция (3) семантически близка конструкции (4) My husband sometimes scolds loudly my stepson but more often blames my son [BNC] фигуральностью параметров 5а «громкость» и 5с «наличие эмоций в речевом акте». Для их реализации говорящий интуитивно из всего языкового материала, которым он располагает, выбирает сирконстант образа действия loudly, а в качестве организующего предиката – глагол to scold, в значении которого обнаруживаем следующие компоненты: “to find fault noisily or angrily” [Merriam-Webster Dictionary]. В то же время, конструкции (3) and (4) семантически сближаются с конструкцией (5) Maybe she just said it in the heat of anger or whatever [BNC] на основании фигуральности параметра 5с (несмотря на то, что организующий предикат to say неэкспрессивен и стилистически нейтрален). Данный параметр вербализован интенсификатором эмоции in the heat of anger, что свидетельствует о том, что внимание говорящего больше сфокусировано на эмоциях, выраженных автором речи, а не на самой информации.

Когда говорящий замечает темп речи: чрезвычайную быстроту или медлительность, параметр «темп» выходит из фона и становится фигуральным. Данный параметр может быть репрезентирован либо сирконстантом: (6) He said it in a rush, leaving Rachel staring at the door [BNC], либо одним из периферийных глаголов, в значении которых присутствуют соответствующие семы: to jabber, to gibber, to rattle. Например, (7) Nicolo muttered short fast phrases behind my back [BNC]. В значении to mutter находим семы “quietly”, “in a low voice”, “worried”, “complaining” [Merriam-Webster Dictionary], что свидетельствует о том, что такие фоновые параметры, как «громкость» и «наличие эмоций» стали фигурой. Параметр «скорость», в свою очередь, вербализован сирконстантом short fast. Таким образом, три фоновых параметра замечены и категоризованы говорящим одновременно (7), при этом фигуральные параметры (информация) уходят в фон.

Параметр 6 «цель» становится фигуральным, когда говорящий обращает внимание на намерение субъекта речи. Данный параметр в непрототипической конструкции может быть категоризован либо периферийными глаголами: to praise, to scold, to slander, to disgrace и т.д., либо сирконстантом цели: (8) Mickey told that long coil of phrases in order to compliment her [BNC]; (9) George praises the hospitality and warmth of welcome extended by the Belgians [BNC]. Лексическое значение глагола to praise: “to express strong approval <u>or</u>

admiration to someone especially in public" [Macmillan English Dictionary]. Наличие данных компонентов в конструкции свидетельствует о том, что акцент перемещается на цель, с которой агенс произносит высказывание. Конструкции (8) и (9) семантически близки на основании фигуральности параметра 6: цель высказываний – сказать что-то приятное, дать положительную оценку.

Итак, конструкции с организующими нейтральными предикатами to say, to tell, to speak, to talk и сирконстантами цели и образа действия семантически сближаются с конструкциями, организуемыми периферийными глаголами ЛСГ глаголов речи, содержащими в своих значениях дополнительные соответствующие семы.

Поскольку реальность намного богаче и разнообразнее, чем способы ее языкового выражения [Гак 2004: 466], существует такое явление, как семантическая вариативность предложения. Семантически близкие конструкции объединены семантическим конструктом – прототипической ситуацией, параметры которой реализуются всеми частями предложения: и предикатом, и актантами, и сирконстантами. Конструкции отличаются от прототипической конструкции и друг от друга параметрами, которые являются для говорящего релевантными в момент речи.

Литература

Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2004. 862 с.

Ковалева Л.М. Английская грамматика: предложение и слово. Иркутск: ИГЛУ, 2008. 397 с.

Кустова Г.И. Когнитивные модели семантических дериваций и система производных значений // Вопросы языкознания. 2000. Вып. 4. С. 85-109.

Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1981. Вып. X. С. 350-368.

Фурс Л.А. Концептуальные аспекты синтаксиса // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. IV. С. 278-301.

BNC – British National Corpus. URL: http://www.natcorp.ox.ac.uk/ (дата обращения: 05.01.2020).

Cambridge Advanced Learner's Dictionary. URL: http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/go_2 (дата обращения: 05.01.2020).

Goldberg A. Constructions: a new theoretical approach to language // Trends in Cognitive Science. 2003. № 7 (5). P. 219-224.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1980. 242 p.

Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 2008. 792 p.

Merriam-Webster Dictionary. URL: http://www.merriam-webster.com/dictionary/?book=dictionary&va=go (дата обращения: 05.01.2020).

***A*.V. Semkova** (Mirny, Russia)
Mirny Polytechnic Institute (branch)
of North-Eastern Federal University

SEMANTIC VARIATION OF CONSTRUCTIONS CATEGORIZING GROUND DIMENSIONS OF THE PROTOTYPICAL SITUATION "SPEECH"

Each prototypical situation has its own set of figure and ground dimensions. Categorizing situations of real life, a speaker adjusts them to this or that prototypical situation singling out the dimensions relevant for him / her at the moment of speech. Different semantic variations as a result of categorization of the ground dimensions of the prototypical situation are analyzed in the article.

Key words: prototypical situation, prototypical construction, dimension, figure, ground.

Н.А. Сергиенко *(Сургут, Россия)*
Сургутский государственный университет
nas_surgut@mail.ru

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОМЕНТАЛЬНОЙ СУБСФЕРЫ *СТРАХ* В БРИТАНСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В статье на основе анализа лексикографических и фразеологических источников, а также корпусов английского языка проанализированы особенности лингвокогнитивной категоризации и концептуализации лингвоментальной субсферы СТРАХ в британской и американской лингвокультурах. Выделены лингвокогнитивные семы в структуре репрезентантов данной субсферы, определены категориальные семантические группы ее выражения.

Ключевые слова: лингвоментальная субсфера СТРАХ, особенности лингвокогнитивной категоризации и концептуализации, британская и американская лингвокультуры.

В современной лингвистике эмоций уже не вызывает сомнения тот факт, что эмоции тесно связаны с когнитивными процессами человека и включены непосредственно в структуру его сознания и мышления [Шаховский 2013: 13]. Поэтому в настоящее время вопросы языковой концептуализации и лингвокогнитивной категоризации эмоций все больше привлекают внимание исследователей-лингвистов.

Лингвокогнитивная категоризация трактуется нами как специфический для разных лингвокультур (в лингвистическом и культурологическом плане), но универсальный (в когнитивном отношении) процесс вербализованного упорядочения знаний и представлений человека о реальном (и нереальном) мире [Сергиенко 2018: 132].

Понятийное содержание эмотивной субсферы СТРАХ раскрывается в определениях эмоции страха, существующих в англоязычных научных концепциях и теориях, которые формируют фрагмент научной картины мира. Центральное положение в философской картине мира, объективизируемой в английском языке, занимает экзистенциональный страх. В работах по психологии представлена разнообразная типология этой эмоции (achluophobia – fear of darkness, coulrophobia – fear of clowns, koniophobia – fear of dust, pyrophobia – fear of fire, zelophobia –fear of jealousy, etc.).

Как и любой другой вербализированный концепт, СТРАХ актуализируется в речи номинативными единицами английского языка, т.е. такими, которые используются для обозначения выделенных языковым сознанием отдельных фрагментов неязыкового континуума и отвечают «видению мира» определенного лингвокультурного социума [Телия 1996: 57]. Прототипическим средством репрезентации субсферы является ее имя, т.е. номинативная единица, которая отличается своей частотностью, синтаксической полифункциональностью и полисемантичностью. Ядром субсферы СТРАХ в британской и американской лингвокультурах выступает лексема fear. Основаниями для такого вывода является ее значительно большая частотность по сравнению с синонимическими ей лексемами fright, horror, terror, dread, dismay, apprehension, awe, scare, alarm, consternation, trepidation и, соответственно, прогнозируемо большее количество свободных словосочетаний, образованных на ее основе, что свидетельствует о ее полифункциональности.

Лексема fear, как и синонимические ей номинации, обозначает негативную эмоцию, поэтому понятийное содержание анализируемой субсферы существует в неразрывном единстве с ценностным содержанием.

В результате анализа номинативного пространства эмотивной субсферы СТРАХ выявлен также корпус номинаций, которые принадлежат разным функциональным регистрам современного английского языка. В частности, выделены литературные слова, употребляемые в официальных коммуникативных ситуациях: **solicitude** (formal) – *чувство тревоги, беспокойства*, **dart** (literary) – *внезапное, быстрое и обычно краткосрочное чувства страха*; специальные литературные слова, квалифицированные, как устаревшие, в том числе, собственное архаические: **affright** (archaic) – *внезапный ужас*, **fearlac** (obsolete) – *страх* и поэтические: **recreant** (poetic / formal) – *трус*; неологизмы: **ceramophobiac** – *человек, который боится глиняного и другого вида посуды*; а также разговорные слова, употребляемые в неофициальных коммуникативных ситуациях: **funk** (colloquial) – *состояние парализующего страха* и разновидности специальной разговорной лексики, в частности, сленгизмы: **cliff-hanging** – *тревога,* **cold creeps** – *сильное чувство страха* и диалектизмы: **feart** (Scottish) – *чувство страха*.

Свободные словосочетания с номинацией fear или ее синонимами служат средствами языкового воплощения конвенциональных метафор, которые конституируют образное содержание эмотивной субсферы СТРАХ.

Для универсально-эмотивной субсферы СТРАХ в британской и американской лингвокультурах наиболее продуктивными являются онтологические и структурные метафоры. Среди онтологических метафор наиболее распространенными являются персонификации. Например, в фрагменте:

The **dread departed** and he felt only pity – a pity lodged so deep in him that it made him ache and he began to cry again as he washed her body and then dressed it as it had been dressed when she wore it on the way to Lake Pontchartrain (King) СТРАХ уподоблен ЧЕЛОВЕКУ, который может передвигаться в пространстве. Метафора вербализирована глаголом to depart (отбывать), агенсом действия которого является денотат лексемы dread, синонимический лексеме fear.

Группа структурных метафор состоит из метафорических уподоблений страха естественным явлениям, как например легкому туману или воде: I felt **a wave of real terror**. Did they know that I knew? Every time I had to carry out one of these simple directives, **I was in a sweaty haze of fear** (Meyer).

Номинативные средства используются не только для прямой номинации в структуре субсферы СТРАХ, но и для дескрипции и экспрессии состояния страха.

Дескрипция эмоционального состояния страха осуществляется с помощью языковых выражений, которые выражают его содержание, не называя, а описывая его. Например: He **was scared, so deeply scared to death** he hardly dared admit it to himself. It was the kind of **fear** that **could drive you mad** (King). Приведенный фрагмент, кроме эксплицитных маркеров референтной ситуации страха (фразеологизма scared to death и fear), содержит описание состояния страха героя, который приводит к сумасшествию (could drive you mad).

Экспрессия в структуре эмотивной субсферы достигается с помощью совокупности единиц, которые благодаря своим семантико-стилистических признакам способны выражать субъективное отношение говорящего к содержанию или адресата речи в коммуникативном акте. Экспрессия опирается на целый комплекс психических, социальных и лингвистических факторов и проявляется как интенсификация выразительности сообщаемого, как увеличение влияния силы высказывания [Пономарів 2000: 7]. Например в фрагменте: *"***Sweet Jesus***!" Langdon cried***, stumbling back** in **horror** (D. Brown) экспрессия эмоции страха осуществляется персонажем через обращение к Богу Sweet Jesus (Боже мой!) как к наивысшей инстанции спасения. В контексте также присутствующая номинация страха – horror (ужас) и дескрипция страха – cried, stumbling back (закричал, оступаясь назад).

Таким образом, эмотивная субсфера СТРАХ в британской и американской лингвокультурах имеет понятийное, ценностное и образное содержание и актуализируется путем номинации, дескрипции и экспрессии. Ценностная составляющая эмотивной субсферы неразрывно связана с понятийной и образной вследствие ее аксиологической природы. Номинативные средства вербализации данной субсферы охватывают ее имя, членов синонимического ряда, сформированные на их основе свободные словосочетания, а также фразеологизмы и идиомы. Образный компонент субсферы актуализируется свободными словосочетаниями, которые воплощают конвенциональные метафоры.

Перспективным представляется проведение сопоставительного анализа особенностей лингвокогнитивной категоризации и концептуализации лингвоментальной субсферы СТРАХ в лексикографической, образной и наивной языковых картинах мира представителей британской и американской лингвокультур.

Литература

Пономарів О.Д. Стилістика сучасної української мови. Тернопіль: Богдан, 2000. 248 с.

Сергиенко Н.А. Формирование субсферы СЕМЬЯ в русской и украинской лингвокультурах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 132-139.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологические аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 128 с.

The British National Corpus – University of Oxford, 2010. URL: http://www.natcorp.ox.ac.uk/.

The Corpus of Contemporary American English (COCA). URL: https://www.english-corpora.org/coca/.

N.A. Sergienko (Surgut, Russia)
Surgut State University

LINGUO-COGNITIVE CATEGORIZATION AND CONCEPTUALIZATION OF LINGUO-MENTAL SUB-SPHERE FEAR IN BRITISH AND AMERICAN LINGUO-CULTURES

The article deals with the analysis of the peculiarities of linguo-cognitive categorization and conceptualization of the linguo-mental sub-sphere FEAR in the British and American linguo-cultures based on lexicographic and phraseological sources. Linguo-cognitive semes and categorial groups have been revealed in the structure of the analyzed linguo-mental sub-sphere.

Key words: linguo-mental sub-sphere FEAR, peculiarities of linguo-cognitive categorization and conceptualization, British and American linguo-cultures.

Т.В. Сивова *(Гродно, Беларусь)*
Гродненский государственный университет им. Янки Купалы
sitavi@tut.by

КОЛОРИСТИЧЕСКАЯ ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ДЕНДРОНИМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА К.Г. ПАУСТОВСКОГО. КОНЦЕПТ *БЕРЕЗА*

На обширном текстовом материале предпринята попытка реконструкции одного из фрагментов колористической картины мира К.Г. Паустовского – колористического дендронимического пространства. Выявлен цветовой спектр, используемый писателем для визуализации березы, описана индивидуально-авторская специфика ее колористической перцепции и визуализации.

Ключевые слова: лингвистика цвета, термин цвета, дендроним, береза, языковая картина мира, идиостиль, К.Г. Паустовский.

Выявление специфики языковой концептуализации дендронимического (др.-греч. dendron ‘дерево’) пространства на материале художественного дискурса представляется плодотворным в свете антропоцентрической парадигмы современного языкознания. Данное направление лингвистических исследований раскрывает возможности в описании состава, структурной организации и особенностей функционирования ЛСГ «Дендронимы» [Исакова 2011: 4], в выявлении когнитивных основ формирования переносных значений фитонимической лексики [Дементьева 2012: 3], в характеризации на основе сравнительно-сопоставительного и типологического анализа фитонимов структурно отдаленных друг от друга языков [Исаев 2015: 4] и др. Художественные произведения национальных писателей – белорусских и польских: В.С. Короткевича [Прокофьева 2011], Э. Ожешко [Kolankowska 2004], М. Домбровской [Kobylińska 2015], русских: С.А. Есенина [Соколова 2017], А.А. Фета [Трафименкова 2015], М.И. Цветаевой [Кошарная 2019] и др. – все чаще становятся материалом для многовекторных исследований дендронимической лексики, в свете чего реконструкция дендронимического пространства в языковой картине мира мастера художественного слова К.Г. Паустовского становится масштабной и значимой лингвистической задачей, одним из векторов решения которой является выявление специфики колористической визуализации деревьев.

Являясь символом России [КРЯ 2017: 85], береза нередко попадает в фокус лингвокультурологических исследований, приобретая статус культурной константы [Чан Тхи Нау 2011]. Концепт БЕРЕЗА становится национальным концептом, который, сохранив историческое ядро, обогащается новыми значениями [Сергеева 2012: 449]. В дендронимическом пространстве исследуемых произведений (1–6 тт. Собр. соч.) береза занимает значимое место, о чем свидетельствует как количество словоупотреблений лексемы *береза* (более 90) и дериватов *березы-двухлетки*, *девочки-березы*, *березка*, *березонька*, *березовый*, *березняк*, *березник*, так и широкая атрибуция, в которой, помимо колористической характеристики, актуализируются: 1) акциональная (*расти*, *дрожать*, *трепетать*, *хлестать*, *слетать*, *сбрасывать листья*, *облететь*, *висеть не шелохнувшись* и др.): *листва берез мелко дрожала* [Паустовский 1981a: 111]; 2) темпоральная (*березы-двухлетки*, *молодой*, *юный – вековой*, *старый*): *прислонился к стволу молодой березы* [Паустовский 1981b: 200], осложненная аксиологической: *Ветер шумел* ***в*** *старых* ***аракчеевских березах*** [Паустовский 1981a: 197] и антропоморфной: *вечер с уснувшими молодыми березками* [Паустовский1982a: 308]; примечательна также способность дендронима визуализировать ТК «Время суток»: ***День*** *стоял туманный,* ***засыпанный*** *сухими* ***березовыми листьями*** [Паустовский 1983: 216]; 3) одоративная (*крепкий запах берез*; *земля пахнет березовой корой*; *пахучие листья*; *наполняя воздух горечью*): *На дороге* ***пахло березами****, мокрой корой* [Паустовский 1981a: 197]; 4) температурно-влажностная (*сырой*, *мокрый*, *холодный*, *прохлада*): *участок сырого березового леса* [Паустовский 1982a: 379]; *по ощущению прохлады на лице от листьев березы* [Паустовский1982c: 537]; 5) параметрическая (*низкий*, *низкорослый*, *маленький*, *кривой*): *среди унылых низкорослых берез* [Паустовский 1982c: 461]; *В палисадниках росли* ***кривые березы*** [Паустовский1982b: 157]; 6) антропоморфная (*одинокая*, *молодеть*, *уснуть*, *дружба*): *Как же твоей березе не облететь, когда все ее* ***товарки*** *в лесах облетели?* [Паустовский

1983: 259]; 7) аудиальная (*шуметь*, *слабо шуметь, шум*): *по склонам логов шумят березовые рощи* [Паустовский 1982a: 606]; 8) значение ‘плохо растущий’ (*худой*, *хилый, чахлый*): *Столики стояли на траве,* ***под чахлыми березами*** [Паустовский 1981a: 110]; 9) пространственная: *овальный стол из карельской березы* [Паустовский 1981b: 297].

Писатель выходит за рамки географического и природного пространств, расширяя сферу функционирования лексемы *береза* до значимых в его картине мира 1) пространства человека: *ветки березы поднялись, вся она повеселела* [Паустовский 1983: 257]; 2) творчества: [Л. Толстой «Анна Каренина»]: *услышал знакомые слова: «Стало темнеть, ясная серебряная Венера низко на западе уже сияла из-за березок своим нежным блеском»* [Паустовский 1982b: 102]; *в мелодию входит знакомая песня: «Во поле березонька стояла…»* [Паустовский 1982a: 135]; *около картины Нестерова «Видение отроку Варфоломею». Тоненькие девочки-березы белели, как свечи* [Паустовский 1982b: 237]; 3) религии: *Был* ***Троицын день****. Церковь была убрана березками* [Паустовский 1983: 345].

Создавая многостороннее описание березы, К.Г. Паустовский особое внимание уделяет ее колористической визуализации, что закономерно как с позиций русского языкового сознания: 1) цветовой признак лежит в основе лексикографической дефиниции: *береза* ‘лиственное дерево с белой (реже темной) корой’ [БТСРЯ 2000: 72], 2) ключевой на стимул «береза» является реакция *белая* [РАС 2002: 52], так ииндивидуально-авторской картинымира, в которой цвет объединяет время, пространство и человека в них [Сивова 2018].

Колористический спектр, используемый писателем для визуализации березы, включает 9 терминов цвета (*желтый* 14, *золотой* 8, *белый* 7, *зеленый* 4, *лимонный* 3, *оранжевый*, *пепельный*, *седой*, *серебряный* 1), среди которых доминирующую позицию занимает *желтый*, в корреляции с дендронимом создающий цветовую характеристику ТК «Осень»: *Стояла осень. Черные реки – Неглинка и Лососинка – проносили через город желтые березовые листья* [Паустовский 1982a: 386], специфичную тонкой дифференциацией цветового признака: *на березовых листьях появилась первая желтизна* [Паустовский 1982a: 72], и опосредованно ТК «Возраст»: *на березах в саду появились желтые пряди, как первая седина у еще нестарого человека* [Паустовский 1983: 258].

Сильная позиция термина цвета *золотой* обусловлена использованием для визуализации значимых координат: темпоральной – ТК «Осень»: *золотые березы осторожно сбрасывали на землю листья* [Паустовский 1982a: 426] и пространственной – пространства живописи: *на* [картинах] *были изображены знакомые с детства вещи: одинокие золотые березы, еще не обитые ветром* [Паустовский 1982a: 547]. Его широкое функционирование иллюстрирует одну из черт цветописи Паустовского – взаимосвязь цветовой и световой характеристик: *солнечный луч, прорвавшись сквозь тучи, падал на отдельные березы, и они вспыхивали, как золотые факелы* [Паустовский 1982a: 369]. Колористические описания строятся с использованием изобразительно-выразительных средств языка, в значительной мере отражая авторское цветовое восприятие: *дрожали от холода березы, осыпанные сусальной позолотой* [Паустовский 1983: 158]; *Березовые рощи*

стоят, как толпы девушек-красавиц, в шитых золотым листом полушалках [Паустовский 1982a: 247].

Термин цвета *белый* (лишь третья позиция, несмотря на фиксируемую в языке сочетаемость *белая береза, белоствольная береза* [Кульпина 2001: 295], которая выступает в качестве основания для серии ритуальных, языковых и художественных образов [Пазынин 2005: 23], закреплена на лексикографическом уровне [РАС 2002: 52], по сути, является колоративной константой [Летова 2012: 17]) актуализируется преимущественно в корреляции с лексемой *ствол*: *Роса стекает* ***по белым стволам*** [берез] [Паустовский 1982a: 614] и создает характеризующий авторскую манеру цветописи контраст, в основе которого лежит как традиционная оппозиция *черный – белый*: ***В*** *страшной* ***черноте*** *все вспыхивала в блеске молний* ***белая*** *сухая береза* [Паустовский 1983: 226], так и уникальная *белый – не имеющий блеска, неяркий*: *Березовые заросли* ***белели среди тусклых*** *снегов* [Паустовский 1981b: 483].

Термин цвета *зеленый* коррелирует с лексемами *почка*: *Березовые рощи качались* ***в зеленом дыму*** *маслянистых* ***почек*** [Паустовский 1982a: 417] и *сережки*: *внутри сережка была совершенно зеленая, свежая* [Паустовский 1981b: 305], создавая цветовую характеристику ТК «Весна». Функционирование термина цвета *лимонный* ‘светло-жёлтый’ в корреляции с лексемой *лист* демонстрирует тонкую цветовую дифференциацию, свойственную перцепции К.Г. Паустовского: *она* [береза] *за эту ночь пожелтела, и несколько лимонных листьев уже лежало на полу* [Паустовский 1983: 258]. Термин цвета *седой*, становясь точкой пересечения пространственной координаты (пространство природы) и темпоральной (ТК «Возраст»), демонстрирует закономерную связь цвета, пространства и времени, лежащую в основе цветового хронотопа произведений писателя [Сивова 2018]: *на березах в саду появились желтые пряди, как первая седина у еще нестарого человека* [Паустовский 1983: 258].

Динамику цвета и изменение окраски под влиянием внешних факторов передают термины цвета *пепельный*: *слетали березовые листья, превращенные в пепел* [Паустовский 1983: 160] и *серебряный*: *лимонные листья берез теряли серебряный налет* [Паустовский 1983: 236]. *Оранжевый* демонстрирует закономерную для цветописи К.Г. Паустовского взаимосвязь цветовых и световых впечатлений: *солнце всегда будет покрывать оранжевым светом ствол одной и той же старой березы* [Паустовский 1981b: 283], системный характер которой подтверждается функционированием других терминов цвета: *Только* ***от березовых****, еще не совсем облетевших лесов подымался к облакам тихий* ***желтоватый свет****. Казалось, что в глубине, под колесами самолета, горят тысячи свечей. Это* ***светила*** *последняя сухая* ***листва*** [Паустовский 1981b: 451]. Вплоть до собственно световой характеристики: *В ее* [луны] *свете* ***слабо светились березы****, бросали на снег легкие тени* [Паустовский 1983: 301].

Таким образом, превалирующая на фоне многосторонней характеристики березы колористическая составляющая, несущая отпечаток авторского цветовосприятия (пересечение колористического спектра, используемого писателем: *желтый, золотой, белый, зеленый, лимонный, оранжевый, пепельный, седой, серебряный*, и списка цветовых реакций на стимул «береза», отражающих стандарт русского языкового сознания: *белая, белоствольная, зеленая, белесая, белый ствол, горит, зебра, зелень, светлая* [РАС 2002: 52], отмечено в точках

белый, зеленый), закономерно проявляет черты цветописи Паустовского, визуализируя пространство и время произведений, становится основой цветового хронотопа, методологический потенциал которого способствует глубокому осмыслению смысловой парадигмы концепта БЕРЕЗА.

Литература

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.

Дементьева А.Г. Когнитивные основы формирования переносных значений фитонимов: на материале английского, русского и французского языков: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2012.

Исаев Ю.Н. Фитонимическая картина мира в разноструктурных языках: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Чебоксары, 2015.

Исакова А.А. Состав, структура и функции лексико-семантической группы «Дендронимы» в художественном тексте начала XX в.: на материале поэзии Серебряного века: автореф. дис. … канд. филол. наук. Курск, 2011.

Кошарная С.А. Фитонимические образы в поэтической картине мира М.И. Цветаевой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 7. С. 143-146.

КРЯ – Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): словарь / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: Азбуковник, 2017.

Кульпина В.Г. Лингвистика цвета. Термины цвета в польском и русском языках. М.: Моск. Лицей: Рус. филол. вестник, 2001.

Летова А.М. Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2012.

Пазынин В.В. Образы деревьев в русской народной лирике: К проблеме ассоциативного наполнения: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2005.

Паустовский К.Г. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981–1986. Т. 1: Романы и повести. 1981a; Т. 2: Роман и повести. 1981b; Т. 3: Повести. 1982a; Т. 4: Повесть о жизни. Кн. 1–3. 1982b; Т. 5: Повесть о жизни. Кн. 4–6. 1982c; Т. 6: Рассказы. 1983.

Прокофьева В. Дерево в картине мира романа Владимира Короткевича «Христос приземлился в Гродно» // Acta Humanitarica Universitatis Saulensis. 2011. Т. 13. С. 364-372.

РАС – Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. I: От стимула к реакции. Т. II: От стимула к реакции / редкол.: Ю.Н. Караулов [и др.]. М.: АСТ: Астрель, 2002.

Сергеева О.В. Концепт БЕРЕЗА в русской языковой картине мира // Вестник Омского университета. 2012. № 2. С. 442-450.

Сивова Т.В. Взаимосвязь цвета, света и хронотопа в языке произведений К.Г. Паустовского: автореф. дис. … канд. филол. наук. Минск, 2018.

Соколова М.Г. Динамика образа клена в лирике С.А. Есенина: лингвопоэтический аспект // Русистика без границ. 2017. Т. 1. № 4. С. 35-40.

Трафименкова Т.А. Растительные мотивы в поэзии А.А. Фета // Писатели-орловцы в контексте отечественной культуры, истории, литературы: материалы Всероссийской научной конференции (15–16 мая 2015 г.) / отв. ред. Л.В. Алёшина. Орел, 2015. С. 223-228.

Чан Тхи Нау. Лингвометодический потенциал культурной константы «береза» в обучении русскому языку вьетнамских студентов: автореф. дис. … канд. пед. наук. СПб., 2011.

Kobylińska J. Świat roślin w opowiadaniach Ludzie stamtąd Marii Dąbrowskiej // Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Linguistica X. 2015. F. 190. S. 57-69.

Kolankowska L. Nazwy i funkcje roślin w powieściach chłopskich Elizy Orzeszkowej // Annales Academiae Paedagogicae Cracoviensis. Studia Linguistica II. 2004. F. 19. S. 141-160.

T.V. Sivova(Grodno, Belarus)
Yanka Kupala State University of Grodno

COLORISTIC VISUALIZATION OF DENDRONIMIC SPACE IN K. PAUSTOVSKY'S LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD. CONCEPT BIRCH TREE

The attemptto reconstruct one of the fragments of K. Paustovsky's coloristic picture of the world-coloristic dendronymic space was undertaken on extensive text material. The color spectrum used by the writer to visualize the birch tree was revealed, the individual author's specificity of its coloristic perception and visualization was described.

Key words: linguistics of color, color term, dendronym, birch tree, linguistic picture of the world, individual style of writing, K. Paustovsky.

О.А. Сулейманова *(Москва, Россия)*
Московский городской педагогический университет
Olgasoul@rambler.ru
В.И. Яременко *(Москва, Россия)*
Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»
veraj@mail.ru

ТЕОРИЯ АРТИКЛЯ В КОГНИТИВНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В работе отмечается многогранность проблемы определения артикля и его места в системе частей речи. Предлагается уточненное определение артикля с примерами его употребления в свете фреймового подхода с целью оптимизации преподавания системы артиклевых языков.

Ключевые слова: категория артикля, (не)артиклевые языки, функции артикля, фрейм.

Значение артикля как ключевой единицы языковой категоризации и основы референции в артиклевых языках, например, английском, немецком, французском и мн. др. не вызывает сомнений. При этом артикль представляет собой средоточие ряда разноуровневых проблем: вызывает разногласия его частеречная атрибуция (например, в энциклопедическом издании [Crystal 2010] артикль не значится в списке частей речи и практически не получает описания, за исключением упоминания в связи с иными языковыми явлениями), определения значения артиклей [Будовская 2009; Долгина 2008; Филиппова 2018], а также система обучения его использованию носителей языков, в которых артикль отсутствует.

Анализ определения общего значения артикля в [ЛЭС 1991] и в ряде грамматик и пособий показывает, что в основу определений, например, определенного артикля, часто кладется идея предупомянутости, или известности объекта [Будовская 2009], а также выделенности [ЛЭС 1991]; неопределенного – невыделенность объекта как представителя класса [ЛЭС 1991], его первое упоминание. Однако в таком случае не выстраивается закономерность для ситуации, например, когда через неопределенный артикль характеризуется хорошо известный говорящему объект – моя старшая сестра Наташа (she is a very naughty girl). Более того, употребление артикля часто описывается как совокупность разнообразных условий, слабо сводимых к некоторому общему принципу.

В работе предлагается уточненное определение артикля, а также прагматически обоснованное описание условий его употребления в свете фреймового подхода.

Методологическое основание и метаязык описания. Артикль как базовая единица категории детерминации [ЛЭС 1991] интерпретируется в работах О.А. Сулеймановой (см. [Сулейманова 1987]), где неопределенный артикль определяется как вносящий информацию об идентификации объекта до уровня члена класса, объекту приписываются только признаки, общие для всех членов класса; определенный вносит информацию об идентификации до уровня индивида через приписание объекту некоторых уникальных свойств. При этом приписание уникальности осуществляется различными эксплицитными средствами – через использование прилагательного в форме превосходной степени, порядковые числительные, постпозитивные рестриктивные определения и др. Подчеркнем, что принцип характеризации до уровня индивида во всех упомянутых случаях един.

Ср., например, прагматическую операцию выделения объекта за счет анафоры, за счет постпозитивного рестриктивного определения some malicious joke on Alison's part, her revenge for **the** slap I had given her last night, которое ограничивает область референции до единицы, порядкового числительного The silence was absolute once again. ... **The** second noise was louder than the first, прилагательного в превосходной степени *I didn't have* **the** faintest idea.

Помимо эксплицитных способов выделения категория определенности может задаваться имплицитно. В работе [Hawkins 1978] предлагается описание имплицитных средств, которые позволяют на основе инференции определить тип артикля. Фактически автор вводит фреймы (в смысле

[Минский 1988; Филлмор 1988]), полагая, что либо общий контекст ситуации, либо некоторая языковая единица как trigger (спусковой крючок) задает видение и репрезентацию ряда объектов (ср. описываемую ситуацию со словом *стул* как маркером фрейма в работе М. Минского) как выделенных, для референции к которым используется определенная дескрипция. (Часто такое употребление не вполне ясно описывается как ситуативное употребление артикля [Будовская 2009]). Дж. Хокинс показывает, что объект при этом должен удовлетворять двум условиям: во-первых, быть единственным в данной ситуации (о единственности см. также в [Филиппова 2018], во-вторых, составлять обязательный и неслучайный компонент описываемого фрейма. Так, в учебной аудитории обязательны и единственны стол преподавателя, его компьютер и др., у компьютера это клавиатура, экран, мышь, системный блок и другие элементы, представленные в единственном числе. Когда речь идет о человеке как физической сущности, обозначения частей тела – the body, the nose, the face, the head, the stomach, etc. используются с определенным артиклем. Напротив, необязательные части тела – ямочка, родинка, горб, борода – не описываются без предупоминания определенной дескрипцией. Однако если ввести триггер типа *горбун, бородач,* задав фрейм, референция к соответствующим частям тела осуществляется уже определенной дескрипцией.

Такое представление обладает высоким эвристическим и дидактическим потенциалом, поскольку позволяет убедительно объяснить хорошо известные «исключения» типа in **the** middle of the room, **the** top of the page, **the** contents of the book, **the** floor / **the** ceiling, когда не упоминавшиеся ранее объекты обозначены определенной дескрипцией.

При обучении использованию артикля, особенно носителей не-артиклевых языков, такое представление позволяет понять «логику» артикля.

Результаты. Рассмотрим то, как «работает» предложенное представление на примерах из художественного дискурса: например, описание ситуации с найденной героиней игральной картой (J. Coe Number 11):

"What's that in your hand?" I asked, glancing down

Alison was clutching **a** *(1) single playing card…*

I took **the** (2) card from her hand. On **the** (3) back was **a** (4) pattern of yellow and black diamonds. Turning **the** (5) card over, I found **a** (6) drawing of a spider. It was **a** (7) grotesque and horrific thing, standing up*right… Against* **the** (8) glossy black background of **the** *(9) card …* **The** (10) artist *has dotted dozens of … over its* distended belly, at **the** (11) bottom *of which…*

Случаи (2), (5), (9) представляют понятное анафорическое употребление, или предупомянутость; примеры (1), (4), (6), (7) – введение обозначения объекта, идентифицируемого до уровня члена класса неопределенным артиклем; в случаях (3), (8), (10), (11) объекты не упоминались ранее, однако они составляют обязательный элемент описываемого фрейма игральная карта (3), (8), общей ситуации – на карте нарисовано постороннее изображение (=продукт художника (10)), рисунок паука, на животе которого есть некоторое изображение, причем живот обычно имеет верх и низ, к последнему и обращено описание как обязательной составляющей части живота (11).

Подчеркнем, что данный подход обладает объяснительной силой и для описания не-физических сущностей (такие случаи традиционно игнорируются

в практических пособиях). Рассмотрим примеры из лингвистического исследования: **The** (1) word glamour comes from **the** (2) word grammar, and since **the** (3) Chomskian revolution **the** (4) etimology has been fitting. Who could not be dazzled by **the** (5) creative power of **the** (6) mental grammar, by its ability to convey **an** (7) infinite number of thoughts with **a** (8) finite set of rules? Grammar is **a** (9) protocol that has to interconnect **the** (10) ear, **the** (11) mouth, and **the** *(12) mind* ... (13) **The** idea that **the** (14) human mind is designed to use abstract varia*bles and data structures ... is* **a** *(15) revolutionary claim* ... **the** (16) structures have no direct counterpart in **the** *(17) child's experience* (S. Pinker The Language Instinct).

В приведенных высказываниях случаи (7), (8), (9), (15) объясняются как идентификация объекта до уровня члена класса соответствующих объектов; тогда как (4), (5), (10), (11), (12), (14) основаны на осознании наличия неслучайной связи упомянутых объектов с триггером – либо словом, либо в целом с описываемой ситуацией; предупомянутость в случаях (3), (6), (16); случаи (1), (2), (13) представляют собой использование артикля с существительным, получающим рестриктивное постпозитивное определение.

Таким образом, введение фрейма и вычленение в его рамках единичных обязательных элементов обладает высокой объяснительной силой как единое основание для многих случаев ранее разрозненных интерпретаций использования определенного артикля. Напротив, если речь идет о необязательных, «случайных» элементах, обозначения данных объектов требуют неопределенного артикля.

Выводы. Представленная интерпретация значения определенного и неопределенного артикля позволяет оптимизировать преподавание системы артиклевых языков и обладает хорошей дидактической перспективой, объясняя логику ранее не сводимых к общему основанию употреблений артикля.

В качестве перспективы исследования авторы рассматривают верификацию теории на текстах академического дискурса, имеющего дело с абстрактными сущностями, представленными в рамках концептуально сложных фреймов. Такой анализ позволит уточнить описание артикля и будет полезен в дидактической перспективе.

Литература

Будовская Н.Е. Система английских артиклей как объект когнитивного исследования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009. Вып. 4. С. 94-97.

Долгина Е.А. Категория артикля в английском языке: Методы исследования // Вестник Челябинского государственного университета. Филология и искусствоведение. 2008. Вып. 27. С. 45-51.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1991.

Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. XXIII. С. 281-309.

Сулейманова О.А. Некоторые семантические типы субстантивов и их местоименные актуализаторы *весь / целый* и all / whole: дис. … канд. филол. наук. М., 1987.

Филиппова А.В. Когнитивный подход в изучении стилистических функций артиклей в английском языке // Сборник статей XII Международной научно-практической конференции. Минск: БГУ, 2018. С. 80-84.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. XXIII. С. 52-92.

Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Second edition. 2010. 499 p.

Hawkins J. Definiteness and Indefiniteness: A Study in Reference and Grammaticality Prediction. London, 1978.

O.A. Suleimanova (Moscow, Russia)
Moscow City Pedagogical University
V.I. Yaremenko (Moscow, Russia)
National Research University MIET

ARTICLE IN COGNITIVE PERSPECTIVE: DIDACTIC ASPECT

The paper deals with the many faceted problem of the article definition and its role within the system of the parts of speech. A more accurate definition of the article is suggested with examples of its use in the light of frame approach with the aim to optimize the system of teaching article languages.

Key words: category of article, (non)article languages, functions of article, frame approach.

Е. Сянлинь *(Тайбэй, Тайвань)*
Государственный университет Чжэнчжи
verayeh@nccu.edu.tw

КОНЦЕПТ *РАВНОДУШИЕ* В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА С. ДОВЛАТОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА РАССКАЗОВ «ЧЕМОДАН»)

Рассматривается концепт как фрагмент художественной картины мира. Выделены группы лексики, формирующей концепт РАВНОДУШИЕ в цикле рассказов С. Довлатова «Чемодан». Особое внимание уделено концептуальному пространству рассказа «Поплиновая рубашка», где данный концепт является ключевым в формировании эмотивного содержания текста.

Ключевые слова: художественная картина мира, концептуальное пространство текста, концепт РАВНОДУШИЕ, эмотивная лексика, С. Довлатов.

Концепт представляет собой определенную систему, отражающую способы восприятия мира человеком. В когнитологии для обозначения данной системы используется термин «концептуальная картина мира». Рассматривая концептуализацию как одно из ключевых понятий в описании познавательной деятельности и когнитивных способностей человека в целом, Н.Н. Болдырев дает ее

определение: «Концептуализация – это осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде концептов» [Болдырев 2014: 37].

Обращая внимание на значимость концептуального анализа художественного текста и разрабатывая модель его описания, Л.Г. Бабенко отмечает, что «(к)онцептуализация <…> основана на семантическом выводе ее компонентов из совокупности языковых единиц, раскрывающих одну тему, микротему» [Бабенко 2004: 108]. Концептуальное пространство текста формируется на основе организации признаков концептов, репрезентируемых словесными единицами одной семантической области. В концептосфере текста определяется ключевой концепт, который «представляет собой ядро индивидуально-авторской художественной картины мира, воплощенной в отдельном тексте или в совокупности текстов одного автора» [Там же].

В научной литературе описывается концепт РАВНОДУШИЕ в лингвокультурном аспекте [Баско 2018]. Определяя равнодушие как стереотип социального поведения, автор рассматривает лексические и фразеологические репрезентации данного концепта в русском языке и выявляет некоторые семантические компоненты, наполняющие его. Представлена специфика языковой картины мира.

В данной работе материалом изучения послужил цикл рассказов С. Довлатова «Чемодан», представлен анализ концепта РАВНОДУШИЕ как фрагмента авторской картины мира. В формировании данного концепта участвует эмотивная лексика разных когнитивно-дискурсивных групп, которая присутствует в каждом рассказе цикла «Чемодан». Это лексика, указывающая на пассивное отношение человека к окружающему (*равнодушие, бесхарактерность*), характеризующая человека, у которого отсутствуют внимание, интерес, симпатия к кому- или чему-либо (*равнодушный, невнимательный, черствый, холодный*), описывающая или характеризующая действие такого человека (*пренебрегать, пренебречь, оставить в покое, не хотеть проявлять инициативу, не интересоваться, равнодушно, холодно, все равно*), выражающая лень или указывающая на отсутствие интереса, живости в речи (*вялый голос, тон; вяло сказать, оправдываться; сухо выговорить*). Употребление слов данной семантической области передает пассивность, отстраненность или эмоциональную сдержанность персонажей, характеризует их поведение и речь и в целом создает эмоциональный тон текста.

Анализ показал, что концепт РАВНОДУШИЕ является ключевым в рассказе «Поплиновая рубашка». В нем зафиксированы 5 употреблений существительного *равнодушие* для описания рассказчика и его жены Лены. Рассказ начинается с реплики Лены о бесстрастном отношении мужа к браку. – *Это безумие – жить с мужчиной, который не уходит только потому, что ленится…* Далее рассказчик рассуждает о своей лени, своем общем пассивном отношении к делу, к жизни: <…> *я, действительно, стараюсь избегать ненужных забот. Ем что угодно. Стригусь, когда теряю человеческий облик. Зато – уж сразу под машинку. Чтобы потом еще три месяца не стричься.* Конструкция с союзом *чтобы* употребляется для

пояснения поступка рассказчика и повторяется далее. *<…> я неохотно выхожу из дома. Хочу, чтобы меня оставили в покое...* Такое безразличное отношение к делу усиливается вспоминанием рассказчика о случае из детства, когда няня по невнимательности засунула его ноги в одну штанину. *Я знал, что меня одели неправильно. Но я молчал. Я не хотел переодеваться. Да и сейчас не хочу.* Повторение слов *не хотел, не хочу* усиливает пассивность говорящего. Мотивацию своего поступка рассказик объясняет, используя конструкцию с *лишь бы*. *С детства я готов терпеть все, что угодно, лишь бы избежать ненужных хлопот...* Внутреннее рассуждение завершается вспоминанием о реплике жены: *– Я знаю, почему ты все еще живешь со мной <…> Да просто тебе лень купить раскладушку!..* В ответ рассказчик молчал, по-видимому, во избежание лишних споров, хлопот.

Как мы видим, слово *равнодушие* в данных фрагментах эксплицитно не выражено, но употребляемые в приведенных контекстах слова *лениться, лень, молчать, стараться избегать ненужных забот, избежать ненужных хлопот, есть что угодно, неохотно выходить из дома, не хотеть переодеваться* указывают на равнодушие и пассивность, присущие рассказчику. Все это создает фон для контраста с его необычным поведением в следующем сюжете.

Первая встреча рассказчика со своей будущей женой была в день выборов, когда Лена приходила к нему как агитатор, уговаривала проголосовать вовремя. *Я не спешил. Я раза три вообще не голосовал <…> Скорее – из ненависти к бессмысленным действиям.* Такой поступок вполне соответствует описываемому характеру рассказчика. Неожиданность возникает при чтении следующего фрагмента: *И вот раздается звонок. На пороге – молодая женщина в осенней куртке <…>. / Она заглянула в тетрадь и назвала мою фамилию. Я сказал: / – Заходите. Погрейтесь. Выпейте чаю...* Далее рассказчика начал смущать его внешний вид – халат в пятнах, торчащие из-под халата ноги – что весьма нехарактерно для человека, которому безразлично все. Они пили чай, разговаривали. *Голосовать я не хотел. И не потому, что ленился. А потому, что мне нравилась Елена Борисовна. Стоит нам всем проголосовать, как ее отпустят домой...* Симпатия рассказчика к Лене выражена лишь словом *нравиться*, но такое чувство является усиленным на фоне его привычного равнодушия к людям и жизни вообще.

Далее описывается равнодушие Лены к жизни, к своим обязанностям и, казалось бы, к своему мужу. *Елена Борисовна удивляла меня <…> равнодушием к фактической стороне жизни. Как будто все происходящее мелькало на экране.* Данное сравнение служит образным описанием равнодушного отношения героини к жизни. Такое отношение проявляется и при выполнении работы: *Она забыла про избирательный участок. Пренебрегла своими обязанностями.* Далее рассказчик рассуждает о своих взаимоотношениях с женой: *За плечами у нас двадцать лет брака. Двадцать лет взаимной обособленности и равнодушия к жизни. / При этом у меня есть стимул, цель, иллюзия, надежда. А у нее? У нее есть только дочь и равнодушие.* Через сопоставление подчеркивается отсутствие живости и эмоциональная сдержанность Лены, отчего она и не вступает в спор. *Я не помню, чтобы Лена возражала или спорила. / Ее жизнь проходила как будто на экране телевизора. Менялись кадры, лица, голоса, добро и зло спешили в одной упряжке. А моя любимая, поглядывая в сторону экра-*

на, занималась более важными делами... Сравнение отношения к жизни как к происходящему на экране телевизора повторяется и конкретизируется. Все описанные факты служат подтверждением пассивности и безразличия Лены, которые выражаются повторяющейся лексемой *равнодушие*, а также словами *пренебречь, взаимная обособленность*.

Неожиданным стал момент, когда рассказчик случайно увидел свою фотографию в альбоме жены, которую она, по-видимому, сняла с его старого удостоверения и сохранила, что совершенно нехарактерно для нее. *И вдруг у меня перехватило дыхание. Даже не знаю, чему я так удивился. Но почувствовал, как у меня багровеют щеки.* Обычный, казалось бы, случай стал таким удивительным, невероятным для рассказчика, что он задумывался. *Но я почему-то испытывал болезненное волнение. Мне было трудно сосредоточиться, чтобы уяснить его причины. Значит, все, что происходит – серьезно. Если я впервые это чувствую, то сколько же любви потеряно за долгие годы?.. / Я не знал, что любовь может достигать такой силы и остроты.* Лексемы *серьезно, чувствовать, любовь, достигать такой силы и остроты* стали сильным контрастом с равнодушием на фоне описанных ранее фактов. Еще одним большим контрастом с привычным равнодушным отношением служит сюжет о решении Лены эмигрировать в США. *Меня поразила ее решимость. Ведь Лена казалась зависимой и покорной. И вдруг – такое серьезное, окончательное решение.*

Название рассказа раскрывается лишь в самом его конце, когда все нужные документы для эмиграции уже оформлены, Лена купила билеты на самолет и вернулась домой с коробкой. Делая подарок мужу, она не изменила бесстрастный тон: – *У меня оставались лишние деньги. Это тебе. / В коробке лежала импортная поплиновая рубаха.* Можно заметить, что такому описанию заботы и внимания героини придавало значение именно то эмоциональное содержание, настроенное в предыдущих контекстах.

Таким образом, концепт РАВНОДУШИЕ в рассказе «Поплиновая рубашка» структурирован следующим образом: 1. Ядро концепта составляют когнитивные признаки ‘пассивное, безразличное отношение’, ‘отсутствие внимания, интереса, симпатии к кому- или чему-либо’. Основными его лексическими репрезентациями являются ключевые слова *равнодушие, бесхарактерность, взаимная обособленность, равнодушный, лениться, лень, молчать, стараться избегать ненужных забот, избежать ненужных хлопот, оставить в покое, не хотеть проявлять инициативу, не интересоваться, пренебрегать, пренебречь*, выражающие разную степень интенсивности и разные стороны проявления такого отношения. 2. Приядерная зона формируется когнитивными признаками субъектного аспекта (рассказчик, жена Лена), когнитивными признаками, указывающими на источники равнодушия (брак, выборы, жизнь). 3. В зону совмещенных когнитивных признаков включаются сопряженные с равнодушием когнитивные признаки других скрытых эмоций персонажей (*любить, чувствовать, любовь, достигать такой силы и остроты, решимость*), которые усиливаются на фоне пассивности. 4. Периферия концепта РАВНОДУШИЕ образована образным описанием равнодушия: *ее жизнь проходила как будто на экране телевизора; что может быть долговечнее замка,*

выстроенного на песке? а также *что в семейной жизни прочнее и надежнее обоюдной бесхарактерности?*

Итак, концептуальное пространство художественного текста, с одной стороны, отражает универсальные признаки мировоззрения, а с другой – индивидуальное восприятие мира автора.

Литература

Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов. М.: Академический Проект: Деловая книга, 2004. 464 с.

Баско Н.В. Лингвокультурный концепт РАВНОДУШИЕ в русской языковой картине мира // Преподаватель XXI век. 2018. № 2. С. 331-332.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 236 с.

Yeh Hsiang-lin (Taipei, Taiwan)
National Chengchi University

THE CONCEPT INDIFFERENCE IN THE LITERARY WORLDVIEW OF S. DOVLATOV (BASED ON THE SHORT-STORY COLLECTION “THE SUITCASE”)

The present study investigates the concept as a fragment of the literary worldview.We revealed lexical groups thatconstitute the concept INDIFFERENCE in the short-story collection “The Suitcase” by S. Dovlatov. The special focus lies on the conceptual space of the story “A Poplin Shirt”, in which this concept is key to the formation of the emotive content of the text.

Key words: literary worldview, conceptual space of the text, concept INDIFFERENCE, emotive lexicon, S. Dovlatov.

И.Н. Толмачева *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
i_tolmacheva@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ ДОМИНАНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ СЛУЖЕБНЫХ СМЫСЛОВ[1]

В статье рассматривается явление языковой служебности как одного из способов структурирования когнитивного и языкового опыта человека. Делается попытка определить доминантные структуры языкового сознания, которые обусловливают функционирование служебных языковых единиц и определяют их роль как в концептуализации действительности, так и в ее репрезентации в языке.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00267) в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина

Ключевые слова: служебное слово, языковая служебность, языковое сознание, когнитивная доминанта, концептуализация, релятивность, релевантность

Недавние исследования природы, статуса и функций служебных язы-единиц (см. [Болдырев, Толмачева 2014; Толмачева 2017a, 2017b, 2018]) показывают, что категория служебных слов имеет особое, отличное от категории знаменательных слов концептуальное основание, которое определяет различие не только структуры и назначения этих языковых категорий, но и специфику репрезентации смыслов средствами языка. Служебные смыслы можно рассматривать как особый способ структурирования когнитивного и языкового опыта человека, получающий отражение в его концептуальной системе. Концепт служебности, т.е. языковое знание о служебности, представляет собой комплекс грамматических значений, по большей части отвлеченных, абстрактных, в языковой системе представленных в виде морфем, слов или синтаксических конструкций – грамматических единиц как носителей обобщенных грамматических свойств.

Представление о языковой служебности обусловлено актуализацией ряда концептуальных признаков, в числе которых как собственно грамматические, так и когнитивно-ориентированные. Языковая служебность представляет собой сложное, многомерное явление, поскольку служебные слова репрезентируют знания как языкового, так и неязыкового характера, т.е. различные форматы знаний. В данном контексте большую роль играет вычленение / выделение того или иного способа схематизации когнитивного и языкового опыта с учетом доминантного принципа организации языкового сознания человека. Опора на доминанты в форматировании когнитивного содержания позволяет учитывать, каким образом «знания о мире соотнесены с теми или иными формами их языкового представления» [Болдырев 2019: 38].

Представляет интерес выявление доминантных структур языкового сознания, которые определяют роль служебных слов как в концептуализации действительности, так и в ее репрезентации в языке. Существование и функционирование служебных слов в языке обусловлено необходимостью не только выстраивать связи между структурными элементами языка, но и служить особым средством концептуализации действительности (см. [Толмачева 2017a: 268]). Особым образом конфигурируя концептуальную систему человека, языковая служебность обусловливает субъективный выбор языковых средств для осуществления индивидуальной когнитивной и коммуникативной деятельности.

Служебные слова являются онтологически едиными со знаменательными языковыми единицами, на каком-то этапе развития языка подвергшись абстрагированию от конкретного лексического значения и зачастую грамматикализации – сдвигу от конкретных к менее конкретным когнитивным областям, более высокому уровню обобщения. Перестав номинировать объекты окружающего мира, служебные слова в большей степени репрезентируют на языковом уровне связи между объектами в этом мире, релевантные для происходящего дискурса. Релятивность, обнаруживаемая

в семантике служебных слов, и их релевантность передаваемым грамматическим значениям могут являться, по нашему мнению, одними из тех когнитивных доминант, которые обусловливают реализацию служебных смыслов в языке.

Релятивность, обусловливающая концептуализацию связей / отношений частей / свойств объекта либо объектов между собой, является неотъемлемым, определяющим атрибутом служебных языковых единиц. Отношения и связи, выражаемые служебными словами, весьма многообразны и разноплановы. Это могут быть пространственно-временные отношения, причинно-следственные, сравнительно-сопоставительные, объектные и другие. Предлоги, союзы, артикли, частицы, служебные глаголы квалифицируют и конкретизируют эти отношения, формируя грамматические связи между словами, предложениями и частями предложений.

Существование связей и отношений, определяющих сущность, свойства и разные аспекты взаимодействия объектов реального мира, отражается в когнитивном опыте человека в виде определенных концептуальных структур, а на языковом уровне эти связи и отношения отражены в грамматических значениях и категориях, в том числе – в служебных смыслах. Языковая репрезентация релятивности служебными словами обусловлена теми доминантными структурами, которые отражают когнитивные особенности восприятия и познания человеком объектов окружающей действительности во всей совокупности их связей и отношений.

Релевантность выбора служебного слова для реализации того или иного грамматического смысла, и шире – для выражения при помощи языковых средств определенного опыта восприятия и познания человеком окружающего мира во всем многообразии его связей и отношений, может служить другой когнитивной доминантной реализации служебных смыслов. В релевантности выбора служебного слова (т.е. соответствии выбора языковой единицы прагматической установке высказывания) мы видим возможность реализации заложенного в языковой служебности интерпретирующего потенциала. Служебные глаголы-связки, например, не только грамматически соединяют субъект и его предикативный признак, но также могут интерпретировать репрезентируемую ими связь как отношение говорящего, определяющего выбор того или иного служебного слова. Этот выбор может придавать высказыванию дополнительный смысл, позволяющий различать оценочные, модальные и другие оттенки. Например, использование того или иного глагола сенсорно-перцептивной семантики в качестве связочного способствует концептуализации способа восприятия признака (зрительные, слуховые, обонятельные, тактильные или вкусовые ощущения):

He was unshaven and looked terribly pale.

He sounded quite normal when he phoned, just annoyed about the holiday.

That cake smells good.

The water feels warm.

The pizza tastes delicious without any cheese at all.

Когнитивный опыт восприятия действительности обусловливает выбор релевантного служебного глагола в функции связочного для интерпретации ситуации восприятия признака.

Таким образом, явление служебности в языке можно рассматривать как особый способ структурирования когнитивного и языкового опыта человека, учитывая тот факт, что служебные слова синкретично репрезентируют знания как языкового, так и неязыкового характера. Определены некоторые доминантные структуры языкового сознания, которые обусловливают функционирование служебных единиц и определяют их роль в концептуализации действительности и в ее репрезентации в языке. В качестве когнитивных доминант реализации служебных смыслов могут выступать релятивность и релевантность служебных слов, определяющие одновременную репрезентацию и интерпретацию грамматического значения отношения.

Литература

Болдырев Н.Н. Доминантный принцип организации языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVII. С. 37-44.

Болдырев Н.Н., Толмачева И.Н. Категории знаменательности и служебности в языке // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XVII. С. 369-375.

Толмачева И.Н. Антропоцентрическая природа категории служебных слов // Когнитивные исследования языка. 2017a. Вып. XXVIII. С. 263-277.

Толмачева И.Н. Когнитивные основы формирования и функционирования языковой категории служебности // Когнитивные исследования языка. 2017b. Вып. XXX. С. 190-193.

Толмачева И.Н. Доминантная репрезентация признака в конструкции именного типа // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXIII. С. 516-518.

I.N. Tolmacheva (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

DOMINANT COGNITIVE STRUCTURES IN FORMATION OF FUNCTION MEANINGS

In the article, the concept of linguistic auxiliarity as a means of structuring cognitive and linguistic experience is considered. The dominant structures of linguistic cognition which determine the use and the role of function words in the world conceptualization and linguistic representation are to be shown up.

Key words: function word, concept of linguistic auxiliarity, linguistic cognition, dominant structure, conceptualization, relativity, relevance.

О.В. Томберг *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
olgatomberg@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ В УСЛОВИЯХ КУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА (на примере взаимодействия мифопоэтической и раннехристианской аксиологии в древнеанглийской литературе)

В статье рассматриваются основные виды трансформаций при трансфере идей и понятий, восходящих к разным картинам мира. В древнеанглийской поэтической традиции наиболее частотными трансформациями являются сужение и расширение семантического объема аксиологемы, дифференциация плана выражения и смена оценочного компонента значения.

Ключевые слова: трансфер, концепт, трансформация, аксиология, картина мира, код.

Социально-исторические преобразования вследствие внешних (инокультурных) воздействий часто сопровождаются диалогическими процессами в культуре, которые запечатлеваются в ее символическом пространстве. Подобные диалогические отношения являются результатом культурного трансфера идей, понятий, образов из одного концептуального типа культуры в другой. В Британии периода VI–XI вв. подобный культурный трансфер был обусловлен взаимодействием двух концептуальных систем: мифопоэтической и раннехристианской. Мифопоэтическая картина мира представляет собой сложное концептуальное образование, синтезирующее сакральные (языческие), кровнородственные, этико-героические компоненты. Это истоки, концептуальная основа литературы Британии. Раннехристианские мотивы появляются в культуре Британских островов вместе с распространением христианства; с концептуальной точки зрения они восходят к латинской теологической культуре. Наиболее близкой к ней являются древнеанглийские религиозные жанры (проповеди и жития Эльфрика и Вульфстана, библейские переводы и трактаты). Поэтическая культура англосаксов данного периода отмечена процессами трансфера идей и понятий из латинской раннехристианской традиции в более архаичную героико-мифологическую.

Этот процесс сопровождался определенным числом трансформаций и преобразований в обеих культурных традициях. Преобразования раннехристианской картины мира можно в целом определить как германизацию, т.е. частичное отступление от аутентичных христианских смыслов, принятых в латинской теологической традиции, в пользу понятной большинству героики и мифопоэтики. Преобразования традиционных мифопоэтических смыслов происходили, соответственно, в направлении смены лингвокультурных кодов и концептов в пользу их христианизации, т.е. появления новых семантических граней в соответствии с новым религиозным климатом эпохи.

Так, германская героическая аксиология разворачивается в новых сюжетных коллизиях: война переносится в моральную сферу, оружием этой битвы является не меч, а Слово Божье (образ Святого). Более того, оружие – это атрибут язычников, а Святой превращает в воск с целью мирного решения вопросов (Andreas 1144–1148). Святой сражается против язычников за веру Христа, в этой борьбе он побеждает даже в случае мученической смерти. Лингвокультурная дифференциация кодов актуализирует антитезу оружия и Слова Божьего. Убийствам с помощью оружия противостоят даруемые Богом мир (freod) и любовь (leof):

No ic eow sweord ongean mid gebolgne hond oðberan þence,
worulde wæpen, ne sceal þes wong gode þurh blodgyte gebuen weorðan,
ac ic minum Criste cweman þence leofran lace (Guthlac A 302-307).

I don't mean to bear sword against you, a worldly weapon in my rage-swollen hand.

This good country shall not be inhabited through the gushing of blood, but I think to satisfy my lord Christ w*ith a dearer sort of play…*

Качества, необходимые Святому для такой победы, корреспондируют с предшествующей поэтической традицией в образе Воина: смелость, сила, мудрость, преданность. Их также объединяет стремление к славе. Однако с содержательной стороны это не слава англосаксонского Воина (mære), которая остается в памяти людей, а отблеск Божественной славы (wuldor): Святой любим и благословлен Богом (eadig и leof), предан Богу (Meotude getreowe) и близок к Богу как Его посланник (spelboda, ærend) и исполнитель Закона Божьего (æcræftig, æfæst).

Данный краткий экскурс иллюстрирует необходимость учета трансформаций и их анализа при трансфере кодов/понятий/концептов из одного культурного пространства в другое, что подчеркивали многие исследователи [Дмитриева 2011; Эспань 2018; Фещенко, Бочавер 2016]. Взаимовлияние, по мнению С.Г. Проскурина, заключалось в том, что «структуры знания, стоящие за словарем, претерпевали филиацию из одной традиции в другую, а потом формировали структурные аналоги в виде фреймов перцепции мира относительно схожих для многих культур» [Проскурин, Проскурина 2017: 5]. В древнеанглийской поэтической традиции данные трансформации можно классифицировать следующим образом.

1. Расширение концептуального объема аксиологемы за счет появления новых семантических граней с сохранением плана выражения. Например, в героико-эпической традиции богатство являлось одной из ключевых аксиологем, репрезентировало материальные ценности, имело широкую интразону, включающую в себя ювелирные украшения, богатые доспехи, золотой трон: hringas, earmreade, healsbeag, hrægl, sadol since gewurþad, maðþumfæt, goldfahne helm, golde sweord и т.д. Аксиологической функцией правителя являлась раздача материальных даров, с помощью чего король заручался поддержкой воинов на поле боя, делился с ними своей удачей и удачей своего рода, выстраивал иерархические отношения в обществе в мирное время [Гвоздецкая 2013; Фещенко, Бочавер 2016]. Эту функцию репрезентируют лексемы gyfa / brytta (дающий, распределяющий) / breac (ломающий, т.к. нередко король отламывал части драгоценностей, чтобы поровну их распределить среди верных ему воинов): maþþumgyfa, beaga brytta, beahgifa, feohgyfa, giefstolas breac.

В более поздних образах этой эпохи (Бога и Святых) богатство интерпретируется как «духовные (нематериальные) ценности – дар Бога» и является антитезой материальным благам. Ключевым лексическим репрезентантом также является лексема gifu, но она представлена в других текстовых валентностях и ассоциациях: с Богом (engel god, mandryhten), Святым духом (halig gast), словом Божьим (hleóðorcwide):

Him god sealde gife of heofnum þurh hleoðorcwyde haliges gastes,

þæt him engel godes eall asægde swa his mandrihten gemæted wearð (Daniel 154-156).

God had given him a heavenly gift through the prophecies of the holy spirit…

2. Сужение семантического объема аксиологемы и сокращение числа ее лексических репрезентантов. Например, древнеанглийский макроконцепт родства является одним из самых номинативно плотных и включает в себя лексемы как ближнего родства (modor, fæder, brodor, sunu, dohtor и т.д.), так и этнонимы на основе родства (maeg, cyn, sib, cyth, folc, leod, þeod). Такая широкая палитра родства представлена в более архаичных героических образах Воина, Короля и Героя. При концептуализации христианских образов объем концепта сужается и родство интерпретируется как родство с Богом: Бог – отец (композиты и сочетания с лексемой fæder: heahfæder, fæder engla, fæder manncynnes) и его дети – ученики (bearn, sunu).

3. Дифференциация плана выражения в зависимости от лингвокультурного кода. Так, концепт чаши репрезентирован двумя лексемами ful и fæt. Основным репрезентантом христианской чаши как сосуда, используемого при богослужениях, является древнеанглийская лексема fæt: эту чашу протягивает царица Елена при крещении Иуды (Elene 1025). В ней отражен сакральный смысл концепта: ее денотатом является священный сосуд, используемый на службе в церкви [Bosworth & Toller]. Сферой употребления данной лексемы являлась церковная литература: псалмы Эльфрика, церковные гимны, переводы Священного Писания.

В рамках героического кода чаша интерпретируется как пиршественный кубок: королева Вальтхеов подносит чашу Беовульфу во время пира в честь его прибытия и побед. В этом случае она актуализирована древнеанглийской лексемой ful и является атрибутом эпической картины мира: она служит средством приветствия гостей и/или воинов на пирах, ассоциируется с темой доблести, дружбы и верности королю, что подчеркнуто аллитерацией ful – freondlaþu (Beo 1169); ful – freodrihten (Beo 1192). Композиты с ней также подтверждают ее связь с церемониальной стороной героико-милитарной культуры: ful комбинируется с лексемами medo- (мед, медовый напиток) и sele- (зал, дворец).

4. Смена оценочного компонента значения. Такой вариант трансформаций при культурном трансфере в древнеанглийскую эпоху наиболее частотен, при этом рекуррентной является смена ценностного полюса. Например, отрицательный мифопоэтический концепт страха (ege, gryre), ассоциируемый с идеями чужести и хаоса, становится положительной аксиологемой богобоязни (ege Drihtnes, godfyrht) и разворачивается в положительных контекстах. Текстовыми ассоциатами богобоязни являются аксиологемы Бога, послушания, святого Писания. Героическая аксиологема гордости трансформируется в христианскую антиценность гордыни (wlanc, oferhidig, ofermod). В такой трактовке гордость интерпретируется в древнеанглийских образах Сатаны и падших ангелов, ее текстовыми ассоциатами являются антиценностные концепты злости, жестокости, распутства, предательства.

Появление новых слов, актуализирующих новые для англосаксонской аксиологии христианские концепты, также отмечено в древнеанглийской культуре: мученичество (martyr), причастие (husel), святость (halig), рай (heofon, neorxnawang), ангел (engel), благословение (bletsung), крещение (fulwiht). При этом в большинстве случаев текстовая актуализация данных понятий происходит в рамках героико-мифологической аксиологии:

Hafa bletsunge ofer middangeard mine, þær ðu fere! (Andreas 224-225)

Have my blessing across my middle-earth wherever you go!

Ic þæs folces beo hyrde and healdend, gif ge hyrað me breostgehygdum and bebodu willað min fullian (Genesis 2316-2319).

I will be Warden and Holder of that people, if you obey me in your breast-thoughts and wish to carry out my commandments.

Основной целью рассмотренных выше трансформаций было лучшее понимание и усвоение раннехристианской аксиологии и укрепление англосаксов в новой вере, поскольку подобный синтез имел под собой прагматическую установку на «отыскание ближайших эквивалентов христианских понятий в самом поэтическом тезаурусе англосакса с целью сделать обращение в новую веру бесповоротным» [Гвоздецкая 2013: 30]. Процессы концептуального взаимодействия и лингвокультурного трансфера расширяли диалогическое пространство древнеанглийской культуры и способствовали формированию ее новых семантических граней.

Литература

Гвоздецкая Н.Ю. Мир и человек в древнеанглийском поэтическом языке и тексте: опыт лингвокультурологического анализа. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. 212 с.

Дмитриева Е.Е. Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: оппозиция или преемственность? // Вопросы литературы. 2011. № 4. URL: http://magazines.russ.ru/voplit/2011/4/dm16.html (дата обращения: 11.01.2020).

Проскурин С.Г., Проскурина А.В. Культурные трансферы и тексты / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. 176 с.

Фещенко В.В., Бочавер С.Ю. Теория культурных трансферов: от переводоведения – через cultural studies – к теоретической лингвистике // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: коллективная монография. М.: Культурная революция, 2016. С. 5-35.

Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. 2018. 816 с.

Bosworth J., Toller T.N. Anglo-Saxon Dictionary. URL: http://www.bosworthtoller.com/ (дата обращения: 11.01.2020).

O.V. Tomberg (Ekaterinburg, Russia)
Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

CONCEPTUAL TRANSFORMATIONS WITHIN CULTURAL TRANSFER

The article deals with major types of transformations when ideas and notions of different pictures of the world are transferred. In Old English poetry the most recurrent transformations are narrowing or broadening of semantic volume of a concept, changes in the plane of expression and axiological component of the meaning.

Key words: transfer, concept, transformation, axiology, picture of the world, code.

Е.В. Федяева *(Новосибирск, Россия)*
Новосибирский государственный технический университет
fedyaeva_lena@mail.ru

КОЛИЧЕСТВЕННО-ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ФОРМАТ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ КАЧЕСТВА

В статье рассматриваются некоторые аспекты концептуализации качественных характеристик на основе синтеза базовых для человеческого сознания концептов ПРОСТРАНСТВА и КОЛИЧЕСТВА. Как концепты модусного, интерпретирующего типа, данные концепты обнаруживают способность к профилированию качественных характеристик объектов и явлений действительности.

Ключевые слова: количество, пространство, качество, интерпретация, инференция.

Пристальное внимание к проблеме языковой конфигурации результатов взаимодействия человека с окружающим миром является одной их отличительных характеристик современной науки о языке. Реализуя в процессе познания деятельностный подход к объектам и фактам действительности, осознавая себя мерой окружающих явлений и вещей, человек придает им собственный «антропоцентрический» порядок, который организуется и репрезентируется языком. Язык в этой связи рассматривается как когнитивная активность, целью которой является объяснение и осмысление реальности, частью которой и является человек.

Очевидно, что время и пространство, количество, качество, мера и т.п. являются одними из базовых категорий бытия, наиболее общими феноменами познания, вследствие чего занимают важное место в концептуальной системе человека. Подчеркнем, что традиционно концептам ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ приписывается статус основных форматов знания, обусловливающих нормальную адаптацию человека к среде как витальную необходимость. Существующие только в сознании человека, специально созданные языком концепты ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ являются модусными концептами интерпретирующего типа, представляя собой в этом смысле «определенные шаблоны восприятия и репрезентации, на которые ориентируется человек, интерпретируя тем или иным образом мир вокруг себя и свою роль в этом мире» [Болдырев 2019: 458].

Как форма существования объектов в пространстве и времени, количество может рассматриваться как связующее звено, как некая точка опоры для времени и пространства, вследствие чего также с уверенностью может претендовать на роль значимого инструмента интерпетации мира. Известно, что в своем языковом воплощении количество включает традиционные пространственные (*метр*, *фут* и т.д.) и временные (*сутки*, *месяц*, *год* и т.д.) понятия, что указывает на тесную связь количества с пространством и временем и обусловливает необходимость учета языковых реалий, обнаруживающих в своем значении количественно-временной и количественно-пространственный смысловой синкретизм, в ходе анализа репрезентации количественных представлений в языке.

В логике сказанного выше, особый интерес для исследования представляет интерпретирующий потенциал взаимодействия КОЛИЧЕСТВА и ВРЕМЕНИ,

КОЛИЧЕСТВА и ПРОСТРАНСТВА, проявляющий себя в возможности указания на различные свойства действительности. Так, проведенный ранее анализ показал, что взаимодействие концептов КОЛИЧЕСТВО и ВРЕМЯ обладает высоким интерпретирующим потенциалом в отношении осмысления свойств, характеристик и состояний как объектов действительности, так и самого человека [Федяева 2019]. Представляется, что и взаимодействие концептов КОЛИЧЕСТВО и ПРОСТРАНСТВО также способно служить инструментом интерпретации качественного аспекта бытия, что обусловлено тесными межконцептуальными связями, логико-философским основанием которых выступает положение о том, что количество как форма существования материи может представляться как некое качество, рассматриваемое в пространстве.

Связь концептов ПРОСТРАНСТВО и КОЛИЧЕСТВО эксплицитно представлена в языке в виде определенных числовых инвариантов (единиц измерения), при помощи которых определяются физические свойства объектов реальной действительности: размер, вес, удаленность и т.д. Учитывая доминантный принцип организации сознания [Болдырев 2019], представляется, что данные системы представляют собой количественные доминанты как «призмы мировосприятия» [Болдырев 2019а: 38], на которые опирается сознание индивида в процессе осмысления и оценки пространственных характеристик действительности. Данные количественные доминанты являются неотъемлемым элементом общих когнитивных схем, задающих члену коллектива вектор осмысления окружающего пространства. Поскольку знание о системах измерения является знанием разделенного (коллективного) типа, то базирующиеся на них модели языковой репрезентации пространства могут рассматриваться как конвенциональные. Например:

1. No one in the chain made enough money to be able to act in absolute safety: no one, that is, except some ultimate, all-powerful controller **thousands of miles away** from the stench of stairwell where Hashim was now standing [Faulks 2009: 5].

Однако отметим в этой связи, что гибкость человеческого сознания и интерпретирующая природа языка дают возможность индивиду создавать и свои собственные системы мер, базирующиеся на своих собственных доминантах, формирование которых обусловлено оперированием уже имеющимися у него знаниями о мире:

2. In Paris, though it might have been **a world away**, *Réne Mathis was glancing through Le Figaro as he finished lunch in a café near the offi*ces of the *Deuxième* [Faulks 2009: 222].

Существительное **world** в примере (2) представляет собой неконвенциональную модель интерпретации расстояния, основанием которой стало индивидуальное осмысление пространства.

Интересной для исследования представляется также реконструкция процесса интерпретации различных свойств и характеристик человека на базе количественно-пространственных корреляций. Обратимся к примерам:

3. Russel has a birth condition known as extreme myopia, which restricts her vision **to a distance of around one meter** (http://www.standard.co.uk/sport).

4. *Témoin* **le malade, myope au point de *ne pas voir à deux mètres***, *qu'il a opéré et qui, après la section des muscles droits rétractés, pouvait voir à 80 mètres* (https://books.google.ru/books?id=YIY).

5. *Летом здесь чаща, ягоды крупные, сладкие, и он кушает их с удовольствием, благо* ***бабка не видит дальше двух метров*** (Ефимов А. С-dur. https://www.prosa.ru/2015/02/12/2061).

В приведенных примерах формирование инферентных смыслов в отношении физиологического состояния человека, соотносимых с характеристикой '*слабовидящий*', обусловлено актуализацией в сознании количественных доминант остроты зрения здорового человека как показателей нормы качества, относительно которых и происходит осмысление отклонения от этой нормы.

Подобным образом осмыслению подвергаются и внутренние качества, присущие человеку. Например:

6. There were no business women; **Ingrid could spot them from fifty paces**, for no matter how successful they were, they were never quite as polished as the wives of alpha men [Kelly 2012: 20].

7. Il degotait le photographe ... capable de **faire un point parfait au depart du cent metres** [Grangé 20004: 26].

8. *Как на стекле его этот офицер видит. Такой* ***за сто шагов нюхом чует*** *добычу* [Веллер 2011: 12].

Приведенные выше контексты иллюстрируют процесс формирования интерпретирующих смыслов в отношении высокой профессиональной компетентности человека.

Синтез концептов КОЛИЧЕСТВА и ПРОСТРАНСТВА может также выступать основанием для формирования оценочных смыслов относительно функциональных характеристик артефактов: автомобилей, различного рода приборов и технического оборудования, оружия и т.д. Например:

9. Murphy arranged to deliver to La Garia two 900,000-volt Taser stun guns to be used as the preferred weapon of defense against Raymond. The stun gun has a **maximum range of 20 feet**, and an optimum impact range of 7 to 10 feet (https://books.google.ru/books?id=y4B3CwAAQBAJ&d).

10. *Le dispositive de controle éléctronique Taser ... grâce à des fils conducteur, libère une décharge éléctrique* ***jusqu'à 35 pieds de distance*** *en vue d'immobiliser provisoirement une personne qui représente une ménace de manière à ce qu'elle puisse être mise en contention sans danger* (http://www.noscommunes.ca/DocumentViewer/fr39-2/SECU/reunion-13/temoignages).

11. *Сверхмощный фонарь* BORUIT HL-*720. Дальность свечения* – 1200 *метров* (https://rutube.ru/video/35ffba6d57d6e34ad1415e0ce64665ed/).

В приведенных примерах свойственные артефактам качественные характеристики определяются количественными показателями, маркирующими пространственные меры, – индикаторы их функциональной пригодности.

Подводя итог, отметим, что перспективным представляется дальнейший анализ результатов взаимодействия базовых концептов сознания, ввиду включенности его в общую систему исследований, связанных с изучением языка как когнитивной деятельности, нацеленной на интерпретацию полученной извне информации.

Литература

Болдырев Н.Н. ПРОСТРАНСТВо и ВРЕМЯ как доминантные формы языковой интерпретации // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы VI межд. конгресса исследователей русского языка. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, филол. фак., 2019. С. 458-459.

Болдырев Н.Н. Доминантный принцип организации языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2019а. Вып. XXXVII. С. 37-44.

Федяева Е.В. Количественно-временной формат концептуализации качества // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVII. С. 335-340.

Список источников иллюстративного материала

Веллер М. Легенды Арбата. М.: Астрель, 2011. 317 с.

Faulks S. Devil may care. N.Y.: Vintage books, 2009. 386 p.

Grangé J.-Ch. La Ligne Noire. Albin Michel, 2004. 606 p.

Kelly C. Once in a Lifetime. Lnd.: Harper, 2012. 469 p.

E.V. Fedyaeva (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University

QUANTITY AND SPACE INTERACTION AS ONE OF THE FORMS OF QUALITY CONCEPTUALIZATION

The research explores how human mind conceptualizes the quantitative aspects on the basis of QUANTITY and SPACE interaction. Being modus and interpreting concepts, QUANTITY and SPACE demonstrate the ability to profile qualitative characteristics of objects and phenomena.

Key words: quantity, space, quality, interpretation, inference.

С.С. Фролова *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
susanna-frolova@yandex.ru

ОЦЕНОЧНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена изучению средств оценочной репрезентации личностных характеристик человека в русском и английском языках. Выделяются особенности концептов ЛИЧНОСТЬ и PERSONALITY. В рамках общего уровня оценки выделяются общие критерии оценки личности. В рамках субординатного уровня выделяются когнитивные и языковые механизмы частной оценки личности.

Ключевые слова: концепт, концептуализация, оценка, личность, личностные характеристики.

Вопрос изучения специфики личности и ее характеристик вызывает пристальный научный интерес ученых целого ряда наук социально-гуманитарного цикла: психологии, философии, социологии, лингвистики и

др. Актуальность данного исследования обусловлена дальнейшим развитием антропоцентрического подхода и необходимостью изучения того, как личностные характеристики человека влияют на процесс его познания мира.

Целью данной статьи является попытка систематизировать личностные характеристики и языковые средства их оценки на материале русского и английского языков. Иными словами, необходимо ответить на следующие вопросы: «Каким образом определяется личность?», «Какова специфика моделей и механизмов оценки личностных характеристик человека?».

Понятийно-терминологический аппарат исследования включает такие понятия, как «концепт», «личность», «личностные характеристики» «оценка». При этом, вслед за Р.И. Павиленисом, будем придерживаться следующего определения концепта: «Концепт – термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Павиленис 1983: 101-102].

Используя словарные толкования, определим наиболее содержательные признаки концептов PERSONALITY и ЛИЧНОСТЬ в английском и русском словарях соответственно. В обобщенном виде характеристики англоязычного концепта выглядят следующим образом:

1. Совокупность черт / признаков, определяющих общий тип характера личности и поведение в обществе.

2. Положительные качества личности.

3. Отличительные, выдающиеся качества личности / черты личности (прим. – как положительные, так и отрицательные) [Cambridge English Dictionary, Oxford English Dictionary, Macmillan English Dictionary].

Характеристики концепта ЛИЧНОСТЬ по данным русскоязычных словарей можно систематизировать в следующем виде:

1. Человеческая индивидуальность как носитель своеобразных социальных и субъективных признаков и свойств.

2. Человек с точки зрения черт его характера, поведения, общественного положения.

Феномен оценки в рамках антропоцентрической парадигмы изучался многими отечественными и зарубежными лингвистами. Одно из определений понятия «оценка» гласит: «Оценка относится к числу собственно человеческих категорий. Она задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием; она задает его мышление и деятельность, его отношение к другим людям и предметам действительности, его восприятие искусства» [Арутюнова 1982: 10].

Согласно теории оценочной категоризации [Болдырев 2008: 26] выделим следующие уровни оценки личностных характеристик: базовый уровень, выделяющий общие устойчивые, отличительные признаки, и субординатный уровень, представляющий собой детализацию, конкретизацию оценки и качества.

Базовый уровень предполагает выделение следующих критериев оценки личности в двух анализируемых языках:

1. «Масштаб» личности (*легендарная личность, личность-гигант, великая личность,* great personality, big personality и др.):

1) *Второй тесть был еще более знаменит…* ***Легендарная личность.*** *Герой гражданской войны. Фольклорный персонаж…* (Григорий Горин. Иронические мемуары (1990–1998) [Национальный корпус русского языка].

2) I had a fortnight off school when Wimbledon was on, and it has changed my life ever since. The thing that kept me glued to the TV was the gorgeous Jennifer Capriati with her magnificent looks, **great personality** and brilliant tennis. (Tennis World. Sussex: Presswatch, 1993, 1207 s-units.) [British National Corpus].

2. Сила личности (*харизматичная личность, сильная личность,* strong personality и др.):

1) Да и жизнь его еще не кончена. Думаю, *сильная личность* его не пройдет без следа даже в наше смутное время. (З.Н. Гиппиус. Задумчивый странник (о Розанове) (1923) [Национальный корпус русского языка].

2) The legacy is equally divided between the four. Under pressure from earnest appeals and strong personality of the dedicated Rivers, Jane nearly consents to marry him and share his missionary vocation in India, but is prevented by a telepathic appeal from Rochester (Appreciation of literature: lecture and discussion (Edu/inf). Rec. on 9 Nov 1992 with 2 partics, 2582 utts) [British National Corpus].

3. Уникальность личности (единственная в своем роде личность, уникальная личность, one of a kind, unique personality):

1) Мими Мишель Глотц – *личность уникальная*. По паспорту ему 71 год, все говорят, что больше. Я так не думаю, мне кажется, просто он из тех людей, о ком говорят: «крепко пожил». (Сати Спивакова. Не все (2002)) [Национальный корпус русского языка].

2) There are a number of things about you that might make people take a step back. And they aren't what you might think. Your unique personality may be intimidating people [British National Corpus].

В рамках субординатного уровня конкретизация оценки личностных характеристик человека осуществляется за счет использования различных когнитивных и языковых механизмов формирования оценочного смысла. Рассмотрим следующие примеры, дающие детализированную, частную оценку личности человека:

1) Этот Вадька Батон долгое время занимал меня как *личность немного загадочная.* Почему-то многие хотели с ним дружить. Он был какой-то для всех подходящий. (Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)) [Национальный корпус русского языка].

В данном примере индивидуализация оценки подчеркивается использованием аппроксимации (*немного* загадочная).

2) Тяжелые руки лежали на баранке, на большом пальце правой не было ногтя. «*Ну и личность*, – подумал Марвич и встряхнулся, сбрасывая оцепенение. – Если он затормозит и полезет за ключом, я нажму на ручку двери и выскочу». (Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)) [Национальный корпус русского языка].

В данном примере индивидуализация оценки подчеркивается использованием эмоционального-оценочного восклицания (*ну и* личность).

3) «She was a beautiful girl» Sharifa said. «She had very, effervescent personality, a very, sweet, warm, caring personality. In spite of her condition, she wanted to do for other people» [British National Corpus].

Индивидуализация оценки в последнем примере иллюстрирует словосочетание «effervescent personality». Лексема «effervescent» в переводе с английского означает «шипучий, искрометный», являющимся в данном примере метафорическим эпитетом.

Таким образом, рассматриваемая база примеров позволяет сделать вывод о том, что на общем уровне оценочной репрезентации концепта ЛИЧНОСТЬ выделяются следующие характеристики: масштаб, сила, уникальность личности. В свою очередь, в рамках субординатного уровня могут быть применены следующие когнитивные и языковые механизмы формирования оценочных смыслов: аппроксимация, эмоционально-оценочное восклицание, метафоризация и др.

Литература

Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1982. С. 5-23.

Болдырев Н.Н. Оценочные категории как формат знания // Исследование типов знаний и проблема их классификации: сборник научных трудов. М.; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 25-37.

Павиленис Р.И. Проблемы смысла: современный логико-философский анализ языка. М., 1983.

Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/new/ (дата обращения: 21.12.2019).

British National Corpus. URL: https://www.english-corpora.org/bnc/ (дата обращения: 21.12.2019).

Cambridge English Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ (дата обращения: 21.12.2019).

Oxford English Dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/ (дата обращения: 21.12.2019).

Macmillan English Dictionary. URL: https://www.macmillandictionary.com/ (дата обращения: 21.12.2019).

S.S. Frolova (Tambov, Russia)
Tambov State University named after G.R. Derzhavin

EVALUATIVE REPRESENTATION OF PERSONALITY

The article discusses ways of evaluative representation of personality at two levels: basic and subordinative. The basic level of evaluation focuses on the general characteristics of the personality while the subordinative level employs various cognitive and linguistic traits. Evidence is drawn from Russian and British corpora.

Key words: concept, conceptualization, evaluation, personality, personal traits.

Л.А. Фурс *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
liudmila.furs@gmail.com
С.В. Королев *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
liudmila.furs@gmail.com

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗНАНИЙ АНГЛИЙСКИМИ УСТОЙЧИВЫМИ СЛОВОСОЧЕТАНИЯМИ С СОЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗЬЮ

В статье рассматриваются особенности организации знаний, репрезентируемые английскими устойчивыми словосочетаниями с сочинительной связью. В качестве основного когнитивного механизма, лежащего в основе этих процессов, определен механизм комплексного профиля.

Ключевые слова: когнитивный принцип, когнитивный механизм, конструирование знания, репрезентация.

Когнитивная лингвистика исследует единицы языка в качестве инструмента и способа познания действительности, а также как средства репрезентации знаний. Знание определяется как результат отражения объективных свойств явлений и предметов, состояний и процессов окружающей действительности в сознании людей. Знание хранится в памяти (соответственно, и в сознании) человека в виде упорядоченной системы. А язык – это единственный способ получения доступа к этим знаниям. Именно поэтому одной из задач когнитивного подхода Н.Н. Болдырев видит в том, чтобы «показать соотношение и взаимодействие языковых единиц и лежащих в их основе структур знания, а также на основе изучения языкового опыта – опыта использования языковых единиц – смоделировать, насколько это возможно, сами эти структуры, их содержание и связи» [Болдырев 2004: 23-24].

Изучение соотношения языковых единиц и когнитивных структур может быть разнонаправленным. У одних исследователей в фокусе внимания могут находиться вопросы о том, «какие структуры знания стоят за определенными языковыми формами (т.е. каковы когнитивные основания этих форм)», а у других – «с помощью каких языковых форм могут быть репрезентированы те или иные форматы знания» [Кубрякова 2012: 64].

Целью данного исследования является установление структур знания, репрезентируемых английскими устойчивыми словосочетаниями с сочинительной связью (далее – УССС). Под УССС мы понимаем языковую конструкцию, которая образуется соединением двух или более слов при помощи союзной или бессоюзной сочинительной связи и которая характеризуется различной степенью спаянности компонентов. Следует отметить, что в лингвистике нет единого терминологического обозначения данных конструкций. Выбор термина часто зависит от того, какую часть всей массы сочинительных сочетаний тот или иной автор исследует. Специалисты по фразеологии говорят о «*сочинительных фразеологизмах»*. В стилистике сочетания типа spick and span (наряду с редупликатами и проч.) рассматриваются в связи с эвфоническими средствами языка или при изучении раз-

личного рода повторов. В этих и других случаях часто говорят о «*парных сочетаниях*». Но наиболее распространенным наименованием как в зарубежной, так и в отечественной лингвистике является термин «*биномы*», или транслитерация с английского «*биномиалы*» (binomials) (см. подробнее: [Malkiel 1959; Sauer, Schwan 2017; Молодцова 2002]).

Важно подчеркнуть, что сама сочинительная связь в подобных конструкциях играет определенную роль в познавательных процессах. Соединяя синтаксически однородные языковые единицы, она «устанавливает определенные классификационные отношения» и «содействует установлению иерархии» между понятиями [Норман 2013: 176]. В этой связи возникает вопрос о значимости лексического наполнения изучаемых конструкций и порядка следования компонентов в рамках их структуры. Фактологический анализ позволил выявить ряд закономерностей, как сознание человека осмысливает действительность и конструирует структуры знания, репрезентируемые УССС:

(1) *временная последовательность*

1. It will most certainly give rise to debate, **sooner or later** (CEC).

2. We were now in a **life-and-death** situation (CEC).

В первом примере посредством разделительного союза ранжируется временной интервал от ближайшего до отдаленного, что указывает на неизбежность описываемого положения дел. Во втором случае с помощью соединительного союза соотносятся различные фазы жизненного пути – активная и завершающая, когда прекращается жизнедеятельность организма. Используя данное УССС, говорящий подчеркивает серьезность описываемой ситуации.

(2) *пространственная близость*

There were a few books **here and there**, but apart from that the room was quite bare (CEC).

Приоритетность первого компонента в УССС объясняется тем, что наиболее выделенным для наблюдателя является расположенное рядом с ним пространство, а менее выделенным – отдаленное пространство. В целом за счет этого словосочетания акцентируется расположение объектов в разных местах комнаты.

(3) *приоритет позитивного над негативным*

1. On Tuesday, it's **do or die** in the final game (CEC).

2. Each interview that you attend is a **make-or-break** situation (CEC).

В этих примерах глаголы с негативным значением занимают вторую позицию в УССС. Посредством разделительного союза подчеркивается альтернатива выбора позитивного или негативного решения. При этом в первом случае акцент ставится на поиск такого решения, которое позволит избежать провала (do or die – said when you are in a situation in which you must take a big risk in order to avoid failure [www.dictionary.cambridge.org]). Во втором случае разделительный союз указывает на возможность выбора успешного или провального решения (make or break – used to describe a decision, event, or period of time that is very important because it can make something succeed or fail completely [Там же]). Тем самым подчеркивается важность данного момента.

(4) *приоритет базового уровня над субординатным*

1. Three auditors were accused of **aiding and abetting** the men charged with fraud (CEC).

2. First, he must pack up all his **goods and chattels** himself (CEC).

В первом случае приоритетную позицию в УССС занимает глагол, репрезентирующий базовый уровень категоризации (aid – help or support), в то время, как вторая позиция представлена глаголом, представляющим спецификацию оказываемой помощи (abet – to help or encourage someone to do something wrong or illegal [www.dictionary.cambridge.org]). Соединительный союз указывает на то, что внимание наблюдателя сфокусировано как на помощь, так и содействие в осуществлении криминальных схем. Во втором примере задействован аналогичный принцип организации знаний. Первую приоритетную позицию в УССС занимает существительное, репрезентирующее структуру знания базового уровня (goods – the things that you own [www.dictionary.cambridge.org]), а на втором месте существительное, конкретизирующее вид собственности (chattel – a piece of personal property, including something that can be moved, or rights such as copyright and patents, but not usually including land and buildings [там же]).

(5) ***приоритет конкретного над абстрактным***

1. MEPs called for the auditors to **name and shame** the countries guilty of misusing EU funds (CEC).

2. She loves those children **heart and soul** (CEC).

В первом случае название конкретного имени является значимым для наблюдателя. Вторым компонентом конструкции выступает лексема, указывающая на эмоциональное состояние. За счет соединительного союза конструируется комплексное знание о необходимости пристыдить нарушителей поименно. Во втором примере лексема, указывающая на конкретный орган, занимает первую приоритетную позицию в конструкции, тогда как второй компонент указывает на нематериальную сущность. С помощью соединительного союза подчеркивается степень эмоционального отношения субъекта – любить всецело, всем сердцем и душой.

(6) ***логическая последовательность***

He opened a small **five and dime** in downtown Detroit (CEC).

Этот пример репрезентирует логический порядок следования от меньшего к большему. Пяти- и десятицентовые монеты образно указывают на низкие цены товаров, продаваемых в данном магазине.

(7) ***шкалирование***

She's been very **up and down** since her husband went into hospital (CEC).

Компоненты УССС указывают на верхнее и нижнее положения шкалы. Для наблюдателя значимыми являются высокие показатели, поэтому компонент up занимает первую позицию в конструкции. Посредством соединительного союза подчеркивается изменение показателей шкалы, что образно указывает на нестабильность эмоционального состояния субъекта.

Необходимо отметить, что конструирование знаний, репрезентируемых УССС, опирается на когнитивный механизм комплексного профиля. Ввиду того, что в структуре подобных конструкций представлены различные информационные импульсы, в результате чего конструируется сложное знание, его сущность может быть объяснена на основе данного когнитивного механизма. Сущность комплексного профиля описана Р. Лэнекером, в работах которого разграничивается последовательное и суммарное сканиро-

вание при описании движения. При суммарном сканировании конструируется комплексный профиль, сущность которого заключается в одновременной активизации всех компонентов конечной конфигурации [Langacker 1987: 172]. Компоненты УССС, как правило, представляют два информационных ресурса, интерпретация которых предполагает включение в анализ их взаимодействия.

Таким образом, выявлены закономерности в процессах конструирования знания, репрезентируемого УССС. Сознание человека в этих процессах опирается на такие когнитивные принципы, как временная последовательность, пространственная близость, приоритет позитивного над негативным, приоритет базового уровня над субординатным, конкретного над абстрактным, принцип логической последовательности и шкалирования. В качестве основного когнитивного механизма в этих процессах определен механизм комплексного профиля.

Литература

Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18-36.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. С. 63-78.

Молодцова И.Н. Английские биномиалы: статус, сущность, функции: дис. … канд. филол. наук. Тула, 2002.

Норман Б.Ю. Когнитивный синтаксис русского языка: учебное пособие. М.: Флинта, 2013.

Cambridge Advanced Learner's Dictionary. URL: www.dictionary.cambridge.org.

CEC – Cambridge English Corpus.

Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Stanford: Stanford University Press, 1987. Vol. 1.

Malkiel Y. Studies in irreversible binomials // Lingua. 1959. № 8. P. 113-160.

Sauer H., Schwan B. Heaven and earth, good and bad, answered and said: A survey of English binomials and trinomials (Part I) // Studia Linguistica Universitasis Iagellonicae Cracoviensis. 2017. № 134. P. 83-96.

L.A. Furs (Tambov, Russia)
Tambov State University named after G.R. Derzhavin
S.V. Korolyov (Tambov, Russia)
Tambov State University named after G.R. Derzhavin

KNOWLEDGE REPRESENTATION BY ENGLISH BINOMIALS

The article focuses on knowledge organization that is represented by English binomials. It is argued that complex profiling serves as the main cognitive mechanism underlying the process of knowledge organization.

Key words: cognitive principles, cognitive mechanism, knowledge construing, representation.

Е.В. Харченко *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный университет
ev-kharchenko@yandex.ru
Рев Васкадуве Сири Сарана Тхеро *(Шри-Ланка; Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный университет
waskaduwesthero@gmail.com

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА КАТЕГОРИЗАЦИИ МИРА ПОСРЕДСТВОМ МЕТАФОРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И СИНГАЛЬСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ)

В статье предлагается анализ национальных метафор, которые чаще всего являются устойчивыми сравнениями, фиксирующими особенности культуры. Делается сопоставительный анализ двух лингвокультур, выделяется этнокультурная специфика и предлагается попытка объяснения.

Ключевые слова: теория языка, метафора, устойчивое сравнение, русская лингвокультура, сингальская лингвокультура.

История метафоры, начиная с Аристотеля, который первым ее выделил, развивалась неравномерно. Всплеск интереса можно отметить с середины прошлого века по наши дни, что связано с расширением функционала метафоры. Если долгое время метафору считали выразительным средством, то затем представители разных научных направлений (философы, психологи, лингвисты и другие) стали отмечать важную роль метафоры в категоризации окружающего мира. Так, А.П. Чудинов пишет: «При когнитивном подходе метафора рассматривается как способ мышления, средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-то фрагмента действительности при помощи сценариев, фреймов и слотов, относящихся к совершенно иной понятийной области. <…> Специфика такой концептуализации во многом зависит от национального, социального и личностного сознания. Метафоры – это проявление аналоговых возможностей человеческого мышления, они заложены уже в самой интеллектуальной системе человека, это особого рода схемы, по которым человек думает и действует» [Чудинов 2013: 18].

В последнее время стали говорить о связи метафоры с национальной культурой. Л.В. Калашникова выделяет этнокультурные / национальные метафоры как «важный элемент языковой картины мира, они отображают способ членения и классификации реальности, принятый в рамках данного языкового сообщества, являются отражением системы ценностей. Национальный образ мира выявляется как система взаимных соответствий. Параметры могут быть самые разнообразные: наличие, отсутствие или преобладание в метафорах языка какой-либо из четырех стихий (земля, огонь, воздух, вода и т.д.), контекст, в котором они употребляются, привязка чувств, эмоций, личностных качеств к органам человеческого тела, распределение по вертикали верх-низ или по горизонтали и т.д. Метафора показывает, какие вещи являются эквивалентными или просто сопоставимыми в данной культуре» [Калашникова 2010: 143].

Поскольку мы придерживаемся широкого определения метафоры как скрытого сравнения, слова в переносном смысле, которое при добавлении *как, как, словно, будто* становится сравнением, к национальным метафорам мы относим устойчивые сравнения, которые хорошо известны носителям конкретной лингвокультуры. При этом следует уточнить, что современные носители культуры могут употреблять эти выражения, не зная истории их появления. Очень часто такие устойчивые сравнения проявляются при анализе результатов ассоциативного эксперимента.

В нашей статье мы приведем некоторые примеры таких устойчивых сравнений в русской (далее – РЛК) и сингальской (далее – СЛК) лингвокультурах. Можно выделить несколько сфер, которые наиболее часто используются для сравнений.

1. Природные объекты и явления. В РЛК используется сравнение с солнцем и луной, при этом солнышко теплое, а луна чаще печальная. Часто сравнивают маму или детей с солнышком, поскольку они дарят тепло и свет. Также частотны такие метафоры: *мелькнуть как молния, мрачный как туча, быть похожим как две капли воды.* В СЛК солнце, как правило, это мужчина, а луна – это женщина (අම්මා සදකි මම ඒ ලොව හිරුය (*мама – луна, а я этом мире солнце* (песня мужчины)). Также очень часто лицо женщины сравнивают с луной. На жаргоне выражения හදේ ඉන්නේ (*живет в луне*) හදට යනවා (*идет на луну*) означает употребление наркотических веществ. Русскому выражению *белый как снег* в сингальской культуре соответствует *белый как небо*, это обусловлено тем, что в Шри-Ланке не бывает снега, но на небе часто много белых облаков, поэтому с небом связаны два цвета: синий и белый.

2. Религия. Сравнение с *ангелом* в РЛК и СЛК используют для любимой девушки и маленького ребенка или девочки. В РЛК – это еще добрый человек, который заботится о других (ангел-хранитель). В СЛК – это красивая девушка ඇය දේවදූතියක් සේ සිටීමේ රහස් පැවසුවා ය (*она рассказала секрет как стать похожей на ангела*). Носители СЛК верят, что существует много богов, поэтому если человек делает добрые и благотворительные дела, про него могут сказать එයා නම් දෙවියෙක් (*он бог / она богиня*). Интересно, что в СЛК можно называть человека богом, если он помог в хорошем или плохом деле මිනිහා/ඌ දෙවියෙක් නියම වෙලාවට ආවා/උදව් කළා (*он бог, вовремя пришел/помог*). В этом случае подчеркивается то, что боги выше, сильнее людей и могут им помогать. В Шри-Ланке наиболее распространен буддизм, поэтому многие метафоры связаны с этим религиозным направлением. Например, පවුල් පන්සල් (*семья похожа на храм*) значит семейные отношения должны быть спокойными и благополучными, как в буддийском храме.

3. Предметы быта отражены в устойчивых сравнениях РЛК: *как обухом по голове, сгореть как спичка, хлынуть как из ведра, таять как воск, белый как полотно, пристал как банный лист.* В СЛК таких выражений немного, можно в качестве примера привести අල්මාරිය තිබ්බා වගේ (*поставили как шкаф*), так говорят о человеке, который стоит на одном месте и мешает другим.

4. Одежда. В РЛК с предметом одежды связано сравнение *тупой как валенок.* В СЛК есть очень яркое сравнение, построенное на гендерном отличии.

Бабушка носит специальную одежду, которая называется *читтая* (раньше это было обычная женская одежда, но теперь ее надевают только бабушки), и когда мужчина ведет себя плохо или как женщина, тогда говорят ඒකා චීත්තයක් (*он читтаяк*) චීත්තයක් වෙන්න එපා බන් (*не будь читтаяк*). В РЛК есть подобное сравнение, обидное для мужчин, когда им говорят, что они ведут себя *как баба*.

5. Пища. С едой и вкусовыми сравнениями мы нашли много устойчивых сравнений в обеих лингвокультурах. В РЛК: *надоесть как редька, дела идут как по маслу, выжатый как лимон,* в СЛК для толстых людей используется метафора *картошка,* если у кого-то много проблем, говорят ජීවිතය තිත්ත වෙලා (*жизнь горькая*) или ජීවිතය හැමදාම පැණි රහ නැහැ (*жизнь не всегда сладкая*). В Шри-Ланке распространено сладкое блюдо කැවුම් (кавум), которое напоминает пирожное картошка, с ним сравнивают, если у человека некрасивое лицо или некрасивый нос.

6. Животные. В РЛК очень распространены устойчивые сравнения с животными, так, верность и преданность связаны с собакой, хитрость – с лисой, трусость – с зайцем, упрямство – с ослом. В современной речи можно услышать *гол как сокол, врет как сивый мерин, живут как кошка с собакой, как слон в посудной лавке.* В СЛК также есть такие выражения. С собакой сравнивают тех, кто делает что-то плохое: обычно говорят ඌ මහ බල්ලෙක් (*он большой пес*) или ඒකි බැල්ලියක් (*она собака*), а также බලු වැඩ කරන්න එපා (*не поступай, как собака*). Тупых людей сравнивают с ослом или быком/коровой, толстых и сильных – со слоном, хитрых – с лисой. Медведь, тигр и петушок означают излишнюю сексуальность у мужчин: ඌ මහ කොටියා/කුකුලා (*он большой тигр/петушок*).

7. Деятельность человека. Одно из наиболее известных устойчивых сравнений в РЛК: *пьян как сапожник.* Мало кто сейчас может объяснить, почему именно представители этой профессии послужили эталоном по определению степени опьянения. В СЛК называют මාලුකාරයා (рыбаком или продавцом рыбы) тех, кто очень громко говорит.

Таким образом, исследование национальных метафор (или устойчивых сравнений) является материалом для исследования особого образа мира, а также играет просветительскую роль для современных представителей культуры и способом приобщить к новой культуре иностранцев, изучающих язык и культуру. Не случайно в одной из работ описан целый проект, посвященный этой теме [Борисенко 2017].

Можно согласиться с Л.В. Калашниковой, что «национальные метафоры играют роль своеобразных формул, аксиом. Несмотря на существование большего количества «общих сюжетов», в каждом языке имеется набор уникальных, присущих только ему языковых средств для выражения представлений о мире, человеке и социальной реальности» [Калашникова 2010: 144]. Изучение таких метафор может помочь и при осмыслении явлений иной культуры, поскольку, как мы видим, некоторые метафоры похожи, несмотря на территориальную удаленность и несхожесть климата в России и Шри-Ланке.

Литература

Борисенко Н.Ю. Словарь образных сравнений как лингвокультурографический проект будущих преподавателей русского языка как иностранного // Мир русского слова. 2017. № 4. С. 50-55.

Калашникова Л.В. Метафора – один из факторов отражения этнокультурной специфики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 1 (5), часть 1. С. 142-144.

Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: краткий. тематический словарь. Краснодар, 2003.

Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии: монография. Екатеринбург, 2013. 176 с.

E.V. Kharchenko *(*Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University
Rev Waskaduwe Siri Sarana Thero (Sri Lanka; Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University

ETHNOCULTURAL SPECIFICITY OF THE CATEGORIZATION OF THE WORLD THROUGH METAPHOR (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND SINHALA LINGUA-CULTURES)

In this article offers an analysis of stereotypical metaphors that are used in relation to characteristics (kind, evil, cunning, etc.). A comparative analysis of two lingua-cultures is made, ethnocultural specificity is highlighted and an attempt to explain is proposed.

Key words: theory of language, metaphor, Russian lingua-culture, Sinhala lingua-culture.

Цзин Байлян (*Дацин, Китай*)
Южно-Уральский государственный университет
bailyanczzin@yandex.ru

РОЛЬ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ПО ВЫДЕЛЕНИЮ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Выделение частей речи в китайском языке является одной из сложных и пока нерешенных проблем грамматики, поскольку взгляды ученых на критерии для выделения частей речи расходятся по целому ряду вопросов. В данной статье мы попытаемся использовать теорию когнитивной лингвистики для решения проблемы классификации частей речи.

Ключевые слова: части речи, критерий для выделения частей речи, китайский язык, русский язык, когнитивная лингвистика.

В мире существуют многообразные языки, они могут быть в чем-то похожи или отличаться друг от друга, выделение частей речи также может зависеть от специфики того или иного языка. Актуальность нашего исследования обуслов-

лена тем, что до сих пор нет единого подхода к выделению частей речи в китайском языке. Применяемые в других языковых системах принципы не всегда подходят для китайского языка, обладающего рядом особенностей. Это связано как с выделением особых частей речи (например, в китайском языке существует такая часть речи, как счетное слово (量词)), в других языках такой части речи нет, так и с некоторыми грамматическими особенностями языка.

Среди традиционных критериев выделения частей речи в русском и китайском языках можно выделить следующие: семантический, синтаксический, морфологический. Выделение частей речи по какому-либо одному критерию имеет определенные недостатки. Например, только по семантическому критерию (то есть по значению слов) трудно определить часть речи у таких слов, как *бегать* и *бег* в русском языке и 忽然 (*вдруг)* и 突然 (*неожиданно)* в китайском языке. Только по морфологическому критерию (по изменениям форм слов) сложно определить части речи неизменяемых слов в русском языке, к тому же в китайском языке такой критерий на основе изменений форм слов совершенно не подходит, поскольку современный китайский язык относится к изолирующему типу, в нем отсутствуют флективные формы слов. Только синтаксического критерия для выделения частей речи также недостаточно. Например, в русском языке, имя существительное, имя прилагательное, глагол и другие части речи могут выступать в предложениях в роли подлежащего, сказуемого, дополнения и т.д. В китайском языке существует аналогичная ситуация: только на основании синтаксического критерия тоже сложно различать части речи. Поэтому в настоящее время критерием для выделения частей речи, признанным большинством ученых, является комплексный критерий, то есть семантический, синтаксический и морфологический критерии в совокупности.

Нужно также подчеркнуть, что при выделении частей речи под значением имеется в виду не значение самих слов, а их абстрактное обобщенное грамматическое значение, т.е. все слова, принадлежащие к одной части речи, имеют такое же обобщенное категориальное значение. Морфологические признаки слов обозначают грамматическую категорию, в том числе включаются морфологические изменения и словообразовательные признаки слов, например, категория времени, залога, вида, падежа и т.п. Синтаксическая категория выражается через набор членов предложения, в роли которых может выступать определяемое слово. Таким образом, части речи сами по себе выражают те или иные категориальные значения. Хотя комплексный критерий поможет нам решить большинство проблем в понимании частей речи, до сих пор еще существуют некоторые вопросы о частях речи, например, вопрос о словах, относящихся к категории состояния.

В данной статье мы описали некоторые подходы ученых к разделению слов по частям речи в русле теории когнитивной лингвистики.

Проблема выделения частей речи имеет долгую историю, однако, по мнению Е.С. Кубряковой, когнитивный подход может принести свои плоды, поскольку самое трудное в выделении частей речи связано с их содержательной характеристикой [Кубрякова 2004: 13]. До этого она писала, что

«разбиение слов по классам должно отразить особенности их использования и нетождественность их функций в дискурсе и в тексте» [Там же]. Именно это позволяет ученому предложить для частей речи «термин когнитивно-дискурсивные категории» [Кубрякова 2004: 15]. На наш взгляд, это перспективный подход к языкам разных типов, поскольку основная функция любого языка – коммуникативная.

Еще один когнитивный подход к выделению частей речи опирается на теорию прототипов. Ученые предлагают два описания термина «прототип»: 1) типичный представитель категории, не имеющий маркеров, 2) совокупность свойств. Как отмечала Э. Рош, прототип выделяется как наиболее типичный член категории [Rosch 1973: 141]. Р. Лангакер тоже писал, что прототипы являются типичными примерами категории, и другие члены включаются в ту же категорию, исходя из ощущения, что они похожи на прототип. Члены категории классифицируются на основе разной степени сходства [Langacker 1987: 371]. Здесь мы также можем сослаться на мнения таких ученых, как Р. Яцкендофф (Jackendoff) и Ван Инь (王寅), которые считают, что образцы прототипа могут сильно отличаться из-за разных сообществ, разной культурной принадлежности и разного времени. Например, когда речь идет о «птицах», британцы обычно сразу думают о «малиновке» [Jackendoff 1985: 116], а китайцы думают о «воробье» [Ван Инь (王寅) 2007: 197]. В то же время представители когнитивной лингвистики также подчеркивают, что категории не всегда однозначны, поэтому мы не можем использовать однотипные критерии, чтобы различать абсолютно все вещи. Эта точка зрения основана на теории семейного сходства Л. Виттгенштейна. По мнению Э. Рош и К. Мервис, отношение семейного сходства состоит из набора предметов в форме AB, BC, CD или DE, то есть каждый член имеет, по меньшей мере, один, а возможно, несколько общих элементов с одним или несколькими другими членами, но нет или мало общих элементов для всех членов [Rosch 1975: 575]. Другими словами, члены одной и той же категории определяются не общими характеристиками, а семейным сходством, то есть члены категории всегда имеют определенные общие характеристики, а некоторые члены имеют более общие характеристики, чем другие члены, это является так называемым нечетким сходством. Члены, которые имеют больше характеристик, чем другие члены, могут определять свой статус в соответствии со своими характеристиками. Члены, которые имеют больше общего с другими членами, могут быть идентифицированы как типичные члены или центральные члены в этой категории, которая является так называемым прототипом. Другие члены, которые не имеют много общих характеристик, могут быть поняты как нетипичные или маргинальные члены. Как писал Дж. Лакофф, языковые структуры, как и невербальные концептуальные структуры, также имеют эффект прототипа [Lakoff 1987: 57]. Поскольку язык – это часть мира, мы можем категоризировать язык так же, как и природные объекты.

Можно сказать, что сущность категории «часть речи» является весьма абстрактной. Типичные члены определенной части речи имеют больше атрибутов. И наоборот, нетипичные члены имеют меньше атрибутов. Следовательно, часть речи может быть классифицирована в соответствии с типичными эле-

ментами, и категория изучения части речи может быть сформирована, если мы примем типичные элементы в качестве опорных точек. Возьмем в качестве примера слово категории состояния. Был спор о том, стоит ли выделять слова состояния в отдельную часть речи. Некоторые ученые считают, что эти слова относятся к наречиям, а другие – предлагают их считать самостоятельной частью речи. Рассмотрим этот вопрос с использованием некоторых идей из теории прототипов. Наречие обозначает признак признака, действия и предмета, не изменяется по форме, в предложении играет роль обстоятельства, обычно в употреблении сочетается с глаголами, прилагательными или наречиями и выражает значение степени. Слово категории состояния обозначает состояние живых существ, природы, не изменяется, используется только в безличном предложении и играет роль сказуемого, иногда оно может использоваться со вспомогательными глаголами, чтобы выразить временную категорию согласно потребности контекстного выражения. Вышеупомянутые две категории могут быть проанализированы с использованием в качестве примера слов *сильно* и *стыдно* в качестве прототипов. Мы упоминали выше, что с точки зрения когнитивной лингвистики границы между категориями не четкие, а скорее размытые, и между ними будут некоторые пересечения, поэтому, мы считаем, что пересечение между наречиями и словами категории состояния является неизменяемость. А с точки зрения семантики и синтаксической функции они совершенно не похожи, то есть в этом случае они могут считаться разными частями речи.

Таким образом, мы считаем, что теория когнитивной лингвистики имеет большое значение для выделения частей речи, поскольку позволяет решить некоторые спорные вопросы. Мы считаем, что не следует ограничиваться только традиционным изучением частей речи, необходимо учитывать новые научные теории для определения критериев выделения частей речи и разграничения разных частей речи в языках разного типа.

Литература

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / РАН ИЯ. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Jackendoff R.S. Semantics and cognition. Cambridge, MA.: MIT Press, 1985.

Lakoff G. Women, fire, and dangerous things. What Categories Reveal about the Mind. Chicago: The University of Chicago Press, 1987.

Langacker R. The Foundations of Cognitive Grammar. Volume 1. Theoretical Prerequisites. California: Stanford University Press, 1987.

Rosch E. On the internal structure of perceptual and semantic categories // Cognitive development and the acquisition of language / ed. by T. Moore. New York: Academic Press, 1973. P. 111-144.

Rosch E. & Mervis C.B. Family Resemblances: Studies in the Internal Structure of Categories // Cognitive Psychology. 1975. Vol. 7. № 4. P. 573-605.

Wang yin. Renzhi yuyanxue. Shanghai: Shanghai waiyu jiaoyu chubanshe, 2007. 王寅.认知语言学. 上海.:上海外语教育出版社. 2007.

Jing Bailiang (Da Qing, China)
South Ural State University

THE ROLE OF COGNITIVE LINGUISTICS IN SOLVING THE PROBLEM OF IDENTIFYING PARTS OF SPEECH

Parts of speech are one of the unsolved complex grammatical problems, since scientists' views on parts of speech differ on a number of issues. In this article, we will try to use the theory of cognitive linguistics to provide some additional explanations for the problem of classifying parts of speech.

Key words: parts of speech, criteria for selecting parts of speech, Chinese, Russian, cognitive linguistics.

О.И. Шарафутдинова *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
sharafutdinovaoi@susu.ru
Я.Л. Березовская *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
berezovskaiail@susu.ru

КОНЦЕПТОСФЕРА «РОССИЙСКИЕ ЦЕННОСТИ» В ОБУЧЕНИИ КИТАЙЦЕВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Изучение языка невозможно без погружения в особенности культуры и мышления людей, поэтому создание позитивного имиджа страны рассматривается как необходимое условие эффективного обучения. На примере учебного пособия Л.Ю. Скороходовой и Л.В. Хорохординой «Окно в Россию» рассматривается аксиологическая ценность учебных материалов, реализующих концепцию российских ценностей.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, концептосфера, китайские учащиеся, российские ценности.

Трансформация мировой политической и экономической системы, повышение уровня агрессивности международных отношений ставит перед Россией ряд задач, решаемых в долгосрочной перспективе. К таким задачам мы относим вопрос о тех средствах, которые формируют положительный образ России при изучении русского языка, а именно: материальная и духовная культура россиян, коммуникативные и когнитивные практики многонационального и поликонфессионального российского общества и т.д. Поскольку изучение языка невозможно без погружения в особенности культуры, восприятия мира, мышления народа, создание положительного имиджа страны рассматривается как необходимое условие эффективного обучения, способствующее трансляции культуры страны посредством формирования концептосферы «Российские ценности» и анализа уже сложившихся лингвокультурных стереотипов. Особенно данный аспект актуален на продвинутых этапах владения языком.

В данном исследовании ставится задача проанализировать учебное пособие по русскому языку как иностранному для продвинутого уровня обучения с целью выявить ценностный аспект учебных материалов, который может рассматриваться как компонент концептосферы «Российские ценности».

Д.С. Лихачев под концептосферой понимает потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом [Лихачев 1993]. Исследователь вводит понятие национальной концептосферы, соотносимой со всем историческим опытом нации. При изучении иностранного языка, в частности, русского языка как иностранного, происходит взаимодействие разных концептосфер как на этнокультурном уровне, так и на языковом. С.Г. Воркачев понимает концепт как культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих реализаций [Воркачев 2003]. З.Д. Попова и И.А. Стернин подчеркивают иерархичность концептосферы, говоря о том, что концепты могут находиться в отношениях сходства или различия с другими концептами [Попова, Стернин 2001]. Учет всех аспектов восприятия и понимания концептосферы способствует эффективному процессу педагогического дискурса и позволит реализовать дидактический потенциал, устранить концептуальные лакуны в процессе обучения русскому языку как иностранному.

Отметим, что национальная концептосфера складывается из совокупности индивидуальных, групповых, классовых, национальных и универсальных концептов, то есть концептов, имеющих общечеловеческую ценность. Именно наличие общих, универсальных концептов обеспечивает возможность взаимопонимания между этносами. В то же время каждая нация имеет собственную шкалу ценностей. Каждая культура формирует свои стереотипы сознания и поведения, отраженные в собственной языковой картине мира. Обучение иностранному языку, русскому языку, в частности, является обучением иного кода отражения реальной, единой для носителя любого другого кода действительности, причем коду не просто вербальному, а прежде всего когнитивному [Прохоров 2009: 51].

Концептосфера «Российские ценности», отождествляющая концептосферу культуры в целом, наиболее ярко проявляется в комплексе концептов языка и в совокупности с лингвокультурными стереотипами отражает языковую картину мира. Она предполагает некую совокупность концептов, касающихся различных сторон жизни общества: экономика, политика, культура, образование и др.

Указанные нами сферы отражены в учебном пособии «Окно в Россию», степень охвата различных сфер жизни российского общества и отдельного индивида здесь достаточно высока: представлена экономическая, социальная, религиозная жизнь, сфера образования, а также культурная жизнь в различных ее проявлениях [Скороходов, Хорохордина 2012].

В указанном учебном пособии, которое используется для обучения китайцев (уровень B2 – C1), тема 1 посвящена вопросам экономического развития России – «Кому на Руси жить хорошо? (Российская семья в новой экономической ситуации)». В первом уроке рассматриваются экономические проблемы в восприятии обычной российской семьи (мать, отец, сын и дочь). Таким образом, авторы вводят читателя в стереотипный круг рус-

ской семьи, типичными оказываются и экономические вопросы: безработный отец, мать, вынужденная обеспечивать семью и заниматься домашним хозяйством, сын-студент, который ищет возможности заработка, и дочь – школьница. Использование прецедентного текста в названии (Кому на Руси жить хорошо) призвано стать отсылкой к поэме Н.А. Некрасова и может дополнительно подчеркнуть постоянное присутствие экономического вопроса в жизни рядового российского гражданина. Однако опыт работы с китайскими студентами показал, что китайцы произведение Н.А. Некрасова не знают, поэтому многозначность темы им не понятна. Раскрыть смысл цитаты и заданность содержательной части занятия можно только с помощью дополнительного комментария.

В диалогах и текстах данного урока обозначаются реальные экономические проблемы: социальная дифференциация российского общества, безработица, бедность, отсутствие сформированного, сильного среднего класса и др., приводящие к проблемам личного характера человека-гражданина. В рамках данной темы для китайской аудитории мы обозначаем положительные факты социальной жизни (наличие пенсий, обязательное медицинское страхование, социальные льготы и пособия, обязательное образование для всех граждан Российской Федерации), остающиеся неизменными на протяжении многих лет, несмотря на экономические проблемы в стране. Так, задание «Составьте схему, отражающую достижения и проблемы современной России», мы дополняем заданием «Отметьте положительные явления в экономической и социальной жизни России», задание выполняется на основе дополнительных текстов, видео- и аудиоматериалов. Тема экономического развития позволяет демонстрировать такие ценности новой России, как гражданские права, отношения «гражданин – государство», роль семьи и крепких семейных отношений в жизни отдельного человека и целого общества.

Рассмотрим структуру конкретного урока и выявим методические приемы, репрезентирующие российское общество. При рассмотрении ключевых российских ценностей на занятиях по русскому языку как иностранному важно создать «комфортное» коммуникативное пространство, двусторонний процесс, при котором и инициатор, в нашем случае – преподаватель, и получатель информации – учащийся, обладали активными ролями. Инициатор коммуникации должен учитывать интересы и намерения слушателей, оценивать свое влияние на них. Лишь при правильном соотнесении коммуникативно-прагматических характеристик лигводидактической ситуации общения [Сусов 1989] и учета коммуникативных действий участников коммуникации возможен конструктивный диалог и достижение результата в рамках педагогического дискурса. Некоторые коммуникативные приемы могут быть восприняты учащимися как вторжение в аксиологическое и когнитивное пространство (ср.: заголовок текста «“Храм мира” или клиника?»), поэтому роль преподавателя при изучении ключевых концептов велика: он не должен деформировать картину мира учащегося, выступая транслятором различных точек зрения и создавая «гармоничное» коммуникативное пространство на занятиях.

Следует помнить о роли диалога как дидактического инструмента процесса обучения. Установка на диалогичность общения, возможность существования различных точек зрения представлена как в текстах раздела на указанную

тематику (ср.: «Религиозные организации могут способствовать как смягчению, так и, *наоборот* (здесь и далее выделено нами – О.Ш., Я.Б.), усилению напряженности, межнациональных конфликтов на религиозной почве»), так и в дискуссионных заданиях (ср.: «Допустима ли, *по-вашему*, деятельность религиозных партий в светском государстве? Что, *на ваш взгляд*, в такой ситуации важнее: долг священнослужителя или долг гражданина? *По вашему мнению*, какие последствия для мирового сообщества могут повлечь прогнозируемые изменения? *Согласны ли вы с мнением*, что наступивший век станет веком неверия? Как, *по-вашему*, увеличение объема научных знаний способствует распространению атеизма *или, наоборот*, укрепляет высокообразованных людей в убеждении, что столь разумно и сложно организованный мир не мог возникнуть иначе, как по воле Божьей?»).

Интересно использование прецедентного текста в названии (*Блажен, кто верует, тепло ему на свете*), отсылающее нас к комедии А. Грибоедова «Горе от ума» и представляющее собой парафраз из Евангелия от Марка. Однако опыт работы с китайскими студентами (2014–2018 гг., 6 учебных групп) показал, что смысл цитаты требует дополнительного комментария. В структуре урока на указанную тематику представлены задания на все виды речевой деятельности, находит отражение анализ прецедентных текстов. В пределах заданной тематики, например, рассматриваются такие фразеологизмы, как *не бог весть (какой, куда, сколько, что); овца заблудшая, готов от стыда сквозь землю провалиться и т.д.* Предлагается составить небольшие диалоги, в каждом из которых был бы использован один из фразеологизмов.

В современной лингводидактике эффективность процесса обучения определяется не только степенью освоения аспектов языка, но и постижением специфики языковой картины мира, отраженной в изучаемом языке. В этой связи большим дидактическим потенциалом обладает концептосфера «Российские ценности», поскольку, во-первых, при изучении языка происходит взаимодействие разных концептосфер; во-вторых, ценности рассматриваются как неотъемлемый компонент человеческой культуры. Анализ конкретного учебного пособия с точки зрения представленности в нем ценностей российского общества, обобщение результатов педагогической работы в группах китайских учащихся позволили выявить список ключевых тем и принципы организации учебного материала для продвинутого уровня обучения, для которых характерно следующее: 1) позволяют увидеть страну с разных сторон; 2) предполагают проблемное обучение и дискуссионный компонент; 3) отмечают положительные черты образа России, выявляя ключевые ценности российского общества; 4) учитывают ментальные и культурные особенности китайских учащихся.

Литература

Воркачев С.Г. Культурный концепт и значение // Труды Калининградского государственного технического университета. Серия Гуманитарные науки. 2003. Т. 17. Вып. 2. С. 268-276.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. Вып. 1. № 1. С. 3-9.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001.

Прохоров Ю.В. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: Либроком, 2009.

Скороходов Л.Ю., Хорохордина О.В. Окно в Россию: учебное пособие по русскому языку как иностранному для продвинутого этапа: в 2 ч. СПб.: Златоуст, 2012.

Сусов И.П. Говорящая личность в лингвосоциальном и лингвопрагматическом пространствах // Социальная стратификация языка: материалы межвузовской конференции. Пятигорск: ПГПИИЯ, 1989. С. 57-59.

O.I. Sharafutdinova (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University
Y.L. Berezovskaia (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University

CONCEPTOSPHERE OF RUSSIAN VALUES IN TEACHING RUSSIAN LANGUAGE TO CHINESE STUDENTS

It is impossible to learn language without getting immersed into the specificities of culture and people's way of thinking, so creation of positive image of a country is considered as a necessary condition for efficient study. On the example of a textbook "Okno v Rossiyu" (Window to Russia) by L.Yu. Skorokhodova and L.V. Khorokhordina examines the axiological value of educational materials that realize the concept of Russian values.

Key words: Russian as a foreign language, Chinese speakers, conceptosphere, Russian values.

Н.В. Шелепова *(Астрахань, Россия)*
Астраханский государственный технический университет
shelepova1976@mail.ru

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ КАК ПОЛИМОДАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО МИФОКОНЦЕПТА THE HOLY GRAIL)

Сегодня концепты могут быть описаны с позиций теории коннекционизма как распределенные репрезентации, обладающие гибкостью и рядом модальных свойств, позволяющих считать их полимодальными образованиями, и мифологические концепты не являются исключением. Мифоконцепты включают в себя различные по модальности ментальные репрезентации – вербальные, сенсорно-моторные и др., объединенные в один комплекс, что в настоящей работе прослеживается на примере концепта THE HOLY GRAIL.

Ключевые слова: концепт, мифологический концепт, полимодальность, распределенные репрезентации, мифологема, Святой Грааль, коннекционизм.

Сегодня не вызывает сомнения факт участия концептуальных репрезентаций в процессе восприятия, формирования действия, мыслепостроения и языкового творчества. Однако все еще остается немало вопросов относительно специфики их функционирования при построении концептов.

Традиционные теории ментальных репрезентаций часто рассматривают ментальные представления как структурные элементы сознания, характеризующиеся определенной локальностью. Современные теории, например, коннекционистские, предлагают новые модели функционирования сознания, основанные на параллельно распределенных процессах (Parallel Distributed Processing) [Rumelhart, McClelland 1986]. Коннекционистские сети работают таким образом, что любой объект создается по образцу за счет включения большого ансамбля единиц. В таких системах каждое представление зависит от активации множества единиц, и каждая единица участвует в представлении множества различных объектов [McClelland, Cleeremans 2009].

Исходя из этого подхода, концепты представляют собой распределенные репрезентации, формирующиеся группами нейронов, т.е. каждый концепт, фактически, есть некоторая схема активации всех этих нейронов [Thagard 2014: 48]. Такие концепты обладают гибкостью и рядом свойств (особенностей), характерных для определенной модальности. Под модальностью здесь понимается принадлежность к определенной сенсорной системе (анализатору) [БПС 2009: 379]. Модальность – одно из основных свойств ощущений, их качественная характеристика. Что касается свойств концептов, заметим, что они хранятся в особых отделах головного мозга, отвечающих за те или иные чувства и двигательную активность. Другими словами, они (свойства) зависят от сенсорно-моторного опыта, сопутствующего формированию того или иного концепта (см. работы Ф. Пулвермюллера).

Итак, концептуальные особенности (например, визуальные, акустические, связанные с действием, эмоциональные) представлены клеточными (нейронными) группами, распределенными по сенсорным, моторным и эмоциональным отделам мозга. Такие сети образуются во время формирования концепта в результате активности нейронов, соединяющихся за счет уже существующих связей. Поэтому доступ к концептам предполагает частичное восстановление мозговой активности по всей этой сети, например, во время словесного описания пережитого опыта и действий [Pulvermüller, Schumann 1994]. Следовательно, концепты можно считать *полимодальными образованиями*. Модальность здесь уже выступает в качестве более широкого понятия и включает не только непосредственно сенсорные ощущения, но и другие более сложные психические процессы.

Последние исследования также показали, что концепты содержат в своей структуре оценочный компонент – «оценочный паттерн» (appraisal pattern) [Kajić, Schröder et al. 2019]. Механизмы оценки тонко встроены в семантическую структуру представлений, которые порождают эмоциональные переживания. Такие оценочные паттерны являются либо следствием биологической эволюции, либо культурного влияния.

Поскольку концептуальные репрезентации являются неотъемлемыми составляющими, позволяющими раскрыть сущность вещей, обозначенных словами, они обеспечивают семантическое знание, необходимое для понимания в процессе вербальной коммуникации. Однако следует помнить о том, что соответствие между словами и концептами, стоящими за ними, не является стопроцентным, поскольку существуют концепты, которые еще «не стали словами», не получили лингвистическую объективацию.

Как известно, концепт служит для обозначения класса вещей (предметов, людей, явлений и др.). Мифологический концепт является разновидностью концепта как такового. Некоторые исследователи относят его к *лингвокультурному* концепту, в состав которого входят образно-перцептивный, понятийный и ценностный компоненты [Плахова 2012: 29]. О.А. Плахова также выделяет следующие признаки мифоконцептов: 1) динамичность, способность к изменению; 2) наличие структуры, тождественной структуре лингвокогнитивных концептов; 3) отражение когнитивными признаками характеристик разнообразных объектов и явлений, дисперсированных в реальном мире, при отсутствии в действительности референтов, обладающих всей совокупностью признаков; 4) наличие хорошо развитого образного компонента [Плахова 2013: 30].

Мифологический концепт, являясь частью культуры как таковой, тем не менее, представляет собой, *прежде всего, когнитивное образование, структурируемое ментальными репрезентациями различного характера*. Он выступает в качестве носителя информации о мифологических персонажах, событиях, артефактах и т.д. При этом, *обозначая разнообразные мифологические (ирреальные) объекты и явления, мифологический концепт служит выразителем психической природы человека, его восприятия и видения окружающего мира, а также совокупности личностных взаимоотношений в конкретном историческом социуме*. В этом, на наш взгляд, заключается *основная специфика мифологического концепта* и парадоксальная природа мифологического знания вообще. Все это тесным образом связано с полимодальностью мифологических концептов, лежащей в их основе.

Мифоконцепт, как любой концепт, имеет структуру гештальта, характеризующуюся устойчивостью, равновесием и, самое главное, целостностью. Он не сводим к составляющим его элементам и не выводим из них. Выделение тех или иных компонентов концепта, например, сенсорных, моторных, эмоциональных, оценочных, вербальных, правомерно лишь в рамках научного, в данном случае лингвистического анализа. И любой миф, соотносимый с тем или иным концептом, также воспринимается как целостный факт, который, тем не менее, подвергается интерпретации.

К примеру, возьмем такой хорошо известный мифологический концепт, как THE HOLY GRAIL (Святой Грааль). В словаре находим следующее определение: “(in medieval legend) the cup or platter used by Christ at the Last Supper, and in which Joseph of Arimathea received Christ's blood at the Cross” [OLD]. Грааль представляется как священная чаша, из которой Иисус Христос пил во время Тайной вечери в Иерусалиме. О Граале также иногда говорят как о блюде, на котором ему подали хлеб или ягненка на пасхальном обеде. Третий вариант гласит, что Грааль был чашей, в которую собрали кровь Иисуса, в то время как он умирал. Согласно легенде, после распятия и воскресения Иисуса Христа

Иосиф Аримафейский перевез Грааль в Британию. На языковом уровне данный мифоконцепт объективируется при помощи таких мифологем, как the Holy Grail, the Grail, the Sangrail, которые можно найти в легендах о Короле Артуре.

С точки зрения когнитивной структуры, мифоконцепт THE HOLY GRAIL является полимодальным образованием, которое включает в себя ряд компонентов – ментальных репрезентаций, объединенных, интегрированных в один комплекс – бленд. Сюда будут входить: смысловые репрезентации (сосуд в форме чаши или тарелки, Иисус Христос, кровь, вино, святость и др.); сенсорные – визуальные, поскольку говорящий представляет, как может выглядеть эта чаша, опираясь на свой предыдущий зрительный опыт (например, на картинах, в скульптуре, кинематографе и т.д.); двигательные (например, если человек является верующим христианином и знаком с таинством причастия); эмоциональные (различный спектр переживаний религиозного характера и др.). Кроме того, как уже говорилось выше, в структуре концепта имеется оценочный паттерн, который отражает эмоциональную ценность данного явления для конкретной языковой общности. В результате чего Святой Грааль выступает в качестве библейского мифологического символа таинства Евхаристии и жертвенного сердца Христова, дарующего Божье милосердие, а также романтического символа сердечных устремлений к духовной и физической пище, психического здоровья и бессмертия.

Таким образом, мифологические концепты, как концепты вообще, можно рассматривать с позиции теории коннекционизма и считать их полимодальными структурами, которые включают в себя целый комплекс ментальных репрезентаций – сенсорно-моторных, эмоциональных, оценочных, а также вербальных (смысловых). Детальное изучение данных ментальных структур, лежащих в основе концептов, сможет пролить свет на когнитивные процессы человека и особенности их отражения в языке.

Литература

БПС – Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. М.: АСТ: Прайм-Еврознак, 2009. 816 с.

Плахова О.А. Мифологический концепт как разновидность лингвокультурного концепта // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. Т. 70. № 6. С. 29-32.

Плахова О.А. Мифоконцепт, мифологема, мифоним, мифолексема: к вопросу об унификации терминологического разнообразия // Карельский научный журнал. 2013. № 2. С. 30-33.

Kajić I., Schröder T., Stewart T.C., Thagard P. The Semantic Pointer Theory of Emotion: Integrating Physiology, Appraisal, and Construction // Cognitive Systems Research. 2019. URL: https://doi.org/10.1016/j.cogsys.2019.04.007.

McClelland J.L., Cleeremans A. Consciousness and Connectionist Models // The Oxford Companion to Consciousness / T. Bayne, A. Cleeremans, P. Wilken. Oxford: Oxford University Press, 2009. 688 p.

OLD – Oxford Living Dictionaries. URL: https://en.oxforddictionaries.com/definition/grail.

Pulvermüller F., Schumann J.H. Neurobiological mechanisms of language acquisition // Language Learning. 1994. № 44 (4). P. 681-734.

Rumelhart D.E., McClelland J.L. Parallel Distributed Processing: Explorations in the Microstructure of Cognition. Cambridge, MA: MIT Press, 1986.

Thagard P. Brain-Mind: From Neurons to Consciousness and Creativity. Draft 2, University of Waterloo, 2014. 377 p.

N.V. Shelepova (Astrakhan, Russia)
Astrakhan State Technical University

MYTHOLOGICAL CONCEPTS AS POLYMODAL STRUCTURES (BASED ON THE ANALYSIS OF THE ENGLISH CONCEPT THE HOLY GRAIL)

Today concepts can be described, using the connectionism theory, as distributed representations, which possess flexibility and a number of modal properties, allowing researchers to consider them as polymodal structures, and mythological concepts are not an exception. A mythoconcept is a set of mental representations of various modalities – verbal, sensory-motor, etc, combined into one complex, the study of which in this work is conducted on the concept THE HOLY GRAIL.

Key words: concept, mythological concept, polymodality, distributed representations, mythologem, the Holy Grail, connectionism.

С.А. Шишкина *(Тюмень, Россия)*
Тюменский государственный университет
raddoc@rambler.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ИНТЕРЕСА В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ КАРТИНАХ МИРА

В статье рассматриваются вопросы лингвокультурной репрезентации концепта познавательного интереса в русской и английской картинах мира; выявляются, анализируются и сравниваются понятийные признаки данного концепта.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, понятийный признак, эмоция, оценка.

Настоящая статья посвящена концепту познавательного интереса и его репрезентации в русской и английской картинах мира.

По мнению В.И. Карасика, лингвокультурология противопоставляет специализированные и неспециализированные концепты по признаку наличия явно выраженной этнокультурной специфики [Карасик, Прохвачева и др. 2005: 100].

С точки зрения англо-русской сопоставительной лингвокультурологии, классическим примером специализированного концепта является PRIVACY – ПРИВАТНОСТЬ. Связь концепта PRIVACY с ключевыми ценностями британской культуры несомненна, в то время как в русском культурном пространстве

ПРИВАТНОСТЬ не занимает сколько-нибудь важного места [Прохвачева 2000]. Существуют и концепты, нашедшие свое выражение только в русской ментальности, например, ЮРОДСТВО, СОБОРНОСТЬ, ВОЛЯ [Степанов 1997].

Лингвокультурологическое пространство включает в себя и концепты неспециализированные, универсальные, слабо или совсем не маркированные этнически. К числу их относится ИНТЕРЕС.

Универсальность данного концепта объясняется тем, что познавательный интерес является эмоцией, а именно эмоции делают представителей разных этносов более или менее похожими друг на друга [Шаховский 1995: 7]. Кроме того, психологическая природа и физиологические проявления эмоций универсальны и переживаются человеком вне зависимости от его культурной и этнической принадлежности.

В основе исследуемого нами концепта лежит одноименная эмоция, вербализуемая словами «интерес» / «interest». Она входит в список интеллектуальных эмоций, в качестве объекта возникновения выступают люди, информация, события, вещи, время, процессы. Данная эмоция имеет некий универсальный мимический, жестовый, поведенческий код реакции. Это позволяет сказать, что в основе эмоционального концепта ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС в английской и русской лингвокультурах лежит универсальный психический феномен.

С другой стороны, эмоциональным концептам все-таки присуща некоторая этноспецифичность, обусловленная индивидуальным эмоциональным трендом и национальным индексом данной культуры [Шаховский 1996: 6]. Кроме этого, каждый язык накладывает собственную классификацию на эмоциональный опыт человека, и «материальные экспоненты эмоций в языке» [Шаховский 1996: 9] являются культуроспецифическими.

Исходя из вышеизложенного, исследуемый концепт должен обладать большим количеством универсальных, общих для русского и английского языков понятийных признаков, а также некоторыми отличиями в способах его вербализации и средствах, используемых для этой цели.

Проведенный анализ дефиниций имени концепта показывает, что в русском языке концепт познавательного интереса включает следующие понятийные признаки: 1) внимание, 2) увлеченность, воодушевление, 3) в сильной степени (конек, страсть, живейший интерес), 4) в нейтральной степени (научный интерес), 5) мотивация деятельности, особенно учебы, 6) поиск развлечений, 7) праздность (праздное любопытство), 8) новизна, 9) сопряженность с привлекательностью, красотой, 10) сопряженность с желанием, особенно с желанием узнать что-либо, 11) противоположность скуке, 12) противоположность равнодушию, 13) важность, значение, 14) необычность, отклонение от нормы, нечто из ряда вон выходящее, 15) сопряженность с симпатией, влечением, любовью, 16) кругозор.

Конститутивными для концепта ИНТЕРЕС являются признаки 1 и 2 – *внимание* и *увлеченность, воодушевление.* Большинство дефиниций указывают *внимание* как основное номинативное значение лексемы *интерес*. Мы обращаем внимание на окружающие нас предметы и явления очень избирательно. Именно познавательный интерес фокусирует внимание человека,

при этом он испытывает энтузиазм и увлеченность (признаки 3 и 4). Актуальным для понимания сущности ИНТЕРЕСА является сочетание объекта этой эмоции – нечто новое, или необычное, или важное (признаки 8, 12, 13), – и ее субъекта, характеризуемого увлеченностью (признак 2), или желанием получить информацию (признак 7), или праздностью (признак 10). Возможно, праздного субъекта привлечет объект с характеристиками «яркий», «необычный», «занимательный», а субъекта, ищущего нужную информацию, – «важный» и «значительный» объект.

Остальные признаки логически и ассоциативно дополняют концепт.

В английском языковом сознании данный концепт характеризуется следующими понятийными признаками: 1) attention, 2) enthusiasm, 3) strong emotion, 4) neutral feeling, 5) motivation, 6) diversion, 7) annoying interest (being nosy), 8) news, newsworthiness, topicality, 9) concern, 10) wanting to know or learn, 11) anthonym of boredom, 12) anthonym of indifference, 13) strangeness.

В английских лексикографических источниках не было найдено указаний на сопряженность ИНТЕРЕСА с симпатией, влечением, любовью, а также красотой. Тем не менее контекстуальное употребление характеристики «интересный» в значении эстетической оценки указывает на наличие подобной связи и в английском языке.

Обращает на себя внимание и присутствие эмоционально насыщенного enthusiasm, не упоминаемого в числе русских конститутивных признаков концепта. На наш взгляд, в русской лингвокультуре ему соответствует признак *увлеченность, воодушевление.* В современном русском языке мы сталкиваемся со следующим значением слова «энтузиазм»: *Сильное воодушевление, душевный подъем, увлеченность чем-л* (СЕ). Предполагаем, что, поскольку в английском языке концепт ИНТЕРЕС вербализуется как «сильное» воодушевление, это указывает на большую интенсивность эмоции «интереса» в английском языковом сознании.

Также в английском языке более ярко выражен признак 6 – *поиск развлечений* / diversion. Данный признак там представлен большим количеством языковых единиц. Если русские словари синонимов приводят только одну лексическую единицу со значением развлекающего, вызывающего интерес действия (*увлечение*), то в английском языке их несколько: pastime, pursuit (хобби, увлечение), diversion, recreation (развлечение, отдых – деятельность, направленная на то, чтобы развлечься, повеселиться, хорошо провести время), avocation, hobby, spare-time activity, by-line, sideline (увлечение, хобби, занятие в свободное время) (YD, Web., Camb., FD).

Литература

Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В., Грабарова Э.В. Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. 349 с.

Прохвачева О.Г. Лингвокультурный концепт ПРИВАТНОСТЬ (на материале американского варианта английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 24 с.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1984. 736 с.

Современный толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2002. 959 с.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

Толковый словарь русского языка: в 4 т. / сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1996. Т. 1.

Шаховский В.И. О лингвистике эмоций // Язык и эмоции: сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 1995. С. 3-15.

Cambridge International Dictionary of English. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 1775 p.

Collins COBUILD English Language Dictionary. London: Collins, 1990. 1703 p.

Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford Un-ty Press, 1995. 1428 p.

The Merriam-Webster Thesaurus. Merriam-Webster Inc., Publishers, 1989. 652 p.

S.A. Shishkina (Tyumen, Russia)
Tyumen State University

LINGUISTIC AND CULTURAL REPERSENTATION OF THE CONCEPT OF COGNITIVE INTEREST IN THE RUSSIAN AND ENGLISH WORLDVIEW

The article discusses the issues of linguistic and cultural representation of the concept of cognitive interest in Russian and English worldview; features of this concept are identified, analyzed and compared.

Key words: culture studies, concept, conceptual feature, emotion, assessment.

Е.Б. Яковенко *(Москва, Россия)*
Институт языкознания Российской Академии Наук
yakovenko_k@rambler.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МОДЕЛЕЙ АНГЛО-САКСОНСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ДАННЫМ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ

Анализ разножанровых нехудожественных памятников древнеанглийского языка – «Англо-саксонские хроники», Законы англосаксонских королей, латинский разговорник («Colloquy») Эльфрика, переведенный на древнеанглийский язык Эльфриком Батой, – позволяет выделить три модели англосаксонского общества: событийно-констатирующую, нормативно-правовую и упрощенно-идеализированную. Эти модели, различные по своему содержанию, не совпадают и по средствам своего языкового выражения.

Ключевые слова: древнеанглийский период, концептуальная картина мира, концепт, социальная структура; социальные отношения.

Анализ исторических документов – неотъемлемая часть труда историков – может использоваться и в когнитивной лингвистике. Совокупность данных, извлекаемых из письменных памятников языка одной исторической эпохи, дает представление о структуре общества данного периода, экономических, правовых, религиозных и др. отношениях, создающих в своей совокупности определенную социальную модель. В когнитивном подходе эта модель может описываться как фрагмент концептуальной картины мира, вербализованный определенным образом.

Обращение к разножанровым нехудожественным памятникам английского языка древнего периода (VII–XI вв.), таким, как «Англо-саксонские хроники», Законы англосаксонских королей, латинский разговорник («Colloquy») Эльфрика, переведенный на древнеанглийский язык Эльфриком Батой, – позволяет выделить три модели англосаксонского общества и, соответственно, три фрагмента англо-саксонской концептуальной картины мира, весьма отличные друг от друга как в содержательном, так и в структурном и языковом отношении.

1. *Событийно-констатирующая модель* англосаксонского общества воссоздается главным образом по «Англо-саксонским хроникам» (“Anglo-Saxon Chronicle”) – крупной летописи истории Англии, охватывающей события начиная с переселения англов, саксов и ютов на остров Великобритания (середина V в.) и заканчивая 1154 г. Хроника содержит информацию о раннем этапе истории Англии, включающем период Гептархии, междоусобицы, постоянную смену правителей в военных государствах, христианизацию Англии, набеги викингов, формирование области Датского права, Нормандское завоевание.

Событийно-констатирующая модель англо-саксонского общества, носящая ретроспективный динамический характер, содержит лишь наиболее значимые факты истории Англии, создавая неполное представление о структуре англо-саксонского общества. В летописи упоминаются преимущественно представители светской и церковной власти, завоеватели и члены их семей:

“An. 833. Her gefeaht Ecgbryht cyning mid xxxv. sciphlæsta æt Carrum and þær wearþ micel wæl geslægen and þa Deniscan ahton wælstowe gewald and Hereferþ and Wigþen tuegen biscepas forþferdon and Dudda and Osmod tuegen aldormen forþferdon. […]

An. 835. Her cuom micel sciphere on West Walas and hie to anum gecierdon and wiþ Ecgbryht Westseaxna cyning winnende wæron. Þa he þæt hierde and mid fierde ferde and him wiþ feaht æt Hengestdune and þær gefliemde ge þa Walas ge þa Deniscan” [Thorpe 1861, Vol. I: 116].

“An. 833. In this year king Ecgbryht fought against the crews of thirty-five ships at Carrum (Charmouth), and there was great slaughter made, and the Danes held possession of the battle place. And Hereferth and Wigthen, two biscops, died; and Dudda and Osmôd, two aldermen, died. […]

An. 835. In this year a great naval force came to the West Welsh, and they combined together, and warred against Ecgbryht, king of the West Saxons. When he heard that, he went thither with an army, and fought against them at Hengestdûn (Hengston), and put to flight both the Welsh and the Danes” [Thorpe 1861, Vol. II: 54].

В хронике получают выражение лишь отдельные элементы концептуального поля «Общество»: rice ‘королевство’, cyning ‘король’, myht ‘власть’, beadu ‘битва’, here ‘войско, армия’ и др.

С точки зрения языка и текста фрагменты хроники представляют собой нарратив, оформленный в виде отдельных простых предложений или цепочки клауз, соединенных союзом and. Многосоюзие (полисиндетон), использование одних и тех же глагольных средств (претерит индикатива) и формульных / обозначений победы и поражения (wæron geslægen «были побеждены», ahton wælstowe gewald «победили») придают хроникам гомогенный характер.

2. Другая – *нормативно-правовая* – модель англосаксонского общества, воссоздаваемая благодаря законам англосаксонских королей, дает детальные представления о структуре английского общества той эпохи, социальной иерархии, правах и обязанностях членов различных социальных слоев и групп. Так, в законах кентского короля Этельберта (ок. 552–616) – наиболее раннем англо-саксонском своде законов – подробно прописаны денежные компенсации за различные правонарушения, включающие супружескую измену, посягательство на чужую собственность, убийство или нанесение физического увечья:

"6. Gif man frigne mannan ofsleahþ, cyninge L scill' to drihtinbeage. […]

6. If a man slays a free man, he shall pay 50 shillings to the king for infraction of seignorial rights. […]

14. Gif wið eorles birele man geligeþ, XII scill' gebete. […]

4. If a man lies with a nobleman's serving maid, he shall pay 12 shillings compensation. […]

29. Gif friman edor gegangeð, III scillingum gebete. […]

29. If a freeman makes his way into a fenced enclosure, he shall pay 4 shillings compensation. […]

54. Gif þuman ofaslaehð, XX scill' gebete. […]

54. If a thumb is struck off, 20 shillings [shall be paid as compensation]" [The Laws of the Earliest English Kings 1922: 4-11].

В противоположность событийно-констатирующей, эта модель носит проспективный характер, она статична и негативна: соблюдение законности, принимаемое как норма, не маркируется, тогда как отступления от нормы получают специальное обозначение.

Соответствующий фрагмент концептуальной картины мира представляет собой взаимодействие участков концептуальных полей «Семья», «Собственность», «Государственное и местное управление», «Церковь» и особенно «Правонарушение», «Наказание», где номинативная плотность концептов оказывается очень высокой.

В лингвостилистическом отношении законы англо-саксонских королей представляют собой последовательность неэмоциональных высказываний с выражением реального условия. Несмотря на преимущественное использование форм индикатива, модель носит эвентуальный характер: правонарушение как таковое еще не произошло, но, судя по прецедентам, вполне вероятно.

3. Определенный интерес представляет и третья модель англосаксонского общества, представленная исключительно в учебной литературе. Так, латинский разговорник, составленный Эльфриком и переведенный на древнеанглийский язык его тезкой, содержит ряд диалогов между учителем

и представителями различных профессий (охотником, рыбаком, пекарем и т.д.), делящимися с собеседником деталями своего ремесла, которое, очевидно, приносит им моральное удовлетворение.

“[The teacher:] Canst þu ænig þing?

[Pupil E:] Ænne cræft ic cann.

[The teacher:] Hwylcne?

[Pupil E:] Hunta ic eom.

[The teacher:] Hwæs?

[Pupil E:] Cincges. […]

[The teacher:] Hwilce wildeor swyþost gefehst þu?

[Pupil E:] Ic gefeo heortas ond baras ond rann ond rægan ond hwilon haran.

[The teacher:] Wære þu todæg on huntnoþe?

[Pupil E:] Ic næs, forþam sunnandæg is, ac gyrstandæg ic wæs on huntunge [Colloquy].

Master: Knowest thou anything?

Hunter: I know a trade.

Master: Which one?

Hunter: I am a hunter.

Master: Whose?

Hunter: The king’s. […]

Master: What kind of wild animals dost thou most often catch?

Hunter: I catch harts and bears and stags and roes, and sometimes hares.

Master: Wert thou hunting today?

Hunter: I was not, for today is Sunday, but yesterday I was hunting” [Anderson 1947: 69].

Подобное изображение трудящихся членов общества безотносительно их социальной и имущественной иерархии получает название «социальный идеализм» (термин Дж. Андерсона [Anderson 1947]), а сама модель может быть, на наш взгляд, названа *упрощенно-идеализированной*, т.к., несмотря на обилие профессиональных деталей, она дает очень приблизительное представление о социальных отношениях данного периода.

Ни одна из выявленных моделей не дает исчерпывающего описания социальных отношений англосаксонского периода. Для получения более полной и объективной картины необходимо обращение к большему числу художественных и нехудожественных памятников с их темпоральной, жанровой, стилистической, диалектальной и др. дифференциацией и выявление средств языковой репрезентации ключевых социальных концептов.

Литература

Яковенко Е.Б. Между авторством и переводом: «Грамматика» Эльфрика как первый опыт переводной грамматики на древнеанглийском языке // Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе: материалы чтений памяти В.Н. Ярцевой: коллективная монография. М.: Канцлер, 2017. С. 257-264.

Anderson G.K. (transl.). A Colloquy on the Occupations // Woods G. B., Watt H. A., Anderson G. K. The literature of England, an anthology and a history. Chicago; Atlanta; Dallas; New York: Publisher Scott: Foresman, 1947. Vol. I.

The Anglo-Saxon Chronicle, according to the several original authorities. Vol. I. Original texts / edited, with a translation by B. Thorpe. London: Longman, Green and Roberts, 1861.

The Anglo-Saxon Chronicle, according to the several original authorities. Vol. II. Translation / edited, with a translation by B. Thorpe. London: Longman, Green and Roberts, 1861.

Colloquy. URL: https://www.ucalgary.ca/UofC/eduweb/engl401/texts/frame.html (дата обращения: 01.09.2019).

The Laws of the Earliest English Kings / ed. and transl. by F.L. Attenborough. Cambridge: University Press, 1922.

Ye.B. Yakovenko (Moscow, Russia)
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

CONCEPTUALISATION OF SOCIAL PATTERNS OF THE ANGLO-SAXON ENGLAND IN OLD ENGLISH WRITTEN RECORDS

The analysis of several Old English non-fiction records, as the Anglo-Saxon Chronicle, Laws of Anglo-Saxon kings, and the Old English translation of Ælfric's "Colloquy" made by Ælfric Bata enables us to single out three social patterns of the Anglo-Saxon England: 1) factual, 2) regulatory, and 3) idealistic and simplified, all differing from each other both by their content and means of their verbal expression.

Key words: Old English, conceptual worldview, concept, social structure, social relations.

III. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

М.Р. Бабикова *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский государственный педагогический университет
marina-anvarova@yandex.ru

ВЕРБАЛЬНО-ИКОНИЧЕСКАЯ ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ В НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)[1]

Современный националистический дискурс перенасыщен вербально-визуальными (в иной терминологии – креолизованными, поликодовыми), текстами, которые, с одной стороны, полностью соответствуют требованиям современной молодежи – представляют информацию в «упрощенном» варианте, с другой стороны, являются серьезным пропагандистским орудием. В настоящем исследовании представлены результаты статистической обработки фигурирующих в националистическом дискурсе вербально-визуальных прецедентных феноменов, выявленных при анализе 2000 единиц креолизованных текстов.

Ключевые слова: прецедентные феномены, националистический дискурс, статистический анализ, креолизованный текст.

Современные исследования националистического дискурса в большинстве случаев сводятся к исследованиям психологическим, философским, историческим, социологическим или междисциплинарным. Собственно лингвистических, как и семиотических исследований не так много. Поэтому целью данной статьи является выявление репертуара сфер-источников вербально-иконической прецедентности, имеющей место в националистическом дискурсе.

Националистические объединения, активно развивающиеся в современном обществе, всячески стремятся транслировать свои идеи, применяя разнообразные методы. Кроме того, эпоха цифровизации диктует новые правила оборота информации: минимум текста, максимум невербальной составляющей.

Прагматический потенциал визуального сообщения намного выше вербального. Содержательное восприятие текста во многом обусловлено наличием в нем изобразительного компонента, который оказывает влияние на общее восприятие, так как, распределяя внимание между вербальным и визуальным компонентами текста, адресант быстрее фиксирует в памяти зрительный образ, чем вербальную информацию. Визуальная информация рассчитана, прежде всего, на эмоциональное, интуитивное восприятие. Как отмечает О.А. Корда,«зрительный, эмоционально насыщенный образ (изображение) схватывается сознанием быстро и легко, этот процесс не требует интеллектуального напряжения» [Корда 2013: 14].

[1] Работа выполнена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-012-00415 «Когнитивные интернет-технологии как фактор формирования экстремистского поведения молодежи: механизмы воздействия и профилактика»)

В тестах, создаваемых националистическими объединениями, нередко встречаются прецедентные феномены – они хорошо известны, легко узнаваемы широкому кругу адресатов. Такие элементы нередко выполняют функцию дифференциации «СВОИХ» и «ЧУЖИХ», что является типовым решением при создании пропагандистских текстов. Обратимся к прецедентным феноменам, которые встречаются в креолизованных текстах (КТ) националистического дискурса. Так как креолизованные тексты сочетают единицы двух и более семиотических систем, «последние вступают в отношения взаимосвязи, взаимодополнения, взаимовлияния, что обусловливает комплексное воздействие на адресата» [Ворошилова 2013: 21-22].

Всего было проанализировано 2000 креолизованных текстов, в рамках которых было выделено 2734 прецедентных единицы. Из них 2306 единиц репрезентируют сферу-источник «История и политика», 428 единиц – сферу-источник «Культура», 150 единиц – контекстные процентные феномены.

В рамках сферы-источника «История и политика» (84,3%) были выделены следующие субсферы:

Субсфера-источник «Политическая символика» (63,5%), в свою очередь, подразделяется на:

Национально-государственную символику (58,2%);

современную националистическую символику (47,7%), включающую:

графическую символику (55,3%);

дискурсивную символику (25,5%);

коды визуального поведения (19,0%).

Кроме того, выделена субсфера-источник «Милитаризм» (13,3%), субсфера-источник «Политический деятель» (12,9%), субсфера-источник «Политические объединения и шествия» (10,3%).

Необходимо отметить, что популярность субсферы «Политическая символика» обусловлена спецификой символов, в которых лаконично, но с высокой степенью информативности закодирована важная для националистических объединений информация.

Максимальная частотность субсферы-источника «Политическая символика» обусловлена, во-первых, включенностью националистического дискурса в дискурс политический. Во-вторых, современные националистические объединения базируются на идеологии национал-социалистической рабочей партии Германии, поэтому зачастую происходит трансляция символики Третьего рейха. В-третьих, в современной России появилось множество иных националистических объединений, с оригинальной символикой. В-четвертых, националистически настроенные объединения часто используют символику разных государств, которая в том или ином контексте либо становится объектом агрессии, либо является символом «СВОИХ».

Следующая крупная сфера-источник – «Культура» (15,7%). Она представлена такими субсферами культурного знания, как: субсфера-источник «Мультипликация» (37,0%), субсфера-источник «Интернет» (20,5%), субсфера-источник «Кино» (12,0%), субсфера-источник «Литература» (10,3%), субсфера-источник «Религия» (10,0%), субсфера-источник «Реклама» (5,1%), субсфера-источник «Эстрада» (5,1%).

Популярность субсферы «Мультипликация» обусловлена известностью героев мультсериалов и симпатией к ним. Кроме того, актуализация мультгероев – это «ключ к сердцу» современной молодежи. Образ симпатичных многим, добрых, отзывчивых, отважных и справедливых героев мультфильмов не может не вызывать положительных эмоций и не привлечь внимание адресатов.

Анализ сферы-источника «Культура» показал разные по частотности субсферы-источники, которые актуализируют националистические объединения, создавая пропагандистские материалы.

Сферы-источники «История и политика» и «Культура» являются основными, известными массовому адресату и используются, в первую очередь, с целью агитации и пропаганды националистических идей. Соотношение вербального и визуального рядов в креолизованных текстах националистического дискурса варьируется в зависимости от общей цели конкретного сообщения.

Усиливая прагматический потенциал создаваемых в националистических организациях креолизованных текстов, авторы прибегают к приему нанизывания, наслаивания прецедентных визуальных образов и прецедентных феноменов. Это своеобразная конвергенция, способствующая активизации нескольких видов фоновых знаний потенциального адресата.

Данная особенность функционирования прецедентных феноменов в националистическом дискурсе объясняется стремлением авторов к созданию эмоционально насыщенных КТ, обладающих высокой степенью эмоциональности и прагматической направленности. Комбинирование как визуальных, так и вербальных прецедентных феноменов позволяет наиболее емко выражать семантику националистической идеологии. Визуальные и вербальные компоненты находятся в отношениях взаимовлияния, дополняя, усиливая воздействующий эффект друг друга.

Нами были выявлены следующие модели полипрецедентности:

Модель 1 **(87,1%):** использование двух и более ПФ с одной и той же сферой-источником, при этом возможно сочетание прецедентных феноменов как с одной субсферой-источником, так и с разными.

Модель 2 **(12,9%):** использование двух и более ПФ, которые относятся к разным ментальным сферам-источникам.

Анализ полипрецедентного материала позволяет сделать следующие выводы: креолизованные тексты, созданные националистическими организациями, часто имеют полипрецедентный характер, что обусловлено стремлением авторов к усилению прагматического потенциала распространяемого материала. Наиболее распространенной субсферой-источником, которая активно взаимодействует с другими субсферами, является «Политическая символика». В-первую очередь, это символика, отсылающая адресата к символам Третьего рейха, идеологические предпочтения которого заимствуются и поддерживаются современными российскими националистическими объединениями. Выражение националистических настроений через иные субсферы-источники, далекие от данной идеологии, возможно в случае использования их в националистическом контексте. В свою очередь националистический контекст является перспективным направлением настоящего исследования.

Литература

Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург, 2013.

Зенкова А.Ю. Визуальные исследования как интегральная область социально-гуманитарного знания // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2004. № 5.

Корда О.А. Креолизованный текст в современных печатных СМИ: структурно-функциональные характеристики. Екатеринбург, 2013.

M.R. Babikova (Ekaterinburg, Russia)
Ural State Pedagogical University

VERBAL-ICONIC PRECEDENT IN NATIONALIST DISCOURSE (STATISTICAL ANALYSIS)

The modern nationalist discourse is oversaturated with verbal-visual (in various terminology – creolized, multicode) texts that fully comply with the requirements of modern youth – provide information in a “simplified” form, on the other hand, which are a serious propaganda tool. This study presents the results of statistical processing of verbal-visual precedent phenomena appearing in the nationalist discourse, revealed in the analysis of 2000 units of creolized texts.

Keywords: precedent phenomena, nationalist discourse, statistical analysis, creolized text.

Л.А. Борботько *(Москва, Россия)*
Московский городской университет
ludmilaborbotko@gmail.com

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕАТРА КАК КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА

Театр представляет собой один из древнейших и, в то же время, не теряющих своей актуальности видов коммуникативной деятельности человека. Будучи репрезентантом результатов процессов концептуализации и категоризации окружающей действительности, театр воздействует на зрителя посредством системы художественных образов. При этом реализуется ряд функций, обусловливающих потенциал театра как когнитивно-дискурсивного объекта культуры.

Ключевые слова: театр, театральный дискурс, функции театра, институциональность, конвенциональность, ритуализованность.

Современная лингвистическая наука, действуя в рамках лингвокогнитивной парадигмы, стремится подвергнуть объекты окружающей действительности категоризации и концептуализации, что становится возможным именно благодаря когнитивному подходу.

Театральный дискурс как знаковая система, существующая и реализуемая в рамках социального института культуры, будучи рассматриваемым с линг-

во-когнитивных позиций, представляет собой «образец эмерджентного образования» [Кубрякова 2004: 517], вид синергетического искусства и вместе с тем коммуникативную ситуацию в естественном языке. Ключевой особенностью театрального дискурса является наличие у последнего свойств коммуникативного пространства, «в рамках которого осуществляется опосредованное общение автора пьесы и зрителя в зале, где медиатором выступают режиссер-постановщик и актеры, играющие на сцене» [Zheltukhinaetal 2017: 85]. Основополагающей характеристикой и одновременно целью данного вида дискурса представляется максимальное воздействие на потенциального зрителя, присутствие которого обязательно для непосредственной реализации театрального дискурса.

Помимо диалогичности театральный дискурс институционален (реализуется в рамках общественного института или совокупности легитимных институтов, регулирующих социальные отношения на основе этических и других норм [Гусейнова 2010]), ритуализован (предполагает наличие пространственно-темпоральных рамок, внутри которых профессиональное сообщество вовлекает зрительскую аудиторию в коммуникативную практику особого формата), а, соответственно, конвенционален (реплики, прописанные драматургом, произносятся актерами в конкретных обстоятельствах, с учетом экстралингвистических факторов) и регламентирован конкретными условиями воплощения.

Обозначенные категориальные признаки театрального дискурса наряду с синтетичностью последнего позволяют реализовывать его функциональный потенциал, в частности, функцию аккультурации зрительской аудитории. Помимо названной выделяются такие функции театра, как коммуникативная, развлекательная, ценностно-ориентирующая, нормативная, регулятивная, познавательная, творческая, социокультурная, образовательная, воспитательная, развивающая, эстетическая и др., которые осуществляются посредством воздействия на зрителя через систему художественных образов. Справедливо отметить, что качественное изменение взглядов адресата (зрителя) обусловлено решением общественно-воспитательной задачи театра. Тем не менее, воспитательная функция наравне с регулятивной нарушается, если театральный текст, произносимый актерами со сцены, содержит ненормативную лексику. Следовательно, в подобной ситуации можно свидетельствовать о неисполнении современным театром некоторых своих функций.

В то же время, изменение формата театрального представления также вносит определенные коррективы в реализацию регулятивной функции театра. Постановка все чаще тождественна перформативному акту, являющемуся автореферентным, формирующим действительность и, в некоторой степени, нарушающим целостность авторской (драматург, режиссер-постановщик) идеи [Фишер-Лихте 2015]. При этом, в силу онтологичности театральной постановки, которая возникает в результате взаимодействия театрального коллектива и зрителей в режиме on-line, данное коммуникативное действие является «расконсервированным» [Касавин 2006: 13-15], будучи ресурсом для формирования последующих дискурсов. Последнее представляет собой пример реализации коммуникативной функции театра как основания и результата интертекстуальной деятельности – «коммуникации» с другими постановками и сюжетами.

Далее рассмотрим некоторых из функций театра подробнее. Ключевой была и остается познавательная функция, предполагающая не только передачу информации от автора (драматурга) при посредничестве режиссера-постановщика и труппы зрительской аудитории, но и стимулирующая анализ, структурирование и категоризацию увиденного.

Не менее значимой особенно на сегодняшний день в эпоху доминирования массовой культуры, стержнем которой является «установка на развлекательность, на получение удовольствия здесь и сейчас» [Карасик 2013: 42], выступает развлекательная функция. При этом театр, принадлежащий сфере дивертисмента, отражает системное снижение речевых регистров, примитивизацию понятий, возрастание игрового компонента, обусловленное карнавализацией или относительностью систем ценностей в рамках массовой культуры.

Тем не менее, парадоксальность вопроса заключается в том, что театральный дискурс, несмотря на подверженность влиянию времени, стремление привлечь массового зрителя и, безусловно, маркетинговую составляющую, не теряет своего исконного предназначения – пропагандировать идеалы, воспитывать художественный вкус, открывать новые эстетические и нравственные ценности. Зритель, пришедший на спектакль и захваченный происходящим в сценическом пространстве, изменяет свои привычные взгляды, по-другому осознает категории окружающей действительности. Обозначенная выше «расконсервированность» спектакля влечет за собой вторичное понимание увиденного, переоценку ценностей, поскольку театральные тексты не могут считаться пассивными хранилищами константной информации, поскольку смыслы в памяти культуры не «хранятся», а растут [Лотман 1993].

Аксиологическая составляющая театра наиболее релевантна для современного общества в эпоху рекуррентных изменений: девальвация и деградация ценностей, «приоритет креативности и инноваций, что приводит к рассмотрению общества как зрелищного явления (образ общества как спектакля)» [Викулова 2011: 198]. Таким образом, реализуя функцию ценностного ориентира, театр стимулирует индивидуальную и общесоциальную рефлексию «критического, ретроспективного и проспективного характера, предметом которой является выявление и формулирование проблем, оценка состояния и динамики центральных аксиологических сущностей» [Там же: 196].

Актуализация ценностных смыслов невозможна без экспрессивного и эвокативного использования языка. Последнее предполагает непосредственное воздействие на зрительскую аудиторию, формирование / изменение эмоционального состояния, побуждение к действию или, наоборот, умиротворение. Определяющим является именно обращение к эмоции каждого отдельного зрителя, составляющего коллективного адресата. Эвокативная (творческая) функция театра предполагает, что «зрителю нужно “подключать” воображение, чтобы декодировать, расшифровывать режиссерские и актерские “послания”» [Овсянникова 2018: 198-199]. Подобные действия со стороны театральной труппы имеют фасцинирующий характер, провоцирующий эмоциональное переживание, что способствует не просто пониманию информативной составляющей, но полной эмпатии происхо-

дящего, ощущению магии театра. Примером фасцинативных техник является умышленно интонированная или, наоборот, монотонная речь, речитатив, декламация, пение, инструментальная музыка и пр. Так, особенностью пьесы «Рок-н-ролл» Т. Стоппарда представляется музыкальное сопровождение спектакля, продуманное драматургом и включенное в печатный вариант пьесы в виде строгого хронометража, определенного автором в примечании (Author's Notes): *"It* is not that the songs between the scenes be played complete, but as fragments (thirty to sixty seconds) breaking off arbitrarily when the next scene is ready to go" [Stoppard 2006: xxi]. Музыкальные произведения не только выполняют прагматическую функцию, отвлекая внимание зрителей во время смены сцен (blackouts), но и обладают символическим значением, отражая настроения действующих лиц, а также являясь интродукцией перед появлением того или иного персонажа (композиция I'll Be Your Baby Tonight Боба Дилана звучит как вступление к нежной сцене Макса и его жены Элеанор, рядом с которой взрывной и импульсивный Макс кардинально меняется).

Если в примере выше фасцинативные техники, реализующие эвокативную функцию театра, предусмотрены драматургом и в процессе имплицитны для зрителя, который увлечен организованной подобным образом игрой актеров, спектакль по пьесе Д. Быкова «Золушка» эксплицирует авторские задумки посредством также авторского метатекста, который, что подчеркивает уникальность действа, наоборот, зачитывается наравне с персонажным текстом и дополняется музыкальными номерами.

Таким образом, функциональный потенциал театрального дискурса как комплексного коммуникативного акта, нацеленного на передачу информационного сообщения, его интерпретацию, а также на вовлечение зрителей в определенную деятельность с последующей ее регуляцией, реализуется в атмосфере взаимодействия и соучастия профессионального театрального сообщества и аудитории. Функции театра (коммуникативная, познавательная, регулятивная, эстетическая, аксиологическая, эвокативная и др.) способствуют порождению новых культурных смыслов и ценностей каждым участником действия как homo lingualis [Zheltukhina et al 2016: 10413].

Литература

Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф., Кулагина О.А. Семиометрия рефлексии о ценностях современного общества // Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов: коллективная монография. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. С. 196-231.

Гусейнова И.А. Коммуникативно-прагматические основания жанровой системы в маркетинговом дискурсе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010.

Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013.

Касавин И.Т. Дискурс-анализ как междисциплинарный метод гуманитарных наук // Эпистемология & Философия науки. 2006. Т. X. № 4. С. 13-15.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Лихте Э.-Ф. Эстетика перформативности. М.: Международное театральное агенство «Play&Play»: Издательство «Канон+», 2015.

Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры. Избранные труды: в 3 т. СПб.: Искусство-СПб, 1998.

Овсянникова А.А. Феномен эвокативности в современном театральном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 12 (805). С. 197-209.

Stoppard T. Rock'n'Roll. NewYork: Grove Press, 2006.

Zheltukhina M.R., Vikulova L.G., Serebrennikova E.F., Gerasimova S.A., Borbotko L.A. Identity as an Element of Human and Language Universes: Axiological Aspect // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. № 11 (17). P. 10413-10422.

Zheltukhina M.R., Vikulova L.G., Mikhaylova S.V., Borbotko L.A., Masalimova A.R. Communicative theatre space in the linguistic and pragmatic paradigm // XLinguae Journal. 2017. № 10 (2). P. 85-100.

L.A. Borbotko (Moscow, Russia)
Moscow City University

FUNCTIONAL POTENTIAL OF THEATRE AS A COGNITIVE, DISCOURSIVE, LINGUISTIC AND CULTURAL PHENOMENON

Theatre as one of the most ancient still relevant kind of communicative activity tends to represent the results of categorization and conceptualization processes as well as influences the audience through the intermediary of a system of artistic images. The practice implies a set of functions that determine the cognitive and discoursive potential of theatre as a unit of culture.

Key words: theatre, theatrical discourse, functions of theatre, institutiuonal nature of theatre, conventionality, ritualization.

Аманда Р. Вегнер *(Челябинск, Россия; США)*
Южно-уральский государственный университет
Amanda.reanne@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА)

Понятие «межкультурная коммуникация» традиционно относится к общению представителей разных национальных культур. Однако представители профессиональных (корпоративных) культур сталкиваются с аналогичными проблемами недопонимания в результате языковых лакун. В статье рассмотрены разновидности языковых лакун и показаны результаты на примере конкретного вида спорта (гиревой спорт).

Ключевые слова: спортивный дискурс, гиревой спорт, лингвистические лакуны, межкультурное общение, корпоративная культура.

Вслед за Е.В. Харченко мы понимаем межкультурную коммуникацию как взаимодействие представителей разных культур, не только национальных, но и корпоративных, гендерных, возрастных и т.д. [Харченко 2003].

Основной проблемой при понимании в межкультурной коммуникации, что, по словам Е.Ф. Тарасова, приводит к ее патологичности, является неконгруэнтность образов сознания, на которые опираются коммуниканты [Тарасов 1998].

Взаимодействие в спортивной среде также можно отнести к межкультурной коммуникации, поскольку коммуниканты относятся к разным субкультурам. Для нашего исследования важно выделить следующих участников взаимодействия: профан – человек, не имеющий никакого отношения к конкретному виду спорта, любитель – человек, в свободное время занимающийся каким-либо видом спорта и/или следящий за соревнованиями и новостями в данной сфере, фанат – человек, который интересуется каким-либо видом спорта или конкретным спортсменом, командой, спортсмен – человек, занимающийся и разбирающийся во всех тонкостях конкретного вида спорта, новичок – человек, который только начал заниматься, а следовательно, проходит процесс включения в спортивную культуру, тренер – человек, который, как правило, сам занимался определенным видом спорта и в настоящее время готовит спортсменов.

Можно сразу сказать, что степень сформированности системы образов, связанная со сферой спорта у всех этих условных людей, будет разная: практически нулевая у профана и максимальная у тренера, поскольку наряду со своим опытом он должен использовать дополнительную информацию для выстраивания траектории развития спортсмена.

Погружение в мир спорта может быть разным, вовлеченность в культуру определяется знанием символов, прецедентных для данной культуры имен и профессионально маркированных слов, которые в повседневном общении часто замещаются жаргонными словами.

К символике можно отнести атрибуты того или иного вида спорта (форму и снаряд), например, мяч в футболе, гиря в гиревом спорте, перчатки в боксе и т.д.

Очень интересно представлены в мире спорта имена собственные, часто среди «своих» распространены клички или варианты имени, которые неизвестны непосвященным. Так, в гиревом спорте такие имена, как *Джони, Ксюша, Настя* и такие фамилии, как *Хвостов, Меркулин, Рачинский* очень известны. Представители этой корпоративной культуры сразу же поймут, о ком идет речь.

Смоделируем, как происходит процесс понимания одной и той же фразы носителями корпоративной культуры гиревого спорта и неносителями. Для примера возьмем типичную фразу, которая характерна для диалога между спортсменами-гиревиками: *«На соревах будут только компактовские, с ними просов плохой»*. Для неносителей культуры эта фраза не несет никакой информации. В то же время носители гиревой культуры, используя предыдущий опыт и уже сформировавшиеся образы, поймут это следующим образом:

Рис 1. Схема значений предложения
с профессионально маркированными словами

При понимании текста может возникнуть опасность неправильного трактования отдельных многозначных слов, но в данном случае, как правило, понимание возникает в определенном контексте всей ситуации.

Для профессионалов у некоторых знаков (обозначающих) имеются дополнительные смыслы, которые непонятны «чужим». В гиревом спорте можно привести такие примеры, как форма для выступлений на соревнованиях (*штангетки, велики (шорты), футболка, ремень*); порядок проведения призовой церемонии, мандатной комиссии, взвешивания; книжки спортивного судьи; значки мастера спорта международного класса; фирма-производитель гирь (*Уральские гири*; *«компактовские» гири*, которые произведены компанией «Компакт»; *«советские» гири* с устаревшей формой от разных фирм и др.).

Если вернуться к нашему выше описанному примеру, то мы увидим, что схема демонстрирует лишь поверхностные значения данных профессионально маркированных слов. Эти понятия содержат более глубокие смыслы, которые отражают накопленный опыт профессиональных спортсменов и их личные предпочтения (оценку). Так, спортсмены-гиревики поразному относятся к гирям разных форм, к технике выполнения упражнений. Один из решающих факторов, определяющих личные предпочтения, – это личные физические характеристики спортсмена (длина фаланг пальцев рук, длина рук, личный вес спортсмена, наличие скелетно-мышечных травм и др.). Гири с квадратными ручками (дужками) производят разные фирмы, но определение «компактовская» стало эпонимом для всех похожих гирь с более квадратными ручками, чем у официальных гирь Всероссийской федерации гиревого спорта. С учетом этой информации приведем примерную схему понимания, которая становится еще сложнее:

Рис. 2. Схема понимания дополнительных смыслов в предложении с профессионально маркированными словами

Безусловно, схема может не отразить все дополнительные смыслы, поскольку понимание одного конкретного спортсмена может значительно

отличаться от другого в зависимости от личного опыта, сложившейся оценки и т.д. Тем не менее, мы видим, что изначальное, относительное простое предложение сразу передает эти более глубокие смыслы, если коммуниканты являются профессионалами в данном виде спорта (спортсменами, тренерами, судьями). Наоборот, в случаях, когда один из коммуникантов не носитель культуры гиревого спорта, ему требуется подробное объяснение. Начинающим спортсменам, спортсменам в других видах и всем остальным «чужим» коммуникантам с большой вероятностью нужно будет задавать уточняющие вопросы для того, чтобы «докопаться» до более глубоких смыслов и понять это предложение.

Наличие у слушающего какого-либо спортивного опыта вовсе не гарантирует, что его представления о различных терминах будут совпадать с теми, которые есть у говорящего. На примере нашей схемы слово *соревы* относится к общеспортивному сленгу, а *просов* встречается лишь в гиревом спорте.

Наоборот, *фиксация* является термином в различных видах спорта, а имеет совершенно другое значение: в борьбе – «действие борца, который удерживает соперника в определенном положении для того, чтобы судья окончательно определил и оценил прием»; в легкой атлетике (прыжках) – «принятие наиболее удобной позы для исполнения прыжка»; в тяжелой атлетике – «неподвижное положения атлета со штангой над головой на выпрямленных руках»; в пауэрлифтинге – «неподвижное положение атлета со штангой над грудью на выпрямленных руках (в жиме штанги лежа); со штангой на плечах, ноги и туловище прямые … (в приседании со штангой); со штангой в опущенных вниз руках, ноги и туловище прямые … плечи опущены и отведены назад (в становой тяге)» [Терминология спорта 2001].

Из этих определений можно понять, что в прыжке – это исходное положение, где в борьбе, тяжелой атлетике, и пауэрлифтинге – завершающее, после которого спортсмену засчитывают прием, подъем. В гиревом спорте, после фиксации судья засчитывает подъем, однако спортсмен продолжает свое выступление, так как цель спортсмена – набирать максимальное количество подъемов за период 10 минут. Более того, в упражнении *рывок*, положение «фиксация» – единственное положение, в котором спортсмен может отдохнуть перед последующим подъемом, так как сам подъем – «маятниковое», динамичное движение.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что для полноценного понимания речи спортсменов необходимо обладать определенными знаниями и желательно опытом в данном виде спорта. Поскольку информация часто передается с помощью профессионально маркированных слов, которые имеют не только общеизвестные значения, но и дополнительные смыслы, которые известны людям, включенным в корпоративную культуру.

Литература

Тарасов Е.Ф. К построению теории межкультурного общения // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998. С. 24-29.

Харченко Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении: монография. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. 336 с.

Терминология спорта. Толковый словарь спортивных терминов: около 9500 терминов / сост. Ф.П. Суслов, Д.А. Тышлер. М.: СпортАкадемПресс, 2001. 480 с.

Amanda R. Wegner (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University

ASPECTS OF INTERCULTURAL COMPREHENSION IN SPORTS DISCOURSE

The concept of intercultural communication is traditionally applied to interactions between representatives of different national cultures. However, representatives of different professional (corporate) cultures face the same communicative issues and misunderstandings due to the existence of various lacunae and knowledge gaps. The article discusses the types of lacunae that exist and presents examples from kettlebell sport.

Key words: sports discourse, kettlebell sport, language lacunae, intercultural communication, organizational culture.

Е.Е. Голубкова *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
katemg@yandex.ru
М.П. Таймур *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
mariataymour@gmail.com

ВЕРБАЛЬНО-ГРАФИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА: РЕЦЕПТЫ УСПЕШНОГО ПРИГОТОВЛЕНИЯ

В статье рассматривается проблема формирования смысла вербально-визуальной метафоры и факторы, способствующие успешности расшифровки ее замысла. Предлагается описание так называемой смешанной вербально-графической метафоры. С помощью метаязыка когнитивного анализа на материале современной социальной и коммерческой рекламы на английском языке оценивается степень когнитивного диссонанса, как правило, сопутствующего ей.

Ключевые слова: мультимодальная метафора, вербально-графическая метафора, когнитивный диссонанс, домен-источник, целевой домен.

Usually when we interpret something as a metaphor,
this something was probably meant to be construed as a metaphor
(Charles Forceville)

С развитием интернет-коммуникации, усиливающейся тенденцией визуализации информации и созданием т.н. fingered speech (языка смс-общения) парадигма исследования концептуальной метафоры значительно изменилась в направлении перефокусировки внимания исследователей на гибридизированный тип метафор, совмещающий вербальные и графические семиотические коды [Alousque 2014: 59]. Подобные метафоры полу-

чили название мультимодальных (или мультиканальных), представленных различными формами передачи информации – вербальной, визуальной, аудиальной [Forceville 2006, 2016; Gorska 2018; Lemke 2002; Parry et al. 2013; Ruiz de Mendoza 2000]. Накоплен весьма солидный опыт их анализа, в частности, на материале рекламных публикаций [Рябых 2019; Forceville 1996; Hidalgo 2011; Koller 2009; Littlemore & Author 2018; Parry et al. 2013; Perez-Sobrino 2016], анализа карикатур, комиксов и интернет-мемов [Канашина 2016; Gorska 2014, 2018], исследований co-speech gestures. Кроме того, проводились исследования мультимодальных метафор в дискурсе политических комиксов [El Refaie 2003, 2009; Yus 2009; Schilperoord & Maes 2009] и бизнес-прессы [Negro 2017; Perez Sobrino 2017]. Появился даже корпус визуальных метафор VisMet 1.0 [Bolognesi et al., 2018], включающий 350 метафорических изображений (http://www.vismet.org/VisMet/project.php).

Проведенные исследования свидетельствуют о том, что мультимодальные метафоры (зачастую наряду с метонимиями, «встроенными» в них) предъявляют к реципиенту повышенные требования по их интерпретации и характеризуются различной степенью успешности, измерить которую, однако, достаточно проблематично. Можно идти путем проведения солидного числа экспериментов над реципиентами информации или попытаться оценить понятность и однозначность мультимодальной метафоры, опираясь на аппарат когнитивного анализа. Одной из основных задач при когнитивном анализе мультимодальной метафоры является интерпретация характера взаимодействия двух или более семиотических систем при конструировании смысла такого рода мозаичных образований. Изучению механизмов формирования смысла в подобных метафорах и посвящен настоящий доклад. Отметим, что под смешанными вербально-графическими метафорами мы понимаем такие коммуникативные сообщения, в которых, во-первых, присутствуют как минимум два канала поступления информации (вербальный и статический визуальный); во-вторых, при их создании используются несколько изначально не связанных между собой исходных доменов при дальнейшем возникновении единого целевого домена. В-третьих, для расшифровки подобных метафор требуется несколько ключей (cues) и ступеней инференции в силу «плотности» передаваемой информации, «упакованной» в метафорические и метонимические образы, взаимодействующие причудливым образом друг с другом. Заметим, что термин «смешанная метафора» для данного типа метафор пока не используется некоторыми учеными, например, Форсвилл [2016a] предлагает называть подобные явления «multiple source domain metaphor», мы считаем употребление термина «мультимодальная смешанная метафора» в подобных случаях вполне правомерным.

Ч. Форсвилл отмечает, что вербально-графические метафоры требуют специального «перевода» содержания графических образов в формат концептуальной метафоры A is B. Данная процедура носит название labelling, она фактически определяет трактовку вербально-графической метафоры [Forceville 2016b]. Характер метафор, включающих в себя экстралингвистические модальности (такие, как графика, жесты, звук, запах и т.д.), отличается от вербальных. Характерная черта мультимодальных метафор – это наличие у них общей структуры при отсутствии (полном или частичном) грамматической составляющей. Относительная свобода действий порождает на уровне воспри-

ятия возможность разнообразия толкований мультимодальной метафоры и приводит к усилению когнитивного напряжения интерпретатора, называемого когнитивным диссонансом. Под когнитивным диссонансом мы понимаем, вслед за Фестингером, состояние психического дискомфорта индивида, вызванное столкновением в его сознании неких конфликтующих представлений [Фестингер 1962]. Тем не менее, мы полагаем, что, применив в отношении подобных метафор процедуры концептуального анализа в терминах теории концептуальной интеграции Фоконье и Тернера [Fauconnier & Turner 2006], возможно выработать некоторые систематизированные правила (рецепты) успешности ее «приготовления».

Необходимо заметить, что, если вербальные смешанные метафоры часто являются спонтанным выражением креативности автора высказывания или случайной оговоркой [Forceville 2008], то содержание мультимодальных метафор, как правило, тщательно продумано и рассчитано на определенную целевую аудиторию, способную воспринять заложенную автором идею. Возможным объяснением этой отличительной черты может быть то, что первые чаще всего возникают в разговорной речи и зачастую действительно являются оговорками (ср. rocket surgery), в то время как вторые обычно являются «продуктом» работы профессионалов, например, маркетологов.

В данном сообщении мы рассмотрим два примера вербально-графических метафор в современной социальной и коммерческой рекламе на английском языке. Особенностью таких сообщений, помимо их вербально-графической формы, аккумулирующей два (и более) домена-источника, является их свойство вызывать у реципиента когнитивный диссонанс различных уровней. Если диссонанс оперативно преодолен, и заложенное в смешанной метафоре сообщение понятно адресату, она может считаться удачной. Если же уровень возникшего при столкновении с вербально-графической метафорой когнитивного диссонанса оказывается слишком высок, метафора может считаться неудачной. Необходимо заметить, что восприятие данного феномена зависит от многих факторов (уровень культуры, образования и фоновых знаний реципиента, возраст, гендер, профессия и т.д.). Оговоримся, что наше исследование на данном этапе не предполагало проведения эксперимента с испытуемыми, нацеленного на выявление степени диссонансности послания. Мы попытаемся обосновать оценку степени диссонанса исключительно с помощью метаязыка когнитивного анализа.

Рис. 1

На рисунке 1 изображена социальная реклама для автомобилистов, графическая часть которой комбинирует в себе два домена – мозг (человек) и автомобильная коробка передач (автомобиль). Идентификация этих доменов требует наличия у реципиента определенных фоновых знаний: не все могут распознать на рисунке схематическое изображение коробки передач (больше напоминающей коробку передач промышленного седельного тягача, а не легкового гражданского транспортного средства) и изображение человеческого мозга одновременно. Третий составляющий элемент, подпись “drive responsibly”, помогает большинству реципиентов расшифровать значение целевого домена: водитель должен использовать свою способность здраво мыслить во время вождения автомобиля. Возникновению когнитивного диссонанса здесь также может способствовать метонимия, используемая в данной мультимодальной метафоре: ручка коробки передач, символизирующая автомобиль и его вождение, и изображение мозга как символа человека и его способности принимать разумные решения на дороге. Высокая степень креативности, однако, заставляет реципиента не только задуматься над смыслом социальной рекламы, но и надолго ее запомнить.

Фактором, усиливающим когнитивный диссонанс при восприятии смешанной мультимодальной метафоры, оказывается слишком большой объем фоновых знаний, требуемый от реципиента. Реклама на рисунке 2 (https://www.reddit.com/r/AdPorn/comments/3shels/2011_avia_motor_oil_makes_your_horses_purr_ad/) может служить примером таких метафор.

Рис. 2

Изображение пластиковой бутылки в правом нижнем углу изображения и фраза “Advanced synthetic motor oil by Avia” указывают на рекламируемый продукт (машинное масло) и бренд (Avia). Однако остается непонятным изображение лошади в нехарактерной позе в центре рисунка. Для понимания реципиентом смысла изображения животного, необходимо использование фонового знания о том, что мощность двигателя автомобиля измеряется в лошадиных силах. Метонимическая цепочка теперь становится узнаваемой: моторное масло (помогает функционированию мотора) – моторы (чья мощность измеряется в лошадиных силах) – лошадь. Однако лошадь изображается в необычной позе

(облизывает копыто), что более характерно для кошек, и это свидетельствует о наличии еще одной метафоры: лошадь – это кот (что Форсвиль называет “bad similarity” [2008: 15]). Прийти к этому выводу реципиенту помогает вторая вербальная часть рекламы “makes your horse purr”. Звук “purr” (мурчать) характерен исключительно для котов, к тому же, для довольных котов. То есть данная смешанная метафора может быть истолкована следующим образом: «Мотор Вашего автомобиля при использовании упомянутого моторного масла будет отлично и весело работать, урча как счастливая кошка». Повышению уровня когнитивного диссонанса способствуют усложненные инференции: лошадь – сила мотора, лошадь (мотор) мурчит подобно кошке. Также очевидно, что для представителей культур, где коты – это, прежде всего, охотники на мышей, данный тип метафор вызывает гораздо бо**л**ьшие трудности для восприятия, чем для представителей культур, где кошка ассоциируется в первую очередь с домашним животным.

Таким образом, удачная, «бездиссонансная» вербально-визуальная метафора требует согласования вербального и визуального компонентов на всех ступенях ее конструирования: ключи к дешифровке должны быть однозначными, гештальтное сходство объектов (изображений) узнаваемо и прототипично для данной лингвокультуры, объем фоновых знаний не должен превышать порога допустимости для неспециалиста в данной области. Отметим также, что метафора в рекламе достаточно контекстуальна и направлена на целевую аудиторию, подобно кулинарному блюду, предназначенному не для каждого едока.

Литература

Голубкова Е.Е., Таймур М.П. Факторы преодоления когнитивного диссонанса в смешанных метафорах (на материале английского языка) // Когнитивные исследования языка. 2019. № 36. С. 147-154.

Канашина С.В. Интернет-мем как новый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. М.: МГЛУ, 2016. 265 с.

Рябых Е.Б. К вопросу о мультимодальной метафоре (на примере социальной рекламы) // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. 38. С. 162-169.

Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса / пер. А. Анистратенко, И. Знаешева. СПб.: Ювента, 1999. 319 с.

Alousque Negro I. Pictorial and verbo-pictorial metaphor in Spanish political cartooning. // Círculo de Lingüística Aplicada a la Comunicación. Spain: Universidad Complutense de Madrid, 2014. P. 59-84.

Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: conceptual integration networks // Cognitive linguistics: basic readings / edited by D. Geeraerts. Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. P. 303-371.

Forceville C. Mixing in pictorial and multimodal metaphors? // Raymond W.Gibbs, Jr. (ed.), Mixing Metaphors / edited by Raymond W. Gibbs Jr. Amsterdam: John Benjamins, 2016a. P. 223-239.

Forceville C. Visual and multimodal metaphor in film: charting the field // Embodied Metaphors in Film, Television and Video games: Cognitive Approaches / edited by K. Falenbrach. London: Routledge, 2016b. P. 17-32.

Forceville C. Visual and multimodal metaphor in advertising: cultural perspectives // Styles of communication. Amsterdam, 2017. № 9 (2). P. 26-41.

E.E. Golubkova (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University
M.P. Taymour (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

COGNITIVE SPECIFICITIES OF MIXED MULTIMODAL METAPHORS: THE RECIPE FOR COOKING

The article looks into the issue of making verbal-visual metaphors and tries to elicit factors contributing to its unambiguous understanding by the recipients. The authors argue the existence of mixed verbal-visual metaphor and make an attempt to evaluate the level of cognitive dissonance which impedes the process of decoding such metaphors in social and commercial ads or makes it more or less digestible.

Key words: multimodal metaphor, verbal-visual metaphor, cognitive dissonance, source domain, target domain.

А.В. Дымова *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
dym.alyona@yandex.ru

МЕТАФОРЫ КОСМОСА В ЯПОНСКОМ РОК-ДИСКУРСЕ (ИКОНИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ)

В данной статье освещается вопрос актуализации метафор космоса в японском рок-дискурсе на материале иконического уровня (обложка рок-альбома). Автор рассматривает типичные образы в основе космических метафор для данной лингвокультуры: *planets, stars, astronauts*.

Ключевые слова: метафора, дискурс, космос, Япония, рок, креолизованный текст.

Настоящая статья посвящена анализу типичных метафор космоса в японском рок-дискурсе на иконическом уровне (обложка рок-альбома). Таким образом, цель заключается в том, чтобы установить и описать те образы космических метафор, которые могут быть определены как характерные и актуальные для иконического уровня японского рок-дискурса.

Наш интерес к изучению сущности именно космических метафор в контексте японской лингвокультуры обусловлен богатой историей участия этой страны в проектах по космическому исследованию. Собственно актуальность метафор космоса для японской лингвокультуры, очевидно, обусловлена как технологичностью Японии, так и званием «космической державы» [Железняков, Кораблев 2015: 200] и масштабами космической деятельности этой стра-

ны. Более того, для многих культур существует корреляция между человеком и космосом, определенная «архетипическими истоками» [Горнова, Максименко 2010: 265].

Ключевыми методами данного исследования являются когнитивно-дискурсивный и контекстуальный анализ, позволяющие обратиться к анализу метафор в их сопряженности с японской лингвокультурой. Материалом для исследования послужил иконический уровень японского рок-дискурса, а именно 150 креолизованных рок-текстов (обложек альбомов) жанра J-rock. К данному музыкальному направлению, появившемуся в 1980-х гг., относятся «метал, панк-рок и … visual kei» [Юноки-Оиэ 2019: 286-287].

Исследование показало наличие трех нижеследующих доминантных образов, задействованных в метафорах космоса в японском рок-дискурсе: *planets, stars, astronauts.*

PLANETS

Наиболее типичным образом в данной категории является изображение планеты Земля (см. рис. 1–2). Примечательно, что данный образ, как правило, задействован на фоне (рис. 2), либо обладает небольшим размером (рис. 1) в рамках масштаба иллюстрации.

Так, к примеру, в контексте рисунка 1 мы видим изображение нашей планеты, соединенной с цветком при помощи стебля в форме скрипичного ключа. Подобная связь объектов, очевидно, сообщает нам о взаимосвязи музыки и процветания. Об этом также говорится на вербальном уровне композиции:

(1) Oh Baby 通り雨が上がったら/ 鼻歌でも歌って歩こう/ この醜くも美しい世界で (‘It’s a Wonderful World’ Mr. Children, 2002)

Рис. 1. Mr. Children *It's a Wonderful World*, Studio Album, 2002

Рис. 2. The Back Horn 人間プログラム, Studio Album, 2001

Автор (1) предлагает продолжать петь «в этом прекрасном, но ужасном мире», игнорируя дождь / ненастье.

Рисунок 2, в свою очередь, представлен не только изображением планеты, но и песочных часов, заполненных людьми, «стекающими» по стенкам часов в некий город. В данной связи примечательно заглавие композиции (см. 人間プログラム, т.е. «человеческая программа», «программа человечества»). Так, программа заключается в том, что люди приходят на землю, вероятно, из космоса, со временем создавая и населяя города.

STARS

Образ звезд присутствует преимущественно в двух ипостасях на иконическом уровне японского рок-дискурса: акцент на одну какую-либо

звезду (рис. 3), либо дистанцированное изображение скопления звезд (рис. 4).

Следует обратиться к заглавию композиции в рамках анализа рисунка 3, которое сообщает слушателю о том, что для создания чего-либо нового необходимо что-то сломать / уничтожить (см. *The One: Crash to Create*). Подобная идея дублируется и на вербальном уровне:

(2) その光は　消えては灯された　その新たな　時に命かけた… (‘The One: Crash to Create’ Luna Sea, 2012)

Рис. 3. Luna Sea *The One: Crash to Create*, Single, 2012

Рис. 4. Bump of Chicken *Aurora Arc*, Studio Album, 2019

Контекст (2) повествует о необходимости какого-то качественного изменения для перемен, о том, что «свет погас и зажегся, командуя новым временем». Все это сравнимо с жизненным циклом звезды.

Рисунок 4, озаглавленный «дуга северного сияния» (см. *Aurora Arc*), иллюстрирует звездное небо в сочетании с этим самым северным сиянием. Как и в предыдущем случае, звезды сопровождают некое изменение в жизни рок-героя:

(3) 解き放て あなたの声で 光る羽根与えた思いを/ その足が向かうべき先へ そうしなきゃ見えなかった未来へ (‘Aurora’ Bump of Chicken, 2019)

Так, контекст (3) предлагает «дать волю собственному голосу в лучах северного сияния («в перьях света»), чтобы устремиться к ранее неизвестному будущему.

ASTRONAUTS

Примечательно, что образ космонавта представлен на иконическом уровне японского рок-дискурса как в женском (рис. 5), так и мужском (рис. 6) вариантах. В каждом из случаев они характеризуются наличием каких-либо деталей, несвойственных астронавтам в реальности.

Рис. 5. Asian Kung-Fu Generation *Landmark*, Studio Album, 2012

Рис. 6. Nothing's Carved in Stone *Revolt*, Studio Album, 2013

К примеру, рисунок 5 предлагает изображение женщины-космонавта, вероятно, на Луне. Однако у нее классическая женская прическа, украшенная диском и латиницей, а на плече у нее попугай. В данном случае важен комментарий собственно рок-исполнителя: «альбом посвящен нынешнему состоянию Японии, после инцидента в 2011 [Фукусима]» (*перевод мой*. – А.Д. – [Koffel 2018]). Следовательно, изображение женщины-космонавта в классическом убранстве может символизировать саму Японию и те изменения (положительные и не очень), которые с ней происходят.

Подобная ситуация представлена на рисунке 6, на котором изображен космонавт, находящийся явно за пределами планеты Земля (см. отражение в шлеме скафандра, цвет неба и т.д.). Об изменениях, которые символизирует космонавт, свидетельствует как его снаряжение (см. неизвестные приспособления, прикрепленные к шлему), так и заглавие альбома «бунт / восстание» (см. *Revolt*).

Подводя итог данному исследованию, мы можем сделать следующие выводы:

– ключевыми образами метафор космоса на иконическом уровне японского рок-дискурса могут быть названы: *planets, stars, astronauts*;

– значимость метафор космоса для лингвокультуры Японии может быть определена как благодаря технологическому развитию этой страны на сегодняшний день, так и архетипам;

– образ планет, как правило, связан с идеей созидания, т.к. включение его в метафоры космоса в японском рок-дискурсе подразумевает создание, улучшение, исправление чего-либо;

– образ звезд символизирует в японских метафорах космоса некое изменение, возможное через уничтожение и восстановление чего-либо;

– образ астронавта также сопряжен с идеей изменения, но в отличие от предыдущего образа характеризует не процесс, а его качество.

Литература

Горнова Г.В., Максименко Л.А. Космос в зеркале города // Преподаватель XXI век. 2010. № 2. С. 257-265.

Железняков А.Б., Кораблев В.В. Освоение космоса Японией // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 2015. № 2. С. 197-207.

Юноки-Оиэ К. Рок-музыка в японском аниме и ее интерпретация в России // Проблемы медиакультуры. 2019. № 3. С. 272-299.

Koffel L. Interview Asian Kung-Fu Generation. – URL: https://www.coyotemag.fr/en/interview-asian-kung-fu-generation-2/ (accessed: 07.01.2020).

A.V. Dymova *(Ekaterinburg, Russia)*
Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

SPACE METAPHORS IN JAPANESE ROCK-DISCOURSE (ICONIC LEVEL)

The article in question highlights the issue of the actualization of space metaphors in Japanese rock-discourse based on the material of the iconic level (covers of rock albums). The author considers three typical images based on space metaphors for the given linguoculture, which are: *planets, stars, astronauts*.

Key words: metaphor, discourse, space, Japan, rock, creolized text.

А.И. Золотайко *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский юридический институт МВД России
liani@list.ru
Е.А. Нахимова *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский государственный педагогический университет
v.nakhimova@yandex.com

ПОЛИТИКА ТЕРЕЗЫ МЭЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПОЛИЦИИ В ЗЕРКАЛЕ ВЕРБАЛЬНОЙ И ВИЗУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ

Статья посвящена специфике репрезентации политической деятельности бывшего премьер-министра Великобритании Терезы Мэй в отношении правоохранительных органов страны посредством вербальных и визуальных метафор. Использованы материалы британского неинституционального полицейского интернет-дискурса.

Ключевые слова: интернет-дискурс, неинституциональный полицейский дискурс, креолизованный текст, Тереза Мэй, метафоризация, полиция Великобритании.

Исследование образа деятелей на современной мировой политической арене представляет широкое поле для лингвистического анализа [Гайдаренко 2016; Денисов 2009; Евдокименко, Храброва 2015; Катермина, Вульфович 2019; Пронина 2014; Чижик 2015 и др.]. Цель настоящей статьи заключается в выявлении специфических черт репрезентации предпринимаемых официальным лицом государства действий в отношении полиции на невербальном уровне текста. Актуальность рассматриваемого вопроса обусловливается тем влиянием, что оказывают отношения института полиции с политическим руководством страны на благосостояние как самих сотрудников и представителей правительства, так и на все общество в целом. Методом сплошной выборки было отобрано 54 графических файла, иллюстрирующих политику бывшего премьер-министра Великобритании Терезы Мэй в отношении полиции в период с 2016 по 2019 гг. Исследование проводится посредством когнитивно-дискурсивного анализа метафор в рамках неинституционального полицейского интернет-дискурса на основе креолизованных текстов.

Необходимо отметить, что среди рассматриваемых источников встречаются не только работы профессиональных художников, но и коллажи и изображения, созданные обычными пользователями сети с помощью всевозможных графических редакторов. Отобранные примеры содержат метафоры, в которых вербальный и невербальный компоненты, согласно типологии, предложенной М.Б. Ворошиловой, вступают в различного рода отношения: оппозитивные,

поддерживающие, параллельные, интерпретативные и др. [Ворошилова 2013: 35-37].

Основным стимулом к созданию сатирических сюжетов с участием британской полиции и бывшего лидера Консервативной партии страны стало сокращение социальных выплат сотрудникам правоохранительных органов. Около 80% финансирования полиции поступает из гранта центрального правительства. По данным полиции Большого Манчестера, с 2010 года правительство сократило эту сумму на 250 миллионов фунтов стерлингов, что привело к потере 2000 полицейских и 1000 сотрудников, не связанных с правоохраной [The Guardian 2019]. Данные, представляемые ежегодно на официальном сайте Министерства Внутренних Дел Великобритании, демонстрируют беспрецедентное количество отставок и протестов среди констеблей с 2010 года по настоящее время.

Возмущение подкреплялось необходимостью увеличения длительности смен полицейских для срочной замены освободившихся вакансий на фоне всплеска преступлений с применением холодного оружия (чаще всего ножей). Противоречивость предпринятых мер иллюстрирует рисунок 1, на котором Тереза Мэй ведет разъяснительную беседу с сотрудником полиции: *«Наши отважные полицейские бросаются на встречу опасности… Вы рискуете жизнями для защиты общества… Перед лицом терроризма, жестокости и все более изощренной преступности… Разумеется, деньги для вас – это наименьший повод для беспокойства!»*.

Рис. 1

Среди обнаруженных контекстов наиболее частотны изображения (28 шт.), транслирующие образы жестокости и неправомерности политики премьер-министра (рис. 2–4) посредством цветового решения (резкий контраст и обилие красного как ассоциативного воплощения агрессии), оружия (нож, топор, пистолет, пила и др.). В большинстве своем вербальный компонент на представленных примерах вступает в отношения дополняющей корреляции. ***Тереза Мэй*** в метафорическом воплощении предстает как ***убийца, мучитель***, а ***полиция Великобритании*** – как ***жертва*** ее опасных манипуляций.

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Увеличение количества покинувших службу сотрудников нашло отражение и в милитарных образах (11 шт.), на которых бывший премьер-министр верхом на танке разбрасывает листовки с надписью «P45» (рис. 5). В Соединенном Королевстве данный ссылочный код подразумевает форму под названием «Сведения о сотруднике, уволившемся в работы». Таким образом, на представленном изображении ***правоохранительные органы*** предстают как ***беспомощная организация***, неспособная противостоять натиску социальной политики Мэй. Танк транслирует прагматические смыслы ***грубой, неудержимой силы, отсутствия препятствий, безразличия***.

Рис. 5

Рис. 6

Фатальность и необратимость предпринимаемых мер в отношении полиции Великобритании выражается в креолизованных милитарных метафорах со сферой-источником «разрушение» (рис. 6). Институт полиции в виде очертаний некоего здания объят пламенем как символом стремительных перемен к худшему, ведущих к полному уничтожению организации в образе ***пепелища, обугленных останков***. В центре изображения восседает глава Консервативной партии и с печальным выражением на лице исполняет похоронный марш.

Среди множества остроумных саркастичных сюжетов (15 шт) также обнаруживаются работы непрофессионалов с выраженным юмористическим и ироничным подтекстом. Высмеивается недальновидность и необдуманность действий Терезы Мэй в отношении британской правоохраны. Так, на рисунке 7 наблюдается яркий пример дополняющей корреляции между вербальным и невербальным компонентами текста: текстовый фрагмент выполняет функцию пресуппозиции, а прилагаемое ниже изображение является необходимым для адекватного и целостного восприятия юмористически окрашенной семантики фрагмента.

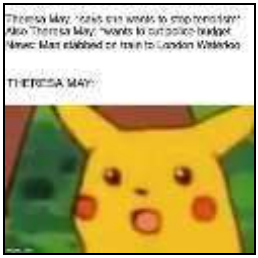


Рис. 7

Рис. 8

Бывший глава Скотланд Ярда, Лорд Стивенс, в интервью газеты The Telegraph вину за возникновение небывалой напряженности между полицией страны и правительством возложил на Терезу Мэй, заявив, что «с ее уходом с поста премьер-министра закончились темные времена для правоохраны в Великобритании» [The Telegraph 2019]. Попытки восстановить утраченное доверие воспринимаются как тщетная борьба с конкурентами за власть. Как изображено на рисунке 8 полиция Соединенного Королевства в результате политических интриг оказывается в «подвешенном» состоянии, в растерянности и с острой необходимостью помощи («подкрепления»).

Исследование креолизации политики Терезы Мэй в отношении полиции страны позволило выявить ряд специфических черт репрезентации ее образа как политика, а также британских правоохранительных органов. Бывший премьер-министр изображается в качестве *агрессора, беспринципного манипулятора, неудержимой силы, несостоятельного политика и стратега*. Примечательно, что на всех сюжетах акцентируется наличие пары леопардовых туфель, как неотъемлемого атрибута и символа сомнительного вкуса. Полиция в обнаруженных контекстах предстает в качестве *жертвы, беспомощного и наивного сотрудника*, вынужденного подчиняться указам правительства даже в ущерб собственным интересам и благополучию. Метафоризация в представленных примерах основана на переносе из исходных понятийных сфер «агрессия» и «разрушение», изображения обладают негативной коннотацией в сочетании с иронией и юмором.

Литература

Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. 3 изд. Екатеринбург, 2013. 194 с.

Dearden L. Theresa May must take responsibility for ‘unforgivable’ cuts amid rise in knife crime, Police Federation chair says // Independent.co.uk. URL: https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/theresa-may-knife-crime-austerity-police-federation-stabbings-a8849486.html (accessed: 02.12.2019).

Evans M. Theresa May was the ‘most disastrous’ Home Secretary and Prime Minister for policing, says former Met chief // The Telegraph. URL: https://www.telegraph.co.uk/news/2019/07/05/theresa-may-disastrous-home-secretary-prime-minister-policing/ (accessed: 07.12.2019).

Weaver M. No link between knife crime and police cuts, says Theresa May // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/uk-news/2019/mar/04/no-link-between-knife-and-police-cuts-says-theresa-may (accessed: 05.12.2019).

A.I. Zolotaiko (Ekaterinburg, Russia)
Ural Law Institute of the Internal Affairs of the Russian Federation
E.A. Nakhimova (Ekaterinburg, Russia)
Ural State Pedagogical University

TERESA MAY'S POLICY ON POLICE IN THE MIRROR OF VERBAL AND VISUAL METAPHOR

The article is devoted to the specifics of the representation of the political activities of former British Prime Minister Theresa May in relation to the law enforcement agencies of the country through verbal and visual metaphors. The materials of the British non-institutional police Internet discourse are used.

Key words: Internet discourse, non-institutional police discourse, creolized text, Theresa May, metaphorization, British police.

В.В. Катермина *(Краснодар, Россия)*
Кубанский государственный университет
veronika.katermina@yandex.ru

МАСКУЛИННЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются когнитивно-дискурсивные особенности маскулинных неологизмов в англоязычном дискурсе. Проведенный анализ данных электронных словарей неологизмов позволил выявить неологизмы, связанные с неоднозначной ролью мужчины в семье, его отношением к внешности, аксессуарам, а также новые слова, номинирующие эксклюзивные мужские журналы, жанры литературы и мужской язык. Все эти тенденции отражают особую роль мужчины в современном англоязычном обществе.

Ключевые слова: маскулинные неологизмы, дискурс, гендер, гендерный стереотип.

Новые слова приходят в язык постоянно, на всех этапах его существования; это явление закономерное и исторически обусловленное. В периоды социальной стабильности процессы языкового развития протекают размеренно и постепенно, а языковые изменения затрагивают отдельные участки системы. В пору социальных потрясений процессы языкового развития ускоряются, создается впечатление хаоса и нестабильности. В соответствии с особенностями ситуации в обществе изменяются психологические установки масс, их языковой вкус и чутье языка [Сенько 2007].

Новые слова являются неотъемлемой частью лексики языка. Неологизмы придают динамичность языку, так как лексика меняется с течением времени, словарный запас постоянно пополняется. Ученые подчеркивают, что «членение внешнего мира, осуществляемое с помощью языка, отражается прежде

всего в лексике. Лексикализация понятия свидетельствует о его особой значимости для данной культуры. Следовательно, лексика языка играет особую роль в формировании языковой картины мира» [Кретов 2016: 4].

Идея социального конструктивизма рассматривает пол как социально-культурный институт. В основе структурирования гендера лежат такие базовые когнитивные процессы, как концептуализация и категоризация. Процессы концептуализации и категоризации, структурируя гендер, позволяют выявить гендерную маркированность языковой картины мира. Смещение фокуса анализа социокультурной специфики пола диктует нам необходимость феномена гендера с позиции когнитивной науки, что обусловлено современным пониманием его как структурнообразующего компонента коллективного и индивидуального сознания, конструируемого языковыми средствами [Гриценко 2005].

Гендерные отношения являются важным аспектом социальной организации. Они особым образом выражают ее системные характеристики и структурируют отношения между говорящими субъектами. Основные теоретико-методологические положения гендерного концепта основаны на четырех взаимосвязанных компонентах: это культурные символы; нормативные утверждения, задающие направления для возможных интерпретаций этих символов и выражающиеся в религиозных, научных, правовых и политических доктринах; социальные институты и организации; а также самоидентификация личности. Гендерные отношения фиксируются в языке в виде культурно обусловленных стереотипов, накладывая отпечаток на поведение, в том числе и речевое, личности и на процессы ее языковой социализации [Катермина, Прима 2018].

В данной статье нами будут рассмотрены когнитивные особенности маскулинных неологизмов в англоязычном дискурсе на материале электронных словарей неологизмов, как, например, Wordspy, Macmillan Buzzword Dictionary, Urban Dictionary, Cambridge Dictionaries Online Blog.

Анализ материала показал существование большого количества неологизмов с указанной гендерной спецификой.

Прежде всего, остановимся на единицах, обозначающих понятия, связанные с влиянием общества.

Важными, с нашей точки зрения, для понимания процессов, происходящих в англоязычном дискурсе, являются неологизмы, отражающие экономическое влияние: mancession – an economic recession that affects men more than women; man tax – a tax that has to be paid only by men, образованные при помощи слияния слов man и recession, а также словосложением – man и tax.

Также следует отметить и единицу manimoney – informal alimony paid to a man. Данная лексема свидетельствует о смещении гендерных стереотипов, когда в случае развода алименты платятся женщинам.

Гендерная стереотипизация затрагивает как семейные, так и социальные отношения. Роль мужчины в семье представлена следующими примерами: dadding – carrying out the duties of a father; groomzilla – informal, humorous a man who is neurotically obsessed with planning his wedding; exercise widower – a man who does not see his wife as much as he would like because

she spends a lot of time trying to keep fit by doing physical exercise; hus-been – a term which describes a man who is married to a successful woman and who hasn't got much of an identity himself; uxorious – a husband who dotes on his wife excessively is uxorious; brotherzone – informal a category of friendship where a man is like a brother to a woman, and therefore not a potential sexual partner.

Подчеркнем, что для современного мужчины свойственна роль отца (dadding), он может выражать излишние эмоции, связанные с процессом подготовки к своей свадьбе (groomzilla), женившись, он сталкивается с проблемами «одиночества» (exercise widower) или даже утратой идентичности, что может происходить вследствие успешной карьеры жены (hus-been).

Современный мужчина может очень сильно любить свою жену (uxorious), но в то же время наблюдается тенденция к определенному виду дружбы – отношение к женщине как к сестре (brotherzone).

Социальный и профессиональный статус мужчины выражен такими неологизмами, как Omega male – the man who is least likely to take on a dominant role in a social or professional situation; mentertainer – a man who enjoys cooking and hosting dinner parties; bobu – a businessman who leads a bohemian lifestyle.

Гендерный стереотип заботы о внешности, повышенном внимании к одежде со стороны женщин меняется – современные мужчины уделяют большое внимание своему внешнему образу, доказательством чего служат большое количество подобных неологизмов: manbag – a bag carried by a man, similar to a woman's handbag, in which he puts his money, credit cards, mobile phone and so on; mandals – men's sandals; meggings – leggings for men; mengagement ring – a type of engagement ring which is made for men; mankini – a type of men's swimsuit consisting of a pouch and straps that go over the shoulders; as worn by Sacha Baron Cohen in the film Borat; manlashes – false eyelashes for men; guyliner – an eyeliner designed for and used by men.

Такое повышенное внимание привело к созданию неологизмов, обозначающих внешность мужчин. В них подчеркиваются феминные черты внешности: himbo – a man who is good-looking, but unintelligent or superficial; femiman – refers to a man with very feminine looks.

Первый неологизм образован по аналогии с уже существующей лексемой bimbo, подчеркивающей привлекательность женщины, но ее невысокий интеллект; во втором феминность выделяется за счет семы very feminine looks.

Манера общения мужчин также может отражать тенденцию к феминности поведения: metrotextual – a man who uses kisses (e.g. xx) in text messages.

Одежда и аксессуары для мужчин привели к тому, что в англоязычном обществе появляются журналы для мужчин (lad mag – a magazine that focuses on sports, sex, and other topics of interest to young men), литературные жанры (lad lit – a literary genre that features books written by men and focusing on young, male characters, particularly those who are selfish, insensitive, and afraid of commitment; fratire – a literary genre that features books written by men and focusing on young male protagonists who engage in drunkenness, promiscuity, and loutish behavior) и даже мужской язык (menglish – language used of, by, to, and about men). Отметим, что в номинации мужских журналов и литературных жанров ключевой семой выступает «возраст» – young men, что также отражено и в самих неологических единицах (lad mag, lad lit). Данные литературные жанры фокусируют

свое внимание на эгоистичных, бесчувственных персонажах, не желающих вступать в брак; персонажей с буйным и непристойным поведением. Также отметим и неологизм toxic bachelor – an unmarried man who is selfish, insensitive, and afraid of commitment, служащий подтверждением приведенных неологизмов. Данная единица обозначает молодого, неженатого, эгоистичного и бесчувственного человека.

Подобные неологизмы отражают переакцентуацию ценностей в англоязычном обществе.

Создание неологизмов mancation – a vacation in which the participants are all men, dude food – informal food that is said to be favoured by men, often *including meat, Broga™* – a type of yoga designed to appeal to men также свидетельствует о новых тенденциях в современном обществе, направленных на особую роль мужчины.

Следует, однако, отметить, что некоторые неологизмы (единицы с компонентом man как выражения мужского начала) отражают поведение, типичное для мужчин: man-up – to increase the macho and manly elements of one's activities and one's life in general; mansplain – informal (of a man) to explain something patronisingly to a woman.

Традиционным является «снисходительное» отношение к женщине (to explain something patronisingly to a woman) или желание и стремление быть настоящим мужчиной (to increase the macho and manly elements of one's activities and one's life in general).

Таким образом, рассмотрение моделей, когнитивных стереотипов, определяющих специфику анализируемого типа дискурса, проявляющихся в «когнитивной схеме» дискурса, является главным подлинным идентификатором дискурсных разновидностей. Тип дискурса возможно определить, только вскрыв ментальную основу коммуникативного взаимодействия адресата и адресанта.

Литература

Катермина В.В., Прима А.М. Когнитивно-дискурсивные особенности гендерных неологизмов в англоязычном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXX. С. 828-831.

Кретов А.А. Единство Европы по данным лексики. Воронеж, 2016.

Сенько Е.В. Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект. СПб., 2007.

Macmillan Dictionary. URL: http://www.macmillandictionary.com/.

New words. URL: http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms.

Urban dictionary. URL: http://www.urbandictionary.com/.

Wordspy. URL: http://www.wordspy.com/.

V.V. Katermina (Krasnodar, Russia)
Kuban State University

MASCULINE NEOLOGISMS IN THE ENGLISH LANGUAGE: COGNITIVE-DISCURSIVE ASPECT

The article deals with the cognitive-discursive peculiarities of masculine neologisms in the English discourse. The analysis of the data from electronic dictionaries of neologisms revealed the units associated with the ambiguous role of a man in the family, his attitude to appearance, accessories as well as the words nominating exclusive men's magazines, literature genres and the male language. All these trends reflect the special role of men in modern English-speaking society.

Key words: masculine neologisms, discourse, gender, gender stereotype.

А.В. Кремнева (*Барнаул, Россия)*
Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова
annakremneva@mail.ru

ЛИНГВОЖИВОПИСНАЯ ТЕХНИКА ПИСЬМА КАК ОДИН ИЗ МАРКЕРОВ ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТИ: КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается один из видов интермедиальности – т.н. онтологическая интермедиальность, выражающаяся в наличии общих черт у разных форм искусства, что находит свое проявление в музыкальности, живописности или кинематографичности текста. Этот тип интермедиальности представляет собой особый тип сенсорной синестезии, в котором взаимодействуют разные модальности восприятия. Одним из маркеров этой интермедиальности является лингвоживописная техника, под которой понимается передача художественного восприятия в словесной форме.

Ключевые слова: онтологическая интермедиальность, сенсорная синестезия, полимодальность восприятия, лингвоживописная техника.

Объектом настоящей статьи является художественный текст, в котором автор при помощи слова создает живописный эффект, а предметом исследования – лингвоживописная техника письма, позволяющая выразить в слове особенности авторского полимодального восприятия, и ее вклад в процесс смыслопорождения.

Интегративный характер лингвистических исследований в контексте когнитивной парадигмы способствовал активизации интереса к взаимодействию различных способов репрезентации смысла, что выводит нас в более широкую область взаимодействия вербального и невербального видов мышления. Так, современные текстовые практики характеризуются тенденцией к органическому сочетанию слова и картинки, слова и музыки, что придает тексту визуальный или «звучащий» характер. Необходимость теоретического осмысления подобных текстовых практик привела к возникновению теории интермедиальности, в основе которой лежит принцип интерсемиотичности, т.е. взаимодействия различных кодов в процессе смыслопорождения.

Теория интермедиальности выделилась в самостоятельное направление в начале 90-х годов прошлого века. Будучи тесно связанной с теорией интертекстуальности и производной от нее, интермедиальность выступает в качестве поля для взаимодействия различных наук (что является проявлением принципа

экспансионизма современной лингвистики [Кубрякова 1995: 207]), в частности семиотики и когнитивистики. Анализ работ по тексту и другим аспектам языка, выполненных как в семиотическом, так и в когнитивном ракурсе, позволяет заключить, что эти два направления неуклонно шли навстречу друг другу, и их интеграция не является случайной. И когнитивистика, и семиотика проявляли интерес к изучению креативной функции языка, языковому творчеству, нестандартным способам кодирования смысла.

Термин «интермедиальность», созданный по аналогии с термином «интертекстуальность», был введен одним из основоположников теории интермедиальности О.А. Ханзен-Лёве на конференции, носившей название «Диалог текстов» [Ханзен-Лёве 2016: 11]. Как следует из самого названия конференции, авторы теории интермедиальности подчеркивали, что теоретической основой данной теории послужило учение М.М. Бахтина о диалогизме как основе гуманитарного мышления. В российской лингвистической традиции это явление рассматривалось в терминах синтеза искусств. В 1928 году Н.И. Жинкин в своем докладе, посвященном взаимодействию литературы, живописи, кино, театра и музыки, говорил о том, что «искусства одновременно все общи друг с другом и дифференциальны», каждый вид искусства создает и открывает для нашего сознания некоторое свойство, которое сконцентрировано именно в этом виде, но может присутствовать во всех других искусствах, что свидетельствует об их взаимодействии [Жинкин 2010: 63]. Изучение интермедиальности было стимулировано семиотическими исследованиями, рассматривающими всю культуру как Текст, представленный разными кодами, вступающими во взаимодействие. Ю.М. Лотман неоднократно высказывал мысль об обогащении культуры за счет взаимодействия ее различных форм. Он писал: «Культура в принципе полиглотична, и тексты ее всегда реализуются в пространстве как минимум двух семиотических систем. Слияние слова и музыки, слова и жеста в едином ритуальном тексте было отмечено академиком Веселовским как «первобытный синкретизм». <…> Зашифрованность многими кодами есть закон для подавляющего числа текстов культуры» [Лотман].

Но главным стимулом для развития теории интермедиальности, как и в случае интертекстуальности, послужили текстовые, музыкальные и живописные практики, которые стимулировали исследователей к их теоретическому осмыслению. Искусство синтетично в своей основе, что, с одной стороны, обусловлено полимодальностью нашего мировосприятия, а с другой стороны, единой миссией всех видов искусства, состоящей в том, чтобы осмысливать окружающий мир и передавать этот смысл в словесной, музыкальной, живописной или иной форме.

Для лингвиста-когнитолога изучение интермедиальности представляет особый интерес, поскольку оно показывает участие различных видов мышления, как вербального, так и невербального, в процессах концептуализации. Как пишет М. Кантор, «Живописец не иллюстрирует мысль, он проживает мысль, думает красками» [Кантор 2017: 26].

Как мы уже отмечали, исследователи выделяют различные виды интермедиальности:

а) синтез медиа, результатом которого является поликодовый текст, сочетающий слово и рисунок или диаграмму, слово и видеоизображение. Этот вид интермедиальности имеет самое большое распространение в сегодняшней культуре, в которой широко используются различные формы гибридизации;

б) трансмедиальная интермедиальность, суть которой состоит в воплощении одной и той же темы или сюжета средствами различных видов искусства. Типичным примером такого вида интермедиальности могут служить многочисленные воплощения библейских сюжетов в разных видах искусства. Этот вид интермедиальности находит свое проявление и в том, что одно и то же направление находит свою реализацию в различных видах искусства. Ярким примером этого может служить импрессионизм, который нашел свое воплощение в живописи, музыке и литературе;

в) трансформационная интермедиальность, заключающаяся в перекодировании одной знаковой системы в другую, например, словесное описание картины или музыкального произведения. Этот вид интермедиальности имеет давнюю традицию и рассматривается в стилистике как риторический прием экфрасиса;

г) онтологическая интермедиальность, выражающаяся в наличии общих черт у разных форм искусства, что находит свое проявление в музыкальности или кинематографичности прозы, в живописности прозы и поэзии [Кремнева 2017: 57-70; Тимашков 2007: 24-25]. Первые два вида интермедиальности представляют наибольший интерес для искусствоведов, а вторые два – для лингвистов, поскольку они позволяют увидеть возможность выражения в слове результатов полимодальности восприятия.

Онтологическая интермедиальность – явление достаточно редкое, в нем находит выражение многосторонность дарования автора, его способность передать в слове особенности мировосприятия с помощью другого кода. Рассматривая эту проблему, Т.В. Черниговская определяет ее как частный случай синестезии – сенсорной или когнитивной, «когда разные модальности восприятия могут обмениваться опытом и инвентарем» [Черниговская 2013: 327]. В литературе это лучше всего удается авторам, которые занимаются одновременно и литературным, и иным творчеством, что позволяет им реализовывать мультимодальность собственного художественного мировосприятия в такой словесной форме, которая несет на себе специфику этого восприятия и становится важной чертой их идиостиля. Так, исследователи творчества Дж. Джойса считают, что, если бы он не стал писателем, он мог бы стать композитором, и, возможно, именно его музыкальный талант нашел отражение в его идиостиле. Исследователи подчеркивают особую музыкальность «Улисса», при этом одни сравнивают его роман с сонатой, другие – с фугой. Подобная техника письма, в которой органично соединяются слово и музыка, получила название лингвомузыкальной [Hart 1990]. В качестве примеров использования такой техники письма можно привести роман Р. Олдингтона «Смерть героя», который сам автор характеризовал как «роман-джаз», произведения В. Вулф, отмечавшей, что в процессе обдумывания сюжетов своих книг она думает о них как о музыке, а также роман Е. Водолазкина «Бризбен», определяемый критиками как «звучащий роман».

Подобно тому, как техника синтеза слова и музыки получила название лингвомузыкальной, представляется возможным говорить о существовании лингвоживописной техники письма, когда речь идет о произведениях, в которых при помощи слова создается живописный эффект. Обратимся к анализу следующего отрывка из эссе И. Во “General Conversation: Myself”. A winter morning: a sombre and secluded library; leather bound unread and unreadable books lining the walls; below the windows, subdued, barely perceptible, like the hum of a mowing machine in summer on distant lawns, the sound of London traffic; overhead, in blue and white plaster, an elegant Adam ceiling, a huge heap of glowing coal in the marble fireplace, a leather topped, mahogany writing-table; ... (E. Waugh. General Conversation: Myself).

В этой короткой экспозиции можно проследить синтез модальностей восприятия: визуального (somber and secluded library, leather bound books, distant lawns, blue and white plaster, leather topped mahogany writing-table), аудиального (subdued, barely perceptible, like the hum of a mowing machine), тактильного (glowing coal). Основная роль при этом принадлежит визуальной модальности, которая превращает этот фрагмент текста в словесный живописный рисунок, в создании которого участвуют лексические средства: прилагательные со значением цвета, размера, формы и т.п., синтаксические средства: обилие однородных членов – субстантивных сочетаний, номинативная структура предложения.

Особый интерес, на наш взгляд, представляют собой произведения, в которых повествуется о жизни художника, при этом использование данной техники создает особый тип иконических отношений между смыслом и формой его представления. Обратимся к анализу фрагмента такого текста. Так, Дж. Кэри в своем романе “The Horse’s Mouth”, описывая эпизод знакомства художника с коллекционерами, передает синтаксическими средствами особенность восприятия внешности персонажей глазами художника, перечисляет с помощью коротких номинативных предложений отдельные детали, бросающиеся в глаза, что создает впечатление создания наброска их внешности: Voice like a Liverpool dray on a rumbling bridge. Charming manners. Little bow. Beaming smile. Lady tall, slender. Spanish eyes, brown skin, thin nose. Grecohands. Collector’s piece (J. Cary. The Horse’s Mouth).

В заключение еще раз подчеркнем, что исследование онтологической интермедиальности представляет значительный интерес для лингвистов-когнитологов, поскольку оно выводит исследователя в такой круг вопросов, как полимодальность мировосприятия, взаимодействие вербального и невербального кодов в процессе мировосприятия и текстопорождения, что находит свое воплощение в особых техниках письма, таких, как лингвоживописная техника, передающая особенности художественного восприятия в словесной форме и превращающая текст в словесный живописный рисунок.

Литература

Жинкин Н.И. О языке кино и типологии искусств // Известия РАН. Серия Литература и язык. 2010. Т. 69. № 2. С. 60-70.

Кантор М. Чертополох. Философия живописи. М.: Издательство «АСТ», 2017.

Кремнева А.В. Интертекстуальность, интердискурсивность, интермедиальность: точки соприкосновения // Филология и человек. 2017. № 2. С. 57-70.

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца XX века. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 144-238.

*Лотман Ю.*М. Текст и полиглотизм культуры. URL: https://studylib.ru/doc/3794041/lotman-yu.-m.-tekst-i-poliglotizm-kultury.

Тимашков А.Ю. К истории понятия интермедиальности в российской и зарубежной науке // Žmogusir žodis. 2007. № 11. С. 21-26.

Ханзен-Лёве О.А. Интермедиальность в русской культуре: от символизма к авангарду: пер. с нем. М.: РГГУ, 2016.

Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Hart C. The rhyme of Ulysses // James Joyce: the artist and the labyrinth. Lnd., Ryan publishing, 1990. P. 153-167.

A.V. Kremneva (Barnaul, Russia)
Altai State Technical University named after I.I. Polzunov

LINGUOARTISTIC TECHNIQUE OF WRITING AS A MARKER OF INTERMEDIALITY: COGNITIVE-SEMIOTIC ASPECT

The article studies one type of intermediality – the so called ontological intermediality, which finds expression in the presence of common features shared by different forms of art. It finds manifestation in imparting musical, pictorial or cinematographic effect in the text. This type of modality presents a special type of sensory sinaesthesia as a result of interaction of different modalities of perception. One of the markers of this intermediality is the linguopictorial technique of writing which is understood as the expression of artistic perception in the verbal form.

Key words: ontological intermediality, sensory sinaesthesia, polymodality of perception, linguopictorial technique.

М.Н. Лату (*Пятигорск, Россия*)
Пятигорский государственный университет
Latumn@pgu.ru
Ю.Р. Тагильцева (*Екатеринбург, Россия*)
Уральский государственный педагогический университет
jennifer1979@yandex.ru

КЛАССИФИКАЦИЯ ВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ ПОЛИКОДОВЫХ КОНФЛИКТОГЕННЫХ ТЕКСТОВ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ[1]

В исследовании представлена классификация общеупотребительной лексики поликодовых конфликтогенных текстов, отражающая выстраиваемую си-

[1] Работа выполнена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-012-00415)

стему отношений между «своими» и «чужими», а также моделируемые основные особенности поведения «своих» вообще и в отношении «чужих» в частности, что, прежде всего, соответствует основным чертам националистского экстремизма.

Ключевые слова: экстремистский дискурс, дихотомия «свой-чужой», общеупотребительная лексика.

Экстремистский дискурс является частью дискурса враждебности, который отражает «враждебное отношение людей к другим и/или в соответствии со своей целеустановкой содержащих явно несправедливые оценки, обидчивые утверждения и пр. и потому закономерно вызывает вражду» [Мишланов, Салиновский 2006]. Информационная составляющая его на языковом уровне выражается в рамках дихотомии «свой-чужой». Как известно, составляющие данной ментальной оппозиции представляют собой многоаспектное знание о мире, систематизированное в концептуально-сложный матричный формат [Болдырев 2009]. Именно психологический принцип интоллерантности, лежащий в основе данного вида дискурса, и приводит к конструированию фантомных социумов «своих» и «чужих». Для создания такой картины мира манипулятором намеренно используются два типа информации различной модальности: положительная (для описания «своих») и негативная (для формирования образа врага).

Ранее нами уже отмечалось, что для националистического экстремистского дискурса характерно использование определенных групп лексики: милитарной, криминальной, инвективной, кроме того, сюда относятся и этнонимы, глаголы в повелительном наклонении с семантикой враждебности, воинственности; личные и притяжательные формы местоимений («я» – «мы»), посредством которых происходит создание фантомного мира (социальной группы), что свидетельствует о наличии«языкового двоемирия» – «свои» и «чужие» [Бабикова, Тагильцева 2016: 68]. Анализ выборки языкового материала, составивший около 300 креолизованных текстов, и исследование представленной в них общеупотребительной лексики позволили более четко прорисовать портрет российского националиста, который относится к полюсу «свой», за счет частотного использования определенных существительных, местоимений и прилагательных с конкретной семантикой. Последние указывают на специфику самоидентификации представителей данной группы и признаваемые в ее рамках значимые поступки и особенности поведения:

1) самоидентификация (значимую роль играют местоимения первого лица единственного и множественного числа):

– по принадлежности к социальной группе – говорящий для идентификации использует только существительное «молодежь» («*Трезвая и злая* ***молодежь****», «****Мы*** *–* ***новое поколение****»*), «патриот» («*Стань* ***патриотом****!»*);

– по национальному признаку: «русский» как субстантивированное прилагательное («***Я*** 14/88 ***Ру↯↯кий***»), «славянский» («***Славянская*** *сила»*);

– посредством отождествления с образами культуры и мифологии, «воин» («***Мы воины Вальхаллы***»), «божество» («*Для мира рабов* ***мы*** *уже* ***божество*** *с оружием наперевес!»*), «волк» («*Лучше быть последним из* ***вол-***

***ков**, чем первым из шакалов»*). Используемые лексемы имеют положительную коннотацию вообще или в рамках данных конкретных контекстов;

– по расовой принадлежности и цвету кожи: «белый» (*«Россия лишь для **белых**!», «Быть **белым** восхитительно»*);

2) качества, количество и психологический портрет представителей данной группы вырисовывается за счет следующих прилагательных: «трезвый» (*«Будь **трезв** горд и опасен»*), «злой» (*«Трезвая и **злая** молодежь»*), «здоровый» (*«В **здоровом** теле – **здоровый** дух! Оставайся белым!»*), «гордый» («*Ты остался зрячим в тумане. Остальным путь не ясен. Пока тысячи пляшут в дурмане Ты трезв, **горд** и опасен*»), «опасный» (*«Будь трезв горд и **опасен**»*), «злопамятный» («*Будь **злопамятным**! Прощая зло, ты помогаешь выродку утвердиться в безнаказанности*»), «лысый» («*Если темен ты Мужчин **лысых*** (отсылка на молодежные националистические группировки, активно поддерживающих идеологию скинхедов – прим.) *остерегайся*»); личного («я» и его падежные формы) и притяжательных («мой») местоимений, указывающих на эгоцентричность, концентрацию на своих переживаниях («***Мне** не нужна ваша ленточка! У **меня** есть своя… Adolf Gitler», «И не падет **мой** дух под ударами судьбы»*); падежные формы личного местоимения «мы», подчеркивающие количественное превосходство («***Нас** много!*»);

3) система ценностей националисткой молодежи выстраивается, исходя из того, что ими ценится в обществе и что требуется от других, и представлена:

– существительными, указывающими на духовные, общечеловеческие и культурные ценности: «верность» (*«Наша честь, **верность**»*), «честь» (*«**Честь** – это богатство за которое не жаль умереть»*), «мужество» (*«**Мужество** ведет на небеса*»), «трезвость» (*«Моя **трезвость** зовется верность»*), «хардкор» (*«Из-за леса, из-за гор… Трезвость, ненависть, **хардкор**»*). Заметим, что некоторые из них представлены в составе весьма конкретных словосочетаний, где значимую роль играют зависимые слова, которые сужают и ограничивают их понимание: «красота» (*«14/88 чтобы **красота белой арийской женщины** никогда не исчезла с лика земли!»*), «чистота» (*«В память о предках своих и ради своей стороны будем бороться мы все до конца за **чистоту крови**»*);

– существительными и глаголами, указывающими на признаваемые в рамках группы витальные и первичные ценности, подразумевающие безопасность и защиту: «сохранение» (*«Нет ничего более праведного, чем борьба за **сохранение** своей расы»*), «сохранить» («***Сохраним** будущее для наших белых детей»*), «сберечь» (*«**Сбереги** чистоту своей крови!»*), «защищать» (*«Мы должны **защищать** существование наших людей и будущее для белых детей»*);

– существительными, местоимениями и прилагательными, указывающими на признаваемые в рамках группы витальные и вторичные ценности, подразумевающие национальную, расовую и групповую принадлежность: «раса» («*Нет ничего более праведного, чем борьба за сохранение своей **расы**»*), «русский» как атрибут, как принадлежащий национальности (*«**Русские** националисты»*) или «славянский» (*«**Славянская** сила»*), «непобедимый» («Славяне***не победимы**»*), «белый» (*«**Белая** Русь!»*), «арийский» («*14/88 чтобы красота белой **арийской** женщины никогда не исчезла с лика земли!»*), «мы», «наше», «все», «всех» и другие падежные формы – представитель данной группы неотрывно воспринимает себя как часть своего сообщества (*«**Мы** должны защи-*

щать существование наших людей и будущее для белых детей», «Один за ***всех*** *и все за одного!»*);

– существительными, указывающими на культурные и вторичные ценности (любовь, признание, уважение): «любовь» (*«Одна* ***любовь*** *одна борьба на двоих»*);

– существительными и прилагательными, указывающими на идеалистическое представление построения мира: «светлое завтра / будущее» (*«****Светлое завтра*** *в наших руках!» «****Светлое будущее*** *в наших руках!»*);

4) идеологические (политические) воззрения проявляются в приверженности к той или иной политической партии, поддержке идей конкретных политических / националистических движений и тесно связаны с самоидентификацией данной группы: «национал-социализм» (*«****Национал-социализм*** *– это не германское прошлое, это русское будущее!»*), «националист» (*«Русские* ***националисты****»*), «фашист» (*«Дед прости! Я с* ***фашистами*** *на русский марш»*), «Ку-Клус-клан» (*«Душечки-Америкушечки Достали свои пушечки, Ворвались в Белый Дом, Устроили погром. Сожгли Барака Обаму. Честь и Слава* ***Ку-Клус-клану!!!****»*);

5) активная жизненная позиция и действия, направленные на изменение общества и репрезентируемые следующими существительными, прилагательными и глаголами:

– «борьба» / «битва» / «бой» с врагами (*«Нет ничего более праведного, чем* ***борьба*** *за сохранение своей расы», «Когда солнце исчезнет, Мир погрузится во тьму.* ***Битвы*** *время настанет, И уже не уйти никому!», «Нашу расу ждет последний* ***бой****. Гибель или возрождение? Выбор за тобой!»*);

– «возрождение» и «сохранение» белой расы (*«Нашу расу ждет последний бой. Гибель или* ***возрождение****? Выбор за тобой!», «****Сохраним*** *нашу расу Ради будущего* ***белых*** *детей»*);

– требование к другим членам своего сообщества и возможным потенциальным его представителям соответствовать его принципам и идеалам, реализуемое посредством глаголов в повелительном наклонении, в том числе и с отрицательной частицей «не»: «хранить» (*«****Храни*** *кровь чистой!»*), «оставаться» (*«В здоровом теле – здоровый дух!* **Оставайся** *белым!»*), «быть» (*«****Будь*** *трезв, горд и опасен!»*), «стать» (*«****Стань*** *патриотом!»*), «не сдаваться» и «не отступать» (*«****Не отступать и не сдаваться****!»*), «не бояться» (*«Никогда* ***не бойся****!»*);

– в отношении «чужих» «своими» применяются конкретные программы уничтожения, что на языковом уровне репрезентируется посредством следующих глаголов, обозначающих способ смертоубийства, а также существительных и в некоторых случаях прилагательных, означающих орудие убийства: 1) представители еврейской национальности подвержены сожжению (глагол «гореть» и существительные «печь», «гриль», «очаг») и удушению газом (существительное «газ»); 2) представители народов Кавказа подлежат уничтожению (глаголы «убивать», «бить», «резать» и существительные «нож», «топор») и унижению (глаголы «депортировать», «доминировать», «властвовать», «унижать»); 3) представителей негроидной расы вешают (глагол «висеть») либо сжигают (глагол «сжечь» и существи-

тельное «огонь»); 4) предатели подлежат истреблению (глагол «давить» и прилагательное «ножевые»).

Таким образом, вербальные компоненты поликодовых конфликтогенных текстов экстремистской направленности принадлежат к разным лексико-грамматическим стратам и являются репрезентантами базовой ментальной оппозиции «свой-чужой», служат для выражения моделируемой самоидентификации представителей группы, их качеств, количества и особенностей психологического портрета, системы ценностей, идеологических воззрений и типовых действий.

Литература

Бабикова М.Р., Тагильцева Ю.Р. Экстремистский дискурс: основные критерии анализа материалов экстремистской направленности в Интернет // Политические институты и процессы. 2016. № 3. С. 66-70.

Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Концептуализация мира в языке: коллективная монография. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 25-77.

Лату М.Н., Тагильцева Ю.Р. Маркеры патриотизма в контексте националистического экстремистского дискурса: проблемы восприятия // Лингвистика XXI века: традиции и инновации: сборник научных статей к 30-летнему юбилею Санкт-Петербургского института иностранных языков / под общей ред. М.В. Пименовой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. Вып. 23. С. 201-214.

Мишланов В.А., Салимовский В.А. Дискурс враждебности как социальный феномен // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. Екатеринбург, 2006. С. 56-65.

M.N. Latu (Pyatigorsk, Russia)
Pyatigorsk State University
Yu.R. Tagiltseva (Ekaterinburg, Russia)
Ural State Pedagogical University

VERBAL COMPONENTS' CLASSIFICATION OF POLYCODIC CONFLICTOGENIC TEXTS EXTREMIST DIRECTION: COGNITIVE ANALYSIS

The article presents a classification of the commonly used vocabulary of multicode conflictogenic texts, which reflects a structured system of relations between "friends" and "strangers", as well as simulated basic features of the behavior of "friends" in general and in relation to "strangers" in particular, which, first of all, corresponds to the main features of nationalist extremism.

Key words: extremist discourse, dichotomy "friend or foe", commonly used lexicon.

А.В. Маликова *(Красноярск, Россия)*
Сибирский федеральный университет
malikovaav1304@gmail.com

КОМБИНАТОРИКА ЭМОЦИОГЕННЫХ ЗНАКОВ В ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТЕ: СЛОВА И ЭМОДЖИ[1]

Статья посвящена анализу роли невербальных знаков – эмоджи – в процессе манифестации эмоции в тексте. На основе экспериментальной работы с компьютерной программой-классификатором текстов по критерию их эмоциональной тональности доказывается, что эмоджи, комбинируясь с вербальными знаками, часто осложняют классификацию, снижая ее точность.

Ключевые слова: эмоция, интернет-текст, эмоджи, сентимент-анализ, классификация текстов.

Эмоциональная тональность текста – это ведущая эмоция, выраженная в тексте как вербально, так и невербально – при помощи несловесных знаков, например, эмоджи.

Эмоджи (с яп. яз. – «картинка-знак»), в отличие от эмотиконов, являются изображением в виде цветного значка, символизирующего человеческие эмоции, животных, растения, транспорт и т.д. [Chairunnisa 2017: 121].

Для удобства использования цветных знаков в письменных текстах постепенно они были включены в стандарт Юникода (начиная с версии 6.0) [Danesi 2016: 4]. В версии Unicode v12.0 (2019 г.) насчитывается 1719 эмоджи, используемых Apple, Google, Facebook, Windows, Twitter, Samsung, Gmail. С текущего года стало возможным использовать эмоджи так же, как любой другой символ Юникода – из разряда иллюстрации они перешли в разряд знаков.

Решая задачу выявления некоторых единиц русскоязычных интернет-текстов, которые могли бы служить предикторами их эмоциональной тональности в случае автоматической обработки, мы выдвинули гипотезу о том, что эмоджи могут стать более эффективными дискриминантными чертами 8 эмоциональных классов, номенклатура которых была предложена Г. Левхеймом [Lövheim 2012]. В рамках сентимент-анализа уже накоплен определенный опыт в использовании эмотиконов и эмоджи для осуществления бинарной классификации текстов на английском и некоторых других языках на позитивно и негативно оценочные [Hogenboom at al. 2015; Velioglu at al. 2018].

Проанализировав все разнообразие данных невербальных знаков, мы объединили схожие изображения в тематические группы: (1) радость (улыбающиеся, смеющиеся и некоторые другие, например, 😀😩😊😎😊😇💥🔥), (2) грусть, недовольство (грустное, расстроенное, скептическое, обеспокоенное, страдающее, удивленное, напуганное и т.п. выражения лица – все негативные эмоции, помимо гнева, например, 😔😲😕😅😟😢😱), (3) злость

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00205 «Разработка классификатора русскоязычных интернет-текстов по критерию их тональности на основе модели эмоций “Куб Левхейм”»

(гневные, агрессивные, взбешенные – 😠😡😤😈👿), (4) семья, чувства (🙂💝💑👪👨‍👩‍👧‍👦😮), (5) жесты (🙋□🤦🙇🤜👍), (6) досуг, путешествия (виды ак-активного отдыха, иллюстрации хорошей погоды, достопримечательностей, стран, культурного досуга – 🏃🏂 ☀ ✈ 🌍🏞🎭🎬), (7) мероприятия (🎈🎉🎁🎇🎄🎅), (8) еда (🌮 🍔□🍩🍾), (9) работа, учеба (📝🎓📚□), (10) одежда (10) одежда (👗👕👟👠👞), (11) знаки (□□➡⬇).

Для сравнения использования эмоджи той или иной группы при передаче различных эмоций мы перевели их в проценты от числа всех эмоджи данного класса, встретившихся в 15000 текстовых фрагментов, извлеченных из паблика «Подслушано» в ВКонтакте. Необходимо отметить, что все текстовые фрагменты были разделены на 8 эмоциональных подкорпусов в соответствии с хештегами, под которыми они были опубликованы. Например, тексты под хештегом #бесит были отнесены к «гневным», а под хештегом #стыдно – к вербализующим эмоцию стыда. Подобная предразметка потом была уточнена при помощи эмоциональной разметки, проведенной информантами.

По результатам анализа во всех 8 эмоциональных классах текстов превалируют эмоджи группы радость (улыбающиеся и смеющиеся), по этой причине они не могут выступать отличительным маркером какого-либо класса. Значимыми для нас в таком случае являются вторые–третьи по частотности группы.

Таблица 1. **Относительная частотность групп эмоджи в 8 эмоциональных классах текстов, %**

Класс	Интерес	Радость	Удивление	Грусть	Гнев	Страх	Отвращение	Стыд
Радость	43,72	37,16	47,99	35,59	44,1	36	61,46	40,85
Грусть, недовольство	9,38	**9,29**	18,27	6,78	18,97	**26,48**	12,5	11,28
Злость	4,47	2,05	8,17	8,48	9,31	4,84	**10,42**	9,86
Семья, чувства	12,83	23,5	9,48	**30,5**	8,74	10,69	4,17	16,9
Жесты	**11,73**	4,65	5,67	5,09	9,46	8,2	2,08	2,82
Досуг, путешествия	1,82	6,42	0,57	**8,48**	2,52	0,96		1,41
Мероприятия	2,32	**8,33**	0,62		1,05	3,27		1,41
Еда	2,04	3,42	0,81		1,32	0,83		**4,23**
Работа, учеба	**2,64**	0,27	1,31		1,35			
Одежда	0,79	0,55	0,27		0,52			
Знаки	0,9		1,01		1,32			
Всего, шт.	5341	732	6633	59	4016	2292	96	71

Результаты продемонстрировали некоторые парадоксы. Например, второе место по частотности в радостных текстах заняли эмоджи из тематической группы «Грусть, недовольство», а маркерами грустных текстов стали отнюдь не эмоджи, отражающие эту эмоцию, а невербальные знаки из группы «Семья, чувства». Таким образом, однозначного соответствия «эмоджи – эмоциональная тональность» обнаружено не было.

Для проверки нашей гипотезы о влиянии эмоджи на точность классификации мы были вынуждены обратиться к дополнительным материалам – текстам публичной страницы «Карамель».

Коллекция данных «Карамель» была разбита на эмоциональные классы текстов при помощи классификатора, ранее обученного на коллекции «Подслушано».

Коллекция «Карамель» была разделена на три группы текстовых данных. Из одной группы был изъят текст, из второй группы – все эмоджи, третья группа осталась в исходном состоянии. На вход классификатору были поданы каждая из групп поочередно. Результаты точности их классификации отражены в таблице 2.

Таблица 2. **Точность классификации 3 групп данных из корпуса Карамель**

f1-score	Группы данных		
	Только эмоджи	Только текст	Эмоджи + текст
weighted avg	0,30	**0,48**	0,46

Исходя из полученных данных, атрибуция фрагмента, содержащего только текст, осуществляется классификатором с большей точностью – взвешенное среднее арифметическое значение (weighted avg) меры f1 (среднее гармоническое значение между точностью (precision) и полнотой охвата (recall) классификации) для текстовой группы составило 0,48, в то время как его показатель для группы, включающей и текст, и эмоджи, равен 0,46. Показатель точности для группы, включающей только эмоджи значительно ниже – 0,30.

Анализ примеров текстов из паблика «Карамель», которые получили различную эмоциональную оценку будучи оценены только по эмоджи, только по тексту и в формате «текст+эмоджи», показал, что часто комбинации вербальных и невербальных эмоциогенных знаков создают определенный шум, затрудняя классификацию.

Так, вербально может выражаться одна эмоция, а при помощи эмоджи – противоположная ей, что создает ироничный или саркастичный эффект:

1) *Узнала, что Дэдпул может держать вес до 360 кг. Наверное, это единственный парень, который способен поднять меня* 😊'

Вербальный аспект сам по себе уже может содержать эмоциональный конфликт (грусть, которая маскируется под радость (пр. 2)), а эмоджи служат для поддержания одной из сторон этого «конфликта», как правило – маскировочной:

2) *Где-то прочитала, что 15 февраля – день одиноких людей. Кажется, у меня сегодня будет праааздник* 🎉🍷

Иногда эмоджи служит для иллюстрации денотативного аспекта ситуации, а не эмоционального значения, в то время как текст «говорит» об эмоции:

3) *В моем возрасте уже планы на будущее нужно строить, а я игрушки в правильном порядке выстраиваю*🐯🐰🐙🐧🐯🐱.

Нередко эмоджи не несут собственно семантической функции, а служат лишь как элемент визуального оформления текстов, принадлежащих определенном речевому жанру или являются данью моде.

Но одной из самых частотных функций эмоджи является фатическая – их употребление призвано смягчить эксплицтное вербальное выражение неодобряемой социумом эмоции или тональности: гнева, агрессии, возмущения (пр. 4):

4) *К посту ниже, пфф, даже если и придет мода на небритые ножки, ты уже никогда не сможешь изменить своим принципам.* 😊😼 *Поэтому всю силу в кулак и бегом брить и выщипывать!* 😊

В заключение отметим, что, по-видимому, согласно полученным нами результатам, эмоджи не являются надежными предикторами эмоции.

Литература

Hogenboom A., Bal D., Frasincar F., Bal M., De Jong F., Kaymak U. Exploiting emoticons in polarity classification of text // Journal of Web Engineering. 2015. № 14 (1-2). P. 22-40.

Velioglu R., Yildiz T., Yildirim S. Sentiment Analysis Using Learning Approaches over Emojis for Turkish Tweets // 3rd International Conference on Computer Science and Engineering (UBMK). 2018. P. 303-307.

Danesi M. Encyclopedia of Media and Communication. Toronto: University of Toronto Press, 2013. 738 p.

Chairunnisa S., A.S. B. Analysis of Emoji and Emoticon Usage in Interpersonal Communication of Blackberry Messenger and WhatsApp Application User // International Journal of Social Sciences and Management. 2017. № 4 (2). P. 120-126.

Lövheim H. A New Three-Dimensional Model for Emotions and Monoamine Neurotransmitters // Medical Hypotheses. 2012. № 78. P. 341-348.

A.V. Malikova (Krasnoyarsk, Russia)
Siberian Federal University

COMBINATORY OF EMOTIOGENIC SIGNS ON THE INTERNET TEXT: WORDS AND EMOJI

The article explores the role of non verbal signs – emojis – in manifesting emotions in text. The conducted experiments show that the emojis aren't reliable predictors of emotional class of the text. Being applied as such, they decrease the accuracy of classification.

Key words: emotion, internet-text, emoji, sentiment analysis, text classification.

Т.Н. Москвитина *(Челябинск, Россия)*
Южно-уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
moskvitinatn@cspu.ru

СПОСОБЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ИМПЛИЦИТНОЙ ИНФОРМАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена исследованию категории «имплицитность», специфике универсальных скрытых смыслов, связанных с национально-культурной спецификой английского языка. Основное внимание уделяется изучению средств передачи имплицитной информации, что обусловлено необходимостью адекватной передачи смысла научного текста при толковании и интерпретации юридических англоязычных текстов. Исследование имеет целью проанализировать смысловые составляющие имплицитного высказывания, способ языкового выражения импликации в тексте.

Ключевые слова: юридический дискурс, имплицитная информация, понимание текста, имплицитность.

В статье исследуется импликация, признаки ее обнаружения в одном из научных видов дискурса – юридическом. Актуальность темы обусловлена, с одной стороны, все возрастающим интересом к проблеме импликации в рамках теории текста, теории коммуникации, когнитивном анализе текста. С другой стороны, актуальность обоснована сравнительно меньшей степенью изученности импликаций в научном дискурсе, нежели в иных типах дискурса. Очевидной особенностью научного дискурса принято считать ясность выражения, однозначность и простоту интерпертации, отсутствие скрытых смыслов, подтекста. Юридический дискурс, в силу своих специфических функциональных особенностей, рассматривается как научный дискурс, с одной стороны, и гуманитарный, с другой стороны. Более того, это тот тип дискурса, который, декларируя однозначность в интерпретации законодательных актов для соблюдения прав и свобод в равной степени всех граждан, предполагает соревновательный аспект при представлении интересов сторон в суде, а, следовательно, и возможность множественной интерпретации законов и подзаконных актов.

«Импликация в широком смысле есть наличие в тексте вербально не выраженных, но угадываемых адресатом смыслов» [Арнольд 1982: 148]. Исследованию импликаций посвящены работы многих отечественных и зарубежных лингвистов. Выделяются типы и различные термины для описания скрытой и подразумеваемой информации (пресуппозиции, презумпции [Арутюнова, Падучева 1985: 30-31], импликатуры [Grice 1975: 43], подтекст). Имплицитные связи – наиболее сложный (с точки зрения их установления и распознавания коммуникантами) вид связи. Объем тезауруса личности влияет на глубину понимания текста, возможность распознать наличие имплицитных связей и расшифровать их содержание. Имплицитные связи эффективны для «сжатия» текста без изменения передаваемого объема информации.

Анализ различных подходов к термину «импликация» позволяет выделить 3 дифференциальных признака импликаций:

1. Выраженными могут быть или оба компонента связки (А→Б) или только атецедент (А).

2. Импликация может передавать только информацию первого рода (предметно-логическую) или сообщать также информацию второго рода (эмоциональную, оценочную, функционально-стилистическую, экспрессивную).

3. Импликация может быть основана на парадигматических или синтагматических связях слова [Арнольд 1982: 83-84].

Имплицитность является следствием действия закона экономии языковых усилий, интерес к которому возрос, когда к языку стали непосредственно применять понятия теории информации. Количество информации текста не связано с физическим объемом текста, оно пропорционально относительной оригинальности сообщения. Ценность сообщения определяется не его длиной, но тем, что оно новое или уже известно, учтено адресатом и включено им в его внутреннюю структуру, избыточность при этом дает гарантию против ошибок в передаче, так как позволяет восстановить сообщение даже при отсутствии части элементов, исходя из структуры используемого языка. Одно из ведущих свойств текста выражается в компрессии текста, в возможности сокращения объема первичного текста, что становится возможным и не сказывается на качестве понимания текста при условии совпадения имеющихся фоновых знаний адресата и адресанта сообщения. Адекватное понимание свернутых языковых структур возможно профессионалами одной сферы или близких сфер, так как понимание логических категорий, подразумевающихся, но не выраженных эксплицитно, связано с энциклопедическими знаниями, с объемом тезауруса личности и уровнем владения языковыми средствами языка. Это позволит правильно восполнить пропущенную информацию в смысловом развитии текста и сделать правильные выводы по прочтению текста. Знание типа коммуникации, закономерных соответствий между параметрами и правильное его понимание также способствует лучшему проникновению в смысл текста.

Можно предположить, что терминологическая (юридическая) лексика, сложные синтаксические конструкции, имплицитная интертекстуальность – это все черты профессионального подъязыка юридической науки, который нуждается в подробных комментариях, чтобы быть понятным для обывателя, непрофессионала. Интертесктуальные ссылки в текстах юридического содержания выполняют функции текстовых и дискурсивных связей с другими текстами юридического дискурса: тексты юридического содержания широко используют (и эксплицитно, и имплицитно) набор интертекстовых и интердискурсивных связей, с целью достичь ясности, точности, избежать возможности двоякого толкования документа. Например, вердикты применяют судебные решения и критерии, которые были получены в результате рассмотренных прецедентов, кроме того, они могут использовать данные научных экспериментов, экспертиз, исследований, чтобы сделать заключение, например, о вменяемости и психологическом здоровье участников процесса.

Данные прагматические факторы юридических текстов, а именно, интертекстуальные и интердискурсивные, представляют особые сложности и являются своеобразным барьером в понимании и грамотной его интерпретации для

человека, который не является профессиональным юристом. С точки зрения специалиста данные факты не будут даже нуждаться в упоминании (как в устной речи, так и в письменной), так как будут восприниматься профессиональным сообществом по умолчанию [Legal pragmatics 2018: 112-114]. Имплицитные специальные понятия юриспруденции часто выражаются в юридическом дискурсе даже без использования ключевых слов, которые могли бы направить обывателя на получение того знания, которое очевидно по умолчанию для профессионала. Часто случается, что, даже тщательно читая и исследуя юридические тексты, обыватель может упустить некоторые ключевые моменты, выраженные имплицитно и рассчитанные на интерпретацию человеком, имеющим профессиональное знание в юриспруденции. Увеличение емкости сообщения происходит здесь за счет событий и фактов, оставшихся за пределами текста, которые по времени предшествовали изложению.

Общение в сфере правовых отношений способствует выполнению основных функций права: «1) выражению волевых предписаний государства, уполномоченного лица, органа; 2) передаче этих предписаний гражданам и учреждениям; 3) регулированию правоотношений между людьми» [Ивакина 2013: 48].

В результате исследования стало возможным выделить в качестве основных средств создания импликации в юридическом тексте следующее:

1) инициальный определенный артикль;

2) широкозначные ключевые слова с высокой частотностью применения именно в текстах данного типа, требующие дальнейшего уточнения и конкретизации: *“deed”, “unwanted conduct”, “relevant protected characteristics”*;

3) лексические и синтаксические повторы;

4) отсутствие в тексте наименования субъекта права, обязанного осуществлять правосудие и надзорные действия, использование в качестве замены местоимения *“they”*;

5) преобладание страдательного залога;

6) использование модальных глаголов *“can”, “cannot”, “may not”, “shall”, “may”* вместо известного и понятного всем *“must”*;

7) использование двойного или тройного отрицания (использование кроме *“no”, “never”* слов с отрицательными аффиксами *“un-“, “in-“,* союзов с отрицательными приставками *(“unless”),* лексем, несущих отрицательное значение: *“except”, “excluding”, “avoiding”, “few”, “less”, “minority”)*;

8) наречные слова, лексико-грамматическое значение и синтаксическая позиция которых отличаются контекстуальной несамостоятельностью (now (then, after that, at last), also (too, again, once more, another, the other, the second), even (finally, more, most)).

В результате исследования можно сделать вывод, что полученные группы лексических способов выражения имплицитной информации усложняют процесс интерпретации и понимания текстов юридического содержания, делая его более сложным, и предполагают (намеренно или случайно) больше степеней свободы при толковании законодательных актов и иных юридических текстов. В связи с этим становится вероятным неполное понимание текста, ошибочное истолкование судебных решений, постановлений, что, в свою очередь, может привести к конфликтам, а ино-

гда и к ошибкам в судебном процессе. Все это приводит к тому, что на фоне общей нормированности речи постоянно наблюдаются многочисленные и более или менее существенные отступления от норм, которые несут личностный подтекст, имплицитное содержание сопряжено с появлением в тексте лакун – пропусков, недоговоренностей, неясностей, противоречий. Руководствуясь презумпцией уместности, получатель стремится понять сегмент текста, содержащий аномалию, найти его скрытый смысл, который часто бывает искажен в силу того, что получатель сам приписывает сообщению некое содержание, извлекая его элементы из своих «фоновых знаний».

Литература

Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 83-91.

Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16.

Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста: учебное пособие. М.: Норма, 2013.

Grice P. Logic and conversation. Syntax and Semantics. New York: Academic Press,1975. Vol. 3.

Legal pragmatics / ed. by D. Kurzon, B. Kryk-Kastovsky. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2018.

T.N. Moskvitina (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State Humanitarian Pedagogical University

VERBALIZATION MEANS OF IMPLICIT INFORMATION OF ENGLISH LEGAL DISCOURSE

The article deals with the term “implicitness”, peculiarities of universal hidden meanings connected with the national and cultural features of the English language. The focus of the article is on the studying the means of rendering implicit information during the comprehension and interpretation of English legal discourse. The purpose of the article is to analyse the components of meaning of the implicit utterance, the type of communication, the means of language that help to render the implied information of the text.

Key words: legal discourse, implicit information, text comprehension, implicitness.

Э.И. Мячинская *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный университет
e.myachinskaya@spbu.ru; elvirivan2009@mail.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК КОГНИТИВНОГО СОБЫТИЯ[1]

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00276 в Санкт-Петербургском государственном университете

Анализируется ряд ментально-событийных реализаций исторического события падения русской монархии в Революции 1917 г., представленных в искусствоведческом английском тексте – рецензии на художественную выставку 2017 г. в Выставочном центре «Эрмитаж-Амстердам». Исследуются параметры искусствоведческого дискурса.

Ключевые слова: искусствоведческий дискурс, когнитивное событие, художественная выставка, параметры события.

С февраля по сентябрь 2017, в год столетия Великой Октябрьской Социалистической Революции в Амстердаме в Выставочном центре «Эрмитаж- Амстердам» проходила художественно-историческая выставка «1917. Романовы и Революция. Конец Империи». Было представлено более 250 экспонатов: наряду с живописными работами, главным образом портретами, были представлены работы прикладного искусства, фотографии и видеофильмы, документы и оружие из фондов Эрмитажа и других источников. Рецензии на эту выставку написал Паул Мостерд, заместитель директора центра «Эрмитаж-Амстердам», человек глубоких искусствоведческих познаний и профессионал по организации межкультурных связей [Mosterd 2017a; 2017b]. По этим причинам текст его статьи может служить надежным источником и объектом анализа с целью выявления дискурсивно-когнитивных характеристик когнитивного события сверхсложной структуры. Теоретической основой служит разработанная Е. Кубряковой модель дискурса в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы [Кубрякова 2004].

Исследуемый нами текст и представленное в нем когнитивное событие принадлежат культурному дискурсу, более точно, художественно-изобразительному дискурсу. Вместе с тем, а возможно и более того, это дискурсивное событие основано на историческом реальном событии и имеет когнитивно-информационную значимость. Культурное событие в соответствии с традиционной схемой содержит следующие параметры: пространственную и временную соотнесенность, участников, каузацию, действие, цели и задачи, взаимодействие между участниками, воздействие или эффект. По мнению В. Заботкиной, для художественного ментального события наиболее важен параметр эффекта, включающий эстетический, эмоциональный и ассоциативный компоненты [Zabotkina 2016: 33-34].

Рассматриваемый материал представляет не просто многокомпонентную и многомерную модель, а модель многоступенчатую, в определенном смысле телескопическую, повышенной сложности. Цель настоящей работы – показать взаимосвязь уровней и структуру их наполнения.

Революция, называемая в России Великой Октябрьской (темпоральная референция), а в английских текстах называемая «the Russian Revolution» (локальная референция), вызывает у создателей выставочной экспозиции ментальный образ (различный у российских и голландских участников процесса), который они воплощают в определенном выборе экспонатов и их расположении. Получившаяся в результате выставка перцептивно воспринимается посетителями и создает у них новый ментальный образ, вызывающий определенное впечатление и отношение. Исследуемые рецензии дискурсивно дают представление о характере этого впечатления и отношения, тем самым вызывая у читателя новое ментальное представление и

отношение. На каждом этапе мы имеем дело с событиями либо реальными, либо когнитивными.

Лингвистический метод исследования предполагает обратный порядок рассмотрения. Анализ текста создает ментальное представление о выставке как экспозиции и культурном феномене, в котором отражен ментальный когнитивный образ создателей выставочного пространства о реальном явлении 1917 г. На каждом уровне мы имеем дело с событием, характеризуемым параметрами когнитивной событийной парадигмы. Важность взаимоотношения между элементами парадигмы удивительно тонко понимают кураторы выставки.

Руководитель бюро, создававшего выставку, Каспар Конейн говорит:

*"We always ask ourselves: if we look at something in an exhibition, do we under*stand what we are seeing? Do we understand the story that is be*ing told to us? It's a* question of content. Of course, the form has to be beautiful, but it only takes on meaning if it is communicating what needs to be communicated. There is no question that this is true of a historical exhibition, and particularly if the exhibition is devoted to *landmark events. We have to think long and hard about that"* [Mosterd 2017b: 128].

Правда, для голландской стороны фокус выставки был на судьбе царской семьи, а революция, скорее, проходила историческим фоном. У Центра «Эрмитаж-Амстердам» была идея «сделать что-нибудь о царской семье в связи с революцией», хотя не было уверенности, что выставка может привлечь большую аудиторию [ibid]. Однако выставка имела необыкновенный успех, и план совмещения исторической ситуации с судьбой царской семьи был ошеломительно точным (proved to be an astounding fit). По словам П. Мостерда выставку посетили более 210 тысяч посетителей из Нидерландов и из-за рубежа, и она вошла в пятерку самых популярных показов Выставочного центра «Эрмитаж-Амстердам» со дня его основания в 2009 г. [Mosterd 2017a: 54-55].

Успех выставки во многом обязан грамотному соответствию перечисленным выше параметрам когнитивного события.

Время. Чрезвычайно удачен выбор для выставки столетней даты Революции и умелое «обыгрывание» ее в тексте рецензии. Статья начинается с описания того, как на просмотр выставки были приглашены жители Амстердама, которым исполнилось 100 лет. Эти люди с интересом обсуждали экспонаты, как будто в тех отражалось произошедшее с каждым лично и не так давно. Эта темпоральная оппозиция: «100 лет тому назад – сейчас» или *"*Was it a long time ago or recently*?"* выражена как в текстовом событии, так и в реальном, и соответствие между ними увеличивает аттракцию и силу воздействия текста.

Место. Организация выставки в Амстердаме неслучайна, ибо функционирование Центра «Эрмитаж-Амстердам» создало в Нидерландах постоянный интерес к русской музейной культуре. В самом же Центре Большой зал превратили в петербургский «Пассаж», существовавший и тогда и в настоящее время, т.е. место осуществляет связь времен. Для оформления «Пассажа» ключевыми словами были «общественное пространство» (public space) и «городская атмосфера» (city atmosphere). Здесь уместно вспомнить традиционное оформление той эпохи в советских фильмах и живописных произведениях, где действие происходит в промышленных окраинах или на сходках на площадях или в заводских помещениях. В этом отчетливо проявляется различие ценностного наполнения ментального образа события для российского общества и европей-

ской аудитории. Паул Мостерд находит изображение «Пассажа» удачной находкой оформителей, во многом способствовавшей успеху выставки.

Участники события. Здесь отчетливо просматривается телескопичность всех уровней события. Реальные персонажи царской семьи, представленные в экспозиции живописными портретами, фотографиями и пр., описываются и присутствуют в рецензии. Организаторы выставки, их роль в создании когнитивного события подробно обсуждаются в повествовании и переходят в читательский ментальный образ. Посетители выставки, особенно группа столетних посетителей, подробно комментируются в тексте, что формирует в читательском образе и представление о событии, и отношение к нему. Многоплановость и полифункциональность этого типа искусствоведческого текста не подразумевает дискретности, а может выражаться интегративно.

Каузация. Идея большой презентации, отражающей трагическую судьбу русской монархии, долгое время витала в воздухе, однако решиться на эту болезненную тему (sensitive subject matter) помогла мощная дата – столетие революции и мощный коллектив создателей, объединивший русских и голландских профессионалов.

Взаимодействие между участниками особенно наглядно представлено в описании совместной работы над выставкой кураторов из Государственного Эрмитажа и группы музейщиков бюро Каспара Конейна из Амстердама. Команда российских экспертов принесла свои обширные знания, а голландская команда – многоплановый дизайн. Их совместные экспозиционные решения, а также текстовое изложение и комментирование исторических событий столетней давности создают когнитивно-информационную модель события.

Воздействие или эффект. Для искусствоведческого текста «событийного» типа эмотивно-оценочная составляющая представляется наиболее актуальной, ибо цель текста – вызвать у читателя эмоции, соответствующие тем, которые хочет передать автор, репрезентирующий событие по своему ментальному образу. Авторский текст изобилует экспрессивными положительными эпитетами, когда описывается выставка или ее подготовка, напр.: highly successful, unique opportunity, an important lesson, astoundingly good, etc., и экспрессивными отрицательными лексемами, когда речь идет о судьбе монархии, напр.: dreadful story, the history of the Revolution is paralysingly immense and complex, и пр. Автор также выражает гордость, что выставка, в изначальном виде и с той же идеологией, что и в Амстердаме, поедет в Эрмитаж в Петербург. Он считает, что в этом проявляется общее желание взаимодействовать с публикой, вдохновлять, обогащать знаниями и размышлять об искусстве и истории. Так прекрасно сформулирован ожидаемый эффект искусствоведческого дискурса. Живописная составляющая выставки входит вместе с другими элементами в общий контекст и в таком виде усиливает свое значение и воздействие.

Литература

Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Ин-т языкознания РАН: Языки славянской культуры, 2004.

Mosterd P. In Just 100 Years // Hermitage Magazine. 2017a. № 25. P. 52-57.

Mosterd P. It's Much Stronger Than You Think // Hermitage Magazine. 2017b. № 25. P. 126-132.

Zabotkina V. Representation of cultural events in mental models and discourse // Events in Communication and Cognition. Book of abstracts. M.: FGBOU VO MGLU, 2016. P. 33-35.

E.I. Myachinskaya (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

INTERPRETATION OF ENGLISH LANGUAGE ART DISCOURSE AS A COGNITIVE EVENT

The paper investigates the text of an art review of the "Hermitage-Amsterdam" exhibition dedicated to the centenary of the Russian revolution. The text is viewed as a cognitive event of several cognitive mental levels: historical event – its mental model (cognitive event) – artistic realization of the cognitive model – art discourse as a linguistic event. Event constituting parameters are discussed.

Key words: art discourse, cognitive event, art exhibition, event parameters.

Ю.А. Ненашева *(Магнитогорск, Россия)*
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
nenajalex@gmail.com
О.М. Седлярова *(Магнитогорск, Россия)*
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
Н.С. Соловьева *(Магнитогорск, Россия)*
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

ПРЕФЕРЕНЦИАЛЬНОСТЬ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ ПРИ СЕГМЕНТАЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЯМОЙ РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ ПРИ ЧТЕНИИ ВСЛУХ)

Авторы предлагают использовать методологию экспериментального анализа дискурса (ЭАД) для описания вероятностных характеристик в дискурсивной деятельности на материале повелительных высказываний. Вероятностные характеристики определяются на основании определения правил употребления и комбинаторики единиц в дискурсе, определения частотности их соотношения и взаимодействия, последовательности шагов, которые с определенной степенью вероятности будут использованы говорящим / слушающим для передачи коммуникативного содержания.

Ключевые слова: теория принятия решений, вероятность. дискурс, экспериментальный анализ дискурса, сегментация речи, пауза, повелительное высказывание.

Принятие решений как когнитивный процесс представляет собой ключевой механизм в речепонимании / речепроизводстве, которые могут быть интерпретированы как последовательность принятия решений [Леонтьев 1974; Velichkovsky 2006; Phelps, Sokol-Hessner 2012; Ахутина 2014; Болдырев 2017]. Когнитивная составляющая – доминанта в принятии решений о том, какими языковыми и речевыми средствами должна быть передана информация в дискурсе [Clayards et al. 2008]. С развитием когнитивистики трактовка понятия «дискурс» претерпела значительное изменение: дискурс – это «разветвленная структура знания … о речи и речевой деятельности … условиях ее порождения, по ходу ее протекания» [Кубрякова 2012: 125]. Если рассматривать дискурс как явление, исследуемое в режиме текущего времени, можно говорить о существовании вероятностных характеристик, определяющих процессы принятия решений в дискурсе.

Практическая деятельность, связанная с информацией, характеризуется вероятностью – ингерентным объективным свойством [Урсул 1971], следовательно, изучение механизмов отбора единиц в процессах речевосприятия / речепроизводства должно представлять собой междисциплинарное исследование, включающее в себя когнитивно-коммуникативный подход [Кубрякова 2012; Кибрик, Подлесская 2009; Чейф 2015] и положения теорий информации, принятия решений в построении методологии определения и описания вероятностных характеристик единиц в дискурсе [Hansson 2011]. Теория принятия решений использует термин «предпочтение» (preference) – «интегральная оценка качества решений, основанная на объективном анализе (знании, опыте, проведении расчетов и экспериментов) и субъективном понимании ценности и эффективности решений» [Царев 2007], на основании которого мы предлагаем ввести термин «преференциальность» для обозначения вероятностных характеристик языковых и речевых единиц, участвующих в процессах принятия решений в дискурсе: 1) выбор языковой единицы в дискурсе происходит в рамках парадигмы, каждая единица которой – один из способов выражения целого или элемента общей семантической структуры сообщения; используя их, коммуникант опирается на доступные ему, или кажущиеся таковыми, знания о функционировании языковых единиц; 2) языковые и речевые единицы имеют разные стилистические статусы, что позволяет организовывать их в синонимические ряды или тезаурусные поля; 3) индивид приобретает коммуникативный опыт на протяжении всей жизни на основе имитации, что требует достаточно больших затрат времени и усилий; 4) теории принятия решений, в ситуации принятия решений в дискурсе индивид может не знать альтернативы, характеризующейся наиболее высоким значением, или иметь более одной опции с одним и тем же значением, а также может принимать решения, не основанные на обработке *всей* поступающей информации («Good Enough Approach») [Ferreira et al. 2009]; 5) ключевыми моментами дискурса и основанием когнитивных доминант, определяющих коммуникативное взаимодействие человека, являются целенаправленность и целеполагание [Болдырев, Григорьева 2018]. Таким образом, преференциальность может быть определена как вероятностная характеристика прогнозирующего характера, содержащая информацию о степени значимости единицы для вы-

ражения коммуникативного значения, определяемую комплексом внутриязыковых и внешних факторов, детерминирующих специфику и комбинаторность этой единицы в линейных дискурсивных построениях.

Междисциплинарный характер исследования вероятностных характеристик в дискурсе предполагает использование ЭАД с применением корпусного анализа [Федорова 2014; Gilquin, Gries 2009]. На материале прямой речи персонажей художественных произведений, реализованной актерами в чтении (аудиокниги), мы предлагаем оценить преференциальность, реализующуюся в области сегментации речи (на примере повелительных высказываний), при помощи ЭАД, включающего анализ двух корпусов текстов и акустический анализ выборки повелительных высказываний из корпусов устных вариантов (аудиокниг). Поскольку преференциальность носит прогностический характер, ее реализация предполагает определение правил употребления и комбинаторики единиц в дискурсе, определение частотности их соотношения и взаимодействия, последовательности шагов, которые с определенной степенью вероятности будут использованы говорящим / слушающим для передачи коммуникативного содержания. То есть, можно говорить о тенденциях, согласно которым чтец будет одновременно осуществлять принятие решений по сегментации, воспринимая письменную речь и производя устную речь. Сравнение результатов, полученных при анализе разных корпусов, позволит оценить выявленные вероятностные характеристики с точки зрения их универсальности.

Полученные результаты показали, что, несмотря на возможность использования более длинных синтаксических конструкций, авторы письменного текста предпочли предложения с одной грамматической основой: в 64,8% в первом корпусе письменных текстов и в 58,6% во втором корпусе текстов. Актеры, осуществлявшие чтение, следовали той же тенденции, отделяя часть высказывания, содержащую повелительную синтаксическую конструкцию, в 74% высказываний в выборке (первый корпус) и в 77% (второй корпус), включая предложения, содержавшие более одной грамматической основы. При этом количество локализации пауз после части высказывания с повелительной синтаксической конструкцией превышало количество локализации пауз в препозиции на 1/3. Вышеизложенное свидетельствует, что интенциональный принцип в основе когнитивной доминанты повелительного высказывания диктует особый характер сегментации такого высказывания: выделение его в отдельное высказывание [Aikhenvald 2010; Jary, Kissine 2014; Болдырев 2018].

Также было обнаружено, что наличие обращения в структуре повелительного высказывания обусловливало изменение распределения пауз: обращение, находящееся в препозиции к повелительной конструкции, в большинстве случаев (83,3% и 67,1% в первом и втором корпусах соответственно) отделялось от повелительной конструкции паузой, в постпозиции оно было отделено паузой только в 16,3% и 10% случаев. Похожая тенденция наблюдалась при наличии единицы ‘please’ в пре- и постпозиции к повелительной синтаксической конструкции: ‘please’ в постпозиции не была отделена паузой, ‘please’ в препозиции представляла собой отдельное высказывание, ограниченное паузой в 60% и 75,9% случаев. Это говорит о том, что чтецы предпочитают выделять обращение, находящееся в препозиции, в отдельное высказывание с собственной просодической структурой, вероятно, для выполнения привлечения вни-

мания адресата высказывания. Это предположение поддерживается тем, что позиция подлежащего в повелительной синтаксической структуре не оказывала влияние на дистрибуцию пауз в высказываниях при чтении: во всех корпусах подлежащее было включено в просодическую структуру повелительного высказывания. ‘Please’ также получало статус отдельного высказывания с собственной интенциональной направленностью, в отличие от эмфатического ‘do’.

Несмотря на то, что пунктуация считается обязательным показателем наличия пауз при чтении, чтецы не следовали указаниям авторов письменных текстов, выраженным в виде пунктуационных знаков, перед обращениями и ‘please’ в постпозиции.

Please || be seated. || Give me my parcel, **please** ||

Madam, || come in! || Come in, **Bill** ||

Таким образом, тенденции дистрибуции пауз, используемых чтецами для сегментации речи, отражают их преференциальность: 1) предпочтения в выделении определенной синтаксической структуры с выраженной интенциональностью в отдельную просодическую группу; 2) предпочтения в выделении частей предложения с синтаксической структурой с выраженной интенциональностью в отдельные просодические группы на основании наличия и локализации дополнительных элементов синтаксической структуры; 3) необязательность пунктуации как индикатора сегментации речи на основании наличия и локализации дополнительных элементов синтаксической структуры.

Литература

Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2013. 424 с.

Болдырев Н.Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 5-14.

Болдырев Н.Н., Григорьева В.С. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 15-24.

Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. М.: Смысл: Академия, 2006. Т. 1. 448 с.

Кибрик А.А., Подлесская В.И. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: ЯСК, 2009. 736 с.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. М.: Знак, 2012. 208 с.

Леонтьев А.Н. Общее понятие о деятельности // Основы теории речевой деятельности. М., 1974. С. 5-20.

Урсул А.Д. Информация. Методологические аспекты. М.: Наука, 1971. 295 с.

Федорова О.В. Экспериментальный анализ дискурса. М.: Языки славянской культуры, 2014. 512 с.

Царев М. Введение в теорию принятия решений. СПб.: Питер, 2007.

Чейф У. На пути к лингвистике, основанной на мышлении // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / сост. А.А. Кибрик,

А.Д. Кошелев; ред. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазурова, О.В. Федорова. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 60-88.

Aikhenvald A.Y. Imperatives and Commands. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Clayards M., Tanenhaus M.K., Richard N.A., Jacobs R.A. Perception of speech reflects optimal use of probabilistic speech cues // Cognition. 2008. № 103 (8). P. 804-809.

Ferreira F., Engelhardt P., Jones M.W., Taatgen N. (Ed.), Rijn H. (Ed.), Nerbonne J. (Ed.), Schomaker L. (Ed.). Good enough language processing: A satisficing approach. 2009. P. 413-418. Paper presented at 31st Annual Conference of the Cognitive Science Society, Austin Texas.

Gilquin G., Gries S.T. Corpora and experimental methods: A state-of-the-art review // Corpus Linguistics and Linguistic Theory. 2009. № 5 (1).

Jary M., Kissine M. Imperatives. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

Neuroscience of Preference and Choice: Cognitive and Neural Mecahisms / ed. by R. Dolan, T. Sharot. London: Academic Press, 2012. P. 207-223.

Sven Ove Hansson Decision Theory: An Overview // International Encyclopedia of Statistical Science. 2011. P. 349-355.

Iu.A. Nenasheva (Magnitogorsk, Russia)
Nosov Magnotogorsk State Technical University
O.M. Sedliarova (Magnitogorsk, Russia)
Nosov Magnotogorsk State Technical University
N.S. Solovyeva (Magnitogorsk, Russia)
Nosov Magnotogorsk State Technical University

PREFERENCE AS PREMISE FOR DECISION-MAKING IN SPEECH CHUNKING (BASED ON THE DIRECT SPEECH IN READING ALOUD)

The authors suggest the use of the methodology of experimental discourse analysis to describe probabilistic discourse characteristics on the example of the imperatives. Probabilistic characteristics can be defined on the basis of the usage and combinability rules in discourse, frequency of usage and interaction, sequence of operations undertaken by the speakers to express the meaning.

Key words: decision making theory, probability, discourse, experimental discourse analysis, speech segmentation, pause, imperative.

Нин Хуайин *(Тяньцзинь, Китай)*
Тяньцзиньский университет иностранных языков
Ninghy2005@126.com

КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИИ

В данной статье исследуется культурная интерференция в бизнес-коммуникации на примере китайско-русских переговоров, сделаны попытки определить термин «культурная интерференция» и выделить ее виды. В каче-

стве материала для анализа выбраны реальные переговоры между китайскими и русскими бизнесменами на платформе Skype.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, деловое общение, культурная интерференция.

Общеизвестно, что термин интерференция используется как в естественных, так и в гуманитарных науках. В последние годы это понятие стали активно использовать в языкознании и лингводидактике (Сухова 2013, Жаркова, Ергазина 2016, 吴国华(У Гохуа) 1990, 杨仕章(Ян Шичжан) 2004, 都宁(Ду Нин) 2000).

Рассмотрим значение слова «интерференция» в китайском языке (“干扰” gan rao). В «Словаре современного китайского языка» интерференция трактуется как 扰乱，打扰 (*мешать, беспокоить, нарушать, тревожить, дезорганизовать, досаждать*) [吕叔湘(Люй Шусян), 丁声树 (Тинь Шэншу), 2016: 248]. Т.И. Жаркова объясняет этот термин как «перенесение особенностей родного языка на изучаемый иностранный язык» [Жаркова].

Сегодня не существует единого понятия термина «культурная интерференция», ее рассматривают в разных аспектах. Т.И. Жаркова в своей работе приводит разные понятия в психологии, в психолингвистике, в лингвистике и в лингвокультурологии. Нас интересует это понятие в психолингвистике, где «ее рассматривают как неотъемлемую составную часть процесса медленного постепенного проникновения того или иного иноязычного элемента в систему воспринимающего языка в процессе овладения им»; и в лингвистике: «нарушение билингвом (человеком, владеющим двумя языками) норм и правил соотношения двух контактирующих языков» [Жаркова]. Н.А. Сухова рассматривает интерференцию именно в культурно-страноведческом аспекте и определяет ее как взаимовлияние родной картины мира носителей языка на последующие (вторую и третью картины мира) и наоборот их влияние на родную культуру, формирующиеся в процессе изучения иностранных языков и культур, проявляющееся на языковом, языковом культурологическом, языковом страноведческом уровнях [Сухова 2013]. Сходное мнение было у китайского ученого У Гохуа: “所谓文化干扰，是指学习者不知不觉地将本民族的习惯或文化模式套用到或强加到所学语言上去，从而产生理解上的偏误，甚或导致交际的失败。” (Культурная интерференция – это когда учащийся несознательно переносит привычки и менталитет своей нации на изучаемый иностранный язык, в результате чего возникает непонимание или коммуникативная неудача) [吴国华(У Гохуа) 1990: 93].

Как и само определение данного термина, виды культурной интерференции тоже определяют по-разному. Т.И. Жаркова делит интерференцию в языковом аспекте (фонетическая, графическая и орфографическая, лексическая, семантическая, грамматическая, стилистическая) и культурном аспекте (лингвострановедческая, социокультурная или культурная) [Жаркова]. По мнению Н.А. Суховой, интерференцию можно разделить на фонетическую и ритмико-интонационную, грамматическую и лексико-семантическую и лакунарно-концептуальную [Сухова 2013: 54]. Китайский

ученый 韩民青 (Хан Миньцинь) в своей работе предложил такие виды: материально-культурная, поведенческо-культурная и сознательно-культурная интерференция [Хан Миньцинь 1989: 100-178].

В данной работе мы рассматриваем культурную интерференцию в бизнес-коммуникации между китайскими и российскими бизнесменами. Проведенный анализ позволил нам выделить следующие виды интерференции: языковая, культурно-страноведческая, ментально-эмоциональная, традиционно-корпоративная.

Мы исследовали переговоры по Skype между директором компании (с китайской стороны, далее обозначен «К») и менеджером транспортной фирмы (с российской стороны, далее обозначен «Р»). Орфография и пунктуация сохранены.

Языковая интерференция:

[2015/4/27 15:12:55] К: *Добрый день, Елена! Юрий Александрович не сказал вам, как заниматься транспортом по отгрузки* <u>*кмареы*</u> ***(камер)***?

[2015/4/27 15:22:39] Р: *Добрый день*

[2015/4/27 15:22:52] Р: *Не совсем поняла вопроса*

[2015/4/27 15:22:56] Р: *Что вы имеете ввиду?*

[2015/4/27 15:23:40] К: *по поводу отправления камеры*

[2015/4/27 15:24:00] Р: *Что именно?*

[2015/4/27 15:26:09] К: *недавно вы* <u>*спросила*</u> ***(спрашивали)*** <u>*возможность*</u> ***(о возможности)*** *поставки камеры на условиях FOB Далянь. я ответил и дал тариф с завода до Даляня.*

В этом диалоге непонимание возникает из-за неправильного написания слова, выбора формы слова или управления. Примеры подчеркнуты, правильный вариант приведен в скобках. Часто такие нарушения возникают из-за того, что пишущий использует систему родного языка при выборе формы слова или согласования слов в предложении. Данные ошибки не являются коммуникативно значимыми и, как правило, несущественно влияют на эффективность переговоров.

Культурно-страноведческая интерференция:

[2015/7/3 17:55:55] Р: *Вы можете сделать нам благодарственное письмо, о том что мы хорошие, покупаем у вас товар, с нами прятно вести бизнес и так далее*

[2015/7/3 17:55:59] Р: *на фирменном бланке*

[2015/7/3 18:40:03] К: *ДЛЯ ЧЕГО ЭТО ПИСЬМО* ?

[2015/7/3 18:41:31] Р: *Для того что бы показывать клиентам и они видели в нас надежных партнеров*

[2015/7/3 18:41:45] Р: *И заказывали товары, в том числе и с вашей фабрики.*

[2015/7/3 18:49:16] К: *Тогда вы пишете письмо и мне отправьте, я делаю в фирменном блоке.*

В этом примере мы видим, что непонимание связано с культурной традицией: российская сторона выражает желание получить благодарственное письмо, что непонятно для китайской стороны, потому что в Китае нет такой традиции. Данная просьба вызывает эмоции, что выражается использованием прописных букв.

Ментально-эмоциональная интерференция. В нашем предыдущем исследовании мы уже писали о том, что китайцы более сдержаны в эмоциональном плане, а русские более эмоциональны.

[2016/8/3 14:19:43] K: *Заведующий Управления звонил, отправленные вами валюты *** долл. США можно вернуть обратно или оставлять как предоплата следующего контракта.*

[2016/8/3 14:20:39] P: *Нас не утраивают оба варианна*

[2016/8/3 14:20:49] P: *Не нужно отправлять обратно ни в коем случае!*

[2016/8/3 14:20:58] P: *И о какой предоплате идет речь?*

[2016/8/3 14:21:05] P: *Больше нет с вами контарактов*

[2016/8/3 14:21:19] P: *ВЫ что сошли с ума????*

[2016/8/3 14:21:32] P: *Вы понимаете как это много денег*

[2016/8/3 14:21:32] P: ?

[2016/8/3 14:24:16] P: *ВЫ можете показать контаркт своему управлению контроля и сказать что эти деньги были излишне упачены по контраку*

[2016/8/3 14:24:21] P: *ПОНИМАЕТЕ?*

[2016/8/3 14:25:02] K: *ЛИШНИХ СЛОВ НЕ НАДО !!!!*

[2016/8/3 14:27:47] K: *Это решает Управление, не я !!! я не имею право решить этот вопрос !!!!*

[2016/8/3 14:28:07] K: *Решите быстро!!!!!*

Можно отметить, что представитель российской стороны использует речевые конструкции, несвойственные деловому стилю, что вызывает негатив с китайской стороны. Такое поведение может привести к конфликту и прекращению взаимодействия.

Традиционно-корпоративная интерференция проявляется в том случае, когда один из партнеров не хочет учитывать законы и традиции, сложившиеся в бизнес-среде другой страны или организации (корпорации).

[2015/6/2 10:04:51] P: *Скажите, возможно ли оплата в море? В обмен на телекс релиз?*

[2015/6/2 10:09:21] K: *оплата производится по условиям контракта*

[2015/6/2 10:10:29] P: *Дело в том что сейчас мы со всеми работаем по оплате в море в обмен тна телекс-релиз, вы знаете что это такое?*

[2015/6/2 10:12:18] K: *не заню что такое в море в обмен тна елекс-релиз.*

[2015/6/2 10:13:54] K: *давайте работаем по условиям контракта*

[2015/6/2 10:14:32] K: *мы со всеми клиентами так работаем*

[2015/6/2 10:19:13] P: *Я вам обьясню: мы загржаем товар, и пока он плывет мы оплачиваем за товар, пока контейнер не пришел в порт. Если оплаты не произошло, вы просто не отдаете нам телекс-релиз (это копия коносамента)*

[2015/6/3 11:07:04] P: *Добрый день*

[2015/6/3 15:00:38] K: *добрый день,*

[2015/6/3 15:04:59] P: *Что по поводу моего предложения по оплате*

[2015/6/3 15:05:24] P: *Я вам обьясню: мы загржаем товар, и пока он плывет мы оплачиваем за товар, пока контейнер не пришел в порт. Если оплаты не произошло, вы просто не отдаете нам телекс-релиз (это копия коносамента)*

[2015/6/3 15:05:29] P: *Вы это читали?*

[2015/6/3 15:10:01] K: *я читал. это сложно, не можем принимать такое предложение. давайте работаем по условиям подписанного контракта.*

В данном случае одна из сторон предлагает другой изменить условия оплаты, сделав их более выгодными для себя. При этом нарушается предварительная договоренность, которая закреплена в контракте.

Таким образом, мы можем увидеть, что в бизнес-коммуникации можно выделить несколько видов интерференции, которые могут оказывать влияние на результат взаимодействия. Затрудняет, но, как правило, не влияет на переговоры языковая интерференция. Другие виды интерференции могут оказать влияние на переговоры. Если в случае незнания реалий культуры (культурно-страноведческая) или традиций (традиционно-корпоративная) можно уточнить причину непонимания, то излишняя эмоциональность и грубость (ментально-эмоциональная) может серьезно повлиять на продолжительность и результат взаимодействия.

Литература

Жаркова Т.И. Интерференция как один из барьеров для реализации бизнес-общения. URL: http://festival.1september.ru/articles/518122/ (дата обращения: 25.06.2017).

Сухова Н.А. Культурно-страноведческая интерференция в деловой коммуникации // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. Т. 196. С. 54-57. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-stranovedcheskaya-interferentsiya-v-delovoy-kommunikatsii (дата обращения: 15.06.2017).

*吕叔湘，丁声树*主编. 现代汉语词典. 北京:商务印书馆，2016 – *Люй Шусян, Тинь Шэншу*. Словарь современного китайского языка. Пекин: Изд-во Бизнес, 2016.

韩民青.《文化论》，南宁: 广西人民出版社，1989，438页 – *Хан Миньцинь*. Культурология. Наннин: Гуансиское народное изд-во, 1989. 438 с.

吴国华. 外语教学中的文化干扰问题,《外语学刊》1990年(03)，93 – *У Гохуа*. Культурная интерференция в преподавании иностранных языков // Иностранные языки. 1990. № 3. С. 93

Ning Huaiying (Tianjin, China)
Tianjin Foreign Studies Univercity

CULTURAL INTERFERENCE IN BUSINESS COMMNICATION

This article examines cultural interference in business communication using the example of Chinese-Russian negotiations. attempts are made to define the term “cultural interference” and identify its types. The material for analysis is real negotiations between Chinese and Russian businessmen on the Skype platform.

Key words: intercultural communication, business communication, cultural interference.

И.В. Панасюк *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный университет
Irina_panasyuk@mail.ru

ИМЕННЫЕ АЛЛЮЗИИ КАК МАРКЕРЫ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ БРИТАНСКИХ ГАЗЕТ О РУССКОЙ ЖИВОПИСИ)[1]

Работа посвящена исследованию реализации аллюзий на имена русских художников и названия их картин как маркеров британского искусствоведческого дискурса. Выявлено преобладание аллюзивных сравнений над эпитетами и метафорами. Отмечается тенденция к негативной оценке; при положительной оценке художественных произведений используются аллюзивные отсылки к образам национального искусства.

Ключевые слова: аллюзия, имена собственные, языковые маркеры, британский искусствоведческий дискурс, русская живопись.

Исследования искусствоведческого дискурса (ИД) позволяют говорить о присущих ему тактиках эстетической оценки и концептуальной интерпретации произведений искусства [Хасанова, Милетова, Бугаенко 2014], а также о характерных языковых маркерах, используемых авторами критических статей. Среди стилистических приемов следует отметить тактику метафоризации и интертекстуальности [Ерохина 2016; Алимурадов, Милетова 2013]. Основными маркерами ИД являются лексические единицы с семой уникальности, превосходная степень прилагательных [Галицкая 2017], настоящее время глагола [Нефедова, Галицкая 2018], особые синтаксические конструкции, сравнения и цитаты [Radighieri 2005; Селиванова 2006]. Следует отметить, что к числу наименее изученных относится вопрос об использовании в ИД аллюзий, затрагивающих имена художников, принадлежащих другой национальной культуре.

В данной работе ставилась цель исследовать аллюзии, содержащие имена собственные (имена художников, названия картин и имена персонажей, на них изображенных) на материале статей британских газет, посвященных русской живописи. Выявленные методом сплошной выборки аллюзии классифицировались с точки зрения их языковой репрезентации (сравнения, эпитеты, метафоры), функциональной роли в интерпретации или оценке, а также с учетом характера реализуемого аллюзивного признака. Для определения типа оценочного значения аллюзий использовался контекстуально-семантический анализ.

Наиболее распространенный тип именной аллюзии в нашем материале – это аллюзивные сравнения. В примере 1 дается сравнение портретов большевиков, выполненных русскими художниками, с изображением Сезанном горы Сен-Виктуар, что создает имплицитно негативную оценку их стиля как заимствованного. Этому способствует предшествующий контекст, в котором автор статьи в гиперболизированной форме указывает на невероятную быстроту, с которой русские художники перенимают живописную манеру знаме-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00276

нитых западных живописцев. Пример 1. It is staggering to see how fast new ideas were crisscrossing Europe even before 1917. Picasso invents cubism; Kazimir Malevich adapts it in Moscow a few minutes later. **Aristarkh Lentulov** and **Boris Grigoriev** portray **Bolshevik** leaders like **Cézanne** painting **Mont Saint-Victoire**.

Эксплицитно выраженную негативную оценку можно проиллюстрировать примером 2, в котором полотно Петрова-Водкина определяется как «ужасная пародия» на известную картину Матисса. Пример 2. **Petrov-Vodkin's** two boys dancing naked against a green and blue background is a horrible spoof of **Matisse**.

В нашем материале представлены несколько случаев использования аллюзивного сравнения для положительной оценки. В примере 3 автор описывает одинокую сосну на картине И. Шишкина «На севере диком» как «самое прекрасное живописное изображение рождественского дерева» и далее проводит аналогию с картиной Каспара Давида Фридриха, не называя ее, но, вероятно, имея в виду известное полотно «Монах у моря». Аллюзивный признак «одиночество» служит основанием для достаточно субъективной авторской интерпретации. Пример 3. There isn't a more beautiful **Christmas tree** anywhere in art than his lone pine, twinkling with frosted snow, raised high upon a peak above a landscape that rolls away like a deep blue ocean in the moonlight. **Shishkin** can hardly have clambered to the mountain-top to see it but his vision speaks true.Just as **his tree** is as solitary as one of **Caspar David Friedrich's** yearning monks, yet more transcendent and electrifying.

Все вышеприведенные случаи представляют собой аллюзивные сравнения, в которых используются имена сферы искусства. Значительно реже встречаются аллюзии из области литературы (кино), как в примере 4, где художественное содержание агитационного плаката Л. Лисицкого «Клином красным бей белых» сопоставляется с эпизодом из романа Б. Стокера «Дракула» (или, что более вероятно, его экранизации). Пример 4. If you think I am exaggerating, consider **El Lissitzky's** famous 1919 poster Beat the Whites with the Red Wedge. You don't need any knowledge of modern art to understand it – a sharp red triangle is being driven into a black mass like a stake into **Dracula's** heart.

Аллюзивные эпитеты представлены небольшим числом примеров. В примере 5 спящий пастух А. Венецианова сравнивается с ангелом с полотна Пьеро делла Франческа. Всемирная известность итальянского художника подчеркивается использованием данного ему при крещении имени – Пьеро, подобно тому, как Леонардо да Винчи часто именуется Леонардо. Пример 5. **Aleksei Venetsianov**, father of them all, is a kind of Russian Renaissance master. His **sleeping shepherd**, unconsciously gesturing at the soft landscape behind him with an open palm, is **like a Piero angel** asleep.

Аллюзивные метафоры или переименования представляют собой словосочетания прецедентного имени с определением, выраженным этнонимом по модели the/a Russian Rembrandt, употребляемые по отношению к художнику, национальная принадлежность которого указана этнонимом. Были выявлены следующие номинации (имена художников указаны в скобках): the Russian Rembrandt (Марианна Веревкина – Marianne von Werefkin), Russia's Constable, Russia's Monet (русские пейзажисты), а также единичный случай использования прецедентного имени для интерпретации персонажа картины. Рабочий-ударник Днепростроя, изображенный на картине И. Бродского, именуется

«Московским Микеланджело» – **a Muscovite Michelangelo**. Пример 6. Isaak Brodsky paints a shock-worker, as these super-strong labourers were known, half-naked and raised up on scaffolding against the night sky – **a Muscovite Michelangelo**. Особого внимания заслуживает пример 7, в котором картина А. Саврасова «Грачи прилетели» «переименовывается» путем метафорического переноса названия картины Джона Констебля «Телега для сена». В основе переименования лежит аллюзивный признак «национальный художественный символ». Заметим, что, по мнению автора статьи, эта картина, неброская, небольших размеров (rough and scrawny), нуждается в истолковании, без которого британский зритель не поймет, почему она является для русских одним из наиболее любимых произведений национальной живописи. Пример 7. There are no figures at all in The Rooks Have Returned – **Russia's** favourite painting, its **cherished Haywain** – only the returning rooks of the title. But return is everything. Until you understand that this an encomium to Russian fortitude, the long wait for renewal and the spring thaw, Aleksei Savrasov's rough and scrawny painting may seem unaccountably popular.

Таким образом, анализ аллюзий в ИД показал, что они реализуются как сравнения, эпитеты и метафорические переименования. Преобладают аллюзии на имена художников, реже встречаются аллюзии на названия картин и имена персонажей. В своем большинстве аллюзии относятся к миру искусства; тем не менее, встречаются аллюзивные сравнения живописных и литературных произведений. С функциональной точки зрения следует отметить, что аллюзии чаще выступают как маркеры оценки, чем интерпретации. При этом оценка выражается как эксплицитно при помощи соответствующих лексических средств, так и имплицитно, неявно. Отрицательная оценка преобладает над положительной оценкой.

Можно отметить, что явления русского искусства, сравнительно мало знакомые британской публике, интерпретируются и оцениваются авторами критических статей с помощью отсылок либо к всемирно известным именам художников и живописным полотнам, либо к обладающим высокой художественной ценностью и культурной значимостью произведениям национального искусства Великобритании.

Литература

Алимурадов О.А., Милетова Е.В. Метафорические модели, вербализующиеся с участием имен прилагательных и реализуемые в современном англоязычном искусствоведческом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 4 (37). С. 51-60.

Галицкая О.А. Лингвостилистические средства реализации тактики выделения уникальных свойств в искусствоведческом дискурсе // Коммуникативные исследования. 2017. № 3 (13). С. 70-79.

Ерохина А.Б. Специфика оценки в рамках современного критического искусствоведческого дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10-1 (76). Ч. 1. С. 108-111.

Нефедова Л.А., Галицкая О.А. Исследование речевых маркеров в искусствоведческом медиадискурсивном пространстве // Вестник Челябинского

государственного университета. Филологические науки. 2018. № 1 (411). Вып. Ш. С. 53-59.

Селиванова О.Н. Интертекстуальность как свойство искусствоведческого текста // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2006. № 14 (3). С. 220-223.

Хасанова З.С., Милетова Е.В, Бугаенко Н.П. Некоторые параметры и характеристики англоязычного специализированного искусствоведческого дискурса // Вестник Башкирского государственного университета. 2014. № 2. С. 397-408.

Radighieri S. Arts in the news: evaluative language use in the 'art review' // The corpus linguistics conference. BIRMINGHAM, 2005. URL: https://www.birmingham. ac.uk/research/activity/corpus/publications/conference-archives/2005-conf-e-journal.aspx.

I.V. Panasyuk (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

ALLUSIONS TO PROPER NAMES AS MARKERS IN ART DISCOURSE (BASED ON BRITISH NEWSPAPER ARTICLES ON RUSSIAN PAINTING)

The paper investigates the role of allusions in British newspaper articles in the interpretation and evaluation Russian art. Linguistic analysis of material obtained demonstrates the prevalence of allusive similes over epithets and metaphors, as well as higher occurrence of negative evaluation rather than positive. In cases of positive assessment there exists a tendency to allude to masterpieces of world and British art.

Key words: allusion, proper names, language markers, art discourse, Russian painting.

Н.С. Патрикеева *(Киров, Россия)*
Кировский государственный медицинский университет
derevnia76@mail.ru

КЛАССИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ В ТЕРМИНОЛОГИИ ТРАНСПЛАНТОЛОГИИ

Категории Аристотеля составляют основу классической логики и служат для описания действительности в широком смысле слова. В статье рассмотрены классические категории в терминологии трансплантологии, определены ключевые категории для трансплантологии как специфической медицинской помощи.

Ключевые слова: терминология трансплантологии, категоризация, когнитивное терминоведение.

Существует традиционный вопрос человеку, хорошо знающему иностранный язык: «А вы можете думать на иностранном языке?» Можно предположить ответ: «Да, в определенных обстоятельствах». По аналогии таким «иностранным» для врача будет его медико-биологический язык, на котором он думает, читает специализированную литературу, заполняет документы, обща-

ется с коллегами в своей профессиональной деятельности. Его профессиональная языковая личность, языковая культура и языковая картина мира формируются, начиная с первого курса университета, на протяжении долгих лет учебы и врачебной практики. Мир, который видит и воспринимает врач, мир, в котором он живет, – это мир больницы с населяющими ее пациентами. Если говорить о взгляде со стороны, извне, то его речевая деятельность является предметом изучения для лингвистов, а язык, наполненный медицинскими терминами и профессионализмами, – для терминологов. Медицинская терминология отражает сложный процесс клинического мышления врача, в котором в качестве основного компонента в процессе познания действительности и способа конструирования научных знаний лежат онтологические категории. В статье рассматривается вербализация классических категорий, введенных Аристотелем, в профессиональном языке врача – хирурга-трансплантолога. Задача представляла собой выявить лексические и словообразовательные единицы, отражающие категориальные признаки понятий, методами словообразовательного, семантического, ономасиологического, дефиниционного и категориального анализа. Материалом послужили термины трансплантологии, полученные методом сплошной выборки из специализированных словарей, учебных пособий, научной медицинской литературы.

Лингвокогнитивистика и антропоцентрический подход позволили расширить рамки структурного-семантического анализа в языкознании, а с появлением новых методов в когнитивном терминоведении стало возможным описание соотношения языковой картины мира и внеязыковой действительности, репрезентации научных знаний в языке и т.п. Категоризация мира – это результат когнитивной деятельности человека, итог классификации окружающего мира и вычленения отдельных единиц в проведенной классификации, когда конечным итогом указанной деятельности оказывается формирование особой категории, позволяющей увидеть мир в главных атрибутах бытия и функционирования [Кубрякова 2004: 307]. Категория как единица научного мышления была введена Аристотелем. В четвертой главе «Категорий» читаем: «Из слов, высказываемых без какой-либо связи, каждое означает или сущность, или качество, или количество, или отношение, или место, или время, или положение, или обладание, или действие, или страдание…» [Аристотель 1978: 55]. Таким образом, основатель классической логики выделял десять категорий, которые понимались как наиболее общие понятия: *субстанция, количество, качество, отношение, пространство, время, состояние, действие, обладание, страдание*. Благодаря своему объему категории служат систематизацией знания и познавательного процесса, подведением под те или иные рубрики целые классы понятий. Кроме того, они как особые когнитивные единицы многодисциплинарного характера фиксируют этапы и факторы познавательного процесса. Категории имеют высокий уровень обобщенности и лишены предметно-чувственной образности [Алефиренко 2010: 8]. Все аристотелевские категории предназначены для описания действительности в широком смысле слова. Аристотелевская теория категорий предназначена для установления связи между языком, мышлением и действительностью, для познания и понимания бесконечного многообразия

вещей. Всякая вещь, если на нее направлено наше мышление, восприятие, познание или рассуждение, так или иначе должна попасть под одну из рубрикаций. Аристотелевская теория категорий уже давно получила статус классической, безоговорочно признаваемой, лежащей в основе влиятельных философских концепций в области гносеологии, онтологии, логики [Кузнецов 2018: 34]. Классические категории применимы преимущественно в тех сферах, где требуется конструирование понятий с четко заданными, оговоренными границами, в частности в профессиональном языке и терминологии. Особое значение категоризация получила с утверждением когнитивно-дискурсивной парадигмы знания, антропологического подхода к языковым явлениям. Терминологическими единицами, выражающими ту или иную категорию, являются: слово, словосочетание, словообразовательный терминоэлемент. Рассмотрим категории на примере терминов трансплантологии.

1. Категория *сущности* выражается в языке единичными или общими именами. Сущности бывают первичными или вторичными. Обозначают конкретный предмет мысли или множество вещей. По форме мышления – это понятия. Общее понятие, представляющее пример конкретной категории сущности, имеет конкретные закрепленные за ним объем и содержание, т.е. множество предметов и их признаков, которые мыслятся в данной категории. Например: а) *почка, печень, легкое, сердце* – это первичные сущности, *трансплантат, трансплантированный орган или солидный орган* – вторичные сущности; б) *цирроз печени (терминальная стадия), первичный рак печени, острая печеночная недостаточность* – первичные сущности, *патологии, показания к трансплантации* – вторичные сущности.

2. Категория *количества*. У Аристотеля «Количеством называется то, что может быть разделено на составные части, каждая из которых, будет их две или несколько, является чем-то одним, данным налицо. То или другое количество есть множество, если его можно счесть, это – величина, если его можно измерить. Множеством при этом называется то, что в возможности (потенциально) делится на части не непрерывные, величиною, – то, что (делится) на части непрерывные» (Met. V, 13, 1020a 7-14; рус. пер., М., 1934) [БСЭ 1969–1978]. К категории количества относятся концепты УВЕЛИЧЕНИЕ, МНОГО, МАЛО, ЦЕЛОСТНОСТЬ, ЧАСТИЧНОСТЬ, ИСЧИСЛИМОСТЬ. Например: *полная* тканевая совместимость, *частичная* совместимость, *мульти*органное изъятие, *сочетанная* пересадка (двух органов одновременно), донорский *пул*, *тотальный* некроз головного мозга, *триада* Кушинга, *гипер*термия, *моно*клональные антитела, *поли*клональные антитела, *сплит-печень* (донорская печень, разделенная на две части для пересадки разным реципиентам), *гипер-*, *гипо*пигментация трансплантата, трансплантация по типу «*домино*» (пересадка органов одновременно нескольким людям), *множественные* миеломы.

3. Категория *качества* проявляется в различных признаках патологического процесса. Основной терминологической единицей, выражающей данную категорию, является атрибутивное словосочетание. Атрибутивное словосочетание обладает уникальной способностью к расширению своих границ за счет введения новых определений, отражающих выявляемые в процессе научного и эмпирического познания признаки объекта исследования. Например: *монофиламентная нерассасывающаяся* нить, *прецизионная* (высокоточная) хирурги-

ческая техника, *гранулирующая* (зернистая) поверхность, *поддерживающая* терапия.

4. Категорию *отношения* Аристотель описывал через нечто, которое «есть то, что оно есть», лишь «в связи с другим или находясь в каком-то ином отношении к другому» [Аристотель 1978: 66]. В этом смысле существовать для соотнесенного – значит находиться в каком-либо отношении к другому. Для Аристотеля сущность есть условие возможности отношений. Особый интерес для трансплантологии представляет понимание отношения как «той или иной связи между событиями только объектами, частями одного объекта, отдельными людьми, социальными группами» [БЭ 2006: 508]. Например: виды трансплантации органов и тканей по типу доноров – *аутотрансплантация* (пересадка собственных тканей), *аллотрансплантация* (пересадка органов и тканей от другого человека) может быть *родственная, неродственная, изотрансплантация или сингенная* трансплантация (от однояйцевого близнеца), *ксенотрансплантация* (от животного), селекция пары *донор-реципиент, чужеродные антигены*.

5. Категория *пространство.* В трансплантологии пространство прежде всего – это анатомическое пространство, расположение органов в теле, расположение по отношению к тем или иным органам или частям тела. Например: *ортотопическая* трансплантация (пересадка органа в естественное место), *гетеротопическая* трансплантация (пересадка органа в неестественное место с сохранением органа хозяина), указание на анатомическую локализацию причинного фактора можно увидеть в формулировке диагноза «почечная недостаточность: *преренальная*, *ренальная*, *постренальная*».

6. Категория *времени* является одной из важнейших категорий как в трансплантологии, так и в клинике в целом. Признаки времени: повторяемость, одновременность, частота, ритмичность, первичность – вторичность, последовательность событий, продолжительность, соотнесенность с будущим и прошедшим временем, изменчивость во времени. Признаки времени могут проявляться на основе когнитивных ассоциативных связей. Категория времени часто является основным критерием для классификации патологий, выполняя информационную и идентификационную функции. В трансплантологии на каждом ее этапе от выявления больных с терминальной стадией заболевания, создания листа ожидания операции до осуществления пересадки органа с последующей пожизненной терапией есть аллюзия на время. Например: время протекания заболевания – основной фактор в диагнозах *острая почечная недостаточность* (быстрое развитие) и *хроническая болезнь почек* (продолжительное развитие); лист *ожидания*, *ургентный* (срочный) лист ожидания, *терминальная* стадия заболевания, *предоперационный*, *интраоперационный*, *постоперационный*, *периоперационный*, *ранний* / *отдаленный* послеоперационный период, *немедленная* / *отсроченная* функция трансплантата, *период* холодовой ишемии, *сверхострое* отторжение трансплантата (в течении минут-часов-дней), *острое* отторжение (от недели до 6 месяцев), *хроническое* отторжение (с одного месяца и далее). Трансплантация как вид медицинской помощи во многом зависит от ограниченной во времени консервации донорских органов и тканей.

7. Категория *состояние* в терминологии трансплантологии имеет следующие подкатегории: состояние (естественное и патологическое), характеризующиеся относительной статичностью, и процессы как смена состояний (физиологические и патофизиологические). Например: *консервация органов и тканей, ишемия органа, смерть мозга, отторжение, гомеостаз, функциональный паралич, приживление трансплантата*.

8. Категория *действие* фиксирует этапы селекции пары донор-реципиент и деятельности хирурга. Анализ профессиональных глаголов и отглагольных существительных, имеющих динамическое и функциональное значение, позволяет говорить о репрезентации когнитивной модели профессиональных действий врача и хирурга. Например: *селекция, пересаживать, извлекать, обрабатывать, сепарировать, эксплантация / эксцизия / изъятие*.

9, 10. Категории *обладания* и *страдания* незначительно представлены в трансплантологии. Например: *иммунная реакция хозяина, трансплантированное сердце, трансплантированный пациент, инвалидизация живого донора*.

Важнейшими категориями трансплантологии как специфического вида медицинской помощи при лечении угрожающих жизни пациента заболеваний являются категории *сущности (орган для пересадки)*, *отношения* (*тип донора*) и *времени (ограниченные сроки всех этапов трансплантации органов*).

Литература

Алефиренко Н.Ф. Концепт – понятие – категория в свете современной лингвокогнитивистики // Научные ведомости Белгородского государственного национального исследовательского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 18. Вып. 7. С. 5-12.

Аристотель. Категории // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М., 1978. Т. 2.

БСЭ – Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978.

БЭ – Большая энциклопедия: в 62 т. М.: Терра, 2006. Т. 34. 592 с.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Кузнецов В.Г. Аристотелевская теория категорий и прототипический подход // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 1. С. 32-44.

N.S. Patrikeeva (Kirov, Russia)
Kirov State Medical University

CLASSICAL CATEGORIES IN THE TERMINOLOGY OF TRANSPLANTOLOGY

Aristotle’s categories form the basis of classical logic and serve to describe reality in the broad sense of the word. The article discusses the classic categories in the terminology of transplantology, identifies key categories for transplantology as a specific medical care.

Key words: the terminology of transplantology, categorization, cognitive terminology.

Т.И. Петухова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный университет
t.petuhova@spbu.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА ПАВЛА ФИЛОНОВА В АНГЛООЯЗЫЧНОМ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ[1]

В статье рассматривается языковая интерпретация доминантных концептов художественной картины мира П.Н. Филонова в англоязычном искусствоведческом дискурсе, подчеркивается важность культурного фактора при восприятии искусства, которое создается в контексте распределенной когниции, и выявляется знак оценки творчества русского художника экспертами, представителями англоязычного социума.

Ключевые слова: художественная картина мира, Павел Филонов, англоязычный искусствоведческий дискурс, доминантные концепты, распределенная когниция.

В стремительно развивающемся современном мире вопросы межкультурной коммуникации во всех сферах человеческой деятельности выходят на первый план. Значимую роль в гармонизации отношений между представителями различных культур призвано сыграть искусство, которое является важным фактором в формировании ценностных доминант всего человечества.

Оставаясь продуктом, созданным в результате индивидуальной творческой деятельности, произведение искусства, вместе с тем, несет отпечаток социокультурного и исторического наследия нации. Несомненный интерес представляет исследование закономерностей формирования профессионального знания, лежащего в основе языковой интерпретации и оценки культурно-ценностных концептов русской живописи у представителя другой культуры, изучение структуры такого знания, взаимодействия основных составляющих его компонентов. В процессе восприятия и интерпретации произведения искусства искусствоведом происходит познание художественной картины мира его создателя, выявление закономерностей его мышления и эмоционального отношения к миру. Многогранная, эмоционально насыщенная картина мира художника находит репрезентацию в его произведениях и на вербальном уровне интерпретируется искусствоведом, который на основании своих знаний и эмоций соотносит воспринимаемый художественный образ со своей культурной картиной мира, креативно преобразует его и транслирует свое мнение и оценку реципиенту искусствоведческого текста.

Важную роль при создании и восприятии произведения искусства играет культурная принадлежность художника и реципиента. Как справедливо отмечает М. Дональд, искусство создается в контексте так называемой распределенной когниции, формирование которой обусловлено социальными и культурными факторами. Творчество художника, представителя определенной нации, культурно детерминировано. Соответственно при восприятии

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00276

искусства культурный фактор выходит на первый план. “In the case of human beings, there is an additional factor that must be taken into account in explaining art: art: the distributed cognitive processes of culture. Human culture is uniquely cognitive in its function. Human culture is a marketplace of ideas and images, feelings and impressions. Indeed, it is a vast cognitive network in its own right” [Donald 2006: 14].

Рассмотрим, каким образом интерпретируется картина мира выдающегося русского художника первой половины XX века Павла Николаевича Филонова в англоязычном искусствоведческом дискурсе. Автор своей собственной революционной концепции аналитического искусства, Павел Филонов малоизвестен за рубежом, так как преданный России художник хотел, чтобы его работы оставались в России. Для редких зарубежных специалистов в области его искусства он является прежде всего носителем русской ментальности:

Highly regarded in Russia, the artist is less known in the West. The majority of his paintings are housed in the Russian Museum: **Filonov considered himself a true Russian** and desired that the Russian people inherit his works. Furthermore, **the polyphonic philosophy of his work is perhaps more in tune with the Russian mentality** [Bowlt 2006].

Исследования американского искусствоведа Джона Боулта направлены на выявление основных составляющих картины мира русского художника. Вместе с тем, будучи носителем другой культуры, эксперт акцентирует свое внимание на национально-культурных особенностях творчества художника, постоянно сопоставляя его работы с произведениями западных художников и анализируя, что в его творчестве объединяет его с представителями других культур, а что характеризует его как носителя русской культуры.

The second vital element in *Filonov's work is his transference of ce*rtain stylistic principles from pre-Christian and early Christian **Slavic and Scandinavian artifacts** to his basic conceptions of perspective, anatomy, and composition. Filonov was profoundly interested in the stone and wooden effigies surviving from **ancient cultures of Siberia, south Russia, and Finland,** and their sternness of feature, massiveness of limb, and roundness od shape inspired the lapidary, ponderous quality of many of his figures [Bowlt 1975: 288].

Анализируя художественную картину мира Павла Филонова, американский искусствовед обращается к изучению истоков его творчества, которое в значительной степени берет начало в славянской культуре. Вместе с тем, для представителя американской культуры оказывается важным тот факт, что Филонов в своем творчестве лишен национального шовинизма:

<…> Filonov's interest in pagan Slavic culture **was devoid of any nationalist chauvinism**. For Filonov primitivism provided a means to pure visual perception and did not, and **was not meant to, evoke nationalism**. In simplistic term, it was the form, not the content, of ancient Slavic civilization which attracted Filonov [Bowlt 1975: 289].

Таким образом, значимым элементом, определяющим интерпретацию и оценку творчества русского художника экспертом, представителем другой культуры, является анализ национально-культурной обусловленности его творчества, а также сопоставление его работ с произведениями художников, принадлежащих к другим культурам. Такой подход позволяет автору искусствоведческого текста выявить закономерности формирования художественной

картины мира русского мастера и отличительные черты его творчества, делающие его уникальным представителем русского авангарда.

Автор искусствоведческого текста является носителем профессионального, научного знания. Как отмечает Н.Н. Болдырев, научное знание имеет когнитивно-доминантный принцип организации, что проявляется «в использовании конкретных понятий и терминов, с помощью которых исследователь фокусирует внимание на соответствующем подходе к объекту исследования, на той или иной трактовке его природы и основных свойств, выделяющих данный подход как систему научных знаний» [Болдырев 2018: 18]. В случае с творчеством П.Н. Филонова можно говорить о том, что художник сам расставляет акценты, использует собственную терминологическую систему, зафиксированную в оставленных им вербальных текстах, тем самым направляя научный поиск эксперта. Поэтому в ходе анализа художественной картины мира Павла Филонова искусствоведы тщательно изучают не только его картины, но и его вербальные тексты, фокусируют свое внимание на тех значимых концептах, которые составляют основу философии его искусства, и для трактовки природы его творчества опираются на терминологию, введенную самим художником:

The first difficulty that any reader meets when first approaching *Filonov's* theoretical texts – apart from his particularly convoluted style – is understanding the meaning of his many enigmatic keywords, whose definitions tend to change from text to text. Some examples include: ***"sdelannost'" and* "sdelannye kartiny,"** *(which are usually translated in English as "madeness" and "made paintings")* ***"analytical art," "formula," and* "mirovoi rastsvet" *("universal flowering")*** [Cloutier].

Канадская исследовательница Ж. Клутье анализирует доминантные концепты художественной картины мира П.Н. Филонова, которые получают репрезентацию в его вербальных текстах: «аналитичекое искусство», «сделанность», «формула», «мировой расцвет». Исследователь либо переводит данные лексические единицы на английский язык, либо представляет их транслитерацией и эксплицирует для реципиента, носителя английского языка, сущность объективируемых ими концептов:

What apparently lies at the core of the concept of **sdelann*ost'*** is the idea of **persistent work**, of work considered as a **process** – that is to say, something which takes place in **duration** instead of being merely goal-oriented ...

The type of "work" involved in the concept of ***sdelannost'*** is, first and foremost, **intellectual work**: **study and reflection**. Carelessness is not allowed in the *practice of an artist who deserves to be named a "master" of* **analytical art**, as Filonov called his disciples; each and every brush stroke must be carefully thought [Cloutier].

В англоязычном искусствоведческом дискурсе художественная картина мира Павла Филонова репрезентируется как некое уникальное концептуальное пространство, основу которого составляют система доминантных концептов, взаимосвязанных и взаимодействующих друг с другом. Анализ данных концептов позволяет интерпретировать сложную и таинственную философию, определяющую творческую деятельность русского художника, и в результате этой интерпретации дать высокую оценку его искусства:

... as an artist, thinker, and teacher, **Filonov rightfully deserves a foremost position in the history of twentieth-century Russian and West European art** ...

The importance of Filonov in the history of modern Russian art is unquestionable – not only because he depicted such perverse and haunting visions but also because he existed quite outside that fetish of non-representationalism with which Russian modernism has been identified so closely and so misleadingly. Like Kandinsky, Malevich, and eve Larionov, Filonov **regarded art as communication of experience or, rather, as a medium with which to express totally and exclusively the subjective aesthetic** [Bowlt 1975: 292].

Таким образом, анализ англоязычного искусствоведческого дискурса показывает, что культурный компонент является значимым элементом, определяющим интерпретацию художетсвенной картины мира Павла Филонова, доминантные концепты которой формируют особое концепуальное просторанство. Уникальность русского художника, его революционный подход, стремление рассматривать искусство как стредство трансляции опыта находят высокую оценку со стороны зарубежных экспертов.

Литература

Болдырев Н.Н. Доминантные конструкты научного знания // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXV. С. 13-21.

Бранский В.П. Искусство и философия. Калининград: Янтарный сказ, 2000.

Bowlt J.E. Full of Beauty and Suffering Pavel Filonov // The Tretyakov Gallery Magazine. 2006. № 4 (13). URL: https://www.tretyakovgallery magazine. com/articles/4-2006-13/full-beauty-and-suffering-pavel-filonov.

Bowlt J.E. Pavel Filonov: His Painting and His Theory // The Russian Review. 1975. Vol. 34. № 3. P. 282-292.

Cloutier G. Painting as Experience in Pavel Filonov's Philosophy of Analytical Art // Toronto Slavic Quarterly. № 70. URL: http://sites.utoronto.ca/ tsq/28/cloutier28a.shtml (дата обращения: 02.01.2020).

Donald M. Art and Cognitive Evolution // The Artful Mind / ed. by M. Turner. Oxford et al: Oxford University Press, 2006.

T.I. Petukhova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

REPRESENTATION OF PAVEL FILONOV'S ARTISTIC WORLDVIEW IN ANGLOPHONE ART DISCOURSE

The article considers the language representation of dominant concepts of Pavel Filonov's worldview in Anglophone art discourse, underlines the significance of culture at the perception of art, which is created in the context of distributed cognition. The article reveals the character of the evaluation of the Russian painter's creative work by English-speaking experts.

Key words: artistic worldview, Pavel Filonov, Anglophone art discourse, dominant concepts, distributed cognition.

А.В. Раздуев *(Пятигорск, Россия)*
Пятигорский государственный университет
arazduev@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЗАЦИИ В ТЕРМИНОЛОГИИ СФЕР ГЕНЕТИКИ И ГЕННОЙ ИНЖЕНЕРИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)[1]

Статья посвящена некоторым семантическим особенностям терминологических единиц сфер генетики и генной инженерии в современных английском и русском языках. В ходе работы исследуются специфика семантической терминодеривации, семантические процессы, протекающие в рамках терминологической лексики данных сфер, в частности, метафоризация. Строятся метафорические модели генетических терминов, а также исчисляется их процентное соотношение и частотность употребления в текстах и дискурсе.

Ключевые слова: семантика, семантический процесс, термин, терминология, терминосистема, генетика, генная инженерия.

Изучение терминологии сфер генетики и генной инженерии с лингвистических, в частности, когнитивно-семантических позиций находится на начальном этапе. Семантика терминологических единиц данных сфер практически не изучена (за исключением работ А.Е. Седова, Т.Ф. Шукуровой и др. [Седов 1998; Седов 2000; Шукурова 2014 и др.]). Особый интерес представляет такой частотный семантический процесс, как *метафоризация* (см. [Алимурадов, Милетова 2013; Болдырев 2013; Болдырев 2014 и др.]. Последняя предполагает перенос значения по сходству признаков, использование наименований повседневных аспектов (конкретных и абстрактных референтов) по принципу сходства их признаков с признаками понятий некой области знания или деятельности (в нашем случае – сфер генетики и генной инженерии). При определении типов метафор и конкретных метафорических моделей нами была взята классификация, предложенная А.П. Чудиновым: 1) артефактная метафора; 2) антропоморфная метафора; 3) природоморфная метафора; 4) социоморфная метафора [Чудинов 2003: 77]. Более частные метафорические модели предполагают структуру: **X – это Y**, где **X** – это сфера-мишень, а **Y** – сфера-источник [Чудинов 2001; Лакофф, Джонсон 1990 и др.].

В результате анализа было отобрано и проанализировано более 340 терминов сфер генетики и генной инженерии современных английского и русского языков (8,5% от общего объема выборки по двум языкам, которая составила 4000 единиц).

[1] Публикация выполнена в рамках проекта «Деривационное, когнитивно-семантическое и дискурсивное моделирование русско-, англо- и испаноязычной терминологии сфер генетики и генной инженерии: источники возникновения терминов, история развития и современное состояние терминосистем» по гранту Президента РФ (ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», проект № 075-15-2019-347, науч. рук. – канд. филол. наук, доц. А.В. Раздуев)

Наибольшую частотность в специальных текстах и дискурсе имеет **артефактная метафора** (по 56 единиц каждого языка). Ключевая модель в рамках данного типа метафоры – «ГЕНЕТИКА – это МИР АРТЕФАКТОВ», при этом лидирующее положение занимает использование физически существующих референтов и выполняемых действий по сравнению с абстрактными референтами. Примерами первых могут послужить следующие терминологические единицы: genetic *burden / генетический груз, генетическое бремя; mitotic spindle (лат. fusus mitoticus) / митотическое веретено; genetic marker / генетический маркер; clubbed fingers / барабанные палочки (генетическое заболевание); target gene / ген-мишень, целевой ген; bouquet stage / стадия букета;* chromosome *bridge / хромосомный мост;* DNA strand, string of DNA */ нить ДНК;* polar cap */ полярная шапочка;* replication folk */ репликационная вилка, вилка репликации; gene map / генетическая карта; (micro)satellite DNA / (микро)сателлитная ДНК; shotgun sequencing / секвенирование методом «выстрела из дробового ружья»; shotgun* cloning *method / шот-ган метод клонирования;* m*osaic / мозаик; junk DNA, rubbish DNA / мусорная ДНК; stop signal / сигнал остановки, стоп-сигнал; centrifugal selection / центробежный отбор;* centripetal *selection / центростремительный отбор* [GMMG; TGGT; Мультитран; Седов 2000 и др.] и др. Примерами вторых: cloning *vector / вектор для клонирования, клонирующий вектор; mutational spectrum / мутационный спектр; мутационное равновесие / mutational* equilibrium; population *interference / популяционная интерференция; genetice quilibrium / генетическое равновесие; weight* of *feature / вес признака;* pressure of selection / selection pressure */ давление отбора* [GMMG; TGGT; Мультитран; Седов 2000 и др.] и др. В процентном соотношении от общего числа терминов-метафор данный тип метафоры идет на первом месте и составляет 32%.

Следующей по частотности употребления при семантической терминодеривации выступает **антропоморфная метафора** (по 44 единицы) – метафорическая модель «ГЕНЕТИКА – это МИР ЧЕЛОВЕКА», т.е. перенесение качеств, свойств и характеристик человека на специальные понятия, использование частей тела человека при терминологической номинации, а также указание на родственные связи и т.д. Приведем примеры: jumping gene */ прыгающий ген;* chromosome *jumping / прыжки по хромосоме;* chromosome *walking / прогулка по хромосоме, хромосомный пробег; silent DNA / молчащая ДНК;* silent mutation / *молчащая мутация;* ignorant DNA, selfish DNA */ эгоистичная ДНК;* selfish gene / *эгоистичный ген;* naked *gene / открытый ген, «голый» ген; RNA maturation / созревание РНК;* response element / *отвечающий элемент; DNA*-relaxing *enzymes / ДНК-релаксирующие ферменты;* site *sensitivity / чувствительность сайта; parental DNA / родительская ДНК;* sister *chromatid / сестринская хроматида;* sister chromatid *exchange (SCE) / сестринский хроматидный обмен (СХО);* daughter DNA */ дочерняя ДНК;* daughter DNA strand */ дочерняя нить ДНК; «orphane» gene / ген-сирота; DNA head / голова ДНК; DNA fingerprinting / ДНК-дактилоскопия, ДНК-отпечатки пальцев* [GMMG; TGGT; Мультитран; Седов 2000 и др.] и др. Данный тип метафоры составляет 25% от всех отобранных метафорических терминов.

Несколько менее часто встречается **природоморфная метафора** (по 42 единицы), однако данный тип метафоры является самым разнообразным. Ключе-

вая модель – «ГЕНЕТИКА – это МИР ПРИРОДЫ» – включает, главным образом, различные явления природы и природные объекты, например: population *wave / популяционная волна; gene* flow / *генный поток, поток генов; allele flow / аллельный поток, поток аллелей; genetic drift / генетический дрейф, дрейф генов; DNA comet / ДНК-комета; wild(-type) allele / аллель дикого типа;* wild(-type) gene / *ген дикого типа;* wild(-type) genotype / *генотип дикого типа, немутантный генотип* [GMMG; TGGT; Мультитран; Седов 2000 и др.] и др. Среди частных моделей данного типа метафоры выделяется, например, следующая: «ГЕНЕТИКА – это МИР ЖИВОТНЫХ», охватывающая самих животных, особенности жизнедеятельности и части их тела: mouse *model / мышиная модель; genetically* engineered mouse *model (GEMM) / генетически модифицированная мышиная модель; DNA* head / *голова ДНК; DNA tail / хвост ДНК; genetic migration / миграция генов;* branch *migration / миграция ветвей (ДНК); nomadic genes / кочующие (номадические) гены; gene nest / гнездо генов; nesting genes / гнездящиеся гены; parasitic DNA / паразитическая ДНК;* cell *colony / колония клеток* [GMMG; TGGT; Мультитран; Седов 2000 и др.] и др. Еще одна модель «ГЕНЕТИКА – это МИР РАСТЕНИЙ» является, скорее, окказиональной, например: stem *cell / стволовая клетка; RNA maturation / созревание РНК* [GMMG; TGGT; Мультитран; Седов 2000 и др.] и др. В целом, природоморфная модель в количественном / процентном плане на третьем месте – 24% от всех терминов-метафор.

Социоморфная метафора предполагает отражение в терминологических единицах взаимоотношений между людьми, профессий, занятий и т.д. Ключевая модель – «ГЕНЕТИКА – это МИР СОЦИУМА» (34 / 33 единицы). Приведем некоторые примеры: host *gene / ген-хозяин; master gene / главный ген, основной ген (в русском языке метафора отсутствует); slave gene / ген-раб; host DNA / хозяйская ДНК; promoter / промотор; founder effect / эффект основателя; gatekeeper gene / ген-привратник;* reporter gene / *ген-репортер*; candidate gene / *ген-кандидат; messenger RNA (mRNA) / РНК-посредник;* chromosome mobilization / *мобилизация хромосом;* operator (gene) / *ген-оператор;* concert evolution / *концертная эволюция;* illegitimate recombination / *незаконная рекомбинация;* chromosome initiation / *инициация хромосом;* cell colony / *колония клеток; antibody repertoire / спектр антител* [GMMG; TGGT; Мультитран; Седов 2000 и др.] и др. Данный тип метафоры составляет 19% от всех отобранных генетических терминов.

Таким образом, мы приходим к выводу о значимости семантических процессов метафоризации для сфер генетики и генной инженерии. Преобладающим типом метафор, представленных англо- и русскоязычными генетическими терминами, является артефактная (32%) («ГЕНЕТИКА – это МИР АРТЕФАКТОВ») по сравнению с антропоморфной (25%), природоморфной (24%) и социоморфной (19%) типами метафор.

Литература

Алимурадов О.А., Милетова Е.В. Метафорические модели, вербализующиеся с участием имен прилагательных и реализуемые в современном

англоязычном искусствоведческом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 4 (37). С. 51-60.

Болдырев Н.Н. Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка. 2013. № 15. С. 12-22.

Болдырев Н.Н. Метафорическая интерпретация отношений человека с окружающим миром // Когнитивные исследования языка. 2014. № 18. С. 42-48.

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: сборник / под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. С. 387-415.

Мультитран. Словарь. URL: https://www.multitran.com/ (дата обращения: 01.01.2020).

Седов А.Е. История генетики, запечатленная в метафорах ее языка: количественный и структурный анализ. II. Задачи и принципы анализа метафорических высказываний в проблемных монографиях // Функциональные исследования по лингвистике. М.: Московский лицей, 1998. Вып. 6. С. 20-26.

Седов А.Е. Метафоры в генетике // Вестник Российской академии наук. 2000. Т. 70. № 6. С. 526-534.

Шукурова Т.Ф. Структурно-семантический анализ терминологии генетики в английском, немецком и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2014. 144 с.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. Екатеринбург, 2001. 238 с.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2003. 248 с.

GMMG – Glossary of Medical and Molecular Genetics. Atlas of Genetics and Cytogenetics in Oncology and Haematology. URL: http://atlasgeneticsoncology.org/Educ/GlossaryID30028ES.html (дата обращения: 01.01.2020).

TGGT – Talking Glossary of Genetic Terms. National Human Genome Research Institute. URL: https://www.genome.gov//genetics-glossary/ (дата обращения: 01.01.2020).

A.V. Razduyev (Pyatigorsk, Russia)
Pyatigorsk State University

SOME FEATURES OF METAPHORIZATION IN THE GENETICS AND GENETIC ENGINEERING TERMINOLOGY (DRAWING ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH, SPANISH AND RUSSIAN LANGUAGES)

The article is devoted to some semantic features of terminological units of the fields of Genetics and Genetic Engineering in the modern English, Spanish and Russian languages. The author considers the specificity of semantic terminological derivation, semantic processes that occur within the terminological lexis of these spheres, in particular, metaphorization. Metaphorical models of genetic terms are constructed, and their percentage and frequency of the use in texts and discourse are calculated.

Key words: semantics, semantic process, term, terminology, term system, genetics, genetic engineering.

Л.С. Рудинская *(Москва, Россия)*
Московский государственный медико-стоматологический университет им. А.И. Евдокимова
optinfo@mail.ru

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ КАТЕГОРИЮ ВРЕМЕНИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

Доклад посвящен анализу медицинских терминов-метафор, отражающих категорию времени. Выделяется наиболее распространенный тип метафорических терминов – структурные метафоры, которые концептуализируют отдельные области знания путем переноса на них структурации другой области. Рассматриваются вопросы этимологии, структурного состава, синонимии и др.

Ключевые слова: категория времени, когнитивная лингвистика, когниция, медицинская терминология, метафорическое терминообразование.

Категория времени, как одна из основополагающих категорий бытия, является существенной для систематизации медицинской терминологии, поскольку познавательный опыт врачей отражается в названиях разнообразных состояний, процессов, видов и способов лечения и диагностики. Изучение роли категории времени в медицинской терминологии является актуальным теоретическим вопросом когнитивного направления современного терминоведения.

Среди терминов, обозначающих категорию времени, встречаются и термины-метафоры, поскольку метафоризация является когнитивным механизмом терминообразования в сфере английской медицинской терминологии, в котором участвует концептуальная интеграция разных типов знания. Потребность в метафоре возникает всякий раз, когда необходимо при наречении чего-то установить определенные отношения между фрагментом действительности, которому мы хотим дать название, и тем, с которым мы его сравниваем. При этом метафора способна не только выполнять данную функцию, но и существенно изменять способы восприятия и постижения действительности. Современное понимание роли метафоры в процессе номинации сводится к тому, что она является когнитивным механизмом, при помощи которого абстрактные понятия осмысливаются в терминах более конкретных. Иными словами, метафора – это один из фундаментальных приемов познания и концептуализации действительности. Терминологическая метафоризация представляет собой закономерное явление и занимает важное место в формировании новых терминосистем при необходимости наречения ранее неноминированных понятий.

Сущность метафоризации заключается в отображении когнитивного пространства источника в когнитивном пространстве цели, или фрейма модели во фрейме объекта. Наиболее полное и подробное толкование термина «когнитивная метафора» приводится в «Кратком словаре когнитивных терминов»: «Когнитивная метафора (син. концептуальная метафора; cognitive /

conceptual metaphor) – одна из форм концептуализации, когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение знания… По своему источнику когнитивная метафора отвечает способности человека улавливать и создавать сходство между индивидами и классами объектов…» [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1996: 55].

Понятие «когниция» обозначает совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов, служащих обработке и переработке информации, поступающей к человеку извне по разным чувственно-перцептуальным каналам, либо уже интерпретированной человеком. В качестве когнитивных процессов рассматриваются не только мышление и речь, но и процессы перцептуального, сенсомоторного опыта, происходящего в актах простого взаимодействия с миром. Когниция соответствует как осознанным и специально протекающим процессам научного познания мира, так и простому постижению окружающей человека действительности.

В медицинских терминах, отражающих категорию времени, используются в основном структурные метафоры, которые концептуализируют отдельные области знания путем переноса на них структурации другой области. Например, retarded – заторможенный пациент, slow wave sleep – медленный сон, gallop – предсердный ритм галопа, Vagus pulse – вагус-пульс (медленный пульс вследствие подавляющего действия на сердце блуждающего нерва), overdrive pacing – сверхчастая стимуляция сердца, escape contraction – запаздывающее сокращение сердца, knife-to-skin time – время начала операции, delayed flap – отсроченный лоскут, hurried respiration – учащенное дыхание, aura (от греческого aura – дуновение ветерка) – аура, «предвестник», разнообразные симптомы, непосредственно предшествующие наступлению эпилептического приступа. Этим термином обозначают и все непосредственно предшествующие симптомы при мигрени, истерии и т.д.

Английское метафорическое терминообразование испытывает огромное влияние классических языков (древнегреческого и латинского), что характерно для терминологических систем европейских языков. В английских медицинских терминах-метафорах, отражающих категорию времени, это проявляется во всех уровнях: в метафорическом моделировании, этимологии, структурном составе, синонимии и др. Встречаются термины и терминосочетания латинского происхождения (immunocompromised – с ослабленным иммунитетом), греческого происхождения (bradycardia – брадикардия (уменьшение частоты сердечных сокращений)), исконные термины (heart hurry – тахикардия), гибридные термины и сочетания (escape contraction – запаздывающее сокращение сердца). Наблюдается широкое употребление синонимов. Например, tachycardia – heart hurry (тахикардия) delayed delivery – post-mature delivery (запоздалые роды). Имеет место морфологическое терминообразование, когда наряду с аффиксацией происходит и метонимический перенос значения. Метонимический перенос, изменяющий значение корня, оформляется суффиксом, выраженным производным словом. Например, aged blood – длительно хранившаяся кровь; protodiastolic gallop – протодиастолический галоп.

Литература

Александрова О.В. О некоторых методах когнитивно-дискурсивного анализа // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XX. С. 24-25.

Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст: сборник к 70-летию Т.М. Николаевой. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 34-35.

Заботкина В.И. Россия. Изменяющийся образ времени сквозь призму языка. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 472 с.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянских культур, 2004. 560 с.

Новодранова В.Ф., Манерко Л.А. Использование методов когнитивного анализа в терминологических исследованиях // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. XI. С. 226-229.

L.S. Rudinskaya (Moscow, Russia)
Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry

METAPHORIC EXPLICATION OF MEDICAL TERMS EXPRESSING TIME CATEGORY

The report is devoted to the analysis of medical metaphorical terms expressing time category. It is highlighted that the most common type of metaphors used in such terms is structural metaphor in which one concept is expressed in terms of another structured concept. The problems of etymology, structure, synonyms are discussed.

Key words: category of time, cognitive linguistics, cognition, medical terminology, metaphoric formation of terms.

М.М. Русакова *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный медицинский университет
mmrusakova@yandex.ru
Е.С. Глазырина *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный медицинский университет
glazyr-elena@yandex.ru

ЯЗЫК УМНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Статья посвящена изучению номинирования английских и русских лексических единиц сферы *умных технологий.* Авторы акцентируют внимание на специфике создания образа товара, приводят примеры и показывают особенности декодирования нетривиального названия смарт-товара, гармоничности его перевода.

Ключевые слова: номинирование, особенности перевода, образ товара, умная одежда, умные фармацевтические товары.

Современный мир находится в постоянном круговороте новых технических изобретений и разработок. Глобальный рынок умных технологий активно расширяется и проникает во многие отрасли жизнедеятельности человека: медицину, образование, науку, инженерию, машиностроение, строительство и др. [Русакова 2018: 207]. Их интеграция в повседневную жизнь способствует появлению так называемого смарт-общества, гражданами которого являются взрослые люди, их дети поколения Net (Net Generation, Net Gen, цифровое поколение), которые активно пользуются смарт-вещами.

Повышенный интерес к данной сфере вызвал необходимость изучения языковых феноменов, сопряженных с умными технологиями, выявления особенностей создания образа и номинирования смарт-товаров, а также определения условий гармоничности перевода. Предметом изучения стали наименования сферы *умная одежда* / smart clothing, а также наименования *умных фармацевтических и парафармацевтических товаров* / smart pharmaceuticals and parapharmaceuticals. Материалом для исследования послужили статьи, посвященные умным технологиям швейной промышленности и сферы фармацевтических услуг.

Одним из современных направлений смарт-технологий, привлекших наше внимание, стала сфера *умной одежды* / smart clothing, которая представлена предметами гардероба со встроенными в нее устройствами, сенсорами как для повседневного ношения, так и используемая в медицинской, спортивной, военной и других сферах. Комбинирование умного гаджета с предметом гардероба служит для контроля состояния человека и окружающей среды.

Естественно, что появление рынка высокотехнологичной смарт-одежды стало причиной появления в современной зарубежной и отечественной литературе различных наименований технологий и товаров:

англ.: wearable technology, wearables, intelligent wearables, smart clothing, smart garments, smart wardrobe, fashion technology, tech togs or fashion electronics, high tech clothing, monitor clothing, clever clothes;

рус.: умная одежда, интеллектуальная одежда, носимые технологии, носибельные предметы, смарт-гардероб, интеллектуальный гардероб.

Смарт-гардероб можно представить предметами верхней одежды, головными уборами, чулочно-носочными изделиями, обувью и др.:

англ.: smart sweater; smart hoodie, smart footwear, smart t-shirt, smart bra, smart snowmobile suit; fitness wearables, Sensoria socks, smart tennis shirt, a cocktail dress with Bluetooth technology, Personal Pi Smart Jacket, Adapt BB smart sneakers, the Tru Posture smart shirt, Life BEAM smart hats, Pizza Hut's Pie Tops II sneakers, Hexoskin smart garments, etc.

рус.: «умные» брюки, анимированная толстовка, «умная» спортивная обувь, свитер настроения Sensoree со светодиодными лампами, босоножки на платформе со встроенным GPS-навигатором, GPS-ботинки от Доминика Уилкокса, обувь Air Mag с чудо-шнурками, рубашка Kuchofuku Air Conditioned Cooling Shirt, фитнес-носки Sensoria, шапка hi-Head со встроенными наушниками и Bluetooth, «умная» стелька и другие.

Далее мы рассмотрим наименования некоторых предметов смарт-гардероба.

В качестве одного из предметов «умной» одежды представим футболку **Virtuali-Tee**, название которой сформировано из слова **Virtuality** (виртуальность). Последний слог слова суффикс **-ty** [ti:] заменен одинаковым по звучанию разговорным (сленговым) вариантом слова t-shirt (футболка) – **Tee** [ti:]. Таким образом, это название на русский язык переводим как «виртуальная футболка». «Умность» футболки заключается в том, что она имеет специальный принт, через который в специальном обучающем приложении на смартфоне отображаются внутренние органы человека, которые ребенок может изучать на себе.

Следующий пример взят из медицинской сферы, где появилось целое направление Smart medici*ne / Умная, интеллектуальная медицина*, которое можно интерпретировать как комплекс профилактических, лечебных и иных медицинских мероприятий с применением интеллектуального оборудования (встроенные смарт-устройства, смарт-сенсоры), необходимого для быстрой, точной диагностики и лечения на различных этапах заболеваний.

«Умные» носки с названием **PUP (PUP smart socks)** должны обеспечивать мониторинг движения и координации пациента, а также предотвращать его падение. Название представляет собой комбинированную аббревиатуру, состоящую из инициальной аббревиатуры **P** (от англ. patient – пациент) в сочетании с предлогом **UP** (*вверх, направленный вверх*). Изначально аббревиатура образована из полнооформленного предложения – ***The Patient is Up / Пациент находится в положении стоя***. На русский язык название носков не переводится. Использование описательного перевода в данном примере – ***умные носки для пациента, который стоит*** – приведет лишь к громоздкости названия из-за употребления усложненной синтаксической структуры (предложения), а не простой лексической единицы, избыточности пояснения и некорректности перевода, который не передает суть назначения и функции товара. Вполне вероятно, что большинство потребителей будут употреблять названия носков более комфортным для них путем, воспроизводя звучание английского названия [pʌp], не вникая в точный перевод названия товара.

Товары с нетривиальными названиями не являются исключительными в «смарт»-жизни общества и касаются не только носибельных технологий. Производители фармацевтических и парафармацевтических товаров лезут из кожи вон, чтобы привлечь внимание потребителей к своей продукции. Простые и броские названия таких товаров – это острый крючок, на который хитрые рекламщики во главе с производителями лекарственных препаратов ловят нас – простых покупателей [Глазырина 2017: 180]. Сегодня названия фармацевтических товаров и лекарственных препаратов также претерпевают трансформации. Для создания ценного высокотехнологичного образа производители добавили смарт-технологичности путем комбинирования наименования с калькой smart *или* intelligent */ умный или интеллектуальный*: smart pill boxes and bottles, smart medication trolley, smart labels, smart packaging for pharmaceuticals, intelligent packaging solutions, Smart Soda, Smarton Capsules / витаминный комплекс Смарт Омега, смарт-аптечки GALE, smart зубные щетки; детские соски smart Pacif-i, измеряющие температуру тела и т.д. Недавно американские регуляторы одобрили

умную таблетку / smart pill, которая при контакте с желудочной средой отсылает данные на устройство, которое передает данные о приеме лекарства и правильности дозировки на смартфон пользователя.

Таким образом, мы видим, что при номинировании английских и русских товаров и технологий используются словообразовательные элементы и лексемы, сложные конструкции с включением высокочастотных лексем *умный, интеллектуальный* / smart, intelligent, значение которых не требует перевода, так как они известны потребителям и зачастую воспринимаются ими как показатель высокого качества, высокотехнологичности и действенности. Помимо этого, названия предметов могут сопровождаться указанием на использование высокотехнологичного устройства, программы (with Bluetooth technology, GPS, etc.), что в основном требует пословного или описательного перевода или создания многокомпонентного словосочетания. При переводе наименований товаров и технологий на русский язык можно наблюдать ассимиляционные трансформации в виде транслитерации в симбиозе с транскрипцией, калькирования, дескриптивной формы наименования, мены порядка его компонентов, эллипсиса, (не)сохранения дефисного написания.

Также следует отметить, что во многих случаях зарубежные названия умных технологий и товаров не переводятся на русский язык. Это объясняется тем, что декодирование 1) нетривиального названия, дополненного названием компаний-производителей, 2) заложенной производителем в название товара скрытой (коммерческой) информации или 3) аббревиации может вызвать непонимание, неточность восприятия названия товара и повысить вероятность ошибок перевода. Согласимся с тем, что «в некоторых случаях автор оставляет перевод новой лексической единицы или номинацию нового понятия “в сыром виде”, не будучи уверенным в правильности перевода или не найдя подходящего эквивалента в русском языке для описания того или иного явления, так как эта единица не полностью прошла стадии вхождения, адаптации и интеграции в языке-реципиенте» [Русакова 2017: 135]. Сложность перевода с английского на русский язык состоит в том, что в литературе подавляющее большинство заимствованных в русский язык названий смарт-вещей сохраняется в оригинальном написании (на латинице) с указанием (на кириллице) вида товара (рубашка, свитер; пилюли, аптечки), чтобы представить конкретный товар или предмет и зафиксировать за ним уникальное имя.

С точки зрения маркетинговых, рекламных требований выше приведенные примеры подтверждают тот факт, что присвоение производителями наименования продукту имеет прагматический характер, и «грамотно подобранное рекламное имя может вызвать позитивные ассоциации в сознании потребителей и создать эффективный образ товара» [Скнарев 2014: 1093], а также снять сложности их восприятия.

Литература

Глазырина Е.С., Кравец А.А. Анализ названий современных лекарственных препаратов: лингводидактический и семантико-этимологический аспекты // Научная дискуссия: вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2017. С. 180-183.

Русакова Д.А., Грунденталер К.В. Профессиональный нейминг в медицине // Сборник 72-й межвузовской (VII Всероссийской) итоговой научной студенческой конференции с международным участием. Челябинск, 2018. С. 207-208.

Русакова М.М. Лексико-семантические поля терминосистемы «Стоматология / Dentistry» в сравнительно-сопоставительном аспекте (на материале профессиональных медицинских дискурсов русского и английского языков): дис. … канд. филол. наук. М.: РУДН, 2017. С. 200.

Скнарев Д.С., Русакова М.М. Терминология как средство создания образа в медицинском рекламном дискурсе (на материале рекламы стоматологической деятельности) // Фундаментальные исследования. 2014. № 6. Ч. 5. С. 1088-1095.

M.M. Rusakova (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State Medical University
E.S. Glazyrina (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State Medical University

LANGUAGE OF SMART TECHNOLOGIES

The article is devoted to the study of the nomination of English and Russian lexical units in the sphere of smart technologies. The authors emphasize the specifics of creating an image of a smart product, give examples and illustrate the features of decoding a non-trivial name of a smart product, the harmony of its translation.

Key words: nomination, translation features, product image, smart clothes, smart pharmaceutical products.

И.Ю. Рябова *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский государственный юридический университет
i.y.ryabova_3012@mail.ru

ОБРАЗ СУДЬИ АНГЛИИ В КОГНИТИВНОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ, ИЛИ «А СУДЬИ КТО?»

В фокусе внимания в рамках данной статьи находятся корреляционные связи когнитивной лингвистики и этимологии слова как отдельного научного направления. Объект исследования – дифференциальные характеристики концептуальной области АВТОРИТЕТ английской судебной власти, эксплицированные посредством этимологически репрезентированного знания в названиях судейских титулов-званий.

Ключевые слова: этимологически репрезентированное знание, авторитарность, авторитет, ретроспекция, лингвокультурный концепт.

Данная статья представляет собой краткий обзор проведенного исследования, в основе которого лежит компенсаторная модель сравнительно-сопоставительного анализа когнитивно-значимых характеристик титулов-званий английских судей в рамках тематического лингвокультурного кон-

цепта АВТОРИТЕТ. Предмет исследования – этимологически репрезентированное знание, детерминированное дефинициями, зафиксированными в лексикографических источниках конкретного временного сегмента. Объект исследования – дифференциальные характеристики концептуальной области АВТОРИТЕТ английской судебной власти, выраженные в названиях судейских титулов-званий law lord, chancellor, master, justice of the peace, объединенные ключевым понятием *«judge»*. Цель работы – проследить корреляцию данных характеристик с формированием собирательного образа Английского судьи.

Под этимологически репрезентированным знанием мы понимаем экспликацию неявных, скрытых со-значений лексических единиц, в нашем исследовании выявленных в ретроспекции и в диахроническом срезе. Как отмечает М.М. Маковский, на основании именно сравнительно-исторического метода (на наш взгляд, прежде всего в «зоне ретроспекции») реконструируются наиболее древние элементы значения слова (его «внутренняя форма») [Маковский 2013: 5]. Как следствие, диахронический срез, предполагающий сопоставление полученных результатов с современными значениями данных слов, позволяет выявить особенности эволюции значений рассматриваемых номинант, детерминировать «семантические штили» и «семантические бури» (по А.П. Чудинову, «метафорические бури» и «метафорические штили») [Чудинов 2013: 107-108].

Основным методом исследования в рамках сравнительно-сопоставительного метода исследования является дефиниционный анализ слова, который позволяет исследовать концепт как «смысл имени» [Турбина 2013: 59-64]. Значение слова (его дефиниция!) является попыткой «дать общее представление о содержании выражаемого концепта, очертить известные его границы, представить его *отдельные характеристики* данным словом», а процесс описания слова связан с обыденной когницией [Болдырев 2001: 26-27; Болдырев 2018: 27]. Для более точного определения когнитивных оснований в нашем исследовании мы используем метод метафорического моделирования, метод анализа и моделирования дефиниций слова (терминология Н.Б. Руженцевой), историческую справку, лингвокультурологический экскурс как элементы единого компенсаторного механизма проведения «семантической экспертизы» значимых для тематического концепта АВТОРИТЕТ дефиниций титулов-званий судей Англии. Результатом данных методов является выведение инференциального знания, пейоративных характеристик (спец. словарные пометы), эмо-сем. Именно образная составляющая концепта фиксирует когнитивные метафоры, поддерживающие его в языковом сознании [Воркачев 2002: 80; Воркачев 2004: 46]. Следовательно, «метафорический след» в рамках этимологически репрезентированного знания становится одним из выразителей образной составляющей рассматриваемого концепта.

По мнению В.Н. Топорова, этимология – смыслостроительная дисциплина, объясняющая и конструирующая связи внутри семантической структуры слова [Топоров 2004: 45]. По заметкам Д.Н. Шмелева, изменения в языке затрагивают «в первую очередь те слои лексики, которые в данный исторический момент соотнесены с наиболее актуальными для общества реальными явлениями», значит, этимологически репрезентированное знание следует по праву назвать «подвижным определителем» культурного наследия нации [Шмелев 1964]. О важности исследования культурологической (ценностной!) составля-

ющей концепта пишет Е.В. Дзюба [Дзюба 2018: 99]. С.Г. Воркачев называет этимологическую память слова как один из признаков лингвокультурного концепта «переживаемостью» [Воркачев 2004: 51].

Мы выделяем следующие этапы исследования динамики (статики) этимологически репрезентированного знания:

Зона 1: *ретроспекция* включает определение временного сегмента английского права, выявление интегральных и дифференциальных сем в дефинициях, обращение к дериватам, выявление метафорических моделей, эмо-сем, коннотаций, инференций.

Зона 2: *диахрония, или «синхрония, опрокинутая в прошлое»* (по Э.В. Будаеву) представляет сравнительно-сопоставительный анализ в контексте прошлого и настоящего, а также лингвокультурологическую и лингвокогнитивную интерпретацию полученных результатов [Будаев 2016: 18].

Компенсаторная природа механизма исследования заключается в наличии *«одного из»* возможных «сценариев» исследования – модель метафорического моделирования, определение инференции (выводного знания), выявление эмо-сем или коннотаций.

Нами исследованы все вышеуказанные титулы-звания и сделаны определенные выводы. В качестве примера обратимся к исследованию титула-звания Master of The Rolls – хранитель судебного архива, Председатель Апелляционного суда – на материале 3 англоязычных словарей начала XX в.

Согласно словарю Concise Oxford Dictionary of Current English, 1. «председатель» – контролер, официальный представитель, 2. «председатель» – владелец животного, 3. «председатель» – знаток чего-то, 4. «председатель» – глава «домашнего государства», лидер.

Master – 1) person **having control**; 2) **owner** of dog, horse; 3) the person who has acquired **thorough knowledge**; 4) (in Inns of Court) **leader**, organizer; 5) **male head of household** [CODCE 1919: 504].

В словаре Etymological and Pronouncing Dictionary of the English language зафиксированы значения: 1. «председатель» – правитель, 2. «председатель» – глава «домашнего государства», 3. «председатель» – помощник капитана военного корабля, 4. «председатель» – глава «магазина».

Master – 1) a person who has rule or **government over others**; 2) a ruler, a chief**, a head of household**; 3) **the commander** of a merchant shop; 4) **an officer in a ship of war under the direction of a captain** [EPDEL 1904: 347]. Commander – captain [Там же: 99].

В приведенной дефиниции выявлена метафорическая модель «суд – военный корабль», где судья – помощник капитана, ему приписывается роль активного участника судопроизводства. «Экспансию» морской и военной метафор можно наблюдать в следующей дефиниции, зафиксированной в словаре A Modern Dictionary of the English Language:

Master – 1) one **who commands** or who **is placed in authority**; 2) **the captain of a merchant vessel**; 3) an officer **who navigates a man-of-war** under the direction of a captain; expert; one having special knowledge of a subject; one **highly skilled**; a **respectful** title of address [MDEL 1911: 413]. Master of the Rolls – one of the chief English judges in the Court of Chancery. **Navigate** – to direct the course of **a ship, an airplane or balloon** [MDEL 1911: 458].

Итак, в рамках ретроспективного взгляда надо заметить, что Master of the Rolls – помощник военно-морского (судебного!) судна. Он уважаем, умен, властен, авторитарен. В рамках «синхронии, опрокинутой в прошлое» обращение к исторической справке и лингвокультурологический экскурс в эволюцию «имени» Master of the Rolls позволяют выявить, начиная с XII в., факт трансформации полномочий, функций и авторитета титула – от “clerk of the rolls” до “**M**aster of the **R**olls” [United Kingdom Encyclopedia of Law]. Важная функция судьи данного титула Master of the Rolls в современной Англии – выбор судей, которые будут участвовать в судопроизводстве [Dictionary of Contemporary English]. Таким образом, суд (непосредственно судебный процесс) – корабль, а Председатель Апелляционного суда по гражданским делам – помощник правосудия на корабле. Во главе правосудия – прецедент! В лексикографических источниках нашего времени значения титула Master сводятся к идее отсутствия контроля другими людьми: “…decisions are not controlled by other people” [ABBYY Lingvo 6, CollinsCobuild].

Отметим, что в исследовании других титулов-званий компенсаторная природа механизма анализа этимологически репрезентированного знания диктует нам обратиться к изучению божественного начала (Lord, Judge), появлению пейоративных оттенков в ЛСВ (Chancellor), эмо-сем (Justice of the Peace).

Подводя итог вышесказанному, мы считаем, что этимологически репрезентированное знание может выступать как микросемиотический аспект когнитивной лингвистики, моделирующий образную составляющую концепта на основании значимых характеристик исследуемой концептуальной области.

Литература

Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. С. 25-36.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2018. 480 с.

Будаев Э.В., Кондратьева О.Н., Нахимова Е.А., Чудинов А.П. Методика диахронического анализа политической метафорики // Политическая лингвистика. 2016. № 6 (60). С. 18-31.

Будаев Э.В., Ворошилова М.Б., Руженцева Н.Б. Эволюция лингвистической экспертизы: методы и приемы: монография. Екатеринбург, 2017. 201 с.

Воркачев С.Г. Концепт счастья в русской и английской паремиологии // Реальность этноса. Образование и проблемы межэтнической коммуникации. СПб.: Астерион, 2002. С. 145-148.

Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 192 с.

Дзюба Е.В. Когнитивная лингвистика: учебное пособие для высших учебных заведений. Екатеринбург, 2018. 280 с.

Карасик В.И. Концепты-регулятивы // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005б. Вып. 30. С. 95-108.

Маковский М.М. Индоевропейская этимология: Предмет – методы – практика. М.: Либроком, 2013. 352 с.

Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. М.: Языки славянской культуры, 2005. 816 с.

Турбина О.А. Концепт как объект лингвистической науки // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2013. Т. 10. № 1. С. 59-64.

Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии: монография. Екатеринбург, 2013. 176 с.

Шмелев Д.Н. О семантических изменениях в современном русском языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М.: Наука, 1964. С. 6-8.

MDEL – A modern dictionary of the English Language. London: MacMillan and Co. Limited, 1911. 784 p.

Dictionary of Contemporary English. – URL: https://contemporary_en.academic.ru (дата обращения: 23.03.2020).

EPDEL – Etymological and Pronouncing Dictionary of the English Language / by the Rev. James Stormonth, 6th edition, revised. Edinburgh: London: William Blackwood and sons, 1904. 816 p.

CODCE – The Concise Oxford Dictionary of Current English / by H.W. Fowler, F.G. Fowler. Oxford: At the Clarendon Press, 1919. 1084 p.

United Kingdom Encyclopedia of Law. URL: https://lawi.org.uk/master-of-the-rolls (дата обращения: 23.03.2020).

I.Y. Ryabova (Ekaterinburg, Russia)
Ural State Law University

IMAGE OF THE ENGLISH JUDGE IN COGNITIVE RETROSPECTION, OR "WHO ARE THE JUDGES?"

The main focus in the article is set on correlation between cognitive linguistics and etymology of words as a separate branch of linguistics. The object of our research is differential features of concept area "authority / authoritativeness" of English judiciary, being explicit due to etymologically represented knowledge in the names of judicial titles.

Key words: etymologically represented knowledge, authority, authoritativeness, retrospective, linguistic-and-cultural concept.

А.Л. Севастьянова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный университет
alexandra.sevastyanova@gmail.com

КОНЦЕПТ REVOLUTION В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ О РУССКОМ АВАНГАРДЕ НАЧАЛА ДВАДЦАТОГО ВЕКА)[1]

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00276

В статье рассматриваются тексты современного англоязычного искусствоведческого дискурса, посвященного русскому авангарду. Автор определяет границы концепта REVOLUTION как одного из ключевых концептов в дискурсе, комментирующем русское искусство начала XX века. Делается вывод о сложной структуре и неоднородности семантического наполнения данного концепта, затрагивающего как политические, так и культурные аспекты.

Ключевые слова: лингвокультурология, дискурс, англоязычный искусствоведческий дискурс, концепт, русское изобразительное искусство.

Говоря об искусствоведческом дискурсе, необходимо отметить, что данный вид дискурса описывает в первую очередь пространство произведений искусства. А.В. Олянич отмечает, что поскольку процесс коммуникации в таком пространстве осуществляется невербально, то есть посредством знаков, символов и красок, вербальная интерпретация критика всегда является вторичной. Искусствоведческий дискурс при этом лишь обеспечивает посредничество между автором произведения искусства и реципиентом [Олянич 2015: 160]. Как утверждает Е.В. Милетова, мнения критиков зачастую субъективны, поэтому тексты по искусству представляют собой неиссякаемый ресурс, регулярно пополняющийся новыми толкованиями [Милетова 2012: 67].

Однако в некоторых случаях интерпретация произведения признается более ли менее универсальной критиками по всему миру в силу очевидного влияния на процесс создания произведений искусства таких объективных факторов, как значительные изменения политического и социального устройства, в условиях которых те или иные тенденции в культурной жизни общества были неизбежны. Таким важным изменением в жизни России, повлиявшим и во многом определившим культурную жизнь страны на годы вперед, стала Октябрьская революция 1917 года. С.Н. Шестухина подчеркивает, что революция существенно повлияла на дальнейшую эволюцию искусства как в идеологическом, так и в идейно-художественном аспекте [Шестухина 2008: 455].

В частности, именно это событие оказало огромное влияние на развитие и распространение такого художественного течения, как русский авангард, который ознаменовал собой своего рода революцию и в русском изобразительном искусстве. Русский авангард зародился как одно из течений модернистского искусства и получил развитие в начале XX века. Это было время больших перемен как в политическом, так и в социальном и культурном планах. Недаром основными характеристиками данного направления считаются полемичность и явное противопоставление старых традиций и форм новым. Безусловно, такие понятия, как изменения и перемены, в то время стали основополагающими как в политике, так и в искусстве. Именно концепция революционности является одним из основных ключей к пониманию шедевров изобразительного искусства того времени.

Очевидно, что событие такого масштаба, как революция, не могло остаться незамеченным в более поздних интерпретациях шедевров русского авангарда зарубежными искусствоведами. В текстах англоязычного искусствоведческого дискурса обнаруживается тесная взаимосвязь между понятиями политической и культурной революции как взаимозависимыми и взаимообъясняющими явлениями. Концепт REVOLUTION в англоязычном искусствоведческом дискурсе, посвященном русскому авангарду начала XX века, представляет собой сложную

структуру, объединяющую несколько субконцептов. Данный концепт актуализируется в текстах искусствоведческого дискурса не только через понятие кардинальной смены политического режима, но и через понятие культурной революции, а также смены философской парадигмы в целом.

Для того чтобы определить границы концепта REVOLUTION в искусствоведческих текстах о русском авангарде, а также выявить основные субконцепты, необходимо в первую очередь произвести дефиниционный анализ понятия революции и определить основные лексические единицы, актуализирующие концепт REVOLUTION в искусствоведческом дискурсе.

Словарь Merriam Webster определяет понятие revolution следующим образом:

1. a sudden, radical, or complete change
2. a fundamental change in political organization
3. activity or movement designed to effect fundamental changes in the socio-economic or cultural situation
4. a fundamental change in the way of thinking about or visualizing something**:** a change of paradigm
5. a changeover in use or preference especially in technology

Из данного определения следует, что концепт REVOLUTION может объединять такие субконцепты как CHANGE, POLITICAL REVOLUTION, SOCIAL REVOLUTION, CULTURAL REVOLUTION, TECHNOLOGICAL REVOLUTION, CHANGE OF PARADIGM и т.д. При этом основными лексическими единицами, актуализирующими концепт REVOLUTION, исходя из дефиниции, будут являться слова change, radical, movement, changeover и т.д.

Таким образом, дефиниционный анализ показывает, что термин «революция» может относиться как к политическим, так и к социальным, экономическим и культурным изменениям, а также резким переменам в представлении о чем-то, или любым другим внезапным и радикальным изменениям. При этом очевидно, что все эти изменения могут происходить в обществе одновременно, и в этом случае концепт REVOLUTION может актуализироваться в дискурсе на разных уровнях. Так, одна и та же единица может быть использована внутри одного текста или даже предложения для актуализации разных граней концепта REVOLUTION или, другими словами, разных субконцептов, таких как POLITICAL REVOLUTION, CULTURAL REVOLUTION, PARADIGM SHIFT и т.д., что указывает на наличие тесной взаимосвязи между политической и культурной революцией начала XX века, по мнению англоязычных критиков.

В данной работе мы приведем несколько примеров реализации концепта REVOLUTION в текстах англоязычного искусствоведческого дискурса, посвященных русскому авангарду.

Зачастую концепт REVOLUTION в текстах данного вида дискурса актуализируется через единицу revolutionary. Рассмотрим примеры:

(1) Malevich was suggesting that there was more to the world than objective reality, and that individuals should think for themselves: in Russian historical terms, two **revolutionary** ideas. (https://www.ideelart.com/magazine/russian-avant-garde)

(2) Architecturally, **revolutionary** ideas were manifested through Constructivism. (https://www.rbth.com/arts/2017/06/23/how-the-russian-avant-garde-came-to-serve-the-revolution_788467)

В обоих отрывках концепт REVOLUTION актуализируется через словосочетание revolutionary ideas. Важно отметить, что в первом случае прилагательное revolutionary относится в первую очередь к понятию революции мысли, смены философской парадигмы, поскольку определяет существительное ideas, отсылающее к появлению двух новых для России идей, по мнению англоязычного автора, – that there was more to the world than objective reality и that individuals should think for themselves. Во втором примере то же словосочетание использовано в более широком смысле. В силу недостаточности контекста точно определить значение фразы невозможно, она может относиться как к революции в культуре и мысли, так и к революции как политическому явлению. Таким образом, слово revolutionary актуализирует концепт REVOLUTION одновременно в двух направлениях внутри одной лексической единицы – с одной стороны оно отсылает читателя к политическим событиям, происходящим в стране, за счет чего реализуется субконцепт POLITICAL REVOLUTION, а с другой – отмечает новизну и нестандартность идей конструктивизма, актуализируя тем самым субконцепт REVOLUTION OF THOUGHT.

Рассмотрим другой пример:

(1) By the dawn of the 20th Century, that Russian society was on the brink of massive **change** was obvious. The question was which form that **change** was going to assume. So it came to pass that a practical society that had never had much of a need for abstract creative thought suddenly found itself looking to the avant-garde for inspiration. (https://www.ideelart.com/magazine/russian-avant-garde)

В данном отрывке концепт REVOLUTION реализуется через словосочетание massive change. Предполагается, что речь идет о переменах, связанных с Октябрьской революцией. Однако использование того же существительного change в предложении The question was which form that change was going to assume предполагает, что концепт CHANGE может актуализироваться не только в контексте политики. Далее в предложении it came to pass … местоимение it, относящееся к существительному change, предполагает, что, согласно автору текста, перемены в жизни общества в том числе были связаны с культурой и философией и приняли форму авангарда в России.

Таким образом, концепт REVOLUTION в англоязычном дискурсе, посвященном русскому авангарду, может одновременно реализовываться на нескольких уровнях в пределах одной лексической единицы, отсылая читателя не только к событию Октябрьской революции, но и к переменам, произошедшим в сфере культуры и философии.

Литература

Милетова О.В. Лингвистические особенности современного англоязычного искусствоведческого дискурса // Актуальные проблемы филологии: материалы Междунар. науч. конф. (г. Пермь, октябрь 2012 г.). Пермь: Меркурий, 2012. С. 67-75.

Олянич А.В. Искусствоведческий дискурс // Дискурс Пи. Екатеринбург, 2015. С. 160-163.

Шестухина С.Н. Русский авангард в контексте революции 1917 года // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. Санкт-Петербург, 2008. С. 455-460.

A.L. Sevastianova (Saint-Petersburg, Russia)
Saint-Petersburg State University

CONCEPT REVOLUTION IN ENGLISH ART DISCOURSE DEDICATED TO RUSSIAN AVANT-GARDE OF THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

The article explores contemporary English art discourse, dedicated to Russian avant-garde. The author defines the borders of concept REVOLUTION as one of the main concepts in discourse commenting upon the Russian Art of the beginning of the 20th century. The conclusion about the complexity of the concept and its semantic structure including both political and cultural aspects is drawn.

Keywords: language and cultural studies, discourse, English art discourse, concept, Russian fine arts.

П.И. Сергиенко *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
poserg@bk.ru

ЗАИМСТВОВАНИЕ ПОГРАНИЧНЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СТРУКТУР КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ PR

Данное исследование посвящено изучению формирования межпредметной области связей с общественностью, которое во многом объясняется кинетическими процессами на уровне перехода терминологических единиц из других смежных областей, являющихся формальными репрезентантами заимствований структур на уровне концептуальных представлений.

Ключевые слова: концептуальные структуры, заимствования, связи с общественностью.

В настоящем исследовании мы обращаемся к явлению заимствования терминов такой межпредметной области знания, как связи с общественностью (PR), которое с точки зрения когнитивной лингвистики может рассматриваться как заимствование не только терминологических систем, но и целых концептуальных структур и смыслов.

Концепт, по мнению Е.С. Кубряковой, представляет собой единицу ментальных и психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, отражающей опыт человека, содержательной системы языка и мозга [Кубрякова 2004]. Концептуальные структуры реализуются в языке в рамках отдельного контекста, формулирующего определенное значение. Значения представляют собой когнитивные структуры, включенные в модели знания и мнения [Langacker 1991; Jackendoff 1995]. Таким образом, значение одной и той же концептуальной структуры может иметь раз-

ную реализацию в зависимости от языкового окружения, контекста и сферы использования.

Развитие научной мысли сопровождается непрерывным созданием лексических средств для обозначения понятий, предметов, элементов, которые раньше не были известны человечеству. В основном, эти элементы конструируются искусственно, зачастую представляя собой лексические единицы специальной лексики. Данные языковые структуры по сути реализуют в языке более сложные концептуальные понятия, которые сложились в коллективном сознании общества, управляют мышлением и способствуют достижению нового знания.

Обращая внимание исследователя на такую современную предметную область, как «связи с общественностью», мы, безусловно, имеем дело с теоретическими основами социологии, психологии и лингвистики, поскольку межпредметная область PR представляет собой удачное соединение всех научных достижений, связанных с влиянием на массовое сознание и продвижением определенных идей.

Данная предметная область является плодотворной почвой для появления новых терминов, их переосмысления и реализации всех языковых потенций языка. Изучение заимствований сферы связей с общественностью на уровне концептуальных структур раскрывает новые смыслы и области применения, способствующие познанию языковых процессов и влияния на аудиторию.

Теоретик сферы связей с общественность Э. Бернейз в книге «Propaganda» пишет о том, что деятельность специалистов по связям с общественностью связана с некоторой прикладной сферой, сочетающей в себе психологию, социологию и другие дисциплины для научного манипулирования бессознательным потребителем: “Public relations is an ‘applied social science’ that uses psychology, sociology, and other disciplines to scientifically manipulate their rational public” [Bernays 1929].

Настоящим исследованием мы указываем на тот факт, что при формировании предметной области связей с общественностью происходит заимствование концептуальных структур из смежных областей знания, упомянутых Э. Бернейзом: психологии, социологии и других дисциплин общегуманитарного цикла. Основной мыслью в книге является тот факт, что истинной правящей силой в стране является способность управлять невидимым механизмом манипулирования общественным сознанием в демократическом обществе. Помимо достижений социологии и психологии отметим также и необходимость владения словом и знания языковых законов и процессов, поскольку искусство владения словом необходимо для достижения поставленных задач.

По мнению Н.Н. Болдырева, познавательная деятельность человека способствует формированию знаний о мире, объединенных в систему, состоящую из концептов разного уровня сложности и абстракции. Исследователь указывает на тот факт, что содержание концепта до конца неисчислимо [Болдырев 2000]. В данном положении важным оказывается тот факт, что слово репрезентирует лишь часть концептуальных характеристик, необходимых для данной коммуникации.

Рассматриваемые нами заимствованные терминологические единицы, а также кинетические процессы, происходящие на уровне перехода терминов из

одной области знания в другую, по сути представляют собой вербализованные репрезентации ключевых концептов, которые исследовали рассматривают на различном текстовом материале как единицы ментальных и психических ресурсов общественного сознания, отражающих информационную структуру всей англоязычной картины мира [Вишнякова 2015: 52].

Отметим, что в сфере связей с общественностью заимствования связаны, с одной стороны, с развитием новых коммуникационных технологий, социально-политическими изменениями в обществе и необходимостью введения новых терминов, а, с другой – с переосмыслением традиционных лексических единиц, наполнением их новыми смыслами. Важно подчеркнуть, что, по мнению когнитивной лингвистики, концепты группируются и вербализуются в языке определенным образом, что находится в тесной взаимосвязи с собственно лингвистическими, прагматическими и культурологическими факторами, что приводит к фиксации концепта в разных значениях [Кубрякова 2004].

На уровне концептуальных структур, заимствованных из одной сферы научного знания в другую, в настоящем исследовании мы рассмотрим явление кинетики термина с точки зрения переосмысления значения одной и той же лексической единицы и перенесения ее в другую профессиональную сферу.

Так, обратимся к философскому понятию «*ментальность*», которое также имеет свою трактовку в психологии и используется в практической сфере связей с общественностью. В философском словарем мы находим следующее краткое определение: Ментальность (от лат. mens – сознание, ум) обозначает «образ мышления, общую духовную настроенность человека». Ментальность в философии является более широким и вместе с тем менее ясным понятием, чем стиль мышления, характеризующий лишь интеллектуальную предрасположенность к определенным умственным действиям. «Ментальный – имеющий отношение к уму или в его функциональном аспекте (восприятие, воображение, память, чувство, желание и т.д.), или в его содержательных аспектах (чувственные данные, образы и др. содержания, наличествующие в уме)» [Философия: Энциклопедический словарь 2004].

В предметную область связей с общественностью данный термин попал через психологию, которая определяет *ментальность* как понятие, говорящее о разнице восприятия между людьми, их оценок и взглядов. Другими словами, при заимствовании происходит сужение концептуального значения до области восприятия и разницы в оценке того или иного события или продукта. Для предметной области связей с общественностью при подготовке рекламных сообщений и аргументов для потребителей оказываются важными следующие факторы, которые определяют ментальность: образ жизни, воспитание, образование, культура и т.д.

Еще одна концептуальная структура на уровне языка представлена единицей consumerism. Данный концепт был также переосмыслен в системе понятий PR, что сопровождалось приобретением данным термином нового смысла. В словаре Merriam-Webster Dictionary мы находим следующие определения для consumerism: 1) the theory that an increasing consumption of

goods is economically desirableora preoccupation with and an inclination toward the buying of consumer goods; 2) the promotion of the consumer's interests [Merriam-WebsterDictionary]. Первое определение можно отнести к социально-экономической сфере, которое характеризует современное общество потребления, подчеркивая пагубную зависимость постоянно совершать покупки и игнорирование духовных ценностей. В идеологии консюмеризма человеческое счастье зависит от потребления, которое становится целью и смыслом жизни.

Для предметной области связей с общественностью важным оказывается другое, переосмысленное значение данной концептуальной структуры. Это утверждение становится очевидным при анализе специального предметного словаря. Так, словарь терминов по рекламе, маркетингу и пиар дает только одно определение: *Консюмеризм* – движение в защиту интересов потребителей. Развитие этого движения повлекло к возрастанию степени самоконтроля в рекламе, учету защиты прав потребителей во всей рекламной деятельности [Словарь терминов по рекламе, маркетингу и PR].

В целом, формирование межпредметной области связей с общественностью во многом сопряжено с заимствованием концептуальных структур из различных областей знания. На формальном уровне данный процесс выражается подвижностью терминов, их переосмыслением, а также появлением в языке новых единиц для описания определенных явлений. С точки зрения когнитивной лингвистики данные явления предлагают обширный материал для реализации языковых потенций английского языка. Подвергая термины полному переосмыслению на уровне когнитивных смыслов, как в случае перевода терминологических единиц из технической или философской сфер в более узкую предметную область, специалисты намеренно подстраивают профессиональный язык для определенных целей.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000.

Вишнякова О.Д. Языковой знак в референциальном поле культурной памяти социума // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 50-66.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. М., 2004.

Словарь терминов по рекламе, маркетингу и PR. URL: http://hr-portal.ru/article/slovar-terminov-po-reklame-marketingu-i-pr.

Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004.

Bernays E. Propaganda. 1929.

Jackendoff R. Semantics and Cognition. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1995.

Langacker R. Concept, Image and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991. 335 p.

Merriam Webster Dictionary. ULR: https://www.merriam-webster.com/dictionary.

P.I. Sergienko (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

BORROWING OF CONCEPTUAL STRUCTURES AS THE KEY FACTOR TO DESCRIBE THE FORMATION OF PR AS AN INTERDISCIPLINARY FIELD OF KNOWLEDGE

The present research is dedicated to the study of the process of PR formation, which becomes an interdisciplinary field of knowledge due to several factors, the primary being the kinetic processes on the semantic-cognitive level. Different terminological units are borrowed in PR from other spheres of human activity. On the linguistic level of analysis different meanings and language realizations constitute the underlying conceptual representations.

Key words: conceptual structures, borrowings, public relations.

И.Г. Серова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
irina_serova@list.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕТАКОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются гендерно обусловленные лингвистические репрезентации метакогнитивных процессов в англоязычном диалогическом дискурсе с позиции экспликации причин различия женского и мужского речевого поведения в диалоге.

Ключевые слова: метакогниция, метарепрезентация, диалогический дискурс, гендерно обусловленное поведение.

Тенденция к междисциплинарности, характерная для современных гуманитарных исследований в области метакогниции, логично привела к объединению усилий психологов и лингвистов. Метакогниция как способность к осмыслению собственных когнитивных состояний и когнитивных состояний других и лингвистическое метарепрезентирование этих процессов связаны с «активно разрабатываемой в последнее время метарепрезетационной теории сознания и лингвистической теории релевантности» [Клепикова 2008: 5]. Метакогниция часто описывается как «мышление о мышлении» или «когниция о когниции». Это обстоятельство отчасти объясняет сложность в изучении механизмов метакогниции, связанную с возможным смешением в ее ходе языкового и ментального уровней.

Языковое воплощение метакогнитивных процессов как рефлексия над работой сознания изучается при помощи анализа способов лингвистической репрезентации речемыслительной деятельности. В настоящее время рефлексия в области мышления и языка описывается в зависимости от типа дискурса. Значительное внимание уделяется метарепрезентациям в медиадискурсе, в частности, новостном, в ходе развертывания которого субъект речевой деятельности выступает как наблюдатель, не желающий «нести

ответственность за ту или иную точку зрения, идеологическую интерпретацию происшедшего» в отличие от активного субъекта пропагандистского дискурса, осуществляющего агрессию на территории сознания реципиента [Васильева 2009: 21]. В дискурсе художественной литературы метарепрезентации используются для реализации рефлексивной игры в современной метапрозе, «предполагающей раздвоенность когнитивного субъекта на “Я, творящее возможный мир” и “Я, комментирующее правила моделирования вымышленного мира”» [Чемодурова 2015: 272], или в ходе репрезентации «ложной идентичности» с целью создания иронического эффекта [Трощенкова 2015]. В научном дискурсе изучение лингвистической объективации метакогнитивных процессов подчинено «их роли в экспликации ментальной модели организации получения нового знания» [Дроздова 2015: 258].

Нас интересует реализация метакогнитивных процессов в повседневном диалогическом дискурсе в высказываниях англоязычных мужчин и женщин. В связи с этим следует отметить, что для изучения метакогнитивных процессов в лингвистической науке исторически сложилась и существует практика их изучения в рамках категории эвиденциальности, характеризуемой как одна из модусных категорий, «специфика формирования и организации которых заключается в том, что они объединяют языковые средства на основе общности их концептуальной (интерпретирующей) функции» [Болдырев 2005: 32].

Одним из семантических параметров высказывания, отражающих субъективное отношение автора к содержанию высказывания, является отсылка к источнику информации, передаваемой говорящим. Так, говорящий всегда имеет возможность строить свое высказывание, не указывая на источник своих знаний, но в определенных ситуативных условиях он обязан обозначить источник, на котором основаны его сведения. Таким источником могут быть: а) собственные наблюдения говорящего (прямое свидетельство); б) сведения из вторых рук, умозаключение (непрямое, или косвенное свидетельство). Так, собственные наблюдения говорящего могут быть классифицированы как:

– прямая засвидетельствованность – visual (говорящий был свидетелем ситуации): I feel you're strong (while wrestling);

– непрямая засвидетельствованность – non-visual, которая далее подразделяется на инференциальную (знания о ситуации получены на основании логического вывода): My nephew must have been here (I see tracks); и пересказывательность – quotative (знания получены на основании вербального сообщения внешнего источника): I'm told he's left the town [Козинцева 1994: 92].

Л. Андерсон специально выделяет, кроме того, эксперименциальную инференциальность (experiential inferential) – тот случай, когда вывод основывается на некоторой наблюдаемой данности, а не на общих соображениях [Anderson 1986: 273]. В этой ситуации говорящий, чувствуя или предполагая собственную несостоятельность с точки зрения авторитетности, предпочитает отвести от себя критический взгляд слушающих и направить его на кого-либо более «внушительного», используя комментарий следующего типа: “specialists in this field believe that...” ... “our chief says that...”, “people say that...”.

Как известно, пионерским исследованием особенностей гендерно маркированной речи стала работа Р. Лакофф «Язык и место женщины», посвященная особенностям женского речевого поведения [Lakoff 1973: 45]. По мнению

Р. Лакофф, речевое поведение женщины отличается неуверенностью, меньшей агрессивностью по сравнению с мужским, большей гуманностью и ориентированностью на своего партнера по коммуникации. В связи с этим мотивация мужских и женских высказываний в ходе диалога обнаруживает ряд различий.

Женщина более внимательно выслушивает мнение собеседника, не стремится доминировать в течение беседы. Мужчины же в диалоге более агрессивны, стремятся в беседе «держать ситуацию под контролем», менее склонны к компромиссам. В связи с этим, речевой стиль женщины создает впечатление неуверенности в себе и некомпетентности, что, с одной стороны, наносит ущерб ее имиджу, но с другой, способствует комфортности климата общения. «Комплекс неполноценности» женского речевого поведения выражается, в частности, в том, что женщины существенно чаще предпочитают выражения типа I think, I feel, I hope. Помимо этого, они намного тщательнее градуируют свое отношение: Р. Лакофф полагает, что этому способствует среди прочих факторов частое (в сравнении с мужчинами) употребление различного рода модальных средств и часто встречающиеся в женской речи косвенные ссылки на мнение других людей (they say, I hear, rumours say, etc.). Мужчины для выражения степени достоверности (эвиденциальности) более склонны использовать лексические средства для оформления метакогниции: модальные слова certainly, probably, presumably.

Особое внимание обращается на лингвистические маркеры I think, I thought (см. напр.: [Palander-Collin 1999]). Дж. Холмс не нашла существенных различий в частоте употребления I think в мужской и женской речи [Holmes 1990: 254].

Но более детальный анализ показал, что гендерные различия существуют на функциональном уровне, то есть данное выражение употребляется мужчинами и женщинами с разной интенциональностью и степенью уверенности. Кроме выявленной в процессе анализа заметно большей частоты использования выражения I think в женской речи, исследователи отмечают функциональную и семантическую разницу в употреблении мужского и женского вариантов. У мужчин I think служит для выражения неуверенности, женщины при помощи этой вводной фразы выражают уверенность, используя ее исключительно из соображений вежливости.

Несмотря на отсутствие общей тенденции в различии маскулинной и фемининной в реализации инференциальной эвиденциальности, существует несколько частных случаев, заслуживающих рассмотрения. Так, инференциальный маркер I thought в женской речи имплицирует противоречие действительности и мнения, ожиданий:

Female: I thought you hated television.

I thought that you were in America.

I thought you were there already doing research.

Mom! I thought we were going to have something to eat

[Bridget Jones's Diary].

В речи мужчин употребление I thought обычносинонимично I think и значительно десемантизировано.

Исследователи также отмечают, что в женской речи значительно чаще присутствуют маркеры квотативной (цитатной) эвиденциальности – вводные слова и словосочетания, содержащие ссылки на собственное или какое-либо другое мнение. В том числе, для женской речи характерно двойное использование маркеров эвиденциальности:

I thought you were just, you know, lying [Bridget Jones's Diary].

Также среди средств выражения степени достоверности используются так называемые «уклончивые структуры» (hedges), которые придают предложению статус лишь отчасти правдивого ("only approximately true"). В данном случае мы имеем дело со случаем перехода категории эвиденциальности в область значений категории аппроксимации.

Таким образом, пристальное изучение лингвистического оформления метакогнитивных процессов обнаруживает сходную, но нетождественную мотивацию в речевом поведении англоязычных мужчин и женщин.

Литература

Болдырев Н.Н. Категории как форма репрезентации знаний о языке // Концептуальное пространство языка: сборник научных трудов к юбилею проф. Н.Н. Болдырева. Тамбов, 2005. С. 16-39.

Васильева Л.В. Реализация категории эвиденциальности в новостном дискурсе американской прессы (диахронический аспект) // Вестник Челябинского государственного университета. Филология, Искусствоведение. 2009. Вып. 36. С. 21-25.

Дроздова Т.В. Вербальные средства объективации метакогнитивных процессов в научном тексте // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. 23. С. 258-260.

Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблема типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92-104.

Клепикова Т.А. Типология лингвистических метарепрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 3. С. 5-15.

Трощенкова Е.В. Когнитивный механизм метарепрезентации как основа стилистического приема иронии // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. 23. С. 269-273.

Чемодурова З.М. Рефлексивная игра как способ выражения игровой модальности в метапрозе // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. 23. С. 272-274.

Anderson L. Evidentials, paths of change, and mental maps: typologically regular asymmetries // Evidentiality: the Linguistic Coding of Epistemology / ed. by W. Chafe, J. Nichols. Norwood, 1986. P. 273-312.

Holmes J. Hedges and Boosters in Women's and Men's Speech // Language and Communication 10. 1990. № 3. P. 185-205.

Lakoff R. LanguageandWoman'sPlace // Language in Society. 1973. № 2. P. 45-79.

Palander-Collin M. Male and Female Styles in 17th century Correspondence: I think // Language Variation and Change, 11. Cambridge Univ. Press, 1999. P. 123-140.

Fielding H. Bridget Jones's Diary. URL:https://bookscafe.net/read/fielding_helen-bridget_joness_diary-148151.html.

I.G. Serova (Saint Petersburg, Russia)
Pushkin Leningrad State University

THE LINGUISTIC REPRESENTATION OF METACOGNITIVE PROCESSES IN THE ENGLISH DIALOGIC DISCOURSE: THE GENDER ASPECT

The article tackles the engendered linguistic representations of metacognitive processes in the dialogic discourse of the English language.

Key words: metacognition, linguistic representation, dialogic discourse, male / female behavior.

Н.Ю. Соколова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный университет
n.y.sokolova@spbu.ru

РУССКИЙ ФУТУРИЗМ В ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ[1]

В статье приводятся отдельные взгляды на русский футуризм в русскоязычном и англоязычном искусствоведческих дискурсах. Исследование проводится через актуальные когнитивные понятия концепта и синестезии. Само искусство русского футуризма рассматривается как взаимосвязь двух типов дискурса – литературного и изобразительного.

Ключевые слова: русский футуризм, концепт, синестезия, русскоязычный искусствоведческий дискурс, англоязычный искусствоведческий дискурс, лимология дискурса, «свой-чужой».

В рамках современной когнитивной парадигмы представляются перспективными междисциплинарные исследования искусства как онтологического феномена, его отдельных форм, проявлений и целей, их аксиологической, социально-исторической и геополитической значимости в пространственно-временном континууме, под которым понимается «мир, в котором существует и действует человек» [Каган 2018: 138]. Являясь самостоятельной формой познания, а также неотъемлемой частью духовной культуры человечества, искусство, рассматриваемое с позиций когнитивистики как один из основных концептов, представляет собой предмет актуальных антропологических, философских, искусствоведческих и лингвистических размышлений. Понятия «искусство» и «концепт» обнаруживают внутреннюю сущностную связь. Концепт «сочетает в себе логическое и интуитивное, индивидуальное и социальное, сознательное и бессознательное, материальное и идеальное начала, причем эти начала представлены не в автономном, отграниченном друг от друга состоянии, но внутренне сцеплены, слиты в нераздельное целое» [Сиднева 2013: 143]. В то же время произведения искусства являются «переработанным» и запечатленным в

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, в рамках научного проекта № 20-012-00276

определенной форме опытом предыдущих поколений или противопоставлением ему новаторских идей, результатом индивидуальной и коллективной познавательной и духовной деятельности, подготовленным или спонтанным отражением когнитивных процессов. При этом функции искусства – познавательная, социальная, эстетическая – реализуются в совокупности. Другой общей стороной понятий концепта и искусства является категоризация «свой-чужой».

В настоящее время многие гуманитарные отрасли знания активно используют в своем научном лексиконе понятие дискурса. В лингвистической дискуссии оно является одним из центральных и выдерживает различные определения. Однако в широком значении дискурс является «способом и формой организации и упорядочения человеческой деятельности и реальности в целом» [Тихонов 2013: 54]. Дискурсивность, понимаемая как «особый процесс и способ достижения определенности и упорядоченности» [там же] может иметь под собой иные, нелингвистические основания. Особым видом дискурса, имеющим свои правила и логические предпосылки, может выступать изобразительное искусство. Как видится, эта форма художественного творчества вполне соотносима с пониманием дискурса как сложного коммуникативно-когнитивного явления, которое включает в себя намерения адресанта и восприятие адресата с учетом разностных и общих установок, а также внешние условия их реализации.

Значение русского авангарда для развития мирового искусства XX века трудно переоценить. Его влияние заметно не только наметанному искусствоведческому глазу, но и наивному восприятию искусства, так как проявляется не только при глубоком концептуальном анализе, но и обнаруживается на первоначальном, «лингвистическом» этапе знакомства с предметом искусства через его название. Не вдаваясь в описание визуального воплощения скульптуры американского минималиста Карла Андре «Эквивалент VIII», созданной в 1966 году и скандально приобретенной лондонской галереей Тейт в 1972 году, мысль невольно обращается к «пронумерованным» композициям Василия Кандинского, последняя из которых, «Композиция X», датирована 1939 годом, что означает оформленность цикла композиций к началу Второй мировой войны. Но и в послевоенном западном искусстве можно найти композиции среди образцов изобразительного искусства. Например, картина немецкого художника Карла Бухайстера «Komposition Textem» («Композиция текст») была создана в 1959 году и хранится в музее города Ганновера. Она отсылает к этимологии латинского слова textus – «сплетение, соединение, связь», являясь визуализированным примером основной проблематики текста в современной научной дискуссии [Чернявская 2015: 13].

С нашей точки зрения, это изображение также может служить иллюстрацией взаимодействия двух видов искусства – литературы и живописи, а также двух типов дискурса – литературного и изобразительного. Ярким примером такого взаимодействия стал в начале XX века русский футуризм, без которого трудно представить последующее советское литературное и изобразительное искусство.

Взаимодействие и взаимовлияние искусства слова и искусства изображения особенно ярко проявились в издательской деятельности русского футуризма, а именно в литографированных изданиях, появившихся в 1910-е годы.

Начало XX века стало временем перемен во взаимоотношениях литературы и изобразительного искусства, обозначив отход языка живописи от языка литературы, провозгласив его самостоятельность и равноправность. Именно этот «отход» и позволил двум видам искусства вступить в дальнейшее творческое взаимоотношение на паритетной основе. Многие художники-футуристы и авангардисты писали стихи, а поэты рисовали, что также способствовало сближению изобразительного искусства и литературы [Ковтун 2014: 28-29] и позволяет сегодня рассматривать русский футуризм через призму лимологии дискурса.

В отечественном искусствоведческом дискурсе русский футуризм проявляется как явление синестетическое. Упрощенно под синестезией понимается индивидуальная нейрокогнитивная стратегия, заключающаяся в особом способе познания «в виде необычно тесной связи мышления и системы чувств (когнитивно-сенсорная проекция)» [Сайт российского синестетического общества]. «Творческая синестезия» русского футуризма была обусловлена влиянием изобразительного искусства на поэтический дискурс. В качестве примера искусствоведы приводят поэзию В.В. Маяковского, говоря о зрительных признаках предметов, являющихся материалом поэтических образов. Такие принципы кубической и футуристической живописи как смещение (движение) предметов, их взаимопроницаемость транспонированы в систему поэтических образов [Харджиев 2006: 86-87]. «Бегущие» дома, «прыгающие» кубы и слова, «вывернувшийся» город и «скачущая крашеная» буква в стихотворениях В.В. Маяковского являются не только приметами футуризма в литературе, но и проявлениями синестетического восприятия.

Невзирая на отрицание футуризмом прежних традиций и провозглашение новых, в искусствоведческом дискурсе концепт СВОЙ – ЧУЖОЙ репрезентируется не только в описании противопоставления старых и новых форм, но и допущении существования и права на существование форм иных. Последнее находит выражение в работах живописца и исследователя искусства В.И. Маркова, творческий взлет которого приходится на начало 1910-х годов. Исследователь впервые обращается к таким сферам народного искусства, на которые ранее никто не смотрел как на искусство [Ковтун 2014: 57]. Круг интересов В.И. Маркова и других молодых художников широк: от искусства архаики, Византии, Востока до древних культур Океании и негритянской скульптуры [Там же: 52]. Отступая от европоцентристского взгляда на искусство, русские художники обратили свой творческий взор на то, что называли «примитивом», а также на многовековое национальное искусство [Там же: 60].

Спустя столетие футуризм продолжает вызывать интерес не только у отечественного искусствоведческого дискурса, но и зарубежного, в частности, англоязычного. Предлагая смотреть на русский футуризм через призму социальных событий и государственной формации, англоязычные эксперты именуют его, к примеру, «идеологическим зонтиком», «бурным миром». Таким образом, в указанном типе дискурса находят языковые объективации концепты ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО. При этом русский футуризм мыслится в неотъемлемой связи не только с политическими

и социальными событиями современного себе периода, но и с того же рода резонансными проявлениями в новейшей истории. Интересно, что размышления на эту тему имеют место не только в Европе, где по-прежнему периодически появляются выставки, посвященные русскому футуризму, но и далеко за ее пределами. В одном из недавних выпусков журнала History Australia, выпускаемом Австралийской исторической ассоциацией, была опубликована статья под названием From Futurism to Pussy Riot: Russia's tradition of aesthetic disobedience, автор которой прослеживает «длительную российскую традицию политического искусства» [Glisik 2016: 195]. Автора интересует так называемое «групповое выражение эстетического неповиновения», которое она считает «авангардистской традицией, берущей начало в творчестве русских футуристов начала XX века» [Там же]. Как видится, для некоторых зарубежных исследователей идеи русского футуризма продолжают оставаться актуальной оптикой для изучения общественно-политических проявлений в современной России.

Размышляя о русском футуризме, англоязычные искусствоведы или художественные критики высказывают суждения о «дикой, необузданной» природе изучаемого явления. Джонатан Джонс, художественный критик «Гардиан», входивший однажды в состав жюри премии Тернера, характеризует идеи русского футуризма как «первобытный культ обновления», а знаковую работу М.Ф. Ларионова «Весна» как «неистовую в своей новизне».

Дальнейшее рассмотрение проблематики русского футуризма и последующего советского искусства в русскоязычном и англоязычном искусствоведческих дискурсах представляется перспективным с позиций определения специфики восприятия и оценки произведений русского изобразительного искусства англоязычным социумом, а также с точки зрения выявления закономерностей взаимодействия культурных ценностей разноязычных сообществ.

Литература

Каган М.С. Философия культуры. М.: Юрайт, 2018.

Ковтун Е.Ф. Русская футуристическая книга. М.: РИП-холдинг, 2014.

Сайт российского синестетического общества. URL: http://www.synaesthesia.ru/whatis.html (дата обращения: 15.01.2020).

Сиднева Т.Б. Концепт ИСКУССТВО как предмет современных культурологических рефлексий // Вестник Вятского государственного университета. 2013. № 1. С. 142-145.

Тихонов А.А. Дискурс власти и власть дискурса в информационном обществе // Власть. 2013. № 7. С. 54-58.

Харджиев Н.И. От Маяковского до Крученых: Избранные работы о русском футуризме / сост. С. Кудрявцев. М.: Гилея, 2006.

Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: Флинта: Наука, 2015.

Glisik I. From Futurism to Pussy Riot: Russia's tradition of aesthetic disobedience // History Australia. 2016. Vol. 13. Issue 2. P. 195-212.

Jones J. Tomorrow people. URL: https://www.theguardian.com/artanddesign/2007/mar/20/art.jonathanjones (reference date: 15.01.2020).

N.Y. Sokolova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

RUSSIAN FUTURISM IN ART DISCOURSE

The article provides particular views on Russian futurism in Russian art discourse and English art discourse. The research is done through the viable cognitive notions of concept and synesthesia. The art of Russian futurism itself is examined as interconnection of two types of discourse – literary and visual.

Key words: Russian futurism, concept, synesthesia, Russian art discourse, English art discourse, limology of discourse, us/them opposition.

А.О. Столярова *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
a.stolyarova9@gmail.com

КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТЫ АНГЛОЯЗЫЧНОГО БИЗНЕС-ДИСКУРСА

Цель статьи – выделить ключевые концепты современного англоязычного бизнес-дискурса и рассмотреть способы их вербализации. Исследование проведено с помощью методов анализа словарных дефиниций и смысловых связей синонимов, а также приема систематизации языкового материала. В качестве основных концептов бизнес-дискурса выделены: BUSINESS, BUSINESSMAN, GOOD / SERVICE, MARKET и PROFIT.

Ключевые слова: бизнес-дискурс, деловая коммуникация, концепт, концептуализация, концепт-анализ.

Важная роль бизнеса в развитии мира XXI века, укрепление лидерских позиций США как колыбели англоязычного бизнес-дискурса на мировой деловой арене, наряду с установлением английского в качестве языка международного общения, активно влияют на интерес лингвистов к сфере деловой коммуникации. На сегодняшний день существует значительное количество исследований в области разных аспектов делового и бизнес-дискурсов: деловая коммуникация (Н.А. Баландина, М.А. Иванова, Ю.С. Тюрина, С.В. Шилова, Н.Г. Наумова, И.А. Стернин, В.А. Пономаренко, G. Wolf, A. Trosborg, P.E. Jorgensen, B-L. Gunnarssonn, C. Nickerson, B. Planken, H. Johnson и др.), деловой и бизнес-дискурс (Л.П. Науменко, Ю.В. Данюшина, Ю.В. Стодолинская, Т.А. Ширяева и др.), межкультурная деловая коммуникация (Е.Г. Ганиш, Н.В. Ботвина, F. Bargiella-Chappini и др.), терминология деловой сферы (В.А. Богородицкая, О.И. Гутиряк и др.), составление лингвокультурных типажей представителей сферы бизнеса (М.С. Илюхина, И.Ф. Баданян). Вместес тем, многие вопросы все еще требуют изучения.

Деловой и бизнес-дискурсы следует разграничивать между собой, т.к. последний является более узкой разновидностью первого. В отечественной лингвистике традиционно используется понятие делового дискурса для разграничения официально-делового и разговорного стилей общения; тер-

мин при этом включает в себя самые разные виды профессиональных дискурсов: политический, экономический, административный и пр. [Данюшина 2010: 48]. Языковые средства официально-делового стиля оказываются «неприемлемы для общения с клиентами с целью заинтересованности их в продукции или услугах компании» [Стодолинская 2013: 84]. Поэтому, в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы институциональный бизнес-дискурс представляет собой область коммуникации участников сферы бизнеса – сотрудников фирм, компаний, предприятий, богатых, влиятельных личностей и иных представителей деловой среды в условиях товарно-рыночных отношений. Иными словами, «бизнес-дискурс – это о том, как люди общаются устно или письменно в коммерческих организациях для того, чтобы выполнить свою работу» [Bargiela-Chiappini, Nickerson, Planken 2007: 3]. В данном исследовании нас интересует концептосфера дискурса профессиональной языковой личности американского бизнесмена, речевая деятельность которого отражает сложившуюся в его сознании картину мира. В свою очередь, языковая картина мира, присущая представителям бизнес-среды, находит отражение в лексике, грамматике и фразеологии. Таким образом, взяв за основу группу концептов англоязычного делового дискурса, выделенную Л.П. Науменко [Науменко, 2004], мы можем очертить концептосферу бизнес-дискурса.

Многие российские и иностранные ученые внесли вклад в изучение проблем концепта (Т. ван Дейк, В.И. Карасик, Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова и др.). Концептом принято называть квант знаний человека о мире. Несмотря на то, что это понятие не является новым в лингвистике, оно до сих пор не получило однозначной дефиниции и трактуется по-разному. Интерес к концептологии повысился в связи с ростом интереса к областям когнитивной лингвистики, когнитивной психологии и психологингвистики. Мы пользуемся универсальным определением В.А. Масловой: «Концепт – это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры. Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека. Он окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом» [Маслова 2004: 16]. Таким образом, концепт в упрощенном понимании – это ментальная сущность; единица знаний человека об окружающей реальности, совокупность которых составляет картину мира.

Л.П. Науменко, посредством аналитического изучения словарных статей, научной и учебной литературы по бизнесу, предпринимательскому делу, менеджменту, маркетингу и финансам, выделила следующие концепты англоязычного делового дискурса: BUSY (деятельный, занятый), ENTERPRISE (предпринимательство), MANAGE (управлять), MARKET (рынок), PROFIT (прибыль), объединенные макроконцептом BUSINESS (дело, бизнес) [Науменко 2004: 41]. Считаем целесообразным предпринять попытку выделить основные концепты бизнес-дискурса как самостоятельного типа дискурса, что, тем не менее, не исключает многих естественных пересечений с деловым дискурсом [Стодолинская 2013: 84].

В настоящем исследовании мы считаем ключевыми концепты BUSINESS (дело, бизнес) в качестве базового, BUSNESSMAN (бизнесмен, предпринима-

тель), GOOD / SERVICE (товар / услуга), MARKET (рынок) и PROFIT (прибыль), т.к., с одной стороны, они являются маркированными, доминантными и дискурсообразующими, а с другой, соответствуют элементам когнитивной структуры функционирования предпринимательского дела. При выделении данной группы концептов мы руководствовались рядом определяющих принципов: семантическая емкость, стилистическая нейтральность и высокая частотность употребления. Концепт BUSINESS очерчивает сферу использования дискурса, BUSINESSMAN принадлежит к концептам особого вида – лингвокультурным типажам и называет главное действующее лицо данного типа дискурса, GOOD / SERVICE обозначают предмет труда бизнесмена в условиях бизнеса, MARKET обозначает область функционирования бизнесмена в условиях бизнеса, а PROFIT указывает на главную цель. Эти концепты в совокупности формируют полноценную языковую картину мира бизнес-дискурса.

Словарь Merriam Webster определяет понятие «бизнес» так: «бизнес – это коммерческая или производственная деятельность организации; покупка и продажа товаров, особенно в большом масштабе и между разными учреждениями» [Webster's New World Thesaurus]. Макроконцепт BUSINESS вербализован рядом лексических единиц: activity, entrepreneurship, affairs, dealings, commerce, marketplace, trade, deal, production, job, work, venture, enterprise, undertaking и т.п.

Концепт BUSINESSMAN реализуется в лексемах, включающих понятийный компонент businessman («человек, работающий в сфере бизнеса» [Longman Dictionary of Contemporary English]): financier, manager, broker, stockbroker, speculator, purchasingagent, seller, buyer, manufacturer, retailer, merchant, tradesman, entrepreneur, employer, CEO, director, executive, boss, capitalist, industrialist, tycoon, investor, sponsor, business angel и т.п.

Концепт GOOD / SERVICE, означающий предмет торговли, вербализован лексемами commodity, merchandise, ware, supply. Данный концепт считаем целесообразным выделить ввиду того, что предмет торговли и есть то центральное понятие, вокруг которого и строится сфера бизнеса: товары и услуги производят, продают и покупают, что является основой бизнеса.

Концепт MARKET включает понятия двух категорий значения термина: 1) общественное место, отведенное для купли-продажи товаров: market, fair, bazaar, shopping center, mall, shop, department store, mart, wharehouse, retailer's store, trading house, stockmarket, concern, firm, domestic / foreign market; 2) процесс, формы и виды торговли, включая субъектов купли-продажи: trade, retail, wholesale, vend, barter, exchange, traffic, deal, seller / buyer [Науменко 2004: 43].

Концепт PROFIT вербализован лексемами, объединенными семой «деньги, заработанные торговлей или бизнесом, после затрат на производство и продажу товаров и услуг» [Cambridge Dictionary]: money, revenue, interest, earnings, payoff, income, proceeds, assets.

Суммируя вышесказанное, можно заявить, что бизнес-дискурс – это самостоятельная область деловой коммуникации, функционирующая среди участников бизнес-сферы в условиях товарно-рыночных отношений, которая базируется на следующих концептах: BUSINESS, BUSINESSMAN,

GOOD / SERVICE, MARKET и PROFIT, взаимодействие которых формирует среду бизнес-дискурса.

Литература

Данюшина Ю.В. Бизнес-дискурс: термин, типология, анализ // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки. 2010. № 2. С. 48-52.

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2004. 256 с.

Науменко Л.П. Діловийангломовний дискурс у ключових концептах // Культура народов Причерноморья. 2004. Т.1. № 49. С. 40-44.

Стодолинская Ю.В. Бизнес дискурс как самостоятельный тип дискурса // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2013. № 9. С. 82-86.

Bargiela-Chiappini F., Nickerson C., Planken B. Business Discourse. Palgrave Macmillan, 2007. 282 p.

Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ (дата обращения: 17.12.2019).

Longman Business English Dictionary. Harlow: Longman, 2000. 533 p.

Longman Dictionary of Contemporary English. URL: https://www.ldoceonline.com/dictionary/ (дата обращения: 17.12.2019).

Merriam-Webster Dictionary. URL: https://www.merriam-webster.com/ (дата обращения: 17.12.2019).

Oxford Dictionary of Business English / ed. by A. Tuck, M. Ashby. Oxford: Oxford University Press, 1996. 491 p.

A.O. Stolyarova (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

KEY CONCEPTS OF BUSINESS DISCOURSE

The aim of this article is to single out basic concepts of modern business discourse and examine means of their verbalization. The research was carried out on the ground of the method of vocabulary definition analysis, the method of analysis of semantic relationships between synonyms and the method of language data systematization. As a result, the following key concepts of business discourse were highlighted: BUSINESS, BUSINESSMAN, GOOD / SERVICE, MARKET and PROFIT.

Key words: business discourse, business communication, concept, conceptualization, concept analysis.

Ю.Б. Феденева *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский государственный юридический университет
uralkedr96@mail.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЬИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ БАСЕННОЙ АЛЛЕГОРИИ

В статье описываются аксиологически значимые параметры деятельности судьи, типичные для языкового сознания студентов-юристов, выявленные в

процессе интерпретации крылатых выражений из басен И.А. Крылова. Делается вывод о том, что лексикографическая история слова *судья*, в которой отражены семантические трансформации, связанные с перераспределением компонентов лексического значения, проявляется в современном языковом сознании.

Ключевые слова: басни И.А. Крылова, крылатые выражения, развитие значения лексемы *судья*, аксиологический комментарий, языковое сознание студентов-юристов.

Многие басни И.А. Крылова беспристрастно показывают государственное устройство через образы представителей власти и судебной системы как одной из ветвей власти. Проводя параллели между миром животных и людей, великий баснописец дает нравственный урок обществу, не теряющий своей актуальности. Но всегда ли басенная аллегория декодируется современными носителями языкового сознания, являются ли аксиологические параметры определяющими для восприятия студентов-юристов, будущих представителей судебной институции? Эти вопросы связаны с «встраиванием в индивидуальную картину мира профессионально значимых интенциональных установок и ценностей» [Юшкова 2019: 169], лежащих в основе морально-нравственных принципов и правового сознания будущих специалистов.

Рассмотрим особенности восприятия строки из басни «Осел и соловей» *Избави Бог и нас от этаких судей* [Ашукин 1986: 272] на материале минитекстов, полученных в ходе эксперимента, нацеленного на выявление крылатых выражений, маркированных в языковом сознании студентов-юристов как значимых для сферы права. Использование лексемы *судей* вызвало частотность выбора этого крылатого выражения из общего списка для комментария, поскольку содержание самой басни оказалось незнакомым респондентам. Концептуально значимым для восприятия крылатого выражения становится образ судьи – главного субъекта судебной системы: так через расширение интерпретационного поля басни «реализуется ее полидискурсивность, проявляющаяся в оценочной универсальности» [Сидоренко 2012: 87].

Развитие значения лексемы *судья* отражено в лексикографических источниках. Для реконструкции семантических трансформаций обратимся к словарю В.И. Даля. Здесь в качестве основного значения слова отмечается деятельность, связанная прежде всего с когнитивными процессами:

Судья, судия. Кто судит о чем-либо, соображает и заключает [Даль 1886: 356].

Значение лексемы *судья* в басне И.А. Крылова актуализирует смыслы, связанные с процессами логического мышления. Эти смыслы обусловлены исторически первичной семантикой мотивирующего глагола *судить: суживать о чем, понимать, мыслить и заключать; разбирать, соображать и делать вывод, доходить от данных к последствиям до самого конца; сравнивать, считать и решать; толковать, рассуждать, выслушивая мнения, советы, убеждения* [Даль 1886: 355].

Значение лексемы *судья*, ориентированное на судебную деятельность, вторично, оно отличается конкретизацией и отражает аксиологические

параметры: «Кто судит по праву, по долгу, обязанности, кому дан суд, кто сидит в суде, творит суд и правду, дает расправу» [Даль 1886: 356].

Сопоставление толкований, актуальных для XVIII–XIX вв., и данных современных словарей обнаруживает перераспределение компонентов лексического значения и ослабление аксиологической составляющей:

Судья, -и, ж.

1. Должностное лицо в органах суда, выносящее приговор по судебному делу.

2. Тот, кто судит игру, состязание (в спорте).

3. Тот, кто высказывает какое-л. мнение, суждение о ком-либо, чем-либо, дает оценку кому-л., чему-л. [Ефремова 2000].

Номинативная цепочка, выявленная в текстах студенческих комментариев, содержит три тематические группы:

'судьи': *судья / судьи, уполномоченное лицо*; *[недобросовестные] представители данной профессии; [низкоквалифицированные] «профессионалы»;*

'политики': *политики* и *представители политической власти;*

'критики / советчики': *[некомпетентные или глупые] люди; [необразованные] люди; [вредные] советчики и критики.*

Наиболее частотными являются номинации тематической группы '*судьи'*. В связи с тем, что крылатое выражение в языковом сознании студентов, не знающих текст басни «Осел и соловей», не актуализирует смыслы, связанные с изображенной в басне прецедентной ситуацией, респонденты ориентируются на современное основное значение слова. Упоминание в отдельных комментариях представителей политической власти связано с характерным для восприятия молодых людей недифференцированным представлением о системе управления страной. Оценочные реакции студентов, связанные с тематической группой *'критики / советчики'*, соотносятся с третьим значением лексемы *судья* и отличаются низкой частностью, хотя и обозначают смыслы, восходящие к басне И.А. Крылова: *бездарные суждения*, *неправильность выражений, необъективная критика, осуждение*.

Вектор оценочных суждений молодых людей определяет входящая в состав крылатого выражения идиома *Избави Бог,* которая во фразеологических словарях маркируется как экспрессивная:

Избави бог [боже избави]. Прост. Экспрес. *Мод., эмоц*. Выражение предостережения, предупреждения или запрещения какого-л. действия, поступка [Шведова 2005: 62].

Отрицательная семантика, связанная с нежелательностью или недопустимостью поведенческой реакции, усиливается устаревшей формой указательного местоимения *этакие* и вокативной конструкцией. Это задает установку, определяющую восприятие всей фразы в целом и параметры аксиологического комментария.

При оценивании главной фигуры судебной системы актуализируются личностно-ориентированные смыслы, которые вербализуются через лексемы *некомпетентность, непрофессионализм, несправедливость, неправомерность, нечестность, порок*. Социально-ориентированные смыслы связаны с функционированием самой судебной институции: *неэффективная деятельность су-*

дей, непрофессиональная деятельность органов судей, несправедливость правосудия.

Аксиологический комментарий содержит описание возможных поведенческих сценариев, которые имеют дуальный характер, обусловленный представлениями, закрепленными в языковом сознании как норма или антинорма профессионального поведения.

В языковом сознании студентов-юристов норма профессионального поведения определяется тремя составляющими: (1) ***компетентность,*** (2) ***объективность*** и (3) ***справедливость***, что прямо вербализуется в комментариях и дополнительно актуализируется в многочисленных типовых контекстах. Так, исходя из комментариев, судьи (1) *должны быть компетентны / должны хорошо разбираться в своем деле…,* (2) *должны быть объективными / должны действовать в соответствии с законом*; (3) *должны решать все проблемы справедливо / не дискриминировать других по отдельным их признакам*.

Антинорма профессионального поведения проявляется через смысловые оппозиции к норме и чаще всего является контекстуально обусловленной:

(1а) ***некомпетентность:*** *судьи, которые плохо разбираются в своем деле / судья судит без знания дела*;

(2а) ***необъективность:*** *судья не осуществляет правосудие из-за своих корыстных целей / судьи нарушают принцип равенства всех перед законом / суд встает на какую-то определенную сторону и противоположной не дает возможности высказать свою точку зрения*;

(3а) ***несправедливость***: *им не дано судить других людей вне своего законодательства, а именно лишать других жизни или иных свобод и личных прав человека*.

Проведенный анализ полученных в ходе исследования комментариев крылатого выражения *Избави Бог и нас от этаких судей* показывает, что в коллективном языковом сознании студентов-юристов понимание характера деятельности судьи и аксиологические параметры судебной практики меняются. Происходит сужение представления о когнитивной основе подобной деятельности, и, как следствие, исчезает мысль о том, что субъект судебной системы должен иметь развитое логическое мышление и четкие аксиологические ориентиры. Ведущим становится требование к компетентности судьи, понимаемой прежде всего как знание законов, обеспечивающее принятие правильных решений и предохраняющее от профессиональных ошибок. На периферию уходят компоненты значения, связанные представлениями о долге, об обязанностях в высоком смысле этого слова, которые должны быть основой профессионального служения, в юридической деятельности немыслимого без «высокого и притом “специализированного” нравственного уровня» [Алексеев 1976: 78]. Это наблюдение, бесспорно, важно для сферы права, поскольку «правоприменительная практика зачастую теряет нравственные координаты», а право «перестало быть феноменом национальной культуры» [Камалетдинов 2014: 14].

Литература

Алексеев С.С., Яковлев В.Ф. О модели юриста и обучении в юридических вузах // Правоведение. 1976. № 4. С. 73-81.

Ашукин Н.С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М.: Правда, 1986.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. 4. P–V. 1882.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: https://ru-dict.ru›slovar-efremovoy (дата обращения: 12.10.2019).

Камалетдинов Э.С. Профессиональная мораль юриста как социокультурное явление: автореф. дис. … канд. филос. наук. Уфа, 2014. С. 14.

Сидоренко К.П. Полидискурсивность и интертекст («Волк на псарне» И.А. Крылова) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 3. Т. 1. С. 84-87.

Шведова Н.В. Словарь фразеологизмов с компонентом «бог» / под ред. Н.Б. Усачевой. Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2005. 111 с.

Юшкова Н.А. Развитие профессиональной языковой личности студентов в процессе вузовского обучения (по итогам проведения международной научно-методической конференции) // Филологический класс. 2019. № 3 (57). С. 167-170.

Yu.B. Fedeneva (Ekaterinburg, Russia)
Ural State Law University

AXIOLOGICAL PARAMETERS OF THE JUGDE ACTIVITY TROUGH THE ALEMBIC OF FABLE ALLEGORISM

The article describes typical for the language mentality of law school students parameters of the judge's activity, significant from the axiological point of view, that were identified through interpreting of winged words found in the fables by I.A. Krylov. The conclusion is made that the lexicographical history of the word judge, which reflects the semantic transformations associated with the redistribution of the lexical meaning components, appears in modern language mentality.

Key words: fables by I.A. Krylov, winged words, semantic development of the word judge, axiological comments, language mentality of law school students.

Е.А. *Федотова* *(Калининград, Россия)*
Калининградский государственный технический университет
uea@mail.ru

КАТЕГОРИЯ «ОПАСНОСТЬ» В LSP «БЕЗОПАСНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ» (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

В статье анализируются фрагменты отражения типов знания в LSP «Безопасность производства и технологических процессов». С точки зрения когни-

тивно-дискурсивной парадигмы рассматривается категория «Опасность», выделяются основные блоки знания, идентифицируются ключевые / базовые концепты, репрезентирующие исследуемый нами дискурс.

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивная парадигма, LSP, терминосистема, репрезентация специального знания, категория «Опасность», категоризация и концептуализация, базовые концепты, фрейм.

Наша работа посвящена исследованию межотраслевой терминологии предметной области «Безопасность производства и технологических процессов». Мы анализируем определенные фрагменты отражения типов знания в LSP «Безопасность производства и технологических процессов». Исследуемая отрасль научного знания охватывает теорию и практику защиты человека от опасных и вредных факторов во всех сферах производственной деятельности.

В результате анализа специальной литературы (монографии, справочная и нормативная литература по безопасности производства, представленная в печатном и электронном (Интернет) формате) мы установили, что область научного знания «Безопасность производства и технологических процессов», исследуемая в настоящей работе, представляет собой интеграцию концептов на основе когнитивных связей таких категорий науки, как охрана труда (der Arbeitsschutz), эргономика (die Ergonomie), производственная медицина (die Betriebsmedizin), экология (die Ökologie) и др. [Федотова 2011, 2016]. Анализ специальных текстов позволяет понять, какие категории и концепты вербализуются терминами безопасности производства, выявить тесные интегративные связи этих концептов, классифицирующие категориальные признаки.

Формирование базовых концептов является результатом концентрации опыта и накопления знаний вокруг основных объектов, характеризующих предметную область определенной науки. Используя специальные методы, практику и средства деятельности, наука связывает полученные знания причинно-следственными и другими логическими связями, устанавливает их системную организацию, утверждает обоснованность и доказанность. Такой взгляд на развитие науки помогает понять, почему каждая наука отражает определенный этап в общем познании мира, в становлении и обозначении новых структур знания и почему так естественно рассматривать главные из них как ключевые концепты науки с когнитивной точки зрения [Кубрякова, Дроздова 2007: 8].

Ориентируясь на схемы В.Ф. Новодрановой, мы исходим из того, что начальным этапом построения когнитивной карты науки «Безопасность производства и технологических процессов» является идентифицирование концептов, составляющих данную отрасль производства и знания.

В когнитивно-дискурсивной парадигме знаний наиболее распространенный способ идентификации концептов через языковые данные – регистрация ключевых концептов в текстах, представляющих дискурс данной области знания.

Исследуя специальную научную литературу, мы идентифицировали следующие основные категории науки «Безопасность производства и технологических процессов»: **«опасность» (die Gefahr)** и составляющие ее

концепты ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ОПАСНОСТИ (die GEFAHRVERHÜTUNG), ИДЕНТИФИКАЦИЯ ОПАСНОСТИ (die GEFAHRIDENTIFIZIERUNG), ЛИКВИДАЦИЯ ОПАСНОСТИ (die GEFAHRLIQUIDIERUNG), РИСК (das RISIKO), далее **«опасные вещества» (die Gefahrstoffe)**, **«опасные и вредные факторы» (die gefährlichen und schädlichen Faktoren),** далее категория **«вред здоровью» (der Gesundheitsschaden)**, «профессиональное заболевание» (die Berufskrankheit), «загрязнение окружающей среды» (die Umweltverschmutzung), **«несчастный случай на производстве» (der Betriebsunfall)**, также категории **«безопасность» (die Sicherheit), «производственный процесс» (der Arbeitsvorgang), «условия труда» (die Arbeitsbedingungen)** и другие ключевые категории и концепты, входящие в рубрики когнитивной карты: *охрана труда* (der Arbeitsschutz), *эргономика* (die Ergonomie), *производственная медицина* (Betriebsmedizin) и др., объединяющиеся в базовую науку «Безопасность производства и технологических процессов».

Категория «опасность» (Gefahr) образует ядро исследуемой научной отрасли. Мы представили категорию «опасность» (Gefahr) с точки зрения тех категориальных признаков и концептов, которые лежат в основе этой категории:

– **причины** опасности: *брак оборудования* (Ausrüstungs ausschuss), *технологические нарушения* (technologische Verstöße), *высокий уровень шума*, *вибраций, излучений* (hohes Lärm-, Vibrations-, Strahlungsniveau) и др.;

– **виды** опасностей: *физические* (physische), *химические* (chemische), *биологические* (biologische), *психофизиологические* (psychophysiologische);

– **происхождение** опасностей: *природное* (natürliche), *техногенное* (technogene), *антропогенное* (antropogene), *экологическое* (ökologische), *смешанное* (vermischte);

– **время проявления отрицательных последствий** опасности: *импульсивные* (impulsive) и *кумулятивные* (cumulative);

– **вызываемые последствия**: *угроза жизни* (Lebensbedrohung), *ущерб здоровью* (Gesundheitsschaden), *затруднение функционирования органов человека* (Schwierigkeit von Menschen organe funktion), *утомление* (Ermüdung), *болезни* (Krankheiten), *травмы* (Verletzungen), *аварии* (Unfälle), *пожары* (Brände), *смертельные случаи* (Sterbefälle) и т.д.;

– **приносимый ущерб**: *социальный* (sozial), *технический* (technisch), *экологический* (ökologisch).

В рамках когнитивного подхода на основании выделенных концептуальных признаков мы построили фрейм «опасность» (Gefahr). См. фрейм:

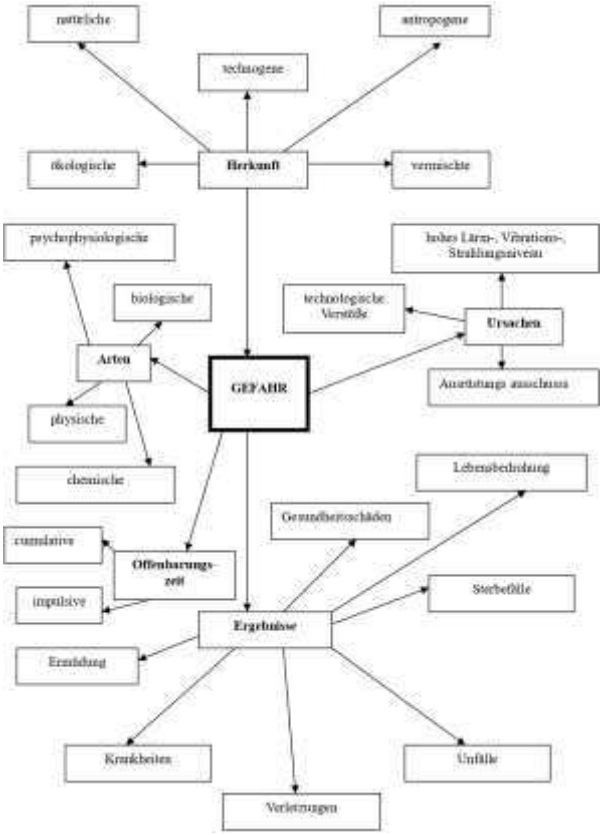


Рис. 1. Фрейм. Die Gefahr

Литература

Кубрякова Е.С., Дроздова Т.В. Ключевые понятия науки с когнитивной точки зрения // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания: сборник научных трудов. – М.; Рязань, 2007. Вып. 5. С. 8-13.

Новодранова В.Ф. Категория языковой личности в языке для специальных целей // Пелевинские чтения – 2009: материалылы Международной научной конференции. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009а. С. 71-77.

Федотова Е.А. Репрезентация специального знания в текстах «Безопасность производства и технологических процессов» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1 (026). С. 87-91.

Федотова Е.А. Роль базовых концептов при построении когнитивной карты науки // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVI. С. 173-175.

Hasse P., Kathrein W., Kehne H. Arbeitsschutz in elektrischen Anlagen. Berlin, Offenbach: VDE VERLAG GMBH, 2003. 366 S.

E.A. Fedotova (Kaliningrad, Russia)
Kaliningrad State Technical University

CATEGORY "DANGER" IN LSP "SAFETY OF MANUFACTURE AND TECHNOLOGICAL PROCESSES" (ON A MATERIAL OF GERMAN LANGUAGE)

The article analyzes fragments of reflection of types of knowledge in LSP "Safety of production and technological processes". The category "Danger" is considered from the point of view of the cognitive-discursive paradigm. We are studying the main blocks of knowledge. The key/basic concepts are identified.

Key words: cognitive-discursive paradigm, LSP, terminological system, representation of special knowledge, category "Danger", categorization and conceptualization, base concepts, frame.

Л.М. Хобракова *(Улан-Удэ, Россия)*
Восточно-Сибирский государственный институт культуры
lyudakhobrakova@mail.ru

КОНЦЕПТОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА БИЗНЕС-ПЛАНА

В статье рассматривается специфика бизнес-планов компаний США с позиций когнитивной лингвистики. Исходя из особенностей плана как схематизации опыта, автор рассуждает о концептоцентрической организации дискурса бизнес-плана вокруг базового концепта BUSINESS. Ценностная составляющая институционального дискурса бизнес-плана репрезентируется в стратегическом выборе аргументативных средств инициирующей диалог стороной для достижения перлокутивного эффекта в ситуации неопределенности в деле возврата инвестиций.

Ключевые слова: бизнес-план, дискурс бизнес-плана, институциональный дискурс, концепт BUSINESS, концептосфера, ценности, аргументация, перлокутивный эффект.

Дискурс бизнес-плана (далее Б-П) – феномен, охватывающий специфическую область деловых отношений в современном социуме. Высокий уровень развития технологии бизнеса и все большее ее усложнение вследствие роста конкуренции диктуют необходимость тщательного планирования предложений (proposals), сопряженных с большим риском. Определение, согласно которому "plan" – "a series of actions that you think about carefully to help you to achieve something" [MEDFAL 2007: 1133], находит отражение в любом Б-П.

Понятия «планирование», «план» активно используются в прикладной лингвистике, теории обучения и когнитивной лингвистике. Так, К. Фирч и Г. Каспер, рассматривая разработку плана в качестве цели процесса планирования, исходят из трех переменных: коммуникативной цели, коммуникативных ресурсов, находящихся в распоряжении индивидуума, и оценки коммуникативной ситуации [Foerch 1983: 26-27]. Авторы принимают в качестве основной посылки тот факт, что ресурсы используются в соответствии с ситуацией

и их выбор основывается на общем (с другим интерлокъютером) фонде лингвистических знаний. Если рассматривать принятые К. Фирчем и Г. Каспер критерии с позиций бизнес-планирования, то ориентированность на проблему (problem-orientedness) и осознанность ее разрешения (consciousness) составляют основу порождения дискурса Б-П, в котором находят свое выражение многие когнитивные способности деловых людей.

С позиций когнитивной лингвистики, план – это особая унифицируемая конструкция знания или связанная схематизация опыта. Т.А. ван Дейк и В. Кинч, проводя концептуальное разграничение между термином «стратегия» и связанным с ним термином «план», определяют последний как «когнитивное представление некоторого макродействия» [Dijk 1983: 64]. Эта когнитивная структура основана на вероятностном знании типичных параметров ситуации и связанных с этим знанием ожиданий, позволяющих прогнозировать будущие события на основе ранее встречавшихся сходных по структуре событий. Дискурс Б-П проходит многоэтапный во времени процесс разработки и конструирования и представляет собой тщательно обоснованное и просчитанное деловое предложение.

Стратегическое использование дискурсивных средств для выражения особой ментальности в диалоге с потенциальным инвестором или кредитором определяется общей глобальной прагматической установкой этого типа предложений – каузировать адресата к действию, к началу делового сотрудничества. Активная авторская позиция выражается в критическом оценивании некоторого положения дел, связанного с созданием венчурного предприятия, и представлении объективной картины возможного развития событий ввиду неопределенности в деле возврата инвестиций и получения доходов. Еще Дж. Кейнс в книге «Общая теория занятости, процента и денег» подчеркивал неопределенность, в условиях которой принимаются инвестиционные решения: «Мы должны признать, что наши знания относительно дохода, приносимого через 10 лет железной дорогой, шахтой, текстильной фабрикой, репутацией запатентованного лекарства … стоят немного, а иногда не стоят ничего…» [Keynes 1936: 149-150]. Выбор коммуникативных ресурсов, имеющихся в распоряжении адресанта, будет во многом определяться специфическими обстоятельствами общения в рамках института рыночных отношений. Именно учет полного набора типовых параметров коммуникативной ситуации позволяет определить дискурс Б-П как институциональный. Исследование институциональности предполагает анализ текста в его социо-семиотическом окружении. Определяющую роль играют сфера функционирования текста и ситуация общения, в которой коммуниканты выступают в определенных коммуникативных ролях. Участниками институционального дискурса Б-П являются представляющие институт агенты и обращающиеся в институт клиенты. Агенты обладают более высоким ситуативным статусом, который в значительной степени основывается на доступе к материальным ресурсам и возможности контролировать дальнейшее развитие событий.

Специфика сложившегося в обществе института рыночных отношений отражается в концептоцентрическом характере дискурса Б-П. В этом смысле последний подчиняется известному определению В.З. Демьянкова

[Демьянков 1982: 7]. Дискурс Б-П организуется вокруг базового концепта BUSINESS, содержательный объем которого репрезентируется тематически организованными языковыми единицами разных уровней, составляющих в целом специфику американской концептосферы бизнеса. Вслед за Г.Г. Слышкиным, понятие «концептосфера» используется для обозначения области, состоящей из объединяемых на основании тематического признака концептов как «ментальных образований с доминирующим аксиологическим началом» [Слышкин 2000: 14].

В современном американском обществе бизнес – это профессия, род занятий. Семантически компоненты “profession”, “occupation” отмечены в исходном значении этого слова [TCODE 1995: 176]. Интересно отметить, что английский термин “business” восходит к вышедшему из употребления “busyness” – «занятость делами, деловитость» [WNCD 1973: 113] (см. также [Степанов 1997: 663]). Ключевые лексемы “profit”, “risk”, “experience” образуют ассоциативный потенциал имени базового концепта BUSINESS и лексические кластеры в дискурсе Б-П.

Вслед за В.И. Карасиком, мы исходим из того, что в структуру концепта наряду с образным элементом входят также понятийная и ценностная составляющие с доминированием последней [Карасик 1996]. Следовательно, мы рассматриваем концептуальное содержание дискурса Б-П с точки зрения его ценностной составляющей как репрезентации доминирующих культурнозначимых ценностей и их иерархий в структуре института рыночных отношений. Лица и организации, входящие в его структуру, обладают определенными материальными средствами и обеспечивают деловую активность субъектов рынка с целью максимизации прибыли.

По мнению Р. Водак, «институты обладают собственными системами ценностей, которые кристаллизуются в институциональных идеологиях» [Водак 1997: 23]. Идеология институционального делового общения основана на признании макрогрупповых ценностей, а именно личной свободы, уверенности в собственных силах, равенства возможностей, упорной работы, конкуренции, материального благополучия. Ценности дискурса Б-П сконцентрированы в его ключевых концептах BUSINESS ACTIVITY, PROFIT, EXPERIENCE, EDUCATION. Эти базовые ценности определяют композиционную структуру аргументации и выбор языковых средств при выдвижении тезиса и его обосновании, критическом анализе и оценке фактуальных данных и выведении логического умозаключения из посылок. Использование автором лексического репертуара с аргументативным потенциалом, номинирующим благоприятные перспективы проекта в плане получения прибыли (ключевой ценности Б-П), ради которой вступают во взаимодействие субъекты венчурного бизнеса, обеспечивает желаемый перлокутивный эффект. Авторы, как правило, представляют для адресата картину мира, в которой сфера будущего тесно пересекается со сферой настоящего: возможный сценарий развития событий основан на знании реального состояния дел в этой сфере бизнеса и его оценке в аспекте наиболее вероятностного прогнозирования. Способность к прогнозированию – фундаментальная характеристика речевого поведения стратегически мыслящих бизнесменов и предпринимателей.

Таким образом, в институциональном дискурсе Б-П отражается особое мировидение авторов речи, особый способ концептуализации картины мира. Б-П содержит прямые призывы изменить существующее положение дел и рассчитан на побуждение адресата к осуществлению практического действия. Ценностная составляющая базового концепта BUSINESS, вокруг которого организуется дискурс Б-П, репрезентируется в стратегических средствах ведения аргументативного диалога. Б-П предстает как макроречевой акт реализации реквестивной интенции, однако ведущая иллокуция другая по семантике – директивная, несмотря на асимметричный характер межличностного взаимодействия.

Литература

Водак Р. Язык. Дискурс. Политика: пер. с анг. и нем. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.

Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста: сборник статей: пер. с англ. М.: ВЦП, 1994. С. 169-217.

Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. С. 3-16.

Слышкин Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник научных трудов. М.: Academia, 2000. 128 р.

С*тепанов Ю.С.* Словарь русской культуры. Опыт исследования // Семиотика: Антология. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 5-42.

Dijk T.A. van., Kintsch W. Strategies of Discourse Comprehension. N.-Y.: Academic Press, 1983. 418 p.

Foerch C., Kasper G. Plans and Strategies in Foreign Language Communication // Strategies in Interlanguage Communication. L., 1983. P. 20-60.

Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money. London: Macmillan, 1936. P. 149-150.

MEDFAL – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. 2nd ed. London: Macmillan, 2007. 1747 p.

TODCE – The Concise Oxford Dictionary of Current English. 9th ed. Oxford: Clarendon Press, 1995. 1632 p.

WNCD – Webster's New Collegiate Dictionary. Springfield: G&C Merriam Company, 1973. 1535 p.

L.M. Khobrakova (Ulan-Ude, Russia)
East Siberian State Institute of Culture

CONCEPT CENTRIC CHARACTER OF THE INSTITUTIONAL DISCOURSE OF BUSINESS-PLAN

The article deals with the specifics of business plans of the American companies. Considering the plan features as some experience schematization the author describes the concept centric organization of business plan discourse around the basic concept BUSINESS. The value component of the institutional

discourse of business plan is represented in the strategic choice of argumentative means by the party initiating the dialogue to achieve a perlocutionary effect in the situation of uncertainty in returning investments.

Keywords: business-plan, discourse of business plan, institutional discourse, concept BUSINESS, concept sphere, values, argumentation, perlocutionary effect.

IV. КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА И РАЗНЫХ ТИПОВ ДИСКУРСА

О.Б. Абакумова *(Орел, Россия)*
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева
abakumova-ob@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ ПОСЛОВИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Элементы семантической структуры пословицы, в первую очередь традиционные образные предикативные и атрибутивные сочетания, целенаправленно повторяющиеся в соответствующих контекстах в художественном тексте, вызывают в сознании читателя, носителя данной культуры, определенные образы и фреймы, которые с опорой на обобщенный фрейм пословицы, символы и установки культуры способствуют восстановлению базовой формы пословицы в силу ее прецедентности.

Ключевые слова: пословица, воспроизводимость, художественный текст, когнитивно-дискурсивное моделирование.

Возможность удержания в памяти крупных языковых / речевых образований обусловлена способностью мозга реагировать на однотипные комплексные воздействия среды не как на ряд отдельных изолированных раздражителей, а как на целостную систему (см. работы И.П. Павлова, А.А. Ухтомского, П.К. Анохина, Е.Н. Соколова, К.В. Судакова и др.). Таким образом, в нейронной сети замыкается «сильная» временная связь, образуя взаимно подкрепляющую группу узлов, функционирующую по принципу динамического стереотипа, т.е. способную воспроизводиться в полном объеме при наличии даже ограниченного числа стимулов, бывших актуальными на момент его формирования. Сила связи зависит как от характеристик стимула, так и от внешних факторов (коммуникативная / функциональная прецедентность стимула, его значимость (объективная и субъективная), естественность связи вещей в объективной реальности и пр.). (см. [Щекотихина 2017]).

В концепции Б.М. Гаспарова такой целостный прототипический образ высказывания получает название коммуникативного контура высказывания [Гаспаров 1996]. Этот образ носит не жесткий и четкий, а контурный, эскизный характер. Он имеет коммуникативную окрашенность, определенный тематический и жанровый потенциал употребления и включает в себя ритмико-интонационный образ, опорные выражения (реальные фразы-прецеденты разной степени неполноты и приблизительности) и композиционные лакуны (размытые, не вполне воплощенные участки высказывания, в которых проглядывает, с разной степенью отчетливости, притягиваемый ими языковой материал). Обращается внимание на тот факт, что данные единицы могут быть членимыми с точки зрения морфо-

синтаксических параметров метаязыковой модели, но не расчленяемыми и целостными с точки зрения того, как говорящие представляют себе этот отрезок языковой ткани и обращаются с ним. Единицы такого рода, будучи «коммуникативно заряженными частицами языковой ткани», различаются объемом, фактурой, разной степенью отчетливости и законченности и хранятся в памяти «в полусплавленном, ассоциативно подвижном, текучем состоянии» [Гаспаров 1996: 104]. Это могут быть *«осколки» словоформ*, «форма которых не обязательно соответствует морфемному членению» [Там же: 120]; *«отдельные словоформы*, каждая в окружении целого поля более или менее очевидных сочетательных возможностей; *готовые словесные группы*, в каждой из которых просматриваются различные возможности модификации, расширения, усечения, замены отдельных элементов; *синтактико-интонационные фигуры*, лишь частично заполненные отдельными опорными словами, в окружении целых полей словоформ и словосочетаний, пригодных для их полного воплощения *целые готовые реплики-высказывания* (опять-таки с возможностями их модификации); *различные риторические "жесты",* за которыми проглядывают более крупные речевые блоки и даже *целые тексты*, ассоциируемые с такими "жестами"; наконец, *отдельные куски текстов и речений*, устных или письменных, прозаических и поэтических, относящихся к различным сферам и жанрам языкового существования, которые говорящий помнит с разной степенью отчетливости – будь то точное знание наизусть, или приблизительное, размываемое лакунами воспоминание, или смутный, едва просвечивающий в памяти образ» [Там же: 104-105].

По своей сути представления Б.М. Гаспарова о природе единиц языковой памяти согласуются с психолингвистическим / когнитивным взглядом на эту проблему. Ср., например, идеи А.А. Залевской о принципах организации единиц речевого опыта, среди которых называется наличие «расплывчатых» множеств с нечеткими границами и взаимопересечением по разнообразным основаниям [Залевская 2003]. Ссылаясь на свидетельства П. Ладегофеда, Е.С. Кубрякова писала: «В каком-то смысле можно утверждать известный приоритет целостного восприятия и целостного хранения, а также целостного извлечения из памяти готовых единиц номинации, даже тех, которые для говорящих сами по себе легко разлагаются на части и членятся» [Кубрякова 1991: 136]. Мы согласны с И.Н. Щекотихиной, которая полагает, что данное утверждение справедливо не только по отношению к единицам номинации, но и к образованиям коммуникативного характера разной степени сложности организации [Щекотихина 2017].

Сегодня воспроизводимость успешно изучается представителями лингвокультурологии, которые в центр внимания ставят не столько сами воспроизводимые единицы (языка и дискурса), но и те знаки «языка» культуры, «телами» которых данные единицы служат, те смыслы, которые за ними стоят (см. работы В.Н. Телия [Телия 2004]) и представителей ее школы (Д.Б. Гудкова, В.В. Красных, М.Л. Ковшовой, И.В. Зыковой). Единицей анализа в таком случае является единица лингвокультуры, означающим которой является тело знака естественного языка, означаемым – знак «языка» культуры.

Психолингвокультурологический подход, который предлагает В.В. Красных, с опорой на этнопсихолингвистику и лингвокультурологию позволяет

предположить, что когнитивной основой воспроизводимости может быть признан образ, под которым понимается результат максимального сгущения первоначального представления, образно-эмоционально-смысловая свертка «ментальной картинки», формирующейся на основе эмоционально-образного восприятия информации, поступающей по одному или нескольким сенсорным каналам [Красных 2016: 126]. В.В. Красных выдвигает гипотезу, суть которой сводится к тому, что именно образ создает основы и основания для феномена воспроизводимости. Данная гипотеза требует, по мнению автора, дополнительных исследований, подтверждающих или опровергающих ее.

Мы полагаем, что в основе воспроизводимости действительно лежит образ, который связан в сознании носителей языка с культурными установками, о которых пишут В.Н. Телия, В.В. Красных, М.Л. Ковшова, но не менее значимыми факторами являются коммуникативная стратегия говорящего и культурно-коммуникативная компетенция слушающего, его желание и способность инферировать то, что имеет в виду говорящий. В этой связи уместно будет упомянуть когнитивно-дискурсивную модель актуализации смысла пословицы в дискурсе, предлагаемую автором данной статьи (см. [Абакумова 2012]), которая включает коммуникативную, когнитивную, экспрессивную и регулятивную составляющие.

Анализ текста песни-притчи В. Высоцкого «Правда и Ложь» показал использование и развитие четырех типов моделей изменения базовой формы пословицы в художественном тексте: развернутая метафора получила форму аллегории, каламбур имел место в двух случаях через лексические замены, которые привели к изменению смысла на противоположный, расщепление структуры пословицы также встречалось около двух раз, доминирующую роль играла аллюзия как наиболее частотный способ воспроизведения пословиц в данном тексте. Когнитивная составляющая представлена наложением трех типов фреймов и развертыванием пословичного сценария. Образные фреймы представляют динамическую ситуацию, в центре которой находятся персонифицированные образы Правды и Лжи, находящиеся в отношениях оппозиции. В основе воспроизводимости лежат культурно-детерминированные образы Правды и Лжи, противоречивая оценка которых представлена амбивалентными символами коня и собаки.

Используя когнитивно-дискурсивную модель актуализации смысла пословицы в дискурсе на данном материале, мы приходим к следующим выводам. Элементы семантической структуры пословицы, в первую очередь традиционные образные предикативные и атрибутивные сочетания, целенаправленно повторяющиеся в соответствующих контекстах в художественном тексте, вызывают в сознании читателя, носителя данной культуры, определенные образы и фреймы, которые с опорой на образный и обобщенный фрейм пословицы, символы и установки культуры способствуют восстановлению базовой формы пословицы в силу ее прецедентности. Количество пословиц, которые носитель языка способен восстановить и воспроизвести, зависит от его культурной компетентности и знаний в области народного фольклора.

Литература

Абакумова О.Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации. СПб.: Алеф-Пресс, 2012.

Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. Вып. IX.

Залевская А.А. Языковое сознание и описательная модель языка // Методология современной психолингвистики. М.; Барнаул: Изд-во АГУ, 2003.

Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры. М.: Гнозис, 2016.

Кубрякова Е.С. Особенности речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона // Человеческий фактор в языке и речи: Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. С. 82-140.

Телия В.Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаков-микротекстов // Сокровенные смыслы / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 674-685.

Щекотихина И.Н. О понятии «воспроизводимость» (размышления двадцать лет спустя) // Вестник Орловского государственного университета. 2017. № 1. С. 82-88.

O.B. Abakumova (Orel, Russia)
Turgenev Orel State University

COGNITIVE AND LINGUO-CULTURAL ASPECTS OF REPRODUCIBILITY OF PROVERBS IN THE TEXT OF FICTION

Elements of semantic structure of the proverb, traditional figurative word combinations constantly repeated in the text of fiction call for the certain images and frames in the mind of the native speaker reader, thatcause to restore the whole base forms of the proverbs due to their precedent nature, symbols and deontic norms typical of certain culture.

Key words: proverb, reproducibility, fiction, cognition-discourse modeling.

Аль-Кадим Мухаммед Обейд Хашим *(Ирак, Багдад)*
Южно-Уральский государственный университет
moh.rossy@yahoo.com

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В АРАБСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Статья посвящена прецедентным феноменам арабской лингвокультуры, функционирующим в текстах современных арабских газет. Рассмотрено смысловое наполнение термина *прецедентный феномен*, проанализированы типы прецедентных феноменов. Приведены примеры наиболее распространенных прецедентных феноменов.

Ключевые слова: прецедентный феномен, прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, прецедентное имя.

В современном мире процессы глобализации диктуют необходимость новых путей повышения эффективности межкультурной коммуникации. Актуальность данного исследования обусловлена расширением контактов между культурами в сфере образования, экономики, политики. Понимание смысла прецедентных феноменов позволяет лучше понимать тексты в СМИ.

Межкультурная коммуникация представляет собой взаимодействие носителей разных культур, у которых разные образы мира. Часто непонимание в межкультурной коммуникации связано не столько с неправильным использованием грамматики, сколько с несовпадением культурных составляющих. Особенно это важно при взаимодействии носителей культур, у которых есть древняя история, которая закрепилась в именах, пословицах, текстах и т.д.

Начало изучению феномена прецедентности положено трудами Ю.Н. Караулова, им введено в научный оборот терминосочетание ***прецедентный текст***. В работах Ю.В. Прохорова, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова используется термин ***прецедентный феномен*** для обозначения «системы единиц и значений, хорошо известных любому “среднему” представителю культуры».

По мнению большинства ученых, прецедентные феномены должны быть:

1) хорошо известны всем представителям культуры;

2) вызывать определенные знания и эмоции у всех представителей культуры;

3) их должны использовать в своей устной и письменной речи все носители культуры.

<u>Виды прецедентных феноменов:</u>

1. Прецедентное имя – индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (Евгений Онегин, Анна Каренина) или с прецедентной ситуацией (Золушка). Можно сказать, что есть прецедентные имена, известные всем людям в мире. Например, Конфуций. В арабской культуре, например, прецедентным является имя ***Антар ибн Шаддад***. Это самый храбрый человек в доисламский период, сильного человека люди называют этим именем: «*Это Антар*». Есть и пословица с этим именем: «*Я тоже Антара, но я не темный*» (*темный* – о цвете кожи).

2. Прецедентная ситуация – некая известная ситуация, наиболее ярко передающая определенный смысл. Например, имена Ромео и Джульетта связаны с историей о несчастной любви, когда родители вмешиваются в отношения влюбленных, часто такая ситуация заканчивается трагедией. Или если мы скажем «история Золушки», то все поймут, что бедная девушка вышла замуж за богатого. К прецедентным относятся сказки и наиболее известные произведения художественной литературы. В России это «Война и мир», «Анна Каренина». Когда носители арабской культуры говорят: «***Халима вернулась к старой привычке»***, то они имеют в виду ситуацию, которая известна всем в этой культуре. В этом случае говорят о человеке, который повторяет ошибки, ничему не учится из прошлого опыта. В основе ее лежит история о Халиме – замужней женщине, жене храброго человека, который был очень известным и щедрым в своем племени, хотел по-

могать всем людям. Жене не нравилась его щедрость, поэтому она много раз пыталась сэкономить на еде для гостей, а муж всегда был возмущен этим.

3. Прецедентное высказывание – высказывание, которое представитель культуры трактует гораздо шире, чем человек, не знакомый с культурой. Как правило, это высказывание из художественного произведения. В арабской культуре много крылатых выражений из басен или художественных произведений. Прецедентным высказыванием, например, является пословица ***«Кто научил меня букве, дал мне раба»***. Эта фраза является очень популярной в нашем обществе, многие люди повторяют эту фразу, чтобы привлечь внимание к важности роли учителя в обществе. Слово ***раб*** употребляется в переносном значении, а вся фраза имеет смысл: «Учитель дает знания, которые обеспечивают человеку благополучие в жизни».

4. Прецедентный текст – произведение, известное всем представителям культуры. Например, сказка ***«Али-Баба и сорок разбойников»*** является прецедентным текстом в арабской культуре.

При межкультурной коммуникации следует помнить о том, что собеседник не всегда может выделить прецедентные феномены и понять их смысл. Древняя арабская культура проявляется в целой системе прецедентных феноменов, которые до сих пор активно используются в коммуникации. Незнание их может затруднить или сделать понимание невозможным.

Литература

Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. М., 1986. С. 105-126.

Прохоров Ю.В. Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта: Наука, 2004. 224 с.

Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность?: Человек. Сознание. Коммуникация: монография. М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.

Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 2003.

Al-Kadim Mohammed Obaid Hashim (Iraq, Baghdad)
South Ural State University

**PRECEDENT PHENOMENA
IN ARABIC LINGUISTIC CULTURE**

The article is devoted to the precedent phenomena of Arabic linguoculture functioning in the texts of modern Arabic Newspapers. The semantic content of the term precedent phenomenon is considered, and the types of precedent phenomena are analyzed. Examples of the most common precedent phenomena are given.

Key words: precedent phenomenon, precedent text, precedent statement, precedent situation, precedent name.

Д.Е. Барашева *(Севастополь, Россия)*
Севастопольский государственный университет
varvaraverevkinaV@yandex.ru

МОДЕЛИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СУБЪЕКТОВ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Специфика научной коммуникации обусловливает представленность в научном дискурсе трех субъектов: автор, адресат, «источник». Методом когнитивно-дискурсивного анализа исследовалась специфика их репрезентации: изучены языковые формы референции, концептуальные категории интерпретации, когнитивные механизмы репрезентации; определены типы моделей репрезентации и актуализируемые дискурсивные перспективы.

Ключевые слова: научный дискурс, субъект-автор, субъект-адресат, субъект-«источник», модели репрезентации, дискурсивные перспективы.

В научной, по сути своей дискурсивной, когнитивно-коммуникативной деятельности взаимодействующих субъектов (см. [Петровский, Ярошевский 1998]) главная цель – это производство и развитие научного знания, в фокусе внимания – объект научного познания. Однако «без субъекта нет объекта» [Лебедев 2016: 20]; автор научного текста, «средства научного общения», ориентируется на адресата, подготовленного «потенциального интерпретатора» [Баженова 2012]; наука невозможна без опоры на знания предшественников (принцип преемственности) [Лебедев 2016]. Следовательно, концепты СУБЪЕКТ-АВТОР, СУБЪЕКТ-АДРЕСАТ и СУБЪЕКТ-«ИСТОЧНИК» определенным образом должны быть представлены в научном дискурсе как обусловленном контекстом научной коммуникации особом формате знаний, формируемом в процессе когнитивно-коммуникативной деятельности субъекта научного познания и репрезентируемом в его сознании и в высказывании.

Следует вопрос, какие структуры знаний и механизмы их формирования лежат в основе такой репрезентации данных типов субъекта, что обеспечивает и фокус внимания на объекте научного познания, и представленность субъектов в сознании ученого и в его высказывании. Исследователи изучали: связь когнитивно-дискурсивного пространства научного текста и концептуальной картины мира автора [Ракитина 2007]; языковые формы автореференции в научном дискурсе [Нефедов 2015]; коммуникативно-прагматические особенности речевого использования «композиционно-ориентирующих сигналов адресации» в научном тексте [Баженова 2012]; модель авторизации в научном тексте [Гричин 2017]; др. Открытым остается вопрос моделей репрезентации субъектов коммуникации в научном дискурсе.

В задачи исследования входило изучить языковые формы референции, концептуальные категории интерпретации и когнитивные механизмы репрезентации, определить типы моделей репрезентации субъектов научной коммуникации (автор, адресат, «источник») и актуализируемые при этом дискурсивные перспективы. В основу легли установки когнитивной теории языка [Болдырев 2019] и когнитивно-дискурсивного подхода к лингвистическому анализу [Кубрякова 2004]. Были выделены четыре модели (табл. 1).

Таблица 1. **Модели репрезентации типов субъекта в научном дискурсе**

Модели	Концепты	Категории интерпретации	Когнитивные механизмы	Языковые формы	Дискурсивные перспективы
Инклюзия	Автор Адресат	Совместность	Блендинг	Инклюзив – местоимение 1 л. мн.ч., личные формы ментальных глаголов	Интерсубъективация
Метонимическая	Автор	Деятельность	Метонимия	Имена нарицательные абстрактные; личные формы ментальных глаголов	Объективация
Персоноцентрическая	Автор	Персона	Фокусировка	Персон. дейксис – местоим. 1 л. ед.ч., личные формы ментальных глаголов	Субъективация
	Источник			Антропонимы, анафора, личные формы ментальных глаголов	
Импликация	Автор	Эвиденциальность субъекта	Импликация	Безличные конструкции	Объективация
	Источник			Метаязыковые знаки: кавычки, библ. ссылки	
	Адресат			Побудительные и вопросительные конструкции	Интерсубъективация

Модель инклюзии предполагает особую репрезентацию концептов СУБЪЕКТ-АВТОР и СУБЪЕКТ-АДРЕСАТ в научном дискурсе. На основе родовой категории совместности два входных концептуальных пространства (знания о роли автора и роли адресата) смешиваются, их интеграция приводит к образованию бленда, выражаемого местоимением первого лица множественного числа: (1) ... *как* ***мы убедились***... [Ирисханова 2014: 38]; (2) **Weassumed** ... [Dijk 1993: 263]. Бленд «наследует» частичные структуры входящих пространств и имеет свое собственное эмерджентное пространство [Fauconnier, Terner 1996: 113], мы – это я и ты не в противопоставлении, но в совместности. Местоимение *мы* / we указывает на субъект (идентифицирующая референция) и выражает «включенность адресата в дейктическую сферу» (инклюзив, буквально «мы(я) с тобой / с вами» [ЛЭС 1998: 193]). Формальное и семантическое согласование инклюзива *мы* / we с грамматическим и, в данном случае совпадающим с ним, логическим предикатом приводит к тому, что адресат включается в интеллектуальную деятельность автора. Таким образом, актуализируется дискурсивная перспектива интерсубъективации (внимание к интерсубъективному «лицу» собеседников [Traugott 2012: 9-10]).

По типу **метонимической модели** может быть репрезентирован концепт СУБЪЕКТ-АВТОР. Агенсность субъекта переносится на результаты его интеллектуальной деятельности, что приводит к построению дискурсивной перспективы объективации («смещение акцента с субъекта на объект» [Ржешевская 2016: 131]): (3) ***Проведенный анализ учитывает***... [Нефедов 2015: 315]; (4) **This study brings to mind**... [Traugott 2012: 22]. Лингвистические формы

указывают на присутствие автора в фоновой зоне: анализ проделан им (3), исследование – это, его (4); грамматическими субъектами выступают, однако, не авторы, а результаты их деятельности.

В **персоноцентрической модели** репрезентации концепта СУБЪЕКТ-АВТОР и концепта СУБЪЕКТ-ИСТОЧНИК за счет активации когнитивного механизма фокусировки высвечивается персона субъекта, что актуализирует дискурсивную перспективу субъективации (отношение или точка зрения говорящего [Traugott 2010: 30]). Используемые языковые формы определяют указание продуцирующего дискурс субъекта на себя самого (самореференция) или указание другого – авторизуемого субъекта, дискурс которого вводится субъектом-автором в свой дискурс. Например: (5) ***Я думаю**, можно утверждать*... [Кубрякова 2009: 16]; (6) **I assume** that... [Traugott 2012: 13]; (7) ... ***в интерпретации Ю.С. Степанова**... Не случайным **представляются ему***... [Кубрякова 2009: 15]; (8) **Degand and Fagard treat**... **They suggest** that... [Traugott 2012: 12]. В (5) и (6) концепт СУБЪЕКТ-АВТОР эксплицируется формой персонального дейксиса (*Я*/I), связываемого предикативными отношениями с ментальными глаголами. В (7) и (8) концепт СУБЪЕКТ-ИСТОЧНИК эксплицируется антропонимами, именами собственными, замещаемыми далее анафорой, в данных случаях местоимениями третьего лица.

При репрезентации концепта СУБЪЕКТ-АВТОР и концепта СУБЪЕКТ-ИСТОЧНИК по **модели импликации** очевидность наличия автора высказывания создает возможность вывести субъект в периферию, а в фокус поместить объект и/или методы его исследования. Например: (9) *Исходно **принимается** теоретическое положение*... [Нефедов 2015: 314]; (10) It **was assumed** that... [Radden 2002: 431]. Посредством безличных грамматических конструкций выделяется семантика действий, выражаемая при этом в личных формах глаголов, что косвенно указывает на субъект действия; концепт СУБЪЕКТ-АВТОР репрезентируется имплицитно, в дискурсе актуализируется перспектива объективации. Формы выражения концепта СУБЪЕКТ-«ИСТОЧНИК» отличаются своей спецификой: (11) *... это использование языка «для выражения особой ментальности»* ***[Степанов* 1995: 38-39]** [Кубрякова 2004: 529]; (12) Any two entities... form a *"*metonymy- producing relationship*"* **(Kövecses & Radden 1998, Raden & Kövecses 1999)** [Radden 2002: 413]. Лицо субъекта-«источника» не фигурирует в высказываниях, его имя выносится в скобки, выполняющие «семантическую функцию» ссылки на источник (семантические функции скобок в научной прозе [Убушаева 2009: 34, 35]), а в самих высказываниях на его наличие указывают метаязыковые кавычки как «показатели “чужого слова”» (семантика кавычек [Зализняк 2007: 189-190]). По **модели импликации** может быть репрезентирован и концепт СУБЪЕКТ-АДРЕСАТ. Его наличие выражается побудительными (13), (14) и вопросительными (15), (16) конструкциями: (13) ***Выделим** еще одну тенденцию*... [Ирисханова 2014: 32]; (14) **Let us examine**... [Dijk 1993: 269]; (15) *Чем же было вызвано*...**?** [Кубрякова 2004: 523]; (16) In other words, what models...**?** [Dijk 1993: 262]. Актуализируется перспектива интерсубъективации.

В дискурсе научной коммуникации представлены три типа субъектов – автор, адресат, «источник»; их репрезентация осуществляется по моделям четырех типов. По модели инклюзии осуществляется интегративная репрезентация субъектов автора и адресата, актуализируется дискурсивная перспектива интерсубъективации. По модели метонимии представлен субъект-автор, определяется перспектива объективации. Репрезентация субъекта-автора и субъекта-«источника» по модели персоноцентрации актуализирует перспективу субъективации. Их репрезентация по модели импликации определяет перспективу объективации, а репрезентация субъекта-адресата – интерсубъективации. Чередование дискурсивных перспектив определяет эффективность научной коммуникации в том плане, что создает базовую, типичную динамическую структуру когнитивно-дискурсивных взаимодействий субъектов в условиях научной коммуникации.

Следующим шагом должно стать исследование типичных моделей дискурсивной репрезентации объекта научного познания с различных субъектных точек зрения. В совокупности результаты могли бы способствовать пониманию дискурсивной, когнитивно-коммуникативной организации научного сознания.

Литература

Баженова Е.А. Средства адресации в научном тексте // Медиастилистика. 2012. Вып. № 4. URL: http://www.mediascope.ru/node/1240.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Гричин С.В. Авторизационная модель научного текста: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Томск, 2017.

Зализняк А.А. Семантика кавычек // Труды международной конференции «Диалог 2007». 2007. С. 188-193.

Ирисханова О.К. Интерсубъективность конструирования событий в полимодальном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 17 (703). С. 31-41.

Кубрякова Е.С. Основные направления концептуального анализа: вместо введения // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. I. С. 11-21.

Кубрякова Е.С. Дискурс: определение и направления в его исследовании // Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 519-531.

Лебедев С.А. Проблема субъекта и объекта в научном познании // Вестник Тверского государственного университета. 2016. С. 19-26.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.

Нефедов С.Т. Автореференция в научном лингвистическом дискурсе // XLIII Международная филологическая конференция. Избранные труды. 2015. С. 313-320.

Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. Научная деятельность в системе трех координат. М., 1998.

Ракитина С.В. Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста: авторефер. дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2007.

Ржешевская А.А. О стилистических приемах, реализующих когнитивные механизмы перспективизации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 19 (758). С. 130-137.

Убушаева В.В. Функциональная семантика узуса скобок в американской научной прозе XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2009. Вып. 5 (73). С. 32-37.

Dijk T.A. van. Principles of critical discourse analysis // Discourse and Society. 1993. Vol. 4 (2). P. 249-283.

Fauconnier G., Turner M. Blending as a Central Process of Grammar // Conceptual Structure, Discourse and Language. 1996. P. 113-129.

Radden G. How metonymic are metaphors? // Cognitive Linguistic Research 20: Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast. 2002. P. 407-432.

Traugott E.C. Intersubjectification and clause periphery // English Text Construction. 2012. Vol. 5. № 1. P. 7-29.

Traugott E.C. Revisiting subjectification and intersubjectification // Subjectification, Intersubjectification and Grammaticalization. 2010. P. 29-70.

D.E. Barasheva (Sevastopol, Russia)
Sevastopol State University

THE MODELS OF SCIENTIFIC COMMUNICATION SUBJECTS REPRESENTATION IN SCIENTIFIC DISCOURSE

The scientific communication specifics determine three subjects representation in scientific discourse: author, addressee, and ‘source’. The specifics of their representations were investigated by the method of cognitive-discoursive analysis: language forms of reference, conceptual categories of interpretation and cognitive mechanisms of representation were studied; types of representation models and actualized discoursive perspectives were defined.

Key words: scientific discourse, subject-author, subject-addressee, subject-‘source’, representation models, discoursive perspectives.

О.С. Бернат *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный университет
oxtaber@yandex.ru
М.В. Раевская *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный университет
raevskayamv@susu.ru

КРЕОЛИЗОВАННЫЕ ТЕКСТЫ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ[1]

В статье рассматриваются следующие вопросы: функционирование креолизованных текстов в военно-публицистическом дискурсе периода

[1] Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-012-00192

Великой Отечественной войны, специфика креолизованных текстов, структурная характеристика, роль данных текстов.

Ключевые слова: дискурс, текст, креолизованный текст, структура, функции, свойства креолизованных текстов.

Русскоязычный военно-публицистический дискурс 1941–1945 гг. характеризуется гармоничным взаимодействием логико-понятийного и образно-эмоционального строя. Как любой другой вид дискурса, он обладает лингвокультурной составляющей, т.е. соотношением языковых форм и их ментальных репрезентаций в контексте определенной культуры.

Коммуникативные установки авторов текстов военно-публицистического дискурса ориентированы на максимальное речевое влияние, поэтому концептуальная и подтекстовая информация имеют наибольшее значение, в отличие от информации фактуальной.

Русскоязычный военно-публицистический дискурс периода ВОВ представлен различными коммуникативными составляющими: и гомогенными вербальными текстами, и текстами креолизованными, что обусловлено характером и целью коммуникативного воздействия на адресата в данное время.

Креолизованные тексты как специфическая организация паралингвистических произведений, в которых сочетаются коды различных семиотических систем, – это сложное структурно-прагматическое и функциональное единство лингвистических и экстралингвистических факторов (цифр, символов, рисунков и т.д.).

Использование подобных текстов в 1941–1945 гг. направлено на побуждение граждан к конкретным действиям, необходимым для поддержания боевого духа, укрепления государственной дисциплины.

Следует отметить, что, несмотря на взаимодействие лингвистических и экстралингвистических компонентов, информация, передаваемая посредством слов (вербальных знаков) и изображений (невербальных единиц), воспринимается и понимается по-разному.

Визуальный компонент креолизованного текста вызывает большее доверие у адресата [Ворошилова 2013: 43], нежели словесная информация: «то, что мы видим, быстрее и легче принимается как истина, вызывает меньше опасений» [Войтасик 1981: 190]. При этом такое произведение может быть прочитано «традиционно, т.е. от начала до конца вербального текста вместе с иллюстрациями, но возможно и целостное восприятие смысла текста только на основе иллюстраций и подписей к ним, когда основной вербальный текст не прочитывается» [Корда 2013: 18].

Материалом для изучения креолизованных текстов русскоязычного военно-публицистического дискурса стали газетные издания Челябинского Кировского завода «За трудовую доблесть», «Наш трактор (1941–1945 гг.), поскольку газета – важнейшее средство сообщения широкой аудитории актуальной информации о событиях, происходящих в стране и в мире.

В газетах Челябинского тракторного завода периода Великой Отечественной войны находят место многочисленные креолизованные тексты, посредством которых выражалась идеологическая направленность действий руководства. Так, в передовицах ряда номеров газет, где на фоне Красного Знамени графически изображены профили В.И. Ленина и И.В. Сталина (например, га-

зеты «Наш трактор», 5 апреля 1942 года и «За трудовую доблесть», 6 ноября 1942 года).

Следует отметить, что большая часть исследованных креолизованных произведений изданий «За трудовую доблесть» и «Наш трактор» по степени предполагаемой вовлеченности читателя, т.е. ответной реакции адресата в процессе декодирования креолизованного текста, представляют собой тексты «со средней вовлеченностью, воздействующие на реципиента, несущие апеллятивный, манипулятивный характер, призывающий к ответным действиям» [Дубовицкая 2013: 22].

Значительная часть поликодовых текстов в газетах Челябинского тракторного завода «Наш трактор» и «За трудовую доблесть», изданных в период Великой Отечественной войны, являются текстами с частичной креолизацией, в которых вербальная часть и изображения либо выступают на равных правах, либо изображение может отсутствовать без смысловой потери текста.

Другая часть текстов имеет полную креолизацию, при которой вербальная часть и изображения не могут быть разъединены.

К ним относятся: портрет вождя И.В. Сталина (газета «Наш трактор», 23 февраля 1942 г.), фото наркома танковой промышленности директора Челябинского тракторного завода И.М. Зальцмана (газета «За трудовую доблесть», 24 августа 1942 г.), фотографии передовиков производства и передовых бригад (газета «За трудовую доблесть», 31 марта 1943 г.), фотографии отличившихся бойцов из действующей армии (газета «Наш трактор, 25 января 1942 г., 19 февраля 1942 г.).

Праздничные номера газет постоянно содержали креолизованные тексты. Так, например, в газете «Наш трактор» от 1 января 1942 г. на рисунке изображены башня Кремля с цифрами 1942, бегущие в атаку моряки и поверженный враг. Вверху надпись: «С Новым годом, товарищи!» Внизу – «Наши войска заняли Керчь и Феодосию».

В газете «Наш трактор» от 8 марта 1942 г. опубликовано стихотворение «Дочери народа» и рисунки женщины, работающей в тылу, и женщины, воюющей на фронте.

В газете «За трудовую доблесть» от 23 февраля 1943 г. изображен идущий в атаку танк со знаменем и с надписью на знамени: «25 лет Красной Армии» и надписью на башне танка: «Смерть фашистским оккупантам!»

К особенностям креолизованных текстов следует отнести и то, что все рисунки черно-белого цвета и текст к ним такой же черно-белый за очень редким исключением.

Взаиморасположение и связь составных частей креолизованных текстов характеризуется наличием газетных текстов с надписями как вверху над рисунком, так и под рисунком. Есть тексты с надписями на самом рисунке.

Креолизованные тексты играли важную мобилизационную и агитационную роль в воспитании коллектива Челябинского тракторного завода.

Например, в газете «За трудовую доблесть» от 9 апреля 1943 года представлен лозунг: «Дадим танки в сталинский Фонд победы!» Под этим лозунгом размещен рисунок, на котором изображен рабочий со знаменем, на котором профили В.И. Ленина и И.В. Сталина, а на заднем плане представлены рисунки танков.

В газете от 5 июня 1943 года размещен рисунок рабочего с облигациями в руке на фоне самолетов и танков с надписью: «Если ты любишь Родину и желаешь победы, подпишись на второй военный заем!»

Таким образом, назначение креолизованных текстов как взаимодействия графико-визуального и иллюстративно-визуального методов подачи информации связано с привлечением внимания адресата и последующим воздействием на него.

Использование креолизованных текстов в газетах Челябинского тракторного завода «Наш трактор» и «За трудовую доблесть» способствовали подъему морального духа трудящихся, героизму, самоотверженному труду и в конечном счете – победе в Великой Отечественной войне.

Литература

Войтасик Л. Психология политической пропаганды. М.: Прогресс, 1981.

Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст. Екатеринбург, 2013.

Дубовицкая Л.В. Феномен креолизованного текста: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2013.

Корда О.А. Креолизованный текст в современных печатных СМИ: структурно-функциональные характеристики: дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013.

O.S. Bernat (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University
M.V. Raevskaya (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University

CREOLIZES TEXTS IN RUSSIAN MILITARY MEDIA DISCOURSE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR PERIOD

The following issues are discussed in the article: functioning of the creolized texts in military media discourse in the period of the Great Patriotic War, peculiarities of the creolized texts, their structural characteristics, and the role of these texts in the discourse.

Key words: discourse, text, creolized text, structure, functions, peculiarities of creolized texts.

В.И. Бортников *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
octahedron31079@mail.ru

О ВОЗМОЖНОСТЯХ КОГНИТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ЦЕПОЧКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА И ЕГО ПЕРЕВОДА[1]

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00399 А «Аксиологический потенциал современной русской метафоры»

В статье на материале поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай» и двух ее переводов на русский язык осуществляется моделирование субъектной темы главного героя (Сатаны). Сопоставлены тематические цепочки во всех трех текстовых вариантах, сделаны выводы о возможности их полевой интерпретации.

Ключевые слова: Мильтон, моделирование, «Потерянный рай», Сатана, текстовая категория, тема.

Когнитивный подход к переводу на уровне целого текста логически вытекает из самой возможности существования перевода на этом уровне. Сформулирована эта возможность была Л.С. Бархударовым в 6-м выпуске «Тетрадей переводчика»: «...имеют место случаи, когда даже предложения не могут выступать в качестве единиц перевода и когда единицей перевода оказывается весь переводимый текст в целом» [Бархударов 1969: 8]. В качестве примера приводится перевод LXXIV сонета Шекспира, выполненный С.Я. Маршаком, где соответствий оригиналу не обнаруживается ни на одном из лежащих ниже уровней (слов, словосочетаний, предложений). Сделан вывод: «несмотря на отсутствие соответствий между частями, русское стихотворение в целом соответствует исходному английскому, т.к. оба передают одну и ту же смысловую и художественно-эстетическую информацию. Это и есть то, что мы называем переводом на уровне текста» [Там же: 9].

Изучение механизмов кодирования информации в оригинале и переводе, сопоставление этих механизмов – одна из частных задач когнитологии, определяемой в новейшем издании «Толкового переводоведческого словаря» так: «наука, исследующая процессы усвоения, накопления и использования информации человеком, а также исследующая структуры представления знания и способы организации знания» [Нелюбин 2016: 78]. Если речь идет о переводе целого текста, то, как представляется, одной из таких структур может считаться текстовая категория – «один из взаимосвязанных существенных признаков текста, представляющий собой отражение определенной части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (композитивными) средствами» [Матвеева 2014: 669]. В рамках антропоцентрического подхода к коммуникативному акту как акту познания (К. Бюлер, Н.Д. Арутюнова, Е.В. Сидоров, В.Л. Наер, Т.В. Матвеева) выделяются текстовые категории, связанные с отправителем и получателем сообщения, а также предметом речи (тема), с условиями коммуникации (хронотоп, тональность), с построением сообщения (композиция, целостность, связность) и т.п. Если совокупность текстовых категорий понимается как обязательное условие существования текста, то каждая отдельная категория может пониматься как отдельная линия внутритекстового познания окружающей действительности [Матвеева 2014; Ицкович 2013, 2014; Бортников 2015]. Сопоставление таких линий в переводе и оригинале одного и того же произведения позволяет поставить вопрос о возможности определения меры содержательного соответствия одного текстового варианта другому, иначе – вопрос о текстовой эквивалентности.

Центральной, стержневой коммуникативной линией текста является категория темы, «которая отражает в тексте предмет речи, то есть тот

предмет реальности, с которой работает автор» [Ицкович, Цзяоцзяо 2019: 43]. Если предметов речи несколько, как это обычно бывает в художественном тексте, и одни из них либо активно взаимодействуют, либо воздействуют на другие, пассивные, то первым логически соответствуют субъектные, а вторым – предметные (объектные) темы. Соотношение этих разновидностей связано с категорией грамматической одушевленности и лексической семантикой ‘живое/неживое’ достаточно условно и зависит от замысла автора: так, в песне «Адвокатский вальс» Ю. Кима опредмечивание судей-машин, людей-орудий сопровождается олицетворением «правого русского слова». В анекдоте *А где твоя жена? – Она в ломбарде. – Да? И сколько же ты думаешь за нее получить?* (пример Г.А. Копниной [2014: 355]) одна и та же тема «жена» интерпретируется одним коммуникантом как субъектная, а другим – как объектная.

Покажем на примере одной субъектной темы, как может устанавливаться эквивалентность достаточно объемных текстовых фрагментов. Материалом сопоставления послужит поэма Дж. Мильтона «Потерянный рай» в оригинальном [Paradise Lost 1674] и двух переводных вариантах [Потерянный рай 1777; Мильтон 1976] – самом первом и самом последнем из опубликованных на русском языке переводов непосредственно с английского подлинника. Для анализа выбран композиционный блок, условно названный нами «Переход к предмету поэмы и описание падения Сатаны» [Бортников 2015], следующий непосредственно за общим вступлением ко всей поэме (в оригинале – строки 1–26 Песни первой) и занимающий в оригинале стихи 27–83, а в переводах 1777 (прозаическом) и 1976 (стихотворном) гг. – строки 28–91 и стихи 29–90 соответственно. Значимость этого блока в контексте всей поэмы едва ли можно переоценить: именно в нем на сцене появляется Сатана, по одной из точек зрения претендующий на роль главного героя «Потерянного Рая» [Тетерина 2013: 19]. С другой стороны, приведенные данные, связанные со стихотворным объемом данного композиционного блока, как представляется, уже позволяют говорить о значительной близости всех трех текстовых вариантов (выбранные два перевода, помимо других параметров, следуют за оригиналом едва ли не слово в слово [Бортников 2015: 136, 138 и др.], что их также сближает).

Сопоставить развитие одной и той же темы в разноязычных вариантах произведения возможно на основе тематических цепочек – «рядов номинаций одной и той же темы» [Ицкович 2013: 52]. Тематическая цепочка Сатаны в оригинале специфична в первую очередь тем, что открывается вопросительным местоимением who в составе риторического вопроса **Who** first seduc’d them to that foul revolt? [Paradise Lost 1674: 4]. Приведем указанную цепочку в полном виде (знаком *Ø* обозначено имплицитное присутствие номинации):

who – *th’ infernal Serpent* – he – whose – *Ø* – *Ø* – his – him – his – *Ø* – himself – his – he – *Ø* – he – *Ø* – him – *Ø* – who – he – his – *Ø* – *Ø* – *Ø* – his – him – him – he – his – *Ø* – *Ø* – *Ø* – *Ø* – *Angel’s* – he – his – he – his – himself – *Ø* – *th’* Arch-Enemy – *Ø* – Satan – *Ø*

В наборе цепочки 44 номинации, в т.ч. 24 местоименных субститута и 16 «нулевых» номинаций. Доминирование местоимений становится не столь очевидным, если учесть их принадлежность к разным грамматическим разрядам (вопросительные, личные, притяжательные, относительные). Однако на этом фоне особенно ярко проступают так называемые «лексически новые» элемен-

ты, образующие синонимический ряд: th' infernal Serpent – Angel – th' Arch-Enemy – Satan. Базовая номинация цепочки Satan употреблена лишь в конце анализируемого блока, с комментарием автора-номинатора: th' Arch-Enemy, and thence in Heaven called **Satan**. Далее по тексту поэмы это слово, квалифицируемое как оним, встречается наиболее устойчиво.

В прозаическом переводе 1777 г. цепочка принимает следующий вид:

кто – Преисподній змій – онъ – котораго – Ø – Ø – его – его – (с) ним – Ø – себе – онъ – Ø – Ø – Ø – Ø – его – Ø – Ø – Ø – Ø – беззаконникъ – Ø – онъ – своимъ – Ø – Ø – Ø – его – Ø – Ø – его – онъ – свои – Ø – Ø – Ø – Ø – ангельское – Ø – своего – онъ – Ø – него – по немъ – Ø – первенствующій врагъ – Ø – Сатана – Ø

Выделим цепочку и в стихотворном варианте перевода 1976 г.:

что – Адский Змий – он – Ø – Ø – Коварный Враг – Ø – Ø – Ø – Ø – Враг – Ø – Ø – его – Ø – Ø – Ø – Ø – он – он – он – своих – Ø – Ø – Архивраг – Сатаной – Ø

Сопоставительный анализ полученных цепочек позволяет сделать следующие выводы. Переводчик XVIII в. (В. Петров), не стесняемый ритмом, следует за оригиналом почти буква в букву; расширение цепочки до 50 звеньев происходит главным образом из-за несовпадений в синтаксических структурах двух языков (разворачивание конструкций с вторичной предикацией и т.п.). Переводчик же советский (Арк. Штейнберг), сохраняющий ритм оригинала, вынужден отбрасывать отдельные слова, словосочетания и даже целые фразы, не укладывающиеся в строку. Любопытно, что оба переводчика стремятся к сохранению лексически значимого синонимического ряда, выделенного выше; при этом оба расширяют его на одно (*беззаконникъ*) либо два (*Коварный Враг*, *Враг*) элемента. Несовпадения в обоих случаях наблюдаются чаще всего в местоименных субститутах и «нулевых» номинациях, т.е. в тех позициях, которыми, очевидно, легче всего «пожертвовать».

Таким образом, в ходе работы над переводом происходит своего рода отбор тематических элементов; в состав текста – конечного продукта этого отбора попадают только наиболее важные из них. Тем самым возможным оказывается когнитивное моделирование категории темы в виде поля: не «взятые» переводчиками в конечный текст номинации составят его дальнейшую периферию. Состав и структура такого поля могут уточняться исходя и из других переводов «Потерянного рая» на русский язык.

Литература

Бархударов Л.С. Уровни языковой иерархии и перевод (на материале перевода с английского языка на русский // Тетради переводчика / под ред. Л.С. Бархударова. М.: Междунар. отношения, 1969. С. 3-12.

Бортников В. И. Категориально-текстовая идентификация вариантов художественного текста: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015. 323 с.

Ицкович Т.В. Категория темы в тексте жития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2013. № 2 (18). С. 52-59.

Ицкович Т.В. Категория композиции в житиях священномучеников (на материале житий святых екатеринбургской епархии) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. № 1. С. 27-30.

Ицкович Т., Цзяоцзяо Ч. Категория темы в жанре очерка (на материале очерков В.М. Пескова) // Слова ў кантэксце часу: матэрыялы IV Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння доктара філалагічных навук прафесара А.І. Наркевіча / рэдкал.: В.М. Самусевіч [і інш.]. Минск: БГУ, 2019. С. 42-45.

Копнина Г.А. Овеществление // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 355-356.

Матвеева Т.В. Текстовая категория // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 669-671.

Мильтон Дж. Потерянный Рай / пер. с англ. Арк. Штейнберга; под ред. С. Шервинского // Мильтон Дж. Потерянный Рай. Стихотворения. Самсон-борец / вступ. ст. А. Аникста; примеч. И. Одаховской. М.: Художественная литература, 1976. С. 25-372.

Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2016.

Потерянный Рай: поема Іоанна Мильтона / переведено с аглинскаго В. Петровымъ. Санктъ-Петербургъ: при Императорской Академіи Наукъ, 1777. 107 с. Архивный источник: Отдел редкой книги РНБ, шифр 18.153.2.304.

Тетерина Е.Н. Категория целостности литературного произведения и проблема главного героя поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай» // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2013. № 2. С. 18-23.

Paradise Lost. A Poem in Twelve Books. The Author John Milton. The 2nd ed. Revised and Augmented by the same Author. L.: Printed by S. Simmons next door to the Golden Lion in Aldersgate-Street, 1674. URL: https://archive.org/details/ParadiseLost1674/page/n3/mode/2up (дата обращения: 10.01.2020).

V.I. Bortnikov (Ekaterinburg, Russia)
Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

ON THE POSSIBILITIES OF COGNITIVE MODELLING A THEMATIC CHAIN OF A BELLES-LETTRES TEXT AND ITS TRANSLATION

Based on the material of John Milton's poem "Paradise Lost" and its two Russian translations, the article aims at modeling the subjective theme of its main antagonist (Satan). The thematic chains are compared in all the three text variants; the author draws a conclusion on the possibility of their field interpretation.

Key words: Milton, modelling, "Paradise Lost", Satan, text category, topic.

F. Boschetti (Venice, Italy)
Institute for Computational Linguistics "A. Zampolli", CNR
VeDPH, DSU, Ca' Foscari University of Venice
federico.boschetti@ilc.cnr.it

TEXTUAL CRITICISM IN THE PERSPECTIVE OF TEXT WORLD THEORY

Critical apparatuses and repertories of conjectures collect variant readings and conjectural emendations useful to enhance current digital corpora of ancient literary texts. The Text World Theory created by P. Werth seems to be suitable to model the embedded worlds constituted by variants and conjectures. A complex case related to Aeschylus' Persians is illustrated in detail in the perspective of the Theory.

Key words: text world theory, classical philology, modal worlds.

Introduction. Digital corpora of ancient Greek and Latin literary works currently available are based, usally, on the text extracted from authoritative and recent editions. Fortunately there is an increasing interest to digitize textual variants (due to errors of the scribes) contained in different manuscripts of the same works, and conjectural emendations of modern editors or scholars. These critical materials are inserted in the new corpora of the classical or biblical authors, survived in mono- or multilingual traditions [Bambaci et al. 2018].

But many issues arise in encoding and processing variants and conjectures, because simple phenomena are treated in a simplistic way (e.g. by representing them as they appear in printed editions, i.e. as interlinear, marginal or footnotes), whereas complex phenomena, such as those discussed in the use case illustrated below, lack a solid theoretical framework.

Our working hypothesis is that the cognitivist Text World Theory [Werth 1999; Gavins 2007] provides the requested framework, because every variant (or conjecture) mentioned in a critical apparatus is an embedded world that needs contextual information, i.e. real-world inputs (and co-textual information, i.e. surrounding words), in order to be fully understood.

Scribes of the manuscripts, editors of the modern editions, and writers of the commentaries are the enactors of these embedded worlds. In some complex cases the text worlds are nested, they provide the context (and/or the co-text) to their sub-world(s), and they can have an epistemic and/or doxastic modality.

The building blocks of a (prototypical) critical apparatus. A critical apparatus is a list of footnotes that record variants witnessed in manuscripts or conjectural emendations by modern editors and scholars. Variants and conjectures consist in substitution, addition, deletion or trasposition of text. A variant reading is denoted by a reference to the positon of the text established by the editor interested by variation, the fragment of the alternative reading (or the textual operation to do: e.g. a deletion), and the sequence of manuscripts (or families of manuscripts) that witnesses the variant.

In the critical apparatus, a conjecture has the same structure than a variant reading, but instead of the manuscripts, the name of the scholar that invented the conjectural emendation is cited, possibly with a bibliographical reference.

Repertories of conjectures. Repertories of conjectures collect all the emendations to the works by an ancient author (e.g. Aeschylus) that editors (or scholars) have suggested for the first time in their critical editions, in commentaries or philological journals. A repertory is very similar to a critical apparatus, but a) it contains only conjectural emendations by modern scholars, i.e. no textual variants witnessed in manuscripts; b) it aims at being complete, not just an anthology of the most relevant or brilliant conjectures; c) if previous repertories for the same ancient author exist, it encompasses the temporal range from the last one to the current time.

Each repertory reflects the hermeneutical paradigms and the rethoric-stylistic conventions of its time: for instance [West 1990] applies a very accurate citation system and he is as concise as [Dawe 1965], whereas [Wecklein 1885] is less accurate in citations (e.g. he uses the expressions olim, formerly, and postea, afterwards, to distinguish different editions of the same editor) and more discoursive (e.g. he uses illocutive expressions such as dubitanter, doubtfully, when a scholar is not sure of the validity of a conjecture). More than 80% of the conjectures in the repertories have the structure "textual location" – "conjecture" – "name of the responsible" [Boschetti 2008], but some cases need a deep analysis of the discourse to be treated and notions of linguistic pragmatics to solve the untold implications.

World switch to modal-worlds. Whereas a variant reading in a manuscript is supposed to be unintentional, a conjecture is always intentional, by definition. And it is based on the fact that an editor or a scholar knows something (e.g. about the historical context), believes something (e.g. that some prosodic and metrical rules hold), believes that somebody else knew something currently inaccessible (e.g. an ancient commentator, a scholiast, may mention the variant readings of a manuscrit currently unavailable.

According to [Gavins 2005], the Text World Theory provides the instruments to describe the modal-worlds (e.g. known, believed, desired worlds) and the accessibility of each world to enactors (e.g. agents inside the text) and participants (e.g. agents in the real world).

Case study: Wecklein's Appendix Propagata. A case study should clarify how the application of the Text World Theory helps to model the information extracted from documents devoted to textual criticism, such as the repertories of conjectures.

The selected example is quite complex and comes from [Wecklein 1893], in the section related to Aeschylus' Persians:

Post 777 aliquot versus excidisse coniecit Bentley. Huic lacunae tribuit vocem *hypóxylos* quam ex Aeschyli Persis schol. Hermog. V p. 486 affert, Herm.

In two very dense utterances, the information conveyed is the following: Wecklein, having in mind his own edition [Wecklein 1885] as the starting point, says that Richard Bentley (1662–1742) conjectured (coniecit) that some verses (aliquot versus) disappeared (excidisse) after the verse 777. And then Wecklein says that Gottfried Hermann (1772–1848) assigns (tribuit) to this textual gap (huic lacunae) the term *hypóxylos* (*vocem hypóx*ylos, meaning "apparently true but false inside"), which (quam) an anonymous commentator of the ancient grammarian Hermogenes, read by the byzanthine scholar Maximus Planudes (1260–1305) and edited by Christian Walz (1802–1857) in his monumental work on Greek Rhetors (schol. Hermog. V p. 486), reports (affert) from Aeschylus' Persians. Fig. 1 illustrates how to model

the complex relations among the sources of information by applying the Text World Theory.

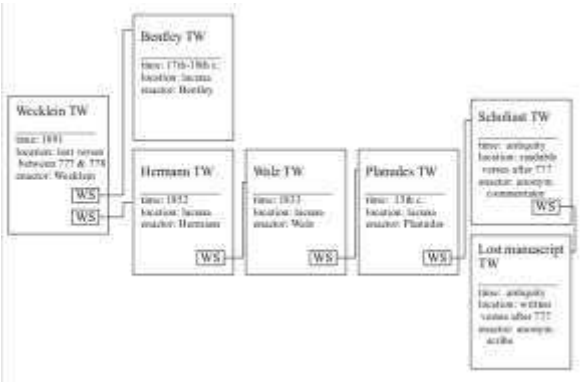


Fig. 1. Text worlds and cascading world switches

Furthermore, in our example there is an interesting chain of epistemic and doxastic modalities: Wecklein knows that Hermann believes that the Scholiast knew something that was accessible to him (a lost manuscript) but inaccessible to us.

Conclusion. In conclusion, the Text World Theory seems to be very suitable to describe the complex relations contained in philological secondary and tertiary literature, such as textual criticism articles, commentaries, critical apparatuses, repertories of conjectures, etc. It is necessary to model in a formal way these relations, in order to create digital corpora with textual variants and conjectural emendations and in order to develop search engines able to navigate through the text worlds hidden in variants and conjectures.

Литература

Bambaci L., Boschetti F., Del Gratta R. Qohelet Euporia: A Domain Specific Language to Annotate Multilingual Variant Readings // Proceedings of CiSt 2018. Fez: IEEE, 2018.

Boschetti F. Alignment of variant readings for linkage of multiple annotations // Proceedings of ECAL 2007. 2008. P. 11-24.

Dawe R.D. Repertory of Conjectures on Aeschylus. Leiden: Brill, 1965.

Hermann G. Aeschyli Tragoediae. Adnotationes. Leipzig: Weidmann, 1852.

Gavins J. (Re)thinking modality: A text-world perspective // JLS. 2005. № 34. P. 79-93.

Gavins J. Text World Theory: An introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007.

Wecklein N. Aeschyli Fabulae. Berlin: Calvary, 1885.

Wecklein N. Aeschyli Fabulae. Appendix propagata. Berlin: Calvary, 1893.

Werth P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. London: Longman, 1999.

West M. Studies in Aeschylus. Leipzig: Teubner, 1990.

Ф. Бочетти (*Венеция, Италия*)
Институт Вычислительной Лингвистики им. А. Дзамполли
Университет Ка Фоскари в Венеции

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА В РАМКАХ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ТЕКСТА

Критические средства и научные предположения о вариантах прочтения и возможных правках могут способствовать совершенствованию современного цифрового корпуса древних литературных текстов. Нам кажется, что общая теория текста, созданная П. Вертом, может быть использована для моделирования встроенных миров, состоящих из вариантов прочтения и предположений. В статье предлагается подробный комплексный анализ трагедии Эсхила «Персы» с позиций общей теории текста.

Ключевые слова: общая теория текста, классическая филология, модальные миры.

О.В. Бронникова *(Тюмень, Россия)*
Тюменский государственный университет
o.v.bronnikova@utmn.ru
А.С. Самофалова *(Тюмень, Россия)*
Тюменский государственный университет
a.s.samofalova@utmn.ru

КОГНИТИВНО-МАТРИЧНЫЙ АНАЛИЗ ДИСКУРСИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Настоящая статья посвящена изучению когнитивно-дискурсивных стратегий на примере постов Instagram крупнейших аквапарков г. Москвы и Санкт-Петербурга. Целью данных стратегий является продвижение аквапарков в индустрии развлечений и отдыха. Данные стратегии «овнешняются» через использование разнообразных вербальных и полимодальных средств, а также через обращение к разнообразным ментальным пространствам-концептам.

Ключевые слова: рекламный дискурс, аквапарк, когнитивная матрица, когнитивно-дискурсивная стратегия.

С развитием рекламного бизнеса огромную популярность набирают социальные сети (Вконтакте, Facebook, Одноклассники, Instagram и др.) как средство продвижения товаров и услуг. По мнению Н. Соколовой, CEO Brand Analytics, «популярность в соцсетях становится новой валютой как для брендов, так и для медиаперсон». Согласно статистике, Instagram занимает второе место по численности сообщений и активности авторов [https://rb.ru/news/instagram-2019/]. Аудитория данной соцсети увеличивается с каждым годом. По сравнению с предыдущим 2018 годом, она выросла в России на 9,7% и составила почти 28 миллионов активных авторов [Оленькова 2019]. Наряду с этим одной из сфер рекламного дискурса, набирающей все большую популярность, является реклама индустрии аквапарков. В связи с этим материалом исследования послужили вербальные и невербальные средства репрезентации

рекламных сообщений двух столичных аквапарков «Мореон» (г. Москва) и «Питерлэнд» (г. Санкт-Петербург) на платформе Instagram. Данный выбор обусловлен тем, что оба аквапарка являются самыми крупными в столичных мегаполисах.

Целью настоящей статьи является сравнительное изучение когнитивно-дискурсивных стратегий, используемых при рекламе аквапарков г. Москвы и Санкт-Петербурга посредством контекстуального и когнитивно-матричного анализа. **Под когнитивно-дискурсивными стратегиями** мы понимаем использование вербальных и полимодальных средств воздействия на клиентов с целью информирования об услуге, формирования ее узнаваемости, повышения спроса и создания положительной репутации через обращение к различным ментальным пространствам. **Под полимодальными средствами** подразумевается ряд невербальных средств репрезентации рекламных сообщений, а именно, использование фото, видео, stories, эмодзи, цвета в рекламных постах.

При анализе постов были выделены следующие когнитивно-дискурсивные стратегии: *стратегия доступности, убеждения, заботы, щедрости, челленджа, семейных ценностей, помощи, изобилия, уважения, событийности, эмотивного воздействия и эмотивной памяти, масштабности, статусности, интимного общения, обращения к сенсорному восприятию*. Однако в постах Питерлэнда не использовались стратегии челленджа, помощи и доступности. Кроме того, сообщения данного аквапарка размещались только его администрацией, что может уменьшать потенциальный охват и степень воздействия на целевую аудиторию.

Обратимся к когнитивно-матричному анализу. Н.Н. Болдырев определяет когнитивную матрицу как особый формат знания, как «систему взаимосвязанных когнитивных контекстов или областей концептуализации объекта» [Болдырев 2014: 59]. Компоненты когнитивной матрицы являются доступом к концептуальным областям, которые не связаны иерархическими отношениями между собой. Использование метода когнитивно-матричного анализа позволяет выделить концептуальные области, представляющие собой когнитивную основу выбора когнитивно-дискурсивных стратегий воздействия на потенциальных клиентов аквапарка.

В связи с этим, опираясь на методологию, описанную в работах Н.Н. Болдырева, Л.В. Бабиной и К.А. Дзюбы [Болдырев 2014; Бабина 2013], и проанализировав определение рекламы, закон о рекламе, мы выделили ряд концептуальных областей общей когнитивной матрицы РЕКЛАМА: ЧЕЛОВЕК, УСЛУГА, ЦЕЛЬ, КАНАЛ.

Выделенные концептуальные области, в свою очередь, представляют сложный формат знания, также обладающий матричным характером. Проанализируем частные когнитивные матрицы ЧЕЛОВЕК, УСЛУГА, ЦЕЛЬ и КАНАЛ, являющиеся ментальными контекстами формирования когнитивно-дискурсивных стратегий.

Материалом анализа послужили фото и посты. Посты представляли собой сообщения администрации аквапарков, в Instagram «Мореона» также размещались посты знаменитостей и блоггеров. Они содержали большое количество предложений побудительного характера; использовались вос-

клицательные предложения; перечисления, создающие эффект усиления и градации; эмоционально окрашенные прилагательные и наречия; эмодзи в виде смайликов, пальм, дельфинов, солнца, плеска воды, экзотических животных, сердечек. В основном фото изображали счастливых, улыбающихся детей, мам с детьми, подростков, семьи, пары, привлекательных и стройных девушек. Кроме того, в постах Мореона также размещались посты с фотографиями или картинками, связанными с определенными событиями: празднование Пасхи, 9 мая, день защиты детей, чемпионат мира по хоккею и др. Всегда использовались яркие цвета: желтый, синий, оттенки голубого, цвет морской волны, яркий зеленый, красный, насыщенный фиолетовый. Наряду с этим в постах Мореона присутствовали видео с видами аквапарка, отдыхающими детьми и подростками.

При разработке частной когнитивной матрицы ЧЕЛОВЕК мы учитывали, что под человеком понимается потенциальный клиент аквапарка. При анализе постов (анализ фото, постов администрации аквапарка, постов знаменитых женщин, блоггеров-женщин и постов женщин – клиентов аквапарков) были выделены ключевые характеристики: *возраст, гендерная принадлежность, социальное положение, внешность, чувства и эмоции*. В частности, на фото в Instagram были представлены довольные, радостные и счастливые дети, подростки в возрасте 11–17 лет, молодые люди от 18 до 24, а также люди от 24 до 35–40 лет, которые представляют собой целевую аудиторию Instagram [Instagram]. Таким образом, имплицитно клиенту предлагалось соотнести себя с одной из представленных групп и увидеть, что люди его возраста с радостью выбирают предложенный способ развлечений. В рамках **гендерной принадлежности** было установлено, что большая часть размещенных постов (70%) была нацелена на клиентов-женщин, в том числе с маленькими детьми или детьми-подростками. **Под социальным положением** мы обозначили семейное положение клиентов. Посты апеллировали к клиентам, состоящим в браке (яркий пример – визит в аквапарк «Мореон» Антона Макарского с семьей) или в отношениях. Характеристика «внешность» репрезентирует концептуальную область ВНЕШНЕЕ СВОЙСТВО и актуализируется через ряд ярких фотографий, демонстрирующих привлекательных и стройных людей. Чувства и эмоции передавались через яркие цвета, эмодзи, видео, использование восклицательных предложений (*Обязательно еще туда вернусь!*) и эмоционально окрашенной лексики (*потрясающе, незабываемо, нереальный*), прямую номинацию эмоций (*радость, адреналин, восторг*), через использование эмоционально окрашенных словосочетаний (*летишь в трубе, как будто в пропасть; максимум эмоций; в нереальном восторге*). Данные вербальные и полимодальные средства обращались к когнитивному контексту ВНУТРЕННЕЕ СВОЙСТВО.

Основываясь на проведенном анализе, можно выделить в рамках частной когнитивной матрицы ЧЕЛОВЕК следующие когнитивные контексты (концепты): ВОЗРАСТ, ГЕНДЕР, СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ВНЕШНЕЕ СВОЙСТВО, ВНУТРЕННЕЕ СВОЙСТВО.

При анализе частной когнитивной матрицы УСЛУГА были выделены концептуальные области: СРОК ПОЛЬЗОВАНИЯ, ЦЕНА, ЛОКАЦИЯ, МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ, СЕРВИС, МАСШТАБ.

Концептуальными областями частной когнитивной матрицы ЦЕЛЬ являются: ПРОДАВЕЦ, ПОТРЕБИТЕЛЬ. Выделенные области также обладают мат-

ричным форматом, в связи с этим мы установили, что в частную когнитивную матрицу ПОТРЕБИТЕЛЬ входят концептуальные области ОЗНАКОМЛЕНИЕ, ЖЕЛАНИЕ, ПРИОБРЕТЕНИЕ. А в матрице ПРОДАВЕЦ актуализируются когнитивные контексты ИНФОРМИРОВАНИЕ, УЗНАВАЕМОСТЬ, РЕПУТАЦИЯ и СПРОС.

Частная когнитивная матрица КАНАЛ представлена концептуальными областями-контекстами: ПРОДАВЕЦ, ПОТРЕБИТЕЛЬ. В отличие от когнитивной матрицы ЦЕЛЬ, когнитивные контексты ПРОДАВЕЦ И ПОТРЕБИТЕЛЬ являются каналами воздействия на потенциальных клиентов. Область ПРОДАВЕЦ актуализируется через посты администрации аквапарков, которые воспринимаются как прямая реклама. Область ПОТРЕБИТЕЛЬ как канал передачи сообщений содержит рекламу имплицитно, поскольку позиционируется как отзыв. И, как показывает аналитика соцмедиа, такие рекламные сообщения крайне эффективны: «сегодня все больше брендов направляет свои бюджеты на продвижение через “истории” блоггеров и инфлюенсеров» [https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2019/]. При разработке когнитивно-дискурсивных стратегий аквапарк «Питерлэнд» не обращался к данной концептуальной области, что видится нами как некоторое упущение в их маркетинговой стратегии.

Проведенный анализ показал, что аквапарк «Мореон» более успешно выстраивает свои стратегии привлечения клиентов по сравнению с аквапарком «Питерлэнд», поскольку обращается к большему числу ментальных пространств (например, когнитивный контекст ПОТРЕБИТЕЛЬ в матрице ЦЕЛЬ), более разнообразным когнитивно-дискурсивным стратегиям (использует стратегии доступности, челленджа и помощи); использует видео и отзывы клиентов. При этом полимодальные средства в виде фото, эмодзи одинаково активно размещаются в Instagram обоих аквапарков. Цветовые решения также совпадают.

Литература

Бабина Л.В., Дзюба К.А. Когнитивно-матричный анализ при изучении наименований торговых марок (на примере парфюмерных торговых марок) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 5 (25). С. 5-11.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 236 с.

Федеральный закон о рекламе № 38-ФЗ. URL: http://logos-pravo.ru/zakon-o-reklame-no-38-fz.

Оленькова А. Эксперты рассказали, как изменилась аудитория Instagram в 2019 году. URL: https://rb.ru/news/instagram-2019/.

Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2019. URL: https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2019/.

Moreon_ru – официальная страница аквапарка «Мореон» в Instagram. URL: https://www.instagram.com/moreon_ru/?hl=ru.

Aquapiterland – официальная страница аквапарка «Питерлэнд» в Instagram. URL: https://www.instagram.com/aquapiterland/?hl=ru.

***O*.V. Bronnikova** (Tyumen, Russia)
Tyumen State Univeristy
***A*.S. Samofalova** (Tyumen, Russia)
Tyumen State Univeristy

COGNITIVE-MATRIX ANALYSIS OF DISCURSIVE STRATEGIES IN ADVERTISING DISCOURSE

This article is devoted to the study of cognitive-discursive strategies. The material of the analysis is Instagram posts of the largest waterparks in Moscow and St. Petersburg. The strategies are aimed at promoting waterparks in the entertainment industry. They are realized through the usage of verbal, multimodal means, and access to mental conceptual spaces.

Key words: advertising discourse, waterpark, cognitive matrix, cognitive-discursive strategies.

И.А. Бубнова *(Москва, Россия)*
Московский городской педагогический университет
aribubnova@gmail.com

СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ: СПЕЦИФИКА ФОРМАТА ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ КАК ОСНОВА СТРАТЕГИЙ ИХ ВНЕШНЕГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются особенности процесса отражения информации и формирующейся на ее основе структуры индивидуальных знаний, которые позволяют создателям фильмов о советском периоде успешно применять стратегии манипулирования и конструировать в сознании современного поколения образ советского прошлого, требуемый коммуникатору.

Ключевые слова: отражение, структура, формат знаний, советское прошлое, манипуляции.

Советское прошлое – это исторический период, вызывающий все больший общественный интерес, в том числе и среди поколения, родившегося и выросшего уже в современных условиях. Появившийся запрос на более глубокие знания о том, что представлял собой уже несуществующий три десятилетия СССР, стал удовлетворяться в самых разных дискурсах, в том числе в медиа и в дискурсе массовой культуры, охватывающей самые разные социальные группы через разветвленную систему средств массовой коммуникации. Но особое место в этом ряду «поставщиков знаний» о советских людях и их ценностях, об их мечтах и стремлениях, условиях жизни, подвигах народа в годы войны и в мирное время занял кинодискурс, ставящий, как любой художественный дискурс, своей основной целью не просто дать ответ, но пробудить рефлексию, фиксирующуюся «в виде духовных сущностей – смыслов и идей, которые, в свою очередь, способны обогащать духовное пространство человека. Под духовным пространством понимается при этом совокупность смысловых, идейных парадигм, ценностей, чувств, представлений, знаний, понятий, веры, общекультурных феноменов» [Галеева 1999: 90].

Безусловно, когда речь идет о продукте, предназначенном для массового потребления, утверждение об *обогащении духовного пространства* вряд ли соответствует истине, однако с тем, что через художественные произведения, в том числе кино, их авторы всегда стремятся оказать воздействие на реципиента, сформировать или изменить его систему взглядов, сконструировать определенное видение событий, особенно тех, свидетелем которых он не являлся, можно безоговорочно согласиться. И в этом смысле кинематографический дискурс обладает мощнейшим суггестивным потенциалом.

Весьма примечательно, что в последние годы фильмы о советском прошлом выходят регулярно, причем они получают престижные премии, о них в самых восторженных выражениях говорят не только критики, но и действующие политики, их смотрят миллионы зрителей. Этот сценарий повторяется регулярно: именно так было с фильмами «Движение вверх», «Время первых», «Крымский мост» «Т-34», «Собибор», американским сериалом «Чернобыль» и многими другими.

Сам по себе данный факт вполне закономерен и может интерпретироваться как яркая иллюстрация работы законов рынка. Однако, как представляется, он небезынтересен и с чисто научной точки зрения, и, в первую очередь, заслуживает пристального внимания со стороны когнитивно ориентированных лингвистических направлений: само содержание данных фильмов, как и повышенная активность массмедиа по поводу их выхода на экран примечательны по нескольким причинам. Во-первых, массовая культура в широком смысле этого слова через индустрию развлечений и потребления всегда направлена на формирование востребованных государством стереотипов и ценностных суждений. Во-вторых, сегодня именно массовая культура становится основным источником информации, причем весьма низкокачественной, а если учитывать, что в информационном обществе именно качество и уровень знаний является определяющим фактором социальной дифференциации [Brzezinski 1970; Drucker 1993; Masuda 1982], то ее роль в превращении подавляющего большинства в «новых бедных», мыслящих шаблонами и стремящихся к целям, привнесенным извне, переоценить сложно. И, наконец, массовая культура вносит значительный вклад в трансформацию общества, уводя человека в виртуальную реальность, где объективный материальный мир, и то, что существовало, и то, что существует сейчас, подменяется симулякрами и симуляциями.

Именно в такой симулякр превращается при помощи языка современного кино советское прошлое, причем возможность этой модификации обеспечивается не только применяемыми технологиями и техниками манипуляции сознанием, но и спецификой познавательных процессов, в частности, особенностями переработки информации и существующими в психике человека форматами ее отражения.

С точки зрения современной когнитивной науки процесс отражения информации в психике не однороден, а существует в разных форматах [LeNy 1989]. Сам результат отражения представлен в репрезентации первой степени, причем ее содержание является субъективным [Eysenk 1997] по двум причинам: во-первых, воспринимающий никогда не отражает все аспекты происходящего, так как он «активирует личностно связанные

структуры знания» [Ikegami 1986], и, во-вторых, отражение определяется условиями и целями процесса познания, часто имплицитно задаваемыми извне. Вторая степень или репрезентационная матрица – это уже не содержание, а форма, представляющая собой определенные «структурные элементы системы переработки информации, к которым прилагаются некоторые операции» [Engelkamp, Denis 1989].

В результате переработки отраженной информации формируется структура индивидуального знания (СИЗ), представляющая собой «тоже конструкции, но обладающие постоянством и существенно не зависящие от выполняемой задачи» [Ришар 1998: 5]. Как метапонятие категория *знание* в когнитивной науке обозначает наиболее общую составляющую опыта и скрытой от непосредственного наблюдения реальности внутреннего мира человека, которая, формируясь в различных сферах практической деятельности, детерминирует его психологические характеристики [Александров 2006]. За многообразие человеческих знаний отвечает совокупность двух факторов. Фактор *формата репрезентации*, объединяющий два способа кодирования и хранения информации – образный и вербальный [Clark, Pavio 1987; Eysenk, Kean 1997], с характерными для них механизмами ее переработки, обусловливает наличие в психике различных типов ментальных репрезентаций – образной (аналоговой) и пропозициональной (абстрактной), отвечая за структурную стабильность знаний. Фактор *формата «субъекта»* (личный опыт и когнитивные способности) включает в себя: а) субъективную точку референции, актуализируемую каждым человеком в процессе познания реальности (базовый уровень абстракции); б) понятие прототипа, представляющее в индивидуальном сознании всю категорию [Rosh, Mervis 1975]; в) понятие «пристрастности ответа» [Nosofsky 1992], определяя избирательность воспринимаемой информации и пристрастность при ее отборе.

В аспекте нашей проблемы важно подчеркнуть несколько специфических характеристик СИЗ, которые успешно используются при их внешнем конструировании.

Во-первых, СИЗ как постоянные концептуальные ментальные репрезентации, хранящиеся в долговременной памяти, характеризуется, с одной стороны, с точки зрения связности ее компонентов, включающих и конкретные элементы, и эта ее часть представлена семантической ассоциативной сетью (аналоговый формат), который связан с интуитивным когнитивным стилем, полезависимостью. Языковыми коррелятами этой модели представления знаний является метафоричность и сочинительная связь компонентов в предложении. Именно такой тип организации характерен для знаний неопытного в какой-то области человека. Другая часть СИЗ, описывающая преемственность последовательных состояний структуры, логические отношения причины и следствия – семантическая пропозициональная сеть, с которой связан рациональный когнитивный стиль, поленезависимость, аналитическая способность, высокий уровень абстракции. Этой сети в языке свойственны связи компонентов в предложении по типу подчинения, четкое выделение главных и второстепенных звеньев, неметафоричность, а в целом такой тип характерен для знаний эксперта [Александров 2006].

Во-вторых, параметры сферы СИЗ тесно связаны с мотивационно-потребностной сферой, именно в силу этого их носитель всегда стремится выстроить гармоничные и согласованные взаимоотношения между входящими в свою базу знаний когнитивными репрезентациями, редуцируя возникающий диссонанс путем изменения или добавления элементов, либо уменьшения их значимости [Heider 1946; Festinger 1957].

И, в-третьих, организация СИЗ зависит непосредственно от эмоционального состояния: под влиянием сильных эмоций упрощается строение образа мира, и человек, как бы теряя значительную часть своих знаний, начинает воспринимать действительность в терминах «хорошо – плохо» [Петренко 2009]. Более того, на состояние индивидуальной сферы знаний огромное влияние оказывает эго-состояние, в котором находится личность: Я – Родитель, Я – Взрослый и Я – Ребенок, знания которого тесно связаны с эмоциями [Поспелов 1989].

Именно с погружения зрителя в состояние Я – Ребенок (а все перечисленные выше фильмы переполнены сценами, эксплуатирующими фундаментальные человеческие потребности) начинается конструирование знаний о советском прошлом в процессе просмотра фильмов, далее, под влиянием смоделированного эмоционального состояния, происходит переструктурирование ментальных репрезентаций, а закрепляются полученные знания в семантической ассоциативной сети посредством умело подобранных образов. Безусловно, приведенная схема является предельно упрощенной, однако приблизительно таким является алгоритм формирования СИЗ о СССР, которые транслируются сегодня через многочисленные фильмы, претендующие на то, что они являются фактической хроникой советских времен.

Литература

Александров И.О. Формирование структуры индивидуального знания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

Галеева Н.Д. Параметры художественного текста и перевод: монография. Тверь: ТвГУ, 1999.

Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2009.

Поспелов Д.А. Моделирование рассуждений. Опыт анализа мыслительных актов. М.: Радио и связь, 1989.

Ришар Ж.-Ф. Ментальная активность: понимание, рассуждение, нахождение решений. М.: ИПРАН, 1998.

Brzezinski Z. Between two ages: America's role in the technetronic era. N.Y., 1970.

Clark J.M., Pavio F.F. A Dual Coding Perspective on Encoding Processes / ed. by M. McDanial, M. Pressley. Imagery and related Mnemonic Process. Theories, Individual Differences, and Applications. 1987. P. 5-33.

Drucker P. Post-capitalist society. N.Y., 1993.

Engelkamp J., Denis M. Multimodal approach to the issue of mental representations // Centre d'Etude de Psycjlogie Cognitive. Doc. 1989. # 65. P. 1-23.

Eysenk M.W., Kean M.T. Cognitive Psychology. A student's handbook. 1997.

Festinger L. A theory of cognitive dissonance. Stanford University Press, 1957/

Heider F. Attitudes and cognitive organization // The Journal of Psychology: Interdisciplinary and Applied. 1946. Vol. 21. P. 107-112.

Ikegami T. The role of affect in person memory: The influence of positive and negative affect upon recognition memory // Japanese Psychol. Res. 1986. Vol. 28. № 3. P. 154-159.

Le Ny J.-Fr. Les representations mentales // Document CEPCO. 1989. № 70.

Masuda Y. Information society as post-industrial society. N.Y., 1982.

Nosofsky R.M. Similarity Scaling and Cognitive Process models // Ann. Rev. Psycol. 1992. Vol. 43. P. 25-53.

Rosh E., Mervis C. Family resemblance: studies in the internal structure of categories // Cognitive Psychology. 1975. Vol. 7. P. 573-605.

I.A. Bubnova (Moscow, Russia)
Moscow City University

SOVIET PAST: SPECIFIC FEATURES OF INDIVIDUAL KNOWLEDGE SYSTEM AS THE BASIS OF STRATEGIES OF THEIR EXTERNAL CONSTRUCTION

The article discusses some characteristics of information reflection process and specific features of the structure of individual knowledge formed on its basis. It is argued that these factors are taken into consideration and used successfully by filmmakers in order to manipulate consciousness and form the image of the Soviet past needed by communicators.

Key words: reflection, structure, format of knowledge, the Soviet past, manipulations.

Т.С. Вагина *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
tatian_cher@mail.ru

ОБРАЗ СОЮЗНИКА В БРИТАНСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ[1]

В статье приводятся результаты сопоставительного анализа данных, отобранных в базе данных двух архивов – the British Newspaper Archive и Chronicling America. С использованием метода метафорического моделирования изучен способ отображения и восприятия действий союзников в течение Второй мировой войны.

Ключевые слова: моделирование, когнитивная метафора, Вторая мировая война, союзник.

[1] Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-012-00192

С глобальными угрозами человечество может справиться только сообща. Жизненно необходимым представляется вспомнить уроки прошлого и вновь объединиться для спасения жизней. Ситуацию с Covid-19 в зарубежной прессе часто сравнивают со Второй мировой войной по глобальности угрозы и числу возможных жертв. Тем не менее, если все мировое сообщество бросит свои силы на борьбу с угрозой, то выход будет найден; так была окончена Вторая мировая – общими усилиями, направленными на победу над фашизмом.

Также стоит отметить, что 2020 год – юбилейный: 75-летие со дня триумфальной победы антигитлеровской коалиции в «самой кровопролитной войне в истории человечества» [Бивор 2014: 33]. Принимая во внимание дату памяти окончания Второй мировой войны, представляется особенно актуальным сейчас проанализировать, как воспринимался образ союзника в прессе Британии и США: это можно назвать уроками борьбы с идеями о том, что определенные представители человеческой расы имеют больше прав на жизнь, чем остальные.

Итак, целью данного исследования является исследование метафорического образа союзника в британском и американском военно-публицистических дискурсах.

Военно-публицистический дискурс – это гибридный формат [Солопова, Наумова 2018; Наумова 2019: 97], сочетающий в себе элементы военного и публицистического дискурсов. Исходя из этого, мы выбрали в качестве источника данных для проведения исследования интернет-архивы, предоставляющие доступ к газетным публикациям периода Второй мировой войны: British Newspaper Archive [BNA] и Chronicling America [CA]. Инструментарий этих сайтов позволяет осуществить отбор материалов: задать такие параметры, как ключевые слова, дату публикации, место публикации, дату добавления публикации в архив. Последние 2 параметра были сочтены несущественными для данного исследования.

Итак, для стран антигитлеровской коалиции (Советский Союз, Великобритания, США) были выбраны следующие: дата публикации статьи – 1 сентября 1939 – 2 сентября 1945 гг.; ключевые слова – название и один из распространенных вариантов названия страны. По каждой стране был задан отдельный запрос; всего осуществлено 6 запросов.

Выбранные нами параметры поиска представлены в таблице 1.

Таблица 1. **Параметры расширенного поиска в BNA и CA**

Параметр поиска	СССР	Великобритания	США
Период	1.9.1939 – 2.9.1945	1.9.1939 – 2.9.1945	1.9.1939 – 2.9.1945
Ключевое слово 1	Soviet Union	United Kingdom	United States
Ключевое слово 2	Russia	Britain	America

Квантитативный анализ массива данных (см. табл. 2) показывает, что наиболее обсуждаемой страной в прессе и Британии, и Соединенных Штатов были США; наименее – Советский Союз.

Таблица 2. **Количественные данные поисковых запросов**

Архив / Число статей	СССР	Великобритания	США
BNA	130 112	257 934	534 857
CA	197 065	320 569	432 232

Из списка, отсортированного по релевантности, было отобрано по 100 статей на каждый запрос (всего 600), которые в последующем стали материалом для исследования. Превалирующим методом стал метод метафорического моделирования, сущность которого можно объяснить формулой X – это Y [Чудинов 2003; Солопова, Чудинов 2018]. Представим наиболее показательные в моделировании образа союзника метафоры в таблице (см. табл. 3).

Таблица 3. **Примеры метафор, найденных в BNA и CA**

Архив / Страна	СССР	Великобритания	США
BNA	1939: the veil was torn off the Kremlin; it still remain uncertain how the car will jump; [Russia is] impregnated with the German infection; 1943: self-sacrifice for victory; 1945: it is the Russian people who have saved the world	1939: [UK is a] champion of democracy; 1942: Allies flew in token of the unity that will spell victory; “Seed kits” for planting victory gardens; 1943: … the time is approaching for an Allied assault on Europe. March after march must be planned so far as the human eye can see	1939: [federal union is] a cure for the present international anarchy; 1941: desire to avoid a shooting war either with Germany or Japan; The United States cannot disown the responsibility; 1944: Resources Pooled For Victory 1945: [American troops are] crusaders
CA	1939: resignation of democracy; 940: [Stalin’s book is the] Russia’s “Bible”; 1942: [partisans] are more dangerous… because no sound betrays their lightning approach; 1943: Russia fights for United Nations; 1945: they desire a peaceful word	1941: British democracy is far from dead; 1943: [British troops] practically single handed stood off the most savage onslaught in all history; mutual aid flowing both ways	1942: the children of the men who now give their lives shall not be obliged to repeat their sacrifice in the barbarian aggression by Axis forces; 1944: when an American-made gun in the hands of one of our Allies kills a Nazi or a Jap, he is just as dead as though the gun had been in the hands of an American

Анализ выделенных нами метафор позволяет утверждать, что и в Британии, и в США на протяжении войны присутствовало мнение о том, что *Союзник – это Демократ*: Великобритания считает себя чемпионом свободы, США призывают все страны перейти к демократическому режиму. Эта метафора невозможна для Советского Союза: коммунизм и демократия представляются

несовместимыми режимами. К тому же, в 1939 году образ СССР крайне негативен: Россия, по мнению англоязычной прессы, – это враг и соратник Германии, с одной стороны, а с другой – непредсказуемое государство, заявляющее о нейтралитете и объявляющее войну Польше и Финляндии.

После вступления СССР в войну его образ приобретает положительную динамику: хотя Советы – тоталитарное государство, теперь они являются полноправными соратниками демократических Британии и США.

Метафора, характерная для восприятия действий США (и только США), – *Союзник – это Христианин*. В этом смысле американцы видели себя (в меньшей степени так видели их британцы) – крестоносцами, ведущими священную войну во имя Господа.

Метафора, характерная и для британского, и для американского дискурсов, – *Союзник – это Промышленник*, что объясняется ролью Соединенных Штатов в организации помощи союзникам по программе ленд-лиза.

Таким образом, результаты нашего исследования позволили выявить положительную динамику в моделировании образа союзника. Несмотря на идеологические противоречия, которые казались непреодолимым препятствием еще в 1939 году, Советский Союз, Британия и Соединенные Штаты смогли создать союз, который стал мощным орудием победы во Второй мировой войне. Единство можно считать важнейшей причиной победы, и именно быть едиными и действовать вместе – это тот урок истории, который стоит повторять вновь и вновь.

Литература

Бивор Э. Вторая мировая война / пер. с англ. В. Глушакова. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2014. 992 с.

Наумова К.А. Контент-анализ военно-политического и военно-публицистического форматов дискурса в сопоставительном аспекте // Политическая лингвистика. 2019. № 3 (75). С. 96-105.

Солопова О.А., Наумова К.А. Гибридные форматы дискурса: проблемы классиффикации // Филологический класс. 2018. № 4 (54). С. 15-21.

Солопова О.А., Чудинов А.П. Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов: колокола победы и Russia's V-Day // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 2. С. 313-337.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. 248 с. URL: http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03a.htm.

BNA – British Newspaper Archive. URL: https://www.britishnewspaperarchive.co.uk.

CA – Chronicling America: Historic American Newspapers. URL: https://chroniclingamerica.loc.gov.

T.S. Vagina (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University

THE IMAGE OF THE ALLIES IN WWII BRITISH AND AMERICAN DISCOURSES

The article describes the results of the comparative analysis of the data selected from the two internet archives – The British Newspaper Archive and Chronicling America. The primary research method is the method of metaphoric modelling. Its application allows for studying the ways the Allies' actions were represented and perceived during WWII.

Key words: modelling, cognitive metaphor, World War II, Ally.

И.Т. Вепрева *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
irina_vepreva@mail.ru
Яо Цзясюй *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
1335128011@mail.ru

***ПОЛИТИКА – ЭТО ГРЯЗЬ*: МНОЖЕСТВЕННОСТЬ УПАКОВКИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ[1]**

В докладе рассматривается структура и смысловое наполнение концептуального содержания донорской базы концептуальной метафоры. Базовый концепт ГРЯЗЬ объективируется в языке целым рядом лексем, конкретизирующих обобщенное вещественное понятие, лежащее в основе образа. Грязь может быть представлена как остатки, отбросы, продукты разложения, биологические выделения, нечистоты, мусор, сор и др. Рассматриваются другие перцептуальные и функциональные характеристики грязи.

Ключевые слова: концептуальная метафора, базовый концепт, концептуальный оператор нормы, вербализация концепта.

Общим местом в когнитивных работах является ссылка на классическое исследование Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live by» [Lakoff, Johnson 1980], благодаря которому концептуальная метафора приобрела научную легитимность как способ познания объективной действительности. Современных когнитивистов объединяет понимание метафоры как инструмента мышления в осмыслении сложных абстрактных понятий в разных областях жизни общества – в политике, экономике, культуре, науке. Познавательная деятельность человеческого мышления тесно связана с ценностным отношением индивида к осмысляемым фактам действительности. Процесс концептуализации действительности сопровождается стремлением языковой личности к характеризации и оценке явлений окружающего мира.

Политическая деятельность – одна из важнейших социокультурных сфер общественный жизни страны – обычно получает в публицистическом дискурсе эксплицитные оценки этического характера. Одним из языковых средств вы-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00399А «Аксиологический потенциал современной русской метафоры»

ражения оценки являются метафоры, среди которых особое место занимает конвенционально закрепленная в языке оценочная конструкция *политика – это грязь* с ярко выраженным пейоративным аксиологическим

Цель нашего доклада – выявить структуру базовой концептуальной метафоры, объединяющей широкий спектр метафорических реализаций в пределах образа, задаваемого исходным значением метафорического имени. Анализ проводится на основе корпусного материала, извлеченного из базы данных Интегрум (www.Integrum.ru), содержащего свыше 3500 источников русскоязычных СМИ.

Лингвокогнитивное моделирование анализируемого метафорического сегмента позволяет выявить историко-культурную корреляцию двух членов структуры *чистота – грязь*, которая сводится к отношениям ***а – не а***. Определяя степень маркированности членов данной оппозиции, укажем, что обычно немаркированный смысл «соответствует когнитивно нормальному (естественному, ожидаемому) положению вещей» [Кибрик 2015: 36], маркированным будет значение, когнитивно отклоняющееся от нормального положения дел. Когнитивный оператор нормы отражает отадъективная лексема *чистота*, см. лексическое значение прилагательного *чистый*: «1. Не имеющий грязи. 2. *перен*. Нравственно безупречный» [ТСРЯ 2008: 1094]. Антонимичная единица *грязь* выступает в качестве компонента лексикографической интерпретации лексемы *чистый* – не имеющий грязи.

В когнитивной перспективе ожидаемо, естественно ориентироваться прежде всего на идеальный образец. Если имеется отклонение от нормы, то такое значение является маркированным. В нашем случае маркированным является второй член оппозитивной пары – лексема *грязь*. «Грязь понимается, наиболее обще, как когнитивное нарушение» [Захарьин 2007: 136]. Грязь, выполняя функцию обобщенного нарушения в системе социокультурных кодов, становится метафорическим маркером «пейоративного отчуждения» [Вайс 2008: 17] нечистоплотных современных политиков, их неблаговидных политических поступков, злоупотреблений властью, маркером обвинения в «безнравственности и бесчестности» их деятельности (см. переносное значение лексемы *грязь* в толковых словарях [ТСРЯ 2008: 175]), например: *Ровно год назад мы полагали, что всякой* ***политической грязи****, предательств, компроматов и прочих удовольствий нашей доморощенной демократии наглотаемся с избытком* (Рабочий путь, Смоленск, 31.12.1999); *На жителей Курской области обрушена масса грязных компроматов, лжи,* ***политической грязи*** (Курская правда, 20.10.2000).

Концепт *грязь* вербализирован вещественным существительным, специфика которого состоит в том, что в этом лексико-грамматическом классе «наиболее богато представлены категории нижестоящего уровня» [Калинина 2009: 242]. Исходный образ грязи, лежащий в основе концепта, «является вектором конфигурации смыслов, присущих всей тематической группе, организуемой этим концептом» [Карасик 2009: 4]. Грязь конкретизируется в продуктах разложения, остатках, отбросах, человеческих биологических выделениях, нечистотах, мусоре, соре и др. Например: *Чем ближе столетие Великого Октября, тем больше* ***политических нечистот*** *выплескивается из океана лжи и ненависти на информационные берега*

(Советская Россия, 02.11.2017); *Конечно, А. Проханов и В. Чикин, Г. Зюганов – это не* ***политический навоз****, это* ***политическое говно****, которое сильно воняет, а толку нет* (Дуэль, Москва, 11.07.2000); *Удивительно – мы сливаем и сливаем* ***отравленные политические отбросы*** *внешней политики в море народной любви друг к другу* (Огонёк, 02.06.1997); *Самое главное в этом контексте – это, конечно, вопрос о том, из какого* ***политического сора*** *растет сенатор Арашуков* (Новая газета, 01.02.2019); *В одной из бесед я вас спросила, каково ковыряться годами в* ***политическом дерьме*** *и быть «чистильщиком»* (Аргументы и факты, 16.04.2014); *На эти долгие десятилетия пришлись не один десяток реформ, вывернувших наизнанку, как дырявые карманы, экономику страны и целые океаны* ***политических помоев*** (Патриот, 26.03.2009).

Перекинут когнитивный мостик к природной метафоре: *Когда с 14 июля 2001 года вступал в силу Закон О политических партиях, все хором говорили, что он направлен на то, чтобы проредить партийное поле от* ***политических сорняков*** (Южный Урал (Оренбург), 03.12.2003).

Когнитивно смежными становятся локусы природного или артефактного характера. Места, куда выбрасывается мусор или выливаются нечистоты, понимаются как обязательно грязные, либо изначально (например, болото), либо ставшие такими в результате контакта с отходами. Например: *Из* ***мутного политического болота*** *постепенно всплывает правда о борце за народное счастье* (Патриот, 22.05.2012); *Никакой партии ни Касьянов, ни Селезнев не создадут, все это уже остатки, объедки,* ***политическая помойка****, перспектив нет* (Новые известия, 28.02.2005); *Вы посмотрите****, каким мусором****, который уже перегнил* ***на политической свалке****, заполняется окружающее вас политическое пространство* (Советская Россия, 02.09.2010).

Ассоциативная структура человеческого мышления дополняет идею грязи системой перцептуальных представлений о неприятном вкусе, отвратительном запахе, громком звуке, непривычной форме, тяжелом цвете и т.д. Концепт ГРЯЗЬ допускает открытый ряд понятийного расширения, опирающийся на базовый признак когнитивного отклонения от нормы. Например: *Совсем недавно* ***отвратная пища*** *с* ***грязной политической кухни*** *Доренко и тех, кто стоит за ним не в грязном фартуке, а в дорогих костюмах, была приправлена* ***тухлыми помидорами*** *в прямом эфире* (Советская Россия, 15.11.2001); *Как всколыхнуть* ***затхлое политическое болото***? (Искусство кино, 15.08.2004); *Стереть из памяти: все, что касается* ***политической клоаки****, всех ее* ***миазмов и коричневой палитры*** (Независимая газета, 27.12.2007); *В этой жизни… не было всего того, что так отвратительно и мерзко:* ***черной политики****,* ***серой лжи, бурой ненависти*** (Новая газета, 04.07.2016); *Он не обнаружил ни вшей в волосах британских дипломатов, ни* ***политического зловония****, которое распространяет вокруг себя вышеупомянутый совет* (Арсеньевские вести (Владивосток), 30.01.2008); *Оглушенные* ***политической свистопляской****, мы часто забываем, что должны жить ради детей, будущего России* (Арсеньевские Вести (Владивосток), 21.06.2001).

Семантически противопоставленный концепт ЧИСТОТА, имея нормативно-оценочный характер, вербализируется, в частности, важным для анализа идеи грязи глаголом *чистить*, т.е. удалять грязь. Как всякое действие отрицания, «очищение усиливает экзистенциальное присутствие того, что отрицает-

ся. Если грязь удаляют, значит, она есть» [Захарьин 2007: 136], например: *История цивилизации и государства Российского будет* ***очищена и отмыта от политической грязи****, закрашенной красной, оранжевой и другими красками, щедро размазываемыми на постсоветском пространстве «художниками» новых революций* (Октябрь (Таруса), 21.10.2005).

Подведем итоги. Анализ метафоры *политика – это грязь* позволяет сделать вывод о принципиальной открытости метафорических моделей, о способности базовой метафорической модели к детальному развертыванию с включением в открытый ряд новых компонентов. Анализ языковой семантики единиц, объективирующих концептуальные смыслы, демонстрирует положение о размытости ее границ, об обусловленности языковой семантики прагматическими условиями ее реализации.

Литература

Вайс Д. Паразиты, падаль, мусор. Образ врага в советской пропаганде // Политическая лингвистика. 2008. Вып. 1 (24). С. 16-22.

Захарьин Д. Коллективное очищение в России. Антропологические и социально-исторические аспекты // Антропологический форум. 2007. № 6. С. 135-176.

Калинина Л.В. Существительные конкретные, абстрактные, вещественные, собирательные и их роль в отражении действительности // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. № 3. С. 240-247.

Карасик В.И. Концепт как единица лингвокультурного кода // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 10 (44). С. 4-11.

Кибрик А.Е. Когнитивный подход к языку // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 29-59.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением данных о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2008.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: University of Chicago, 1980.

I.T. Vepreva (Ekaterinburg, Russia)
Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
Yao Jiaxu (Ekaterinburg, Russia)
Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

POLICY IS DIRT: PLURALITY OF CONCEPTUAL METAPHOR PACKAGING

The report considers the structure and semantics of the conceptual metaphor content on the donor base. The basic concept DIRT is objectified in the language by a number of lexemes that specify the generalized material concept supporting the image. Dirt is specified in decomposition products, residues, garbage, bio-

logical excreta, sewage, rubbish, litter, etc. Other perceptual and functional characteristics of the dirt are considered.

Key words: conceptual metaphor, basic concept, conceptual norm operator, concept verbalization.

А.А. Водяницкая *(Москва, Россия)*
Московский городской педагогический университет
avodyanickaya@yandex.ru

ЦИФРОВЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОЦЕНОЧНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В работе рассматриваются цифровые методы исследования оценочной категоризации в академическом дискурсе. Вербализованная оценка играет важную роль в процессе взаимодействия участников данного типа дискурса. Современные цифровые методы исследования оценочной составляющей позволяют углублять и расширять анализ оценочной семантики текстов академического дискурса, фокусируясь на объекте оценки, полярности оценки, тональности текста и иных сопряженных явлениях.

Ключевые слова: цифровые технологии, академический дискурс, методы исследования, оценочная категоризация, SentiStrength, Sentiment Analysis, Google Ngram.

Цифровые технологии внедрились во все уровни жизнедеятельности современного общества. В образовательном пространстве они используются как в преподавательском процессе, так и при проведении различных исследований. Исследователи цифровых методов в образовании придают особое значение созданию персональной образовательной среды (Personal Learning Network – термин Э. Шенингера), способствующей взаимодействию исследователей по всему миру и использованию цифровых технологий в исследованиях ([Шенингер 2014], пер. мой – А.В.). Как представляется, первым шагом к формированию персональной образовательной среды может явиться создание базы релевантных для исследователя цифровых методов обработки изучаемых текстов.

Так, в рамках изучения оценочности в академическом дискурсе, который понимается вслед за исследователями [Сулейманова 2018; Хутыз 2015] как институциональный тип дискурса, являющийся частью научного дискурса, представляется возможным «поместить» в персональную образовательную матрицу цифровые методы, которые позволяют расширить представление об оценочной категоризации в данном типе дискурса, выявить ценности образовательного пространства, проанализировать эмоциональную составляющую текстов, принадлежащих к различным жанрам академического дискурса. Под оценочной категоризацией понимается «мысленное соотнесение объекта или явления с определенной оценочной категорией, или группировка объектов и явлений по характеру их оценки в соответствующие оценочные классы и категории» [Болдырев 2010].

В академическом дискурсе оценочность сосредотачивается не только вокруг категорий «хорошо» или «плохо», но и вокруг категорий релевантности, целесообразности, новизны, соответствия или несоответствия того или иного продукта творческой деятельности членов академического сообщества нормам академического дискурса. Отметим, что на использование собственно оценочных слов, характеризующих вклад других исследователей, свои собственные работы и т.д., накладываются определенные ограничения, обусловленные как институционально обусловленной ролью оценивающего (студент, преподаватель, ученый), так и объектом оценки (теория, классификация, вклад другого ученого, прилагаемые к исследованию усилия). Оценка служит и способом привлечения внимания слушателя, читателя, к наиболее релевантной информации, способствует формированию у студентов стремления к постоянному развитию навыков исследования. В этой связи, представляется важным привлечение цифровых методов к исследованию оценочной составляющей различных жанров академического дискурса. Рассмотрим некоторые из ресурсов, которые могут стать частью методологии исследования оценочной семантики.

Платформа Google Books Ngram Viewer позволяет проследить динамику появления в научных изданиях ключевых слов по искомой проблематике.

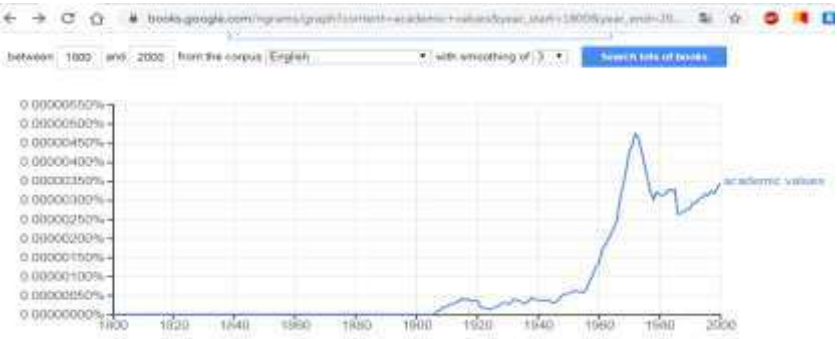


Рис. 1. Динамика появления в научной литературе словосочетания academic values (https://books.google.com/ngrams)

Изучение оценочных значений неразрывно связано с исследованием ценностей академической среды. Поиск в данном ресурсе позволяет не только визуализировать динамику появления в научных изданиях упоминаний об академических ценностях, но и непосредственно обратиться к этим изданиям, поскольку платформа является приложением к ресурсу Google Books.

Методы исследования оценочности в тексте (англоязычный термин – sentiment analysis) широко применяются в бизнес-аналитике для анализа восприятия покупателем того или иного продукта. Одной из таких платформ является Sentiment Analysis, который был применен в данном исследовании для анализа авторской благодарности как жанра академического дискурса. На рисунке 2 представлен результат анализа системой фрагмента раздела “Acknowledgements” из монографии [Hyland 2015]. Тональность

авторской благодарности является высокой, о чем свидетельствует показатель 78.0, выявленный системой.

Рис. 2. Тональность авторской благодарности (https://www.danielsoper.com/sentimentanalysis/default.aspx)

Если Sentiment Analysis представляет обобщенную характеристику текста, то система SentiStrength (http://sentistrength.wlv.ac.uk/) предлагает широкие возможности исследования оценочной семантики, указывая полярность каждого отдельного оценочного слова в тексте (показатели варьируются от -4 до +4). Приведем фрагмент анализа упомянутой выше авторской благодарности:

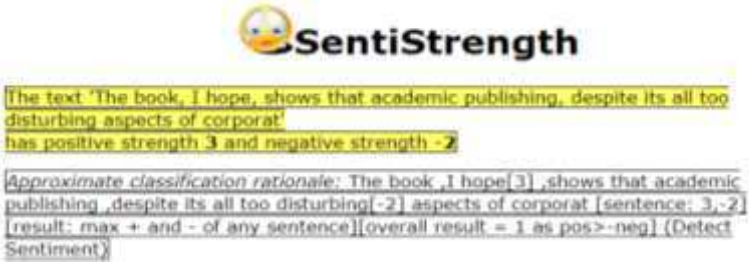


Рис. 3. Фрагмент анализа авторской благодарности в системе SentiStrength

Как показано на рис. 3, система определила глагол hope как глагол положительной оценочной семантики со значением [3], тогда как прилагательное disturbing относится к словам отрицательной семантики с полярностью [-2].

При анализе оценочной семантики чрезвычайно важно учитывать объект оценки. Одной из функций программы Tropes (https://www.semantic-knowledge.com/download.htm) является (помимо выявления стилистической направленности текста) выделение наиболее значимых и сильных (с точки зрения частотности употребления, позиции в тексте и других параметров) слов, которые могут выступать в качестве объектов оценки.

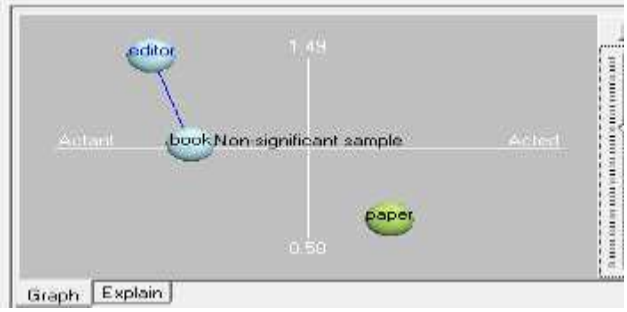


Рис. 4. Анализ Acknowledgements в системе Tropes – к пониманию природы объекта оценки

К. Хайланд многократно выражает благодарность редакторам и характеризует их отношение к его труду, например, через прилагательное эмоциональной оценки patient (journal editors), которое применительно к труду редактора может рассматриваться и с этической точки зрения. Сам факт помещения системой данного существительного в сильную позицию позволяет исследователю обратить на него более пристальное внимание и найти новые основания для интерпретации.

В перспективе исследования изучение с помощью новых технологий лекционного материла, курсовых работ студентов и др. для изучения «оценочных смыслов в контексте познавательных процессов» [Болдырев 2010]. Использование цифровых технологий в лингвистических исследованиях является новым и эффективным способом расширения представлений о языке вообще и об оценочной категоризации в частности.

Благодарность

Хотелось бы выразить благодарность доктору филологических наук, профессору, заведующему кафедрой языкознания и переводоведения Ольге Аркадьевне Сулеймановой за вдохновение, помощь и поддержку и за то, что Вы открыли передо мной многогранный мир цифровых методов исследования.

Литература

Болдырев Н.Н. Исследование оценочных смыслов в контексте познавательных процессов // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2010. Вып. 8. С. 24-37.

Сулейманова О.А. Академический дискурс как непрерывный диалог с *Другим* // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия. М.: ЛЕНАНД, 2018. С. 180-198.

Хутыз И.П. Академический дискурс. Культурно-специфичная система конструирования и трансляции знаний. М.: Флинта: Наука, 2015. 176 с.

Sheninger E. Digital Leadership: Changing Paradigms for Changing Times. Thousand Oakes: Corwin. 288 p.

A.A. Vodyanitskaya (Moscow, Russia)
Moscow City University

DIGITAL TOOLS TO EXPLORE EVALUATIVE CATEGORIZATION IN ACADEMIC DISCOURSE

The paper focuses on digital tools to analyze evaluative semantics in various texts of academic discourse. Verbalized evaluation is indispensable for institutionalized communication. Upscale digital methods of exploring evaluative categorization enable a comprehensive analysis that focuses on the object and polarity of evaluation, on the sentiment of the academic text as well as on other related phenomena.

Key words: digital tools, academic discourse, research methods, sentiment analysis, SentiStrength, Sentiment Analysis, VisualThesaurus, Google Ngram.

Н.А. Галактионова (*Тюмень, Россия)*
Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
им. маршала инженерных войск А.И. Прошлякова
nelli.galaktionova@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ НАУЧНЫЕ ТЕОРИИ ОСМЫСЛЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МЕТАФОРЫ И ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ КОГНИТИВНЫЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

Статья фиксирует воззрения на осмысление пространства через призму метафорических конструкций. В качестве основных пространственных метафор рассматриваются понятия центра и периферии. Также исследуется научный потенциал использования постмодернистских метафорических парадигм.

Ключевые слова: идентичность, когнитивные метафорические конструкции, постмодернизм, синергетика.

Пространственные метафоры и конструкции являются распространенными концептуальными средствами осмысления бытия в теоретических научных построениях. Наиболее востребованными пространственными метафорами являются концепты центра и периферии. Дихотомия «центр / периферия» рассматривается применительно к центральной системе ценностей (Э. Шилз), в роли объяснительной модели мировой организации экономики относительно сосредоточения ресурсов (А.Г. Франк) [Frank 1983], распространено в традиции описания региональных различий в пределах одной страны (В.В. Алексеев) [Алексеев 2006: 18]. Оппозиция центр и периферия дублируется как противостояние столичности и провинциальности. Э. Шилз настаивает, что именно в центре (столице) аккумулируются ценности и мнения, лежащие в основе формирования «общественной святыни» [Шилз 1972: 348-359]. На центр возлагается символическая функция формирования коллективных идентичностей через приобщение к общему социальному, культурному и политическому порядку и к участию в этом порядке [Хаттингтон 2008: 91].

Распространенная дихотомия центра / периферии по-особенному проявляется в постмодернистском дискурсе. В основе когнитивных парадигм постмо-

дернизма нередко лежат «съедобные» метафоры и метафорические модели осмысления идентичности. Ролан Барт предлагает метафору слоеного пирога без начинки, адекватной французскому восприятию мира [Барт 1992], в эссе А. Гениса предложена оппозиция лука и капусты, в основе этих «кулинарных» метафор лежит способ организации целостного пространства. По мнению А. Гениса, советская культура строилась по принципу капусты – вокруг центра – кочерыжки, а американская цивилизация, которой не свойственна территориальная укорененность, выстраивается по принципу луковицы, в которой в месте сакрального центра таится животворящая пустота [Генис 1997]. Идентичность в логике метафоры капусты – постепенное «разворачивание» слоя за слоем в поиске ядра-истины. В центре метафоры лука лежит метапустота – родник смыслов, некий космический ноль, в котором наращивается бытие; пустота становится средоточием мира, новый мир самостоятельно рождается и вырастает из старого, нуждаясь исключительно в отсутствии помех для роста. В метафоре капусты хаос снаружи, но порядок внутри; в метафоре лука хаос – зерно мира, творящая пустота И. Пригожина, из которой растет космос, в метафоре лука смыслы не открываются, а наращиваются [Пригожин 1989]. Постмодернистская игра в метафоры оказывается небесполезной для синергетики и ее представлений о хаосе и порядке, в этом смысле потенцией раскрытия конструкта «центр – периферия» обладает и метафора матрешки, которая характеризуется как равенство самому себе, воспроизводство самости. Метафорические парадигмы капусты и лука применимы для иллюстрации образа познания, капуста символизирует науку модерна «от времени Коперника-Галилея и до Бора-Гейзенберга-Фейнмана-Дирака», лук – парадигма научного познания времени постмодерна, и оказывается применимой в объяснительных моделях синергетики [Аршинов 1997: 12].

Разница между метафорическими когнитивными моделями лука и капусты вытекает из разницы отношения к времени и пространству. Для метафоры капусты главная категория – время. Пространство же в этой когнитивной модели представляется семантически нейтральным, гомогенным и равнозначным в каждой своей части. Пространство в метафоре капусты является первичным сырьем, складом простора, предназначенным для дальнейшей переработки, которая должна была обставить его вещами, придав ему смысл – «Здесь будет город-сад», или обозначив символический статус. В постмодернистской метафоре капусты дикое пространство представляется хаосом, пустотой, разъедающей сплошную окультуренную реальность, а поэтому подлежит переделке. Метафора матрешки характеризует подобное окультуривание под знаком общего знаменателя, равенства самому себе. Культурное строительство в СССР мыслилось как «уравнение» запросов, внешнего облика и т.д. Отсюда тиражирование одинаковых названий улиц, архитектурных и арт-объектов, стилей и жанров в искусстве во всех союзных республиках без учета культурных, религиозных, исторических традиций. Именно метафора матрешки способна сделать зримой совмещение и борьбу категорий провинциализма и столичности. В метафоре лука изменяется время, линейное время от прошлого к будущему уступает место циклическому, в котором постоянно воспроиз-

водится настоящее. Пространство структурируется, становится лоскутным, «обживание» «своих» лоскутов приводит к размножению границ, этнической, социальной дифференциации. В метафоре капусты граница одна – государственная, она выполняла универсальную функцию, обладала всей полнотой смыслов – от политических до метафизических. В метафоре лука важна не просто функция границы как знак разделения, важна сама граница, которая утрирует любые значения – политические, национальные, религиозные, культурные, художественные; фрагментация пространства ведет не столько к изоляции, сколько к интенсификации контактов. Мир становится тесным и разным. В метафоре капусты эта разность считалась препятствием на пути к общей универсальной цели, в метафоре лука она – объект углубленной медитации. Луковые слои невозможно разделить, не повредив основание-пустоту, сам по себе луковый слой не является целостным, лук становится луком, используясь слитно – кольцами, дисками, в которых представлен каждый слой, создается плоскость – единство разности. В парадигме лука все важное происходит на рубеже между культурами, станами и народами, наукой и религией, искусством и жизнью, природой и культурой, мужчиной и женщиной, сознанием и подсознанием, но главное – между разными реальностями. Поскольку в парадигме лука реальность искусственного происхождения, то ничто не мешает производству по заданным искусством моделям.

Осмысление когнитивных парадигм, представленных в виде вполне понятных и осязаемых метафор, различение образов и парадигм «способствует улучшению социокультурной коммуникации, включая сюда и кросскультурную и междисциплинарную коммуникации» [Аршинов 1997: 13]. Постмодернистские метафорические парадигмы оказываются удачными в терминологическом смысле, поскольку обладают необходимым символическим потенциалом и синергетической емкостью. Они не только образно иллюстрируют саму категорию идентичности – многослойную, пакетированную, многоликую, но и парадоксальным образом представляют механизм исследования идентичности в различных науках.

Литература

Алексеев В.В., Зубков К.И. Проблема «центр-периферийных» отношений в российской истории // Восточные регионы России: стратегии и практики освоения. Новосибирск, 2006. С. 18-19.

Арщинов В.И., Кияшенко Л.П. Когнитивные стратегии синергетики // Онтология и эпистемология синергетики. М.: Ифран, 1997. С. 13.

Барт Р. Сад – I. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/markiz/09.php.

Генис А. Лук и капуста. Парадигмы современной культуры // Вавилонская башня: искусство настоящего времени. М.: Независимая газета, 1997. С. 99-105.

Хаттингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. С. 90-94.

Шилз Э. О соотношении центра и периферии. Ценностно-смысловой аспект ядра и периферии // Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. С. 348-359.

Frank A.G., Gills B.K. The World System: Five Hundred Years of Five Thousand? London: Routledge, 1993.

N.A. Galaktionova (Tyumen, Russia)
Tyumen Highest Military Engineering Command College of a name
of the Marshal of Engineering Troops A.I. Proshlyakov

MODERN SCIENTIFIC THEORIES CONCERNING IDENTITY INTERPRETATION: SPATIAL METAPHORS AND POSTMODERN COGNITIVE METAPHORIC

Article captures views on the understanding of space through the prism of metaphorical constructions. As the main spatial metaphors concepts of the center and the periphery are considered. Also the scientific potential of use of post-modernist metaphorical paradigms is investigated.

Key words: identity, metaphorical designs, spatial metaphors, cognitive metaphorical models, postmodernism, synergetrics.

Н. Гезельбаш *(Москва, Россия)*
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
niloofarghezelbash@mail.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БЛОГ-ДИСКУРСА РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ

В данной статье анализируются прагматические особенности блог-дискурса российских политиков. Рассмотрены примеры текстов российских политических блогов, в которых через использование определенных языковых и стилистических средств автор решает прагматические задачи, связанные с привлечением читателя на свою сторону и манипулированием его сознанием.

Ключевые слова: прагматика, политический блог, блог-дискурс, российский политический блог, блоги российских политиков, политическая прагматика, политический дискурс.

В XXI веке в связи с бурным развитием информационных технологий произошли кардинальные изменения в большинстве сфер коммуникации, в том числе и коммуникации политической. Общение официальных органов власти, политических деятелей, обозревателей в сфере политики и даже виднейших оппозиционеров с представителями электората сегодня в большинстве случаев реализуется при помощи Интернета, что и стало основой для появления нового типа дискурса – блог-дискурса российских политиков.

Актуальность рассмотрения и анализа реализации современного русского языка в политическом блог-дискурсе связана с тем, что политический дискурс отличается такими свойствами, как институциональность, информативность, смысловая неопределенность, дистанцированность и авторитарность, динамичность и – в особенности – «реалистичность» как отражение жизненной ситуации, злободневность, насущность [Шейгал 2004:

57]. Именно реалистичность и злободневность политического дискурса становятся основной причиной, по которой тексты данного дискурса интересны исследователям с точки зрения реализации языковых средств и особенностей современного русского языка.

Целью данной статьи является анализ прагматических особенностей блог-дискурса российских политиков. Прагматические особенности интересуют нас в связи с тем, что они выдвигают на первый план проблемы лингвистической интерпретации «человеческого фактора» [Китанина 2005]. При этом отметим, что с точки зрения прагматики нас будет интересовать в первую очередь лексическая составляющая текста, так как «современная лингвопрагматика справедливо признает возможность и необходимость описания прагматических смыслов» словарного слова [Китанина 2005] и разграничивает зоны семантики и прагматики в тексте.

Говоря об анализе политического блог-дискурса как значимой части политической коммуникации, исследователи отмечают основную цель данной коммуникации, которая заключается в борьбе за власть [Водак 1997; ван Дейк 1994; Чудинов 2006], а сама власть (в данном случае – политическая) рассматривается как возможность, способность и право оказывать на кого-либо воздействие или подчинять кого-либо [Канчани 2007: 7]. Так, к примеру, в текстах политического блог-дискурса можно увидеть информацию о событиях или явлениях, имевших место в политической сфере, а также оценку этих событий или мнение по поводу данной информации. При этом стоит учитывать, что эта информация в конечном счете необходима автору текста для воздействия на адресата, а потому ее следует считать средством манипуляции общественным сознанием в целях завоевания власти.

Попытки манипулировать сознанием читательской аудитории можно увидеть не только в текстах блогов оппозиционных политиков, но также и в текстах представителей официальной власти. Так, например, в блоге Марии Захаровой, директора Департамента информации и печати МИД России, на сайте «Эхо Москвы» нас заинтересовала запись от 28 декабря 2019 года под заголовком «Фальсификатор фальсификаций».

В тексте записи автор рассуждает о пространном интервью, которое дал Глеб Павловский по поводу МИД и используемой им технологии фальсификации силы. Интересно, во-первых, начало текста, где Мария Захарова делает отсылку к стилю СМИ прошлых десятилетий, используя фразу «как раньше говорили»:

Глеб Павловский дал, как раньше говорили, пространное интервью на тему изобличения власти. Один из тезисов – власть использует технологию фальсификации.

Этот прием использован автором для подготовки читателя к несколько ироничному тону всего текста, основанному на критике сказанного Павловским.

В следующей за цитатой из интервью Павловского части текста автор вновь использует прием иронии, отмечая:

Глубокий и, опять же, как говорили раньше, фундированный анализ ситуации. Емкие обороты, наукообразные формулировки. Красота. Один маленький нюанс: Лавров никогда не говорил об убийстве берлинской девочки. Ни публично, ни на переговорах, ни в нотной переписке ни Лавров, ни посол России в

Германии, ни официальный представитель МИД ни разу не заявляли, что «история с убийством полностью правдива».

Так, во-первых, Захарова вновь использует отсылку к стилю СМИ прошлых лет, используя фразу *«Глубокий и, опять же, как говорили раньше, фундированный анализ ситуации».* Во-вторых, в приведенном тексте видим и явные оценочные средства, влияющие на восприятие текста читателем. В первую очередь интересно использование лексемы «красота», использованной в форме назывного предложения. Лексема «красота» здесь обладает отрицательно-ироничной коннотацией, о чем свидетельствует приведенное в тексте далее замечание об *«одном маленьком нюансе»*. Также интересно, что это упоминание о «нюансе» переводит текст в восприятии читателя из серьезной и положительно-оценочной формы в критическую. Именно после слов о «нюансе» автор приводит ряд факторов, свидетельствующих в пользу МИД и опровергающих все, что было сказано в интервью ее невидимым оппонентом – Глебом Глуховским.

Рассматривая прагматические особенности текста в когнитивном аспекте, стоит учитывать, что реакция адресата на слова автора зависит от восприятия текста на сознательном и подсознательном уровнях. Так, на подсознание адресата воздействует не только использование автором лексем с оценочной коннотацией (*красота, глубокий, фундированный анализ ситуации*), но и выбор иронического пафоса как определяющего авторскую (и вслед за ней – читательскую) оценку текста. Сознание адресата при этом также участвует в оценке получаемой информации через анализ предложенных автором фактов и доказательств его позиции (*«ни Лавров, ни посол России в Германии, ни официальный представитель МИД ни разу не заявляли, что “история с убийством полностью правдива”»; «российские дипломаты регулярно и настойчиво требовали от немецких властей предпринять необходимые меры по всестороннему прояснению обстоятельств исчезновения девушки»* и др.).

Оценивая стилистическую целостность данной записи, отметим, что начало текста носит разговорный характер из-за использования лексемы «красота» с иронично-негативно коннотацией, а также вводных конструкций «как раньше говорили» и «опять же, как говорили раньше». Следующая часть текста носит более официальный характер, так как в ней употребляются термины «нотная переписка», «посол», «официальный представитель МИД», «российские дипломаты», «немецкие власти», «необходимые меры», «всестороннее прояснение обстоятельств исчезновения» и другие.

Следовательно, именно прагматическое намерение автора, заключающееся в желании дать иронично-критическую оценку словам политического оппонента, а также воздействовать на сознание читателей блога через использование разговорного стиля речи, близкого и понятного адресату, создающего образ автора как «друга» и «близкого народу», становятся причиной нарушения стилистической и лексической когезии и когерентности текста. Так, формально с точки зрения прагматики текст разбит на серьезную и ироническую части, а на смысловом уровне можно говорить об информационной и оценочной частях, каждая из которых характеризуется свойственными ей лексическими и стилистическими средствами. Так, к

примеру, в финальной части текста читаем: «Смешно получилось у Глеба Павловского: разоблачение фальсификации оказалось фальсификацией». Здесь помимо приема умышленной тавтологии, использованного также и в заголовке, видим и оценочную лексему «смешно».

Итак, рассмотрение прагматических особенностей блог-дискурса российских политиков показало, что авторы текстов политических блогов активно используют языковые средства, способные оказывать влияние на сознание читателей, а также на выбор ими политической и общественной позиции. Среди прагматических особенностей текстов политического блог-дискурса выделим использование стилистических средств, которые, во-первых, призваны создать своеобразный образ автора «из народа», «друга», близкого читателю не только своей политической позицией, но и используемыми языковыми средствами. Во-вторых, так как прагматические особенности политического блог-дискурса основываются на желании автора текста влиять на сознание читателя, в текстах используются вводные конструкции (например, «я думаю, вы понимаете», «как говорили раньше»), убеждающие читателя в справедливости авторских наблюдений и замечаний и оказывающие убеждающее воздействие на сознание читателя. В-четвертых отметим, что с точки зрения когнитивистики текст воспринимается адресатом на двух уровнях: сознательном и подсознательном, причем сознание адресата оценивает коннотативные значения использованных автором лексем и общий пафос текста, а сознание – факты и доказательства авторской позиции.

Литература

Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.

Дейк Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1994.

Захарова М.В. Фальсификатор фальсификаций // Блог Марии Захаровой, «Эхо Москвы», запись от 28.12.2019. URL: https://echo.msk.ru/amp/blog/mzakharova/2562023-echo/ (дата обращения: 28.12.2019).

Канчани П. Оппозиция свои-чужие как прагматическая доминанта политического дискурса. М., 2007. 260 с.

Китанина Э.А. Лексические галлицизмы в современном русском языке. Ростов-на-Дону, 2005. 250 с.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. 248 с.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004. 326 с.

N. Ghezelbash (Moscow, Russia)
Pushkin State Russian Language Institute

PRAGMATIC FEATURES OF THE BLOG-DISCOURSE OF RUSSIAN POLICIES

This article analyzes the pragmatic features of the blog discourse of Russian politicians. Examples of texts of Russian political blogs are considered, in which, through the use of certain linguistic and stylistic means, the author solves pragmatic problems associated with attracting the reader to his side and manipulating his mind.

Key words: pragmatics, political blog, blog discourse, Russian political blog, blogs of Russian politicians, political pragmatics, political discourse.

Н.П. Глинская *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
glinskaya_nelly@mail.ru

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОНИМЫ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

Статья посвящена изучению англоязычных неонимов, зафиксированных в научном психологическом дискурсе (научных статьях и диссертациях) с начала XXI века. В работе обсуждаются когнитивные механизмы, обусловившие появление новых языковых знаков, анализируются основные терминообразовательные средства, выявляются прагматические аспекты терминотворчества в сфере англоязычного психологического научного дискурса.

Ключевые слова: неонимы, англоязычная психологическая терминология, психологический научный дискурс, когнитивный механизм, терминообразование, когнитивное терминоведение.

Проблема терминологической номинации разработана сравнительно мало, хотя «именно в сфере терминотворчества наиболее отчетливо проявляются коммуникативная и когнитивная функции языка, раскрывается его информационно-преобразующий характер» [Володина 1997: 5]. Когнитивно-дискурсивный подход предполагает обсуждение когнитивных механизмов, определяющих доминирование тех или иных моделей терминологической номинации, определение наиболее предпочтительных терминообразовательных средств, собственно выявление новых профессиональных концептов, изучение ключевых когнитивных и прагматических факторов, обусловливающих терминопорождение.

В данной работе предпринимается попытка обсуждения этих вопросов на материале англоязычных психологических неонимов, т.е. языковых единиц, еще не имеющих лексикографической фиксации, но функционирующих в научных статьях и диссертациях по психологии за последние десятилетия и отражающих «коллективное сознание группы компетентных говорящих» [Суперанская 2012: 198]. На сегодняшний день имеются несколько лингвистических теорий, пытающихся раскрыть языковую сущность неонимии с разных методологических позиций. Выполняя исследование, мы опирались на работы в русле когнитивной неологии [Заботкина 1999; Левицкий 2009]. В качестве источника материала привлекались статьи и диссертации базы данных Американской Психологической Ассоциации [APA]. При отборе неонимов из текстов анализировались прежде всего те единицы, которые вводились в текст с авторской дефиницией, так как именно таким образом неоним включается «в определенную систему научных понятий» [Скороходько 2001: 2].

По полученным данным, появление психологических неонимов свидетельствует о появлении новых концептов, прежде всего, в уже устоявшихся отраслях, в частности, в социальной психологии: international level of connectedness, family-legitimizing environment, satisfaction with work-family balance, cooperative parenting, Parental Caregiving Cognitive Control Complexity (PC4); Marital Submission Scale (MSS), в когнитивной психологии: *c*ognitive acuity,*c*ognitive agility; в области психологии личности: identity stability, relational worth, interpersonal coordination, identity frustration, trait anger, self-compassion, empathetic distress, vantage sensitivity, motivational coherence, agentic engagement, empathic mutual positioning, etc.

Еще двадцать лет назад В.И. Заботкина писала, что «активизация прагматически релевантных факторов в процессе концептуализации и вербализации проявляется в возрастающей роли таких параметров широкого прагматического контекста, как социальный, профессиональный статус говорящих, его возраст, пол и этническая принадлежность» [Заботкина 1999: 7]. Эта тенденция продолжает сохраняться, об этом свидетельствует появление таких неонимов, как womanist identity development, black racial identity development, heroic masculine ideology.

Прагматические параметры обусловили и такие новые концепты в сфере бурно развивающейся организационной психологии, как organizational invisibility, leader approach ability, program support acceptance, role efficacy, psychological retirement planning measure. Проблема травмы остается малорешенной в клинической психологии, что и обусловливает возникновение новых концептов: traumatic imaginings, social intensity syndrome (SIS), etc.

Еще одним проявлением прагматически значимых факторов, относящихся к все возрастающей роли экзистенциальной ответственности, является порождение таких новых терминов, как life reflection, goal regulation, goal elaboration, moral identification, appearance responsibility, etc.

Исследование показало, что англоязычные неонимы образованы практически всеми основными способами терминообразования. Поскольку «значение нового слова должно инферироваться слушателем в соответствии с уже существующими в его когнитивной структуре фреймами» [Заботкина 1999: 9], морфологический способ терминообразования в представленной англоязычной выборке является достаточно распространенным: post-event redefinition, somato spatial inattention, stickiness, etc. Синтаксический способ терминообразования лежит в основе всех трехсловных, многословных и большинства двусловных англоязычных единиц и составляет наиболее популярный способ терминообразования: dissociative complexity, dynamic assessment, classificatory separability, negative self-stigma, relative risk appraisal.

Существенное число новых лексических единиц образовано способами морфолого-синтаксического терминообразования, в частности, словосложением: gelotophobia, translanguaging, pharmacoterrorism, simultalent, homohysteria и абрревиацией: nonattachment to self (NTS), Developmental Model of Intercultural Sensitivity-Sexological Use (DMIS-S), Evidence-Based Practice Attitude Scale (EBPAS), Measure of Religious and Spiritual Flexibility (MRSF), Posttraumatic Growth (PTG), behavioral transition unit (BTU), Romantic Goal Preoccupation

Index (RGPI), Developmental Model of Intercultural Sensitivity-Sexological Use (DMIS-S).

Терминологическая неономинация в англоязычном психологическом дискурсе представляет собой способ языкового выражения специальных знаний, их когнитивно-дискурсивной интерпретации, осуществляемой посредством «использования различных когнитивных механизмов: профилирования, перспективизации, генерализации, конкретизации, тема-рематического членения, сужения, расширения, импликации, инференции, объединения нескольких пропозиций» [Болдырев 2019: 310-311] и некоторых других. По полученным данным, основные принципы терминологической неономинации в англоязычном психологическом дискурсе совпадают с языковой номинацией, т.е. с процессом появления слов в общеупотребительном языке, однако терминопорождение как явление имеет ряд отличительных особенностей, по большей части связанных со специфичными прагматическими свойствами именно научной психологии. Терминологическая неономинация – это номинативная деятельность, в результате которой порождается, формируется, кодируется и декодируется новая терминологическая информация. Результатом этого процесса становится формирование неонимов, абсолютно новых знаков, обозначающих новые концепты конкретной области знаний, но по характерным, типичным для нее моделям. По мере фиксации в терминографических источниках и систематизации в рамках профессионального тезауруса большинство неонимов получат статус терминов в зависимости от их соответствия когнитивным, дискурсивным и прагматическим требованиям.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 480 с.

Володина М.Н. Теория терминологической номинации. М., 1997. 180 с.

Заботкина В.И. Когнитивно-прагматический подход к неологии // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований: сборник научных трудов / Калинингр. ун-т. Калининград, 1999. С. 3-9.

Левицкий А.Э. Горизонты развития неологии XXI века // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 350-362.

Рондо Г. Проблемы и методы неологии в терминологии (неонимии) // Научно-техническая терминология. 1980. Вып. 5. С. 1-7.

Скороходько Э.Ф. Термины, выражающие новые знания, в структуре научных текстов // Информационные процессы и системы. М.: ВИНИТИ, 2001. С. 1-10.

Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 248 с.

APA – American Psychological Association. URL: https://www.apa.org/pubs/databases/psycnet (дата обращения: 08.01.2020).

N.P. Glinskaya (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

ENGLISH PSYCHOLOGICAL NEONYMS IN THE COGNITIVE ASPECT

The article is devoted to the study of English psychology neonyms found in scientific articles and dissertations from the beginning of the XXI century. The paper discusses the cognitive mechanisms that ensure the emergence of novel linguistic units, analyzes the basic terminological derivation methods, reveals the pragmatic aspects of term-creation in the field of English-language psychological scientific discourse.

Key words: neonyms, English-language psychological terminology, psychological scientific discourse, cognitive mechanism, terminological derivation, cognitive terminology study.

Н.А. Голубева *(Нижний Новгород, Россия)*
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
nagol@mail.ru

ПОЛИДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ ЭВФЕМИИ

В статье на материале немецкого языка рассматриваются когнитивные и дискурсивные особенности эвфемии как универсального языкового явления. Автор дает свое определение полидискурсивности как способности языкового феномена к реализации не внутренней, а внешней перспективы дискурса. При анализе разных видов дискурса акцент делается на специфические виды дискурса.

Ключевые слова: дискурсивная стратегия, когнитивное пространство, полидискурсивность, перспектива, эвфемия.

Содержательная структура когнитивного пространства современного человека представляет собой «когнитивную матрицу» (термин [Болдырев 2009]) и четко прослеживается на примере пользователя форума. Он (пользователь) может принимать одновременно деятельное участие в обсуждении вопросов по воспитанию детей (педагогический дискурс), популяризации красот и исторической ценности родного края (туристический дискурс), комментировать актуальные спортивные события (спортивный дискурс), давать советы по составлению цветочных композиций (флористический дискурс) и др.

В этом случае можно говорить о *полидискурсивности* виртуального дискурса с точки зрения его *внутренней перспективы* (С.В. Иванова, Н.Ю. Никифоров и др.). Вместе с тем в дискурсе наблюдается функционально-семантическая стабильность некоторых языковых феноменов, присущих любому дискурсу. То есть в этом случае можно говорить о *полидискурсивности* языковых феноменов в смысле их роли в реализации *внешней перспективы* дискурса как семиотического знака.

Целью настоящей статьи является обоснование второго понимания полидискурсивности на примере эвфемии, то есть ее места и функций в конкретных

дискурсах. В лингвистике этот термин фигурирует как способ именования лица, предмета, сущности или действия с намерением смягчить, приукрасить или скрыть истинные качества обозначаемого денотата / референта. Таким образом, эвфемизмы в смысле универсальных особенностей выступают не только способом реализации определенных когнитивно-дискурсивных стратегий, но и мотивируют появление в лексиконе новых слов с модифицированным значением, расширяя альтернативное пространство языка, а, следовательно, стоят на службе его динамического развития. Обозначенные факторы объясняют *актуальность* научной дискуссии.

Не только прагматическая цель – «смягчение» значения фразы, но и разного рода табу обусловливают аккуратное обращение с языком в чувствительных сферах, таких как медицина, религия и др.

Так, в случаях с тяжелыми болезнями, имея в виду Krebs «рак», в общении ограничиваются обычно словом Krankheit «болезнь», или когда не очень «удобную» болезнь *Hämorrhoiden* «геморроидальный узел» в диалоге с пациентом врач называет Rose «роза». В результате, слова Koitus «половой акт», Impotenz «импотенция», Vulva «вульва» заменяются синонимами с маскирующим значением Penetration «проникновение», erektile Dysfunktion «эректильная дисфункция», Maus «мышь» / Ratte «крыса». Да и эвфемизм warmer Bruder «горячий брат» для обозначения гомосексуала знакомо Германии с XVIII века [Müller 2015].

В религиозном дискурсе принято употреблять разные описательные обороты вместо прямых обозначений к теме Tod «смерть»: в ритуальных действиях, на эпитафиях, в некрологах и др., ср., verschieden, heimgerufen «умерший» / «усопший» / «отошедший на постоянное место», Augenf*ü*rimmerschlie*ß*en «навсегда закрыть глаза». В этой теме ведущей является метафора сна, ср., eingeschlafen, sanftentschlafen «спать спокойно» / «сладко / навеки заснуть».

Культурно-обусловленной и одновременно часто используемой для «благородного» говорения областью считается политический дискурс. Хотя в зависимости от политической установки языковые нормы нередко оспариваются, они, тем не менее, скрываются в широко известном термине «политкорректность». Она направлена на избежание обозначений и высказываний, которые могут содержать негативные суждения об обсуждаемых лицах и их жизненных обстоятельствах. Вместо обидных и уничижительных слов коннотативно-нейтральные слова призваны засвидетельствовать на языковом уровне уважение к собеседнику. Примером тому может стать существующее с недавнего времени, повсеместно распространенное и справедливое по отношению к инвалидам выражение Menschenmitbesonderen Bed*ü*rfnissen, досл. «люди с особыми потребностями» – «люди с ограниченными возможностями». Таким образом, через язык инвалидность и связанные с этим физические недостатки человека становятся менее заметными.

К этой дискурсивной сфере относится также эвфемистическое обозначение определенных народностей в немецком языке. Например, имя жителей бывшей восточной Пруссии Samen звучит более корректно, чем имя жителей Лапландии Lappen; Inuit «инуит» употребляется вместо Eskimos «эскимос», а

Romaund Sinti «рома и синти» вместо Zigeuner «цыгане», хотя этими двумя народностями не исчерпываются все цыганские племена [Müller 2015].

Прототипический и часто приводимый пример «облагораживания» обозначения народностей и групп населения очевиден в случае с темнокожими людьми. Слово Mohr «мавр» обозначало в древневерхненемецком языке африканские племена – мавров, исповедовавших ислам. Позже его сменило слово Neger «негр», заимствованное в XVII в. из французского языка и пришедшее из lat. Niger ‘schwarz’ «черный» [EW 1963: 484].

До середины XX в. эта лексема считалась оценочно-нейтральной, пока в США не возникло движение за гражданские права с требованиями не называть проживающее там темнокожее население словом, содержащим предрассудки, связанные с его прошлым порабощением и расовым разделением. Во второй половине XX в. слово Neger «негр» стало все больше восприниматься в немецкоговорящем пространстве уничижительно, по аналогии с английским negro, близко стоящим с ругательным Nigger.

Слово Farbige «цветные», сменившее предыдущее Neger, в прямом смысле обозначавшее людей с красным и желтым цветом кожи, не удержалось в языке. Фаворитом в этом ряду лексем долгое время оставалось Schwarze «черные». Возникшее в США слово Afroamerikaner «афроамериканцы» является оценочно-нейтральным, этимологически мотивированным обозначением наряду с Hispano-Amerikaner «латиноамериканцы» и Anglo-Amerikaner «англоамериканцы». Аналогично этому живущие в Германии люди африканского происхождения именуются Afrodeutsche «афронемцы», хотя для Австрии употребление этой лексемы не характерно.

Для политического дискурса типично также выражение социально-общественного статуса. Так как высокий статус всегда воспринимается лучше, то люди ищут поводы выглядеть солиднее. Этим объясняется востребованный феномен более значительно представить ту или иную профессию. Так, еще вчера именуемая должность «секретарь ректора» сегодня получает новое обозначение «заведующий приемной ректора», сопровождаемое небольшими финансовыми издержками вуза. Таким же образом Putzfrau / Putzhilfe / Scheuerfrau «уборщица» (часто шутливо) приобрела оценочное «повышение» в лексеме Raumpflegerin, досл. «ухаживающая за помещением», Reinigungskraft «персонал по уборке» и исключительно шутливо Parkettkosmetikerin «косметолог паркета». Профессия Kinderg*ä*rtnerin «воспитательница детского сада» в законодательных текстах произведена в Kindergartenp*ä*dagogin «педагог детского сада», а B*ü*rogehilfin «офисный помощник» (в данном случае женщина) переименован в Fachkraftf*ü*r B*ü*rokommunikation «специалист по офисной коммуникации», то есть с более высоким статусом в значении.

Специфическим способом реализации эвфемии можно признать мотивированное опущение слов, известное еще в прежние времена и существующее в некоторых контекстах сегодня в письменном дискурсе. Так, известный австрийский композитор Франц Йозеф Гайдн, как это было принято в его время, сознательно (из вежливости) отказывался в своих письмах от слова ich «я», так как в почтительном общении это воспринималось как выражение излишней категоричности и эгоцентризма [Haydn 1965].

Этот феномен обусловливается т.н. магическим табу и, в соответствии с правилами, прослеживается иногда в наши дни в письмах со строгой стилистикой. Употребление личного местоимения wir и безличного es в предложении Esfindensichin Ihrer Arbeit Fehler «В Вашей работе есть ошибки» или Siehaben Fehlergemacht «Вы допустили ошибки» вместо Ichhabe Fehlergefunden «Я обнаружил ошибки» и другие стилистические приемы объясняются стремлением пишущего избежать ich «я» [Luchtenberg 1985: 104]. Этот прием является мотивированным смягчением языковой агрессии, нередко используемым и в других дискурсивных практиках, например, научных.

Эвфемизмы существуют также как ретуширующие истинное значение языковые единицы в военной сфере. Слово Kollateralschaden «сопутствующий ущерб» в наши дни почти вошло в общий словарь. Им обозначается ущерб, причиненный в результате предпринятого военного наступления, сопровождаемого разрушением гражданских сооружений, убийством гражданских лиц и др. Этим эвфемизмом уменьшаются опустошительное действие и лежащая в его основе агрессия до положения дел, которое возникло попутно, ср., lat. lateral = ’seitlich, nebenbei‘ «между делом». Возмущение общественности по поводу цинизма, выражаемого употреблением этого эвфемизма, вылилось в то, что он на ежегодно проводимой в Германии конференции «Слово года» в 1999 году был занесен в «черный список». В свою очередь слово с маскировочной функцией Milit*ä*rschlag «военный удар» в последние годы стало регулярно употребляться вместо Angriffskrieg «наступательная война». Показательным примером в этой теме служит также выражение ethnische S*ä*uberung «этническая чистка», замещающее слова V*ö*lkermord «убийство народа» или в лучшем случае его Vertreibung «изгнание». К этому ряду можно отнести также акроним с маскирующей функцией Anti-IS-Einsatz «применение противопехотных средств».

Итак. Предпринятый анализ эвфемизмов в немецком языке высветил их когнитивные особенности, заключающиеся в передаче измененного исходного значения языковой структуры, позволил установить их полидискурсивный характер и проследить реализацию целого ряда их дискурсивных стратегий.

Литература

Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. IV. С. 25-77.

EW – Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / bearb.von Walther Mitzka. 19. Aufl. Berlin: Walter de Gruyter & CO, 1963.

Haydn J. Gesammelte Briefe und Aufzeichnungen / Dénes Bartha (Hrsg.). Kassel: Bärenreiter, 1965.

Luchtenberg S. Euphemismen im heutigen Deutsch. Mit einem Beitrag zu Deutsch als Fremdsprache. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1985.

Müller W. Was bedeutet Tabu und was kann tabu sein? // Der Sprachdienst. 4-5. 2015. Jahrgang 59. S. 142-150.

N.A. Golubeva (Nizhny Novgorod, Russia)
Nizhny Novgorod State Linguistics University

POLIDISCURSIVE ASPECT OF EUPHEMIA

The article deals with cognitive and discursive peculiarities of euphemia as a universal linguistic phenomenon. The research is done on the basis of the German language. The author defines polydiscursivenes sasanability of a linguistic phenomenon to implement not the internal but external perspective of the discourse. In the analysis of different kinds of discourse the specific ones are emphasized.

Key words: discursive strategy, cognitive space, polydiscursiveness, perspective, euphemia.

Л.А. Голышкина *(Новосибирск, Россия)*
Новосибирский государственный технический университет
ludmila200273@mail.ru

КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ РИТОРИКИ ДЕКОДИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются когнитивно-коммуникативные основания риторики декодирования – формирующегося филологического направления, нацеленного на реконструкцию текстообразующего замысла субъекта речи. Риторическое декодирование опирается на концептуальные идеи текста-образца, модели коммуникативного контекста и коммуникативно-когнитивных корреляций.

Ключевые слова: риторика декодирования, текст-образец, риторический текст, типологические свойства текста, модель коммуникативного контекста, текстообразование, коммуникативный акт.

Разрабатываемая нами концепция риторики декодирования вписывается в русло исследований, связанных с изучением процессапонимания текстов, что представляется особенно актуальным в ситуации, когда в мире становится «все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла» (Ж. Бодрийяр).

Так, В. Кинч и Т. ван Дейк отмечают: «…Нет единого, целостного процесса “понимания”. Каждый раз, когда мы пытаемся вникнуть в процесс понимания дискурса, он кажется чуточку иным. Поэтому нужны как раз основы исследования, ряд принципов и методов анализа, которые можно приложить к конкретным случаям» [Дейк ван, Кинч 1988: 204].

Фокус внимания риторики декодирования направлен на реконструкцию текстообразующего замысла продуцента, оцениваемого с позиции соответствия / несоответствия риторическим представлениям об эффективном тексте, оказываемом желаемое воздействие на реципиента, что требует обращения к когнитивно-коммуникативным аспектам текстообразования.

Обозначим когнитивно-коммуникативные основания риторического декодирования.

1. Риторический текст как ментальный образец

Распознавание текстообразующего замысла возможно при наличии у декодирующего системы представлений о тексте-образце, или тексте-эталоне, ко-

торый выступает в терминологии исследователей в качестве «заданного результата», «модели потребного будущего» (Н.А. Берштейн), «образа результата» (А.А. Леонтьев), «ориентировочного образа действия» (П.Я. Гальперин), «ментальной модели» (Е.С. Кубрякова). Здесь получает воплощение идея выделения прототипа, который Н.Н. Болдырев, обобщая опыт зарубежных исследователей, определяет как ментальную репрезентацию, или когнитивный ориентир категории: какой-либо образ, схему, идеал, стереотип, набор общих характеристик, гештальт; иными словами, концепт, лежащий в основе формирования категории [Болдырев 2012: 37].

Мы исходим из следующего положения: риторика декодирования основывается на реконструировании представлений продуцента о тексте-образце, воплощающем риторический текстообразующий код, распознавание и интерпретация которого позволяют диагностировать эффективность / неэффективность текста как результата коммуникативно-когнитивной деятельности.

В рамках предлагаемой концепции таким текстом-образцом выступает т.н. риторический текст – абстрагированный от конкретного жанрового воплощения текстотип, созданный согласно риторическому канону как технологии эффективного текстообразования и характеризующийся определенными типологическими параметрами. В систему последних входят: публичность; актуальность, легко масштабируемая на массовую аудиторию; акциональность; диалогичность как результат авторства и адресности; осознанность как целенаправленное следование риторическому канону, предписывающему поэтапное текстопроизводство от создания ментального сценария до его вербализации; персуазивность, основанная на аргументированности [Голышкина 2019: 96-97].

Система типологических свойств риторического текста есть свидетельство категоризации объекта на субординатном уровне, требующем «специальных знаний, т.е.... отличительных признаков» [Болдырев 2012: 45].

При этом очевидна коммуникативная природа выявленных признаков текстуальности риторического типа.

2. Модель коммуникативного контекста как когнитивная основа текстообразования

Необходимость выхода за границы собственно текстовой структуры в коммуникативный контекст как методологическое условие изучения феномена текста не раз отмечалась исследователями. Так, Е.С. Кубрякова, определяя текст как сложный или даже сверхсложный знак, у которого должна быть своя интерпретанта, указывает на обязательность выхода за пределы языковых форм, содержащихся в самом тексте [Кубрякова 2001]. В свою очередь Е.Ф. Тарасов, трактуя текст как превращенную форму реальной действительности, подчеркивает, что в тексте, кроме собственно передаваемого сообщения, есть «информация, которая закодирована в языковых знаках… и которая позволяет косвенным образом на основе анализа текста получить сведения о самом коммуникативном акте и его элементах» [Тарасов 2009: 104].

Соответственно, риторическое декодирование предполагает возможность извлечения из текста представлений продуцента об исходном комму-

никативном контексте. Аргументом здесь выступает мысль Т. ван Дейка о построении текста путем хранения в памяти модели коммуникативного контекста (далее МКК – *Л. Г.*), содержащей информацию об участниках речевой коммуникации, их целях, о типе социальной ситуации, к которой должен быть приложим строящийся текст. При этом МКК контролирует как стиль, так и содержание, определяет информацию о ситуации, которая должна быть передана в тексте, и, наконец, указывает на то, какой тип текста должен быть построен [Дейк ван 2015: 170-171]. Кроме того, знание участника коммуникации о типе текста «складывается путем неоднократного соотнесения текста с прототипическими моделями на различных уровнях» [Heinemann, Viehweger 1991: 147].

Очевидно, что МКК как структура представления знаний выступает в качестве когнитивного коррелята коммуникативной ситуации, ядро которой составляют компоненты коммуникативного акта. МКК обусловливает продуцирование текста, определяет его типологическую специфику, регулирует его эффективность как инструмента коммуникативного взаимодействия.

3. Коммуникативно-когнитивные корреляции как индикаторы природы риторического текста

Поскольку риторический текст в дискурсивной практике исповедует принцип эффективности коммуникативной интеракции, то изучение его специфики и механизмов формирования «привязано» к коммуникативному акту как к прототипическому ориентиру.

Структуру коммуникативного акта мы рассматриваем во взаимообусловленности и взаимосвязи таких составляющих, как коммуниканты, система коммуникативных замыслов, состоящая из практических и коммуникативных целей, обстоятельства общения, процессы вербализации и понимания, коммуникативный текст [Городецкий 1989].

Обращение к структуре коммуникативного акта позволяет установить следующие корреляции между его компонентами и свойствами риторического текста: коммуниканты / авторство и адресность, как следствие – диалогичность; практическая цель / акциональность; коммуникативная цель / персуазивность; обстоятельства общения / публичность; процессы вербализации и понимания / ориентация на актуальность предмета речи для реципиента; коммуникативный текст / технологическая осознанность текстообразования.

Коммуникативно-когнитивные корреляции отражают интерпретативную попытку осмысления природы риторического текста как ментального образца, воплощающего идею эффективного текстообразования.

С нашей точки зрения, текстовая эффективность обеспечивается актуализацией и сохранением в тексте всего комплекса типологических признаков, ориентированных на коммуникативный акт, что и формирует риторичность. Для текста нериторического типа это условие не является директивным. В связи с последним суждением сошлемся на В.Е. Чернявскую, которая, не связывая текстуальность с текстотипологической спецификой, определяет ее с общих позиций когнитивного подхода как «узел *инвариантных признаков*, характеризующих текст как результат и как процесс текстопорождения, *реализующихся вариативно* с той или иной полнотой в различных языковых и социальных практиках» (Курсив оригинала – *Л. Г.*) [Чернявская 2005: 82].

Безусловно, представленные теоретические основания требуют дальнейшего изучения, но обозначенный принцип пересечения когниции и коммуникации, так или иначе, открывает перспективы развития такого исследовательского направления, как риторика декодирования.

Литература

Болдырев Н.Н. Теоретические аспекты языковой категоризации // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. X. С. 17-120.

Голышкина Л.А. Полиаспектность композиционной структуры риторического текста // Научный диалог. 2019. № 10. С. 94-109. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-94-109.

Городецкий Б.Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 24. Компьютерная лингвистика. М.: Прогресс, 1989. С. 5-31.

*Дейк Т.*А. *ван, Кинч В.* Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 153-211.

Дейк Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2015. 320 с.

Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. М., 2001. Т. 1. С. 72-81. URL: http://www.philology.ru/linguistics1/kubryakova-01.htm (дата обращения: 06.01.2020).

Тарасов Е.Ф. К построению теории речевой коммуникации // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. С. 5-147.

Чернявская В.Е. Когнитивная лингвистика и текст: необходимо ли новое определение текстуальности? // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 2. С. 77-83.

Heinemann W., Viehweger D. Textlinguistik. Eine Einführung. Tübingen: Niemeyer, 1991.

L.A. Golyshkina (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University

COGNITIVE AND COMMUNICATIVE FUNDAMENTALS FOR DECODING RHETORIC

The article discusses the cognitive and communicative fundamentals for decoding rhetoric – anemerging philological area aimed at reconstructing of text forming intention of the subject of speech. Decoding rhetoric is based on the conceptual ideas of the sample text, the model of communicative context and the communicative and cognitive correlations.

Key words: decoding rhetoric,sample text,rhetorical text, typological features of the text, model of communicative context, text formation, communicative act.

V.S. Grigoriewa (Tambow, Russland)
Tambov State Technical University
grigoriewa@mail.ru

KOGNITIVE MECHANISMEN DER VERBALEN INTERAKTION IM DIALOGISCHEN DISKURS

Die Forschung der interpretativen Funktion der Sprache in der sekundären Bedeutung gibt die Möglichkeit, die kognitiven Mechanismen der verbalen Interaktion im dialogischen Diskurs zu untersuchen. Es wird hervorgehoben, dass die kognitiven Interpretationsmechanismen im Dialog in zwei Klassen unterteilt werden können: kognitive Mechanismen, die vom Adressaten verwendet werden, um die Bedeutung und den Sinn der Aussagen zu programmieren, und kognitive Mechanismen, die vom Empfänger verwendet werden, um sie zu erkennen. Der Umfang des Artikels erlaubte es uns, einige der identifizierten Mechanismen zu beschreiben.

Schlüsselwörter: kognitiver Mechanismus, interpretative Funktion, sekundäre Interpretation, Sprachinteraktion, Metaphorisierung, Implikation.

In Studien zur kognitiven Linguistik unterscheidet man zwei Haupttypen der sprachlichen Interpretation, die sich nach ihrem Gegenstand, ihren Mitteln und Zielen unterscheiden. „Dies ist eine Interpretation der Welt und des Wissens über die Welt in einer Sprache oder eine primäre und sekundäre Interpretation“ [Болдырев 2014: 21]. Die Organisation des dialogischen Diskurses beinhaltet in der Regel die kognitiven Mechanismen der sekundären Interpretation. Es sei unterstrichen, dass sich die sekundäre Interpretation auf die subjektive Interpretation bezieht, die auf der in lexikalischen Kategorien dargestellten primären Interpretation basiert. Das Objekt in diesem Fall ist das existierende kollektive Wissen über die Welt, über die Kategorien von Objekten und Ereignissen. Das Ergebnis der sekundären Interpretation ist ihre subjektive Interpretation, Bewertung von Objekten und Ereignissen im Hinblick auf gemeinsame Werte, kollektive Normen, Stereotype und Bewertungskategorien.

Das Problem der Wissensrepräsentation der kommunikativen Interaktion wirft eine Reihe besonderer Fragen auf, die mit der Methodik der modernen Sprachforschung verbunden sind, wobei ein neues kognitiv-diskursives Paradigma des Wissens als integrierende Wissenschaft vorgestellt wird. Die Bedeutung der Aussage hängt direkt von der Absicht des Empfängers ab, der eine direkte Komponente und ein Motor der Sprachinteraktion ist. Die Besonderheit der Situation der Diskursgenerierung besteht darin, dass die Diskursgenerierung die Reaktion des Adressaten auf die Entstehung einer problematischen Situation ist. „Die Hauptsache bei der Sprechaktivität ist die Umsetzung der kommunikativen, semantischen Aufgabe des Sprechers. Der Sprechakt ist dem Ausdruck eines bestimmten Sinnes untergeordnet und wird von den Mechanismen bestimmt, die auf eine oder andere Weise seiner Übermittlung dienen“ [Кубрякова 1986: 100].

Das Interaktionsszenarium setzt das Vorhandensein und das Zusammenwirken von kognitiven, semantischen, semiotischen, pragmatischen, psycholinguistischen, kulturellen und anderen Bestandteilen voraus, die als Filter und Informationsbrechungsvektoren im Kommunikationsprozess fungieren. Die Informationen, die während der Kommunikation erzeugt werden, unterliegen mehrfachen Veränderungen: Es kommt zu einer Reduktion und Transformation der Sprachstrukturen; Anpassung

der ausgehenden Nachricht an den Status, das Alter, das Geschlecht und andere Merkmale des Gesprächspartners in der Kommunikation. Der Empfänger nimmt die produzierten Informationen entsprechend seinem Weltbild wahr.

Die Anwendung der konzeptuellen Integrationstheorie auf die Analyse der Sprachinteraktion ermöglicht es uns, die Mechanismen der Überzeugung und des Einflusses auf den Gesprächspartner zu identifizieren und zu beschreiben. Die kognitiven Mechanismen, die an der Bildung des dialogischen Diskurses beteiligt sind, sind in der modernen Sprachliteratur noch nicht ausreichend klar definiert, was sich in der Verwendung unterschiedlicher Terminologie bei ihrer Bezeichnung widerspiegelt. Die beliebtesten sind: **Profilieren** (Auferlegen eines Profils auf eine beliebige Grundlage, d.h. Hervorheben eines separaten Elements von dieser Grundlage), **Spezifizieren** (Konkretisieren) - Darstellen eines bestimmten Inhalts mit einem bestimmten Konkretisierungsgrad, **Perspektivierung** - Isolieren eines Objekts von vielen anderen Objekten, **Inferenz** oder Ableiten - Erhalten der Ausgabedaten bei der Verarbeitung von Informationen und Sprache und der Ausgabewert selbst, **Analogie** als Mechanismus mit doppeltem Verwendungszweck (sieh: [Григорьева 2014]).

Es sollte jedoch beachtet werden, dass die meisten dieser Mechanismen bei der Analyse der Bedeutungsbildung im Prozess der Nominierung einzelner Objekte, Aktionen und anderer Artefakte sowie der Bildung der Bedeutung und des Sinnes einer Aussage in der Rede eines Adressanten identifiziert wurden. Die Rolle des Adressaten im dialogischen Diskurs ist nicht weniger wichtig. Das Kommunikationsziel von Replikaten wird erreicht oder nicht erreicht, was von der Antwort des Empfängers abhängig ist, davon, ob der Empfänger die Absicht des Adressanten richtig verstanden hat, ob er sie zur Kenntnis nehmen oder ignorieren will. Unserer Meinung nach können die kognitiven Mechanismen der Interpretationsfunktion bedingt in zwei Klassen unterteilt werden: kognitive Mechanismen, die vom Empfänger verwendet werden, um die Bedeutung diskursiver Aussagen zu verbreiten, und kognitive Mechanismen, bei denen es sich um Programmiertechniken handelt, um die vom Adressaten verwendete Reflexionsposition einzugeben. Im letzteren Fall „baut“ das Texterzeugerprogramm den Verständigungsprozess für den Empfänger auf. Wörter, die dieselbe Situation beschreiben, tun dies anders, indem sie bestimmte Aspekte hervorheben und den Rest der Bedeutungen in dem Schatten bleiben lassen. Der Wunsch des Autors, genau und vollständig seine eigenen Gedanken auszudrücken, lässt ihn bestimmte Mittel auswählen und sie im Diskurs auf eine bestimmte Weise organisieren. Der Kommunikant lässt sich von einem bestimmten Wahrnehmungsmodell leiten. Die Gegebenheit der Wahrnehmung, der Wunsch, ihre Wirkung vorherzusagen, ist ein Element der kreativen Arbeit des Autors von Aussagen in Bezug auf die Suche nach kognitiven Mechanismen, die seinen Plan am genauesten verkörpern. Der Umfang des Artikels erlaubt es uns nicht, alle Mechanismen dieses Typs zu analysieren, die wir identifiziert haben. Wir werden einige von ihnen nennen.

Einer der wirksamen Mechanismen der Interpretationsfunktion des Adressaten ist der **Metaphorisierungsmechanismus,** der auf einer Metapher als Operation und Verfahren der Darstellung der Realität beruht. Der Zweck der Metaphorisierung besteht darin, dem Produzenten zu helfen, in seiner Aussage eine pluralistische, verdichtete Bedeutung zu reflektieren. Das Vorhandensein einer Meta-

pher hilft dem Empfänger, ein solches semantisches Mosaik in der diskursiven Leinwand wahrzunehmen, das nicht adäquat durch eine synonyme Äußerung dargestellt, sondern adäquat interpretiert werden kann.

Der kognitive **Implikationsmechanismus**, der eng mit den Phänomenen der Redundanz und Komprimierung in der Sprache verbunden ist, ermöglicht es uns, ein solches verwandtes Konstrukt als Subtext auszudrücken. In diesem Fall kann der Subtext im engeren Sinne als zusätzliche Information zum Text verstanden werden und manchmal im Widerspruch dazu stehen und im weiteren Sinne als impliziter Inhalt der Sprache sein. Die Verwendung dieses Mechanismus von dem Kommunikanten zeigt, dass ihm ein hohes Maß an Kreativität inhärent ist. Kreativität manifestiert sich in der Tatsache, dass das Bewusstsein aus dem konzeptuellen Bild der Welt jene Assoziationen auswählt, die nicht außerhalb und im Gedächtnis des Adressaten existieren.

Einer der wichtigsten kognitiven Mechanismen in der Palette der Interpretationsfunktion des Adressaten ist die **Interiorisierung** des Kontextes dessen, was verstanden wird. In der Syntagmatik erkennt die lexikalische Einheit ihr semantisches Potenzial. In kontextuellen Beziehungen zu anderen Spracheinheiten wird die Bedeutung eines Wortes bestimmt und geändert.

Der Mechanismus der **Aktualisierung von Wissen** wird in jenen Fällen verwendet, in denen gewöhnliche Reflexion zusätzliches Wissen benötigt, um den Sinn der Äußerung zu verstehen. Der Adressat ist gezwungen, auf seine Erfahrungen bei der Suche nach dem erforderlichen Hintergrundwissen zurückzugreifen. Wenn der Diskurs die Realität einer fremdsprachigen Kultur darstellt, wissenschaftliche und technische Probleme, die nicht im Bilde der Welt des Adressaten sind, dann geht der Empfänger in diesem Fall über die bloße Wahrnehmung des Diskurses hinaus und versucht, die notwendigen Informationen durch Befragung zu erhalten.

Der Mechanismus der **erneuten Objektivierung** ist das Finden der Bedeutung „parallel“ zum Gesuchten und deren Darstellung durch „parallele“ diskursive Mittel. Die Herstellung des zweiten Zeichensystems zeigt die grundsätzliche Möglichkeit, zwei oder mehr Zeichensysteme mit gleicher Bedeutung zu kombinieren. In einem von ihnen muss es ein spezielles Zeichen geben, das aus einer Reihe von üblichen „herausfällt“, andere Mittel nicht stört und dadurch einen Hinweis auf einen anderen Kontext für die Interpretation des gesamten Zeichensystems anzeigt.

Der kognitive Mechanismus der **phänomenologischen Reduktion** provoziert die Bildung emotional-bewertender Beziehungen im Rezipienten, an deren Entstehung die Erfahrung des Kommunikanten im Bereich der objektiven Repräsentation beteiligt ist. Emotional-evaluative Beziehungen sind subjektiver Natur und werden oft in Form von Gestalten dargestellt. Der Empfänger mit einer lebendigen Vorstellungskraft überträgt seine Erfahrung leicht auf die ereignisbezogene Sphäre des Dialogs und stellt sich so in den Mittelpunkt der Ereignisse, um in die „alternative“ Welt des wahrgenommenen Diskurses einzutreten.

Das Studium der kognitiven Mechanismen der sekundären Interpretationsfunktion im dialogischen Diskurs ermöglichte es also, Folgendes zu identifizieren: den Mechanismus der Wissensaktualisierung, den Mechanismus der Interiorisierung des Kontextes des Verstehens, den Mechanismus der Implikation, den Mechanismus der Metaphorisierung, den kognitiven Mechanismus der phänomenologischen Reduktion. Der Effekt der kommunikativen Interaktion ist in einigen Fällen unvorhersehbar. Anstelle der geplanten Auswirkung auf den Adressaten wird der Adressant selbst

überredet. Dementsprechend kennzeichnen kognitive Transformationen in diesem Fall das Bewusstsein des Initiators des Dialogs.

Литература

Болдырев Н.Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XIX. С. 20-28.

Григорьева В.С. Когнитивные механизмы коммуникации в речевых жанрах аргументативного дискурса // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XVI. С. 18-29.

Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986.

V.S. Grigoryeva (Tambov, Russia)
Tambov State Technical University

COGNITIVE MECHANISMS OF VERBAL INTERACTION IN DIALOGICAL DISCOURSE

The article discusses the investigating possibility of the cognitive mechanisms of speech interaction in a dialogical discourse. It is pointed out that cognitive mechanisms of dialogue interpretation can be divided into two classes: the cognitive mechanisms used by the producent for statement sense programming and these used by the recipient for statement sense recognition. The article framework allowed describing of a few revealed mechanisms.

Key words: cognitive mechanism, interpreting function, recurrent interpretation, speech interaction, metaphorization, implication.

В.С. Григорьева *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный технический университет

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Исследование интерпретирующей функции языка во вторичном значении дает возможность выявить когнитивные механизмы речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе. Отмечается, что когнитивные механизмы интерпретирования в диалоге могут быть поделены на два класса: когнитивные механизмы, используемые адресантом для программирования смысла высказываний, и когнитивные механизмы, используемые адресатом для его распознавания. Рамки статьи позволили описать некоторые из выявленных механизмов.

Ключевые слова: когнитивный механизм, интерпретирующая функция, вторичная интерпретация, речевое взаимодействие, метафоризация, импликация.

Е.О. Губайдуллина *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)
makarova.eng@gmail.com

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗА СССР В АМЕРИКАНСКОМ ДИСКУРСЕ ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ[1]

В статье представлен фрагмент ретроспективного анализа образа СССР на материале американских архивных текстов. Благодаря открытому доступу к оцифрованному архиву California Digital Newspaper Collection был сформирован массив данных за период с 01.09.1939 г. по 02.09.1945 г. Предположение, положенное в основу исследования, состоит в том, что союзнические отношения между США и СССР во Второй мировой войне окажут влияние на формирование образа Советского Союза в американском дискурсе.

Ключевые слова: американский дискурс, метафора, ретроспективный анализ, Вторая мировая война, образ СССР.

В настоящей статье представлен фрагмент исследования образа СССР в американском дискурсе. Хронологические рамки охватывают период Второй мировой войны (1939–1945). Благодаря открытому доступу к оцифрованному архиву California Digital Newspaper Collection [CDNC] был сформирован массив данных за период с 01.09.1939 г. по 02.09.1945 г., который позволил проанализировать восприятие образа Советского Союза и взглянуть глазами современников Второй мировой войны на события войны и ее главных участников.

Исследование включает поэтапное описание метафорического образа СССР в период Второй мировой войны, последовательность событий представлена тремя этапами: начало Второй мировой войны (1939–1940); нападение фашистской Германии на СССР (1941–1943); заключительный этап Второй мировой войны (1944–1945).

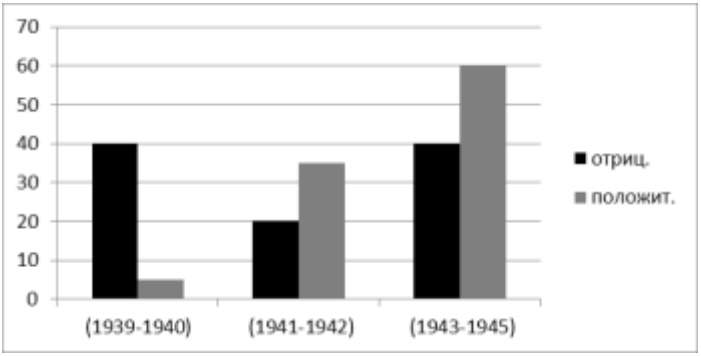


Рис. 1. Сравнительная диаграмма репрезентации образа СССР в американском политическом дискурсе

[1] Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-012-00192

Процентное соотношение метафорических контекстов с положительным и отрицательным эмотивным потенциалом, нацеленных на репрезентацию образа СССР в американском дискурсе, представлено на рисунке 1.

Начало Второй мировой войны (1939–1940). Выявлено, что наибольший процент негативных метафорических контекстов, используемых для репрезентации образа СССР, был зафиксирован во время Советско-Финской войны (30 ноября 1939 – 13 марта 1940). Авторы статей рассматриваемого периода осуждали Советский Союз, который напал на маленькую и беззащитную Финляндию. Наиболее востребованной при репрезентации СССР в этот период является зооморфная метафорика, лидирующую позицию занимает «медвежья» метафора. Отечественные исследователи отмечают, что употребление зооморфизмов связано с их насыщенностью негативными прагматическими смыслами «чуждости», направленными на формирование негативного образа политического противника и в принципе типично для репрезентации России в разных хронологических срезах [Будаев, Чудинов 2008; Катермина 2017; Макарова 2019; Посохова 2008; Солопова, 2013, 2015, 2020; Чудинов 2003]. «Медведь» выражает не столько языковую, сколько символическую семантику – это неуклюжее, косолапое животное: The Finnish rulers naively believe they are dealing with a kind of clumsy Russian bear and impudently try to twist his tail. This is the most dangerous game! (15 November 1939, San Pedro News Pilot). Автор статьи не советует недооценивать врага (a kind of clumsy Russian bear / *некий неуклюжий русский медведь)* и наивно полагать, что внешний образ не всегда соответствует действительности. Использование словосочетания (twist smb's tail / *прищемить, накрутить хвост кому-л., выступать с нападками на кого-л.)* не случайно [Cambridge 1995]. Прищемить хвост животному (одна из чувствительных частей тела) – значит вызывать беспокойство, перерастающее в ярость, о чем и свидетельствует предостережение: This is the *most dangerous game! / Это самая опасная игра*! А прилагательное в превосходной степени (the most dangerous) указывает на наивысшую точку проявления признака, предвещая неблагоприятный исход события. Отрицательная оценочность, заложенная в зооморфной метафоре в период начала Второй мировой войны, транслирует смыслы силы, варварства и агрессии: The great Russian bear is walking over Finland, not in the white snow, but in the red blood of the Innocent Finnish people (Palos Verdes Peninsula News, Vol. XII, № 3, 8 December 1939).

Нападение фашистской Германии на СССР (1941–1942). С момента нападения фашистской Германии на Советский Союз и вынужденного вступления СССР в войну образ СССР приобретает положительную окраску: It doesn't make any difference what we think of the Russian System or the Russian people. It is what the Russians think of themselves. They regard themselves as free citizens of a great country, and as such they will smash the armies of slaves Hitler has sent against them! And the only way the world can free itself from Hitlerism is through World-Wide aid to Russia (San Pedro News Pilot, Volume 14, Number 226, 24 November 1941). Авторы американских статей начинают использовать другие зооморфные образы при репрезентации СССР: Russia faces a crucial food and fuel shortage. Starvation behind the

Russian front would be as disastrous in the long run as our refusal to come to that country's aid. For a starving man though he has the heart of a lion cannot go on fighting (San Pedro News Pilot, Volume 15, Number 189, 12 October 1942). У голодающего русского народа (a starving man) – сердце льва (the heart of a lion), храброе и отважное.

Заключительный этап Второй мировой войны (1943–1945). Активизация отношений сотрудничества между США и СССР положительно оценивается американской прессой: One that is going beyond whatever need there might be for creating a friendly spirit towards America in Russia (Madera Tribune, № 204, 28 October 1943). СССР постепенно включается в круг «своих» и становится «другом», «лучшим другом», «будущим другом»: Lecturer Pictures Russia as Potential Great Friend of U.S. (San Pedro News Pilot, Vol. 17, № 85, 13 June 1944). Несмотря на конфликтные ситуации и политические разногласия, союзные страны старались поддерживать и укреплять дружеские отношения: When victory comes America should look to Russia rather than Britain as her greatest friend of the future (Madera Tribune, Vol. LII, № 158, 1 September 1944). В американском дискурсе акцентируется, что в будущем СССР является одним из главных действующих лиц в Европе: Russia might possibly become the nucleus of a United States of Europe (San Pedro News Pilot, Vol. 17, № 85, 13 June 1944). Будущее Европы моделируется по аналогии с самими США: в Соединенных Штатах Европы СССР – ЭТО ЯДРО, главный компонент европейского государственного организма, основа для его будущего существования. Неуверенность, но возможность, некоторое сомнение и предположение автора в подобном развитии ситуации в будущем выражается с помощью модального слова possibly *(вероятно)* и модального глагола might. В целом, в данном хронологическом срезе (заключительный этап Второй мировой войны) образ СССР в американском политическом дискурсе моделируется преимущественно в позитивном ключе.

Экстралингвистический контекст: военные действия, отношения США и СССР до вынужденного вступления последнего в войну, союзнические отношения между странами – влияют на доминирование либо отрицательных, либо положительных образов в репрезентации образа СССР в зависимости от выбранного периода Второй мировой войны. Негативизация образа СССР в начале Второй мировой войны, транслируемые смыслы агрессии и жестокости противопоставлены мелиоративности образа союзника на заключительном этапе.

Литература

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая метафорология. Екатеринбург, 2008. 248 с.

Катермина В.В. Экспрессивный потенциал метафоры в массмедийном дискурсе (на материале английских зооморфных метафор) // Герменевтический круг: текст-смысл-интерпретация: сборник научных статей. Армавир, 2017. С. 154-159.

Макарова Е.О. Зооморфная метафора в американских текстах периода Второй мировой войны // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: материалы IV Международной научно-практической конференции. Минск: БГУ, 2018. С. 27-33.

Посохова Я.А. Зооморфная метафора как способ моделирования образа враждебной России в англоязычных СМИ // Политическая лингвистика. 2008. № 3 (26). С. 88-94.

Солопова О.А. Когнитивно-дискурсивная ретроспекция: исследование моделей будущего в политическом дискурсе: монография. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2013. 175 с.

Солопова О.А. Диахроническая сопоставительная метафорология: исследование моделей будущего в политическом дискурсе. М.: Флинта: Наука, 2015. 312 с.

Солопова О.А. Ключ к будущему: прогностические смыслы политической метафоры (на материале британских текстов о России периода Великой Отечественной войны) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 161-177.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2003. 238 с.

Cambridge advanced learner's dictionary. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 1774 с.

CDNC – California Digital Newspaper Collection. – http://cdnc.ucr.edu/cgi-bin/cdnc (дата обращения: 15.03.2020).

E.O. Gubaidullina (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University (National Research University)

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE IMAGE OF THE USSR IN AMERICAN DISCOURSE OF THE WORLD WAR II PERIOD

The article presents a fragment of retrospective analysis of American archival texts about the image of the USSR. Due to the open access to the digitized archive of the California Digital Newspaper Collection, there was formed an array of data in the specified time span (September 01, 1939 – September 02, 1945). The assumption underlying the study is that the allied relations between the United States and the USSR of the World War II period will influence the formation of the image of the Soviet Union in American discourse.

Key words: American discourse, metaphor, retrospective analysis, World War II, USSR.

К.В .Гудкова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный университет
gudkovakira@bk.ru

ДОМИНАНТНЫЙ ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА: НА ПРИМЕРЕ СПОРТИВНОГО КОММЕНТАРИЯ

В статье рассматривается доминантный принцип организации спортивного дискурса. В структуре спортивного дискурса репрезентируется иерархическая система специфических для данного дискурса доминант. Выде-

ляются доминанты различных уровней для дискурса спортивного комментирования.

Ключевые слова: когнитивные доминанты, спортивный дискурс, доминантный принцип, спортивный комментарий.

В современной лингвистике активно обсуждаются вопросы, связанные как с описанием когнитивной специфики дискурсов разных типов, так и вопросы, связанные с особенностями функционирования концептов в дискурсе. Объектом исследования настоящей статьи выступает спортивный дискурс, а именно спортивное комментирование как его жанр. Актуальность исследования определяется прежде всего вниманием к языку как когнитивному феномену и рассмотрением спортивного дискурса в когнитивной парадигме. В рамках когнитивно-дискурсивного подхода спортивный дискурс предстает как особый тип институционального дискурса, объединенный общностью тематики, дискурсивное пространство которого связано иерархическими отношениями и состоит из иерархически связанных дискурсо-образующих доминант. Таким образом, когнитивная специфика дискурса и проявляется в том, что в структуре дискурса репрезентируется система специфических для данного типа дискурса доминант.

Любое дискурсивное общение всегда основано на концептуальном взаимодействии, на определенном соответствии систем знаний участников общения. Поэтому особую значимость приобретают принципы организации дискурсивного пространства и активная роль участников общения и их характеристик. Поскольку в дискурсивном общении именно человек определяет выбор конкретных языковых средств, то можно предположить, что «система знаний человека и его взаимодействие с миром и другими людьми подчинены определенным приоритетам, выполняющим функцию когнитивных доминант, то есть организованы по когнитивно-доминантному принципу» [Болдырев, Григорьева 2018: 15].

Представляется, что выдвинутое положение относится и к дискурсивному общению, в том смысле, что построение дискурса также определяется определенными приоритетами, которые вербализуются в дискурсе в виде когнитивных доминант.

Спорт занимает все более важное место в культуре современного общества, без преувеличения можно сказать, что спортсмены на сегодняшний день являются знаковыми (доминантными) фигурами. Важной чертой спорта как концепта является также и то, что спорт имеет общечеловеческую природу, является концептом универсальным. Концепт СПОРТ можно отнести к числу активно транслируемых концептов, когда под транслируемостью понимается превращаемость, переход концепта от одной культуры к другой [Карасик 2009: 31]. Транслируемость является важнейшей дискурсивной характеристикой концептов спортивного дискурса и, можно сказать, что спортивный дискурс не имеет четко выраженную лингвокультурную специфику.

Поскольку дискурсивное пространство спортивного дискурса представляет собой иерархию доминант, можно выделить доминанты разных уровней. Прежде всего следует сказать, что любой дискурс являет собой отражение действительности в вербальной форме и поэтому как отражение действительности может быть характеризован бинарными оппозициями. Для спортивного дискурса, поскольку спорт – это прежде всего состязание, основной бинарной

оппозицией является оппозиция «победа – поражение» (winning – losing). Эта бинарная оппозиция является конститутивной для спортивного дискурса во всех его жанрах и проявлениях. Причем следует отметить, что в отличие от других институциональных типов дискурса бинарная оппозиция спортивного дискурса представлена не контрадикторными концептами, а конверсивными, которые описывают одну и ту же ситуацию с разных позиций. Указанная бинарная оппозиция характеризует спортивный дискурс в целом, независимо ни от конкретного жанра, ни от национально-культурной специфики, то есть является дискурсо-образующей доминантой самого высокого уровня, суперординатного, в терминологии прототипического подхода.

К базовому или срединному уровню иерархии можно отнести такие дискурсо-образующие доминанты, как «athletes», «commentator», «spectators», «supporters», то есть концепты, на которые влияет и жанр дискурса, и национальная специфика. К базовому уровню, например, относятся участники дискурса, дискурсивные события. Базовый уровень – это уровень, на котором содержится наибольшая часть нашего знания, поэтому к базовому уровню относятся типичные концепты, то есть те концепты, которыми оперирует обыденное сознание, все те концепты, которыми оперирует носитель языка, характеризуя какое-либо спортивное событие.

Концепты более низких иерархических уровней характеризуют уже специфические жанры спортивного дискурса, к ним относятся специфические понятия для определенного спортивного события. Например, для соревнований по скалолазанию к ним можно отнести такие понятия, как climber, route, hold.

В данной статье рассматривается спортивный комментарий как жанр спортивного дискурса. Прежде всего следует отметить особенности этого вида дискурса. Комментарий является инструментом аналитического действия, он нацелен на интерпретацию содержания и характеристик объекта, в ходе которого высвечиваются и характеризуются его наиболее важные стороны. Важной особенностью комментария является возможность не просто изложить факты, а поделиться собственным мнением, дать оценку событию.

Несмотря на отсутствие прямого собеседника, комментарий отличается диалогичностью. Комментатор играет роль того же зрителя, который находится на месте событий и ведет диалог с аудиторией, объясняя некоторые моменты, отвечая на импровизированные вопросы аудитории, давая свою оценку происходящему. С другой стороны, комментатор выступает не только в роли зрителя, но и в роли эксперта, так как комментарий предполагает экспертное объяснение. Оценивая положительно одни факты и отрицательно другие, комментатор ориентирует индивидуальное сознание реципиента в совершенно определенном направлении, то есть профилирует определенные доминанты. Высказывания комментаторов часто приобретают значение оценочных эталонов, поскольку мнение комментатора воспринимается аудиторией как экспертное.

Можно сказать, что комментатор интерпретирует действительность и делает это посредством языка, то есть использует язык в его интерпрети-

рующей функции. Речь спортивного комментатора регулируется определенными принципами, которые влияют на выбор языковых средств. Отличительной чертой спортивного комментирования является его онлайн характер. Дискурс строится по мере разворачивания события, то есть onthespot. Комментатор должен не только описать реальную картину происходящего спортивного события, то есть представить реальную картину в вербальной форме, но и дать своего рода экспертную оценку некоторым аспектам события и делает это он в онлайн режиме, по мере разворачивания события. Комментатор ориентируется в своем речевом дискурсе в основном не на специалиста, а на обычного зрителя, то есть на его (зрителя) систему знаний и представлений о данном событии, что и определяет его выбор речевых средств, а именно доминант.

Следует отметить, что занятия спортом и спортивные соревнования могут использоваться не только для физического развития человека, совершенствования его физических качеств, но и для других социально-значимых целей – например, для формирования у него определенных нравственных, эстетических, коммуникативных и других качеств и способностей. Все это говорит о ценностной составляющей спортивного дискурса и многоаспектности его аксиологической структуры. Поэтому оценочные доминанты играют значительную роль в спортивном комментировании.

Структура оценочного высказывания представлена тремя элементами: субъект оценки (в нашем случае субъектом оценки выступает комментатор), объект оценки и оценочный предикат [Вольф 2006: 12]. На основании анализа оценочных высказываний, то есть высказываний субъекта оценки, можно выделить объекты, которые подвергаются оцениванию. Эти объекты являются доминантами данного специфического типа дискурса, поскольку именно эти концепты находятся в фокусе внимания комментатора и именно к эти концептам он привлекает внимание слушателей и зрителей. И эти концепты принадлежат к низшему уровню иерархии дискурсивных доминант, поскольку они характеризуют специфический тип дискурса. В другом типе дискурса будут другие доминанты.

Источником материала для настоящей работы послужили комментирования в режиме реального времени пяти видеотрансляций соревнований по спортивному скалолазанию. На основании анализа оценочных высказываний комментатора были выделены следующие доминанты спортивного дискурса соревнований по скалолазанию:

Venue (место проведения соревнования)

Crowd (зрители)

Weather (погодные условия)

Athlete (спортсмен)

Route (трасса)

Ниже приведены некоторые примеры высказываний комментатора, которые послужили источниками для выделения доминант дискурса:

And you can see this is one of the most spectacular venues of the IFSC.

Semifinals took place in front of the typically large and knowledgeable Briancon crowd.

A very educated crowd, everyone here seems to be a climber, they really know what they are talking about.

My impression, I think … the mens route is a bit easier in comparison to WC standards, but it's a bit tricky, so some of the climbers can easily fall, and it would be really interesting to see what everybody has to do. I expect at least one top.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что дискурсивное пространство спортивного дискурса, которое является отражением фрагмента внеязыковой действительности, состоит из доминант разных уровней иерархии. К высшим уровням иерархии относятся доминанты, типичные для данного типа институционального дискурса. К низшему уровню относятся доминанты, характеризующие конкретный жанровый дискурс спортивного комментирования, и которые выделяются на основе его аксиологической структуры.

Литература

Болдырев Н.Н., Григорьева В.С. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 15-24.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: КомКнига, 2006. 280 с.

Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.

K.V. Gudkova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

DOMINANT PRINCIPLE OF SPORTS DISCOURCE ORGANIZATION: A CASE STUDY OF SPORTS COMMENTARY

The article deals with dominant principle of sports discourse organization. Hierarchical system of specific for a particular type of discourse dominants is represented in sports discourse. The dominants of different levels are investigated.

Key words: cognitive dominants, sports discourse, dominant principle, sports commentary.

А.Г. Гурочкина *(Санкт-Петербург, Россия)*
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
i.arkhipov@yandex.ru

ИМПЛИЦИТНАЯ ДЕЗИНФОРМАЦИЯ КАК ОСНОВНОЕ СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА В ПОЛЕМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕРАКЦИИ

В статье рассматривается феномен дезинформации как скрытое информационно-психологическое воздействие адресанта на адресата в процессе политического, полемического взаимодействия. Используемые адресантом в такого рода интеракции психолингвистические механизмы способствуют возникновению в сознании адресата иллюзий и заблуждений, провоцирующих его на совершение выгодных для адресанта речевых / неречевых действий.

Ключевые слова: информация, дезинформация, непрямая коммуникация, скрытое воздействие, имплицитные смыслы, манипулятивные технологии.

Одним из доминирующих жанров в политической интеракции является, по мнению многих исследователей, полемика – дебаты, дискуссии, споры. Данные разновидности представляют собой напряженный вид интеракции, многоступенчатый процесс ориентирующего взаимодействия индивидуумов, находящийся в прямой зависимости от онтологических и эпистемологических характеристик, связанных с человеческой природой, с политической языковой личностью, выступающей как перцептивно-когнитивный субъект, концептуализатор и категоризатор окружающей социально-политической среды. Познавая в процессе своей жизнедеятельности ее особенности и потенциальную направленность, такая политическая личность конструирует свой индивидуальный, специфический политический мир.

В процессе политической интеракции адресант-политик, основываясь на своих структуральных знаниях, сложившихся у него в результате длительного взаимодействия с политической средой, и феноменологических знаниях о себе и о мире, полученных посредством личного, индивидуального опыта, оказывает в процессе межличностного политического взаимодействия намеренное ориентирующее воздействие на сознание адресата (оппонента), а также других реципиентов (слушателей) при их наличии, с целью вовлечения их в сферу своих взаимодействий с миром, изменения существующей в их сознании политической картины мира так, чтобы это изменение вызвало с их стороны речевую / неречевую поведенческую реакцию, запланированную им.

Вместе с тем в науке практически на протяжении всего XX века бытовало мнение, что основная функция любого межличностного взаимодействия, в том числе политического, состоит в прямом обмене информацией между коммуникантами, и лишь в конце XX века в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы информация стала трактоваться не как прямая, не как некий «предмет», над которым можно проделывать различные операции по перемещению в пространстве и которым можно обмениваться, а как деятельность ориентирующего характера, модифицирующая поведение ориентируемого организма, как процесс, в ходе которого говорящий управляет тем, что происходит в сознании слушателя, в его когнитивной нише, как процесс координирования разных точек зрения при встраивании организма в среду, процесс уменьшения степени неопределенности в консенсуальной области межличностных взаимодействий [Maturana 1983; Кравченко 2011].

Базовой потребностью каждого человека, как отмечают когнитологи, является потребность получения и обновления знаний об окружающем мире, то есть процесс, в ходе которого человек формирует свою когнитивную нишу, жизненно необходимую ему для выживания в среде его обитания, и не существует, утверждают когнитологи, ни одного известного способа, обеспечивающего обмен этими когнитивными нишами между людьми в полном объеме [Мамардашвили 1999; Kravchenko 2007]. Порождение информации происходит на основе сигналов внешней среды [Меркулов 2004]. В непосредственном и опосредованном межличностном взаимодействии люди обмениваются сигналами – акустическими (в виде различных языковых форм, интонации и пр.), зрительными (в виде наблюдений различных предметов, объектов среды ми-

мики и жестов друг друга), тактильными и др., воздействующими на их организмы. Полученные из внешней и внутренней среды в оперативном режиме такие сигналы, с учетом значимого фона речи (актуальной ситуации взаимодействия, ее места, времени, участников общения и др.), активизируют определенные сегменты сознания коммуникантов, которые переводят материальные сигналы в биологические, нейронные, обусловливая формирование в сознании взаимодействующих субъектов когнитивные структуры (первичное знание), представляющие собой мысли, возникающие в индивидуальном сознании в ответ на воспринимаемые сигналы. Однако сигналами, генерирующими создание знания, становятся не все из них, а только те, которые представляют ценность для живых организмов (человека), которые вызывают изменения в их состоянии, детерминируя их последующее речевое / неречевое поведение с точки зрения выжить, способности приспособления к конкретным условиям среды и изменения ее для более комфортного в ней бытия [Zlatev 2003]. Далее в процессе жизнедеятельности человека когнитивные структуры углубляются и расширяются, обрабатываются и откладываются в долговременной памяти субъектов, трансформируясь в структуральное знание [Демьянков 2017].

Иными словами структуральное знание – это вторичный уровень информации, совокупность осмысленных сведений, представлений о чем-либо, приобретенных и накопленных человеком в результате опыта, зафиксированных в определенном наборе его навыков и умений. Это форма категоризации информации, полученной и обработанной не как часть эмпирического опыта индивида, но как обобщающий итог опыта поколений, сформированный в ходе социальных взаимодействий субъектов [Кравченко 2003].

Что касается основного отличия информации вторичного уровня от первичного, то последняя являет собой сведения (сообщения), передаваемые комммуникантами друг другу посредством различных сенсорно-моторных сигналов об объектах и явлениях окружающей среды, их свойствах и состояниях, которые воспринимаются и обрабатываются сознанием реципиента в режиме прямого доступа, в актуальных ситуациях интеракции. Такие сообщения снижают имеющуюся у реципиента степень неопределенности относительно актуальной среды и повышают эффективность его взаимодействий с ее различными сущностями.

Полемический политический дискурс представляет собой, как правило, противостояние общающихся, противоборство принципиально противоположных мнений по тому или иному вопросу. Главная интенция адресанта в рамках такого дискурса – отстоять свою точку зрения, опровергнуть мнение оппонента, навязать адресату выгодные адресанту ценности, оценки, установки, ориентировать его на необходимость совершения политически «правильных» поступков, т.е. побудить его к определенным речевым / неречевым социально-политическим действиям. В этой связи основное предназначение адресанта-политика в полемическом политическом общении состоит не в сообщении адресату какой-либо интересной, новой информации о мире, а во внедрении в сознание реципиента целенаправленной дезинформации. Владея объективной информацией, адресант-политик в ходе межличностного взаимодействия часто сознательно скрывает правду, вы-

бирая стратегию манипулирования, суть которой состоит в том, чтобы ввести реципиента в заблуждение, выдать неверную информацию как истинную, а правдивую – как ложную. При этом объем скрытой информации зависит от конкретной цели, которую адресант стремится достичь, ситуации общения, социального статуса оппонента, наличия / отсутствия потенциальных слушателей и др., в результате чего сокрытие правдивой информации может быть полным или частичным. В первом случае адресант просто «уходит» от тем, представляющих интерес для его реципиентов, во втором – замалчивается, скрывается только часть истинной информации, как правило, наиболее важная. Иными словами дезинформация – это либо намеренное утаивание адресантом определенных сведений, либо сообщение неверной информации с целью незаметно для реципиента изменить его восприятие и понимание окружающей среды в выгодном для адресанта ракурсе, то есть это стремление адресанта ввести реципиента в корыстных целях в состояние заблуждения, дезориентировать его, создать у него искаженное представление о неких фактах, событиях, субъектах.

Понятие «дезинформация» тесно связано с понятиями «ложь» и «обман». Вместе с тем эти понятия не рассматриваются как синонимичные. Так, ложь, по мнению исследователей, – это феномен общения, состоящий в намеренном искажении действительного положения вещей, когда проверить информацию невозможно, а обман – это некая полуправда, надувательство, очковтирательство, шарлатанство [Щербатых 2002].

Дезинформация как способ введения реципиента в заблуждение актуализируется в полемическом политическом дискурсе посредством различных манипулятивных приемов и стратегий. Для успешной реализации своей цели адресант-политик в превалирующем большинстве случаев выбирает непрямую коммуникацию, ключевым понятием которой выступает понятие имплицитности, предполагающее сокрытие адресантом своей интенциии, намеренное включение им в свои высказывания наряду с эксплицитными значениями различные имплицитные смыслы, которые задуманы и сформированы адресантом таким образом, что предполагают либо их неоднозначную интерпретацию адресатом, либо адресат вообще не осознает их наличие в высказывании. Смысловое пространство таких высказываний включает, таким образом, эксплицитный слой, к которому относится пресуппозиция, включающая компоненты, обладающие когнитивным, денотативным значением, и имплицитный слой, содержащий прагматическую информацию – разного типа имплицитные прагматические смыслы. Превалирующее большинство таких высказываний носит побудительный характер, посредством которых адресант оказывает скрытое воздействие на реципиента, навязывая ему свою модель мира, свои установки, определенные точки зрения, мнения, ценности, стереотипы, формируя тем самым посткоммуникативное речевое / неречевое поведение реципиента(ов) по задуманному им сценарию.

Наиболее распространенными приемами реализации дезинформации в полемическом, политическом взаимодействии являются: несоблюдение постулата количества (утаивание нежелательной, «ненужной», с точки зрения адресанта, информации), выборочное дозирование информации (сокрытие существенных деталей), постулата качества (внедрение в сознание адресата дезинформации

под видом объективной, истинной), придумывание информации (фейковая информация), максимы образа действия (у*меньшение значимости* – важная информация подается как мало значимая), прием размывания смысла (добавление различных домыслов), подтасовка фактов в соответствии со своей позицией (факты называются и излагаются в такой последовательности, что создается ложная картина) и др.

Успешности ведения политической полемики с использованием дезинформации в значительной степени способствуют знания и умения адресанта применять различные языковые приемы.

Литература

Демьянков В.З. Трансфер знаний и когнитивная манипуляция // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 4. С. 5-13.

Меркулов И.П. Эволюция. Мышление. Сознание (Когнитивный подход и эпистемология). М.: Канон +, 2004.

Мамардашвили М.К. О призвании и точке присутствия // Конгениальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили. М., 1999. С. 93-122.

Щербатых Ю.В. Искусство обмана. Популярная энциклопедия. М.: Эксмо-Пресс, 2002.

Kravchenko A.V. The semantics vs. pragmatics debate in the context of the orientational function of language // Yęzyk poza granicami języka 2. Semantyka a pragmatyka: spór o pierwszenstwo. Tom 1. Aspekty lingwistyczno-semiotyczne. Olsztyn, 2011. P. 11-23.

Kravchenko A. V. Essential properties of language, or, why language is not a code // Language Sciences. 2007. № 29 (5). P. 650-671.

Maturana H.R. On the misuse of the notion of information in biology // Journal of Social and Biological Structures. 1983. № 6. P. 155-158.

Zlatev J. Meaning = life (+ culture): An outline of a unified biocultural theory of meaning // Evolution of Communication. 2003. № 4 (2). P. 253-296.

A.G. Gurochkina (Saint Petersburg, Russia)
Russian State Pedagogical University named after A.I. Gerzen

DESINFORMATION AS ONE OF THE WIDESPREAD MEANS OF IMPLICIT SPEECH INFLUENCE ON RECIPIENT IN POLEMIC POLITICAL INTERACTION

The paper deals with speech influence of implicit controlled deceptive information on recipient ‘s mind and his postcommunicative behavior.

Cognitively, deceptive information as mind control involves the interference with processes of understanding, the formation of biased mental models and social representations such as knowledge and ideologies.

Key words: information, false (fake) information,indirect communication, implicit influence, implicit intrusion, implicit speaker’s meanings, manipulative technique.

О.И. Десюкевич *(Минск, Беларусь)*
Минский государственный лингвистический университет
desyukevitch@gmail.com

РОЛЬ МЕТАФОРЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ В МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются метафорические модели, посредством которых интерпретируется конфликтная ситуация в медиадискурсе. В интерпретации возможной интеграции России и Беларуси актуализируются метафоры торга, войны, игры, силового воздействия. Из аргументативных функций метафор в дискурсе преобладают эмфатическое отрицание и трансформация, последняя получает выражение в том числе в оксюморонах.

Ключевые слова: медиадискурс, метафорическая модель, профилирование, аргументативная функция метафоры, оксюморон.

Обострение политических споров вокруг темы возможной интеграции Беларуси и России, начавшееся в конце 2018 года, обусловило рост публикаций журналистов, экспертов. Неопределенности самой ситуации и неясности ее обозначения в политическом дискурсе соответствует многообразие предлагаемых журналистами способов осмысления и их вербализации. Анализу роли метафорической интерпретации в описании данной ситуации в рамках российского и белорусского медиадискурсов, и в меньшей степени политического дискурса (лишь в той мере, в какой он является источником для метафор в медиатексте), посвящено предлагаемое исследование. Непосредственной целью является выявление наиболее существенных метафорических моделей и их частных вариаций, обнаружение тех аспектов ситуации, которые интерпретируются метафорически чаще всего, а также выяснение аргументативной роли конкретных реализаций метафорических моделей (утверждение своего видения явления, процесса; эмфатическое отрицание; трансформация: *старший брат – Большой брат*) [Musolff 2016: 31].

Неясность ситуации вызвана как недостатком открытой информации, так и намеренно вуалированным способом ее обозначения в речи официальных лиц (*углубленная интеграция, продвинутая интеграция*, *более весомая интеграция*). Попытки конципировать, т.е. предложить целостное видение ситуации, в условиях неполноты информации и сообщить возможные варианты развития событий в дискурсе осуществляются с помощью концептуальных метафор, часть которых профилирует образы Беларуси и России как активных или пассивных стран-участниц конфликта и предлагает сценарии развития событий.

Без учета дискурсивных отличий ситуация взаимодействия двух стран выражается с помощью грамматической реципрокальной конструкции (*кто интегрируется с кем, кто объединяется с кем, кто и кто интегрируются* / *объединяются друг с другом*), что подразумевает равный характер двух субъектов. Последние в политическом дискурсе могут получать прямые номинации, номинации-релятивы (*страны-соседки, союзники, партнеры, братья*), в медиадискурсе обычно замещаются метонимическими номинациями и в редких случаях метафорическими (*вассал, донор*). В официальном белорусском дискурсе периодически возникает номинация из советских времен – *старший брат* по

отношению к России, а в белорусских медиатекстах интерпретация посредством номинаций выражается оксюмороном *заклятые союзники* или оценочным дериватом *союзнички*.

На изменение в интерпретации отношений в медиадискурсе указывает, во-первых, замена обычной для реципрокальных глаголов актантной рамки на свойственную глаголам *инкорпорировать*, *входить* (В. Рыжков: *Я думаю, надо оставить раз и навсегда мысль интегрировать Беларусь в состав России*; В. Пастухов: *он [Лукашенко] постоянно прощупывает вопрос интеграции Белоруссии в Европу*); а во-вторых – употребление грамматической акциональной конструкции, в которой чаще всего активная роль принадлежит России, а роль пассивного получателя приписывается Беларуси: Россия *дает*, *предоставляет*, а Беларусь *получает*. В рамках этой метафорической модели возникает случай, когда зависимость Беларуси получает крайнее выражение, она сама метафорически уподобляется товару: *России на самом деле не сложно поддержать экономику Белоруссии, но в Кремле взамен хотели бы получить саму Белоруссию.*

Ситуация мыслится также и в аспекте белорусской стороны – в том случае, когда она выполняет функцию первого актанта, позиция семантически зависимая: она должна жертвовать, поступиться чем-то: *Не то чтобы Америка могла или собиралась продиктовать Беларуси, как последней интегрироваться с Россией, но она может поддержать стремление Беларуси не слишком многим пожертвовать в ходе интеграции*, ей предстоит «подстраиваться»: *Да и кто будет подстраиваться под кого? Понятно, что Беларуси придется подстраиваться под Россию.*

Ситуация взаимодействия, таким образом, интерпретируется в медиатекстах как ситуация взаимного обмена, что метафорически осмысливается как ситуация торга. Во многих случаях метафорического осмысления ситуации в белорусском и российском медиадискурсах возрастает роль Беларуси как активного участника событий: [она] *пытается продать Москве сырые соглашения, добивается от России преференций, старается выторговать незаслуженные бонусы, выкачивает из России деньги, не хочет делить Москву с Казахстаном и Арменией, добивается от союзника гарантий*.

В случае представления сценария развития событий с помощью трехактантного предиката роль Беларуси пассивна: *Америка пытается запустить этот проект, вытащить Белоруссию из сферы влияния России*. Крайний случай представления пассивной роли страны выражен компаративной конструкцией при метафорическом предикате: *Упадет ли Беларусь зрелым плодом в руки Кремля*.

Характер акционального предиката в каждом случае метафорического употребления определяет концептуализацию ситуации в целом и роли каждого из участников. В отличие от свойственных политическому дискурсу метафор пути (*путь к интеграции, движение навстречу друг другу*) строительства (*союзное строительство, строительство Союзного государства*), которые редко обновляются, метафорика в медиатексте разнообразна и обладает высокой степенью креативности. Кроме отмеченной метафоры торга,

обращает на себя внимание неоднократно возникающая военная метафора и случай концептуального бленда, в котором задействованы и экономическая и военная метафоры (В. Рыжков: *любая попытка такого дружественного (недружественного, полудружественного) захвата Беларуси чревата гигантскими… издержками*). Обратим внимание на то, что военная метафора при осмыслении ситуации, обозначенной в политическом дискурсе эвфемистически, реализуется в том числе и в виде оксюморонов (*дружественный захват, мирное поглощение*). Оксюмороны появляются как в российском, так и в белорусском медиадискурсах, в том числе и за пределами отмеченной метафорической модели (*принуждение к добровольному решению*).

Сравнение метафорических моделей, посредством которых ситуация осмысливается в медиа, позволяет заключить, что метафорика войны свойственна российскому и западному дискурсу (Е. Альбац: *Россия готовится к аншлюсу Беларуси… Белоруссия все-таки выполняет роль буфера между Россией и Европой.* – А. Колесников: *…скорее возможно мирное поглощение* // echo.msk.ru 6.05.2019; Уэсс Митчелл, помощник госсекретаря по делам Европы и Евразии в 2018 году: *Беларусь – часть бастиона, защищающего от российского неоимпериализма* // tut.by 29.08.2019). В белорусских медиатекстах сценарии развития событий осмысливаются в рамках метафорической модели игры, шахматной или азартной. Метафорические контексты, указывающие на то, что опасения утраты независимости возрастают, – это метафоры:

– ограничения в пространстве (*Экономическая интеграция может тотально связать по рукам и ногам Беларусь уже в ближайшие годы*; *Экономическая зависимость Беларуси от России резко возрастет, а это свяжет Минску руки во внешней политике, держать геополитический шпагат станет еще труднее; загнать в капкан «братской интеграции»*);

– силового воздействия (*снятие барьеров, установление конкуренции между производителями двух стран может положить на лопатки многие предприятия; Москва издевательски вежлива и припирает к стенке старым договором*);

– поглощения / съедения (*Хотя сценарий некоего политического апгрейда Союзного государства, при котором от белорусского суверенитета остаются де-факто рожки да ножки, вряд ли выброшен на помойку. Он дожидается удобного часа*; *Призрак тихого аншлюса. Россия поглотит Беларусь через экономику?*);

– сделки (*Россия просто скупит Беларусь по кускам*; *Вас даже не информировали о ходе переговоров, о содержании этой сделки, о цене продажи суверенитета; сдать Беларусь за бочку нефти*);

– захвата (*рейдерский захват страны*).

Среди «лишенных опасений» метафор лишь немногочисленные случаи метафоры брака (*Неравный брак. Смогут ли Беларусь и Россия подружить налоги?; Как супруги с многолетним стажем, Минск и Москва любят припомнить друг другу все накопившиеся обиды и претензии*).

В интерпретации ситуации конфликта выбор предиката зависит от многих факторов, среди которых определяющую роль оказывает фон, на котором он рассматривает ситуацию: так, выбор в качестве фонового политического кон-

текста (предстоящие выборы в Беларуси и перспективы смены лидера в России) задает определенные перспективы интерпретации; включение в качестве фона экономических отношений определяет обращение к метафоре торга. Для российского медиадискурса, в отличие от белорусского, характерно включение в качестве фона ближайшего исторического контекста, который позволяет журналистам усматривать аналогию Беларусь – Крым и осмысливать возможные варианты будущих событий с помощью метафоры войны: *Это не только нефть, ребята, это не только цены на прогонку, это не только обидки разные – это сущностная история, станет ли Беларусь Крымом в том или ином случае* (А. Венедиктов 15.12.2018).

Метафорическая модель *переговоры – торг* в рамках дискурса об интеграции получает наибольшую степень денотативного разнообразия [Баранов 2014: 16], однако по мере развития ситуации все большую актуальность приобретают метафоры войны и игры. В аргументативной структуре как российского, так и белорусского медиадискурса проанализированные метафоры, за исключением метафор брака, выполняют функцию создания негативного сценария развития событий, что противоречит интенциям, выражаемым в официальном дискурсе об интеграции. В споре с последним создатели медиадискурса прибегают также к трансформациям (в частности, пересмыслениям идеологем *союз, старший брат*), выражаемым в том числе с помощью оксюморонов.

Литература

Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Musolff A. Political Metaphor Analysis: Discourse and Scenarios. London; Oxford; New York; New Delhi; Sydney: Bloomsbury, 2016.

O.I. Desyukevitch (Minsk, Belarus)
Minsk State Linguistic University

ROLE OF METAPHOR IN INTERPRETATION OF POLITICAL CONFLICT IN MEDIA DISCOURSE

The paper discusses metaphorical models through which the conflict situation in the media discourse is interpreted. In the media texts about the integration of Russia and Belarus, the metaphors of bargaining, war, game, and force are emerged. Among the argumentative functions of metaphors in the discourse, emphatic negation and transformation predominate, the latter gets expressions in oxymorons as well.

Key words: media discourse, metaphorical model, profiling, argumentative functions of metaphor, oxymoron.

Е.Г. Доронина *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный университет
Doroninaeg@mail.ru
Ю.В. Казакова *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный университет
jula_ka@bk.ru
Е.П. Ульянова *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный университет
marzhenya@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ЧТЕНИЮ ИНОКУЛЬТУРНОГО ТЕКСТА В КУРСЕ РКИ

Статья посвящена проблеме учета культурных ценностей в методике обучения чтению в курсе РКИ. Обоснована эффективность использования данных лингвоконцептологии для прогноза и анализа трудностей, возникающих при чтении инокультурного текста. На основе анализа результатов ассоциативного эксперимента показана необходимость формирования общей когнитивной платформы при работе с текстом русской народной сказки.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, чтение, встречный текст, общая когнитивная платформа.

Обучение чтению текста традиционно является «коварным» разделом методики преподавания русского языка как иностранного. С одной стороны, научившись технике чтения, то есть, выучив алфавит и усвоив правила чтения, иностранный студент способен достаточно бегло читать текст и ответить на вопросы по его содержанию. С другой стороны, на этапе чтения первых же художественных текстов, пусть даже адаптированных, преподаватель часто сталкивается с необычными реакциями студентов, показывающими частичное или даже полное непонимание ими смысла прочитанного текста.

Пытаясь понять смысл инокультурного текста, студент получает новую информацию, которая должна быть встроена в его картину мира, при этом происходит частичная ее трансформация. Задача преподавателя – обеспечить принятие этих новых ментальных структур. На наш взгляд, этой цели служит формирование общей когнитивной платформы [Кобозева 2001], на которую можно опереться при выстраивании новых структур.

Созданию такой платформы служит апелляция к универсальным и национальным концептам с целью обозначить некий общий запас эмоционально окрашенных смыслов как основу для дальнейшей трансформации. Так подготавливается ввод абсолютно новой информации. Исследования, выполненные в рамках лингвоконцептологии, дают необходимый материал преподавателю, обучающему иностранных студентов. Сведения о содержании концептов и отношениях их внутри концептосферы позволяют спрогнозировать восприятие иностранцами текста, имеющего национально-культурную специфику, наметить пути такой организации работы на занятии, которая позволит инофону понять и принять (признать этическую обоснованность) иного, чем в его родной культуре, подхода к действительности.

Приведем в качестве примера результаты эксперимента, в котором приняли участие студенты-филологи из Китая и контрольная группа иностранных студентов разных национальностей (уровень владения русским языков иностранцев близок к В2) и русских студентов. Им был предложен для чтения адаптированный текст русской народной сказки «Мужик и медведь» («Вершки и корешки»). На первом этапе был проведен ассоциативный эксперимент на основе методики встречного текста, разработанной А.И. Новиковым [Новиков 2003]. Текст сказки был разделен на 3 части, после каждой из которых студенты должны были записать все ассоциации, мысли, эмоции, которые возникли в их сознании.

В литературе, посвященной исследованиям в области восприятия текста, неоднократно отмечалось богатство и разнообразие типов индивидуальных реакций. Наш эксперимент не показал большого разнообразия типов реакций: на первом месте реакция «интерпретация» (в терминологии А.И. Новикова), затем идет «генерализация», «мнение», «прогноз». Реакция «ассоциация», то есть спонтанное высказывание первой мысли или эмоции, не встретилась ни разу.

Приведем в пример типичные ответы китайских студентов (цифры соответствуют номерам частей текста): 1. «Если обманешь другого, может быть, сначала ничего не случится. Но как только он узнает, что ты обманул его, то он никогда не будет верить тебе» (генерализация); «Мужик обманет медведя. Медведь узнает и раздражится» (прогноз). 2. «Мужик плохой»; «Медведь больше не позволит ему войти в лес» (прогноз). 3. «Ситуация меняется. И нам надо быть добрыми. Еще надо больше думать о других»; «С тех пор медведи ненавидят мужчин» (генерализация).

Реакции китайских студентов показывают, что практически все они увидели в сказке ситуацию обмана, и для абсолютного большинства респондентов мужик – отрицательный герой. Очевидно, что такая установка сформировалась с первых строк сказки, где медведь говорит: *«Смотри, не обмани!»*. Эта фраза оказалась «пусковым механизмом» апелляции к концепту ОБМАН, имеющему в китайской культуре особую значимость.

Важно отметить, что в нео-даосских обществах, таких как Китай, Япония и Корея, в которых этические обязанности рассматриваются как контекстуальные, обман не рассматривается как абсолютное зло. Если, солгав, человек действует в интересах друзей или родственников, то он поступает благородно [Поданева 2017]. С другой стороны, в современном Китае появилось новое понятие – «конфуцианский бизнесмен» (儒商 *жушан*), предприниматель, базирующий свою деятельность на принципах Конфуция. Конфуцианские бизнесмены не только не обманывают ни своих соотечественников, ни иностранцев, но и устанавливают справедливые цены, финансируют социально значимые мероприятия [Маслов 2010: 55-56].

Таким образом, в современной китайской культуре концепт ОБМАН занимает одно из центральных мест, и неудивительно, что смысл текста получил именно такую интерпретацию.

Второй этап эксперимента был направлен на проверку гипотезы о том, что изменить восприятие этой сказки китайскими студентами можно при помощи просмотра видео, поскольку видеотекст способен «овнешнять»

концепты в неязыковой форме. Он материализует определенные фреймы, визуализирует их.

Студентам был предложен мультипликационный фильм «Вершки и корешки» (Союзмульфильм, 1974 г. Режиссер Леонид Носырев), в котором мужик изображен всегда с улыбкой, у него добрые глаза, приятный голос, он поет веселые песни, музыкальное сопровождение этого образа веселое, динамичное, а медведь часто изображен с агрессивной мимикой, имеет неприятный голос, много рычит, извлекает дребезжащий звук из пня. Таким образом, во внешнем виде и звуковом сопровождении мультфильма четко расставлены акценты, кто положительный и кто отрицательный герой.

После просмотра китайские студенты дали следующую характеристику героям, приведем самые частотные ответы: медведь – *глупый, наивный, ленивый, сердитый*; мужик – *трудолюбивый* / *работящий, хитрый, умный*. Считаем важным отметить, что в контрольной группе студентов других национальностей (арабы, испанцы, американцы) не было ни одной характеристики мужика как хитрого человека, иностранные студенты этой группы не акцентировали свое внимание на обмане, а характеризовали мужика следующим образом: *трудолюбивый, умный, серьезный, защищал свой урожай, прагматичный*. Большинство иностранных студентов поддались влиянию видеотекста и дали новую по отношению к печатному тексту характеристику медведя: *сердитый; злой; громко говорит; агрессивный*.

Можно проследить, как менялось восприятие сказки отдельным студентом. Первоначально текст сказки вызвал реакции, показывающие актуализацию фрейма ОБМАН: 1. Прогноз: *«Мужик не обманул медведя и они стали друзьями»*; 2. Оценка: *«Мужик очень злой, а медведь очень милый»*; 3. Мнение: *«Не ожидал, что медведь так глуп»*. После просмотра видео студент пишет: *«Нет определенного ответа, кто хороший и кто плохой. Мужик хороший, потому что трудолюбивый и умный. Он также плохой, потому что хитрый и обманул медведя. Медведь плохой, потому что он ленивый и сердитый. Но он в то же время в какой-то степени честный. Он обещал и хорошо помог в земледелии»*. Еще более показательным является такой ответ: *«Если мы умнее и сильнее, чем другие, то не надо их обманывать, а надо им помогать»*.

76% опрошенных иностранных студентов отметили, что в этой сказке их удивил медведь: *медведь очень наивный, он был обманут два раза; медведь не может различить вершки и корешки; у медведя нет жизненного опыта (не знает рожь и репу); медведь не может отличить правду от лжи* и т.п. При этом, русские информанты не давали таких реакций. Считаем, что это связано с наполнением зоосимвола «медведь» в русских народных сказках: для носителей русской культуры, очевидно, что медведь представляет собой воплощение грубой силы, он глуп и наивен, поэтому часто бывает обманут. Например, в китайских народных сказках медведь как персонаж встречается единично [Му Сюе 2017], поэтому представители китайской культуры с удивлением и даже с сочувствием (*милый, был обманут; наивный и с удовольствием верит человеку*) воспринимают образ медведя в сказке «Вершки и корешки» / «Мужик и медведь».

Интересным, на наш взгляд, является дидактический вывод, который сделали иностранные и русские респонденты. На вопрос «Чему учит сказка?»

самым частотным был ответ о трудолюбии: *мы должны получать вещи своими усилиями; кто не работает, тот не ест; мы должны быть трудолюбивы и хозяйственны; не ленись!; нельзя получать выгоду без затрат труда*. На втором месте по частотности ответ о доверии и честности: *не доверяй другим легко; не надо обманывать; нельзя верить человеку, который обманул тебя, надо жить честнее*.

Данные ответы иностранных студентов были сопоставлены с ответами русских респондентов (всего 45 человек). Носители русского языка старше 30 лет чаще делали дидактический вывод о трудолюбии, в то время как студенты и школьники продемонстрировали современный взгляд: *сказка учит не принимать решение, если ты не разбираешься в чем-то; нужно понимать предмет договора; нужно иметь опыт и образование*. Таким образом, носители русского языка всех возрастов не делают акцент на хитрости мужика как обмане медведя, медведь сам виноват: он не работает, ленится, глуп, то есть именно медведь должен исправиться.

На наш взгляд, если преподаватель, продумывая ход беседы по сказке «Мужик и медведь» с китайскими учащимися, не будет учитывать национальную специфику их восприятия, то вместо уважения к русской культуре он невольно может спровоцировать формирование стереотипа об исключительной хитрости всех русских.

Таким образом, анализ эксперимента показывает, что при выборе и адаптации текста преподаватель должен учитывать не только возможные лексико-грамматические трудности, но и трудности встраивания новой информации в картину мира обучающихся. Необходимо продумать методическую работу таким образом, чтобы студент смог понять и принять (признать обоснованность) ценности другой культуры.

Литература

Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Москвского государственного университета. Серия 9. Филология. 2001. № 6.

Маслов А.А. Наблюдая за китайцами: скрытые правила поведения. М.: РИПОЛ классик, 2010. 282 с.

Новиков А.И. Текст и контртекст: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 64-76.

Поданева А.В. Бизнес-этикет в Китае // Вопросы науки и образования. 2017. № 7 (8). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/biznes-etiket-v-kitae (дата обращения: 14.02.2020).

Му Сюе. Зоосимволы в русских и китайских сказках о животных. Челябинск: ЮУрГУ, 2017. 61 с.

E.G. Doronina (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University
Yu.V. Kazakova (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University
E.P. Ulyanova (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University

COGNITIVE BASES OF TRAINING STUDENTS READING OF INOCULTURAL TEXT

This article describes the cognitiveprinciples of teaching foreign students to read a foreign cultural text. The effectiveness of using cognitive science data for predicting and analyzing the difficulties encountered in reading a foreign cultural text is substantiated. Based on the analysis of the results of the associative experiment, the necessity of forming a common cognitive platform when working with the text of a Russian folk tale is shown.

Key words: Russian as a foreign language, reading, counter text, cognitive platform.

Т.В. Дроздова *(Астрахань, Россия)*
Астраханский государственный технический университет
drozdova_astu@mail.ru

АВТОРСКАЯ МЕТАФОРА В НАУЧНОМ ДИСУРСЕ И ТЕКСТЕ КАК ИНДИКАТОР ИЗМЕНЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ КОГНИТИВНЫХ ДОМИНАНТ КОЛЛЕКТИВНОГО УРОВНЯ

На основе анализа авторской метафоры в экономическом научном тексте делается предположение, что креативная метафора может являться своеобразным индикатором изменений содержания когнитивных единиц и структур хранения специального знания на уровне коллективного сознания.

Ключевые слова: научный дискурс, научный текст, когнитивная доминанта, авторская метафора, инференция.

Постоянные изменения, происходящие в окружающем человека мире, воспринимаемые и осмысляемые субъектами в различных процессах их жизнедеятельности, не могут не найти отражения в виде определенного изменения содержания концептуальной и языковой картин мира на индивидуальном и коллективном уровнях их бытования. Признание того факта, что метафоричность является универсальной характеристикой нашего мышления, а метафоры в языке обусловлены метафорами концептуальной системы человека [Lakoff, Johnson 1980], позволяет сделать вывод, что и концептуальная, и языковая интерпретация субъектами познания новой информации, дополняющей или изменяющей знание коллективного характера, может осуществляется посредством метафоры. Причем это будет верным не только относительно когнитивных доминантповседневной (наивной) картины мира, но и относительно специализированных картин мира, формирующихся как результат определенных видов деятельности.

Анализируя концептуальный уровень коллективного сознания, мы говорим о когнитивных доминантах, которые Н.Н. Болдырев определяет как концепты и категории разного уровня сложности с конкретной структурой в виде определенных связей. На уровне языкового сознания функцию таких доминант «выполняют прототипические средства репрезентации знаний в языке (обозначения концептов и категорий)» [Болдырев 2019: 39]. Они могут служить как средством языковой классификации и обобщения результатов познания, так и точками

«**внутриязыковой референции** при поиске адекватных обозначений реалий и языковых форм передачи необходимого смысла в дискурсе» [там же], т.е. и как средства объективации моделей концептуальной метафоры.

Укажем, что мы рассматриваем дискурс и текст как взаимосвязанные понятия, считая, вслед за Е.С. Кубряковой, текст результатом дискурса [Кубрякова 2001]. С этой точки зрения можно условно рассматривать ссылки на авторов научных текстов, прямое цитирование или иное упоминание в тексте участников научного дискурса и результата их речемыслительной деятельности как специфическую стенограмму научной коммуникации, воображаемый дискурсивный контекст порождения (и понимания) метафоры. Из этого контекста становится очевидным, какие знания, формирующие когнитивные доминанты, оказываются в фокусе внимания автора текста, и какие концептуальные признаки высвечиваются, профилируются посредством образного сравнения (ср. [Kövecses 2019; Болдырев 2019а]).

Цель данной статьи – показать, что авторская (креативная, инновационная) метафора в научном дискурсе и тексте выполняет не только экспланаторную функцию, «когда в терминах одной области знаний говорят о том, что известно меньше и/или хуже, чем в другой» [Демьянков 2017: 7], служит цели репрезентации авторского мнения [Дроздова 2019], или традиционно является средством создания образности. Мы полагаем, что в определенных случаях инициированное прагматическими установками и обеспеченное метакогнитвными и когнитивными способностями автора интенциональное «приписывание» концептуальных признаков / предикатов одной сущности другой, «совмещение несовместимого» имплицирует определенные обусловленные внешними причинами трансформации в содержании коллективной картины мира. Они могут затрагивать концептообразующие признаки, связи объективируемых разноструктурными языковыми средствами когнитивных единиц и структур, а, возможно, и само существование таковых.

Будучи ограничены объемом статьи, приведем в качестве подтверждения высказанной идеи лишь один частный случай авторской метафоры CORPORATION IS A DINOSAUR, выступающей, по нашему мнению, своеобразным индикатором трансформации концептуального содержания когнитивной доминанты – концепта CORPORATION (= COMPANY). Соответствующий фрагмент текста (см. [Jensen 1999: 122-133]), модель концептуальной метафоры и ее языковая объективация рассматривались с использованием приемов концептуального, дефиниционного и семантического методов анализа. Смысловое содержание фрагмента текста анализировалось с привлечением механизма инференциии на основе знания концептосферы экономики. В частности, известно, что содержание концепта CORPORATION может быть представлено в виде фрейма, включающего следующие слоты: STRUCTURE (affiliate, daughtercompany, etc.) – TYPE (limited vs. unlimited, etc.) – PROPERTY (shares, capital assets, etc.) – PEOPLE (employers vs. employees) – PLACE (geographical position, office(s) / manufacturingarea(s)) – TIME (duration of existence; working hours) – ACTIVITY (manufacture, service, etc.) – RESULT (profit, loss, etc.) – CORPORATE CULTURE (relations). При этом данный концепт попадает в экономическую категорию ECONOMIC AGENT и в универ-

сальную категорию ASSOCIATION (cf.: company – a formal association of persons for business purposes, esp. a corporation or group of persons legally incorporated under company law… [Adam 1982: 110]).

Внешним фактором, оказывающим влияние на содержание концептов экономической сферы, который прямо указывается автором, является развитие информационно-коммуникационных технологий. На основе цитируемых в тексте высказываний участников экономической деятельности R. Jensen делает следующий вывод: Given the present and particularly the future of communications technology, the workplace can be wherever you happen to be at any particular moment. We will be able to communicate anything, at any time, to any place – and we will be able to do so in full color. This is the technological background for the disappearance of the workplace as we know it [Jensen 1999: 129-130]. Еще один вывод касается наличия у многих представителей корпораций желания самостоятельно вести экономическую деятельность (to be free agent), опираясь на технологические достижения, что имплицирует уменьшение роли корпораций в экономике.

Осмысление полученной информации дает автору основание поставить перед адресатом текста вопрос, сформулированный в форме креативной метафоры: Is the corporation a dinosaur? [Jensen 1999: 132]. Заметим, что данная авторская метафора реферирует к базовой концептуальной метафоре коллективного уровня сознания представителей экономического социума ECONOMY IS A LIVING BEING, которая была охарактеризована как наиболее распространенная на основе анализа «словосочетаний из статей еженедельного журнала The Economist за 2015–2018 гг.» [Осипов, Федотова 2019: 26]. Согласно классификации метафор, предложенной в [Lakoff, Johnson 1980], она относится к онтологическому типу. Концептуальная область ECONOMY представлена в авторской метафоре концептом CORPORATION на основании метонимического переноса, а концептуальная область LIVING BEING – концептом DINOSAUR на основании таксономических отношений.

Основные составляющие концепта (концептуальной области) – источника DINOSAUR можно установить, проанализировав прямое значение соответствующей языковой единицы: a large frightening animal that lived a very long time ago but is now EXTINCT (= all of them died) [MED 2002: 386]. Однако слово dinosaur имеет и метафорически переосмысленное значение: someone or something that is very old-fashioned and no longer useful or effective [там же].

Возможно, автор, учитывая образное значение слова dinosaur, передает смысл о неэффективности корпораций в современной экономической системе. Однако более вероятным нам представляется то, что автор имплицирует посредством данной метафоры возможность исчезновения, «вымирания» корпораций в связи с изменением внешних условий экономической деятельности вследствие развития информационно-коммуникационных технологий, т.е. метафора высвечивает признак / предикат extinct. На это указывает, например, семантика слова disappearance в приведенной выше цитате. Комбинаторика же данной единицы в лексическом контексте со словом workplace, объективирующем на базовом уровне слот PLACE фрейма CORPORATION, позволяет сделать инферентный вывод о возможном «отмирании» соответствующего концептообразующего признака в отдельном его проявлении и вывода из употреб-

ления в экономическом дискурсе определенных языковых единиц. Приведенные рассуждения позволяют нам предположить, что авторская метафора может проявлять себя в отдельных случаях как своеобразный индикатор определенных изменений содержания когнитивных доминант коллективного уровня.

Литература

Болдырев Н.Н. Доминантный принцип организации языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVII. С. 37-44.

Болдырев Н.Н. Доминантный принцип концептуального взаимодействия в языковом общении // Когнитивные исследования языка. 2019а. Вып. XXXVIII. С. 21-30.

Демьянков В.З. Трансфер знаний и когнитивная манипуляция // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 4. С. 5-13.

Дроздова Т.В. Когнитивная метафора и репрезентация авторского мнения в научном тексте // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVII. С. 712-717.

Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст: структура и семантика: доклады VIII Международной конференции, 3–5 апреля 2001 г. / МГОПУ им. М.А. Шолохова. М.: СпортАкадемПресс, 2001. С. 72-81.

Осипов Д.В., Федотова Н.С. Алгоритм формирования концептуальных метафор // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2019. № 2. С. 23-30.

Adam J.H. Longman Dictionary of Business English. London: Group UK Limited, 1982.

Jensen R. The dream society: how the coming shift from information to imagination will transform your business. Printed in the USA: A division of McGraw-Hill Companies, New York, 1999.

Kövecses Z. Metaphor, mind and context // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVII. С. 126-130.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: The Universityof Chicago Press, 1980.

MED – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners: International Student Edition. Oxford: Bloomsbury Publishing Plc. 2002, 2006.

T.V. Drozdova (Astrakhan, Russia)
Astrakhan State Technical University

CREATIVE METAPHOR IN SCIENTIFIC DISCOUSE AND TEXT AS INDICATING CHANGES IN DOMINANT COGNITIVE STRUCTURES AT THE LEVEL OF COLLECTIVE CONSCIOUSNESS

Analysis of a creative metaphor in the economic scientific text allows to assume that it may serve as a specific index of changes in content and structure of dominant concepts representing knowledge at the level of collective consciousness.

Key words: scientific discourse, scientific text, dominant concept, creative metaphor, inference.

М.В. Ерещенко *(Ростов-на-Дону, Россия)*
Донской государственный технический университет
mar.ereshchenko@yandex.ru

ИНТЕРАКЦИОНАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОБЕСЕДНИКОВ

В статье обсуждается проблема связности устного диалогического текста, реализуемая, в том числе, и посредством определенного набора дискурсивных маркеров. Как показало наше исследование, к данным маркерам относятся прежде всего however и anyway, которые в рамках устного диалогического текста сигнализируют о завершении отступления от исходной темы.

Ключевые слова: устный диалогический текст, связность, цельность, дискурсивный маркер, речевое взаимодействие.

Понятие текстуальной связности активно обсуждается в разнообразных направлениях современной лингвистики [Алефиренко 2005; Анощенков 1984; Гаврилова 1985; Лузина 2000]. В рамках нашего изыскания мы задействуем термин «связный» в общепринятом значении, а именно как обозначение оптимальных взаимоотношений компонентов (сегментов) целого, процесса создания целостности дискурсивного произведения. В этой связи полагаем, что целостность не является исходной характеристикой устного диалогического текста, а, скорее всего, результатом динамического процесса спонтанного взаимодействия собеседников. Обмениваясь явно и неявно выражаемой информацией, участники диалогического взаимодействия вовлекаются в текущий процесс согласования и обсуждения целостного характера совместно порождаемого текста. Указанное согласование и достижение единодушия в аспекте диалогической активности реализуется посредством влияния собеседников друг на друга, внесения собственного вклада в общую коммуникативную деятельность [Гельпей 2007: 69-70].

Одновременно с вербальным вкладом в общий ход диалога, а также в развитие диалогического текста каждый из собеседников вырабатывает и поддерживает свое понимание целостности порождаемого дискурсивного произведения. Намереваясь прогнозировать понимание о связности и целостности текущего дискурсивного произведения, вырабатываемое партнером по взаимодействию, в соответствии с собственной интерпретацией диалогического текста, субъект речи задействует соответствующие вербальные / невербальные средства. Дискурсивные маркеры представляют собой одно из эффективных вербальных средств, которые играют конструктивную роль в процессе прогнозирования диалогической деятельности партнера по диалогу, его текущего понимания о состоянии целостности разворачиваемого в данный момент диалогического текста.

В рамках проводимого нами исследования термин «дискурсивный маркер» применяется к языковым выражениям, которые функционируют исключительно в устном дискурсе для реализации определенных прагматических, а также структурирующей и организационной целей. Первичная функция «дискурсив-

ного маркера», «дискурсивного оператора» заключается в том, чтобы заострить текущее внимание речевого партнера на том или ином виде сцепления последующего диалогического высказывания с данным дискурсивным контекстом [Дымарский 2010].

Вследствие того, что понимание о связности и целостности порождаемого диалогического текста достигается собеседниками совместно, через реализуемое в данный момент коммуникативное взаимодействие, нам необходимо уделить особое внимание интеракциональной функции дискурсивных маркеров в условиях их функционирования в устном диалогическом тексте. Сосредоточим внимание на анализе функциональной нагрузки тех дискурсивных маркеров, которые сигнализируют о глобальной связности в устно порождаемом диалоге.

В частности, когда на уровне устного диалогического текста в качестве дискурсивного маркера используется выражение anyway */ в любом случае*, то оно в функциональном плане выражает завершение ситуативного отступления от избранной темы разговора. Данное выражение может также задействоваться с целью маркирования окончания текущей темы диалогического текста. Аналогичным образом, дискурсивный маркер however / *однако* свидетельствует о завершении отступления от темы текущего общения, но субъект речи полагает, что приводимые им аргументы являются более уместными для главной темы развиваемого диалогического текста. Фактически, отступление от темы беседы, завершаемое дискурсивным маркером however */ однако*, выявляет те или иные важные аспекты развития главной темы устного диалогического текста, т.е. сам дискурсивный маркер обладает в данной диалогической ситуации интеракциональным значением.

В примере (1) завершение отступления от исходной темы диалога маркируется выражением however, и порождаемый собеседниками устный диалогический текст снова возвращается к исходной теме. Ср.: (1) *“* – What time do we kick off? – At *eight o’clock as usual. – Eight o’clock i*s quite right. – *Oh, he didn’t even tell you that…* – Well, he probably did, but you know what my *memory’s like…* – And what gave me the clue I had a note from him a couple of *days ago to say that he’d tell.* – Yes. – *Hyman and Brenda and he didn’t mention* an*ybody else and I thought … – Yes, yes…* – Well, this is funny and not having *heard from anybody I thought I’d better check up.* – Yes. – **However**, never *mind. We’ll see you at eight as many of you as can come…* – Yes, is there any*one we can give a lift?”* [Darcy 2006: 178].

Следующий пример иллюстрирует тот факт, как дискурсивный маркер however маркирует окончание отступления от темы беседы, которое обладает в диалогическом общении собеседников интеракциональным характером. Ср.: (2) *“* – It has a marvelous small garden. – Yes. – And it has got a basement with a coal cellar. – Yes. – *Frankly speaking, we’ve just sold the house* three doors down for just over fourteen one. – Yes. – It has just come on the market. – Really? – And the owner has specifically asked that we find a white purchas*er…* – Oh, dear! – *Well, we can’t help this…* – No, of course. – You *know all these eccentricities… – Yes, all right… Anyway we fit into that catego*ry, *I suppose… – I’m* delighted *to hear that… You might lived in the West Indies*

for som*e years… – How have you recognized immediately? Yes…* – **However**, that *saves the point… You could afford to buy that type of a house which is perfectly mortgageable…"* [Carter 2011: 79]. Данное отступление было допущено в устный диалогический текст с целью облегчения того напряжения, которое сложилось в общении.

Другими словами, отступление от темы общения приобретает в моделируемом устном тексте интеракциональную важность, поскольку нацелено на эффективное взаимодействие собеседников. Интересно заметить, что фактически во всех толковых словарях, в которых мы анализировали значение лексемы however, в качестве синонима предлагается словоформа anyway. Подобное объяснение however через anyway предполагает тот факт, что данные словоформы в функции дискурсивных маркеров являются взаимозаменяемыми, что, как представляется, оказывается не совсем так.

В рамках реального диалогического контекста, как показывают наши наблюдения, данные дискурсивные маркеры не являются синонимами. В частности, в примере (2), в котором актуализация маркера however свидетельствует о том, что отступление от темы общения завершено и диалогической текст снова возвращается к исходной тематике, замена данного маркера на anyway, фактически, оказывается невозможной в текущем контексте, поскольку в этом случае изменяется смысл финальной диалогической реплики.

Актуализация дискурсивного маркера anyway после отступления от исходной темы диалогического общения наделяет реплику реагирующего собеседника функцией комментария, не предполагающего каких-либо замечаний относительно действенной темы диалогического текста: (3) *"* – Connor jerked around, and Lucy nudged his ankle with the toe of her boot. *'*He's the star,*'* she whispered to him. *'*Do not annoy the star.*' 'Unless this is a comedy'* – Wilder was saying to Bryce. *'*It's not a comedy,*'* Bryce said, with more emotion than he'd ever shown on-screen. *'*I'm not doing comedies anymore. It's an action picture. I'm an action hero now.*' 'So it's really, it's nice though, you know…' 'It depends…' '***Anyway***, it's nice to be able to start a new phase now…'"* [David 2007: 193].

Дискурсивные маркеры, обнаруживаемые на стыке двух высказываний в рамках одной диалогической реплики, функционируют прежде всего как средства локальной связности устного диалогического текста. Для того чтобы сигнализировать отношения, формируемые между дискурсивными сегментами, взаимоотношения этих сегментов с внеязыковым контекстом общения, дискурсивные маркеры активно задействуются на стыке стимулирующей и реагирующей диалогических реплик.

В частности, актуализация дискурсивного маркера however свидетельствует о завершении отступления от исходной темы взаимодействия, которая оказывается релевантной для развития глобальной темы совместно порождаемого диалогического текста. В связи с этим, мы полагаем, что дискурсивный маркер however обладает в устном тексте интеракциональной важностью.

Функция проанализированных в рамках данного исследования дискурсивных маркеров заключается в том, чтобы связывать сегменты совместно порождаемого устного диалогического текста, при этом стыковать не только прилегающие друг к другу сегменты, но и те сегменты, которые соотносятся на основе глобальной темы диалогического взаимодействия. Цельность диало-

гического текста определяется не только тем, как соотносятся непосредственно прилегающие друг к другу высказывания. Сигнализация о более глобальных взаимоотношениях между различными дискурсивными сегментами предстает одним из важных способов помочь собеседникам осознать текущие процессы связывания устного диалогического текста, понять коммуникативную перспективу развития этого текста.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Дискурс как смыслопорождающая категория (дискурс и вторичное знакообразование) // Язык. Текст. Дискурс: межвузовский научный альманах. Ставрополь: ПГЛУ, 2005. С. 5-13.

Анощенков В.Н. «Но» между отрезками речи разных лиц // Синтаксические отношения в предложении и тексте: сборник научных трудов. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1984. С. 52-60.

Гаврилова Г.Ф. Синтаксис предложения. Ростов-на-Дону: РГПИ, 1985. 189 с.

Гельпей Е.А. Конструктивная роль фреймов прагматической связности реплик в диалогической речи: на материале английского языка: дис. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 149 с.

Дымарский М.Я. Коннексия и иннексия как базовые принципы организации языковых структур // Acta Neophilologica. 2010. №. XII. С. 27-39.

Лузина Л.Г. Виды информации в дискурсе // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров / РАН, РШИОН. М.: Наука, 2000. С. 137-152.

Carter E. Breathless. N.Y.: Nicole Reed Books, 2011. 334 p.

Darcy E. The Ultimate Choice. N.Y.: Red Rose Publishing, 2006. 352 p.

David K. Obsession. N.Y.: Red Rose Publishing, 2007. 227 p.

M.V. Ereshenko (Rostov-on-Don, Russia)
Don State Technical University

INTERACTIVE FUNCTION OF DISCOURSE MARKERS IN THE PROCESS OF INTERLOCUTORS' COMMUNICATIVE INTERACTION

The article discusses the problem of coherent oral dialogic text realized with a certain set of discursive markers. As our investigation showed, this kind of markers are represented for most by however and anyway which within the frameworks of oral dialogic text signal on ending of digression from the initial topic of the conversation.

Key words: oral dialogic text, cohesion, coherence, discursive marker, speech interaction.

Т.Н. Зубакина *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
zoubakina@mail.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АЛЛЮЗИВНЫХ ЕДИНИЦ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ МЕМУАРОВ У. ЧЕРЧИЛЛЯ

В свете когнитивной парадигмы попытка интерпретации используемых в тексте аллюзивных единиц в их ассоциативном и историческом контекстах позволяет выявить авторскую оценку конкретного события. Употребление аллюзии У. Черчиллем в военных мемуарах отражает особенности авторского познания действительности исторического мира.

Ключевые слова: аллюзия, интерпретация, контекст, мемуары, событие.

Аллюзии являются составным элементом понятийной и языковой картины мира автора текста. Использование аллюзивных единиц в военных мемуарах отражает индивидуальное восприятие и отношение автора к конкретным событиям.

В фокусе данного лингвистического исследования – интерпретация аллюзии исторического текста мемуаров У. Черчилля как единицы повторной номинации. В когнитивной лингвистике и семиотике под аллюзией понимается «имплицитное указание, ссылка на что-либо в тексте…» [Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике 2001: 17]. У истоков понимания аллюзивной единицы в тексте находится исходное концептуальное знание, содержащееся в изначальном контексте аллюзии. Когнитивный аспект процесса интерпретации аллюзии мемуарного текста позволяет выявить авторское видение и оценку реальных событий военного времени.

Обратимся к результатам интерпретации нескольких аллюзивных языковых единиц текста мемуаров У. Черчилля.

“The total casualties there were two chickens” (Здесь и далее курсив наш – Т.З.) [Churchill 1950: 46] / «*Два цыпленка* – таковы были наши общие потери» [Черчилль1991: 27]. Изначальный ассоциативный контекст первичной номинации аллюзии реконструируется из языковых единиц текста two chickens. Словарная статья идиоматического словаря восстанавливает и исходную номинацию, и интерпретацию идиомы “don’t count your chickens before they’re hatched = do not believe or expect that success, victory, etc. is certain until it actually happens” [Longman 1979: 53]. Русскоязычное соответствие ассоциативного контекста «не торопись с выводами» передается паремиями «не говори “гоп”, пока не перепрыгнешь», «еще не запряг, а уже поехал».

В тексте мемуаров У. Черчилля повторная номинация two chickens обогащается новым событийным экстралингвистическим контекстом, который возникает из авторского повествования о неудачном налете германской авиации на Дерби и Ноттингем 8 мая 1941 г. и преждевременном сообщении об этом «успехе» гитлеровской пропагандой. Интерпретация аллюзии имплицирует авторскую оценку события 1941 г.: осуждение врага в его стремлении выдавать желаемое за действительное.

Следующие две исследуемые единицы являются латинскими изречениями и подтверждаются в корпусе литературных аллюзий У. Черчилля под ред. Д. Холли в разделе “The Classics” [Holley 1987: 45].

“Bis dat qui cito dat” [Churchill 1950: 471] / «Вдвойне дает тот, кто дает скоро» [Черчилль 1991: 218]. Событийный экстралингвистический контекст, который привносит в исходный концептуальный контекст данной аллюзивной единицы новое смысловое содержание, связан с критическим положением на фронте, в частности, на московском направлении, что подтверждается Постановлением ГКО № 801 от 15.10.41 «Об эвакуации столицы СССР».

6 октября 1941 г. У. Черчилль написал в письме И.В. Сталину о намерении «обеспечить непрерывный цикл конвоев с промежутками в десять дней» [Черчилль 1991: 218]. При этом британский премьер-министр использовал латинское изречение *“*Bis dat qui cito dat”. Интерпретация данной аллюзии может служить подтекстом, объясняющим оценку премьер-министром Великобритании ситуации в критические моменты 1941 г. Всего с августа 1941 по май 1945 года было проведено 78 арктических конвоев, что составило практически половину всей помощи СССР по ленд-лизу.

Аллюзия “Inter arma silent leges” [Churchill 1950: 482] как единица повторной номинации на страницах мемуаров У. Черчилля воссоздает ассоциативные смысловые связи с ее изначальным контекстом, расширяя его новым событийным контекстом. Коннотация латинского изречения “Inter arma silent leges” [Churchill 1950: 482] / «Когда говорит оружие, законы молчат» [Черчилль 1991: 223] является ассоциативным источником, уместным, по мнению автора, в объяснении военных действий Великобритании и СССР против Ирана в августе 1941 г. Использование аллюзии в данном историческом контексте позволяет выявить авторскую оценку события: обеспечение безопасности поставок вооружений в СССР из Великобритании через территорию Ирана оправдывает оккупацию. Нарушение международного права и суверенитета Ирана У. Черчилль оправдывает тем, что «Англия и Россия боролись за свою жизнь» [Черчилль 1991: 223].

У. Черчилль в мемуарном повествовании о событиях августа 1941 г., когда СССР настойчиво обращался к премьер-министру за военной помощью, цитирует строки У. Шекспира: *“a patient shrug;* for sufferance is the badge” [Churchill 1950: 388]. Ассоциативный контекст аллюзивной единицы возникает при обращении к тексту комедии «Венецианский купец»:

“Still Have I borne it with a patient shrug,
For suff’rance is the badge of all our tribe” [Shakespeare 2000: 44].

«Я все сносил с пожатьем плеч покорным:
Терпенье – рода нашего примета» [Шекспир 1937: 403].

В попытке интерпретации литературной аллюзии как выразительной языковой единицы уместно вспомнить одно из объяснений семантической организации языкового высказывания, согласно которого именно «…контекст навязывает слову то или иное его понимание» [Языковая картина мира 2006: 752]. Использование аллюзии поэтической классики в контексте военного повествования позволяет предположить объяснение логики премьер-министра в принятии стратегических решений, когда при-

оритетом являются интересы собственного государства. Великобритания, которая вела на протяжении года войну с Германией в одиночку, после 22 июня 1941 г. получила передышку. При этом ресурсы Великобритании для помощи СССР, по мнению У. Черчилля, были ограничены, а советские потребности для ведения войны были немалыми. «Однако почти неизменно в ответ на запугивание и упреки я пожимал плечами терпеливо: терпение – девиз» [Черчилль 1991: 181]. Данная литературная аллюзия в событийном контексте августа 1941 г. «навязывает» авторскую убежденность в правомерности дозированной помощи новому союзнику без ущерба безопасности метрополии.

Таким образом, исследование аллюзивных единиц мемуарного текста в аспекте когнитивной парадигмы предполагает в своей основе интерпретационный анализ используемых автором аллюзий в их ассоциативном и историческом контекстах. Интерпретационный потенциал избранных автором аллюзий при репрезентации конкретного события позволил в толковании ассоциативного контекста первичной номинации аллюзивной единицы выявить авторскую оценку этого события. Можно сделать вывод, что аллюзия исторического текста мемуаров как единица повторной номинации, обогащая исходное концептуальное знание, содержащееся в ее изначальном контексте, позволяет расширять его и познавать действительность исторического прошлого сквозь призму авторской оценки события.

Литература

Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. М.: Азбуковник, 2001.

Черчилль У. Вторая мировая война. М.: Военное издательство, 1991. Т. 3.

Шекспир В. Полное собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. Венецианский купец. М.; Л.: Academia, 1937.

Языковая картина мира / под ред. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2006.

Churchill W. The Second World War. The Grand Alliance. Boston: Houghton Mifflin Company, 1950.

Holly D. Churchill's Literary Allusions. Jefferson: McFarland & Company, 1987.

Longman Dictionary of English Idioms. Harlow and London: Longman, 1979.

The Oxford Dictionary of Allusions. Oxford New York: Oxford University Press, 2001.

Shakespeare W. The Merchant of Venice. Ware: Wordsworth Classics, 2000.

T.N. Zubakina (Ekaterinburg, Russia)
Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

INTERPRETATION OF ALLUSIVE UNITS IN THE HISTORICAL CONTEXT OF W. CHURCHILL'S MEMOIRS

From the perspective of cognitive paradigm an effort to interprete an allusive unit in the associative and historical contexts makes possible to identify the author's

attitude to a particular historical event. W. Churchill's use of allusions in his memoirs reflects the peculiarities of his understanding the historical events' reality.

Key words: allusion, interpretation, context, memoirs, event.

Ю.С. Игнатова *(Кемерово, Россия)*
Кемеровский государственный университет
ign976@mail.ru

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ДЕЛЕГИТИМИЗАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ВЫБОРОВ В ДИСКУРСЕ ПОЛИТОЛОГОВ (на материале текстов В.Б. Пастухова)[1]

Статья посвящена исследованию метафор как средства делегитимизации в аналитических текстах политолога Владимира Пастухова. В качестве сферы-мишени метафорической экспансии выступают аргументы, подтверждающие незаконное участие кандидата-победителя в выборах Президента Российской Федерации 2012 г., ключевым из которых является неправомерная передача президентских полномочий.

Ключевые слова: политическая лингвистика, политический дискурс, делегитимизация, концептуальная метафора, политологи.

Правомерность политических процессов является значимой для общества темой, поэтому проблемы легитимности власти становятся объектом изучения ряда гуманитарных дисциплин, в том числе и лингвистики. В настоящий момент все исследования, посвященные языковым проявлениям стратегий делегитимизации, выполнены на материале политического и массмедийного дискурсов [Геворгян 2013; Голубева 2016; Колмогорова 2017; Синельникова 2015 и др.], дискурс профессиональных политологов в подобном аспекте не изучался, однако именно политологи формируют объективный взгляд на реалии политической действительности и дают их оценку.

Одним из политических событий, которые регулярно обсуждаются в аспекте их легитимности, являются выборы Президента Российской Федерации. Объектом обсуждения в масс-медиа, обществе и обзорах специалистов становятся результаты выборов, процедура их проведения, а также правомерность участия в выборах кандидата-победителя. Безусловно, мнение политологов имеет существенное значение в этой ситуации.

На языковом уровне стратегия делегитимизации «связана с экспрессивно-эмоциональными средствами языка, самым репрезентативным из которых является метафора» [Мамайко 2016: 167], используемая для интерпретации и оценки выборов, а также для формирования в обществе определенного отношения к ним. Метафора в обзорах политологов «является не

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00522 «Проблема легитимизации в политическом дискурсе: лингвоперсонологический аспект»

только средством украшения речи и привлечения внимания читателей, но и мощным и эффективным средством интерпретации и оценки политических процессов в современном мире» [Кондратьева, Игнатова 2019: 61].

Данная статья посвящена анализу метафор, используемых для делегитимизации выборов Президента РФ 2012 г. в аналитических статьях одного из наиболее авторитетных политологов России – В.Б. Пастухова, доктора политических и юридических наук, научного сотрудника University College of London, эксперта в российских и зарубежных изданиях. В его обзорах представлен глубокий анализ политических ситуаций, выраженный ярким метафоричным стилем, что и определяет интерес к работам политолога в аспекте лингвистического анализа.

Говоря о выборах Президента Российской Федерации 2012 года, В.Б. Пастухов неоднократно обращается к проблеме их легитимности, подчеркивая незаконное участие В.В. Путина, например: *Все это создает определенный* ***флер «нелегитимности»*** *третьего срока,* ***который станет витать над президентством Владимира Путина*** *все дальнейшее время нахождения у власти* (Новая газета, 2011). Политолог отождествляет нелегитимность участия кандидата в выборах с полупрозрачным покровом, скрывающим истинный смысл происходящих событий. Подобная метафорическая оценка во многом определяется неоднозначной интерпретацией текста Конституции РФ.

В.Б. Пастухов не только напрямую указывает на нелегитимность третьего президентского срока В.В. Путина, но и подтверждает это метафорически. Наиболее результативно стратегия делегитимизации выборов реализуется политологом при помощи метафор, восходящих к сферам-источникам «Религия», «Спорт», «Театр», «Медицина», «Гастрономия» и др.

1. Сфера-источник «Религия». Древнейшие представления о божественной природе права исторически послужили источником метафоры «дух закона», введенной в научный оборот Ш.Л. Монтескье. Действия В.В. Путина в рамках данной метафорической модели рассматриваются как акт изгнания духа из законов, то есть лишение их смысла: ***Дух права изгоняется из законов****, в том числе, конституционных. А без него эти законы превращаются в пустые матрицы, которые можно заполнить каким угодно содержанием* (Полит.ру, 2011). Легитимность выборов зависит от интерпретации закона: с точки зрения «буквы» В.В. Путин может вновь участвовать в выборах, потому что в Конституции есть пояснение «не более двух сроков подряд», но со стороны «духа», то есть значения закона, намерения В.В. Путина являются нелегитимными, так как фактически между Д.А. Медведевым и В.В. Путиным была договоренность о взаимной передаче полномочий.

2. Сфера-источник «Спорт». Переход президентских полномочий от Д.А. Медведева к В.В. Путину описывается политологом как один их шахматных ходов – рокировка: ***Если*** *покинувший пост президента лидер сохраняет преемнику второй по значимости пост в исполнительной власти и открыто заявляет, что* ***будущая «рокировка» была оговорена с преемником заранее как условие выбора и назначения последнего, то такой «третий срок» не только не легитимен****, но должен рассматриваться как издевательство над конституцией* (Полит.ру, 2011).

В.Б. Пастухов неоднократно дает негативную оценку этой рокировке, называя ее *«трюком»* и употребляя уменьшительно-ласкательную форму *«рокировочка»*: *Начавшись «трюком» с преждевременной отставкой Бориса Ельцина, президентство Владимир Путина заканчивается* ***«трюком» с рокировкой с Дмитрием Медведевым*** (Демократия.ру, 2012); ***«Конституционная рокировочка»*** *с самого начала* ***не выглядела безупречной как с политической, так и с сугубо юридической точки зрения*** (newsland.com, 2017).

Взгляд политолога на ситуацию отличается тем, что он не только поясняет причины нелегитимности власти, но и объясняет, при каких обстоятельствах те же цели политика были бы достигнуты правомерно. При помощи спортивной метафоры В.Б. Пастухов приводит пример легитимного третьего срока кандидата, сопоставляя ход избирательной кампании с матчем-реваншем в боксе или шахматной игре: *Если президент покинул свой пост по итогам открытой политической борьбы, проиграв выборы или внутрипартийные «праймериз», то он сохраняет право на «третий срок». Это своего рода* ***политический аналог права чемпиона мира по боксу (или по шахматам – в зависимости от ситуации) на матч-реванш. Такой «третий срок» будет совершенно легитимен*** (Полит.ру, 2011).

3. Сфера-источник «Театр». События выборов 2012 г. характеризуются В.Б. Пастуховым как спектакль, сценарий которого был тщательно подготовлен задолго до наступления выборов: *И Путин, и Медведев неоднократно утверждали публично, что между ними имелась договоренность о том, что Медведев уступит свое место Путину по истечении первого срока* (***и именно этот сценарий был реализован***) (newsland.com, 2017). Политолог вновь метафорически описывает передачу президентских полномочий политиками, но в данном случае при помощи театральной метафоры он делает акцент на том, что такой исход политических событий был продуман заранее.

4. Сфера-источник «Медицина». Отсутствие реакции общественности на нарушение одной из статей Конституции РФ и бездействие профессиональных юристов политолог называет тревожным симптомом, который в будущем может перерасти в опасную для общества болезнь: ***Самым тревожным симптомом для России является*** *не объявление о намерении Владимира Путина еще раз участвовать в президентских выборах, а* ***отсутствие профессиональной юридической дискуссии по этому поводу*** *в среде специалистов по конституционному праву* (Полит.ру, 2011).

При помощи морбиальных метафор В.Б. Пастухов отмечает, что право имеет способность сопротивляться некоторым нарушениям. В рамках обозначенной метафорической модели политолог сопоставляет данное качество права с иммунитетом: ***Праву присущ иммунитет к подобного рода трюкачеству****. Оно выстроено на субординации принципов, позволяющей блокировать недобросовестные попытки вырвать из общего контекста тот или иной юридический текст и использовать его в качестве обоснования правового произвола, что на наших глазах и происходит, собственно, с нормой пункта 3 статьи 81 Конституции Российской Федерации, предусматривающей, что одно лицо не может занимать должность президента Российской Федерации более двух сроков подряд* (Демократия.ру, 2012).

5. Сфера-источник «Гастрономия». Нелегитимности намерений В.В. Путина баллотироваться на пост Президента в 2012 г. В.Б. Пастухов посвятил несколько статей, одна из которых имеет показательный заголовок, содержащий гастрономическую метафору: ***Легитимность второй свежести*** (Полит.ру, 2011). Сомнения относительно законности участия В.В. Путина в выборах 2012 г. политолог сопоставляет с продуктом не первой свежести. Данная аналогия также проистекает из неоднозначности прочтения Конституции РФ и является отсылкой к знаменитой фразе об «осетрине второй свежести» из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Таким образом, посредством метафорического моделирования В.Б. Пастухов поясняет нелегитимность участия В.В. Путина на выборах 2012 г., которая проявляется в нарушении 81 статьи Конституции РФ. В качестве сферы-мишени метафорической экспансии в текстах политолога выступает не только значение закона, но и причины, по которым приход к власти В.В. Путина является нелегитимным, основной из которых становится договоренность В.В. Путина и Д.А. Медведева о передаче друг другу президентских полномочий.

Литература

Геворгян М.В. Реализация стратегии легитимизации действий (на материале американских статей, посвященных конфликту в Сирии, 2013) // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. С. 226-229.

Голубева Т.М. Лингвистические параметры стратегии легитимизации Евросоюза и делегитимизации Б. аль-Ассада в британском политическом дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2016. Т. 16. Вып. 4. С. 392-396.

Колмогорова А.В. Легитимизация как социополитический феномен и объект дискурс-анализа // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 33-40.

Кондратьева О.Н., Игнатова Ю.С. Метафорическое моделирование будущего России в прогнозах политологов (на материале текстов Владимира Пастухова) // Политическая лингвистика. 2019. № 3 (75). С. 61-71.

Мамайко С.Г. Стратегии и тактики политического общения в специфике вербальных средств их реализации в медиатизированном политическом дискурсе // Гуманитарные технологии в образовании и социосфере. 2016. С. 163-172.

Синельникова Л.Н. Дискурс власти: от легитимизации до манипуляции // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Филологические науки. 2015. Т. 1 (67). № 4. С. 10-15.

Yu.S. Ignatova (Kemerovo, Russia)
Kemerovo State University

METAPHORICAL DELEGITIMIZATION OF ELECTION RESULTS IN THE DISCOURSE OF POLITICAL SCIENTISTS (based on the texts of V.B. Pastukhov)

Article is devoted to research of metaphors as means of delegitimization in analytical texts of political scientist Vladimir Pastuhova. As area-target of metaphorical expansion the arguments confirming illegal participation of the candidate-winner in

presidential elections of the Russian Federation 2012 act, from which wrongful transfer of presidential powers is key.

Key words: political linguistics, a political discourse, delegitimization, a conceptual metaphor, political scientists.

М.И. Ильин *(Санкт-Петербург, Россия)*
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
michaelilian93@gmail.com

ХЕШТЕГИ НЕСОГЛАСИЯ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В TWITTER

В статье рассматриваются особенности функционирования хештегов негативной реакции на дискурс американских политиков в сервисе микроблогов Twitter. Выявляются их коммуникативные функции, национальная специфика их формирования, а также когнитивные операции, на которых строится их использование.

Ключевые слова: хештег, дискурс реагирования, микроблог, политическая коммуникация, несогласие.

Интернет-коммуникация как одна из форм глобального коммуникативного взаимодействия между людьми является в настоящее время неотъемлемым компонентом бытия человека в современном мире и характеризуется большой социальной значимостью. Одной из ее важнейших составляющих является политическая коммуникация, основной целью которой является получение, использование и удержание власти. Коммуникация такого типа представляет собой сложное полифункциональное, многоуровневое явление, которому присущи такие признаки, как разные семиотические коды (вербальные, невербальные), открытость текста на содержательно-смысловом и композиционно-структурном уровнях и массовость. Иными словами политическая коммуникация в Интернете интерактивна, что подразумевает возможность активного взаимодействия общающихся лиц, возможность вступать в прямой диалог с аудиторией, адекватно анализировать сложившуюся актуальную ситуацию и оперативно реагировать при необходимости. Дискурс реагирования, как целое, множественен и принадлежит социальному адресату – абстрактному субъекту. Социальный адресат воплощается в конкретных адресатах – авторах отдельных дискурсов реагирования. Основные особенности дискурса реагирования, как целого: а) диалогичность и вторичность, заключающаяся в его ответном характере; б) интердискурсивность, проявляющаяся в опосредованной связи различных конкретных дискурсов реагирования друг с другом, возникающей благодаря их непосредственной связи с исходным политическим дискурсом [Михайлова 1999].

Общение в Интернете вообще и политическое общение в частности осуществляются посредством использования различных технологий. Цель

данной статьи – описать особенности, вносимые в традиционную схему американской политической коммуникации таким инструментом коммуникативного ориентирующего воздействия, как хештег, и выявить когнитивные основания использования хештегов. Хештеги представляют собой слово / словосочетание / фразу, начинающуюся с символа #, и позволяют объединять тексты в группы на основе добавления ко всем сходным по форме элементам одинаковой гиперссылки. Публикуя сообщения (твиты) в своем официальном Twitter-аккаунте, политик делает порождаемый им дискурс «публичным, адресованным широкой аудитории», с которой вступает в диалог [Домышева 2007: 41]. В свою очередь, адресат, осознав суть сообщаемого, вычленяет намерение собеседника и выстраивает свою реактивную реплику, соглашаясь или не соглашаясь с пропозицией политика, используя для этой цели хештеги. В ходе стимульно-реакционного взаимодействия осуществляется коррекция представлений общающихся людей о мире [Иссерс 2003: 24]. Ответные тактики строятся на определенных когнитивных операциях, и, соответственно, использование хештегов должно иметь под собой определенные когнитивные основания.

Материалом исследования послужили дискурсы пяти политиков США: Д. Трампа, М. Пенса, М. Макконнелла, Н. Пелоси и Ч. Шумера. Всего было рассмотрено 746 демонстрирующих несогласие твитов с хештегами, опубликованных на английском языке в ответ на различные стимулирующие твиты, размещенные в период с сентября по декабрь 2019 года. Проведенный анализ позволил выявить 3 схемы применения хештегов в Twitter.

При реализации схемы «существенное содержание + отдельно стоящий хештег» хештеги не оформляются синтаксически как части предложений, они обычно добавляются в начале или в конце вербального / невербального компонента твита и отделяются друг от друга только пробелами. В указанных случаях установлено, что в силу описанной «обособленности» авторская модальность здесь оказывается «выведена» за рамки хештега и наиболее ярко представлена в других компонентах сообщения. Соответственно, говорящий использует хештеги главным образом по их прямому назначению: чтобы объединить свое мнение с коллективным мнением всех тех, кто публиковал твиты с таким же хештегом. В основе такого использования хештегов лежит когнитивная операция сближения части и целого: если рассматривать проблему как состоящую из нескольких частных аспектов, то обсуждение любого такого аспекта подводит к обсуждению более крупной проблемы. Например:

Ughhhh..you are such a baby. [Эмодзи] **#CryinChuck**

Исключением являются случаи, когда один и тот же хештег в репликереакции повторяется несколько раз либо осуществляется необязательное выделение хештега заглавными буквами. Дэвид Кристал в работе «Language and the Internet» отмечал, что заглавные буквы могут использоваться для имитации крика или акцентирования внимания [Crystal 2003: 35, 87], в то время как лексический повтор – известная стилистическая фигура, используемая для придания текстам экспрессивности. Это позволяет нам утверждать, что во всех аналогичных случаях использования хештегов автор указанным способом пытается повысить экспрессивность реагирующей реплики, усиливая эмоциональное воздействие. Так, в твите «**#IMPOTUS45 #IMPOTUS45** [Далее – изображения с негативными высказываниями в адрес Трампа]» автор выражает сильное

недовольство словами и действиями президента в том числе через дублирование хештегов с негативной оценочной окраской (расшифровка «IMPOTUS45»: Impeached 45th President of the United States). Когнитивная операция, на которой строится такое использование хештега, будет обозначена нами как фокусирование: когда мы обращаемся к какому-либо элементу, то любая его сторона может оказаться в фокусе нашего внимания, однако если человек фокусируется на какой-либо определенной стороне элемента, именно эта часть приобретает для него наибольшую значимость. В предложенном примере актуализируется модальный компонент семантики хештега.

При реализации схемы «хештег как часть предложения» возможно два случая: хештег может стать частью предложения или быть пунктуационно оформлен как отдельное предложение. В обоих описанных случаях (также основанных на когнитивной операции фокусирования) реагирующее лицо осуществляет воздействие не столько путем объединения своего мнения с коллективным, сколько путем выражения собственного отношения к пропозиции политика с опорой на коллективное мнение. Хештег перестает существовать как некий условно обособленный элемент, его используют, чтобы создать предложение, и в этом акте, на наш взгляд, можно обнаружить объективацию авторской модальности. При этом хештеги как части предложений чаще всего использовались в функции подлежащего или дополнения. Примеры реализации указанной схемы:

– Habitual **#LIAR** #DonaldTrump **#LYING #LIES** AGAIN!!!! (выделенные хештеги демонстрируют отрицательную истинностную оценку);

– **#MerryImpeachmas**! (дополнительное экспрессивно-оценочное оформление за счет постановки необязательного восклицательного знака).

Ориентирующее воздействие при реализации схемы «объективация реакции исключительно в форме хештега» достигается через отказ от выражения отношения в иных формах. Так, в случае с твитом «**#PenceKnew**» в реплике-реакции отсутствуют какие-либо иные компоненты, отражающие авторскую оценку пропозиции политика, единственное свидетельство наличия реакции – данный хештег. Воздействие осуществляется путем идентификации реакции автора с коллективным мнением. В основе такого использования хештегов лежит когнитивная операция слияния, когда все стороны рассматриваемого элемента в нашем мышлении сливаются в единое целое.

Как показывает анализ материала, координация и коррекция представлений адресата реплики-реакции путем «присоединения» своего мнения к коллективному может происходить в двух направлениях: «по тематике» и по «тематике и экспрессивно-оценочной направленности». В первом случае вербальная часть хештега сама по себе не демонстрирует оценочного компонента, а потому автор реагирующей реплики, используя хештег, добавляет свое сообщение к сообщениям, содержащим принципиально иную оценку тех или иных пропозиций, а иногда (как в случае с хештегом #WednesdayThoughts) даже не связанным со сферой политической коммуникации. Во втором случае сами по себе демонстрирующие оценочный компонент хештеги позволяют ориентировать адресата относительно

предмета разговора так, чтобы в его сознании актуализировалась четко определенная оценочная модальность. Так, #ImpeachPelosi однозначно объединяет твиты, демонстрирующие недовольство словами и действиями Н. Пелоси.

Языковое поведение интерпретируется наблюдателем «как поведение в наблюдаемом физическом контексте в реальном времени» [Кравченко 2016: 20]. В связи с этим отметим, что указанная оценочная модальность может «преломляться» в зависимости от ближайшего контекста и актуального политического дискурса, а в формировании и использовании хештегов четко прослеживается национальная специфика. В частности, хештег #Trump2020 может быть интерпретирован как демонстрация положительной или отрицательной оценки в зависимости от того, используется ли он при реагировании на дискурс республиканца или демократа. В то же время у 4 из 5 политиков вербальный компонент хештегов в рассмотренных репликах-реакциях несогласия либо демонстрирует оценку, не порождающую стимула к действию (#MoscowMitch), либо демонстрирует бездейственную активность (#weopposeflavorbans), а специфическое отношение к Н. Пелоси в хештегах выражено в использовании императива. Большинство твитов-реакций на реплики М. Макконнелла за указанный период содержат хештег #MoscowMitch, но, когда политик сообщает о встрече с активистом Н. Лоу, по употребляемости начинает лидировать хештег #StandWithHongKong, наблюдаемый преимущественно в англоязычных твитах гонконгцев.

Итак, в рамках дискурса, порождаемого политиками США, при использовании хештегов в реплике-реакции выявляются специфические особенности их использования для оказания коммуникативного воздействия. Выражая несогласие, реагирующие лица воплощают в хештегах индивидуальные, коллективные и национальные представления, осуществляя когнитивные операции сближения части и целого, фокусирования и слияния.

Литература

Домышева С.А. Политический дискурс vs дискурс реагирования: оценка политика как «человека неискреннего» в средствах массовой информации // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 22. С. 41-44.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 3-е изд., стер. М.: УРСС, 2003.

Кравченко А.В. Эпистемологическая ловушка языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 3. С. 14-26.

Михайлова Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1999.

Crystal D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

M.I. Ilin (Saint Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University of Russia

HASHTAGS OF DISAGREEMENT IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE IN TWITTER

This study is concerned with characteristics of hashtags usage in situations when users try to express disagreement with the discourse of American politicians in the microblogging service Twitter. The study attempts an analysis of the communicative functions of hashtags, as well as of the national specifics of hashtags and underlying cognitive operations.

Key words: hashtag, responsive discourse, microblog, political communication, disagreement.

О.С. Иссерс *(Омск, Россия)*
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
isserso@mail.ru

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ПРИЕМЫ СТИМУЛЯЦИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО СПРОСА, ИЛИ 7 «ЧЕРНЫХ ПЯТНИЦ» НА НЕДЕЛЕ

В статье рассматривается стратегия создания рекламных текстов, анонсирующих одну из масштабных ежегодных распродаж – «черную пятницу». Установлено, что в целях мотивации потребителя используется ряд лингвокогнитивных и прагматических приемов моделирования события в сознании адресата, которые проиллюстрированы на примере слоганов и заголовков рекламных текстов.

Ключевые слова: лингвокогнитивный прием, рекламный дискурс, копирайтинг, черная пятница, потребительское поведение.

Яркой приметой современной «эпохи излишка» является активное формирование в России общества потребления и свойственной ему «шопинг-культуры», которая, в свою очередь, определяет новые ценностные ориентиры, влияет на модели потребительского поведения. Одной из маркетинговых новаций в России 2000-х гг. стало проведение регулярных акций, приуроченных к определенным датам и нацеленных на стимуляцию потребительского спроса («черной пятницы», «киберпонедельника» и др.). Эта коммерческая стратегия активно поддерживается современными технологиями копирайтинга при создании воздействующих рекламных текстов.

Реклама как инструмент маркетинговой коммуникации является одним из важнейших средств воздействия на индивидуальное и массовое сознание. Индивид все более погружается в эту коммуникативную среду, осмысляет реальность через рекламные категории и слоганы [Бодрияр 1995; Дрю 2003].

Потребительское поведение в значительной степени формируется дискурсивно – через лингвокогнитивные категории и стратегии речевого воздействия. Как утверждал основатель теории позиционирования Дж. Траут, «поля маркетинговых сражений – это сознание потребителя» [Траут 2001: 7].

Одним из мощных мотивов потребительского поведения является поиск выгоды от приобретения товара или услуги. Представления о выгоде формируются различными способами, но ни один из них не может быть эффективным без учета цены товара либо услуги. Наблюдения за языковыми репрезентациями концепта ЦЕНА в российском рекламном дискурсе

позволяют отнести его к числу ключевых в современной языковой картине мира [Иссерс 2012]. Установлено, что в сфере экономики *цена* и *стоимость* входят в список актуальных категорий концептосферы русского языка [Концептосфера русского языка 2010; Слышкин 2004]. ЦЕНА и ассоциируемые с ней представления о низких / высоких ценах, распродажах и скидках относятся к тем ментальным образованиям, которые во многом формируют массовое сознание и активно влияют на поведение потребителей.

В рамках настоящего исследования были изучены те дискурсивные новации, которые отражают современные маркетинговые практики стимуляции потребительского спроса. С 2000 г. в жизнь россиян активно внедряются «черные пятницы», «киберпонедельники», PrimeDay и др. акции распродаж. В качестве материала использованы рекламные слоганы и заголовки коммерческих текстов, представленные в интернет-источниках, а также зафиксированные в наружной, печатной и интернет-рекламе (всего более 180 единиц).

Установлено, что в целях мотивации потребителя используется ряд приемов моделирования события в сознании адресата, которые представлены и проиллюстрированы ниже.

Наиболее частотным, но, по мнению маркетологов, недостаточно эффективным является (1) **прямое обозначение акции** при помощи закрепленной за ней номинации «черная пятница» в сочетании с указанием на проценты скидок.

АШАН: Черная пятница! Скидки до 70%!

MrDom: Черная Пятница в самом разгаре!

Не менее традиционным стимулом для потребителя является (2) **призыв к реализации потенциальной выгоды** (обычно репрезентируется лексемой *шанс*):

Живой Кофе: Черная пятница! Скидка -25% на все! Не упусти свой шанс!

SPIM.RU: Последний шанс успеть на главную распродажу года!

Возможны и более категоричные призывы-предупреждения, побуждающие к действию:

REDMOND: Последние часы BlackFriday. Мы предупредили.

Movavi: Вы сошли с ума, если собираетесь пропустить Черную Пятницу.

Действенным приемом воздействия служит (3) **моделирование напряженного ожидания потребителями** данного события, для чего используется слоган-анонс:

Miascarpa: Черная пятница уже близко!

МегаФон: Черную пятницу ждали? Уже здесь!

Поскольку «черная пятница» начинается в полночь, в рекламных текстах актуализируется идея бессонной ночи ожидания:

Debenhams UK: А вы завели будильник?

BrooksBrothersGroup: *Вам понадобится кофе. Распродажа Черной Пятницы начинается в полночь.*

Представления о временных рамках события (4) формируются таким образом, чтобы «разогреть» потребителя. В связи с этим маркетологи начинают подготовку к «черной пятнице» заранее: объявляются ее «репетиции», «прогоны», делается «обратный отсчет» и даже предлагается новое обозначение срока, предшествующего распродаже, – *препятница*:

Mamsy: Объявляем репетицию Черной Пятницы.

Pull&Bear: Подготовь свою корзину к «черной пятнице»!

Latoda.ru: Препятница на Latoda! Главная распродажа года началась!

Mamsy: Финальный прогон перед Черной пятницей.

Playstation: Сверьте часы! Обратный отсчет до «Черной пятницы» начинается.

Желание продлить период распродаж, чтобы освободить склады для новых товаров, побуждает продавцов к продлению акции, в связи с чем наблюдается десемантизация исходной номинации, обозначающей конкретный день недели. Хронологические рамки распродажи расширяются от 3–4 дней до целого месяца:

Бельэтаж: 4 дня скидок 50% на 400 товаров! Старт Черной Пятницы!

Последний день ЧЕРНОЙ-ЧЕРНОЙ пятницы!

Милабель: 7 Черных Пятниц на неделе – шоппинг-событие года.

М. Видео: Черная пятница длиною в месяц.

SPIM.RU: Черная…Суббота! ☺

VanDyke'sRestorers: Еще одна Черная Пятница!

HozTovar.ru: По многочисленным просьбам! Черная пятница продлена!

В некоторых случаях установить временные рамки события вообще представляется затруднительным:

Angara.com: Последний день ранней распродажи в честь Черной Пятницы.

Одним из действенных способов привлечения внимания адресата является (5) **интрига**, в связи с чем слоганы и заголовки коммерческих писем строятся на возбуждении любопытства:

Домашний: ЧЕРНАЯ ПЯТНИЦА! Узнайте, что мы для Вас приготовили!

Eve: Грядет что-то грандиозное…

Forever 21: Секретная распродажа – Сколько вы сэкономите?

Clarins: Черная пятница: делимся самым драгоценным!

ЛакоДом: Сколько пятниц вы насчитали в этом месяце?

Поскольку адресаты рекламных слоганов в интернете не слишком доверяют «черной пятнице», так как считают скидки уловкой маркетологов, актуальным является (6) **указание на честность продавцов**:

ZIQ & YONI: Честная Черная Пятница. 24 ноября. 24 часа.

Альпина Паблишер: Честные скидки до 70% на 400+ книг! Черная Пятница.

Моделирование конкурентных преимуществ (7) для первых участников распродаж является популярным воздействующим приемом:

REDMOND: Черная Пятница. Получи доступ к бомбическим скидкам - 80% раньше остальных.

Adidas: Начни Черную пятницу раньше всех.

Креативные решения строятся на использовании **разнообразных метафорических моделей** (8), актуализирующих идеи выгоды. Приобретение в «черную пятницу» сравнивается с ограблением, запоем, безумием, сожжением цен и т.п.:

Высшая лига: Черная пятница – ограбление высшей лиги!

Фотошкола Орлова: Все посходили с ума с этой черной пятницей, и я тоже…

Л'Этуаль: Страшно горят цены в л'Этуаль! Черная пятница!

Следствием метафорического использования цветового обозначения в названии акции является (9) **семантизация цвета** как символа сниженных цен: *Центр: Скидки до 20% в Белую среду! Переходи на светлую сторону!*

Spec-army.ru: *Уже сегодня! Красные цены в черную пятницу!*

Postel-Delux*: Черная прятница уже закончилась, а Красная пятница в самом разгаре!*

Выводы

Формируемое в рекламе представление о «черной пятнице» как символическом периоде выгодных приобретений обладает исключительной силой влияния на массовое сознание, что позволяет эффективно управлять мыслями и поведением потребителя. Это находит отражение в дискурсивных практиках копирайтинга, нацеленных на моделирование необходимых рекламодателю мотивов и реакций.

Однако данные маркетологов свидетельствуют о снижении воздействующего эффекта акции. И «даже если название останется, но “ДНК” этого явления придется пережить решительную мутацию во что-то новое, как когда-то ритм-энд-блюз переродился в рок-н-ролл» [Калмыков 2018].

Литература

Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995.

Дрю Ж. Ломая стереотипы: реклама, разрушающая общепринятое. М.; СПб., 2003.

Иссерс О.С. «Цены пошли лесом»: метафорическое моделирование представлений о ЦЕНЕ в обществе потребления // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Филология. 2012. № 2. Т. 7. С. 60-70.

Калмыков А. «Черная пятница» 2018: выгода или обман? Пять фактов о всемирном празднике распродаж. URL: https://www.bbc.com/russian/features-46297938.

Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря / под ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. Волгоград: Перемена, 2004.

Траут Д. Новое позиционирование. СПб., 2001.

O.S. Issers (Omsk, Russia)
Dostoevsky Omsk State University

LINGUO-COGNITIVE METHODS OF STIMULATION OF CONSUMER’S DEMAND OR IT’S BLACK FRIDAY EVERY DAY

The article discusses the strategy of creating advertising texts announcing one of the biggest annual sales Black Friday. It has been established that in order to motivate a consumer, a number of linguistic-cognitive and pragmatic methods of modelling events in the recipient’s mind are used, which are illustrated by the example of slogans and headings of advertising texts.

Key words: linguo-cognitive methods, advertising discourse, copywriting, Black Friday, consumer behavior.

Т.В. Ицкович *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
tatiana.itckovich@urfu.ru
Ц. Чэн *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
achengjiaojiao@gmail.com

МЕТАФОРА В ЖАНРЕ ОЧЕРКА: КАТЕГОРИАЛЬНО-ТЕКСТОВОЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ ОЧЕРКОВ В.М. ПЕСКОВА)[1]

Метафора, используемая в заголовке очерка, определяет его композиционно-тематическое структурирование. Экспликация категории темы происходит с использованием логического принципа часть – целое, где целое – это метафора, а часть – элементы действительности, позволяющие читателю осознать представление автора о мире, которое отражается в композиции жанра очерка.

Ключевые слова: когнитивная метафора, жанр, очерк, В.М. Песков, текстовые категории.

Очерк – жанр, который находится на пересечении двух функциональных стилей: публицистического и художественного, что обусловливает его характерологические признаки, в частности, особый характер экспликации текстовых категорий. Использование изобразительно-выразительных средств, в том числе метафоры, в большей степени является особенностью художественного стиля, где метафора помогает эксплицировать категорию тональности. В то же время в публицистическом стиле метафора в жанре очерка выполняет функцию не только отражения субъективной модальности, но и влияет на экспликацию других текстовых категорий, помимо категории тональности, переходя, тем самым, в разряд когнитивных метафор.

Целью настоящего исследования является изучение роли когнитивной метафоры в жанре очерка. Материалом послужили тексты известного журналиста В.М. Пескова, чьи очерки можно считать образцовыми [Бушков 2015; Куроедова 2015; Малышев 2014; Щеглова 2017]. Методом исследования является категориально-текстовой анализ [Матвеева 1990].

Обратимся к текстам очерков. Метафоры широко используются автором в качестве заголовков. По мнению В.П. Григорьева, «текст, вообще

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00399 А «Аксиологический потенциал современной русской метафоры»

говоря, выступает как индивидуальная, предельно распространенная “перифраза” заглавия, заглавие в свою очередь представляет собой если не перифразу (например, в случае однословного заглавия), то некоторую, “чудовищно уплотненную” аббревиатуру текста» [Григорьев 1979: 194].

Анализ заголовков в Собрании сочинений В.М. Пескова в 23-х томах показал, что каждое название представляет собой словосочетание из двух-трех слов, причем большая часть заголовков метафоричны (*По зимнему следу, Река и жизнь, Друзья из берлоги, Неодетая весна, в травяных джунглях, Зимние квартиранты, Ржаная песня, Запечатленная тайна, Мир на ладони, Зимние перезвоны, Золотые закаты*). Заголовки выполняют не только номинативную, но и, в силу метафоричности, воздействующую функции. Заголовок, понимаемый как свернутое содержание текста, является сильной позицией и отражает категорию темы.

Обратимся к тексту очерка *Неодетая весна*. Метафорический заголовок является базовой номинацией темы, которая также в виде грамматического трансформа содержится в последнем абзаце, образуя кольцевую композицию: *время неодетой весны*. Следуя логическому соотношению понятий *целое – часть*, автор последовательно выстраивает микротемы, каждая из которых соответствует одной из граней метафоры *неодетая весна*, причем оба компонента метафоры раскрываются на протяжении всего текста. *Неодетая весна* – это определенный временной период, сема времени содержится в тематической цепочке *неодетая весна* (а) – *пора* (б) – *дней десять* (в) – *время* (г) – *время* (г) *неодетой весны* (а). Основной прием, используемый автором, – это замена базовой номинации на референтно тождественные номинации: *пора* (б), *дней десять* (в), *время* (г); а также на грамматический трансформ: *время неодетой весны* (а). Основная тематическая цепочка выглядит следующим образом: а б в г г а, что позволяет сделать вывод о разнообразии используемых номинаций.

Разворачивая метафору *неодетая весна*, автор использует функционально-смысловой тип речи описание и последовательно располагает в тексте очерка микротемы *Земля*, *Звуки неодетого леса*, *Краски неодетого леса*, которым соответствуют композиционные элементы. Остановимся на сказанном более подробно.

В.М. Песков сначала обращает свой взгляд на *землю*, с которой стаял снег: *Снег земля скинула, а в зелень еще не оделась*. Описание земли, с которой стаял *снег* и которая либо высохла полностью, либо на ней еще есть *вода*, подземного *царства*, в котором живет *мышиный народец*, позволяет раскрыть одну из смысловых частей метафоры *неодетая весна* и является первым композиционным элементом. *Таяние снега* эксплицируется при помощи следующих номинаций: *снег* (а) – *половодье* (б) – *много воды* (в) – *вода* (в) – *воду* (в) – *снегом* (а) – *снег* (а) – *под снегом* (а) – *вешние воды* (г) – *снежной воды* (д). Базовая номинация *вода* (в), *снег* – лексически новая дополнительная таксономическая номинация, а так как *снег* и *вода* – разные состояния вещества; основная номинация из них *снег* (а). Разнообразно представленная тематическая цепочка данной микротемы а б в в в а а а г д подтверждает идею о расположении жанра очерка на пересечении публицистического и художественного стилей.

Под землей живут *мыши*, таяние снега привело к тому, что *Теперь же мышиные царства доступны глазу*. В микротеме *Мыши* используются следующие номинации: *мышиной* (а) – *жизни* (б) – *эту* (в) – *жизнь* (б) – *мышиные* (а) – *царства* (г) – *они* (д) – *мышиный* (а) – *народец* (е) – *он* (ж) – *мышиного* (а) – *государства* (з) – *добычей* (и) – *мышиный* (а) – *хвост* (к). Базовая номинация *мышиный* (а) является и основной (5 повторений в ключевых местах текста); лексически новые номинации *царства* (г), *государства* (з) – синонимы, имеющие аллюзии с фольклором – *в некотором царстве, в некотором государстве*; лексически новые единицы *народец* (е), референтно тождественная номинация *добычей* (и); лексически новые таксономические номинации, синекдоха *хвост* (к); таксономическая номинация с переходом на более высокий обобщающий уровень по отношению к остальным дополнительным номинациям *жизнь* (б); субституты – указательное местоимение *эту* (в); личные местоимения *они* (д), *он* (ж). Малое количество субститутов говорит о богатстве и разнообразии использования лексических средств.

Следующая грань метафоры *неодетая весна – звуки леса*: *Неодетый лес прозрачен, светел и голосист*. Логическая структура *часть – целое* помогает организовать данный фрагмент текста по разным смысловым линиям. Так, лес – это птицы, насекомые, то есть *лесной народец*. *Лес* (а) – *дрозды* (б) – *скворец* (в) – *зяблик* (г) – *дятел* (д) – *чибисы* (е) – *жаворонок* (ж) – *это* (з) – *муравьи* (и) – *муравьиный* (*топот*) (и) – *муравьиные* (*тропы*) (и) – *лесной народец* (к).

Лесной народец наполняет лес разными звуками, это еще одна смысловая линия, через которую раскрывается ключевая метафора: *неодетый лес голосист*. *Голосист* (а) – *горланят* (б) – *свищет* (в) – *рюмит* (г) – *на гулком* (д) *суку – творит песню* (е) – *кричат* (з) – *звенит* (и) – *слышишь шорох* (к) – *топот слышен* (л).

Последний композиционный фрагмент связан с микротемой *Краски неодетого леса*. Тему цвета эксплицируют следующие номинации: *лимонного цвета* (а) – *буроватом* (б) – *лилово-розовой краски* (в) – *цветет* (г) – *цветут* (г) – *желтыми звездами* (д) – *цветы* (е) – *цветущие ивы* (ж) – *цветенье многообразное* (з) – *желтые фонари* (и) – *жемчужную мелкую* (к) – *серебряные барашки* (л) – *буровато-рыжее время* (м) – *зеленый дым* (н) – *зеленый дым* (н) – *зеленый шум* (о).

Базовая номинация из них *цвет*; таксономические лексически новые номинации: *лимонного цвета* (а), *буроватом* (б), *лилово-розовой краски* (в), *желтыми звездами* (д), *цветущие ивы* (ж), *желтые фонари* (и), *жемчужную мелкую* (к), *серебряные барашки* (л), *буровато-рыжее время* (м), *зеленый дым* (н), *зеленый шум* (о); грамматические трансформы: *цветет* (г), *цветут* (г); референтно тождественные номинации: *цветенье многообразное* (з).

Итак, метафора, вынесенная в заглавие текста в жанре очерка, определяет его тематическое и композиционное развертывание. «Разворачивая» метафору, автор последовательно, в соответствии с логическим принципом *часть – целое* и законами композиции, располагает микротемы, каждая из которых раскрывает одну из смысловых граней ключевой метафоры. Экс-

пликация категории темы происходит за счет разнообразных дополнительных лексических номинаций: используются синонимы, референтно-тождественные номинации, трансформы.

Литература

Бушков Р.А. Сернурские очерки Василия Пескова // Вестник Марийского государственного университета. 2015. № 2 (17). С. 97-102.

Григорьев В.П. Поэтика слова. М.: Наука, 1979.

Куроедова М.А. Поэтический синтаксис как средство выражения индивидуально-речевой манеры публициста (на примере очерков В. Пескова) // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 68. С. 167-171.

Малышев А.А. Лексико-семантические средства передачи звука в очерках В.М. Пескова «Любовь-Камчатка» // Медиалингвистика. Вып. 3. Речевые жанры в массмедиа. 2014. С. 142-145.

Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990.

Сычева Е.В. Интерференция художественного и публицистического дискурса (на материале путевых очерков В. Пескова) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 3. С. 118-121.

Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М.: Аспект пресс, 2017.

Щеглова Е.А. Стилистические особенности путевых очерков В.М. Пескова «Путешествие с молодым месяцем» как поликодового текста // Медиаскоп. 2017. № 3. С. 2-11.

T.V. Itskovich (Ekaterinburg, Russia)
Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
J. Cheng (Ekaterinburg, Russia)
Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

METAPHOR IN THE ESSAY GENRE: CATEGORICAL-TEXTUAL ASPECT (BASED ON V.M. PESKOV'S ESSAYS)

The metaphor is used in the title of the essay and defines its compositional and thematic structuring. The theme category implements the logical principle of the whole and its part. The whole is a metaphor, and the part is the elements of reality that allow the reader to understand the author's idea of the world. The composition of the essay reflects the elements of metaphor.

Keywords: cognitive metaphor, genre, essay, V.M. Peskov, text categories.

Х.М. Кадачиева *(Махачкала, Россия)*
Дагестанский государственный университет
haibat@mail.ru
А.Р. Абдулкадырова *(Махачкала, Россия)*
Дагестанский государственный университет
asya055@mail.ru

ТЕКСТОВЫЕ МЕТАФОРЫ В РАССКАЗЕ Э. ХЕМИНГУЭЯ «КОШКА ПОД ДОЖДЕМ»

В статье рассматривается процесс порождения ключевой текстовой метафоры в рассказе Э. Хемингуэя «Кошка под дождем». В результате лингвостилистического и лингвоконцептуального анализа выявляются базовые метафорические концепты ЖЕЛАНИЕ, ДЕПРЕССИЯ и ИЗОЛИРОВАННОСТЬ. Интегрированное их восприятие и особенности идиостиля писателя способствуют экспликации ключевой текстовой метафоры ОДИНОЧЕСТВО.

Ключевые слова: текстовая метафора, ключевая метафора, базовая метафора, интеграция концептов, идиостиль Э. Хемингуэя.

В лингвистике на современном этапе развития особое внимание уделяется изучению метафоры. Являясь сложным и многоаспектным явлением, метафора послужила формированию разного рода теорий, зачастую конкурирующих между собой. Данный факт объясняет, почему и на данный момент не существует единой общепринятой теории метафоры. Ученые не пришли к единогласному мнению, что служит основой метафорического переноса, и какие семантические характеристики берутся за основу при проецировании. Дискуссии также подвергается вопрос о принадлежности метафоры к языковой, концептуальной или дискурсивной области.

Исходя из когнитивной теории, мы разделяем точку зрения Дж. Лакоффа и М. Джонсона на метафору как явление концептуальное, как способ познания мира. В соответствии с когнитивным подходом, метафоры делятся на базовые (ключевые) и второстепенные (побочные). Базовые метафоры формируют представление о конкретном предмете, расширяют познания относительно слабо изученной области.

Второстепенные метафоры коренным образом отличаются от базовых, поскольку они уникальны и лежат вне наших понятийных возможностей. Данное разделение основано также на различных функциях метафоры – структурирующей и концептоорганизующей.

По мнению В.Ю. Пановица, «базовая языковая метафора задает рамки объединения широкого спектра метафорических реализаций в пределах ситуации, сценария, фрейма, определяемого исходным значением метафорического имени» [Пановица 2016: 155]. Отличительной особенностью его точки зрения является рассмотрение базовой метафоры в процессе текстопорождения, где она трансформируется в ключевую текстовую метафору, в зависимости от выполняемой роли. Как концептуальная метафора, ключевая текстовая метафора объединяет весь текст произведения, придает ему смысловую целостность в процессе текстопорождения. Она может представлять собой единство нескольких метафорических моделей, которые в

свою очередь, являются лингвокогнитивным объединением ментальной схемы и ее репрезентаций в языке [Лакофф 1996: 25].

В опоре на данное толкование нами был проанализирован рассказ Э. Хемингуэя «Кошка под дождем» и установлено, что ОДИНОЧЕСТВО является ключевой текстовой метафорой, которая актуализируется посредством базовых метафор ИЗОЛИРОВАННОСТЬ, ЖЕЛАНИЕ и ДЕПРЕССИЯ. Ключевая текстовая метафора актуализируется в текстовом полотне произведения Эрнеста Хемингуэя главным образом лексическими единицами, стилистическими и синтаксическими средствами. При этом особенности идиостиля автора, такие как элементы недосказанности, широкое использование подтекста, контраст между описываемыми предметами и событиями, простота авторской речи и речи героев, принцип айсберга, лаконичность повествования, тщательная экономия стилистических средств, обусловили необходимость интегративного подхода к процессу выявления, описания и анализа особенностей вербальной репрезентации текстовых метафор.

Определенных лексических средств, эксплицитно выражающих авторскую метафору ОДИНОЧЕСТВО, в тексте нет. Ключевая текстовая метафора накапливается постепенно – через акценты (выраженные повторами), делаемые на определенные черты поведения и речи персонажей, через со- и противопоставление их характеристик, через широко и разнообразно используемую художественную деталь и непосредственно через реализацию метафорических концептов ИЗОЛИРОВАННОСТЬ, ДЕПРЕССИЯ и ЖЕЛАНИЕ.

Метафорический концепт ЖЕЛАНИЕ символически совпадает в рассказе с образом кошки, которую пытается заполучить главная героиня. Для нее кошка ассоциируется с детьми, заботой, домашним очагом и уютом, со всем тем, чего ей так сильно не хватает в семейной жизни. Не найдя кошки, девушка поднимается в свой номер и не в силах совладать со своими эмоциями начинает говорить о своих желаниях. Автор использует многократные лексические повторы I want (11 раз) и cat (в общей сложности в различных вариациях 21 раз), многосоюзие и анафорические повторы: And I want to eat at a table with my own silver and I want candles. And I want it to be spring and I want to brush my hair out in front of a mirror and I want a kitty and I want, эмфазы, сослагательное и условное наклонения: Don't you think it would be a good idea if I let my hair grow out, за счет чего достигается напряженность повествования.

Отчаянный монолог героини отражает ее внутреннее состояние беспокойства, тревожности и депрессии, которое вызвано не только желанием иметь кошку, но и холодным отношением ее мужа. Усилению эффекта нарастающей депрессии способствуют сгущающиеся сумерки и непрекращающийся осенний дождь. Следующие лексические репрезентанты усиливают ощущение тревожности и служат актуализации текстовой метафоры ДЕПРЕССИЯ: poor kitty, it was raining, cat was gone, it isn't any fun to be a poor kitty out in the rain, drip, anyway, dim room, bad weather, get wet, getting dark, empty square, get so tired of it,suddenly disappointed etc.

В описании героев автор избегает определений, он не дает подробной их характеристики, но расставляет по всему повествованию детали [Абдуллина 2018: 216-219]. Даже главную героиню он не называет по имени. Местоимение she, обозначающее главную героиню, употребляется в рассказе 25 раз, wife – 7

раз, signora – 4 раза, girl – 4 раза. «Таким образом, он как бы говорит не о какой-то определенной женщине, а представляет обобщенный образ, подразумевая тем самым, что каждая женщина может быть в каком-то смысле одинокой и непонятой» [Салынина 2014: 155]. Имя мужа довольно типично – Джордж, автор будто указывает, что судьба героев многократно повторяется в реальной жизни.

Жизнь молодой американки не сильно ей нравится. Она тоскует по родине, по отсутствию домашнего тепла, семейного гнездышка, и единственный родной ей человек оказывается не сильно ею заинтересован. Она чувствует себя одинокой, покинутой и изолированной. Текстовая метафора ИЗОЛИРОВАННОСТЬ вводится автором с самого начала повествования, этому способствует и семантический повтор слов: only, hotel, room, not to know people, empty square, bed, office, desk. Слово room повторяется на протяжении повествования пять раз. Слово hotel встречается шесть раз, что усиливает ощущение одиночества героев и монотонности происходящего. Этому способствуют и рассыпанные в рассказе косвенные детали, подчеркивающие причины их случайной изоляции: других американцев не было, с прочими постояльцами отеля не знакомы, кафе пусто, погода тоже не радует.

По мере развития сюжета читатель понимает, что Э. Хемингуэй в одних случаях отделяет одно пространство от другого, а в других – наоборот, осуществляет их соприкосновение [Кащеева 2018: 3]. Джордж ни на минуту не отрывается от чтения книг, не встает с постели и инициативу в общении не предпринимает – не нарушает границ пространства. Пространственное расположение жены постоянно сменяется одно за другим, что говорит о ее душевной неустроенности, стремлении реализовать свои мечты и желания любым образом [Кащеева 2018: 5]. Таким образом, можно утверждать, что их пространства не соприкасаются, как и их жизненные позиции.

Введение текстовой метафоры ИЗОЛИРОВАННОСТЬ продолжается и в описании погоды. Монотонный дождь сам по себе привносит в повествование оттенки грусти и холодного одиночества, и чем сильнее он, тем напряжение усиливается. Усилению эффекта нарастающей депрессии способствуют сгущающиеся сумерки и меняющиеся краски: bright green in the rain – getting dark – quite dark.

Метафорический концепт ИЗОЛИРОВАНННОСТЬ отражает не только физическую ограниченность рамками комнаты, а также актуализирует отношение супругов на протяжении всего рассказа. Вытесненное в подсознательную сферу желание иметь детей и свой дом вызывает безотчетную и болезненную тревогу в американке на протяжении всего повествования. Американка, четко осознающая бесперспективность спокойной семейной жизни с Джорджем, пытается побороть свои переживания, скрывает их под маской спокойствия и равнодушия [Козлова 2017: 138-140]. Но когда муж проигнорировал ее просьбу о кошке, все ее страхи и желания вырываются наружу, демонстрируя переплетение базовых метафор ДЕПРЕССИЯ и ЖЕЛАНИЕ. Девушка желает новую одежду – символ перемен; весну – символ тепла, уюта, перерождения; кошку – символ домашнего очага, дома,

ласки и грациозности. Но в семье американцев царит эгоистичное непонимание друг друга, вызванное комплексами обоих. Проблема героев в обоюдном бездействии, они оба ничего не делают для того, чтобы что-то изменить [Гуренкова 2017: 40].

Таким образом, мы наблюдаем, как ключевая текстовая метафора ОДИНОЧЕСТВО формируется в результате взаимодействия базовых метафор ИЗОЛИРОВАННОСТЬ, ДЕПРЕССИЯ и ЖЕЛАНИЕ. Их интеграция в рамках ключевой метафоры способствует порождению, восприятию и правильному пониманию текста, реализации авторских интенций. При незначительности внешних событий, описанных в рассказе, и строгой лаконичности стиля, автору удалось передать многообразные психологические нюансы и настроение героев, обрисовать глобальные проблемы современности. Накапливаясь постепенно, ключевая текстовая метафора реализуется на протяжении всего рассказа, выполняя свои познавательные и эмотивные функции.

Литература

Абдуллина А.Ш. Поэтика подтекста в рассказе Э. Хемингуэя «Кошка под дождем» // Экспериментальные и теоретические исследования в XXI веке: проблемы и перспективы развития. 2018. С. 216-219.

Гуренкова Ю.В. Лингвокультурологический анализ рассказа «Кошка под дождем» Эрнеста Хемингуэя // Приоритеты мировой науки: эксперимент и научная дискуссия. 2017. С. 39-45.

Кащеева Т.А. Характеристика пространства как прием структурирования системы образов в рассказе Э. Хемингуэя «Кошка под дождем» // Наука и образование: новое время. 2018. № 5. С. 310-315.

Козлова Г.А. Проблема одиночества в рассказе Э. Хемингуэя «Кошка под дождем» (К вопросу фрейдистского контекста рассказа) // Наследие Ю. И. Селезнева и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории: материалы IV Международной научно-практической конференции. 2017. С. 138-142.

Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. М., 1996.С. 143-185.

Пановица В.Ю. Метафорическое моделирование как принцип организации романной структуры (на материале романного цикла Д. Рубинной): дис. … канд. филол. наук. Томск, 2016.

Салынина А.П. Репрезентация концепта ОДИНОЧЕСТВО в рассказе Э. Хемингуэя «Кошка под дождем» // Герменевтический круг: Текст – смысл – интерпретация. 2014. С. 151-155.

Kh.*M*. Kadachieva (Makhachkala, Russia)
Dagestan State University
A.R. Abdulkadyrova (Makhachkala, Russia)
Dagestan State University

TEXTUAL METAPHORS IN E. HEMINGWAY'S PROSE (ON THE MATERIAL OF "CAT IN THE RAIN")

The article studies the generation of a key textual metaphor in the story "Cat in the rain" by E. Hemingway. Basic metaphoric concepts DESIRE, DEPRESSION

and ISOLATION are exposed in the process of linguostylistic and linguoconceptual analysis of the short story. The key textual metaphor LONELINESS is explicated through peculiarities of E. Hemingway's individual style and integrated perception of the above-mentioned basic metaphors.

Key words: text metaphor, key metaphor, basic metaphor, integration of concepts, idiostyle of E. Hemingway.

E.I. Kovaleva (Moscow, Russia)
Moscow Pedagogical State University
ei.kovaleva@mpgu.edu

SCIENTIFIC KNOWLEDGE STRUCTURES IN SPECIFIC DISCOURSE

The article specifies a very knowledge consuming domain-language for specific purposes and the mode of physical knowledge representation though mental structures. Functional aspects of terminological systems are explored thorough discourse analyses.

Key words: specific discourse, knowledge structuring, mental mapping, knowledge representation.

The basics of specific discourse studies have been so fare practically applied in many fields of knowledge. Domain-specific language use related to physical theory and practice has proved to be prolific in different aspects of research: from terminological systems functioning to physical knowledge development through discourse analysis.

It is a proven fact, that any field of specialized communication is constructed by means of two general strata: LSP proper based on terminology, professional lexis, different specific laws of vocabulary and syntax organization; and specific discourse studies with the focus on it`s structural analysis and basic functions.

In his well-known report on neutrino "The neutrino: from poltergeist to particle" Frederick Reines developing the analysis of his scientific research, delivers some data and facts very particular to the specific scientific language of Physics and available to specialists in the field. "It would then gather data until the fireball carrying the fission fragment neutrino source ascended skyward. We anticipated a signal consisting of a few counts assuming the predicted (~ 10–43 cm2/proton) cross section, but background estimates suggested that our sensitivity could not be guaranteed for cross sections < l0-39 cm2/proton, four orders of magnitude short! It is a tribute to the wisdom of Los Alamos Director, Norris Bradbury, that he approved the attempt on the grounds that it would nevertheless be – 1000 times as sensitive as the then existing limits. I recall a conversation with Bethe in which he asked how we proposed to distinguish a neutrino event from other bomb associated signals. I described how, in addition to the use of bulk shielding which would screen out gamma rays and neutrons, we could use the delayed coincidence between the product positron and neutron to identify the neutrino interaction. It was not until some months later that Clyde and I recog-

nized this signature would drastically reduce other backgrounds so that we were able to use a steady fission reactor as a source instead of a bomb.

Figure 1. Sketch of the originally proposed experimental setup to detect the neutrino using a nuclear bomb. This experiment was approved by the authorities at Los Alamos but was superceded by the approach which used a fission reactor" [Nobel Lecture 1995].

This very specific domain could be analysed through mental mapping correlation between this knowledge 'initiator' and the recipient like the representation of "mapping the cosmic microwave and infrared background radiation fields" in John C.Mather's nobel speech "From the big band to the nobel prize and beyond" [Nobel Lecture 2006].

The processes of knowledge conceptualization and categorization in this speech are very specific due to the domain under study. The algorithm is being developed in cognitive paradigm but within a multistage mechanism. The first of it is the information-gathering level where all the data about the phenomenon under study is being systemically analysed. This data lay in a specific domain of knowledge and present, on the other hand, the essence of a specific discourse analysis. And the process of specific knowledge development through next several levels of knowledge representation constitutes the field of a prolific research in this article.

Having intermingled physical and mathematical terms with scientific discourse structure the author achieves the effect of popularized report due to some specific mechanisms of knowledge development organization. The mode of this specific discourse analysis is subject to this abstract discussion.

Interdisciplinary research in Language for Specific Purposes (LSP) has traditionally drawn on insights from linguistics as well as various professional discourse communities to better understand language use in specialized texts. Although this has generated sophisticated knowledge about language use in these fields, it has provided less insight into processes of teaching and learning in LSP [Cheng 2006]. Despite increased interest in related area (see, e.g., [Cheng 2011; Flowerdew 2015; Johns 2013; Tardy 2009]), few studies draw on established theories of learning. Drawing on Vygotskian sociocultural theory, we offer some perspectives on applying principles of educational psychology to research in special types of discourse. It comes from the application of a pedagogical intervention designed to explore linguistic features of target genres, and a microgenetic analysis of participants' development in response to this intervention. Modern studies offer argument for the effectiveness of interdisciplinary approach to LSP research. As far as the E.S. Kubryakova considered "new scientific theory is closely connected with structural and coceptual changes of knowledge system" [Kubryakova 1992: 17]. Mental structures representation will explore how interdisciplinary research in LSP and special discourse studies.

Литература

An Cheng. A Hadbook of English for Specific Purposes 4–72 / Ann Arbor. MI: University of Michigan Press, 2011.

Kubryakova E.S. Problems of knowledge representation in modern science and the role of linguistics in solving these problems // Language and structures of knowledge representation. Moscow: INION RAS, 1992. S. 4-38.

Frederick Reines: Nobel Lecture. December 8, 1995. URL: https://www.nobelprize.org/prizes/physics/1995/reines/lecture/.

John C. Mather: Nobel Lecture. December 6, 2006. URL: https://www.nobelprize.org/prizes/physics/2006/mather/lecture/.

Е.И. Ковалева *(Москва, Россия)*
Московский педагогический государственный университет

СТРУКТУРИРОВАНИЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В СПЕЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена проблеме структурирования и функционирования специального научного знания в дискурсе. Для разработки данной проблемы применяется междисциплинарный подход. Процессы концептуализации и категоризации научного знания протекают в соответствии с особым многоступенчатым процедурным алгоритмом.

Ключевые слова: специфический дискурс, структурирование знаний, ментальное картирование, представление знаний.

И.В. Кожухова *(Челябинск, Россия)*
Челябинский государственный университет
vinantov@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННО-МЕДИЙНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ГУБЕРНАТОРА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ А.Л. ТЕКСЛЕРА

В статье приводится описание информационно-медийной языковой личности Алексея Текслера – губернатора Челябинской области. Позиция политика отличается открытостью, желанием идти на контакт с жителями области и вовлеченностью в дела региона. Выделяются основные характеристики информационной медийной языковой личности: инфоповод, диалогизация, фактор адресата, лингвистические и тезаурусные особенности.

Ключевые слова: информационно-медийная языковая личность, медиадискурс, идиостиль, коммуникативный стиль.

Назначенный 20 сентября 2019 года (врио – 19 марта 2019 г.) губернатором Челябинской области Алексей Текслер сразу привлек внимание жителей области более открытым позиционированием и прямой просьбой рассказывать о проблемах области. В рамках данной статьи выделим общие тенденции выражения информационно-медийной языковой личности губернатора.

И.А. Быков отмечает, что «сетевые коммуникации являются одним из самых перспективных направлений развития политической коммуникации в современном обществе» [Быков 2013: 159]. Можно сказать, что работа губернатора и его команды в соцсетях позволяют не только строить положительный образ, но и получать обратную связь. Ведение страницы в социальных сетях – обращение к т.н. «новой искренности», важ-

ной характеристикой которой «выступает формирование основ доверия, необходимых для установления и развития эффективной коммуникации в обществе» [Махмутов].

Языковую личность губернатора Челябинской области предлагаем считать информационно-медийной, что подразумевает, что данный тип языковой личности «является коммуникативной (т.к. реализуется не только в языковом плане, но и невербально с учетом многоканальности медиакоммуникации), дискурсивной (т.к. репрезентируется в медиадискурсе в различных дискурсивных практиках), может быть виртуальной и реальной (в случае, если речь идет о публичных реальных личностях политиков, журналистов, писателей, культурных деятелей)» [Болотнов 2016].

Рассмотрим основные характеристики информационно-медийной личности А.Л. Текслера:

1. Алексей Текслер назначен врио губернатора Челябинской области Президентом страны, в дальнейшем был избран губернатором области на голосовании осенью 2019 г.

2. С точки зрения *принадлежности к медиакоммуникации* медийность губернатора характеризуется в целом публичным статусом политика, а также работа в рамках принципа «локомотива» (термин А.В. Болотнова) – «все губернаторы находятся в информационном поле Президента РФ, для них действует принцип “локомотива”: одна медиаперсона продвигает другие» [Болотнов 2016: 122]. Эффективность медиаработы губернатора была высоко оценена политологами: «Топ-10 губернаторов российских регионов по количеству откликов на публикации на личных страницах в соцсетях возглавил глава Челябинской области Алексей Текслер. Такое исследование опубликовано Telegram-каналом “Политконсультант.ру”» [Политолог Кислицына…].

3. *Отношение к актуальному информационному поводу*. А. Текслер выступает в нескольких ролях: комментатора, эксперта и участника событий. При этом губернатор как сам создает информационный повод, так и использует информацию в своих целях. Необходимо отметить, что губернатором ведется активная работа в социальных сетях (Официальный сайт Губернатора Челябинской области Алексея Леонидовича Текслера сообщает нам о существовании официальных аккаунтов в социальных сетях: Одноклассники, Вконтакте, Инстаграм. Именно инстаграм-страница губернатора является самой популярной среди населения: на конец декабря 2019 года на его страницу было подписано 151 тысяча человек, общее число записей – 124. Вконтакте – 30 тысяч подписчиков. Одноклассники – 5465 подписчиков) и первая в истории области прямая линия с губернатором.

4. *Фактор адресата* характеризует целевую аудиторию. Показателен первый пост политика в сети Инстаграм:

«Уважаемые друзья!

Это – мой единственный официальный аккаунт. Его буду вести как я, так и члены моей команды. Отличить посты можно будет по хэштэгам: #Текслер – лично я, #КомандаТекслера – мои помощники. Это связано с тем, что сейчас у меня много других первоочередных задач, кроме такой, безусловно важной, формы взаимодействия с вами, как социальные сети. Заверю, что все комментарии и обращения в директ без внимания в любом слу-

чае не останутся. Такая форма обратной связи, на мой взгляд, продуктивна. Для принятия правильных решений, мне нужна ваша помощь. Мне много рассказывают про то, какая она – современная Челябинская область: ее плюсы и минусы, достоинства и недостатки, успехи и провалы.

Советуюсь с вами.

Предложите места и объекты, на которые необходимо обратить внимание в первую очередь. Это касается не только и не столько общеизвестных даже на федеральном уровне проблемных зон региона. О чем мне еще надо знать?

Интересуют:

• Проблемные объекты

• Недооцененные объекты, у которых есть потенциал развития

• «Места силы», объекты гордости

Жду комментариев, #Текслер, #челябинск #челябинскаяобласть #губернатор»

В данной записи обратим внимание на два момента: обращение к читателям и призыв-просьба делиться информацией. В обращении «дорогие друзья» актуализируется одновременно стратегия сближения и дистанцирования. Реализация стратегии сближения происходит за счет употребления лексемы «друзья», в значении которой заложены теплые и доверительные отношения, при этом лексема «уважаемые» говорит о дистанции и субординации (ср. обращение «дорогие друзья!»). Призыв-просьба делиться информацией реализована за счет прямого директива «предложите», контекстуально митигируемым «советуюсь с вами» и «мне нужна ваша помощь».

5. *Лингвистические типовые особенности медиадискурса*, с одной стороны, отражают политическую направленность губернатора, с другой стороны, как описывалось в пункте выше, кроме политической ориентации, блог представляет и определенный срез личной жизни губернатора – его непосредственную связь с городом, свободное времяпрепровождение, общение с семьей. В записях по хэштегу #Текслер (т.е. те записи, которые ведет сам губернатор, в отличие от #КомандаТекслера), можно выделить следующие особенности на вербальном и синтаксическом уровнях:

– преобладание простых предложений («*Определились с приоритетами по развитию нового челябинского аэропорта. После завершения всех работ он сможет принимать самолеты в любых погодных условиях. Будет расширен сектор международных авиалиний и пункт пропуска через границу. Аэропорт может и должен стать важным транспортным узлом*.»);

– приветствие в форме «*уважаемые* + *друзья* / *южноуральцы*»;

– лексика из сферы планирования, стратегического управления с выражением четкой позиции: *ставим цели, я решил* / *мое решение, поставил задачу, дал поручение*;

– форма подачи информации низкоидиоматичная (в данном случае под идиоматичностью подразумеваем использование фразеологизмов и паремий), повышает однозначность сообщения, уменьшает субъективность и эмоциональность (которые, тем не менее, реализуются за счет оценочных прилагательных);

– апелляция к жителям области: «определять будущее Челябинска будем вместе», «хочу опираться не на доклады чиновников, а на ваши мнения и пожелания» и др.

6. *Тезаурус* губернатора показывает его ориентацию на область политики, географии и истории области. Ценностная картина мира направлена на выявление проблем региона и их решение.

Изменения стиля жизни вносят коррективы в работу представителей органов власти. Повышение лояльности, доверия возможно за счет диалога с жителями региона. Губернатор не только участвует в формировании медиапространства, но и получает из него актуальную информацию.

Литература

Болотнов А.В. Идиостиль информационно-медийной языковой личности: коммуникативно-когнитивные аспекты исследования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2015.

Быков И.А. Сетевая политическая коммуникация: Теория, практика и методы исследования: монография. СПб.: ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2013.

Махмутов Т.А. Искренность и политика «Две вещи несовместные»? // Вестник Московского государственного института международных отношений. 2011. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskrennost-i-politika-dve-veschi-nesovmestnye (дата обращения: 30.12.2019).

Официальная страница Алексея Текслера. URL: https://www.instagram.com/alexeytexler.official/ (дата обращения: 30.12.2019).

Политолог Кислицына: челябинский губернатор Текслер выполняет запрос на открытость власти. URL: http://club-rf.ru/74/detail/3706?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 30.12.2019).

I.V. Kozhukhova (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University

INFORMATIONAL AND MEDIA LINGUISTIC PERSONALITY OF A.L. TEXLER, GOVERNOR OF CHELYABINSK REGION

The article describes informational and media linguistic personality of Alexei Texler, governor of Chelyabinsk region. Politician positions himself as an open person interested in the region and willing to contact with the citizens. Key features on press event, dialogisation, recipient factor, linguistic and thesauarus peculiarities are discussed.

Key words: informational and media linguistic personality, media discourse,idiostyle, communication style.

А.В. Колмогорова *(Красноярск, Россия)*
Сибирский федеральный университет
nastiakol@mail.ru

НАРРАТИВНАЯ СПЕЦИФИКА РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ИНЕРНЕТ-ТЕКСТОВ[1]

В статье рассматриваются особенности нарративной структуры эмоциональных текстов интернет-откровений в социальной сети ВКонтакте. На основе метода формального анализа структуры волшебной сказки В. Проппа описываются специфические комбинации элементов внутри нарративной схемы текстов интернет-откровений в публичной группе «Подслушано», репрезентирующих разные эмоциональные переживания: от гнева до удивления. Выстраивается иерархия эмоциональных текстов по степени нарративной сложности их структуры.

Ключевые слова: эмоция, интернет-текст, нарратив, нарративная схема, социальная сеть.

Эмоциональность в Интернете получает иное проявление, нежели в непосредственной устной речи. Появляются новые речевые жанры, готовые служить отлитыми готовыми формами [Бахтин 1979] для транслирования эмоционального переживания преимущественно анонимного автора.

Одним из таких жанров являются так называемые интернет-откровения [Колмогорова 2019] – эмоционально окрашенные нарративы от первого лица, в которых авторы анонимно («для того, чтобы открыть душу, не боясь социального прессинга») делятся самыми интимными личностными переживаниями. Коммуникативным интернет-пространством, в котором жанр развивается наиболее продуктивно, является публичная группа «Подслушано» в социальной сети ВКонтакте.

У подобных текстов складывается своя нарративная специфика, которая, с одной стороны, задается самой технологией медиатизации, а с другой – берет свое начало в устно-письменной нарративной традиции фольклорных текстов.

Для анализа нами было отобрано 15000 текстов, размещенных в паблике под различными хештегами, референциально отсылающими к одной из 8 эмоций, согласно классификации Г. Лёвхейма [Lövheim 2012]: грусть, радость, отвращение, удивление, воодушевление, гнев, стыд, страх. Затем часть текстов была размечена информантами для уточнения ведущей эмоции, вербализованной в них.

Воспользовавшись для описания сюжета и композиции этих историй методом формального анализа, апробированного В. Проппом [Пропп 1998] на материале волшебной сказки, рассмотрим структуру историй в рамках разных эмоциональных классов текстов – в каждом классе она будет иметь свою специфику.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00205 «Разработка классификатора русскоязычных интернет-текстов по критерию их тональности на основе модели эмоций “Куб Левхейма”»

В «стыдных» текстах сочетание функций, каждой из которых соответствует какая-либо часть текста, следующее: **«поступок» – «сдвиг во внутреннем и/или внешнем хронотопе субъекта эмоции» – «переживание эмоции»**.

Такой текст начинается с описания жизненной ситуации, участником которой является нарратор, и которая предстает сначала перед ним как нормативная и даже вызывающая приятные эмоции. Но затем происходит изменение внутренней позиции нарратора, обусловленное произошедшими в его жизни изменениями (взрослением, женитьбой, рождением ребенка и т.д.), появлением в ситуации нового персонажа или новой информации о «старых» персонажах, в корне меняющих общее восприятие положения дел. Завершает «стыдный» текст признание в переживании эмоции стыда:

1) [поступок] *В детстве с подругой нашли себе развлечение: хватали горсть снега, открывали дверь левого магазина, кричали как резанные и, смеясь, швыряли его на пол и на людей.*

[сдвиг в хронотопе] *Тогда было очень весело и слегка страшно, а сейчас*

[переживание эмоции] *стыдно от осознания того, какие же мы идиотки*.

«Грустные» тексты построены аналогично текстам в жанре логической задачи: **«история-парадокс»** – повествователь-герой рассказывает о своей внешне обычной жизни, однако уже в самом описании проявляются признаки девиантности; **«мотивировка»** – объяснение парадокса; и, наконец, **«решение»** – прямое указание на переживание эмоции. Порядок следования элементов может меняться:

2) [ключ] *Отец погиб военным, когда мне было четыре, мать нашла отчима, который домогался сестры, а меня лупил, в школе многие меня задирали, в армии потрепало на Кавказе, работал 6 лет в финансах с очень проблемными клиентами, сейчас в полиции*.

[история-парадокс] *У меня семья, двое детей, свой дом, хорошая машина в кредит. Но морально просто устал. Это двухметровый мужик под 100 кг весом, который иногда берет выпить и уходит в лес – посидеть и поплакать.*

[решение] *Мне кажется, я сломался. Но рассказать об этому кому-то лично боюсь.*

«Радостные» нарративы структурированы как цепочка **«поступок»** (свой или чужой) – **«вознаграждение»** – **«переживание эмоции»**:

3) [поступок] *Однажды я нашла небольшую подработку в одном издательском центре. Мне нужно было разложить журналы по году выпуска, а лишние выбросить. Очень увлеклась и не заметила, как прошло пять часов.*

[вознаграждение] *Директору центра очень понравилась работа, и он, помимо обещанных 2000 рублей, разрешил взять три любых предмета из шкафа, который стоял в зале. Открыв шкаф, я увидела море люксовой косметики, которую никогда не могла себе позволить.*

[переживание эмоции] *Надо было видеть, какой счастливой я вышла из этого офиса.*

«Гневный нарратив» включает в себя следующие компоненты: **«ситуация»**, **«конфликт (собственных ожиданий и реального поведения других)»**, **«переживание эмоции»**, **«мораль»**:

4) [переживание эмоции] *Бесит,*

[ситуация] *когда покупаете вместе с друзьями еду, договариваетесь скинуться, все обещают потом тебе деньги перевести*

[конфликт] *и забывают! И надо, как попугай, постоянно напоминать об этом.*

[мораль] *Деньги – довольно щепетильная тема, но почему все просто не могут помнить о том, кто кому и сколько должен...*

«Страшные тексты» содержат сюжетную историю, связанную со смертью (*умерла*, *скончалась* – пр. 5), которая при этом может сопровождаться, а может и не сопровождаться свидетельством переживания эмоции или это описание переживаемой эмоции может иметь косвенный характер (как в пр. 5: *я начинаю верить в проклятья*):

5) *Девятилетняя племянница попала под машину и* ***умерла*** *накануне своего Дня рождения. Подарок-игрушку, которую для нее купила и упаковала, я решила подарить ее семилетней сестре на Новый год, чтобы не пропадал. Второго января она сильно простыла, легла в больницу с воспалением легких, где игрушку украли. Ее соседка по палате, у которой нашли игрушку,* ***скончалась*** *через день. Я начинаю верить в проклятия, хотя это самая обычная плюшевая собака, даже не клоун.*

Таким образом, в «страшных» историях можно выделить 2 компонента: **«ситуация, в которой наблюдаются признаки присутствия / близости смерти» – «реакция наблюдателя / повествователя»**.

Тексты отвращения двухкомпонентны: **«странное поведение»** – **«мотивировка»**. Так, например, одна история начинается с констатации «странного поведения» тети – *она не ест суп с луком*, а завершается «мотивировкой» – *потому что однажды она съела в темноте суп с тараканами, подумав, что это лук*.

«Удивительные тексты» включают в себя компоненты: «**парадоксальная ситуация»**, провоцирующая диссоциацию привычных причинно-следственных связей и, возможно, установление новых, непривычных, – **«оценка ее нарратором»** (пр. 6):

6) [парадоксальная ситуация] *Недавно родила девочку. Приехала свекровь со своим братом, чтобы повидать внучку, и привезли с Крещения воду из речки (омыть ребенка). Свекровь держит ее на руках, умиляется и через каждые две минуты плюет на нее, видимо, какая-то примета. Брат спрашивает: «Можно поцеловать ребенка в лобик?» И свекровь выдает: «Нечего свои бациллы ребенку передавать!».*

[оценка нарратором] *Я – атеист, ничего не сказала, но про себя посмеялась над логикой. Воду вылила*.

Для «интересных» текстов характерны такие элементы, как **«констатация исключительности»**, **«пример»**:

7) *По жизни не отличаюсь особой удачей, но в одном мне постоянно везет: как бы жестко я не поскользнулась, не споткнулась – никогда не падаю! Просто в последний момент нога сама как-то подставляется и все. Работаю официантом, и как-то раз бегу с подносом посуды на мойку; пол скользкий, у меня ноги в бок уходят. И как-то так получается, что я просто мягко присела, не уронив ни одного бокала, хотя полет обещал закончиться крушением. Либо это высшие силы, либо во мне умирает циркачка*.

Результаты проведенного формально-функционального анализа свидетельствуют о том, что по признаку сложности структуры нарративы в жанре интернет-откровений образуют 3 группы: простые – двухкомпонентные (удивление, отвращение, воодушевление, страх); осложненные – трехкомпонентные (стыд, отвращение, грусть) и сложные – четырехкомпонентные (гнев).

Выявленная нарративная специфика может стать объектом формализации и использоваться для поиска дискриминантных черт отдельных эмоциональных классов текстов в целях разработки компьютерного классификатора текстов по критерию их эмоциональной тональности.

Литература

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1979. 423 с.

Lövheim H. A New Three-Dimensional Model for Emotions and Monoamine Neuro-transmitters // Medical Hypotheses. 2012. Vol. 78. P. 341-348.

Колмогорова А.В. Использование текстов жанра «интернет-откровение» в контексте решения задач сентимент-анализа // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17. № 3. С. 71-82.

Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. 512 с.

A.V. Kolmogorova (Krasnoyarsk, Russia)
Siberian Federal University

THE NARRATIVE SPECIFIC OF EMOTIONAL INTERNET-TEXTS IN RUSSIAN

The article explores the narrative specificity of emotional texts of “Internet confession” in Russian social network VKontakte. Applying the methodology of the formal analysis of fairy tales proposed in Vladimir Propp’s works, we describe the specific assemblages of elements in narrations colored by different emotions: from anger to surprise. The analysis leads us to the hierarchy of emotional text according to the criterion of their narrative complexity.

Key words: emotion, Internet-text, narrative, narrative schema, social network.

Е.В. Колотнина *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский государственный медицинский университет
elena_kolotnina@mail.ru

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ КУРСОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАЛЮТ В РАМКАХ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ «ЭКОНОМИКА – ЭТО ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ»

Статья выполнена в русле когнитивной лингвистики и посвящена исследованию конкретной метафорической модели в экономическом дискурсе. Автор анализирует способы метафорического представления национальных валют в

рамках метафорической модели «Экономика – это живой организм», сопровождая анализ выводами о структурированности и потенциале данной модели.

Ключевые слова: дискурс, метафора, метафорическая модель, фрейм, слот.

Валютные курсы, их колебания оказывают существенное воздействие на внешнюю и внутреннюю политику государства, обесценивание денег внутри страны ведет к их обесцениванию по отношению к иностранным валютам, влияет на рост цен и т.д. Эти изменения сопровождаются изменениями в языке и становятся особенно заметными при изучении экономического дискурса.

Объектом настоящего исследования послужили метафорические словоупотребления в современных публицистических текстах экономической тематики, освещающих колебания курсов национальных валют.

Материалом для анализа послужили посвященные проблемам колебаний курсов национальных валют небольшие по объему статьи. Предпочтение отдавалось имеющим широкую аудиторию изданиям, адресованным массовому читателю (Коммерсант, Звезда, Вести и др.).

Для описания системы метафор в публицистических экономических текстах, посвященных проблемам движения национальных валют, используется когнитивная теория метафорического моделирования, а также лучшие достижения смежных теорий, например, теории регулярной многозначности [Апресян 1971; Шмелев 1973; Чудинов 2001].

Концептуальная метафора широко используется в современных публицистических текстах экономической тематики, метафорические словоупотребления выполняют в текстах различные функции и отражают специфику национальной картины экономической реальности.

В качестве основного принципа построения тезауруса А.Н. Баранов и Ю.Н. Караулов выделяют иерархически-координативный принцип, что позволяет добиться логико-понятийной упорядоченности [Баранов 1991: 6]. Сопоставление существующих описаний метафорических моделей показывает, что в них присутствует характеристика наиболее частотных моделей, исходными сферами которых становятся «физиология», «война», «родство», «спорт», «фауна» и др., вместе с тем в одних перечнях могут быть перечислены модели, не учтенные в других.

При характеристике метафорической модели, ее составляющих в рамках данной работы используется методика анализа метафорической модели, предложенная А.П. Чудиновым [Чудинов 2001].

Метафорическая модель – это существующая и/или складывающаяся в сознании носителей схема связи между понятийными сферами [Чудинов 2003: 70]. Система фреймов одной ментальной сферы служит основой для моделирования системы другой сферы.

Как подчеркивает А.П. Чудинов, при когнитивном анализе метафорических моделей элиминируются все ограничения, определяющие особенности традиционного структурного подхода, в том числе не только требования о принадлежности рассматриваемых элементов к одной лексико-семантической группе или хотя бы к одной части речи, но и ограничения,

связанные с уровнем языка: в рамках единой системы рассматриваются собственно лексические единицы, фразеологизмы и их компоненты, а также другие воспроизводимые единицы (пословицы, поговорки, афоризмы и т.п.). [Чудинов 2001: 41].

Проведенный ранее анализ материала показывает, что метафорическая модель «Экономика – это живой организм» в русском языке детально структурирована, обладает высоким прагматическим потенциалом. Носители языка склонны к уподоблению экономических реалий человеческому организму, что доказывается наличием в составе модели большого числа фреймов, например, «Тело», «Анатомические органы», «Жизненный цикл организма», «Брак и развод», «Родственные связи», «Физиологические действия», «Гардероб», «Характер».

Анализ метафорических словоупотреблений, относящихся к представлению валюты в рамках модели «Экономика – это живой организм», показывает, что модель также достаточно широко представлена, но не является настолько детально структурированной. Активность этой модели обусловлена волнообразным развитием мировых и национальных экономик.

На основе рассматриваемой модели валюта наделяется наиболее близкими человеку свойствами и характеристиками, цикличность изменений предстает главным образом как период развития живого организма, начиная с рождения, заканчивая смертью.

В составе модели можно выделить следующие фреймы.

Фрейм «Жизненный цикл». Характерные особенности функционирования валют нашли отражение в метафорическом употреблении концептов, связанных с рождением, взрослением, ростом, значимыми датами (юбилей) и смертью организма.

Слот. Рождение. Слот представлен однотипной конструкцией.

Двадцать лет назад в мире родилась новая валюта. 1 января 1999 года учрежденный незадолго до этого Европейский центральный банк (ЕЦБ) начал эмиссию безналичного евро, пришедшего на смену национальным валютам ведущих стран ЕС.

Слот. Рост организма. В основе лежит концептуальная метафора роста. Слот представлен однотипными конструкциями. Число таких конструкций в общем составе метафор велико, метафоры могут содержать компоненты, усиливающие значение (стремительный, быстрый, катастрофический). Необходимо отметить, что в общественном сознании особое значение находит смысловая оппозиция рост курса рубля – это хорошо, рост курса доллара (евро) – это плохо.

Положительная динамика состояния национальной валюты может представляться как «взросление». Ср.:

В Центробанке рассказали о признаках «взросления» российской национальной валюты и причинах, по которым это «взросление» происходит. По мнению представителя ЦБ РФ, процесс «взросления» национальной валюты обусловлен многими факторами, в числе которых снижение роли иностранной валюты в экономической жизни РФ и снижение инфляции в стране.

Слот. Значимые даты. Значимые этапы функционирования валюты представляются в виде юбилея. Ср.:

О 20-летнем юбилее общеевропейской валюты говорили, пожалуй, меньше, чем о таком событии, как прекращение выпуска банкноты достоинством в 500 евро.

Слот. Смерть. В основе лежит концептуальная метафоры «смерть экономики». Резкое снижение курса национальной валют представляется как ее смерть. Ср.:

Доллар стал расти. Пессимисты сразу же вспомнили тревожный прогноз голландского Rabobank, который заметил, что рубль попал в «крест смерти». В середине месяца они ожидали резкого падения российской валюты.

Прекращение существования национальной валюты также представляется как смерть. Ср.:

Зимбабвийский доллар умер. Побив все рекорды инфляции зимбабвийский доллар прекратил свое существование. На данный момент триллион зимбабвийских долларов равен 15 центам США.

Слот. Причина смерти. Обесценивание национальной валюты часто представляется как ее смерть, чаще всего валюта тонет. Ср.:

Некоторые эксперты даже уже иронизируют. «А рубль точно умеет плавать?» – задается вопросом начальник аналитического отдела компании «Солид» Олег Шагов. Действительно: отпущенный в свободное плавание рубль пока только тонет.

Ср.: *Рубль тонет в бензине.*

Слот. Похороны. Метафора «похороны» встречается в отношении значимых моментов в функционировании валюты и активизируется в неблагоприятные (кризисные) периоды ее состояния. Ср.:

Все мы помним прошлогодние «похороны» доллара, которые, набрав силу в первом полугодии 2009 года, осенью переросли в настоящую истерию. Прошло всего два месяца, за которые доллар вырос с 1,51 до 1,40 за евро, и теперь мир «хоронит» уже евро (юаню приготовиться?)

Ср.:

Исходя из вышеприведенных соображений, можно предположить, что на самом деле «похороны доллара» были продуманной акцией, имевшей целью максимизацию прибыли глобальных игроков через максимальное снижение стоимости доллара перед его гарантированным ростом в недалеком будущем.

Анализ материала позволяет сделать вывод о том, что состояние национальных валют, изменение курсов достаточно широко представлено в публицистических текстах моделью «Экономика – это живой организм». Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что представление движений валют менее детально структурировано по сравнению с представлением субъектов экономической деятельности в целом. Так, например, в структуре модели отсутствуют фреймы «Брак и развод», «Родственные связи», «Физиологические действия», «Гардероб», «Характер». Наиболее встречаемыми становятся фрейм «Жизненный цикл», который в свою очередь содержит слоты «рождение», «рост», «смерть», «причина смерти», «значимые даты».

Литература

Апресян Ю.Д. О регулярной многозначности // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1971. Т. XXX. Вып. 6. С. 509-523.

Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики: на материале русского языка. М.: Наука, 1973. 280 с.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003.

E.V. Kolotnina (Ekaterinburg, Russia)
Ural State Medical University

METAPHORICAL REPRESENTATION OF NATIONAL CURRENCY RATES CHANGES WITHIN THE FRAMEWORK OF THE METAPHORICAL MODEL “ECONOMY IS A LIVING ORGANISM”

The article is written in accordance with the main ideas of cognitive linguistics and is devoted to the study of specific metaphorical models in the framework of economic discourse. The author analyzes the ways of metaphorical representation of national currencies and their movements within the framework of the metaphorical model “Economy is a living organism”, accompanying the analysis with conclusions concerning the structure and the potential of the above mentioned model.

Key words: discourse, metaphor, metaphorical model, frame, slot.

О.Н. Кондратьева *(Кемерово, Россия)*
Кемеровский государственный университет
Olnik25@mail.ru

«ПАУКИ» И «МУХИ» В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ДИСКУРСИВНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ[1]

В статье описывается дискурсивное варьирование метафор, обозначающих пользователей социальных сетей. Метафоры «пауков» и «мух», являющиеся элементом метафорической модели «социальные сети – это паутина», в разных видах дискурса приобретают дополнительные смыслы и оценки. Все дискурсивные вариации основаны на двух концептуальных оппозициях – «активность – пассивность» и «агрессор – жертва».

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00202 «Обыденная политическая коммуникация в социальных сетях: комплексный лингвистический анализ»

Ключевые слова: когнитивная метафора, метафорическая модель, медиадискурс, социальные сети, пользователь социальных сетей.

В XXI веке, отмеченном расцветом виртуальной коммуникации, социальные сети превратились в своеобразный символ эпохи, оказывающий существенное влияние на все сферы жизни современного общества, что определило активный научный интерес к изучению социальных сетей в социологии, психологии, философии, политологии, культурологии и лингвистике. В интернет-лингвистике объектом исследований становится язык социальных сетей, жанры сетевого дискурса, типология сетевых персонажей, используемые в сетях стратегии и тактики. Недостаточно разработанным аспектом остается анализ особенностей метафорической концептуализации социальных сетей и их пользователей в разных видах дискурса (см., например, [Балашова, Сосновская 2009; Кондратьева 2019] и др.).

Характеризуя специфику социальных сетей и их пользователей, ученые из разных сфер, профессиональные компьютерщики, рядовые пользователи, журналисты активно используют метафоры, чтобы эксплицировать наиболее значимые особенности относительно нового явления в сфере коммуникации и дать его оценку (о роли метафоры в концептуализации действительности см, например, [Чудинов, Будаев 2007]). При этом показательно, что зачастую как специалисты разных сфер, так и обычные пользователи оперируют одними и теми же метафорами, что демонстрирует определенное единообразие в процессе восприятия социальных сетей, но эти метафоры, погружаясь в конкретный дискурс, «обрастают» дополнительными смысловыми оттенками и приобретают разнополярные оценки, что позволяет говорить о дискурсивном варьировании базовых метафор.

Задача предлагаемой статьи – рассмотреть особенности дискурсивного варьирования метафор, характеризующих пользователей социальных сетей, в частности, метафор сетевые «пауки» и «мухи». Обращение к данным метафорам объясняется тем, что наименования *всемирная сеть, глобальная сеть, мировая паутина, социальная сеть,* заданные исходной английской терминологией и успешно транслированные на российскую почву, предопределяют метафорическое осмысление пользователей социальных сетей как «пауков» и «мух», существующих в пространстве виртуальной паутины.

Материалом исследования являются метафорические контексты, представленные в разных дискурсах (научном, медийном, сетевом и их разнообразных вариантах), извлеченные из Национального корпуса русского языка и непосредственно из социальных сетей.

В профессиональном компьютерном дискурсе «пауком» называют специальную программу для сбора информации в интернете, данная метафорическая номинация возникает в английском языке (Web spider) и транслируется в русский язык: Веб-паук – *это программный агент, который обходит Интернет с целью сбора, фильтрации и агрегирования информации для потенциальных пользователей* (IBM Developer. Техническая библиотека).

Дефиниции подобного плана активно представлены на многочисленных сайтах, посвященных компьютерам: ***Паук* (spider)** – *это программа,* ***«ползающая» по Интернету*** *определенным образом и с определенной*

целью. Цель может состоять в сборе информации или в понимании структуры какого-либо Web-сайта и его полезности. ***На применении пауков основаны современные поисковые машины,*** *такие как Google и AltaVista* (ibm.com, 2017); ***Пауков*** *в интернете пруд пруди, они* ***обходят Интернет с целью сбора и агрегирования информации*** и *даже... следят за всем тем, что Вы отправляете и получаете из интернета* (Seo-zona.ru, 2016), в сетевом общении компьютерщиков: *Поиск под капотом. Глава 1.* ***Сетевой паук*** (Habr, 2017) и публикациях масс-медиа компьютерной тематики: *За всеми следит «****социальный паук-шпион****». Речь идет о поддержке и развитии* ***программы*** **SocioSpyder** ***(игра слов, которую можно перевести как «социальный паук-шпион»),*** *позволяющей собирать информацию из таких сетей, как Facebook, Twitter, YouTube и* Google+ (РИА-Новости, 2017). В метафорах подобного плана актуализируется идея перемещения по всемирной паутине с целью сбора информации.

Параллельно в научном дискурсе метафора «пауков» используется для характеристики пользователей социальных сетей, в частности, для оценки их креативных способностей и роли в формировании «мировой паутины». При подобном подходе «пауками» называются активные пользователи, создающие новый оригинальный контент и способствующие разрастанию информационного пространства, а «мухами» – их антиподы: *«В электронных социальных сетях доминируют* ***креативные лидеры коммуникации****, которых канадский исследователь М. Гладуэлл описывает как инициаторов любых взаимодействий. Данная группа «хабов» или «лидеров мнений» обладает значительным социальным капиталом, поскольку новые контакты позволяют им постоянно увеличивать сетевую прибавочную стоимость в рамках складывающихся социальных связей.* ***Это «пауки»*** *(по терминологии Гладуэлла – «Знатоки»),* ***способные самостоятельно соткать паутину****, начиная с нуля за счет создания оригинального авторского содержания и привлечения большего количества сторонников своих идей»* [Сарна 2015: 122].

В дискурсах непрофессионального типа (бытовом, сетевом, оккультистском) метафоры сетевых «пауков» обладают иной семантикой и оценочностью. Они эксплуатируют тему опасности данных насекомых, акцентируют внимание на негативных особенностях определенного типа пользователей социальных сетей.

Наиболее близкими к первоисточнику являются метафоры, обозначающие пользователей, собирающих информацию в социальных сетях (ср. с компьютерными программами-пауками) и использующих ее во вред другим пользователям: *Увлекшись рассказом о себе в Мировой* ***сети*** *Интернет, вы легко можете стать ее жертвой, ведь по* ***цифровой паутине уже давно ползают опасные пауки*** (360tv.ru, 2019); ***Пауки в интернете: вас подслушивают*** (Seo-zona.ru, 2016); *Пользователи соцсетей: «****пауки****» ждут вас... Термин «всемирная паутина» становится все более этимологически достоверным* (nikiva61.livejournal, 2014).

В масс-медиа «пауками» называют вербовщиков, собирающих информацию о пользователях, воздействующих на них и затягивающих в паутины экстремистских организаций: ***Экстремистские пауки социальных сетей*** (Вести республики, 2014). Кроме того, сетевыми «пауками» называют определенный тип пользователей, «раскачивающих» эмоции оппонентов и самоутверждаю-

щихся за чужой счет: *В компьютерных сетях в целом селятся разного рода «кровососы», «энергососы», «**пауки**» ... они ждут тех, **кто откликается на «приманку» и вступает в неконструктивный спор**. Как только кто-то это сделает, **сразу оказывается подключенным к «пауку», который будет тянуть от человека эмоционально-астральную энергию,** даже когда тот выйдет из Интернета* (Оккультные новости, 2018).

Метафоры «мух» появляются в научном дискурсе для характеристики пользователей, являющихся пассивными потребителями создаваемого иными участниками виртуальной коммуникации контента, в этом они противопоставлены «паукам»: *Их антиподом являются **«мухи», которые сами практически ничего не создают, но постоянно «репостят» и «копипастят» заинтересовавшую их любую информацию*** [Сарна 2015: 122].

В медиадискурсе и сетевом дискурсе метафоры «мух» используются для обозначения пользователей, зависимых от социальных сетей, проводящих в них значительное количество времени в ущерб реальной жизни: ***Социальные сети – люди как мухи во всемирной паутине*** (TASS, 2013); ***Интернет-рабам рассказали, как перестать быть мухами в паутине*** (Стерлеград, 2019); *Раскинул свои **сети** Интернет, **Мы бьемся в них, как мухи в паутине.** Желанья выбраться у нас из Сети нет, Завязли по уши в невидимой трясине* (fotostrana.ru, 2015). Данные особенности поведения пользователей социальных сетей эксплицируются также с помощью глаголов *запутаться, застрять* и подобных: *В **паутине социальных сетей запутываются и взрослые*** (Студень, 2015); *Подрастающее поколение телевизор смотрит мало – оно давно уже **запуталось в социальных сетях*** (Литературная газета, 2015).

Кроме того, метафоры сетевых «мух» обозначают беззаботных и беззащитных пользователей социальных сетей, наиболее уязвимых перед лицом «сетевых пауков»-агрессоров: ***Не стать мухой в «паутине». О психологической безопасности** в интернет-пространстве* (Весть.News, 2013). Метафоры сетевых «пауков» и «мух» являются взаимосвязанными и антонимичными, они характеризуют пользователей социальных сетей и основаны на оппозициях «активность – пассивность», «агрессор – жертва».

Проведенный анализ показал, что метафорическая характеристика пользователей социальных сетей как «пауков» и «мух» характерна для всех видов дискурса и обусловлена существованием метафорической модели, уподобляющей виртуальную реальность паутине / сети. В то же время рассматриваемые метафоры обладают несомненной дискурсивной спецификой.

В профессиональных дискурсах метафоры сетевых «пауков» актуализируют темы сбора информации и создания нового контента и являются нейтральными в оценочном отношении. В непрофессиональных дискурсах метафоры сетевых «пауков» актуализируют темы опасности (информационной, криминальной, эмоциональной) и обладают негативной оценочностью.

Антонимичная метафора сетевых «мух» в профессиональных дискурсах характеризует пользователей, лишенных креативных способностей и неспособных к созданию нового контента, в непрофессиональных – обозначает пользователей, зависимых от социальных сетей, или пользователей

уязвимых, являющихся жертвами сетевых «пауков». Оба типа метафор являются негативно окрашенными.

Таким образом, универсальные сетевые метафоры, попадая в пределы конкретного дискурса, подвергаются варьированию, что определяет необходимость дальнейшего изучения роли дискурсивного фактора в функционировании метафорических моделей.

Литература

Балашова Л.В., Сосновская А.А. Интернет-коммуникация в зеркале метафоры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2009. Т. 9. Вып. 4. С. 3-9.

Кондратьева О.Н. Метафоры в медиадискурсе как способ интерпретации предметной области «социальные сети» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 2. С. 85-94.

Сарна А.Я. «Пауки» или «мухи»? К проблеме категоризации пользователей социальных сетей // Веб-программирование и интернет-технологии WebConf 2015: материалы 3-й Международной научно-практической конференции, Минск, 12–14 мая 2015 г. Минск, 2015. С. 122.

Чудинов А.П., Будаев Э.В. Когнитивная теория метафоры на современном этапе развития // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4 (13). С. 54-57.

***O*.N. Kondratyeva** (Kemerovo, Russia)
Kemerovo State University

"SPIDERS" AND "FLIES" IN SOCIAL NETWORKS: DISCURSIVE VARIATION OF COGNITIVE METAPHOR

In article it is described discursive variation of the metaphors designating users of social networks. Metaphors of "spiders" and the "flies", being an element of metaphorical model "social networks is a web", in different types of a discourse get additional senses and assessments. All discursive variations are based on two conceptual oppositions – "activity – passivity" and "an aggressor – a victim".

Key words: cognitive metaphor, metaphorical model, media discourse, social networks, user of social networks.

И.В. Кононова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
inkon_71@mail.ru
Д.Е. Гунькова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
gunk92@gmail.com

ДИСКУРСИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РАДИОКОММЕНТАТОРА В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

В статье в рамках когнитивного подхода к изучению фактов языка рассматривается специфика речевого поведения дискурсивной личности американско-

го политического радиокомментатора. Показано, что речевая агрессия является доминантным эмоционально-стилевым форматом общения обобщенно-типовой дискурсивной личности американского политического радиокомментатора. Устанавливаются способы реализации речевой агрессии в дискурсе политического комментария как самостоятельной радиопередачи.

Ключевые слова: политический медиадискурс, когнитивно-дискурсивная парадигма, речевая агрессия, дискурсивная личность.

В фокусе настоящего исследования находится речевое поведение дискурсивной личности политического комментатора на американском радио. Проблема описания дискурсивной личности в современной лингвистике обусловлена помещением понятия «языковая личность» в рамки когнитивно-дискурсивной парадигмы исследования (см.: [Седов 2003; Плотникова 2005; Карасик 2014, 2016] и др.). Дискурсивно ориентированный подход к исследованию языковой личности предполагает обращение к процессуальной стороне ее проявления в динамической среде социокультурных интеракций [Ермоленкина 2017: 37]. Описание дискурсивной личности сводимо к следующим процедурам: выявлению доминирующих коммуникативно-прагматических стратегий, используемых дискурсивной личностью с целью достижения целей коммуникации; описанию типов коммуникативной тональности, к которым прибегает дискурсивная личность; выявлению типичных речевых действий, осуществляемых личностью.

Политический комментарий на радио как особый жанр медиаполитического дискурса является гибридным коммуникативным образованием, проявляющим черты политико-популярной и политико-аналитической разновидностей медиадискурса и занимающим срединное положение между неформальными и институциональными жанрами. Правомерность включения медиакоммуникации на политические темы в сферу политического дискурса неоднократно обсуждалась в лингвистике [Schudson 1997; Шейгал 2004; Карасик 2014]. Исследователи сходятся во мнении, что, поскольку системообразующей целью политической коммуникации является борьба за власть [Шейгал 2004: 18], медиаполитический дискурс, оказывающий влияние на формирование политического выбора, можно с уверенностью отнести к политической коммуникации. Интенция борьбы за власть находит отражение в таком свойстве политического медиадискурса как *агональность.* По мнению Е.И. Шейгал, агональность в коммуникации может быть как толерантной, так и нетолерантной – конфликтной, связанной с проявлением агрессии [Шейгал, Дешевова 2009: 147].

Цель данного исследования состоит в описании тактик и способов реализации речевой агрессии как важнейшей характеристики дискурсивной личности американского политического комментатора-радиоведущего. Материалом исследования послужил корпус текстов, включающий в себя скрипты 13 полных радиопередач («The Glenn Beck Program», «The Savage Nation», «The Mark Levin Show») известных американских политических комментаторов (Гленна Бека, Майкла Алана Вайнера и Марка Левина) общим объемом 115792 слова. Радиопередачи были посвящены предвыборной агитации (в период президентской предвыборной кампании в США, октябрь – ноябрь 2016 г.) и послевыборной полемики (январь – март

2017 г.). Выбор материала исследования обусловлен высокой популярностью данных авторских программ (radio talks) в современной Америке.

Анализ текстов радиопередач показал, что агрессивная тональность является ведущим типом эмоционально-стилевого формата общения исследуемой дискурсивной личности. Было выявлено, что основными коммуникативными актами, выражающими агрессию (тактиками речевой агрессии) в жанре политического радиокомментария, являются: оскорбление, возмущение, обвинение, насмешка, констатация некомпетентности и опосредованное прерывание коммуникативного контакта. Во всех выявленных контекстах, содержащих речевую агрессию, она в той или иной степени поддерживает реализацию стратегий дискредитации и самопрезентации, а также манипулятивной стратегии.

Количественный анализ показал, что доминирующими в исследуемом корпусе лексическими средствами реализации речевой агрессии являются разговорно-просторечные стилистически сниженные слова, воспринимаемые как грубые (ср.: to shut up, to be sick of smb., dig up dirt on smb. и др.), а также книжная лексика с негативной коннотацией (ср.: dictator, false, propaganda, racist, aggression, terrorism, intimidation и др.). В целом ряде выделенных контекстов речевая агрессия выражается одновременно сниженной разговорной лексикой и пейоративной книжной лексикой. Ср.: When I read Facebook and Twitter post this morning vilifying fifty percent of the country for **being dumb** or **racist**...

Стилистические образные средства, главным образом метафора, гипербола, образное сравнение и образный перифраз, являются следующими по частотности языковыми средствами выражения агрессии в исследуемом корпусе. Метафорический тип мышления и креативность в использовании языковых средств, характерные для медийной дискурсивной личности радиокомментатора, позволяют существенно усилить эффективность манипулятивных приемов. В приводимом ниже примере радиоведущий Майкл Сэвадж (псевдоним Майкла Вайнера), критикуя деятельность видного политического деятеля США Чарльза Шумера, в настоящее время лидера демократического меньшинства, за антироссийские высказывания и инициативы, использует метафору piece of salami *(кусок салями*), инвектив vermin *(паразит, вредитель),* перифраз commish with a pair of big shoes *(комиссаришка в огромных туфлях).* Ср.: And now, this **vermin**, this **piece of salami**, this **commish with a pair of big shoes**, Charles Schumer, hates Russia and hates Russians. Все перечисленные языковые средства нацелены на прямое оскорбление референта высказывания.

Медиаполитический дискурс насыщен различными типами прецедентных феноменов, которые постоянно воспроизводятся в речах политиков и медийных личностей и функционируют как единицы дискурса, поддерживаемые механизмами интертекстуальности. Обладая ярко выраженной ценностной содержательной составляющей, прецедентные феномены обеспечивают апелляцию к эмоциям адресата. Анализ текстового материала показал, что с целью реализации речевой агрессии американские политические комментаторы используют в первую очередь прецедентные имена, апелляции к прецедентным событиям или высказываниям.

Окказионализмы и неологизмы в дискурсе политического комментария, так же как и прецедентные единицы, в подавляющем большинстве случаев одно-

временно способствуют реализации языковой игры и речевой агрессии. При этом важной чертой авторских окказионализмов корпуса является их тенденция к актуализации механизмов прецедентности. Ср.: I'm glad I don't have to imagine what things will be like by now if **Hilary-Hussein-Clinton** had won. Окказионализм Hilary-**Hussein**-Clinton содержит в своей структуре прецедентное имя Hussein, прагматический потенциал которого обусловлен тем, что оно вызывает у аудитории ассоциации с именем президента Обамы (Barack **Hussein** Obama).

В следующем контексте окказионализмы (Islamofascism, Democrat-Socialist-Islamist party) являются средством реализации одной из наиболее агрессивных тактик стратегии дискредитации – вербальной инсинуации, суть которой состоит в умышленном создании негативных ассоциаций с именем того или иного политического деятеля. Ср.: And the second large subtext of the whole story is that the Democrats were soft on **Islamofascism**, because the years I have told you it has become the **Democrat-Socialist-Islamist** party of the USA.

Проведенное исследование показало, что агрессивная, саркастичная и провокационная тональности являются ведущими характеристиками речевого портрета современного американского политического комментатора. Будучи одним из основных инструментов манипулятивного воздействия, речевая агрессия в политическом ток-шоу на радио является инструментальной, косвенной, опосредованной и эмоциональной. Несмотря на то, что основной целью политического радиокомментатора является не запугивание аудитории, а ее побуждение к принятию конкретного посткоммуникативого решения, агрессия в данном жанре аффективна и крайне враждебна. Проведенный анализ позволил заключить, что этичность речевого поведения, призванная снизить уровень социальной напряженности в обществе, не входит в число коммуникативных ценностей исследуемого типажа. Тактика эпатирования, реализуемая средствами речевой агрессии, становится в дискурсе политического радиокомментатора основным инструментом провокативной самопрезентации. Представление об обобщенно-типовой дискурсивной личности формируется в сознании лингвокультурного сообщества благодаря регулярному тиражированию индивидуальными дискурсивными личностями комплекса языковых и речевых средств, используемых ими в публичных выступлениях.

Литература

Ермоленкина Л.И. Дискурсивная личность в коммуникативном пространстве современного радио // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 2 (179). С. 37-40.

Карасик В.И. Языковые проявления личности: монография. Волгоград: Парадигма, 2014. 449 с.

Карасик В.И. Дискурсивное проявление личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 56-77.

Плотникова С.Н. Языковая, коммуникативная и дискурсивная личность: к проблеме разграничения понятий // Лингвистика дискурса. Иркутск: ИГЛУ, 2005. С. 5-16.

Седов К.Ф. Агрессия как вид речевого воздействия // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов: Рос. УНЦ «Колледж», 2003. С. 196-212.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография. М.: Гнозис, 2004. 326 с.

Шейгал Е.И., Дешевова В.В. Агональность в коммуникации: структура понятия // Вестник Челябинского государственного ун-та. 2009. № 34 (172). Вып. 36. С. 145-148.

Schudson M. Sending a Political Message: Lessons from the American 1790s // Media, Culture and Society. London, 1997. Vol. 19 (3). P. 311-330.

I.V. Kononova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University of Economics
D.E. Gunkova (Saint Petersburg, Russia)
Leningrad State University named after A.S. Pushkin

THE DISCURSIVE PERSONALITY OF AN AMERICAN POLITICAL RADIO COMMENTATOR FROM A COGNITIVE PERSPECTIVE

The article views the specific features of the American political radio commentator discursive personality from a cognitive perspective. It is shown that verbal aggression is the dominant communication emotional style format of the typical discursive personality of an American political radio commentator. The ways of speech aggression realization in the discourse of political commentary as an independent radio program are described.

Key words: political media discourse, verbal aggression, cognitive-discursive paradigm, discursive personality.

В.В. Корнева *(Воронеж, Россия)*
Воронежский государственный университет
kornevavalentina@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБЪЯВЛЕНИЙ О ЗНАКОМСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА)

В статье описываются синтаксические средства вербализации, используемые в испанских объявлениях о знакомстве, выявляется их роль в организации данного типа текста и в актуализации отдельных его компонентов, вскрывается связь между реализуемой стратегией и возможностью использования тех или иных синтаксических средств.

Ключевые слова: объявление о знакомстве, прототипичная структура, фрейм, синтаксические средства, стратегия, языковая репрезентация, испанский язык.

Когнитивно ориентированные исследования последних лет убедительно показали, каждый тип текста имеет прототипичную структуру. В частности, было показано, что в основе объявлений о знакомстве как особом типе малоформатного текста лежит прототипичная структура *кто ищет кого зачем* [Корнева 2017а; 2017б; 2018а]. Ее можно рассматривать как фреймовую модель, которая состоит из таких фреймов, как «самопрезентация», «постулирование контакта», «портретирование» и «желаемые отношения», для обозначения которых в тексте мы используем следующие сокращения: «самопрезентация» – Ф1, «постулирование контакта» – Ф2, «портретирование» – Ф3 и «желаемые отношения» – Ф4.

Информационная насыщенность выделенных фреймов существенно различается. Наиболее информативными являются фреймы «самопрезентация» и «портретирование», поэтому они состоят из нескольких слотов. В частности, фрейм «самопрезентация» может включать три основных слота: «внешний человек», «внутренний человек» и «общественный человек», причем в силу разных причин каждый из них может получать большую или меньшую экспликацию. Слот «внешний человек» включает компоненты, которые индивидуализируют внешний облик человека. Слот «внутренний человек» предполагает экспликацию личностных качеств человека, его характера, целеустремлений, интересов и желаний, подчеркивающих своеобразие его внутреннего мира и характеризующих его как личность. Наконец, слот «общественный человек» содержит параметры, описывающие человека как социальную личность.

Фрейм «портретирование», представляющий облик потенциального партнера, структурирован аналогичным образом и включает те же самые компоненты, о которых говорилось выше. Благодаря подобной симметричности или зеркальности слотов, составляющих фреймы «самопрезентация» и «портретирование», возможна весьма существенная экономия языковых средств репрезентации адресата или адресанта в поверхностной структуре объявлений о знакомстве при сохранении объема информации, что очень важно для малоформатных текстов. Фрейм «желаемые отношения» также содержит разные слоты, такие как «создание семьи», «дружба», «приятное времяпровождение», в соответствии с чем в объявлениях о знакомстве выделяют три основных разновидности данного типа текста: «брачные отношения», «дружеские отношения», «гедонистические отношения» [Корнева 2017а; 2017б; 2018а; 2018б; 2019]. Принципиально важно, что в тексте, как правило, вербализуется лишь один из указанных слотов фрейма «желаемые отношения», а не несколько, как во фреймах «самопортретирование» и «портретирование». Фрейм «постулирование контакта» представлен одним одноименным слотом.

Способы и средства вербализации когнитивной структуры объявления о знакомстве в целом и отдельных ее составляющих – фреймов и слотов зависят от целого ряда экстралингвистических и лингвистических факторов. К их числу относятся не только вид объявления о знакомстве, личность адресанта, его гендерная и национальная идентичность, реализуемые номинативно-дискурсивные стратегии (см. подробнее [Корнева 2017б; 2018а; 2018б; 2019]), но и когнитивное моделирование ситуации, выделе-

ние в ней салиентных компонентов – фона и фигуры, не говоря уже об особенностях каждой конкретной лингвокультуры. Синтаксические средства играют особую роль в вербализации фреймовой модели текста и отдельных ее фреймов, поскольку именно благодаря им создается определенный прагматический эффект и одни и те же явления фокусируются по-разному.

Следует, правда, заметить, что для достижения поставленной в объявлении о знакомстве цели – привлечь внимание потенциального партнера и сообщить о своих намерениях – в принципе не важно, использует ли адресант монокомпонентные или поликомпонентные синтаксические структуры, поскольку и те, и другие являются полипропозитивными. Монокомпонентные синтаксические структуры отличаются от поликомпонентных тем, что первые состоят из одного предложения, а вторые из нескольких, причем по своему «синтаксическому статусу» и те, и другие могут быть простыми, осложненными или сложными. Принципиально важным является другое – выбор номинативно-дискурсивнойстратегии. В зависимости от того, как представляет себя адресант – как третье лицо, «объективно» излагающее сведения о самом себе, или же как первое лицо, а потому «субъективно» позиционирующее себя, мы различаем соответственно экстериоризованную и интериоризованную стратегии (см. подробнее [Корнева 2017а; 2017б; 2018а; 2018б; 2019]). Кроме того, в одном и том же тексте адресант может использовать обе эти стратегии, правда,только при условии, что он имеет поликомпонентную структуру. В этом случае правомерно говорить о смешанной стратегии по отношению к тексту в целом, однако в отдельных его компонентах реализуется либо одна, либо другая стратегия. Ср.:

*Empresario español, 45 años, simpático, cariñoso, atractiv*o (*Ф*1), busca (*Ф*2) mujer entre 25-*34 años, atractiva, simpática, elegante (Ф*3) para relaciones estables (*Ф*4). ‘Испанский предприниматель 45 лет, симпатичный, нежный, обаятельный, ищет женщину 25–34 лет, привлекательную, симпатичную, элегантную’. (1)

Anna (*Ф*1). Busco (*Ф*2) algo serio, estable, duradero, que dure una vida entera, un amor sincero y puro (*Ф*4) con un chico bonito (*Ф*3). Yo, de altura mediana *(Ф1).* ‘Анна. Ищу нечто серьезное, надежное, стабильное, что будет длиться всю жизнь, простую и чистую любовь с хорошим молодым человеком. Я среднего роста’. (2)

Hombre (*Ф*1) desea (*Ф*2) relación seria (*Ф*4) con chica (*Ф*3). Yo, normaly simpático *(Ф1).* ‘Мужчина желает серьезных отношений с девушкой. Я обычный и симпатичный’. (3)

Очевидно, о выделенности того или иного компонента фреймовой модели в поверхностной структуре текста могут свидетельствовать разные языковые факты, в том числе занимаемая ими в тексте позиция. Даже в нейтральном, на первый взгляд, объявлении о знакомстве минимальной структуры, типа приведенного ниже, в котором последовательно представлены все компоненты фреймовой модели, сильной и, следовательно, салиентной, является инициальная позиция:

Chico (*Ф*1) busca (*Ф*2) chica (*Ф*3) para relación estable (*Ф*4). ‘Молодой человек ищет девушку для серьезных отношений’. (4)

Если же в аналогичном по структуре тексте один из компонентов представлен минимальными языковыми средствами, а другой получает развернутую

характеристику в виде цепочки атрибутивных конструкций, то он и оказывается салиентным. Ср.:

Divorciad*a, doshijos, 53 años, gustando música y cine (Ф*1), quisiera conocer (*Ф2) hombre similar, máximo 65 años (Ф*3), para salir y relaciones estables (*Ф*4). ‘Разведенная женщина, с двумя детьми, 53 лет, любящая музыку и кино, хотела бы познакомиться с таким же человеком, не старше 65 лет, для встреч и серьезных отношений’. (5)

Выделенным может быть не только компонент «самопрезентация», но и компонент «портретирование», что достигается благодаря набору определенных синтаксических средств – инверсии и использованию условного и вопросительного предложения: Busco *(Ф2)* hombre. Si tienes entre 55–60 *años, mínimo 1.75*–1.80 (*Ф*3), buscas relaci*ón estable, llámame (Ф*4). Yo, mujer agradable *(Ф1).* ‘Ищу мужчину. Если тебе 55–60 лет, рост не менее 1.75–1.80 минимум, и ты ищешь стабильных отношений, позвони мне. Я женщина приятной наружности’. (6)

¡Crees en el amor verdadero?... Si quieres encontrarlo (*Ф*3), buscamos lo mismo (*Ф*4). Chica, *30 años* (*Ф*1), busca (*Ф*2) chico entre 32-*38 años* (*Ф*1). ‘Ты веришь в настоящую любовь?! … Если ты хочешь найти ее, то мы ищем одно и то же. Девушка 30 лет ищет молодого человека 32–38 лет’. (7)

Нетрудно заметить, что салиентность компонента «портретирование» возможна лишь в случае реализации интериоризованной стратегии. Благодаря этой стратегии инвариантная модель текста вербализуется такими разными синтаксическими конструкциями, как вопросительные, восклицательные и побудительные предложения, которые воспроизводят реальную ситуацию общения в форме микродиалога. В них частотны сложноподчиненные предложения с придаточным условия, которые принципиально не допустимы при реализации экстериоризованной стратегии.

Таким образом, синтаксические средства играют ключевую роль в развертывании фреймовой модели текста «объявление о знакомстве», в ее языковой реализации, в актуализации тех или иных ее компонентов.

Литература

Корнева В.В. Эксплицитное и имплицитное в испанских объявлениях о знакомстве // Эксплицитное и имплицитное в языке и речи: тезисы Международной научной конференции, 10–11 мая 2017 г. Минск. Минск: МГЛУ, 2017а. С. 44-46.

Корнева В.В., *Москаленко* К.О. Типология и структурно-семантические свойства испанских объявлений о знакомстве // Вестник Воронежского государственного университета. 2017б. № 4. С. 103-107.

Корнева В.В. Традиции и новации в изучении объявлений о знакомстве (обзор публикаций последних лет) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 1. С. 129-132.

Корнева В.В. Прототипичная структура объявлений о знакомстве и ее языковая репрезентация // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXIII. С. 205-210.

Корнева В.В. Языковая реализация стратегии самопрезентации адресанта в испанских объявлениях о знакомстве // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVII. С. 1117-1121.

V.V. Korneva (Voronezh, Russia)
Voronezh State University

SPECIAL FEATURES OF SYNTACTIC REPRESENTATION IN SPANISH PERSONAL ADVERTISEMENTS

The article describes syntactic means for verbal representation in personal advertisements. The study aims at revealing their function in shaping such texts with a special focus on a number of particular components. The article also deals with revealing the connection between the strategy, which is used, and the appropriate type of syntactic structure.

Key words: personal advertisements, prototypical structure frame, syntactic means, strategy, verbal representation, the Spanish language.

Н.Н. Кошкарова *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный университет
studiumjuvenis@mail.ru

ДИСКУРСИВНАЯ СПЕЦИФИКА ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА ВОЙНЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ[1]

Статья посвящена анализу дискурсивной специфики осмысления феномена войны в английском языке. Материалом для исследования послужили следующие группы текстов: 1) словарные и авторские дефиниции; 2) нормативные правовые акты: 3) тексты СМИ по соответствующей проблематике.

Ключевые слова: война, английский язык, термин, сочетаемость, масс-медийный дискурс, политический дискурс.

Необходимость лингвистического описания войны как аксиологически маркированного феномена детерминирована современной геополитической ситуацией, при которой вооруженные конфликты, военные противостояния различного вида (например, экономические и торговые) являются неизбежной частью межгосударственных отношений. Названные выше конфликты обретают новые формы проявления и соответственно по-новому объективируются в языке. С лингвистической точки зрения ученые анализируют различные аспекты изучаемого феномена: дискурс войны на Донбассе [Соболева 2017], политическую афористику концепта ВОЙНА [Бажалкина 2010], понятийные характеристики концепта ВОЙНА в русской и английской лингвокультурах [Крячко 2007], метафорическую актуализацию концепта ВОЙНА в современном русском и англо-американском политическом дискурсе [Фатьянова 2019],

[1] Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: проект 19-012-00192

семантическое поле ВОЙНА. ВОЕННЫЕ ТЕРМИНЫ в древнеанглийском языке [Ишмуратова 2017] и др.

Целью настоящего исследования является изучение концептуализации феномена войны в семантическом пространстве английского языка на материале следующих групп текстов: 1) словарные и авторские дефиниции; 2) нормативные правовые акты; 3) тексты СМИ по соответствующей проблематике. Если обратиться к словарю, то находим в нем следующее определение войны: a state of usually open and declared armed hostile conflict between states or nations [Meriam-Webster Dictionary]. Семантическим центром данного определения является сема ‘вооруженное враждебное противостояние’. Однако в современных геополитических условиях и обстоятельствах анализируемый феномен концептуализируется значительно шире традиционного понимания войны, когда антагонизм приобретает глобальные масштабы, увеличивается количество вовлеченных в «военные действия», пополняется список терминов для описания разновидностей войны. С учетом вышесказанного Дж. Лонг предлагает следующее определение войны: the coherent execution of all means to bring about sufficient ad*herence to a nation's will in the international (global) arena; resul*ting in armed conflict only when all other means fail [Long].

В международных правовых актах и законодательных документах англоязычных стран наряду с термином war используется целый ряд эвфемистических наименований анализируемого явления: armed conflict [Geneva Convention], armed activities [International Court of Justice], international friction [Charter of the United Nations], war crimes [The United States Congress]. Существование такого большого разнообразия номинаций позволяет «более четко дифференцировать события, происходящие в международных делах» [Морозова 2016: 224]. Вместе с тем возникает необходимость разграничения таких феноменов, как war и terrorism. Особенно актуальным этот вопрос стал после событий 11 сентября 2001 г., когда перед международным сообществом возникла дилемма: считать ли борьбу отдельной страны с контролируемыми негосударственными формированиями (террористами) на территории другого государства войной против этой нации? После упомянутых событий 9/11 в идиостиле президента США Дж. Буша и политическом дискурсе появилось выражение war on terror, которое затем трансформировалось в Global War on Terrorism. Данный термин был образован по аналогии с термином war on drugs, однако он вызвал бурную критику в американском обществе, так как терроризм не имеет одного врага, против которого ведутся разрушительные действия, и он не может быть побежден теми же методами, которые использует сам и(или) эксплуатируются во время войн. Позднее термин war on terror образовал в английском языке широкий синонимический ряд: *World War III, World War IV, Bush's* War on Terror, the Long War, the Forever War, the War against Al-Qaeda.

Как видно из приведенного речевого материала, тексты СМИ чутко реагируют на происходящие экстралингвистические события, и масс-медийный дискурс фиксирует наблюдаемую реальность в виде создания новых терминов для обозначения мировых процессов. Так, в силу политических и экономических причин в английском языке актуализировалось

выражение US-China trade war, которое в узуальном употреблении обрастает дополнительными коннотациями: The first topic brought up was the **ongoing US-China trade war**, while legal and technological changes were also discussed at length (Lexology, October 29, 2019) <...> The automotive sector, which accounts for over one in nine jobs in Germany, faces decimation from the combination of both Brexit and the **escalating US-China trade war** (EuroNews, September 4, 2019) <...> The **intensifying US-China trade war** and rising fuel prices will continue to bog down airline profits this year, the International Air Transport Association said Sunday (The Daily Mail, June 2, 2019) <...> Stock markets had rallied in recent days on the prospect of a US interest rate cut and broader central bank dovishness which helped to offset **lingering US-China trade war** tensions (Channel News Asia, June 13, 2019) <...> The market may instead focus on any comments from President Draghi regarding the **looming US-China trade war** (The Ebury, June 24, 2018).

Другим новым термином, вошедшим в активное употребление в английском языке в последние 2–3 года и отражающим социальные изменения, является словосочетание pop-culture war, которое семантически расширяет и дополняет известное выражение culture war: Forget about culture war; this is the age of **pop culture war***, a version of "We Didn't Start the Fire" with all the Cold* War substance taken out (The New York Times, June 2, 2018). Сомнение общественности в пользе научных изысканий нашло отражение в появлении термина war on science: What we ultimately found was that the level of perceived aggressiveness coupled with the ***"war on science"*** framing generally led conservatives, liberals and moderates to rate the credibility of scientists differently (The Conversation, January 11, 2019). Активно формирующийся в западном обществе трансгендерный дискурс вызвал к жизни возникновение термина war on abstinence (воздержание): The **war on abstinence** is the latest battleground in the culture wars (First Things, June 23, 2008).

Другим важным аспектом изучения специфики дискурсивной реализации ценностно маркированных явлений является изучение сочетаемостных возможностей терминов, использующихся для их обозначения. Анализ речевого материала показывает, что вновь созданные термины образуют те же коллокации, что и традиционные слова семантического поля 'война': Building on such arguments, our new research sugg*est that Americans may see scientists' choice to* accuse conservatives of ***waging a "war on science"*** as relatively aggressive compared to potential alternative ways of describing the current situation (The Conversation, January 11, 2019) <...> *He's like the late*-night liberals, all base-pleasing tactics and no strategy, content to **wage a pop culture war** *that's stuck, for now, in* stalemate (The New York Times, June 2, 2018) <...> When the **US-China trade war broke out** last year, Liang Ning, a tech veteran from Beijing's Zhongguancun technology hub, wrote an inspiring article about China's first indigenous microchip and operating system (Ejinsight, May 31, 2019).

Необходимо отметить, что наряду с появлением новых терминов, обозначающих различные виды противостояния, в английском языке широко используются традиционные номинации, характеризующие ту или иную разновидность войны и(или) ее качественные характеристики: proxy war («война марионеток»): But Turkish authorities have grown wary of slipping into **a proxy war with Russia**, according to the people familiar with the matter, because Moscow,

while recognizing the Tripoli government, has lent support to the rival commander, Khalifa Haftar (The Wall Street Journal, December, 21, 2019); offensive war (наступательная война): An aggressor state that loses its territory after **an offensive war** and consistently refuses all efforts to make peace for over half a century cannot expect to maintain a bona fide right to claim back the territory (Jerusalem Center for Public Affairs, March 31, 2019); defensive war (оборонительная война): "It's so significant in historical terms because 52 years ago we acquired that territory in a **defensive war**,*" Dermer continued* (The Hill, March 23, 2019) <...> protracted war (затянувшаяся война): The two sides sat down to negotiate just days after U.S. Secretary of State Mike Pompeo said Washington was hopeful of a deal to end Afghanistan's **protracted war** by Sept. 1 (The Voice of America, June 30, 2019) <...> guerilla war (партизанская война): After Arochukwu fell to the British in 1904, seven sons from Aro left for Anioma to form the feared and much revered Ekumeku fraternity to continue a **guerilla war** against the British (The Daily Post, May 17, 2019).

Таким образом, лапидарный анализ дискурсивной специфики осмысления войны как аксиологически маркированного феномена в английском языке показывает, что дефиниция термина 'war' нуждается в корректировке, равно как и его законодательная интерпретация. На авансцену социальной и политической жизни выходят новые виды противостояний, которые оперативно фиксируются масс-медийным дискурсом. К сожалению, в современном мире превалируют деструктивные тенденции, что выражается в появлении новых слов для их обозначения.

Литература

Бажалкина Н.С. К проблеме внутреннего содержания политических афоризмов английского языка // Политическая лингвистика. 2010. № (2) 32. С. 92-96.

Ишмуратова Л.М. Семантическое поле «Война. Военные термины» в древнеанглийском языке // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. № 2. С. 477-482.

Крячко В.Б. Понятийные характеристики концепта ВОЙНА в английской и русской лингвокультурах // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2007. № 2 (20). С. 26-30.

Морозова Е.А. Война и вооруженный конфликт – границы определений // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 2. С. 224-228.

Соболева И.А. Аксиологический террор современного дискурса войны // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 83-90.

Фатьянова И.В. Метафорическая актуализация концепта ВОЙНА в современном русском и англо-американском политическом дискурсе // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2019. Т. 15. Вып. 1-2 (43-44). С. 168-181.

Long J. What Is War? A New Point of View. URL: https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/what-is-war-a-new-point-of-view (дата обращения: 03.01.2020).

British National Corpus. URL: http://corpus.byu.edu/bnc/ (дата обращения: 02.01.2020).

Meriam-Webster Dictionary. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/war (дата обращения: 03.01.2020).

N.N. Koshkarova (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University

DISCURSIVE PECULIARITIES OF THE WAR INTERPRETATION IN THE ENGLISH LANGUAGE

The paper explores the discursive peculiarities of the war interpretation in the English language. The following group of texts serve as the material for analysis: 1) dictionary and original definitions; 2) enactments; 3) mass-media texts on the war problem.

Key words: war, English language, term, collocation, mass-media discourse, political discourse.

М.А. Кузина *(Москва, Россия)*
Московский педагогический государственный университет
kouzina-marina@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ СПОСОБОВ СОЗДАНИЯ СТЕРЕОТИПОВ О РОССИИ И СССР НА ОСНОВЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР

В настоящее время наблюдается активное освоение художественным дискурсом политической концептуальной метафоры, которая широко используется в современных СМИ в целях манипуляции общественным мнением. Исследование показывает историю изменений в восприятии СССР и России в англоязычных произведениях писателей-мультикультуралистов из Индии, Кении, Нигерии и Пакистана с 1960-х годов по настоящее время.

Ключевые слова: концептуальная метафора, стереотипизация, мультикультурная литература, экзотизм.

Исследования языковых способов создания образа той или иной страны занимают особое место в проблематике современной лингвистической науки. Одно из первых описаний концептуальной метафоры политиками для манипулирования общественным мнением об определенной стране можно встретить в работе 1967 года Майкла Осборна «Архетипичные метафоры в риторике: сфера образов “свет – тьма”». При этом идея об устойчивости концептуальных метафор подчеркивается и в последующих работах: Дж. Лакоффа и М. Джонсона (1980), Г.Г. Слышкина (2004), Э.В. Будаева и А.П. Чудинова (2008), Н.М. Орловой (2010), Р.И. Зарипова (2016).

Настоящее исследование ставит своей целью показать динамику изменения восприятия СССР и Российской Федерации в бывших колониях Британской Империи (Индия, Кения, Нигерия, Пакистан). Традиционно мультикультурные художественные произведения о современной жизни населения полуострова Индостан или Африканского континента рассматриваются как источники экзотической лексики, заимствуемой в английский язык. Однако СССР (1922–1991)

и Россия (1991 – по наст. вр.) также могут восприниматься носителями английского языка в метрополии и в бывших ее колониях как экзотические места или как места, в которых среднестатистический человек не бывал, но, возможно, слышал: You've heard of Russia? Because we're going to have to go via Ashgabat, which is pretty much the same thing [Sahote 2015: 36]. Таким образом, новизна предпринятого исследования заключается в рассмотрении изменения характера концептуальных метафор, при помощи которых стереотипизируется представление о России и СССР в англоязычных романах авторов из Индии, Кении, Нигерии и Пакистана.

Из 30 произведений авторов африканского происхождения (Ch.N. Adichie, H. Habila, L. Mabura, A.T. Nwaubani, Ch. Obioma, C. Teju, N. Wa Thiong'o) и южноазиатских корней (A. Adiga, A. Desai, K. Desai, J. Lahiri, V.S. Naipaul, A. Roy, S. Rushdie, K. Shamsie, S. Sahota) было отобрано около сотни контекстов, в которых использовались онимы «USSR», «Russia», а также связанные с ними прецедентные феномены и русицизмы. Весь корпус отобранных контекстов послужил основой для выделения концептуальных метафор, типичных для двух временных периодов: 1960–1988 и 2000–2019.

В романах В.С. Найпола "A House for Mr. Biswas", Н. ва Тхионго "A Grain of Wheat", "Petals of Blood", "Devil on the Cross", С. Рашди "Midnight Children" и А. Десаи "Baumgartner's Bombay" наиболее частотными оказываются концептуальные метафоры RUSSIA/USSR – REVOLUTION, RUSSIA/USSR – FREEDOM, RUSSIA/USSR – WINNER, RUSSIA/USSR – PIONEER.

В романе Нгуги ва Тхионго «Кровавые лепестки» (1977) крестьяне кенийской деревни Илморог сравнивают свое социальное положение и свой каторжный труд на бесплодных землях, арендуемых у богачей, с борьбой русских крестьян за пахотные земли и лучшие условия труда: "It was there that he heard it whispered how in a land called Russia, peasants had taken spears and seized guns and drove the enemy out" [Thiongo 1977: 385]. В романе В.С. Найпола «Дом для мистера Бисваса» (1961) женщины из индийской общины на острове Тринидад обсуждают равные права мужчин и женщин в России и свободу женщин в выборе профессии: "Sushila, who had had enough of nursing Mrs. Tulsi, hated the smell of medicines and asked for nothing more than a quiet dry goods shop to support her old age, nevertheless agreed. 'In Russia you would be a doctor. Free.' 'Doctor like you?' Sushila asked. 'Just like me. No difference between the sexes. None of this nonsense about educating the boys and throwing the girls aside'" [Naipaul 1961: 452]. В романах Н. Ва Тхионго «Пшеничное зерно» (1967) и «Кровавые лепестки» (1977) за Россией закрепляется роль победителя над фашизмом, а Сталинград становится прецедентным онимом, аппелирующим к героизму, патриотизму, сплоченности народов: "'They have got the guns and the bombs. See how they whipped Hitler. Russia is the only country now that makes the British tremble.' 'It's a question of Unity,' Kihika explained excitedly"; "But the Russians didn't flee. The Russian held at Stalingrad. They stood firm" [Thiongo 1967: 57; 1977: 124]. В этих же романах частотны аппеляции к освоению космоса русскими: "Russians sent travellers to the moon"; "sent a dog, poor Laika, into space" [Thiongo 1977: 95, 197].

В романах, написанных в первой декаде XXI века, превалируют концептуальные метафоры RUSSIA – AGGRESSOR, RUSSIA – FAIR GAME, RUSSIA – INEFFICIENCY, RUSSIA – UGLINESS, RUSSIA – DANGER. В романе С. Рашди «Кишот» (2019) акцентируются несколько из этих концептуальных метафор: “He had studied Russian at Davidson, taking one course entitled ‘Russian and Ukraine – War and Peace,’ and another studying the use of metaphor of the vampire in Russian culture, and in his senior year he had been approached by representatives of both American and Russian intelligence <...> the American representative had returned to tell him that if he attempted to visit Russia at any time in the future it was probable that his passport would be confiscated and other actions against him might follow”; “The movie executives said, fabulous, and this would be an attack by a mysterious secret organization, right?, like SPECTRE or Kingsman or Hydra or ICE or SWORD. She laughed. ‘Why should we play it so coy?’ he demanded. ‘Can’t we just call it Russia?’” [Rushdie 2019: 165, 120]. В приведенных примерах Россия представляется как агрессор, особенно в длительном противостоянии «Россия – Украина»; при этом, автор признает, что Россия слишком часто становится объектом «узаконенных» нападок. Писатели-мультикультуралисты также активно прибегают к негативным коннотациям метафорических моделей RUSSIA/USSR – INEFFICIENCY, RUSSIA/USSR – DANGER и RUSSIA/USSR – UGLINESS. В романе К. Десаи «Наследство разоренных» (2006) многие персонажи имеют соседей из России, бывали в России в эпоху так называемого “Indo-USSR romance”, когда дружба между Индией и Россией основывалась на поставках оружия из СССР в Индию, на совместных космических проектах, на импортируемых русских сказках о Бабе-Яге в бывшую колонию Британской империи [Desai 2006: 15]. Отец главной героини романа – шестилетней Саи – должен был стать первым индийским космонавтом и часто посещал Россию для прохождения соответствующего обучения и тренировок; он описывал Россию как страну, которая управляется даже менее эффективно, чем Индия: “‘Do you remember when Chotu and Motu went to Russia? They said they had not seen the like,’ remarked Lola to Noni, ‘even in India. Inefficient beyond belief’” [Desai 2006: 15]. Юная Саи, которая никогда не была в России, представляет столицу страны как угрюмый, серый, уродливый и опасный город, в котором погибли ее родители под колесами автобуса, перевозивших ящики с расписными матрешками: “Thus they had died under the wheels of foreigners, amid crates of babushka nesting dolls”; “Sai imagined a sullen bulky architecture, heavyset, solid-muscled, bulldog-jowled, in Soviet shades of gray, under gray Soviet skies, all around gray Soviet peoples eating gray Soviet foods. A masculine city, without frill or weakness, without crenellation, without a risky angle” [Desai 2006: 14; 15].

Вышеприведенные примеры позволяют сделать ряд выводов об эволюции способов создания стереотипов о России и СССР на основе концептуальных метафор. Во-первых, политическая метафора, характерная для СМИ, может активно использоваться и в художественной литературе. Справедливо утверждать, что в рамках художественного дискурса она выполняет важные разнообразные функции, что объясняется «способностью человека каждый раз заново формировать смыслы и выбирать разные средства их репрезентации, ис-

пользовать разные когнитивные модели и схемы как формы интерпретации» [Болдырев 2019: 458].

Во-вторых, широкое использование концептуальной метафоры способствует восприятию адресатом действительности под определенным углом и помогает перейти от открытой пропаганды ряда идей к скрытому манипулированию массовым сознанием (Г.П. Байгарина, Р.И. Зарипов, И.М. Михалёва). При помощи метафоры целевому читателю художественной литературы не только объясняется авторская позиция по затрагиваемым проблемам, но и внушаются определенные установки и стереотипы через эмоционально-психологические восприятие [Зарипов 2016: 56]. В-третьих, анализ различных языковых способов создания того или иного стереотипа о советской и/или российской действительности в рассматриваемые временные отрезки (1960–1988 и 2000–2019) показал, что художественные произведения более раннего, доперестроечного, периода призваны создать положительный стереотип о России, причем, если авторы этих произведений до сих публикуются (С. Рашди, А. Десаи, В.С. Найпол), то для их работ характерна более рациональная, взвешенная точка зрения. Для писателей-мультикультуралистов, основной период творчества которых приходится на первые две декады XXI века, типичным является обращение к негативным концептуальным метафорам, отвечающим за закрепление отрицательного восприятия России миром. Это может объясняться формированием у молодых писателей из Индии, Кении, Нигерии и Пакистана неприязни к России не путем посещения страны или личных контактов с русскими, а через призму стереотипов, представленных в современных англоязычных СМИ.

Литература

Болдырев Н.Н. Пространство и время как доминантные формы языковой интерпретации // Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 20–23 марта 2019 г.): Труды и материалы / под общ. ред. М.Л. Ремнёвой и О.В. Кукушкиной. М.: Издательство Московского университета, 2019. С. 458-459.

Зарипов Р.И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе: монография. М.: Р. Валент, 2016.

Desai K. The Inheritance of Loss. London: Penguin, 2006.

Naipaul S.V. A House for Mr. Biswas. London: Vintage, 1961.

Rushdie S. Quichotte. New York: Random House, 2019.

Sahote S. A Year of Runaways. London: Penguin, 2015.

Thiongo wa N. A Grain of Wheat. New York: Penguin Classics, 1967.

Thiongo wa N. Petals of Blood. New York: Penguin Classics, 1977.

M.A. Kuzina (Moscow, Russia)
Moscow Pedagogical State University

EVOLUTION OF LINGUISTIC MEANS EMPLOYED TO CREATE STEREOTYPES OF RUSSIA AND THE USSR ON THE BASIS OF CONCEPTUAL METAPHORS

Contemporary English-language fiction exploits political conceptual metaphors that are typically used in the mass media to manipulate the public opinion. The undertaken study has revealed that the attitude towards the USSR and Russia has dramatically changed since the 1960s, which has also been reflected in the novels by cross-cultural writers from India, Kenya, Nigeria and Pakistan.

Key words: conceptual/cognitive metaphor, stereotypes, multicultural/cross-cultural literature, exoticism.

Е.А. Кузьмина *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
kelena_an@mail.ru
Е.Б. Рябых *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
ekaterina_ryabykh@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОТРАЖЕНИЕ РЕАЛИЙ МИРА 21 ВЕКА[1]

В статье подчеркивается, что любое литературное произведение, в том числе и поэтическое, несет на себе отпечаток мировоззрения и миропонимания автора, отражает его видение реального мира, а также мир его фантазий. Немаловажно отметить, что поэтический язык неразрывно связан с творческим методом писателя, личность которого так или иначе проявляется во всех его произведениях. Особенно ярко и отчетливо личность писателя или поэта отражается в индивидуально-авторских метафорах, без которых создание полноценного поэтического произведения просто невозможно.

Ключевые слова: поэтический дискурс, индивидуально-авторская метафора, интерпретация, реалии мира.

Дискурс принадлежит к так называемым модным терминам и имеет множество различных дефиниций. Мы в нашей статье традиционно понимаем дискурс как «речь, погруженную в жизнь» [Арутюнова 2002: 137]. Следует отметить, что полисемичность данного термина довольно спорна, поскольку на самом деле «он всегда обозначает определенным образом организованную речевую деятельность, связанную с некоторой нелингвистической областью (социологический, идеологический, культурный контекст) или с чем-нибудь невысказанным (бессознательным, предполагаемым)» [Hergorsky 1982: 22].

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00372) в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина

В современной лингвистике выделяют политический, научный, юридический, рекламный, фольклорный, мифологический, поэтический и прочие виды дискурса (В.И. Карасик, Б.Н. Головко, Г.Г. Почепцов и другие). Очевидно, что по функциональным стилям дискурсы классифицируются в соответствии с различными областями человеческой деятельности.

Наиболее высокой степенью эмоциональности отличается поэтический дискурс, в котором автор четко выражает свое отношение к описываемым в тексте явлениям и образам. Считается, что в стихотворном произведении эмоциональной нагрузкой обладает каждое слово.

Мы вслед за Н.В. Монгилевой понимаем поэтический дискурс как «гетерогенное единство, результат социального, исторического и культурологического процессов; единство, создающееся группой субъектов или отдельными субъектами, наделенными способностью эстетически преобразовывать действительность сквозь призму внутреннего состояния и авторского мастерства в художественно законченное целое. Это целое реализуется в виде художественных или поэтических текстов, обладающих событийной, социальной, психологической, образной и поэтической информацией с непреходящей ценностью, которую способно порождать воспринимающее сознание (слушателя или читателя) согласно его системе ценностей» [Монгилева 2004: 6].

Важно выделить также эстетическую (поэтическую) функцию поэтического текста, которая, являясь доминирующей, превращает текст в произведение искусства и «требует работы над словом с целью открыть читателю и слушателю прекрасное в самом слове» [Горшков 2001: 316], в то время как реализация коммуникативной функции, которую также способен выполнить данный вид дискурса, предполагает как можно более точную передачу собеседнику конкретной информации.

В результате эстетического преобразования особенностей поэтического структурирования стихотворного произведения в сознании реципиента формируется семантическое пространство поэтического дискурса на его различных уровнях: метрическом, фонетическом, лексическом, грамматическом, синтаксическом [Монгилева 2004].

В семантическое пространство поэтических текстов, в том числе, текстов песен попадают реалии, наиболее актуальные и важные для автора на момент создания произведения. В поэтическом дискурсе могут найти свое отражение политические события, социальные изменения, гендерные отношения и т.д. Поэтические тексты содержат не только лексические единицы и грамматические конструкции, свойственные кругу общения автора, но и могут быть источником неологизмов. В результате прочтения или прослушивания поэтического текста в сознании у реципиента, как правило, формируется некий образ, объединяющий субъективное с объективным, реальное с воображаемым, индивидуальное с общим.

Обращаясь к особенностям поэтического дискурса XXI века и тех реалий, которые в нем отражаются, необходимо отметить ряд отчетливо прослеживающихся тенденций. Во-первых, плюрализм индивидуально-авторских веяний, связанный с тем, что в рамках данного временного периода нашли творческое выражение литературно-поэтические традиции раз-

личных периодов, разделяемых малой временной дистанцированностью, но значимых с исторической и социально-культурной точки зрения (поэты поколения 1960-х г. и далее, эпохи перестройки и постперестроечного периода).

Во-вторых, рождающиеся в XXI веке стихи при явно большем количестве, чем ранее, продуцирующих их и становящихся читаемыми и известными авторов, представляют собой один из способов познавать и интерпретировать окружающий мир с учетом всего его многообразия, сложности и возникающих противоречий в процессе познания, что находит свое отражение в многообразии интерпретации, в том числе метафорически вербализованной. При этом индивидуально-авторская составляющая проявляется именно в манере интерпретации и репрезентации действительности, в тех деталях, на которых осуществляется фокусировка, а также в том, как происходит смена фокуса внимания.

Следует подчеркнуть, что в современном языкознании интерпретирующая функция языка включается в число основных его функций, наряду с когнитивной и коммуникативной, поскольку она «так или иначе связана или обуславливает выполнение языком множества дополнительных функций и которая соответствует третьему аспекту языкового оперирования знанием – интерпретационному» [Болдырев 2019: 40].

В-третьих, тенденция двойственности – опыт наследования различных традиций классической поэзии, перемешанный с индивидуально-авторскими экспериментами. Отмечается некоторое постоянство в плане обращения к традиционным для русскоязычного поэтического дискурса темам любви, смысла жизни, а также смерти и трагического мироощущения, поиска себя и своего места в этом мире, природы, городской среды и творчества с уменьшением интереса к тематике гражданской лирики, что находит свое отражение, в том числе, и в метафорической палитре. В рамках современного поэтического дискурса отмечается также тенденция к попытке проследить взаимоотношение между человеком и другими объектами, либо стихиями, которые не зависят он него, а, следовательно, могут сопоставляться.

В-четвертых, практический материал исследования подтверждает также, что особенность метафоризации в поэтическом дискурсе и в XXI веке отражается в преимущественном использовании полиметафорических моделей, в рамках которых выделяются коррелятивная и инкорпорирующая модели, что обусловлено особенностью взаимоотношений области-мишени и области-источника. Простой объемный метафорический образ является наиболее частотным и создается в результате конкретизации концептуальной метафоры до более частной, ее детализации. Сложный объемный метафорический образ состоит из нескольких областей-источников, привлекаемых для репрезентации одной области-мишени в рамках стихотворного текста, при этом возможны различные комбинаторные вариации областей-источников метафорического моделирования. В ряде случаев можно выделить базовые и вспомогательные области-источники. Данные способы репрезентации знаний рассматриваются в рамках инкорпорирующей модели. Под коррелятивной метафорической моделью понимается схема связи между двумя или более группами непосредственно соотносящихся между собой понятийных областей [Рябых 2006: 74].

Доминантными в рассмотренных примерах являются антропоморфные, зооморфные и артефактные метафоры, в которых с большой степенью частотно-

сти наблюдается переосмысленная вербальная репрезентация традиционных концептуальных метафор. В свете урбанизации в фокусе внимания часто оказывается городская тематика. Рассмотрим несколько примеров: *Ночью дома ссутулятся. / Медленно слижет дождь / С теплой тарелки улицы / След от твоих подошв* (Полозкова В. Город, созданный для двоих); *Город расставил сети, чтобы выловить нас, / Пробки, и в этих пробках каждый третий увяз, / А где-то лето до рассвета спит в гамаке, / И перламутром красит утро волны в реке* (Добронравов Ф. Город расставил сети); *Суетный город на головы зданий надел / Небо мое – обессиленное, обессиненное* (Мамочева Ю. Бог на ладони моей); *Москва, моя певчая девочка в тонком платье, / углы твои ада темнее, глаза-огни… // Москва, моя гордая девушка с дерзким взглядом. / Посмотришь – и вниз по спине крутым кипятком. / В еловых кудрях – рыжина… // Москва – моя верная женщина-дьяволица. // Я рвусь на свободу, но хватка твоя крепка* (Мамочева Ю. Москва, моя певчая девочка).

Для репрезентации одной и той же области-мишени могут привлекаться различные области-источники как в следующих примерах, где водосточные трубы могут наделяться как некими антропоморфными чертами (способность проявлять эмоции – плакать), так и выступать в качестве некоего артефакта (сосуда), из которого можно пить: *Водосточные трубы плакали // Лили ведрами слезы ржавые, // За дорожными прячась знаками, // Целовались мосты с каналами* (Григорьев Е. Анти-тормоза); *Вчера достало, допекло… Решил на старой крыше // Бухнуть из водосточных труб осеннего дождя* (Розенбаум А. Вчера достало, допекло).

Описание природных явлений по-прежнему остается неиссякаемым, вдохновляющим поэтов на создание метафорических образов источником и областью-мишенью метафорического моделирования, что объясняется их периодической непредсказуемостью и необъяснимой силой эмоционального воздействия на человека, а также притяжением к ним фокуса авторского внимания в связи с особой вдохновляющей и умиротворяющей силой воздействия: *Уходят дожди журавлиным обозом…. Земля забинтована марлей тумана* (Великжанин П. Книги сгорающих листьев); *Небо выдохнуло тяжко, / Посмотрело вниз с досадой / И мою пятиэтажку / Обнесло живой оградой / Водяных бессчетных нитей / Впечатляющего вида* (Великжанин П. Летний ливень). Учитывая реалии современного мира, нельзя не отметить наличие соответствующих артефактных метафор, где небо – экран: *Смотришь в неба экран – я мигаю звездами пикселей* (Мамочева Ю. Море вереска).

Важно отметить и то, что современной поэзии не чужда и патриотическая тема, которая актуализируется в связи с необходимостью раскрытия определенной тематики, к примеру в историческом контексте: *Но не затянутся плотью рубцы траншей, / Вырытых прежде – руками моих сынов!* (Мамочева Ю. Потомку). Определенные вербализованные метафоры являются продуктом индивидуально-авторского мышления в связи с нацеленностью на воспринимающую аудиторию и ее личностный опыт в социокультурном контексте: *Нам разлука накинет срок, / Разводя друг от друга прочь* (Григорьев Е. Бродяга). Наличествуют также профессионально ори-

ентированные метафоры. Так, у медиков, пишущих стихи, наличествуют медицинские метафоры, а у поэтов – метафоры «поэтические»: *СтоИт черно-белая жизнь / березой порезанной, сочится поэзией* (Мамочева Ю. Памяти Кирилиной А.); *Стихи не фехтованье – поножовщина, / Удары в сердце лезвиями строк* (Великжанин П. Есенинщина шьется мне); *Стих, рождаясь, гремел, как состав грузовой / По ажурным нервюрам моста. / И вагон за вагоном летела строка / По созвучиям рельсовых пар, / Словно в каждом ударе небесных стрекал / Перегретый пульсировал пар. / Этот поезд, пройдя расписаний предел, / Оборвал рельсо-шпальную вязь / И над пропастью молнией перелетел, / Сам как будто мостом становясь* (Великжанин П. Рождение стиха); *Накормили нотами клавиши* (Ваенга Е. Клавиши).

Однако самым примечательным в современном поэтическом дискурсе, на наш взгляд, является частотное обращение к области-мишени *ДУША*, которая подвергается метафорическому осмыслению за счет привлечения различных областей-источников. Как известно, концепт ДУША является основой русской ментальности. Рассмотрим несколько примеров в подтверждение сказанному выше: *И слегла душа, кутаясь в бушлат, / То горит, то вдруг забьется, тянет на рывок, / Ты не рвись, душа моя из тела, не спеши, погоди, / Ты еще свое не отсидела, от меня не беги. / Мне сказал: – Держись, – но как ему я объясню, / Что с моей душой тело на ножах, / Как грешили с ней, там, на воле мы, / А теперь внутри она стервеет и хрипит, / С притяжением борется земли, А февраль нелетною погодой ворожит* (Григорьев Е. Притяжение души); *Попса дробит шрапнелью наши души, / Ее за это не привлечь к суду* (Гафт В. Юрию Визбору); *Закрываю глаза и распахивается бабочка / это дура-душа моя хочет к тебе на плечо* (Мамочева Ю. Я лежу, как в снегу…); *Баю-бай, оживай из пролежней, душа-невольница* (Мамочева Ю. Пустошь долгая моя поросла цветами); *Жидкую душу в сосуде продрогшего тела…* (Мамочева Ю. Бог на ладони моей).

Завершая рассмотрение данной проблематики, хотелось бы привести в качестве примера отрывок стихотворения, где единым неразрывным комплексом метафорически осмысливается физическое и духовное бытие человека (человек – храм; прошлое – мусор, от которого можно избавиться, отнеся его в мусорный бак, то есть его можно выбросить, так как душа человека – это дом, полный ненужного хлама и он засоряет ее, а также мозг человека; прошлое имеет вес, хотя и является понятием абстрактным, но его тяжесть можно ощутить. Прошлое – это тяжкая ноша; сам человек, его мозг – это пустая квартира после того, как был выброшен весь мусор – прошлое; сознание – это дом, некое помещение, где есть стены, которые можно раскрасить мечтой – малярной кистью; человек – это строитель и он сам себя создает, он выстраивает свою судьбу): *мой учитель с улыбкой мне подал рюкзак, / и сказал: ты – подобие храма. / отнеси свое прошлое в мусорный бак; / дом твой полон ненужного хлама. / был на редкость нелегок у прошлого вес; / как жилось с этим? – невероятно! / я тащил свою ношу в таинственный лес – / бросил там, и вернулся обратно. / и теперь в самом центре квартиры пустой, / как строитель огромного здания, / словно кистью малярной, я крашу мечтой безграничные стены сознания* (Ах Астахова. Мой учитель).

Итак, поэтический дискурс XXI века – это отражение не только реалий, но и тенденций современного мира, это поэтический текст, «погруженный в культуру», порождение (и, соответственно, восприятие) которого происходит с участием различных экстралингвистических факторов. Мы разделяем в нашей работе мнение исследователей о том, что в поэтическом дискурсе реализуются различные или совершенно противоположные по оценочному смыслу сценарии одной и той же концептуальной метафоры, так как часто открываются либо новые характеристики метафорического осмысления концепта, либо «новые проекции» конвенциональных характеристик. Это указывает на необходимость учитывать два взаимодополняющих фактора: «концептуальную гибкость» и эксперенциальную основу (традицию). В рамках современного поэтического дискурса бесспорной является комбинаторика метафорических моделей. Следует также отметить, что поэтическое произведение необходимо воспринимать комплексно, что дает возможность обнаруживать за внешним контекстом скрытые смыслы, закодированные зачастую в общепринятых и индивидуально-авторских метафорах.

Литература

Арутюнова Н.Д. Дискурс. Речь // Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 136-137.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-изд. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.

Горшков А.И. Русская словесность. М.: Астрель: АСТ, 2001.

Монгилева Н.В. Семантическое пространство поэтического дискурса: автореф. дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2004.

Рябых Е.Б. Метафоризация концептов природных явлений в поэтическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006.

Helgorsky F. Norme et Histoire // Le français modern. 1982. № 1. P. 15-41.

E.A. Kizmina (Tambov, Russia)
Tambov State University of G.R. Derzhavin
E.B. Ryabykh (Tambov, Russia)
Tambov State University of G.R. Derzhavin

MODERN POETIC DISCOURSE AS A REFLECTION OF THE REAL WORLD OF THE 21ST CENTURY

The article emphasizes that any literary work, including poetry, bears the imprint of the author's worldview, reflects his vision of the real world, as well as the world of his fantasies. It is important to note that the poetic language is inextricably linked with the creative method of the writer, whose personality is somehow manifested in all his works. Especially vividly and clearly the personality of a writer or poet is reflected in individual author's metaphors, without which the creation of a full-fledged poetic work is simply impossible.

Key words: poetic discourse, individual author's metaphor, interpretation, realities of the world.

Н. А. Купина *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
natalia_kupina@mail.ru

МЕТАФОРА «ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ»: КОНЦЕПЦИЯ ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА[1]

В статье на материале романа Водолазкина «Лавр» рассматривается метафора «жизненный путь», лежащая в основе религиозно-философской концепции автора. В ходе анализа пройденного героем романа пути к юродству выявляются концептуально значимые смыслы, сопровождающие развитие метафоры.

Ключевые слова: дух, концептуальные смыслы, метафора, христианский, юродство.

Выходящие в серии «Новая русская классика» романы филолога-медиевиста Евгения Водолазкина поддерживают традиции русской прозы, в центре которой всегда оставалось «внутреннее целое души героя как эстетическое явление» [Бахтин 1979: 89]. Роман «Лавр» [Водолазкин 2019 – извлечения из текста передаются светлым курсивом] погружает читателя в эпоху Средневековья. В тексте последовательно развертывается метафора «жизненный путь», включенная в реальное «биографическое время» героя: все моменты этого времени отнесены «к целому жизненного процесса, характеризуют этот процесс как органичный, неповторимый, необратимый» [Бахтин 1979: 196]. Неповторимость акцентируют, в частности, два прозвища (*Рукинец*, *Врач*) и четыре имени, каждое из которых связано с личностными трансформациями: – *Я был Арсением, Устином, Амвросием, а теперь вот стал Лавром. Жизнь моя прожита четырьмя непохожими друг на друга людьми, имеющими разные тела и разные имена. <...> Жизнь напоминает мозаику и рассыпается на части*. Эти слова герой произносит, *принимая большую схиму* (с. 401). Старец Иннокентий убеждает Лавра в аксиологической целостности пройденного: – *Ты нарушил единство своей жизни, отказался от своего имени и от своей личности. Но и в мозаике жизни твоей есть то, что объединяет все отдельные ее части, – это устремленность к Нему. В Нем они вновь соберутся* (с. 402). Определяющим оказывается аксиологически мотивированный личный выбор жизненного пути.

Развитие концептуальной метафоры осуществляется сквозь призму личностного осмысления героем собственной жизни: накопление знаний; первая любовь и оказавшееся роковым первое испытание; юродство; дорога в Иерусалим к гробу Господню – *сладостная музыка странствий* (с. 317) и неоднократная угроза смерти; пострижение в монахи и принятие схимы; кончина

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00399 А «Аксиологический потенциал современной русской метафоры»

праведника Лавра. Остановимся на ментально специфическом феномене юродства, непосредственно связанном с ключевой метафорой.

Как и почему *русоволосый мальчик* из Рукиной слободки стал Документально воспроизводится факт появления героя на свет, поддерживающий достоверность повествования: *Он появился на свет в Рукиной слободке при Кириллове монастыре. Это произошло 8 мая 6948 года от сотворения мира, 1440-го от Рождества Спасителя нашего Иисуса Христа* (с. 13). Воспитателем и наставником Арсения стал дед Христофор – известный на всю слободку травник. Он учил внука жить так, как *подобает истинному христианину* (с. 54). Факторы формирования мировосприятия – авторитет наставника и особые тексты влияния. Мальчик рано выучился читать и понимать ценность слова. Как и дед, он осознал, что *слово записанное упорядочивает мир*. Круг чтения – берестяные грамоты, которые изготовлял и на которых делал записи Христофор, *Вечная Книга* и переписанная прадедом *древняя повесть об Александре Македонском* (с. 41). Мудрые рассуждения Христофора, молитвенный труд, причастия, исповеди, энергия звучащего слова заложили основу внутреннего мира Арсения, чей жизненный путь оказался мучительным самопознанием. Дед, понимая, что мальчик несомненно одарен, передал внуку тайны врачевания, оставил ему в наследство знания о целебных травах, записи, сделанные на берестяных грамотах, воспитал веру в то, *что через всякую траву идет помощь Божья на определенное дело* (с. 18). После кончины деда Арсений стал ощущать целительную силу своих рук, продолжил исцелять больных и *сам понемногу начинал чувствовать себя Христофором* (с. 64). Жители слободки дали ему прозвище *Рукинец*. Люди его любили, откровенно рассказывали о своей жизни и переживаниях. Доверительные беседы скрашивали одиночество. А когда *слава об удивительных руках Арсения дошла до земель, где о Рукиной слободке никогда не слышали, <...> Арсения стали называть Врачом* (с. 62). Концептуальную значимость приобретают смыслы ‘малая родина’, ‘предназначение’, ‘знание’, ‘слово’, ‘дар’. Бескорыстно помогая ближнему, Арсений становится на путь *истинного христианина*, живет в согласии с долгом и совестью. Данный отрезок жизненного пути определяется преемственностью ценностных установок, воцерковленностью, готовностью бескорыстно отдавать людям свой дар, отсутствием внутренних противоречий.

Поворотный момент – встреча с Устиной, которую занесло в его жизнь *моровое поветрие*. Страх чумы закрывал перед ней все двери, но руки Арсения вылечили смертельные язвы, а сердце его было целиком отдано *рыжеволосой девочке*: *Арсений погружался в особый завершенный мир. <...> В этом мире он был отцом Устины и ее сыном. Был другом, братом, но главное – мужем* (с. 76). Недолго Длились счастливые дни, заполненные откровенными беседами, чтением, уединенными прогулками. *Безмерная*, но тайная *любовь* не позволила создать семью. Знание о должном было подавлено страхом и сомнениями. Арсений оказался не готовым ни к причастию, ни к исповеди. Кротость сделала беременную Устину, знавшую, что *за грехи надо... ответить* (с. 95), заложницей охваченного страхом любимого и любящего человека. Она осталась *в его руках глиной, из кото-*

рой он лепил себе Жену (с. 85), а вылепил покойницу. Рухнул основанный на грехе *мир, где существовали только он и Устина* (с. 84). В решающий момент руки Арсения утратили целительную силу. Он не сумел принять роды, спасти любимую от страданий, предотвратить ее смерть и смерть оставшегося без имени новорожденного. Концептуальную значимость приобретают смыслы ‘любовь’, ‘долг’, ‘вечные истины’, ‘грех’, ‘страх’, ‘сомнение’, ‘смерть’. Точка наивысшего напряжения – отчаяние Арсения, пытавшегося покончить с собой. Мудрый старец Никандр остановил молодого человека от непоправимого шага.

Первый шаг к добровольному подвижничеству – уход из родного дома, двери которого остались открытыми. Дорога в никуда оказалась дорогой к селениям, охваченным чумой: он шел от деревни к деревне, от чумной избы к чумной избе, передавая болящим *все жизненное, что мог в себе найти* (с. 103). Отныне вся жизнь его была посвящена спасению души Устины. Накопление «опыта очевидности», «вживание в образы мира» несовершенного, искалеченного, дар видеть «неочевидное в очевидном» (см.: [Ильин 1994, т. 3: 500-501, 543]) – все это обусловливает актуализацию концептуально значимых смыслов: ‘вина’, ‘самоотверженность’, ‘милосердие’, ‘человечность’, ‘сострадание’, ‘слава’.

«Книга отречения» повествует о постепенном отказе Арсения от жизненных благ. Безболезненным и естественным оказался отказ от дарованной князем роскоши; болезненным – отказ от возможности обрести семейное счастье; мучительным – умерщвление плоти. Безобразное лицо, дурно пахнущие лохмотья на истощенном теле – узнаваемые приметы портрета юродивого, отказавшегося от данного при крещении имени, и одновременно – сигналы деперсонализации. Люди стали видеть в Устине *Божьего человека* (с. 176). «Своим» признал его и псковский юродивый Фома, призвавший к отречению от собственного *я*: – *Откажись от собственной личности. Ты уже сделал первый шаг, назвавшись Устином. А теперь откажись от себя совершенно* (с. 180). Юродивый Устин, страшась жизненных благ, поселился на кладбище. По ночам он усердно молился за душу Устины. В нем *обновился внутренний человек* (с. 191), усилия которого были направлены на помощь больным и заблудшим. Юродивый безропотно воспринимает равнодушие, злобу, нетерпимость по отношению к себе. Подвигу юродства не препятствует отчуждение. Оно лишь укрепляет подвижника в осознании собственного религиозного предназначения, предполагающего непротивление злу насилием. Концептуальную значимость приобретают смыслы ‘дух’, ‘душа’, ‘добро’, ‘благо’, ‘смирение’, ‘молитва’, ‘ненасилие’, ‘жертва’.

Развернутая метафора «жизненный путь» способствует осознанию феномена юродства, обусловленного русской ментальностью, максимализмом и противоречивостью русского характера. Юродивыми не рождаются. Добровольный аксиологический выбор юродства мотивирован, как правило, скрытым от окружающих жизненным событием, наносящим неизлечимую душевную рану, формирующим чувство собственной вины человека, приобщенного к *книге знаний*, канонам православия. Метафора «жизненный путь» в целом «передает некую устремленность пережитого, не делает его механической суммой событий» [Водолазкин 2017: 159]. Жизненный путь юродивого – это история совершенствования духа. Аскетический образ жизни позволяет аб-

страгироваться от суеты, материальных благ и соблазнов, обостряет чувство собственного греха, ощущение душевной и физической боли страждущего. Наделенный Божьим даром внутренний человек добровольно отдает другим собственную духовную энергию. Отказываясь от персональной идентичности и не требуя ничего взамен, он усердно молится о спасении тех, кто искренним раскаянием может заслужить прощение. Становление единого вектора жизненного пути – основа философской религиозной концепции жизни как жития.

Литература

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

Водолазкин Е.Г. О «Лавре» // Дом и остров, или Инструмент языка: [Эссе]. М.: Изд-во «АСТ»: Редакция Елены Шубиной, 2017. С. 332-348.

Водолазкин Е.Г. Лавр: роман. М.: Изд-во «АСТ»: Редакция Елены Шубиной, 2019.

Ильин И.А. Путь к очевидности / Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга, 1994. Т. 3. С. 384-560.

N.A. Kupina (Ekaterinburg, Russia)
Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

METAPHOR “THE WAY OF LIFE”: EVGENY VODOLAZKIN’S INTERPRETATION

Based on the material of Vodolazkin’s novel “Laurus”, the article studies “the way of life” as a metaphor underlying the author’s religious and philosophical ideas. The analysis of the character’s way to “holy foolishness” makes it possible to find out conceptually meaningful meanings accompanying the development of the metaphor.

Key words: spirit, conceptual meanings, metaphor, Christian, holy foolishness.

М.А. Курочкина *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский гуманитарно-педагогический университет
kma1974@yandex.ru
С.Л. Кушнерук *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский гуманитарно-педагогический университет
Челябинский государственный университет
svetlana_kush@mail.ru

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАГОЛОВКОВ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ[1]

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева» (заявка № МК-20-04-13/5 от 13.04.2020 г.) по теме «Миромоделирование в англоязычном медиадискурсе

Статья посвящена лингвостилистическому анализу заголовков англоязычного экологического дискурса. Рассматриваются особенности актуализации концепта CLIMATE CHANGE в сильной позиции текста. Демонстрируется особая важность названного концепта в американской культуре.

Ключевые слова: экологический дискурс, концепт, заголовок, модальность.

Экологический дискурс представляет сложное коммуникативно-речевое явление. Прежде всего, это вид социальной коммуникации, включающей речемыслительную деятельность людей в определенном историко-культурологическом контексте на базе общего предмета – экологии и охраны окружающей среды, выступающих в качестве ключевых концептов. Экологический дискурс подразумевает также совокупность экологических текстов, объединенных общей темой и направленных на реализацию определенной цели [Зайцева 2014].

Е.В. Иванова выделяет различные аспекты изучения экологического дискурса и приводит его функционально-стилевую классификацию [Иванова 2007]. Как и всякий другой, экологический дискурс имеет полевое строение с точки зрения функционально-стилевой дифференциации. Ядро экологического дискурса составляет научный дискурс. В периферийных жанрах основная функция и характеристика экологического дискурса переплетаются с функциями и характеристиками других видов дискурса в пределах одного текста. Ближнюю периферию представляют жанры медийного дискурса. На дальней периферии находятся художественный и религиозно-проповеднический дискурсы [Иванова 2007]. Подробный обзор литературы по проблематике экологического дискурса сделан нами в предыдущей публикации [Кушнерук, Курочкина 2019].

Мы анализируем англоязычный экологический дискурс в научно-популярном стиле. Кратко представим его ключевые черты. К ним относятся: а) подробность изложения научных данных; б) раскрытие общих положений на конкретных примерах; в) намеренное подчеркивание хода логической мысли специальными речевыми средствами; г) стремление избегать широкого использования терминов, либо разъяснять их значение [Кожина 2011].

Нами проведен лингвистический анализ 190 заголовков англоязычного экологического дискурса с концептом CLIMATE CHANGE и выделены следующие черты научного стиля: объективность и беспристрастность, которая достигается употреблением безличных конструкций с существительными и глагольными формами (чаще Participle 1).

Пример: Design for flooding: architecture, landscape, and urban design for resilience to flooding and climate change; Advances in Information and Communication Technologies for Adapting Agriculture to Climate Change.

В заголовках наблюдаем отсутствие эмоционально окрашенной лексики и слов во вторичной номинации. Здесь отметим большое количество примеров с существительными во множественном числе, употребление которых имеет стилистическую функцию интенсификации и подчеркивает либо множественность последствий изменения климата, либо необходимость многочисленных измерений и мер, направленных на борьбу с ним.

Пример: Weather and Climate Extremes in a Changing Climate; Atmospheric Aerosol Properties and Climate Impacts; PLA tools for Climate Change.

Существительные констатируют сложившееся положение дел, тогда как глагольные формы подчеркивают динамичность протекаемых в природе процессов и необходимость активной реакции на процессы изменения климата.

Подавляющая часть изданий сопровождается глоссарием базовых терминов, что подчеркивает особенности научно-популярного стиля и указывает на зарождение отдельной отрасли человеческого знания ‘Climate Change’.

Пример терминов: Absorption, Albedo, Alkaline, Anthracite, Atmosphere, Bacteria, Biofuel, Biomass, Carbon emissions, Carbon footprint, Fuel cell etc.

67 заголовков содержат словосочетание climate change, что придает ему статус культурно важного концепта. Люди в англоговорящих странах уже более 10 лет живут в условиях, когда понятие climate change стало повседневной реальностью и публикации на эту тему стали необходимой частью культурной и научной жизни. Данное явление воспринимается ими как неотъемлемая и необратимая часть бытия. Данный концепт является сложным и подразумевает несколько ключевых компонентов. Эти компоненты можно выделить, обратившись к оглавлению данных изданий, которые имеют много повторяющихся и общих мест, а именно:

1. Различные аспекты climate change, конкретизирующие, что именно претерпевает изменение в природе планеты Земля.

Пример в оглавлении книги “Eyewitness climate change”: The greenhouse effect, Burning the forests, Fossil Fuels, Our carbon culture, Heatwaves and droughts, Melting ice, Warming oceans.

2. Влияние climate change на различные аспекты деятельности людей. Пример из заголовков: Under the Weather: Climate, Ecosystems, and Infectious Disease; Climate Change and Health; Cities and Climate Change; Climate Change and Migration; Energy, climate change and sustainability energy.

3. Необходимость мониторинга и сбора статистических данных, чтобы лучше понимать процессы climate change и выстраивать стратегии жизнедеятельности людей на будущее. Важная роль информированности.

Пример из оглавления различныхизданий: Data; Basic Statistics; Correlates; Global Energy Assessment.

4. Моделирование и планирование жизнедеятельности человека в связи с climate change. Данный аспект получает широкое освещение в проанализированных источниках, что подчеркивает важность изучения и моделирования данного концепта для выживания всего человечества.

Пример в оглавлении книги “Eyewitness climate change”: Climate change and society, Adapting to climate change, Combating climate change, Cutting the carbon, Nuclear power, Renewable energy, Energy efficiency, Green transportation.

Пример в заголовках: Climate Change Responses; Environmental Policy and Public Health: Air Pollution, Global Climate Change, and Wilderness; Describing Socioeconomic Futures for Climate Change Research and Assessment; Understanding Climate Change Feedbacks.

5. Модальная негативная окрашенность концепта, которая содержится во вступлении или предисловии к изданию.

Примеры заголовков: Climate Change 2007 – Impacts, Adaptation and Vulnerability; Abrupt Impacts of Climate Change.

Примеры отрицательной коннотации из вступления к книге “Environmental Policy and Public Health”: In this volume Dr. William N. Rom explores how the United States has endeavored to reduce the pollution that endangers our public health and the natural systems upon which we depend.

Пример из книги “Change Climate”: Climate change is arguably among the most pressing societal challenges of our times, and now certainly the most well-known amongst the public.

Сопоставив экологический дискурс англоязычных западных изданий и русскоязычных изданий, приходим к выводу, что русскоязычные издания заметно уступают количественно соответствующим западным публикациям. Авторами англоязычных западных изданий с текстами экологического дискурса выступают целые научные коллективы и исследовательские центры, что подчеркивает масштабность и важное место в западной научной парадигме концепта CLIMATE CHANGE. Это также придает большую достоверность, так как исследования опираются на большие базы данных, собранных централизованным путем.

Пример: “Climate Change and Health” (World Health Organization 2015);

“Climate Change and Migration” (World Bank Studies);

“Describing Socioeconomic Futures for Climate Change Research and Assessment” (The National Academies Press, Washington D.C.).

Resilience, mitigation, responses, impacts, vulnerability, adaptation – наиболее частотные лексемы в заголовках. Это слова общей семантики. Они позволяют смягчить негативную сторону тяжелых последствий изменения климата, о которых непосредственно говорится в содержании публикаций. Таким образом, они выполняют роль приема understatement – занижения значимости события.

Выводы

1. Большинство текстов англоязычного экологического дискурса с концептом CLIMATE CHANGE в заголовке принадлежат американским издательствам, что показывает центральное место данного концепта в американской культуре.

2. В русскоязычном экологическом дискурсе преобладают отдельные статьи с концептом ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА, а не книги, что указывает на отсутствие должного централизованного внимания к данной проблематике в русскоязычной культуре.

3. В русскоязычном экологическом дискурсе акцент в статьях по изменению климата делается на погодные условия и метаморфозы природы. В американском экологическом дискурсе центральным аспектом становятся изменившиеся условия жизни людей и необходимость адаптации человечества к ним, что отражается в заголовках и контекстах употребления концепта. Большинство публикаций содержат подробные инструкции по адаптации к новым условиям климата, как в быту, так и на производстве.

4. В американской культуре концепт CLIMATE CHANGE имеет более разветвленную структуру, о чем свидетельствует детальная разработка содержания каждого издания, посвященного данной проблеме.

5. В англоязычном дискурсе концепт CLIMATE CHANGE сопровождается импликациями “disaster”, “threat”, “concerns”, “damage”, “stresses”, “adverseeffects”, “harmful”, которые объективируются в содержании публикаций, что передает необратимость и экстремальный характер изменений климата, а также содержит отрицательную коннотативную оценку концепта.

Литература

Зайцева А.В. Типология текстов экологического дискурса ФРГ: дис. … канд. филол. наук. Смоленск, 2014.

Иванова Е.В. К проблеме исследования экологического дискурса // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 134-137.

Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. М.: Флинта, 2011. С. 289-319.

Кушнерук С.Л., Курочкина М.А. Оппозиция «природа :: государство» в медийном экологическом дискурсе (на материале статей организации Greenpeace) // West-East. 2019. Vol. 2/2. № 1. С. 89-93.

M.A. Kurochkina (Chelyabinsk, Russia)
South Ural StatePedagogical and Humanitarian University
S.L. Kushneruk (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State Pedagogical and Humanitarian University
Chelyabinsk State University

LINGUISTIC AND STYLISTIC ANALYSIS OF HEADLINES WITHIN ENVIRONMENTAL DISCOURSE

The article provides linguistic and stylistic analysis of headings within the English language environmental discourse. The article investigates representation of the concept CLIMATE CHANGE in the strong position of the text. The authors demonstrate special importance of this concept in American culture.

Key words: environmental discourse, concept, headline, modality.

Л.В. Лаенко *(Воронеж, Россия)*
Воронежский государственный университет
lvlaenko@mail.ru

ГЕНДЕРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ИНТЕРВЬЮ

В статье обсуждается проблема гендерной маркированности коммуникативного поведения участников особых типов интеракции – интервью-портрета и опосредованного интервью по телефону. Выделены и аргументированы специфические типы вербальных и невербальных маркеров маскулинности и фемининности, характерные для речи интервьюируемых – деятелей британской и американской музыкальной и кинематографической культуры.

Ключевые слова: гендер, интервью, интервью-портрет, опосредованное интервью, гендерные маркеры, вербальные и невербальные гендерные маркеры.

С развитием современной лингвистической науки доминантным направлением исследований стал принцип антропоцентризма, знаменующий, по выражению Е. Кубряковой, «тенденцию поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках» [Кубрякова 1995: 212]. Особую значимость при исследовании человека в языковой среде приобретают индивидуальные характеристики каждой языковой личности, важнейшая из которых – гендер, трактуемый одновременно и как процесс, и как результат «встраивания» индивида в социально и культурно обусловленную модель мужественности или женственности, принятую в определенном обществе на определенном историческом этапе. Небезоснователен поэтому интерес лингвистов к изучению способов репрезентации гендера в различных типах текстов, в том числе и в тексте интервью как одному из жанров в форме разговора журналиста с социально значимой личностью по актуальным вопросам с целью получения / обмена информацией [Лукина 2003: 115], имеющего разнообразные виды и формы, соответствующим образом характеризующие особенности коммуникативного поведения представителей обоих гендеров. Интервью, будучи одним из типов дискурса массовой коммуникации, отличается специфичными чертами, как на лексико-семантическом, так и на структурном уровне. С коммуникативно-функциональной точки зрения специфичность интервью заключается в сосуществовании в нем как характерных черт стиля прессы (социальная референтность, информативно-аналитическая и пропагандистская направленность), так и разговорной диалогической речи (непосредственный контакт, смена ролей слушающего / говорящего и пр.) [Вакурова 1996: 6].

Из всех известных видов интервью (см. подробнее [Юровский 1994: 139] особый интерес представляют ***персональные интервью (интервью-портреты)*** – непосредственная беседа с интервьюируемым, и ***опосредованное интервью***, проведенное по телефону: они наиболее часто используются при проведении интервью с деятелями британской и американской музыкальной и кинематографической культуры, т.к. основной целью интервью с представителями этой категории общества является создание определенного образа человека, описание его позиции, взглядов и видения обсуждаемого явления или проблемы (анализировался корпус 30 интервью мужчин и 30 интервью женщин с учетом при подборе интервью следующих критериев: единая сфера деятельности интервьюируемых (сфера искусства); единая возрастная категория (от 26 до 68 лет); равный социальный статус (популярные личности); одинаковые виды интервью.

Гендер как институционализованный и ритуализованный социокультурный конструкт, как один из параметров социальной идентичности индивида маркируется в процессе осуществления коммуникативной деятельности в ходе интервью соответствующими вербальными и невербальными маркерами, под которыми понимаются «средства, участвующие в конструировании гендера в тексте» [Кирилина 2002: 75].

Проблема идентификации гендерных маркеров в современном английском языке имеет свою достаточно примечательную и долгую историю, поскольку именно гендерные маркеры в теории и практике лингвистических изысканий

представляют собой наиболее показательный в когнитивном отношении пример структуризации знаний о мире из неких минимальных концептуальных единиц, соотносимых с когнитивной расчлененностью реальности. В процессе лингвистической эволюции постоянно с разных позиций рассматриваются различия между женскими и мужскими речевыми стратегиями, противопоставляются концептуальные и семантические параметры родовых универсалий в языке, обсуждаются перспективы лингвистического нормирования речевых традиций в маркировании рода языковых единиц [Харьковская 1999]. Так, известна типология языковых маркеров в соответствии со способом выражения гендерного признака в словарном составе современного английского языка [Измайлова 2011: 120], которая может быть спроецирована на анализируемые тексты означенных печатных интервью с обязательной ориентированностью, однако, не только на лексико-семантический аспект анализируемых текстов интервью, но и на другие типы гендерных маркеров в них.

Выделены следующие наиболее коммуникативно востребованные типы гендерных маркеров в текстах отмеченных типов интервью.

– ***Морфологические*** (образующие дериваты при помощи ряда суффиксальных морфем **-ess, -en/-or,**): It's a very, very difficult role, particularly for a young actress. *But it's also a fantastic role, and it needed her.* (МэттДеймон); I know that how Bond wears a suit and walks into a room is important. But as an actor *I don't want to give a f* about what I look like!* (Дэниэл Крейг); I wish I hadn't gone through that fairy-tale phase where I just wanted to wear princess dresses to awards shows every single time. (Тейлор Свифт).

– ***Лексические (в том числе и экспрессивно-стилистические).*** Женщины в 2 раза больше мужчин употребляют глаголы такого типа: to like (21% – у мужчин и 23% – у женщин), to love (52% – у мужчин и 58% – у женщин соответственно): But I also like rumbly bass players, you know: I love *Hendrix's* bassists, that kind of atmospheric thunder that they created (Стинг); I loved it. I loved working with other people my age who were figuring it out. As you say, I loved being able to make mis*takes. (...) I just* knew I loved that girl and I loved that role and I loved that world, and I went for it. (Эмма Уотсон). Женщины чаще мужчин использовали глагол to hate: (5% – у мужчини, 7% – уженщин): I have a pathological hatred of the telephone – I hate to have it on my ear – *so I wouldn't be good at producing* (Мэрил Стрип); *I'm always on* the verge of quitting. I hate what I do, but I love it as well (Кристиан Бейл). Этот факт может быть обусловлен повышенной эмоциональностью женской речи, стремлением давать резкие, не только положительные, но и отрицательные оценки.

– ***Конвенциональные*** («титулы вежливости» (titles of courtesy) или «титулы уважения» (titles of respect) (Mr, Mrs, Miss, Ms), которые стоят перед фамилией референта-особы, не характерны для участников анализируемых интервью, однако мужчины чаще женщин использовали в своей речи неформальные обращения типа man, mate, dude, honey (8% в речи мужчин и 5% – в речи женщин): Oh, yeah, man, Boone's Farm was one of the early muses (Джонни Депп); Everything has are action or a consequence, so don't forget about that. We gotta keep it real, honey (Кэти Перри). Ярко выраженным от-

личием в речевом поведении мужчин и женщин в данных интервью стало употребление сниженной и нецензурной лексики. Частотность употребления нецензурной лексики среди мужчин несравнимо выше, чем у женщин: 0,25% от общего количества слов – у мужчин; 0,06% от общего количества слов – у женщин.

– ***Грамматические***. Женщины используют почти в два раза чаще, чем мужчины, вопросительные предложения. Вопросы в речи женщин можно считать частью стратегии подержания коммуникации на должном уровне. В большинстве проанализированных примеров они сами отвечают на свой вопрос, поясняя таким образом логику и ход своих мыслей, в то время как вопросы мужчин были более направлены на заполнение информационной лакуны. Женщины употребляют больше восклицательных предложений, что подчеркивает более высокую степень эмоциональности их речи.

– ***Тематические***. Все мужчины в большей степени говорят о работе, увлеченно обсуждают свои проекты, способы и методы их достижения, в том числе и их результаты, делятся мыслями относительно вопросов политики и политической корректности. Женщины же охотнее делились информацией о себе, о семье, детях, своих коллегах – партнерах в съемочном процессе, музыкантах, не скупясь на комплименты, о роли женщины в обществе, всегда стараясь подчеркнуть ее значимость. Примечательно, что ни в интервью женщин, ни в интервью мужчин – представителей культуры не были выявлены темы противоположного пола, пожалуй, за исключением интервью Тома Хэнкса, который открыто поддерживает феминистское движение.

– **Фонетические** (оптокинетические) и **экстралингвистические.** Как правило, они передаются в текстах интервью при помощи сопроводительных слов (laughs, whispering, pause, in clipped Dutch accent, mimics) или графических средств (курсив или прописные буквы): I learned how to [whispering] sing very quietly and very close to the microphone, to use all the noises in my voice to be able to create this creature, this thing (Дэйв Гаан); I wish. I would have taken it if I could. [long pause] *It'll be emotional* (Бьорк); We need some BOOZE, *I've poured* my heart out to you (Леди Гага). Отмечается, как ни удивительно, бóльшая улыбчивость мужчин по сравнению с женщинами – участниками интервью: I was a little *'carefree'* when I was younger [laughs]. As a kid, I walked a fine line (Орландо Блум).

Литература

Вакурова Н.В. Психологическая подготовка интервьюеров телевидения и радиовещания. М., 1996.

Измайлова З.Ю. Гендерно-маркированные единицы в современном английской языке. 2011. С. 119-122.

Кирилина А.В. Особенности плана содержания гендерно значимых номинаций (на материале русских и немецких лексикографических трудов) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 2. С. 49-56.

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца 20 века: сборник статей / под ред. Ю.С. Степанова. М.: РГУ, 1995. С. 144-238.

Лукина М. Технология интервью: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2003.

Харьковская А.А. Когнитивные аспекты эволюции гендерных маркеров в английском языке // Вестник Самарского государственного университета. Языкознание. 1999. URL: http://vestnik.ssu.samara.ru/gum/1999web1/yaz/199911203.html (дата обращения: 15.12.2017).

Юровский А.Я. Телевизионная журналистика. М.: МГУ, 1994.

L.V. Laenko (Voronezh, Russia)
Voronezh State University

GENDER DETERMINATION OF INTERVIEW MEMBERS COMMUNICATIVE BEHAVIOUR

The paper discusses gender marking problem as far as the communicative behavior of members of two types of interaction – direct (interview-portrait) and indirect (interview by telephone) is concerned. Specific masculine and feminine verbal and non-verbal markers of the interviewees' speech (representatives of British and American music and cinematographic culture) are revealed.

Key words: gender, interview, interview-portrait, indirect interview, marker, verbal and non-verbal gender markers.

Н.В. Мамонова *(Челябинск, Россия)*
Челябинский государственный университет
nat2.mv@gmail.com

АНГЛИФИКАЦИЯ РОССИЙСКОГО МЕДИАДИСКУРСА

В данной статье исследуется феномен глобализации современной лингвокультуры. Обсуждаются особенности трансформации языкового и фольклорного сознания на материале российского медиадискурса. Особое внимание уделяется популяризации английского языка во всем мире, его роли в формировании глобального языкового сознания.

Ключевые слова: глобальное языковое сознание, глобализация, английский язык, фольклорное сознание, российский медиадискурс.

Феномен глобализации поглотил многие сферы нашей жизни. Тесно переплетаясь с другими процессами, глобализация проникает во все виды деятельности человека как материальную составляющую, так и духовную. При этом необходимо отметить, что экономическая целесообразность предопределяет развитие общества в целом и в частности. В этом свете глобализацию можно рассматривать как «сложный многомерный процесс, характеризующийся в политической, экономической, культурной и информационной универсалии, когда территориальность стирается как организующий принцип культурной и социальной жизни» [Миронов 2001: 13].

Реалии жизни находят свое яркое выражение и в медиадискурсе, в котором выкристаллизовываются доминирующие смысловые компоненты языкового сознания современного общества.

Трактуя языковое сознание как «опосредованный языком образ мира той или иной лингвокультуры <…> часть национального сознания, способ вербального восприятия и отражения образа мира с помощью психических процессов порождения и восприятия речи, а также опосредованную языком форму жизнедеятельности этноса, механизм его адаптации к окружающему миру», можно говорить о важной роли фольклорного сознания [Абильдинова 2018: 40]. Фольклорное сознание представляет собой «совокупность (систему) представлений, образов, идей, получающих свою репрезентацию в произведениях фольклора» [Голованов 2009: 43]. Фольклорное сознание «имеет значимость не только для ориентации человека в физическом и социальном мире, оно служит основой для практической и духовной деятельности людей, придавая ей целенаправленный характер» [Голованов 2009: 44].

Можно сказать, что современные средства массовой информации и в особенности реализуемые посредством интернета, как и фольклор в допечатную эпоху, выражают представления народных масс о добре и зле в современном мире.

Иначе говоря, *языковое сознание* следует за глобализацией, представляя совокупность текстов и отражая своеобразие практической жизни коммуникантов, то есть автора и читателя [Мамонова 2019]. Это своеобразие неразрывно связано со специфической художественно образной средой человеческой деятельности. Современные художественные образы позволяют обобщать действительность, формируя и обновляя народное знание и опыт, которые фиксируются в продуктах фольклорной деятельности. Традиционность обеспечивает преемственность между поколениями, сохранение духовного и материального наследия.

В наши дни данные процессы видоизменились в связи с появлением массовой культуры. Однако основополагающие традиции сохраняются и передаются от поколения к поколению. Так, по А.В. Костиной «массовая культура выступает в качестве мощнейшего средства культурной экспансии, орудия формирования монокультурного мира, социальной адаптации, наконец, в качестве средства поддержания равновесия социальной системы и ее сохранения, которое реализуется через конструирование “квазиреальности”, создаваемой: при помощи средств массовой коммуникации, посредством создания особой эстетической системы, где реальность уничтожается в копиях и вариантах, через мифологизацию реальности; через создание структур массового сознания, базирующегося на архетипах пространства и времени» [Костина 2003].

В результате научно-технического прогресса стало возможным получать большое количество информации о других культурах, изучать фольклорное сознание других народов, с одной стороны. С другой стороны, массовая культура породила обилие массмедиа, которые транслируют новые знания и опыт, формируют новые ценности и ориентиры у целых народов. Все эти явления как бы размывают границы фольклорного сознания, порождая новый тип сознания, *глобальное языковое сознание*. Массмедиа выравнивают мировидение как каждого отдельного индивида, так и целых этнических групп, формируя единое глобальное языковое сознание.

Другим аспектом глобализации является повсеместное распространение английского языка в качестве медиатора социальных и языковых процессов.

Как отмечает Н.В. Щенникова, существует ряд причин популяризации именно английского языка. Будучи языком германской группы, английский язык близок носителям германо-романской группы языков, что обусловливает распространенность латиницы [Щенникова 2015].

В настоящее время англицизмы пронизывают все медиапространство, начиная с интернет-ресурсов до государственного телеканала «Россия-24». Рассмотрим феномен глобализации языкового сознания на примере англоязычных заимствований в российском медиадискурсе. Для анализа возьмем только заголовки статей из разных источников.

Нередко для привлечения внимания и передачи необходимой смысловой нагрузки наряду с кириллицей используется латиница. Часто это связано с использованием технических средств:

«Аэрофлот» потратит 4,6 млрд руб. на обслуживание Superjet [РБК 2019];

Airbus A320 вернулся в Шереметьево после срабатывания сигнализации [Говорит Москва 2019];

Единственный пользователь SSJ100 в Европе не исключил разрыва сделки с Россией [Говорит Москва 2019];

В Роскосмосе назвали непригодным для России успех SpaceX с посадкой ступени Falcon 9 [Говорит Москва 2019].

В первом примере употребление англицизма Superjet вводит в заблуждение читателя, представляя данный самолет продуктом иностранного производства как во втором примере. Употребление латиницы в первом случае косвенно свидетельствует о доминирующем представлении в российском языковом сознании, что иностранный продукт более качественен и престижен в сравнении с отечественным.

Латиница используется для записи наименований иностранных брендов:

Эксперты Hays сформулировали правила работы с пожилыми сотрудниками [РБК 2019];

Акции SaudiAramco упали до минимума на фоне убийства Сулеймани [РБК 2019];

Да, это Гон: хроника побега экс-главы Renault-Nissan-Mitsubishi [РБК 2019];

«Курс на Марс»: главные события года по версии Autonews.ru [РБК 2019];

В международном офисе Reebok отреагировали на скандал с рекламной кампанией в России [Говорит Москва 2019];

Заочный арест информатора WADA Родченкова признан законным [Говорит Москва 2019].

Англоязычные заимствования употребляются для обозначения мероприятий, событий и прочих феноменов:

Александр Большунов стал победителем общего зачета многодневной гонки Tourdeski [Говорит Москва 2019];

Господство Bitcoin и исчезновение альткоинов: 4 главных тренда 2020 *года* [РБК 2019].

В конечном счете, англосаксонское языковое сознание поглощает все разнообразие современного фольклора и тем самым обогащается. Именно

посредством английского языка создается архитектура нового глобального языкового сознания. Глобализационные процессы ведут к переоценке традиционных, устоявшихся представлений и понятий, к формированию нового единого мировидения. *Глобальное языковое сознание* – это опосредованная метаязыком (как правило, английским), динамичная и открытая *система представлений и образов* мирового сообщества, отражающая действительность, а также обновленные *знания и опыт*, зафиксированные во всем многообразии текстов.

Литература

Абильдинова Ж.Б. Языковое сознание как психолингвистический феномен // Неофилология. 2018. Т. 4. № 14. С. 33-43. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-14-33-43.

Говорит Москва. URL: https://govoritmoskva.ru/news/ (дата обращения: 28.12.2019).

Голованов И.А. Фольклорное сознание как особый тип художественного освоения действительности // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 22. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/folklornoe-soznanie-kak-osobyy-tip-hudozhestvennogo-osvoeniya-deystvitelnosti (дата обращения: 26.12.2019).

Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества: дис. … д-ра филос. наук. Москва, 2003. 546 с. URL: https://www.dissercat.com/content/massovaya-kultura-kak-fenomen-postindustrialnogo-obshchestva (дата обращения: 20.12.2019).

Мамонова Н.В. Англоязычные заимствования в современных городских текстах (на примере г. Челябинска) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 3. С. 25-32. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.3.

Миронов А.В. Социально-гуманитарное образование сегодня: проблемы и перспективы // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 3. С. 13-32.

РБК. URL: https://www.rbc.ru/business/ (дата обращения: 30.12.2019).

Щенникова Н.В. Языковой фактор глобализации // Век глобализации. 2015. № 2. С. 119-129.

N.V. Mamonova (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University

ANGLIFICATION OF THE RUSSIAN MEDIA DISCOURSE

In this article the phenomenon of globalization of modern culture of language is investigated. Features of transformation of language and folklore consciousness under the influence of Russian media discourse are discussed. Special attention is paid to promoting of English around the world, its roles in formation of global language consciousness.

Key words: global language consciousness, globalization, English, folklore consciousness, Russian media discourse.

О.Б. Мангова *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
o_kassandra@mail.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИИ ОПЕРАЦИОННОГО КОНЦЕПТА *ХЕДЖИРОВАНИЕ* В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В данной статье автор анализирует операционный концепт ХЕДЖИРОВАНИЕ. Сначала приводится определение операционного концепта и его релевантные свойства. Затем рассматривается фреймовая структура операционного концепта ХЕДЖИРОВАНИЕ и его полевая организация с примерами номинаций, вербализующих отдельные слоты. Кроме этого, рассматривается функционирование операционного концепта ХЕДЖИРОВАНИЕ в экономическом дискурсе.

Ключевые слова: операционный концепт, вербализация, хеджирование, полевая организация, метафора.

Концептосфера экономического дискурса включает множество концептов, среди которых особое место принадлежит операционным концептам ПЛАНИРОВАНИЕ, РЕГУЛИРОВАНИЕ, ПРОГНОЗИРОВАНИЕ, ИНВЕСТИРОВАНИЕ, ХЕДЖИРОВАНИЕ. Операционный концепт ХЕДЖИРОВАНИЕ характеризуется сравнительно недавним возникновением и имеет весьма интересную историю. Надо отметить, что сфера инвестиционной деятельности в последнее приобретает все большую значимость в современной системе экономических отношений общества, обогащаясь новым опытом человека и, соответственно, приобретая более широкую языковую репрезентацию. В частности, хеджирование изначально рассматривалось как инвестиционная стратегия, направленная на оптимизацию рисков. Однако, постепенно набирая популярность и расширяя возможности, хеджирование переросло в отдельную область инвестиционной деятельности, сформировав свой особый терминологический корпус.

Определение операционного концепта было разработано В.Г. Кузнецовым, согласно которому операционный концепт представляет собой сложное ментальное образование, отражающее фрагмент знания комплексного и энциклопедического характера об операционном действии [Кузнецов 2010: 316]. Поясним, что операционным действием считается действие, проводимое над объектом с определенной целью. Среди релевантных свойств данного типа концептов В.Г. Кузнецов выделяет следующие: объективность, динамичность, рациональная составляющая, фиксированная структура и другие.

Структура операционного концепта представлена фреймом с облигаторными и необлигаторными элементами. Облигаторные элементы объединяются в пропозициональную схему СУБЪЕКТ – ПРЕДИКАТ – ОБЪЕКТ, которая отражает структуру идеализированной ситуации хеджирования. Необлигаторные элементы – это слоты, содержащие более конкретную информацию: ИНСТРУМЕНТ, МЕТОД, ЦЕЛЬ, ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ОСНОВА [Мангова 2011: 36].

Слот СУБЪЕКТ. Субъектами финансового хеджирования являются юридические лица, хеджевые фонды.

Слот ЦЕЛЬ. Хеджирование осуществляется с обязательной целью оптимизации (минимизации) рисков.

Слот ОБЪЕКТ. Хеджирование – это потенциально прибыльное размещение капитала. Соответственно, единственным объектом хеджирования является капитал. Слот ИНСТРУМЕНТ. Инструменты – это совокупность активов, посредством которых субъекты хеджирования используют капитал в целях оптимизации рисков и получения прибыли. Спектр инструментов хеджирования включает форвардные контракты, фьючерсы, опционы разных видов, базовым продуктом по которым являются акции, валюта, зерно, свинина, нефть, бензин, драгоценные металлы и другие, включая неосязаемые товары, например, ставки на исход президентских выборов, результат футбольного матча, пол будущего ребенка королевской семьи и даже на прогноз погоды.

Слот МЕТОД. Методы представляют собой стратегии хеджирования, суть которых сводится к одновременному заключению сделок на покупку и продажу по одному и тому же товару, активу на разных рынках.

Слот ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ОСНОВА. Законы, обеспечивающие хеджевую деятельность и защищающие права инвесторов. Надо отметить, что деятельность хеджевых фондов не подвергается жесткому контролю со стороны регулирующих органов, таких, как например, SEC или FINRA.

В современных исследованиях принято анализировать структуру концепта в плане его полевой организации и описывать номинативное поле концепта. Известно, что к ядру относятся элементы, характеризующиеся наибольшей конкретностью, наиболее яркие первичные образы. Ядро вербально выраженного концепта ХЕДЖИРОВАНИЕ содержит лексему, охватывающую своим значением всю структуру действия. Она дает самое общее отражение процесса хеджирования, то есть вложение капитала с целью оптимизации рисков и получения прибыли. Известно, что реляционные отношения операционного характера вербализуются, как правило, отглагольными существительными, значит, ядерными единицами операционного концепта ХЕДЖИРОВАНИЕ являются отглагольные существительные «*хеджирование*» / “hedging”.

В отглагольных существительных ближней периферии происходит сужение понятийного объема за счет выделения определенного концептуального признака. В английском языке: “protection”, “compensation”, “covering”, “shield”, “safeguard”, “counterbalance”, “securing”; *в* русском языке: «*защита», «компенсация», «страхование», «гарантия»* и другие.

К дальней периферии относятся терминологические и нетерминологические номинации отдельных слотов, в комплексе представляющих процесс хеджирования. К ним относятся слоты ИНСТРУМЕНТ, ЦЕЛЬ, ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ОСНОВА.

Приведем примеры номинаций отдельных слотов операционного концепта ХЕДЖИРОВАНИЕ.

СУБЪЕКТ. В английском языке: “hedge manager”, “investor”, “broker”, “stockbroker”, “dealer”, “speculator”. В русском языке: *«хеджер», «хеджевый менеджер», «инвестор», «брокер», «стокброкер», «дилер», «спекулянт»* и другие.

ОБЪЕКТ. В английском языке: *“pool”*, *“capital”*, *“inverse funds”*, *“leveraged funds”*, *“Electronic Funds Transfer Systems”*, *“funds”*, *“money”*, *“savings”*, *“equity”*, *“finance”*, *“assets”*, *“resources”*, *“stake”*, *“holdings”*, *“possessions”* и другие. В русском языке: *«капитал», «средства», «деньги», «вложения», «капиталовложения», «сбережения», «финансы», «накопления», «инвестиции», «активы», «ресурсы»* и другие.

ИНСТРУМЕНТ. В английском языке: *“forward contract”*, *“vertical spread”*, *“put option”*, *“call option”*, *“delta option”*, *“bets”* (on elections or sporting games). В русском языке: «*форвардный контракт», «диагональный / вертикальный спред», «покрытый / непокрытый пут», «кол»*.

МЕТОД. В английском языке: *“delta hedging”*, *“gamma hedging”*, *“tracker hedging”*, *“back-to-back hedging”*, *“overhedging”*, *“double hedging”*, *“vertical bull and bear credit spread”*, *“spread betting”*, “volatility smile (smirk, skew)*”*; в русском языке: «*кредитный спред», «опционная змея», «хвост змеи», «улыбка волатильности», «спрединг», «компенсационное хеджирование», «спред-беттинг» (ставка на спред)*.

Как мы видим, в русском языке используются заимствования и кальки из английского. В основном номинации являются прямыми и не имеют эмоционально-экспрессивной окрашенности. Косвенными средствами (метафорами) номинируются слоты ИНСТРУМЕНТ и МЕТОД: *«змея», «улыбка», «хвост»,* “snake*”*, *“smile”*, *“smirk”*.

Когнитивно-дискурсивный подход к экономическим текстам выявляет способ подачи информации об определенном фрагменте знания, представленного операционными концептами. Опираясь на средства вербализации концептов, мы рассмотрели функционирование концепта ХЕДЖИРОВАНИЕ в экономическом дискурсе.

Эксперт онлайн площадки expert.ru Николай Рубцов в статье, посвященной воздействию хедж-фондов на финансовые рынки, называет хеджевых менеджеров *«алхимиками инвестиций»*, их стратегии – *«двуликими ангелами рынка»*, а инструменты – «*деривативными минами замедленного действия*». Так, в качестве номинаций слотов СУБЪЕКТ, МЕТОД и ИНСТРУМЕНТ используются окказиональные метафоры, имеющие ярко выраженную негативную коннотацию, реализующую прагматическую установку автора – убедить читателя в том, что хеджирование представляет собой мошенничество и опасность. Таким образом, концептуализируется модель: *хеджирование – это угроза (для экономики)*.

Но существует и противоположное мнение: *«Хеджирование финансовых рисков – страховочный трос в море финансов»*. Автор статьи, размещенной на rdv-it.ru, использует метафору «*страховочный трос»*, чтобы подчеркнуть надежность данной стратегии.

В англоязычных средствах массовой информации актуализируется еще одна концептуальная модель: *хеджирование – это тайна*. Об этом эксцплицитно свидетельствует заголовок статьи газеты Financial Times: *“The unbearable obscurity of exotic hedge funds”*. Это мнение поддерживается авторами следующей публикации, которые пытаются донести до читателя мысль о скрытности и секретности хеджевых фондов, приравнивая их к неким тайным организациям, при помощи метафор “private club*”* (*закры-*

тый клуб) и "fraternity" *(братство)*: *"Hedge funds are like a private club* ... The management of the fund has the right to decide who gets inside and who does not" [Morris 2005: 78].

Литература

Кузнецов В.Г. Типология концептов // Когнитивные исследования языка. 2010. Вып. 26. С. 316-318.

Мангова О.Б. Репрезентация операционного концепта ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ в экономическом дискурсе английского и русского языков: дис. … канд. филол. наук. М., 2011. 179 с.

Morris V.B., Morris K.M. Guide to money and investing. New York: Lightbulb Press Inc., 2005. 192 p.

O.B. Mangova (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

VERBALIZATIONS OF THE OPERATIONAL CONCEPT HEDGING IN ECONOMIC DISCOURSE

The author of the article analyzes the operational concept HEDGING. First, the definition of the operational concept is provided as well as its relevant features. Then the frame structure and field model of the concept are described and examples of direct and indirect nominations verbalizing certain slots are featured. Afterwards the author considers the functioning of the operational concept HEDGING in the economic discourse.

Key words: operational concept, verbalization, hedging, field model, metaphor.

К.А. Марченко *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный университет
naumova.ksenia94@mail.ru

ГИБРИДНЫЕ ФОРМАТЫ ДИСКУРСА КАК ЧАСТЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА[1]

В работе раскрывается сущность понятия «гибридный дискурс». Принадлежность гибридных форматов дискурса к институциональному дискурсу анализируется с точки зрения соответствия гибридных форматов дискурса основным функциям и признакам институционального дискурса. Делается вывод об особенном месте гибридных форматов дискурса в классификации дискурса. Отдельного внимания заслуживают гибридные форматы дискурса, затрагивающие наиболее важные сферы жизни общества, такие как военно-политический и военно-публицистический дискурс.

Ключевые слова: дискурс, гибридный дискурс, институциональный дискурс, классификация дискурса, военно-политический дискурс, военно-публицистический дискурс.

[1] Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-012-00192

Несмотря на пристальное внимание отечественных и зарубежных исследователей к вопросу классификации дискурса, гибридные форматы дискурса по-прежнему остаются недостаточно изученными.

В зарубежной литературе понятие «гибридный дискурс» связывается прежде всего с академической средой, а в одном из первых упоминаний гибридный дискурс интерпретировался как «смешение неакадемических дискурсов с традиционными академическими дискурсами» [Hebb 2002: 21]. В частности, утверждалось, что современным ученикам нет необходимости руководствоваться нормами исключительно традиционного академического дискурса, а стоит экспериментировать, создавая «гибридные формы дискурса» [Hebb 2002: 21]. Похожей точки зрения придерживается еще один зарубежный автор – К. Вилкинсон, которая утверждает, что «гибридный академический дискурс включает два разных дискурса – классический литературный английский, а также дискурс, традиционно не принятый в академических кругах» [Wilkinson 2009: 2]. При этом автор положительно оценивает использование гибридного дискурса, т.к. «люди зачастую знакомы с несколькими форматами дискурса и необязательно придерживаются какого-то конкретного из них, что порождает гибридные дискурсивные формы, в которых смешиваются, не всегда гладко, разные языковые практики из разных форматов дискурса» [Wilkinson 2009: 2]. Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что использование гибридных форматов дискурса необходимо для расширения целевой аудитории и призвано увеличить вероятность того, что сообщение будет понятно реципиентам, что можно истолковать как **объяснительную функцию гибридного дискурса**.

Отдельного внимания заслуживает также определение гибридной конструкции, которое часто встречается в зарубежных исследованиях, несмотря на то, что приписывается русскому философу М. Бахтину: «Гибридная конструкция – высказывание, которое по своим грамматическим (синтаксическим) и композиционным признакам принадлежит одному говорящему, однако в действительности сочетает в себе два высказывания, две манеры речи, два стиля, два “языка”, две семантические и аксиологические системы взглядов» [Farell 2008]. Таким образом, благодаря гибридизации «создается целый ряд дискурсов в иерархической форме» [Farell 2008].

Ф. Банда и О. Окетч также отмечают иерархичность, присущую гибридным форматам дискурса. Так, в своем исследовании авторы утверждают, что взаимодействие африканских институтов, находящихся под влиянием Запада и английского языка, с местным населением, которое использует традиционные для данной территории языки, порождает гибридные дискурсы, сочетающие в себе местные и международные дискурсивные практики [Banda, Oketch 2009]. По мнению авторов, именно благодаря использованию гибридных дискурсов удается «минимизировать различия, связанные с неравным доступом к власти, а также сгладить социальные различия» [Banda, Oketch 2009]. Данную функцию гибридного дискурса можно охарактеризовать как **нейтрализующую**, что находит свое подтверждение в статье А. Салама, который, исследуя речь президента Б. Обамы, выдвигает предположение о гибридизации политического и религиозного

форматов дискурса, чтобы «легитимировать политические намерения Обамы по примирению американцев и мусульман всего мира» [Salama 2012: 223].

В отличие от зарубежных исследователей, которые изначально изучали гибридные форматы дискурса в академической среде, в отечественной науке изучение гибридных форматов дискурса зачастую имеет непосредственное отношение к политической жизни общества. Несмотря на недостаточное внимание к характеристике гибридных форматов дискурса в целом, в ряде работ предпринимается попытка определения их места в общей классификации дискурса на примере военно-политического и военно-публицистического форматов дискурса [Солопова, Наумова 2018; Солопова, Салтыкова 2018; Солопова, Салтыкова 2019]. Так, под «гибридностью» дискурса некоторые авторы понимают «совокупность компонентов различных **институциональных** форматов дискурса, концентрация и взаимопроникновение которых в значительных пределах может варьировать» [Солопова, Салтыкова 2019]. Благодаря принадлежности гибридных форматов дискурса к институциональному дискурсу отечественные исследователи, как и их зарубежные коллеги, отмечают иерархичность, присущую гибридным форматам дискурса. В частности, утверждается, что «периферийный дискурс более всего обладает гибридностью из-за размывания границ между социальными институтами, а следовательно, между соответствующими им дискурсами» [Хотног 2019: 193]. При этом под периферийным дискурсом понимается «общение представителя института с тем, кто к этому институту не принадлежит» [Хотног 2019: 193].

Будучи частью институционального дискурса, гибридный дискурс ориентирован на выполнение функций, присущих любому институциональному формату дискурса [Бейлинсон 2009: 143], среди которых перформативная, нормативная, презентационная и парольная функции. Перформативная функция выражается в выполнении действий, присущих тому или иному институту, например, борьба за власть, обеспечение безопасности и т.д. Нормативная функция заключается в создании базы норм и правил, регулирующих общение агентов и клиентов того или иного института. По нашему мнению, нормативную функцию также можно охарактеризовать как регламентирующую. Именно в рамках данной функции закладываются основы, закрепляющие асимметрию институционального дискурса. Презентационная функция состоит в создании имиджа, необходимого для успешной работы института и выполнения им своей перформативной функции. Парольная функция устанавливает границы между агентами и клиентами институционального дискурса, т.е. закрепляет дискурсивную асимметрию, присущую институциональному дискурсу.

К данному перечню, по нашему мнению, необходимо добавить еще одну функцию институционального дискурса – манипулятивную, что соответствует взглядам о природе институционального дискурса, сложившимся в традиции критического анализа дискурса. В случае с гибридным дискурсом, говоря о манипулятивной функции, следует отметить, что ему присущи уже упомянутые объяснительная и нейтрализующая функции, реализующиеся за счет сочетания разных форматов дискурса.

Таким образом, можно сделать вывод, что теория гибридных форматов дискурса нуждается в дальнейшей разработке в связи с недостаточным количеством отечественных и зарубежных исследований по данному вопросу. Тем не

менее, уже прослеживаются определенные аналогии во взглядах отечественных и зарубежных ученых на природу гибридных форматов дискурса, которые выражаются в следующем:

1. Гибридные форматы дискурса принадлежат, прежде всего, к институциональному дискурсу.

2. Гибридные дискурсы иерархичны по своей природе.

3. «Гибридность» дискурса проявляется в сочетании свойств двух и более форматов дискурса.

Дальнейшие исследования гибридных форматов дискурса стоит сосредоточить на наиболее важных общественно-политических институтах, затрагивающих основополагающие вопросы жизни общества, в частности, речь идет о военно-политическом и военно-публицистическом форматах дискурса, в которых решаются глобальные вопросы войны и мира.

Литература

Бейлинсон Л.С. Функции институционального дискурса // Вестник Иркутского государственного университета. 2009. № 3 (7). С. 143-147.

Солопова О.А., Наумова К.А. Гибридные форматы дискурса: проблемы классификации // Филологический класс. 2018. № 4 (54). С. 15-21.

Солопова О.А., Салтыкова М.С. Битва прошлого, битва за прошлое: «Курская Дуга» в военно-публицистическом дискурсе союзников // Взаимодействие языков и культур: материалы международной научной конференции. Челябинск: ЮУрГУ, 2018. Т. 1. С. 135-139.

Солопова О.А., Салтыкова М.С. Проект «Уральский регион в военно-публицистическом дискурсе периода Великой Отечественной войны»: интеграция научной и образовательной деятельности // Когнитивные стратегии филологического образования в России и за рубежом: сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2019. С. 219-222.

Солопова О.А., Салтыкова М.С. Архитектоника светлого будущего в зарубежных военно-публицистических дискурсах периода Второй мировой войны // Russian Journal of Linguistics. 2019. № 23 (3). С. 762-783.

Хотног А.В. Природа гибридного дискурса (на материале французского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 8. С. 190-194.

Banda F., Oketch O. What can we say when the English used has gone so high-tech?: institutionalised discourse and interaction in development projects in a rural community in Kenya // Journal of Multicultural Discourses. 2009. № 4 (2). P. 165-181.

Farell Th. Hybrid Discourse in the General Prologue Portraits // Studies in the Age of Chaucer. 2008. № 30. P. 39-93.

Hebb J. Mixed forms of academic discourse: a continuum of language possibility // Journal of basic writing. 2002. № 2. P. 21-36.

Salama A. The rhetoric of collocational, intertextual and institutional pluralization in Obama's Cairo speech: a discourse-analytical approach // Critical Discourse Studies. 2012. № 9 (3). P. 211-229.

Wilkinson C. “Getting Things ‘Alt’ Enough”: A Rhetorical Analysis of Composition Scholars Use of Hybrid Academic Discourse. Auburn: Auburn University Press, 2009. 82 p.

K.A. Marchenko (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University

HYBRID DISCOURSE FORMATS AS PART OF INSTITUTIONAL DISCOURSE

The article reveals the essence of the concept of hybrid discourse. The belonging of hybrid discourse formats to institutional discourse is analyzed in terms of their correspondence to the main functions and features of institutional discourse. The conclusion is drawn about the special place of hybrid discourse formats in the classification of discourse. Hybrid discourse formats that affect the most important areas of society such as military-political and military-media discourse are of special importance for further study.

Key words: discourse, hybrid discourse, institutional discourse, classification of discourse, military-political discourse, military-media discourse.

И.Н. Мелихова *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный университет
melihova-in@mail.ru

BREXIT КАК СФЕРА-МИШЕНЬ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ В РОССИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье анализируется тема Brexit в российских СМИ с опорой на моделирующий потенциал концептуальной метафоры. Актуальность исследования определяется ведущей позицией Европейского Союза на международной арене и важной ролью Великобритании в интеграционном институте. Одной из наиболее продуктивных стала модель со сферой-источником «Искусство» (26%). Метафорические номинации анализируемой понятийной сферы профилируют негативные смыслы, что свидетельствует о сложных взаимоотношениях Евросоюза и Соединенного Королевства.

Ключевые слова: медиадискурс, метафора, когнитивно-дискурсивный подход, Brexit, Европейский Союз.

Одной из главных тем в мировых СМИ сегодня стала тема Brexit, что объясняется масштабом события, долгим процессом выхода Великобритании из Евросоюза, непредсказуемостью его результатов для Соединенного Королевства и Европейского Союза. К тому же до июня 2016 года число участников политического института увеличивалось, что свидетельствует о динамике европейской интеграции. Но после проведения референдума можно говорить о процессе «сужения ЕС» [Европа 21 века 2017: 216]. Следует также отметить, что история отношений Великобритании и Евросоюза была сложной и противоречивой с момента вхождения Соединенного Королевства в состав Евросо-

юза в 1973 году. Страна не подписала некоторые ключевые документы ЕС, например, в 1985 Королевство решило не присоединяться к Шенгенскому соглашению, в 1992 году Великобритания отказалась от перехода на евро [Захарова 2008: 71].

Brexit освещается в работах российских и зарубежных ученых. Например, целью исследования “Truths, lies and figurative scenarios: Metaphors at the heart of Brexit” [Musolff 2017: 641-657] является изучение метафор, на активизацию которых повлиял выход Великобритании из Евросоюза. В статье “The journey metaphor in Brexit-related political cartoons” авторы рассматривают метафоры путешествия в политических мультфильмах, связанных с Brexit, как наиболее доминантную сферу-источник [Silaški, Đurović 2019]. Исследование «Брексикон: неологизмы на основе лексико-семантического поля “брексит”» содержит описание моделей словообразования и синтаксических моделей употребления неологизмов, входящих в лексико-семантическое поле «Брексит» [Коптяева 2019: 115-120]. Перечисленные труды свидетельствует об актуальности данной проблематики.

Методология данного исследования определяется когнитивно-дискурсивным подходом, основой которого стали научные труды отечественных и зарубежных специалистов в области метафорологии (А.П. Чудинов (2001), Э.В. Будаев (2008), О.А. Солопова (2008), А.Н. Баранов (2014), Дж. Лакофф и М. Джонсон (1980)).

В российском медиадискурсе при моделировании отношений между Евросоюзом и Великобританией наиболее продуктивными стали модели со сферой-источником «Родство» (45%), «Искусство» (26%), «Путь» (15%), «Дом» (9%), «Здоровье» (5%). Рассмотрим репрезентацию политического явления Брекзит через призму второй по частотности метафоры «Искусство».

Brexit метафорически концептуализирован как «драма», «триллер», «трагедия». Основу этих жанров составляет конфликт, противоречие. Их цель – вызвать у адресата чувства тревожного ожидания, волнения или страха. Таким образом, выход Великобритании из Евросоюза задается дискурсом СМИ посредством отрицательных смысловых компонентов: *Это (Brexit) стало просто какой-то многострадальной драматической историей, целым сериалом, просто триллер* (Правда, 14.10.2019); *Для ЕС это не время ликований или празднований. Это грустный момент. Это трагедия* (Коммерсантъ, № 217, 26.11.2018); *Но финал драмы зависит и от того, сколько времени на размышление дадут Вестминстеру лидеры Евросоюза* (Независимая газета, 23.10.2019); *В 2016 году «брекзит» начинался как драма… Драма перерастала в трагедию… Драма переросла в трагикомедию* (Российская газета, 10.11.2019).

Для репрезентации Брекзита используется ряд и других метафорических сочетаний, эксплицирующих пейоративные ассоциации: *Осточертевший всем бесконечный сериал о выходе Великобритании из Евросоюза, казалось, добрался уже до финальных титров* (Труд, 18.10.2019); *На фоне затянувшегося сериала под названием «Брекзит»…* (Труд, 12.04.2019); *Все это напоминает заезженную пластинку, где игла постоянно перескакивает назад, проигрывая до бесконечности одну и ту же давно прослушанную*

мелодию (Российская газета, 09.09.2019); *Впрочем, с каждой новой сценой развернувшегося перед нами британского политического водевиля, где все отчетливей заметны шекспировские страсти,* …. (Российская газета, 09.09.2019); *У всех такое ощущение, что бесконечная, казалось бы, сага подходит к концу* (Коммерсантъ, 28.10.2019); *Европейские элиты уже устали от этой клоунады в британском парламенте* (Парламентская газета, 13.03.2019); *Вся мелодрама с брекзитом требует огромных временных затрат* (Версия, 20.03.2019); *Эпопея с Brexit близка к завершению* (ТАСС, 13.12.2019). Метафорическое использование анализируемых номинаций обеспечивает ментальную репрезентацию области-мишени в виде отрицательного явления. Выражения «заезженный», «осточертевший», «бесконечный», «нескончаемый» характеризуют политическое событие как долгий и мучительный процесс, а также иллюстрируют отсутствие понятной цели и взаимоприемлемого представления о том, как преодолеть кризис. Но медленные шаги в подобной ситуации являются самым разумным подходом к процессу переговоров, так как Лондону и Брюсселю необходимо оценить новую реальность и пересмотреть свои позиции по «Брекзит».

Интересным является концептуализация политического явления в качестве «мерлезонского балета»: *Нескончаемость «мерлезонского балета» привела к ее рутинизации, усталости от нее всего европейского общества* (Российская газета, 10.11.2019). Выражение «мерлезонский балет» обозначает что-то тоскливое и тягостное и имеет несколько саркастический и язвительный оттенок. Таким образом, данная параллель задает отрицательную оценку Брекзита. За три года после референдума стороны так и не пришли к компромиссу об условиях расторжения договора. Причиной этого является, возможно, необходимость Великобритании и интеграционного института разработать политику, которая позволила бы каждому участнику быть успешным во все более сложной международной обстановке.

Моделируя процесс выхода, российские СМИ используют выражение «смертельный танец»: *Великобритания и ЕС в настоящее время начинают кружиться в смертельном танце, который вполне может продолжаться до тех пор, пока не закончится время* (Версия, 24.03.2017). Прагматический потенциал данной метафоры акцентирует внимание адресата на отношениях, у которых нет будущего, на невозможности восстановления диалога, так как последствия Брекзита могут стать серьезным ущербом для обеих сторон, которые вряд ли в дальнейшем смогут разработать механизмы взаимодействия во многих важных областях сотрудничества.

Выход Великобритании из Евросоюза находит непосредственное отражение в российском медийном дискурсе. Метафорические единицы, характеризующие Брекзит, имеют ярко выраженный оценочный вектор. Анализируемая концептуальная область представляет взаимоотношения Великобритании и Евросоюза с отрицательной стороны. Употребление метафор с негативно-оценочным потенциалом свидетельствует о трудностях и необходимости перемен во взаимоотношениях интеграционного института и Великобритании, а также о необходимости определения модели будущего экономического и политического сотрудничества.

Литература

Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. 632 с.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 352 с.

Захарова Н.В. Экономика стран Европейского союза: учебное пособие. М.: Гардарики, 2008. 205 с.

Коптяева Н.Н. Брексикон: неологизмы на основе лексико-семантического поля «брексит» // Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот: материалы международной научной конференции (Екатеринбург, 29–30 ноября, 2019 г.) / Урал. гос. пед. ун-т; РАНХиГС, Урал. ин-т. управления; отв. ред. Н.Б. Руженцева. Екатеринбург, 2019. С. 115-120.

Солопова О.А. Будущее в политическом дискурсе: монография. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2008. 294 с.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001. 238 с.

Европа 21 века. Новые вызовы и риски: монография / А.А. Громыко, В.В. Журкин, В.П. Федоров [и др.]; под общей редакцией А.А. Громыко, В.П. Федорова. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 584 с.

Lakoff G., Jonson M. Metaphors we live by. Chicago, 1980. 262 p.

Musolff A. Truths, lies and figurative scenarios: Metaphors at the heart of Brexit // Journal of Language and Politics. 2017. October. P. 641-657.

Silaški N., Đurović T. The journey metaphor in Brexit-related political cartoons // Discourse, Context & Media. 2019. October. Vol. 31. URL: https://doi.org/10.1016/j.dcm.2019.100318.

I.N. Melikhova (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University

BREXIT AS A TARGET SPHERE IN METAPHORIC EXPANSION IN RUSSIAN MEDIA DISCOURSE

The article analyses the topic of Brexit in Russian mass medium based on the conceptual metaphor potential for modelling. The research is relevant as the European Union occupies the leading position on the international arena while Great Britain plays a prominent role in the integration institute. The models with the source-sphere “Art” (26%) turned out to be one of the most productive. Metaphoric nominations of the conceptual sphere under analysis express negative meaning, thus indicating complicated relationships between the European Union and Great Britain.

Key words: media discourse, metaphor, cognitive discursive approach, Brexit, the European Union.

О.А. Михайлова *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
oamih@yandex.ru
Чэн Юйсяо *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
1535450093@qq.com

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КИТАЯ В РОССИЙСКИХ СМИ[1]

В статье анализируются доминантные метафорические модели, функционирующие в современных российских СМИ и отражающие специфику образа Китая, сложившегося в представлении россиян за последние 20 лет («Китай – это чудо», «Китай – это угроза»). Авторами работы выявлен аксиологический потенциал концептуальных метафор и установлена амбивалентность и оценочная противоречивость образа Китая.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концептуальная метафора, метафорическая модель, средства массовой информации, Китай.

Ведущую роль в процессах интерпретации действительности играет метафора, которая фокусирует внимание адресата на значимых сторонах объекта и потому способна прямо или косвенно воздействовать на любую целевую аудиторию. Интерпретация концептуальных метафор в российских СМИ позволяет выявить образ государства, который формируется и меняется в коллективном сознании русского народа.

Несмотря на относительную устойчивость набора метафорических моделей в масс-медийном дискурсе [Чудинов 2001], в разные периоды актуализируются различные фрагменты когнитивных структур [Михайлова 2015; Михайлова 2017]. Образ Китая в современной российской прессе репрезентируется специфическими метафорическими моделями: «КИТАЙ – ЭТО ЧУДО», «КИТАЙ – ЭТО УГРОЗА».

Китай представляется как мировое чудо, которое проявляется в таких сферах, как экономика: *Какие реформы сделали Поднебесную* ***«экономическим чудом»***? (АиФ, 09.11.2011); технология: *Еще одно* ***чудо техники*** *– китайский «поезд-пуля», самый быстрый в мире* (Известия (Москва), 30.12.2009); культура: *А в 1980 году вышел фильм «Монастырь Шаолиня», после которого о* ***чудесах китайских боевых искусств*** *узнал весь мир* (Меридиан Курган-Шадринск, 10.09.2008); спорт: ***Спортивное чудо*** *Китая – это следствие психологического состояния общества этой страны* (АиФ, 17.03.2010).

Так как лексема *чудо* представляет собой абстрактное понятие, достаточно сложно выделить фреймы, структурирующие соответствующую понятийную область и актуализирующие метафорическую модель. По этой причине при выделении фреймов мы опирались не на денотативную сферу, а на лексиче-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00399 А

скую семантику слова, которая «сводится к выражению следующих признаков: 1) удивительное, поразительное; 2) необычное, 3) неожиданное» [Карасик 2019: 106]. Китай оценивается как чудо благодаря своим неожиданным и удивляющим весь мир достижениям. На этой основе был выделен фрейм «Удивительные достижения Китая». Вместе с тем современное чудо, его осуществление нуждается в осмыслении, что «предполагает выделение квантов ситуации, в которой реализуется чудо» [Карасик 2019: 106]. Это позволяет нам выделить в рассматриваемой метафорической модели фрейм «Осуществление чуда».

В результатестремительного развития и небывалых достижений Китай стал лидером во многих областях, поэтому первый фрейм актуализируется преимущественно с помощью лексем из понятийной сферы «спорт и игра». Потенциальные участники (*центральный игрок, сильная фигура, тяжеловес, фаворит* и др.) характеризуют силу и влиятельность Китая. Действия в ходе соревнования и игры (*догнать, перегнать, обогнать, обойти, сильный тактический ход* и др.) демонстрируют преимущество Китая в мировой конкуренции. Результаты соревнования и игры (*переиграть, выиграть, одержать победу* и т.п.) репрезентируют победы Китая над другими странами в различных областях. В связи с этим Китай квалифицируется как *лидер, чемпион, рекордсмен*, и этим маркируется ведущее место Китая на мировой арене.

Чудо совершается как некоторый процесс, оно осуществляется. Одним из актантов ситуации при реализации чуда считается сила, «вызывающая или каузирующая то, что в обычной ситуации не может произойти» [Карасик 2019: 106]. Современное китайское чудо явилось результатом социально-экономических реформ, проводимых китайским лидером Дэн Сяопином с 1978 г.: *Принято считать, что* ***творец китайского экономического чуда*** *– Дэн Сяопин* (Профиль, 28.11.2005). Усилия исторической личности в сотворении китайского чуда поддерживаются сильным производством страны, и метафоры механизма (*локомотив, двигатель, драйвер и т.д.*) подчеркивают важную роль Китая в развитии мировой экономики.

Однако китайское чудо имеет отрицательные последствия, так как бурное развитие страны оценивается как угроза для других государств. В российских СМИ и в мировой прессе наблюдается демонизация Китая [Ши Ся 2007]: *Если китайцы распространят свою мощь за пределы границ Поднебесной, то это породит* ***желтую опасность*** *для свободы во всем мире* (Независимая Газета, 21.04.2010). Источником угрозы в представлении СМИ может стать любой субъект, представляющий опасность: *Правда, праздник выставки едва не испортил внезапно проснувшийся* ***гигант*** (Коммерсантъ-Приложение, 09.10.2014); *Но времена изменились,* ***китайский железный дракон*** *поднял голову и расправил крылья* (Российская Федерация Сегодня, 22.09.2013); *Китай –* ***тигр не бумажный****, он во всех смыслах сильнее Запада* (Независимое военное обозрение, 16.05.2014). Сильный, но агрессивный и опасный образ Китая создают мифологические существа (*дракон, гигант*) и агрессивные животные (*хищник, тигр, ястреб*). Лексема *хозяин* в контекстах о Китае содержит имплицитный прагматический компонент – угрозу целостности российской территории со сто-

роны китайских мигрантов: *Китайцы на Дальнем Востоке: гости или* ***хозяева***? (Новые Известия, 21.04.2016).

Для создания угрожающего образа Китая журналисты используют милитарную метафору: *По-моему, наш Дальний Восток под шумок нелегально* ***оккупируют*** *китайцы* (АиФ, 08.08.2001); метафоры болезни: *Они говорили по-китайски и даже – о, ужас! – полюбили китайскую культуру. В США это явление назвали* ***«китайским синдромом»*** (Комсомольская правда, 18.10.2001); физического воздействия: *Китайцы попросту* ***пожирают*** *мир!* (АиФ, 10.07.2013); *Если мы снимем все нетарифные ограничения, то китайцы* ***забьют*** *отечественных производителей* (АиФ, 22.06.2005).

Названные модели являются доминантными, что подтверждается их частотностью и высокой степенью продуктивности: на долю метафор о китайском чуде приходится 34%, на долю метафор о китайской угрозе приходится 31% от общего количества метафорических выражений о Китае за 2000–2019 гг. (по материалам базы данных Интегрум). Рост частотности анализируемых метафорических моделей с 2000 по 2007 гг. показывает, что на начальном этапе стремительного развития Китая мир удивляет огромный успех этого государства во многих областях. Понять такой прорыв трудно и даже невозможно, и это воспринимается как чудо. Однако непонимание секрета китайского чуда вызывает страх и опасение у мирового сообщества: а что же будет в будущем? И в этом видится угроза. Метафоры позволяют представить нечто не осознанное до конца, сформировать определенное предположение о сущности образно характеризуемого объекта. С 2008 г. количество метафорических единиц, репрезентирующих китайское чудо, превосходит количество метафор, характеризующих китайскую угрозу. Данную тенденцию можно объяснить тем, что причины китайского чуда были выявлены (проведение социально-экономических реформ внутри страны), и государство перестало представлять явную опасность, поэтому число метафор о китайской угрозе сокращается.

После 2014 г. использование обеих метафорических моделей в СМИ постепенно падает. Вероятно, потому, что представление о новом Китае уже сложилось в сознании российского общества, а резких скачков в развитии китайского государства не происходит, поэтому количество метафорических высказываний о нем в СМИ постепенно уменьшается.

Метафорические модели «программируют» отношение читателя к описываемому объекту, так как эмотивность «может быть свойством не только отдельного слова, но и модели» [Чудинов 2001: 182]. Выделенные доминантные модели раскрывают как положительные, так и отрицательные признаки Китая, задают амбивалентное отношение к восточному соседу. Модель «КИТАЙ – ЭТО ЧУДО» несет позитивный эмоциональный потенциал, тогда как модель «КИТАЙ – ЭТО УГРОЗА» вносит в восприятие Китая негативную окраску. С помощью выделенных доминантных метафорических моделей российская пресса создает яркий и полный образ Китая двух последних десятилетий.

Литература

Карасик В.И. Языковые мосты понимания. Москва: Дискурс, 2019.

Михайлова О.А. Метафорическое моделирование образа Украины в российских СМИ: динамический аспект // Россия в поисках мирного решения соци-

альных, межконфессиональных и межэтнических конфликтов. Магнитогорск: Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2017. С. 323-330.

Михайлова Ю.Н. Медведь в политическом дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4-4. С. 143-146.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001.

Ши Ся. Концепт Китай в русском обыденном языковом сознании: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2008.

O.A. Mikhailova (Ekaterinburg, Russia)
Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
Cheng Yuxiao (Ekaterinburg, Russia)
Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

METAPHORICAL MODELING OF CHINA IN RUSSIAN MEDIA

The article analyzes the dominant metaphorical models that function in modern Russian media and reflect the specifics of the image of China that has developed in the view of Russians over the past 20 years (“China is a miracle”, “China is a threat”). The axiological potential of conceptual metaphors is revealed and the ambivalence and estimated inconsistency of the image of China is established.

Key words: cognitive linguistics, conceptual metaphor, metaphorical model, media, China.

Н.В. Монгилёва *(Костанай, Казахстан)*
Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова
natmong@rambler.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ МОДЕЛЬ КАЗАХСКОГО ДИСКУРСА МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Лингвокультурная модель дискурса представляет собой регулярные закономерности в языковой интерпретации смыслов определенной сферы опыта. Дискурс межличностных отношений в казахской лингвокультуре ориентирован на интегрированность актуальной ситуации во взаимодействие социокультурной группы и в общий цикл природных закономерностей.

Ключевые слова: лингвокультурная модель, казахский дискурс, образные схемы, культурный канон.

Человек в процессах ментального конструирования мира оперирует когнитивными схемами языковой интерпретации объектов, событий, их характеристик и знаний о них [Болдырев 2016]. Выделяются индивидуальные и коллективные схемы: индивидуальные имеют личностный характер, сформированы в индивидуальном опыте познания мира, коллективные

структурируют концептуальную систему человека как представителя определенного социума и культуры и непосредственно влияют на его языковую деятельность [Болдырев 2016: 13]. При этом отметим, что любая когнитивная схема формируется у индивида в процессе освоения окружающей среды и усвоения родного языка во взаимодействии с другими членами своей группы, что уже является культурным контекстом. Культурный контекст влияет на то, какая именно из схем коллективного уровня выступит доминантной в актуальной ситуации, и будет ли она закреплена как типизированная впоследствии. Г. Палмер утверждает, что «все усвоенные знания языка и культуры происходят из культурных схем, а переживание культуры и говорение на языке представляют собой схемы в действии» [Palmer 1996: 63]. Для К. Страусс и Н. Квинн схемы, которые не предопределены генетически, являются культурными [Strauss, Quinn1997: 7]. Согласно Ф. Шарифиану, культурные схемы форматируют знания «общей основы», т.е. распределенные (shared) и предназначенные для общения с членами своей культурной группы [Sharifian 2017: 14]. Дискурс основывается наподобных схемах культурных знаний и опыта [Sharifian 2000]. Это утверждение становится особенно очевидным при сравнении тематических дискурсов разных языков / лингвокультур.

Лингвокультурологические исследования рассматривают проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе [Красных 2002]. Так как именно смыслы образуют культуру, ключ в решении проблемы «язык и культура» находится в изучении связки «смысл – значение» и определении тенденций в способах воплощения связки «смысл – значение» [Евсюкова, Снитко 2005]. По нашему мнению, каждая культура имеет свой особый код интерпретации смыслов, воплощенный в формах своего языка.

Сопоставительный анализ дискурса о взаимоотношениях обнаруживает регулярное предпочтение одних схем другим в языковой репрезентации объекта / событий, что вызвано вниманием к одним характеристикам и затемнение других. Для формулирования таких различий предлагается использовать термин *лингвокультурные модели дискурса*. Как известно, модель представляет собой максимально абстрагированный паттерн, сформированный в опыте, используемый для организации поступающих данных в конфигурацию, заданную паттерном. В нашем исследовании речь идет о схемных закономерностях в значении образных выражений и в построении повествования, выявляемых в сопоставлении с эквивалентными смысловыми конструкциями другой лингвокультуры. В отличие от когнитивных схем, *лингвокультурные модели* (или в других публикациях *схемы лингвокультуры*) наблюдаются на разных уровнях тематического дискурса: от предпочтения тех или иных образных схем в составе значения, определенных концептуальных метафор, до разных канонов повествования. Существование лингвокультурных моделей дискурса обусловлено тем, что языковая интерпретация происходит согласно средствам и способам, предоставленным лингвокультурой. Также в своей дискурсивной деятельности индивид ориентирован на некоторые каноны, связанные с оформлением высказывания,так как он обладает знаниями о культурно приемлемом использовании языковых знаков и способах успешного их сочетания. Материалом сопоставления стали параллельные тексты о взаимоотношениях на трех языках, выска-

зывания о взаимоотношениях, собранные авторами, а также реакции респондентов, полученные в ходе переводческих экспериментов.

Человеческие взаимоотношения являются многоаспектным и многокомпонентным явлением. В каждой лингвокультуре функционирует множество альтернативных способов репрезентации событий / явлений / понятий этой сферы опыта. Однако в рамках дискурса одной лингвокультуры наблюдаются предпочтения либо конструкций с образными схемами ПЕРЕМЕЩЕНИЕ, либо конструкций с образными схемами СВЯЗЬ, ОБЛАДАНИЕ ОБЪЕКТОМ, либо схем КРУГ, ЦИКЛ, СМЕШЕНИЕ. Так, сравним русские и французские соответствия по данным контекстного словаря Reverso Context: *Она пыталась захомутать Ивана* (схема СВЯЗЬ) // Une fille qui essaie de coincer Ivan (*загнать в угол* схема ПРЕГРАДА ДВИЖЕНИЮ). Казахские респонденты перевели таким образом Ол Иванды өзіне қаратуға тырысты (букв. обернуть его на себя). В таких предпочтениях обнаруживается более базовая установка на понимание соотношения субъектов / сущностей с помощью одного из вариантов метафоры СТРУКТУРА СОБЫТИЯ (метафора местоположения sortir de la jalousie (букв. выйти из ревности), объектная метафора *избавиться от ревности*, метафора природной каузации қызғаныштан құтылу, қызғаныштан арылу (излечиться от ревности)) [Монгилева, Чудинов 2019]). Например, стремление к серьезным отношениям может быть выражено aller plus loin dans une relation amoureuse *идти дальше в отношениях* (схема ПЕРЕМЕЩЕНИЕ), *брать на себя серьезные обязательства* (схема ОБЛАДАНИЕ ПРЕДМЕТОМ), махабаттық қарым-қатынасқа жеткен *зрелые любовные отношения,* қарым-қатынастың ұзаққа созылу *сделать отношения продолжительными* (метафора природной каузации, схема ЦИКЛ).

Сравнение значений образных выражений казахского дискурса с эквивалентными смыслами русского и французского дискурсов обнаруживает предпочтение конструкций с образными схемами КРУГ, ЦИКЛ: айналайын (букв. кружусь вокруг тебя) *милый*, от айналу *кружиться, вертеться*, айналдыру *ухаживать за девушкой*, бөлену *быть спеленатым*, *быть завернутым* в значении *быть охваченным приятным, получать в изобилии*. Смыслы близких, доверительных отношений репрезентируются с помощью терминов слияния / смешения субстанций (схемы СМЕШЕНИЕ): сіңу – *всасываться (су құмға сіңіп кетті – вода впиталась в песок),* тастай батып, судай сіңу *утонуть (в новой семье) как камень, пропитаться ею как вода*. Русские возможные эквиваленты *принять новую семью* (схема ОБЛАДАНИЕ ОБЪЕКТОМ), *войти в семью* (схема КОНТЕЙНЕР). Смысл «начало новых отношений» казахские респонденты выразили как *я связалась с женатым* (схема СВЯЗЬ) араласамын от араласу *смешиваться* (схема СМЕШЕНИЕ), қарым-қатынасқа түстім *упала, попала в отношения*.

Логика кругового движения воплощается в образных схемах СМЕШЕНИЕ, УПЛОТНЕНИЕ в составе значения ряда метафорических выражений о семейных ценностях. «Загустеть» как цель очень хороших отношений – образ, запечатленный во фразеологизме айрандай ұю *быть дружным*, *жить в согласии*. Айрандай ұйып отырған *жить, сквасившись как айран* свойства айрана густого (пригодного в пищу) переносятся на человеческие

взаимоотношения, определяя их как очень близкие, тесные или, наоборот, испорченные, жидкие *айрандай іру*. Сравним, *мы очень привязаны друг к другу // привязанность* (схема СВЯЗЬ), nous sommes tres proche des notres *мы очень близки между собой* // Es-tu proche de ta mère? *ты близка со своей мамой?*(схема РАЗМЕЩЕНИЕ).

Логика ЦИКЛА воплощена и в неявном культурном каноне нарратива о межличностных отношениях в казахской лингвокультуре. Например, Қыз бала неше жасында бір шаңырақтың отын түтетіп отыратын ақ келін атануы керек? *В каком возрасте девушке следует выходить замуж?* Смысл «выйти замуж» репрезентирован как *назваться белой невестой*: профилировано соответствие социальным нормам (называют невестой другие члены культурной группы), есть компонент одобрения традицией (ақ *белый* имеет символическое содержание священный, благостный, наилучший). Пример демонстрирует определенный культурный канон не сказать буквально «выйти замуж», а смещая внимание на интегрированность актуальной ситуации в общее социальное взаимодействие и на соответствие ценностным установкам традиции. Так, пожелание Балаларыңыз коп болсын *Пусть у вас будет много детей* более «прилично» высказать как Шілдехана тойында кездесетін болайық *Давайте встретимся на шилдехана (празднике по случаю рождения ребенка)*.

Каждая из лингвокультур представляет свою культурно специфичную программу интерпретации условий эффективного социального взаимодействия. Культурно специфичным является и выбор аспекта первостепенной значимости в сфере опыта, и выбор схемного элемента для его воплощения. В казахской лингвокультуре значимость общинности, родственности, осознание себя частью большой группы происходит сквозь матрицу модели ОТНОШЕНИЯ – КРУГ / ЦИКЛ. Лингвокультурная модель дискурса межличностных отношений ориентирована на соответствие традиции, интегрированность актуальной ситуации во взаимодействие социокультурной группы и далее в общий цикл природных закономерностей.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10-20.

Евсюкова Т.В., Снитко Т.Н. Построила ли лингвокультурология свой предмет? // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 1. С. 77-82.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М., 2002.

Монгилева Н.В., Чудинов А.П. Метафора СТРУКТУРА СОБЫТИЯ как культурный код в нарративе о ревности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 4. С. 87-95.

Palmer G.B. Toward a theory of cultural linguistics. Austin: University of Texas Press, 1996.

Strauss C., Quinn N. A cognitive theory of cultural meaning. New York: Cambridge University Press, 1997.

Sharifian F. Cultural Linguistics: Cultural conceptualisations and language John Benjamins Publishing Company, 2017.

Sharifian F. Aspects of schematic processing in Indigenous speakers of Aboriginal English: An initial exploration // Applied Language and Literacy Research. 2000. № 1 (5). P. 1-9.

N.V. Mongilyova (Kostanay, Kazakhstan)
Kostanay State University A. Baitursynov

THE LINGUOCULTURAL MODEL OF THE KAZAKH DISCOURSE OF INTERPERSONAL RELATIONSHIPS

The linguocultural model of the discourse represents regular patterns in the language interpretation of meanings of a certain experience sphere. The discourse of interpersonal relations in the Kazakh linguoculture is oriented at integratedness of the current situation into the interaction of a sociocultural group and a general cycle of natural consistent patterns.

Key words: linguocultural model, Kazakh discourse, imagescheme, cultural canon.

М.Ю. Некрасова (*Севастополь, Россия)*
Севастопольский государственный университет
nekramar@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА «ВОЙНА – НЕНАСТЬЕ (БУРЯ)» В БРИТАНСКОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Статья посвящена выявлению особенностей когнитивной метафоры «Война – ненастье (буря)» в дискурсе британских газет середины XIX века. В работе анализируется метафорический перенос значения «буря, ненастье» на события военной политики и непосредственные боевые действия Крымской войны. Основное внимание уделяется признакам метафоры как модели когнитивного характера, выраженной ориентационными, структурными и онтологическими категориями.

Ключевые слова: дискурс газет, концептуальная (когнитивная) метафора, метафора «Война – ненастье (буря)», ориентационная метафора, структурная метафора, онтологическая метафора.

Традиционно особый интерес в когнитивной лингвистике представляют исследования когнитивной (концептуальной) метафоры. Данное явление относится к когнитивным механизмам, с помощью которых осуществляется процесс репрезентации знаний, реализуется ментальная трансформация концептуальных структур и формируются языковые значения.

По мнению основоположников теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафора отражается не только в языке, но и в мышлении. Наши поступки, поведение, речь напрямую зависят от повседневной реальности.

Основная роль когнитивной метафоры заключается в том, чтобы расширить и дополнить структуру существующих категорий. Это особый тип

репрезентации знания, представленный переносом концептуальных значений, при котором абстрактные понятия (target domain) передаются через понятия базового уровня (source domain) [Лакофф 2008]. «Метафорическая проекция осуществляется не только между отдельными элементами, но и целыми структурами концептуальных доменов» [Будаев, Чудинов 2009: 151]. Результатом действия механизма метафоры является появление нового знания. Выделяют три типа концептуальных метафор: ориентационные (наделяют понятие пространственной ориентацией), структурные (концептуализация абстрактных сущностей через опыт) и онтологические (перенос свойств предметов) [Лакофф 2008; Болдырев 2014].

Газетный политический дискурс считается одним из главных источников формирования представлений о войне. Среди наиболее распространенных военных метафор, характерных для дискурса газет, отмечают структурные метафоры: ВОЙНА – КОНФЛИКТ, ВОЙНА – ИГРА, ВОЙНА – СМЕРТЬ, ВОЙНА – АРМИЯ, ВОЙНА – БИЗНЕС, ВОЙНА – РЕЛИГИЯ, ВОЙНА – ОХОТА, ВОЙНА – ТЕАТР, ВОЙНА – ПУТЕШЕСТВИЕ, ВОЙНА – ПОЛИТИКА, ВОЙНА – СОРЕВНОВАНИЕ, ВОЙНА – РИСК, ВОЙНА – УРОК, ВОЙНА – ЛЕКАРСТВО и др. [Лакофф 2008; Ракитянская 2019; Фатьянова 2015]. Крымская война представляет интерес для исследования, как многогранное военно-политическое событие, имеющее широкий географический размах и охватившее ведущие мировые державы середины XIX века. Британия в союзе с Францией и Турцией воевала с Российской империей за территориальные и экономические интересы. Метафорические контексты в дискурсе британских газет середины XIX века, посвященные Крымской войне, выражены посредством переноса значения или концептуализации доминантного понятия «буря, ненастье» на военно-политические события.

Цель настоящего исследования – раскрыть особенности когнитивной метафоры «Война как ненастье (буря)» в дискурсе британских газет середины XIX века. Материалом анализа являются передовые статьи о Крымской войне в авторитетных английских изданиях The Times и The Daily News за 1854–1855 гг.

В ходе анализа материала обнаруживается, что военно-политические события Крымской кампании базируются на образе неблагоприятных погодных условий. Можно выделить следующую когнитивную модель: “War is athunderstorm” («Война есть ненастье (буря)»). В данном случае метафорическая проекция распространяется на две концептуальные группы: военная политика и боевые действия.

Политическое молчание и приостановление мирных отношений между конфликтующими сторонами передано ориентационными метафорами и ассоциируется с образом затишья перед бурей, которому присуще напряжение – suspense, неподвижность – motionless, stillness, tranquility, надвигающиеся разрушения – coming destruction, the bolt may fall.

The state of the public mind here is the unforced <u>quiet of suspence</u>. <u>The air is calm</u>. <u>The leaves are motionless</u>, but men feel that <u>the clouds are gathering</u>, and that <u>the tranquility is the deep and unnatural calm</u> which proceeds the tempest. Every sound is intensified by <u>the stillness of the political atmosphere</u>, and seems to the listener to be the first murmur of <u>the coming destruction</u> (The Times, Apr. 6, 1854).

At present all these causes, partly military and partly political, tend to prolong for a while the suspense which hangs like a thunder cloud over Europe. Tomorrow the bolt may fall and the first results of the war will clear away all that is still indefinite and obscure (The Times, Apr. 20, 1854).

Одним из важных компонентов данной метафоры является *грозовое облако* – thunder cloud, the clouds are gathering, the clear sky overspread with clouds. Выражение clouds and darkness подчеркивает угрозу, страх перед стихией и связывает природную темноту стихии с темными военными временами.

Clouds and darkness are over the face of the future into which they are about to fling themselves (The Times, Feb. 2, 1855).

Clouds and darkness cover for the moment the rest of this tremendous conflict (The Times, Nov. 11, 1854).

... As if no thunder clouds were lowering in the political horizon (Daily News, Oct. 28, 1854).

... *In order* to dispel the dark cloud that has hung over the besiegers so long ... (TheTimes, Feb. 2, 1855).

Компонент *тьма*, представленный онтологической метафорой, также символизирует неизвестность и неуверенность в исходе военных событий. Темнота или тень от облака подчеркивает пугающий эффект – black shadow of the Czar seemed to hang heavily, dark shadow of war.

Тень подчеркивает образ страха потери близких:

There was a dark shadow of terror hanging over countless houses in the land, only to be removed when the sad lists of the dead or wounded should arrive (Daily News, Sept. 14, 1855).

Относительно самих боевых действий наиболее частотными являются следующие метафорические образы:

гром, который ассоциируют с грохотом пушек и внезапностью новостей – thundering cannonade; the thunder of the first report; heavy peals of thunder; thunder of artillery;

облако, туча – cloud of smoke, cloud of dust, cloud of Cossacs;

ливень – shower of bullets.

Such a shower of bullets, it is said, was poured into the embrasures (The Times, Aug. 30, 1854).

Проведенное исследование показало, что основу рассматриваемой структурной концептуальной метафоры «Война как ненастье (буря)» составляют ориентационные и онтологические виды, связывающие политическую обстановку с ассоциативными образами затишья перед бурей, грозового облака, дождя, молнии и темноты.

Боевые действия репрезентируются посредством переноса образов грома, тучи, ливня. Селективная и классифицирующая интерпретации отражены в актуализации различных стадий ненастья или бури (затишье, тень, дождь) и их характерных признаков, сложившихся в национальной концептуальной системе (непредсказуемость, масштабность, разрушительная сила).

Таким образом, в когнитивном аспекте основные характеристики неблагоприятных и разрушительных погодных условий играют роль исход-

ных доменов, в то время как целевым доменом является политическая и полевая составляющие войны. В целом, концептуальная метафора «Война – ненастье (буря)» в дискурсе ведущих британских газет середины XIX века представлена ориентационной, структурной и онтологической метафорами.

Метафоры войны как природного явления имплицитно содержат оправдание действий партии войны: война ассоциируется со стихией, которую невозможно обуздать, а можно только минимизировать потери, связанные со смертями и разрушениями.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 234 с.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора как способ представления политических знаний: современные направления исследования // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. IV. С. 146-162.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / под ред. А.Н. Баранова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Лакофф Дж. Метафора и война: система метафор для оправдания войны в заливе // Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. С. 59-71.

Ракитянская Е.В. Лингвистическая технология войны и ее когнитивная репрезентация в политическом дискурсе // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2019. Т. 15. Вып. 1–2 (43–44). С. 168-181.

Фатьянова И.В. Метафорическая актуализация концепта ВОЙНА в современном русском и англо-американском политическом дискурсе // Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe (East European Scientific Journal) / FILOLOGIA. 2015. № 2. С. 36-39.

The Daily News. London, 1854–1855.

The Times. London, 1854–1855.

M.Yu. Nekrasova (Sevastopol, Russia)
Sevastopol State University

CONCEPTUAL METAPHOR ‘WAR IS THUNDERSTORM (STORM)’ IN THE MID 19TH CENTURY BRITISH NEWSPAPER DISCOURSE

The article is devoted to the principal features of the cognitive metaphor ‘War is thunderstorm (storm)’ in the discourse of the British newspapers of the mid XIX th century. The paper analyses metaphorical transfer of the notion ‘storm’ to the events of the Crimean war politics as well as war actions. Much attention is paid to define metaphor as the model of a cognitive character, having orientation, structural, and ontological categories.

Key words: newspaper discourse, conceptual (cognitive) metaphor, metaphor ‘War is thunderstorm (storm)’, orientation metaphor, structural metaphor, ontological metaphor.

Н.В. Немирова *(Сыктывкар, Россия)*
Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина
nvnemirova@yandex.ru

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ ТЕОРИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Статья посвящена рассмотрению особенностей формирования бленда в газетном дискурсе. Формальное тождество одного из исходных пространств и бленда, выраженных прецедентным высказыванием, позволяет отнести их к зеркальному типу интеграционных сетей.

Ключевые слова: теория концептуальной интеграции, ментальные пространства, зеркальные интеграционные сети, бленд, прецедентные феномены, газетный дискурс.

Теория концептуальной интеграции, разработанная в трудах Ж. Фоконье и М. Тернера и базирующаяся на теории ментальных пространств, позволяет глубже осознать такое явление, как прецедентность. Порождение и восприятие дискурса характеризуется последовательным развертыванием ментальных пространств [Ирисханова 2001: 44].

Теория ментальных пространств направлена на моделирование когнитивных механизмов понимания смысла текстового фрагмента, а именно выделение прецедентных феноменов (ПФ) в процессе воспроизведения текста, осознание их смыслового наполнения и функций является сущностью интерпретации прецедентных компонентов в дискурсе.

Фреймы и когнитивные модели структурируют ментальные пространства, связанные друг с другом различными видами воспроизведения (например, идентификации и аналогии) в процессе дискурсивной деятельности [Fauconnier].

Важным для понимания прецедентности является следующее утверждение Ж. Фоконье: выражение, которое называет или описывает элемент в одном ментальном пространстве, может быть использовано для доступа к «двойнику» этого элемента в другом ментальном пространстве [Fauconnier]. Взаимодействие двух базовых (исходных) ментальных пространств, опирающееся на ментальное пространство обобщения, и формирование в результате гибридного ментального пространства – бленда составляют сущность теории концептуальной интеграции [Fauconnier, Turner].

Анализ ПФ с позиций теории концептуальной интеграции позволяет выявить особенности «порождения» и «восприятия» прецедентных компонентов в дискурсе.

Формирование разнообразных смыслов ПФ укладывается в рамки теории концептуальной интеграции: бленды, появляющиеся в результате интеграции смыслов базовых пространств на основании смысла обобщенного ментального пространства, «функционируют в качестве неделимого структурного целого и обеспечивают возможность реконструировать их связи с исходными ментальными пространствами» [Ирисханова 2001: 45].

Для выявления механизма концептуальной интеграции использована методика научного анализа, предложенная в работах Э.В. Будаева и А.П. Чудинова [Будаев, Чудинов 2006: 51-55], Е.А. Нахимовой [Нахимова 2011: 40-44], Т.Г. Скребцовой [Скребцова 2011: 177-181].

Рассмотрим особенности появления в газетном тексте гибридного пространства, выраженного прецедентным высказыванием (ПВ) «Смесь французского с нижегородским», источником которого является комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума» (1824): «На съездах, на больших, по праздникам приходским? / Господствует еще смешенье языков: / Французского с нижегородским?» (Чацкий) [Грибоедов 1987: 56]. ПВ представлено в словарях крылатых слов, а следовательно, результаты процесса формирования гибридных пространств, одним из базовых ментальных пространств которых является цитата из комедии Грибоедова, зафиксированы в качестве самостоятельных значений ПВ, которые в процессе использования ПВ могут бесконечно варьироваться и трансформироваться: «Сочетание двух абсолютно разных вещей, пестрая, бессмысленная смесь. Так говорят, осуждая чье-л. невежество или дурной вкус» [Берков 2005: 462].

В контексте статьи С. Поликарпова анализируемое ПВ использовано для характеристики современного употребления «англицизмов в нашей повседневной жизни, распространения уродливой смеси русского и английского языков»: «Адская смесь “французского с нижегородским” известна со времен Грибоедова. В Москве, например, в последнее время принят ряд строгих документов относительно использования русского языка на вывесках. Но если пройти по улицам и площадям столицы, может показаться, что мы в Лондоне или Нью-Йорке» [Поликарпов 2014].

Исходные (базовые) пространства имеют такие общие элементы («двойники»), как «смесь (смешение) языков», которые в бленде как в примере вторичной репрезентации ПВ вновь «сплавляются вместе» [Скребцова 2011: 179], при этом разные элементы «французский язык» и «английский язык» уподобляются, как имплицитно уподобляются разные языковые ситуации: русско-французского билингвизма конца XVIII – первой трети XIX вв. и современной языковой ситуации, одним из характерных признаков которой является употребление большого количество англицизмов в профессиональной и разговорной речи. Ментальное пространство обобщения в анализируемом бленде имеет следующую смысловую структуру: «недифференцированное использование языков, отражающее нарушение литературных норм языка». Особенностью использования анализируемого бленда является то, что формальная его сторона («тело знака») остается неизменной, однако смысловое наполнение ПВ изменяется и приобретает когнитивный смысловой признак – ‘смесь русского и английского языков’.

Ж. Фоконье и М. Тернер выделяют 4 типа интеграционных сетей (networks): простые, зеркальные, односторонние и двусторонние [Fauconnier, Turner].

Анализируемый бленд относится к зеркальному типу интеграционной сети, для которой характерен общий организационный фрейм «смесь французского с нижегородским», который представлен как в виде одного из исходных базовых пространств, так и бленда, для которого характерна сложная смысловая струк-

тура. Прецедентность контекста обеспечивает стандартный «набор организующих отношений между элементами» [Fauconnier, Turner], заданный исходным ПВ. При этом ментальное пространство обобщения имеет абстрактные смысловые структуры – «смешенье языков» или «смешение противопоставленных явлений действительности».

Для понимания, «развития и обогащения бленда человек автоматически … привлекает огромные массивы фоновых знаний» [Скребцова 2011: 179], в данном случае – знания о художественном тексте-источнике, языковых ситуациях, исторических событиях, возможности наполнения новым смыслом готовых языковых формул и т.п. Так, например, в газетном подкорпусе национального корпуса русского языка анализируемое ПВ представлено более 10 раз с разнообразными когнитивными смысловыми признаками: 1) ‘недифференцированное использование русского и английского языков’ (например, «Если во времена Грибоедова наблюдалось “смешенье французского с нижегородским”, то нынче мы получили “руинглиш” (термин появился в начале двухтысячных)» (Н. Грачева «Граммар-нацизм, или “йазык падонкафф”?»); 2) ‘заимствование из французского языка’: «…шансон – по-французски песня. Зачем понадобилось русский жанр называть иностранным словом, этакой смесью французского с нижегородским?» (К. Дубичева «Александр Новиков: наши рокеры дальше кочегарок не пошли»); 3) ‘смесь французского языка и жаргонов русского языка’: «Шерше лябаблос, так звучит суть проблемы на смеси французского с нижегородским» (О. Кушанашвили «Звезды: “бабло” vs дружба?»); 4) ‘смешение иностранных языков и русского языка’: например, «А клубы и рестораны, в названиях которых “господствует смешенье языков: французского с нижегородским”?» (А. Кончаловский «Богатые россияне безоружны перед деньгами, как туземцы перед водкой»); 5) ‘смесь жанров и стилей’: «Не бразильское “мыло”, конечно, все-таки определенный европейский уровень чувствуется, но хлопья мыльной пены иногда, кажется, так и капают с телеэкрана… С точки зрения специалиста – смесь французского с нижегородским» (А. Стародубец «В хлопьях мыльной пены...») и др. [НКРЯ].

Таким образом, для прецедентных феноменов характерно формальное тождество одного из базовых пространств и бленда в процессе развертывания дискурса, при этом формальная его сторона («тело знака») остается неизменной, однако смысловое наполнение ПФ изменяется и приобретает новые когнитивные признаки в различных контекстах. Такая особенность характерна для зеркальных интеграционных сетей, позволяющих создавать бленды, характеризующиеся сложной смысловой структурой, формируемой на основе не только смысловых, но и формально-структурных «двойников» ментальных базовых, обобщающих и гибридных пространств.

Литература

Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка: ок. 4000 единиц. М.: АСТ: Астрель: Русские словари, 2005.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, 2006.

Грибоедов А.С. Горе от ума / Грибоедов А.С. «Горе от ума». Комедии. Драматические сцены. Л.: Искусство, 1987. С. 37-156.

Ирисханова О.К. О теории концептуальной интеграции // Известия РАН. Серия: Литература и язык. 2001. Т. 60. Вып. 3. С.44-48.

Нахимова Е.А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования. Екатеринбург, 2011.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru.

Поликарпов С. Государственный язык необязательного использования // Литературная газета. 2014. № 4.

Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011.

Fauconnier G. Mental Spaces. URL: http://www.cogsci.ucsd.edu/~faucon/BEIJING/mentalspaces.

Fauconnier G., Turner M. Conceptual blending, form and meaning. URL: https://tecfa.unige.ch/tecfa/maltt/cofor-1/textes/Fauconnier-Turner03.

Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science. 1998. № 22 (2). P. 133-187. URL: http://www.cogsci.ucsd.edu/~faucon/BEIJING/CIN.

N.V. Nemirova *(Syktyvkar, Russia)*
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

PRECEDENT IN THE MIRROR OF THE THEORY OF CONCEPTUAL INTEGRATION

The article is devoted to the consideration of the peculiarities of the formation of a blend based on a precedent statement in the newspaper discourse. The formal identity of one of the source spaces and the blend expressed by the case statement allows us to refer them to the mirror type of integration networks.

Key words: theory of conceptual integration, mental spaces, mirror integration networks, blend, precedent phenomenon, newspaper discourse.

Д.А. Никитина (*Ульяновск, Россия)*
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
motrona-92@yandex.ru

РОЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕДАЧИ ЗНАНИЙ О МИРЕ НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ф.С. ФИЦДЖЕРАЛЬДА «НОЧЬ НЕЖНА»

В рамках статьи предпринята попытка изучения семантики прецедентных феноменов в романе Ф.С. Фицджеральда «Ночь нежна» и функциональных задач данных языковых единиц. В статье репрезентируется анализ ключевых

концептов Ф.С. Фицджеральда “Tender is the night”: НОЧЬ, ДЕНЬ, ТРУД, МЕЧТА, ДИК ДАЙВЕР, объединяемых общим структурно-содержательным началом и обусловленных реализацией мегаконцепта ДЖАЗОВЫЙ ВЕК.

Ключевые слова: прецедентные феномены, прецедентные высказывания, прецедентные имена, прецедентная ситуация, аллюзия, цитация.

Действие романа Ф.С. Фицджеральда “Tender is the night” (1934) относится ко второй половине 20-х годов, к «джазовому веку». Критик Уильям Э. Доэрти отмечает символическую структуру в романе «Ночь нежна», включающую контраст между ночью и днем [Doherty 1966]. Контраст между ночью и днем опирается на взаимодействие двух «антагонистических элементов», отграниченных друг от друга по признакам социальным, экономическим, нравственным [Ковалев]. Один из них воплощен в образе Дика Дайвера, другой представлен кланом Уорренов.

Дик Дайвер – молодой доктор, получивший образование в лучших университетах Америки и Европы. Ум его занят проблемами, не имеющими отношения к деньгам: служить науке и людям.

Уоррены – «типичный продукт» богатства / “the product of much ingenuity and toil” [Фицджеральд 1983: 18]. Для страдающей тяжелым душевным заболеванием дочери Николь Уоррен чикагский миллионер Девре Уоррен «купил» доктора Дайвера. Женившись по любви на своей пациентке, Дик Дайвер посвятил себя заботам о ней, затрачивая немало искусства и труда.

Для изображения своих героев Ф.С. Фицджеральд использует прием контрастов, сопоставлений, аллюзий, прецедентных имен, прецедентных высказываний, прецедентных ситуаций.

Так, для описания внешнего вида Николь автор романа “Tender is the night” использует прецедентные имена (аллюзии) в сравнительно-уподобительной функции. Николь предстает в образах Афины Паллады (“I am Pallas Athene carved reverently on the front of a galley” (50)); Офелии (“…he had made his choice, chosen Ophelia, chosen the sweet poison and drunk it” (93)); северной Мадонны (“Her face, the face of a saint, a viking Madonna, shone through the faint motes” (11)). Ее красота сравнима с красотой женщины, написанной кистью Леонардо да Винчи (“…the beauty of Nicole had been <…> as the beauty of Leonardo’s girl” (33)). Для описания характера Николь Ф.С. Фицджеральд использует аллюзию на царя Лидии, рабовладельческого торгового государства, обладающего несметными сокровищами (“Nicole and Baby are rich as Croesus” (54)).

В романе Ф.С. Фицджеральда “Tender is the night” заглавие (“Tender is the night”) и эпиграф (“Already with thee! tender is the night, … But here there is no light, Save what from heaven is with the breezes blown Through verdurous glooms and winding mossy ways.” (1)), выступая «в сильной позиции», отсылают нас к узнаваемому литературному произведению «Ода к соловью» Джона Китса. Ночной мир в прецедентном высказывании (“Already with thee! Tender is the night…“) критик Джеймс Миллер отождествляет с миром Николь и ее друзей [Doherty 1966]. Размах «расточительной шалости» Дайверов, когда все участники их вечеринки пускаются в быструю одиссею по Парижу, поражает «галерку»: “the party … moved with the speed of a slap-

stick comedy <…> There was <…> the car of the Shah of Persia. Where Dick had commandeered this vehicle, what bribery was employed, these were facts of irrelevance. <…> People joined them as if by magic" (24); сравнение вечеринки с балаганом ("The party <…> a slapstick comedy" (24)); аллюзия на прецедентное имя поэмы древнегреческого поэта Гомера ("<…> they were quartets in separate motors bound on a quick Odyssey over Paris" (24)); аллюзия на американского художника-карикатуриста Руба Голдберга ("<…> they built a waiter trap functioning like one of the bizarre machines of a Goldberg cartoon" (24)); гипербола ("Rosemary was thinking that the Villa Diana was the centre of the world" (10)).

Поначалу Дик Дайвер очарован романтической иллюзией волшебного мира: как генерал смотрит на бойню, так и Дик оглядывается на устроенные им «карнавалы любви»: "He sometimes looked back with awe at the carnivals of affection he had given, as a general might gaze upon a massacre he had ordered to satisfy an impersonal blood lust" (9) (сравнение). Намеренный повтор лексем to assure, to reassure, to take care, to protect является ключом к пониманию этого периода жизни Дика: стремление главного героя превратить жизнь «галерки» в феерию [Молчанова 2007: 238].

Романтический идеализм Дика («иллюзии вечной силы», «вечного здоровья», «преобладания в человеке доброго начала») – это «американская мечта». Но попытка реализовать Диком эту «мечту» ("to be a good psychologist – maybe to be the greatest one that ever lived" (41); "to do more spade work" (45); "the boundaries of asceticism – he could see it as a means to an end, even as a carrying on with a glory it would itself supply" (41); "get an exchange fellowship" (45)), опираясь на принципы буржуазной идеологии семьи Уорренов, привела к «неравенству, вместо равенства, закрепощению вместо свободы, страданию вместо счастья» [Ковалев]. Создавая «призрачный» мир для супруги и ее друзей, Дик становится «собственностью» ("We **own** you, and you'll admit it sooner or later" (55)), «опорой» (someone she thought she could **rely on – indefinitely**" (66); "It was awful that such **a fine tower should not be erected**, only suspended, suspended from him" (59); "She only wanted to use him innocently as **a convenience**" (49)), «жертвой» наивно-рыцарского оптимизма: "He owned only his work house and the ground on which it stood." (53). Парцелляция ("the house that Nicole had made, that Nicole's grandfather had paid for" (53)) указывает на то, что у героя нет ничего, кроме рабочего места и небольших доходов, которые покрывают личные расходы и плату за образование сына Ланье. Несвобода Дика от мира богатых выражена в контрастном метафорическом противопоставлении понятий независимости (to be one's own man) и продажности, воплощенного в образе жигало ("paid male companion of a wealthy older woman" (OALDCE)): "…he had never felt more sure of himself, more thoroughly **his own man**, than at the time of his marriage to Nicole. Yet he had been swallowed up like a **gigolo**, and somehow permitted his arsenal to be locked up in the **Warren safety-deposit vaults"** (повторное метафорическое воплощение принадлежности) [Молчанова 2007: 239].

Растрачивая свои силы, Дик перестает быть мастером своего дела ("You're bored with Zurich and you can't find time for writing here and you say that it's a confession of weakness for a scientist not to write" (50)), превращаясь из Дика-«счастливца» в «Черную Смерть», которая приносит только несчастья: "lucky Dick" (36) (выдвижение дано в кавычках) – "an irresistible Lothario" (53) (аллю-

зия на героя романа «Дон Кихот» Мигеля де Сервантеса, Лотарио, испытывающего целомудрие Камиллы) – “one of Tarkington’s adolescents” (53) (аллюзия на книги американского писателя Ньютона Бута Таркингтона, повествующие о жизни подростков) – “I’m the Black Death” (68)). Прецедентное высказывание (“It’s a case of hare and tortoise” (74)) используется автором для описания характеристики Дика («заяц почти выдохся»), выполняя характерологическую функцию. Наступает момент, когда он не нужен больше и Николь. Выздоровевшая, она навсегда обрывает связывающую их с Диком нить / “cord”: “You’re a coward! You’ve made a failure of your life, and you want to blame it on me <…> And suddenly, she achieved her victory and <…> cut **the cord** forever. <…>The case was finished. Doctor Diver was at liberty” (93). Знак «нить» / “cord” также используется в прецедентной ситуации (аллюзии) на высказывание из Ветхого Завета, когда опьяненный «духом старого бойца» Дик рассказывает о сражении в районе Амьена в марте – апреле 1918 г: “The silver **cord** is cut and the golden bowl is broken and all that, but an old romantic like me can’t do anything about it. I’m romantic too” (18).

Предугадать, что произойдет с Диком Дайвером, помогает читателю несколько раз повторяющееся прецедентное имя (аллюзия): Фицджеральд сравнивает Дика Дайвера со знаменитым полководцем времен Гражданской войны генералом Грантом (с именем Гранта связаны события, предрешившие исход Гражданской войны). Карьера генерала Гранта с головокружительным взлетом в ее начале и бесславным концом в некоторой мере напоминает историю доктора Дайвера [Горбунов].

Личность Дика Драйвера в романе Ф.С. Фицджеральда “Tender is the night” представлена как лингвокультурный типаж эпохи «джазового века». Как в любом лингквокультурном концепте, в лингвокультурном типаже (разновидность лингвокультурного концепта) выделяются несколько качественно разнородных составляющих [Карасик 2002: 180]: “a gigolo”, “lucky Dick”, “Lothario”, “Tarkington’s adolescent”, “hare”, “the Black Death”. Так, объединяемые общим концептуальным началом «ночь» / “night”, «день» / “day”, «труд» / “work”, «мечта» / ”dream”. «Дик Дайвер» / “Dick Diver” репрезентируют мегаконцепт ДЖАЗОВЫЙ ВЕК / THE JAZZ AGE в произведении “Tender is the night”, рассматриваются как элементы единой топиковой цепочки, не находясь в отношениях синонимического родства [Вишнякова 2008].

В ходе исследования установлено, что в структуре романа Ф.С. Фицджеральда “Tender is the night” прецедентные феномены обусловливают его изучение на метаметасемиотическом уровне лингвистического анализа, что предполагает проникновение в глубины смысла произведения. Использование концептов (НОЧЬ / NIGHT, ДЕНЬ / DAY, ТРУД / WORK, МЕЧТА / DREAM, ДИК ДАЙВЕР / DICK DIVER) для передачи нового метасодержания сопровождается расширением их семантического пространства и характеризуется функцией порождения в концептуальном отношении новых смыслов.

Литература

Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // ИЯШ. 1978. № 4. С. 27.

Варченко В.В. Цитатная речь в медиа-тексте. ЛКИ. 2007. 240 с.

Вишнякова О.Д. Языковой знак как предмет семиотической концептологии: монография. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого. 2008. 196 с.

Вишнякова О.Д. Функциональные особенности языкового знака в языке и речи (на материале современного английского языка): автореф. дис. … д-ра филол. наук. Москва, 2003.

Воркачев С.Г. Интертекстуальность, прецедентность и лингвокультурный концепт // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, В.П. Москвин. М.: Флинта: Наука, 2014.

Горбунов А.Н. Романы Френсиса Скотта Фицджеральда. Тридцатые годы и роман «Ночь нежна». URL: http://american-lit.niv.ru/american-lit/gorbunov-romany-ficdzheralda/tridcatye-gody.htm.

Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.

Захаренко И.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология, 1997. Вып. 1. 192 с.

Карасик В.И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 166-205.

Ковалев Ю.В. Фрэнсис Скотт Фицджеральд и его роман «Ночь Нежна». URL: http://fitzgerald.narod.ru/critics-rus/kovalev-noch.html.

Кузьмина Н.А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса // Медиаскоп. 2011. № 1.

Молчанова Г.Г. Английский как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.

Фицджеральд Ф. Скотт. Ночь нежна. Роман: на англ. яз. 1983.

Doherty William E. “Tender Is The Night” and the “Ode to a Nightingale”. Explorations of Literature / ed. by Rima Drell Reck. Louisiana State University Press, 1966.

D.A. Nikitina (Ulyanovsk, Russia)
Belgorod National Research University

THE ROLE OF PRECEDENT PHENOMENA IN THE PROCESS OF TRANSMITTING KNOWLEDGE ABOUT THE WORLD BASED ON THE NOVEL “TENDER IS THE NIGHT” WRITTEN BY F. SCOTT FITZGERALD

The article attempts to study the semantics of precedent phenomena and the functional problems of these language units in the novel “Tender is the night” by F. Scott Fitzgerald. The article presents an analysis of the key concepts in “Tender is the night” such as NIGHT, DAY, WORK, DREAM, DICK DIVER which are united by a common structural and content principle and connected with realization of the mega-concept THE JAZZ AGE.

Key words: precedent phenomena, precedent names, precedent statements, precedent situation, allusion, citation.

Д.Н. Новиков *(Москва, Россия)*
Московский государственный институт международных отношений
dnnovikoff@mail.ru
Н.О. Катаева *(Москва, Россия)*
Московский государственный институт международных отношений
dnnovikoff@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ МОДАЛЬНОСТИ, ВЫРАЖАЕМОЙ АНГЛИЙСКИМ ГЛАГОЛОМ SHOULD, НА РУССКИЙ ЯЗЫК: КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДОВ ТЕКСТОВ В СОВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ООН С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ)

В статье на примере официальных переводов текстовых фрагментов с модальным глаголом should демонстрируется возможность более точной передачи исходной модальности с опорой на его системное значение – “be expected in one’s image (to do sth)” – лексико-грамматическими средствами русского языка, выражающими смысл ожидаемости действий или событий.

Ключевые слова: прототипическая семантика, широкозначный глагол, глагол should, системное значение, адекватность перевода, эквивалентность перевода.

Основной вопрос о возможности и правильности перевода с одного языка на другой формулируется в современном переводоведении, главным образом, как проблема поиска оптимального соотношения эквивалентности и адекватности при передаче содержания единиц исходного текста средствами иного языка (см. напр. [Иовенко 2005: 25]). Справедливо в этой связи утверждать, что в процессе перевода «переводятся» (т.е., по сути, заново восстанавливаются, реконструируются и т.п.) не столько слова (или даже зафиксированные в словарях лексико-семантические варианты слов), сколько смыслы, возникающие в сознании переводчика, будучи индуцированными поступающими туда сигналами, соответствующими графическим или звуковым формам слов исходного языка, а сама работа сознания переводчика состоит в поиске соответствующих форм языка перевода, которые могли бы запустить максимально сходные мыслительные процессы в сознаниях других людей, говорящих на этом языке.

Следовательно, чем ближе способен переводчик подойти к осознанию механизмов, лежащих в основе формирования языковой картины мира среднестатистического представителя исходного языка, тем профессиональнее будет выполнен и его перевод. К подобным механизмам относится прежде всего образование в сознании языковой личности в процессе ее онтогенеза системных значений лексических единиц, предположительно составляющих «каркас» лексикона. При этом на уровне *языковой системы*

все слова фактически однозначны: каждой форме соответствует лишь одно системное значение, носящее характер инварианта по отношению ко всем его *речевым* реализациям [Архипов 2008]. Идентифицировав системное значение, переводчик с наименьшими усилиями (при отсутствии необходимости перебирать в голове или словаре длинные списки словозначений или эквивалентов) может установить речевой смысл слова, сопоставив системное значение с соответствующим речевым и языковым контекстом, и подобрать оптимальные средства его передачи на языке перевода, отразив, в том числе, и модальность оригинала.

В английском языке, как известно, одним из основных средств выражения модальности выступают модальные глаголы. Ниже мы проанализируем некоторые примеры официальных переводов на русский язык фрагментов текстов ООН (http://www.un.org/en/sc/meetings/records/2017.shtml), содержащих английский модальный глагола should с учетом установленного ранее [Новиков, Катаева 2018: 41-42] в ходе применения метода прототипического анализа лексики, предложенного И.К. Архиповым [Архипов 2008], и метода прототипического анализа семантики широкозначных глаголов Е.И. Малютиной [Малютина 2007: 92] его системного значения – “be expected in one’s image (to do sth)”.

Традиционно в грамматиках сообщается, что глагол should употребляется для передачи «совета», однако практически никогда не говорится о стоящей за этим «употреблением» семантике (такое положение касается если не всех, то большинства модальных глаголов: как правило, на уроках английского учащимся сообщают лишь перечень «случаев употребления» – т.е. речевых контекстов, в которых встречается тот или иной модальный глагол (функционально-прагматический уровень), оставляя за скобками его значение в системе модальных глаголов (когнитивный уровень)), вследствие чего в сознании студента часто возникает «путаница», тем более что в русском языке разные модальные глаголы часто переводятся одним и тем же словом, а одно и то же прагматическое значение, например «совета», можно передать и разными средствами языка (If I were you, I **would** ask him for help). В этом случае, для более точного понимания смысла речевой ситуации как учащемуся, так и профессиональному переводчику и пригодится знание системного значения глагола.

«Совет» может быть безотносительным (в безличных предложениях типа «следует сказать / отметить / напомнить»), обращенным к самому говорящему или направленным конкретному лицу / стране / организации. Давая совет, говорящий как бы **«ожидает»**, что к его словам прислушаются:

1. In this regard, it **should be noted** that the destruction of the physical and economic infrastructure of States... has always been a major goal of terrorist groups. – *В этой связи* ***следует отметить****, что уничтожение физической и экономической инфраструктуры государств... всегда было одной из главных целей террористических групп* (7882 заседание: 13.02.2017).

2. The United Kingdom **should be commended** for all these efforts in facilitating the resolution... – ***Следует воздать должное*** *Соединенному Королевству за все усилия, предпринятые им для координирования работы по этой резолюции…* (8099 заседание: 14.11.2017).

В отдельных фразах для передачи «совета» переводчики ООН используют близкий по смыслу глагол «надлежит», принадлежащий к официальному стилю языка:

The long-standing crisis on the Korean peninsula has global implications, and therefore raises a question as to what **should be done** by the international community to prevent the emergence of a nuclear threat in future in other parts of the globe as well. – *Давний кризис на Корейском полуострове имеет глобальные последствия, и в этой связи возникает вопрос о том, что* ***надлежит сделать*** *международному сообществу для предотвращения возникновения ядерной угрозы в будущем в других частях мира* (8137 заседание: 15.12.2017).

В сочетании с перфектной формой инфинитива глагол should передает «совет», часто критического характера, относящийся к прошлому (что могло бы «ожидаться» в подобных обстоятельствах ранее, но чего не произошло). Для смягчения высказывания при переводе на русский язык употребляется частица «бы»:

Too often, after a conflict, the international community looks back and concludes that more **should have been done** at the outset and that warning signs had not been acted upon. – *Слишком часто после окончания конфликта международное сообщество оглядывается назад и приходит к выводу о том, что на начальной стадии* ***следовало бы сделать*** *гораздо больше, и что тревожные сигналы не были восприняты* (7926 заседание: 18.04.2017).

В определенных ситуациях передаваемые should «ожидания» настолько высоки, что в русском языке они находят отражение через «требование»:

Collaboration between IGAD, the AU and the United Nations **should** further **be promoted**. – ***Требуется укрепить*** *сотрудничество между ИГАД, АС и Организацией Объединенных Наций* (7982 заседание: 21.06.2017).

Принимая во внимание творческую природу переводческой деятельности и богатую палитру лексических средств передачи модальности в русском языке, стоит отметить, что иногда переводчики пытаются передать наличие высоких ожиданий через краткое прилагательное «призван»:

As the honest broker, bridge-builder and messenger of peace, *he <António* Guterres> **should play** the crucial role in conflict prevention at the earliest stages... – *В качестве добросовестного посредника, связующего звена и посланника мира он <Антониу Гуттереш>* ***призван играть*** *ключевую роль в предотвращении конфликтов на ранних этапах...* (7857 заседание: 10.01.2017).

Довольно часто в текстах заседаний Совета Безопасности встречаются английские фразы с should, которые в русском языке передаются через настоящее время, что указывает на своевременность и насущность содержащейся в них информации (а сема ожидаемости имплицируется всем смыслом высказывания):

In our view, those crimes **should** also **warrant** the attention of the International Criminal Court. – *На наш взгляд, такие преступления* ***заслуживают*** *внимания и со стороны Международного уголовного суда* (7915 заседание: 05.04.2017).

Модальность «ожидаемости», выражаемая глаголом should, может передаваться в русском языке через инфинитив, отличающийся полифункциональностью (передает побуждение, интенцию, пожелания и пр.):

Why **should** we **punish** people by depriving them of their freedom simply *because they refused to accept the coup d'état? – Зачем нам* ***наказывать*** *людей и лишать их свободы только потому, что они не приняли государственный переворот?* (7871 заседание: 26.01.2017).

В целом отмечая сбалансированное соотношение эквивалентности и адекватности при передаче семантики глагола should в официальных переводах ООН, укажем и на отдельные случаи не совсем точной передачи модальности в таких примерах, как:

1. With regard to the international restrictions on Eritrea, we think that what we **should be discussing** is not lifting but rather optimizing the sanctions... – *Что касается международных ограничений в отношении Эритреи, то полагаем, что речь пока* ***может идти <следует говорить?>*** *не об их отмене, а скорее о некой инвентаризации или оптимизации…* (7925 заседание: 13.04.12017).

2. We are firmly convinced that transboundary rivers and lakes **could and should be** *… a source of genuine cooperation and partnership… – Мы твердо убеждены в том, что трансграничные реки и озера* ***могут и должны <бы?>*** *быть источником подлинного сотрудничества и партнерства...* (7959 заседание: 06.06.2017).

3. That is a message that **should not need repeating** in the Council. – ***Нет необходимости <Вряд ли нужно?>*** *еще раз повторять это в Совете* (7938 заседание: 15.09.2017).

4. Migrants **should be treated** with humanity and dignity, and their rights **should be** fully **respected**. – *Мигранты* ***имеют право*** *на гуманное и уважительное обращение* ***<К мигрантам следует относиться гуманно и уважительно?>****, и их права должны соблюдаться* ***<следует соблюдать?>*** *в полной мере* (8114 заседание: 28.11.2017).

Таким образом, переводческий анализ текстов заседаний Совета Безопасности показал, что системное значение глагола should ("be expected in one's image (to do sth)") в целом может эксплицитно или имплицитно прослеживаться при переводе фраз с этим глаголом на русский язык, при этом переводчики ООН, избегая буквализмов, стараются выразить речевые смыслы, возникающие при передаче соответствующей модальности ожидания событий или действий с чьей-либо стороны. Именно ориентирование на смысл высказывания с опорой на знание системного значения позволяет сделать перевод точным и естественным, подобрать нужные средства переводящего языка, достичь оптимального уровня адекватности и эквивалентности в переводе, в особенности в ситуациях коммуникативного цейтнота, характерного для условий устной переводческой деятельности.

Литература

Архипов И.К. Язык и языковая личность. СПб.: Книжный дом, 2008.

Иовенко В.А. Теоретический курс перевода. Испанский язык. М.: ЧеРо, 2005.

Малютина Е.И. Широкозначность против полисемии на уровне языка и речи (на материале глаголов современного английского языка) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 37. С. 123-127.

Новиков Д.Н., Катаева Н.О. Семантика модальных глаголов shall и should в современном английском языке: прототипический подход // Филологические науки в МГИМО. 2018. № 13. С. 38-45.

D.N. Novikov (Moscow, Russia)
MGIMO University
N.O. Kataeva (Moscow, Russia)
MGIMO University

A COGNITIVE-SEMANTIC APPROACH TO CONVEYING MODALITY EXPRESSED BY THE ENGLISH VERB 'SHOULD' IN RUSSIAN (A CASE STUDY OF UN SECURITY COUNCIL TEXTS TRANSLATED FROM ENGLISH INTO RUSSIAN)

Analyzing the translations of UN Security Council text excerpts featuring the use of the modal verb 'should', the authors demonstrate that the best of them are those that manage to express the systemic meaning of 'should', i.e. 'be expected in one's image (to do sth)' through a variety of means available in the Russian language.

Key words: prototype semantics, broad-meaning verb, modal verb 'should', systemic meaning, adequacy of translation, equivalence of translation.

О.Г. Олехнович *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский государственный медицинский университет
olgaolech@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕДИЦИНСКОГО ТЕКСТА «СКАЗКА» (НА ПРИМЕРЕ ДОКУМЕНТОВ «АПТЕКАРСКОГО ПРИКАЗА» XVII В.)

В статье рассматривается медицинский текст «сказка» с позиций когнитивной парадигмы на этапе его зарождения. На материале документов «Аптекарского Приказа» XVII в. показаны общие принципы организации текста с характерным «языковым стереотипом» и особенности различных видов «сказок» в зависимости от целеполагания (докторские, лекарские, аптекарские) со своей прагматикой и специальными средствами.

Ключевые слова: медицинский текст, «докторская сказка», «лекарская сказка», «аптекарская сказка».

До XVII века в России были зафиксированы в основном компилятивные тексты – лечебники и травники. Период XVII века можно охарактеризовать как ситуацию эволюции научной мысли в области медицины. В условиях сложившейся документной системы для обслуживания новой

дисциплины создаются медицинские документы. Этому способствовало создание государственного медицинского учреждения – Аптекарского приказа, который распоряжался всем медицинским делом.

Для исследования использованы рукописи Аптекарского приказа периода XVII века, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов в г. Москве (Фонд 143, 2724 ед. хр., 1629–1716 гг.).

Из медицинских документов актовой письменности основная нагрузка ложится на «сказки». Жанровая разновидность деловой письменности «сказка» начинает формироваться в конце XVI в. «Сказки – это письменные показания по определенному вопросу. Подавались они по разным поводам, когда администрации нужны были сведения по какому-либо делу, известные авторам сказок» [Качалкин 1988: 82]. Название этого вида документа, вероятно, получило в результате исторического развития слова ‘съказъ’ «– повѣствованіе, сказаніе; – объясненіе, толкованіе» [Срезневский 1912: 715]. Словарь А.Л. Дювернуа дополнил «Материалы …» И.И. Срезневского: Сказка – «составляемый по требованию администрации или суда документ, содержащий известные его автору сведения о деле». «Сказка – indicium и narratio» [Дювернуа 1894: 188]; «indicium, -i n заявление, показание, донос» [Дворецкий 2000: 392]; «narratio, -onis f повествование, рассказывание чего-нибудь, подробность какого-нибудь случившегося или могущего случиться действия, дела» [Кронеберг 1834: 78].

В отличие от компилятивного текста «сказка» – созидательный документ. Отметим, что в период XVII века происходил постепенный перенос акцента на творческий характер языкового акта. На это указывали многие исследователи. Так, Вяч.Вс. Иванов отмечал, что «установка заключается не в сохранении уже существующего текста, а в создании нового, который должен быть принципиально отличен от всех ранее существовавших…» [Иванов 1978: 9].

Отличительной особенностью медицинских «сказок» являлось присутствие медицинской лексики, которая именно в рассматриваемый период «обогащается интернациональными терминами, воспринимаемыми через посредство не только греческого, но и ученого международного языка средневековой европейской науки – языка латинского» [Виноградов 1978: 190]. Значительно пополнялся не только медицинский словарь, но и оформлялся текст. Правда, необходимо отметить, что не все критерии текстуальности проявлялись в полной мере. Анализ механизмов формирования «сказки» показывает, что они достаточно информативны, им характерна не только связность и целостность, но и более или менее упорядоченная структура и стилистическая завершенность. Низкая интенциональность «сказки» связана с уровнем развития науки. Разновидности сказок обычно связывали с автором текста – доктор создавал «докторские сказки», лекарь – «лекарские сказки», аптекарь – «аптекарские сказки».

«Докторские сказки» были основными документами, сопровождающими медицину. Именно поэтому особое внимание уделялось созданию текста, как способа выражения повторяющихся медицинских ситуаций. Они в полной мере отражали уровень медицинских знаний в России в XVII веке. Обратим внимание на тематическое разнообразие «сказок», которое неизбежно отливалось в разнообразные формы организации единиц языка, – истории болезней;

рекомендации о лечении болезней; сказки о больных – отчеты о вылеченных больных; показания об освидетельствовании.

Поскольку авторами большинства «сказок» были иностранные специалисты, они создавали текст на латинском языке, опираясь на уже существовавшие в медицинской практике композиционно-стилистические традиции. Тексты переводились на русский язык переводчиками, которые пытались следовать не только содержанию, но и его стилистическим особенностям. Среди возможных вариантов для формирования документа с особой тщательностью избирались языковые средства, наиболее соответствующие стилю данного жанра. Авторы «сказок» для разных событий используют единый формуляр. С одной стороны, трафаретность документа несколько ограничивала мышление автора, подводя его изложение в нужные рамки; с другой стороны, в создании «сказки» проявлялась интеллектуальная и творческая индивидуальность автора.

«Докторские сказки», описывающие истории болезней, создаваясь по западно-европейскому образцу, обычно разделялись на три основные тематические части: реквизитную; основную, которая состояла из расспросной (*жилецъ Иванъ Чертовъ въ роспросе сказалъ…*) и описательной (*осмотрилъ онъ дохтуръ у нево болезнь некую паралежную особную*); заключительную – ‘эпикриз’ (*излечить тое руки у него не мочно жъ, потому что та болезнь застарелась*). Документ заканчивался подписью врача.

Каждый отрезок текста представлял собой смысловое и стилевое единство, формировался на базе языковых средств, нацеленных на реализацию информативности. Что касается лексических средств, то в русском тексте использовались в основном внутренние лексические средства: (*крыльце* ‘лопатка’, *мозг в кости* ‘костный мозг’), *зельная* ‘острая’ *сердечная болезнь, свербежь* ‘чесотка’, *стъснение*, *внезапной захватъ, изнеможенiе сердечное, колотье во вздухах* ‘легких’, *блевота, мокрота* и др.

В качестве опорных звеньев текста выступала не только медицинская лексика, но и стереотипные выражения – *в роспросе сказалъ*; *смотря болезни*; *по осмотру*; *за своими руками*; *по его доктурову досмотрению.* Логичность и связность тексту придавали вводные слова, указательные местоимения (*сей, тотъ*); усилительные (*же*) и отрицательные частицы (*ни…ни*); наречия (*отсюду*). Отметим, что в тексте активно использовались повествовательные и в основном сложные предложения, не характерные для русского языка.

По своим функционально-семантическим признакам «докторская сказка» постепенно выходит за рамки традиционного делового текста, создавая сценарий со своей прагматикой и специальными средствами.

«Лекарские сказки» в отличие от «докторских» создавались на русском языке – медицинские справки и заключения. В них, как правило, отсутствовала развернутая часть. Если и встречались какие-то описания болезней, то они были весьма лаконичны (*Раненъ изъ пищали въ правую руку въ ладонь на вылетъ и руку пулкою рвало середний перстъ оторвало висить*). Для документов такого типа характерна медицинская лексика с недостатком номинативности – *ноги опухли* (вместо ‘опухоль ног’), *огневая* (вместо ‘огневая болезнь’ (инфекционная болезнь с высыпаниями на коже)).

Особая нагрузка ложится на глаголы и фразеологизмы (*становые жилы свело, глазъ вышибло лѣвой и лобъ изломало, лежитъ при смерти*). Реже используются краткие прилагательные (*мой сынишка скорбен и увечен*). Полные прилагательные выполняли роль определения к слову ‘болезнь’ (*болѣзнь чечюйная*) или к названию симптомов болезней (*на руках опухоль великая*). Для уточнения автор прибегал к помощи предлогов и наречий – *по правой рукѣ ниже плеча по мышкѣ*; *межь болшого пальца*.

«Аптекарские сказки» представляли собой описания лекарственных средств (*корень ангеликовой, корень игирь, и те коренья годятся въ лекарство*); свойства лекарственных средств (*сырые травы, отъ которыхъ въ желудкѣ холодитъ, по-Латыни зовутся трава барага*); процедуру приготовления лекарственного средства с указанием точного количества (*а въ составѣ положено: ...водки гладышевы* 9 *золотниковъ, да цвѣту дерева самбуцыя* 2 *горсти, мочено и варено въ уксусѣ ренском своробориномъ*); рекомендации (*послѣ жилного отворенья добро кушать рыба свѣжея…а жареную рыбу поливать сокомъ лимоннымъ*).

«Аптекарские сказки» имели свой формуляр, включающий реквизиты, основную часть (перечисление лекарственных веществ с указанием количества вещества), заключительную (приготовление лекарства), построенных по схеме «возьми что-либо и приготовь по правилам».

Некоторые «аптекарские сказки» напоминали тексты компилятивного характера, но они отличались меньшим объемом, латинские названия сопровождались не только переводом, но и интерпретацией. Имела место реорганизация структуры, прежде всего, отказ от условной подчинительной связи в пользу сочинительной. Появились новые стилистические приемы.

На формирование документа «сказка» в России значительное влияние оказали медицинские тексты на латинском языке, которые уже имели некий «языковой стереотип». Это связано не только с гармонизацией межязыковых средств, которые имели греко-латинское происхождение, но и с организацией текста. Репрезентативные возможности у каждого автора индивидуальны, поэтому, так или иначе, имело место варьирование языковых средств, которое не являлось препятствием для информативности.

Анализ когнитивных механизмов формирования медицинской «сказки» показал, что этот вид медицинской документации практически сформировался.

Медицинская «сказка» отдаляется от других актовых документов, выполняя свою особую роль в языке медицины рассматриваемого периода. С одной стороны, логическая упорядоченность, строгость расположения языкового материала, клише оформляют формуляр. С другой стороны, языковая вариативность, непоследовательность номинаций раскрывают творческий потенциал автора текста не только в его способности создавать тексты, но и в умении постоянно варьировать и трансформировать имеющийся в его распоряжении языковой материал.

Литература

Виноградов В.В. История русского литературного языка. М.: Наука, 1978.
Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 2000.

Дювернуа А.Л. Материалы для словаря древнерусского языка. М.: Университетская типография, 1894.

Иванов В.В. О взаимоотношении динамического исследования эволюции языка, текста и культуры // Исследования по структуре текста. М.: Наука, 1978. С. 5-26.

Качалкин А.Н. Жанры русского документа допетровской эпохи. М.: Издательство Московского университета, 1988. Часть II.

Кронеберг И.Я. Латинско-российский лексикон. М.: Типография Семена Селивановского, 1834.

Российский Государственный Архив Древних актов (РГДДА). Фонд (Ф.) 143. Опись (Оп.) 2. (1629–1716).

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1912. Том III.

O.G. Olekhnovich (Ekaterinburg, Russia)
Ural State Medical University

COGNITIVE MECHANISMS FOR DEVELOPMENT OF THE MEDICAL TEXT "TALE" (BASED ON THE DOCUMENTS FROM THE PHARMACEUTICAL ORDER OF THE 17TH CENTURY)

The article presents the medical text "tale" from the standpoint of the cognitive paradigm at the stage of its inception. Based on the documents from "the Pharmaceutical Order" of the 17th century, the paper shows the general principles of organizing the text with a characteristic "language stereotype" and the features of various types of "tales" depending on the goal setting (doctor's, healer's, pharmacist's tales) with its own pragmatics and particular means.

Keywords: medical text, "doctor's tale", "healer's tale", "pharmacist's tale".

И.О. Онал *(Новосибирск, Россия)*
Новосибирский государственный технический университет
onal@corp.nstu.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ В ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ Р.Т. ЭРДОГАНА (2018)

В статье проводится анализ метафорических выражений, извлеченных из текстов публичных выступлений турецкого президента Р.Т. Эрдогана, на основе которых выделяются наиболее актуальные темы и концепты, отраженные в речах политического деятеля в период непосредственно до и после президентских выборов 2018 года и основные сферы-источники метафор, используемых для их осмысления и репрезентации.

Ключевые слова: метафора, когнитивная метафора, концептуальная метафора, политическая метафора.

Метафоричность является не только одним из главных признаков, но и нормой современного политического дискурса. Известно, что в современ-

ной лингвистике метафора рассматривается преимущественно как ментальная операция, как инструмент познания, структурирования и объяснения мира (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, А.П. Чудинов и др.). При таком подходе метафора – это механизм, позволяющий представлять одну сферу через другую, способ думать об одной содержательной области посредством понятий о другой области, уже освоенной человеком. В концептуальной метафоре задействованы сфера-цель и сфера-источник (целевой и исходный домены). Анализ метафорических моделей, используемых политическими деятелями, дает возможность выявить их цели и скрытые установки. Как подмечает А.П. Баранов, «скажи мне, какие метафоры ты используешь, и я скажу тебе, кто ты» [Баранов, Караулов 1991: 190].

Целью данного исследования является выявление и систематизация концептуальных метафор в официальных публичных выступлениях Р.Т. Эрдогана. Актуальность работы обусловлена важной ролью метафоры как средства идеологического воздействия, осуществляемого ведущими политиками на общество, а также недостаточной изученностью политической метафорики на турецком языковом материале.

Эмпирический материал представлен метафорическими сочетаниями и выражениями, извлеченными из текстов 4 публичных выступлений Р.Т. Эрдогана с сайта https://www.tccb.gov.tr/receptayyiperdogan/konusmalar/, как относящихся к предвыборному периоду, так и состоявшихся после выборов (инаугурационная речь и обращение к парламенту). Было выделено 49 метафорических контекстов, репрезентирующих референтные сферы (сферы-цели) «Турция», «Другие страны», «Политика», «Экономика». Для анализа была использована часть методики С.А. Жаботинской [Жаботинская 2016], а именно: 1) выделение метафор и распределение их по тематическим группам; 2) выделение концептов в составе целевых сфер (доменов); 3) определение сфер-источников (исходных доменов); 4) формулировка и описание метафорических моделей.

Сфера-цель «Турция» представлена концептами ТУРЦИЯ и ТУРЕЦКАЯ НАЦИЯ и репрезентируется следующими метафорическими моделями:

1. ТУРЦИЯ – ЧЕЛОВЕК

Türkiye'nin diz çökmesini bekleyenlere derslerini hep birlikte verdik. / *Мы преподали урок тем, кто хотел* ***поставить Турцию на колени***.

2. ТУРЕЦКАЯ НАЦИЯ – ЧЕЛОВЕК

Dün darbecilerin tanklarını, toplarını, uçaklarını, helikopterlerini, silahlarını ***çıplak elleriyle durduran bu millet***, *bugün* ***aynı ellerle*** istiklaline ve istikbaline *sahip çıkmıştır.* / *Эта нация, которая вчера* ***голыми руками остановила*** *танки, пушки, самолеты, вертолеты и орудия государственного переворота, сегодня* ***теми же руками*** *сохраняет свою независимость и будущее*.

Отметим, что метафорическая персонификация является довольно популярным средством репрезентации не только своей страны, но и других стран, а также обществ, сообществ, союзов и любых других объединений людей.

3. ТУРЦИЯ – РАСТЕНИЕ

Наиболее ярким примером данной модели является развернутая метафора в инаугурационной речи Р.Т. Эрдогана, в которой президент сначала упоминает о ***семенах***, которые ***взрастили*** сельджуки, а затем сравнивает Османскую им-

перию с ***молодым саженцем (genç bir fidan)***, превратившимся в ***крепкий платан*** (***ulu bir çınara*** *dönüştürdü)*.

Сфера-цель «Другие страны» представлена концептами СИРИЯ, ЗАПАД.

Например, ЗАПАД – ЧЕЛОВЕК: ***Ey Batı, bak*** *bizim kutsal kitabımıza saldırdıkça şunu biliniz ki biz sizin kutsallarınıza saldırmayacağız.* / ***О Запад, смотри,*** *когда вы нападаете на нашу священную книгу, знайте, что мы не будем [в ответ] нападать на ваших святых.*

Концепт ЭКОНОМИКА репрезентируется следующими моделями:

ЭКОНОМИКА – ИГРОВОЕ ПОЛЕ, например, обсуждаются ***экономические ловушки*** (**ekonomik tuzaklar**), которые нужно обходить; ЭКОНОМИКА – МОРЕ, СТИХИЯ: …tamamen ***kur üzerinden yürütülen saldırı*** **dal*gasını*** *tersine çevirmek için hayata geçirecek projelerimiz var. У нас есть проекты, которые будут реализованы, чтобы повернуть вспять* ***волну, атакующую курс [валют]***.

Концепт ПОЛИТИКА представлен такими моделями, как ПОЛИТИКА – ПУТЬ, ПОЛИТИКА – БОРЬБА, ПОЛИТИКА – СПОРТ, ПОЛИТИКА – СТРОИТЕЛЬСТВО:

1. ПОЛИТИКА – ПУТЬ

В основном данная метафорическая модель репрезентируется контекстами, из которых следует, что правительство Турции и турецкий народ вместе идут к светлому будущему, преодолевая препятствия на своем пути: *Bugün Rabbimize ve onun yarattıklarına, yani halka hizmet için bir* ***güzel yolculuğa hazırlanıyoruz***. / *Сегодня мы готовимся к* ***прекрасному путешествию****, чтобы служить нашему Господу и его творениям, людям*. Biz milletimizle **yola*çı*kmı*ş***, nice **engelleri** yine **milletimizle birlikte aşarak** bug*ü*nlere gelmi*ş* bir kadroyuz. / *Мы* ***отправились в путь*** *со своим народом и вместе* ***преодолели множество препятствий.***

2. ПОЛИТИКА – БОРЬБА

Традиционно в рамках данной метафорической модели представлены борьба за ценности, борьба с врагом, преступником или животным, в роли которого выступают террористы или оппозиция. Роль борца, в свою очередь, принадлежит руководству страны, действующему по поручению народа и совместно с народом: Allah*'ı*n yardımı ve milletimizin desteği yanımızda olduğu m*ü*ddetçe *ü*stesinden gelemeyeceğimiz tehdit, **kazanamayaca*ğ*ımız m*ü*cadele yoktur**. / *Пока с нами помощь Аллаха и поддержка нашего народа, нет угрозы, которую мы не можем преодолеть,* ***нет борьбы, в которой мы не можем победить.***

Отдельно приведем примеры метафорических выражений, используемых для отражения роли путчистов в рамках данной модели.

Vandallara ve **ihanet çetelerine** hep birlikte karşıkoyduk. / *Мы все вместе сопротивлялись вандалам и* ***бандам предателей.*** Метафорическое выражение «банда предателей» выполняет дисфемистическую функцию и является интертекстуальной, поскольку используется во многих речах Р.Т. Эрдогана применительно к лицам, принимавшим участие в попытке переворота в июле 2016 года (модель ПУТЧИСТЫ – ПРЕСТУПНИКИ). Путчисты также уподобляются животным, ***из лап*** которых правительству удалось

вытащить страну благодаря поддержке турецкого народа: *Ülkemizi… **darbecilerin pençesinden** hep birlikte kurtardık* (модель ПУТЧИСТЫ – ЖИВОТНЫЕ).

3. ПОЛИТИКА – СПОРТ

Kendi ***rekorlarımızı kırmak** için çalıştık. / Мы работаем над тем, чтобы **побить** собственные **рекорды**. Şimdi önümüzde yeni bir dönem var, başarı **çıtamızı**… iyice yukarıya **çıkardık**. / Теперь перед нами новая эра, … **мы подняли планку** успеха***.

4. ПОЛИТИКА – СТРОИТЕЛЬСТВО

Данная метафорическая модель используется как политиками «разрушителями», мечтающими строить новый мир заново, так и «продолжателями» и «усовершенствователями», стремящимися навести порядок [Чудинов 2001]. В речах Р.Т. Эрдогана обнаруживаются намерения, свойственные последним. Так, лидер Турции обещает *начать действия в соответствии **с архитектурой новой системы управления*** (***yeni yönetim sistemimizin mimarisine** uygun şekilde icraatlarımıza başlıyoruz*), а также совместно с народом ***построить** великую Турцию* (*büyük Türkiye'yi birlikte **inşa etmek***). Кроме того, президент неоднократно упоминает о ***крепком мосте из прошлого***, возведенного, чтобы новые поколения знали, откуда они, где они находятся и куда они хотят идти (**maziden** *atiye kuracağımız / kurduğumuz **güçlü köprü***).

Оппозиционеры, напротив, предстают в роли разрушителей, например:

*İnşallah 24 Haziran'da da milletimizle birlikte **yıkımekibine** hakettiği bir dersi bir kez daha vereceğimize inanıyorum. / Я надеюсь, что 24 июня мы вместе с нашим народом еще раз преподадим **команде разрушителей** урок, которого они заслуживают.*

Отдельно необходимо рассмотреть концепт ПРАВИТЕЛЬСТВО, для выражения которого кроме уже указанных выше моделей ПРАВИТЕЛЬСТВО – БОРЕЦ ЗА СВОБОДУ, ПРАВИТЕЛЬСТВО – СТРОИТЕЛЬ, ПРАВИТЕЛЬСТВО – ПОПУТЧИК используется сфера-источник СЛУЖБА, что может быть представлено как ПРАВИТЕЛЬСТВО – СЛУГА НАРОДА.

Milletimize **hizmet etmek için** yaptık, efendiliğe değil, özellikle millet **hizmetkar** olmaya geldik. / *Мы всегда занимались политикой ради Аллаха, чтобы **служить нашей нации**, и быть не хозяином, а **слугой***. Данная модель представлена 6 метафорическими выражениями и является конвенциональной для турецкой лингвокультуры, о чем свидетельствует в том числе, наличие устойчивого сочетания ***hizmet yarışı*** (***служебное соревнование***).

Как показывает проведенное исследование, в текстах выступлений турецкого президента преобладают конвенциональные метафоры. Наиболее продуктивной в рассмотренных речах Р.Т. Эрдогана является метафорическая модель ПОЛИТИКА – ЭТО ПУТЬ, насчитывающая 15 метафорических выражений, а наибольшую степень метафоризации имеют сферы-цели ПОЛИТИКА и ПРАВИТЕЛЬСТВО.

Литература

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. 193 с.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001. 238 с.

Жаботинская С.А. Концептуальные метафоры в публичных речах Барака Обамы и Владимира Путина // Когниция, коммуникация, дискурс. 2016. № 13. С. 43-91.

AK Parti Grup Toplantısında Yaptıkları Konuşma 08.05.2018. URL: https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/92824/ak-parti-grup-toplantisinda-yaptiklari-konusma.

AK Parti Genel Merkezinde Yaptıkları Balkon Konuşması 24.06.2018. URL: https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/94716/ak-parti-genel-merkezinde-yaptiklari-balkon-konusmasi.

Cumhurbaşkanlığı Göreve Başlama Töreninde Yaptıkları Konuşma 09.07.2018. URL: https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/94767/cumhurbaskanligi-goreve-baslama-toreninde-yaptiklari-konusma.

Cumhurbaşkanlığı Kabinesi Birinci Toplantısı Açılış Töreni'nde Yaptıkları Konuşma 13.07.2018. URL: https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/95917/cumhurbaskanligi-kabinesi-birinci-toplantisi-acilis-toreni-nde-yaptiklari-konusma.

I.O. Onal (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University

CONCEPTUAL METAPHORS IN PUBLIC SPEECHES OF RECEP TAYYİP ERDOĞAN (2018)

The article analyzes metaphorical expressions extracted from the texts of public speeches of Turkish president R.T. Erdogan. On the basis of these expressions the most relevant topics and concepts used in the speeches of the politician in the period immediately before and after the presidential elections of 2018 are identified as well as the main source domains of metaphors used for their interpretation and representation.

Key words: metaphor, cognitive metaphor, conceptual metaphor, political metaphor.

О.И. Опарина *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
РАНХиГС при Президенте РФ
oloparina@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЙ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕРНЕТ-ПУБЛИКАЦИЙ

Статья посвящена описанию тенденции презентации знаний в интернет пространстве, направленной на соединение «чистой» академической науки и проблем, обсуждаемых современным обществом. Рассматривается блендинг как способ подачи и организации информации, применяемый в диахронии, анализируются его механизм и цели.

Ключевые слова: академический дискурс, интернет, знания, наука, блендинг.

Знания, представление знаний и эффективный обмен ими – проблемы, находящиеся в фокусе внимания современной когнитивной науки. Любая мысль одевается в «языковые одежды», чтобы быть озвученной или сохраненной [Кубрякова 2004: 14]. Общепринято разграничение понятий *знание* и *информация*. Если последнее связано с текущими процессами познания действительности, включающими различные факты, чувства, сигналы, стимулы и т.д., то знания – это совокупность уже обработанных, категоризованных и упорядоченных данных, организованных в систему [КСКТ]. Один из способов приобретения знаний – образовательный процесс, суть которого состоит в передаче сведений / фактов в форме, удобной для их соответствующей интерпретации. Как отмечает Н.Н. Болдырев, для упрощения взаимодействия используются доминанты, которые подразделяются на содержательные, структурные и формально-языковые [Болдырев 2017]. Логические (структурные) доминанты способствуют активизации коллективных знаний о мире и соединения индивидуального опыта (знаний, полученных эмпирически) и коллективного. А формально-языковые, с одной стороны, препятствуют взаимопониманию, так как являются «пустыми» с точки зрения содержания [Болдырев 2019], с другой – создают некоторый «языковой маркер», отсылающий к определенному типу дискурса, определенному периоду времени. «Пустые» по смысловому наполнению клише в научном или публицистическом дискурсе обозначают логические переходы, отмечают структурные части. Даже усложняя понимание, эти доминанты создают своеобразную форму коммуникации, порою искусственно выстраивая иерархию общения.

Научный дискурс является формальным, стандартизированным как структурно, так и семантически. Во многих случаях, тексты предстают как результат творчества нескольких исследователей, часто представителей разных школ. В мировой практике выработан формат создания текстов, включающий структурную стратификацию, содержательное наполнение каждой из частей и языковые особенности для облегчения процесса познания. Однако автор / авторы стремятся найти такой способ подачи материала, который бы позволил сделать его понятным, привлекательным и мотивирующим к дальнейшему изучению рассматриваемой проблематики.

В данном случае уместно говорить о креативности профессиональной языковой личности. Согласно В.И. Заботкиной, «человек в добавление к новым комбинациям лингвистических знаков использует различные сенсорные модальности, которые он получает через зрение, слух, прикосновение ... и различные сенсомоторные проявления» [Заботкина 2019: 210]. Опираясь на публикации ученых, В.И. Заботкина указывает на два типа интеллекта относительно креативности языковой личности: подвижный (fluid) и кристаллизованный (crystallized) [Заботкина 2019: 211]. Кристаллизованный – «широта знаний человека и его способность использовать знание для решения определенных проблем» [Заботкина 2019: 211], т.е. своеобразная база междисциплинарных знаний и связей, закономерностей между этими знаниями, которые используются человеком для познания и сотворения нового. Подвижный интеллект – это интеллект первооткрывателей, «имеющих больше различных ассоциатив-

ных связей» [Заботкина 2019: 211], создающих новое, исследующих неизведанное.

Любая публикация предполагает корректную интерпретацию и творческую деятельность адресата. В зависимости от уровня и типа публикации она нацелена, как минимум, на кристаллизованный тип интеллекта, а как максимум – на творческое осмысление данных / идей. Целью данной статьи является рассмотрение способов и выявление тенденций представления знаний в современных интернет публикациях, содействующих точной интерпретации и стимулирующих интерес к предмету изысканий. Большинство современных журналов переходят в интернет формат с целью своей популяризации и доступности, привлекая людей с разным образовательным опытом, степенью вовлеченности в исследования. Многие специалисты имеют сайты, где обсуждают с читателями свои идеи. Интернет позволяет преобразовать научное общение в активный онлайн диалог. Постепенно, в зависимости от уровня журнала, изменяется формат научных публикаций, способы представления знаний.

В качестве материала изучения взяты статьи из Интернет-журнала, посвященные проблемам философии и мировоззрения [https://theconversation.com/us/topics/philosophy-234]. Сайт имеет значимый лозунг: “Academic rigor, journalistic flair” («*Академическая строгость, журналистский талант*»), что определяет изначально стиль публикаций и способ подачи материала. Анализ текстов показал ряд новых тенденций в представлении материала в академическом дискурсе. Авторы статей (из разных стран, академических и национальных школ) используют распространенный метод смешанных зон (blended space), однако задействуют иные концептуальные поля и ассоциативные связи для демонстрации закономерностей между различными знаниями, накопленными человеком.

Рассмотрим принцип формирования знаний на конкретном примере. Статья Joao B. Farias Junior “Hans Jonas’ Critique of the Modern Concept of Causality” [http://www.inquiriesjournal.com/articles/1327/hans-jonas-critique-of-the-modern-concept-of-causality] посвящена проблеме Causality / *Причинности* и ее понимания в трех философских концепциях. Информационная структура статьи построена по следующему принципу. Causality / *Причинность* помещается в центр повествования. В начале статьи объясняется само понятие *Причинности*. Оно характеризуется такими словами, как being, dualism, the phenomenon of life, nature, comprehension of nature, death, heritage, habit, value, perception. Эти слова выступают ключевыми при описании каждой из трех концепций: Канта, Юма и Джоунса, образуя общую / смешанную зону (blended space), формируя структурное единство текста, подчеркивая общее в понимании *Причинности*, объединяя философов, относящихся к разным эпохам. В заключительной части статьи соединяется философия как абстрактная академическая наука и проблемы современной жизни, обсуждаемые в политической сфере, средствах массовой информации. Слова и клишированные словосочетания, звучащие в медийном пространстве (liberty, freedom, uniting humanity with nature, value), и ключевые слова, объясняющие философские концепции, объединяются и частично совпадают. Так происходит объединение «высокой» науки / академиче-

ского дискурса и публицистического дискурса, обсуждающего актуальную проблематику современной жизни.

Подобный принцип организации материала можно наблюдать и в другой статье, посвященной проблеме *любви*. Текст представляет соединение нескольких типов дискурса из различных дисциплин: философского, художественного, исторического и социального / публицистического. Статья содержит три пласта: рассказ о конкретной исторической личности Аспасии; история Диотимы, персонажа диалога Платона «Пир», считающейся символом музы творческого человека и играющей важную роль в философской концепции Платонической любви; и описание вызовов сегодняшнего дня.

Ключевым словом, находящемся в смешанной зоне, является love. Общая зона образуется пересечением *любви* как абстрактного философского понятия (сфера академической науки), как романтического представления и чувства, испытываемого людьми в повседневной жизни (бытовая картина мира). Противоречивость и разноплановость такого сложного понятия, как *любовь*, выражена через противопоставления: the physical realm – higher ideals, education of the soul – the gratification of the body, the particular – the general, the transient – the permanent, the worldly – the ideal, conscious or unconscious. Автор дает бинарные пары, иллюстрируя аналогичную дихотомию в различных концептуальных полях. Интересно, что любовь рассматривается на конкретных персоналиях, выделяя роль женщины в формировании, интерпретации данного понятия и ассоциированных с ним эмоциях. Одновременно задействуются фрагменты художественного дискурса, рассказывая о конкретной судьбе исторической личности (в статье Аспасия – прототип Диотимы), далее выходя на популярную тему феминизма и роли женщины как ученого с рациональным мышлением. (The time is ripe to restore the beautiful, dynamic and clever Aspasia to her true status as one of the founders of European philosophy [https://theconversation.com/us/topics/philosophy]).

Как и в предыдущей статье, изложение материала носит диахронический характер: прошлое и современность даются как единое целое, демонстрируя преемственность понимания и восприятия многих моментов посредством создания «смешанной зоны», соединяя различные картины мира (бытовая, научная) и типы дискурсов. Такое изложение материала побуждает к дальнейшему изучению философов, поиску информации об упомянутых персоналиях, стимулирует последующие размышления, в результате – расширяются ассоциативные связи и задействуются междисциплинарные знания, что, исходя из теории креативности языковой личности, апеллирует и к кристаллизованному интеллекту, и к подвижному, соединяя различные сферы и типы дискурсов: академический и публицистический. В результате демонстрируется, что труды «высоких» философов имеют практическую ценность в настоящее время благодаря актуальности затрагиваемых вопросов.

Способ представления знаний посредством блендинга весьма распространен. Однако в научном дискурсе с целью упрощения когнитивных процессов принято объяснять сложное / абстрактное через простое / повседневное. Сайт журнала демонстрирует обратное: от теории / «чистой» науки к обсуждению современных актуальных вопросов, используя лексические единицы, порой являющиеся формальными клише, или формально-языковыми доминантами.

Такая особенность современных статей может быть объяснена редакционной политикой журнала, направленной на то, чтобы сделать «высокую» науку ближе к жизни, привлечь к ней внимание. Ключевую роль в этом играет интернет, используя различные типы дискурса в рамках одной работы. Выдвинутый лозунг «*Академическая строгость, журналистский талант*» способствует этому.

Литература

Болдырев Н.Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 5-14.

Болдырев Н.Н. Доминантный принцип концептуального взаимодействия в языковом общении // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. 38. С. 21-29.

Заботкина В.И. Когнитивные основы лингвистической креативности // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. 38. С. 208-216.

КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Philosophy news, research and analysis. URL: https://theconversation.com/us/topics/philosophy-234 (дата обращения: 21.12.2019).

O.I. Oparina (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration

SOME TENDENCES OF KNOWLEDGE PRESENTATION IN ACADEMIC DISCOURSE BASED ON INTERNET PUBLICATIONS

The article deals with the tendency of knowledge presentation observed in modern Internet publications. It is aimed at connecting the issues discussed in pure science and problems relevant in modern society. Blending/blended space and its mechanisms are considered as the way of knowledge presentation and organization used in diachrony.

Key words: academic discourse, Internet, knowledge, science, blending space.

О.Е. Павловская *(Краснодар, Россия)*
Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
oepa@mail.ru
И.Н. Пономаренко *(Краснодар, Россия)*
Кубанский государственный университет
irnik20@mail.ru
Н.А. Сегал *(Симферополь, Россия)*
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
natasha-segal@mail.ru

АНТИТЕЗА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОГНИТИВНОЙ ОППОЗИЦИИ *СИММЕТРИЯ / АСИММЕТРИЯ*

В статье рассматриваются особенности функционирования антитезы как составляющей когнитивной оппозиции симметрия / асимметрия. На примере художественной литературы, политических лозунгов и современных медиатекстов устанавливаются семантико-прагматические и манипулятивные характеристики антитезных высказываний с учетом их трансформационного потенциала в текстах разных жанров. Доказывается значимость фигур речи при моделировании современной медиареальности.

Ключевые слова: антитеза, когнитивная оппозиция, симметрия, асимметрия, медиатекст.

Лингвокогнитивный подход к исследованию языка, лежащий в основе ключевых лингвистических направлений начала XXI века, предполагает не только расширение спектра исследуемых категорий, но и более углубленное их изучение. Особенно очевидным это становится при комплексном анализе фигур речи, которые, реализуясь в пространстве языка, из средства украшения текста превращаются в мощный инструмент манипуляции общественным сознанием. Предлагаемая статья посвящена установлению особенностей функционирования антитезы как составляющей когнитивной оппозиции *симметрия / асимметрия* в художественном тексте и медиапространстве.

Известно, что в языке единство симметрии и асимметрии проявляется в широком аспекте: от категориально-семантических отношений лексических единиц до его реализации в смысловом пространстве текста. Классическим примером симметричной фигуры может считаться известная еще в античной риторике *антитеза*. Значимым является тот факт, что в данной фигуре реализуются симметрийные понятия не одного порядка: антитеза симметрична с точки зрения структуры, но антисимметрична в аспекте содержания. Универсальность вселенского принципа симметрии с помощью этой стилистической фигуры позволяет создать емкий образ и объясняет высокую частотность ее использования в художественном тексте (напр., *Ты и убогая, // Ты и обильная, // Ты и могучая, // Ты и бессильная*… Н.А. Некрасов; *Поэтом можешь ты не быть, // Но гражданином быть обязан*…Н.А. Некрасов; *Полюбил богатый – бедную, // Полюбил ученый – глупую, // Полюбил румяный – бледную, // Полюбил хороший – вредную, // Золотой – полушку медную*… М. Цветаева).

Эмоциональный заряд, заложенный в антитезных высказываниях, обусловливает высокую частотность их реализации не только в художественной лите-

ратуре, но и в текстах политической направленности, нацеленных на манипулирование сознанием массового адресата. Активное использование подобных конструкций наблюдается с конца XVIII века. Так, на антитезе построен весьма популярный лозунг времен Великой Французской Революции 1789 года «Мир хижинам – война дворцам»; широкий спектр лозунгов, основанных на антитезе, наблюдается в советском пространстве в период Великой Октябрьской Социалистической Революции 1917 года («Кто был никем, тот станет всем!»).

Для современного медиапространства характерно явление вторичной антитезы, при котором на первом этапе журналист выбирает из литературного произведения известное высказывание, содержащее два слова или две группы слов, связанных между собой отношениями лексической или контекстуальной антонимии, и на втором этапе транслирует данное высказывание в медиатекст. Используясь в контекстах, подобные конструкции усиливают эмоциональную нагруженность статьи и подчеркивают высказываемую с ее помощью мысль. Как показал анализ, наиболее часто источником антитезных конструкций в медиатекстах являются названия классических литературных произведений, среди которых *«Война и мир», «Преступление и наказание», «Принц и нищий», «Отцы и дети», «Волки и овцы», «Толстый и тонкий», «Живые и мертвые»* и др. Апеллируя к художественным текстам, авторы текстов медийных все чаще используют антитезные конструкции в их исходном или трансформированном виде, при этом бесспорной представляется их когнитивная составляющая, обусловленная манипулятивным потенциалом современного медиапространства. Актуализация построенных на антитезе конструкций связана с усилением смысловой и стилистической нагрузок текста и, как правило, достигается за счет трансформаций. Очевидно, что трансформация делает стандартную речевую формулу экспрессивной, способствует созданию эффекта новизны. При функционировании антитезы в медиатекстах отмечаются различные виды трансформаций содержания и структуры, которые и определяют характер ее влияния на контекст.

Как показал анализ русскоязычных медиатекстов, антитезные конструкции со сферой-источником «художественная литература» можно распределить на следующие группы:

1) конструкции, сохранившие свою форму, но получившие контекстное продолжение;

2) трансформированные конструкции.

Остановимся на анализе языковых фактов более подробно.

Наиболее характерным для медиатекстов является расширение конструкции, при котором антитезное высказывание становится стержневым компонентом конструкции. Зависимый компонент, как правило, стоит после антитезного высказывания и имеет уточняющее значение: ***«Война и мир» в российской политике США***. *Сенатор-республиканец и однопартиец Дональда Трампа Джон Маккейн подверг своего президента жесткой и нелицеприятной критике из-за публикации в* The Washington Post (РИА.Новости, 24.07.2017); ***Принц и нищий в российской политике****: мнение* (Iarex.ru, 15.07.2011); ***Преступление и наказание:*** *в Украине предлагают наказывать*

за манипуляции в СМИ (Polit.ua, 13.09.2017); ***Отцы и дети в политике****: власть по наследству* (Golos.ua, 20.03.2013); ***Волки и овцы грузинской политики****: соратники Саакашвили грозят революцией* (ИА Regnum, 09.09.2019).

Менее частотным представляется реализация антитезного высказывания в качестве зависимого компонента. В таком случае конструкция приобретает уточняющее значение и стоит в постпозиции по отношению к определяемому компоненту: *Выборы в Испании:* ***отцы и дети****. Движение новых левых Podemos добилось рекордного результата на выборах в Испании* (expert.ru, 21.12.2015); *Россия и допинг:* ***преступление и наказание*** (Лига.net, 10.12.2019).

Трансформация конструкции, построенная на замене одного из компонентов пары, включает элементы языковой игры и может происходить на различных уровнях:

1) **грамматическом**

– изменение грамматической формы числа (***Принц и нищие:*** *Савченко рассказала сказку про президента и украинцев* (ZNAJ.UA, 06.06.2019));

– присоединение отрицательной частицы (***Принц не нищий:*** *на что живет королевская семья Британии* (msn.новости, 29.04.2018));

– присоединение предлога (*Хищение топлива:* ***преступление без наказания?*** (Daily-NN, 27.12.2019)).

2) **лексическом**

– замена одного из стержневых компонентов конструкции (***Война и перемирие:*** *почему не работают минские соглашения* (Крым.реалии, 22.12.2017)).

Кроме грамматических и лексических трансформаций, для антитезных высказываний, построенных на названиях классических литературных произведений, характерны и иные языковые процессы. Так, освещение резонансного дела сестер Хачатурян вышло под заголовком «***Три сестры: преступление без наказания?***» (newsarmenia.am, 28.06.2019), построенном по контаминированной модели: соединение исходного названия известной пьесы А.П. Чехова и трансформированного названия романа Ф.М. Достоевского.

Антитезные высказывания со сферой-источником «художественная литература» в медиатекстах способны разворачиваться в образные сценарии, что можно наблюдать, в частности, на примере следующего контекста: ***Политическая концепция России: волки и овцы.*** *Разделение нации на волков и овец – суть политической концепции позднего Советского Союза. Я имею в виду СССР версии 3.0: хрущевский и далее, вплоть до Горбачева. Поясню суть идеи еще раз: нация делится на меньшинство – волков, которые имеют власть, то есть имеют право на насилие, и на большинство – овец, предельно беззубых и права на насилие не имеющих* (greenorc.com, 25.12.2015).

Таким образом, анализ текстов разных жанров позволяет говорить о ценности и значимости антитезы не только как стилистической фигуры, построенной по законам универсального принципа симметрии, но и как мощного средства манипуляции с широким трансформационным потенциалом. Комплексные исследования, аккумулирующие классические фундаментальные знания о фигурах речи и их изучение с позиции когнитивного подхода, являются одним из перспективных направлений лингвистики начала XXI века и требуют пристального внимания.

Литература

Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Едиториал УРСС, 2001. 360 с.

Васильев Л.М. Семантические, грамматические и когнитивные категории языка // Языковая семантика и образ мира: тезисы международной научной конференции. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1997. Кн. 1. С. 3-4.

Водак Р. Взаимосвязь «Дискурс-общество»: когнитивный подход к критическому дискурс-анализу // Современная политическая лингвистика / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2006. С. 123-136.

Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиасеть. М., 2008. 203 с.

Клушина Н.И. От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж, 2011. Вып. 9. С. 26-33.

Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии: монография. Екатеринбург, 2013. 176 с.

O.E. Pavlovskaya (Krasnodar, Russia)
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin
I.N. Ponomarenko (Krasnodar, Russia)
Kuban State University
N.A. Segal (Simferopol, Russia)
V.I. Vernadsky Crimean Federal University

ANTITHESIS AS A COMPONENT OF THE COGNITIVE OPPOSITION OF SYMMETRY / ASYMMETRY

The article discusses the features of the functioning of the antithesis as a component of the cognitive opposition symmetry / asymmetry. On the example of fiction, political slogans and modern media texts, semantic, pragmatic and manipulative characteristics of antithesis expressions are established taking into account their transformational potential in texts of different genres. The importance of figures of speech in modeling modern media reality is proved.

Key words: antithesis, cognitive opposition, symmetry, asymmetry, media text.

Л.А. Панасенко *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
laptop74@mail.ru
А.Г. Самарина *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
stasyasamarina1994@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩЕГО ПОТЕНЦИАЛА КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматривается когнитивная основа реализации интерпретирующей функции лексических единиц в рекламном тексте. В качестве схемы интерпретации предлагается концептуально-тематическая область. Активизация ее интерпретирующего потенциала обеспечивается действием когнитивных механизмов.

Ключевые слова: лексические единицы, рекламный текст, когнитивный механизм, интерпретация, концептуально-тематическая область.

Когнитивные исследования языка, направленные на изучение его природы и функций в тесной взаимосвязи с процессами человеческого мышления, показывают, что язык не только выступает средством категоризации человеческого опыта, но и является инструментом организация и структурирования сознания человека. В основе динамики концептуального пространства лежат разного рода операции со структурами знания, обеспечивающие формирование новых концептуальных структур. При этом объективация этих когнитивных процессов осуществляется в ходе реализации интерпретирующей функции языка, когда первичная рубрикация знания, отраженная в языковых категориях, становится основой для генерирования нового знания, оценок и мнений [Болдырев 2019]. Так, в качестве схемы интерпретации может выступать концептуально-тематическая область, получающая языковую репрезентацию в формате лексических категорий и являющаяся когнитивным контекстом формирования конкретных смыслов [Болдырев 2019]. Именно лексические категории, отражая результат освоения и систематизации окружающего мира человеком, представляют осмысляемые объекты и явления во всей их структурной сложности и взаимосвязи друг с другом.

Лексические единицы, как объекты категорий, употребляемые в дискурсе в их вторичном осмыслении, служат транслированию интерпретирующих структур знания, в том числе, и оценочного характера, что становится возможным в ходе концептуальной деривации, т.е. активизации когнитивных механизмов, обеспечивающих соответствующее конфигурирование первичного знания.

Интерпретирующий аспект языкового мышления может по-разному проявляться в дискурсивной реализации, служить текстообразующей функции в целом (ср.: система образов в художественном тексте, система метафор в политическом или научном дискурсах). Функциональная направленность текста определяет характер реализации интерпретирующего потенциала языковых единиц. Так, в частности, рекламный текст характеризуется активным использованием лексических единиц в их вторичном употреблении для создания эффекта экспрессивности, что отвечает доминантной функции рекламного текста – функции воздействия на получателя рекламы.

Рекламный текст понимается как совокупность аудио-визуальных средств, направленных на реципиента в целях оказания запланированного воздействия, прямо или косвенно связанного с объектом рекламирования [Тюрина 2009: 2]. Конечной целью рекламы является реакция потребителя: познавательная, эмоциональная или поведенческая. Реклама направлена на установление связи с адресатом или группой адресатов по определенному параметру с целью формирования особых знаний, образов, положительного отношения к объекту рекламы в сознании адресата и, следовательно, для создания нужных форм поведения. В связи с этим целью рекламного текста с когнитивной точки зре-

ния можно считать изменение модели мира адресата при помощи передачи ему некоторого ментального содержания, обобщаемого в языковых единицах [Гирняк 2011: 11-12]. Интерес к изучению процессов воздействия на знания, мнения и ценностные установки получателя рекламного текста делает рекламу актуальным объектом когнитивных исследований.

Когнитивный компонент рекламного текста связан с тем, как рекламная информация воспринимается человеком. Особым свойством восприятия является профилирование. По мнению Р. Лэнекера, профилирование – процесс выделения главного и второстепенного – профиля (profile) и основания (base) [Langacker 1991]. Именно этот когнитивный процесс лежит в основе построения рекламного текста и организации его ментальной модели, заключающийся в выводе в фокусное пространство рекламного текста таких компонентов, как свойство рекламируемого товара, как прагматически релевантной характеристики для получателя рекламы, или качество, приобретаемое самим потребителем рекламируемого товара. Выделенные компоненты должны быть положительно значимы для получателя рекламы. Их вербальная подача в рекламном тексте в формате ценностных максимумов может осуществляться в ходе активизации интерпретирующих структур знания, стоящих за первичными значениями лексических единиц.

Анализ фактического материала показывает, что областями-источниками модусного осмысления фокусных компонентов рекламы, как правило, являются концептуально-тематические области, представляющие онтологию мира: «животный мир», «растительный мир», «человек», «артефакты», «явления природы», «неживая природа». Лексические единицы, репрезентирующие эти области, обладают определенным интерпретирующим потенциалом для пользователей рекламных текстов, выступают соответствующими ценностными ориентирами в их языковой картине мира и ввиду этого являются средством объективации создаваемой модусной рамки.

С точки зрения стилистического аспекта лексические единицы в их вторичном употреблении выступают языковыми средствами экспрессивности – одного из параметров рекламного текста. С точки зрения когнитивного аспекта такое функционирование, порождающее вторичные смыслы, представляет собой процесс концептуальной деривации, который обеспечивается работой таких когнитивных механизмов, как метафора, метонимия, метафтонимия, сравнение и др.

Метафора как когнитивный механизм, для которого в общем плане характерно установление связи между концептами, принадлежащими к разным областям [Lakoff, Johnson 1980: 5], является наиболее частотным способом концептуальной деривации, обеспечивающим создание модусной рамки «высвеченных» компонентов. С точки зрения процесса интерпретации «метафора основывается на одновременной активизации двух областей, при этом область-источник выступает как область интерпретирующего знания, а область-мишень – как интерпретируемая область» [Панасенко 2014: 92]. Учитывая концептуально-тематическую специфику области-источника интерпретации можно выделить разновидности этого механизма: синестезию, гиперболизацию, персонификацию. Так, при синестезической

метафоре областью-источником выступают качества модальностей чувственного восприятия, например:

1. *Бархатные ручки. Превосходная забота о нежности и молодости рук* [БС – реклама крема для рук].

В данном примере синестезическая метафора реализуется на основе сходства возникающих ощущений при взаимодействии с рекламируемым товаром и ощущений пережитого физического опыта, закрепленного за словом *бархат*.

Гиперболизация предполагает, что источником модусного осмысления выделенных компонентов становится структура знания, содержащая количественный компонент, который в интерпретирующей структуре интенсифицирует качественный компонент, например:

2. *Внимание! Фруктовый шторм!* [БС – реклама сока Justo].

Персонификация реализуется при активизации в качестве области-источника интерпретации области «человек», например:

3. Smart money knows where to go [БС – реклама CITYBANK].

Таким образом, лексические единицы, выполняющие интерпретирующую функцию в рекламном тексте, служат средством экспрессивности и способствуют реализации его коммуникативной направленности. Когнитивным основанием при этом выступает активизация концептуально-тематической области как схемы интерпретации концептуального пространства рекламного текста, что обеспечивается действием когнитивных механизмов.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Гирняк Е.М. Лингвокогнитивный анализ рекламных текстов: сопоставительный аспект (на материале китайской и русской рекламы): автореф. дис. … канд. филол. наук. Омск, 2011.

Панасенко Л.А. Интерпретирующий потенциал лексических категорий: дис. … д-ра филол. наук. Тамбов, 2014.

Тюрина С.Ю. О понятиях рекламный дискурс и рекламный текст // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. 2009. № 1. С. 1-3.

Langacker R.W. Concept, Image and Symbol: the Cognitive Basis of Grammar. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991.

Lakoff G., Johnson *M*. Metaphors We Live By. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980 (2008).

БС – База слоганов Textart.ru. URL: http://www.textart.ru/baza/slogan/list.html.

L.A. Panasenko (Tambov, Russia)
Tambov State University named after G.R. Derzhavin
A.G. Samarina (Tambov, Russia)
Tambov State University named after G.R. Derzhavin

COGNITIVE MECHANISMS OF REALIZING THE UNTERPRETATIVE POTENTIAL OF CONCEPTUAL-THEMATIC DOMAIN IN ADVERTISING TEXT

The article considers the cognitive grounds of realizing the interpretative function of lexical units in the advertising text. Conceptual-thematic domain is proposed as the schema of interpretation. Actualization of its interpretative potential is due to the cognitive mechanisms.

Key words: lexical units, advertising text, cognitive mechanism, interpretation, conceptual-thematic domain.

Л.В. Пахомов *(Пермь, Россия)*
Пермский государственный национальный исследовательский университет
pahomov_l@mail.ru
Е.В. Ерофеева *(Пермь, Россия)*
Пермский государственный национальный исследовательский университет
elenerofee@gmail.com

АЛГОРИТМ МОДЕЛИРОВАНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ДИСКУРСА

Метафорическое пространство дискурса понимается как часть семантического пространства дискурса, образуемая сложными взаимоотношениями семантических пространств внутри области-источника и области-мишени во всем множестве метафор дискурса. Алгоритм построения метафорического пространства дискурса демонстрируется на примере вокально-педагогического дискурса.

Ключевые слова: когнитивная метафора, дискурс, метафорическое пространство, моделирование, вокально-педагогический дискурс.

Когнитивная метафоризация является механизмом человеческого мышления, позволяющим соотнести разные концептуальные сферы и организовать результаты опыта в единое целое.

Метафора как результат метафоризации при вербальном закреплении может рассматриваться как соотношение двух концептуальных областей (области-источника и области-мишени), которые фиксируются в определенных языковых значениях и/или семантических полях. Дискурс определяет типы переносов и, соответственно, структуру метафоры – набор фреймов и слотов область-мишени, набор фреймов и слотов области-источника, а также связи между данными фреймами и слотами.

Когнитивные модели (в частности, метафорические) структурируют ментальные пространства. В роли когнитивных моделей выступают ментальные сущности (пропозиции, концепты и концептуальные метафоры), причем «сущность в одном пространстве может быть связана с другими сущностями в других пространствах коннекторами» [Lakoff 1980].

Метафорические модели могут быть построены с различной степенью абстракции. Модель метафоры, отражающую наиболее детально межфреймовые связи метафор дискурса, мы назвали метафорическим пространством дискурса, под которым понимается часть семантического пространства дискурса, единое целое, основанное на сложном взаимоотношении семантических пространств источника и мишени, а также семантиче-

ских областей внутри этих пространств, во всем множестве метафор дискурса.

Моделирование метафорического пространства дискурса проводилось на примере вокально-педагогического дискурса. Вокально-педагогический дискурс представляет собой разновидность педагогического дискурса, реализующуюся при преподавании вокала. Его особенностями являются личностно-ориентированное общение между педагогом и учеником и высокая степень метафоричности речи в силу того, что зачастую необходимо описать непосредственно ненаблюдаемые процессы и явления.

Исследование метафор в вокально-педагогическом дискурсе проводилось в период 2013–2015 гг. Были проанализированы 8 аудиозаписей занятий по сольному пению. В качестве информантов были привлечены четыре преподавателя сольного пения Пермского государственного института культуры. Общее число метафор, выделенное в текстах, составило 465 метафорических выражений.

Моделирование метафорического пространства вокально-педагогического дискурса проводилось в несколько этапов. Кратко охарактеризуем каждый.

1. Определение фреймов и слотов области-источника и области-мишени вокальной метафоры.

На этом этапе определение слотов фреймов области-источника и области-мишени вокальных метафор проводилось на основании данных таких словарей, как «Толковый идеографический словарь русских глаголов» [Бабенко 2007] и «Большой толковый словарь русских существительных» [Бабенко 2005] под редакцией И.О. Бабенко.

2. Анализ объемов слотов и фреймов области-источника вокальной метафоры.

На этом этапе была выявлена частота слотов в структуре фреймов области-источника. В результате в структуре фрейма ДЕЙСТВИЕ самые частотные слоты – «физическое воздействие» (27%) и «качественное состояние» (18%). Высокая частотность слота «физическое воздействие» показывает, при постановке голоса педагогу требуется «воздействовать» на определенные органы, координировать их работу. Слот «качественное состояние» отражает пение как состояние, которое либо наличествует, либо его необходимо добиться, при котором необходима взаимообусловленная работа элементов вокального аппарата.

Когнитивная значимость слотов фрейма ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЙСТВИЯ следующая: наиболее частотные элементы – слоты «части тела» (27%) и «звук» (27%). Слот «части тела» наиболее важен в структуре фрейма, поскольку на начальных этапах постановки голоса необходимо обеспечить верную работу определенного элемента певческого аппарата. Слот «звук» характеризует пение как процесс, обладающий качествами звучания.

3. Анализ объемов слотов и фреймов области-мишени вокальной метафоры.

На этом этапе была выявлена частота слотов в структуре фреймов области-мишени. Ядро фрейма АКУСТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА составляет слот «тембр» (37%). Высокая частотность слота «тембр» показывает исключительную важность тембральных характеристик пения: ровности, близкого и объемного звучания, сфокусированности, полетности, яркости [Морозов 2002].

Ранжирование слотов внутри фрейма ФИЗИОЛОГИЯ ПЕНИЯ области-мишени показало следующие результаты. К ядерной зоне относятся слоты «работа органа / органов» (44%) и «положение органа / органов» (37,5%), что показывает значимость верной работы каждого органа и певческого аппарата в

целом и нахождение оптимального положения подвижных органов в процессе пения.

4. Построение многомерной модели метафоры в вокально-педагогическом дискурсе.

Многомерная модель включает все возможные метафорические переносы, т.е. соотношения слотов фреймов области-источника со слотами фреймов области-мишени. Приведем сводную таблицу, отражающую все метафорические переносы.

Таблица. **Сводная таблица частоты соотношений слотов фреймов области-источника и области-мишени вокальной метафоры, абс.**

ФРЕЙМЫ И СЛОТЫ ОБЛАСТИ-ИСТОЧНИКА	**ФРЕЙМЫ И СЛОТЫ ОБЛАСТИ-МИШЕНИ**												
	АКУСТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА	Общее качество зв.	Сила звука	Тембр	Регулярность волны	Воздушная среда	Высота звука	Темп	**ФИЗИОЛОГИЯ ПЕНИЯ**	Работа органа / органов	Положение органа / органов	Состояние органа / органов	Ощущение певца
ДЕЙСТВИЕ	**323**	**63**	**22**	**121**	**16**	**46**	**36**	**19**	**385**	**169**	**145**	**47**	**24**
Физиологич. действие	**19**	6	3	7		3			**22**	11	5	2	4
Интеллект. деятельность	**4**	1		3					**2**				2
Владение	**4**			1	1		2		**8**	2	4		2
Движение	**40**	4	1	13	1	7	12	2	**38**	12	**24**	1	1
Перемещение	**40**	4		13	3	15	4	1	**52**	14	**36**		2
Созидат. деятельность	**13**	6	1	2			2	2	**14**	6	**7**	1	
Физическое воздействие	**66**	6	6	**26**	5	10	8	5	**109**	**61**	**27**	18	3
Помещение	**27**	3		15	2	2	3	2	**26**	14	5	3	4
Качественное состояние	**53**	12	8	**20**	2	5	1	5	**62**	**20**	17	**20**	5
Фонация	**40**	19	1	14	1	2	1	2	**31**	17	14		
Социальная деятельность	**17**	2	2	7	1	2	3		**21**	12	6	2	1
ХАР-КА ДЕЙСТВИЯ	**345**	**65**	**28**	**129**	**15**	**49**	**38**	**21**	**410**	**178**	**153**	**53**	**26**
Вещество	**8**			1	1	5	1		**7**	5	1		1
Части тела	**43**	1	5	**37**				1	**127**	**57**	**44**	**24**	2
Форма	**32**	6	2	18	3	2		1	**46**	7	**25**	5	9
Физический объект	**22**	8	1	11		1	1		**24**	9	5	1	9
Качество	**20**	9	1	5	1	1	2	1	**14**	6	1	7	
Состояние	**72**	11	11	5	9	**32**	2	2	**81**	**40**	**30**	9	2
Звук	**108**	**27**	3	**33**	1	3	**26**	15	**62**	**42**	14	5	1
Место	**40**	3	5	20		5	6	1	**50**	13	33	2	2
ВСЕГО	**668**	**128**	**50**	**250**	**31**	**95**	**74**	**40**	**795**	**347**	**298**	**100**	**50**

Как видим, самые частотные соотношения «физическое воздействие» – «работа органа / органов» и «части тела» – «работа органа / органов» позволяют представить пение как процесс работы органов певческого аппарата, выделяемые как отдельные части тела, на которые можно физически воздействовать. Данные соотношения представляют ядро модели вокальной метафоры.

5. Анализ соотношения слотов и фреймов внутри области-источника вокальной метафоры и внутри области-мишени вокальной метафоры.

На данном этапе были выявлены наиболее частотные межфреймовые соотношения внутри ментальных областей.

6. Построение модели метафорического пространства вокально-педагогического дискурса, учитывающей все соотношения слотов.

Модель метафорического пространства показывает, что наиболее значимыми композициями слотов в вокально-педагогическом дискурсе являются две: 1) [«физическое воздействие – «части тела»] – «работа органов» и 2) «части тела» – [«тембр» – положение органа»]. Данные композиции слотов представляют тему дискурса в ее наиболее важных для данного типа дискурса связях.

Построение модели метафорического пространства дискурса позволяет наиболее детализировано представить все возможные соотношения слотов как между областью-источником и областью-мишенью (метафорические переносы), так и внутри области-источника и области-мишени метафоры.

Литература

Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. 576 с.

Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 864 с.

Морозов В.П. Искусство резонансного пения. Основы резонансной теории и техники / ИП РАН, МГК им. П.И. Чайковского. М., 2002. 496 с.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago Press, 1980. 231 p.

L.V. Pakhomov (Perm, Russia)
Perm State University
E.V. Erofeeva (Perm, Russia)
Perm State University

ALGORITHM OF MODELING MENTAL SPACE OF DISCOURSE

Metaphorical space of discourse is understood as a part of the semantic space of discourse formed on the complex relationships between the semantic spaces of the source-domain and the target domain as well as within these domains in the whole set of discourse metaphors. The Algorithm of modeling mental space of discourse is demonstrated on the example of vocal-pedagogical discourse.

Key words: cognitive metaphor, discourse, metaphorical space of discourse, vocal-pedagogical discourse.

Н.П. Потоцкая *(Сургут, Россия)*
Сургутский государственный университет
autumn.1991@mail.ru
Е.А. Нахимова *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский государственный педагогический университет
nakhimova@gmail.com

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ ИНДУСТРИИ КРАСОТЫ ПЕРИОДА ПАНДЕМИИ COVID-19[1]

В статье рассматривается специфика использования прецедентных феноменов при рекламе продуктов индустрии красоты в период пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19). При сопоставительном анализе рекламных текстов, представленных британскими, американскими и российскими бьюти-брендами преимущественно в социальной сети Instagram, выявляются основные особенности использования прецедентных феноменов для привлечения внимания потребителя в период пандемии.

Ключевые слова: прецедентные феномены, реклама, рекламный дискурс, Intsagram, индустрия красоты, COVID-19.

Зимой 2019–2020 года весь мир захватила пандемия новой коронавирусной инфекции (COVID-19), и это разделило многие сферы жизни человечества на периоды «до» и «после» начала пандемии. Экстремальные условия предопределили необходимость приспосабливаться и подстраиваться под них, меняя стратегии и методы достижения поставленных целей. Рекламный дискурс не стал исключением.

Стремительный переход большой части предприятий малого и среднего бизнеса, в том числе и компаний в сфере индустрии красоты, в режим работы home-office предопределил и увеличение количества онлайн рекламы в Интернет пространстве. При этом большая часть услуг, которые ранее оказывались массово в режиме оффлайн, перестала быть актуальной, так как карантин значительно ограничил мобильность покупателей, да и их потребности претерпели существенные изменения.

Цель нашего исследования – выявление специфики воздействия COVID-19 на рекламу бьюти-индустрии в период пандемии. Частотность использования прецедентных феноменов в исследованной выборке позволит сделать вывод и об актуальности применения данного лингвистического средства в рассматриваемом сегменте рекламного рынка.

Выборка рекламных текстов была произведена на основе постов и Stories, размещаемых в социальной сети Intstagram на страницах 84 *бьюти-брендов* в период с *01 февраля по 16 апреля 2020 года*. Это число включает в себя бренды, ориентированные на англоязычную аудиторию, их русскоязычных партнеров, а также на компании и торговые марки, известные лишь в русскоязычном сегменте рынка индустрии красоты. Количество просмотренных и проанализированных рекламных текстов – 155. Широта охвата аудитории не принималась во внимание, хотя и имела некоторое

[1] Статья подготовлена в соответствии с грантом РФФИ (проект № 19-012-00465)

влияние на использование прецедентных феноменов, связанных со сложившейся в мире ситуацией. При проведении исследования мы пользовались ***методами когнитивного*** и ***сопоставительного анализа*.**

Феномен прецедентности в целом, а также применение прецедентных феноменов в текстах, принадлежащих различным типам дискурса, широко освещается в современной отечественной лингвистике. Е.А. Нахимова и А.П. Чудинов считают, что «особый интерес представляют случаи, когда прецедентные феномены образуют в тексте своего рода систему, которой присущи сильные внутритекстовые и дискурсивные связи» [Нахимова, Чудинов 2016: 109]. С.И. Сметанина, рассматривая прецедентные феномены в медиатекстах, указывает, что они «интеллектуализируют изложение, формируют новые смыслы, своеобразно вводя событие текущей жизни в общеисторический и культурный контекст» [Сметанина 2002: 123]. Важно учитывать, что когнитивная база лингвокультурного сообщества находится в постоянной динамике, некоторые элементы выпадают из нее, «другие же, наоборот, входят в когнитивную базу, подчас занимая в ней центральное положение» [Гудков 2020: 10]. Рекламный дискурс весьма чувствителен «ко всем ситуативным, социальным, историческим и психологическим факторам» [Кушнерук 2013: 99].

Анализ нашей выборки показал, что яркой особенностью применения прецедентных феноменов в рекламных текстах индустрии красоты рассматриваемого периода стало активное использование сферы-источника «Пандемия и карантин». Наиболее яркие примеры из этой категории:

Stories бренда Jeffree Star Cosmetics (25.03.2020):

– Hello, **Quaran Queens**! What is your beauty routine?

Пост бренда Essence Cosmetics (14.04.2020):

– *We're so thankful* for all the digital kisses you guys sent & the love that was spread in times of #socialdistancing. Thank you all so much for participating in our **#kisstance** initiative.

Stories бренда Milani Cosmetics (17.04.2020):

– Keep calm and **self-care** on!

Бренды использовали такие прецедентные высказывания, как **quarantine, social distancing, self-isolation** в качестве пра-текстов. Необходимо обратить внимание на то, что подобное применение прецедентных феноменов не только привлекает внимание реципиента, но и приводит к вирусному использованию таких высказываний, активизируя тенденцию к появлению неологизмов. Количество прецедентных высказываний со сферой-источником «Пандемия, карантин» составило 43 единицы. Это значит, что 27,7% прецедентных феноменов воспользовались именно этой особенностью использования прецедентных феноменов в период пандемии.

Второй тенденцией, ярко формирующейся на фоне пандемии COVID-19, стало широкое распространение прецедентных высказываний со сферой-источником «Дом». Это связано с тем, что большая часть услуг индустрии красоты сейчас временно стали недоступны в очном режиме, но многие бренды поддерживают возможность формирования спроса на свои услуги дистанционно.

В эту категории попали следующие примеры рекламных текстов:

Stories от BH Cosmetics (13.04.2020):

– Tap to view our **RAVE at home**. GIVEAWAYWINNER!!

Пост от Benefit Cosmetics Russia (11.04.2020):

– benefit **#pillowchallenge**. Наша новинка – тональный стик #HelloHappyAirStick участвует в **#pillowchallenge**. Ведь он такой же воздушный и легкий как мягкая подушка! #benefitcosmetics #benefitrussia #iledebaute #sephorarussia

Привлекает внимание пост от Maccosmetics UK (03.04.2020):

– TRY IT ON **AT HOME**. This Friday, get glammed up from your living room. You can now try on 200+ shades at home with our NEW **virtual try on tool**… #**MACVirtualTryOn**.

Stories от Beauty Blender (17.04.2020):

– *Let's* **#BBHOMETOGETHER**. Friday 12PM EST IG STORY. How to get your 5 min ***"Zoom Face"*** glam with…

Бренды, использующие эту особенность применения прецедентных феноменов, опираются на такие прецедентные высказывания, связанные со сферой-источником «Дом», как **at home, stay at home, stay safe, *оставайтесь дома, берегите себя, безопаснее дома***. Эти прецедентные высказывания воспринимаются как связанные с пандемией, тогда как в недавнем прошлом они бы не рассматривались через призму прецедентности. Всего 78 единиц, составляющих 50,3% всех проанализированных текстов, определены в данную категорию.

В последнем примере Stories от бренда Beauty Blender встретилось такое прецедентное высказывание как **Zoom Face.** Прецедентные высказывания со сферой-источником «Цифровые технологии» составили третью категорию прецедентных текстов, наименьшую по размеру – 29 единиц (18,7% всех текстов).

В эту же категорию можно отнести пример поста от бренда Jeffree Star Cosmetics (11.04.2020):

– **Netflix & Chill**. *What's on your Netflix line up? @ryankellymua created* these lips using our #velourliquidlipstick in the shade Druglord #jeffreestarcosmetics.

Оставшиеся 5 прецедентных единиц – 3,2% всех проанализированных текстов – использовали какие-либо другие прецедентные феномены, не представляющие особого интереса для исследования. Подобные прецедентные высказывания использовались и до пандемии, поэтому особенностью рассматриваемого нами периода являться не будут.

Таким образом, мы можем заключить, что применение прецедентных феноменов не только осталось актуальным способом привлечения внимания реципиента в период пандемии, но и приобрело некоторые особенности. Прецедентные высказывания стали намного чаще основываться на пра-текстах, принадлежащих к двум основным сферам-источникам – «Пандемия, карантин» и «Дом». Причем, первая сфера-источник включает в себя меньшее количество прецедентных единиц по сравнению со второй, что вполне объяснимо. Именно эта сфера-источник имеет тенденцию стать негативно окрашенной, что не способствует возникновению эмоционального интереса к покупке у потребителя. Второй существенной особенностью стало появление неологизмов, тесно связанных именно с этой катего-

рией прецедентных высказываний. Третьей особенностью применения прецедентных феноменов в рекламе продуктов красоты в период пандемии стала активизация использования сферы-источника «Цифровые технологии». Период пандемии еще продолжается и способствует продолжению исследования данной темы, так как появление новых особенностей прецедентных феноменов всегда обусловлено историческими и культурными изменениями.

Литература

Гудков Д.Б. Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе: Лингвокультурологический словарь. М.: Ленанд, 2020. 200 с.

Кушнерук С.Л. Лингвистическое миромоделирование в рекламе. Челябинск, 2013. 295 с.

Нахимова Е.А., Чудинов А.П. Прецедентные феномены как доминантна идиостиля публициста // Филология и человек. 2016. № 2. С. 107-115.

Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб., 2002. 382 с.

N.P. Pototskaya (Surgut, Russia)
Surgut State University
E.A. Nakhimova (Ekaterinburg, Russia)
Ural State Pedagogical University

PRECEDENT PHENOMENA IN ADVERTISING DISCOURSE OF BEAUTY INDUSTRY DURING COVID-19 PANDEMIC

The article considers the specificity of using precedent phenomena in the advertisements of beauty industry products during the pandemic of the Novel Coronavirus Infection (COVID-19). By comparison and analysis of the advertisements represented by the English, American and Russian beauty brands predominantly on Instagram the main characteristic features of using the precedent phenomena as the means of attracting the consumer's attenttion during the pandemic are being outlined.

Key words: precedent phenomena, advertisement, advertising discourse, Instagram, beauty industry, COVID-19.

Н.Г. Рахматуллаева *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
rakhm@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ АНАЛОГИИ В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ С ПОЗИЦИЙ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЫ[1]

В статье обсуждаются новые возможности, которые открывает когнитивно-дискурсивная парадигма для изучения фразеологических неологизмов, основан-

[1] Исследование выполнено с использованием средств РФФИ в Московском государственном лингвистическом университете

ных на структурно-семантической аналогии. В частности, автором применяется методика для выявления и описания регулярных структурно-семантических моделей фразообразования, которая базируется на комбинации когнитивно ориентированных методов лингвистического исследования. Национально-культурную специфику выделенных моделей предлагается исследовать при помощи методов лингвокультурологии.

Ключевые слова: аналогия, фразеологизм, неологизм, структурно-семантическая модель, концептуальная схема, культурный код.

Явление аналогии как важнейший механизм языка и познания уже было предметом изучения античных мыслителей, например, Аристотеля. В античном «споре об аналогии и аномалии», размышляя над способами описания языковых форм, аналогисты предлагали трактовать формы, вписывающиеся в образец, как регулярные, а формы, не объясняющиеся действием аналогии, – как аномальные.

Представители школы младограмматиков придерживались противоположной точки зрения, считая аналогию причиной отклонений от главенствующих в языке фонетических законов. При этом, рассматривая аналогию в духе индивидуального психологизма, Герман Пауль отмечал роль ассоциационной связи между словами как причину возникновения языковой аналогии [Пауль 1960: 128].

Важная роль отводилась аналогии и в рамках структурализма. В этой связи знаменательно высказывание Фердинанда де Соссюра: «роль аналогии безмерно велика, ее воздействие сказывается повсюду» [Соссюр 1999: 173]. Ему же принадлежат соображения о когнитивной природе механизма аналогии (подробнее см. [Соссюр 1977: 213]). Существенный вклад в изучение языковой аналогии внес Леонард Блумфилд, который среди прочего предлагал при составлении традиционного аналогического уравнения не ограничиваться двумя членами, а расширять их число, наблюдая изменение нерегулярных парадигм под влиянием регулярных [Блумфильд 1968: 443].

Новый импульс исследование аналогии в языке получает в рамках современной, когнитивно-дискурсивной парадигмы. Согласно антропоцентрическому принципу когнитивистики, «человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, … он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели» [Кубрякова 1995: 212]. Такой подход позволяет привлекать к изучению языковых явлений данные различных научных дисциплин, в центре которых стоит человек, интегрировать лингвистическое и нелингвистическое знание.

В частности, когнитивное направление дает возможность понять глубинную сущность языковой аналогии и ее связь с мыслительной деятельностью человека. И здесь основополагающим является положение о *когнитивной* природе явления аналогии. Аналогия в языке возможна благодаря способности человека к ассоциативному мышлению, о чем пишет Е.С. Кубрякова (подробнее см. [Кубрякова 1987: 45]). Сложная и противоречивая природа аналогии в языке превращает ее то в упорядочивающий инструмент, то в фактор новаторства. Последний способствует обновлению языка на всех его уровнях.

Предметом настоящего исследования является структурно-семантическая аналогия в английской фразеологии. Применительно к фразеологическим средствам языка аналогия может рассматриваться как один из основных видов фразеологической деривации, т.е. образования новых фразеологических единиц (ФЕ) от существующих фразеологизмов по определенным моделям. Надо заметить, что с позиций системно-структуралистской парадигмы моделирование в сфере фразеологии допускалось лишь в плане описания [Кунин 1996]. С позиций когнитивизма становится возможным трактовать фразеологическую деривацию на основе аналогии как проявление лингвокреативной деятельности человека, направленной «на адаптацию кодифицированных единиц языка для решения определенной когнитивно-коммуникативной задачи в дискурсе» и ведущей к созданию различных инноваций, «возникающих в процессе языкотворчества на базе имеющихся ресурсов языка» [Рыжкина 2007: 27].

Номинативную модель структурно-семантической аналогии можно причислить к «модели выбора», предложенной Е.Г. Беляевской [Беляевская 2009: 17]. Такая модель передачи нового смысла отвечает задачам конкретного коммуникативного замысла и моделирует дальнейшее использование новообразования в дискурсе. Использование при этом когнитивных схем, представляющих образцы человеческого знания / опыта, позволяет понимать новые выражения в реальной коммуникации и *порождать новые знаки*.

Таким образом, «фразеологическая модель структурно-семантической аналогии создается регулярным сочетанием определенного подобия семантики соотносимых единиц с параллелизмом их лексико-грамматического построения» [Рахматулллаева 2015: 183]. Итак, при образовании новых единиц на основе уже имеющихся во фразеологической системе вырабатывается схема соединения означающего с означаемым. Эта схема делает возможным создание множества единиц, значение которых можно предугадать, зная исходный фразеологизм.

Структурно-семантическая аналогия во фразеологии представляет собой замену одного или нескольких компонентов исходного фразеологизма, например: grass widow → cyber widow, pumpkin widow. Изменение на уровне формы приводит к преобразованию значения, часть которого, включая структурирующую его концептуальную схему, заимствуется у исходной единицы, а часть изменяется под влиянием ассоциаций, привносимых новым компонентом. Так, ФЕ grass widow используется для обозначения замужней женщины, подолгу остающейся без мужа. В случае деривата cyber widow замена компонента grass на компонент cyber метафорически передает новую причину отсутствия мужа: компонент cyber, буквально связанный с киберпространством, указывает на пристрастие мужа к компьютеру. В новообразовании pumpkin widow замена нормативного компонента на pumpkin (тыква) объясняет причину отсутствия мужа выращиванием тыквы с целью участия в конкурсе огородников.

Алгоритм образования новых ФЕ по структурно-семантической аналогии, подобно другим языковым образованиям по аналогии, можно представить «как пропорциональное уравнение, отражающее идентичность смысловых отношений между элементами поверхностной структуры ФЕ-прототипа как репрезентантами стоящих за ними концептуальных элементов и соотносимыми с ними элементами деривата: a:b:c (ФЕпрот) = d:e:f (ФЕдер)» [Рахматуллаева 2015:

184]. Таким образом, при подобном моделировании происходит использование выработанной фразеологической системой схемы передачи смысла, включающей как формальные, так и семантические элементы (подробнее см. [Рахматуллаева 2015]). Примером могут служить фразеологизмы со значением «оказаться в трудной ситуации», например between Scylla and Charybdis и between the devil and the deep blue sea. В основе данной модели лежит метафорический образ нахождения между враждебными объектами, который передает идею затруднительности движения, интерпретируемую как «нахождение в тяжелом положении». На языковом уровне идея «контейнера», ограничивающего движение, реализуется посредством синтаксической конструкции – словосочетания с предлогом between. Лексическое наполнение фразы позволяет конкретизировать представление о враждебных объектах: во фразеологизме between Scylla and Charybdis – это мифические явления (Scylla и Charybdis), а во фразеологизме between the devil and the deep blue sea – дьявол как средоточие вселенского зла и морская стихия (the devil и the deep blue sea).

Языковая репрезентация моделей структурно-семантической аналогии, как правило, носит выраженные национально-культурные черты, т.к. она отражает особенности схематизации опыта и национальной картины мира. С этой точки зрения новые перспективы для исследования структурно-семантической аналогии открывает система принципов и методов, разработанных в русле лингвокультурологического направления. Так, теория культурных кодов В. Н. Телии применительно к фразеологии позволяет изучать новообразования по структурно-семантической аналогии в терминах различных культурных кодов и проследить, как в процессе концептуализации культурный код «вплетается» в языковой знак и образует его культурную семантику [Ковшова 2008: 60]. К примеру, показательно регулярное апеллирование к христианскому коду в английской фразеологии [Рахматуллаева 2018]. Другой пример – концептуализация понятия «колеблющийся избиратель» в британской и американской фразеологии, где применяются различные модели структурно-семантической аналогии, отражающие мироощущения соответствующих культур. В Британии классовое разделение зависит не столько от состоятельности, сколько от иных социальных факторов, так что в фокусе номинаций оказывается, например, место проживания (**Essex** man, **Worcester** woman), марка автомобиля (**Mondeo** man, **Nissan** man, **Volvo** man), излюбленный напиток (**Bacardi Breezer** generation, **Lambrini** Ladies) и т.д. В американском обществе материальная сторона имеет решающее значение в определении социального статуса, поэтому в основе номинаций лежит вид деятельности отца / матери семейства (**office-park** dad, **soccer** mom, **stay-at-home** mom, **waitress** mom и др.) [Рахматуллаева 2016].

Литература

Беляевская Е.Г. Словообразовательная модель в структурной и когнитивной лингвистических парадигмах (традиционный подход vs когнитивный подход) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Языкознание. 2009. Вып. 549. С. 13-23.

Блумфильд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968.

Ковшова М.Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры // Известия РАН. Серия Литературы и языка. 2008. Т. 67. № 2. С. 60-61.

Кубрякова Е.С. Размышления об аналогии // Сущность, развитие и функции языка / под ред. Г.В. Степанова. М.: Наука, 1987. С. 43-51.

Кубрякова Е С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 144-238.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа; Дубна: Феникс, 1996.

Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во ИЛ, 1960.

Рахматуллаева Н.Г. Когнитивные основания структурно-семантической аналогии во фразеологии английского языка: дис. … канд. филол. наук. М., 2015.

Рахматуллаева Н.Г. Лингвокультурологический аспект структурно-семантической аналогии во фразеологии английского языка // Лингвокультурологические исследования. Язык лингвокультурологии: Теория vs. эмпирия. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 287-291.

Рахматуллаева Н.Г. Христианские образы в моделях структурно-семантической аналогии в английской фразеологии // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, М.Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2018. С. 304-309.

Рыжкина Е.В. Когнитивно-номинативные и социокультурные основания семантики английских сверхсловных ретронимов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Лингвистика. 2007. Вып. 537. С. 27-44.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.

N.G. Rakhmatullaeva (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

THE COGNITIVE-DISCURSIVE PERSPECTIVE ON STRUCTURAL AND SEMANTIC ANALOGY IN ENGLISH PHRASEOLOGY

The article discusses the prospects of investigating into idiomatic neologisms based on structural and semantic analogy in terms of the cognitive-discursive paradigm. In her study the author applies a new, cognitive orientated methodology that makes it possible to work out regular patterns of creating English nonce phrases by analogy with conventional idioms. Culture-specific properties of such patterns are explored with the help of methods suggested by linguocultural studies.

Key words: analogy, idiom, neologism, nonce phrase, structural and semantic patterns, mental structure, cultural code.

Т.А. Рохлина *(Рязань, Россия)*
Рязанский государственный радиотехнический университет им. В.Ф. Уткина
t_rokhlina@mail.ru

“LIEBER GESELLE, DAS MEINTE ICH NICHT SO”, ИЛИ НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ В КОМИЧЕСКИХ РАССКАЗАХ О ТИЛЕ УЛЕНШПИГЕЛЕ

Статья посвящена исследованию комического эффекта в шванках о Тиле Уленшпигеле, приписываемых немецкому автору Герману Боте. Ранее комизм шванков был изучен в когнитивно-коммуникативном аспекте и с позиции теории референции, в настоящей работе производится более детальный анализ именования текстовых референтов, участвующих в создании комического эффекта, приводится классификация способов их номинации.

Ключевые слова: номинация, референция, кореференция, проблемы непонимания, комический эффект, шванк.

Исследование языковой стороны проявления комизма предоставляет нам информацию об основаниях его возникновения, связанных с познанием и восприятием мира участниками речевой ситуации. Изучение комического текста как материального продукта и его категорий позволяет сделать выводы о некоторых аспектах мышления участников речевой ситуации, представленной в данном тексте.

При рассмотрении немецких шванков с текстограмматических позиций и в когнитивно-коммуникативном аспекте было выявлено, что комический эффект обусловлен непониманием коммуникантов, которое в свою очередь возникает при несовпадении референтной структуры текста с экстралингвистической ситуацией [Рохлина 2020: 164-165]. Имя референта и его сопроводители являются в тексте индикатором, позволяющим установить точку непонимания коммуникантов, в которой мыслимые объекты получают в речи неадекватное именование. Установление способов номинации референта, приводящих к непониманию, является целью настоящего исследования.

В коммуникативной ситуации произведения важным для понимания персонажей-коммуникантов является идентифицирующая референция, достигаемая путем идентифицирующей номинации, то есть номинации «с опорой на наиболее различительные индивидуальные признаки объекта» [Арутюнова 1977: 194]. В шванке, где один персонаж пытается обмануть другого (умышленное введение в заблуждение) или происходит коммуникативная неудача, ситуация непонимания основана на ошибке при идентификации объекта действительности, именуемого определенным образом [Рохлина 2020: 61]. В первую очередь, номинация затрагивает предметы, но также отмечаются случаи нарушенной кореференции глагола, где ключевую роль в создании комического эффекта играет номинация действия, номинация пациенса и дейктические слова, указывающие на него [Рохлина 2020: 92-93].

Предметы и действия в комических текстах могут получать наименования путем прямой и непрямой номинации. Если под прямой номинацией

понимается «форма, которая используется в своей первичной функции для обозначения данного объекта в данных условиях» [Гак 1977: 243], то под вторичной номинацией понимается форма, использующаяся «для обозначения иных объектов или выполнения иных функций» [Гак 1977: 243].

В шванках о Тиле Уленшпигеле комизм слова (в понимании Т.А. Рохлиной см. [Рохлина 2020: 26]) заключается в столкновении прямой и непрямой номинации, когда одно и то же имя отсылает коммуникантов к разным мыслимым объектам, действиям или ситуациям. В процессе такой коммуникации происходит ошибочная идентификация референта адресатом, поэтому зачастую в срединной части шванка появляется реплика одного из персонажей: “Lieber Geselle, das meinte ich nicht so” / «Дорогой друг, я имел в виду не это», после которой следует разъяснение, и идентификация объектов персонажами-коммуникантами становится однозначной и безошибочной.

Рассмотрим способы номинации референтов, приводящих к комическому эффекту.

1. Наиболее частый способ номинации, создающий комический эффект – это вторичная (или непрямая) номинация, в которой актуализируются разные значения полисемантического слова [Киосе 2012: 19].

Уленшпигель, изгнанный герцогом из своей земли (герцогства), покупает у крестьянина телегу с землей, садится в нее и встречает герцога:

*“Da sprach der Herzog: ‘Eulens*piegel, ich hatte dir **mein Land (1)** verboten. *Wenn ich dich darin fände, wollte ich dich henken lassen‘. Eulenspiegel sagte: ‚Gnädiger Herr, ich bin nicht in* **Euerm Land (2)**, ich sitze in **meinem Land (2)**, **das *ich gekauft habe für einen Schi*lling** *‘“.*

Средствами именования референтов в тексте является имя существительное ‘Land’. В тексте использованы следующие значения полисемантического слова (согласно Duden.de): в первом случае (1) – ‘nutzbares Stück Erdboden; bebautes, genutztes Gelände; Ackerboden‘ – в реплике Уленшпигеля; во втором (2) – ‘politisch selbständiges, von Grenzen umgebenes Gebiet; Staatsgebiet; Staat‘ – в реплике герцога. Средствами снятия непонимания, компонентами, указывающими на индивидуальные свойства объекта, являются притяжательное местоимение ‘mein’ и придаточное определительное предложение в реплике Уленшпигеля.

Описанное явление характерно не только для употребления имен существительных, но и для глаголов:

“Der Schneider nahm den Rock und die losen Ärmel, warf sie Eulenspiegel zu und sag*te: ‚***Wirf (1)** *noch die Ärmel an den Rock und geh danach zu Bett.‘ Eule*nspiegel sagte ja. Der Meister ging zu Bett, und Eulenspiegel hing den Rock an den *Haken. Dann zündete er zwei Lic*hter an, auf jeder Seite des Rockes ein Licht, nahm *einen Ärmel und* **warf (2)** ihn an den Rock, ging dann auf die andere Seite und **warf (2)** den zweiten auch daran. Und wenn zwei Lichter heruntergebrannt waren, so *zündete er zwei andere an und* **warf (2)** *die Ärmel an den Rock die ganze Nacht bis* an den Mor*gen“.*

В первом случае (1) глагол ‘werfen’ употребляется в реплике портного в непрямом значении «набросать, наметать», во втором случае (2) тот же самый глагол употребляется в авторской речи в прямом значении «бросать».

2. Непрямая номинация объектов, принадлежащих к одной совокупности.

Уленшпигель пытается научить осла читать псалтирь, однако, тот произносит только звуки «И-А», после чего Тиль предъявляет «результат» обучения ректору университета:

"Eulenspiegel sprach: 'Er [Esel] ist von unmäßig grober Art, und es wird mir sehr schw*er, ihn zu lehren, jedoch habe ich es mit großem Fleiß und vieler Arbeit erreicht, daß er* **einige Buchstaben** und besonders **etliche Vokale** kennt *und nennen kann'. Als nun Eulenspiegel mit dem Re*ktor und einigen Magistern *kam, da legte er seinem Schüler ein n*eues Buch vor. Sobald dieser es in der *Krippe bemerkte, warf er die Blätter hin und her und suchte den Hafer. Als er* nichts fand, begann er mit lauter Stimme zu schrei*en: ,***I-A, I-A***'. Da sprach Eulenspiegel: ,Seht, lieber Herr,* **die beiden Vokale I und A**, die kann er jetzt schon; ich hoffe, er wird noch gut wer*den'".*

'I-A' в «реплике» осла соответствует дескрипции 'die beiden Vokale I und A' в реплике Уленшпигеля, которые принадлежат совокупности, обозначаемой дескрипцией 'etliche Vokale', принадлежащей, в свою очередь, совокупности, обозначаемой дескрипцией 'einige Buchstaben'. Однако номинация в тексте происходит в обратном порядке и изначально в реплике Уленшпигеля не указывается идентифицирующий признак объекта, что приводит к ситуации непонимания и далее к комическому эффекту.

3. Непрямая номинация объектов на основании метонимического переноса:

"Der Meister, der zu dieser Zeit des Gesindes bedurfte, war froh über sein Kommen und fragte ihn [Eulenspiegel], ob er auch ***Wölfe (1)*** *machen könne…* Da gab ihm der *Kürschner ein Stübchen und legte ihm viele Wolf*shäute *vor, die gehärt und zu Pelzen zugerichtet waren. Und er gab ihm die Maße von etlichen Pelzen, großen und kleinen. Da begann Eulenspiegel, sich mit den Wolfsfellen an* die Arbeit zu machen. Er schnitt sie zu, machte aus allen Fellen nichts als ***Wölfe* (2)***, füllte sie mit Heu und gab ihnen Beine von Stecken, als ob sie lebten".*

В первом случае имя (1) 'Wölfe' употребляется в реплике меховщика в значении «волчьи шкуры», во втором случае (2) в авторской речи – в значении «фигурки волков».

4. Прямая номинация действия с неопределенным референтом-пациенсом.

Торговец говорит Уленшпигелю (которого он называет по-своему 'Doll') смазать телегу:

„… sprach der Kaufmann: ,Doll, richte den Wagen her und **schmiere ihn***!'… Eu*lenspiegel tat also; und als alle schliefen, **beschmierte** er **den Wagen *innen und außen und am allermeisten da, wo man zu sitzen pflegt***".*

Референты-пациенсы в данной ситуации представляют собой два объекта одной совокупности: наружная и наружная и внутренняя часть телеги. В реплике торговца ('schmiere ihn') в качестве пациенса приводится указание на референт посредством личного местоимения без локальной конкретизации, чего оказывается недостаточно для безошибочной идентификации объекта адресатом; в авторской речи, описывающей действия Уленшпигеля, приводится прямая номинация референта посредством имени существительного с референтными сопроводителями с локальной характеристикой.

5. Прямая номинация объекта, при которой номинативная дескрипция выбирается на основании субъективной оценки предмета говорящим:

"Der [König von Dänemark] hatte ihn [Eulenspiegel] sehr gern und bat ihn, etwas Abenteuerliches zu tun, er wolle ihm auch sein Pferd mit **dem allerbesten Hufbeschlag** *beschlagen lassen… Da ritt Eulenspiegel mit* seinem Pferde zum Gold*schmied und ließ es mit* ***goldenen Hufeisen und silbernen Nägeln*** be*schlagen".*

Прилагательное "der allerbeste Hufbeschlag" в реплике короля является субъективно-оценочной номинацией и отсылает двух коммуникантов к их разным аксиологическим установкам, приводящим к непониманию.

Номинация объекта действительности автором сообщения умышленно или непреднамеренно затрагивает лишь одну из его сторон, что ведет к фрагментарному его представлению и ошибочной идентификации адресатом. Данный вывод согласуется с выводом, сделанным при изучении авторских шванков XV–XVI вв., а приведенная классификация способов номинации объектов и действий в рассказах о Тиле Уленшпигеле дополняет существующий метод анализа референтной структуры комических произведений.

Литература

Арутюнова Н.Д. Номинация, референция, значение // Языковая номинация. Общие вопросы. М.: Наука, 1977. С. 188-206.

Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы. М.: Наука, 1977. С. 230-293.

Киосе М.И. Референциальный статус непрямых номинативных единиц в тексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2012. № 5. С. 16-21.

Рохлина Т.А. Грамматика комического в немецком прозаическом шванке. М.: Флинта, 2020.

Ein kurzweiliges Buch von Till Eulenspiegel aus dem Lande Braunschweig. URL: https://www.projekt-gutenberg.org/bote/eulenspg/eulenspg.html (дата обращения: 14.01.2020).

Land, das. URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Land (дата обращения: 14.01.2020).

T.A. Rokhlina (Ryazan, Russia)
Ryazan State Radio Engineering University named after V.F. Utkin

"LIEBER GESELLE, DAS MEINTE ICH NICHT SO", OR SOME NOMIATION SPECIFICITY IN COMIC STORIES OF TILL EULENSPIEGEL

The article studies the comic effect in the Schwanks of Till Eulenspiegel attributed to a German author Hermann Bote. The comic element of a Schwank was studied earlier in terms of a cognitive-communicative approach and from the perspective of the reference theory but this work supplies a more detailed analysis of nomination of text referents participating in comic effect making and gives the classification of their nomination ways.

Key words: nomination, reference, co-reference, communication failure problems, comic effect, Schwank.

Н.Б. Руженцева (*Екатеринбург, Россия*)
Уральский государственный педагогический университет
verbalis@mail.ru

ИНТОЛЕРАНТНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ СМИ: ЯЗЫКОВОЕ И ТЕКСТОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ[1]

Статья посвящена феномену интолерантности как способу репрезентации точки зрения индивидуального и коллективного автора на совокупность политических, экономических, социальных и иных вопросов. На материале публикаций газеты «Аргументы недели» в статье рассматриваются языковые и текстовые средства выражения нетерпимости к действиям власти, функция которых – обеспечение плюрализма мнений и борьбы противоположностей, лежащих в основе общественного развития.

Ключевые слова: толерантность, интолерантность, популярные печатные СМИ, точка зрения.

Толерантность относится к числу важнейших либеральных ценностей. «В социальной политике отдельных государств толерантность связана с распространением и реализацией идеи плюрализма, свободы слова и прав человека» [Жигунова 2010: 62]. В свою очередь, под толерантностью в политическом плане понимается «готовность власти допустить инакомыслие в обществе» [Михайлова 2003: 99]. «По сфере проявления различается толерантность религиозная, политическая, идеологическая; в зависимости от объекта в политической сфере выделяется толерантность к личности политического лидера, к его политическим взглядам, к программным документам и деятельности политической партии, к политическим институтам, к политической системе и деятельности государства» [Чудинов 2004: 323].

Интерпретация толерантности как лингвокультурного феномена возможна лишь через оппозицию толерантность / интолерантность, ср.: «… без анализа речевых средств передачи интолерантности затруднен разговор о пропаганде установок толерантного сознания» [Енина 2004: 151]. В самом общем виде под интолерантностью понимают «нетерпимость к инакомыслию, к иной вере, к любой несхожести. Нетерпимость основывается на убеждении, что твое окружение, твоя система взглядов, твой образ жизни стоят выше остальных» [Толерантность… 2017: 21]. В современной научной литературе достаточно распространено мнение о том, что интолерантность – это «серьезная угроза, так как с интолерантностью мир невозможен» [Жигунова 2010: 63]. Однако данное утверждение, по крайней мере в отношении СМИ, представляется нам дискуссионным. С нашей точки зрения, интолерантность в СМИ – это широко понимаемый способ репрезентации точки зрения индивидуального или коллективного автора на совокупность тех или иных политических, экономических, социальных или иных вопросов. Без интолерантности как средства борьбы за позитивные изменения невозможен или крайне затруднен плюрализм мнений и

[1] Работа выполнена с поддержкой гранта РФФИ, проект № 19-012-00465/19 «Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот»

борьба противоположностей, обеспечивающая динамику общественной жизни.

Материалом статьи являются речевые проявления интолерантности в публикациях газеты «Аргументы недели» за 2019 год. Это публикации А. Чуйкова «Россия: отстать навсегда?» («Аргументы недели» № 41 (685), 23.10.2019) и «Этот стон у нас “деньги” зовется» («Аргументы недели» № 45 (689), 20.11.2019) и К. Гурдина «Премьер перешел черту бедности» (там же). Выбор статей определен значительным объемом речевого материала и однотипной субъектной организацией текста. Субъектом-1 является журналист, выражающий как свою точку зрения, так и точку зрения коллективного автора (учредителя, редакции), а субъектом-2 – власть, к действиям которой автор относится с достаточно высокой степенью нетерпимости.

Следует заметить, что мы не даем личной оценки интерпретируемого материала. Наша задача связана лишь с выявлением репертуара языковых средств и способов организации текста, в совокупности формирующих категорию интолерантности. Мы считаем, что последняя в настоящее время приобрела статус текстовой категории, по крайней мере в рамках медиадискурса.

Проявления интолерантности в печатных СМИ (и их электронных версиях) возможны как на уровне заголовочного комплекса, так и на уровне собственно текстовой ткани. Заголовочный комплекс можно рассматривать как сжатую вербальную формулировку толерантных / интолерантных идей. В качестве примера возьмем заголовочный комплекс статьи А. Чуйкова об экономической политике российской власти в нефтегазовой сфере. Данный ЗК манифестирует 2 точки зрения. Одна из них направлена против действий власти в этой сфере, а вторая – это мнение адресанта о том, как исправлять существующее положение.

Интолерантность **заголовка**: *Этот стон у нас «деньги» зовется* (обыгрывание прецедентного феномена – некрасовской строки *Этот стон у нас песней зовется*).

Интолерантность **лида** (фрагмент): *Извечный вопрос русского человека: «у кого бы перехватить до зарплаты?» власть Российской Федерации поставила перпендикулярно народу: «Как бы никому не дать денег на зарплаты?». И в этом перпендикуляре вся соль глубинных расхождений партии и правительства с его ядреным электоратом. Электорат просит денег, правительство отвечает : «Шиш! Их нет, крутитесь сами»* (ирония посредством «подведения предмета под понятие в остальном ему гетерогенное» (А. Шопенгауэр): *перпендикулярно народу, ядреный электорат*, а также посредством имитации диалога народа с властью).

Внутренние заголовки, отражающие столкновение точек зрения:

Точка зрения 1 – интолерантная к экономической политике действующей власти

**Экономическая лента Мебиуса* (ироническое сравнение российской модели экономики с лентой Мебиуса как замкнутой кривой).

**Какая такая Конституция?* (отрицание через вопрос).

**Силуанов, очнись!* (апеллятив к министру финансов РФ, который не видит / не хочет видеть выхода из сложившейся экономической ситуации).

Точка зрения 2 – мнение адресанта о том, как исправить положение.

Куда стремиться? (возможные перспективы распределения средств, полученных от нефтегазовой отрасли, среди обычных людей).

Дворцы – детям (мнение А. Чуйкова и редакции как коллективного автора о том, куда могли бы пойти средства от нефтегазовой отрасли).

Уже на уровне заголовочного комплекса мы можем сказать, что основным лингвистическим приемом формирования интолерантности является конвергенция – «схождение в одном месте пучка стилистических приемов, участвующих в одной стилистической функции» [Арнольд 1981: 62]. В свою очередь, пучок стилистических средств, формирующих категорию интолерантности в ткани основного текста, гораздо шире. Его можно представить следующим образом:

1. Собственно лексические средства:

*негативно-оценочная лексика (*ПРОКЛЯТЫЕ гайдаровские времена*);

*метафоры: *В выигрыше от нововведений оказывается БОЛЬШОЙ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ БРАТ*;

*метаоператоры [Вепрева 2005] – средства рефлексии на слова, тяготеющие или, как мы считаем, не тяготеющие к речевому контексту: *Диагноз (экономики. – Н.Р.) получился неутешительный, но небезнадежный. Попытаемся вместе с экспертами и вами, дорогие читатели, начать прощупывать твердую почву и ответить на вопрос: «ЧТО ДЕЛАТЬ-ТО ТЕПЕРЬ?»…* Частица *ТО* и слово *ТЕПЕРЬ* подчеркивают, «наводит на резкость» [Садова 2019: 131] авторскую мысль о том, что российская экономика является неэффективной именно в результате действия властей;

*прецедентные феномены (*Где лишние баррели и доллары, Зин?*);

*ирония (*Если в одном месте продали, а в другом это купили, то «РЫБНЫЕ ХВОСТЫ» должны совпадать*);

*ярлыки (*БАНКИР-ФУТЛЯР – загадочный ГРЕФ; При этом весь навар, вся маржа достается не кучке ЖИРНЫХ НЕФТЯНЫХ КОТОВ, а бюджету*);

*окказионализмы: *МИНЭКОНОМРАЗВРАТА*;

*иронические именования лиц (… *Похожий на провинциального парикмахера МУСЬЕ ОРЕШКИН, который возглавляет целый народный комиссариат «экономического развития»*);

*сравнения, сопоставления (*Вот так: Орешкин ЕСТЬ, «Минэкономразврата» ЕСТЬ, а развития НЕТ. Этакий СУСЛИК, но НАОБОРОТ: ты его ВИДИШЬ, НО ЕГО НЕТ*);

*кавычки, репрезентирующие иронию: *Мы получили повальную бедность даже работающего населения. Нищенские пенсии стариков, «ОПТИМИЗАЦИЮ» медицины и «РЕФОРМУ ОБРАЗОВАНИЯ»*;

*просторечье: *УБИТАЯ В ХЛАМ промышленность*.

2. Текстообразущие средства:

*апеллятивы и иные средства контакта: *СПАСИБО ПРАВИТЕЛЬСТВУ, у которого на людей денег нет*;

*цитирование высказываний политиков, контексты дискредитации: *Те же люди, которые по факту оставили миллионы людей без пенсии …предложили народу месяцами ЖИТЬ НА ОДНИХ МАКАРОНАХ* (отсылка к высказыванию чиновницы о *«МАКАРОШКАХ»*, которыми можно, с ее точки зрения, питаться месяцами);

*диалогизация монолога, имитация разговорной речи: *ЧТО ЕЩЕ? АХ ДА – запись в Основном законе о социальном государстве и недрах на благо народа. Но КАКАЯ, К ЛЕШЕМУ, КОНСТИТУЦИЯ, когда на кону триллионы даже не рублей, а родной для российских чиновников американской валюты?!*;

*прием декодирования официальных высказываний, государственной пропаганды, перевод ее на язык адресата;

*прием иронического опровержения официальных высказываний;

*тактика укрупнения достижений советского периода одновременно с «игрой на понижение» по отношению к современной власти.

Ограниченный объем статьи не позволяет нам проиллюстрировать и подробно охарактеризовать весь корпус речевых средств, составляющих текстовую категорию интолерантности. В качестве задачи мы не ставили также идентификацию толерантности / интолерантности как текстовых категорий, релевантных для публицистической речи. Сказанное является перспективным направлением нашей работы в области дискурса популярных СМИ, которое соотносится с аксиологической составляющей последнего.

Литература

Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА ПРЕСС, 2005. 384 с.

Енина Л.В. Этническая интолерантность в отражении уральских газет // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург: УрГПУ, 2004. С. 150-164.

Жигунова Г. Толерантность как ценность гражданского общества // Власть. 2010. № 1. С. 60-63.

Михайлова О.А. Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста // Философия и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург: УрГПУ, 2003. С. 99-110.

Садова Т.С. Метаязыковая рефлексия современных российских СМИ // Русистика в XXI веке: тенденции и направления развития. Ереван: ЕГУ, 2019. С. 128-132.

Толерантность как атрибут современной жизни: понятие и принципы формирования: методическое пособие. Тула: ГОУ ДПО ТО «ИПК и ППРО ТО», 2017. 208 с.

N.B. Ruzhentseva (Ekaterinburg, Russia)
Ural State Pedagogical University

INTOLERENCE IN THE MEDIA: LANGUAGE AND TEXT REPRESENTATION

The article is devoted to the phenomenon of intolerance as a way of representing the point of view of an individual and collective author on a set of political, economic, social and other issues. Based on the publication of the newspaper “Arguments of the Week”, the article examines the language and textual means of expressing intolerance towards government actions, the function of which is to

ensure pluralism of opinions and the struggle of opposites that underlie social development.

Key words: tolerance, intolerance, popular print media, point of view.

Е.Б. Рябых *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
ekaterina_ryabykh@mail.ru
Е.А. Кузьмина *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
kelena_an@mail.ru

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НАРОДА В ЗЕРКАЛЕ МЕТАФОРЫ (ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ АСПЕКТ)[1]

Статья посвящена проблеме отражения культурно-исторической памяти народа в языке, в частности, в метафорах в интерпретирующем аспекте. Авторы пытаются определить, насколько объективно отражается представление народа о своем прошлом в различных языковых структурах. В качестве источника практического материала используется семейная сага Н. Харатишвили «Das achte Leben (für Brilka)», написанная немецким автором грузинского происхождения.

Ключевые слова: культурно-историческая память, индивидуально-авторская метафора, интерпретация, культура, язык, интерпретирующая функция.

Одним из условий благополучного существования и развития любого народа является наличие у него культурно-исторической памяти. Считается, что 40 лет – это рубеж эпох в коллективном воспоминании, после которого «живое воспоминание оказывается под угрозой исчезновения и насущной проблемой становятся формы культурной памяти о прошлом» [Ассман 2004: 11]. Основным источником сведений о былом становится язык с его аккумулирующей и информирующей функциями. Однако следует принять тот факт, что образ прошлого не может быть абсолютно объективным, поскольку «историю событий сменила история интерпретаций» (Поль Рикёр), и язык отражает не только то, что произошло на самом деле, но и то, что должно было бы произойти с точки зрения возможности индивидуально-авторской интерпретации на разных этапах развития общества.

Следует отметить, что интерпретация является «неотъемлемой составляющей познавательных процессов и языковой деятельности. Она встроена в когнитивные и языковые модели познания и коммуникации, передавая объективное многообразие мира и способов репрезентации знаний о нем в языке» [Болдырев 2017: 46].

Многие культурологи, этно- и социолингвисты, например, Дж. Муд справедливо утверждают, что «прошлое постоянно пересоздается и пере-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00372) в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина

формулируется в меняющемся настоящем. Постоянного прошлого нет… Прошлое припоминается и конструируется так, как это в данном случае наиболее соответствует групповым потребностям… Реконструкция прошлого происходит обычно тогда, когда люди ощущают неадекватность прежних исторических представлений. Обычно это происходит в моменты радикальных исторических перемен» (цит. по: [Васильев 2009: 59]).

«Мы живем в эпоху всемирного торжества памяти» – писал известный французский историк П. Нора. Он утверждал, что верность реальному или воображаемому прошлому тесно связана с чувством принадлежности, с коллективным сознанием, с культурной памятью и идентичностью [Нора 2005].

Культурно-историческую память народа не следует воспринимать как «некоторый склад, в который сложены сообщения, неизменные в своей сущности и всегда равнозначные себе <…> Память не склад информации, а механизм ее регенерирования <…> прошедшее не уничтожается и не уходит в небытие, а, подвергаясь отбору и сложному кодированию, переходит на хранение, с тем чтобы при определенных условиях вновь заявить о себе» [Лотман 2000: 615-618].

К неотъемлемым свойствам культурно-исторической памяти относятся системность, аксиологичность, интегративность и познавательная активность:

Под *системностью* понимается то обстоятельство, что культурно-историческая память основывается на закономерностях функционирования самой культуры в историческом аспекте, на системе смысловых и ценностных связей и отношений, она является воплощением единого знания в семантическом, ценностном и функциональном аспектах.

Аксиологичность детерминируется иерархичностью культурной памяти, которая задает «систему ценностных ориентиров, сложившихся на базе иерархических связей и отношений, сложившихся в данном сообществе».

Культурная память «принципиально стремится к пониманию единства мира, поэтому каждый факт оказывается вписан во множество ценностно-смысловых контекстов». Именно это ее свойство определяется как *интегративность*.

Культурно-историческая память лежит в основе мотивации любой созидательной деятельности индивидов, в том числе, познавательной. «Только человек, обладающий структурированной культурной памятью, способен созидать культурную историю. Культурная память открыта в прошлое и будущее, это проективное знание, ибо оно соединено с пониманием» [Федоров, Николаев 2006].

Известный культуролог Ю.М. Лотман говорит о том, что «культурная память как творческий механизм не только панхронна, но противостоит времени. Она сохраняет прошедшее как пребывающее. С точки зрения памяти как работающего всей своей толщей механизма, прошедшее не прошло» [Лотман 1992: 201]. Эта функция культурной памяти тем более актуальна на сегодняшний день, поскольку современность характеризуется «ускорением истории» (термин Д. Галеви). «У нас больше нет общей почвы с прошлым. Мы можем прикоснуться к нему лишь через реконструкцию – с помощью документов, архивов, памятников» [Нора 2005], то есть в большей степени посредством различных языковых средств.

Немаловажно отметить, что «общество постепенно выбирает среди значений лексической единицы те, которые отвечают духу времени, изменившейся

культурной, политической, социальной ситуации. В определенном смысле этнос выступает в данном случае как единый сверх-индивидуум, который формирует новые смыслы» [Кузьмина 2017: 111].

Культурная память тесно взаимосвязана с этнокультурной идентичностью, сохранение которой в быстро меняющемся поликультурном мире является сегодня одной из самых насущных проблем для большинства европейских этносов, в том числе, и для немцев.

Значимым представляется, что анализ языковых структур позволяет исследователю понять скрытые смыслы, заложенные автором, расшифровать, какие структуры стоят за общепринятыми и индивидуально-авторскими метафорами, которые представляют собой особую форму передачи накопленного знания, чаще всего в ассоциативно-интуитивно выраженной форме, с учетом индивидуально-авторского (в том числе креативного или инновационного) осмысления информации, поступившей за счет воспринимаемой перцептивным или иным способом и интерпретируемой на этой основе окружающей реальности в результате когнитивных процессов фокусирования и дефокусирования на основе присущей для субъекта восприятия салиентности в конкретный момент времени и в конкретном контексте [Рябых 2019: 162].

Интересным в качестве практического рассмотрения является семейная сага Н. Харатишвили (N. Haratischwili) «Das achte Leben (für Brilka)», написанная на историческом фоне событий всего XX века, совмещая историю взаимоотношения СССР и Грузии. Примечательно, что автор родилась в Грузии и переехала в Германию, как и героиня, повествующая историю жизни семьи, в связи с чем данная семейная сага претендует на, в некотором роде, реалистическое отображение действительности с индивидуально-авторской точки зрения.

Обращает на себя внимание метафора история – ковер, в котором сокрыто множество других историй, историй человеческих жизней. **Ein Teppich** ist **eine Geschichte**. In ihr verbergen sich wiederum ***unzählige andere Geschichten***… Люди – это нити, вплетенные в данный ковер. Все они очень разные, но у каждого есть своя ценность и значимость. Все они «пишут» свою историю жизни, из которой складывается история мировая, которую нужно сохранять и беречь.

Das sind alles ***einzelne Fäden***. **Der einzelne Faden** ist wiederum auch **einzelne Geschichte**, verstehst du mich?

Du bist ein Faden, **ich bin ein Faden**, **zusammen** ergeben wir **eine kleine Verzierung**, **mit vielen *anderen Fäden zusammen*** ergeben wir **ein Muster**. **Die *Fäden*** sind alle **verschieden**, verschieden ***dick oder dünn***, **in verschiedenen Farben** *gehalten. ...* **Teppiche** sind **aus Geschichten** gewoben. Also **muss man sie wahren und pflegen** [Haratischwili 2014: 30-31].

В данной семейной саге, именно основываясь на метафорическом моделировании мира, можно прочувствовать всю атмосферу того времени, в рамках которого ведется повествование, как противостояние двух реальностей – прошлого и настоящего, которым приписываются различные характеристики.

Im großen Haus an der Fontanka **herrschte die bedrohliche Ruhe der Isolation**, **ein eiskalter Frieden** und **eine konservierte Vergangenheit**, *aber draußen,*

auf den Straßen, an den prachtvollen Promenaden und Ufern, **regierte die Gegenwart** und sie war ***grausam, blutig, gefährlich und voller Hunger und Mangel*** [Haratischwili 2014: 93].

Свое отношение к происходящему в культурно-историческом контексте автор тоже высказывает метафорически, проводя аналогию между государством, в котором была рождена повествующая историю жизни своей семьи героиня, и королем, облаченным подобающим образом и издающим приказы, но не желающим замечать, что все его подданные давно уже его покинули, и он остался в одиночестве. Und so gleicht **das Land**, in dem ich vor zweiunddrei*ßig Jahren auf* die Welt gekommen bin, heute ***einem König***, der immer noch ***mit einer glänze*nden Krone und einem prachtvollen Mantel dasitzt**, **Befehle erteilt**, **schaltet und waltet – *ohne wahrzunehmen, dass sein ganzer Hof längst geflohen und er allein ist*** [Haratischwili 2014: 20].

Интерпретирующий окружающую реальность субъект всегда социокультурно, исторически и контекстно ориентирован, в связи с чем метафора несет в себе определенным образом организованную, а также культурно и исторически значимую информацию, являясь отражением культурно-исторической памяти народа, помимо влияния индивидуально-авторского фактора, который является надстройкой, преломленной под определенным углом зрения переработанной информацией за счет субъективного опыта. Данный субъективный опыт, в структуре которого можно выделить когнитивную и аффективную составляющие, а также две категории опыта (личностный и профессиональный), вплетен в канву общей коллективной событийности и значим как желание передать определенную метафорическим способом выраженную информацию как живое знание «для меня – здесь – сейчас» [Рябых 2019].

Литература

Ассман Я. Культурная память: письма, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Болдырев Н.Н. Интерпретирующий фактор языка в познании и коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2017. № 29. С. 40-46.

Васильев А. Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия // Фундаментальные проблемы культурологии. М.: Новый хронограф: Эйдос. 2009. Т. 6. С. 56-68.

Кузьмина Е.А. Роль когнитивных и коммуникативных факторов в эволюции табу в языке и сознании (на материала немецкой прессы) // Когнитивные исследования языка. 2017. № 29. С. 109-116.

Лотман Ю.М. Память культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000.

Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40-41). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html.

Рябых Е.Б. К вопросу о мультимодальной метафоре (на примере социальной рекламы) // Когнитивные исследования языка. 2019. № 38. С. 162-169.

Федоров С.В., Николаев О.Р. Понятие культурной памяти. Структура и формы ее актуализации. 2006. URL: http://www.nravstvennost.info/library/news_detail.php?ID=2465.

Haratischwili N. Das achte Leben (für Brilka). Frankfurt am Main: Frankfurter Verlagsanstalt GmbH, 2014.

E.B. Ryabykh (Tambov, Russia)
Tambov State University of G.R. Derzhavin
E.A. Kizmina (Tambov, Russia)
Tambov State University of G.R. Derzhavin

CULTURAL AND HISTORICAL MEMORY OF THE PEOPLE IN THE MIRROR OF METAPHOR (INTERPRETIVE ASPECT)

The article is devoted to the problem of reflecting the cultural and historical memory of a people in a language, in particular, in metaphors in an interpretative aspect. The authors are trying to determine how objectively the representation of the people about their past is reflected in various linguistic structures. The family saga of N. Kharatishvili “Das achte Leben (für Brilka)”, written by a German author of Georgian origin, is used as a source of practical material.

Key words: cultural and historical memory, individual author’s metaphor, interpretation, culture, language, interpretive function.

М.С. Салтыкова *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный университет
saltykovams@susu.ru

ФРАНКОЯЗЫЧНЫЙ МЕДИАДИСКУРС ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ[1]

В настоящей статье рассматриваются языковые особенности и когнитивные основы интерпретации политических и социальных процессов, освещаемых во франкоязычном медийном дискурсе периода Второй мировой войны. Источником материала являются оцифрованные архивные тексты онлайн-библиотеки Франции “Gallica” (1939–1945).

Ключевые слова: медиадискурс, политический дискурс, оцифрованный архив, лингвопрагматический аспект, Вторая мировая война, Франция, СССР.

В эпоху Интернета цифровые технологии обеспечили максимально широкому кругу исследователей доступ к цифровым онлайн-коллекциям, содержащим оригинальные источники и соответствующие артефакты государственных, муниципальных, ведомственных, частных архивов разных стран, к их культурно-историческому наследию. В настоящее время электронные библиотеки содержат крупномасштабные цифровые ресурсы и предоставляют удаленный доступ к данным практически из любой точки

[1] Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: проект 19-012-00192 «Уральский регион» в военно-публицистическом дискурсе периода Великой Отечественной войны (на материале оцифрованных архивных документов СССР и стран Западной Европы)

мира. Оцифрованные архивы являются уникальным источником информации, поскольку содержат часто знаковые в социально-историческом контексте материалы: текстовые документы, иллюстрации, фотографии, карты, чертежи, графические записи, рукописи, аудио- и видеозаписи выступлений политических деятелей и т.д. Способ получения и предоставления информации через электронные носители и онлайн-платформы музеев, библиотек, архивов, государственных учреждений, высших учебных заведений могут быть использованы как в образовательных целях, так и в научных исследованиях.

Разработанные инновационные пользовательские интерфейсы онлайновых платформ, опция полнотекстового поиска, усовершенствованные функции навигации и режим непрерывного доступа упрощают исследовательскую работу и позволяют ученому эффективно использовать архивные материалы в ретроспективных и диахронических исследованиях, обращаясь к методам, приемам и эвристикам корпусных исследований, дискурс-анализа [Kenney, Rieger 2000; McEnery, Wilson 2001; Rawoens 2010; Solopova, Chudinov 2018; Solopova, Saltykova, Voroshilova 2018; Tyne 2014].

Работая с архивами, важно скрупулезно выбирать корпус и задавать критерии поиска, которые обеспечили бы репрезентативность полученных результатов. Архив национальной библиотеки Франции ‘Gallica’ содержит (2019 г.) около 6 млн документов (книги, рукописи, журналы, газеты, фотографии, плакаты, карты, карикатуры и т.д.) и позволяет исследователю найти тысячи статей по ключевому слову, названию или автору в один «клик». Технические преимущества онлайн-библиотеки ‘Gallica’ заключаются в возможности объединить и проанализировать документы на основе различных онлайн-коллекций, баз данных (более 100 партнеров). Поле «расширенный поиск» включает несколько мощных опций:

– дополнить ключевыми словами и расширить результаты, которые поисковая система вывела на экран онлайновой платформы по первому заданному критерию;

– уточнить диапазон дат, тип документа и файла, издание и год выхода публикации, режим доступа к документу, тему и язык;

– сортировать документы по релевантности, алфавиту, дате размещения на онлайн-платформе, по возрастанию и убыванию и т.д.;

– продолжить поиск в выбранном документе: функция масштабирования, первичный отчет в виде отрывков публикаций печатного издания с выделенными ключевыми словами и словоформами согласно критериям запроса (рис. 1).

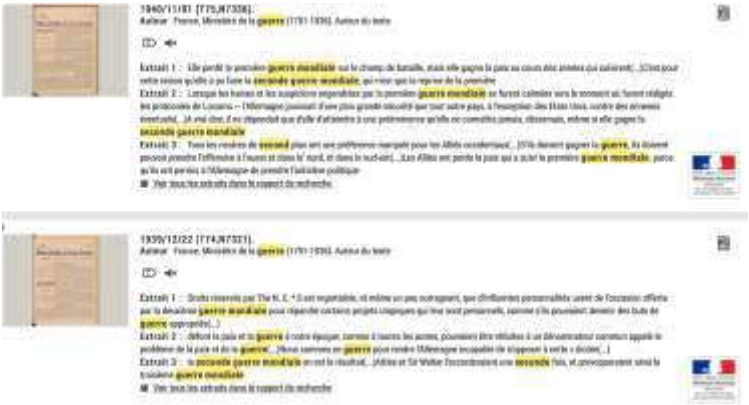
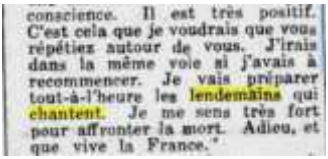


Рис. 1. Фрагмент результата поиска в онлайн-библиотеке ‘Gallica’ по запросу ‘seconde guerre mondiale’

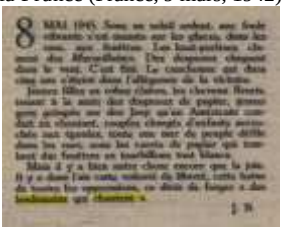
В отличие от линейного чтения одного текста, вертикальное может осуществляться в онлайн-архивах через конкордансы, называемые также ключевыми словами в контексте (KWIC, key word in context). *Конкорданс* в электронном корпусе текстов является списком («превью») всех случаев определенного ключевого слова в представленных контекстах [Baker 2006; Tyne 2014]. Использование данной технической опции позволяет: 1) «прокрутить» сразу весь документ, выбрав необходимый для анализа материал, существенно сэкономить время; 2) исключить возможность пропустить важные фрагменты, которые в противном случае могли остаться незамеченными. Таким образом, при запуске автоматизированной программы поиска на основе заранее заданных различных контекстуальных параметров исследователь может извлечь все необходимые для работы данные практически моментально.

Франкоязычный медиадискурс Второй мировой войны справедливо рассматривать как «дискурс о войне». Проблематика «дискурса войны» сводится исследователями в основном к отсутствию четкой дифференциации между военным, военно-политическим и военно-публицистическим видами дискурса [Ищенко 2007; Солопова, Чудинов 2018; Юсупова 2009]. Лингвопрагматический аспект речевого воздействия в военно-политических текстах осуществляется зачастую посредством метафоричности и экспрессивности. Одной из основных функций в процессе конструирования образов в военно-публицистическом дискурсе является визуализирующая: «ее роль состоит в осмыслении социокультурного идеала, в его воплощении в образах и символах, что содействует моделированию целостной, осязаемой картины светлого будущего» [Солопова, Салтыкова 2019: 778]. Когнитивная метафора особенно активна в процессе создания моделируемых образов в архивных текстах (рис. 2).

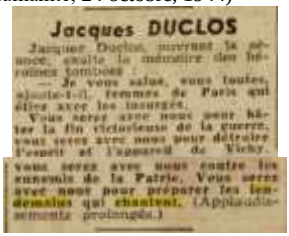

conscience. Il est très positif. C'est cela que je voudrais que vous répétiez autour de vous. J'irais dans la même voie si j'avais à recommencer. Je vais préparer tout-à-l'heure les lendemains qui chantent. Je me sens très fort pour affronter la mort. Adieu, et que vive la France.

C'est cela que je voudrais que vous répétiez autour de vous. J'irais dans la même voie si j'avais à recommencer. Je vais préparer tout-à-l'heure **les lendemains qui chantent**. *Je me sens très* fort pour affronter la mort. Adieu, et que vive la France (France, 9 mars, 1942)

«Marchons **vers les lendemains qui chantent**, dont parlait notre cher Gabriel *Péri. Faisons ensemble, de nos mains, de nos cerveaux et de nos cœurs, une France libre, forte et heureuse, aimée et respectée par les hommes du monde entier»* (L'Humanité, 24 octobre, 1944)



Mais il y a bien autre chose encore que la *joie. Il y a dans l'air cette volonté de liberté, cette h*aine de toutes les *oppressions, ce désir de forger «***des lendemains qui chantent**» (Regards, 15 mai, 1945)


Jacques DUCLOS

Vous serez avec nous pour hâter la fin victorieuse de la guerre, vous serez avec *indus pour détruire l'esprit et l'appareil de* Vichy, vous serez avec nous contre les ennemis de la Patrie. Vous serez avec nous *pour préparer* **les lendemains qui chantent** (L'Humanité,12 avril, 1945)

Рис. 2. Примеры употребления метафоры 'les lendemains qui chantent'/ '*светлое будущее*' (досл. «завтрашние дни, которые поют») во франкоязычных печатных изданиях периода Второй мировой войны

Метафоричность и экспрессивность выполняют бесспорно значимую роль в повышении прагматической эффективности и усилении воздействующего потенциала военно-политического текста. Будучи одним из основных языковых средств воздействия на адресата, когнитивная метафора в военно-публицистическом дискурсе репрезентирует идеальную альтернативу, создает целую систему образов, которые становятся идеальной проекцией того общества и того социально-исторического контекста, в котором они возникли.

Литература

Ищенко Н.А. Военный дискурс и дискурсивное измерение войны // Культура народов Причерноморья. 2007. № 116. С. 22-24.

Солопова О.А., Чудинов А.П. Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов: колокола победы и Russia's V-Day // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 2. С. 313-337.

Солопова О.А., Салтыкова М.С. Архитектоника светлого будущего в зарубежных военно-публицистических дискурсах периода Второй мировой вой-

ны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2019. Т.23 (3). С. 762-783.

Юсупова Т.С. Структурные особенности военного дискурса // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. Вып. 4. С. 1055-1057.

Baker P., Hardie A., McEnery T. A Glossary of Corpus Linguistics. Edinburgh University Press, 2006. P. 7-174.

French through Corpora: Ecological and Data-Driven Perspectives in French Language Studies / ed. by H. Tyne, V. André, C. Benzitoun, A. Boulton, Y. Greub. Cambridge Scholars Publishing, 2014. P. 2-24.

Kenney A.R, Rieger O.Y. Introduction: Moving theory into practice, Moving theory into practice: digital imaging for libraries and archives. Mountain View, CA: Research Libraries Group, 2000.

McEnery T., Wilson A. Corpus Linguistics. Edinburgh University Press, 2001.

Rawoens G. Multilingual corpora in cross-linguistic research. Focus on the compilation of a Dutch-Swedish parallel corpus, Statistical Analysis of Textual Data // Proceedings of 10th International Conference. Sapienza University of Rome, 2010. P. 1287-1294.

Solopova O., Chudinov A. Diachronic Analysis of Political Metaphors in the British Corpus: from Victory Bells to Russia's V-Day // Russian Journal of Linguistics. 2018. № 22 (2). P. 313-337.

Solopova O., Saltykova M., Voroshilova M. Internet Archiving: The Use in Discourse Studies // NORDSCI Proceedings. 2018. P. 301-309.

M.S. Saltykova (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University

FRENCH MEDIA DISCOURSE OF THE WORLD WAR II PERIOD: LINGUOPRAGMATIC POTENTIAL

The article studies the linguistic features and cognitive basis of interpreting political and social processes covered by the French media discourse of the World War II period. The source material is the data drawn from the digitized archive of France "Gallica" (1939–1945).

Key words: media discourse, political discourse, digitized archive, linguopragmatics, World War II, France, USSR.

Т.И. Семенова *(Иркутск, Россия)*
Иркутский государственный университет
tisemenova54@mail.ru

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ДИСКУРСА

В статье представлен анализ категорий знания и дискурса в их неразрывном единстве и взаимодействии. Методологической основой является концепция Т.А. ван Дейка о социальной природе знания. Знание понимается как разделяемое представителями определенного эпистемического сообщества мнение. Рассматриваются эпистемические феномены эвиденци-

альности, эпистемической модальности, пресуппозиции, импликации и их роль в производстве и управлении знаниями в дискурсивном взаимодействии.

Ключевые слова: эпистемика дискурса, знание, мнение, эпистемическое сообщество, управление знанием.

Вопрос о представлении языковых и неязыковых знаний в сознании человека, их типах, способах организации и репрезентации в языке является центральным для всей когнитивной науки [Кубрякова 2004]. Взгляд на язык как на систему репрезентации и оперирования знанием находит отражение в категориальном формате языкового знания в системе лексических, грамматических и модусных категорий [Болдырев 2019]. Введение в категориальный аппарат современной лингвистики понятия дискурса требует осмысления роли этого феномена в процессах когниции и его функций в коммуникации [Кубрякова 2004, 2012; Болдырев 2019; Цурикова 2001; Dijk 2014]. Понимание дискурса как «новой реальности языка» [Кубрякова 2012: 124] высвечивает дискурс как явление когнитивное, имеющее дело с формированием, передачей знаний, с оперированием знаниями и с созданием новых знаний. Дискурс, в понимании Е.С. Кубряковой, предстает «как сложная система иерархии разных типов знания» [Кубрякова 2004: 530]. Дискурсивная деятельность порождается и осуществляется во всем многообразии социокультурного контекста, под влиянием которого формируется не только система знаний коммуникантов, но и сам дискурс [Болдырев 2019: 319]. Именно поэтому дискурс как особый формат организации и структурирования знаний зависит от личностных свойств участников дискурсивной деятельности как носителей знания, их верований, ценностей, убеждений, интенций, социальных норм и стереотипов. Дискурс как коммуникативное событие [Dijk 2014] с необходимостью требует учета прагматических факторов адресанта и адресата, их социальных и коммуникативных ролей, целей, знаний.

Неразрывное единство дискурса и знания обусловлено, с одной стороны, тем, что большая часть человеческого знания имеет дискурсивную природу, а с другой – тем, что производство и понимание дискурса невозможно без активации контекста знаний о мире. Интегративный подход к исследованию соотношения и взаимодействия категорий знания и дискурса открывает междисциплинарную область научных изысканий, которую Т.А. ван Дейк определяет как эпистемика дискурса (discourse epistemics) [Dijk 2014]. Эпистемическая структура дискурса, как подчеркивает Т.А. ван Дейк, не может быть ограничена явлениями грамматики или лексики, она охватывает все уровни дискурса и ее следует понимать в терминах ментальных моделей, стратегий контроля знаниями, в перспективе эпистемических сообществ.

Основой эпистемического сообщества является разделяемое членами сообщества, говорящими на одном и том же языке, социокультурное знание, функцией которого является обеспечение успешной социальной интеракции [Dijk 2014: 192-193]. Эпистемические сообщества могут различаться по уровню образования; в зависимости от гендерных, религиозных, национальных, профессиональных признаков. Релевантным параметром эпистемического сообщества являются критерии источника знания, определяемые в терминах эпистемического авторитета, права передачи знания, эпистемического статуса коммуникантов. С эпистемическим сообществом знание соотносится в том

плане, что мнения могут получать статус общих, разделяемых убеждений при условии их соответствия критериям знаний для определенного сообщества. Иначе говоря, то, что является знанием для одного эпистемического сообщества, может иметь эпистемический статус ошибочного мнения, заблуждения, предубеждения для другого сообщества. Принадлежность одному эпистемическому сообществу лежит в основе стратегии прагматического управления разделяемым социокультурным знанием [Дейк ван 2015].

Эпистемологическое измерение дискурса обусловливает когнитивный и социальный анализ порождаемого в дискурсивной деятельности знания. Традиционно ключевой содержательной характеристикой знания является понятие истины, формируемое в эпистемическом контексте – контексте рационального знания. Истинность пронизывает и объединяет большой когнитивный цикл, обеспечивающий адекватность человеческого поведения [Арутюнова 1999]. Антропоцентрический подход к исследованию языка в контексте таких познавательных процессов, как восприятие, воображение, мышление, интерпретация, категоризация, концептуализация приводит к изменению ракурса в понимании истинности знания. Акцент с «объективности» знания переносится на относительность знания, его обусловленность общечеловеческими особенностями получения и усвоения. Формирование системы знаний о познаваемом мире неразрывно связано со свойствами познающего субъекта и контекстами его социокультурной деятельности. В ракурсе неклассической стадии развития науки «истинность знания определяется по его адекватности поставленной задаче, а не по близости к некоторой абсолютной и единственной истине» [Залевская 2009: 15].

Основу социокогнитивного понимания знания как «естественного» знания (natural knowledge) определяют такие параметры, как реальное знание реальных социальных акторов, реальные эпистемические сообщества [Dijk 2014: 549]. Следствием релятивисткой концепции «естественного» знания является вывод о том, что «для человеческих знаний принципиально важным является не то, насколько убеждения абстрактно соотносятся с некоторым положением дел, а то, насколько данные убеждения разделяются среди других членов данного сообщества – сообщества, основанного на знании» [Дейк ван 2015: 292]. В рамках концепции естественного знания встает вопрос о том, как устанавливаются, используются, меняются критерии знания в эпистемическом сообществе.

«Культурная» модель знания предполагает социальную норму истинности (social norm of truthfulness), основой которой являются социально принимаемые надежные источники (socially acceptable valid sources) [Sweetser 1987: 46]. Как следствие, концепт истины в релятивисткой концепции знания трансформируется в концепт правильности, в том смысле, что суждения с предикатом *правильный* (correct beliefs / correctly presuppose / correctness of beliefs) верифицируются относительно некоторой модели мира коммуникантов. В ходе социально-коммуникативного взаимодействия индивиды вырабатывают, развивают базовые критерии, социокультурные стандарты и нормы, которые усиливают, укрепляют *правильность* их убеждений. Правильность суждения при этом зависит от принятого стандарта, социальных норм, что и отличает *правильность* от *истинности*.

Мнения, которым можно доверять как *правильным* репрезентациям социокультурного окружения, «начинают функционировать как убеждения со специальным статусом: знание» [Dijk 2014: 33]. Таким образом, значение истинности как соответствие действительности «является для понятия правильности производным от значения нормативной оценки действия» [Арутюнова 1999: 579].

Понятие «объективности знания» все в большей степени коррелирует с проблемой «конструирования знания о мире», с миросозидающей функцией языка. В процессах категоризации и категоризации отражается специфика мировидения действительности как отдельным индивидом, так и целым социумом. Связующим звеном между знанием и дискурсом выступают ментальные модели как структуры знания, как когнитивные корреляты фрагмента мира, представление о котором конструируется в дискурсивной деятельности. Именно ментальные модели задают семантическое и прагматическое понимание дискурса. Способ интерпретации ситуации задает контекстная модель, обеспечивая механизм «по стратегическому контролю знания в ходе интеракции» (Knowledge-device / K-device) [Dijk 2014: 303]. Контекстные модели влияют на когнитивный механизм смыслопорождения не только на уровне синтаксических структур и лексических единиц, но и на всех уровнях дискурса. По сути, контекстные модели представляют собой субъективные и оценочные репрезентации таких дискурсивно-релевантных категорий, как цели, интересы, установки, предполагаемые знания участников коммуникативной ситуации, их социальные и коммуникативные роли. Оценочный формат социальной когниции, который активируется контекстной моделью, задает субъективные интерпретации конструирования референтной ситуации, ее оценочную категоризацию. Интерпретационый аспект оперирования знанием обусловливает интерпретирующую функцию языка [Болдырев 2019]. Интерпретативная сущность когнитивных механизмов конструирования знания о мире представлена в дискурсе модусными категориями эвиденциальности, детерминации, фокусирования, аппроксимации, отрицания, модальности, собственно оценочными категориями [Болдырев 2019: 432]. Адресатность дискурса реализуется в дискурсивных стратегиях оценки знаний реципиентов, стратегиях актуализации эксплицитных и имплицитных форм знания.

Эпистемическое измерение дискурса необходимо для понимания и объяснения того, как социально значимый опыт в совокупности социальных убеждений, мнений, оценок дискурсивно транслируется, контролируется в эпистемическом сообществе и конструируется в языке. Перспективным представляется исследование эпистемических параметров знания в различных типах и жанрах дискурса, выявление эпистемических критериев, когнитивных и языковых механизмов, обеспечивающих дискурсивное представление знаний, управление знанием в дискурсивной деятельности

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Залевская А.А. Проблема знания в различных ракурсах // Studia linguiustica cognitiva. 2009. Вып. 2. С. 14-65.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. М.: Знак, 2012.

Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Изд. 2-е. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015.

Цурикова Л.В. Проблемы когнитивного анализа дискурса в современной лингвистике // Вестник Воронежского государственного университета. Серия 1: Гуманитарные науки. 2001. № 1. С. 128-157.

Dijk T.A. van. Discourse and knowledge: A Sociocognitive approach. Cambridge University Press, 2014.

Sweetser Eve E. The Definiotion of Lie // Cultural Models in Language and Thought. New York: Cambridge University Press. P. 43-66.

T.I. Semenova (Irkutsk, Russia)
Irkutsk State University

EPISTEMIC PROPERTIES OF DISCOURSE

The article deals with knowledge from the perspective of the study of discourse. The theoretical framework of the research is the multidisciplinary field of discourse epistemics proposed by T.A. van Dijk. From a sociocognitive approach knowledge is viewed as belief justified by the epistemic criteria of a community. The study considers knowledge-based phenomena of evidentiality, epistemic modality, presupposition, implication and their epistemic functions at all levels of discourse.

Key words: discourse epistemics, knowledge, belief, epistemic community, knowledge management.

О.А. Солопова *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
o-solopova@bk.ru

ОБРАЗЫ ВОЙНЫ И МИРА В МЕДИАДИСКУРСЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: БИНАРНЫЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ[1]

Статья посвящена исследованию британского и американского военно-публицистического дискурса периода Второй мировой войны. Цель работы – выявление закономерностей моделирования образов войны и мира в двух дискурсах. Показано, что двухценностная ориентация дискурса обусловливает актуализацию бинарных метафорических оппозиций и реали-

[1] Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-012-00192

зацию одной концептуальной метафоры в противоположных сценарных вариантах.

Ключевые слова: военно-публицистический дискурс, образы прошлого, бинарная оппозиция, метафора, Вторая мировая война.

Образы прошлого составляют важную часть общественного сознания и национальной идентичности, выступая в качестве ядерного компонента исторической памяти и представляя собой специфическую матрицу восприятия настоящего. В междисциплинарном пространстве социально-гуманитарных наук неослабевающий интерес вызывают травматические моменты истории, одним из которых является Вторая мировая война. *В исторической науке* появляются новые исследовательские подходы, в рамках которых интенсивно разрабатываются различные аспекты проблемы коллективных представлений: изменение содержания исторической памяти, ее политическая и идеологическая актуализация, значение представлений о прошлом для конструирования и интеграции социальных групп в настоящем [История и память 2006; Репина 2004, 2017]. *В области социологии* проводятся исследования, затрагивающие особенности сохранения и воспроизводства памяти о прошлом, предпринимаются попытки проведения разноаспектного изучения исторической памяти, ее интерпретации на основе эмпирических исследований [Мысливец, Романов 2019; Ростовцев, Сосницкий 2014]. *В современной политической лингвистике* значительный научно-практический интерес представляют работы, связанные с исследованием отечественного и зарубежных медиадискурсов Второй мировой войны и Великой Отечественной войны [Вагина 2019; Губайдуллина 2019; Салтыкова, Солопова 2020; Солопова 2019, 2020; Солопова, Салтыкова 2019; Солопова, Чудинов 2018; Bernat, Chernysheva, Shatrovich, Raevskaya 2019], авторы которых рассматривают ретроспективный анализ как метод реконструкции и репрезентации образов прошлого.

К основным чертам военно-публицистического дискурса исследователи неизменно относят:

– институциональность [Солопова, Наумова 2018: 17-20; Солопова, Салтыкова 2019: 765-766]: наличие всех компонентов, присущих любому институциональному типу дискурса (участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, материал (тематика), разновидности и жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы [Карасик 2002: 200-208; Dijk 2008]);

– гибридность: интеграция составляющих различных институциональных типов дискурса (военного и публицистического), порождающая качественно новый формат, не сводимый к механической сумме компонентов [Солопова, Наумова 2018: 15; Солопова, Салтыкова 2019: 765];

– военно-фактологическая информативность: насыщенность и компрессивность транслируемой информации [Солопова, Салтыкова 2019: 766; Шашок 2019: 10];

– мифологизированность, определяющей чертой которой является двухценностная ориентация военно-публицистического дискурса [Солопова, Салтыкова 2019: 764, 779; Солопова, Чудинов 2018: 319];

– «декоративность»: экспрессивность и метафоричность [Солопова 2019, 2020; Солопова, Салтыкова 2019; Солопова, Чудинов 2018].

Для рассматриваемой в работе проблематики бинарных метафорических оппозиций наиболее существенны такие черты военно-публицистического дискурса, как мифологизированность и «декоративность». Исследователи отмечают, что бинарные оппозиции представляют собой универсальное средство познания действительности, свойственное мифологическому сознанию [Иванов, Топоров 1974: 259]. Двухценностная ориентация военно-публицистического дискурса: резкое противопоставление «своих» и «чужих», настоящего (войны) и желаемого будущего (мира), редуцирование образа будущего до двух «крайних» альтернатив (победы и поражения) – обусловливает, подчиняет и регулирует функционирование прочих бинарных оппозиций как особого способа постижения и осмысления войны.

Источниками материала для исследования являются оцифрованные полнотекстовые архивы англоязычных периодических изданий: британского и американского (The British Newspaper Archive, Chronicling America). Выборка в архивах осуществляется по словоформам «war» / «peace» в изданиях, вышедших в заданном временном диапазоне (01 сентября 1939 г. – 02 сентября 1945 г.). Анализ извлеченных контекстов проводится в русле когнитивно-дискурсивной методологии, занимающей ведущее положение в современной политической лингвистике.

Сами образы войны и мира как сферы метафорического притяжения являются бинарной оппозицией: с одной стороны, они основаны на контрарных отношениях, с другой – являются единым, неразрывным целым и образуют диалектическое единство, проявляющееся во взаимной зависимости и взаимной обусловленности. Архетипическая бинарная оппозиция базовых категорий мира (как добра и света) и войны (как зла и тьмы) интенсифицирует двухценностную ориентацию военно-публицистического дискурса (the dawn of the new radiant day / the owl-haunted night of creepy war-time) и обусловливает активное употребление метафор разнообразных сфер-источников с положительным и отрицательным эмотивным зарядом и развитие полярных коннотативных смыслов в рамках одной метафоры: peace is Godlike, spiritual / war is the damnable hell; peace is the law and the crown of justice / war is the sink of all injustice; peace is the finest Holiday / war is a bloody business / winning this war is a full-time job и другие. Анализ материала показывает, что рассматриваемая бинарная оппозиция является универсальной для медиадискурсов Великобритании и США периода Второй мировой войны, поскольку образы войны и мира, и, соответственно, разрушительный потенциал (войны) и созидательные установки (мира) предопределяют и «объясняют» использование определенных метафор в военно-публицистическом дискурсе в целом.

Таким образом, в контексте трансформации исторической памяти о Второй мировой войне значимым представляется ретроспективный анализ закономерностей отображения образов войны и мира в дискурсе данного хронологического среза. Такой анализ позволяет установить особенности восприятия образов войны и мира современниками и участниками Второй мировой войны, обусловленные двухценностной ориентацией и мифологизированностью данного формата дискурса, которые, в свою очередь, влияют на актуализацию бинарных метафорических оппозиций и реализацию

одной концептуальной метафоры в различных, часто противоположных, сценарных вариантах при моделировании образов «войны» и «мира».

Литература

Вагина Т.С. Общие принципы построения и использования корпуса the British Newspaper Archive // Гороховские чтения. 2019. С. 20-22.

Губайдуллина Е.О. Образ Урала в американском военно-публицистическом дискурсе периода Второй мировой войны // Термины в коммуникативном пространстве. 2019. С. 169-174.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974. 342 с.

История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / отв. ред. Л.П. Репина. М.: Кругъ, 2006. 768 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 331 с.

Мысливец Н.Л., Романов О.А. Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1. С. 9-19.

Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 33-45.

Репина Л.П. Память о событиях в контекстах национальной, перекрестной и глобальной истории (к постановке вопроса) // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 13-19.

Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2014. Вып. 2. С. 106-126.

Салтыкова М.С., Солопова О.А. Образ Урала в отечественном и зарубежном военно-публицистическом дискурсе периода Великой Отечественной войны // Политическая лингвистика. 2020. № 1 (79). С. 73-82.

Солопова О.А. Ретроспективный анализ британского политического дискурса о будущем СССР // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 4. С. 124-134.

Солопова О.А. Ключ к будущему: прогностические смыслы политической метафоры (на материале британских текстов о России периода Великой Отечественной войны) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63.

Солопова О.А., Наумова К.А. Гибридные форматы дискурса: проблемы классиффикации // Филологический класс. 2018. № 4 (54). С. 15-21.

Солопова О.А., Салтыкова М.С. Архитектоника светлого будущего в зарубежных военно-публицистических дискурсах периода Второй мировой войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2019. № 23 (3). С. 762-783.

Солопова О.А., Чудинов А.П. Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов: колокола победы и Russia's V-Day // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 2. С. 313-337.

Шашок Л.А. Структурные особенности военного дискурса: обоснование необходимости исследования // Актуальные вопросы филологических наук. Краснодар: Новация, 2019. С. 9-13.

Bernat O., Chernysheva M., Shatrovich N., Raevskaya M. Peculiar features of representing historical facts when teaching a foreign language (based on the material on the Urals published in periodicals of France, Italy and Russia in 1941–1945) // ICERI2019 Proceedings. 12th International Conference of Education, Research and Innovation. 2019. P. 6079-6086.

Chronicling America: The National Endowment for the Humanities and the Library of Congress. URL: www.chroniclingamerica.loc.gov (accessed 01 February 2020).

Dijk T.A. van. Discourse and Power. New York: Palgrave Macmillan, 2008.

The British Newspaper Archive. URL: www.britishnewspaperarchive.co.uk (accessed 12 December 2019).

O.A. Solopova (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University (National Research University)

THE IMAGES OF WAR AND PEACE IN THE WWII MEDIA DISCOURSE: BINARY METAPHORICAL OPPOSITIONS

The paper focuses on the analysis of British and American military media discourses of the World War II period. The objective of the research is to reveal the peculiarities of modeling ‘war’ and ‘peace’ images in the discourses. Having a tendency to present the image of the world as a black-and-white value model, this type of discourse determines both the use of binary metaphorical oppositions and different, often contrary, ‘metaphor scenarios’ within one conceptual metaphor.

Key words: military media discourse, images of the past, binary opposition, metaphor, World War II.

О.И. Таюпова *(Уфа, Россия)*
Башкирский государственный университет
o.tayupova@mail.ru

ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРВЬЮ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЖУРНАЛЬНОГО ДИСКУРСА)

В статье анализируется журнальное политическое интервью, погруженное в определенный социальный контекст, и раскрывается специфика его когнитивной природы. Дискурс рассматриваемого немецкоязычного интервью связан с недавним политическим поражением и отставкой президента Боливии Эво Моралеса. Когнитивный анализ концентрируется на метафорах и метонимии, используемых в речи как интервьюера, так и интервьюируемого и способствующих повышению эффективности коммуникации.

Ключевые слова: политический дискурс, интервью, лингвокогнитивный анализ.

Введение. Интервью, в том числе, затрагивающие различные вопросы политики, являются одним из наиболее распространенных видов нехудожественных текстов в повседневной жизни современного общества. Специфика политики, в отличие от других сфер человеческой деятельности, заключается в совокупности социальных практик и дискурсов, посредством которых реализуется управление обществом, общественными группами и их отношениями, связанными с осуществлением власти. Поэтому не случайно ряд ученых рассматривают политическую деятельность как речевую, полагая, что язык политики представляет собой структурированную совокупность знаков, образующих семиотическое пространство политического дискурса [Шейгал 2004]. Политические интервью поэтому, как и многие другие виды текстов, например, парламентские дебаты, указы президента, инаугурационное послание, политический плакат, публичная речь политика, политическая реклама, программное заявление партии, новогоднее поздравление президента, входят в так называемый политический дискурс. Перечисленные выше тексты функционируют в политической сфере, поскольку погружены в определенный социальный контекст с соответствующими функциями, такими, как информативная, воздействующая идеологическая, мобилизационная [Алтунян 2014; Аласания 2015].

Политический дискурс объединяет несколько подтипов и представлен предвыборным, миграционным, инаугурационным дискурсами. В настоящей статье мы оперируем понятием дискурса политической неудачи.

К дискурсу как объекту исследования могут быть различные подходы [Таюпова 2016], при этом дискурс немецкоязычных медиа интервью, как правило, исследовался в рамках изолированных подходов, сосредоточенных на изучении либо стилистических и прагматических, либо коммуникативных особенностей интервью [Бычковская 2016].

В последнее время когнитивное моделирование медиа дискурса и его различных подтипов все чаще привлекает внимание лингвистов [Магировская 2014; Шапочкин 2013; Чикилева 2017; Новикова 2018; Spitzmüller 2017], что объясняется ролью различных медиа в современном социуме. Начиная с работ голландского когнитолога Т.А. ван Дейка, изучение когнитивных процессов в медиа области наиболее результативно благодаря концепции эпизодической ситуационной модели, выработанной на базе сотрудничества с социологами и психологами и предполагающей использование языка в реальном времени [Кибрик 2003; Шевченко 2006].

Материал исследования. Материалом исследования в настоящей статье послужило аналитическое интервью „Dafür lohnt es sich zu sterben“, опубликованное в еженедельном журнале „Der Spiegel“, относящемся к авторитетной немецкой прессе. Тематической доминантой анализируемого нами текста является политика. Дискурс политической неудачи связан с недавней отставкой президента Боливии Эво Моралеса.

Цель исследования. Цель исследования заключается в раскрытии специфики когнитивной природы немецкоязычного интервью. Когнитивный анализ сосредоточен на метафорах и метонимии, используемых для эффективного воздействия на читателя.

Результат исследования. Мы разделяем точку зрения о вторичности текстов интервью, но полагаем, что в рассматриваемом нами случае интервью представляет собой не вторичный вид текста, а имеет особую форму существования, где носителем текста выступает журнал. Для подтверждения аутентичности печатного интервью редакция журнала в конце текста интервью приводит электронный адрес, где размещена видеоверсия интервью, озаглавленная „So lief das Interview mit Evo Morales“ (Так прошло интервью с Эво Моралесом) /*Перевод наш*/. Мы признаем печатное интервью, наряду с аудио- и видеоинтервью, одним из самостоятельных подвидов текста интервью с характерным только для него набором когнитивных категорий, стратегий порождения и понимания, в дискурсе которого представляется социальное знание.

Как отмечает международная деловая газета „Financial Times“ (http://www.ft.com), Эво Моралес был весьма значительным и талантливым политическим лидером, благодаря которому Боливия, в отличие от многих других стран Латинской Америки, продолжала активно развиваться. За годы его правления ВВП страны вырос в четыре раза, уровень бедности в стране снизился с 60% в 2006 г. до 34% в 2018 г. и, помимо экономической, на 14 лет воцарилась политическая стабильность.

В диалогическом дискурсе при его порождении – при восприятии происходит обратный процесс – коммуниканты исходят из имеющейся у них ментальной репрезентации ситуации, которую они намерены вербализовать. Выстраивая пропозициональную базу, интервьюер и интервьюируемый создают сообщение. Так, например, в ответ на реплику журналиста о чрезвычайной полярности и разъобщенности страны, экс-президент прибегает, по терминологии Дж. Лакоффа и М. Джонсона, к механизму когнитивной (концептуальной) метафоры (conceptual metaphor), объясняя абстрактный объект необходимостью примирения посредством понятия семьи, ср.:

Spiegel: Das Land ist extrem polarisiert. Sie haben dazu aufgerufen, den Frieden zu bewahren. Hat das unter diesen Bedingungen überhaupt eine Chance?

Morales: Die Versöhnung muss schnell gehen. Die Militärs müssen verstehen, dass wir alle eine große Familie sind. (Военные должны понять, что мы все одна большая семья) */Перевод наш/* (Der Spiegel 23.11.2019).

Сравнивая политические отношения в современной Боливии с семьей, Моралес делает попытку найти какой-либо шанс к политическому примирению, поскольку все понимают, как устроена семья и это во многом связано с социальным опытом, причем необязательно личного плана.

Тема семьи, кровного родства является в тексте интервью одной из ведущих, поскольку Эво Моралес неоднократно упрекает путчистов в гонениях на своих единомышленников. Так, например, на вопрос журналиста об опасности развязывания в Боливии гражданской войны, он отвечает:

Morales: Sie bringen meine indiginen Brüder und Schwestern ums Leben. (Они лишают жизни моих кровных братьев и сестер) /Перевод наш/. Безусловно, контекст употребления любой метафоры чрезвычайно важен для ее интерпретации.

Неоднократно прибегая к метафорам как непрямому способу выражения мысли, и журналист, и Эво Моралес пытаются яснее донести свою мысль до читателей журнала. Ответы экс-президента эмоционально окрашены, а идеи –

запоминаются. Несмотря на то, что когнитивная метафора как ментальная операция, способ познания, оценки и объяснения окружающей среды [Будаев, Чудинов 2018; Musolf 2017] не всегда дает ответ на поставленный журналистом вопрос, она, умело использованная, оказывает значительное влияние на общественное сознание.

В тексте интервью употребляются также грубоватые метафоры, ср.:

Morales: Ich klammere mich nicht an die Macht, das Verfassungsgericht hat mir die Kandidatur ermöglicht. (Я не цепляюсь за власть, конституционный суд одобрил мою кандидатуру).

Spiegel: Es sieht aber schon so aus, als würden Sie sich an die Macht klammern. (Но это выглядит так, как будто-то вы цепляетесь за власть).

В реплике Моралеса и журналиста применяется когнитивная метафора «удерживать власть из последних сил, цепляться за нее».

Для привлечения внимания адресатов в интервью используются и прецедентные имена, известные, как правило, всем читателям. В частности, Э. Моралес выражает упрек в адрес правительства США, когда говорит следующее:

Morales: Washington hat auch als erste Regierung das Putschistenregime anerkannt (Вашингтон первым признал режим путчистов). В реплике экс-президента содержится метонимия, поскольку представлено переименование, которое, способствуя созданию убедительности и выразительности высказывания, актуально в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане.

Заключение. На современном этапе развития когнитивной лингвистики предпринимаются попытки применить теорию когнитивного моделирования к дискурсам различных жанров и видов текста в рамках отдельных языков и культур. В этой связи проблема изучения дискурса немецкоязычного политического интервью относительно нова. Имеющиеся в этой области результаты требуют дальнейших, более углубленных исследований, поскольку подходы к изучению дискурса в рамках когнитивного анализа могут существенно различаться в зависимости от научных школ и исходных позиций отдельных исследователей.

Литература

Аласания К.Ю. Методы анализа политического текста // Пространство и время текста. 2015. Т. 10. Вып. 1.

Алтунян А.Г. Анализ политического текста. М.: Логос, 2014. 384 с.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафоры в политической коммуникации. 3-е изд. М.: Флинта, 2018. 249 с.

Бычковская Н.В. Синтактико-прагматические особенности текстов интервью в массмедийном дискурсе (на материале современных немецких журнальных интервью): автореф. дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2016.

Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. … д-ра филол. наук. М., 2003.

Магировская О.В. Перспективы когнитивных исследований дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2014. Вып. 88. № 6 (335). С. 151-154.

Новикова Е.А. Лингво-когнитивные аспекты спортивного интервью (на материале англоязычной прессы) // Филологические науки. Вопросы теории и пракитики. 2018. № 5-2 (83). С. 366-370.

Романова Т.В. Когнитивный анализ текста: работа над методологическими ошибками // Когнитивные исследования языка. 2013. № 14. С.493-496.

Таюпова О.И. Совокупность современных подходов к исследованию дискурса // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. № 3. С. 669-673.

Чикилева Л.С. Прагматические и стилистические особенности американского инаугурационного дискурса // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2017. № 4 (20). С. 87-91.

Шапочкин Д.В. Метод когнитивного анализа дискурса в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2013. Вып. 76. № 10 (301). С. 101-107.

Шевченко О.А. Когнитивная модель дискурса интервью (на мат-ле современной англоязычной прессы): автореф. дис. … канд. филол. Тольятти, 2006.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.

Der Spiegel. 23.11.2019. № 48.

Financial Times. URL: http://www.ft.com.

Musolf A. Metaphern in Diskursen // Handbuch Sprache und Politik in 3 Bänden. Bd. 2. Bremen: Hempen Verlag, 2017. S. 450-463.

Spitzmüller J. Diskursanalyse // Handbuch Sprache und Politik in 3 Bänden. Bd. 1. Bremen: Hempen Verlag, 2017. S. 346-364.

O.I. Tayupova (Ufa, Russia)
Baskir State University

LINGUOCOGNITIVE ANALYSIS OF POLITICAL INTERVIEW (ON THE MATERIAL OF GERMAN MAGAZINE DISCOURSE)

The article analyzes a magazine political interview, immersed in a specific social context, and reveals the specifics of its cognitive nature. The discourse of the German language interview in question is related to the recent political defeat and resignation of the Bolivian President Evo Morales. Cognitive analysis focuses on the metaphors and metonymy used in the speech of both the interviewer and the interviewee, and contributes to increasing of the effectiveness of communication.

Key words: political discourse, interviews, linguistic-cognitive analysis.

А.С. Тенихина *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский государственный педагогический университет
Ast_uspu@mail.ru

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО МИНИМУМА ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВ, ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК[1]

Данная статья посвящена анализу лексического минимума русского языка как иностранного. Лексический минимум рассматривается как компонент Российской государственной системы сертификационного тестирования зарубежных граждан по русскому языку и как средство обучения, как компонент разговорной лексики. Были проанализированы работы известных ученых и проработаны вопросы определения и отбора лексического минимума, необходимость формирования лексических минимумов для разных этапов обучения. Также автор статьи обращает внимание на действующие стратегии лексического минимума.

Ключевые слова: лексический минимум, русский язык как иностранный, методика РКИ, лингводидактика, когнитивно-моделирующий подход, уровни владения РКИ.

Лексический минимум – компонент Российской государственной системы сертификационного тестирования зарубежных граждан по русскому языку, средство обучения и компонент разговорной лексики. Рассматривая этапы развития лексических минимумов, Е.И. Маркина отмечает, что «из большого количества лексических списков, обслуживающих процесс обучения иностранному языку (алфавитных и тематических словников в составе учебников и учебных пособий, глоссариев, тезаурусов, учебных словарей общей и терминологической лексики)», лексический минимум «выделился в самостоятельный компонент лингводидактического тестирования, в особый вид куррикулярного документа, регламентирующего динамику развития словарного запаса учащихся и определяющего тем самым лексическую составляющую содержания обучения» [Маркина 2011: 3]. Данное направление активно развивалось, а в конце прошлого века разработка лексических минимумов перешла в трендовую прикладную область, под которую была создана градуальная серия лексических минимумов Российской государственной системы сертификационного тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку (ТРКИ). Разработан современный формат лексического минимума как специфического лексикографического произведения и намечены пути создания терминологических минимумов для иностранных учащихся российских вузов различных профилей и специальностей [Маркина 2011: 4]. Также представления об общих принципах отбора лексики, для обучения русскому языку инофонов складывались в

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-313-90061 «Когнитивно-моделирующий подход формирования лексического минимума для молодежи, изучающей русский язык как иностранный»; научный проект № 19-013-00895 «Учимся понимать Россию: когнитивные стратегии формирования методического материала по русскому языку как иностранному»

трудах Р. Мишеа, М.А. Скопиной, Р.М. Фрумкиной, Е.В. Ятаевой, Н.З. Бакеевой, П.Н. Денисова, В.В. Морковкина и др.

Современное распространение компьютерных технологий и развитие корпусной лингвистики позволяет по-новому взглянуть как на понятие лексического минимума, так и на критерии его отбора. В связи с этим Раицкая отмечает: «В новых программах для бакалавриата важнейшей и обязательной составной частью должен быть лексический минимум, составленный по самым современным методикам, исключающим субъективность пусть даже опытных и высококвалифицированных профессоров и преподавателей» [Раицкая 2009: 160].

Обращаясь к вопросу о стратегиях лексического минимума, мы проанализировали работы П. Нейшена, Н. Шмитта, М.Ю. Сидоровой и М.В. Силантьевой. В своей теории Шмитт предлагает новую систему стратегий обучения лексике, принимая за основу работы Р. Оксфорд и П. Нейшена. Они выделяют определенные стратегии изучения: социальные, когнитивные, основанные на запоминании и метакогнитивные. Социальные стратегии ориентированы на общение, когнитивные стратегии предполагают развитие речемыслительной деятельности, стратегии, основанные на использовании механизма памяти, ориентированы на соотнесение нового материала с уже существующими знаниями. Соответственно метакогнитивные стратегии имеют своей целью осознанный взгляд на весь процесс обучения и принятые на его основе решения, направленные на успешное освоение нового материала. Развивая данный подход, предлагают учитывать также стратегию определения, которая необходима в ситуациях, когда человек «встречается с новым словом и пытается понять его значение без обращения к опыту другого человека» [Сидорова, Силантьева 2016: 86].

Значительный вклад в теорию учебной лексикографии в целом и в формирование теоретической базы создания лексических минимумов русского языка в частности, внесли В.В. Морковкин, П.Н. Денисов и М.А. Скопина. В своих работах эти ученые затрагивают целый ряд основополагающих проблем, таких как соотнесение способов структуризации лексических единиц в словаре с видами речевой деятельности; использование статистического принципа в процессе отбора словников; подходы к составлению профессионально ориентированных учебных словарей; способы интеграции лексического минимума в практику преподавания РКИ.

Таким образом, мы видим, что Россия активно укрепляет свои позиции в мировом пространстве: в области международной политики, экономики, образовательной сферы. Однако для реализации политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества следует добиваться более широкого включения России в международное образовательное пространство, всемерно способствовать экспорту российских образовательных услуг, расширению объемов подготовки иностранных граждан в российских образовательных учреждениях, повышению привлекательности получения образования в Российской Федерации в целом. Именно через образование можно сформировать осознанное отношение к необходимости эффективного партнерства в разных сферах межнационального взаимодействия, любовь и интерес к России, мотивировать

иностранных граждан к изучению русского языка как в родной, так и в неродной языковой среде.

Литература

Андрюшина Н.П. Лексические минимумы по русскому языку как иностранному: проблема отбора лексических и фразеологических единиц. М., 2011. URL: https:/cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-minimumy-po-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu-problema-otbo-ra-leksicheskih-i-frazelogicheskih-edinits (дата обращения: 15.02.2020).

Антонова В.Е., Нахабина М.М., Сафронова М.В., Толстых А.А. Дорога в Россию: учебник русского языка (элементарный уровень). 7-е изд., испр. Златоуст: ЦМО МГУ, 2013. С. 344.

Вагнер В.Н. Лексика русского языка как иностранного и ее преподавание: учебное пособие. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 104.

Веснина Л.Е. Преподавание лексики в аспекте изучения русского языка как иностранного на начальном этапе // Филологический класс. 2017. № 3 (49). С. 47-51.

Курлович И.Н., Зуб Ж.А. К вопросу об эффективном усвоении лексического минимума на занятиях РКИ // Иностранные языки в вузе и школе. 2017. С. 165-167.

Ласкарева Е.Р. Прогулки по русской лексике. СПб.: Златоуст, 2010. 224 с.

Маркина Е.И. Лингводидактические основы разработки лексических минимумов по русскому языку как иностранному (для разных уровней и профилей обучения): автореф. дис. … канд. пед. наук. М., 2011.

Попкова Л.М. К вопросу о лексическом минимуме // Мир без границ: русский язык как иностранный в международном образовательном пространстве. 2019. С. 175-182.

Раицкая Л.К. К вопросу о лексическом минимуме бакалавров // Филологические науки в МГИМО. 2009. № 35 (50). С. 160-178.

Санникова А.В. Методика преподавания русского языка как иностранного: курс лекций. Минск: БГМУ, 2004. С. 89.

A.S. Tenikhina (Ekaterinburg, Russia)
Ural State Pedagogical University

LINGUOCOGNITIVE BASES FOR VOCABULARY TEACHING TO FOREIGNERS LEARNING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

The article analyzes basic vocabulary in Russian as a foreign language. Basic vocabulary is regarded as a component of the Russian state system of testing foreigners in their knowledge of Russian, as a means of teaching and as a component of spoken word stock. Works of prominent linguists have been analyzed and the problems of defining and selection of basic vocabulary have been discussed. The importance of development of basic vocabulary for different levels is emphasized. The article provides an overview of the strategies of selection of basic vocabulary.

Key words: basic vocabulary, Russian as a foreign language, methods of teaching Russian as a foreign language, linguodidactics, cognitive-modeling approach, levels of Russian as a foreign language.

С.Е. Тимофеев *(Брянск, Россия)*
Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского
drumliker@mail.ru
С.Н. Стародубец *(Брянск, Россия)*
Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского
starodubets.madam@yandex.ru

СОСТАВНОЕ НАИМЕНОВАНИЕ *ВЕЖЛИВЫЕ ЛЮДИ* В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ[1]

В работе освещены результаты исследования идеологем «*вежливые люди*» и англоязычного аналога «little green men» в современных русском и английском языках. Цель – охарактеризовать семантическое поле рассматриваемых единиц в современном языке, сделать заключение относительно эквивалентности их плана содержания.

Ключевые слова: идеологема, составное наименование, семантическое поле, смысловое поле, политический дискурс, Национальный корпус русского языка, News on the Web.

С целью обозначения объективно существующих форм идеологии литературоведом, филологом и философом М.М. Бахтиным был введен в науку термин «идеологема» [Бахтин 1975]. Формой существования идеологем является знаковая форма, например, слово, словосочетание или визуальный образ.

Приведем ряд формулировок этого понятия, предложенных отечественными лингвистами: «идеологический концепт, ментально-стилистический феномен, реализующий конкретную идею посредством стилистических ресурсов языка» [Клушина 2014]; идеологема является «сложным мыслительным образованием, … обладающим социокультурной и исторической значимостью для данного социума» [Пионтек 2012]; идеологема – «единица когнитивного уровня, <…> в структуре которой актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки…» [Малышева 2009: 35].

С нашей точки зрения, идеологему целесообразно определять интегративно как единицу когнитивного уровня, «многоуровневый концепт» (термин Е.Г. Малышевой [Малышева 2009: 35], пояснение наше – С.Е. Тимофеев, С.Н. Стародубец), отображающий идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе представления и суждения носителей языка о различных сферах социально-политической жизни общества, объединенные в одно смысловое поле, – концепт, реализующий общественно-политическую идею аксиоматического или диалогического характера с помощью стилистических ресурсов языка и характеризующийся национальной специфичностью и динамичностью семантики.

При этом считаем целесообразным различать лингвокогнитивное и семиотическое значение термина: идеологема = идеологический концепт, идеологема = семема с идеологическим компонентом значения, обуслов-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90031

ленным продуктивным функционированием языковой единицы в контексте политических дискуссий.

Подчеркиваем, что при описании плана содержания концепта и семемы считаем целесообразным дифференцировать использование лингвистических терминов *смысловое* и *семантическое поле* (в узком смысле без отношения к парадигматическим связям слова). Смысловое поле является экспликацией плана содержания концепта, семантическое поле – экспликацией плана содержания семемы в узусе.

В опубликованных работах мы проанализировали смысловое поле идеологического концепта ВЕЖЛИВЫЕ ЛЮДИ в русской языковой картине мира фреймовым методом [Тимофеев 2018: 236-244], семантическое поле фразеологизма *«русский дух»* и составного наименования *русский характер* методом семантического анализа [Стародубец, Тимофеев 2019: 239-246].

Смысловое поле названного идеологического концепта в англоязычной языковой картине мира рассматривается нами во второй части диссертационного исследования «Специфика идеологизации составного наименования в русском и английском языке».

Выполним сопоставительный анализ составного наименования *вежливые люди* в современном русском и его эквивалента little green men (polite people) в современном английском языке.

Зафиксируем первичные номинативные значения понятия «вежливый», приведенные в словарях русского языка:

«чуждый грубости; предупредительный; услужливый; выражающий учтивость» (БТС русского языка под ред. С.А. Кузнецова [http://gramota.ru]); *«соблюдающий правила приличия, воспитанный…»* (словарь русского языка Ожегова [https://slovar.cc]); *«учтивый, обходительный…»* (толковый словарь Ефремовой [https://slovar.cc]).

Первичные значения понятия «polite», приведенные в словарях английского языка:

*“*relating to, or having the characteristics of advanced culture*”, “*showing or *characterized by correct social usage”, “marked by an appearance of consideration, tact, “marked by a lack of roughness or crudities”* (Merriam-Webster [https://www.merriam-webster.com]); *“*middle- or upper-class people who behave *correctly in social situations”* (Longman dictionary [https://www.ldoceonline.com], приведена только формулировка выражения “polite society”, подразумевающая эквивалентность варианту polite people).

Таким образом, семантическое поле англоязычного варианта polite people включает составляющие: advanced culture, deference, courtesy people, people with lack of roughness or crudities, middle- or upper-class people, people who behave correctly in social situation.

На основании полученных результатов сделан вывод о смежности плана содержания СН polite people в английском языке и СН *вежливые люди* в русском.

Зафиксирован не идентичный компонент значения в семантическом поле английского polite people, характеризующее *вежливых людей* как представителей среднего или высшего класса общества, чего нельзя сказать о поле русского эквивалента.

Новое значение в смысловом поле концепта ВЕЖЛИВЫЕ ЛЮДИ появилось в результате событий на полуострове Крым 2014 г, когда *вежливыми* стали называть людей в камуфляжной военной форме без отличительных знаков.

Материалом исследования стал современный политический и масс-медиа дискурс, репрезентированный посредством базы «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ) [http://www.ruscorpora.ru]; в английском языке посредством крупнейшего современного электронного языкового корпуса NOW Corpus (News on the Web) [https://corpus.byu.edu/now/].

В качестве прямого эквивалента в английском языке в результате исследования определено СН little green men, в качестве дополнительного – polite people.

В результате исследования англоязычного корпуса зафиксировано преобладающее количество контекстов с употреблением выражения little green men. Polite people преимущественно регистрируется в прямом значении. Статистическое распределение следующее: из общего количества контекстов 16% – polite people, 84% – little green men.

Опираясь на методику сопоставительного анализа значений, мы зафиксировали семы русского и английского СН и распределили по трем группам: аналоги (передающие в английском языке элемент плана содержания, эквивалентный «русской» семе), противоположные, не нашедшие соответствия в английском языке. Приведем их ниже.

Аналоги:

без знаков отличия <=> without Russian Army insignia; non-uniformed; un-badged; unidentified*; в полной экипировке спецназа* <=> special forces in camouflage*; российские военные* <=> conventional Russian Army ground troops*; солдаты российской армии* <=> Russian paratroopers*; уверенная сила без агрессии* <=> peaceful, genuine force*; упакованные и вооруженные до зубов* <=> well-equipped and armed to the teeth*;корректное поведение* <=> scrupulously good behavior*; олицетворение силы, спокойствия, уверенности и вежливости* <=> genuine force, calm demeanour and few words, peaceful, no hostility.

Противоположные:

присоединение Крыма ≠ who seized the Crimean peninsula in *2014; герои для жителей Крыма* ≠ insurgents; *герои-освободители Крыма* ≠ aggression against their neighbors; to provide the combat force*; гарант мира и стабильности* ≠ combat fatigue; who infiltrate foreign nations*; появившиеся в Крыму весной 2014 года* ≠ stormed into Crimea*; вежливое отношение к людям, корректное поведение* ≠ violence and strains of separatism*; освобождение Крыма* ≠ triggered a conflict that has now claimed well more than 10,000 lives; *бренд российской миротворческой инициативы* ≠ combat fatigue.

Не нашедшие соответствия в русском/английском языке:

thousands of little green men; in the form of Kurd, the Syrian National Army, and the Iranian IRG; mysterious; Putin's; who infiltrate foreign nations; Rus*sia's masquerade***;** helping Ukraine's rebels; *товарный знак*; *марка одежды*; *берегут честь и славу Отчизны*.

По результатам проведенного сопоставительного анализа значений зафиксированных семантических полей русского и английского аналога СН *вежливые люди* получили следующее процентное распределение, отражающее степень соответствия, эквивалентности сем СН русского языка семам соответствующего СН в английском языке: 35,5% – «не нашедшие соответствия в другом языке», 35,5% – «аналоги», 29% – «противоположные».

Подчеркиваем, что в русском языке первичное устойчивое сочетание *зеленые человечки*, идентичное СН *вежливые люди,* малопродуктивно. Данный вывод подтверждается фактом отсутствия контекстов в исследуемом НКРЯ с ключевым выражением *зеленые человечки*. СН *вежливые люди* закрепилось в узусе, эксплицирует идеологическую мелиоративную оценочность и этнокультурную коннотацию.

Фиксируем, что в результате идеологизации СН *вежливые люди* в русском языке архисема «соблюдающий правила приличия» → «вооруженные люди в камуфляжной форме без опознавательных знаков, появившиеся в Крыму», спектр дифференциальных сем: «сверхсовременные», «высокопрофессиональные», «корректные», «сдержанные», «внимательные», «герои».

В английском языке устойчивое сочетание little green men высокопродуктивно, идентично СН малопродуктивному polite people.

Статистическая характеристика маркированности: из 100% зарегистрированных в корпусе контекстов, количество маркированных связью с тематической областью «события в Крыму 2014 г.» в английском NOW корпусе: ≈ 7%, в НКРЯ: ≈ 6%.

СН little green men закрепилось в англоязычном узусе, эксплицирует идеологическую оценочность мелиоративного и пейоративного типа и этнокультурную коннотацию, которую можно сформулировать следующим образом: “Putin’s non-uniformed, well-equipped and armed to the teeth insurgents who seized the Crimean peninsula in 2014 used violence and aggression against their neighbors”.

В результате идеологизации СН little green men (≈ *вежливые люди*) в английском языке архисема «соблюдающий правила приличия, честный» → «вооружтнные люди в камуфляжной форме без опознавательных знаков, неопознанные и неизвестно откуда появившиеся в Крыму», спектр дифференциальных сем: «путинские», «экипированные и вооруженные до зубов», «насильственным путем захватившие Крымский полуостров в 2014 г.».

Литература

Бахтин М.М. Слово в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.

Клушина Н.И. Теория идеологем // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50).

Пионтек Б.М. Общеязыковые факторы генезиса идеологемы как категории политической лингвистики (на материале польского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 24 с.

Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 4 (30). С. 35.

Стародубец С.Н., Тимофеев С.Е. «Русский дух» и *русский характер* в современном русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 6. С. 175-181.

Тимофеев С.Е. Составное наименование *вежливые люди* в современном политическом и масс-медиа дискурсе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 5. С. 236-244.

S.E. Timofeev (Bryansk, Russia)
Bryansk State University named after I.G. Petrovsky
S.N. Starodubets (Bryansk, Russia)
Bryansk State University named after I.G. Petrovsky

COMPOUND NAME LITTLE GREEN MEN (POLITE PEOPLE) IN RUSSIAN AND ENGLICH LANGUAGES

The paper shows results of the research of ideologeme “вежливые люди” and its equivalent “little green men” in the modern Russian and English languages. The aim is to characterize the semantic field of these units in modern language, to conclude about the units meaning equivalency.

Key words: ideologeme, compound name, semantic field, political discourse, Russian National Corpus, News on the Web.

М.К. Тимофеева *(Новосибирск, Россия)*
Институт вычислительных технологий СО РАН
mtimof@inbox.ru

КОГНИТИВНАЯ СТРУКТУРА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА[1]

Поэтический текст рассматривается как отражение и итог процесса познания автором определенного аспекта мира. Задача данной работы состоит в анализе когнитивной структуры такого процесса. В качестве методологической основы исследования использована теория риторической структуры, ранее к поэтическим текстам не применявшаяся. Языковой материал состоял из 20 лирических стихотворений двух авторов (А.К. Толстой, И.Ф. Анненский).

Ключевые слова: когнитивная структура, поэтический текст, теория риторической структуры, пропозиции, риторические отношения, стилеметрия.

Поэтическое творчество – это особый способ познания, отражением и итогом которого является текст, – зачастую небольшого размера, – понимание которого создает в сознании читателя (слушателя) определенное сложное содержание, включающее рациональные, эмоциональные, эстетические составляющие. Изучение этого содержания в целом выходит за пределы данного исследования. Задача работы состоит в анализе созданного автором пути к пониманию, в изучении траектории движения мысли, фор-

[1] Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00466

мирования смысла текста на основе восприятия его частей и их взаимосвязей. Структура такого пути является, по сути, пропозициональной.

Поэтический текст можно изучать на разных языковых уровнях. Чаще всего исследуются ритмические и лексические аспекты, их взаимосвязи, соотношение с синтаксисом и смыслом поэтического текста. Эту область изучают поэты (в частности, А. Белый, В. Брюсов), специалисты в области стиховедения (например, [Гаспаров 2012; Якобсон 1985]) и стилеметрии [Мартыненко 1988].

Пропозициональная структура, отражающая движение мысли, представляет собой более глубинный уровень, отчасти связанный с синтаксическим, однако выходящий за его пределы и более отдаленный от тех аспектов ритмики, которые видятся наиболее специфичными для поэзии и находятся в фокусе внимания многих ее исследователей. Однако если мы рассматриваем стихотворение как отражение познавательного процесса, его пропозициональная организация выходит на первый план: именно этот уровень может дать информацию о специфике такого рода познания и его особенностях у разных авторов.

Признанным средством изучения функциональной организации дискурса, прошедшим обширную эмпирическую проверку, является теория риторической структуры (ТРС) [Mann, Thompson 1988]. Опыт применения данной теории к поэтическим текстам отсутствует, однако это объясняется не какими-либо принципиальными факторами, а скорее традицией, восходящей к первоначальным установкам ее авторов, У. Манна и С. Томпсон [Mann, Thompson 1987: 20]. Ничто не препятствует анализировать посредством ТРС поэтические тексты, включающие рассуждения, повествования. Тем не менее, удалось найти лишь один пример такого рода исследования [Lu 2014].

Теория риторической структуры – это инструмент для функционального описания дискурса. Текст представляется как последовательность элементарных дискурсивных единиц, каждая из которых обладает своим назначением (функцией), внося вклад в формирование смысла всего текста. Структура целостного текста иерархична и представляет собой дерево, в котором взаимосвязи между дискурсивными единицами на всех уровнях иерархии основаны на одном и том же наборе риторических отношений.

Построению такой структуры предшествует сегментация текста на элементарные дискурсивные единицы, рассматриваемые как «порции» информации, одновременно удерживаемой в активном состоянии в сознании человека [Рассказы о сновидениях 2009: 55-57], причем особую важность при выделении таких единиц представляют просодические признаки. Элементарные дискурсивные единицы часто совпадают с клаузами.

При применении ТРС для анализа поэтических текстов сегментация проводилась, как правило, по строкам стихотворения. Аналогичным образом сегментирован поэтический текст при использовании ТРС в [Lu 2014].

Материал исследования состоял из текстов лирических стихотворений А.К. Толстого и И.Ф. Анненского. Проанализировано по 10 стихотворений каждого автора, размер стихотворений – от 9 до 34 строк, общее количество словоупотреблений – 1717. Построение структур стихотворений осуществлялось посредством инструмента RSTTool (http://www.wagsoft.com/RSTTool/). Количество типов отношений, использованных для построения структур, рав-

но 26. В текстах А.К. Толстого встретилось 178 случаев использования этих отношений, в текстах И.Ф. Анненского – 125 случаев.

В результате были получены частотные характеристики встречаемости разных типов отношений, проведен сравнительный анализ этих характеристик, выявлены особенности организации рассуждения в поэтическом тексте.

Частотность отношения r вычислялась как процент количества использований r в текстах рассматриваемого автора от общего количества использований отношений у того же автора. Частотные характеристики отношений приведены на графике. Можно видеть, что линии в значительной степени коррелируют. Пики встречаемости отношений в стихотворениях обоих авторов приходятся на Conjunction (Конъюнкция) и Elaboration (Детализация).

В то же время обнаружены и различия. Наиболее существенное из них состоит в использовании отношения Antithesis (Антитезис), характерном для текстов И.Ф. Анненского и редким для текстов А.К. Толстого.

Важная особенность структурной организации рассуждения в рассмотренных поэтических текстах состоит в ритмичности движения мысли. Часто встречаются последовательности однотипных подструктур. Для иллюстрации приведены три примера из стихотворений А.К. Толстого.

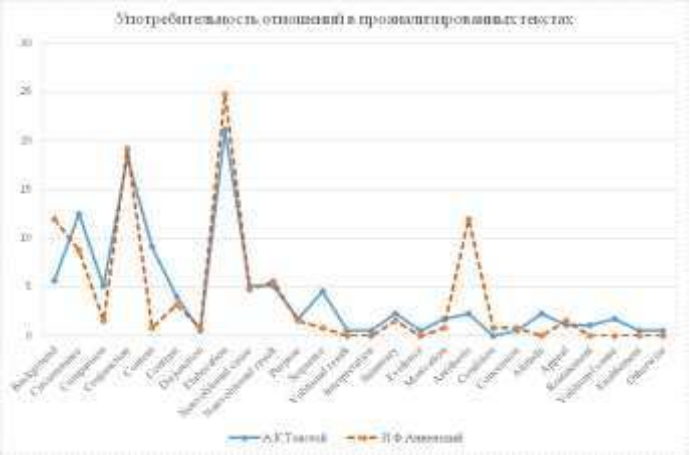


Рис.

В первом примере представлена последовательность из четырех конъюнктов одной и той же конъюнкции, во втором – последовательность из двух разных конъюнкций, в третьем – последовательность из двух подструктур с отношением Circumstance (Обстоятельство). Встречаются и более сложные повторяющиеся конструкции. Имеются также регулярности, основывающиеся на иных типовых формах. Например, вложенные конъюнкции, а также конъюнкции с одним-двумя начальными простыми конъюнктами и завершающим (структурно) усложненным конъюнктом.

Проведен типологический анализ конструкций разного уровня сложности, характерных для проанализированных стихотворений.

Опыт применения теории риторической структуры к поэтическим текстам позволил получить результаты, демонстрирующие перспективность такого подхода. Предполагается продолжить данное исследование, проведя сравнительный анализ стихотворений разных периодов творчества А.К. Толстого, а также поэтических произведений других авторов.

Литература

Гаспаров М.Л. Метр и смысл. М.: Фортуна ЭЛ, 2012.

Мартыненко Г.Я. Основы стилеметрии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988.

Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А.А. Кибрика и В.И. Подлесской. М.: Языки славянских культур, 2009.

Якобсон Р.О. Ретроспективный обзор работ по теории стиха // Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 239-269.

Lu Y. Applying Rhetorical Structure Theory to classical Chinese poetry: a case study of Mulan Ci // Proceedings of the 2nd ASEAN Plus Three Graduate Research Congress (2nd AGRC), Bangkok, Thailand, February 5–7, 2014. Bangkok: Mahidol University, 2014. P. 415-423.

Mann W., Thompson S. Rhetorical Structure Theory: A theory of text organization. Technical report No. ISI/RS-87-190. University of Southern California, Information Science Institute, 1987.

Mann W., Thompson S. Rhetorical Structure Theory: Toward a functional theory of text organization // Text – Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse. 1988. Vol. 8. № 3. P. 243-281.

M.K. Timofeeva (Novosibirsk, Russia)
The Institute of Computational Technologies of SB RAS

COGNITIVE STRUCTURE OF POETIC TEXT

A poetic text is considered as the output of the author's attempt to comprehend some aspect of reality. The aim of the paper consists in studying the cognitive processesreflected in poetry, in particular, the structure of such processes. The work uses Rhetoric Structure Theory as the methodological basis; this theory has no previous applications to poetic texts. Language material includes 20 verses written by two poets (A.K. Tolstoy, I.F. Annensky).

Key words: cognitive structure, poetic text, rhetoric structure theory, proposition, rhetoric relations, stylometry.

Н.В. Трошина *(Брянск, Россия)*
Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского
natalya_troshina@mail.ru

ГЕШТАЛЬТНАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТА *НАРОДНОСТЬ* В ДИСКУРСЕ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА

В статье описывается гештальтная структура концепта НАРОДНОСТЬ в дискурсе славянофильства. Гештальты персонификации и реификации раскрываются через глагольную и именную сочетаемость имени концепта.

Ключевые слова: гештальт, концепт, народность, славянофильство, персонификация, реификация.

Одной из самых важных идеологем, под знаком которых шло формирование русского сознания и культуры XIX века, является *народность*. Возникнув как литературно-эстетическая категория, как дань романтической традиции, *народность* в 30–40-е годы XIX столетия перестала быть сугубо литературным понятием; проблема народности охватила решительно все области общественной жизни, выражаясь, в частности, в идеологических спорах между славянофилами и западниками.

В концептосфере представителей славянофильства НАРОДНОСТЬ является одним из ядерных концептов, наряду с такими, как САМОБЫТНОСТЬ, ОБЩИНА, СОБОРНОСТЬ, НАРОД и др. [Трошина 2004]. И исследование его гештальтной структуры позволит наиболее полно представить содержание концепта НАРОДНОСТЬ в дискурсе славянофильства.

Под гештальтами мы, вслед за Л.О. Чернейко, понимаем «импликатуры предикативно-атрибутивной сочетаемости абстрактного имени как скрытые проекции абстрактной сущности на конкретное явление, зримые физические формы метафизического, абстрактного» [Чернейко 1995: 81]. Гештальт, как целостный образ, совмещает «чувственные и рациональные элементы», объединяет «динамические и статические аспекты отображаемого объекта или явления» [Попова, Стернин 2007: 84].

Гештальтная структура концепта раскрывается через синтагматические связи имени концепта. По замечанию Чернейко, абстрактные имена через глагольную и атрибутивную сочетаемость «представляют стоящую за ними сущность и как активный субъект действия (агенс) чаще всего в акте персонификации (олицетворения), и как объект воздействия в акте реификации (овеществления)» [Чернейко 1995: 76]. Ядерная лексема-репрезентант концепта НАРОДНОСТЬ как абстрактное имя позволяет выявить новые проекции концепта через описание его гештальтной структуры.

1. Гештальты персонификации.

В гештальт-структурах персонификации народность представляется как агенс или объект действия. В текстах статей славянофилов народность выступает как активное начало, живое существо, деятельность которого имеет положительную направленность.

Народность – это «всевидящий»: «*Народность… смотрит на весь мир*» [Аксаков 1981: 205]; «одаряющий»:«*она [народность – Н.Т.] собою богатит все человечество…*» [Хомяков 1900: 228]; «созидающий (лекарь, строитель)»: «*она… живит и строит ум человека*» [Хомяков 1900: 228]; «учитель»: «*… народность одна только дает нашему уму материал самой мысли…*» [Хомяков 1900: 227].

Народность достойна высокого положения, истинного признания ее величия – эти представления заключены в гештальтах «высокопоставленное лицо», «хозяин», выводимых из контекстов «служение народности» [Хомяков 1900: 229], «…все в нем, хорошее или дурное, принадлежит народности» [Хомяков 1900: 214].

В дискурсе славянофильства лексема *народность*, как репрезентант концепта, в большей части случаев реализует значение «национальная самобытность». При этом понятие национальной самобытности у славянофилов связывается не столько с этнографическими атрибутами, сколько с органичной, целостной формой сознания народа. Идеологи славянофильства трактуют народность в смысле духовной самобытности, связывают ее с категориями своеобразного, индивидуального. И эту самостоятельность народного воззрения, по мнению славянофилов, нужно отстаивать и беречь. Поэтому многие гештальты, выводимые из текстов славянофильского дискурса, выражают идею утверждения народности. При этом, с одной стороны, народность предстает как победитель: «*Никому из нас не входит в голову ни малейшего сомнения на счет окончательного торжества народности*» [Хомяков 1900: 211]. С другой стороны, за права народности следует бороться: «*Ломоносов… чувствовал права народности и немало за нее спорил*» [Хомяков 1900: 206-207]. Порой она требует особого внимания и защиты, потому что находится на грани жизни и смерти: «*Живое выражение народности Греческой разбудит понятие и об нашей, едва дышащей в умолкающих песнях*»

[Киреевский 1911: 237]. Народность очень легко потерять, но трудно вернуть – именно такое представление выводится из гештальта народность – «беглец»: «*Есть такие счастливые страны… где нет погони за народностью*» [Аксаков И.С. 1981: 264].

В статье А.С. Хомякова «Разговор в Подмосковной» (она построена на основе полилога четырех действующих лиц, среди которых основными являются Тульнев, креатура писателя, рупор его мыслей, и Запутин, отстаивающий позиции западников) встречаются сочетания «нянчиться с народностью», «носиться с народностью», «кокетничать с народностью»: «…народность крепкая не требует подпоры, а слабой не подопрешь и кокетничать с нею не для чего… Есть что в ней доброго и здорового, оно само скажется, и скажется тем естественнее и сильнее, чем менее вы будете с нею нянчиться и носиться» [Хомяков 1900: 206]. Эти слова принадлежат Запутину, поэтому гештальты «ребенок», «объект симпатии», эксплицированные названными сочетаниями и значительно снижающие статус народности, характеризуют не славянофильскую позицию, а западническую: западников раздражало преувеличенное чувство народности у представителей московской партии. Стилистическая маркированность глагола *носиться* в сочетании с пейоративной оценочностью, иронический характер и пейоративная оценочность глагола *кокетничать* (ср.: «Кокетничать… угодничать, умильничать, заискивать угодливыми приемами» [ТСД 2006: 134]) эксплицируют негативное отношение западников к славянофильскому пониманию народности. По замечанию А.И. Герцена, «идея народности сама по себе, – идея консервативная, выгораживание своих прав, противуположение себя другому… Народность как знамя… только тогда окружается революционной ореолой, когда народ борется за независимость, когда свергается иноземное иго» [Герцен 1975: 213]. Славянофилы же провозгласили народность «знаменем» в борьбе не против политического рабства, а против ига духовного.

2. Гештальты реификации.

Среди гештальтов реификации представлены образы растительного мира: «трава» – «падает и никнет народность» [Аксаков 1995: 368], «цветок» – «…пусть свободно и ярко цветут все народности в человеческом мире» [Аксаков 1995: 369]. Такие гештальты совмещают идею развития, расцвета и увядания, гибели, одновременно реализуют идею о хрупкости, уязвимости народности. Вместе с тем гештальт «цветок» ассоциативно связан с представлением о народности как об отдельном элементе в общечеловеческом «букете». Стоит отметить, что, отстаивая идею национальной самобытности, идеологи славянофильства вовсе не противопоставляли народность и общечеловеческое, а, напротив, декларировали их тесную связь: «Зачем же давать такое тесное значение моим словам о народности?… Она есть начало общечеловеческое, облеченное в живые формы народа… она, по своему общечеловеческому началу, в себя принимает все человеческое…» [Хомяков 1900: 228]. Общечеловеческое начало в народности обогащает саму народность, одновременно сохраняет ее уникальность, включает народ в историю человечества, обеспечивает взаимопонимание народов, возвышает народ до человечества.

Другие гештальты реификации – «воздух», «атмосфера» – представляют народность как живительную силу, как начало, без которого человек, народ не смогут жить: «Нам надобно напомнить о народности, нам надобно дохнуть ее крепким, здоровым воздухом» [Аксаков К.С. 1981: 203]. Идея жизненной необходимости в народности отражается и через гештальт «здоровье»: «…тогда Германия была больна безнародностью и говорила о народности» [Хомяков 1900: 209].

Гештальт «зеркало» («отражаться в народности» [Хомяков 1861: 267]) реализует основополагающую идею славянофилов в теории народности: вся жизнь народа и отдельного человека преломляется в народности; она отражает суть народа, как зеркало – внешний облик человека.

Сочетание «укрепление народности» («…небесполезно заботиться об укреплении народности» [Хомяков 1900: 211]) эксплицирует гештальты «дом», «крепость», реализующие идею необходимости защиты народности.

Ценность народности утверждается в гештальтах «богатство», «ценная вещь»: «Право, наша народность стоит-таки чего-нибудь» [Хомяков 1900: 211].

Таким образом, представленные в славянофильском дискурсе гештальты персонификации и реификации демонстрируют многообразие синтагматических связей лексемы народность, что подтверждает сильный обобщающий потенциал концепта НАРОДНОСТЬ в дискурсе славянофильства. В целом описанные гештальты расширяют объем концептуальных признаков концепта и эксплицируют положительное отношение славянофилов к тому явлению идеального мира, которое стоит за именем народность.

Литература

Аксаков И.С. Статьи // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М.: Современник, 1981.

Аксаков К.С. Статьи // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М.: Современник, 1981.

Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1995.

Герцен А.И. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Правда, 1975. Т. 5.

Киреевский И.В. Полное собрание сочинений: в 2 т. М.: Путь, 1911. Т. 2.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.

ТСД – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз.: Медиа, 2006. Т. 2.

Трошина Н.В. Ядерные языковые концепты в учении русского славянофильства 30–60-х годов XIX века: автореф. дис. … канд. филол. наук. Орел, 2004.

Хомяков – Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова: в 4 т. М.: Университетская типография, на Страстном бульваре, 1900. Т. 3.

Чернейко Л.О. Гештальтная структура абстрактного имени // Филологические науки. 1995. № 4. С. 73-83.

N.V. Troshina (Bryansk, Russia)
Bryansk State University

GESTALT STRUCTURE OF THE CONCEPT NATIONALITY IN THE DISCOURSE OF SLAVOPHILISM

The article describes the gestalt structure of the concept NATIONALITY in the discourse of Slavophilism. Gestals of personification and reification are revealed through the verb and noun compatibility of the concept name.

Key words: gestalt, concept, nationality, Slavophilism, personification, reification.

Е.В. Трощенкова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный университет
e.troschenkova@spbu.ru

КОММУНИКАТИВНАЯ КООРДИНАЦИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ КАК РЕАКЦИЯ НА СПИН ЧЕРЕЗ УМОЛЧАНИЕ

Статья нацелена на анализ онлайн координации пользователей социальных сетей, возникающей как реакция на спин через умолчание, который осуществляется инициатором публикации. Изучение поста Politico в Instagram и связанных с ним комментариев сторонников Сандерса показывает, что существует четыре взаимодействующих, но различных паттерна координации, которые вместе образуют интегрированную защитно-атакующую стратегию. Эта стратегия способствует продвижению кандидата, одновременно позиционируя его как жертву предвзятых СМИ и погруженной в интриги партийной элиты, вызывая у аудитории чувство негодования из-за обмана и манипуляций ее мнением.

Ключевые слова: общественно-политический дискурс, социальные медиа, спин, умолчание, коммуникативная координация, координационный паттерн.

Один из способов управления общественным мнением – подача информации в выгодном для пользующейся этим приемом стороны ключе, в пиар-технологиях часто называемая термином «спин». Его вариант подразумевает возможность значимого умолчания, намеренного неразглашения определенной информации [Трощенкова 2014: 141]. Спин можно рассматривать как один из видов манипуляции, понимаемой, согласно [Dijk 2006: 360], как коммуникативная и интеракциональная практика, при которой манипулятор осуществляет контроль над людьми, обычно вопреки их воле и интересам. Среди разных видов такого контроля упоминается манипулирование краткосрочной памятью аудитории, при котором внимание намеренно усиленно привлекается к информации А (согласующейся с интересами манипулятора), чтобы, тем самым, отвлечь его от информации Б, добившись ограниченного или предвзятого понимания сложившейся ситуации [Dijk 2006: 366].

Настоящее исследование обращено к реакциям аудитории в случаях, когда спин через умолчание используется в популярных социальных медиа. Цель заключается в моделировании координативных процессов в отношении мнений и речевой продукции группы, которая рассматривает себя как жертву такого рода манипуляции.

В качестве материала исследования были выбраны комментарии пользователей (350) к Инстаграм посту 19.09.2019 издания Politico, значительная часть которых (20,3%) обнаруживает негативную реакцию на то, как пост описывает результаты очередных демократических дебатов кандидатов на номинацию в президентской кампании 2020 года в США. Текст инициировавшего дискуссию поста выглядит следующим образом: **Пр. 1**

Former Vice President Joe Biden and Sen. Elizabeth Warren made steady climbs *after last week's Democratic presidential debate.* Sen. Kamala Harris, meanwhile, has plummeted since her breakout performance in the first debate this summer, according to a poll. The national NBC News/Wall Street Journal poll of Democratic primary voters found that while Biden maintains a lead, climbing 5 percentage points in the past two months, Warren has also been on the rise, posting a 6-point gain since July. But Biden (31%) still has a 6-point lead on Warren (25%). Harris, meanwhile, has dropped 8 points to fifth place in the field, falling behind Mayor Pete Buttigieg of South Bend, Ind., whose support remained unchanged at 7%. Link in bio for more on the new poll. 📷Getty Images•3899 likes

Видно, что в нем упомянуты не все кандидаты, участвовавшие в дебатах (только Байден, Уоррен, Харрис, Буттиджич), однако в конце текста размещено приглашение перейти по ссылке к полнотекстовой версии сообщения (за пределами Инстаграм), где более подробно анализируются результаты дебатов (в том числе и в отношении других участников праймериз). Многие пользователи, тем не менее, оказались возмущены тем, что в посте не упомянут Б. Сандерс, хотя по опросам он занимает в рейтинге третье место; вместо этого редакция Politico, по их мнению, злонамеренно перескочила на обсуждение рейтингов менее популярных кандидатов. Причем они придерживаются этого мнения вопреки тому, что ряд других участников скоординированно и довольно агрессивно обвиняет сторонников Сандерса в придирках, отсылая их прочесть статью, где их кандидат также упомянут: **Пр. 2**

Read the article; Can't believe all thew hining Bernie supporters (full disclosure: Bernie is still on my list..) *who didn't even read the full arti*cle before publicly sharing their ignorance; it's in the article; why are too many Bernie supporters like this? He is mentioned in the article; @danielrafaelis read the fucking article👌.

В ответ на замечания, приведенные в пр. 2, сторонники Сандерса консолидируются вокруг идеи того, что манипуляция имела место в силу того, что именно в Инстаграм посте (тексте, отдельном от статьи) не упомянута вся первая тройка: **Пр. 3**

Didn't have to read the article hear about Biden and Warren is the point. Yeah it's not hard to read an article but, you know what they're doing; the article summary lists Warren, Biden... and the jumps to Harris and Mayor Pete. Sanders isn't mentioned. But, that's common for the centrists at politico...; so sneaky politico, whatever read the article, ridiculous that Bernie is not mentioned in the initial comments

when he is polling the same if not better than Biden; Oh is Sanders buried in it [article]? Nevertheless, my point is valid. Politico is guilty as charged.

Рассмотрение всего блока комментариев в поддержку Сандерса позволяет выявить несколько переплетающихся, но отчетливо прослеживаемых координативных паттернов, предполагающих устойчивые аргументативные схемы и повторяющиеся от комментария к комментарию вербальные (и иные) средства воздействия [Трощенкова 2017].

Первый тип – это короткие слогоноподобные комментарии, которые, учитывая их ритмическую организацию, допускают скандирование, а функционально просто привлекают внимание аудитории к имевшему место спину и игнорированию определенного кандидата: **Пр. 4**

WE WANT BERNIE; What about Bernie; Do you remember Bernie; You *forgot to mention Bernie !!*; How about Sanders?; And what about Sanders???; Bernie Baby!! 💙 #bernie2020; BERNIE OR BUST. Написание капс локом, вопросительные, восклицательные знаки (иногда избыточные), эмоджи служат дополнительными средствами привлечения внимания, а также связывают эту группу сообщений со **вторым типом**, к которому можно отнести комментарии, подчеркивающие эмоцию возмущения фактом спина, а также саркастические реакции на него: **Пр. 5**

Weird almost like **someone** is being left out; **What a creative way to** mention every top candidate minus Sanders; **Imagine being able** to type out all that without mentioning Bernie Sanders even once☺; **crazy** right**!!!!?** The fix is in already. Not a single mention of Bernie. ***F'n i*nsane!!**; .....what about Bernie? *You know that other guys who's polling up there with Biden and Warren?* **Terrible** how you all **blatantly** obfuscate the truth. Эта группа комментариев лексически скоординирована использованием высокоэмоциональной лексики (terrible, blatantly, crazy, blatant exclusion, shame on you, complete disdain, lamestream media, ridiculous).

Третья группа помещает конкретный случай спина в широкий контекст, заявляя, что с их кандидатом всегда поступают несправедливо. Комментирующие вспоминают аналогичное поведение прессы в 2016 году и скандал вокруг электронной переписки и действий Национальной конвенции Демократической партии (DNC), по их мнению, «протолкнувшей» Х. Клинтон в кандидаты вопреки предпочтениям рядовых сторонников партии: **Пр. 6**

It's like a **repeat** of 4 years ago; He will **get screwed again** by the DNC!; **screwed again** by Warren this time; last time the **DNC rigged the race** for a homophobic, racist, pro war, pro Wall Street moderate. *They've* **done it again** with Biden but Warren is just competing with her ideas; Of course you make no *mention Sanders' performance,* **yet again**; **As usual** no mention of Sanders who is Beating both Warren and Biden in N.H., CA, Nevada and Colorado even with inflated, basically lying, cherry-picked polls and methods. Maybe you should simply change the name of your publication since – as evidenced in post after **DNC-approved post** – you **can't seem to find any political reporters able to report accurately**. Maybe **DNCitico**?; And they just ignore Sanders. This seems like **2016 all over again**. Poor news coverage; Everyone **overlooked Bernie last election for** Clinton.

Помимо координации в использовании лексики с идеей повтора видно употребление выражений, подчеркивающих несправедливость происходящего (Ср. riggedtherace, screwed, unable to report accurately и из пр. 5 fixisin, obfuscate the truth).

Четвертая группа использует сложившую ситуацию для продвижения своего кандидата, его положительной репрезентации, тем самым они трансформируют защитную стратегию в атакующую: **Пр. 7**

everyone else has **copied** everything he said during the past few years; *It's kinda weird how he's being ignored by most media outlets despite being virtually* **neck and neck with** *Warren.. it's a slow game though,* **his platform has spread to the mainstream** despite lack of coverage; no not everything is about Bernie. But **he is in the top three candidates in every poll**. **Leading in most of them**. Politico rarely, if ever, mentions him positively in headlines or Instagram posts; he's **neck at neck with** Joe Biden, but that never seems to be talked about. It's biased reporting, no doubt; Incredible seeing **all the love for Bernie** in the comments despite the lack of coverage by politico. **Warren is watered down half measure Bernie** with a neoliberal foreign *policy. It's Bernard, sire*; *I love how Politico makes it clear that they're anti*-Bernie when they refuse to acknowledge him as a **leading candidate**. It would be great for Politico to include him... after all, ***he's polling higher*** **than Buttigieg and Harris combined**. ☺; What about the **front-runner** Bernie Sanders? What is going on here?!!!.

Лексически подчеркивается, что Сандерс – один из ведущих кандидатов, популярный вопреки тому, что медиа предвзяты и работают против него (синтаксическая координация в использовании обстоятельств уступки), что другие кандидаты крадут его идеи (что имплицирует высокое их качество). Дополнительное продвижение осуществляется также через гиперссылку к аккаунту самого кандидата @berniesanders и включением в комментарии популярных хэштегов, используемых в его кампании #BernieSanders2020, #Sanders2020, #whataboutbernie, #berniegate.

Обозначенные координационные паттерны оказываются тесно взаимосвязаны за счет того, что в одном комментарии употребляются координативные элементы, присущие разным паттернам. Тем самым, из отдельных паттернов выстраивается целостная защитно-атакующая стратегия, направленная на то, чтобы позиционировать своего кандидата как самого перспективного, но приносимого в жертву интересам партийной элиты предвзятыми СМИ, обратить внимание аудитории на нечистоплотное манипулирование ее вниманием, а следовательно, дополнительно склонить на свою сторону, играя на чувстве справедливости и праве на независимое мнение.

Литература

Трощенкова Е.В. Реакция на spin в американском общественно-политическом дискурсе. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2014. Вып. 2. С. 141-152.

Трощенкова Е.В. Стабильность и развитие паттернов коммуникативной координации в глобальных стратегиях общественно-политического дискурса // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXX. С. 644-647.

Dijk T.A. van. Discourse and manipulation // Discourse & Society. 2006. Vol. 17 (12). P. 359-383.

E.V. Troshchenkova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

COMMUNICATIVE ALIGNMENT OF USERS AS A REACTION TO SPIN BY FAILURE-TO-MENTION

The article is aimed at analyzing on-line alignment of social media users, emerging as a reaction to spin by failure-to-mention, realized by the initiating post. The study of an Instagram post by Politico and the related comments of Sanders supporters demonstrates there are four interacting but distinct coordination patterns that together form an integrated defense-and-attack strategy. This strategy promotes the candidate, simultaneously positioning him as a victim of biased media and plotting party elites, encouraging in the audience the feeling of indignation at being manipulated and deceived.

Key words: sociopolitical discourse, social media, spin, failure-to-mention, communicative alignment, coordination pattern.

О.А. Турбина *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный университет
(*Научно-исследовательский университет)*
turbina371@mail.ru

СПОСОБЫ КОДИРОВАНИЯ СМЫСЛОВОГО СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТА[1]

Автор приводит дефиницию и рассматривает механизмы смыслового и структурного развертывания текстовой матрицы как разновидности когнитивно-семиотической модели текста. В статье показано, что базовыми дискурс-компонентами текста, управляющими кодированием смыслового содержания текста, являются, наряду с вводными элементами текста (заголовком и эпиграфом), дискурс-компоненты, занимающие внутритекстовую позицию, особенно, если они выполняют дискурсивную функцию текстообразующего символа.

Ключевые слова: текст, когнитивно-семиотическая модель, дискурс, фрейм, матрица.

Семиозис текста является полноценным и завершенным речевым актом, ибо в самом общем смысле речевой акт – это путь от смысла к смыслу: от кодирования смысла автором до его декодирования адресатом. Текст как закрепившаяся в языковом представлении носителей языка лингвосемиотическая единица, – это текст-инвариант, параметры которого идеально соответствуют текстовым универсалиям, – результат семиотического интерязыкового представления всех возможных текстов, совершенный ком-

[1] Статья подготовена при финансовой поддержке РФФИ

плексный сентенциональный знак, предназначенный для выражения целостного и значительного по объему смыслового содержания [Турбина 2018: 38]. Поэтому когнитивно-семиотический анализ любого текста следует начать с его определения как семиотической единицы (знака), параметры которой соответствуют текстовым универсалиям, выявляемым как на смысловом, так и на структурном уровнях. Текстовые универсалии – это общие свойства, характерные для текстов не только в пределах одного, а в разных языках, и которые, собственно, и определяют фрагменты дискурса (большие, или малые формы) как тексты. Текстовыми универсалиями являются, в первую очередь, фундаментальные текстовые категории – целостность и связность, а также импликация как способ представления информации, заключающийся в опосредованном выражении фоновых смыслов и требующий активации как вербальных, так и невербальных каналов обработки информации [Турбина 2018: 45]. Импликация имеет высокую функционально-дискурсивную значимость в эмотивных текстах (художественных, политических, рекламных и в эмогенном дискурсе в целом) и зачастую выдвигается на первый план при когнитивно-семиотическом анализе и при декодировании их смысла. Однако имплицитность принципиально не свойственна текстам научного содержания, в силу чего универсальность данной текстовой категории можно назвать условно маргинальной.

Не менее значимой текстовой универсалией является фреймово-матричный способ его организации, ибо фрейм как содержащая информацию структура, в рамках которой люди осмысливают себя в мире, является когнитивно-семиотической матрицей, «организованной вокруг некоторого понятия и содержащей данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия» [Чудинов 2006: 132]. Текстовый фрейм может быть значительно усложнен и расширен в зависимости от объема, композиции, иллокутивных целей и прочих текстометрических характеристик, ибо структура фрейма может включать достаточно широкую информацию, вплоть до обобщенного опыта когнитивной деятельности человечества в целом [Турбина 2018: 46]. Понятия *фрейм* и *матрица текста* близки и в ряде случаев взаимозаменимы, поскольку матрица текста – это, как и фрейм, когнитивно-семиотическая модель. Различие между данными понятиями в том, что матрица текста являет собой результат творческого переосмысления фреймовой структуры при актуализации текста и/или результат ее интерпретации в процессе восприятия текста-оригинала, а также в том, что понятие *фрейм* относится к плану представления и может быть применимо к любой лингво-семиотической единице (к слову, словосочетанию, предложению, тексту), а понятие *матрица* – только к тексту и обращено в план реализации, т.е. включает активный творческий компонент [Турбина 2019: 839-840]. Как правило, в основе актуализации любого текста лежит один основной фрейм и, в зависимости от смысловой и структурной композиции текста, – один или несколько фоновых.

Смысловая целостность любого текста, независимо от жанровой принадлежности или коммуникативной направленности, обеспечивается понятийно-смысловыми и структурно-грамматическими связями, реализуемыми посредством речевых единиц – дискурс-компонентов. Первостепенной значимостью в формировании текстовой матрицы наделены вводные фразы текста – заголовки и эпиграфы. Их функционально-дискурсивная роль состоит в том, чтобы крат-

ко обозначить смысл текста и/или пояснить (предвосхитить) его основную идею. Заголовок, как «название текста» [Ожегов 1984: 179], как правило, именует основной фрейм текстовой матрицы, а эпиграф, посредством известного изречения или цитаты отсылающий к авторитетному источнику [Ожегов 1984: 808], определяет сценарий и указывает направление развития сюжета. Однако отношение заголовок → эпиграф не всегда имеет форму подчинительной связи эпиграфа заголовку. Например, заголовок романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» как будто отсылает к базовому фрейму *'история любви мужчины и женщины'*, где имплицитно звучит тема любви по ассоциации с серией заголовков известных произведений мировой художественной литературы: «Тристан и Изольда», «Ромео и Джульетта», «Руслан и Людмила» и др. Однако следующий за заголовком эпиграф:

Так кто ж ты наконец? – Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо» (*Гёте «Фауст»)*,

– актуализирует главную тему и сценарий романа – *'отношения и смысл Добра и Зла'*, обозначив два базовых фрейма, формирующих текстовую матрицу *Добро* и *Зло,* и оттеснив тему любви в фоновую позицию, где история отношений двух влюбленных становится увлекательным и увлекающим читателя сюжетом, позволившим автору более четко и убедительно представить сценарий: *единство и борьба противоположностей 'добро ↔ зло'*, срастив два фрейма в один базовый фрейм текстовой матрицы романа [Турбина 2019: 18].

Не меньшую, а иногда – большую значимость для формирования конитивно-семиотической модели текста (текстовой матрицы), для кодирования и декодирования его смыслового содержания имеют дискурс-компоненты, занимающие внутритекстовую позицию. Особенно заметна главенствующая роль внутритекстовых речевых единиц в формировании матрицы символических поэтических текстов, где они, связывая воедино речевые знаки и создавая в совокупности смысловую и структурную целостность текста, выполняют дискурсивную функцию текстообразующего символа – ключа к декодированию смыслового содержания стихотворения:

Она *подкрадется неслышно –*
Как полночь в дремучем лесу.
Я знаю: в передничке пышном
Я ***голубя*** *Вам принесу.*
Так: встану в дверях – и ни с места!
Свинцовыми гирями – стыд.
Но ***птице*** *в переднике – тесно,*
И ***птица*** *– сама полетит!*

Марина Цветаева

Главным смыслообразующим дискрс-компонентом данного стихотворения является речевой знак *она*, объем дискурсивного значения которого формируется посредством семантических связей, прежде всего, с речевыми знаками-символами, точнее – метафорами-символами – *голубь* (*«голубя»*) и *птица* (*«птице», «птица»*), а также их ассоциативными и семантическими отношениями с остальными дискурсивными компонентами текста. Эти

связи имеют двусторонний характер, поскольку символические значения речевых единиц *голубь* и *птица* раскрываются по сути после декодирования речевого значения ключевого дискурс-компонента *она*, выраженного языковым знаком, за которым в системе языка не закреплено конкретного денотативного значения, и который является лишь субститутом имени (местоимением) женского рода единственного числа. Это неназванное имя – слово-табу, произнести которое героиня, сдерживаемая смятением, страхом, стыдом, не в силах, поскольку: ***Она*** – внезапно охватившее героиню («*подкрадется неслышно – Как полночь в дремучем лесу»*) сильное чувство (любовь, страсть: «*в переднич-ке пышном Я голубя Вам принесу»*), скрыть (*«встану в дверях – и ни с места! Свинцовыми гирями – стыд»*) и сдержать которое невозможно (*«Но птице в переднике – тесно, И птица – сама* полетит!»). Фрейм-матрица текста стихотворения, таким образом, выстроен вокруг понятия, выраженного дискурс-компонентом *она*, обозначает ситуацию, порожденную возникшим чувством героини, и то, что это чувство не имеет имени, существенно увеличивает его силу и значимость, возвеличивает его.

Символы могут стать также смыслообразующими ключевыми компонентми прозаических текстов мифов или сказок, в которых они зачастую выносятся в заголовок, чем заметно усиливается их дискурсивная функция в текстовой матрице, в особенности если символические смыслы вплетаются в архетипы. К примеру: *«Аленький цветочек»* – символ искренней, чистой и животворящей любви; *«Красавица и Чудовище»*, где *Чудовище* – архетип деспотичного и зверствующего мужчины, а *Красавица* – архетип идеала женских добродетелей и красоты.

Литература

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984. 816 с.

Турбина О.А. Семиозис эмогенного текста // Эмогенный текст / под ред. О.А. Турбиной. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018. С. 7-83.

Турбина О.А. Фрейм и матрица стихотворения И.В. фон Гёте «Песнь ночных путешественников» // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXIV. С. 839-841.

Турбина О.А. Фреймы *Добро* и *Зло* в текстовой матрице М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 16. № 2. С. 17-26.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 254 с.

O.A. Turbina (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University (National Research University)

WAYS FOR CODING TEXT SEMANTIC CONTENT

The author gives a definition and considers the mechanisms of semantic and structural development of the text matrix as a kind of cognitive-semiotic model of the text. The article shows that the basic discourse components of the text that control the encoding of the semantic content of the text are, along with the introductory elements of the text (heading and epigraph), are discourse components that occupy

the intra-text position, especially if they perform the discursive function of the text-forming symbol.

Key words: text, cognitive-semiotic model, discourse, frame, matrix.

О.С. Федотова *(Рязань, Россия)*
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
o.fedotova@365.rsu.edu.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА *КОНТЕЙНЕР* В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИМПЛИЦИТНОГО ДИАЛОГА АВТОРА С ЧИТАТЕЛЕМ

В статье показано, что метафорический концепт КОНТЕЙНЕР играет значительную роль в имплицитном диалоге автора с читателем. На основе анализа англоязычных художественных произведений конца XVIII – начала XXI веков делается вывод о том, что концептуальная метафора КОНТЕЙНЕР встречается на протяжении всего рассматриваемого периода.

Ключевые слова: концептуальная метафора КОНТЕЙНЕР, имплицитный диалог автора с читателем, эксплицитный диалог автора с читателем, англоязычный нарративный дискурс, концептуально-метафорическая репрезентация.

Концептуальная метафора привлекает в настоящее время пристальное внимание исследователей, что далеко не случайно, так как именно посредством концептуальной метафоры происходит репрезентация ментальных явлений в языке. Метафорические концепты рассматриваются в разных видах дискурса, например, в политическом дискурсе (см. [Будаев, Чудинов 2007] и др.), могут быть объектом исследования в педагогическом образовании [Будаев, Чудинов 2012]. Художественные концепты заслуживают, по мнению Е.В. Дзюба, особого внимания, так как они «обладают высокой степенью индивидуальности и свидетельствуют об уникальности системы представлений автора художественного текста о мире» [Дзюба 2018: 119].

Концептуальные метафоры играют существенную роль в формировании метадискурса англоязычного художественного нарратива. На материале англоязычных художественных произведений конца XVIII – начала XXI веков было выявлено, что эксплицитный и имплицитный диалог автора с читателем формируется на основе разных метафорических концептов (подробнее об эксплицитном и имплицитном диалоге см. [Федотова 2014]). При эксплицитном диалоге автора с читателем задействованы в основном три метафоры: МЕТАФОРА ПУТЕШЕСТВИЯ, ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА и МЕТАФОРА СТРОИТЕЛЬСТВА. В конце XVIII – начале и середине XIX века чтение художественного произведения читателем довольно часто репрезентируется как совместное путешествие автора и читателя или как процесс поглощения пищи, где события фикциональной реальности, т.е. информация о содержательной стороне нарратива подается как еда, пища или обед, ужин. В XX и в XXI веке подобные метафорические концепты практически не встречаются. В свою очередь, в имплицит-

ном диалоге, когда раскрывается эмоциональное и физическое состояние персонажей или когда описывается внешность персонажей, особую активность приобретает метафора КОНТЕЙНЕРА, а также метафора ОГНЯ, ВЫСОКОЙ ТЕМПЕРАТУРЫ, ВОДЫ / ВОДЫ ВЫСОКОЙ ТЕМПЕРАТУРЫ, ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ, ТЕАТРА и т.д. Эти метафорические концепты активны на протяжении всего рассматриваемого нами периода.

В данной статье особое внимание уделяется концептуальной метафоре КОНТЕЙНЕРА, которая наиболее часто проявляется в имплицитном диалоге автора с читателем, так как внутренний мир героев является закрытым пространством, в которое не могут заглянуть другие действующие лица. Чувства и мысли персонажей могут быть видны только читателю. Рассмотрим сказанное на примерах.

В контексте (1) реализуется метафорический концепт ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА – КОНТЕЙНЕР, который заполнен эмоциями:

(1) “Perhaps, too, Joseph Sedley would overhear the compliment – Rebecca spoke loud enough – and he did hear, and (thinking in his heart that he was a very fine man) **the praise thrilled through every fibre of his body, and made it tingle with pleasure**” [Thackeray 2001: 21].

Персонаж ощущает, как похвала заставляет его трепетать, проходя через (through) его тело-контейнер (thrilled through every fibre of his body) и дрожать от удовольствия (tingle with pleasure).

В следующем примере ум человека концептуализируется при помощи метафорического концепта КОНТЕЙНЕР, который наполнен мучительными мыслями:

(2) “The **tumult of her mind was now painfully great**” [Austen 1994: 151].

В примере (3) сознание персонажа представляется в виде КОНТЕЙНЕРА, в котором крутятся различные чувства. Причем эти чувства выступают как материальные объекты (at work within him):

(3) “For nearly ten minutes he stood there, motionless, with parted lips and eyes strangely bright. He **was dimly conscious that entirely fresh influences were at work within him**. **Yet they seemed to him to have come really from himself**. The few *words that Basil’s friend had said to him* – words spoken by chance, no doubt, and with willful paradox in them – **had touched some secret chord that had never been touched before, but that he felt was now vibrating and throbbing to curious pulses**” [Wilde 2010: 18].

Здесь также можно отметить сравнение души человека с музыкальным инструментом (had touched some secret chord), в котором открыли новое звучание, которое издает новые необычные звуки (vibrating and throbbing to curious pulses).

В примере (4) жизнь героини – это КОНТЕЙНЕР, который наполнен эмоциями:

(4) “Poor Connie! As the years drew on **it was the fear of nothingness in her life** *that affected her. Clifford’s mental life and hers* gradually began to feel like nothingness” [Lawrence 1997: 53].

В примере (5) прикосновение отца «пронзает» персонажа насквозь и вызывает внутри него различные химические реакции. Его тело – контейнер, по которому движутся эмоции:

(5) “For some reason, the *gentle touch of his father’s hand felt like it was* burning through him like a potent catalyst that was initiating a chemical reac*tion inside Mal’akh’s body.* **Without warning, he felt a rush of blistering energy surging through his physical shell, as if every cell in his body were now dissolving**” [Brown 2009: 460].

Метафорический концепт КОНТЕЙНЕР часто сочетается с образом воды:

(6) “He drew his breath and opened the door. **Instantly a warm wave of relief flowed through him.** A colorless, crushed-looking woman, with wispy hair and a lined face, was standing outside” [Orwell 2010: 28].

Здесь абстрактное понятие душевного облегчения осознается как теплая волна, проплывающая через сознание персонажа.

Персонаж может ощущать себя как будто бы смытым волной:

(7) “Connie **felt washed-out with fear**” [Lawrence 1997: 101].

Волна может нахлынуть неожиданно:

(8) “Robert Langdon **felt a sudden wave of anxiety** as his driver parked on First Street, a good quarter of a mile from the Capitol Building” [Brown 2009: 24].

Ум персонажа может репрезентироваться в образе КОНТЕЙНЕРА, в котором бушуют неистовые водные потоки:

(9) “Fear, Katherine had once heard, acted as a stimulant, sharpening the *mind’s ability to think. Right now, however,* **her fear had turned her mind into a tumbling torrent of panic and confusion**” [Brown 2009: 185].

В англоязычных художественных произведениях внутренний орган довольно часто может выступать в роли источника эмоций. В контексте (10) сердце персонажа – это КОНТЕЙНЕР, вниз по которому движется вода:

(10) “But **her heart sank**; she saw how utterly he disliked her, when she went against him. And she saw him in a sort of desperation” [Lawrence 1997: 93].

В виде КОНТЕЙНЕРА могут репрезентироваться и другие внутренние органы, например, желудок:

(11) “Peter Solomon stared in disbelief at the grid of symbols before him. The Masonic Pyramid had kept is secret for generations. Now, suddenly, it was being unveiled, and **he felt a cold sense of foreboding in the pit of his stomach**” [Brown 2009: 428].

Или ухо, которое является КОНТЕЙНЕРОМ, заполненным звуками:

(12) “***The man’s words hung* <u>in</u> *Langdon’s ear***” [Brown 2009: 38].

Концептуальная метафора КОНТЕЙНЕР может быть связана с ограничением внутреннего пространства персонажа, который, например, может ощущать себя как запертое в клетку животное:

(13) “Langdon **felt like a caged animal**” [Brown 2009: 37].

Физические проявления эмоций также часто могут репрезентироваться при помощи концептуальной метафоры КОНТЕЙНЕР. Например, в следующих контекстах жидкость (кровь) наполняет КОНТЕЙНЕР и меняет температуру:

(14) “It was some foul parody, some infamous ignoble satire. He had never done that. Still, it was his own picture. He knew it, and **he felt as if his blood had changed in a moment from fire to sluggish ice**” [Wilde 2010: 131].

(15) "***Katherine's blood coursed with raw fear and hatred*** as she spun the wheel and hit the gas. Seconds later, she was fishtailing out onto Silver Hill Road" [Brown 2009: 190].

В англоязычном нарративном дискурсе разум персонажа довольно часто концептуализируется при помощи метафоры КОНТЕЙНЕРА. Например:

(16) "<…>**she began to depict <u>in</u> her own mind** what a Baronet must be" [Thackeray 2001: 58].

Можно отметить, что разум здесь выступает также в образе полотна, на котором можно рисовать (began to depict).

Разум – это КОНТЕЙНЕР, в котором движутся мысли:

(17) "What was needed was a piece of pure fantasy. Suddenly there **sprang into his mind**, ready made as it were, the image of a certain Comrade Ogilvy, who had recently died in battle, in heroic circumstances" [Orwell 2010: 60].

При описании чувств и переживаний персонажей может возникнуть образ птицы, сочетающийся с метафорой тела (сердца как контейнера):

(18) "As it was, ***the sweet fresh little voice went right into the Captain's heart,* and nestled there**" [Thackeray 2001: 44].

Подводя итог, хотелось бы отметить, что анализ концептуально-метафорической репрезентации в имплицитном диалоге автора с читателем позволяет наиболее полно декодировать эмоции и чувства персонажей англоязычных художественных произведений, что способствует наиболее точному восприятию сюжетной линии. Как было показано, чаще всего в англоязычных художественных произведениях реализуется метафорический концепт КОНТЕЙНЕР. В частности, сознание, рассудок, разум персонажей описываются как КОНТЕЙНЕР. Тело человека и внутренние органы (сердце, желудок, ухо и др.) могут быть КОНТЕЙНЕРОМ для различных эмоций. Метафорический концепт КОНТЕЙНЕР сочетается с физическими проявлениями эмоций. Не вызывает сомнения тот факт, что метафоричность является неотъемлемой частью внутреннего мира персонажей англоязычного художественного нарратива.

Литература

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Дискуссия о метафорах в современной зарубежной педагогике // Педагогическое образование. 2007. № 1. С. 188-200.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. М., 2012.

Дзюба Е.В. Когнитивная лингвистика: учебное пособие для высших учебных заведений. Екатеринбург, 2018.

Федотова О.С. Англоязычная художественная проза: структура дискурса и метадискурса: монография. Рязань, 2014.

Austen J. Pride and Prejudice. London: Penguin Books, 1994.

Brown D. The Lost Symbol. London: Bantam Press, 2009.

Lawrence D.H. Lady Chatterley's Lover. London: Penguin Books, 1997.

Orwell G. 1984. СПб.: КАРО, 2010.

Thackeray W.M. Vanity Fair. London: Wordsworth Classics, 2001.

Wilde O. Picture of Dorian Gray. Новосибирск:Сиб. унив. изд-во, 2010.

O.S. Fedotova (Ryazan, Russia)
Ryazan State University named after S.A. Yessenin

THE ROLE OF CONCEPTUAL METAPHOR CONTAINER IN REPRESENTATION OF IMPLICIT DIALOGUE OF THE AUTHOR WITH THE READER

The paper shows that the conceptual metaphor CONTAINER plays a very important role in the realization of the implicit dialogue of the author with the reader. On the analysis of English fictional prose of the end of the XVIII – beginning of the XXI centuries the author of the article comes to the conclusion that the metaphorical concept CONTAINER is actively used during this whole period.

Key words: conceptual metaphor CONTAINER, the implicit dialogue of the author with the reader, the explicit dialogue of the author with the reader, English fictional prose, metaphoric representation.

М.М. Филиппова *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
philippova.marga@gmail.com
Т.Г. Шихалкина *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
shikhalkina@gmail.com

КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ПЕРЕГОВОРОВ НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМОВ

С позиции когнитивной лингвистики рассматриваются некоторые особенности языка переговоров на примере реплик из художественных фильмов; выделены основные задачи понимания функций участников переговоров; сделаны предварительные выводы о теоретическом и практическом решении проблемы коммуникации во время коммерческих переговоров.

Ключевые слова: когнитивный, переговоры, коммуникация, дискурс.

Сегодня для современного научного сообщества большое значение приобрела когнитивная лингвистика. Язык, таким образом, изучается через исследование роли, которую он играет в осуществлении когнитивных процессов мышления, того, как он помогает вербализовать мышление, и того, как лингвистические системы способствуют получению, обработке, сохранению и фиксации необходимой информации.

В данном исследовании поставлена задача разработать концепцию когнитивного анализа особенностей языка деловых переговоров на материале, взятом из англоязычных художественных фильмов в оригинале. Для достижения поставленной цели требуется обобщить предыдущие комплексные исследования, изучающие то, как лингвистическая система функционирует в реальной жизни, рассмотреть, как люди общаются в действительности, и применить полученные данные при анализе ситуаций ведения переговоров в фильмах. Особенный интерес представляют специ-

фические характеристики общения, нацеленные на достижение взаимопонимания и согласия по определенным вопросам.

Для понимания процесса переговоров следует изучить когнитивную и эмоциональную составляющую переговоров при подготовке к реализации и контроле над сложными речевыми действиями. Не менее важно изучить то, как «...стремления и преференции взаимодействуют со знанием, ощущениями и отношениями и как все это систематически ведет к реализации того или иного действия через сложные процессы принятия решения, определения целей и планирования» [Ван Дейк 1989: 14].

Согласно А.А. Кибрику, лингвистические формы отражают то, как человек мыслит, то есть строение сознания и когнитивное состояние индивида. К числу важнейших когнитивных особенностей, определяющих форму дискурса, относят особенности передачи знаний, естественную категоризацию, длительную память, оперативную память, уровень внимания и активности [Кибрик 1994: 126]. Когнитивная лингвистика исходит из того, что языковая форма зависит от лингвистических функций, важнейшими и определяющими из которых провозглашаются когнитивные функции (коммуникативные установки, семантические поля, иллокутивные цели), а остальные языковые функции являются производными, либо сводимы к ним.

Когнитивная сторона дискурса имеет большое значение, так как именно она влияет на дискурс, определяя его форму [Баранов 1988]. Так как различные культурные и социальные системы во многом объясняют речевые особенности человека, необходимо при этом учитывать «экстралингвистические» сферы жизни. Культура и социальность влияют на дискурс через мышление говорящего, определяемое его когнитивной, языковой и риторической компетенцией.

Дискурс – составляющая социокультурной интеракции, определяющейся интересами, целями и личным речевым стилем говорящего. Выбор возможных тем речи часто определяется общекультурными знаниями [Ван Дейк 1989: 53]. Переговорный дискурс является одной из наиболее сложных разновидностей именно с когнитивной точки зрения, что подтверждается рекомендациями авторов пособий по языку переговоров, например: «Переговорные тактики, которые вы можете использовать: *Не показывайте свой интерес к покупке; *Сделайте слегка удивленный вид, услышав цену; *Затем притворитесь, что вы думали, что товар не столь дорогой; *Подчеркните, что этот товар – не совсем то, что вы искали; *Притворитесь, что вы видели аналогичный товар по более низкой цене; *Притворитесь, что у вас с собой недостаточно денег; *Скажите, что вы подумаете об этом и сделайте вид, что собираетесь уходить. Однако не перестарайтесь, не то упустите выгодную сделку» [Powell 2015: 108]. При этом, как это ни парадоксально, во многих пособиях по ведению переговоров речь идет о том, как добиться доверительных отношений. Таким образом, можно говорить о когнитивном конфликте или когнитивном парадоксе переговорного дискурса, когда, с одной стороны, вам требуется культивировать доверительные отношения с вашим визави, а с другой – специалисты рекомендуют вам постоянно притворяться.

И даже учитывая то, что честность и открытость являются ключевыми в деловой коммуникации, иногда стремление к установлению собственных условий влечет за собой применение сторонами широкого спектра стратегий и так-

тик, включая тактику strategic misrepresentation (т.е. искажение фактов в собственных целях, проще говоря – ложь), о преподавании которой в Гарварде профессором Г. Райффой говорит в своей книге Уильям Сафайр: «Профессор обучает правилам принятия коммуникативных решений, поднимая вопрос о необходимости дипломата говорить неправду в целях достижения необходимых договоренностей: это важно, чтобы обучающиеся осознавали неизбежность ситуаций, ставящих их в уязвимое положение. Они должны понимать последствия своего решения честно раскрыть информацию, которая может быть использована противниками, чтобы дискредитировать их» [Safire 1981: 82]. Поэтому для большей корректности интерпретирования коммуникации необходимо проводить анализ цели и когнитивной составляющей высказывания, на которые влияют лингвистические и экстралингвистические психологические факторы.

Бизнес-переговоры – это осознанное намерение индивида или группы через дискурс побудить другого индивида или группу к действию в целях изменения к лучшему ситуации или установления нового уровня отношений между участниками коммуникации.

Чтобы глубже понять речевой жанр бизнес-переговоров, мы обратились к идеям М.М. Бахтина [Бахтин 1979] и других ученых: Halliday, Martin, Ventola, Christie, John Swales, B. Paltridge и др. Следует подчеркнуть, что данный вид коммуникации находится сегодня в динамичном состоянии и является изменчивым и незавершенным. Становление жанра деловых переговоров как части дискурса и самого явления как процесса человеческого взаимодействия определяется социальными факторами.

В основном жанр деловых переговоров охватывает ситуации производства, бизнеса, политические и военные коммуникации. Как показывают наблюдения, сегодня многие руководители и деловые люди убедились в том, что нужно уметь использовать формы и методы словесного воздействия на основе рекомендаций риторики, психологии, этики и социологии. Следует отметить роль эвфемизмов как инструмента когнитивного рефрейминга, то есть представления ситуации выгодным для одной из сторон образом. Например, во время кубинского кризиса 60-х гг., когда мир был на грани ядерной катастрофы, США организовали морскую блокаду Кубы, но дали этому название «карантин», что звучит гораздо менее угрожающе [Malhotra 2016: 124]. Яркие примеры рефрейминга приводит С. Пинкер: «вторжение в Ирак» в отличие от «освобождения Ирака», «прерывание беременности» по контрасту с «убийством нерожденного ребенка», «перераспределение богатства» в отличие от «конфискации доходов» [Pinker 2007: 5]. Многие споры в человеческих делах зависят не от данных или логики, а от того, какой фрейм выбран для репрезентации некоторого факта.

Деловые коммерческие переговоры, анализируемые в нашей работе, характеризуются, как правило, ярко выраженной экспрессивностью, обоюдным желанием сторон повлиять друг на друга и на ход переговоров (воздействие), избежать конфликта, договориться (прийти к определенному соглашению) и извлечь при этом для себя определенную выгоду.

Переговоры – это общение, и его эффективность зависит от коммуникативных навыков сторон, таким образом дискурс влияет на результат, делая

возможным или невозможным достижение коммуникативной цели. Основная цель дипломата – убедить собеседника выслушать его идеи и убедить его в необходимости принятия условий. С точки зрения когнитивной лингвистики понимание – это логическое завершение акта коммуникации. Действие активно. Реципиент, воспринимая лингвистический смысл речи, одновременно является активным участником дискурса: он волен согласиться с предложением оппонента или отвергнуть его (полностью или частично), свободен дополнить речь и сделать контрпредложение, и эта позиция принадлежит ему с начала и до конца. Важно установить цель коммуникации, речь не всегда буквальна, и всегда существует скрытый контекст, доступный обеим сторонам и не выражаемый буквально.

Сначала оппонент воспринимает общую лингвистическую структуру дискурса, затем определяет тактику и структуру мысли говорящего через конкретную коммуникативную ситуацию.

В.З. Демьянков приводит девять основных задач понимания: 1. Применение лингвистических знаний. 2. Понимание структуры и значения речи собеседника, одновременно с разворачиванием дискурса во времени. Например: I have s*omething to tell you. If you want to pay by your credit card… I can decrease it to seven …Sixteen each.* 3. Понимание сказанного. Через внешнюю структуру высказывания мы восстанавливаем структуру мышления оппонента, стараясь воссоздать то, что он не высказал вербально. Например: I'm not saying that what you do isn't important. Avery and I appreciate you, and Liddy just adores you. 4. Понимание замысла оппонента: момент осмысления настоящих и ложных интенций автора речи. Как пример: I know your interest and excitement in this product is greater than the amount you're offering. 5. Осознание различий между внутренним и модельным мирами. Следует обращать внимание на те моменты в речи собеседника, где нарушается целостность и связность уже полученной нами картины сообщаемого. Например: You understand my confu*sion. I'*m actually paying you more money to be here half the time. I'm not saying that what you do isn't important. 6. Осознание отношений внутри модельного и внутреннего миров. Речь идет при этом об установлении внутренних связей между различными событиями в речи собеседника, в том числе, в его аргументации. Например: My point is that we value what you do, but this rate is unreasonable. 7. Соотнесение модельного мира с запасом знаний слушающего. Поняв текст, мы информационно обогащаемся. Например: Steven has approached me at least several times. The ND *there gave me his number. They'll make me a better offer. It's* a five-minute drive. 8. Соотнесение понимания с линией поведения слушающего. 9. Выбор тональности понимания, ключ. Необходимо стремиться воспринять обращенные к нам слова как сказанные с добрыми намерениями в наших же интересах и удерживать эту тональность понимания даже при гипотезах о противоположном.

Деловая общественность на современном этапе социального и экономического развития возлагает большие надежды на коммуникативный процесс, в ходе которого достигаются диалог и взаимопонимание людей, разделенных экономическими, политическими, идеологическими, культурными границами. Поэтому актуальной остается задача преодолеть барьеры традиционных схем и

расширить знания о процессах деловой коммуникации в терминах когнитивистики и прагматики.

Литература

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

Баранов А.Г. Текст в функционально-прагматической парадигме. Краснодар: КубГУ, 1988.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.

Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. 23. С. 153-211.

Демьянков В.З. Недопонимание как нарушение социальных предписаний // Язык и социальное познание: сборник научных статей / АН СССР. М., 1990. С. 56-65.

Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126-139.

The discourse of negotiation: Studies of Language in the Workplace / ed. by A. Firth. Oxford, etc.: Pergamon, 1995. Вып. XV.

Malhotra D. Negotiating the Impossible. How to Break Deadlocks and Resolve Ugly Conflicts (without money or muscle). Oakland, CA: Berrett-Koehler Publishers Inc., 2016.

Pinker S. The Stuff of Thought. Language as a Window into Human Nature. Penguin Books, 2007.

Powell M. International Negotiations. CUP, 2015.

Safire W. William Safire on Language. Avon Books. New York, 1981.

Warren M. Inexplicitness. A Feature of Naturalness in Conversation // Text and Technology. Sweden: University of Lulea, 1987. P. 37-53.

Используемые фильмы

Nightcrawler. Written by Dan Gilroy. USA. 2014.

30 Rock. Written by Tina Fey. USA. 2006–2013.

Ocean's Eleven. Written by Ted Griffin. USA. 2001.

True Grit. Written by Joel Coen, Ethan Coen. USA. 2010.

M.M. Philippova (Moscow, Russia)
Moscow State University
T.G. Shikhalkina (Moscow, Russia)
Moscow State University

COGNITIVE CHARACTERISTICS OF THE NEGOTIATION LANGUAGE WITH REFERENCE TO TEXTS OF FEATURE FILMS

This paper discusses some features of the negotiation language from the cognitive linguistics perspective; the main tasks of understanding negotiators' functions are highlighted; preliminary conclusions are made about the theoretical and practical solution to the problem of communication in commercial negotiations.

Key words: cognitive, negotiations, communication, discourse.

Е.И. Хабирова *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
khabirovaei@susu.ru

КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА НАУЧНОЙ СТАТЬИ

В статье представлено исследование когнитивного подхода к анализу текста научной статьи. Описываются типы знания, объективированные в структуре текста научной статьи. Рассматривается понятие академической грамотности в контексте лингвистической компетенции. Приводится пример когнитивного анализа научной статьи с учетом критериев качества научного текста.

Ключевые слова: научный дискурс, когнитивный анализ, тип знания, академическая грамотность, когнитивная структура текста.

Применение когнитивного подхода в изучении дискурса обусловлено его «высоким объяснительным потенциалом», который открывает широкие перспективы для исследований этого явления в лингвистических и нелингвистических направлениях. В рамках данного подхода дискурс рассматривается как результат взаимодействия когниции и коммуникации [Магировская, Дубровская 2018: 526].

Целью данного исследования является изучение возможностей когнитивного подхода к анализу качества научной статьи, то есть выявление взаимосвязи между когнитивной структурой текста научной статьи и уровнем его качества.

Научная статья представляет собой разновидность жанра научного дискурса. Научный дискурс рассматривается как «семантический способ организации знания, который обладает независимостью от культурной и языковой традиции». Способность научного дискурса упорядочивать знания объясняется тем, что процедура научного обоснования и форма подачи информации четко регламентированы [Шипунова, Березовская 2018: 5].

Как отмечает Л.А. Манерко, тексту, демонстрирующему зрелый научный уровень знания, присущи: «четкая синтаксическая последовательность в организации предложений и изложения в целом, тщательный отбор лексики и терминологичность, строгость и точность объективной передачи информации, полнота высказывания, которая не дополняется знанием той или иной ситуации, а вытекает из значимости описываемого» [Манерко 2013: 114].

В пространстве научного текста отражается научная картина мира, в которой объединяются научные знания о мире, сложившиеся на определенном этапе развития человеческого общества [Ракитина 2017: 36].

Исследователи выделяют различные типы знания в структуре текста. Л.А. Манерко, рассматривая текст как результат дискурсивной деятельности человека, считает, что в нем отражаются знания о мире, знания о коммуникативном событии и предполагаемые знания адресата, лингвистические знания [Манерко 2013: 109]. В свою очередь, О.В. Магировская и О.Г. Дубровская предлагают более подробную классификацию типов знания, которая в определенной степени соотносится с типологией Л.А. Манерко. Авторы второй классификации в отдельные группы выделяют знания о языке как системе кодирования знаний о мире и знание о форматных характеристиках дискурса, его

конститутивных признаках, которые коррелируют с более общей категорией – лингвистическими знаниями. Социолингвистическое знание, знание об участниках дискурсивного события и знание об экстралингвистической ситуации можно объединить в предложенную Л.А. Манерко группу «знания о коммуникативном событии и предполагаемые знания адресата». И, наконец, знания о мире представлены в обеих классификациях [Магировская, Дубровская 2018: 528].

Наряду с лингвистическим толкованием научного текста, заслуживает внимания и точка зрения экспертов по академическому письму, которая отражает педагогические аспекты этого явления. Одним из ключевых понятий в сфере академического письма выступает термин «академическая грамотность», который непосредственно связан с «комплексным развитием металингвистических и лингвистических компетенций» [Короткина 2017: 113], со «способностью транслировать академический письменный дискурс на базе иноязычных профессионально ориентированных академических текстов, критически мыслить, повышать свою самообразовательную компетентность в учебных и профессиональных целях» [Смирнова 2015: 59]. Таким образом, с лингвистической точки зрения академическая грамотность может быть отнесена к категории знаний о языке, поскольку подразумевает умение упорядочивать текст в соответствии с законами лексической и грамматической сочетаемости и связности изложения.

Кроме того, помимо владения методами и технологиями построения научного текста в соответствии с определенной отраслью знания, необходимо «иметь смелость активно участвовать в обновлении знания и поиске новых путей к решению этих проблем» [Короткина 2017: 114].

Качество академического текста оценивается по таким важным критериям, как последовательная аргументация, правильная организация текста и синтаксически ясное языковое оформление [Короткина 2017: 115]. Следовательно, высокое качество текста свидетельствует о высоком уровне развития металингвистических и лингвистических компетенций его автора, его академической грамотности, структурированности различных типов знания.

Для выявления взаимосвязи между когнитивной структурой текста научной статьи и уровнем его качества была предпринята попытка когнитивного анализа типов знания, объективированных в тексте научной статьи. В качестве источника материала был выбран международный рецензируемый научный журнал издательства Elsevier “English for Specific Purposes”. Тематика журнала охватывает темы, связанные с преподаванием и изучением дискурса для конкретных сообществ: академического, профессионального или иного профиля, а также вопросы, затрагивающие изучение языка для специальных целей. В рамках данного исследования для анализа было отобрано 5 научных статей открытого доступа, опубликованных в журнале за период 2015–2020 гг. [Gablasova 2015; John et al. 2017; McDowell, Liardét 2020; Smith 2020; Stapleton, Leung 2019]. Тексты научных статей были проанализированы с точки зрения соответствия требованиям журнала, логичности и последовательности аргументации, правильной организации структуры текста, языкового оформления.

Согласно требованиям журнала [ESP], структура научной статьи должна состоять из таких разделов, как Введение (Introduction), Материал и Методы (Material and methods), Результаты (Results), Обсуждение (Discussion) и Заключение (Conclusions). Кроме того, статья сопровождается описанием ключевых моментов (Highlights) и Аннотацией (Abstract).

Очевидно, что все отобранные для анализа статьи четко структурированы в соответствии с требованиями научного журнала, отличаются логичной и последовательной аргументацией и правильным языковым оформлением.

Проследим, какие типы знания объективированы в тексте научной статьи. Например, в общей структуре статьи “Learning technical words through L1 and L2: Completeness and accuracy of word meanings” автор выделяет такие подсекции, как “Learning specialised vocabulary in academic contexts”, “Factors affecting vocabulary learning from reading”, “Research questions”, “Pre-test”, “Post-test” и др. [Gablasova 2015]. Наличие тематически озаглавленных подсекций демонстрирует способность автора структурировать содержание научного текста, выделять главную и второстепенную информацию, а также соотносить ее с поставленной целью. Статья посвящена исследованию качества знаний технических слов, которые старшеклассники выучили в процессе предметного чтения. В данном контексте объективированы знания исследователя «о мире», а именно, об особенностях изучения технических слов и факторах, влияющих на эти процессы. Автором представлен критический обзор исследований по данному вопросу.

Лингвистические знания исследователя отражаются в его способности использовать адекватные лексические и грамматические средства выражения результатов когнитивной деятельности. Лингвистические знания вербализуются в специальных терминах: L-2 medium students, bilingual programme, vocabulary acquisition, mental lexicon, pedagogical context, profficiency и др. Кроме того, использование грамматических конструкций (Present Simple для констатации фактов, Passive Voice для акцентирования внимания на действиях и т.п.) свидетельствует об умении автора применять адекватные грамматические средства. Так, в описании текущего состояния проблемы и актуальности исследования в тексте научной статьи используются глаголы в форме Present Simple: is, remains, focuses и др. Для обзора предыдущих исследования использованы глаголы в форме Past Simple: addressed, found, contained, added, faced и др.

Текст научной статьи написан с учетом жанровых и стилистических характеристик научной статьи, а также уровня подготовленности читателя. Статья предназначается специалистам в области преподавания английского языка для специальных целей, написана академическим английским языком. Таким образом, специфика построения научной статьи обусловлена коммуникативным знанием исследователя.

В результате исследования было установлено, когнитивный анализ текста научной статьи позволяет выявить различные типы знания в ее структуре, значительно расширяет возможности оценки качества текста. Четкое соответствие жанровым и стилистическим характеристикам научного текста, логичность и последовательность изложения, использование специальной терминологии и адекватного лексико-грамматического оформления свидетельствует об академической грамотности и успешно сформированных металингвистических и

лингвистических компетенциях автора. Выявление несоответствия текста научной статьи необходимым критериям позволяет установить степень сформированности определенных типов знаний у автора и подобрать необходимую стратегию для их дальнейшего развития и совершенствования.

Литература

Короткина И.Б. Оценка академического и научного текста в трех измерениях академической грамотности // Ценности и смыслы. 2017. № 6 (52). С. 109-126.

Магировская О.В., Дубровская О.Г. Принципы когнитивной организации дискурса // Когнитивные исследования языка. 2018. Т. 34. С. 526-529.

Манерко Л.А. Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2013. № 1. С. 100-118.

Ракитина С.В. Пространство научного текста, результирующее этап дискурсивной деятельности ученого // Гуманитарные исследования. 2017. № 4 (64). С. 35-40.

Смирнова Н.В. Академическая грамотность и письмо в вузе: от теории к практике // Высшее образование в России. 2015. № 6. С. 58-64.

Шипунова О.Д., Березовская И.П. Особенности когнитивного взаимодействия в практике научной коммуникации // Дискурс. 2018. № 3. С. 3-9.

ESP – English for Specific Purposes. URL: https://www.elsevier.com/journals/english-for-specific-purposes/0889-4906/guide-for-authors.

Gablasova D. Learning technical words through L1 and L2: Completeness and accuracy of word meanings // English for Specific Purposes. 2015. Vol. 39. P. 62-74. URL: https://doi.org/10.1016/j.esp.2015.04.002.

John P., Brooks B., Schriever U. Profiling maritime communication by non-native speakers: A quantitative comparison between the baseline and standard marine communication phraseology // English for Specific Purposes. 2017. Vol. 47. P. 1-14. URL: https://doi.org/10.1016/j.esp.2017.03.002.

McDowell *L, Liardét* C. Towards specialized language support: An elaborated framework for Error Analysis // English for Specific Purposes. 2020. Vol. 57. P. 16-28. URL: https://doi.org/10.1016/j.esp.2019.09.001.

Smith S. DIY corpora for Accounting & Finance vocabulary learning // English for Specific Purposes. 2020. Vol. 57. P. 1-12. URL: https://doi.org/10.1016/j.esp.2019.08.002.

Stapleton P., Leung Ka Kin B. Assessing the accuracy and teachers' impressions of Google Translate: A study of primary L2 writers in Hong Kong // English for Specific Purposes. 2019. Vol. 56. P. 18-34. URL: https://doi.org/10.1016/j.esp.2019.07.001.

E.I. Khabirova (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University

COGNITIVE ANALYSIS OF RESEARCH ARTICLE TEXT

The article presents a study of cognitive approach to the analysis of the text of a research article. The types of knowledge presented in the structure of the

text of a research article are described. The concept of academic literacy in the context of linguistic competence is considered. An example of cognitive analysis of a research article with reference to the quality criteria of the scientific text is given.

Key words: scientific discourse, cognitive analysis, type of knowledge, academic literacy, cognitive structure of the text.

Е.Г. Хомякова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный университет
e.khomyakova@spbu.ru

ДИАЛОГ С ХУДОЖНИКОМ. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА ОДНОГО ИНТЕРВЬЮ[1]

Статья посвящена комплексному культурно-когнитивному анализу текста интервью с русским художником Покрасом Лампасом с целью исследования, каким образом в языке находит отражение самоидентификация личности художника, процесс его интерференции в мировое культурное сообщество и репрезентация национальной идентичности сквозь призму восприятия его произведений живописи, отражение в них картины мира социума.

Ключевые слова: концепт, ценность, искусствоведческий текст, информационная доминанта, интервьюируемый, интервьюер, смысловой модуль, мультикультурализм.

В работе проводится лингвокультурологический анализ текста интервью с российским художником Покрасом Лампасом, основателем нового направления в искусстве – Calligrafuturism, совмещающего на основе разных письменностей, культур и поколений технику каллиграфии и граффити (каллиграффити). Покрас Лампас, чьи картины находятся в частных коллекциях по всему миру, участвует в арт-проектах, международных выставках, перфомансах и стрит-арт фестивалях в России и за рубежом. Лингвокультурологический анализ текста его интервью как разновидности искусствоведческого дискурса позволяет понять, каким образом русский художник, космополит по образу жизни, позиционирует свои работы в современной зарубежной парадигме, как в языке интервью оценивает себя и свое творчество сквозь призму русской культуры и как определяет место последней в мировом культурном пространстве.

Вопросы искусства традиционно рассматриваются в рамках работ искусствоведческого жанра, авторами которых может быть (1) художник, (2) искусствовед-профессионал, критически оценивающий и описывающий произведение искусства (3) зрители, реципиенты-непрофессионалы, оценивающие художественное произведение с точки зрения своих знаний и понимания изображенного. Языковое пространство искусствоведческого дискурса формируют тексты мемуаров, автобиографий, биографий, монографий, статей, комментариев, каталогов, научных докладов, блогов, анонсов, рекламы и интервью.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00276

Именно язык интервью является предметом проводимого в статье лингво-когнитивного и культурологического анализа. Текст интервью традиционно изучается как репрезентация диалогического общения между говорящими: интервьюером (журналистом) и интервьюируемым (респондентом / нарратором) в рамках коммуникативной ситуации с целью получения определенной информации, характер которой может варьироваться в зависимости от контекста общения. В этой связи выделяют **событийный** тип интервью [Хомякова 2016], в котором внимание журналиста сконцентрировано на событиях, происходящих в мире или в жизни интервьюируемого, и **нарративный** тип интервью [Лапшина 2008], связанный с мировосприятием и жизнеустройством интервьюируемого. Анализируемый в статье текст интервью относится к нарративному типу и является примером искусствоведческого жанра.

Структура рассматриваемого интервью относится к традиционному типу и включает ряд обязательных компонентов. Во-первых, это **название текста интервью**: «Pokras Lampas on His Commission for Dover Street Market». Оно обычно содержит имя интервьюируемого, что особенно важно, если это известная личность, и имеет одну из нескольких выделяемых М.П. Брандесом [Брандес 2004] функций (номинативная, информативная, экспрессивно-апеллятивная, рекламная, разделительная). В анализируемом тексте – это рекламная функция, поскольку в названии речь идет о заказе, поступившим Покрасу Лампасу от Рей Кавакубо, хозяйки магазина Dover Street Market, основательницы Comme des Garcons, почитательницы России и русского искусства. Следующим обязательным компонентом структуры текста интервью является **вступительная статья**, в которой для того, чтобы обеспечить понимание темы, приводятся факты о личности интервьюируемого и вводится когнитивно-информационная доминанта интервью, т.е. тема, которая в наибольшей степени интересует журналиста, но которая для читателя во введении полностью не раскрывается, чтобы поддержать его интерес к диалогу.

In the end of November this year **the Russian-born artist Pokras Lampas** unveiled his monumental mural created on the facade of Dover Street Market in London. Lampas is one of ***the world's most famous ca*lligraphy artists, who became famous for his unique** *fusion of graffiti and calligraphy called "ca*lligr*affiti." His* **self-developed technique** caught the attention of the famous minimalist fashion designer Rei Kawakubo. Kawakubo has already been known for **her appreciation of Russia and Russian art** and she openly declares **her interest and support of the Russian world of design** [russianart].

Из вступления следует, что русский по происхождению Покрас Лампас, сотрудничающий с Рей Кавакубо, является одним из наиболее известных в мире молодых художников, который отличается уникальной постоянно развиваемой им техникой каллиграффити. Название текста интервью и вступительная статья направлены на читателя и призваны заинтересовать его в последующем **диалоге**, который и является еще одним компонентом текста интервью.

Основное содержание диалога в тексте интервью определяется вопросами интервьюера. В анализируемом тексте можно выделить несколько

когнитивно-смысловых модулей, формулируемых художником, который, отвечая на вопросы журналиста, рассуждает и высказывает свою точку зрения по обсуждаемым проблемам.

Первый модуль диалога, способствующий положительной самопрезентации художника, формирует тему сотрудничества с Рей Кавакубо в работе над международным проектом в Лондоне, в котором принимают участие выдающиеся Европейские художники и дизайнеры и который для Покраса Лампаса явился продолжением его творчества в Токио, Нью-Йорке и Париже и привел к созданию целого ряда выдающихся произведений:

The first installation appeared in Tokyo and **was followed** by the works in Beijing and NewYork. The London installation was unveiled on 29 November **simultaneously with another one** in New York. **The final work in the series** was created in Paris [russianart].

В данном фрагменте преобладает авторское видение активного процесса сотрудничества, а указание на локацию презентаций его инсталляций свидетельствует о мировой востребованности работ художника. Более значимым для данного модуля является концептуально оформленная художником в тексте интервью востребованность свободы творчества, чувств, выражения, креативности. Воплощение этой концептуально-ценностной идеи он находит в сотрудничестве с Рей Кавакубо и CDG (Comme des Garcons), в союзе искусства и моды и излагает в интервью в виде рассуждений о своем понимании смысловой ценности работ художника, о значении его авторской независимости (My **main requirement** in such projects is not to be limited artistically). Для этого в языке интервью он прибегает к приему метафоризации (weary our freedom), к использованию позитивной эмоционально-оценочной составляющей (the **perfect way** to unit eart and fashion, these ideas are **very important**, *a*nother **important factor**):

Among other things there were two ideas that stated: *'***Wear your freedom***' and 'Wear with feelings'. These seemed to me* **the perfect way to unite art and fashion**. Many of their texts in general **speak about freedom, feelings, creativity** and I think **these ideas are very important** and they should be communicated through completely different formats and projects. **Another important factor was freedom of expression**: Rei and her team not even once edited what I wrote [russianart].

Второй модуль передает представления художника о возможной связи его работ с конкретной культурой или языком, подводит к вопросу о культурнозависимом восприятии его картин представителями разных национальностей и транслирует убеждение Покраса Лампаса о мультикультурной принадлежности его полотен:

There is **no single pronounced language or any cultural identity** with which this language can be associated. This, in fact, is a test of whether this work can look relevant both in New York and in Paris and Tokyo, in world capitals, where **the agenda of multiculturalism is the most relevant** [russianart].

В своем интервью, рассуждая о доступности искусства, о способности человека его понять и увидеть, он говорит о том, что современное искусство включено в повседневную жизнь людей, живет не только в коллекциях больших музеев, но и рядом с ними, но, проходя мимо арт объекта, они подчас не

замечают его, зачастую определяя значимость произведения искусства его институциональной принадлежностью:

Collaborations with brands, **works in the streets**, phone screensavers – all of it is both right next to us and in the major collections of the largest museums. In other words, such **art exists both inside and outside of the institutional paradigm**. This dispersion of contemporary art provides space for reflecting on how we often do not recognize that **we have just passed a work of art**, although had we seen the same piece in the museum space, we would have perceived it in a *different way* [russianart].

Наибольший интерес в рамках проводимого исследования представляет **третий модуль**, который передает представление художника о концептуальном восприятии его произведений в России. По мнению Покраса Лампаса, понимание его искусства определяется в б***о***льшей степени возрастной отнесенностью реципиентов, и для молодежи оценить и понять его искусствоведческие замыслы легче, чем старшему поколению, носителям социалистического мировоззрения в современной России, которые хорошо знакомы с жесткими цензурными ограничениями в отношении представителей мира искусства в СССР:

In my opinion though, it is no longer a problem: the new generation is here, it is changing the world as we speak, and **it is feeling fine in the Russian atmosphere**. At the same time, as an artist, I find it very interesting to establish a dialogue with the older generation, because **when you find common ground, you will see a lot of initiative, support and sincere interest** [russianart].

Рассуждая о своей принадлежности как художника именно к русской культуре, Покрас Лампас говорит, что, хотя его калиграфические полотна резонируют с любой культурой, определяющим фактором для него является ценностное содержание картины и, как для русского художника, для него важно было, например, переосмыслить место кириллицы в контексте Арабской культуры, а, обратившись позднее к изображению креста в своих произведениях, он учитывает, что в советском авангарде крест несет, как религиозную, так и эстетическую коннотацию:

My position depends on each specific work, however. For example, for a cer*tain project I could say: "*Being a Russian artist I want to redefine the Cyrillic alphabet **in the context of Arab culture***".* Such a project could be presented at the Biennale in Sharjah. Here I am acting as **the representative of the Russian culture and portray through the lens of Arabic culture** [russianart].

Важно отметить, что именно символы и знаки имеют особое когнитивное значение, функционируя как маркеры национальной принадлежности в пространстве другой культуры. Таким образом, лингвокультурологический анализ языка текста интервью с российским художником Покрасом Лампасом показал, что культурная принадлежность художника имеет значение как для воплощения его замыслов, так и для интерпретации его произведений реципиентами.

Литература

Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс (На материале немецкого языка): учебник. 3-е изд. перераб. и доп. М.: Прогресс-Традиция: ИНФРА-М, 2004. 416 с.

Лапшина А.Ю. Коммуникативная ситуация нарративного интервью // Вестник Самарского государственного университета. Языкознание. 2008. № 63. С. 71-79.

Филимонова О.Е., Хомякова Е.Г. Событийный характер текста интервью // Англистика XXI века: материалы VIII научно-методической конференции, посвященной памяти профессора С.В. Воронина. 2016. С. 231-236.

Kanunikova Anna – russianart. URL: https://www.russianartandculture.com.

E.G. Khomyakova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

DIALOGUE WITH THE ARTIST. LINGUOCULTURAL ANALYSIS OF THE INTERVIEW TEXT

The article deals with the analysis of the text of the interview with the Russian artist Pokras Lampas, which is aimed at investigating the language of the artist's self-identification, the process of his interference in the world art community, his cultural self-representation through the perception of his pictures, which are open for observation all over the world.

Key words: concept, value, art texts, informational dominant,interviewer, interviewee, sense unit, multiculturalism.

Т.Н. Цинкерман *(Волгоград, Россия)*
Волгоградский государственный университет
tsinkerman@volsu.ru
Н.Ю. Сороколетова *(Волгоград, Россия)*
Волгоградский государственный университет
sorokoletovanat@volsu.ru

КОГНИТИВНЫЕ МОДУЛЯЦИИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ВЗРОСЛОГО В ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Сообщение посвящено особенностям когнитивных модуляций речевого поведения взрослого в ситуациях воспитывающей интеракции в англоязычном воспитательном дискурсе. Авторами выделены модели варьирования взрослым стратегий, тактик, тональностей, интонации. Для каждого вида модуляции уточняются характерные языковые средства и речевые приемы.

Ключевые слова: воспитательный дискурс, когнитивная модуляция, стратегические, тактические, интонационные, тональные модуляции.

Речевое поведение взрослого в англоязычном воспитательном дискурсе представляет собой совокупность вариативных коммуникативных действий, существующих в отдельной лингвокультуре и представленных в коммуникативном сознании представителей данного социума, что подтверждает их этно-

культурную и социальную маркированность. Анализ особенностей речевого поведения взрослого в ситуациях воспитывающего общения позволил выделить ряд когнитивных модуляций, направленных на достижение основной цели воспитывающей коммуникации, а именно социализации личности.

Когнитивная модуляция понимается как осознанное варьирование коммуникативных действий взрослого с целью воздействия на ребенка для достижения микро- и макроинтенций воспитывающего воздействия, а также в случаях коммуникативной неудачи. Взрослый вынужден модулировать, т.е. избирать релевантные ситуации речевые средства и приемы, коммуникативные стратегии и тактики общения с ребенком. Взрослый выбирает модель речевого поведения взрослого с целью воспитывающего воздействия с учетом ценностей данной лингвокультуры и в соответствии со стратагемными, тактическими, стилистическими и жанровыми характеристиками англоязычного воспитательного дискурса [Цинкерман 2016]. Воспитательный дискурс характеризуется неравноправными статусными ролями взрослого и ребенка, доминирующей позицией воспитывающего по возрасту, положению, опыту.

Исследование, проведенное на материале диалогов из современных художественных фильмов на английском языке, позволило выделить стратегические, тактические, интонационные и тональные модуляции в речевом поведении взрослого в англоязычном воспитательном дискурсе, нацеленные на решение глобальной цели воспитывающей коммуникации, социализацию, принуждение ребенка к совершению определенного воздействия, или коррекцию своего речевого поведения для устранения последствий коммуникативной неудачи. Статусные, возрастные и поведенческие различия взрослого и ребенка часто приводят к сопротивлению, нежеланию подчиняться со стороны воспитуемого и необходимости у воспитывающего прибегать к манипуляциям с помощью речевых модуляций.

Стратегическая модуляция воспитывающего дискурса наблюдается в случае осознания взрослым неэффективности выбранного стиля общения и проявляется в изменении взрослым разъяснительной, кооперативной, покровительственной и директивной стратегий с целью социализирующего воздействия на ребенка [Ильинова, Цинкерман 2015]. В следующем примере мать стремится заставить свою дочь похудеть и покупает ей новую одежду на размер меньше. Она избирает кооперативную стратегию в начале диалога, но, потерпев неудачу, переходит к разъяснительной и покровительственным стратегиям: Mother: Surprise! New clothes. Daughter: What? What did I do right? Mother: It was a warehouse sale. I went nuts. I got so much *stuff... She needed a boost. That came together. Daughter:* Eight? What? Mother: Bernie, come on. Listen. You*'re gonna do it, and you*'re gonna look beautiful. Honey, I just... You are going to lose that weight, and... *You know... ... Hey,* Bernie... [Spanglish 2005: 23:33-25:00].

Необходимость вносить изменения в речевое поведение взрослого без смены стиля воспитывающего воздействия объясняет тактические модуляции. Взрослый при сохранении коммуникативного стиля, тональности общения чередует тактики комментирования, оценочности, разделения ответ-

ственности, предоставления права выбора, сохраняя статус старшего, более властного участника диалога, достигая при этом желаемой цели.

При реализации тональной модуляции реплики, обращенные к ребенку, могут маркироваться интонационным выделением с помощью логического ударения нескольких слов в границах одной интонационной группы. Интонация, являясь неотъемлемой частью любого диалога, способствует усилению воздействующего эффекта речи взрослого, способна передавать эмоционально-модальные отношения коммуниканта к высказыванию, т.е. также способствует модуляции его речевого поведения. Кроме того, различные компоненты интонации позволяют транслировать характер статусных и межличностных отношений взрослый-ребенок в разных стилях общения.

Такие компоненты интонации как мелодика, темп (скорость произнесения и паузация), громкость могут являться ключевыми факторами идентификации намерений говорящего, способствовать активизации определенных понятий и образов в сознании ребенка. В ряде примеров обращение взрослого к ребенку представляет самую яркую, выразительную часть на фоне более нейтральной части фразы. Интонационной выделенности обращения способствует комбинация эмфатического тона (нисходяще-восходящий / высокий нисходящий), резкое эмфатическое повышение / понижение уровня громкости голоса говорящего), длинные или сверхдлинные паузы в пред- и постпозиции к обращению. Это также является частью стратегии манипуляции взрослого сознанием ребенка, способом достижения своей цели. Снижение скорости произнесения ключевых фраз (как правило, за счет удлинения гласных фонем, особенности локализации и удлинения пауз) также может способствовать актуализации ментальных процессов ребенка, усиливая прагматический эффект и маркируя стиль общения взрослого в воспитательном дискурсе.

Коммуникативная тональность выступает отличительной характеристикой стиля воспитывающего общения, позволяет взрослому управлять ходом диалога, создавая эмоционально-оценочный фон. Тональные модуляции в речи взрослого наблюдаются как в рамках одного стиля общения, так и при смене стилей общения. В рассматриваемом примере мать в стремлении достичь поставленной цели добиться похудения дочери использует несколько коммуникативных тональностей в рамках одного стиля общения. В начале диалога она избирает дружелюбную тональность (Surprise! New clothes. It was a warehouse sale. I went nuts. I got so much stuff. Great! She needed a boost.), но увидев разочарование девочки, понимает, что цель не достигнута и переходит на доверительную тональность общения (Bernie, come on. Listen. You're gonna do it, and you're gonna look beautiful.), и, осознавая очередную неудачу, вносит коррективы в свое речевое поведение, меняет тональность на менторскую (Honey, I just... You are going to lose that weight) [Spanglish 2005: 23:33-25:00].

Речевое поведение взрослого в англоязычном воспитательном дискурсе опирается на ценности англосаксонской культуры и выражается набором языковых средств и речевых приемом, обусловленных лингвокультурными традициями данной культуры. Однако специфика воспитывающего общения предполагает ситуативную обусловленность вариативности речевых приемов и средств взрослого, проявляется в когнитивных модуляциях речевого поведения

взрослого, направленного на решение социализирующих целей воспитывающей коммуникации.

Литература

Ильинова Е.Ю., Цинкерман Т.Н. Стратегические трансформации и прагматические модуляции стилей воспитывающего общения в англоязычном воспитательном дискурсе // Человек в коммуникации: языковая динамика в современном обществе: электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». 2015. № 1 (35). С. 1-5.

Цинкерман Т.Н. Языковая категоризация ценностей англоязычного воспитательного дискурса в диахроническом аспекте // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 715-717.

T.N. Tsinkerman (Volgograd, Russia)
Volgograd State University
N.Yu. Sorokoletova (Volgograd, Russia)
Volgograd State University

COGNITIVE MODULATIONS OF ADULTS' SPEECH BEHAVIOR IN EDUCATIVE DISCOURSE

The report deals with the features of cognitive modulations of adults' speech behavior in situations of educative interaction in English educational discourse. The authors identified patterns of varying strategies, tactics, tonalities, and intonations by adults. Characteristic language means and speech techniques are specified for each modulation type.

Key words: educational discourse, cognitive modulation, strategic, tactical, tonal modulations; modulation of intonation.

З.З. Чанышева *(Уфа, Россия)*
Башкирский государственный университет
chanyshevazz@yandex.ru

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ КАК КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ СЛОГАНОВ

Цель статьи состоит в установлении ценностных доминант прецедентных явлений, участвующих в репрезентации и смысловом наполнении аксиологических концептов в политических слоганах. Анализ выявляет когнитивную роль прецедентных явлений в создании функциональной специфики политических медийных слоганов.

Ключевые слова: политический слоган, прецедентность, когнитивный механизм, аксиологические концепты, порождение и воспроизводство смыслов.

Политический дискурс как «регламентируемая определенными историческими и социокультурными кодами (традициями) смыслообразующая и

смысловоспроизводящая деятельность» [Кожемякин 2011: 53], связанная с формированием властных отношений, немыслим без слоганов, образующих важнейший ресурс в дискурсивных практиках, в котором наиболее ярко демонстрируется, утверждается и пропагандируется связь языка и власти. В политическом слогане, преследующем цель регулирования идеологических отношений в обществе [Kirvalidze 2016], прецедентные явления (далее – ПЯ) могут быть эффективным средством представления концептуальной платформы партий и политиков. В предлагаемой статье обосновывается роль прецедентности как когнитивного механизма, обеспечивающего закрепление за слоганом способности порождать и воспроизводить ценностные приоритеты национально-культурного сообщества.

В ПЯ, которые принято относить к ядерным элементам когнитивной «базы данных» (Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных), заложен «инструмент, облегчающий и ускоряющий осуществляемое языковой личностью переключение из “фактологического” контекста мысли в “ментальный”» [Караулов 2010: 220]. Многослойная смысловая структура ПЯ не только предопределяет их богатый дискурсивный потенциал, но и способствует решению прагматических задач, связанных с вербализацией ценностных векторов, трансляцией смыслов, передачей особенностей менталитета [Иванова 2016: 9], а в политическом слогане, обеспечивающих узнаваемость, устойчивость восприятия, интеграцию и сплочение сил. В силу субъективности, ситуационной актуальности и динамики смысловой значимости ПЯ для отдельных социальных групп и слоев населения, а также их зависимости от ценностей и идеологических императивов, формируемых в культурно-историческом опыте нации, многие единицы этой категории знаков лингвокультуры могут быть преданы длительному или полному забвению и создавать для массового читателя «темные» места в тексте.

Анализ политических слоганов с позиций когнитивной лингвистики не только позволяет вскрыть семантический потенциал прецедентных единиц, но и проследить, как он раскрывается в контексте слогана. Функция смыслопорождения слогана в значительной степени обусловлена способностью соотносимых с ним прецедентных единиц актуализировать когнитивные феноменологические структуры, представляющие в свернутом виде знания о явлениях экстралингвистики. Именно свернутый характер знаний требует от интерпретатора способности проникать в область неявных смыслов [Kimble 2013].

Кроме того, когда речь идет о ценностях как когнитивных репрезентациях, инкорпорированных в идеологии [Dijk], важно учитывать сложности их интерпретации по причине принадлежности ценностей к глубинному слою культурных манифестаций (core of a culture) [Hofstede 1997]. Именно культурная привязка предопределяет ценностную значимость прецедентных имен, закрепляющих национальную систему ценностей и антиценностей, регулирующих поведение представителей национально-лингвокультурного сообщества [Нахимова 2007: 179].

ПЯ в политических слоганах представлены двумя типами текстов: «забытыми», утратившими свой культурный ореол и пополнившими пассивный фонд, и активными, обладающими синхронической актуальностью в медийной коммуникации. «Забытые» тексты могут быть вынуты из архивов социальной

памяти, если их концептуально-ценностное содержание созвучно пропагандируемым идеям и целям и будет воспринято «новым поколением читателей в соответствии с новым временем и новыми социальными запросами» [Кузьмина 1999: 49]. Вот лишь некоторые примеры воскрешенных ПЯ в слоганах новейшей истории: в переводе на английский язык послания апостола Павла Коринфянам (1611) фраза “I am made all things to all men” выражает двуличность, желание всем нравиться. Эту фразу воспроизвел Г. Трумэн в борьбе против Ф.Д. Рузвельта, приписав создателю слогана “I propose a new deal” (1933) противоречивые обещания угождать всем без исключения: “All seem to expect that he would be all things to all”. Прототипом следующего слогана послужило ПЯ “A chicken in every pot” (Henry IV, France, 1590) > “At least a chicken in every pot, and a car in every garage” в речах 31 президента США Г. Гувера (1928). Заимствованные слоганы адаптируются к местным условиям, политическим целям и функциям: знаменитая фраза Отто Бисмарка “Die Politik ist die Lehre vom Möglichen” (1892) воспроизводит свой смысл в слогане Тони Блэра и одновременно порождает новый благодаря привнесенной британским премьер-министром идее решать невозможное хотя бы в жизни, если не в политике “Politics may be the art of politics, but at least in life – give the impossible go” [Safire].

Активные тексты ПЯ популярны в силу злободневности их ценностно-смыслового наполнения, исторического, временного и пространственного сопряжения эпох, яркости ассоциируемых образов и т.д. Прецедентная ситуация, связанная с усилиями президента США В. Вильсона не вступать в войну с Германией в 1914 г., обеспечила ему победу на второй президентский срок в 1917 г. под лозунгом “He kept us out of war”. Особую актуальность для ряда президентов США имела фраза об ответственности президента за принимаемые решения: “Buck stops here!” (Harry Truman, 1957; Jimmy Carter, 1977; B. Clinton, 1992), восходящая к еще более раннему прототипу по содержанию, но подвергшаяся в новом контексте внешним изменениям “The place of last resort” (C. Coolidge, 1924). В слогане 41 президента Дж.У. Буша прослеживается влияние данного ПЯ “I am the decider, and I decide what is best”, (2006), но оно порождает иной глубинный смысл: речь идет о резком выпаде Буша против предъявленных обвинений в адрес министра обороны, допустившего издевательства американских солдат над иракскими заключенными.

Стереотипизация слоганов, расцениваемая некоторыми исследователями как упрощенное и деформированное представление о предмете описания, способствует благодаря ПЯ более широкому видению и пониманию прошлых эпох, обеспечивая не только межпоколенную связь, идеологическую стабильность и незыблемость основ политической системы, но также раскрывая политические трения и борьбу за власть и ее удержание. Ценностная значимость ПЯ для слоганов определяется тем, что они акцентируют в смысловом пространстве слогана аксиологические концепты (справедливость, ответственность и честность, забота о благе нации и судьбе молодежи и др.), репрезентирующие общественно значимые ценности (Read my lips, no new taxes (G. Bush, senior), Let Us Have Peace (Ul. Grant), Square Deal for Every Man (Th. Roosevelt), Putting People First (B. Clinton));

политические цели и задачи (сохранение мира, идея исключительности и превосходства Америки в однополярном мире (America First (W. Harding), Make America Great Again (R. Reagan, B. Clinton, D. Trump)); мировоззренческое кредо американской нации (Yes, We Can (B. Obama), In Gold We Trust (W. McKinley)) [Dashing]. Указанные ценностные концепты имеют достаточно устойчивый характер, образуя ядро ценностной политической картины, и реализуются в функциях американских политических слоганов (А.М. Пономарёва, Н.Б. Руженцева, Р.Т., Садуов, Л.Н. Селиверстова).

Несколько иная картина имеет место в медийных политических слоганах, относящихся к публицистическому фонду произведений массового творения, идущих не от политиков, а от масс, потому не являющихся идентификационными знаками. Вместе с тем, создание и функционирование медийных политических слоганов являются управляемыми, и механизм смысловоспроизводства срабатывает в них благодаря контролируемому подключению ПЯ и их тиражированию через институциональные каналы и средства массовой культуры. Медийные политические слоганы включают ПЯ (из национального гимна, конституции США, слоганов политиков, популярных шлягеров, альбомов, фильмов и т.д.), отражающие интересы нации, ценностно-идеологические доминанты в общественном сознании, отдельных социальных групп и коллективов, столкновение традиционных и новых ценностей и др.

Значительные изменения наблюдаются в функциональной нагрузке таких слоганов, которые апеллируют к событиям и персоналиям, сыгравшим судьбоносную роль в истории нации. Эту функцию можно назвать мемориальной, ассоциируемой с рядом целевых посылов, реализуемых в разных формах: (1) *мемориально-патриотическая*, связанная с воспитанием патриотизма и любви к родине: *“*Land of the free because of the brave*”, “*All gave some… But *some gave all”, “It's so hard to forget someone who gave you so much to remember”*; (2) *мемориально-скорбная*, выражающая горечь и пережитые в прошлом утраты, вызывающие скорбь: “*We Remember!”* (память о жертвах Холокоста), *“*Remember Pearl Harbor*!”* (память о жертвах японской авиационной атаки на Перл-Хабор); “Never Forget” (память о жертвах теракта во Всемирном торговом центре 11.09.2001); (3) *мемориально-воинственная: “*Spill The Blood Of Our Enemies*”* (призыв никогда не останавливаться перед врагом)*, “*Make Peace Or Die*”* (призыв не сдаваться и воплощать свои мечты)*, “*They Shall Not Pass! But We Will*!”* (слоган в защиту Мадрида во время гражданской войны в Испании); (4) *мемориально-ностальгическая*, воскрешающая в социальной памяти дни благополучия, достатка, мира и покоя: “Happy Days Are Here Again*”, “*Never Had It So Good*”, “*The Only Easy Day Was Yesterday*”.

Таким образом. культурная активность прецедентных текстов служит инструментом не только воспроизводства актуализируемых ими смыслов, но и порождения новых в политических слоганах. Когнитивные репрезентации национальных ценностей в политических медийных слоганах обеспечивают межпоколенческие скрепы в ценностно-смысловом пространстве языка и культуры.

Литература

Иванова С.В. Лингвокультурология: изучая культурный универсум // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 2. С. 9-16.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ: УРСС Эдиториал, 2010. 264 с.

Кожемякин Е.А. Производство знания в политическом дискурсе: социально-эпистемологический взгляд // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 52-56.

Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. 268 с.

Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография. Екатеринбург, 2007. 207 с.

Dashing Ch. 40 Clever campaign Slogans. URL: https://www.custombuttonco.com/custom-button-co-blog/clever-campaign-slogans (дата обращения: 25.01.2020).

Dijk T.A. van. Ideology. A Multidisciplinary Approach. London: Thousand Oaks, 1998. 390 p.

Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind. London: McGRAW-HILL BOOK COMPANY, 1991. 306 p.

Kimble C. Knowledge management, codification and tacit knowledge // Information Research. 2013. № 18 (2). 77 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2271123 (дата обращения: 02.02.2020).

Kirvalidze N. Political Discourse as a Subject of Interdisciplinary studies // Journal of Teaching and Education. 2016. P. 161-170. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/83210594/?page=1&*=4th (дата обращения: 04.04.2020).

Safire W. Political Dictionary. URL: https://books.google.ru/books?id=Dt3.

Z.Z. Chanysheva (Ufa, Russia)
Bashkir State University

PRECEDENCE AS A COGNITIVE MECHANISM FOR FORMING A VALUE COMPONENT OF POLITICAL SLOGANS

The article deals with identifying value dominants in precedent reference phenomena which participate in representation and semantic replenishment of axiological concepts in political slogans. The investigation reveals the cognitive role of precedent referencing that predetermines a specific functional load of political media slogans.

Key words: political slogan, precedent referencing, cognitive mechanism, axiological concepts, generation and reproduction of meanings.

З.М. Чемодурова (*Санкт-Петербург, Россия)*
Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена
zinatim@rambler.ru

ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ

Статья посвящена проблеме построения публицистических текстов гастрономической тематики, в которых стратегия интердискурсивности выступает в роли ведущего механизма текстообразования. В статье предлагается анализ функций интердискурсивности в публицистике постмодернистов Дж. Барна и Дж.С. Фоера, в частности, контактоустанавливающей, эмотивной, игровой функций. Выявляется роль статегии интердискурсивности в активизации когнитивной активности читателей.

Ключевые слова: стратегия интердискурсивности, гастрономический дискурс, автобиографический дискурс, постмодернизм, когнитивный диссонанс.

Вербализация концептосферы ПИЩА в гастрономическом, или глюттоническом, дискурсе привлекает пристальное внимание исследователей последние десятилетия, поскольку так называемая глюттоническая коммуникация (термин А.В. Олянича) представляет собой «знаковую систему, в которой сконцентрированы “культурный капитал”, национальная самоидентификация, персональная идентификация и субъективное отношение (вкус), гендерные характеристики и характеристики социальные (классовые)» [Олянич 2015: 157]. Изучение разнообразных гастрономических текстов, описывающих традиции и культуру приготовления и потребления пищи, в эпоху постмодернизма приобрело особую актуальность в связи с тем, что, с одной стороны, так называемая «всеядность» постмодернизма [Андреева 2019: 149] проявляется в обращении к бесчисленным дискурсам, включая и глюттонический, которые взаимодействуют и «монтируются» в текстовом пространстве, порождая дискурсно гетерогенные, поликодовые тексты. С другой стороны, «всеобщее смешение и насмешливость над всем» [Руднев 2003: 334], свойственные постмодернистской лингвофилософии, приводят к возникновению разнообразных гибридных жанровых образований, конструирование которых связано с последовательной реализацией в постмодернистских текстах стратегии интердискурсивности.

Е.В. Белоглазова определяет интердискурсивность «как введение в текст, относящийся к одному дискурсу и манифестирующий свойственные тому черты, чуждых ему инодискурсных элементов» [Белоглазова 2010: 360], отмечая при этом, что «“шов” между дискурсами может приходиться как на поверхностный (языковой), так и глубинный (когнитивный) уровень дискурса» [там же]. В.Е. Чернявская рассматривает интердискурсивность как механизм текстопорождения, связанный со «сменой дискурсов» и обусловливающий игровой «монтаж текстотипов» [Чернявская 2009: 229], причем данный подход отражает один из фундаментальных принципов построения постмодернистских текстов, а именно их игровую модальность [Чемодурова 2014].

Цель данной статьи состоит в рассмотрении роли интердискурсивности как авторской стратегии текстопорождения в конструировании текстов «нон-фикш», участвующих в глюттонической коммуникации. В качестве материала в исследовании используется публицистика современных авторов-постмодернистов Дж. Барнса и Дж.С. Фоера, известных своими жанровыми экспериментами и создающих такие произведения, чья интерпретационная программа включает в качестве неотъемлемого компонента когнитивный диссонанс [Чемодурова 2019], обусловленный, в том числе, актуализацией стратегии интердискурсивности.

Начиная свое повествование “Eating Animals”, Джонатан Фоер избирает игровой способ активизации когнитивных усилий читателей, предлагая им неожиданный визуально-вербальный комплекс в сильной инициальной позиции: “Americans choose to eat less than 25% of the known edible food on the planet” [Foer 2009: 1].

Визуальный компонент данного поликодового сообщения призван репрезентировать незначительный процент потребляемой американцами съедобной пищи от общей доступной еды на планете, причем использование прототипической единицы литературно-критического дискурса «STORYTELLING» в вербальной составляющей сигнализирует об активации механизма интердискурсивности, при котором гастрономический дискурс, репрезентируемый ключевыми единицами концептосферы FOOD – “eat”, “edible food” – монтируется с инодискурсивным элементом. Прагматическое фокусирование, таким образом, осуществляется при помощи конвергенции приемов выдвижения – графическое выдвижение сочетается с сильной текстовой позицией, предлагая читателям, не вполне знакомым с разнообразными приемами построения постмодернистского повествования, преодолеть некий когнитивный диссонанс и предположить, что гастрономическая коммуникация представляет собой неотъемлемую часть нашей нарративной истории. Важной составляющей данного сообщения является также этноспецифический компонент информации, связанный с фокусированием внимания на этнониме “Americans” в сочетании с глаголом choose в значении “to decide to do something” [Macmillan English Dictionary].

В «гастрономических» текстах обоих авторов – и Дж. Барнса, и Дж. Фоера – одним из цельнооформленных дискурсов, последовательно репрезентируемых писателями в своих работах, является автобиографический дискурс. Так, Дж.С. Фоер подробно описывает свое дество, поскольку именно в тот период его жизни стали складываться его предпочтения в еде. Воспитанный своей еврейской бабушкой, пережившей Вторую мировую войну в Европе, Фоер-автор предлагает читателям занимательный анализ этнокультурной специфики традиционной еврейской кухни, одновременно

отмечая современные ему гастрономические привычки и кулинарные тенденции американского общества:

“WHEN I WAS YOUNG, I would often spend the weekend at my grandmother’s house. On the way in, Friday night, she would lift me from the ground in one of her fire-smothering hugs. And on the way out, Sunday afternoon, I was again taken into the air. It wasn’t until years later that I realized she was weighing me. My grandmother survived the War barefoot, scavenging other people’s inedibles: rotting potatoes, discarded scraps of meat, skins, and the bits that clung to bones and pits” [Foer 2009: 3].

Интердискурсивность как стратегия текстообразования реализуется автором на глубинном уровне, поскольку Фоер постоянно активирует механизм «переключения» сознания читателей из одной ментальной плоскости в другое когнитивное пространство (см. [Чернявская 2013: 211]), повествуя одновременно о себе, о времени, о еде, о стране. Перенося нас в свое детство при помощи придаточного предложения времени, содержащего прототипическую единицу автобиографического дискурса young, писатель выдвигает в прагматический фокус ритуал встречи и прощания со своей бабушкой, имевший место каждые выходные. Конвергенция стилистических приемов – модальный глагол would с семантикой повторяющегося действия в прошлом, параллельные конструкции и анафорический повтор, использование эпитета fire-smothering (hugs) – способствует созданию атмосферу любви и тепла, сохранившихся в воспоминаниях автора. Неожиданная деавтоматизация внимания читателей связана с выводом автора, сделанным им годы спустя, о постоянном взвешивании внука, которое было целью бабушки во время ритуала. Лексическая единица weigh, определяемая как “to measure how heavy someone or something is” [Macmillan English Dictionary], запускает механизм перехода к другой системе знаний, связанной с потреблением пищи, весом, диетой.

Дж. Барнс также в начале своего повествования, озаглавленного “The Pedant in the Kitchen”, актуализирует стратегию интердискурсивности, одновременно артикулируя автобиографический и гастрономический дискурсы:

“And as with sex, politics, and religion, so with cooking; by the time I began finding out about it for myself, it was too late to ask my parents. They had failed to instruct me, and I would punish them by not asking now. I was in my mid-twenties and reading for the bar; some of the food I concocted at that time was criminal” [Barnes 2012: 2].

Стратегия интердискурствности, реализуемая Барнсом во всех его кулинарных эссе, способствует созданию иронического модуса повествования, в котором автору удается поделиться с читателями воспоминаниями из своего прошлого, создать обобщенный образ Педанта средних лет, экспериментирующего с приготовлением пищи, и предложить целый ряд интереснейших социокультурных комментариев о жизни современного британского общества. Встраивание кулинарии в ряд важнейших социокультурных феноменов (sex, politics, religion, cooking) осуществляется автором в типичной для него игровой манере, при которой самоирония и юмор становятся стилистическими доминантами повествования, вызывая у читателей неизменный эмоциональный отклик.

“Philip Larkin believed that 'Poetry is an affair of sanity’, as opposed to what he called (after a phrase from Evelyn Waugh) the very mad, very holy’ school. Cooking too is an affair of sanity – even literally so” [Barnes 2012: 135].

У Дж. Барнса литературно-критический дискурс, репрезентируемый при помощи многочисленных интертекстуальных включений, монтируется с гастрономическим дискурсом, что способствует установлению контакта с адресатом, вовлечению читателей в интеллектуальную игру по декодированию полижанрового произведения автора, созданию иронического модуса повествования.

Анализ публицистики Джулиана Барнса и Джонатана Сафрана Фоера позволил, таким образом, сделать некоторые выводы о роли стратегии интердискурсивности как механизма тексто- и смыслопостроения, в частности, о реализации данной стратегией контактоустанавливающей, эмотивной и игровой функций, способствующих интенсификации когнитивной активности современных читателей.

Литература

Андреева В.А. Литературный нарратив: зона формирования смыслов: монография. Казань: Изд-во «Бук», 2019. 320 с.

Белоглазова Е.В. Интердискурсивость // Дискурс-Пи. 2010. № 1-2 (9-10). С. 359-360.

Олянич А.В. Гастрономический дискурс // Дискурс-Пи. 2015. № 2 (19). С. 157-160.

Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 2003. 599 с.

Чемодурова З.М. Игровая модальность художественного текста: к постановке проблемы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 9-2 (39). С. 192-195.

Чемодурова З.М. Когнитивный диссонанс как компонент интерпретационной программы постмодернистского художественного текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 2. С. 55-64.

Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность. М.: URSS, 2009. 255 с.

Чернявская В.Е. Текст в медиальном пространстве. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 232 с.

Barnes J. The Pedant in the Kitchen. London: Atlantic Books, 2012. 136 p.

Foer J.S. Eating Animals. N.Y.: Little, Brown and Co., 2009. 352 p.

Z.M. Chemodurova (Saint Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University of Russia

INTERDISCURSIVITY OF MODERN NON-FICTION ABOUT GASTRONOMY

The article addresses the problem of constructing publicistic texts focused on gastronomy in which interdiscursivity is viewed as the dominant mechanism of text formation. The article offers the analysis of various functions of interdiscursivity in J. Barnes’ and J.S. Foer’s postmodernist non-fiction, including the

phatic, emotive and ludic functions. The role of interdiscursivity in intensifying readers' cognitive activity is described.

Key words: the strategy of interdiscursivity, gastronomic discourse, autobiographical discourse, postmodernism, cognitive dissonance.

М.Г. Чепорухина *(Тюмень, Россия)*
Тюменский государственный университет
m.g.cheporukhina@utmn.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ НЕГАТИВНОГО ОЦЕНОЧНОГО КОМПОНЕНТА В МЕТАФОРИЧЕСКОЙ И ИНЫХ МОДЕЛЯХ ПЕРЕНОСА ЗНАЧЕНИЙ

Исследуются комментарии с негативной оценкой, оставленные пользователями к интернет-версиям новостных статей на французском языке о внутренней политике Франции. Выделены когнитивные модели, лежащие в основе переносов значения и демонстрирующие, какой образ имеют политические деятели и их деятельность в сознании комментаторов.

Ключевые слова: интернет-комментарии, когнитивная метафора, перенос значения, когнитивная модель, семный анализ, сфера цели, сфера источника.

В рамках появившейся в 80-х гг. XX в. новой отрасли лингвистических дисциплин – когнитивной лингвистики – было провозглашено, что «когнитивный мир человека <мы> изучаем по его поведению, по осуществляемым видам деятельности, подавляющее большинство которых протекают при участии языка. <…> языковые выражения, категории, единицы связаны с восприятием мира, <…> отражают его познание» [Кубрякова 1994: 37].

Результаты исследований по когнитивной лингвистике позволили установить, что активную роль в интеграции чувственно-образной системы (образы полученных знаний, не имеющие конкретного воплощения) и вербальной системы человека (полученные знания, воплощенные в звуковой или буквенной форме) играет когнитивная метафора. Она является основной ментальной, мыслительной операцией человека, объединяющей несколько понятийных сфер (сферу источника и сферу цели), между которыми осуществляется перенос знаний по аналогии. Таким образом, когнитивная метафора – это отражение способности человека мыслить по аналогии, по особого рода схеме, заложенной в мышлении и составляющей его основу. (см. подробнее [Апресян 1995; Чудинов 2001; Lakoff, Johnson 1980]).

Помимо метафоры с точки зрения когнитивного подхода изучаются и другие типы переноса значения: метонимия, модификации значения (расширение / сужение значения).

Изменение значения часто сопровождается его улучшением или ухудшением, иными словами, позитивный или негативный оценочный компонент значения актуализируется внутри ситуации общения (см. подробнее [Пономарева, Шабалина 2011]).

Материалом нашего исследования послужили около 200 интернет-комментариев о политиках и политике на французском языке, в которых реали-

зовывались какие-либо виды переноса значений и содержался негативный оценочный компонент.

В тематической группе «политический деятель» были выделены следующие модели переноса значения (табл. 1). Для выяснения значения французских лексем и их перевода на русский язык были использованы словари Larousse и Мультитран.

Таблица 1. **Когнитивные модели переноса со сферы-источника в сферу-цель в тематической группе «политический деятель»**

Сфера источника – Сфера цели	**Лексические единицы**
Человек – Политический деятель	mec (разг. «парень, мужчина; чувак»), type (фам. «тип»), pitre («шут»), gars (фам. «парень, мужик»), guignol (фам. «шут»), charlot (разг. «шут»), foutriquet (фам., презр. «недоносок»), zigoto (разг. «чувак»), goinfre (фам. «обжора»), individu (разг. «тип, субъект»), loser (разг. «неудачник»), adolescent («подросток»), petit («ребенок, малыш»), enfantg*âté* («избалованный ребенок»), aventurier («авантюрист»), diva («дива»)
Животное – Политический деятель	crocodile («крокодил»)
Болезнь – Политический деятель	cancer («рак» – болезнь)
Артефакт – Политический деятель	Boulet (фам. «груз>обуза»), sous-marin («субмарина>шпион»), fantoche («марионетка»)

У лексем mec, type, pitre, gars, zigoto, individu происходит сужение исходного значения (человек вообще / мужчина > политик) и приобретение словом разговорных или фамильярных коннотаций. Перечисленные лексемы, как мы считаем, передают неуважительное отношение к политикам.

Лексемы pitre, guignol, charlot, fantoche являются театральными метафорами (см. подробнее [Чудинов 2001]), построенными на актуализации сем «искусственность», «игра», «фарс» (а для fantoche также – «безволие»), в метафоре aventurier актуализируются семы «интрига», «спекуляция», а в goinfre – «неумеренность». Эти лексемы свидетельствуют о восприятии политиков как неискренних людей, склонных к играм, интригам и излишествам.

Лексемы foutriquet, adolescent, petit, enfantg*âté,* loser, употребленные в адрес президента Франции, подчеркивают мнение комментаторов о неготовности президента к исполнению своих обязанностей.

Интересно употребление лексемы женского рода diva в адрес мужчины-президента страны: подчеркивается, с одной стороны, его исключительность и известность, а с другой стороны, передается ироничное к нему отношение за счет «подмены» рода.

Зооморфная метафора crocodile, употребленная в адрес подавшего в отставку министра, отсылает к прецедентному высказыванию – фразеологизму «крокодильи слезы» (larmesde crocodile), где актуализируется сема «неискренность».

В метафоре cancer актуализируется сема «разрушительность», в boulet – «большие размеры» (в адрес политика крупного телосложения), sous-marin – «скрытость», «нечестность» (в адрес политиков, которые управляют через интриги).

В тематической группе «политическая деятельность» были найдены следующие модели переносов значения (табл. 2):

Таблица 2. **Когнитивные модели переноса со сферы-источника в сферу-цель в тематической группе «политическая деятельность»**

Сфера источника – Сфера цели	**Лексические единицы**
Искусство – Политическая деятельность	*comédie* («комедия»), *cinéma* («кино»), tragi-*comédie* («трагикомедия»), cirque («цирк»), vaudeville («водевиль»), *pièce de* boulevard («бульварная пьеса»)
Действия – Политическая деятельность	magouille (разг. «махинация»), *tempête dans un verre d'eau* («буря в стакане воды»)
Абстрактные понятия – Политическая деятельность	connerie (фам. «идиотство»)

В этой тематической группе также частотны метафоры с компонентом «игра», «выдумка» (модель «Искусство – Политическая деятельность»). В лексеме magouille реализуется сема «незаконность», а выражение tempête dans un verre d'eau – это отсылка к фразеологизму, где важен компонент «чрезмерность».

По мнению комментаторов, политика – это игра, которая не всегда осуществляется по правилам и в разумных пределах (что также подчеркивается лексемой connerie).

Таким образом, изучив модели переносов наименования, имеющие сферой цели политиков и их деятельность, мы узнали, какой образ они имеют в сознании комментаторов.

Литература

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-63.

Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34-47.

Пономарева О.Б., Шабалина Н.Ю. Субстандартная семантическая деривация: когнитивно-коммуникативный аспект: учебное пособие. Тюмень: Вектор Бук, 2011. 266 с.

Словарь Мультитран. URL: https://www.multitran.com/m.exe?a=1&l1=4&l2=2.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. 238 с.

Dictionnaires du français Larousse. URL: http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago, 1980. 154 p.

M.G. Cheporukhina (Tyumen, Russia)
Tyumen State University

REALIZATION OF NEGATIVE ASSESSMENT IN METAPHORIC AND OTHER KINDS OF MEANING TRANSFER MODELS

The article studies negative comments left by users to online versions of French-language news articles on French domestic politics. Cognitive models of meaning transfer are developed. They show the image of political figures in the minds of commentators.

Key words: internetcomments, cognitive metaphor, meaning transfer, cognitive model, semantic analysis, sphere of source, sphere of target.

Н.В. Шатрович *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный университет
(научно-исследовательский институт)
shatrovichnv@susu.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА *ПРОМЫШЛЕННОСТЬ УРАЛА* В ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ОЦИФРОВАННЫХ ИТАЛЬЯНСКИХ АРХИВОВ 1941–1945)[1]

В данной статье рассматривается образ промышленности Уральского региона, который, с одной стороны, являлся источником сырья и полезных ископаемых для военной промышленности, а с другой стороны, считался слишком отдаленным местом, чтобы обеспечить советское войско всем необходимым для противостояния немецкой армии.

Ключевые слова: военно-публицистический дискурс, оцифрованные архивы, Вторая мировая война, Уральский регион, La Stampa.

Дискурс представляет собой сложное, многогранное и многоплановое явление, которое ставит перед исследователями множество задач и требует своевременной актуализации и постоянного углубленного исследования.

Особое место в исследованиях дискурса занимают политический и военный дискурсы. Это объясняется текущей внешнеполитической ситуацией, для которой характерны военные и политические конфликты, что не может не влиять на отражение мировидения и мировосприятия в языке, поскольку язык вербализует жизнь народа. Как указывал американский исследователь Джеффри Майклс, «в конфликтах дискурс играет существенную роль, как прямую, так и косвенную», а принципы ведения войны неотделимы от языка войны [Michaels 2013: 1].

Военно-публицистический дискурс, на материале которого проводится данное исследование, как и военно-политический, представляет собой гибридный формат институционального дискурса, который сложился в среде

[1] Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-012-00192

массовой коммуникации [Солопова, Салтыкова 2019: 763-765]. Специфика данного вида дискурса проявляется как на уровне участников, которые руководствуются определенными целями и ценностями, так и на уровне хронотопов, стратегий и дискурсивных формул [Хомутова 2017: 49-50].

Вслед за О.А. Солоповой и М.С. Салтыковой мы считаем возможным классифицировать военно-публицистический дискурс как дискурс о войне, агентами которого являются представители СМИ, военные и политические структуры, предоставляющие информацию журналистам, клиентами – непосредственная или имплицированная аудитория. Хронотопом в военно-публицистическом дискурсе в широком смысле могут выступать хронологические рамки и география военного конфликта, отдельного сражения или события, связанного с подготовкой и проведением военных операций, в узком – он определяется временем и местом появления материала в СМИ [Солопова, Салтыкова 2019: 765]. Исходя из цели происходит выбор основных стратегий, с помощью которых медиа конструируют смысл событий и образы войны: стратегии презентации и дискредитации.

Т. ван Дейк, который под дискурсом понимает «специфическое коммуникативное событие в общем и письменную или устную форму взаимодействия или использования языка в частности», полагал, что «дискурс – социальная практика» [Дейк 1989: 115], следовательно, военно-публицистический дискурс отражает, в первую очередь, социальное «лицо» войны.

В данной статье, которая представляет собой промежуточный результат исследования, проводимого в рамках гранта РФФИ «Уральский регион в военно-публицистическом дискурсе Великой Отечественной войны (на материале оцифрованных архивных документов России и стран Западной Европы)», рассматривается концепт ПРОМЫШЛЕННОСТЬ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА.

При исследовании рассматривались, в основном, оцифрованные архивы, относящиеся к началу военных действий (1941–1942), это позволило выявить определенное видение военно-исторических событий, обусловленное политической и идеологической ситуацией, характерной для Италии того периода истории, что нашло отражение в италоязычном военно-публицистическом дискурсе. Упоминание о советской промышленности и природных богатствах видны уже в заголовках статей, что позволяет выдвинуть предположение об особом внимании, которое уделялось ресурсному обеспечению СССР.: **Il ferro dell U.R.S.S.** (Железо Северетского Союза, 19 августа 1941), **L'alluminio e la guerra** (Алюминий и война, 30 октября 1941), **Le dighe di Dniepr e l'industria degli Urali** (Плотины Днепра и промышленность Уральского региона, 2 сентября 1941).

В италоязычных оцифрованных архивах времен ВОВ Уральский регион привлекает внимание авторов практически с самого начала военных действий. И если сначала Урал рассматривался исключительно как место возможной эвакуации правительства СССР, то спустя несколько месяцев начинается оценка Уральского региона как возможной опоры советской промышленности после потери украинских источников сырья и промышленных объектов:

...gli alleati non potranno organizzare lo sfruttamento delle imprese industriali dell'Uc*raina*... (2 settembre 1941)

... союзники не смогут воспользоваться промышленными предприятиями Украины… (2 сентября 1941)

...importanti zone ferrifere di Kertsch, in Crimea. Krivoj Rog e Nikopol sono già occupati dalle truppe alleate, Kertsck, come il bacino del Donetz, sono minacciati dall' Invasione, che continua rapida in queste regioni cosi vitali per *l'industria bellica…* (24 settembre 1941)

... значимые железорудные территории Керчи, в Крыму. Кривой Рог и Никополь уже заняты союзными войсками, Керчь, как и Донецкий бассейн, может быть в скором времени захвачена. Завоевания происходят быстро в этом регионе, жизненно важном для военной промышленности… (24 сентября 1941)

Уже в начале сентября италоязычные газеты обращают внимание на Уральский регион, оценивается его расположение относительно Москвы и уточняется, что на данный момент он является единственным источником для военно-промышленного комплекса Советского Союза. В итальянских оцифрованных архивах Уральский регион предстает как последняя надежда советской промышленности, что отражают такие лексемы как **solo** (единственный), **mille chilometri** (тысяча километров), **lontano** (далекий).

...Per la prima volta in una nota ufficiosa si parla dell'industria degli Urali, situata a circa mille chilometri ad oriente di Mosca, come la sola sicura fonte di *rifornimento su cui può contare l'U.S.S.S….* (2 settembre 1941)

...В первый раз в официальном заявлении говорится о промышленности Урала, расположенного примерно в тысяче километров к востоку от Москвы, как о единственном надежном источнике поставок, на который СССР может рассчитывать… (2 сентября 1941)

Уральский регион и его промышленные мощности сначала оцениваются в зависимости от расположения относительно Москвы, обращает на себя внимание, что в италоязычных архивах подчеркиваются удаленность Уральского региона от столицы, а также недостаточная оснащенность природными ресурсами, в т.ч. углем, позволяющими использовать заводы и фабрики на полную мощность. Несмотря на то, что в итальянских оцифрованных текстах вербализуется понятие достаточной значимости региона и его промышленности (значимый военно-промышленный комплекс, потенциал), но в то же время в связи с географическим положением, недостаточностью ресурсов и наступлением холодной зимы оценивается малая вероятность возможности оказания помощи советской армии в ее борьбе с противником.

*...Anche negli Urali la U.R.S.S. ha creato un'*importante organizzazione industriale bellica, ma gli Urali sono molto lontani per rifornire gli eserciti della Russia europea... (24 settembre 1941)

... Также и в Уральском регионе СССР создал значимый военно-промышленный комплекс, но Урал расположен слишком далеко, чтобы снабжать армию на европейской части России… (24 сентября 1941)

...La famosa regione industriale degli Urali esiste certamente, ma, per prima *cosa, è difficile sapere quale sia il suo potenziale, in secondo luogo per la mancanza di linee di cominicazione e / o materia prima non potrà mai lavorare in pieno ritmo (ritmo che, data la stagione invernale, non può essere troppo veloce).*

Nella regione degli Urali non esistono giacimenti di carbone in sfruttamento e senza *carbone non c'è officina che possa funzionare…* (11 dicembre 1941)

…Знаменитый промышленный регион Урала, конечно же, существует, но, во-первых, нелегко понять его истинный потенциал, а во-вторых, из-за отсутствия сообщения и/или сырья он вряд ли сможет работать в полную силу и в привычном ритме (ритм, который по причине зимнего сезона не может быть очень быстрым). В Уральском регионе отсутствуют залежи угля, которыми можно было бы воспользоваться, а при отсутствии угля ни один завод не сможет работать… (11 декабря 1941)

Таким образом, при вербализации промышленности Уральского региона подчеркивались такие понятия, как удаленность региона от Москвы, недостаточная оснащенность природными ресурсами и непригодные условия для возможности пользоваться имеющимися промышленными мощностями, что могло успокоить население профашистской Италии и поддержать его моральный дух.

Литература

Дейк Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация. М.: Высшая школа, 1989. 165 с.

Солопова О.А., Салтыкова М.С. Архитектоника светлого будущего в зарубежных военно-публицистических дискурсах периода Второй мировой войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Лингвистика. 2019. Т. 23. № 3. С. 762-783.

Хомутова Т.Н., Наумова К.А. Военно-политический дискурс как особый вид дискурса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 14. № 3. С. 49-53.

La Stampa. Archivio sorico. URL: http://www.archiviolastampa.it/component/option,com_lastampa/task,ricerche/Itemid,3/.

Michaels J. The discourse trap and the US military. New York: Palgrave Macmillan, 2013.

N.V. Shatrovich (Celyabinsk, Russia)
South Ural State University

VERBALIZATION OF THE CONCERT URAL INDUSTRY (BASED ON THE MATERIAL OF DIGITIZED ITALIAN ARCHIVAL TEXTS)

This article is an interim result of the study under the grant of the Russian Foundation for Basic Research "The Ural Region in Military Media Discourse of the Great Patriotic War (Based on the Material of Digitized Archival Documents of Russia and Western Europe)".

The author examines the image of Ural region's industry that, on one hand, was the source of minerals used by military industry, on other hand, it was placed too far for providing the Soviet army with all necessary resources to resist German forces.

Key words: military media discourse, digitized archives, Second World War, La Stampa.

Е.О. Шевелева *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
shevelev28@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА В. ПУТИНА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ[1]

Статья посвящена изучению действия так называемых «фреймов-паразитов» при создании образа В. Путина в англоязычных интернет-мемах. Автор исходит из предположения о том, что создатель мема «включает» необходимый фрейм-паразит, подсоединяя его к вербальному или невербальному компоненту мема, формируя тем самым нужный информационный контент. В ходе исследования замечено, что наибольшей продуктивностью в плане возможности активизации фреймов-паразитов в меме обладает гибридная модель репрезентации информации.

Ключевые слова: образ В. Путина, мем, фрейм, манипулятивный эффект.

Интернет-мем, как известно, – сравнительно новое явление в современном интернет-пространстве, представляющее собой сгусток лингвопрагматической и когнитивно-дискурсивной информации.

Одним из первых комплексных исследований, рассматривающих интернет-мем во всем многообразии его особенностей, является работа С.В. Канашиной. В своем исследовании автор определяет интернет-мем как семиотически осложненное образование, вербальный и невербальный компоненты которого, взаимодействуя синхронно на формально-языковом и концептуальном уровнях, конструируют смысл мема [Канашина 2016: 7].

Являясь анонимным произведением, практически не подверженным цензуре и обращенным в виртуальном пространстве к неограниченному кругу реципиентов, мем обладает рядом важнейших черт и функций. В частности, С.В. Канашина подчеркивает политическую окрашенность некоторых интернет-мемов, отмечая их аффективную и когнитивную функции как облигаторные [Канашина 2016: 14-15].

В контексте современных глобальных процессов в условиях нарастающей внешнеполитической напряженности множатся средства и способы негативизации образа того или иного государства и/или его руководства. В частности, международные СМИ изыскивают все новые мультилингвальные инструменты создания образа России в лице ее президента. Современное интернет-пространство предоставляет заинтересованным лицам удобную площадку для формирования общественного мнения путем навязывания определенных идеологических установок.

Описывая постулаты нейролингвистического программирования, Г.Г. Молчанова говорит о *значимости незначимого варьирования*. Этот постулат гласит, что говорящий (в нашем случае создатель мема) может использовать заложенный в языковых механизмах потенциал вариативной интерпретации действительности и в случае необходимости (то есть желая расставить удобные акценты) активизировать нужный фрейм, до поры до

[1] Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-012-00606 «Мультилингвальное исследование политического имиджа России в зарубежных СМИ»

времени находящийся в латентном состоянии. Такие фреймы, прикрепляющиеся к другим фреймам и приводящие тем самым к изменению последних, Г.Г. Молчанова называет фреймами-паразитами [Молчанова 2017: 75-76]. Таким способом, по нашему мнению, и работает механизм манипуляции, которая является одной из ключевых прагматических функций интернет-мема.

Цель проведенного исследования – обнаружить и описать действие фреймов-паразитов, используемых авторами современных англоязычных мемов для создания образа Владимира Путина.

Предмет исследования – интернет-мемы как инструмент создания образа политика.

Объект исследования – лингвокогнитивные основания создания образа В. Путина в интернет-меме.

Материалом исследования послужили 50 интернет-мемов, отобранных методом сплошной выборки из англоязычного источника www.memes.com.

Критериями отбора стали следующие факторы: 1) наличие образа президента В.В. Путина; 2) наличие англоязычной текстовой составляющей; 3) отсутствие в текстовой составляющей мема обсценной лексики.

Очевидно, что интернет-мем имеет гибридную форму представления информации. Будучи видом полимодального дискурса, мем характеризуется развертыванием некоего события в двух параллельных плоскостях – объективной и субъективной [Шевелева 2018: 221]. Объективная плоскость отражения события основывается на фактических данных об этом событии, тогда как субъективная плоскость содержит в себе когнитивные элементы оценочной природы и призвана не только усложнить концептуальное содержание всего мема, но и при необходимости изменить его.

Гипотеза нашего исследования состоит в предположении, что изменение содержания мема происходит за счет фреймов-паразитов, способных служить единицей трансляции нужной, определенным образом запрограммированной информации.

Исследование показало, что информация, заложенная в отобранных мемах, транслируется по двум концептуальным моделям – контрастивной и гибридной [Канашина 2016: 18]. Объективная плоскость представления информации в обеих моделях базируется на общей фреймовой структуре, позволяющей констатировать факт свершения репрезентируемого события, наличие агенса, действия агенса в отношении пациенса, изменение пациенса и т.п. Субъективная же плоскость – та, в которой объективная информация преломляется сквозь призму чьего-либо индивидуального восприятия.

Рис. 1

Рис. 2

Мемы на рисунке 1 и рисунке 2 построены по контрастивной концептуальной модели трансляции информации. Как видим, объективная плоскость репрезентации образа президента России складывается из следующих смысловых элементов: агенс – Владимир Путин, действие агенса – выступление (речь), участие в мероприятии, сопутствующие обстоятельства – эмоции (гнев, радость, скорбь). Текстовая составляющая обоих рисунков характеризуется окказиональными образованиями по аналогии – ~~Vla~~-dimir → Sa (d)+dimir → Mad+dimir→ Gla(d)+dimir, которые, как кажется на первый взгляд, соответствуют изображению. Однако элементы mad- и sad- в окказиональных «именах» президента, а также изображения мемов запускают тот самый фрейм-паразит. Помимо семантического компонента «злость», который присутствует в смысловом содержании единицы mad (very angry), существует и компонент «психически нездоровый» (having a mind that does not work normally, mentally ill). Второе значение единицы mad как раз и активизирует фрейм-паразит, уводящий смысл мема с объективного элемента «злость» на субъективный (манипулятивный) элемент «сумасшествие». Таким образом, в меме Madimir Putin мы видим не только контраст между злым президентом и счастливым президентом, но и изменение восприятия образа В. Путина. На рисунке 2 тенденция к негативизации образа президента продолжается. В меме Sadimir Putin в работу вступают два фрейма-паразита: фрейм-паразит, включенный вербальным компонентом, и фрейм-паразит, включенный невербальным компонентом. В объективной плоскости мы видим опечаленного президента, однако, анализируя окказионализм sadimir и внимательно всмотревшись в лицо В. Путина на меме, можно уловить работу фреймов-паразитов, активизирующих в сознании реципиента образ известного персонажа романа Брэма Стокера. С лингвистической точки зрения окказионализм sadimir может быть интерпретирован не только как sa(d)+dimir, но и как sadist+Vladimir = Sadimir. Работа фрейма-паразита прослеживается и в невербальном компоненте: бледное лицо президента, темный поднятый воротник пальто… При такой интерпретации мемы на рисунке представляют собой не просто противопоставление печального президента и злого президента, а способствуют демонизации образа В. Путина.

Рис. 3

Работу фрейма-паразита, обращающего сознание реципиента мема к образу чего-то зловещего, можно проследить и на меме на рисунке 3. Интерес представляет и когнитивный диссонанс, возникающий по вине фрейма-паразита. Очевидно, что изображение президента на фоне малины вступает в коллизию с окказионализмом rasputin, активизирующем образ Г. Распутина.

Рис. 4

На рисунке 4 объективная плоскость практически полностью выведена из фокуса внимания реципиента. Фактическим остается только то, что на меме президент США Д. Трамп и президент России В. Путин. В рассматриваемом меме работают два фрейма-паразита. Один из них активизирует представления о Д. Трампе как о человеке с низким уровнем интеллекта, не способным думать и вести себя адекватно. Фрейм-паразит включается как лексической единицей idiot, так и мимикой Д. Трампа. Фрейм-паразит, присутствующий на содержательном уровне невербального компонента, активизирует представления о хитрости В. Путина. В данном случае фрейм-паразит изменяет и смысл вербального компонента, добавляя в смысловое содержание лексемы excellent компонент «выгода». То есть дефиницию единицы excellent можно было бы представить так ‘used to show that you are very pleased about sth or approve of

sth' [OALD 2005: 527] **that can be used to one's own advantage**' (*добавлено нами – Е. Ш.*).

Рис. 5

Семантика хитрости очевидна и на рисунке 5 вновь в большей степени за счет невербального компонента. На языковом уровне в фокус внимания реципиента выводится фрейм «вмешательство», поскольку имеет место игра слов. Обыгрывается фамилия президента, созвучная с фразовым глаголом to put in, имеющим в своей семантике компонент 'to intervene'.

По нашему мнению, гибридная модель репрезентации информации в меме является более удобным средством передачи необходимой информации со стороны автора мема. Такая модель обладает большим креативным потенциалом, поскольку, как указывает С.В. Канашина, имеет три разновидности, а значит, представляет в три раза больше возможностей «подключить» тот самый фрейм-паразит и сделать мемы более разнообразными и манипулятивно эффективными.

В заключение отметим: как показало проведенное нами исследование, интернет-мем становится крайне удобным инструментом концептуального модифицирования объективной реальности в сторону, необходимую для программирования в общественном сознании определенных психологических установок, в частности конструирования образа Владимира Путина как хитрого и расчетливого человека, обращающего все в сторону личной выгоды.

Литература

Канашина С.В. Интернет-мем как новый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации (на материале английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2016. 26 с.

Молчанова Г.Г. Антропоцентричность меметики в когнитивно-семиотическом ракурсе // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 74-78.

Шевелева Е.О. Открытие Крымского моста: негативизация события западными СМИ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 8 (799). С. 218-230.

OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S. Hornby. Oxford University Press, 2005. 2100 p.

E.O. Sheveleva (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

SOME PECULIARITIES OF BUILDING THE IMAGE OF V. PUTIN IN ENGLISH INTERNET MEMES

The article looks into the way the so-called frames-parasites are operating while building the image of Vladimir Putin in English Internet memes. The author proceeds from the assumption that the creator of a meme 'switches on' the necessary frame-parasite, joining it to a verbal or a non-verbal component of a meme, thus forming the desired information content. In the course of the research it has been revealed that the most productive type of a meme is that of a hybrid information model.

Key words: the image of V. Putin, meme, frame, manipulation effect.

К.Э. Шноль *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный университет
Северо-западный государственный медицинский университет
им. И.И. Мечникова
ksenija_shnol@mail.ru

ВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА КОГНИТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДВЫБОРНЫХ ДЕБАТОВ НА ПОСТ ПРЕЗИДЕНТА США 2016 ГОДА)

В статье рассматриваются характерные особенности современного американского политического дискурса с точки зрения когнитивного воздействия на избирателя. Эмпирической базой данного исследования послужила расшифровка реплик Дональда Трампа в первом туре президентских дебатов 2016 года. Целью данного исследования является выявление и описание методов когнитивного воздействия на электорат в рамках предвыборного события. Проведенный анализ демонстрирует воздействие кандидата на избирателя посредством апеллирования к двум основополагающим понятиям американского общества и политической системы: народ и страна.

Ключевые слова: политический дискурс, политическая коммуникация, предвыборные дебаты, когнитивное воздействие, вербальное поведение.

Политичесий дискурс характеризуется агональностью и экспрессивностью, обусловленными нацеленностью на привлечение внимания аудитории, и находится в фокусе исследователей, поскольку по своей сущности предполагает постоянное обновление вербальных и невербальных средств, используемых коммуникантами для достижения поставленных целей. «Политический дискурс состязателен по своей природе, и по этой причине любое выступление политика неизбежно представляет собой борьбу с соперником. Такая борьба

ведется по канонам принятого в обществе агонального поведения, при этом ее участники в полной мере отдают себе отчет в том, что максимальный эффект в публичном поединке возникает при столкновении, выходящем за рамки привычных конвенций, поскольку публичный поступок политика включает зрелищные постановочные элементы, благодаря которым политик набирает очки и запоминается публике» [Карасик 2018: 33].

Предвыборные дебаты как частная разновидность политического дискурса в США, начиная с середины XX века, стремятся к интерактивности. Аудитория, в лице потенциальных избирателей, все больше и больше вовлекается в коммуникативное предвыборное событие и оказывается пассивным участником коммуникации и адресатом высказываний кандидатов на пост президента. С момента появления теледебатов в рамках предвыборных кампаний кандидатов на пост президента меняется как форма проведения дебатов, так и статусно-ролевая позиция избирателей в рамках предвыборной гонки.

В основе коммуникации лежит воздействие на восприятие и структурирование мира адресатом. Согласно точке зрения Р. Блакара, коммуникаиция не может быть нейтральной, поскольку речевое общение как феномен предполагает «осуществление власти» [Блакар 1987: 91]. Коммуникация характеризуется включенностью в социальные отношения адресата и адресанта. Нацеленность предвыборного, как и политического дискурса в целом, заключается в стремлении воздействовать на адресата в рамках коммуникации, «основная цель которой заключается в создании определенного мнения в общественном сознании» [Третьякова 2014: 306].

Характеристики коммуникативного события обусловливают эффективность воздействия на слушателя. Однако необходимо учитывать, что одно и то же высказывание может оказывать противоположный эффект на разных адресатов в зависимости от ряда когнитивных факторов как вербальных, так и невербальных. Язык является средством передачи информации и предоставляет возможность воздействовать на знание, приобретаемое реципиентом. «Другими словами, описывая одни и те же факты реальной действительности разными языковыми средствами, мы обязательно меняем наше знание об этих фактах» [Коробва 2014: 57].

В данной статье рассматриваются вербальные средства когнитивного воздействия на электорат, используемые Дональдом Трампом в предвыборных дебатах 2016 г. Материалом данного исследования является расшифровка реплик данного кандидата на пост президента США в первом туре предвыборных дебатов. Общее число символов проанализированного текста составляет 70392 единицы.

Для анализа материала на частотность употребляемой кандидатом лексики использовались программы textanalyzer.ru и analyzemywriting.com, предоставляющие общие данные о тексте и позволяющие выявить частотность в тексте как отдельных лексем, так и последовательностей слов.

В таблице представлены характеристики анализируемого текста:

Таблица

Слова		Предложения	
Общее количество	13667	Общее количество	1119
Уникальные слова	1240	Минимальная длина	1 слово
Средняя длина слова	4 симв.	Максимальная длина	64 слова
Водность текста	64,4%	Средняя длина	12,2 слова

Из полученных результатов следует, что средняя длина слова в речи Дональда Трампа составляет 4 символа, а средняя длина предложения – 12,2 слова, что в значительной мере облегчает восприятие его высказываний и тем самым позволяет эффективнее воздействовать на электорат.

Программа analyzemywriting.com позволяет определить частоту употребления в тексте вопросительных высказываний, количество которых в расшифровке речи Д. Трампа во время первого тура президентских дебатов составило 59 единиц. Используя вопросы, политик моделирует свое монологическое высказывание по принципу диалога, что позволяет ему включить аудиторию в разговор, создать у избирателя иллюзию его личного участия в происходящем.

При помощи программы textanalyzer.ru было установлено, что самыми частотными словами в речи Дональда Трампа первого тура предвыборных президентских дебатов являются: country (70), look (69), think (65), going (61), just (61), people (59), don’t (49), know (49), ve (45), secretary (43), doing (39), Clinton (36), want (35), did (34), way (34), like (33), ll (33), years (32), really (30).

Также данная программа позволила проанализировать частотность употребления последовательностей слов. Проведенный статистический анализ показал следующие результаты: don’t (49), I think (47), going to (46), look at (43), Secretary Clinton (36), want to (32), our country (29), you know (29), tell (26), I don’t (24), you look (23), I’ll (22), people that (22), you look at (21), a lot (21), re going (21), the war (21), re going to (19), ve been (18).

Из анализа данных следует исключить формы вспомогательных глаголов, такие как don’t, ’ll, ’ve, ’ve been, как не несущие смысловой нагрузки. Таким образом, из представленных количественных результатов следует, что центральными в речи Дональда Трампа становятся понятия ‘country’ и ‘people’. На основании полученных данных можно утверждать, что многочисленные повторы данных лексем формируют в сознании электората и отдельного избирателя осознание вовлеченности кандидата в интересы страны и ее народа. Превалирующие в речи Д. Трампа глаголы (look, think, want, like) относятся к группе глаголов чувственного восприятия и могут активизировать в сознании реципиента больший эмоциональный отклик, создать впечатление эмпатии со стороны кандидата и вызвать у электората доверительное отношение к выступающему.

Таким образом, Дональд Трамп выстраивает свою речь вокруг тех же ключевых понятий, на которых зиждется американское общество и государственное устройство в целом. Политик апеллирует не только к таким ключевым понятиям, как ‘country’ и ‘people’, ценным для каждого американского гражданина, но и к эмоциональной составляющей сознания избирателя, используя в речи большое количество глаголов чувственного восприятия. В качестве еще

одного средства когнитивного воздействия на вербальном уровне можно выделить в речи Д. Трампа частотное использование вопросительных высказываний, что, в свою очередь, позволяет адресанту включить аудиторию в коммуникативное событие.

Литература

Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте) // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 88-125.

Карасик В.И. Адресатная специализация в публичном политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 1. С. 32-49.

Коробова О.В. Когнитивные технологии построения, трансляции и восприятия концептуальных систем участников коммуникативной интеракции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2014. № 4 (23). С. 56-63.

September 26, 2016. Debate Transcript. URL: http://www.debates.org/index.php?page=september-26-2016-debate-transcript.

K.E. Shnol (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University
North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov

VERBAL METHODS OF COGNITIVE IMPACT IN CONTEMPORARY AMERICAN POLITICAL DISCOURSE (BASED ON 2016 PRESIDENTIALS)

The article deals with the characteristic features of modern American political discourse in terms of cognitive impact on the voter. Here, we examine Trump's utterances in the first round of the 2016 presidential debates. The purpose of this study is to identify and describe methods of cognitive impact on the electorate in a pre-election event. The analysis represents the impact on voters by appealing to two fundamental concepts of American society and the political system: 'people' and 'country'.

Key words: political discourse, political communication, presidential debates, cognitive impact, verbal behavior.

И.А. Щирова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
schirova@ yandex.ru

РЕФЛЕКСИЯ О НАУЧНОМ МЕТОДЕ КАК ПОИСК ИСТИНЫ

Проблема научного метода рассматривается в докладе в контексте поиска научной истины. Обращаясь к методу концептуального анализа, автор кратко характеризует некоторые подходы к описанию концепта и анализи-

рует причины их разнообразия. Рефлексия о методе признается необходимым условием успешности его описания как истинностного знания.

Ключевые слова: научный метод, методология, научная истина, концепт, концептуальный анализ, рефлексия о методе.

Важным компонентом этоса науки признается стремление к истине, формирующее главную предпосылку научного знания. Поиск истины подразумевает запрет на ее умышленное искажение [Степанов 2001: 458]. Современная наука, с постулируемым ею интерпретирующим характером познания, не отрицая устремлений исследователя к истине, акцентирует ее связь с человеческой природой. Тезис о «человеческом измерении» научной истины коррелирует с доминирующими сегодня общеизвестными идеями значимости человеческого фактора, субъектности стилей научного мышления и целенаправленного начала интерпретации. В научной картине мира видят не просто совокупность представлений о мире, а *интерпретацию* суммы научных знаний, характерных для определенного исторического периода. Подчеркивается, что использование образа картины в термине «картина мира» акцентирует возможность существования *различных точек зрения на мир*. Формируя концептуальную среду для развития науки, научная картина мира в некоторых ситуациях подлежит проверке, а в некоторых – предоставляет принимаемые без доказательств аксиоматичные знания [Ушаков 2005], в истинности которых ученый не сомневается.

Принципиально важную роль в научном исследовании играют вопросы методологии и методов, определяющих «Правильный Путь» поиска истины (ср. этимологию «метода» у Ю.С. Степанова). Знания о научном методе должны предлагаться осознанно, исходя из адекватного понимания методологического инструментария и с учетом целесообразности и эффективности его применения для успешного решения конкретной научной проблемы. Однако, по справедливому замечанию Р.М. Фрумкиной, в гуманитарных науках и, в частности, в лингвистике «редкие авторы, независимо от весомости их вклада», берут на себя труд сформулировать общеметодологические основы своего научного исследования. Многие области лингвистики, соответственно, нуждаются в доопределении или переопределении предмета, поскольку остается неясным, какие из представленных в них построений следует относить к аксиоматике. Рефлексию о предмете и методе науки Фрумкина называет вопросом «*самодисциплины ученого, его готовности к сомнениям по поводу используемых им методов*» [Фрумкина 1995: 79-80] (курсив мой – И.Щ.).

С этим трудно не согласиться, тем более что понятия методологии, метода и методики, формирующие логическую структуру и принципиальные подходы исследования, остаются сложными для определения. Так, согласно Т.В. Жеребило, идея методологии может совмещать в себе понятия метода и приема (метод-прием, метод как прием), приближаться к методике (метод как методика), обозначать аспект исследования и способы описания [Жеребило 2013: 67]. О неразграниченности *метода, приема, процедуры* и *аспекта* пишет В.И. Шаховский [Шаховский 2010: 6]. Размытость границ между упомянутыми понятиями свидетельствует о целесообразности широкой трактовки метода – его (по)строения *как трехчастной структуры, которая включает методологию, метод и методику в качестве составляющих*. Предложенное

Ю.С. Степановым трехчастное (по)строение реализует *системность метода* [Степанов 2009: 3-8] (курсив мой – И.Щ.). Системность акцентируется и в определениях методологии, которые не сводят ее к простой сумме методов, но представляют как сложную, динамичную, целостную и субординированную систему способов, приемов и принципов разных уровней, сфер действия, направленности, эвристических возможностей, содержаний, структур и т.д. [Кохановский 1999: 185]. Вместе с тем, нечеткие различия ключевых для научного исследования понятий подтверждают важность рефлексии о методе.

Охарактеризовав понятия метода и методологии как таковые, кратко остановимся на методе концептуального анализа, стремление к точности описания которого, как минимум, в силу его востребованности, органично встраивается в понятийное поле поиска научной истины.

Концептуальный анализ предполагает выделение и изучение той единицы знания, которая репрезентирована конкретной языковой единицей, и представляет собой систему приемов, направленных на выявление структурных и содержательных характеристик концепта [Болдырев 2016: 117]. Концептуальный анализ связан с моделированием концептов на основе концептуальной общности средств лексической репрезентации в узусе и тексте, нередко – с изучением концептов как единиц концептуальной картины мира языковой личности автора [Шаховский, Шейгал 2010: 102]. Существуют разные подходы к описанию концепта. Нередко предлагаемые построения исходят из его послойно-зонального описания, связываются с исследовательскими процедурами толкования значения его имени и ближайших обозначений. Осмысляется концепт с позиций биосемантики и биологии познания. Так, И.К. Архипов, признавая сложность реконструкции концептов, призывает исследователей развивать в себе умение «подглядывать» за работой мышления своего и окружающих [Архипов 2008: 63-64], поскольку мир рождается (конструируется) в процессе познания. Вслед за У. Матураной и Ф. Варелой, он постулирует идеи автопоэзиса (автопоэза), согласно которым человек формируется и существует в непрерывной структурной взаимосвязи с другими системами окружающей его среды, а познание мира обусловливается биологически [Баксанский, Кучер 2007: 32-39]. Как биологическое явление, «обладающее значением в связи с нашим телесным опытом», трактует язык А.В. Кравченко. Автопоэз соотносится с началом смены научных парадигм, которое сопровождается «усилением идеологии физикализма, биологизма и интеграционизма» и признается новым и перспективным общетеоретическим методом в когнитивной науке [Кравченко 2007: 28]. Эти и иные различия в подходах к описанию концепта объясняются принадлежностью исследователей к разным научным сообществам; развитием науки и появлением в ней свидетельств о выходе реальных фактов из-под контроля теории (фразеология В.Я. Демьянкова) [Демьянков 1988], сложностью феномена концепта и, как следствие, его неполной разработанностью. Описания концепта и концептуального анализа порою отличаются и субъективной неточностью. В научных работах применяются методы, «не всегда соответствующие природе концептов» [Архипов 2008: 64], не всегда должным образом ак-

центируется идея *моделирования* концепта как единицы ментального лексикона, для реконструкции которой используются вербальные репрезентанты. Терминологическая небрежность справедливо заставляет критиков метода сомневаться в возможности верификации выводов, касающихся зон и слоев концепта как невидимой сущности. Переводя дискуссию в русло особых требований к анализу сложного феномена концепта, нельзя не упомянуть и выразительный образ В.И. Шаховского, который недавно сравнил появление концепта с появлением «очередного «чертика из ящика Пандоры». Этим «ящиком» для исследователей невольно послужила фундаментальная монография Ю.С. Степанова [Степанов 2004]. В.И. Шаховский упоминает о разочаровании Степанова «повсеместным *искажением понятия* концепт» и «бесчисленным количеством диссертаций по лингвоконцептам», явившихся следствием их *неточного понимания*. Это разочарование разделяет и он сам. Открыв для себя «лингвистический клондайк», – констатирует ученый, – исследователи устремились к освоению формальной модели структуры концепта: понятие, ценность, образность. *В спешке* никто не обратил внимания, что в этой *догме* упущен коституэнт – эмоция, а ведь и понятия коррелируют с эмоциями (эксплицитно или имплицитно) [Шаховский 2018] (курсив мой – И.Щ.). О недостаточной требовательности исследователя к себе упоминает И.К. Архипов: «… на всех уровнях – от студенческого до академического – звучит один и тот же мотив: концепт (имярек) в языке (имярек) в период (имярек) или истории языка» [Архипов 2008: 58]. Как думается, ни сложность концепта и его реконструкции, ни естественное развитие науки, обнаруживающее новые стороны известных явлений, ни человеческое начало научной истины не должны исключать самодисциплины ученого. Рефлексия о методе и скрупулезность его описания создают основу для обретения знанием истинностного характера, в то время как их отсутствие означает нарушение морального императива поиска истины.

Литература

Архипов И.К. Язык и языковая личность. СПб.: Книжный дом, 2008.

Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивно-синергетическая парадигма НЛП. От познания к действию. М.: Эдиториал УРСС, 2007.

Болдырев Н.Н. Когнитивная лингвистика. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016.

Демьянков В.З. Когнитивные аспекты лексикографии // Проблемы современного зарубежного языкознания: (80-е годы): сборник научно-аналитических обзоров. М.: Институт научной информации по общественным наукам Академии наук СССР, 1988. С. 5-59. URL: http://www.infolex.ru/Li80.html (дата обращения: 13.01.2020).

Жеребило Т.В. Методы исследования в филологии. Назрань: Пилигрим, 2013.

Кохановский В.П. Философия и методология науки. Ростов н/Д.: Феникс, 1999.

Кравченко А.В. Проблема метода в когнитивной науке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4 (013). С 28-35. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-metoda-v-kognitivnoy-nauke (дата обращения: 13.01.2020).

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Акад. проект, 2001.

Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Эдиториал УРСС, 2009.

Ушаков Е.В. Введение в философию и методологию науки. М.: Экзамен, 2005. URL: http://yourlib.net/content/view/5240/63 (дата обращения: 13.01.2020).

Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца XX века. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. С. 74-117.

Шаховский В.И. Эмоциональная компонента как межпарадигмальный интекст // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 1 (12). С. 14-27. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnaya-komponenta-kak-mezhparadigmalnyy-intekst/viewer (дата обращения: 13.01.2020).

Шаховский В.И., Шейгал Е.И. Методика лингвистических исследований. Волгоград: Изд-во ВГПУ: Перемена, 2010.

I.A. Schirova (Saint Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University of Russia

REFLECTIONS ON SCIENTIFIC METHOD AS SEARCH FOR TRUTH

The author of the paper treats the issues of scientific method as the issues of scientific truth. Dwelling on conceptual analysis, the author briefly characterizes different approaches to the concept and comments on the reasons for their diversity. Reflections on scientific method are considered to create the necessary conditions for its description to become part of truthful knowledge.

Key words: scientific method, methodology, scientific truth, concept, conceptual analysis, reflections on method.

V. КОРПУСНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Е.С. Баландина *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный университет
balandinaes@susu.ru

КОРПУСНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ КОЛЛОКАЦИЙ SOFT POWER И MILITARY POWER

В статье представлен копрусный подход к исследованию коллокаций soft power и military power. На основе анализа основного NOW Corpus и референтного iWeb Corpus корпусов автор статьи выявляет ключевые тенденции использования выбранных коллокаций и специфику их распределения в зависимости от года употребления. Рассмотрение коллокаций в реальном дискурсе позволило глубже раскрыть особенности их использования.

Ключевые слова: корпусное исследование, коллокация, нормализованная частотность, мягкая сила, военная сила.

В настоящее время происходит трансформация глобального порядка, перемещение центров силы, за которыми следует изменение институциональных основ взаимодействия между государствами [Ворочков 2016]. Это приводит к возрастающей роли информации, которая, с одной стороны, становится универсальным инструментом человеческого прогресса, а с другой, приводит к изобретению новых способов, методов и технологий информационно-психологического воздействия, тем самым, превращаясь в мощное геополитическое оружие, которое многие сегодня называют «мягкой силой» [Матвиенко, Галаева 2015]. Наряду с этим мы можем отметить, что политическая обстановка, сложившаяся в ряде стран, во многом способствует сохранению военной мощи как инструмента внешней политики. Таким образом, нам представляется актуальным рассмотреть вопрос, связанный с соотношением «мягкой силы» и «военной силы» на лингвистическом уровне на основе корпусного анализа, позволяющего выделить реальные словоупотребления, используемые в естественной языковой среде.

Цель представленной статьи состоит в изучении динамики использования коллокаций soft power и military power по данным NOW Corpus (News on the Web). Представленный корпус состоит из более 9 млрд. слов и содержит материалы, опубликованные в онлайн журналах и газетах начиная с 2010 по настоящее время. Таким образом, система дает возможность проанализировать не только общую частотность употребления изучаемых коллокаций, но и проследить основные тенденции их использования.

На начальном этапе исследования нам представляется необходимым рассмотреть особенности употребления выделенных коллокаций на основе сравнения двух корпусов NOW Corpus (основной корпус) и iWeb Corpus, который

будет рассмотрен в качестве референтного корпуса. Общий объем референтного корпуса составляет 14 млрд. слов, в котором содержатся тексты из различных интернет источников. Следовательно, сопоставление выбранных систем позволит говорит о специфике употребления сочетаний soft power и military power непосредственно в онлайн журналах и газетах.

Таблица 1. **Общие показатели по NOW Corpus и iWeb Corpus**

Общие показатели	NOW Corpus		iWeb Corpus	
	Military power	Soft power	Military power	Soft power
Частотность	5976	7813	7116	3086
Нормализованная частотность	0,66	0,87	0,50	0,22
MI	3,539	6,283	3,962	3,162

Показатель взаимной информации (MI), определенный по данным основного и референтного корпусов, свидетельствует о высокой устойчивости исследуемых коллокаций в интернет текстах. Однако сравнение нормализованной частотности представляет больший интерес, поскольку она указывает на отличительные особенности употребления изучаемых коллокаций. Например, soft power является менее встречаемой в iWeb Corpus с нормализованной частотностью 0,22, тогда как в NOW Corpus частотность вырастает в четыре раза (0,87). В свою очередь, коллокация military power также чаще употребляется в основном корпусе, но при сравнении данных по двум коллокациям мы можем сделать вывод о том, что в текстах онлайн статей, опубликованных с 2010 года, акцент делается именно на применении или использовании «мягкой силы» soft power.

На следующем этапе рассмотрим распределение исследуемых коллокаций по времени их встречаемости, и в сравнении проанализируем частотность использования каждой из них. В силу ограниченности объема статьи мы рассмотрим только те примеры, когда разница в величинах нормализованной частотности составляет более 0,2.

Таблица 2. **Распределение коллокаций по годам**

Год	Military power			Soft power		
	частотность	слов (*мил-он.)	нормализованная частотность	частотность	слов (*мил-он)	нормализованная частотность
2010-1	74	115,1	0,64	75	115,1	0,65
2010-2	115	129,1	0,89	74	129,1	0,57
2011-1	131	144,9	0,90	134	144,9	0,92
2011-2	148	159,8	0,93	110	159,8	0,69
2012-1	131	185,0	0,71	138	185,0	0,75
2012-2	125	186,3	0,67	90	186,3	0,48
2013-1	131	196,7	0,67	204	196,7	1,04
2013-2	148	204,7	0,72	176	204,7	0,86
2014-1	177	209,7	0,84	197	209,7	0,94
2014-2	172	219,8	0,78	208	219,8	0,95
2015-1	176	223,6	0,79	192	223,6	0,86
2015-2	238	288,9	0,82	219	288,9	0,76
2016-1	411	681,8	0,61	480	681,8	0,70

2016-2	529	849,6	0,62	862	849,6	1,01
2017-1	688	859,4	0,80	750	859,4	0,87
2017-2	597	887,2	0,67	758	887,2	0,85
2018-1	480	731,8	0,61	669	731,8	0,91
2018-2	420	837,3	0,50	734	837,3	0,88
2019-1	623	999,2	0,62	951	999,2	0,95
2019-2	490	988,3	0,50	792	988,3	0,80
Общая	5976	9000	0,66	7813	9000	0,87

Как видно из представленной таблицы коллокация soft power является более употребительной в первой половине 2013, второй половине 2016, в 2018 и в 2019 годах. В свою очередь, частотность military power выше только во второй половине 2010 и 2011. Выявленная тенденция во многом связана с современной геополитической обстановкой, когда именно «мягкая сила», а не вооруженные действия становится основным инструментом влияния и манипуляции. В связи с этим интересным представляется рассмотреть, как реализуются анализируемые коллокации в реальном дискурсе. Обратимся к примерам из новостных статей, опубликованных в 2019 году в разных странах.

Таблица 3. **Примеры использование коллокаций в статьях 2019 года**

Military power	Soft power
Great Britain Last year, the former commander of the UK's Maritime Forces, Rear Admiral Alex Burton told the BBC that Britain was in danger of losing its status as a "credible military power". US Today there is no major external enemy that can threaten our military power. // the United States, the largest and most lethal military power in the world, takes the life of its citizens very seriously. Canada In addition to sanctions targeting ISIS, the Americans have used military power to disrupt terrorist financing. Pakistan China is on the path of a global economic and military power and Pakistan, unlike India, can't miss the bus.	Great Britain That move is allowing the EU to reinvest its soft power. // The UK lost its Empire but then found considerable soft power on the international stage. US Today, however, American soft power faces serious challenges from a slew of Asian countries. India The United State soft power is worn out. American or Western pop culture is no longer a vaunted soft power. Bangladesh The weaponisation of soft power is also gaining ground in the legal domain, through the extraterritorial application… German The EU can no longer rely on its soft power to promote its interests and must develop more security.

Как мы видим из таблицы 3, коллокация soft power реализуется в дискурсе новостных статей разных стран в основном в сочетании с прилагательными global, growing, effective; глаголами to reinvest, to grow the countries soft power, to wield, to use, to focus on, to project, to invest; существительными a vehicle for soft power, the influence of, the sway of, education as a, role of. Перечисленная лексика относится к группе слов с превалирующей нейтральной или положительной коннотацией, что свидетельствует об активной позиции стран в развитии и использовании инструментов «мягкой силы». Причем следует отметить, что в

текстах встречается разнообразное сочетание коллокации soft power с прилагательными, образованными от названий стран.

Для коллокации military power также характерными являются сочетания с прилагательными the strongest, the largest, dominant, super; глаголами to increase, to modernize, to trust; существительными the regional alignment of, the application of, projection of, concentration of с нейтральной и положительной коннотацией. Следовательно, военный потенциал стран остается значимым фактором на политической арене наряду с возрастающим влиянием «мягкой силы».

Таким образом, мы можем сделать вывод, что коллокация military power является более частотной в корпусе, состоящем из текстов различной тематики, тогда как soft power, согласно показателю MI, увеличивает свою частотность в онлайн газетах и журналах. Причем, встречаемость данной коллокации постепенно возрастает начиная с 2012 года и в 2018 и 2019 уже превышает показатели military power и в первом, и во втором полугодиях. Специфика реализации исследуемых коллокаций в статьях 2019 года во многом совпадает за счет использования нейтральной и положительной лексики в их окружении. Это во многом объясняется современной политической обстановкой, когда для укрепления своих позиций на международный арене страны используют различные стратегии. Более того, в данном ключе возрастает значимость именно «мягкой силы», однако военная мощь также не теряет своей роли.

Литература

Ворочков А.П. «Мягкая сила» современной России: институциональный аспект // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Т. 5. № 5А. С. 258-275.

Матвиенко Ю.И., Галаева М.Г. «Мягкая сила» как фактор современной геополитики // Politbook. 2015. № 1. С. 165-179.

E.S. Balandina (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University

CORPUS-BASED APPROACH TO THE COLLOCATION ANALYSIS OF SOFT POWER AND MILITARY POWER

The article presents a corpus-based approach to the study of collocations soft power and military power. Based on the analysis of data presented in the corpus of interest NOW Corpus and the reference corpus iWeb Corpus, the author identifies the key trends in the usage of collocations as well as their distribution depending on the year. The study of the analyzed collocations in real discourse allows to reveal their main peculiarities in various online newspapers and magazines.

Key words: corpus research, collocation, normalized frequency, soft power, military power.

Н.Б. Гвишиани *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ngv@wdcb.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СИНОНИМЫ В СОСТАВЕ ТЕКСТОВЫХ ПАРАДИГМ (В АСПЕКТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО КОРПУСНОГО ДИСКУРСА)

В статье исследуется роль парадигматических связей слов и контекста в формировании смыслового содержания текста. В центре внимания находятся ассоциативные «переклички» языковых единиц и выбор их языкового выражения согласно коммуникативной интенции субъекта речи. Синтагматическое функционирование дистрибутивных синонимов анализируется с использованием компьютерно-корпусных технологий.

Ключевые слова: текстовые парадигмы, функциональные синонимы, синонимическая конденсация, контекстная семантика, компьютерные фреймы.

Процесс коммуникации, в ходе которого происходит взаимодействие интенций его участников и обмен информацией, может быть рассмотрен как в ассоциативной (парадигматической), так и в линейной (синтагматической) плоскости. Его когнитивная составляющая заключается в передаче эксплицитно и имплицитно выраженных смыслов, а также выборе языковых средств, способных адекватно отразить мыслимое содержание. Именно представив речевое общение как когнитивный процесс, британский лингвист Герберт Пол Грайс обосновал, как одни и те же слова могут ‘читаться’ по-разному в разных контекстах, что ознаменовало поворот в дискурсивной теории [Grice 1975]. Тем самым в осмысление ситуативной семантики языковых единиц ‘вплетаются’ нелинейные связи слова, образующие *текстовые парадигмы* – «модели внутритекстовых связей лексических единиц, основанные на их “семантических перекличках” – разновекторных смысловых ассоциативных связях» [Чернейко 2018: 193]. Слово тогда является не просто именем объекта, а *фреймом*, представляющим собой «пакет информации», включающий обобщенное моделирование типов ситуаций или событий [Болдырев 2018: 57].

Парадигматические связи слов могут быть реализованы и в синтагматической плоскости, когда близкие или даже разные по значению лексические единицы объединяются в тексте для выражения единого смысла, будь то многостороннее описание объекта или развернутая коннотация. В синтагматике речи слово взаимодействует с семантической областью других слов, что создает ‘*перекличку*’ концептуальных связей. Так, в результате развития динамического компонента значения слова в контексте может произойти его переход в ‘новый’ синонимический ряд и сближение с лексическими единицами, отличными от его исходного значения. Подобные функциональные сдвиги присущи словам в составе *синонимической конденсации* – «накопления в речи синонимов или синонимических выражений как стилистический прием» [Ахманова 1968: 327]. Поскольку в качестве единицы семантического сопоставления используется какое-либо одно значение слова (ЛСВ), полисеманты могут входить в разные синонимические ряды или *парадигмы* [ЛЭС 1990: 447]. Более того, в составе данного построения могут оказаться слова вовсе не равнозначные, но, тем не

менее, имеющие единый смысловой вектор, коннотативную окрашенность и риторическое звучание в определенном типе контекста. В таких случаях мы говорим о *функциональных синонимах*, которые отличаются от ‘системных’ синонимических единиц тем, что они объединены не по семиотическому принципу эквивалентности значения, а по общности функции.

Синонимическая конденсация означает слияние нескольких образов (идей) в единый составной образ, что является результатом взаимодействия парадигматических и синтагматических связей слов, входящих в синонимическую парадигму. Синонимы же в словаре организованы в соответствии с широким семиотическим принципом общности их значения. Хотя понятие ‘полной’ эквивалентности значения и подвергается сомнению в отношении естественных человеческих языков, словари синонимов воспринимаются нами как привычная реальность. Так, например, в словаре Longman Language Activator представлена иерархическая структура синонимов с центром и периферией. Каждый ‘общий’ термин (ключевое слово) содержит частицу значения более конкретного термина, употребление которого ситуативно ограничено: STEAL (ключевое слово) – burgle, shoplift, loot, pinch, mug, embezzle, hold up. Парадигматические связи представляют собой системы выбора концептуальных категорий, получивших языковое выражение.

В отличие от семиотического словарного сопоставления, синонимическая конденсация является тем типом контекста (фреймом), в котором происходит модификация значений слов при реализации некоторого общего компонента значения. Этот лексико-семантический вариант может быть как присущим слову изначально, так и приобретенным в ходе контекстуального моделирования выражаемого им содержания. Рассмотрим следующий фрагмент текста:

“Martin standing between her and the hostility of the world – popular, easy, funny Martin beckoning the rest of the world into earshot” (F. Weldon. Watching me, watching you).

Прилагательные popular, easy, funny фигурируют здесь в создании характеристики персонажа по имени Мартин, не будучи синонимами в собственном смысле слова. Так, парадигматически popular описывается как “liked by many people”, “common”, “from the general public”; easy – как “easy going”, “friendly”, “warm”, “amiable” и funny – как “amusing”. Вместе с тем, в синтагматической плоскости все три слова в атрибутивной функции приобретают коннотативное значение, которое ‘перекликается’ с синонимической парадигмой слова friendly в значении “pleasant”, “nice”, “easy to get along with”, “outgoing”, “sociable”. При этом только easy имеет ЛСВ “friendly” в своей семантической структуре, для двух других прилагательных – popular и funny, этот компонент значения является приобретенным. В формировании данного типа значения (text meaning) задействованы ассоциативные связи слов, реализующие новые и более сложные смыслы. Контекстуально значимые слова притягивают синонимы, которые актуализируют ситуативно значимый компонент их значения. Отдаленность семантических связей слов в синонимической конденсации компенсируется тесной структурой их просодического оформления в речи: в отличие от модели

перечисления родственных членов предложения, элементы синонимической конденсации требуют последовательности нисходящих тонов (falling tones) при их произнесении в речи:

“She tried to think about her husband, but all her past, with her wedding, the Dymov, and with her ‘At Homes’, seemed to her **\petty, \trivial, \dingy, un\necessary, and \far, \far away**…” (Anton Checkov. The Grasshopper).

В следующем примере функциональные синонимические элементы занимают дистантное положение:

“‘You’ll like your father,’ he said – ‘**an amiable chap.** Never was much push about him, but easy to get along with. You’ll find him **artistic** and all that.’”

«– Ты полюбишь отца – **он хороший**, – сказал старый Джолион. – Замкнутый, но ладить с ним нетрудно. Вот сама увидишь, **он художник, художественная натура** и все такое прочее» (John Galsworthy. The Man of Property).

Чтобы создать положительный образ молодого Джолиона в глазах его дочери, старый Джолион выбирает прилагательные ‘amiable’ и ‘artistic’, которые не имеют общего референциального компонента значения в своей семантической структуре, но, тем не менее, участвуют в создании единого контекстуального смысла.

Исследуя функциональные синонимы, мы переходим в область *контекстной семантики*, которая опирается на «контекстуальную организацию всех языковых единиц» [Колшанский 2018: 132]. Вбирая в себя смысловую установку высказывания, его коммуникативное задание, контекст играет важную роль в *синонимизации* слов, «когда в определенных условиях из множества значений слов реализуется такое значение, которое в других условиях близко или равно значению совершенно другого слова, зафиксированного в этом употреблении в узусе и словаре» [op. cit.: 107].

Для того, чтобы определить степень близости и устойчивости ассоциативных связей между лексическими единицами, необходимы статистические данные, охватывающие значительное и репрезентативное количество употреблений и контекстов. Этим целям служат компьютерно-корпусные ресурсы, предлагающие наряду с обширными корпусами языковых данных механизмы их обработки в виде ‘пакетов информации’ или фреймов. Так, в программе SKETCH ENGINE мы находим алгоритмы, определяющие, что типично в языке, а что встречается редко. Фрейм WORD SKETCH обрабатывает коллокаты слова в текстовом окружении. Фрейм CONCORDANCE раскрывает функциональный потенциал слова как дискурсивной единицы в различных жанрово-стилистических типах речи. Особую важность представляет фрейм THESAURUS – автоматизированный поиск синонимов или слов, относящихся к одной и той же семантической области (полю). Перечень слов в линейке синонимизации основан на сопоставлении контекстов их употребления в корпусе. Подобный список ‘синонимов’ не будет включен в традиционный тезаурус или словарь, поскольку он учитывает нелинейные связи слов в акте коммуникации (текстовые парадигмы). Этот подход основан на ‘дистрибутивной семантике’, которая по существу утверждает, что слова, встречающиеся в идентичных контекстах, близки по значению. Хотя «сумма контекстов в употреблении есть лишь поверхностная реализация денотативной природы семантики языка» [Колшанский 2018: 33], для выявления синонимичности в условиях автомати-

зированного поиска могут быть использованы методы сопоставления конструкций и коллокатов. Те слова, которые в большей пропорции встречаются с одними и теми же коллокатами, оказываются в ряду так называемых ‘дистрибутивных синонимов’ (термин, получивший распространение в корпусной лингвистике).

Рассмотрим следующий пример, выявляющий ассоциативные нюансы и оттенки значений в ряду функциональных синонимов:

“It was cool, dusky, and echoey”.

«Здесь было прохладно, сумрачно, гулко».

Фрейм WORD SKETCH дает нам информацию о наиболее частотных коллокатах приведенных прилагательных, которые, в частности, образуют сочетания cool air, dusky twilight и echoey hallway, имеющие достаточно высокий порог встречаемости при гораздо меньшей частотности прилагательного dusky и окказиональном характере слова echoey в английском языке.

Фрейм THESAURUS помогает вычленить ряд ‘дистрибутивных синонимов’, среди которых мы находим такие ассоциативные связи, как ‘dusky – foggy’ и ‘echoey – whispery’.

Рис. 1 ‘DUSKY’

Рис. 2 ‘ECHOEY’

Таким образом, мы видим, как контекст фразы вычленяет нужные компоненты в семантике слов и формирует выразительное описание пространства, создающего ощущение вечерней прохлады, неопределенных красок и отголосков звуков.

В заключении можно сделать вывод о том, что текстовые парадигмы, реализуемые в контексте, раскрывают концептуальную природу языкового общения. В порождении фразы и контекста как такового субъект речи осуществляет выбор значений отдельных слов в выражении смысла высказывания. Контекст же служит основой для сопоставления и контраста нюансов значений лексических единиц, выделяя необходимый компонент смысла в создании образности и выразительности повествования.

Литература

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1968.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Изд. дом ЯСК, 2018.

Чернейко Л.О. Как рождается смысл. М.: Гносис, 2017.

Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М.: Либроком, 2018.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Grice H.P. Logic and Conversation // Speech Acts: Syntax and Semantics. London: Academic Press, 1975. Vol. 3.

Longman Language Activator. Longman, 1994.

Sketch Engine. URL: https://www.sketchengine.eu/ (дата обращения: 26.12.2019).

N.B. Gvishiani (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

FUNCTIONAL SYNONYMS WITHIN TEXT PARADIGMS (WITH REFERENCE TO ENGLISH CORPUS DISCOURSE)

The article focuses on the role of context and paradigmatic links of words in generating text semantics. The interaction of associative meanings of semantically related words and their selection in accordance with the communicative intention of the speaker form the center of the investigation. The syntagmatic functioning of distributional synonyms is analyzed through the prism of corpus-computer technologies.

Key words: text paradigms, functional synonyms, synonymic condensation, context semantics, corpus-computer frames.

Н.Н. Зеркина *(Магнитогорск, Россия)*
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
agatik01@mail.ru

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В РЕАЛЬНОМ И ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВАХ

Статья констатирует зарождение нового вектора научных исследований: рассмотрение объекта исследования в реальном и виртуальном пространствах, иллюстрирует трансформацию языка в виртуальном пространстве, затрагивает вопросы связи языка и культуры и определяет особую роль английского языка в данном процессе.

Ключевые слова: английский язык, виртуальное пространство, трансформация, текст.

Цифровизация, как явление, порожденное научно-техническим прогрессом, охватывает и захватывает все аспекты жизнедеятельности современного человека, включая содержательные, методологические, и не только, аспекты научной деятельности.

Интересно заметить, что современное научное сообщество становится свидетелем зарождения нового вектора научных исследований: *рассмотрение объекта исследования в реальном и виртуальном пространствах одновременно*, пока этому подходу нет названия, но можно его назвать как бипространственное (двупространственное) исследование.

Язык, будучи знаковой системой, не только фиксирует и раскрывает данный вектор научных исследований, но и сам, как и ряд других явлений, подвергается трансформации в виртуальном пространстве и одновременно создает это пространство.

Наиболее интересным с точки зрения переплетения данных явлений – языка реального и виртуального пространства – является английский язык, так как, с одной стороны, он обладает всеми качествами, присущими любому человеческому языку, а с другой стороны, «трудно отрицать тот факт, что интернет-язык тесно связан с английским языком, и это логично, и как следствие статуса английского языка как языка международного общения, и как последствие того, что Интернет был создан в англоязычной стране. Таким образом, на этапе зарождения и становления Интернет “проживал” исключительно в англоязычном пространстве, поэтому англоязычная терминология (***интерфейс – interface, монитор – monitor, флеш карта –*** **flashcard**) доминирует в Интернете, а, следовательно, английский язык заставляет пользователей с ним считаться» [Полидискурсивное пространство: слово, текст, коммуникация 2017: 41].

Может ли виртуальное пространство трансформировать английский язык во что-то новое? Насколько процессы креолизации языка в виртуальном пространстве изменяет английский язык? А может быть уже нужно «охранять» английский язык, чтобы он «не распался» как латинский?

Что касается английского языка, то он, «адаптируясь и приспосабливаясь к техническим возможностям виртуального пространства, является основным средством создания новой коммуникативной среды, в которой отражается вся специфика его употребления.

Язык, помещенный в новые условия, в новую коммуникационную среду, также претерпевает изменения достаточно масштабные и глобальные:

– смещение акцентов в сторону письменной реализации языка, что приводит к упрощению письменной формы языка, хотя исторически разговорный язык всегда был более простым, чем письменный;

– вливание других знаковых систем в языковые единицы в качестве компенсаторных элементов (цифры, пиктограммы, смайлики и т.д.);

– изменение формата языка под воздействием мультимедиа, (наличие ссылок, гиперссылок, дополненная реальность и т.д.);

– язык превращается в контент с высокой степенью креолизованности и интерактивности;

– язык приобретает определенный набор грамматических и лексических характеристик и практически теряет фонетику, что компенсируется паралингвистическими средствами (пиктограммы, смайлики);

– взаимодействие английского языка с другими языками порождает новые формы общения между представителями разных культур, смешение ведет к образованию новых стилистических форм, которые впоследствии могут заимствоваться другими культурами [Полидискурсивное пространство: слово, текст, коммуникация 2017: 39].

Да, виртуальное пространство может трансформировать язык и языковые атрибуты в нечто новое, так, предложение, словосочетание или слово может стать ссылкой (link) и приобрести новые качества и характеристи-

ки – активная, неактивная, которые не характерны для языковых единиц, а объем и содержание текстов определяются и регулируются пользователем в зависимости от потребностей последнего (в виртуальном пространстве человека называют пользователем, а не читателем!). Пользователь-читатель сам модерирует себе текст, отправляясь по ссылкам, таким образом, доказывая, что текст, помещенный в интернет, может быть неограничен по объему и предстать пред читателем не в той последовательности, в которой его создавал автор, иллюстрируя трансформацию текста в контент.

«Виртуальное пространство трансформирует традиционные тексты и другую традиционную информацию (музыку, изображения) посредством гиперссылок и мультимедиа в контент. Контент характеризуется фрагментарностью информации, нелинейностью и бесконечностью, отсутствием четкой традиционной структуры текста, высказывания (введение – центральная часть – заключение) и границ, что способствует неоднозначности, вариативности понимания, что не может не отразиться на языковой личности, которая является в данном интерактивном пространстве как адресатом, так и адресантом» [Язык и языковая личность в эпоху глобализации… 2017: 287].

Английский язык – это исторический и социально-культурный «продукт» английского народа, который формировался на протяжении столетий и является главным ретранслятором традиций и уклада жизни этого народа. Но необходимо отметить, что, будучи помещенным в виртуальное пространство, язык теряет эту функцию. Язык перестает вербализировать английскую культуру и перестает быть второй стороной медали под названием «язык и культура», а на его основе строится новая культура, которая имеет свое собственное наименование «Нетикет», но, справедливости ради, необходимо отметить, что «англоязычная культура как “родитель” интернета и глобальной среды общения выработала и внедрила свои правила сетевой коммуникации – своеобразный сетевой этикет, который позднее перенимался пользователями других языковых сообществ через язык и формат общения, сетевой этикет принимался полностью и/или адаптировался под этикет национальный» [Полидискурсивное пространство: слово, текст, коммуникация 2017: 42].

Итак, язык созданный человеком, меняется сам и меняет пространство своего существования как реальное, так и виртуальное. Будет ли это процесс предметом исследования цифровой филологии или филологической информатики – это вопрос времени, но уже точно ясно, что нас ждут новые открытия и умозаключения в данной плоскости.

Литература

Полидискурсивное пространство: слово, текст, коммуникация: коллективная монография / под науч. ред. Н.Н. Зеркиной. Магнитогорск, 2017.

Язык и языковая личность в эпоху глобализации: когнитивные, аксиологические, сравнительно-сопоставительные характеристики: коллективная монография / науч. ред. С.С. Исакова, Н.Н. Зеркина. Актобе; Магнитогорск: Магнитогрский Дом печати, 2017. 348 с.

N.N. Zerkina (Magnitogorsk, Russia)
Nosov Magnitogorsk State Technical University

THE ENGLISH LANGUAGE IN REAL AND VIRTUAL ENVIRONMENT

The article focuses on a new vector of scientific research: studying the object of a research in real and virtual environment, illustrates the transformation of the language in virtual environment, determines the issues of the language and culture connection and underlines the special role of the English language in this process.

Key words: English, virtual environment, transformation, text.

И.В. Кононова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
inkon_71@mail.ru
Т.А. Мельничук *(Якутск, Россия)*
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
melnichuk.ta@gmail.com

ДИНАМИКА КАТЕГОРИИ ОЦЕНОЧНОСТИ В ДИСКУРСЕ АМЕРИКАНСКОГО ПРЕДВЫБОРНОГО ВИДЕОРОЛИКА

В статье исследуется динамика оценочности в дискурсе американского предвыборного видеоролика. С помощью сопоставительного корпусного анализа выявлены динамические особенности актуализации оценочного компонента в рамках стратегий позитивной самопрезентации, дискредитации оппонента и убеждения. Приведены примеры, иллюстрирующие изменения в вербализации аксиологических установок.

Ключевые слова: предвыборный дискурс, политический дискурс, категория оценочности, корпусные методы, коммуникативные стратегии.

Настоящее исследование посвящено описанию динамики категории оценочности в американском президентском предвыборном дискурсе. Предвыборный видеоролик является разновидностью политической рекламы и представляет собой полимодальный текст в видеоформате средней продолжительностью от 30 секунд до одной минуты. Отправителем сообщения чаще всего является не собственно кандидат на пост президента, а некий «беспристрастный» голос за кадром (профессиональный диктор), обращающийся к адресату – потенциальному избирателю. Коммуникация в предвыборном видеоролике является двунаправленной: с одной стороны, основной интенцией говорящего является манипулятивное воздействие на избирателя с целью побудить его к совершению политического выбора, с другой стороны, отправитель сообщения часто нацелен на дискредитацию политического оппонента. В зависимости от преобладающей интенции предвыборные видеоролики можно разделить на три группы: восхваляющие кандидата, критикующие оппонента, отвечающие на критику оппонента.

Оценочная стратегия является комплементарной для трех основных стратегий, реализующих манипулятивную интенцию в предвыборном видеоролике: стратегий дискредитации оппонента, позитивной самопрезентации и убеждения. Для успешной реализации каждой из стратегий необходимо сформировать оценочное отношение у адресата: отрицательного – к оппоненту и его позиции / действиям, положительного – к кандидату и его позиции / действиям.

Цель данной статьи – выявить динамику реализации категории оценочности в дискурсе американского предвыборного видеоролика. Материалом исследования послужили скрипты 423 видеороликов общим объемом 66523 слова 17-ти президентских предвыборных кампаний, проводимых с 1952 по 2016 гг. Тексты были разделены на три корпуса, соответствующие трем историческим периодам: первый период – 1952–1972 гг. (объем: 24436 слов), второй период – 1976–2000 гг. (объем: 21054 слова), третий период – 2004–2016 гг. (21033 слова).

Данное исследование базируется на корпусном методе идентификации ключевых слов, который используется для выявления ценностно-смысловых характеристик текстов. Анализ значимости ключевых слов корпусов проводился с помощью корпус-менеджера AntConc [Anthony 2019]. Сопоставительный анализ значимости слов основан на концепции «ключевого слова», которое определяется как слово с более высокой частотой встречаемости в исследуемом корпусе по сравнению с фоновым (референциальным) корпусом [Gabrielatos 2018], а для отрицательной значимости – как слово с показательно низкой частотой встречаемости. В данном исследовании референциальный корпус для текстов первого периода включал тексты второго и третьего периодов, для текстов второго периода – тексты первого и третьего периодов, для текстов третьего периода – тексты первого и второго периодов. Для ключевых слов определялся специальный коэффициент (Keyness), который является индикатором значимости ключевого слова как дескриптора содержания текста и рассчитывается по формуле, учитывающей частотность использования и ранг слова в сравниваемых корпусах. Для определения меры значимости ключевого слова используется функция логарифмического правдоподобия (log-likelihood, далее – LL). Пороговая величина статистической значимости для ключевых слов составляет $p \leq 0{,}01$, $LL \geq 6{,}63$ и отсекает лексемы, частотность которых в сравниваемых корпусах носит случайный характер, свидетельствуя о проявлении языковой вариативности [Scott 2015]. Анализ значимости ключевых слов в комбинации с контекстуальным анализом позволил выделить ряд изменений в динамике оценочности в дискурсе предвыборного видеоролика.

Было выявлено, что в исследуемом дискурсе наблюдается тенденция к усилению негативной оценочности. Возрастает количество текстов, основной интенцией которых является обвинение, обличение или критика оппонента при полном отсутствии эксплицитных признаков стратегии позитивной самопрезентации. Доля таких видеороликов значительно повысилась к третьему периоду: 13% (I) – 19% (II) – 48% (III). Приемы выражения негативной оценочности становятся более разнообразными: широко используется разговорная оценочная лексика, экспрессивность отрицательной оценки усиливается с помощью вопросительных конструкций. При этом практически перестают использоваться отдельные способы вербализации отрицательной оценки. Так, интен-

сификатор too, придающий негативную окраску прилагательным и наречиям, является ключевой лексемой первого периода (LL=11,7), однако в текстах третьего периода для лексемы too выявляется отрицательный коэффициент значимости (LL = -14,55).

Возрастает роль рациональной оценочности в реализации стратегии позитивной самопрезентации. Отмечается тенденция к снижению количества оценочных прилагательных, характеризующих личностные качества кандидата в президенты, положительный образ все чаще создается за счет перечисления конкретных достижений кандидата, его действий и планов, указания конкретных количественных данных. В частности, наблюдается рост частотности лексем billion, hundred, thousand, million, record: billion (5 (I) – 16 (II) – 11 (III)), hundred (1 (I) – 9 (II) – 5 (III)), thousand (2 (I) – 14 (II) – 8 (III)), million (13 (I) – 33 (II) – 25 (III)), record (7 (I) – 23 (II) – 13 (III)). В корпусе текстов первого периода данные лексемы характеризуются отрицательной величиной статистической меры LL: million (-14,19), thousand (-11,73), record (-10,54), hundred (-8,36), billion (-8,35).

Косвенным признаком усиления рациональной оценки в текстах корпусов является смена установки «ожидать лучшего» на установку «планировать лучшее». В корпусе текстов первого периода высокой частотностью отличается глагол want (63 (I) – 52 (II) – 34 (III)), в дальнейшем резко возрастает частотность глагола plan (6 (I) – 38 (II) – 34 (III)). Лексема plan демонстрирует отрицательный коэффициент значимости в корпусе первого периода (-34,39) и положительный в текстах третьего периода (9,61).

Вместе с тем реализация стратегии дискредитации оппонента характеризуется обратной динамикой средств репрезентации оценки: ростом эмоциональной оценочности и снижением рациональной. В текстах первых двух периодов, критикуя деятельность оппонента, адресант сообщения, как правило, не использует эмоционально-оценочную лексику, отражающую субъективное мнение говорящего (I would like Mr. Carter to explain to me why **the inflation is as high as it is**; One person **has released** *killers…* **pardoned** 49 convicted drug dillers and offenders and **commuted** the sentences of a record 53 murderers), в то время как в текстах третьего периода критика оппонента часто сопровождается эмоциональной оценкой (Why was Romney so **dishonest** *about his plan?; You know what's* **deplorable**? Hillary Clinton **viciously demonizing** hardworking people like you).

Увеличивается частотность приемов сравнения и контраста в реализации категории оценочности, при этом наиболее распространенными в текстах третьего периода становятся противопоставления оппонент / кандидат, прошлое / будущее, настоящее / будущее. Наблюдается динамика категоричности эмоциональной оценки: она растет от первого периода ко второму, однако в третьем периоде снижается. В текстах второго периода ключевую значимость приобретают лексемы best (11,86), most (11,62), worst (8,45), при этом в текстах третьего периода коэффициент Keyness для данных слов снижается и достигает отрицательных либо близких к нулю величин: best (-2,45), most (-5,47), worst (0,01).

Наконец, в отношении актуализации ценностных ориентиров можно отметить, во-первых, общее усиление роли тактики апеллирования к цен-

ностям, что косвенно подтверждается повышением значимости лексемы values, характеризующейся отрицательной значимостью в первом периоде (-8,54) и положительной во втором (3,22) и третьем (0,85) периодах, и, во-вторых, варьирование значимости тех или иных ценностей в зависимости от социально-политических приоритетов каждого периода. Например, стратегия убеждения в текстах первого периода реализуется посредством апеллирования к ценностям и антиценностям мир / война (ключевые лексемы-репрезентанты: communism, peace, young, war, Korea), демократия / тоталитаризм (communism, individual), маскулинность (man). В текстах второго периода на первый план выступают экономическое благополучие / экономический упадок (tax, cut, control, inflation, increase, rates, reaganomics, mondale-nomics, spending, tuition, deficit, balanced, seniors) и труд / иждивенчество (work, welfare). Доминирующими ценностями и антиценностями третьего периода становятся экономическое благополучие / экономический упадок (jobs, economy, coal, energy, [tax] breaks, companies, oil), безопасность / террористическая угроза (terrorists, terrorist, Iraq, Middle [East]) и патриотизм (stronger, troops, hero, heroes, served, Iraq, China).

Обобщая вышесказанное, можно выделить следующие основные тенденции в реализации категории оценочности в дискурсе американского предвыборного видеоролика: усиление негативного оценочного компонента, изменение значимости эмоциональной и рациональной оценочности в рамках стратегий позитивной самопрезентации и дискредитации оппонента, а также усиление роли тактики апеллирования к ценностям с целью реализации стратегии убеждения.

Литература

Anthony L. AntConc (Version 3.5.8) [Computer Software]. Tokyo, Japan: Waseda University, 2019. URL: http://www.laurenceanthony.net/.

Gabrielatos C. Keyness analysis: nature, metrics and technics // Corpus approaches to discourse: a critical review / ed. by C. Taylor, A. Marchi. Routledge; New York, 2018.

Scott M. WordSmith Tools Manual, Version 6. Liverpool: Lexical Analysis Software Ltd. 2015. URL: http://lexically.net/downloads/version6/wordsmith6.pdf (дата обращения: 02.11.2016).

I.V. Kononova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University of Economics
T.A. Melnichuk (Yakutsk, Russia)
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

EVALUATION CATEGORY DYNAMICS IN THE DISCOURSE OF AMERICAN ELECTION COMMERCIALS

The article deals with the axiological aspects of American election commercials. Comparative corpus analysis is used to identify the specific axiological techniques employed in the verbal realization of three political discourse strategies: positive self-presentation, discrediting the opponent and persuasion. Dynamic tendencies in representation of values are illustrated with examples.

Key words: election discourse, political discourse, evaluation category, corpus-based methods, communicative strategies.

А.Н. Кузьменко *(Севастополь, Россия)*
Севастопольский государственный университет
a-kuzmenko@list.ru

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ОНОМАСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ В КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЕ

В данной статье рассматривается вопрос о роли и концептуальных основаниях формирования ономастических концептов в картине мира компьютерной игры. Выделяется горизонтальная и вертикальная взаимосвязь между топонимическими концептами. Примеры пространственно-временных отношений между концептами показаны на материале топонимов из мира компьютерной игры Fallout: New Vegas и Fallout 4.

Ключевые слова: ономастический концепт, картина мира, пространственно-временные отношения, компьютерная игра.

Компьютерная игра характеризуется как комплексный феномен, являющийся, с одной стороны, медиатекстом, с другой – художественным произведением определенного жанра. Картина мира художественного произведения предполагает взаимосвязь представлений о мире автора произведения и адресата. Релевантность фоновых знаний для понимания метасмысла произведения – того, что не было сказано, но является ключевым для восприятия – подчеркивается многими авторами – как лингвистами и филологами (К.В. Богданова, В.И. Шляхов, У. Эко, Р.О. Якобсон), так и разработчиками компьютерных игр (С. Роджерс, Г. Трефри).

Термин «концепт» в настоящее время широко используется для описания мышления человека, а познавательная деятельность, или концептуализация, рассматривается как основа формирования картины мира. Ключевым элементом в формировании картины мира является сам человек. «Активная роль человека в формировании языковых значений и смыслов убедительно свидетельствует об интерпретирующем характере человеческого сознания и, как следствие, языкового сознания, языковой картины мира, системы языка, всех его единиц и категорий, дискурсивной деятельности в ментально-языковом конструировании окружающего мира» [Болдырев 2016: 11].

Концепт, формируясь на основе чувственного опыта человека во взаимосвязи с другими концептами, является элементом картины мира определенного социума, то есть репрезентирует часть объективной реальности. Понимая репрезентацию знаний как результат процессов концептуализации и категоризации, Н.Н. Болдырев отмечает, что такие единицы знания «в языке получают преимущественно лексическую репрезентацию» [Болдырев 2013: 7].

Однако в разных языках различается не только лексическая репрезентация концептов, но и их объем и содержание. Данный феномен своеобраз-

но отражается в компьютерной игре, которая характеризуется тем, что английский язык в результате процесса глобализации функционирует как лингва франка в сфере компьютеров и интернета [Мжельская 2017: 58]. Несмотря на наличие русификаторов и озвучек игр, как официальных, так и любительских, игроки из разных стран продолжают пользоваться английским языком для онлайн-общения на форумах, в чатах многопользовательских игр. Таким образом, компьютерная игра ориентирована на англосаксонскую (британскую и американскую) картину мира, которая в процессе глобализации расширяется и ассимилируется с картинами мира других социумов. Воздействие процессов глобализации на построение современной картины мира происходит через ассимиляцию национальных культур, которая характеризуется как (1) объединение (унификация), (2) навязывание культурных характеристик более влиятельными (как экономически, так и информационно) странами [Гарипова 2017].

В широком смысле имена, использованные в произведении, отражают картину мира в рамках настоящего социокультурного и социополитического контекста. «Ономастические единицы репрезентируют мир таким, каким видит его человек, тот мир, в котором он живет, который познает и осмысляет, отражает и отображает» [Щербак 2012: 52-53].

Важность имен для компьютерной игры как комплексного феномена, являющегося, с одной стороны, медиатекстом, с другой – художественным произведением определенного жанра, заключается в том, что вся игра конструируется с опорой на совокупность объектов языковой и внеязыковой действительности. Все медиаобъекты в игре имеют имена, даже если они скрыты от пользователей.

Значимость когнитивного подхода в ономастике подчеркивается исключительностью имени собственного: называя тот или иной объект / предмет, человек не только закрепляет о нем информацию, но и «переводит эту информацию в план соотнесения с другими сущностями, важными для человеческого восприятия мира и значимыми в многочисленных видах его деятельности» [Щербак 2012: 36]. Иными словами, имена не возникают изолированно, а образуются во взаимосвязи с именами других объектов, и сам процесс номинации характеризуется системностью, выраженной горизонтальными и вертикальными связями.

Для изучения мыслительного акта закрепления и восприятия названия мы используем термин «ономастический концепт», как «особый тип ономастического знания, определяющего семантику имен собственных, знания об ономастическом фрагменте действительности» [Щербак 2012: 37]. С точки зрения когнитивной ономастики процесс именования подразумевает следующие типы взаимосвязи имен: горизонтальную (синхроническая взаимосвязь имен объектов, находящихся в непосредственной близости) и вертикальную (диахроническая взаимосвязь, под которой понимается эволюция имен собственных).

Проанализируем фрагменты карты игрового мира Fallout – серии постапокалиптических компьютерных ролевых игр с элементами шутера.

Если рассматривать карту игрового мира Fallout: New Vegas относительно локации Camp Searchlight, то можно заметить, что с данным топонимом горизонтально связаны следующие локации: Searchlight North Gold Mine, Searchlight East Gold Mine, Searchlight Airport.

В топонимии в достаточной мере изучены оппозиционные семантические отношения топонимов (характерным примером является наличие оппозиции *черный – белый* в названиях мест). В данном случае пространственные отношения локаций характеризуются принадлежностью к исходной (первой по прохождению) локации с уточнением по значениям *«место нахождения»*, *«характер локации»*, что отвечает критерию интерактивности компьютерной игры как медиатекста. Таким образом, игрок получает предварительную информацию о месте, а также инструкцию, как до него добраться, относительно уже найденных локаций.

Если рассмотреть карту игрового мира Fallout 4 относительно локации Diamond City, другое название The Great Green Jewel (метаф.), то видно, что следующие меньшие по размеру локации имеют горизонтальные (пространственные) взаимоотношения с локацией Diamond City, выраженные лексически: Diamond City market, Diamond City Radio, Diamond City Surplus. Положенные в основу наименования значения «*место нахождения*» и «*характер локации*», выделяют, например, Рынок Даймонд-сити как важный объект с точки зрения интерактивности игры, находящийся в непосредственной близости от уже известной локации Diamond City.

Взаимосвязь по вертикали, иными словами, исторические изменения, можно проследить в оппозиции *довоенный – послевоенный* как одной из жанрополагающих характеристик постапокалиптики [Березовская 2016].

Основными признаками, положенными в основу наименования Gunner's Plaza, будут «*фракция*» и «*характер локации*». Однако, если затронуть историю довоенного мира Fallout, можно узнать, что изначально («до Великой войны») в этом здании располагалось одно из отделений «Сети Галактических Новостей» (Galaxy News Network), которое транслировало проправительственные телевизионные кинохроники» [Nukapedia]. Прослеживается изменение наименования локации в зависимости от выполняемой на ней деятельности, что отвечает репрезентативной функции онима (значение «*характер локации*»), а также обеспечивает миромоделирование в двух плоскостях – довоенный мир и послевоенный мир, что является основополагающим в произведении жанра постапокалиптики.

Возвращаясь к уже приведенному примеру – топониму Diamond City, исходя из оппозиции *довоенный – послевоенный* как жанрообразующего признака постапокалиптики, следует отметить, что данное поселение основано на довоенной локации Fenway Park (Фенуэй Парк, бейсбольный стадион, Бостон, Массачусетс) [Nukapedia]. Игрок, обладая необходимыми фоновыми знаниями, может соотнести эти две локации благодаря символу Фенуэй Парка, изображенному на укреплениях города – “its distinctive ‘Green Monster’ color visible on the reinforced walls” [Nukapedia], а также другим отсылкам, как языковым (упоминание неигровыми персонажами), так и внеязыковым (наличие бейсбольной амуниции, расположение локации и др.). Например, послевоенное название Diamond City и его переносное название The Great Green Jewel можно рассмотреть как некоторую отсылку к довоенным реалиям через значение цвета, положенного в основу именования: (1) символу Парка – Зеленому монстру, (2) самому Фенуэй Парку (зеленое поле). С другой стороны, если рассматривать цветонаиме-

нования как способ воздействия на игрока, то цвет, положенный в основу названия Diamond City, говорит об уникальности данной локации. Зеленый – редкий цвет в сеттинге (время и место действия) Fallout, при этом он имеет позитивное значение и представляет собой «цвет биологического земледелия» [Пастуро 2018: 137].

Кроме того, ономастические концепты данного произведения представляется возможным объединить в группы по общим признакам, положенным в основу наименования (признаковая семантика онима). Так, отвечая дискурсу войны данной игры, многие онимы образованы с ориентацией на общий признак: «*война / армия*» (Camp Searchlight, Crashed Vertibird, Ranger Station Echo и др.), «*радиация / радиоактивное загрязнение*» (Atomic Wrangler casino, Sierra Madre vault, Hazmat testing ground и др.).

Таким образом, важность онимов для создания и восприятия картины мира компьютерной игры лежит в их репрезентирующем и соотносительном свойстве. Отражая жанрообразующие характеристики компьютерной игры, пространственно-временные отношения между топонимами отвечают критерию интерактивности и способствуют созданию картины мира игры.

Литература

Березовская Л.С., Демченков С.А. Постапокалиптика как жанр научной / паранаучной фантастики // Гуманитарные исследования. 2016. № 4 (13). С. 64-67.

Болдырев Н.Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1 (34). С. 5-13.

Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4 (49). С. 10-20.

Гарипова Г.Р. Воздействие процессов глобализации на построение современной информационной картины мира // Общество: философия, история, культура. 2017. № 11. С. 17-20.

Мжельская О.К. Английский язык как лингва франка и специфика его изучения // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2017. № 2 (28). С. 58-61.

Пастуро М. Зеленый. История цвета / пер. с франц. Н. Кулиш. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 168 с.

Щербак А.С. Когнитивные основы региональной ономастики. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. 319 с.

Nukapedia. Fallout Wiki. URL: https://fallout.fandom.com.

A.N. Kuzmenko (Sevastopol, Russia)
Sevastopol State University

THE COGNITIVE BASIS OF ONOMASTIC CONCEPTS FORMATION IN THE COMPUTER GAME

This article discusses the role and conceptual foundations of the onomastic concepts in the formation of the computer game worldview. The horizontal and vertical relationship between toponymic concepts is revealed, with the examples given on the material of the toponyms of the Fallout: New Vegas and the Fallout 4 game world.

Key words: onomastic concept, worldview, spatio-temporal relations, computer game.

Е.А. Логунова *(Калининград, Россия)*
Калининградский государственный технический университет
pakhomovaelena@mail.ru

КОНЦЕПТАУЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭКД НА ТЕМУ: “I’M 19 AND LOOKING INTO STARTING MY OWN BUSINESS”

На основе методики когнитивно-дискурсивного анализа проведен поэтапный анализ дискурса экономического форума на тему “I’m 19 and looking into starting my own business”. Используемая методика позволила выявить базовый концепт, отразить концептуальную картину исследуемого дискурса и показать, как выстраивается речевая стратегия участников общения изучаемого ЭКД.

Ключевые слова: дискурс, экономический компьютерный дискурс, конитивно-дискурсивная парадигма знания, когнитивно-дискурсивный анализ, концепт.

Термин дискурс (англ. discourse) является одним из наиболее широко употребляемых терминов современной лингвистической науки. Изучаемый дискурс представлен электронными текстами экономических форумов, исследование которых проведено в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы знания, положения и задачи которой заключаются в выяснении следующих вопросов: 1) как репрезентирован мир в сознании человека и какие форматы / структуры знания можно выделить в представлении опыта взаимодействия человека со средой; 2) как протекают у человека процессы упорядочивания поступающей к нему по разным каналам информации; 3) через какие акты концептуализации и категоризации мира происходит подобное упорядочивание и что отличает указанные акты; 4) как соотносятся между собой в любом из перечисленных актов (процессов) мыслительной деятельности данные из разных областей других когнитивных наук со сведениями из языка [Кубрякова 2006: 27-28].

Компьютерный дискурс представляет собой общение в интернет-пространстве, основанное на текстовом обилии информации в режиме online, при котором имеют место факторы, влияющие на порождение и восприятие выводной информации [Логунова 2011: 8-9].

Изучение ЭКД включает в себя анализ текста, репрезентирующего дискурс, выявление единиц электронного текста, идентификацию концептов, а также исследование фоновых знаний, относящихся к рассматриваемому типу дискурса.

Проанализируем дискурс на тему “I’m 19 and looking into starting my own business” [Global Business Network Online].

В предложенной теме содержится основной концепт – **«own business»** (частный бизнес).

Рассмотрим начальное высказывание автора: “Hey every one, I’m looking into starting my own business. I’ve created a web site and one idea I thought of is putting videos on it and then get paid through ads. (Click here to go to my web site) and got discourage after realizing that there are already tons of video sites out there.

Then I thought well I could buy and resell pc games. But then again I realized that… I would be going against the big dogs. Amazon.com, eb games.com, ganestop.com, ebay.com

etc.

Have a good day,

Bigk☺".

Автор **задает тему** дальнейшего дискурса: "I'm 19 and looking into starting my own business…". Высказывание содержит дополнительную информацию об авторе темы. Мы узнаем его возраст (19 лет), имя (Bigk) и то, что в его ближайших планах – открыть собственный бизнес. В сообщении содержится информация о том, что Bigk еще не определился с тем, какой именно бизнес ему открыть, о чем свидетельствуют следующие реплики: "I've created a website… and got discourage after realizing that there are already tons of video sites… Then I thought well I could buy and resell pc games … But then again I realized that… I would be going against the big dogs. Amazon.com, ebgames.com, ganestop.com, ebay.com". Для того чтобы сделать выбор, он анализирует наиболее известные компании-сайты: Amazon.com, ebgames.com, ganestop.com, ebay.com, созданные с целью продажи компьютерных игр, и сравнивает их с большими собаками (big dogs). Таким образом в дискурсе появляется концептуальная метафора «компании-собаки».

Многоточие, используемое в предложении – "But then again I realized that… … I would be going against the big dogs" – служит отметкой паузы, раздумья. Использование смайлика рядом с подписью автора (Bigk☺) указывает на его позитивное мышление, что, несмотря на трудности, он смотрит с перспективой в будущее.

Участники дискурса **советуют** (Definetely, I suggest starting with something small; Be confident...), **предполагают** (If you find your niche, you could get very popular very quickly), **отмечают** (everything starts from 0 keep that in mind), **соглашаются** с мнениями других и **разъясняют** свою точку зрения (I agree with the fellow members, there is always a dream which everyone wants to fulfill it asap, however in reality the dream takes sometime to complete…. ☺). Многоточие со смайликом в конце данного предложения служит отметкой риторической паузы, показывает некую степень иронии. Bigk подчеркивает, что всегда существует цель, которую хочется добиться как можно быстрее, но в действительности на это требуется определенное время; использует аббревиатуру asap (as soon as possible – как можно быстрее), значение которой известно большинству пользователей и которая служит средством экономии времени и места пребывания в сети.

Участники форума **делятся собственным опытом**: "I'm 19 right now and have been running my web design company for two years and I'm happy to say that i'm doing well ☺... it all starts with good planning and most ly… …knowing what you are doing. good luck to u..!". В данном случае наличие смайлика **свидетельствует** о позитивном развитии бизнеса (i'm doing well ☺), а использование многоточия служит **средством выделения** важной информации: "...it all starts with good planning and most importantly… knowing what you are doing". **Подчеркивается**, что крайне важно знать, понимать то, чем занимаешься. В конце высказывания автор **желает удачи**, используя "u" вместо

полной формы местоимения “you” (ты), что является общепринятой практикой для компьютерной коммуникации и позволяет экономить время оформления сообщения, подчеркивает неформальный тип такого общения. Отличительной чертой дискурса является то, что каждое новое предложение начинается с маленькой буквы, что свидетельствует о том, что содержание высказывания важнее его грамматического оформления, которому не уделяется особое внимание.

Дискурс на заданную тему заканчивается следующим пожеланием автору темы от участников обсуждения: “look to make creative and different” (старайся быть креативным и необычным).

Обратимся к дефиниции термина “business”. “**Business** – is the activity of making, buying, selling or supplying goods or services for money” [Oxford Learner’s Dictionaries]. Бизнес – это деятельность, связанная с производством, покупкой, продажей или поставкой товаров / услуг, направленная на получение прибыли. **Business** – a commercial or sometimes an industrial enterprise dealings or transactions especially of an economic nature [Merriam-Webster Online Dictionary]. Бизнес – это коммерческие или иногда промышленные сделки / транзакции предприятия, преимущественно экономического характера.

Проанализированный дискурс позволяет выделить концептуальные признаки и структурировать концепт OWN BUSINESS, который предполагает наличие смелости, риска, определенного опыта, уверенности, упорства и удачи. Такой бизнес должен носить креативный характер, быть отличным от других.

Таким образом, проведенный анализ показал, что структура и содержание различных концептов выявляются через значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, их словарные толкования, речевые контексты [Болдырев 2000: 31]. Объем содержания концепта выходит за рамки дефиниции вследствие когнитивного опыта участников общения.

Использование когнтивно-дискурсивного подхода при исследовании ЭКД позволило продемонстрировать, что определенные части дискурса играют в нем лидирующую роль, в теме, как правило, заключается концептуальное ядро всего обсуждения и, как следствие, фокусируется внимание; фон, в свою очередь, позволяет развернуть основной концепт на его составляющие. Такой подход дает возможность комплексно изучить и проанализировать речевую стратегию участников общения, а также выявить, что стоит за терминами, используемыми в конкретном дискурсе.

Концептуальное исследование ЭКД подтвердило, что участники дискурса обладают определенными общими специальными и фоновыми знаниями обсуждаемых ситуаций. Вокруг базового концепта создается концептуальное поле входящих в него концептуальных признаков, представленных выделенными ключевыми словами. Ключевые слова осуществляют интенцию текста, выдвигая на первый план наиболее актуальную на данный момент информацию.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000.

Кубрякова Е.С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сборник материалов 27–28 сентября 2006 года / отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. С. 26-31.

Логунова Е.А. Реализация интерактивности на интернет-сайтах экономических форумов: на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2011. 23 с.

Global Business Network Online. URL: http://www.businessforum.net (дата обращения: 07.11.2019).

Merriam-Webster Online Dictionary. URL: http://www.m-w.com (дата обращения: 01.11.2019).

Oxford Learner's Dictionaries. URL: https://www.oxfordlearners dictionaries.com/definition/english/business?q=business/ (дата обращения: 02.11.2019).

E.A. Logunova (Kaliningrad, Russia)
Kaliningrad State Technical University

CONCEPTUAL RESEARCH OF THE ECONOMIC COMPUTER DISCOURSE "I'M 19 AND LOOKING INTO STARTING MY OWN BUSINESS"

A step-by-step analysis of the economic discourse "I'm 19 and looking into starting my own business" was carried out based on the cognitive-discursive analyze methodology. The used technique allowed us to identify the basic concept, to reflect the conceptual picture of the investigated discourse and to show how a strategy of communication is organized.

Key words: discourse, economic computer discourse, cognitive discursive paradigm, cognitive discursive analysis, concept.

О.И. Лыткина *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
lytkinao@list.ru
Ю.А. Перфилов *(Москва, Россия)*
Российский государственный социальный университет
derenoto@gmail.com

ФУНКЦИИ КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ В НАЗВАНИЯХ ВИДЕОИГР

Работа посвящена изучению текстов компьютерных игр с позиции когнитивной лингвистики. На материале названий видеоигр были сделаны выводы о частоте представленности когнитивной метафоры в названиях видеоигр, способов ее языкового выражения, ее национальном характере, указаны функции

когнитивной метафоры в текстах видеоигр, намечены перспективы для дальнейших исследований в данном направлении.

Ключевые слова: когнитивная метафора, текст, видеоигра.

Термин «когнитивная метафора» впервые был употреблен американскими учеными Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в работе «Метафоры, которыми мы живем». По мнению авторов, метафору чаще всего соотносят с поэтическим языком, нежели с языком повседневного общения, однако метафора способна формировать концепты, которые структурируют ощущения, поведение и отношение человека к другим людям и миру [Лакофф, Джонсон 2004: 25]. Суть метафоры ученые определяют как «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности иного вида» [Лакофф, Джонсон 2004: 26]. Существуют первичные метафоры (термин введен аспирантом Дж. Лакоффа – Дж. Грейди), которые основываются на общем опыте людей, и метафоры, основывающиеся, как правило, на опыте отдельных наций, семей, личностей и т.д. К функциям метафоры относят: когнитивную (обработка информации), номинативную, коммуникативную, прагматическую, изобразительную, инструментальную, гипотетическую, моделирующую, эвфемистическую и популяризаторскую [Чудинов 2001]. Изучение метафоры приобрело особую значимость в когнитивной семантике, в частности в изучении проблемы полисемии [Манерко 2002: 19].

Цель нашей работы – на материале названий видеоигр (всего было проанализировано 50 наименований видеоигр различных жанров) выявить особенности функционирования когнитивной метафоры. Видеоигры представляют собой некую модель мира, в которой игрок выступает наблюдателем или создателем его. Таким образом игрок учится адаптироваться к жизни через самоидентификацию, социализацию и коммуникацию с виртуальным и реальным мирами.

Как показало наше исследование, большая часть названий видеоигр (34 (68%) названия) не являются метафорами. Причина нам видится во включенности в название имени собственного (как правило, имени главного героя), например: Crash Bandicoot, Grim Fandango, Spider-Man, Donkey Kong, Jeanne Darc.

Другие названия (32%) можно отнести к названиям, представляющим когнитивную метафору, например: The Wolf Among Us, WWF: Royal Rumble, Medal of Honor, Call of Duty, Bad Cat, Metro: Exodus, Far Cry: New Dawn, Dragon age: Inquisition, Rome: Total War, Watch Dogs, Sleeping Dogs, Syberia, Yakuza, Mafia, Ninja Gaiden, Max Payne.

Для удобства анализа полученных данных мы сгруппировали названия видеоигр по жанрам: 1) квест (приключенческая игра, предполагающая решение персонажем головоломок и задач): The Wolf Among Us, Syberia; 2) драки: WWF: Royal Rumble, Yakuza, Mafia; 3) шутер / стрелялка (от англ. shooter – «стрелок», игра, предполагающая перестрелку): Medal of Honor, Call of Duty, Max Payne; 4) ролевая игра (игра, предполагающая моделирование мира в определенное время в определенном месте): Dragon age: Inquisition; 5) экшн (игра, соотносимая с аналогичным жанром в киноискусстве): Watch Dogs, Sleeping Dogs; 6) платформер (игра, предполагающая прыгание героя по платформам, лазание по лестницам, собирание предме-

тов, необходимых для завершения уровня): Ninja Gaiden. Таким образом, можно прийти к выводу, что наличие когнитивной метафоры в названии игры не зависит от жанра самой игры.

С точки зрения способов языковой репрезентации когнитивной метафоры названия видеоигр можно классифицировать следующим образом.

Первую группу составляют названия с использованием фразеологизма/ов (The Wolf Among Us, Bad Cat, Medal of Honor, Call of Duty, Watch Dogs, Sleeping Dogs). Например: название “The Wolf Among Us” – главный герой переводится дословно как «Волк среди нас», русский аналог фразеологизма «волк в овечьей шкуре». Сюжет игры: волк-детектив, по имени Бигби (волк из сказки «Красная шапочка»), расследует загадочные преступления. Название “Bad Cat” – фразеологизм из английского языка, русским эквивалентом которого является вариант «не лыком шит». В сюжете игры “Bad Cat” главным героем является кот, который участвует в различных спортивных соревнованиях. В данном случае большую роль играет и внешний вид персонажа: у кота есть солнечные очки, которые подчеркивают его индивидуальность.

Вторая группа названий содержит в своем составе термины. Например, WWF: Royal Rumble (англ. «Королевская битва») – игра, посвященная реслингу, боям на ринге по правилам. Medal of Honor – сюжет предполагает участие главного героя в войне. Сочетание “Medal of Honor” можно трактовать как фразеологизм, так и как самостоятельную фразу (при условии знания экстралингвистического контекста), поскольку это сочетание можно трактовать как награду за успешно выполненное военное задание и как награду за любое успешно выполненное задание, а не только боевое. Так же можно толковать и название “Call of Duty” (с англ. буквально – «зов долга», «долг зовет»), “Watch Dogs” (с англ. буквально – «сторожевые псы», «псы войны»), “Sleeping Dogs” (предполагаем, что здесь отсылка к английскому фразеологизму “To let sleeping dogs lie” – аналог русского фразеологизма «Не буди лихо, пока оно тихо»).

В третью группу вошли названия, содержащие аллюзии (библейские, исторические, мифологические). Например, главный герой игры Metro: Exodus выбирается из заброшенного метро и ищет новый дом. Буквально “exodus” можно перевести как «исход». Это слово отсылает игрока к названию одной из книг Библии. Главный герой игры Far Cry: New Dawn выживает в постапокалиптическом мире, пытаясь построить общество с нуля. “New dawn” можно дословно перевести как «новый рассвет». Рассвет в данном случае символизирует что-то новое, прогрессивное.

Четвертую группу составляют названия, содержащие в своем составе прецедентные имена, например, серия игр Yakuza. Якудза – термин, который используется для обозначения только японской мафии, в то время как лексема Mafia употребляется для обозначения преступной организации в Европе.

Пятую группу представляют названия видеоигр, основанные на приеме эрратива. Например, игра Syberia – Syberia. В русской локализации название этой видеоигры было переведено как «Сибирь». Что, собственно, является весьма спорным вопросом, поскольку на английский язык Сибирь переводится как Siberia. Действия игры происходят на вымышленном острове Сибирия, ландшафт и пейзажи которого во многом напоминает Сибирь. Возможно, в данном случае можно говорить о локализации, а не о дословном переводе слова. Max

Payne – Payne (Пейн) является фамилией главного героя. Это игра слов payne – pain (боль). В данном случае название можно трактовать по-разному: максимальный Пейн, максимальная боль, максимальная боль Пейна.

К функциям когнитивной метафоры в названиях видеоигр можно отнести следующие: номинативно-оценочную – создание новых реалий (например в играх WWF Royal Rumble, Syberia); моделирующую – создание модели реальности, при помощи концептов (серия игр Call of Duty (концепт – ВОЙНА)); инструментальную, когда метафора определяет развитие мысли (Metro: Exodus (библейский мотив)) [Чудинов 2000]. Стоит отметить, что в полученной выборке не было ни одного названия, которое согласовалось бы с гипотетической категорией, позволяющей создать некоторое представление о сущности характеризуемого объекта. Предположим, что для реализации этой категории нужен более «длинный» текст, нежели представленный в названиях видеоигр (в выборке были представлены названия, каждое из которых представляло собой простое предложение (чаще всего нераспространенное и даже иногда неполное)).

Изучение когнитивных метафор в текстах видеоигр представляется перспективным направлением, поскольку влияние компьютерных игр на жизнь современного человека огромно (оно может быть как негативным, так и положительным, например, человек может познавать реальный мир через виртуальный или наоборот). Кроме того, исследование лингвистических особенностей видеоигр будет полезным для лексикографической практики (например, подготовка частотного словаря терминов компьютерных игр), создания пособий по стилистике текста, а также даст дополнительный материал для семантических исследований.

Литература

Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М., 1990. 172 с.

Киризлеев А. Жанры компьютерных игр // GamesIsArt. URL: http://gamesisart.ru/game_class_all.html#Game_Class_3_2.

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 1990. 415 с.

Манерко Л.А. Основы концептуального интегрирования ментальных пространств // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: сборник научных трудов / под ред. Л.А. Манерко; Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина. Рязань, 2002. 236 с.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Еатеринбург, 2001. 238 с.

O.I. Lytkina (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University
Y.A. Perfilov (Moscow, Russia)
Russian State Social University

FUNCTIONS OF CONCEPTUAL METAPHOR IN GAMING NAMING

The work is devoted to the study of computer games texts from the position of cognitive linguistics. Based on the material of the names of video games, conclusions were drawn about the frequency of the cognitive metaphor in the names of video games, the ways of its language expression, its national character, the functions of the cognitive metaphor in the texts of video games are indicated, and prospects for further research in this direction are outlined.

Key words: conceptual metaphor, text, videogame.

М.Ю. Мухин *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
mikhail.mukhin@urfu.ru
Н.Ю. Мухин *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский государственный педагогический университет
mikhail.mukhin@urfu.ru

КОРПУСНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В СИНТАГМАТИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ПРОЗЫ XIX В.[1]

Обсуждается логика корпусного сравнительного исследования лексической сочетаемости в прозе Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, И.А. Гончарова. Выявлены сочетания слов (лексические биграммы), которые характерны для одного из авторов и не встречаются в прозе других писателей. Полученные данные являются материалом для дальнейшей филологической интерпретации.

Ключевые слова: идиостиль, лексическая статистика, стилометрия, лексическая сочетаемость, синтагматика, лексическая биграмма.

Новизна изучения классических произведений сегодня проявляется в развитии междисциплинарных методов – это в первую очередь сферы компьютерной лингвистики, статистики текста, стилометрии и т.д. В дополнение к методам традиционной филологии ученые активно используют возможности точных наук и информатики, для того чтобы более системно выявлять особенности авторского стиля. В качестве одной из характеристик индивидуального стиля автора часто называют «авторскую работу со словом», т.е. особенности лексической сочетаемости, которые приводят к появлению в тексте новых смыслов (см.: [Адмони 1994; Мухин 2010; Мухин М.Ю., Мухин Н.Ю. 2019; Пищальникова 1992; Сулименко 2009] и др. работы).

В то же время проанализировать множественные связи между словами крайне сложно, так как в большом произведении они могут измеряться миллионами. Важно и то, что во многих случаях употребление слов подчинено сюжету конкретного произведения и поэтому не может быть показателем стиля автора в целом.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-012-00104

Генеральной целью данного проекта является выработка формализованной модели авторской сочетаемости слов в художественном тексте и построение индивидуальных профилей сочетаемости, характерных для творчества русских писателей-классиков XIX в.: Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, И.А. Гончарова. На основании профилей сочетаемости планируется в дальнейшем провести филологическое исследование, которое может скорректировать уже имеющиеся в науке фундаментальные представления о творчестве этих авторов.

Единицами анализа являются так называемые лексические биграммы (это пары слов, употребляющихся в одном предложении). К примеру, во фразе А.П. Чехова *Мельница работала, заглушая шум дождя* можно выделить 10 биграмм: *мельница – работать, мельница – заглушать, мельница – шум, мельница – дождь, работать – заглушать, работать – шум, работать – дождь, заглушать – шум, заглушать – дождь, шум – дождь*. Естественно, что среди выделенных лексических пар могут оказаться слова, непосредственно семантически не связанные. В то же время, если ограничить расстояние пятью словами, таких «случайных» биграмм остается не очень много.

В ходе статистического сопоставления возможно выявить биграммы, которые используются одним автором в разных произведениях, а при этом в текстах других писателей не встречаются. В то же время одним из элементов биграммы должно быть слово, которое часто используют все авторы (*сказать, человек, вдруг, рука, лицо, понимать, выходить* и многие др. – всего более 100), чтобы показать индивидуальную специфику работы с одним и тем же языковым материалом.

На первом этапе работы сформирован корпус избранных текстов перечисленных выше писателей, в который вошло по 4 крупных текстовых фрагмента, в совокупности составляющие около 4 млн слов. Была проведена техническая работа по подготовке исходных текстов и их морфологической обработке.

С помощью сравнительного статистического анализа определены слова, которые часто встречаются в текстах всех авторов. Одновременно получены сведения и о словах, которые часто употребляет, причем в разных текстах, только один из авторов. Проверено, что по спискам этих слов те, кто имеет читательский опыт, легко определяют, кому из авторов принадлежит лексический ряд. Например, в список А.П. Чехова попали такие слова, как *актер, инженер, земский, тощий, калоша, почтовый, телеграмма, высокоблагородие, дедушка, обидно, лечить* и *лечиться, чепуха, жутко, обстановка, нервно, пошлость, казенный* и др., а в список Ф.М. Достоевского – характерные слова *болезненный, скандал, преступник, анекдот, скверный, виновный, горячка, тварь, полиция, роковой, каторга, улика* и др.

Проведен сопоставительный анализ частотных лексических биграмм в творчестве разных авторов (всего биграмм, определенных условиями, о которых говорилось выше, оказалось в корпусе 1 674 948), определены авторские биграммы и, в особенности, слова, которые в произведениях каждого писателя проявляют наиболее оригинальную сочетаемость. Таким, например, является наречие *вдруг* в произведениях Ф.М. Достоевского,

которое сочетается со словами, обозначающими речь, звучание, эмоции: *залепетать, подхватывать, пробормотать, отрезать, вскричать, завопить, озлиться, вскидываться, презрительно, раздражительно, исступление, истеричный, ненавистный*. Каждое из них в одном контексте с наречием *вдруг* не встречается у других писателей XIX в., и это, безусловно, является особенностью стиля Достоевского. Таким образом, с семантикой внезапности, неожиданности связаны у писателя слова перечисленных выше семантических категорий. Анализ оригинальных контекстов слова *вдруг* у других авторов показывает, насколько перечень контекстных партнеров беднее. Штучные особые варианты сочетаемости этого наречия со словом *отрезвиться* встречаем у И.А. Гончарова: «Но вдруг он [Штольц] как будто отрезвился от этой досады, очнулся от тяжелого раздумья. Лоб разгладился, глаза повеселели» («Обломов»); «Он [Райский] вдруг отрезвился, взглянул с удивлением на Марфеньку, что она тут, осмотрелся кругом и быстро встал со скамейки» («Обрыв»). В двух романах Л.Н. Толстого наречие *вдруг* сочетается особым образом со словом *багрово* (*покраснеть*): «Пьер вдруг багрово покраснел и долго старался не смотреть на Наташу» («Война и мир»); «Он [Нехлюдов] вдруг багрово покраснел» («Воскресение»). В текстах И.С. Тургенева и А.П. Чехова синтагматические характеристики наречия *вдруг* вполне типовые, и повторяющихся оригинальных контекстов нет вообще.

На основании полученных данных построены авторские профили сочетаемости – у каждого свой набор слов, приоритетных для создания оригинальных контекстов, количество которых измеряется десятками тысяч. На следующих этапах работы необходимо провести более глубокий смысловой анализ и стилевую интерпретацию, чтобы показать специфику контекстных значений сочетаний слов в пределах каждого авторского стиля.

Информацию о ходе проекта можно найти на сайте Уральского федерального университета (https://urgi.urfu.ru/formalization/).

Литература

Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания. СПб.: Наука, 1994. 151 с.

Мухин М.Ю. Лексическая статистика и концептуальная система автора: М. Булгаков, В. Набоков, А. Платонов, М. Шолохов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. 232 с.

Мухин М.Ю., Мухин Н.Ю. Авторский тезаурус и сочетаемость слов: лексико-статистические модели индивидуального стиля // Филологический класс. 2019. № 4 (58). С. 8-15.

Пищальникова В.А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1992. 73 с.

Сулименко Н.Е. Текст и аспекты его лексического анализа. М.: Флинта: Наука, 2009. 396 с.

M.Yu. Mukhin (Ekaterinburg, Russia)
Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
N.Yu. Mukhin (Ekaterinburg, Russia)
Ural State Pedagogical University

CORPUS METHODOLOGY IN THE SYNTAGMATIC STUDY OF XIX CENTURY PROSE

The logic of the corpus comparative study of lexical compatibility in the prose of Leo Tolstoy, Fyodor Dostoyevsky, Ivan Turgenev, Anton Chekhov, and Ivan Goncharov is discussed. Combinations of words (lexical bigrams), which are typical for one of the authors and are not found in the prose of other writers, have been revealed. The obtained data are the material for further philological interpretation.

Key words: idiostyle, lexical statistics, stylometry, lexical compatibility, syntagmatics, lexical bigram.

В.В. Никитина *(Москва, Россия)*
Московский городской педагогический университет
veronikademch@gmail.com

ВОЗМОЖНОСТИ И ВЕРИФИКАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОИСКОВЫХ СИСТЕМ (BIG DATA) ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются возможности, верификационный потенциал поисковых систем и порядок реализации поисковых запросов в Big Data при проведении семантического исследования. Предлагается описание экспериментальной методики семантического исследования, которое предполагает использование поисковых систем Google / Yandex, являющихся эффективным инструментом анализа семантической структуры лексических единиц и синтаксических конструкций при классификации дистрибутивной границы.

Ключевые слова: Big-data, триангуляция, статистические методы в лингвистике.

«В языке нет ничего, кроме значения»
О.А. Сулейманова

В настоящий момент экспериментальные направления современной лингвистики являются высокотехнологичными, обладающими эффективным верификационным аппаратом, который позволяет изменить статус лингвистических исследований с «гипотетического» (гипотезы) на «доказанный», применительный к статусу математических исследований. Любое семантическое исследование включат в себя все этапы, аналогично исследованиям в точных науках, которые позволяют исследованию интерпрети-

роваться научным: *процесс изучения, эксперимент, концептуализация и верификация теории*.

Традиционно, при проведении семантического исследования применяют гипотетико-дедуктивный метод (О.Н. Селиверстова, О.А. Сулейманова, Л.В. Щерба, О.С. Белайчук и др.). Процедура проведения семантического исследования многоэтапна: во-первых, исследование начинается со сбора материала (примеров употребления исследуемой языковой единицы из аутентичных источников) и анализа словарных дефиниций семантически сходных языковых единиц из лексикографических источников.

Во-вторых, исследователь классифицирует языковой материал, выделяя интегральные и дифференциальные признаки исследуемых единиц для формирования взаимоисключающих групп. В-третьих, из взаимоисключающих групп генерируется экспериментальная выборка, которая предоставляется информанту-носителю языка для оценки употребляемости (адекватности) / неупотребляемости высказываний для верификации первичной гипотезы. В-четвертых, проводится вторичная верификация экспериментальной выборки информантами, которая заключается в варьировании семантически близких элементов в рамках идентичного высказывания для последующего формирования адекватного толкования исследуемых языковых единиц.

Вместе с тем, экспериментальная методика в современных семантических и лексикографических исследованиях предполагает наличие как информанта, так и применение ресурсов Big Data (поисковых систем Google / Yandex и др.), выступающих коллективным информантом в семантическом исследовании. Данный этап предполагает классификацию дистрибутивной границы исследуемой языковой единицы – правой и левой сочетаемости и элементов ее окружения. Сочетаемость исследуется в зависимости от объекта исследования на материале НКРЯ или BNC и др., а также поисковых систем Google / Yandex. Выбор релевантной поисковой системы определяется непосредственно языком материала исследования (английский / немецкий / русский). Поисковая система Yandex обрабатывает поисковые запросы преимущественно носителей русского языка. Поисковая система Google является международной и обрабатывает поисковые запросы в зависимости от языка-запроса, поэтому при статистическом анализе данных для исключения погрешностей, связанных с откликами носителей или неносителей языка-запроса и определением достоверности результатов, предоставляемых поисковой системой, используется публичное web-приложение Google Trends корпорации Google. Приложение Google Trends позволяет определить, как часто определенную единицу ищут по отношению к общему объему поисковых запросов в различных регионах мира и на различных языках. Поэтому для лингвистического исследования важны территориальные отклики исследуемых лингвистических явлений, то есть «отклики» информантов-носителей, а не информантов-неносителей английского языка.

В семантическом исследовании классификация дистрибутивной границы является этапом, который является крайне значимым для развития гипотезы, поэтому валидность предоставляемых и интерпретируемых данных является определяющей. С этой целью поиск осуществляется триангуляционно.

***Шаг* 1:** из корпусов текстов BNC, COCA и др., поисковых систем Yandex / Google, web-приложения Google Trends задаются параметры поиска исследуемых лексических единиц или синтаксических конструкций.

***Шаг* 2:** вводимые для поиска лексемы должны строго соответствовать ЛСВ в рамках исследуемой семантической структуры и должны быть закавычены, в противном случае глобальная сеть предоставляет не только искомое сочетание, но все доступные коллокации на момент отклика. Например, в поисковую систему задаются параметры поиска глаголов, точно отражающие их ЛСВ: *“*shudder*”* и *“*shudder to*”* [Сулейманова 2018: 469].

***Шаг* 3:** несмотря на тот факт, что количественные данные, предоставляемые поисковыми системами, подвижны, системный мониторинг и их фиксация позволили установить их валидность, при условии применения методов математической статистики и фиксации даты обращения к поисковой системе.

Эксперимент Big Data

В строку поиска последовательно вносятся закавыченные лексемы глаголов, точно отражающие синтаксическую конструкцию: «***содрогаться, дрожать*** и ***вздрагивать от*** *отвращения, страха, злости, нежности, стыда, радости, удивления*». Иными словами, для уточнения семантики глаголов *содрогаться, дрожать* и *вздрагивать от* необходимо провести количественный мониторинг данных на сочетаемость с обозначениями базовых эмоций для уточнения дистрибутивной границы, поскольку предварительный корпусный анализ показал частотную сочетаемость данной группы глаголов (см. табл. 1).

Таблица 1

Таблица 1	*Yandex*	*отвращения*	*страха*	*злости*	*нежности*	*Стыда*	*Радости*	*Удивления*
01.08.2018	*Содрогаться от*	[illegible]	388	10	6	2	*Нет совпадений*	
09.08.2019		[illegible]	238	8	4	1		
14.08.2019		[illegible]	390	8	1	3		
17.08.2019		[illegible]	449	9	2	2		
18.08.2019		[illegible]	518	8	1	2		
02.11.2019		[illegible]	565	9	7	69		
03.11.2019		[illegible]	543	9	1	4		
05.11.2019		[illegible]	449	9	7	5		
06.11.2019		[illegible]	518	8	1	2		

В связи с выявлением свойства подвижности данных количественных данных из поисковых систем, для определения валидности / невалидности представляемых данных было проведено экспериментальное исследование. Так, в поисковые базы данных Yandex и Google, с временными интервалом в 15 месяцев, 1 неделя и в течение нескольких дней подряд задавались закавыченные синтаксические структуры ***«содрогаться / дрожать / вздрагивать от*** *отвращения, страха, злости, нежности, стыда, радости, удивления и др.»*, с последующей фиксацией количественных данных.

Следует отметить, что при проведении статистического анализа эмпирических данных в семантическом эксперименте, при группировке данных частоты совстречаемости синтаксической конструкции, то есть нахождения

относительной частоты (f) необходимо наблюдаемую частоту признака или единицы абсолютную частоту (n) разделить на общее число наблюдений исследуемого явления [Левицкий 2007: 79]. Так, при абсолютной частоте глагола содрогаться от отвращения f=2000, выявленной поисковой системой Yandex на май 2018 (см. табл. 2), при общем числе откликов заполнения синтаксической конструкции равное 2324 откликам (n=2324) математический расчет эмпирических данных показал, что относительная частота коллокации *«содрогаться от отвращения»* равна 0,86 ($\frac{2000}{2324}$ = 0,86). Для получения процентной частоты необходимо относительную величину умножить на 100% (0,86 *100% = 86%). Таким образом, эмпирическая вероятность равна 86%. В статистических исследованиях наибольшей доказательной базой обладают вероятности 95%, 99%, которые в статистике называются доверительными вероятностями, которым соответствуют уровни значимости (величина, получаемая путем вычитания из 100% вероятности). Следовательно, вероятности p=86% соответствует уровень значимости P=14%. В лингвостатистике критерий уровень значимости показывает достоверность полученных эмпирическим путем результатов и процент случаев, в которых возможна ошибка. Следует отметить, что при исследовании дистрибуции полисемантических, семантических близких конструкций и определении доминант и периферии значения, доверительные вероятности не могут сводиться только лишь к цифрам 95%, 99%. Поэтому, доверительные вероятности ниже 10% рассматриваются как объективный шум Big Data и не учитываются при анализе.

Статистический анализ конструкций *содрогаться от* с существительными, обозначающими эмоции, позволил выявить следующие закономерности. Поисковая система Yandex фиксирует две доминантные коллокации, выражающие негативные эмоции *содрогаться от отвращения* и *страха* с доверительными вероятностями 71% и 26% соответственно (см. табл. 2).

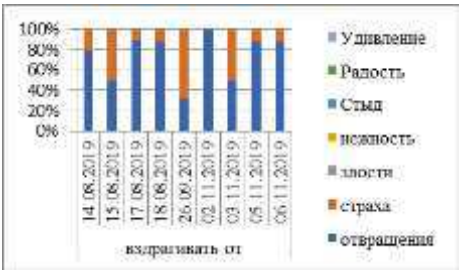
Таблица 2. **Yandex**

Поисковая система Google также выделяет две доминантные коллокации, которые выражают негативные эмоции *содрогаться от отвращения* и *страха* с доверительными вероятностями 17% и 48% соответственно (см. табл. 3).

Таблица 3. **Google**

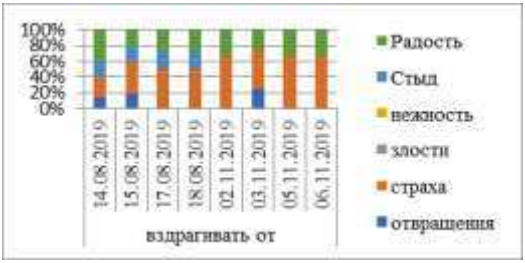
Статистический анализ конструкций *вздрагивать от* показал, что поисковая система Yandex фиксирует также только две доминантные коллокации, выражающие негативные эмоции *вздрагивать от отвращения* и *страха* с доверительными вероятностями 70% и 25% соответственно (см. табл. 4).

Таблица 4. **Yandex**



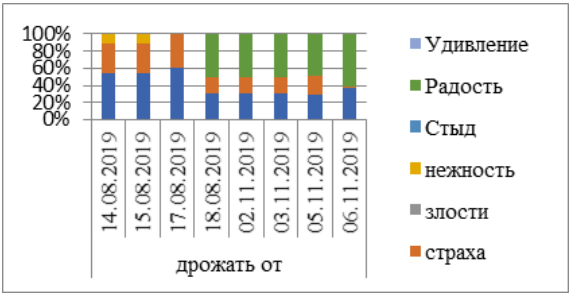
Однако поисковой системой Google фиксируется только одна доминантная коллокация, выражающая негативные эмоции *вздрагивать от страха* (с доверительной вероятностью 36%), и выделяются еще две доминантные коллокации с существительными *радость* и *нежность*, выражающими положительные эмоции с доверительными вероятностями 20% и 13% соответственно (см. табл. 5).

Таблица 5. **Google**



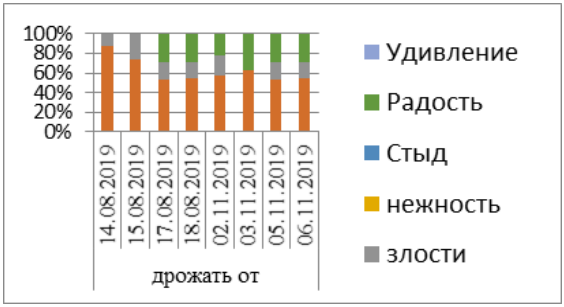
Статистический анализ конструкций *дрожать от* показал, что поисковая система Yandex фиксирует три доминантные коллокации, выражающие негативные эмоции *дрожать от отвращения* и *страха*, с доверительными вероятностями 32% и 19% соответственно, и коллокацию, выражающую положительные эмоции *дрожать от радости* (см. табл. 6).

Таблица 6. **Yandex**



Поисковой системой Google также выделяется две доминантные коллокации, выражающие негативные эмоции *дрожать от страха* и *злости*, с доверительными вероятностями 47% и 13% соответственно, и также выделяется доминантная коллокация с существительным *радость*, выражающая положительные эмоции с доверительной вероятностью 20% и 17% (см. табл. 7).

Таблица 7. **Google**



Как видно, данные поисковых систем Big Data позволили выявить, что исследуемые глаголы находятся в общем семантическом поле, но сфера их употребления различна или ограничена. Так, глагол ***дрожать*** является семантическим ядром в исследуемом семантическом поле, поскольку доминантные коллокации глагола наиболее общие, и показывает в равной степени и отрицательное, и положительное значение; при этом вносится информация о физическом проявлении эмоции *я дрожу от страха / я дрожу от радости*. Глагол ***вздрагивать*** в данном семантическом поле является сходным по значению с глаголом *дрожать*, вносит информацию о физическом действии *я вздрагиваю от страха*. Вместе с тем глагол содрогаться употребляется сугубо в отрица-

тельном значении *я *содрогаюсь от счастья* и вносится информация о когнитивной деятельности субъекта. Данные поисковых систем Yandex и Google совпадают при определении доминантных значений. При этом данные поисковой системы Google еще позволяют определить семантические границы исследуемых явлений более полно, по сравнению с данными, предоставляемые корпусами текстов.

Литература

Левицкий В.В. Квантитативные методы в лингвистике: монография. М.: Нова Книга, 2007. 264 с.

Сулейманова О.А., Демченко В.В. Использование big data в экспериментальных лингвокогнитивных исследованиях: анализ семантической структуры глагола shudder // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXII. С. 466-472.

V.V. Nikitina (Moscow, Russia)
Moscow City Teachers' Training University

FEATURES AND VERIFICATION POTENTIAL OF SEARCH ENGINES (BIG DATA) IN SEMANTIC RESEARCH

Development of Big Data systems, including search engine results and text corpus, opens up new possibilities and allows us to set and solve research problems in an efficient way. The article focuses on the capabilities, verification potential of search engines and the procedure for implementing search queries in Big Data in a semantic research. The author suggests a description of the experimental methodology of semantic research which involves the use of Google / Yandex search engines, which are an effective tool for the semantic structure analysis.

Key words: linguo-cognitive, big-data, triangulation, search engine, statistical approach.

V.S. Novikova (Tomsk, Russia)
National Research Tomsk Polytechnic University
novikovavs@tpu.ru

MODELING THE CONCEPT STUDENT BASED ON RUSSIAN NATIONAL CORPUS

The paper identifies semantic features of concept STUDENT. As a result of determining categorical and non-categorical features of the name of concept STUDENT, the first stage of modeling the taxonomic and nuclear-peripheral structure of the studied concept was carried out.

Key words: the name of concept STUDENT, its structurally meaningful components.

In the studies of linguo-conceptology there are various generalized semantic features of linguistic units which represent one or another concept. So, some

linguists, relying on philosophical categories, distinguish such features as quantitative, qualitative, event-time, spatial. Whereas, qualitative features are subdivided into biological, economic, national, ethnic, sociocultural, mental and moral-spiritual ones (see, for example: [Bogoslovskaya, Shchegolikhina 2017: 23]. Other linguists attribute also figurative and evaluative features to categorical ones. M.V. Pimenova divides categorical features into dimensional (features of size, volume, weight), qualitative, quantitative, spatial, temporal, value-evaluative features. Among non-categorical semantic features, she identifies groups of features of animate and inanimate nature [Pimenova 2013: 96].

Based on the above classifications of possible features of concepts, we will reveal the structurally-meaningful content of the concept STUDENT based on the analysis of its key name. It should be noted that this concept and, accordingly, its representative appeared in Russian linguistic culture much later than the correlative concepts in Western European linguistic cultures, namely in the XVIII century. This is due to the extra-linguistic factor: the later founding of Russian universities [Novikova 2018: 143]. The word "*student"* (student) goes back to German studieren "izuchat'" (to study) related to Latin studere "userdno obuchat'sja, rabotat'" (to study hard, to work hard).

The object of study in this paper are the minimum and expanded contexts, the titles of texts of Russian National Corpus (hereinafter: RNC), reflecting a certain time period: 1900–1917. The text corpus, on the one hand, is the source of research (see, for example: "corpus is a complexly organized ontology of speech activity that reflects the whole genre diversity of the kind of literature represented in it" [Rykov] (author translation), on the other hand, the text corpus is an instrument [Taylor 2008: 195], method of [Ngula 2018: 206] research.

In total, in the minimum and expanded contexts of RNC, the word "student" (student) occurs 7147 times. At the beginning of XX century, we find 551 documents and 1290 entries of the analyzed word.

Here are the contexts with high-frequency compatibility of the word "student": Vmeste so mnoju podezzhaet k kryl'cu molodoj chelovek, student B., poselivshijsja nevdaleke ot Jasnoj Poljany [P.A. Sergeenko. Evening in Yasnaya (1910)]. Nash vechnyj student vsjo s baryshnjami hodit (A.P. Chekhov. The Cherry Orchard (1904)). Student dolgo, zadumchivo gljadel v okno, vorochaja otjazhelevshimi ot rimskogo prava, mozgami (A.T. Averchenko. Approaches and two others (1917)). Vechnyj student! Uzhe 2 raza uvol'njali iz universiteta (A.P. Chekhov. The Cherry Orchard (1904)). Na dnjah v Blagoveshhensk pribyl s sestroj student Zhenevskogo universiteta (Vesti (1914.07.07) // Echo, 1914). Vot jeti 3 dnja razgovorov s Borisom Ivanovichem v arhive (on istorik, student universiteta, rabotaet vo Vserossijskom Zemskom Sojuze, kak i ja, dlja zarabotka) (O.A. Bessarabova. Diary (1917)). Zovut menja Petr Ivanovich Vysokolob, 25 let, dvorjanin, student Tehnologicheskogo instituta (A.F. Koni. Missing Earring (From notes and memories of a judicial figure) (1901)). Opjat' student v bobrovoj shineli; prijatnoe lico (B.A. Sadovskoy. Double (1915)). Zvinjach, – popravil gustym basom vysokij student Mihajlych (F.D. Krykov. Group B // "Russian notes", 1916). Rasskazhite, v chem zhe delo? – sprosil menja s uchastiem student-repetitor (N.A. Morozov. The Story of My Life / In Prisons and Fortresses / The Ordeal of the Convicted (1912)). Zarin nikakoj special'nosti eshhe ne izbiral, a byl prosto bojkij, frantovatyj, koe-chto chitavshij student, sklonnyj k

romanticheskim pohozhdenijam junosha (P.D. Boborykin. Memories (1906–1913)). Drjannen'kij student Trofimov krasno govorit o neobhodimosti rabotat' i – bezdel'nichaet, ot skuki razvlekajas' glupym izdevatel'stvom nad Varej … (Maxim Gorky. A.P. Chekhov (1914)). Vygnannyj iz universiteta za lenost' student (Letters, I, p. Yu.I. Eichenwald. The dispute about Belinsky. Reply to critics (1914)). Jeto byl togda nedouchivshijsja student samogo skromnogo vida i tihogo tona (P.D. Boborykin From Herzen to Tolstoy (1917)). Na dache opjat' dumali pit'chaj, no vmesto jetogo drugoj student, vesjolyj i prostoj malyj, dostal vodki (M.P. Artsybashev. Wife (1905)). Jeto byl N. Utin, igravshij i togda rol' vozhaka, bojkij, rechistyj, ves'ma frantovatyj student (P.D. Boborykin. From Herzen to Tolstoy (1917)). [Russian National Corpus].

First of all, in these contexts there are words demonstrating the correlation of the concept STUDENT (STUDENT) with super-concepts CHELOVEK (MAN), OBRAZOVANIE (EDUCATION) / UCHEBA (STUDING) (UCHIT"SJA (TO STUDY), OBUCHAT"SJA (TO STUDY)), VYSSHEE UChEBNOE ZAVEDENIE (HIGHER EDUCATION): UNIVERSITET (UNIVERSITY), INSTITUT (INSTITUTE).

The word "chelovek" (man) is actualized in the first context, while other contexts contain words and phrases indicating its various biological, anthropomorphic features. The brightest seme in this regard is 'muzhchina' (man). This seme is contained in the meanings of lexical units: "junosha" (youth), "on" (he), "dvorjanin" (nobleman), etc., its presence is indicated by the anthroponyms "Boris Ivanovich", "Peter Ivanovich Vysokolob", "N. Utin "and others. This seme is hidden in semantics in lexical units: "vsjo s baryshnjami hodit" (walks with young ladies), "gljadel" (looked), "pribyl" (arrived), "ne izbiral" (did not elect) and others. The student has a bright biological feature – age. This trait is associated with a group of temporal features. It is updated in the lexical units "molodoj" (young), "25 let" (25 years old), "junosha" (young man), "malyj" (small). As a person, a student is capable of activity / inactivity: mental ("vorochaja otjazhelevshimi mozgami" (turning over with heavy brains), "nejasno ponjal" (vaguely understood)), speech ("3 dnja razgovorov" (3 days of talking), "popravil gustym basom" (said with thick bass voice), "govorit" (says), "rechistyj" (talkative)), motorial (the words "podezzhaet" (drives up), "hodit" (walks), "pribyl" (arrived)) etc., which have meaning both independent movements, and with the help of vehicles), etc.

The main activity of student is educational: "otjazhelevshimi ot rimskogo prava mozgami" (brains heavy with Roman law), "nedouchivshijsja student" (undergraduate student), which is realized, according to the contexts, at universities and institutes. This study is limited to a specific time-frame. The semes, which indicate the time-frame, are hidden: they are indicated by the word "vechnyj" (eternal), containing a figurative component. If a student studies for a long time, not observing the deadline, he is called an "vechnyj student" (eternal student). The student has obligations stipulated in higher education institutions. Failure or poor performance of it ("drjannen'kij" (crappy), "za lenost'" (for laziness) leads to expulsion ("2 raza uvol'njali" (fired 2 times) "vygnannyj iz universiteta" (expelled from university). At universities and institutes, a student studies scientific and practical disciplines of various kinds

and eventually acquires the desired specialty ("ot rimskogo prava" (from Roman law), "tehnologicheskogo instituta" (technological institute), "istorik" (historian), "eshhe ne izbiral nikakoj special'nosti" (has not yet chosen any specialty). Also, contexts indicate that in addition to the main activity, the student could earn extra money.

Many students of early XX century adhered to advanced views (this is indirectly confirmed by the complex phrase "poselivshijsja nevdaleke ot Jasnoj Poljany" (settled not far from Yasnaya Polyana); they were engaged in illegal, revolutionary activities, which often led to judicial punishment (this is indicated by the headings of texts or its fragments "From notes and memories of a judicial figure", "in prisons and fortresses / Ordeals of the condemned", "From Herzen to Tolstoy").

About the existence of a student in a certain time period – in pre-revolutionary Russia, in the period 1900–1917 – directly indicates the phrase "vo Vserossijskom Zemskom Sojuze" (in All-Russian country Union). Indirect evidence of student's belonging to a certain era are the lexical units "dvorjanin" (nobleman), "s baryshnjami hodit" (walks with young ladies), "student v bobrovoj shineli" (student in beaver overcoat). The revealed feature, closely intertwined with the social feature, is a confirmation of the fact that the world perceives student and his activity through an event-time prism.

In the considered contexts and text headings, there are also a few spatial features of the concept associated with other features, especially social, political, and professional ones: "nevdaleke ot Jasnoj Poljany" (not far from Yasnaya Polyana), "Vishnevyj sad" (Cherry Orchard), "v arhive" (in the archive), "v Blagoveshhensk" (to Blagoveshchensk), "Zhenevskogo universiteta" (University of Geneva). The last phrase indicates the possibility of studying a Russian person abroad.

The analyzed fragments of RNC contain a large number of lexical units, which have individual sememes or semes: "prijatnoe lico" (nice face), "vysokij student" (tall student), "student veselyj i prostoj malyj" (student is cheerful and simple), "bezdel'nichaet" (doing nothing) etc., usually indicating the student's appearance, traits of his character and behavior. Personality characteristics have all anthroponyms found in these texts and contexts. It should be noted that it is individual characteristics that are intertwined with self-evaluative features: "ves'ma frantovatyj student" (a very dandyish student), "drjannen'kij student" (a crappy student) etc.

Thus, the considered fragments of RNC allow us to simulate the structure of concept STUDENT (STUDENT): taxonomic and nuclear-peripheral.

In the taxonomic model of concept STUDENT (STUDENT), super-concepts (generic) are ChELOVEK (MAN); VYSShEE UChEBNOE ZAVEDENIE (HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION): UNIVERSITET (UNIVERSITY), INSTITUT (INSTITUTE); OBRAZOVANIE (EDUCATION), UChEBA (STUDYING), sub-concepts (specific) are STUDENT-REPETITOR (STUDENT-REPETITOR), STUDENT-ISTORIK (STUDENT-HISTORIAN), etc.

In the nuclear-peripheral model, we can presumably call such nuclear features of concept STUDENT (STUDENT), which are characteristic of Russian society at the beginning of the 20th century: 'molodoj' (young), 'muzhchina' (man), 'uchit'(sja)' (study), 'vysshee uchebnoe zavedenie' (higher educational institution). All other

identified features are peripheral, constituting the interpretation field of this concept. In the lexical semantics of the name of concept STUDENT (STUDENT), a borrowed word in Russian, there is no connotation. Secondary (associative) features appear only in the semantics of the considered contexts: “vechnyj student” (eternal student), “vorochaja mozgami” (brain-moving) and some others.

So, concept STUDENT has categorical (qualitative, event-time, spatial) and non-categorical (mainly biological, anthropomorphic) features. Using the data of corpus linguistics, the following primary image of a student is emerged: a young man studying at a particular university usually in his own country and less often abroad, usually engaged in educational activities, immersed in speech-thinking activity, who is living in a certain era, often adhering to the advanced views of his time, having as a person different individual traits.

Литература

Bogoslovskaja Z.M., Shhegolihina Ju.V. Families of Russian Germans and their names: linguo-culturological aspect. Tomsk: Izd-vo Tom. politeh. un-ta, 2017. P. 23.

Pimenova M.V. Conceptual signs of concept PLEASURE // Aktual’nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki. 2013. № 15. P. 91-96.

Novikova V.S. Development of the semantic-derivational potential of the names of the correlative concepts STUDENT and STUDENT in English and Russian linguistic cultures // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2018. № 4 (193). P. 142-146.

Rykov V.V. Lecture course and series of articles on corpus linguistics. URL: http://www.rykov-cl.narod.ru.

Taylor C. What is corpus linguistics? // ICAME Journal. 2008. № 23. P. 179-200.

Ngula R. Corpus methods in language studies // Perspectives on Conducting and Reporting Research in the Humanities. 2018. № 12. P. 205-223.

Russian National Corpus. URL: http://www.ruscorpora.ru.

В.С. Новикова (*Томск, Россия*)
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА *СТУДЕНТ* НА ОСНОВЕ РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА

В статье определены смысловые особенности концепта СТУДЕНТ. В результате определения категориальных и некатегориальных особенностей концепта СТУДЕНТ был проведен первый этап моделирования таксономической и ядерно-периферийной структуры изучаемого концепта.

Ключевые слова: концепт СТУДЕНТ, конструктивно значимые компоненты концепта.

Т.Ю. Передриенко *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный университет (НИУ)
peredrienkoti@susu.ru

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В статье представлен фрагмент исследования коллокации critical thinking на материале корпусов NOW и CORE. На основе анализа данных изучается динамика использования коллокации в период с 2010 по 2019 год и частотность ее употребления в различных регионах распространения английского языка.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, критическое мышление, корпус, коллокация, частотность, ключевое слово.

Долгое время критическое мышление рассматривалось только как философский концепт. Составители Стэнфордской энциклопедии философии связывают термин «критическое мышление» с именем американского философа Дж. Дьюи (1910), который определял его как активное, настойчивое и тщательное рассмотрение любого убеждения [SEP]. Однако в XXI веке благодаря когнитивному подходу данный концепт входит в понятийный аппарат ряда других наук.

В психологии критическое мышление рассматривается как определенный тип ментальной деятельности, необходимый для решения задач и принятия решений, при котором используются когнитивные стратегии [Халперн 2000]. В педагогике этот термин используют для описания форм обучения, мышления и анализа, которые выходят за рамки простого запоминания и передачи информации [GER]. Для экономистов критическое мышление является процессом поиска наилучшего возможного аргументированного делового решения [Leyden 2011].

Навыки этого типа мышления признаются важными для улаживания проблем и принятия решений, а идея критически рассматривать любое утверждение находит новых сторонников. Целью данной статьи является изучение динамики распространения и адаптации коллокации critical thinking в английском языке по данным корпусов NOW и CORE.

В работе используются метод сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный анализ, описательный метод и в качестве основного – корпусный анализ. Обращение к корпусам обусловлено тем, что такой подход позволяет получить большую выборку аутентичного материала, провести репрезентативное сравнение, что делает результаты анализа эмпирически релевантными.

Корпус NOW (News on the Web) содержит статьи из газет и журналов, размещенных в сети Интернет с 2010 года по настоящее время. Корпус насчитывает более 9 млрд слов, которые группируются по региональной принадлежности английского языка. Такая языковая вариативность позволяет изучить частотность использования коллокации critical thinking в различных регионах мира в указанный временной период.

Рис. 1. Частотность использования коллокации critical thinking (2010–2019)

В строке 1 представлен временной период, разбитый по полугодиям, в строке 2 дана частотность употребления изучаемой коллокации, в строке 3 показан размер корпуса, а в строке 4 – количество словоупотреблений на миллион (нормализованная частотность). Сравнение частотности употребления коллокации critical thinking в англоязычном новостном дискурсе (Corpus NOW) демонстрирует достаточно высокий уровень обращения к данному словосочетанию. С 2014 года отмечался достаточно короткий период падения частотности употребления, который сменился стабильным ростом с 2017 года по настоящее время. Наиболее высокая частотность употребления коллокации была зафиксирована во второй половине 2016 года.

Рассмотрим частотность употребления коллокации critical thinking в различных регионах.

Рис. 2. Частотность использования коллокации critical thinking (по странам)

Максимальная нормализованная частотность обращения к коллокации critical thinking отмечается в США (3,11), что неудивительно с учетом истории происхождения концепта. В Шри-Ланке, Канаде и Ирландии норма-

лизованная частотность составляет больше 2 (2,82; 2,12 и 2,05). Самая низкая нормализованная частотность фиксируется в Великобритании (0,84). Такое распределение частотности употребления коллокации свидетельствует о высокой степени актуальности критического мышления как темы для обсуждения в статьях и журналах, представленных в сети Интернет.

На следующем этапе исследования обратимся к данным корпуса CORE для определения регистра, то есть области наиболее частотного употребления коллокации critical thinking. Создатели корпуса CORE Д. Байбер, М. Дэвис и Дж. Эгберт использовали данные из сети Интернет, которые они распределили по определенным регистрам, таким как интервью, блоги, новости, статьи, рецензии и другие. Представим в виде таблицы регистры, в которых отмечается наиболее частотное употребление critical thinking.

Таблица. **Частотность использования коллокации critical thinking (по регистрам)**

Section	Frequence	Size (m)	Per mil
Личный блог	6	2,9	2,07
Религиозный блог / Проповедь	17	1,2	13,65
Новости, новостные репортажи	25	8,5	2,94
Энциклопедическая статья	2	1,3	1,53
Исследовательская статья	8	1,7	4,71
Описание	18	3,8	4,73

Самая высокая нормализованная частотность употребления изучаемой коллокации отмечается в религиозных блогах / проповедях, она составляет 13,65. Религия как одна из форм общественного сознания требует критической оценки, учит критическому мышлению: (1) Another problem that characterizes the New Age is an absolute lack of critical thinking. People believe all sort of nonsense; (2) I am by nature an analytical person and using critical thinking about evidence and reason will always be a major factor in my beliefs. Близкими по нормализованной частотности употребления коллокации являются исследовательская статья и описание (4,71 и 4,73). В данных регистрах представляется сущность критического мышления и его функции: (3) Critical thinking gives one a comprehensive view of how the mind functions; (4) There is a special relationship between critical thinking and Socratic Questioning because both share a common end; (5) *The goal of critical thinking is to establish a disciplined "executive" level of thin*king. В новостях / новостных репортажах нормализованная частотность употребления коллокации также высока и составляет 2,94. Для данного регистра свойственно обсуждение наличия или отсутствия критического мышления: (6) They lose the ability to perform critical thinking; (7) The ignorance and lack of critical thinking from most of these comments is ridiculous.

В ряде регистров использование изучаемой коллокации не было зафиксировано. К таким областям относятся исторические статьи, интервью, описание людей, рецепты и другие.

Критическое мышление, как точно отмечает Д. Халперн, включает в себя оценку самого мыслительного процесса или тех факторов, которые учитываются при принятии решения [Халперн 2000]. В коллокации critical thinking оценочным компонентом является лексическая единица critical, поскольку она

может передавать и положительную, и отрицательную характеристику в зависимости от сочетаемости: (8) This paper demonstrates that shark species play a critical [important] role in structuring coastal food webs in tropical and sub-tropical regions; (9) She said Braddy was in critical [bad] condition at the hospital.

Рассмотрим, какие коллокации возможны с лексической единицей critical и насколько частотной является коллокация critical thinking.

Рис. 3. Коллокации лексической единицы critical

Лексическая единица critical может образовывать более 100 коллокаций, самые частотные из которых представлены на рисунке 3. Первую позицию по абсолютной частотности занимает коллокация critical thinking, что подтверждает значимость изучаемого концепта и постоянный интерес к нему согласно материалам, представленным в сети Интернет. Использование корпусных данных позволяет изучать активность употребления языковых единиц как в отдельных странах, так и в сопоставительном аспекте на определенных языковых пространствах.

Литература

Халперн Д. Психология критического мышления. СПб.: Питер, 2000.

GER – the Glossary of Education Reform. URL: https://www.edglossary.org/critical-thinking.

Leyden D.P. Critical Thinking in Economics. North Carolina: Kona Publishing and Media Group, 2011.

SEP – Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: https://plato.stanford.edu/entries/critical-thinking.

T.Ju. Peredrienko (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University (National Research University)

CRITICAL THINKING AS AN OBJECT OF CORPUS-BASED STUDY

The article presents a part of the corpus-based study of the collocation critical thinking. The dynamics of the collocation use in the period from 2010 to 2019 and the frequency of its use in different English-speaking regions are studied.

Key words: corpus linguistics, critical thinking, corpus, collocation, frequency, key word.

И.М. Петрова *(Москва, Россия)*
ГАОУ ВО г. Москвы
Московский городской педагогический университет
miinna@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СТРУКТУРНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ КОНВЕРСИВОВ

В статье представлены результаты экспериментального исследования структурной вариативности английских глагольных конверсивов с использованием корпусной методологии. Анализ экспериментального материала показал, что вариативность структуры в данном случае сопряжена с частной схемой когнитивной интерпретации языковой действительности.

Ключевые слова: корпусные исследования, структурная вариативность, когнитивная схема языковой интерпретации, глагольные конверсивы.

В когнитивной семантике используется ряд таких количественных методов, как кластерный анализ, корреляционный анализ, логистическая регрессия и другие. Наряду с этим, при рассмотрении когнитивных явлений все больше исследователей обращается к корпусной методологии [Манерко 2018; Сулейманова, Демченко 2018 и др.]. Более того, многие исследователи используют веб как источник аутентичных, естественных, контекстуализированных языковых моделей [Gatto 2014; Мордовин 2015; Петрова 2019 и др.]. В данной работе представлен результат лингвистического эксперимента по изучению структурной вариативности глагольных конверсивов с привлечением Google данных в качестве источника эмпирического материала для анализа когнитивной составляющей.

Глагольные конверсивы, выступающие объектом рассмотрения в данной работе, представляют собой антонимичные биномы, например, buy and sell, open and close и др. Подобные бинарные структуры изучались с позиций фонологической и семантической составляющих [Bolinger 1962; Benor 2006 и др.], а также с позиций когнитивного и функционального подходов [Гурочкина 2005; Иванова 2005; Садовников 2010 и др.].

Рассмотрение структурной вариативности в контексте когнитивных исследований представляется актуальным при изучении вопросов когнитивного моделирования синтаксиса. Это обусловлено тем, что «одним из важных принципов, организующих речемыслительную деятельность человека по созданию предложения, является принцип спецификации (или принцип индивидуализации), предполагающий индивидуальное осмысление события с выделением его деталей» [Фурс 2007: 82]. Мы полагаем, что, используя в речи разные структурные варианты фразы, говорящий реализует данный принцип в своей речемыслительной деятельности за счет порядка следования элементов фразы.

Глагольные конверсивы можно отнести к семантическим оппозициям, выступающим как способ интерпретации знаний о мире. Можно предположить, что, изменяя структуру глагольного конверсива, например, break and build – build and break, говорящий отражает индивидуальную интерпретацию представлений о ситуации действительности. Н.Н. Болдырев выделяет два типа

когнитивных схем языковой интерпретации знаний о мире: общую или конвенциональную и частную или субъективную. «Частные схемы передают структурную специфику индивидуальных концептуальных систем, индивидуально-авторские способы структурирования информации и дискурса…» [Болдырев 2016: 13]. Таким образом, порядок следования компонентов глагольного конверсива отражает приоритетное значение элемента первой позиции в концептуальной системе говорящего.

Для установления наличия структурной вариативности конверсивов в английском языке нами был проведен лингвистический эксперимент с использованием корпусной метрологии на базе поисковой системы Google. Было отобрано пять пар глагольных конверсивов, которые подверглись структурной трансформации. В поисковую систему были направлены конкурирующие запросы для Фразы 1 и Фразы 2, ограниченные фильтрами Advanced search: точный порядок слов и текст в формате pdf. В таблице представлены полученные данные.

Таблица. **Количество вхождений глагольных конверсивов в Google**

№ пары	Фраза 1	Количество вхождений	Фраза 2	Количество вхождений
1	Be born and die	45,300	die and be born	74,700
2	break and build	139,000	build and break	126,000
3	buy and sell	3,880,000	sell and buy	213,000
4	meet and see off	1,750	see off and meet	3
5	open and close	8,040,000	close and open	1,030,000

Дата обращения: 17.12.19

Данные результаты показывают, что вариативность глагольных конверсивов имеет место быть, однако наблюдаются достаточно большие различия в количестве вхождений. Как видно из таблицы, все пары, за исключением пары № 1, продемонстрировали значительное снижение количества вхождений в трансформированном виде. Это можно объяснить тем, что первый вариант конверсива является отражением конвенциальной схемы интерпретации действительности, а измененный – является индивидуальной интерпретацией.

Рассмотрим, как это реализуется в языковом материале на примере фразы open and close – close and open. Данные показывают, что количество вхождений измененного варианта фразы close and open составляет 12,8% от количества вхождений конвенциального варианта (8,040,00). Очевидно, что иконическая последовательность действий в этом случае состоит сначала в этапе «открывания», за которым следует этап «закрывания», но наличие значительного количества фраз с обратной последовательностью нарушает такую логику событий. Ср.: (1) Sponsor may **open and close** debate. When a piece of legislation is on a calendar a*nd ready for debate…* (https://le.utah.gov/xcode/TitleHR4/Chapter6/);

(2) If this opens vertically, **close and open** in a different browser (https://medschool.ucsd.edu/education/gme/Documents);

(3) **Close and open** the drivers door twice. Insert the key into the ignition, then close the door. Turn the key from off to on – once to add a remote while retaining (https://www.lsc.com.au/content/Documents/products/Toyota).

Пример (1) демонстрирует конвенциальную иконическую последовательность действий, обусловленную обстоятельствами описываемого события, а в примерах (2) и (3) мы наблюдаем ситуацию, которая вынуждает говорящего нарушать данную последовательность. В примере (2) обособленная запятой фраза If this opens vertically показывает, что имеют место условия, требующие данных действий. Контекст примера (3) также свидетельствует, что имеются проблемы с автомобилем, требующие нестандартных действий. Таким образом, структурное изменение конвенциального порядка конверсива отражает принцип спецификации порождения высказывания, влияющий на его синтаксис.

Анализ примеров других глагольных конверсивов подтверждает тезис о том, что изменение структуры конвенциального варианта фразы связано с субъективной схемой интерпретации действительности. Так, данные по биному meet and see off – see off and meet показали, что измененный вариант является крайне нетипичным. Языковой материал подтверждает, что если речь идет о традиционной ситуации, то участники ситуации могут быть представлены различными группами, например, пассажирами:

(4) *"*Domodedovo*"* airport has one VIP-lounge to **meet and see off** *p*assengers (http://www.comavia.ru/eng/services/vip/domodedovo), но при измененном варианте участники ситуации, как правило, близкие лица говорящего. Ср.:

(5) …they still **see off and meet** relatives, commemorate the dead and care for the sick, feed the seniors and care about young generations (http://journals.euser.org/index.php/ejms/article/view/4346/4216);

(6) *…all stations with ticket barriers, for family and friends to* **see off and meet** passengers, help with luggage, etc. (https://www.transport.gov.scot/media/27586/).

В примере (5) четко обозначены родственники, а в примере (6) ситуация близкого круга установлена обстоятельством for family and friends.

Проведенное исследование показало, что использование корпусной методики с привлечением Google данных предоставляет значительный эмпирический материал, который можно анализировать с позиций когнитивного подхода. Глагольные конверсивы можно рассматривать как семантические оппозиции, участвующие в интерпретации говорящим знаний о мире. Изменение структуры глагольного конверсива сопряжено с индивидуальной концептуальной схемой восприятия ситуации. Структурная вариативность английских глагольных конверсивов может выступать маркером, обуславливающим нетипичность ситуации действительности с позиции говорящего.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10-20.

Гурочкина А.Г. Функциональная модель парных словосочетаний английского языка // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация: сборник статей к юбилею профессора Н.А. Кобриной. СПб.: Тригон, 2005. С. 206-212.

Иванова Т.В. Особенности парных словосочетаний в современном английском языке // Studm Linguistica. Человек в пространстве смысла: слово и текст. 2005. Вып. XIV. С. 208-213.

Манерко Л. А. Методологические основы использования корпусных данных в исследованиях по когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. 2018. № 33. С. 70-78.

Мордовин А. Ю. «Веб как корпус» или «корпус как веб»: новая реальность корпусной лингвистики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Языкознание и литературоведение. Когнитивные аспекты языка и речи. 2015. № 3 (714). С. 163-172.

Петрова И.М. Потенциал поисковой системы Google при проведении исследований в рамках когнитивной корпусной лингвистики // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Т. 5. № 3. С. 127-142.

Садовников К.Е. Парные наименования в английском языке // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: сборник трудов / отв. ред. Е.П. Соснина. Ульяновск: УлГТУ, 2010. С. 133-134.

Сулейманова О.А., Демченко В.В. Использование BIGDATA в экспериментальных лингвокогнитивных исследованиях: анализ семантической структуры глагола shudder // Когнитивные исследования языка. 2018. № 33. С. 466-472.

Фурс Л.А. Когнитивное моделирование синтаксиса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 81-85.

Benor S.B., Levy R. The Chicken or the Egg? A Probabilistic Analysis of English Binomials // Language. 2006. №. 2. Vol. 82. P. 233-278.

Bolinger D. Binomials and pitch accent // Lingua. 1962. № 11. P. 34-44.

Gatto M. The Web as Corpus: Theory and practice. London; New York: Bloomsbury Academic, 2014.

I.M. Petrova (Moscow, Russia)
Moscow City University

COGNITIVE ASPECT OF CORPUS-BASED STUDY OF STRUCTURAL VARIABILITY OF ENGLISH VERBAL CONVERSIVES

The article describes the results of an experimental study of the structural variability of English verbal conversives using corpus methodology. The analysis of the experimental data showed that the variability of the structure in this case is associated with a particular scheme of cognitive interpretation of linguistic reality.

Key words: corpus studies, structural variability, cognitive scheme of language interpretation, verbal conversives.

Е.В. Плисов *(Нижний Новгород, Россия)*
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
e_plissov@mail.ru
А.М. Хамидулин *(Нижний Новгород, Россия)*
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
captain.nemo.2012@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СЕТЬ ЛЕКСЕМЫ GOTTESHAUS В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПТА KIRCHE В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируются особенности организации концептуальной сети лексемы Gotteshaus и ее роль в структуре концепта KIRCHE в современном немецком языке. Концептуальная сеть моделируется на основе корпусных данных, устанавливаются особенности преобладания отдельных семантических микрополей среди частотных коллокатов.

Ключевые слова: концепт KIRCHE, концептуальная сеть, коллокат, семантическое микрополе, корпусная лингвистика, контекстуальный анализ.

В последние годы ученые уделяют особое внимание вопросам стереотипизации знания, которое связано с формированием и функционированием базовых концептов. Среди них представлены первичные и вторичные концепты, а также социальные, идеологические, религиозные, философские и другие. Изучение взаимосвязи языка и религии привело исследователей к выделению самостоятельного теолингвистического направления как новой интегративной дисциплины [Современный религиозный дискурс 2015: 5-6; Хрестоматия теолингвистики 2019], в которой раскрываются различные аспекты онтологической теории языка, а человек рассматривается в теоантропокосмической парадигме. По мнению В.И. Постоваловой, природа языка может дискутироваться через выход «за пределы имманентного человеческого существования в высшую – Богочеловекокосмическую – реальность, необходимым моментом которой, по такому миропониманию, и начинает рассматриваться язык» [Постовалова 2019: 38]. Ученые отмечают необходимость учета теоцентрического фактора в организации дискурса религии.

Особую роль в экспликации религиозного сознания народа играют базовые концепты, в которых закреплено национально-культурное и религиозное мировидение, в частности, концепт ЦЕРКОВЬ. По мнению исследователей, этот концепт имеет ярко выраженное религиозно-культурное измерение, отличается многокомпонентностью и регулярной лексикализацией [Привалова 2010], для него характерна антропологическая направленность [Анисимова 2019: 20-21], он аксиологически значим [Ушакова, Шишкина 2016]. Концепт ЦЕРКОВЬ в немецкой лингвокультуре тесно связан с основополагающими концептуальными единицами немецкой картины мира, включен в современный немецкоязычный религиозный дискурс и характеризуется частотной лексикализацией.

В настоящей работе представлено описание фрагмента немецкого концепта KIRCHE (церковь) на основе анализа лексических взаимосвязей языковой еди-

ницы Gotteshaus (Божий храм) с помощью метода построения концептуальной сети [Гольдберг 2008]. Для анализа особенностей концептуализации в дискурсе привлекались данные корпуса письменной речи Мангеймского корпуса немецкого языка. Когнитивно-семантический метод позволил выявить частотные коллокаты лексемы Gotteshaus в дискурсе и определить наиболее активные тематические сферы, задействованные в создании концептуальной сети ключевой лексемы. Эта методика была апробирована ранее при анализе лингвоидеологического концепта HEIMAT в немецком языке [Плисов, Прокопьева 2017].

Корпус письменной речи фиксирует 55860 словоформ лексемы Gotteshaus в 46356 текстах из 7085 источников, преимущественно в германских (86,97%), а также в швейцарских (7,02%), австрийских (5,9%) и люксембургских (0,12%) изданиях, начиная с 1809 г. Распределение текстов-источников по тематике дает первую важную информацию относительно тематических рубрик и сфер использования лексемы Gotteshaus. В порядке убывания приводятся тематические рубрики, в которых выявлена частотность вхождений анализируемой лексемы: 28233 вхождения (50,54%) – государство и общество (церковь), 8557 – свободное время (путешествия), 5269 – культура (музыка), 4422 – свободное время (союзы, объединения), 2397 – политика (за рубежом), 1358 – политика (муниципальный уровень), 705 – государство и общество (биографии, интервью), 667 – государство и общество (правонарушения), 544 – государство и общество (третий рейх, правый экстремизм), 532 – культура (изобразительное искусство), 485 – политика (внутренняя политика), 466 – техника, промышленность (происшествия), 443 – государство и общество (семья), 351 – культура (литература) и др. Приведенные данные свидетельствуют о том, что распространение лексемы Gotteshaus в большей степени (более 50% всех вхождений) касается религиозной сферы, а в остальном – широкого спектра общественных отношений, культуры, политики.

Результаты анализа демонстрируют последовательный рост относительной частоты употреблений за последние десятилетия: в 1990–1999 гг. – 6680 вхождений в 5625 текстах, в 2000–2010 гг. – 23084 вхождения в 18984 текстах, в 2010–2019 гг. – 25497 вхождений в 21228 текстах. Относительная частота употреблений также продолжает расти. Автоматическая кластеризация результатов поиска и более детальный контекстуальный анализ показывают, что концептуальная сеть состоит преимущественно из лексических единиц ограниченного количества тематических и семантических групп. Результаты кооккурентного анализа позволили установить коллокаты лексемы Gotteshaus и частоту их комбинации в контексте: werden – 2367, neu – 1827, evangelisch – 1811, alt – 1646, klein – 1441, Jahr – 1397, katholisch – 1033, *jüdisch* – 914, Kirche – 893, errichten – 869, erbauen – 679, besuchen – 675, besetzen – 604, Gemeinde – 579, renovieren – 491, *gläubig* – 454, bauen – 450, Konzert – 442, Bau – 434, voll – 405, *groß* – 398, *füllen* – 382, einweihen – 359, Orgel – 335, Platz – 332, sanieren – 330, weihen – 324, eigen – 315, stehen – 311, islamisch – 290, erhalten – 264, Pfarrer – 234, dienen – 230, zer*stören* – 197, muslimisch – 195, *öffnen* – 185, Turm – 184, *schmücken* – 183,

christlich – 175, Klang – 174, feiern – 173, Dom – 167, gotisch – 167, Ort – 165, restaurieren – 158, Musik – 157, Christ – 139, Fest – 113 и т.д.

Элементы концептуальной сети репрезентируют различные сферы – религиозную (в первую очередь, конфессиональную), архитектурную (строительную), культурную (туристическую, музыкальную, сферу организации праздников и фестивалей) и т.п. Характерной чертой организации концептуальной сети является наличие наименований из религиозной сферы, ведущую позицию занимает коллокат evangelisch, например: Vor *ü*ber 200 Jahren stand an der Stelle der heutigen evangelischen Kirche das gemeinsame Gotteshaus beider Kirchgemeinden (St. Galler Tagblatt, 31.08.2012); Wird die Matth*ä*us-Gemeinde die erste in der evangelischen Landeskirche, deren Gotteshaus und Gemeindezentrum abgerissen werden m*ü*ssen? (Braunschweiger Zeitung, 25.04.2007). Анализируемая лексема часто воспроизводится в дигитализированном корпусе в двойной коллокации с лексемой katholisch, что обусловлено поликонфессиональным устройством современной Германии: Das fr*ü*her evangelische Gotteshaus ist heute katholisch (Braunschweiger Zeitung, 23.09.2005); Die Stadtkirche wurde vor 200 Jahren von beiden Konfessionen gemeinsam erbaut und w*ä*hrend eines Jahrhunderts auch von den katholischen und evangelischen Mitchristen als Gotteshaus benutzt (St. Galler Tagblatt, 26.06.1998).

Достаточно разнообразно представлены другие коллокаты с религиозным значением: j*ü*disch, Kirche, Gemeinde, gl*ä*ubig, einweihen, weihen, islamisch, Pfarrer, muslimisch, christlich, Dom, Glocke, Christ и др., большинство из которых относится к частотному религиозному лексикону современного немецкого языка, например: Gleich zum ersten Gottesdienst in seiner neuen Gemeinde in Bonn betritt ein kleines M*ä*dchen das Gotteshaus und verlangt Kirchenasyl (Berliner Zeitung, 04.11.2013); Zeit zum Verweilen, zum Innehalten, zum Entdecken: das bieten die Kirchen. *Zur Aktion „offene Kirchen“ lädt auch das Gotte*shaus in Hohen Mistorf ein (Nordkurier, 05.08.2010).

Важной является аксиологическая направленность контекстов, в которых коллокаты находятся в семантической дистрибутивной связи в лексемой Gotteshaus, большая часть из них носит мелиоративный характер, например: Zahl*reiche Gläubige füllten das Gotte*shaus und bekundeten damit ihre Verbundenheit (Rhein-Zeitung, 28.03.2017); *Die Darstellungen im Gotteshaus wollen den Gläub*igen anregen und anleiten, auf innere Werte zu achten und dadurch auch Kraft, Zu*versicht und Gottvertrauen zu schöpfen* (St. Galler Tagblatt, 05.01.2000). В этой связи важным представляется замечание И.И. Сулимы, который указывает: «Язык опосредует нормативно-ценностные системы, он их выражает. В результате язык может быть средством управления вследствие “растворенности” в нем нормативно-ценностных императивов» [Сулима 2019: 16].

Как показали результаты анализа, специфика концептуальной сети лексемы Gotteshaus в немецкой языковой картине мира заключается в концентрации коллокаций вокруг религиозной сферы и концептуализации церкви через тесные взаимосвязи с такими понятиями, как *протестантизм*, *католицизм*, *иудаизм*, *мусульманство*, *христианство*, *община* (*приход*), *вера*, *освящение*. Храм также осознается как дом Божий, требующий заботливого отношения, усилий по его *охране* и *защите*, он тесно связан с понятиями *разрушения* и *восстановления*. Община должна нести труды по его бережному *сохранению* и *украше-*

нию во время праздников и особых событий. Функционирование языковой единицы Gotteshaus является религиоцентричным: большинство частотных коллокатов в той или иной степени связаны с религиозной тематикой. Храмы являются достоянием национальной и мировой культуры, это находит свое подтверждение и в тематической дифференциации текстов, значимая часть которых посвящена культуре, музыке, литературе.

Литература

Анисимова Е.Е. Религиозный дискурс: функциональный и антропологический аспекты: монография. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019.

Гольдберг В.Б. Словоупотребление как реализация динамичности концептуальной сети // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 4. С. 15-24.

Плисов Е.В., Прокопьева Н.Н. Концептуальная сеть лексемы Vaterland в иерархической организации концепта HEIMAT в немецком языке // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34. С. 196-199.

Постовалова В.И. Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки и направления // Хрестоматия теолингвистики / под ред. А.К. Гадомского и др. Ульяновск: ООО «Мастер Студия», 2019. Т. 2. С. 36-47.

Привалова Е.П. Концепт ЦЕРКОВЬ в романе для подростков (на примере романа Йоханна Хинриха Клауссена „Moritz und der liebe Gott“) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 583. С. 124-134.

Современный религиозный дискурс: структура, стратегии, трансформации: коллективная монография. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2015.

Сулима И.И. Бытийный статус языка в образовании // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7. № 4. С. 16.

Ушакова А.П., Шишкина С.А. Аксиологический компонент концепта СЛОВО в романе Г. Петровича «Осада церкви Святого Спаса» // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 484-486.

Хрестоматия теолингвистики / под ред. А.К. Гадомского и др. Ульяновск: ООО «Мастер Студия», 2019. Т. 2.

E.V. Plisov (Nizhny Novgorod, Russia)
Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
A.M. Khamidulin (Nizhny Novgorod, Russia)
Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

THE CONCEPTUAL NETWORK OF LEXEME GOTTESHAUS IN THE FORMATION OF THE CONCEPT KIRCHE IN THE GERMAN LANGUAGE

The article analyzes the peculiarities of the organization of the conceptual network of the lexeme Gotteshaus and its role in the structure of the concept KIRCHE in the modern German language. The conceptual network is modeled on the basis of corpora, the article provides the reasons for the predominance of specific semantic microfields among frequency collocates.

Key words: the concept KIRCHE, conceptual network, collocate, semantic microfield, corpus linguistics, contextual analysis.

Е.В. Суворина *(Москва, Россия)*
Московский городской педагогический университет
ksuvorina@mail.ru
Н.А. Чикало *(Москва, Россия)*
Московский городской педагогический университет
megabelka2003@mail.ru

КОЛЛОКАЦИОНЫЙ АНАЛИЗ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ HEALTHY, WHOLESOME, SALUBRIOUS В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье представлены результаты коллокационного анализа имен прилагательных healthy, wholesome, salubrious на материале лингвистического корпуса современного американского английского языка (COCA). Представленные выводы сделаны с учетом развития семантики слов в диахронии и частотности их употребления в современном языке. Показана корреляция наполнения лексических профилей анализируемых имен прилагательных и развития экологического дискурса в американском варианте современного английского языка.

Ключевые слова: лингвистический корпус, коллокация, естественный лексический профиль, частотность, статистический критерий взаимной информации, историческая семантика, экологический дискурс.

В последнее десятилетие происходит стремительный рост информации в мировой сети одновременно с развитием систем искусственного интеллекта. Задача взаимодействия человека с компьютером начинает решаться в рамках использования естественного языка. В ближайшие годы специалисты прогнозируют переход к экономике «интернета вещей» (Internet of the Things), успехи которой будут в значительной степени зависеть от развития систем машинного анализа естественного языка. Однако несмотря на очевидные успехи программных систем, самоуверенность представителей ИТ-индустрии может оказаться неоправданной из-за нерешенности фундаментальных проблем когнитивной лингвистики. Примером такой проблемы является семантический разрыв (“semantic gap”) между лексикографическим описанием слова и его реальным концептуальным содержанием [Marc et al. 2019]. Стандартные таксономии, типа WordNet [Miller 1995], построены на гиперо-гипонимических связях. Недостаточность такого подхода была показана в работах с использованием материала различных лингвистических корпусов [Суворина 2014; Суворина 2018]. Методика анализа употребления близких синонимов с общим значением «здоровый» healthy, wholesome, salubrious в современном американском английском языке, представленная в данной статье, служит одним из примеров современного подхода к решению лингвистических задач с применением аппарата когнитивной и корпусной лингвистики, а также с учетом предшествующего семантического развития слов в диахронии.

Согласно лексикографическим данным [Merriam Webster’s Collegiate Dictionary] имя прилагательное healthy имеет следующие значения: 1) здоровый; 2) а) полезный, благотворный б) полезный, безопасный; 3) процветающий; 4) большой, значительный. Имя прилагательное wholesome имеет значения: 1) полезный; благотворный; дающий хорошие результаты; 2) здравый, здраво-

мыслящий; здоровый; нравственный; 3) целебный; целительный; полезный для здоровья, благотворный, здоровый; 4) здоровый, физически крепкий; 5) безопасный. Имя прилагательное salubrious представлено дефинициями «здоровый, полезный»; «целительный». Очевидно, что большинство значений повторяется для всех трех прилагательных (например: здоровый, полезный, благотворный, безопасный). Таким образом, согласно данным словарей, мы имеем дело с взаимозаменяемыми лексическими единицами, и можно было бы предположить, что выбор того или иного слова определяется лишь субъективными предпочтениями.

Выдвинем альтернативную гипотезу: синонимичность данных слов лишь кажущаяся, и их когнитивное наполнение различно. Для подтверждения данной гипотезы требуется многоуровневый анализ: диахронический (историко-семасиологический), частотный и коллокационный, из которых последний должен выступить опровергающим или верифицирующим наблюдения, сделанные из первых двух.

Первичной процедурой описания исследуемых синонимов стал диахронический анализ их представленности в языке, начиная со среднеанглийского периода вплоть до настоящего времени [Kay et al. 2020]. Примечательно, что в древнеанглийском языке в синонимический ряд прилагательных лексико-семантического поля (ЛСП) ЗДОРОВЬЕ не входило ни одно из анализируемых слов, и, в целом, понятие *здоровье* было осложнено принципиально иным аксиологическим смыслом, входя составной частью «в более объемное духовно-ценностное понятие *благо*» [Чикало 2019а].

Из трех современных синонимов wholesome является одним из самых ранних (начало XIII в.), хотя сам корень whole восходит к общегерманской основе *haila, ставшей продуктивной производящей основой для многих древнеанглийских слов внутри и за пределами ЛСП ЗДОРОВЬЕ [Чикало 2019б]. Прилагательное исходно описывало самое общее «благотворное, полезное» качество объекта. Лишь со 2-й половины XIV века у слова появляется значение «полезное для здоровья». Оба значения сохраняются у прилагательного в современном языке.

Прилагательное healthy «здоровый» также восходит к о.-г.*haila, но впервые фиксируется в языке как производное от сущ. health только в середине XVI века, до настоящего времени сохраняя свое старшее значение «здоровый» применительно к человеку. Очевидно, однако, из выше представленного лексикографического описания, что семантический спектр слова значительно расширился. Напротив, история прилагательного salubrious не так последовательна и непрерывна. По данным Исторического тезауруса слово неоднократно появлялось в языке на недолгий период времени, каждый раз «пробуя» себя в новом значении: в значениях «благоприятный для здоровья (о еде, лечебных средствах» (1547–1871); в значениях «благоприятный, полезный (в целом, безотносительно к здоровью)» (1659–1855); и единожды зафиксированное употребление в значении «полезный (о видах деятельности)» (1675). Единственным стабильно сохраняющимся значением (по данным Тезауруса) у прилагательного salubrious с первой фиксации в 1615 году выступает «благотворный, целительный, це-

лебный (о климате)», что, однако, не вполне согласуется с представленными лексикографическими данными.

На следующем этапе исследования нами была проанализирована вариация относительной частотности употребления анализируемых слов в период с 1900 по 2009 годы с использованием системы Google N-Gram (https://books.google.com/ngrams). В интервале с 1970 г. по 2009 г. частотность употребления имени прилагательного healthy выросла в 2 раза, частотность salubrious с 2000 года выросла в 2,5 раза и частотность wholesome выросла в 4 раза. При этом до 2000 года наблюдалось неуклонное снижение частотности употребления wholesome и salubrious. Обнаруженный взрывной рост их употребления в XXI столетии требует более пристального анализа.

Дальнейшее исследование было проведено с привлечением корпуса современного американского английского языка Corpus of Contemporary American English (COCA), емкостью более 600 миллионов слов (https://www.english-corpora.org/coca/). Выбор корпуса оправдан не только его объемом и репрезентативностью, но и тем, что он ежегодно пополняется в среднем на 20 млн слов и, следовательно, отражает реальное положение лексических единиц в языке. Методика построения и анализа естественных лексических профилей слов на основе корпусных данных описана в работах [Суворина 2014; Методы когнитивного анализа…2015]. Естественный лексический профиль анализируемых слов целесообразно строить для конструкции adjective+noun с отбором коллокатов (правый контекст) по критерию взаимной информации (MI – mutual information) [Hoffmann 2008]. Именно этот статистический критерий лежит в основе обработки данных корпуса COCA.

Так, естественный лексический профиль имени прилагательного healthy представлен следующими коллокатами: lifestyle (9,18), dose (9,03), diet (8,28), eating (7,99), food (7,81), weight (6,75), adults (6,5), baby (5,68), environment (5,62), individuals (5,5), living (4,65), body (4,45), heart (4,41), development (4,37), children (4,12), person (3,97), child (3,87), people (3,68), life (3,07).

Естественный лексический профиль имени прилагательного wholesome представлен такими коллокатами как: discretion (9,17), fare (9,08), snack (8,7), entertainment (8,15), lifestyle (7,89), food (7,37), image (7,33), diet (7,3), breakfast (7,08), atmosphere (6,82), meat (6,69), environment (6,52), fun (6,51), beauty (6,3), influence (6,07), activity (5,89), vice (5,71), stuff (5,16), family (5,12), show (3,33). Естественный лексический профиль имени прилагательного salubrious представлен следующими коллокатами: purlieu (20,17), bathwater (14,8), multiplication (12,76), tranquility (12,63), bulb (10,69), whisper (9,84), refuge (9,74), retreat (9,44), effect (9,31), warming (9,11), climate (8,63), kiss (8,58), weather (8,35), spot (8,26), environment (8,22), outcome (8,2), diet (8,2), feature (7,98), air (6,33). В скобках указано значение статистического критерия взаимной информации.

Первичный анализ полученных результатов с очевидностью доказывает абсолютно разное когнитивное наполнение анализируемых слов. По методу L-кривой [Hansen 1993] точка перегиба, отсекающая ядро лексического профиля, приходится на восьмой элемент. Коллокационное ядро имени прилагательного healthy идентифицируется как концепт, связанный с понятием здорового образа жизни, в котором здоровое питание выступает когнитивной доминантой. Такие коллокаты как dose, diet, eating, food, weight ярко демонстрируют этот

вывод. Коллокационное ядро лексической единицы wholesome пересекается частью профиля с концептом здорового образа жизни / полезного питания (food, diet, snack) и содержит собственное ядро, которое можно интерпретировать как концепт УМЕРЕННОСТЬ, БЛАГОРАЗУМИЕ, репрезентируемый коллокациями wholesome с существительными discretion, fare, entertainment, lifestyle, fun. Ядро прилагательного salubrious не имеет пересечений с лексическими профилями слов healthy и wholesome в области значимых коллокационных показателей и представляет концепт БЛАГОНАДЕЖНОЕ, БЕЗОПАСНОЕ МЕСТО (purlieu, refuge), а также концепт ЦЕЛЕБНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, представленный коллокациями типа salubrious tranquility, salubrious bathwater, salubrious whisper.

Все проанализированные слова, согласно полученным данным, являются активно употребляемыми. Возвращение в обиход имен прилагательных wholesome и salibrious на рубеже веков мы интерпретируем как результат активного развития экологического дискурса в современном американском английском языке [Басинская 2019]. Современное американское сообщество активно пропагандирует идеи здорового образа жизни, здорового питания, занятий спортом и т.д., что, безусловно, находит свое отражение в языке, расширяя концептуальные границы концептосферы ЗДОРОВЬЕ.

Выполненный анализ доказывает недостаточность лексикографических дефиниций для автоматизированного анализа, а также генерации контекста естественной речи и демонстрирует возможность воспроизводимого выделения «среды обитания» слов с помощью построения естественных лексических профилей и их последующего многоступенчатого анализа, в котором этап коллокационного анализа играет существенную роль.

Литература

Басинская М.В. Современные номинативные процессы в англоязычном экологическом дискурсе: дис. … канд. филол. наук. М., 2019. 205 с.

Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под общ. ред. В.И. Заботиной. М.: Языки славянской культуры, 2015. 344 с.

Суворина Е.В. Концепция лексического профиля и ее применение для решения задач когнитивной лингвистики // Когнитивные исследования языка. 2014. № 18. С. 96-98.

Суворина Е.В. Применение Google N-grams в когнитивных исследованиях // Три «Л» в парадигме современного гуманитарного знания: лингвистика, литературоведение, лингводидактика / Московский городской педагогический университет; науч. ред. К.М. Баранова, О.Г. Чупрына; сост. и отв. ред. О.Я. Федоренко. 2018. С. 67-70.

Чикало Н.А. Этимологическая реконструкция лексики со значением «здоровье» в современных английском и русском языках // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2019а. № 1 (33). С. 72-79.

Чикало Н.А. Этимологизация лексики, репрезентирующей понятие «здоровье» в древнеанглийском языке (общегерманский и индоевропейский фон) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы

IV Международной научной конференции / редакционная коллегия: Е.Л. Березович (отв. ред.), Е.О. Борисова (отв. секр.), Н.В. Кабинина, В.С. Кучко, М.Э. Рут, О.Д. Сурикова; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Институт славяноведения РАН, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. 2019б. С. 358-361. Doi: 10.31168/7996-2700-3.131.

Hansen P.*C., O'Leary* D.P. The use of the L-curve in the regularization of discrete ill-posed problems // SIAM J. Sci. Comput. 1993. Vol. 14 (6). P. 1487-1503.

Hoffmann S., Evert S. Corpus Linguistics with BNCweb: a Practical Guide. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008. 290 p.

Kay C., Alexander *M*., Dallachy F., Jane R.J., Samuels M., Wotherspoon I. The Historical Thesaurus of English. Version 4.21. Glasgow: University of Glasgow, 2020. URL: https://ht.ac.uk/.

Marc A.K.,·*Ichiro* I.,·*Yasutomo* K.,·*Takatsugu* H.,·*Daisuke* D.,·*Hiroshi* M. Estimating the visual variety of concepts by referring to Web popularity // Multimedia Tools and Applications. 2019. № 78. P. 9463-9488. Doi: 10.1007/s11042-018-6528-x.

Merriam Webster's Collegiate Dictionary. URL: https://www.merriam-webster.com/.

Miller G.A., WordNet: A lexical database for English. 1995. Vol 38. URL: https://doi.org/10.1145/219717.219748.

E.V. Suvorina (Moscow, Russia)
Moscow City Teachers' Training University
N.A. Chikalo (Moscow, Russia)
Moscow City Teachers' Training University

THE COLLOCATION ANALYSIS OF THE ADJECTIVES HEALTHY, WHOLESOME, SALUBRIOUS IN CONTEMPORARY AMERICAN ENGLISH

The results of the collocation analysis of the adjectives healthy, wholesome, salubrious in the Contemporary Corpus of American English (COCA) are presented. The analysis is evaluated with emphasis to the diachronic semantic development of the words and their frequency of usage in the contemporary language. The mutual information based lexical profiles of the words are analyzed. Their correlation with the explosion of ecological discourse in contemporary American English is shown.

Key words: corpus, collocation, lexical profile, frequency, mutual information (MI), historical semantics, ecological discourse.

Т.П. Третьякова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный университет
tretyakova.tp.50@gmail.com

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕГРАТИВНОМ КОМПОНЕНТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

В статье интегративный компонент цифровизации современного образования рассматривается как системное многоуровневое явление, отражающее

контексты образовательных технологий, социальных сетей и интеллектуальных систем. Вводится понятие мультиплексирования для представления изменений в когнитивных контекстах образовательных и цифровых технологий.

Ключевые слова: цифровизация образования, интегративный компонент, когнитивный контекст, мультиплексирование, коммуникативные технологии.

Цифровизация образования ставит перед когнитивными исследованиями новые задачи, связанные как с изменениями коммуникативных форматов общения, так и с самой структурой образования. Сетевое общество XXI века рассматривает цифровое образование как естественный компонент системы, а современные образовательные технологии обеспечивают персонализацию всего процесса обучения и диктуют формирование новых компетенций и навыков. Например, в настоящее время появляется новый тип обучающихся, которые самостоятельно могут формировать свою траекторию образования. Цель настоящей статьи – рассмотреть наиболее общие вопросы проблем цифровизации образования, появляющиеся в когнитивном контексте, под которым понимается концептуальное взаимодействие коммуникантов с учетом существующих различий статусного и индивидуального характера и адекватности оценки концептуальной системы собеседника [Болдырев 2018: 237-250]. Коммуникация в цифровом образовании может быть связана как с процессом в целом, так и с отдельным событием, и одним из характерных свойств процесса цифровизации является интегративность.

Интегративность понимается как системное свойство, т.е. определенное соотношение структурных составляющих системы направленных на эффективное достижение цели. Интегративность – это результат, получаемый от взаимодействия элементов; наличие функциональных характеристик системы в целом и его компонентов; целеустремленность системы.

Рассмотрение интегративности возможно через призму трех составляющих, к которым относятся сами участники процесса образования, мультимодальные системы.

Когнитивные контексты образовательного процесса через функциональные параметры создают предпосылки социально-когнитивного изменения, предполагающего мену структурных составляющих процесса, в том числе и коммуникативных ролей. Каждая система создается для достижения определенной цели. Интегративный характер цифрового образования, предъявляющего изменения к процессу образования, меняет роли, которые традиционно выполняли преподаватели. Когнитивный контекст ситуации рассматривается как компонент взаимодействия участников (студентов, преподавателей, администрации), среды (сетевой и реальной) и таких функциональных характеристик системы, которые связаны со знанием формирования смыслов в процессе обучения. Достижение результата в цифровизации образования рассматривается как наличие сформированных компетенций выпускников. Оценка компетенций строится на степени владения коллективным знанием (культурной, социальной, национальной специфике общности), языковым опытом и представления индивидуальной

конфигурации знания, которое базируется на динамичных процессах когнитивной интеракции.

Новые матрицы интерактивного интегрированного образования предполагают достаточно сложные изменения соотношения роли студентов и преподавателей. Для студента открываются новые возможности осваивать информационные потоки и распределять время для освоения предметов по своему усмотрению. В этом случае самоидентификация студента как сетевой личности иная, нежели у преподавателя. Профессора становятся не столько носителями знания и примерами в становлении эрудированных профессионалов, сколько лицами, разрабатывающими траекторию для прохождения индивидуального обучения студента. Следовательно, интегративность подразумевает включение практики совместной работы типа «коворкинга». В этом смысле технология обучения и содержание программы учебной дисциплины становятся взаимозависимыми.

Цифровизация образования связана с разработкой интеллектуальных информационных систем, отражающих оценочный формат обучения. Оценка осуществляется в формате представления индивидуального знания через цифровой формат диалога. Алгоритмы формализации естественного диалога представляют постоянные проблемы по целому ряду причин. Одна из них – это постоянное изменение собственно коммуникативного процесса и его языковой реализации. Учитывается также фильтрация той информации, которая необходима для перехода к следующей образовательной ступени. Разработка экспертных систем, касающаяся этого уровня, связана со специфическими задачами искусственного интеллекта. Функционально-когнитивный аспект цифровизации определяется параметрами взаимодействия самого эксперта, как носителя индивидуального знания, и удачной формализацией этих знаний. Несмотря на наличие недостатков (например, экспертные системы неспособны предоставить объяснения своих рассуждений, как это делает человек) они все чаще используются в образовательном процессе.

Помимо экспертных систем интегрированными в процесс образования оказываются сетевые технологии, которые обеспечивают существование интерактивной среды современного человека. К ним относятся мобильные приложения, мобильные устройства, электронные издательские системы, цифровые образовательные технологии, существующие в Интернете. Для современного этапа развития интегративного потенциала цифровизации образования с учетом когнитивного контекста представляется целесообразным введение понятия *мультиплексирования*. Термин взят из области технического обслуживания радиоэлектронных средств связи и обозначает уплотнение канала связи. Представляется, что в современном когнитивном контексте цифрового образования происходит своего рода мультплексирование, уплотнение прохождения информации. Несмотря на скорость реакции пользователи информационными технологиями сами приводят к изменениям с нарушениями концептуально речевого взаимодействия, которое приводит к иному восприятию представлений и понятий.

К системам, изменившим перцептивные возможности человека, относятся мультимедийные средства визуализации и креолизации текстов в Интернете. Их также можно внести в качестве интегративного компонента цифровизации.

В сознании уже укрепились разного рода технологии социальных сетей (крауд-сорсинги, крауд-фандинги и пр.), способствующие новым форматам профессиональных союзов. В качестве примеров можно привести, например, новые форматы создания справочников и словарей: волонтерская (volunteer), партнерская (collaborative), любительская лексикография (lexicography for fun). Появились так называемые «прорывные технологии» (disruptive technologies) в качестве инновационных проектов, результат которых иногда непредсказуем. Кроме того, внедряются потребительские цифровые технологии, связанные с отношением к образованию как сфере услуг и геймификацией в образовании, т.е. введение в процесс образования методик игровых квестов и пр. Постоянное пользование гаджетами приводит к гиперстимуляции тех областей мозга, которые расшифровывают визуальные образы, или игровую интеракцию, и подавляют или недостаточно стимулируют остальные функции. Эти факторы принципиально изменили функционально-когнитивный тип общения в контексте образовательного процесса. Мультиплексный формат коммуникации в цифровом образовательном процессе может приводить к коммуникативным сбоям, которые в свою очередь сопровождаются изменениями индивидуального сознания участников коммуникации: предпочтение виртуального мира реальному, отсутствие эмпатии, эгоцентризм и др.

В заключении следует отметить, что интегративность цифровизации образования, направленная на оптимизацию процесса, требует дальнейшего изучения с учетом системных составляющих функционально-когнитивного контекста.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 480 с.

T.P. Tretyakova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

ON AN INTEGRATIVE COMPONENT OF DIGITALIZATION IN EDUCATION: FUNCTIONAL AND COGNITIVE ASPECT

The paper covers the representation of an integrative component of digitalization in education as a systemic multilevel phenomenon providing contexts in educational technologies, social network and intellectual systems. The concept of multiplexing is introduced for the presentation of changes in cognitive contexts of educational and digital technologies.

Key words: digitalization, education, integrative component, cognitive context, multiplexing, communication technologies.

М.А. Фомина *(Москва, Россия)*
Московский городской педагогический университет
marinafomina7@gmail.com

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРИАНГУЛЯЦИОННЫХ МЕТОДИК С ОПОРОЙ НА МЕТОД ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК И КОРПУСНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПРИ КОГНИТИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ СЕМАНТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

В статье рассматривается комплексная исследовательская методика, совмещающая гипотетико-дедуктивную процедуру исследования, обращение к ведущим поисковым системам, использование корпусного эксперимента, а также метод экспертных оценок при когнитивной интерпретации результатов семантического эксперимента на примере экспериментального исследования семантики английских прилагательных с общим значением *пустой*. Данная триангуляционная методика позволяет установить степень сходимости данных, полученных из разных источников, и обеспечивает высокую степень валидности полученных результатов.

Ключевые слова: триангуляционная методика, семантический эксперимент, корпусный эксперимент, метод экспертных оценок.

Введение. Триангуляционная методика представляет собой верификационную процедуру, направленную на обеспечение высокой степени валидности результатов исследования и совмещающую использование сразу нескольких методов / исследовательских методик при изучении одного и того же явления в рамках междисциплинарного исследования. Учет результатов, полученных независимыми исследователями в результате применения нескольких независимых теоретических подходов, методов сбора и обработки информации, эмпирических баз данных, позволяет существенно сократить отклонение / погрешность полученных в результате исследования одного и того же явления данных [Jacob 2001]. Получив широкое применение в социологических исследованиях, триангуляционный подход по-прежнему остается относительно неосвоенным в современной лингвистике, что говорит в пользу актуальности проводимого исследования.

Активное применение экспериментальных методик, математических моделей и статистических методов обработки данных в различных областях современной лингвистики является существенным фактором повышения ее научного уровня. Все шире используются экспертные методы, под которыми понимают комплекс логических и математико-статистических методов и процедур, направленных на получение от информантов данных, необходимых для построения лингвистических гипотез и дальнейшей их верификации [Сулейманова, Фомина 2017: 15]. С активным развитием и расширением корпусов естественных языков наблюдается существенный рост числа исследований, проведенных с опорой на корпусный эксперимент. Более того, проведение корпусного эксперимента можно успешно сочетать с обращением к ведущим поисковым системам типа Google [Сулейманова, Фомина 2018: 227].

Методология

Семантический эксперимент

Для исследования значений рассматриваемых единиц – empty, free, blank, unoccupied, spare, vacant и void – было проведено многоэтапное исследование, на начальном этапе которого выполняется дистрибутивный анализ. Результаты дистрибутивного анализа позволяют исследователю построить гипотезу о значении языковой единицы. Далее, следуя логике пошаговой организации исследовательской процедуры с использованием гипотетико-дедуктивного метода, основу которого составляет эксперимент (см. подробнее [Селиверстова, Сулейманова 2016]), исследователь выполняет экспериментальную проверку выдвинутой гипотезы в формате интервью с информантами-носителями языка, оценивающими правильность предложенных им предложений по заданной шкале. Полученные оценки позволяют выделить так называемый «отрицательный языковой материал», который далее послужит основой для выдвижения гипотезы о содержании дифференциальных признаков в значениях анализируемых единиц. Исследователь снова строит примеры для последующего предъявления их информанту, но принцип построения экспериментальной выборки теперь сводится к различным методам верификации сформулированной семантической гипотезы (см. подробнее о методах проверки гипотез в [Селиверстова, Сулейманова 2016]). Вместе с тем, помимо широко используемых в лингвистическом эксперименте верификационных процедур, исследователи все чаще обращаются к таким методам проверки, как проведение корпусного эксперимента и анализа результатов обращения к ведущим поисковым системам типа Google.

Открывая для исследователей совершенно новые возможности, данные цифровые инструменты остаются относительно неизученными с точки зрения их верифицирующего и экспланаторного потенциала – так, лингвистам еще предстоит разработать типы и особенности проведения корпусных экспериментов, предложить комплексные пошаговые методики проведения контент-анализа и интерпретации фактора частотности, выявляемого на основе корпусов big data и пр. [Сулейманова 2019]. В отличие от «классической» версии семантического эксперимента «корпус впрямую не дает отрицательных ответов». Однако особенность работы с большими данными состоит в том, что «норму задает большинство, и если в корпусе таких примеров мало или их нет <…> – значит, носители поставили бы здесь вопросительный знак, два вопроса или вовсе звездочку» [Рахилина 2017: 124-125]. Обращаясь к корпусному эксперименту и поисковым системам, исследователь устанавливает уровень сходимости данных – степень соответствия выдвинутых гипотез данным, полученным в результате применения альтернативных верификационных процедур. Так, например, если выдвигается гипотеза о том, что прилагательное empty в большинстве случаев используется для описания трехмерного пространства, в то время как слово blank вносит информацию о том, что говорящий рассматривает описываемый объект как двухмерное физическое пространство, то дедуктивный вывод об особенностях употребления анализируемых единиц состоит в широкой сочетаемости слова empty (и в низкой или нулевой частотности

примеров употребления прилагательного blank) с единицами, обозначающими объекты, которые могут быть представлены в виде объемной (трехмерной) конфигурации. Для верификации данной гипотезы и выявления когнитивных оснований выбора того или иного слова в составе анализируемых именных групп (ИГ) были сформированы запросы, содержащие конкурирующие ИГ – ср. данные (количество вхождений ИГ), представленные в таблице, полученные в результате обращения к поисковой системе Google и архивам электронных фондов Британского национального корпуса (BNC).

Таблица. **Данные запроса в BNC и Google**

	bottle (BNC / Google)	**box** (BNC / Google)	**table** (BNC / Google)	**wall** (BNC / Google)	**screen** (BNC / Google)	**sheet of paper** (BNC / Google)
empty	4.97 m / 32	3.98 m / 19	1.33 m / 15	2.4 m / 2	0.381 m / 2	0.665 / 1
blank	0.156 m / **0**	0.654 m / **0**	0.305 m / **0**	4.92 m / 38	4.13 m / 12	1.68 m / 20

Метод экспертных оценок в лингвистическом эксперименте

Оценка информантом степени правильности высказывания представляет собой результат взаимодействия детерминированных и случайных процессов и является дискретной случайной величиной. Дискретные случайные величины обычно обрабатываются при помощи методов математической статистики. Так, к хорошо известным числовым характеристикам, которые оптимальным образом описывают распределение дискретных случайных величин, относятся математическое ожидание, дисперсия и пр. Важной при работе с группой информантов представляется величина степени согласованности мнений информантов, или дисперсионный коэффициент конкордации (подробнее о методе расчета коэффициента см. [Fomina 2010]). При нулевом значении согласованности нет, то есть связь между оценками различных информантов отсутствует. При значении коэффициента, равном 1, наблюдается полная согласованность мнений информантов. Для того чтобы считать оценки информантов в достаточной степени согласованными, значение коэффициента должно быть больше заданного (нормативного) значения. При значении коэффициента, больше нормативного, оценки информантов в большей степени согласованы, чем не согласованы. В этом случае результаты опроса считаются валидными, а группа информантов – достоверной. Однако главное следствие такого результата состоит в том, что лингвистический эксперимент приходится признать успешным, экспериментальные процедуры – полностью соответствующими всем общепринятым требованиям к постановке эксперимента, а результаты эксперимента – валидными (подробнее о методах вычисления рассмотренных характеристик и коэффициентов см. [Fomina 2010]). Так, оценки, полученные при предъявлении информантам следующих высказываний (1. The room is empty. All the furniture has been removed; 2. *The room is free…;* 3. *The room is blank…;* 4. The *room is spare…;* 5. *The room is unoccupied…;* 6. The room is vacant…*;* 7. The room is void…), можно считать в достаточной степени согласованными, так как значение коэффициента конкордации (0,67) превышает нормативное (0,5). Однако данное значение могло бы быть выше в случае большей согласованно-

сти оценок информантов, полученных вторым и шестым высказываниями. Действительно, как показал анализ полученных по данным высказываниям числовых характеристик, значение дисперсии для данных примеров оказалось максимальным по сравнению с остальными предложениями из данной выборки. В докладе приводится анализ возможных причин разброса в оценках информантов, который привел к такому численному выражению влияния случайных факторов.

Литература

Рахилина Е.В. Экспериментальная и корпусная лингвистика: рецензия на сборник статей к юбилею О.А. Сулеймановой «Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность» // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 3 (27). С. 119-128.

Селиверстова О.Н., Сулейманова О.А. Эксперимент в семантике // Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сборник статей к юбилею О.А. Сулеймановой / отв. ред. Т.Д. Шабанова. М.: Флинта, 2016. С. 19-42.

Сулейманова О.А. Семантический эксперимент: новые возможности в системе координат big data // Когнитивные исследования языка. 2019. № 36. С. 427-432.

Сулейманова О.А., Фомина М.А. Верификационный потенциал семантического эксперимента // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2017. № 2 (34). С. 15-28.

Сулейманова О.А., Фомина М.А. Триангуляционный подход в экспериментальной лингвистике // Русистика и компаративистика: Научные труды по филологии. 2018. Вып. XII. С. 220-235.

Fomina M. Expert Appraisal Technique in the Linguistic Experiment and Mathematical Processing of Experimental Data // Sprache und Kognition: Traditionelle und neue Ansätze: Akten des 40. Linguistischen Kolloquiums in Moskau 2005. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2010. S. 409-416.

Jakob A. On the triangulation of quantitative and qualitative data in typological social research: reflections on a typology of conceptualizing “uncertainty” in the context of employment biographies // Forum: Qualitative Social Research. 2001. Vol. 2. № 1. P. 1-29.

M.A. Fomina (Moscow, Russia)
Moscow City University

TRIANGULATION TECHNIQUES IN COGNITIVE INTERPRETATION OF THE RESULTS OF SEMATIC EXPERIMENT: EXPERT EVALUATION METHOD AND CORPUS EXPERIMENT

The paper focuses on the research technique based on verification procedures that rely on the methodological triangulation when experimental practices

are supported by corpus-based experiment, the analysis of search engine results, and mathematical-statistical methods. Triangulation is regarded as a process of verification that increases validity of research findings by incorporating several methods in the study of the same phenomenon. The author describes the triangulation technique employed while studying semantic features of the group of English synonymous adjectives – empty, free, blank, unoccupied, spare, vacant and void.

Key words: triangulation, semantic experiment, corpus-based experiment, expert evaluation method.

Т.В. Фурменкова *(Калининград, Россия)*
Балтийский федеральный университет им. И. Канта
furmenkova_t@mail.ru
Е.М. Гордеева *(Калининград, Россия)*
Балтийский федеральный университет им. И. Канта
elenagordeeva.kgd@gmail.com

СТРАТЕГИИ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА В РАМКАХ КОРПУСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Корпусные лингвистические исследования открывают новые перспективы в построении модели процесса синхронного перевода, в вероятностном прогнозировании при порождении речи в переводе, а также в инферировании контекстуального значения языковой единицы. Кроме этого, авторы обращаются к понятию shell noun и представляют роль языковых корпусов в анализе компонентов значения языковых единиц оригинального текста при переводе.

Ключевые слова: корпус, синхронный перевод, инферирование, shell noun, контекстуальное значение.

Корпусные исследования открывают совершенно новые возможности для осуществления процесса перевода, как последовательного, так и синхронного, создавая беспрецедентную экспериментальную базу для лингвистического анализа языкового материала в его речевом функционировании. В отличие от словарей, корпус представляет из себя неограниченный источник языкового материала, он является открытым и дает представление о контекстном употреблении языковых единиц. Обращение к корпусному подходу в переводе началось со сферы письменного перевода, а затем распространилось и на синхронный перевод. Одной из первых эту идею выдвинула М. Шлезингер, отмечая, что корпуса могут служить источником информации о частотности лексики, лексической плотности, грамматических конструкциях, внутритекстовых связях, способах организации дискурса [Schlesinger 1998: 486].

За последние 20 лет были созданы корпуса, содержащие аутентичные аудио- и видеозаписи текстов выступлений, их синхронный перевод и расшифровку текстов. Первый корпус на базе выступлений в Европарламенте (EPIC, the European Parliament Interpreting Corpus), включающий три языковые пары (английский, испанский, итальянский), с возможностью автоматизированного поиска был создан в университете Болоньи с 2004 по 2006 год. Корпус для исследования синхронного перевода включает в себя, как правило, также ин-

формацию о дате и продолжительности и типе конкретного выступления, количестве слов, месте проведения, лингвистические и паралингвистические характеристики. Это ключевой ресурс для анализа особенностей обработки различных типов информации при синхронном переводе и их распределения в поверхностной структуре текста на ПЯ. В частности, на основе корпуса проводился анализ стратегий перевода, пауз, способов исправления ошибок, переводческих универсалий, гендерных особенностей перевода [Russo 2019: 92]. Благодаря развитию технологий, в последние годы появился ряд более специализированных корпусов, например корпус FOOTIE, используемый для анализа переводческих стратегий и норм в сфере футбола, или англо-китайский корпус CECIC на основе материалов конференц-перевода.

По мнению М. Руссо, корпусный подход открывает уникальные возможности для изучения когнитивного поведения синхронного переводчика на основе использованных им стратегий обработки исходного текста [Russo 2019: 88-90]. В качестве иллюстрации данного тезиса рассмотрим несколько примеров синхронного перевода политического текста в языковой паре немецкий – русский языки, заимствованных из корпуса, составленного в рамках написания магистерских диссертаций по профилю «Конференц-перевод» в БФУ им. И. Канта. Данный корпус содержит тексты синхронного перевода политических выступлений, их аудио- и видеозаписи в языковых парах немецкий – русский и английский – русский языки и позволяет анализировать стратегии обработки информации при синхронном переводе в оба направления.

Приведенный ниже пример синхронного перевода с немецкого языка на русский представляется непростым с точки зрения декодирования довольно абстрактно сформулированного смысла, что по данным анализа упомянутого выше переводческого корпуса является одной из основных трудностей при синхронном переводе с иностранного языка на родной язык:

Und wir haben als europäisches Land die Möglichkeit aktiv in der europäischen Union mitzugestalten, sind aber natürlich auch ein Land, das diese gemeinsame europäische Position dann auch mitträgt. – Мы стараемся активно способствовать укреплению Евросоюза, при этом мы придерживаемся европейской позиции.

Учитывая необходимость поддерживать темп речи, переводчик оправданно использовал компрессию, опустив фразу als europäisches Land и заменив вторую половину высказывания более конкретным и кратким *придерживаемся европейской позиции.* Прием конкретизации использован также при замене глагола mitgestalten на *способствовать укреплению,* что можно рассматривать в качестве удачного контекстуального соответствия, расширяющего семантический потенциал исходной языковой единицы.

Следующий пример является показательным с точки зрения тенденции к использованию более сложных, на первый взгляд, синтаксических структур, удлиняющих звучание текста перевода.

Австрия является крупным покупателем российского природного газа и обеспечивает его транзит в другие страны Европы. – Österreich ist ein

gro*ßer Abnehmer des russischen Erdgases und sorgt dafür, dass der Transit von diesem Gas auch in weitere europäische Länder g*ewährlei*s*tet ist.

Опираясь на материалы переводческого корпуса, содержащие подобные трансформации, можно заключить, что на глубинном уровне обработки смысла исходного высказывания на русском языке и трансформирования его в предложение на немецком языке переводчики стремятся к минимизации своих когнитивных усилий, необходимых также для понимания одновременно звучащего текста. Очевидно, что в данном случае синтаксическая трансформация с союзом dass позволяет переводчику оптимизировать свой когнитивный ресурс.

Корпусный анализ может быть не менее ценен, когда переводчику приходится сталкиваться с так называемыми shell nouns, полисемантами, точный перевод которых всецело зависит от их контекстуального употребления. Термин shell nouns был введен Х.-Й. Шмитом в работе English Abstract Nouns as Conceptual Shells [Schmid 2000] и обозначает существительные, интерпретация наполнения которых всецело зависит от непосредственного окружения и ситуации, то есть от shell content. В своем исследовании Шмид рассматривает 670 существительных, которые могут функционировать как shell nouns (включая case, fact, idea, news, problem, position, situation, and thing цель и т.д.), но отмечает, что сложно дать их исчерпывающий список, потому что непосредственный контекст может спровоцировать появление гораздо большего, чем 670, их количества. Сам же процесс интепретации, инферирования наполнения в данном случае определяется Шмитом как shell noun resolution или interpretation.

Одним из примеров таких проблематичных существительных при переводе с английского языка является sustainability, которое имеет традиционный «устойчивый» вариант перевода, что далеко не всегда в полной мере соответствует требованиям контекста. В данном случае корпусный анализ оказывается идеальным решением и позволяет переводчику быть более гибким в выборе эквивалента. Обратимся к конкретным корпусным единицам.

Inclusiveness and sustainability were mutually reinforcing aspects of industrial development. Переводчиком был предложен следующий вариант: *Инклюзивность и устойчивость – это два подкрепляющих друг друга аспекта промышленного развития*. Эквивалент «устойчивость» в этом случае был выбран в соответствии с традицией и явился скорее автоматическим предпочтением в ситуации синхронного перевода, нежели контекстуальной инференцией. Такое переводческое решение является удобным, но далеко не всегда передает всю необходимую глубину значения.

Опора на данные переводческого корпуса может помочь исправить эту ситуацию, что можно проследить на следующих примерах. This minimal capacity will also facilitate sustainability in addressing gaps in gender-responsive humanitarian action. – В этом случае переводчик ушел от стереотипного эквивалента и наполнение shell noun оказалось иным: *Такой минимальный потенциал будет также способствовать обеспечению стабильности устранения недостатков в гуманитарной деятельности, спланированной с учетом гендерного фактора*. Использование иного контекстуального соответствия помогло более точно раскрыть потенциал языковой единицы.

Следующие два примера наглядно демонстрируют определяющую роль контекста, или shell content, в процессе инферирования значения:

When we began valuing sustainability, more people began to recycle. – *Когда мы начали ценить экологическую ответственность, люди стали уделять больше внимания переработке отходов*.

Subscription income is essential to ensure the sustainability of SIDS / NET. – *Поступления от подписки имеют исключительно большое значение в плане обеспечения финансовой устойчивости СИДНЕТ*. Конкретизация, к которой в обоих случаях прибегли переводчики, помогла преодолеть сложности, возникающие при трактовке излишне абстрактного или размытого, рамочного характера языковой единицы, или shell noun, каковой и является sustainability.

Таким образом, использование корпусов синхронного перевода позволяет существенно расширить рамки изучения деятельности синхронного переводчика. Сопоставление текста оригинала и текста синхронного перевода, дополненного видео- или аудиозаписью, позволяет исследовать стратегии преодоления переводческих трудностей в различных языковых парах. Более того, квантитативный анализ, заимствованный из корпусной лингвистики, может помочь выявить тенденции и специфические особенности обработки информации при синхронном переводе, которые затем могут стать предметом более глубокого анализа в рамках когнитивной лингвистики.

Литература

Гвишиани Н.Б. Практикум по корпусной лингвистике. М.: Высшая школа, 2008.

Shlesinger M. Corpus-based Interpreting Studies as an Offshoot of Corpus-based Translation Studies // Meta. 1998. № 43 (4). P. 486-493.

Schmid H.-J. English Abstract Nouns As Conceptual Shells: From Corpus to Cognition. Topics in English Linguistics 34. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000.

Russo M. Corpus-based studies in conference interpreting // Slovo.ru: baltijskij accent. 2019. Vol. 10. № 1. P. 87-100.

Tognini Bonelli E. Corpus Linguistics at Work. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 2001.

T.V. Furmenkova (Kaliningrad, Russia)
I. Kant Baltic Federal University
E.M. Gordeeva (Kaliningrad, Russia)
I. Kant Baltic Federal University

SIMULTANEOUS INTERPRETATION STRATEGIES AND THE LANGUAGE CORPUS RESEARCH

Corpus linguistic research opens up new perspectives in building a model of the simultaneous interpretation process, in probabilistic forecasting when generating speech in interpretation, as well as in inferring the contextual meaning of a language unit. In addition, the authors turn to the concept of shell noun and represent the role of language corpora in the analysis of the components of the meaning of the language units while interpreting the original text.

Key words: corpus, simultaneous interpretation, inferring, shell noun, contextual meaning.

А.Ю. Хоменко *(Нижний Новгород, Россия)*
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
akhomenko@hse.ru

КОМПЬЮТЕРНЫЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ТЕКСТА. ОПЫТ ПРАКТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ[1]

В настоящей статье речь пойдет о применении интегративного подхода к определению гендера в рамках решения задач судебной лингвистики. Автор интегрирует методы когнитивной науки, корпусной и, шире, компьютерной лингвистики, а также классический структурный анализ текста для идентификации характеристик мужской и женской речи.

Ключевые слова: гендер, мужская и женская речь, судебная текстовая атрибуция, компьютерная лингвистика, корпусная лингвистика.

Вопросы гендерной принадлежности речевого материала решаются с помощью методов многих научных направлений: компьютерной лингвистики, стилеметрии, лингвистики корпусов, когнитивной и классической структурной лингвистики. Тем не менее сама проблема разделения мужской и женской речи, естественно, имеет когнитивно-социальную основу. Гендер, с одной стороны, является продуктом развития культуры и социума [Кирилина 2002: 238], с другой – склонность к категоризации проявляется у человека с детства, представляя собой суть процесса когнитивного развития, а гендер, безусловно, является одним из основных критериев категоризации [Калугина 2013: 253].

На современном этапе развития науки женская и мужская речь достаточно успешно дифференцируются с помощью применения компьютерных технологий и методов стилеметрического анализа. Стилостатистика позволяет осуществить подсчет различных текстовых длин (длины предложения, слова), являющихся идентификационными параметрами для разграничения речи разных гендеров [Степаненко 2017]. Компьютерные же технологии позволяют установить материальные экспликаты некоторых когнитивных категорий, реализуемых в речи через лексику и грамматику и присущих тезаурусу разных гендеров. Так, с помощью автоматической обработки большого объема текстовых данных, собранных в корпус, ученым удалось установить, что «показатели говорят об эгоцентричной коммуникации женщин, а также эксклюзивности, т.е. направленности в процессе коммуникации на себя» [Степаненко 2017: 22]. Маркером этого является преобладание местоимений «я-группы» (т.е. местоимений всех возможных разрядов первого лица единственного числа в прямых падежах и их супплетивных форм в косвенных падежах: я, меня, мне и пр., мой,

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-31-27001 (19-312-90022)

моя, мой): в женской речи таких местоимений встречается значительно больше, чем в мужской [Там же].

Указанные выше постулаты находят свое практическое подтверждение ходе исследования текстов в рамках решения локальных задач судебного автороведения. Так, именно указанные выше характеристики могут оказать решающее влияние при формировании вывода о гендере в рамках юридизированного исследования речевого материала, поскольку именно они, имея цифровые эквиваленты, позволяют объективировать процесс анализа. Естественно, важно использовать их в совокупности с анализом других текстовых параметров, исследование которых обычно имеет качественный, а не количественный характер.

Итак, методами квалификативного анализа в рамках производства досудебного автороведческого исследования удалось установить, что представленный на анализ текст отзыва о компании, несмотря на материальную женскую авторизацию, вероятно, принадлежит мужчине. Об этом свидетельствовал ряд факторов.

Первым из них является отсутствие прямого поименования эмоций и оценок, отнесенных к предмету речи. Автор эксплицирует их в основном в рамках метафорических структур: *«Руководитель <u>был отправлен в надлежащие места, вместе с Патентом</u>(!)», «всей этой <u>эпопеи</u>», «но для меня… сразу <u>отправляется в черный список</u>», «А за неадекватность сотрудника – <u>отдельный огромный минус</u>»*. Все основные компоненты текста, которые выражают основную его мысль, связанную с оценкой качества предлагаемой продукции и оказываемых услуг, сконструированы с помощью тропов («*названивали», «товарищи*» – эмоционально окрашенные лексемы с негативной коннотацией, выражающей презрительное отношение) и фигур речи (*«них есть <u>Патент</u>(!)»* – ирония, близкая к сарказму, *«так и хотелось сказать: «Остановись! <u>Что ты несешь</u>?»* – имитация диалога, употребление ярко окрашенного оценочного глагола в качестве центрального экспликата авторского отношения), некоторым образом маскирующих истинную оценочность (резко негативную) речи автора.

Доказано, что эмоциональный градус сам по себе не является признаком мужской или женской речи: и мужская, и женская речь могут быть эмоциональными. Тем не менее эмоциональная окрашенность проявляется у мужчин и женщин по-разному. Так, для женщин значительно более характерно прямое называние эмоций и высказывание своего отношения: «Прямые номинации чувств в мужских текстах встречаются в 2 раза реже, чем у женщин (веселились, соболезную, уважение, хорошее настроение, разочаровал, бодрость). Мужчины предпочитают не именовать чувства напрямую, особенностью проанализированных текстов является тенденция передавать чувства через метафорические выражения (пробирает до костей, душу выворачивает, слова зацепили, уровень Биби Кинга, переворачивает проворачивает мясо, рубит душу просто “влет”)» [Колпакова 2016: 98].

Еще одним синтаксическим элементом, дифференцирующим мужскую и женскую речь, являются вставные конструкции (ВК), а точнее, их смысловая наполненность. Так, для женской гендерной идентичности более характерно использование вставных конструкций, выражающих эмоцио-

нальное отношение к объекту или предмету речи [Кучмезова 2001: 176], «в мужской прозе доминирующее положение занимают ВК, передающие дополнительные сведения» [Там же]. В анализируемом отзыве однозначно преобладают конструкции, содержащие дополнительную информацию: «*особенности которых я опишу в заключительной части», «почему обоснованных? Да потому, что для устранения неполноценности данный производитель имеет "уникальные разработки". Но об этом ниже и подробнее», «если они вообще существуют», «термическим», «Cu, Zn», «мы работаем только с комплектами, длиной 15 м*». Из 6 ВК, присутствующих в тексте, 5 относятся к эксплицирующим дополнительную информацию и лишь одна выражает эмоциональное отношение к предмету речи («*на свою голову*»).

Указанные выше текстовые характеристики, безусловно, характеризуют гендер, дифференцируют его, тем не менее на ограниченном объеме материала (646 словоформ) этого недостаточно для формирования категорического вывода о гендерной принадлежности материала. Объективировать результаты качественного анализа и дополнить его в данном случае можно с помощью количественных характеристик текста.

Так, после стилеметрических подсчетов удалось выяснить, что средняя длина предложения анализируемого отзыва равна 20,13 слова. Это значит, что автор изъясняется достаточно длинными синтаксическими конструкциями. Такая особенность характерна более для мужчин, чем для женщин [Степаненко 2017: 19-20]. Средняя длина «женского» предложения равна примерно 15,17 слова [Там же].

Одним из важнейших аспектов, подтверждающих мужскую гендерную принадлежность автора анализируемого текста, является дисперсия местоименных сущностей в отзыве, связанная с когнитивными составляющими, рознящими мужчин и женщин. В анализируемом отзыве наблюдаем явное преобладание местоимений «мы-группы» (т.е. местоимений всех возможных разрядов первого лица множественного числа в прямых падежах и их форм в косвенных падежах) более, чем в два раза над местоимениями «я-группы» (т.е. местоимений всех возможных разрядов первого лица единственного числа в прямых падежах и их супплетивных форм в косвенных падежах) (19:8) (см. рис. 1, 2, 3).

Рис. 1. Конкордансный список местоимения «мы», построенный в корпусном менеджере AntConc после лемматизации текста утилитой Mystem

Рис. 2. Конкордансный список местоимения «наш», построенный в корпусном менеджере AntConc после лемматизации текста утилитой Mystem

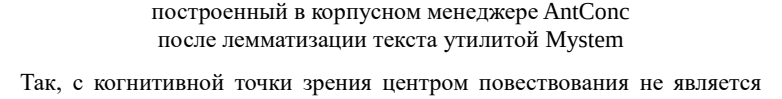


Рис. 3. Конкордансный список местоимения «я», построенный в корпусном менеджере AntConc после лемматизации текста утилитой Mystem

Так, с когнитивной точки зрения центром повествования не является «я» говорящего, что дает возможность в сопряжении с другими текстовыми параметрами говорить о тяготении письменной речи отзыва к мужскому гендеру.

Доказать это в рамках судебного автороведения становится возможным после интеграции качественных и количественных методов анализа гендерной лингвистики.

Литература

Калугина Е.Н. Гендер в антропоориентированных науках // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 5. С. 251-254.

Кирилина А.В. Новый этап развития отечественной лингвистической гендерологии // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе: материалы международной научной конференции, Иваново, 25–26 июня 2002 г.: в 2 ч. Ч. II. История, социология, язык, культура. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002. С. 238-242.

Колпакова Л.В. Лексические средства репрезентации эмоций (гендерный аспект) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 7 (172). С. 96-100.

Кучмезова Л.О. Вставные конструкции в аспекте гендерной лингвистики // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2011. № 2. С. 175-179.

Степаненко А.А. Гендерная атрибуция текстов компьютерной коммуникации: статистический анализ использования местоимений // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 17-25. Doi: 10.17223/15617793/415/3.

A.Yu. Khomenko (Nizhny Novgorod, Russia)
National Research University Higher School of Economics

COMPUTER ANALYSIS FOR DETERMINING GENDER. PRACTICAL RESEARCH EXPERIENCE

This article will focus on an integrative approach to the definition of gender in the framework of solving the problems of forensic linguistics. The author integrates methods of cognitive science, corpus and, more broadly, computer linguistics, as well as classical structural analysis of the text to identify the characteristics of male and female speech.

Key words: gender, male and female speech, judicial text attribution, computer linguistics, corpus linguistics.

VI. КОГНИТИВНАЯ СОЦИО-, ЭТНО- И ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Е.М. Абышева *(Тюмень, Россия)*
Тюменский государственный университет
janeeyre@bk.ru

ЛИНГВО-КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ НЕНЕЦКОГО КАМЛАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕСНИ ШАМАНА «*ПРИЗЫВАНИЕ ДУХОВ*» И ПЕСНИ-КАМЛАНИЯ «*У КОСТРА ЖИВУЩИЙ БОГ МОЙ*»)

В статье приводится лингво-когнитивный анализ ненецкого камлания, а также представлена его когнитивная модель, в центре которой находится шаман, как посредник между человеком и божественными существами. Делается вывод о том, что ненецкое камлание в полной мере отражает традиционные ценности ненецкой культуры: любовь к природе и бережное отношение к заветам предков.

Ключевые слова: лингво-когнитивный анализ, ненецкое камлание, шаманизм, религиозный дискурс, фольклористика.

Среди явлений, изучаемых современной этнографией и фольклористикой, неослабевающий интерес исследователей вызывают сибирское шаманство и камлания. И это не случайно: ведь шаманство – это одна из самых ранних форм религии, сложившаяся в глубокой древности в условиях первобытнообщинного строя. У ненцев шаманство бытовало вплоть до конца XX столетия, а его пережитки ощущаются и сегодня, что и определяет **актуальность** данного исследования.

Шаманское камлание – это не простой религиозный акт, а целый комплекс театрализованных культовых действий, объединяющих в себе слово, пение, иллюзион, гипноз, изобразительное искусство, сакральные ароматы, музыку. Могучим фоном этих действий служила одухотворенная окружающая природа, чутко откликающаяся на поступки человека [Лар 1998: 28]. Служителей культа (шаманов) ненцы называют ***тадебе*** (*колдун, ворожей*), от глаголов ***тадебтесь*** (*заговорить, произнести заклинание*) и ***тадебтенгось*** (*колдовать, ворожить*).

Системное изучение верований ненцев начинается в конце XVIII века, и на сегодняшний день существует значительное количество публикаций об их религиозных воззрениях и о шаманстве в частности. Не ставя в рамках данной статьи цель, дать исчерпывающий библиографический обзор, назовем лишь несколько работ, с которыми удалось ознакомиться: В. Иславин [1847], В.И. Васильев, Л.Н. Гейденрейх [1977], Е.Т. Пушкарева [2003], А.А. Зинченко [2015].

Однако до сих пор ненецкое камлание не подвергалось лингво-когнитивному анализу. В нашем исследовании мы рассматриваем ненецкое камлание как разновидность фольклорного и религиозного дискурсов. Мы

исходим из того, что, с одной стороны, камлание – это фольклорный текст, передающийся из поколения в поколение, и в этом смысле его основной чертой является ***мифологичность*** [Пропп 1986]. С другой стороны, камлание – древнейшая форма религии (культа), а, следовательно, оно обладает такой характеристикой, как ритуальность [Режабек 2018: 81]. **Целью** данной статьи является построение лингво-когнитивной модели ненецкого камлания.

Данная цель достигается путем решения следующих **задач**:

1) выявить лингво-когнитивные характеристики ненецкого камлания на материале песни шамана «*Призывание духов*» и песни-камлания «*У костра живущий бог мой*», представив их в виде лингво-когнитивной модели ненецкого камлания;

2) сделать вывод о значимости камлания в национальной картине мира ненцев.

Материалом нашего исследования послужили два текста ненецких камланий. Первый был обнаружен нами в учебном пособии «*Мифы, фольклор и литература народов Ямала*» [Попов, Цымбалистенко 2001: 42]. Это песня шамана Окотэтто «*Призывание духов*» (сказитель Худи Ятти, Ямальский район, поселок Новый Порт). Второй текст, песня-камлание «*У костра живущий бог мой*», был обнаружен в сборнике «*Северные родники*» (автор-составитель Лидия Федорова) [Северные родники 2000: 373]. Эту песнь исполняла Ульяна Шульгина, методист Центра национальной культуры Тазовского района ЯНАО, обладающая даром камлания.

Проанализировав тексты данных камланий, удалось выявить следующие общие структурные элементы:

1) адресант камлания;
2) участники камлания;
3) причина камлания;
4) посредники камлания;
5) движение (препятствие на пути);
6) проблема;
7) решение проблемы.

Представим результаты исследования в виде таблицы, в которой песнь-камлание «*Призывание духов*» обозначена как Камлание 1, а песня-камлание «*У костра живущий бог мой*» обозначена как Камлание 2.

Таблица. **Когнитивная структура ненецкого камлания**

Структурный элемент	**Камлание 1**	**Камлание 2**
1. Адресант камлания	О, дети семи небес, придите! О, дети северной земли, придите! Семирогий священный олень, где ты?	У костра проживающий бог мой …
2. Участники камлания	В этом чуме собрались люди …	Сто мужчин и сто женщин здесь
3. Причина камлания	… которые хотят совета. Они хотят узнать о судьбе своего народа …	Бога я потерял и кота потерял …

4. Посредники камлания	Впереди меня птица Минлей, Позади меня духи-помощники!	Ночь упала крылом орла …
5. Движение (препятствие на пути)	Злые духи дорогу мне преграждали, Но духи мои мне помогали. Так проехал я семь небесных дорог … Переплыл семь бурных огненных рек, – Трудный путь был путь у меня.	Отправляюсь на поиски в лес. А в лесу повстречался с лисою – убежала за темную хвою … Повстречал у речушки я лося, Семь ветвей его рога – семь лет. Не хотел он меня признавать.
6. Проблема	Беда пришла к вам из-за черных гор, Позабыли вы свои обычаи, Природа плачет от вашей жестокости, Животные бегут из-за вашей алчности …	Сразу сердце пронзила боль. То мой кот и мой бог – моя боль!
7. Решение проблемы	Пусть твой народ сумеет одолеть В себе эту черноту. И тогда будет светло на земле, И тогда камень станет белым.	Все живое – живущим навек отдать, Все что в водах, пусть плавает вечно, Звери, птицы пусть носятся бесконечно, На земле не тревожьте их люди, Сохраните природу навечно.

Как следует из данных таблицы, сходство данных камланий не ограничивается лишь общими когнитивными структурными элементами. В обоих камланиях присутствуют:

1) эмоционально-окрашенная лексика: *священный олень, навек, вечно, бесконечно*;

2) магическое для ненцев число семь: *семирогий олень, семь бурных огненных рек, семь рогов лося*;

3) модальность, в данном случае проявляющаяся как призыв сохранить природу для будущих поколений: *Природа плачет от вашей жестокости …; Все живое – живущим навек отдать …*

Результаты исследования приводят дополнительные подтверждения идеи о трехмерном членении ненецкой картины мира, высказанной в работах [Пушкарёва 2003; Зинченко 2015]. Картина мира ненцев складывается из Верхнего мира, Среднего мира и Нижнего мира. Обитателями *Верхнего* мира являются духи и божества, благоволившие людям, оказывающие им всяческую помощь и поддержку. Чаще всего это фантастические существа, являющиеся отражением самих ненцев – их верований, устремлений, желаний и потребностей. *Средний мир* населяют люди и все, что их окружает – звери, птицы, рыбы. Средний мир представляет собой отражение при-

роды, от которой, как показывают тексты камланий, древний человек еще не научился себя отделять. *Нижний мир*, по поверьям ненцев, населяют враждебные людям духи, а также души умерших людей. В ненецком обществе существовали строгие религиозно-этические нормы, за нарушение которых эти «нечеловеческие существа» карают при жизни, а не после смерти провинившегося, что, конечно, укрепляло у ненцев чувство не только зависимости, но и страха. Шаманы при этом выступают регуляторами общественно-религиозной жизни: без них древний человек не мог разобраться, у какого духа и за что просить прощения, чтобы разрешить свои проблемы.

Анализ ненецких камланий свидетельствует о том, что они в полной мере сохранили ценности ненецкой культуры: любовь к природе, которая давала возможность жить и работать в суровых условиях Севера, а также бережное отношение к заветам предков.

Литература

Васильев В.И., Гейденрейх Л.Н. Тундра Канинская. М.: Мысль, 1977. 219 с.

Зинченко А.А. Семантические особенности сакрально-ритуального дискурса шаманской практики тундровых ненцев: дис. … канд. культурологии. Кемерово, 2015. 168 с.

Иславин В. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847. 154 с.

Лар Л.А. Шаманы и боги. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1998. 126 с.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд.-во Ленинградского ун.-та, 1986. 364 с.

Попов Ю.И., Цымбалистенко Н.В. Мифология, фольклор и литература Ямала: учебник. 5–7 классы. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. 134 с.

Пушкарева Е.Т. Историческая типология и этническая специфика ненецких сказок-мифов. М.: Мысль, 2003. 286 с.

Северные родники: учебное пособие / автор-сост. Л.В. Федорова. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2000. 448 с.

Режабек Е.Я. Мифомышление. Когнитивный анализ. М.: Ленанад, 2018. 304 с.

E.M. Abysheva (Tyumen, Russia)
Tyumen State University

LINGVO-COGNITIVE MODEL OF THE NENETS' SHAMANISTIC RITUAL (BASED ON THE SHAMANISTIC RITUALS INVOCATION OF THE SPIRITS AND MY GOD LIVING BY THE FIRE)

The article provides a lingvo-cognitive analysis of the Nenets shamanistic ritual. The analysis proved the Nenets rites to be mythological on the one hand and ritualistic on the other hand. The cognitive structure of the Nenets shamanistic ritual is presented, shaman being its central figure, as an intermediator between man and divine creatures. The texts of the Nenets shamanistic rituals are characterized by emotional-colored vocabulary, modality and magic numbers. The results of the research provide additional evidence to the idea of the three-dimensional segmentation of the Nenets picture of the world. The Nenets rite fully reflects the traditional val-

ues of the Nenets culture such as love for nature and respect for the precepts of ancestors.

Key words: lingvo-cognitive analysis, Nenets ritual, shamanism, religious discourse, folklore studies.

И.Д. Баландина *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
irfrish@mail.ru

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ КАК ЧАСТЬ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ)

Статья описывает топонимическую картину мира и ее особенности, одной из которых автор считает топонимические универсалии. Целью исследования было доказать, что существуют универсальные когниции, характерные для любого языка, на которых и основано мировосприятие. Окружающая действительность воспринимается и категоризируется в соответствии с универсальными механизмами, одним из которых является топонимическая универсалия, под которой в статье понимаются универсальные, характерные для разных языков способы объективизации окружающего мира, а именно географических объектов.

Ключевые слова: топонимическая картина мира, категоризация, объективация, топонимические универсалии.

Глобализация мира способствует стиранию границ между различными народами и языками, следовательно, поиск универсального – это требование времени. Неслучайно интерес к разного рода лингвистическим универсалиям не уменьшается, а только растет. Возникает потребность осмыслить и найти общее для всех (или большинства) народов. А поскольку коллективное сознание создает картину мира и через осмысление реалий действительности влияет на язык, есть основания считать, что универсалии пронизывают все уровни языка.

Как известно, универсалия – это особенности любого уровня языка, присущие большинству существующих языков.

Как самостоятельное направление, теория языковых универсалий выделилась относительно недавно. Однако мы можем предположить, что проследить универсалии можно на любом уровне языка, более того, теорию универсалий можно распространить также на механизмы и процессы внутри языков (номинация, объективация и т.д.). Если исходить из того, что категоризация и концептуализация мира, происходящая в мозгу человека, носит универсальный характер, логично предположить, что и результат номинации будет сходен (в глобальном масштабе). В данном случае мы имеем в виду механизм номинации географических объектов – топонимию.

Универсальный характер топонимии прослеживается уже в самой схеме номинации, так, в топонимах любых языков выделяются топооснова и топоформант.

Согласно А.В. Суперанской, топооснова – это смысловой компонент топонима (даже если в данном языке смысл, т.е. связь с именем нарицательным или другим собственным именем, не вполне очевидна).

Обязательные топоосновы характеризуются следующими признаками:

1) могут быть представлены особыми географическими определениями (большой, малый, верхний, нижний, северный, южный, новый, старый);

2) чаще встречаются в названиях физико-географических объектов;

3) в большинстве своем располагаются на линии: «природа объекта – топоним».

Необязательные топоосновы характеризуются следующими признаками:

1) типичны для названий населенных мест;

2) могут быть представлены различными словами, вследствие чего эти основы значительно сложнее классифицировать;

3) чаще всего располагаются на линии «человек и его деятельность – топоним».

А.В. Суперанская отмечает, что в чистом виде топоосновы не существуют. Они обязательно дополняются до целых слов и оформляются с помощью топоформантов [Суперанская 1964: 98].

А.В. Суперанская определяет топоформант как служебный элемент, который участвует в построении топонимов.

Топоформанты часто представлены топонимическими суффиксами. Например, в топониме *Смолен-ск* элемент *-ск* – это топонимический суффикс.

Согласно нашей гипотезе, на топонимы распространяется теория языковых универсалий, а именно, топонимы являются яркими маркерами имплицитной информации, они показывают, что было актуально для человека или этноса, и, следовательно, какие именно объекты и явления действительности объективировались в языке. Мы предполагаем, что эти объекты и явления имеют универсальную природу в разных языках, т.е. топоосновы и топоформанты несут сходное значение в разных языках. Кроме того, даже механизм наречения тоже является своего рода универсалией, т.е. человек, вне зависимости от того, к какому этносу он принадлежал, в процессе своей деятельности фиксировал ментально, а затем вербализовал некие актуальные явления действительности, по которым он позже называл объекты окружающего мира, давал им названия. Так, согласно В.В. Дашеевой, «мотивы имянаречения, принципы его реализации в жизни человеческого общества (выполняемые ими функции) и сущность содержащейся в имени информации едины для всего человечества» [Дашеева 2015: 69].

По нашему мнению, данный процесс носит универсальный характер в большинстве языков, т.е. представители разных этносов объективируют и вербализуют одни и те же или очень близкие явления действительности, т.е. что процесс номинации географических объектов носит аналогичный характер. Процессы концепутализации и категоризации применительно к топонимии участвуют в формировании топонимической картины мира, в которой имплицитно свернута информация о наиболее актуальных объектах и явлениях действительности.

Так, для немецкого языка характерна следующая схема образования топонимов: топооснова, содержащая характеризующий признак (прилагательное, имя собственное и т.п.) + топоформант, в качестве которых чаще всего выступают следующие элементы:

- -Burg (крепость),
- -Berg (гора),
- -Stadt (город),
- -Heim (домашний очаг),
- -Bad/-Baden (ванна, купальня),
- -Dorf (деревня),
- -Hof (двор),
- -Tal (долина),
- -Feld (поле),
- -Kirch/ Kirchen (церковь),
- -Brueck/ Bruekken (мост),
- -Hafen (порт),
- -Furt (брод),
- -Haus/Hausen (дом).

Аналогичные топоформанты очевидно выделяются в английском языке:

- Sheffield – OE river-name (from scēath ‘boundary’) + **feld** (поле, надел);
- Liverpool – from Old English lifer “thick, clotted water” + **pol** (ванна, водоем);
- Bradford – OE brād + ford (брод);
- Aberford Leeds. Ædburford 1176. ‘Ford of a woman called Ēadburh’. OE pers. name + ford;
- Nottingham – OE pers. name + -inga- + hām;
- Abridge Essex. Affebrigg 1203. ‘Bridge of a man called Æffa’. OE pers. name + brycg (мост).

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

1. Механизм топонимической номинации носит универсальный характер, основанный на стремлении человека категоризировать действительность и называть объекты окружающей действительности.

2. В основе топонимической картины мира разных народов лежит объективация наиболее актуальных явлений действительности, так, на примере германских языков мы видим, что наиболее актуальными являются водные объекты, сельскохозяйственные угодья, естественные препятствия.

Литература

Беляев А.Н. О топонимическом концепте // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 1 (423). С. 13-21.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.

Дашеева В.В. Ономастические универсалии (на материале монгольских и китайских антропонимов). Улан-Удэ, 2015.

Суперанская А.В. Теория и методика ономастических исследований. М., 2007.

Суперанская А.В. Типы и структура географических названий // Лингвистическая терминология и прикладная ономастика. М., 1964. С. 59-118.

Улльман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. М., 1970. С. 250-299.

Mills A.D. A Dictionary of British Place Names. Oxford: Oxford University Press, 2003.

I.D. Balandina (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State Humanitarian Pedagogical University

TOPONYMICAL UNIVERSALS AS PART OF A TOPONYMICAL WORLDVIEW (BASED ON GERMANIC LANGUAGES)

The article describes the toponymical worldview and its peculiarities; one of them is a toponymical universal. The purpose of the study is to prove that there exist cognitions common for any language. The perception of the world is based on universal grounds. The world is observed and categorized according to the common laws of mentality. And one of the cognitions of such perception can be the so called toponymical universal under which the author means general mechanisms and notions of categorizing objective geographical reality.

Key words: toponymic worldview, categorization, objectivation, toponymic universals.

Е.В. Бекишева *(Самара, Россия)*
Самарский государственный медицинский университет
zondterm@gmail.com
О.М. Рылкина *(Самара, Россия)*
Самарский государственный медицинский университет
olga-rylkina@yandex.ru

СУГГЕСТИВНОСТЬ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА МЕДИЦИНСКОЙ РЕКЛАМЫ

В статье рассматриваются когнитивные и языковые механизмы внушения, эксплицитно и имплицитно представленные в медицинской рекламе. Анализируются приемы и средства содержательно-композиционного и лексического уровней, служащие для повышения внушаемости адресата и достижения коммерческой цели приобретения медицинской продукции.

Ключевые слова: суггестивность, медицинская реклама, закон, коммерция, языковые средства, жанр, заголовок, слоган, здоровье.

Развитие рыночных отношений, в том числе и в медицине, невозможно без рекламы как способа продвижения лекарственных средств, БАДов, товаров для здоровья и медицинских услуг. Предоставляя медицинским и фармацевтическим организациям свободу предпринимательской деятельности, государство

проводит правовое регулирование медицинской рекламы, поскольку некомпетентное применение лекарственных средств и неправильное использование медицинской техники чревато серьезными негативными последствиями для здоровья и жизни граждан. В федеральном законе о рекламе от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 02.08.2019) п. 24, 25 указано что могут, а что не должны содержать медицинские рекламные тексты.

Однако как показывает анализ рекламных медицинских текстов, большинство их авторов нарушают рекламное законодательство в угоду своим коммерческим целям. Все выше перечисленное обусловило прагмалингвистическую актуальность проведенного исследования, целью которого было выявить лингвоконцептуальные характеристики рекламных медицинских текстов, направленные на создание максимальной суггестивности потребителя в приобретении медицинских препаратов и изделий медицинского предназначения. Материалом анализа послужили рекламные медицинские тексты из периодических изданий за 2018–2019 гг.

Суггестивность (внушение), являющаяся объектом изучения отечественных и зарубежных исследователей (М.П. Ахиджакова, В.М. Бехтерева, Дж. Гриндер, М.Р. Желтухиной, В.Н. Мясищева, Б.Ф. Поршнева, В.А. Часова, И.Ю. Черепанова и др.), понимается как процесс воздействия на психику адресата, на его чувства, волю, разум, связанный со снижением сознательности, аналитичности и критичности при восприятии внушаемой информации [Желтухина 2003: 21]. Внушение, как подчеркивают многие авторы, обращено к бессознательной сфере человеческой психики и осуществляется с помощью эмоций. Таким образом, информация воспринимается реципиентом рекламного текста без анализа, понимания и переосмысления.

Принцип построения медицинского рекламного текста обусловлен прагматической установкой, а именно: созданием суггестивного пространства для реализации коммерческой цели. Для этой цели применяются различные приемы и средства, отражающиеся в архитектонике медицинского рекламного текста. Кроме того, используются жанры и их вербальные маркеры из других сфер общения: профессиональное общение (медицинская терминология: *иридоциклит, хориоретинит*), научно-популярная литература (профессионализмы и профессиональная терминология с объяснением: «*Лазер воздействует на излишние пигментные скопления в сетчатке, открывая целую сеть новых капилляров (это называется неокапиллярогенез)*»), бытовое и приватное общение («*Таблетки глотать совсем не сложно, можно даже с дивана не вставать*») и др.

Обратимся к архитектонике медицинской рекламы. В терминах медиалингвистики заголовки традиционно делятся на три типа: маркетинговые, цепляющие и флиртующие. **Маркетинговый** заголовок сразу сообщает потребителю, что тот получит. В нем нет заигрываний с адресатом, только прямая и понятная информация, напр., «*Противоалкогольный эликсир Алкозамин».* **Цепляющий заголовок** говорит о сенсации, уникальности, он шокирует потенциального покупателя и стимулирует его к прочтению всего текста. В рекламных медицинских текстах подобные заголовки обычно выглядят нелепой попыткой перехитрить потребителя, напр., «*Разработан принципиально новый препарат от гипертонии и болезней*

сердца – кардонис». **Флиртующий** заголовок завуалированно ведет к предмету продажи. Чаще всего в таком заголовке встречается вопрос и (или) утверждение, напр., «Сахар выше 6,2? Сахарный диабет не приговор!». Нередко в одном заголовке сочетаются признаки разных типов заголовков: «*Больше никаких скандалов в семье! Удивительное открытие для него и для нее*» (заглавие рекламы аппарата ЛФФК-01, который позиционируется для лечения более 20 заболеваний, в том числе простатита, и выполнения косметических процедур).

В архитектонике рекламного текста выделяются так называемые рекламные константы – элементы, присутствующие во всех рекламных материалах и обеспечивающие единство формы и содержания рекламного текста. К рекламным константам относят слоган – рекламный лозунг или девиз. Слоган выражает целую эмоциональную концепцию всего парой или группой слов, нередко представленных в стихотворной форме. В слогане используются оптимистические слова и различные виды тропов, создающие позитивные ассоциации у потенциального потребителя медицинской продукции. В основе построения слогана в медицинской рекламе лежит семантико-стилистическая категория диалогичности, учитывающая включение социокультурно-маркированных языковых единиц, типичных для потребителей разных социальных и возрастных групп, напр., «*Чтоб не кашляли детишки, им поможет синий мишка*» (слоган, сопровождающий рекламу бромгексина для детского возраста). Как отмечает Е.С. Кара-Мурза, «способы лингвистического выражения диалогичности рекламной речи и степень эксплицированности определяются экстралингвистическими факторами и предполагают необходимость учета языковой картины мира целевой аудитории в целях обеспечения декодирования рекламного сообщения» [Кара-Мурза 2020: 265].

Основная часть (контент) всегда задана интенциональностью авторов рекламы и обычно включает несколько разделов. На примере рекламного текста, предлагающего приобрести медицинский аппарат Простамаг для лечения простатита, проиллюстрируем каждый раздел основной части:

Состояние вопроса: идет описание аденомы и простатита в жанре научно-популярного текста.

Статистические данные (обычно пугающие), сопровождаемые восклицательными предложениями для усиления негативного восприятия (синтаксический способ суггестивного воздействия), вводят читателя в необходимое эмоциональное состояние, напр., «Вот так! Застой и нарушение! И это почти у всех!»

Первый переходный раздел к непосредственной рекламе предлагаемой медицинской продукции. Данный раздел строится на основе принципа «от противного». В нем в иронической форме критикуются доступные современные методы лечения простатита: «*Суть везде одна – прими таблетку или добавку, и будет тебе счастье: мочеиспускание нормализуется, боли исчезнут – и все будет “как у настоящего мужика по десять раз на дню”. Но почему-то никто не объясняет, почему это “чудо” должно свершиться*». Как иллюстрирует приведенный пример, для подготовки адресата к восприятию основной рекламной информации авторы используют стиль приватной беседы с обращением к интимной сфере. В этой связи В.И. Карасик отмечает, что «важной

характеристикой массовой культуры является постоянное движение в сторону снятия табу» [Карасик 2010: 110].

Второй переходный раздел «Что же тогда делать?» Данный раздел строится преимущественно на основе синтаксических средств внушения, а именно, на риторических вопросах («*Как же восстановить нарушенное кровообращение? Есть ли эффективные помощники*?»), на которые автор сам же и отвечает, употребляя эмоционально-окрашенную лексику (*ярко выраженный терапевтический эффект, потрясающие свойства*). Эмоционально-окрашенные прилагательные не только характеризуют объект рекламирования, они также отражают отношение к нему адресанта и обеспечивают значительный потенциал эстетического и эмоционального суггестивного воздействия.

Описание рекламируемой медицинской продукции – это самый важный с точки зрения суггестивности раздел рекламного текста. В нем авторы используют ассоциации при подаче информации и объяснения действия аппарата, отсылая адресата к фильму «Звездные войны». Подобные фоновые коннотативные реалии, по мнению В.А. Кожемякиной, служат для адекватной и полной интерпретации порождаемых высказываний [Кожемякина 2006: 234]. Метафора также позволяет создавать «образы», которые работают на экспрессивный потенциал рекламы. Так, в анализируемом рекламном тексте *митохондрии* сравниваются с *электростанцией*, а *аденозинтрифосфат* с *бензином (топливом)* для организма.

Закрепление суггестивного эффекта. Авторы закрепляют эффект внушения, открыто выражая надежду на приобретение потенциальным покупателем предлагаемой медицинской продукции. Для этой цели они используют преимущественно восклицательные предложения: «*Ваше будущее за новыми технологиями! Теперь они доступны и вам! Болезни уйдут в прошлое! Стоит только захотеть!*». Складывается впечатление, что авторы рекламы очень чутко улавливают настроения, чувства и потребности потребителя, обусловленные современной социально-экономической ситуацией в медицине. На содержательно-композиционном уровне автор рекламы часто включает в свои рекламные тексты элементы повествования «реальных» историй болезни, тем самым, в угоду коммерческим целям, нарушая пункт 1 статьи 24 Федерального закона о рекламе. Откровенный, доверительный тон авторов, якобы самих переживших проблему, вводит потенциального потребителя в необходимое эмоциональное состояние и подводит его к решению воспользоваться предлагаемой в рекламном тексте услугой.

Изучение суггестивных приемов и композиционно-лингвистических средств их реализации представляет как теоретический, так и практический интерес. Теоретическое осмысление обусловлено возможностью применения методов когнитивной лингвистики для анализа разных типов медицинского дискурса, а также дальнейшим изучением концепта СУГГЕСТИВНОСТЬ в рамках психолингвистики. Прагматическая значимость данной тематики заключается в важной социально-экономической и медийной роли медицинской рекламы и ее возможных практических последствиях для здоровья населения.

Литература

Желтухина М.Р. Масс-медиальная коммуникация: языковое сознание – воздействие – суггестивность // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2003. Вып. 24. С. 21-29.

Кара-Мурза Е.С. Диалогичность рекламной речи // Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л.Р. Дускаевой. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2020. С. 264-267.

Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. Волгоград: Парадигма, 2010.

Кожемякина В.А. и др. Словарь социолингвистических терминов. М., 2006.

Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «О рекламе». Ст. 24, 25.

E.V. Bekisheva (Samara, Russia)
Samara State Medical University
O.M. Rylkina (Samara, Russia)
Samara State Medical University

SUGGESTION AS A CONCEPTUAL BASE OF A MEDICAL ADVERTISEMENT

The paper focuses on cognitive and linguistic mechanisms of suggestion presented in a medical advertisement in explicit and implicit ways. Under special analysis are methods and technique of compositional and lexical levels aiming at increasing of the suggestion and purchasing a medical product.

Key words: suggestion, medical advertisement, law, commerce, linguistic means, genre, heading, slogan, health.

Е.Л. Богуславская *(Екатеринбург, Россия)*
Институт философии и права УрО РАН
boguslavskaya.el@mail.ru

ПАРАДИГМЫ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В БРИТАНСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ

Исследование посвящено сопоставительному анализу особенностей варьирования относительных местоимений в британском и американском вариантах английского языка. На материале корпусных данных обсуждаются современные тенденции в области функционирования средств подчинительной связи в относительных конструкциях, выявляются различия правил релятивизации в синтаксисе британского и американского вариантов английского языка.

Ключевые слова: варьирование относительных местоимений, правила релятивизации, корпусные исследования.

Для относительных местоимений английского языка характерна исторически сложившаяся вариативность, обусловленная рядом ситуативных и лингви-

стических факторов. По возрастанию степени формальности традиционно выстраивается парадигматический ряд: Ø (отсутствие средства связи) / that / who / whom. Данная система начинает формироваться в среднеанглийский период и окончательно складывается к новоанглийскому периоду. Помимо социолингвистических факторов на выбор союзных слов влияют также лингвистические переменные, из которых наиболее значимыми являются: 1) часть речи определяемого слова; 2) одушевленность / неодушевленность определяемого слова; 3) синтаксическая функция определительного комплекса; 4) синтаксическая функция относительного местоимения, 5) расположение определяемого слова и определительного придаточного [Богуславская 2016]. Интересно отметить, что относительное местоимение that всегда было и по сей день остается универсальным средством связи [Biesenbach-Lucas 1987; Romaine 1982], для которого не важна семантика антецедента по линии одушевленность / неодушевленность. Сопоставительный анализ данных национальных корпусов американского и британского вариантов английского языка позволяет выявить современные тенденции в области функционирования союзных слов в устной и письменной речи.

К относительным (релятивным) конструкциям мы относим три типа разноструктурных предложений, которые объединяет чисто формальный показатель – наличие относительного местоимения или его нулевой формы. Самыми частотными в группе являются сложноподчиненные предложения с определительной придаточной частью, за ними следуют усилительные конструкции с оборотом It is */ was … that / who* и предложения с событийными относительными придаточными [Богуславская 2013]. Сложноподчиненные определительные предложения в зависимости от типа придаточного могут быть ограничительного и описательного типа. В ограничительных конструкциях придаточная часть выступает в качестве определения и сужает объем значения определяемого слова благодаря указанию на его ситуативный признак. Элиминация подобного типа придаточного ведет к изменению смысла всего предложения. В описательных конструкциях определяемое слово выражает законченное понятие, а придаточное сообщает только дополнительную информацию и может быть опущено без ущерба для смысловой и грамматической целостности предложения [Жигадло и др. 1956]. Указанные семантические особенности накладывают ограничения на употребление средств связи предикативных частей: в описательных предложениях не допускается бессоюзное подчинение, а союзное слово that считается устаревшим. В ряде диахронических исследований приводятся данные о том, что в ограничительных предложениях с начала XX века в устной речи с неодушевленными антецедентами доминирует местоимение that и нулевая форма [Biesenbach-Lucas 1987; Romaine 1982].

Проведенный анализ современных языковых данных позволил выявить ряд различий в парадигматических рядах относительных местоимений в американском и британском вариантах английского языка. В корпусной выборке американского варианта не было зафиксировано ни одного случая употребления which в ограничительных конструкциях: that и нулевая форма полностью взяли на себя функцию связи с неодушевленными антецедентами. Данный факт позволяет сделать вывод о полной смене парадигмы

относительного местоимения which в американском английском. Для британского варианта английского языка не характерно четкое функциональное разграничение местоимений that и which. Оба союзных слова встречаются с одинаковой частотностью с неодушевленными антецедентами в ограничительных конструкциях.

(1) A horse dentist has devised a system which will stop the recent spate of attacks on horses [British National Corpus].

(2) All limits are lifted from the amount of alcohol and tobacco that can be brought into the country from Europe for personal use [British National Corpus].

В американских печатных изданиях описательные определительные придаточные всегда отделяются запятой. В британском варианте нет такого строгого правила.

Рассмотрим второй тип относительных конструкций – усилительные конструкции с оборотом *It is / was … that / who*. Однозначной типологической характеристики в грамматиках английского языка данные конструкции не получили. Так, предложения типа It was Mary who brought this letter yesterday описываются как в рамках сложноподчиненных предложений с определительным придаточным [Жигадло 1956; Ball 1994], так и в разряде простых предложений с выделительным оборотом в своем составе [Ившин 2002]. При этом исторические данные свидетельствуют в пользу первой точки зрения [Ball 1994]. Современные корпусные данные показывают, что в американском варианте английского языка, как в устной, так и в письменной речи, в предложениях этого типа также произошли парадигматические сдвиги в системе относительных местоимений. Американский английский демонстрирует четкую дифференциацию по значению лицо / не лицо: that употребляется исключительно с неодушевленными определяемыми, who – только с одушевленными и с антецедентами со значением лица. Относительное местоимение which вышло из употребления в указанных конструкциях.

(3) It is tourists from Japan and Hong Kong who provide much of his business, he says blankly [Corpus of Contemporary American English].

(4) It is the promise of tranquility that attracts the hardy few to this tiny wooded island [Corpus of Contemporary American English].

В британском варианте английского языка which продолжает оставаться членом парадигматического ряда средств связи частей усилительных конструкций. При этом наблюдаются существенные различия по показателям частотности which в устной и письменной речи. В устной речи which практически не встречается (около 1% единиц выборки), в письменной речи с неодушевленными антецедентами which занимает доминирующую позицию (70%) по частотности опережая that (30%). Выраженного семантического различия между единицами who и that в британском варианте не зафиксировано. Единственное выявленное ограничение – устная или письменная форма речи, где в устной речи частотность that со значением лица достигает 40%, а в письменной речи – не более 2%.

Третий тип относительных конструкций – предложения с событийными относительными придаточными. Такие конструкции имеют явное формальное сходство с определительными придаточными предложениями, но существенно от них отличаются по семантическим и синтаксическим признакам. Они не

соотносятся с каким-то одним словом главного предложения, а связаны со всей ситуацией, описанной в главной части, и обычно служат своего рода комментарием к основной мысли.

(5) It's also been stunningly successful on YouTube, which is a bit curious because it was a long speech [Corpus of Contemporary American English].

Для средств связи в составе событийных конструкций вариативность не характерна, which – единственное функционирующее в них относительное местоимение.

В таблице представлены сводные сопоставительные данные по лингвистическим и социолингвистическим факторам, ограничивающим варьирование относительных местоимений в современном английском языке

Таблица. **Парадигматические ряды относительных местоимений в американском и британском вариантах английского языка**

	Ограничительные определительные придаточные		Описательные определительные придаточные		Усилительные конструкции с оборотом It is / was	
	Британский вариант	Американский вариант	Британский вариант	Американский вариант	Британский вариант	Американский вариант
who	+	+	+	+	+	+
which	+	-	+	+	+	-
that	+	+	-	-	+	+

Таким образом, в британском варианте английского языка выявляется большая вариантность союзных слов that, which и who. В американском варианте выстраивается четкое противопоставление по структурно-семантическим признакам местоимений who / that (в ограничительных придаточных и усилительных конструкциях) и местоимений who / which (в описательных придаточных), что позволяет сделать вывод о полном переходе относительного местоимения which из одного парадигматического ряда в другой. Исследование также показывает, что современный английский язык не только сохраняет различия в своих национальных вариантах, но и имеет тенденцию к дивергенции.

Литература

Богуславская Е.Л. Подходы к классификации сложноподчиненных предложений с определительной придаточной частью в отечественном и зарубежном языкознании // Сопоставительная лингвистика. 2013. № 2. С. 16-19.

Богуславская Е.Л. Правила релятивизации в афроамериканском варианте английского языка // Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии: знак, слово, текст: сборник научных статей. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. С. 72-77.

Жигадло В.Н., Иванова И.П., Иофик Л.Л. Современный английский язык. Теоретический курс грамматики. М.: Изд-во литературы на ин. яз., 1956.

Ившин В.Д. Синтаксис речи современного английского языка (Смысловое членение предложения). Ростов-на-Дону: Феникс, 2002.

Ball C.N. Relative Pronouns in It-Clefts: The Last Seven Centuries // Language Variation and Change. 1994. № 6. P. 179-200.

Biesenbach-Lucas S. The Use of Relative Markers in Modern American English // Variation in Language: NWAV-XV at Stanford. Stanford, CA.: Stanford U. Dpt. of Linguistics, 1987. P. 13-21.

Romaine S. Socio-Historical Linguistics: Its Status and Methodology. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

British National Corpus. URL: https://corpus.byu.edu/bnc/ (дата обращения: 11.11.2019).

Corpus of Contemporary American English. URL: https://corpus.byu.edu/coca/ (дата обращения: 15.10.2019).

E.L. Boguslavskaya (Ekaterinburg, Russia)
Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

RELATIVE PRONOUNS PARADIGMS IN BRITISH AND AMERICAN ENGLISH: COMPARATIVE ANALYSIS OF CORPORA DATA

The research is devoted to a comparative analysis of relative pronouns variation models in British and American English. Using the material of corpora data we discuss modern tendencies in relative structures formation with the emphasis on differences in the relativization rules in British and American syntax.

Key words: variation of relative pronouns, relativiztion rules, corpora data analyses.

Л.О. Бутакова *(Омск, Россия)*
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
larisabut@rambler.ru

КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВОЗРАСТА НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА[1]

В статье показано психолингвистическое моделирование когнитивных стратегий интерпретации возраста носителями русского языка, принадлежащими к разным возрастным группам – школьниками, студентами, пожилыми людьми, на основе анализа ассоциативных полей, полученных в результате экспериментов. Исходная гипотеза состояла в постулировании изменчивости когнитивных стратегий соотнесения стимула и реакций, самого ассоциативного поля индивида, обусловленных социальными, возрастными и индивидуально-субъектными процессами концептуализации. С помощью применения психолингвистических методов – свободного и направленного ассоциативного

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00507 «Пожилой человек в современных русскоязычных дискурсах: комплексное лингвистическое исследование»

эксперимента (по методике дополнения языкового знака), проведенных в контрастных возрастных группах по одинаковому стимульному списку, включающему лексемы с семантикой (в том числе пожилого, преклонного) возраста, можно выявить специфику речевого действия, связывающего стимул и реакцию.

Ключевые слова: возраст, старость, пожилой человек, смысл, когнитивные стратегии интерпретации возраста, маркеры возраста.

Цель – показать психолингвистическое моделирование когнитивных стратегий интерпретации возраста носителями русского языка, принадлежащими к разным возрастным группам, на основе анализа смысловых отношений стимула и реакции, полученных в результате экспериментов.

Гипотеза исследования: структура ассоциативного поля носителей языка характеризуется изменчивостью состава вследствие вариативности когнитивных стратегий соотнесения стимула и реакций, обусловленной социальными, возрастными и индивидуальными процессами концептуализации. Проведение психолингвистических экспериментов в разных возрастных группах позволяет увидеть индивидуальную и групповую специфику речевого действия.

Актуальность исследования обусловлена вниманием лингвистов, психолингвистов, психологов к субъективной семантике, онтогенезу и геронтогенезу, возрастной структуре ментального лексикона, проявлениям возрастной изменчивости смыслового состава семантической области, связанной со словом в сознании носителей языка, недостаточной изученностью возрастной динамики когнитивных процессов носителей русского языка и пр. [Залевская 2011, 2014; Курганова 2012; Рогожникова 2009; Бутакова 2018 а,б].

Методология исследования отличается психолингвистическим подходом к смысловым связям лексики, обозначающей возрастные свойства человека, как фрагмента ментального и вербального лексикона носителей языка [Рогожникова 2009; Литвиненко 2006, 2009; Никитина, Салимьянова 2013; Бутакова 2018а, 2018б; Бутакова, Гуц, Орлова 2018; Pitti 2017; Nalini, Koo, Rosenthal, Riverside, Winograd 2002: 42-51; Cognition… 2016: 443-452; Maillet & Schacter 2016: 370-379; Williams, Kemper 2010; Wulff, De Deyne, Jones, Mata 2019: 686-698], учитывает концепцию значения как динамической функциональной системы [Залевская 2005–2014], результаты масштабных свободных ассоциативных экспериментов в России и за рубежом, выводы об ухудшении связей компонентов сети в пожилом возрасте [Wulff, De Deyne, Jones, Mata 2019: 686-687], утрате «плотности» «семантического» пространства в старости при сохранности семантической структуры памяти, развитии значения за счет актуализации резервных возможностей, «накопленных в период роста и формирующихся в геронтогенезе» [Рогожникова 2009: 21].

Методическая база исследования: свободный ассоциативный эксперимент, направленный ассоциативный эксперимент (по методике дополнения языкового знака), моделирование когнитивной структуры ассоциативного поля (по методике Н.А. Кургановой [Курганова 2012, 2019]), моделирование когнитивных стратегий интерпретации стимула как системы функцио-

нальных опор речевого действия «на разных уровнях речемыслительной деятельности» [Курганова 2012, 2017, 2019: 30].

Материал – результаты трех типов экспериментов, проведенных в апреле – мае, октябре – ноябре 2018 г., феврале – июне 2019 г. в школах г. Омска, на курсах обучения компьютерной грамотности людей немолодого возраста вузов г. Омска. Испытуемые – школьники 275 человек 11–17 лет, пенсионеры – 95 человек (от 60 до 82 лет). Стимульный список включал 23 слова, среди которых были лексемы с семантикой возраста, разбавленные «шумами». Было получено у людей пенсионного возраста 2185 реакций САЭ, 8780 реакций СД, 1425 реакций НАЭ; у школьников 6325 реакций САЭ, 25300 реакций СД, 4125 реакций НАЭ. В статье описаны результаты ассоциативного (свободного) эксперимента, проведенного с реципиентами разного возраста со стимулами-оппозитами *молодой / старый*. Результаты региональных экспериментов с реципиентами-студентами содержатся в общей базе Русской региональной ассоциативной базы данных (Сибирь и Дальний Восток) – 2008–2020 (далее – СИБАС: http://adictru.nsu.ru/). Для сравнения аналогичные поля проанализированы по регионально близкой Русской региональной ассоциативной базе данных (далее – УрАС: https://iling-ran.ru/web/ru/publications/urras).

Результаты см. в таблице.

Таблица. **Когнитивные особенности интерпретации лексики возраста в сопоставлении**

АП	**Пенсионеры**	**Школьники**	**Студенты**	
			СИБАС	**УрАС**
Совпадающие частотные реакции САЭ в сопоставлении				
человек				
СТАРЫЙ	-	2,1%	7,3%	7%
	молодой			
	5,2%	6,3%	3,1%	3,4%
	Самая частотная реакция			
	Слабый 12,6%	Дедушка 13,7%	Дед 18,8%	Дед 17%
Когнитивные и семантические операции в ядре АП				
Негативные физические особенности, возрастная шкала	**Пенсионеры**	**Школьники**	**СИБАС**	**УрАС**
	28,4%	12,6%	9,8%	9,4%
Приобретенное ментальное / темпоральное свойство	7,4%	5,5%	1,2%	1,6%
Приобретенное свойство внешности	-	-	1%	1,4%
Конкретная субъективизация через поколение	-	10,2%	22,4%	21%

Общая, поколенческая, социальная одушевленная субъективизация	-	-	16,3%	17,7%
Неодушевленная субъективизация	-	-	12,9%	11,9%
Мортальная перспектива	-	4%	-	-
Совпадающие или обратимые частотные реакции				
человек				
МОЛОДОЙ	8,4%	10,2%	28,5%	35,1%
	старый			
	2,1%	5,5%	5,8%	4%
	Самая частотная реакция			
	Энергичный 13,7%	Человек 10,2%	Человек 28,5%	Человек 35,1%
Когнитивные и семантические операции в ядре АП				
метастратегия ОБЪЕКТ – ПОЗНАНИЕ				
Физические, эмоциональные особенности, возрастная шкала	**Пенсионеры**	**Школьники**	**СИБАС**	**УрАС**
	19,9%	19,8%	20,5%	15,64%
Имеющееся качество / объект	7,3%	10,3%	3%	4,2%
Общая, поколенческая, социальная одушевленная субъективизация	10,6%	20,6%	47,6%	55,8%
Неодушевленная субъективизация	-	1,6%	2,6%	0,8%
Жизненная перспектива	3,1%	-	0,4%	-
метастратегия ОБЪЕКТ – ОЦЕНКА				
Оценочная	7,3%	1,6%	-	-
Когнитивная структура всего АП в сопоставлении				
СТАРЫЙ				
Кто (субъект)	15,8%	38,6%	72%	73%
Какой (сущность)	52,6%	37%	20,6%	19%
Сопровождается чем	8,4%	7%	1,96%	5%
Требует чего (нуждается в чем)	4,2%	2,4%	1,77	-

Образ	8,4%	6,3%	1,18%	3,2%
Оценка (негативная / позитивная)	4,2%	-	-	0,2%
Отказ	1%	-	0,78%	0,2%
МОЛОДОЙ				
Кто (субъект)	16,8%	32,3%	63%	70,3%
Какой (сущность)	50,5%	40,1%	26,3%	20,6%
У него есть что (объект обладания)	16,8%	20,5%	5,9%	6%
Образ	3,15%	6,3%	2,6%	3%
Оценка (позитивная)	9,5%	-	-	-

Выводы. В сознании разных возрастных групп носителей русского языка оппозиция *старый / молодой* образует когнитивные области, построенные как взаимно обратимые сценарии, имеющие возрастную вариативность. В группе пожилых информантов стимул *старый* в два раза чаще вызывает когнитивную схему, связанную с оппозитом, у студентов активен обратный процесс: стимул *молодой* вдвое чаще вызывает оппозитивную схему, у школьников оба процесса одинаково активны.

Метакогнитивная стратегия реализуется через выбор рационального картирования областей, в котором субъекты, объекты и предикаты (признаки) играют существенные роли. Оценочная метакогнитивная стратегия зафиксирована в группе пожилых респондентов, реализуется через амбивалентные когнитивные схемы для стимула *старый* и позитивные схемы для его оппозита.

На уровне когнитивных схем реализуется категоризация, фиксирующая одушевленных и неодушевленных носителей признака, соположенных или контрастных признаков. Преобладает обобщенная репрезентация с помощью слова *человек* для стимула *молодой* у студентов и школьников, количественного и качественного расщепления наименований человека и неодушевленных субъектов у студентов. Опора на собственный опыт при выборе семантической стратегии приводит в группе пожилых респондентов к наиболее частому соотнесению области *старый* с областью *слабый*, области *молодой* с областью *энергичный*. Школьники и студенты чаще всего соотносят область *старый* с областью субъекта пожилого возраста *дед, дедушка,* область *молодой* – с областью *человек*, реализуя стереотип.

Литература

Бутакова Л.О. Старость как концептуальный феномен: региональный и возрастной аспекты ассоциативной семантики // Psycholinguistics. Series: Philology. 2018а, № 23 (2). С. 25-39.

Бутакова Л.О. Старый – молодой – дед: динамика субъективной семантики слова // Филологический класс. 2018б. № 2 (52). С. 95-102.

Бутакова Л.О., Гуц Е.Н., Орлова Н.В. Проект «Региональное языковое сознание: возрастной аспект» // Вопросы психолингвистики. 2018. № 2 (36). С. 146-168.

Залевская А.А. Слово. Текст. Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 542 с.

Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2011. 240 с.

Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. Лондон, 2014. 180 с.

Курганова Н.И. Роль и место смыслового поля при моделировании структурных и операциональных параметров значения слова: дис. … д-ра филол. наук. Тверь, 2012. 400 с.

Курганова Н.И. Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения живого слова // Вопросы психолингвистики. 2019. № 3 (41). С. 24-37.

Литвиненко Ю.Ю. Концепт ВОЗРАСТ в семантическом пространстве образа человека в русской языковой картине мира: дис. … канд. филол. наук. Омск, 2006. 256 с.

Литвиненко Ю.Ю. Контрастивное изучение лексики (на материале лексико-семантического поля «Возраст») // Русско-китайские языковые связи и проблемы межцивилизационной коммуникации в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. Л.Б. Никитина. Омск: Издательство ОмГПУ, 2009. С. 210-215.

Никитина Л.Б., Салимьянова И.В. Образ пожилого человека в русской языковой картине мира. Омск: Вариант-Омск, 2013. 186 с.

Рогожникова Т.М. и др. Ассоциативный эксперимент с испытуемыми преклонного возраста // Галерея ассоциативных портретов. Уфа: УГАТУ, 2009. С. 53-56.

Cognition, Language and Aging / ed. by Heather Harris Wright. John Benjamins Publishing Company, 2016.

Maillet D., Schacter D.L. When the Mind Wanders: Distinguishing Stimulus-Dependent From Stimulus-Independent Thoughts During Incidental Encoding in Young and Older Adults // Psychology and Aging. American Psychological Association. 2016. № 31 (4). P. 370-379.

Nalini Am., Koo J., Rosenthal R., Riverside C., Winograd H. Physical Therapists' Nonverbal Communication Predicts Geriatric Patients' Health Outcomes // Psychology and Aging. 2002. № 17 (3). P. 443-452.

Pitti I. What does being an adult mean? Comparing young people's and adults' representations of adulthood // Journal of Youth Studies, in Applied Psycholinguistics. 2017. № 20 (9). URL https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13676261.2017.1317336 (дата обращения: 25.11.2019).

Williams K., Kemper S. Exploring Interventions to Reduce Cognitive Decline in Aging // Journal of Psychosocial Nursing and Mental Health Services. 2010. № 48 (5). P. 42-51.

Wulff D.U., De Deyne S., Jones M.N., Mata R., The Aging Lexicon Consortium. New Perspectives on the Aging Lexicon // Trends in Cognitive Sciences. 2019. Vol. 23. Issue 8. P. 686-698.

L.O. Butakova (Omsk, Russia)
Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

COGNITIVE STRATEGIES FOR INTERPRETING AGE BY NATIVE SPEAKERS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

The article shows the psycholinguistic modeling of cognitive strategies for interpreting age by native speakers of the Russian language belonging to different age groups – schoolchildren, students, and elderly people based on the analysis of associative fields obtained as a result of experiments. The initial hypothesis consisted in postulating the variability of cognitive strategies for correlating stimulus and reactions, the composition of the individual associative field itself due to social, age, and individual subjective processes of conceptualization. The use of psycholinguistic methods (a free and directed associative experiment on the method of supplementing a linguistic sign), their explore in contrasting age groups while maintaining the same stimulus list, including lexemes with age semantics, a cognitive analysis of the results at the last stage make it possible to identify the specificity of speech action connecting the stimulus and reaction.

Key words: age, old age, elderly person, meaning, meaning, cognitive age interpretation strategies, age markers.

И.А. Ваулина *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский государственный педагогический университет
phonosemant@mail.ru
Е.Н. Иванова *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский государственный педагогический университет
z3411828@yandex.ru

ПРОЕКТ СЛОВАРЯ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ЭКСПРЕССЕМ (ИДЕОФОНОВ) СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (ПО ДАННЫМ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ)[1]

В статье предлагается проект психолингвистического словаря фоносемантически маркированной (звукосимволической) лексики современного русского литературного языка. Проект словаря основан на данных экспериментальной серии, которая включала в себя свободный и направленный ассоциативные эксперименты. Предложенный принцип описания материала позволяет проследить степень выраженности денотативного, коннотативного и фоносемантического компонентов в смысловой структуре слова, а также выделить ядерные и периферийные для носителей языка семы.

Ключевые слова: языковое сознание, фоносемантическая экспрессивность, психолингвистический эксперимент, звукосимволизм.

В свете антропоцентрической парадигмы актуальным направлением в современной лингвистике является разработка словарей, основанных на данных обыденного языкового сознания. Ср., в частности, ассоциативные словари [Бутакова 2012; Гольдин 2004; Гуц 2004; Караулов 2002; Леонтьев 1977; Манликова 1989; Черкасова 2008 и др.], психолингвистические толковые словари [Стернин, Рудакова 2012; Рудакова, Коваленко, Стернин 2018]. Преимущество

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00465 А «Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот»

психолингвистической лексикографии определяется, в первую очередь, тем, что «значение, выявляемое психолингвистическими экспериментами, практически всегда оказывается намного объемнее и глубже, чем его представление в словарях» [Стернин 2010: 57].

С данной позиции представляет особый интерес психологическая реальность звукосимволического слова, в частности, коннотации, обусловленные его фоносемантикой. Например, глаголы *фордыбачить* «*Прост.* Упрямиться, сопротивляться, дерзко настаивать на своем» [МАС 1999, т. IV: 575], *шкандыбать* «Прихрамывая, ковылять» [МАС 1999, т. IV: 720], *отчекрыжить* «*Разг.-сниж.* Отрезать, отхватить» [Ефремова 2000] самим своим звучанием (за счет неблагозвучных, труднопроизносимых консонантных сочетаний) формируют в сознании носителей языка широкий спектр дополнительных ассоциаций, связанных с действием асоциальным, антиэстетичным, деструктивным, неожиданным, ср. данные эксперимента по методу прямого толкования: ***отчекрыжить*** */ отругать (4), отчебучить (3), учудить (2), удивить (2), обругать кого-то, сказал так сказал!, сделать что-то странное, внезапно сделать (никто не ожидал), избить, закончить бухгалтерский отчет, необдуманное действие, вытворить, сказать / сделать неуместное, отколоть номер, выдать что-то нелепое, надавать по шее, вытворить, избить, скрести, уничтожить, сказануть, урвать кусок, отмочить, выдать что-то интересное; поссорился кто-то с кем-то, выдать неожиданное, воровать;* ***шкандыбать*** */ бить (5), мучить, пинать, воровать, заковать в кандалы, пытать, выпивать, промышлять нечестными делами, изводить, хулиганить;* ***фордыбачить*** */ дебоширить, нести разруху, вести себя нехорошо, выкидывать финты, совершать вредные поступки, получать / добывать что-либо незаконно, шагать по грязи, клянчить, красть, не знаю, что обозначает, наверное, переворачивать все с ног на голову, выворачивать наизнанку*; *делать что-либо грубо, неправильно, некрасиво* и т.д. Выразительность звуковой оболочки достигает такой интенсивности, что узуальное, закрепленное в нормативных толковых словарях значение идеофонов «стирается», оказываясь в зоне крайней периферии ассоциативных полей. Фонетическая структура слова оказывает воздействие на восприятие его семантики носителями языка – моделирует оценочный контекст значения слова.

Значимой и необходимой в этой связи представляется разработка не имеющей аналогов в лексикографической практике концепции словаря звукосимволической лексики русского литературного языка, основанного на экспериментальных данных.

Обозначенная цель требует решения ряда задач: 1) формирование экспериментальной базы: отбор из нормативных толковых словарей современного русского литературного языка звукоизобразительных языковых единиц с опорой на выделенные в лингвистической науке критерии идентификации идеофонов; 2) разработка экспериментальных методик, направленных на актуализацию фонетического значения идеофонов в сознании испытуемых и позволяющих выявить в ассоциативном поле реакции, вербализующие денотативный, коннотативный и фоносемантический компоненты лексического значения экспрессем; 3) проведение экспериментов;

количественная и качественная обработка экспериментальных данных и создание модели лексикографического описания идеофонов с учетом иерархии денотативного, коннотативного и фоносемантического компонентов их смысловой структуры.

На первом этапе исследования методом сплошной выборки из нормативного толкового словаря (МАС) отбирались звукосимволические экспрессемы с опорой на структурные и семантические признаки идеофонов, такие как конкретность, образность, оценочность семантики, несоответствие звуковой оболочки слова нормам эвфонии русского языка (наличие в ней коннотативно маркированных звуков и звукосочетаний) и др.: *фифа* «*Прост. пренебр*. Пустая, легкомысленная девушка или молодая женщина, думающая только о развлечениях, нарядах и т.п.» [МАС 1999, т. IV: 658], *трущоба* «Бедная, грязная, тесно застроенная часть города, а также грязный, мрачный, разрушающийся дом, жилье» [МАС 1999, т. IV: 420]. Фоносемантическая экспрессивность языковых единиц верифицировалась с помощью электронной программы ВААЛ [Шалак 2001], направленной на эмоциональную оценку звучания слов: ***фифа*** */ плохой, сложный, шероховатый, темный, низменный, слабый, пассивный, тусклый, печальный*; ***трущоба*** */ страшный, шероховатый, темный, низменный, печальный*.

Экспериментальная серия с отобранными стимулами подразумевала проведение свободного ассоциативного эксперимента, обработку его результатов (подсчет количества разных реакций испытуемых по каждому стимулу), составление ассоциативного поля каждого слова-стимула (по убыванию частотности ассоциативных реакций). Полученные ассоциативные поля подвергались процедуре семантической интерпретации, которая состояла в выявлении отдельных значений, актуализируемых группами сходных ассоциативных реакций. На основе полученных данных были составлены предварительные словарные дефиниции. Дополнительный этап заключался в проведении направленных ассоциативных экспериментов по специальным методикам, ориентированным на ассоциативную актуализацию фонетического значения идеофона и максимальное «отвлечение внимания» от узуальной семантики стимула. Проиллюстрируем один из вариантов такой методики для стимульного слова *цаца* «*Прост. пренебр*. О том, кто важничает, требует к себе слишком большого внимания, кто доставляет много хлопот и забот» [МАС 1999, т. IV: 633] (ВААЛ: *плохой, угловатый, злой, низменный, слабый, хилый, маленький, грустный, быстрый, тусклый*): «Объясните значение слова *цаца*. Какой это человек? Добрый(ая) он(а) или злой(ая)? Веселый(ая) или грустный(ая)? Как он(а) выглядит (опишите особенности фигуры)? Высокого или низкого роста? Какое имеет телосложение (крепкое, мускулистое или слабое, субтильное)? Какие оттенки он(а) предпочитает в одежде: броские, яркие или тусклые, приглушенные?» В данном вопроснике сделан акцент не на предметно-понятийных компонентах семантики слова, представленных в словаре, а на признаках, входящих в объем его фонетического значения, подтвержденного программой ВААЛ. Задача эксперимента – получить максимально развернутое поле ассоциаций, навеянных звучанием слова. Ассоциаты данного типа были включены в объем словарной статьи под рубрикой «фоносемантический компонент».

Таким образом, структура словарной статьи основывается на толковании значения слова на базе экспериментальных данных и выделении денотативного, коннотативного и фоносемантического компонентов с раскрытием и конкретизацией каждого из них. К денотативному компоненту относятся оценочно нейтральные реакции, объективирующие предметно-понятийное значение слова, комплекс признаков, выделяющих данное явление в ряду других. К коннотативному компоненту принадлежат реакции, содержащие семы интенсивности, эмоциональности, оценочности, являющиеся дополнительными по отношению к денотату. Фоносемантический компонент представлен надстроечными по отношению к основному значению слова смыслами, часто не связанными с денотатом и (иногда) противоречащими ему (см. об этом [Ваулина 2019: 130]).

Основные направления практического использования словарного проекта включают в себя: 1) лингвистические исследования по фоносемантике; 2) суггестивная лингвистика: словарь позволяет учитывать при разработке текстов эмоциональное воздействие фонетической структуры отдельных слов на подсознание; 3) лингвистическая экспертиза: словарь позволяет оценивать уровень агрессивности лексики, используемой в тексте сообщения; 4) художественное творчество: оценка фоносемантического ореола используемой лексики для достижения эстетического эффекта; 5) преподавательская практика: при разработке вузовских курсов по фоносемантике, психолингвистике, лексикологии.

Литература

Бутакова Л.О. Материалы к ассоциативно-семантическому словарю жителей города Омска. Омск, 2012.

Ваулина И.А. Почему профан злой? Проект словаря фоносемантов // Уральский филологический вестник. 2019. Вып. 2 (28). С. 13-32.

Гольдин В.Е., Мартьянов А.О., Сдобнова А.П. Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. 2004.

Гуц Е.Н. Ассоциативный словарь подростка. Омск, 2004.

Леонтьев А.А. Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977.

Манликова М.Х. Ассоциативный словарь русской этнокультуроведческой лексики. Фрунзе, 1989.

Русский ассоциативный словарь: в 2-х т. / под ред. Ю.Н. Караулова. М., 2002.

Рудакова А.В., Коваленко С.В., Стернин И.А. Психолингвистический толковый словарь русского языка. Воронеж, 2018.

Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М., 1999.

Стернин И.А. К разработке психолингвистического толкового словаря // Вопросы психолингвистики. 2010. № 8.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Проблемы создания психолингвистического толкового словаря русского языка // Вопросы психолингвистики. 2012. № 2 (16).

Черкасова Г.А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь. М., 2008.

I.A. Vaulina (Ekaterinburg, Russia)
Ural State Pedagogical University
E.N. Ivanova (Ekaterinburg, Russia)
Ural State Pedagogical University

DRAFT DICTIONARY OF EXPRESSIVE WORDS (IDEOPHONES) OF THE MODERN RUSSIAN LITERARY LANGUAGE (ACCORDING TO THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS)

The article proposes a draft psycholinguistic dictionary of phonosemantically marked (sound-symbolic) vocabulary of the modern Russian literary language. The dictionary project is based on the data of an experimental series, which included free and directed associative experiments. The proposed principle of describing the material allows us to trace the severity of the denotative, connotative and phonosemantic components in the semantic structure of the word, as well as distinguish the nuclear and peripheral for native speakers of the seme.

Key words: linguistic consciousness, phonosemantic expressivity, psycholinguistic experiment, sound symbolism.

Е.Н. Гуц *(Омск, Россия)*
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
egoots@yandex.ru
Н.В. Орлова *(Омск, Россия)*
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
nvorl@rambler.ru

ДИСКУРСИВНЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ МОДЕЛИ ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОМ КОМЕДИЙНОМ ТЕЛЕСЕРИАЛЕ)

Образы персонажей современных телесериалов рассматриваются с точки зрения отражения в них социокультурной модели пожилого человека. Телесериал редуцирует модель, наделяя ее свойствами этносоциальной маркированности, определенности, относительной структурной простоты. Пожилой человек предстает в данной дискурсивной реализации в виде набора устойчивых стереотипов (бедный пенсионер, опека в семье, одинокая старость и др.).

Ключевые слова: социокультурная модель, дискурс, телесериал, стереотип, пожилой человек.

Активный интерес когнитивной лингвистики к описанию структур социальных знаний (когнитивных схем, когнитивных моделей, скриптов, стереотипов, образов и т.д.) привел к формированию внутри нее особого направления – социокогнитивной лингвистики. Исследования, проведенные в рамках данного направления, позволяют утверждать, что структуры социальных знаний существуют в коллективном сознании, выражаются в языке и дискурсах, могут быть

описаны на естественном и специальных языках. Заслуживает внимания трактовка социокультурной модели, предложенная О.К. Ирисхановой [Ирисханова 2014]. Свойствами модели, согласно ее концепции, являются: этнокультурная и историческая вариативность, структурная сложность в сочетании с удобством в использовании, разная степень определенности / неопределенности компонентов; частичная порождаемость в тексте, полимодальность как «способность реализовываться через разные семиотические системы и каналы восприятия и обработки информации» [Ирисханова 2014: 8]. В нашем исследовании будет сделан акцент на представлении подобной модели в дискурсе. Мы исходим из предположения, что «сериальная» репрезентация социокультурной модели актуализирует такие проявления перечисленных выше свойств, которые приближают ее к стереотипу в его традиционном понимании: «стандартизированный, устойчивый, эмоционально насыщенный, ценностно определенный образ, представление о социальном объекте» [СС 1999: 502-503].

Общая характеристика *социокультурной модели пожилой человек* (СМПЧ) представлена в настоящей статье как обобщение междисциплинарного научного контекста, а ее репрезентация в дискурсе телесериала является результатом проведенной авторами социолингвистической интерпретации.

Назовем свойства СМПЧ, какими они представляются в работах социологов, психологов, лингвистов, а также по данным словарей. Константа СМПЧ – ‘немолодой, начинает стареть, в возрасте около шестидесяти – семидесяти лет’ [СОШ 1999; БТСРЯ 2003]. За границами этого смысла фиксируются многочисленные этнокультурные и исторические варианты. Отмечается существование определенных различий в «опыте старения» разных этнических групп, утверждается, что старение различается у мужчин и женщин, причем у мужчин оно протекает по более благоприятному сценарию [Краснова, Лидерс 2002]. Имеются данные о конкретных социумах и этносоциумах. Так, M. Brever, V. Dull, L. Lui выделили в американском обществе конца прошлого века три субтипа пожилых – «бабушки», «пожилого государственного деятеля» и просто пожилого человека с признаками одиночества, слабости, тревожности [Brever, Dull, Lui 1981]. Относительно современной российской действительности, как правило, делаются выводы о двух противоположных качествах в образах пожилых – угасании функций всего организма и мудрости [Старикова 2011: 45-46]. Только пожилым россиянам приписывается агрессивное поведение в общественном транспорте [Дихотомия… 2006: 78].

СМПЧ характеризуется сложным устройством и высокой степенью неопределенности. По мнению Л.Б. Никитиной, ни один другой возраст «не отмечен таким разнообразием стереотипных оценок», которые распространяются «на физиологический, духовный, социальный, философский аспекты жизни» [Государство… 2019: 88]. Что касается неопределенности, то даже такой важный компонент СМПЧ, как хронология пожилого возраста, нечетко фиксируется или не фиксируется совсем – не случайно словари толкуют его, как правило, релятивно («не молодой»).

Любая социокультурная модель частично порождается в тексте, дискурсе, социальных коммуникациях. Особенность СМПЧ в том, что их влияние на эту модель имеет заметные негативные последствия. Как справедливо пишет М.М. Старикова, «дискурс социальных проблем зачастую становится их источником» [Старикова 2011: 43]. Телесериал имеет свойства медийного текста, среди которых – адаптация к массовому зрителю, структурирование, упрощение картины мира [Зарецкая 2013: 88-89].

Пожилой возраст имеет фенотипические проявления, что подразумевает существенную роль визуальной информации в СМПЧ. Она так же, как всякая другая в СМПЧ, сложно устроена, многовариантна, хотя имеет константу ‘морщины, седые волосы’ [Дихотомия… 2006: 78].

Перейдем к характеристике СМПЧ, реализованной в дискурсе российского комедийного сериала. Объектом исследования стали герои сериалов «Ивановы-Ивановы», 1-й сезон (2017) и «Домашний арест» (2018). Модели персонифицированы в них образами Виктора Алексеевича Иванова (далее – В.А.) и Клавдии Викторовны Сапрыкиной (далее – К.В.) соответственно.

Возраст героев – около 70 лет; оба неработающие пенсионеры. Социальный статус акцентируется, слово «пенсия» упоминается в контекстах, указывающих на небольшой размер и отсутствие других источников дохода. Социальные признаки героев указывают на «одну из самых бедных социальных групп на сегодняшний день» [Парфенова 2016: 83]. В.А. живет в семье, о нем заботятся, спасают жизнь; К.В. – вдова, которая своим невыносимым характером восстановила против себя соседей и в итоге оказывается никому не нужной. Очевидна редукция социальных, семейных ролей: бедный пенсионер, опека в семье, одинокая старость.

Сложность и неопределенность СМПЧ сведены к минимуму, транслируется небольшой набор наиболее устойчивых российских геронтологических стереотипов, частично гендерно маркированных. Четкая структурированность сериальных текстов приводит к тому, что герои оказываются в ситуациях, где они демонстрируют одни и те же речеповеденческие реакции. В мужском варианте СМПЧ представлен признаками, образующими такие отрицательные кластеры, как ‘бедность + плутовство + стремление присвоить «что плохо лежит»’, ‘любовь к выпивке + букет болезней’. Ярко выражен гендерный стереотип пожилого мужчины, который не признает старения («*Я еще о-го-го!*») и стремится к отношениям с женщинами. Вместе с тем В.А. имеет положительные свойства (уживчив, оптимистичен, обаятелен). В женском варианте СМПЧ практически лишена позитивных черт. К.В. не столько бедна, сколько прибедняется (*Икру мою сожрал! Коньяк выпил! У нищей старухи!*); имеет болезнь, о которой обычно не говорят вслух; ее личностные качества – недоброжелательность, агрессивность, корысть, любопытство. Столь же отчетливо, как в случае В.А., транслируется гендерный стереотип старения, прямо противоположный мужскому: отношения с противоположным полом у К.В. в прошлом. У обоих героев, хотя и не всерьез, молодые персонажи находят признаки старческого слабоумия («Маразм подкрался незаметно», жест «вертеть пальцем у виска»). Формами закрепления стереотипов являются речевые штампы, которые озвучивают герои (*нищая старуха* – о бедности неработающих пенсионеров*, езди-*

те с мигалками – о наглости богатых и власть имущих; *откуда у честного человека такие деньги?* – о ценах в супермаркете).

В рамках проведенного исследования не ставилась задача изучить воздействие телесериалов на СМПЧ. Отметим лишь, что один из проанализированных сериалов транслирует новый смысл в его составе. К.В. разбирается в современных телевизорах, функциях мобильных телефонов и использует эти знания и навыки в своих интересах. Таким образом «Домашний арест» коррелирует с современными (обучающими, рекламными и другими) дискурсивными практиками, изменяющими представления о пожилых как отставших от эпохи Интернета. В остальном, как уже было сказано, сериалы поддерживают и укрепляют устойчивые стереотипы.

Визуальная информация о героях каждого из сериалов укладывается в общую упрощенную версию СМПЧ. В.А. имеет неухоженный и нездоровый вид пьющего человека. Его одежда отвечает модели бедного пенсионера (дома – «треники», на улице – полотняная кепка, жилет с карманами; в богатом доме и новом статусе – махровый халат). Визуальный образ К.В. не вызывает симпатии, хотя она заботится о внешности: красит в яркий цвет волосы, одевается аккуратно, носит сережки и цепочку. На лице К.В. зритель видит гротескные гримасы вражды или неестественного, преувеличенного умиления.

Итак, репрезентация социокультурной модели пожилого человека в формате российского комедийного телесериала редуцирует данную структуру представления социального опыта, представляя ее в виде набора наиболее устойчивых стереотипов, частично организованного в кластеры.

Литература

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2003.

Государство – общество – личность: способы речевого взаимодействия / под ред. Л.О. Бутаковой, Н.В. Орловой. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2019.

Дихотомия геронтологической ситуации в современной России: эксклюзия – инклюзия / под ред. М.Э. Елютиной. Саратов: Саратовский гос. техн. ун-т, 2006.

Зарецкая А.Н. Картина мира телесериала через призму когнитивной лингвистики // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2013. № 24 (315). Вып. 82. С. 88-90.

Ирисханова О.К. Социокогнитивная лингвистика: структуры социальных знаний и проблемы их описания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 4 (041). С. 5-17.

Краснова О.В., Лидерс А.Г. Социальная психология старения. М.: Академия, 2002.

Парфенова О.А. Позиционирование пожилых граждан как уязвимой группы в современной России: официальный и общественный дискурсы // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 12. 2016. Вып. 1. С. 79-87.

СС – Социологический словарь. 1999. С. 502-503.

СОШ – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999.

Старикова М.М. Стереотипы старости и старения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. № 2 (22). С. 43-50.

Brewer M.B., Dull V., Lui L. Perceptions of the elderly: Stereotypes as prototypes // Journal of Personality and Social Psychology. 1981. № 41 (4). P. 656-670.

E.N. Guts (Omsk, Russia)
Omsk State University named after F.M. Dostoevsky
N.V. Orlova (Omsk, Russia)
Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

DISCOURSIVE SOCIAL-CULTURAL REALIZATIONS MODELS (ON THE MATERIAL OF THE ELDERLY PERSONAL MODEL IN THE RUSSIAN COMEDY TV SERIES)

The images of the characters of modern television series are considered from the point of view of reflecting in them the sociocultural model of an elderly person. The television series reduces the model, endowing it with the properties of ethnosocial marking, certainty, and relative structural simplicity. An elderly person appears in this discursive implementation in the form of a set of stable stereotypes (poor pensioner, guardianship in the family, lonely old age, etc.).

Key words: sociocultural model, discourse, television series, stereotype, elderly person.

О.А. Димитриева *(Чебоксары, Россия)*
Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева
olgaal_79@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СИТУАЦИИ *ВИНОПИТИЯ* В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА «ЛЮБОВЬ К ТРЕМ ЦУКЕРБРИНАМ»

В статье рассматриваются некоторые особенности представления ситуации *винопития*в романе В.О. Пелевина «Любовь к трем цукербринам» (2014), ее индивидуально-авторская интерпретация и оценка. Образ виртуального шампанского как «гипнопродукта» обладает качественными (физически ощутимыми) характеристиками шампанского реального, такими как цвет, игристость, ассоциации с праздничным настроением.

Ключевые слова: концептуализация, интерпретация, дискурсивная интерпретация, индивидуально-авторская картина мира, национальный характер.

Вводные замечания. «Интерпретация мира и знаний о мире» представлены, как отмечает Н.Н. Болдырев, в первичной и вторичной языковой интерпретации мира [Болдырев 2015: 8]. Е.Г. Беляевская пишет о значимости «ступенчатой интерпретации мира в дискурсе», т.н. дискурсивной (дискурсной) интер-

претации, которая «направлена на конструирование предмета сообщения таким образом, чтобы в нем отражалось некоторое заданное индивидуальное мировидение, содержащее индивидуально-авторскую оценку <…>» [Беляевская 2016а: 14] (см. также [Беляевская 2016б]). Каждый автор имеет свой арсенал языковых средств репрезентации того или иного явления действительности, а также «свои пристрастия и предпочтения в употреблении некоторых слов», т.е. «единиц, принадлежащих идиолекту и характеризующих идиостиль писателя» [Караулов 2001: 362].

В нарративе ситуация винопития часто осмысливается как фоновая (в том смысле, что не является «элементом нарратива, который продвигает сюжет» или «является ключевым и неожиданным», т.е. «планом выдвижения (foregrounding)», в большинстве случаев, как кажется, это «относительно предсказуемые фрагменты повествования», т.е. фон (backgrounding) [Ирисханова 2013: 20]). Ситуация винопития – это часть быта, а «быт – это вещи, которые окружают нас, наши привычки и каждодневное поведение» [Лотман 1994: 10]. «Вещи навязывают нам манеру поведения, поскольку создают вокруг себя определенный культурный контекст» [Там же: 12]. Особенностью характеристики винопития в массовой литературе как путеводителе по современности, например, в ироническом детективе Дарьи Донцовой, является широкое употребление медицинской терминологии (*(хронический) алкоголизм, психология алкоголика, генетика* и др.), введение в произведение широко известных напитков, вакхических поговорок и стереотипов (в т.ч. гендерных – к примеру, *пивное брюшко* у мужчин) [Димитриева 2018]. Одна из «вакхических» черт романа В. Пелевина – это виртуальное винопитие.

Особенности репрезентации виртуального винопития. М.А. Черняк, характеризуя роман В. Пелевина «Generation “П”», пишет о теме власти масс-медиа над человеком и об «идее утраты индивидуального субъективного мира» в «образах оцифрованных людей» [Черняк 2005: 42]. «Взгляды писателя, – отмечает О. Порутчик, – во многом ориентированы на религию и философию Востока <…> бытие человека – лишь иллюзия, несовершенная копия мира идеального, скрытого от неподготовленного взора» [Порутчик 2008: 51-52]. Для того чтобы перенести предмет в виртуальную реальность, необходимо определить ряд основных его свойств и атрибутов. «Психический образ в единстве его визуальных, вербальных, тактильных, слуховых и т.д. форм репрезентации, – пишет В.Ф. Петренко, – является модельным отображением объектного мира, изоморфным в его топике и метрике» [Петренко 2005: 42]. Рассмотрим реакции на стимул *шампанское* в [РАС], всего выделяются 47 реакций: *советское* (12), *вино* (10), *игристое* (9), *праздник* (6), *вкусное*, *Новый год*, *сладкое* (4), *брызги*, *пить*, *сухое*, *шипучее* (3), *бокал, бутылка, итальянское, напиток, французское* (2) и др., т.е. на первом месте стоит марка вина (*советское*); далее – отнесенность его к виду алкогольного напитка; качественные (вкусовые) характеристики (*игристое, вкусное, сладкое, сухое, шипучее, брызги*), темпоральная обусловленность (*Новый год, праздник*), емкость (*бокал, бутылка*), место производства (*итальянское, французское*). Приведем фрагмент из романа «Любовь к трем цукербринам»:

Кеша не мог больше сдерживаться. ***В нем осталось только шипящее счастье, переполнившее его, как пена – свежеоткупоренную шампанскую бутыль****... Ох, лучше бы он этого не думал. Или, вернее, не артикулировал мысль (он даже не заметил, как это случилось). Лицо сестрички закрыл трехмерный поп-ап. Заплескалось* ***море****, по которому плыла белая быстрая* ***яхта****. На задней палубе в шезлонгах сидели* ***веселые загорелые люди*** *– и* ***пили шампанское****. Яхта пронеслась мимо, море стало меркнуть, и перед Кешей зажглась огромная надпись: LA VEUVE CLICOT! До Счастие Нидалико! <…> Поп-ап начал наконец растворяться – на нем остались только слова «La Veuve Clicot» и прайс-тэг с ценами:* ***«разовое администрирование»*** *и* ***«недельный цикл» со скидкой****. Теперь главное было случайно не кивнуть, и Кеша замер, как питон в джунглях <…>*

Ну кому хочется, чтобы ***шампанское «администрировали»****? Его должны* ***наливать в бокал****. Или хотя бы делать вид, что наливают... Впрочем, за отдельную плату устроят. Но это будет такое же точно вранье. Шампанское сегодня –* ***гипнопродукт****,* ***кисло-сладкая пузырящаяся щекотка в горле****,* ***длящаяся пару-тройку секунд*** *и вновь оставляющая потребителя наедине со своим ужасом. И хоть это гарантированно та самая* ***кислая сладость****, которая раньше разносилась официантами в пузатых бутылках,* ***чего-то самого главного в переживании все равно не хватает****. Хотя бы, например, возможности взять бутылку за горлышко и дать ею кому-нибудь по башке. Нет, такой оргазм испортить... Кеша горестно уронил голову, и тут же* ***в горле у него сладко запузырилось****. Оказывается, табло с ценами на шампанское еще не успело полностью погаснуть – и значит, по закону могло реагировать на* ***шейный клик****. К счастью, этим кивком он купил только одну дозу.*

Перцептивный образ виртуального шампанского включает в себя следующие качественные характеристики, делающие его почти настоящим: визуально-слуховые (*шипящее, пузырящаяся*), вкусовые, осязательные (*кисло-сладкая, кислая сладость, сладко запузырилось, шампанская углекислота*). В другом фрагменте романа приводится цветовой образ: *Бокал исчез, и осталась одна зеркальная девушка – со счастливой улыбкой она касалась струн, и с них слетали* ***золотые маленькие птички****. Птичек делалось все больше и больше, а потом их набралось так много, что они заполнили собой все пространство – и превратились в* ***пузырьки золотой шампанской пены****.* Отнесенность напитка к празднику, хорошему настроению, счастью передается через визуальные образы (*море, белая яхта, веселые загорелые люди* или в другом фрагменте – *сидящая за арфой девушка в белом платье*). Процесс пития максимально акцентирован на вкусовых ощущениях. В некоторых случаях используется глагол в безличном употреблении, что свидетельствует о смене активного, действующего субъекта субъектом пассивно воспринимающим, бездеятельным (*в горле запузырилось*; *тут же ощутил во рту кисло-сладкое бульканье*) или роль актанта начинает выполнять напиток (*забулькал; запузырился успокаивающий сидр; сознание залил шипучий, побулькивающий, покалывающий покой*). Пассивность поглощающего напиток человека также эксплицируется через сравнение с реальными (активными) условиями употребления: *Хотя бы, например, возможности взять бутылку за горлышко и дать ею кому-нибудь по башке.*

Состояние передается словом категории состояния *пузыристо*: *У него давно не было* ***так легко*** *и* ***пузыристо на душе***.

Процесс выпивания бокала шампанского, который, как правило, включает в себя программу из нескольких действий: приобретения, наливания и выпивания – заменяется одним словом *администрировать* (от англ. administer – управлять, распоряжаться, совершать), который физически совершается кивком головы (*шейный клик*), что для системы означает согласие (*разовое администрирование*) и получает одну дозу за sharing points.

При передаче ощущений автор не раз прибегает к ассоциациям, связанным с восприятием шампанского. Так, в романе «iPhuck 10» описываются ощущения от работы устройства iPhuck: *Благодаря этой невесомой полоске металла* ***переживания*** *в огментированной реальности становятся* ***приятно-пузырящимися*** *– словно на ваш разгоряченный мозг* ***льют холодное шампанское*** *– и абсолютно, стопроцентно реальными. Не просто правдоподобными, а именно реальными*.

Выводы. Коллективное и ироническое винопитие в романе В. Пелевина заменяется на индивидуальное (в некоторых случаях – виртуальное) и перцептивно акцентированное.

Ощущения героя передаются посредством их метафорического осмысления, а также с помощью подробной экспликации их оттенков, в которых задействуется «психический образ» предмета в единстве всех присущих ему перцепций и вербальных представлений.

Выход в другой (в нашем случае – виртуальный) мир винопития происходит через соглашение с условиями, или *администрированием (разовым / недельным)*.

Литература

Беляевская Е.Г. Интерпретация знаний о мире в языке и ее основные типы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016а. № 13 (752). С. 9-17.

Беляевская Е.Г. Дискурсивная интерпретация знаний о мире в языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016б. № 19 (758). С. 18-27.

Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1 (42). С. 5-12.

Димитриева О.А. «Поэтика пьянства» в массовой литературе (на примере иронического детектива Дарьи Донцовой) // Научный диалог. 2018. № 11. С. 22-36. Doi: 10.24224/2227-1295-2018-11-22-36.

Ирисханова О.К. О распределении внимания в нарративных текстах: анализ рассказа Дж. Апдайка “Daughter, last glimpses of” // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. № 17 (677). С. 18-36.

Караулов Ю.Н. С позиции рецептивной языковой личности (Идиоглосса в структуре текста и в восприятии читателя) // Слово Достоевского. 2000: сборник статей. М.: Азбуковник, 2001. С. 362-383.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 1994.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2005.

Порутчик О.А. Мир как иллюзия в произведениях Виктора Пелевина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2008. № 1. С. 51-55.

РАС – Русский ассоциативный словарь. URL: http://www.tesaurus.ru/dict (дата обращения: 10.01.2020).

Черняк М.А. Феномен массовой литературы XX века. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005.

O.A. Dimitrieva (Cheboksary, Russia)
Chuvash State Pedagogical University
named after I. Yakovlev

FEATURES OF INTERPRETATION OF THE WINE DRINKING SITUATION IN THE NOVEL OF V. PELEVIN "LOVE FOR THREE ZUKBERBRINS"

The article discusses some features of the presentation of the situation of wine drinking in the novel by V.O. Pelevin's "Love for Three Zuckerbrines" (2014), its individual author's interpretation and assessment. The image of virtual champagne as a "hypnotic product" has the qualitative (physically tangible) characteristics of real champagne, such as colour, sparkling, associations with a festive mood.

Key words: conceptualization, interpretation, discursive interpretation, individual author's worldview, national character.

П.С. Дронов *(Москва, Россия)*
Институт языкознания РАН
dronov@iling-ran.ru

РУССКИЕ ЭМОТИВНЫЕ ИДИОМЫ С СОМАТИЗМОМ *ГЛАЗ*: ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ[1]

В докладе рассматриваются русские идиомы с компонентом *глаз*, обозначающие эмоции. Эмоции, обозначаемые идиомами с компонентом *глаз*, как правило, имплицитны, они угадываются через внешние проявления. Употребление данных идиом и их возможные трансформации обусловлены их фразеологическим значением.

Ключевые слова: идиомы, эмоции, соматизмы, фразеологическое значение, употребление.

В образной составляющей любой идиомы (по крайней мере, типа VP + NP) заложен субъект (как правило, человек), производящий некое движение в некоем пространстве. Кроме того, очевидно, что, осознанные и неосознанные движения тела, жесты являются индикаторами эмоций. По этим двум причи-

[1] Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00736 А

нам фразеологию, особенно, фразеологию эмотивную, можно свести к пространству, телу, жесту. Основными типами соматизмов, представленных во фразеологии, являются: тело как таковое; части тела (*голова, рука*); части частей тела (*нос, палец*); органы (*сердце, мозг*); кости; телесные жидкости (*кровь, моча*); отверстия (*рот, ноздря*); определенные участки или места (*макушка, брюхо*); покровы (волосяной, кожный, роговой, т.е. *ногти*); чужеродные образования (например, *соль* в *сыпать соль на раны*) [Козеренко, Крейдлин 2011: 59]. В данной статье рассматриваются эмотивные идиомы с компонентом *глаз*.

Как показывает анализ материала, таких идиом не так много. Прежде всего, компонент *глаз* появляется в идиомах, обозначающих заинтересованность (ср. базовую эмоцию «интерес – возбуждение» по К. Изарду [Изард 2000]):

Положить / реже — класть глаз кто на кого-л. / что-л. ‘обратить особое внимание; заприметить, остановить свой выбор. *Имеется в виду*, что лицо (X) желает завести близкие отношения с другим лицом (Y), очень хочет заполучить что-л. понравившееся (Z)’ [БФС 2006: 551], *глаз не оторвать (от чего-л. / кого-л.)* [Тезаурус 2007]. Обе идиомы имплицитно указывают на заинтересованность; это особенно хорошо объяснено в зоне толкования первой идиомы, приведенной выше. Вторая идиома, *глаз не оторвать* (ср. также *глаз не отвести*), как правило, представлена в форме P – *глаз не оторвать / отвести*. Очевидна связь с номинацией жеста *не отрывать глаз* ‘пристально и долго смотреть’ [ФСРЛЯ 2008: 450]. Иначе говоря, констатируется, что некто или нечто обладает некими особыми свойствами (например, красотой, изяществом), которые заставляют на него смотреть, любоваться им. Ср.:

(1) **a.** В последующей маминой любви к младшей дочери всегда присутствовала доля раскаяния за то, что она этого ребенка не хотела. *Девочка получилась – глаз не оторвать* (Зинаида Синявская. Пазлы // «Сибирские огни», 2013; НКРЯ). **b.** Внешность ее не была такой броской, как у моей матери или сестры Дины, тех за километр видно, что красавицы. К Любе надо было присмотреться, *но когда присмотришься, приглядишься, то уж глаз не оторвешь и из сердца не выкинешь*, ну а насчет образованности – круглая пятерочница, утешение для педагогов и спасение для двоечников: давала им списывать (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977); НКРЯ).

Особенности употребления обеих идиом обусловлены их фразеологическим значением: совершенный вид глагольного компонента идиомы *положить глаз* (или, с эмфатической инверсией, *глаз положить*) объясняется тем, что идиома указывает на результат: X уже заинтересовался Y, обратил на нее / него внимание; в то же время *класть глаз* указывает на регулярность, повторяемость:

(2) Даме, принятой в компанию, не полагалось ломаться, если на нее *клали глаз*. Делалось это не вульгарно (Юрий Нагибин. Другая жизнь (1990–1995); НКРЯ).

Идиома *глаз не оторвать* является эксплицитно-негативной (по [Баранов, Юшманова 2000]), т.е. опущение частицы *не* (наподобие **глаз оторвать*) почти всегда оказывается игровым. То же можно сказать о *глаз не*

отвести, но по несколько иной причине: опущение *не* приводит к изменению и формы, и значения (номинация жеста *отвести глаза* / *взгляд*).

Еще одна идиома с компонентом *глаз* обозначает удивление или искренность, т.е. отсутствие противоречий между реальными чувствами и намерениями говорящего и их словесным выражением: *лопни мои глаза*; в [АСРФ 2015] образная составляющая поясняется следующим образом: '*в форме сообщения о готовности понести ущерб от самоуничтожения органов зрения, если он неискренен в своих высказываниях* <…> *в форме сообщения о готовности понести ущерб от самоуничтожения органов зрения, если он неправильно понял то, что увидел*' [АСРФ 2015: 144]. При выражении искренности идиома часто употребляется как речевая формула с вопросно-ответной структурой: – P? – *Лопни мои глаза, если не* P!

Экспрессивная образная составляющая способствует игровому и метаязыковому употреблению:

(3) **a.** Никто ничего не видел! – *Да лопни глаза наши, Ваше велич*… – Вот именно: они запросто могут лопнуть. А языки могут запросто быть укорочены (Георгий Полонский. Не покидай (1998); НКРЯ). **b.** А мы из горлышка. Чисто эстетически. У меня *чуть не лопнули глаза* (где-то я встречал такую божбу: «*лопни мои глаза*»), но все-таки я остался при глазах, а в желудке разразился новый пожар (Павел Мейлахс. Отступник // «Звезда», 2002; НКРЯ).

В примере (3a) в угрозе короля *глаза запросто могут лопнуть* обыгрывается образ в основе фразеологизма. Это вызывает эффект двойной актуализации. В (3b) речь идет о воздействии крепкого алкогольного напитка на организм, а идиома *лопни мои глаза* упоминается лишь в дополнение к авторской метафоре (*чуть не лопнули глаза* обнаруживает известное сходство с идиомой *вырви глаз* в значении 'о чем-либо очень крепком и кислом' [ФСРЛЯ 2008: 120]).

Еще одна идиома с компонентом *глаз* обозначает раздражение: *мозолить глаза кому*, *намозолить глаза кому* '1. Предельно надоедать, досаждать своим присутствием. 2. чем. Не давать покоя, надоедать попреками, жалобами, пустыми, нудными разговорами и т.п.' [ФСРЛЯ 2008: 376]. Образная составляющая может быть объяснена следующим образом: раздражитель постоянно находится в чьем-либо поле зрения и приносит ему этим физические страдания, причем последние уподобляются трению, ведущему к появлению мозоли. Любое эмоциональное состояние имеет начало и конец, может прекратиться или вовсе не начинаться; поэтому неудивительно, что идиома *мозолить глаза* допускает ввод отрицания (4).

(4) И я был рад, когда прочитал в рецензии: «Утесов рисовал тип Сонькина искренне. Его Сонькин *не мозолил глаз* холодностью фотографического снимка. Артист все время старался в свою игру вложить нечто, что могло бы идеализировать Сонькина и смягчить грубо реальные краски авторского рисунка. Это ему в значительной мере и удавалось. Особенно хорош был Утесов в третьем и четвертом актах…» (Леонид Утесов. «Спасибо, сердце!» (1982); НКРЯ).

Подобным же образом, через физическое страдание и причинение ущерба органам зрения, осмысляется отвращение и омерзение в идиоме *вырви глаз* 'об излишне ярком изображении, вызывающем дискомфорт или отвращение'. Это значение пока не отражено в словарях, но широко представлено в корпусе (5) и речевом общении Интернета, в том числе в виде деривата *вырвиглазный*.

(5) Нет ничего удивительного в том, что и ландшафтное оформление парадного входа в дом идет вразрез с общепринятыми стандартами украшения жилищ наших нуворишей, – здесь нет ни пышных клумб с цветами окраски «вырви глаз», ни запредельно дорогостоящих «японских» бонсаев (Юлия Галактионова. Идеальный вариант // «Ландшафтный дизайн», 2003.01.15; НКРЯ).

В целом, эмоциональная семантика представлена всего в нескольких идиомах с компонентом *глаз*. Эти эмоции (состояния и отношения), как правило, имплицитны, они угадываются через внешние проявления, будь то долгий взгляд (*глаз не оторвать*) или экспрессивно выражаемая готовность лишиться глаза (*лопни мои глаза*). При этом употребление данных идиом и возможные их трансформации обусловлены их фразеологическим значением (фактически, по Л. Витгенштейну). Обращает на себя внимание то, что у одной из идиом с компонентом *глаз* появляется эмотивное значение, пока не зафиксированное в словаре.

Литература

АСРФ – *Баранов А.Н., Вознесенская М.М., Добровольский Д.О., Киселева К.Л., Козеренко А.Д.* Академический словарь русской фразеологии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Лексрус, 2015.

Баранов А.Н., Юшманова С.И. Отрицание в идиомах: семантико-синтаксические ограничения // Вопросы языкознания. 2000. № 1. С. 46-65.

БФС – *Брилева И.С., Гудков Д.Б., Зыкова И.В., Кабакова С.В., Ковшова М.Л., Красных В.В., Телия В.Н.* Большой фразеологический словарь / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс, 2006.

Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2000.

Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е. Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела // Вопросы языкознания. 2011. № 6. С. 54-66.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: http://ruscorpora.ru/.

Тезаурус – Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007.

ФСРЛЯ – *Федоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008.

P.S. Dronov (Moscow, Russia)
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

RUSSIAN EMOTIVE IDIOMS WITH THE CONSTITUENT GLAZ ‘EYE’: ASPECTS OF USAGE

The paper deals with Russian emotive idioms with the constituent glaz ‘eye’. The emotions denoted by these idioms tend to be implicit, guessed through and indicated by external manifestations. Their actual usage and possible transformations are determined by their figurative meanings.

Key words: idioms, emotions, somatic constituents, figurative meaning, actual usage.

Е.В. Ерофеева *(Пермь, Россия)*
Пермский государственный национальный исследовательский университет
elenerofee@gmail.com
Т.Е. Петрова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный университет
t.e.petrowa@spbu.edu
А.И. Алексеев *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный университет
alekseev.ai@talantiuspeh.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ СТРУКТУРЫ ПОНЯТИЯ «ТЕХНОПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО»[1]

В статье на материале анализа ассоциативного поля и обыденных толкований слова рассматривается вариативность структуры понятия «технопредпринимательство» в зависимости от социальных параметров информантов молодого возраста. Показано, что в понятии могут быть выделены ядерные признаки, которые актуализируются в разной степени в зависимости от сферы интересов информантов.

Ключевые слова: языковое сознание, обыденное понятие, толкование слова, структура понятия, социальная вариативность, неоднозначность.

Введение. Последние годы ведутся активные обсуждения вопроса о сходствах и различиях между «словарным» («лексикографическим») и «психолингвистическим» значением слова, которое соотносится с обыденным понятием, стоящим за словом [Залевская 2005; Стернин 2010; Стернин, Рудакова 2011; Гольдин 2009 и др.]. Принято считать, что «психолингвистическое значение обычно шире и объемней, нежели его лексикографический коррелят (который, как правило, целиком входит в психолингвистическое значение, хотя его компоненты могут занимать в психолингвистическом значении разное место по яркости)» [Стернин, Рудакова 2011: 100]. В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова отмечают, что целесообразнее говорить о функциональном соответствии между системным и психолингвистическим значением, когда «системное значение рассматривается сквозь призму психолингвистического, психолингвистическое – сквозь призму системного, те и другие соотносятся с корпусными данными, а основная цель анализа – найти возможные линии взаимосвязи между этими тремя сущностями» [Гольдин, Сдобнова 2014: 57]. Проводятся попытки на примере различных стимулов выявить соответствия между словарными толкованиями слов, ассоциативными полями различных стимулов и корпусными данными [Там же].

Остается открытым вопрос о том, что делать с понятиями, для которых в словарях не представлено «лексикографическое» значение? Как определять эти понятия? И можно ли с помощью психолингвистических методов, опираясь на строение и состояние ассоциативно-вербальной сети, определить содержание и

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-00-00640 «Закономерности обработки лингвистической информации в ситуации многозначности: процессы активации и выбора вариантов значений»

объем того или иного понятия? И будет ли это содержание зависеть от социокультурных факторов?

Предмет, материал и методы исследования. Предмет исследования – структура понятия «технопредпринимательство» и ее социальная вариативность в языковом сознании молодежи. Впервые термин *технопредпринимательство* появился в 1970 г., когда состоялся Первый симпозиум по технологическому предпринимательству в университете Пердью в США. Наиболее принятым определением этого понятия считается определение Тони Байлетти: «Технологическое предпринимательство – это инвестиции в проект, который разрабатывается и реализуется специализированными частными лицами с использованием различных активов в целях создания и роста стоимости компании» [Bailetti 2012]. Четкого определения данного понятия в русском языке до сих пор не существует, хотя термин активно используется в последнее время, особенно в сфере образования. В Национальном корпусе русского языка данный термин не представлен.

Информанты – 80 воспитанников Образовательного центра «Сириус» (г. Сочи) от 15 до 17 лет; выборка информантов сбалансирована по полу и направлениям обучения в ОЦ «Сириус» (сферам интересов): искусство, лингвистика, наука, спорт.

Методы исследования: наивное (обыденное) толкование слова, свободный ассоциативный эксперимент. Информантам предлагалось назвать 5–6 ассоциаций, связанных со словом *технопредпринимательство*, дать толкование этого понятия, предположить, чем может заниматься технопредприниматель, привести конкретные примеры из жизни и ответить на вопрос, где они с этим словом встречались.

Методы анализа: семантический анализ, статистический анализ.

Анализ ассоциативных полей. Сравнивалось общее количество ассоциативных реакций и количество разных реакций, представленных в ответах разных социальных групп (см. табл. 1).

Таблица 1. **Параметры ассоциативных полей разных социальных групп**

Социальный фактор		**Параметры ассоциативного поля**		
		Количество ассоциативных реакций, абс.	Количество разных реакций, абс.	Плотность поля
Пол	Женский	199	104	1,9
	Мужской	200	112	1,7
Направление	Искусство	97	60	1,6
	Лингвистика	104	66	1,6
	Наука	97	54	1,8
	Спорт	95	46	2,1

Плотность выборки (отношение общего количества реакций к количеству разных реакций) показывает, насколько единообразно отвечают информанты той или иной социальной группы. Чем выше плотность, тем больше сходства имеют ответы информантов. Как показывает таблица 1, представители группы «спорт» дают более типичные реакции на слово

«технопредпринимательство»; в языковом сознании представителей направлений «искусство» и «лингвистика» этот термин представлен большим числом разных ассоциаций.

Качественно ассоциации представителей разных направлений также отличаются (см. табл. 2).

Таблица 2. **Неединичные ассоциативные реакции информантов разных направлений**

Направления							
Искусство		**Лингвистика**		**Наука**		**Спорт**	
Реакции	f	Реакции	f	Реакции	f	Реакции	f
Технология	9	Бизнес	11	Техника	14	Предприни-мательство	14
Техника	8	Техника	9	Предприни-мательство	10	Техника	14
Инновация	6	Деньги	6	Бизнес	9	Наука	6
Наука	6	Наука	5	Технология	6	Технология	5
Предприни-мательство	5	Завод	4	Деньги	2	Бизнес	5
Прибыль	3	Технология	3	Завод	2	Рынок	2
Развитие	3	Прогресс	3	Инженер	2	Работа	2
Будущее	2	Робот	3	Лес	2	Информатика	2
Деньги	2	Предпри-ниматель-ство	3	Машина	2	Инновации	2
Робот	2	Машина	2			Роботы	2
		Разработка	2			Экономика	2
		Экономика	2			Заработок	2
		Оборудова-ние	2			Машины	2
		Станок	2			Деньги	2
		Новшество	2			Компьютер	2
		Современ-ность	2				

Анализ толкований. Анализ длины толкований термина *технопредпринимательство* показал, что девушки, независимо от сферы интересов, более многословны, чем молодые люди: средняя длина предложений в их ответах 6,6 слов, в то время как у юношей только 5,2 слова. Из всех направлений наиболее развернутые определения дают лингвисты (в среднем – 7,5 слова); меньше всего слов используют представители направления «искусство» (5,9).

В толкованиях изучаемого понятия были проанализированы реализации следующих семантических признаков: бизнес, техника, новое, технология, производство, наука, компьютер, информация, человек. В таблице 3 представлены частоты актуализации данных семантических признаков в толкованиях представителей разных направлений.

Таблица 3. **Актуальность семантических признаков для разных социальных групп, абс.**

Семантический признак	Искусство	Лингвистика	Наука	Спорт
Бизнес	15	15	13	13
Техника	8	9	9	9
Новое	9	7	3	5
Технология	7	6	5	5
Производство	1	4	3	4
Наука	0	1	1	0
Компьютер	1	1	0	0
Информация	0	0	0	1
Человек	2	0	0	1

Таблица показывает, что для всех информантов наиболее значимыми оказываются признаки «бизнес» (1 ранг) и «техника» (2 ранг). Однако в ответах информантов из группы «искусство» признак «новое» оказался частотнее, чем признак «техника».

Теснота связи между ответами разных социальных групп рассчитывалась с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Расчеты показывают, что значимо близки между собой толкования групп «наука» и «лингвистика», а также групп «наука» и «спорт». Остальные группы не показали существенной корреляции в ответах.

Выводы. Анализ ассоциативных рядов и толкований слова «технопредпринимательство» показал, что в разных социальных группах наблюдается вариативность структуры значения данного понятия, однако выделяются ядерные признаки понятия, на основе которых можно предложить следующее определение термина, актуальное для языкового сознания молодых носителей русского языка: технопредпринимательство – это сфера деятельности человека, связанная с практическим применением существующих научно-технических знаний и с разработкой новых компьютерно-информационных технологий для последующего получения прибыли. Это определение включает в себя все 9 семантических полей, которые так или иначе представлены в ответах молодежи.

Вариативность структуры понятия заключается в разной степени актуализации разных признаков разными социальными группами, разной детализации его описания и связанностью с разными другими понятиями в ассоциативной сети.

Прикладная задача подобного рода исследований состоит в необходимости создания словарей новых терминов и понятий и разработкой формата словарной статьи с учетом социальных факторов.

Литература

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М., 2005. 543 с.

Гольдин В.Е. К проблеме противоречий между данными толковых и ассоциативных словарей // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка. Саратов, 2009. С. 247-256.

Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. «Словарное» и «психолингвистическое» представление значений: поиски соответствий // Вопросы психолингвистики. 2014. № 4 (22). С. 56-67.

Стернин И.А. К разработке психолингвистического толкового словаря // Вопросы психолингвистики. 2010. № 2 (12). С. 57-63.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Воронеж, 2011. 192 с.

Bailetti T. Technology Entrepreneurship: Overview, Definition, and Distinctive Aspects // Technology Innovation Management Review. 2012. Vol. 2. № 2. P. 5-12.

E.V. Erofeeva (Perm, Russia)
Perm State University
T.E. Petrova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University
A.I. Alekseev (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

SOCIAL VARIABILITY OF THE CONCEPT "TECHNOLOGICAL ENTREPRENEURSHIP"

The paper examines the associative field and conventional interpretations of the concept "technological entrepreneurship". The results demonstrate that a structure of the concept depends on the social parameters of young people. Key features of the concept can be distinguished. These features can be actualized to varying degrees depending on the sphere of interests of the informants.

Key words: linguistic consciousness, conventional concept, interpretation of a word, concept structure, social variability, ambiguity.

Н.И. Коновалова (*Екатеринбург, Россия)*
Уральский государственный педагогический университет
sakralist@mail.ru

ГАДАНИЕ КАК МНОГОКОДОВЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ТЕКСТ

В статье в этнолингвистическом аспекте анализируется один из наиболее востребованных обрядов традиционной народной культуры – гадание, который рассматривается как культурный текст, не ограниченный вербальной составляющей. Выявляются когнитивные механизмы, создающие синкретизм реального и воображаемого в народном сознании, приемы создания суггестивного эффекта текста гадания.

Ключевые слова: этнолингвистика, культурный текст, гадание, прагматика, когниция.

Современной лингвокультурологией, этно- и социолингвистикой и рядом других смежных с лингвистикой областей научного знания, непосредственно связанных с исследованиями текста, соединяющего пространства языка и культуры, востребованной является идея многокодовости культурного текста, в котором в качестве механизма смыслообразования выступает диалогическое

взаимоотношение кодов [Барт 2001; Лотман 2002]. Снятие с текста ограничений вербальными рамками характерно, в частности, для этнолингвистических исследований в русле школы Н.И. Толстого, объясняющего такой подход следующим образом: «Культура многоязычна в семиотическом смысле этого слова и нередко пользуется одновременно в одном тексте несколькими языками. В этом случае <…> под текстом понимается не последовательность написанных или произнесенных слов, а некая последовательность действий и обращения к предметам, имеющим символический смысл, и связанная с ними речевая последовательность» [Толстой 1995: 15-16]. К такого рода культурным текстам относится обряд гадания, который включает в себя:

а) вербальный код (например, подблюдные песни, обращения к потусторонним силам, ритуальные диалоги или ритуальное молчание, иносказания, метафоры – своеобразные символические «намеки», которые использовались для интерпретации будущих событий и т.п.;

б) акциональный код, в частности, игру, сопровождающую ритуал. В этом смысле условность и социальная ритуализованность фольклорного текста гадания вполне коррелирует с прагматикой набора сценариев, которые использует ребенок в своей игровой деятельности [Гридина 2012: 6-12];

в) хронотоп (понятие, введенное А.А. Ухтомским для объяснения характера поведения, которое «с точки зрения хронотопа <определяется тем, что в сознании человека> существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события» [Ухтомский 2002: 342].

В сферу прогностической обработки вовлекаются традиционные представления о семейном благополучии, судьбе, удаче. При этом наиболее устойчивыми являются следующие мотивы: гадание на суженого, верность / измена супруга, счастливая / несчастливая семейная жизнь, успех / неудача предстоящего дела, исполнение желания и т.п. Общей пресуппозицией для текстов гаданий является прогноз, основанный на практическом опыте, наблюдениях и сведении разных типовых ситуаций «к общему знаменателю»: к хорошему (*к добру, счастью, удаче, богатству, выздоровлению* и т.п.) или к плохому (*к худу, несчастью, болезни, неудаче* и т.п.). Синкретизм реального и воображаемого в народном сознании – феномен, объяснимый психологическими механизмами воображения, которое, как известно, «… порождает что-то новое, изменяет, преобразует то, что нам дано в восприятии. Это изменение <…> может выразиться, во-первых, в том, что человек, исходя из знаний и опираясь на опыт, вообразит <…> картину того, чего в действительности сам никогда не видел. <…> Воображение может, далее, предвосхищая будущее, создать образ, картину того, чего вообще не было. <…> Воображение может, наконец, совершить и такой отлет от действительности, который создает фантастическую картину, ярко отклоняющуюся от действительности. Но и в этом случае оно в какой-то мере отражает эту действительность… и в этой форме, отклоняющейся от действительности вплоть до фантастики, воображение не порывает вовсе с действительностью» [Рубинштейн 1999: 297].

Приведем некоторые примеры, иллюстрирующие многокодовость обряда гадания как культурного текста.

Вербальный код. Традиционными являются ассоциативные комплексы, которые формируются соответствующими текстами символического содержания, в частности – предсказания в ритуале гадания и подблюдных песнях как составляющих этого обряда. Ср., например, вариант бытования на Среднем Урале подблюдной «Уж я золото хороню, хороню»: *Уж я золото хороню, хороню, / Злато серебро прихораниваю, / У хозяйнушки медна батюшки, / У хозяйнушки во землянушке. / Покатилося колечушко, / Укатилося колечушко / Да не под гору, / А ко молодцу, добру молодцу. / Гадай, гадай, девица, / В каковой руке, / Гадай, гадай, девица, / В каковой руке былица. / Вечор, вечор молоденька / С подрядчиком игралася, / С пальца перстень покатился, / Укатился да не под гору, / А ко молодцу, добру молодцу, / Очутился перстень да у кузнеца Илюшечки, / – Ты кузнец, млад молодец, / Скуй ты мне злат венец, / Золотым венцом мне венчатися, / Мне каменьями украшатися. / Кому вынется – тому сбудется, / Не минуется* (Смолино, 2008). Полный вариант текста завершается припевом-закрепкой, композиционно сходным с зааминиванием в заговорах, однако заговорная закрепка функционально более нагружена, чем в подблюдной песне. В записях уральских гаданий закрепка часто опускается, структурно-семантическим ядром текста становится прогноз, и такая структурная неполнота снимается принятыми условиями ситуации исполнения подблюдной песни.

Акциональный код. Акциональная составляющая обряда гадания часто выполняет лишь функцию своеобразного «аккомпанемента» вербальной: *Кольса кладут в миску, закрывается платком и нащинаются петь писни, имать эти кольса и ворожить… Щищас вот и пуговки кладут. Она закрыват платком и нащинат так вот метать их. А скрозь платка-то она ловит. Вот ще она там поймат, песню-то споют и смотрят: щья там пуговка или щье кольсо и тому и песня эта выпала* [Востриков 2000, 3: 70].

Хронотоп. Гадания, как правило, имеют временную и локальную приуроченность: считалось, что наиболее «правильный» прогноз можно получить на святки (переломное время перехода от одного года к другому) – от кануна Рождества до крещенского водосвятия. Лучше всего гадать в так называемых «сакрально негарантированных» локусах: на перекрестке, в бане, у колодца, за оградой, у чужой поленницы и т.п. Приведем примеры различных гадательных практик, сохранившихся до сих пор на Урале:

Молодым деушкам всегда когда-то хотелося выйти замуж за богатого, и потому гаданья были многи связаны с тем, что бедный или богатый будет у ей будущий муж. Перед Крещеньем Святки называются, святы вечера. Накануне Рождества деушки брали мутовку, это така лопатка, которой замешивали тесто, квашню называли ее, и шли к колодцу. Если на стенках колодца был большой куржак, это уже была хороша примета, этой мутовкой они проводили по стенкам колодца и слушали, как куржак падат в воду, если с шумом, то жених будет богатый, а если куржака мало и шума нет или маленько шумит, то бедный (Смолино, 2018).

Интерпретация полученной информации осуществляется на основе существенных для адресата сообщения социальных, этнопсихологических, лингвокультурных и т.п. пресуппозиций: Типичным является гадание, основанное на принципе имитативной магии:

Девки на женихов гадали, ходили бросать каменья в воду, в колодец ли, в стоячу болотину: коли забурчит, то мужик будет воркотун. А мне кажется че там, если в болотину, дак всегда забурчит, да еще пузыри пойдут, страшно так: уф-уф! А в колодец бросать дак, можот, и правде че есь, кто дак и верит (Богданович, 2007).

Суггестивный эффект данного прогностического текста основан на звукоподражательных сближениях *бурчать* (о воде) – *ворчать* (о человеке), что соответствует традиционным гадательным тактикам.

В целом же суггестивность гадания определяется тем, что человек, который обращается к гаданиям, не ждет каких-то рационально-логических обоснований прогноза, априори верит интерпретации каждого знака, прогностический потенциал которого реализуется в опоре на самые общие социальные, культурные, бытовые и др. пресуппозиции: «девушка надеется выйти замуж», «слабый ждет помощи от сильного», «богатый боится потерять нажитое» и т.п.

Маркером суггестии текста, содержащего культурно значимую информацию, является не только форма языкового знака, но и семантический потенциал ритуала, в который включен вербальный текст. В этом смысле наиболее показательной является семантика такого гадания, когда даже профанный текст, лишенный каких-либо собственно языковых средств воздействия, обладает особой суггестивной силой, так как произносится в рамках ритуала. Каждый знак в нем имеет множественную интерпретацию, которая зависит от адресата сообщения (его «запроса», состояния, жизненных обстоятельств, воображения и т.п.), от исполнителя (его мотивов, компетенции, творческой фантазии и т.п.), от соотнесения с другими знаками и т.д.

Примером такого рода может служить гадание, основанное на принципе партиципативной магии, согласно которой принципиально различные связи предметов и явлений представляются в едином семантическом комплексе условной магической сопричастности:

Он там ложится, чтобы она с его сапоги сняла, а она сняла, дак черт его знает, в какой сапоге деньги-то. Если они не выпадут из сапога, то они хорошо будут жить. А если выпадут, то они не уживут, че-нибудь случится с имя. Так вот и старается она, а бывает, что и выпадут. Вот у нас Егор Еремеевич брал баталовску, ну она осталась, верно, ведь не знашь, в каком сапоге; стала снимать, у ее деньга выпала и покатилася. И в щель. И так и не нашла она ее... И все там стали говорить: «Ну че, Анна Ивановна, долго не наживешь счастливо» (Шухруповское, Туринск) [Востриков 2000, 2: 154].

Исследование обряда гадания как культурного текста, синтезирующего реальность практического знания и символическое представление о нем, открывает перспективу его анализа с точки зрения формируемой когниции, лингвистических техник достижения суггестивного эффекта в соответствии с прагматическими намерениями участников ситуации.

Литература

Востриков О.В. Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. Вып. 2. Народная свадьба.

Вып. III. Народная эстетика. Семья и родство. Обряды и обычаи. Екатеринбург, 2000.

Гридина Т.А. Логика языкового парадокса в детской речи // Лингвистика креатива-2 / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. Екатеринбург, 2012. С. 5-33.

Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство, 2002.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М. Индрик, 1995.

Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002.

N.I. Konovalova (Ekaterinburg, Russia)
Ural Sate Pedagogical University

DIVINATION AS A MULTI-CODE CULTURAL TEXT

The article analyzes one of the most popular rites of traditional folk culture – divination, which is considered as a cultural text that is not limited to the verbal component. The author identifies cognitive mechanisms that create syncretism of the real and imaginary in the national consciousness, as well as techniques for creating a suggestive effect of the divination text.

Key words: ethnolinguistics, cultural text, divination, pragmatics, cognition.

В.Г. Кузнецов *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
vgk.avamo@mail.ru

МОТИВИРОВАНИЕ ОЗНАЧАЮЩИМ: ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ МАТРИЦЫ

В статье вводится понятие фонологической матрицы в качестве мотивирующего основания номинации. Рассматриваются диахронический и синхронический аспекты фонологической матрицы. На материале шести языков исследуется в синхронии звукосимволический характер фонологических матриц в обозначениях звуков различного происхождения.

Ключевые слова: произвольность, мотивированность, означающее, фонологическая матрица, номинация.

По мнению ученика и последователя Ф. де Соссюра Ш. Балли, Соссюр показал мотивированность знака означаемым, но оставил в стороне мотивированность означающим. Между тем, считает Балли, мотивирование означающим занимает в языке важное место. Так, «взрывной k подчеркивает впечатление дробления» в глаголе croquer. «Артикуляция глаголов happer “цапать” и laper “лакать” воспроизводит grosso modo (приблизительно) те самые действия, которые они обозначают» [Балли 1955: 147]. Он полагал, что установление случаев мотивирования означающим дополняет теорию языкового знака.

Интерес к проблеме мотивированности знака проявился в творчестве другого последователя Ф. де Соссюра С. Карцевского очень рано. Так, в статье

(1922), посвященной советскому разговорному неологизму «Халтура», его мотивированность объясняется двумя факторами. Во-первых, мотивированностью означающего, поскольку «слог -*хал*- в русском языке представляется очень экспрессивным. Если взять все слова так начинающиеся, то, за исключением двух-трех, все они обозначают *отрицательные* понятия, к тому же сильно окрашенные эмоционально. “Халабруй” – большой, нескладный мужчина. “Халабруда” – “разгильдяй”» [Карцевский 2000: 214]. Во-вторых, эти и другие слова, начинающиеся с -*хал*, объединяет общее представление о разгильдяйстве, беспутности, дармовщине.

Проблема мотивированности привлекала внимание лингвистов и до, и после деятельности Ш. Балли и С. Карцевского. Так, мотивированность использования того или иного знака для выражения некоторого значения получила развитие в учении Гумбольдта – Потебни о внутренней форме слова. Большое внимание изучению мотивированности в лингвистическом и семиологическом аспектах придавал Р. Якобсон. «Проблема звукового символизма … несмотря на все допущенные в прошлом ошибки, остается важной и актуальной проблемой лингвистических исследований – наряду с прочими вопросами изобразительной и указательной мотивированности» [Якобсон 1965: 396-397]. Таким образом, идея звукового символизма основана на гипотезе, что связь между звуком и значением слова не является полностью произвольной.

В статье предпринята попытка подкрепить эту гипотезу примерами из нескольких языков. Под фонологической матрицей, вслед за французским лингвистом П. Гиро, который предложил это понятие, понимается комбинация звуков, мотивирующих значение лексического знака. Это явление можно рассматривать в плане синхронии и диахронии. В последнем случае фонологическая матрица представляет собой звуковой этимон. Сама эта проблематика относится к вопросу происхождения языка и выходит за рамки настоящего исследования. Тем не менее отметим, что звукоподражательная гипотеза происхождения языка, восходящая к Платону и стоикам, привлекала внимание таких крупных ученых, как Г.В. Лейбниц, И.Г. Гердер, В. Гумбольдт, Э. Сепир, О. Есперсен, А.А. Потебня. Представляет интерес высказывание С. Карцевского: «Чем больше размышляешь над природой междометия, тем больше склоняешься к мысли о том, что оно непосредственно восходит, хотя и через различные промежуточные явления, к первоначальному синкретическому знаку, в котором сливались воедино голос, мимика и жесты» [Karsevski 1941: 64]. Он высказал и другое интересное предположение, имеющее прямое отношение к диахронической типологии: значения так называемых назализованных восклицаний типа *гм* совпадают во многих языках.

В процессе эволюции языка первоначальная мотивированность может утрачиваться. На это указывал Э. Сепир: «множество слов, которые мы ныне не ощущаем как звукоподражательные, могут быть разъяснены как имевшие некогда такую фонетическую форму, которая дает серьезное основание видеть их происхождение в подражании естественным звукам» [Сепир 1934: 8]. Иллюстрацией высказывания Сепира может служить гла-

гол to laugh, звукоподражательное происхождение которого восходит к древнеанглийскому hliehhan.

В качестве примера фонологической матрицы в синхронии можно привести следующий: взрывной согласный + низкий по частоте гласный + носовой сонант – звук удара *бум*, англ. boom, то же слово в немецком, французском, испанском и итальянском языках.

Фонологические матрицы выделяются в разных источниках звукового символизма. Этими источниками могут быть природные звуки, звуки, издаваемые неодушевленными и одушевленными предметами.

Например, звук льющейся жидкости и семантически связанные слова представлены сходной фонологической матрицей (сонант l + ударная узкая гласная i) в русском, английском, немецком, французском, испанском и итальянском языках: *лить,* жидкость: liquid, Fl*ü*sigkeit, liquide, l*í*quido, liquido.

Тождественность номинации звуков природного происхождения в тех же языках: *греметь* (о громе), thunder, donnern, gronder, tronar, rombare. Во всех языках фонологическая матрица представлена сонантами r, m, n.

Подобные совпадения не всегда имеют место. Глагол *чихать* является мотивированным только в русском и германских языках: sneeze, niesen. В русском языке фонологическая матрица представлена шумными глухими небно-зубным и заднеязычным согласными + узкий гласный, а в английском и немецком – шумным глухим / звонким зубными, сонорным согласными + узкая гласная. Глаголы романских языков *é*ternuer, estornudar, starnutare не мотивированы.

Глагол *хрустеть* в большой мере относится к человеку. В словах всех шести языков присутствует дрожащий сонант r, который передает наиболее характерный звук, производимый этим действием: *c*runch, krachen, craquer, crujir, scricchiolare. Во всех пяти иностранных языках фонологическая матрица представлена комбинацией согласных: шумная глухая смычная k и дрожащая сонорная r.

Мотивированы означающими глаголы, обозначающие легкий шум: *шептать, шуршать, шелестеть*. Соответственно англ., нем., фр., исп., ит: whisper, rustle, sough; fl*ü*stern, rauschen, sa*ü*seln; murmurer, bruire, froufrouter; murmurar, susurrar, hacer frufr*ú;* mormorare, stormier, frusciare. Фонологические матрицы представлены соответственно следующими комбинациями согласных: *шп, шр, шл;* sp, stl, s + широкая и узкая гласные; flst, rsch, ssln; mrmr, brr, frfr; mrmr, ssr, frfr; mrmr, st ,frsr. Наибольшей мотивированностью обладают матрицы, состоящие из шумных глухих, в меньшей степени – сочетания шумных глухих и сонорных.

В высокой степени мотивированностью означающим обладают глаголы и отглагольные существительные, обозначающие крики животных, птиц. звуки, издаваемые насекомыми. Состав звуковых матриц полностью или частично совпадает в русском, английском, немецком, французском, испанском и итальянском языках.

Ржать (о лошади): neigh (в др. англ. более мотив. hn*á*ggan); wiehern; hennir; relinchar; nitrire. Главным мотивирующим звуком является дрожащий сонант r.

Мычать: moo; muhen; mugir; mugir; muggier. Означающие глаголов всех шести языков являются в высокой степени мотивирующими.

Хрюкать: grunt; grun*zen; grogner; gruñir; grugnire.* Во всех языках, кроме русского, фонологическая матрица представлена сочетанием звонкой шумной взрывной и сонорной согласных.

Мотивированность присутствует в глаголах, обозначающих крики птиц во всех шести языках.

Каркать: croak; krächzen; croasser; graznar; cracciare. Фонологическая матрица, за исключением испанского глагола, состоит из комбинации шумного глухого взрывного k , дрожащего сонанта r и широкого гласного.

Крякать: quack; quarren; cacarder; cacarear; starnazzare. Фонологическая матрица также представляет собой комбинацию шумного глухого взрывного и сонорного согласных и широкого гласного a. Общими мотивирующими звуками для всех языков являются согласные k и r.

Звуки, производимые насекомыми.

Жужжать: buzz; surren; bourdonner; zumbar; ronzare. В наибольшей степени мотивированным является русский глагол. Его фонологическая матрица: повторяющийся шумный звонкий небно-зубной + гласные узкого и широкого подъема. Английский глагол мотивирован за счет шумного звонкого зубного и наиболее звучного широкого гласного. Немецкий глагол слабо мотивирован. Матрица французского глагола: шумный звонкий смычный + узкий гласный. Мотивированность испанского и итальянского глаголов обусловлена шумным глухим зубным согласным + узким лабиализованным и широким нелабиализованным гласным.

Стрекотать (о стрекозе, кузнечике): stridulate; zirpen; striduler; charlar; chiacchierare. Состав фонологических матриц близок в русском, английском и французском языках: шумные глухие согласные зубные + сонант + гласный среднего / узкого подъема. Матрицы четырех других языков: шумные глухие зубные и небно-зубные согласные + гласные широкого и узкого подъема + сонант. Во всех матрицах присутствуют шумные глухие зубные согласные, сонанты и гласные узкого подъема.

Звукоподражательные слова нередко представляют сложности для перевода ввиду отсутствия соответствующих эквивалентов. Так, во французском языке звукоподражательному русскому глаголу *хохотать* соответствует словосочетание rire aux *é*clats. Непреодолимые трудности для перевода представляет аллитерация означающих лексических знаков. Например, *косил косой косой косой*.

Изучение мотивирования означающим имеет теоретическую и практическую значимость. Об этом свидетельствует становление нового направления исследований – фоносемантики. Понятие фонологической матрицы в качестве обусловленности номинации мотивированностью означающего языкового знака может служить когнитивным основанием теории номинации и представлять интерес для лингвистики универсалий.

Литература

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955.

Карцевский С.И. Халтура // С.И. Карцевский. Из лингвистического наследия. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 210-214.

Сепир Э. Язык. Л.: Соцэкгиз, 1934.

Якобсон Р. Выступление на 1-м Международном симпозиуме «Знак и система языка» // Звегинцев В.А. История языкознания XIX века в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1965. Ч. 2. С. 395-402.

Karsevski S. Introduction à l'étude de l'interjection // Cahiers Ferdinand de Saussure. 1941. № 1. P. 57-75.

V.G. Kuznetsov (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

MOTIVATION BY SIGNIFIANT: PHONOLOGICAL MATRIXES

The aim of the paper is to introduce the notion of phonological matrix as motivated basis of nomination. Diachronic and synchronic aspects of phonological matrix are examined. The sound symbolic character of phonological matrixes in denoting sounds of different origin on the material of six languages is studied.

Key words: arbitrariness, motivation, signifiant, phonological matrix, nomination.

С.А. Лямзина *(Красноярск, Россия)*
Сибирский федеральный университет
Институт филологии и языковой коммуникации
svetlana.lyamzin@mail.ru

ЭКСПАНСИОНИЗМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ У ЖЕНЩИН И У МУЖЧИН (НА МАТЕРИАЛЕ СТРУКТУРИРОВАННЫХ ИНТЕРВЬЮ)

В статье представлены результаты исследования, позволяющие рассматривать профессию человека как один из факторов, оказывающих влияние на его речевую биографию, которая представляет собой историю изменений речевых привычек человека под воздействием социальных факторов в течение его активной сознательной жизни.

Ключевые слова: языковая личность, профессиональная языковая личность, речевая биография, профессия, афазия.

XX век ознаменовался активным развитием антропоцентрического направления в лингвистике. Усиление роли «человеческого фактора» привело к перемещению фокуса усилий исследователей с проблем описания языковой структуры в область, центром которой становится человек говорящий. Теория языковой личности становится одной из основ современной отечественной лингвистики.

Среди наиболее востребованных объектов в лингвоперсонологии следует отметить профессиональную языковую личность. Так, активно изучаются структура, содержание, способы репрезентации профессиональной языковой личности и ее когнитивно-коммуникативная специфика [Панова 2004; Лазуренко и др. 2007; Голованова 2011 и др.].

Под профессиональной языковой личностью Е.И. Голованова понимает совокупность как интеллектуальных и социально-культурных, так и морально-волевых качеств человека, которые формируются в особой профессионально-

культурной среде и отражаются в свойствах его сознания, поведения и деятельности. Профессиональная языковая личность раскрывается в языковых и речевых единицах, целостных текстах и в особенностях принадлежащего личности профессионального дискурса, который подчинен целям профессиональной деятельности [Голованова 2011].

Однако, несмотря на это, профессиональная языковая личность является пока еще малоизученным лингвистическим объектом. Так, например, можно отметить недостаток данных о том, какое влияние оказывает профессиональная языковая личность на языковую личность в целом.

Цель данной публикации – сформулировать на основе проводимого исследования ряд аргументов в пользу обоснованности гипотезы о том, что погруженность в определенную профессиональную коммуникацию оказывает существенное влияние на речевую биографию человека.

Проводимое нами исследование, в целом, посвящено изучению особенностей речевой биографии пациентов (афатиков) с нарушением речи, которое возникает при органических поражениях мозга – афазиях. Это должно помочь в разработке упражнений по восстановлению речи у пациентов с афферентной и эфферентной моторной афазией.

Проанализировав ряд источников, мы пришли к выводам, что речевая биография – это «…изменения речевых привычек человека под воздействием социальных и профессиональных факторов в течение его активной сознательной жизни. Речевая биография должна включать в себя факты смены доминирующего речевого регистра, изменения просодических, фонетических и других характеристик речи в связи с изменением социального статуса, возраста, профессии, коллектива» [Лямзина, Колмогорова 2018: 226].

Таким образом, мы полагаем, что профессия человека является одним из факторов, оказывающих влияние на его речевую биографию.

Так, в рамках нашего исследования мы выделили целевые группы здоровых людей, попадающих в группу риска по афазиям, для их дальнейшего интервьюирования с целью моделирования вокабуляров, в определенной степени отражающих реальный ментальный лексикон групп риска, обусловленный их речевой биографией. Опора на такой частотный вокабуляр позволит нам разработать более персонализированный комплекс упражнений для реабилитации пациентов-афатиков.

Таблица 1

Целевые группы здоровых людей, попадающих в группу риска, прошедших процедуру интервьюирования					
19 мужчин, монолингвов			**16 женщин, монолингвов**		
Средний возраст	Образование	Профессия	Средний возраст	Образование	Профессия
52 года	Среднее специальное образование	Сварщик, слесарь, водитель, крановщик, электрик, мастер по изготовле-	57 лет	Среднее специальное (7 человек) / высшее образование (9 человек)	Делопроизводитель, провизор, директор по персоналу, помощник адвоката, соци-

		нию ключей и ремонту часов, охранник, сантехник, мерчендайзер			альный педагог, официантка, проводник, медсестра, бухгалтер, продавец

Используя метод структурированного интервью, мы включили в него три блока вопросов: сведения о респонденте, информация о его языковой и речевой биографии. Один из вопросов, адресованных информантам, был сформулирован следующим образом: «Разговариваете ли вы дома, как на работе? Используете ли профессиональные слова в обычной речи? Какие?» Проанализировав результаты интервью, мы отметили ряд интересных особенностей относительно влияния профессии на речь человека. Данные результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Влияние профессии на речь человека	
Мужчины	**Женщины**
Крановщики: «майна», «вира» (используются вместо «опускать, поднимать, ложиться, вставать»)	*Делопроизводитель, главный в отделе*: командный тон, указания: «принеси то, включи то, отнеси туда».
	Учитель: командный тон, профессиональные слова: «внимание», «тихо», «повторите», «прекратите».
	Социальный педагог: подробное объяснение во время разговора, профессиональные слова и выражения: «человек с особенностями» вместо «инвалид» (т.к. это запрещено на работе), «привязанность, депривация, социализация, трудная жизненная ситуация», «критичный» (как слово паразит в речи, хотя используется, как одна из оценок клиента).
	Проводник: командный тон, профессиональные выражения: «заправьте вагон» (используется вместо «заправьте кровать»), «что приготовить чай, кофе?»
	Медсестра: профессиональные выражения: «таблетку надо», «мазь надо или укол надо поставить, и все будет нормально».
	Официантка: короткие синтагмы, профессиональное выражение: «все вопросы к производителям».

Таким образом, как видно по приведенным данным, чаще всего у женщин отмечается влияние профессии на обычную речь. Среди проявлений данного влияния можно выделить не только употребление профессиональных слов и выражений вне рабочего контекста, но и просодические особенности (командный тон), а также длину синтагм.

Незначительное влияние профессии на речь мужчин можно объяснить спецификой профессий. Как отмечают исследователи, степень влияния профессиональной деятельности зависит от степени вовлеченности профессионала в речевое общение. Существуют «профессии с повышенной речевой ответствен-

ностью: например, учителя, преподаватели, ораторы-профессионалы и многие другие, использующие голос в качестве своего основного «орудия производства». Речь представителей данных профессий может оставаться профессионально маркированной даже когда ситуация не предполагает исполнения ими профессиональных обязанностей [Анашкина 1998: 47].

Профессии женщин, с которыми мы столкнулись в рамках нашего исследования, в большей степени характеризуются повышенной речевой ответственностью, так как их работа напрямую связана с людьми. В связи с чем им приходится много общаться, в отличие от мужчин, чья профессия этого не предполагает.

Именно этот факт объясняет полученные результаты и подтверждает то, что погруженность в определенную профессиональную коммуникацию оказывает существенное влияние на речевую биографию человека.

Литература

Анашкина И.А. Звучащий текст в аспекте культурной аксиологии. Саранск: МГПИ им. М.Е. Евсевьева, 1998. 264 с.

Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.

Лазуренко Е.Ю., Саломатина М.С., Стернин И.А. Профессиональная коммуникативная личность. Воронеж: Истоки, 2007. 194 с.

Лямзина С.А, Колмогорова А.В. Личность в зеркале языковой / речевой биографии // Филология: научные исследования. 2018. № 4. С. 220-228.

Панова М.Н. Языковая личность государственного служащего: Опыт лингвометодического исследования: монография. М.: Изд-во РУДН, 2004. 323 с.

***S.A.* Lyamzina** (Krasnoyarsk, Russia)
Siberian Federal University
Institute of Philology and Language Communication

EXPANSIONISM OF A PROFESSIONAL LANGUAGE PERSONALITY FOR WOMEN AND MEN (ON THE MATERIAL OF STRUCTURED INTERVIEWS)

The article presents research results that allow us to consider a profession as one of the factors influencing a person's speech biography which is a history of changes in a person's speech habits under the influence of social factors during a life.

Key words: language personality, professional language personality, speech biography, profession, aphasia.

Н.В. Матвеева *(Стерлитамак, Россия)*
Стерлитамакский филиал
Башкирского государственного университета
n.v.matveeva@strbsu.ru

ПОРОЖДЕНИЕ ВТОРИЧНОГО ТЕКСТА ПОДРОСТКАМИ КАК КОГНИТИВНЫЙ ПРОЦЕСС: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье представлено описание процесса порождения вторичного текста подростками на основе смысла исходного с целью описания механизмов данного процесса. Условием действия данных механизмов является достаточный уровень сформированности языкового сознания. Общее знание представлено набором ключевых слов, отобранных из исходного текста.

Ключевые слова: механизм смыслообразования, подростки, денотатный граф, смысл, свертка, вторичный текст.

В любой деятельности, в том числе и в процессе порождения вторичного текста, человек ищет смысл, который служит ему целью, стимулом и средством. Общим для лингвистов, психолингвистов и психологов в решении проблемы смысла является факт соотнесения смысла с информацией, или со знанием, содержащимися непосредственно в тексте. Следовательно, задача понимания смысла заключается в извлечении его из сообщения и порождении вторичного текста на основе извлеченного смысла исходного текста. Извлечение смысла текста – сложный когнитивный процесс, связанный, в первую очередь, с развитием языкового сознания. «Процесс овладения языком, – писал А.Н. Леонтьев, – осуществляется в ходе развития реальных отношений субъекта к миру. Отношения же эти не зависят от субъекта, от его сознания, а определяются конкретно-историческими, социальными условиями, в которых он живет, и тем, как складывается в этих условиях его жизнь» [Глухов 2005: 288].

Таким образом, в отечественной науке (психологии и психолингвистике) определяющей является концепция социального развития, заключенного в процессе «присвоения» человеком культуры данного общества. Овладение языком является решающим моментом в данном процессе. Когнитивный аспект овладения языком впервые был рассмотрен в отечественной психолингвистике А.А. Леонтьевым, а в зарубежной психолингвистике Д. Слобиным. По А.А. Леонтьеву, коммуникативный или коммуникативно-деятельностный аспект овладения языком представляет собой коммуникативную направленность речи, ее ориентацию на собеседника. В то же время, овладевая языком, ребенок одновременно усваивает присущий данному народу образ мира, то или иное видение мира через призму национальной культуры, одним из важнейших компонентов которой и является язык [Глухов 2005: 289]. Слобин ввел и экспериментально обосновал понятие «обратимости-необратимости» языковых структур. В своих исследованиях он отметил, что в речевом механизме человека существует звено, осуществляющее содержательную оценку языковой информации независимо от анализа языковой структуры предложения. Этот вывод принципиально важен потому, что ставит под сомнение основную идею Хомского относительно «языковой способности». «Для многих психологов

постулирование сложных, генетически запрограммированных перцептивных и когнитивных механизмов становится все более и более вероятным, если не единственно возможным. Проблема объяснения такого феномена, как овладение человеческим языком, уже давно занимает и, по-видимому, еще долго будет занимать в этих дебатах центральное место» [Слобин, Грин 1976: 134].

Целью данного исследования является последовательное описание процесса порождения вторичного текста на основе смысла исходного текста подростками 12–13 лет с целью описания механизмов данного процесса. Условием действия данных механизмов является определенный уровень сформированности языкового сознания.

Общее знание данной группы испытуемых представлено в нашем исследовании набором ключевых слов, отобранных из исходного текста и представляющее собой иерархию отношений, называемых в наших исследованиях подтемами и субподтемами.

В эксперименте приняли участие подростки (учащиеся 6-х классов гимназии) в количестве 60 человек. Испытуемым были предъявлены свертки текста и предложено развернуть их в полноценные тексты. При этом исходный текст не предъявлялся. В основу эксперимента были положены следующие гипотезы:

1. Подросток умеет осуществлять развертывание свернутого текста в полный на основе определенного коммуникативного опыта, знания реальной действительности.

2. Такое развертывание возможно, если у подростка уже сформировано умение использовать механизмы данного развертывания, что определит степень сформированности языкового сознания. Данные механизмы включают в себя не только знание языковых средств и их синтагматических связей для формирования связного текста, но и наличие в ментальной сфере необходимых знаний действительности, опыта, сформированных навыков и умений.

3. Тексты, полученные в исследовании должны иметь различную степень близости, как между собой, так и с исходным текстом.

4. Главную ведущую роль должна играть тема текста, представленная испытуемым и выраженная через ключевые слова. Чем более точно выделена тема текста, тем более близкими по содержанию будут вторичные тексты.

В соответствии с гипотезой и поставленными задачами был запланирован и проведен эксперимент. В качестве исходного текста использовался научно-популярный текст лингвистической тематики.

Испытуемым были представлены тема текста, сформулированная заранее, и свертка текста, в виде денотатного графа, который отражает денотатную структуру текста и представляет собой иерархическое дерево, состоящее из подтем и субподтем, представленных схематически. В ходе эксперимента были созданы связные вторичные тексты, которые сравнивались с исходным текстом на содержательном уровне. Сравнение проводилось как фактических текстов, так и графов, которые представили схему (модель) текста. В результате количественного анализа полученных результатов

оказалось, что показатели близости текстов находятся в интервале от 0,4 до 0,8 средний показатель 0,6.

Данный результат позволяет сделать вывод об управляющей функции темы при создании текста. Более половины испытуемых достаточно точно передали общее содержание. Это подтверждается теми подтемами текста, которые нашли отражение в ментальной сфере подростков. Часть подтем, связанная со специфической деятельностью героя текста, диалектным произнесением слова, оказалась за гранью понимания испытуемыми. В части вторичных текстов (38%) эти подтемы были просто не озвучены, часть испытуемых (12%) пыталась объяснить своими словами, половина (50%) упомянули без всякого объяснения этих подтем.

Мы выяснили, что гипотеза об управляющей фукции темы подтверждена, но в данном эксперименте недостаточно полно реализована из-за недостаточно сформированных необходимых когнитивных и ментальных механизмов интеллектуальной деятельности.

Рассмотрим природу этих механизмов. Одним из основных механизмов развертывания – включение в текст элементов связывания ключевых слов. Средства развертывания могут быть адекватными (сходными с теми, которые есть в исходном тексте или, по крайней мере, не искажающими исходный текст) и неадекватными (которые приводят к искажению исходного текста, не являются осмысленными).

Анализ созданных вторичных текстов показал, что средства развертывания применяются достаточно активно, они в большей степени предикативного плана, служат для связывания денотатов в текст. Основной причиной несовпадения является введение новой подтемы и ее развитие, не содержащейся в исходном тексте, что приводит к искажению смысла. Опускание или неадекватное толкование существующей подтемы также приводит к неполному отражению содержания текста. Полученные результаты эксперимента не только демонстрируют механизм развертывания темы в связный текст, но и могут пояснить нам сущность доминантности. Выбор ключевых слов осуществлялся на основе определения его доминантности на определенном семантическом отрезке текста. Некоторые ключевые слова несли большую семантическую нагрузку, чем другие, т.е. они определяли подтемы текста, другие, несущие меньшую нагрузку, определяли субподтемы. Это соотношение возможно за счет понимания человеком сущности соотношения предметов между собой. Понимание этого соотношения приводит к пониманию относительности доминантности. Некоторое ключевое слово может быть доминантным на определенном семантическом отрезке текста, которое меньше семантического пространства другого слова. Вследствие этого можно установить между ними отношение иерархии (тема-подтема-субпотема), на основании чего можно говорить о различной степени доминантности. Воспринимая текст, человек уясняет для себя такого рода соотнесенность предметов, о которых идет речь в тексте. Представленные слова в свертке в нашем эксперименте предъявлены в одном ряду без выстраивания иерархии, что относится к подтемам, что к субподтемам, без какого-либо маркирования их доминантности относительно друг друга. Это, безусловно, послужило одним из факторов, затрудняющих понимание текста в целом. Испытуемые пытались восстановить иерархию, которая была в

тексте, но отсутствовала в свертке. Так как исходный текст им был незнаком, они пытались восстановить ту систему отношений, которая, по их мнению, существует между предметами в реальности и которая представлена в их сознании в виде определенного знания. Адекватность такого построения полностью зависит от сформированности механизма построения текста в целом и наличия некоторого готового знания, обеспечиающего процесс развертывания необходимыми средствами.

В целом, в ходе анализа результатов эксперимента пришли к выводу, что факт того, что испытуемые смогли развернуть свертки во множество связных адекватных текстов, различной степени близости к исходному тексту без предъявления данного текста, свидетельствует о том, что в сознании подростков уже существует сформированный механизм порождения текста. Основу данного механизма составляет сформированная система предметных отношений, лежащая в основе языкового сознания.

Литература

Глухов В.П. Основы психолингвистики: учебное пособие для студентов педвузов. М.: АСТ: Астрель, 2005. 351 с.

Матвеева Н.В. Экспериментальное исследование механизмов формирования смысла и содержания текста в процессе его понимания (этап второй) // Вопросы обучения иностранным языкам: методика, лингвистика, психология. Уфа: УГАТУ, 2004. С. 205-205.

Новиков А.И. Текст, смысл и проблемная ситуация // Вопросы филологии. 1999б. № 3. С. 43-48.

Пешкова Н.П., Матвеева Н.В. Исследование механизмов смыслообразования в процессах восприятия и понимания письменного учебного текста // Лингводидактические и культурологические аспекты обучения иностранным языкам. Уфа: УГАТУ, 2003. С. 121-125.

Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика / пер. с англ. Е.И. Негневицкой; под общ. ред. и с предисловием А.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1976. 336 с.

N.V. Matveeva (Sterlitamak, Russia)
Sterlitamak Branch of Bashkir State University

SECONDARY TEXT FORMATION BY TEENAGERS AS A COGNITIVE PROCESS: PSYCHOLINGUISTIC ASPECT

The article presents a description of the research, the aim of which is the finding out common knowledge of a certain group of persons. The group of persons was made by the teenagers of 12–13 years. The hyposes of the research were that the teenagers are able to form an adequate text of a concised one. Such formation is possible if the teenager has already formed the ability to use the mechanisms of this formation. These mechanisms include not only knowledge of language facilities and their syntagmatic connections for formation of the coherent text, but also existence in the mental sphere of necessary knowledge of reality, experience, the created skills and abilities.

Key words: psycholinguistic experiment, teenagers, denotative graph, dominant, sense, key words, secondary text.

Д.С. Павлова *(Пермь, Россия)*
Пермский государственный национальный исследовательский университет
pavlovads@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ СПОНТАННОГО МОНОЛОГА

В статье представлена вариативность модели семантической структуры спонтанного монолога, понимаемой как концептуальная модель, основанная на анализе реализованных в тексте микротем (концептуальных областей), связанных друг с другом в таких единицах текста, как синтагмы. Полученные результаты позволяют говорить о незначительном влиянии социальных факторов «гендер», «образование», «возраст» на стабильную и жестко заданную концептуальную структуру устного спонтанного монолога.

Ключевые слова: текст, спонтанный монолог, семантическая структура, социальная вариативность, концептуальная модель.

Семантическая структура текста понимается как совокупность семантических компонентов текста разных уровней (микротем текста и лексических единиц, семантика которых реализует эти микротемы), а также иерархической системы разнообразных связей (семантических и грамматических) между лексическими единицами и микротемами, формирующая единство глубинной и поверхностной структур текста. Семантическая структура как текстовая категория позволяет описать интеграцию и взаимодействие цельности и связности текста (см. подробнее [Павлова 2018]). Такое понимание семантической структуры текста учитывает не только семантические (смысловые) параметры, но и грамматическую связность компонентов внутри текста.

Предлагаемая модель семантической структуры спонтанного монолога включает следующие компоненты: 1) состав микротем текста; 2) объем микротем текста, позволяющий выявить иерархию микротем в тексте, т.е. их важность для носителей языка; 3) связи между микротемами, с учетом силы этих связей, что позволяет установить наиболее значимое взаимодействие наиболее важных микротем в семантической структуре спонтанного монолога.

Для построения концептуальной модели спонтанного монолога был использован экспериментальный материал – расшифровки 48 устных спонтанных монологов «О себе». Выборка информантов сбалансирована по факторам «гендер», «возраст», «образование» (схему балансировки см. на рис. 1).

При записи монологов «О себе» информанту предлагалось просто рассказать о себе, далее он порождал текст без каких-либо наводящих вопросов, т.е. был свободен в выборе языковых средств. Вслед за Е.С. Худяковой считаем, что «Тема “О себе” предполагает свободу моделирования ситуации текста (макропропозиции), выбора жанровой модели и отбора поверхностного ее заполнения (грамматического и лексического)» [Худякова 2013: 33]. Кроме того, для моделирования семантической структуры текста были выбраны спонтанные монологи, следовательно, при реализации тех или иных языковых средств, говорящий максимально свободен, а значит, тексты, порожденные таким образом, отражают его языковое сознание.

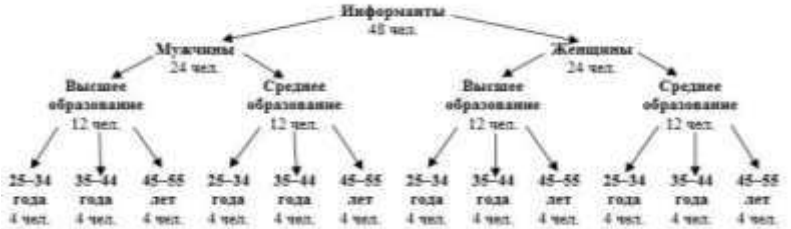


Рис. 1. Социальные характеристики информантов

Материал исследования был обработаны в ИС «Семограф» с помощи метода графосемантического моделирования с учетом не только собственно семантического значения, но и синтаксических связей элементов (более подробно про методику исследования см. [Павлова 2016]). В ходе обработки и анализа экспериментального материала компоненты текстов были распределены по 38 микротемам. При построении собственной классификации микротем текстов «О себе» мы исходили из существующих представлений о том, какие компоненты должны входить в них, опирались на Большой толковый словарь русских глаголов [2007] и Большой толковый словарь русских существительных [2005], а также на анализ полученных от информантов монологов, т.е. из материала исследования, который во многих случаях сам диктовал введение определенных микротем.

После распределения всех компонентов текстов по микротемам, были выявлены объемы получившихся микротем (см. рис. 2). Используя методику «каменистой осыпи», из рисунка 2 видим, что в ядро вошли микротемы ЧЕЛОВЕК и Я; «граница» между средней зоной и периферией проходит между микротемами СОСТОЯНИЕ и ДРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ. Далее при помощи семантической карты, полученной в ИС «Семограф», в программе Gephi был построен граф связей микротем (см. подробнее [Павлова, Ерофеева 2019]).

Рассмотрим социальную вариативность полученной концептуальной модели устного спонтанного монолога «О себе». Ни один из рассмотренных социальных факторов («гендер», «образование», «возраст») не оказал влияния на ядро концептуальной модели спонтанного монолога: ядерными для всех моделей стали микротемы ЧЕЛОВЕК и Я. Однако вариативность наблюдается в средней зоне и периферии.

Так, в зависимости от фактора «гендер», в среднюю зону семантической структуры текстов мужчин вошли микротемы ВРЕМЯ, МЕСТО, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОЦЕНКА. В текстах женщин в средней зоне семантической структуры оказались все микротемы из средней зоны семантической структуры текстов мужчин, но к ним добавилась микротема СЕМЬЯ. Кроме того, обнаруживается влияние фактора «гендер» на силу связи между микротемами. Так, в текстах мужчин чаще всего компоненты микротем связаны друг с другом слабее, чем в текстах женщин. Однако, после проведения дополнительного анализа с применением метода ранговой корреляции Спирмена, оказалось, что в целом сама структура связей между микротемами в текстах мужчин и в текстах жен-

щин очень похожа, а вариативность достигается за счет связей микротемы Я с микротемами СЕМЬЯ и ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, т.к. для женщин важнее «вписать» себя в окружающую действительность через профессию, а мужчинам – подчеркнуть свою связь с семьей.

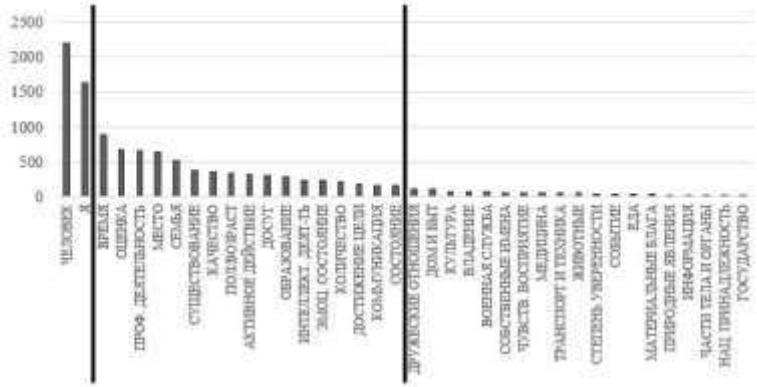


Рис. 2. Микротемы и их абсолютный объем

Влияние фактора «образование»: в текстах людей с высшим образованием в средней зоне семантической структуры оказались микротемы ВРЕМЯ, ОЦЕНКА, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; в текстах людей со средним образованием – эти же микротемы, но к ним добавились микротемы МЕСТО, СЕМЬЯ. Сравнение относительной силы связи между микротемами и рангов этих связей показывает, что для людей со средним образованием важнее обозначить место получения образования, место работы и место досуга, в то время как для людей с высшим образованием важнее давать оценки окружающим их людям.

Влияние фактора «возраст»: несмотря на то, что ядерными для всех трех групп информантов стали микротемы ЧЕЛОВЕК и Я, у информантов средней и старшей возрастных групп более сильные и устойчивые связи с другими микротемами образует именно микротема ЧЕЛОВЕК, т.е. они чаще говорят о разных людях в своей жизни (семья, коллеги, друзья, сослуживцы и т.д.).

В текстах людей в возрасте 25–34 года в средней зоне семантической структуры оказались микротемы ВРЕМЯ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, МЕСТО, ОЦЕНКА; в текстах людей в возрасте 35–44 года – микротемы ВРЕМЯ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОЦЕНКА; в текстах людей в возрасте 45–55 лет – микротемы ВРЕМЯ, МЕСТО, ОЦЕНКА. Различия в объемах микротем проявляются на уровне периферии: например, у информантов младшей возрастной группы значительно больше оказывается микротема МАТЕРИАЛЬНЫЕ БЛАГА, а у информантов старшей возрастной группы – ВОЕННАЯ СЛУЖБА.

Сравнение относительной силы связи между микротемами и рангов этих связей показывает, что фактор «возраст» оказывает более сильное влияние на концептуальную модель спонтанного монолога, чем факторы «гендер» и «об-

разование». Коэффициент ранговой корреляции Спирмена позволяет сделать вывод о том, что более тесные иерархии связи между микротемами обнаруживаются в текстах информантов средней и старшей возрастной групп, а менее тесные – младшей и старшей возрастных групп.

В целом концептуальная модель спонтанного монолога «О себе» довольно устойчива, а социальные факторы «гендер», «образование» и «возраст» говорящих оказывают на нее влияние, однако оно не затрагивает ее ядро.

Литература

Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. 576 с.

Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 864 с.

Павлова Д.С. Методы исследования семантической структуры устного спонтанного текста // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 5. Ч. 1. С. 213-229.

Павлова Д.С. Семантическая структура устного спонтанного текста социолингвистическое варьирование. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2018. 148 с.

Павлова Д.С., Ерофеева Е.В. Концептуальная модель спонтанного монолога // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 811-816.

Худякова Е.С. Особенности структуры устных спонтанных текстов монолингвов и билингвов (на материале монологов русских, татар и коми-пермяков) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 4 (24). С. 33-46.

D.S. Pavlova (Perm, Russia)
Perm State University

SOCIAL VARIABILITY OF THE CONCEPTUAL MODEL OF SPONTANEOUS MONOLOGUE

The paper deals with the variability of the semantic structure model of a spontaneous monologue, understood as a conceptual model based on the analysis of microthemes (conceptual areas) implemented in the text that are related to each other in text units such as syntagmas. The results obtained allow us to talk about the insignificant influence of social factors “gender”, “education” and “age” on the stable and rigidly defined conceptual structure of an oral spontaneous monologue.

Key words: text, spontaneous monologue, semantic structure, social variability, conceptual model.

М.М. Патиева *(Тюмень, Россия)*
Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова
apushakova@rambler.ru
А.П. Ушакова *(Тюмень, Россия)*
Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова
apushakova@rambler.ru

ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ КОДЕКСА ЧЕСТИ ИНГУШЕЙ

В статье рассматривается кодекс чести ингушей с точки зрения вербализации в нем ценностей национальной культуры и взаимодействия с культурой языков других народов.

Ключевые слова: ценность, антиценность, лингвокультурология, межкультурная коммуникация, национально-культурный компонент лексики.

Цель статьи – рассмотрение лексики с точки зрения вербализации в ней ценностей национальной культуры и взаимодействие с культурой языков других народов. Наряду с традиционными приемами изучения лексики необходимой представляется лингвокультурологическая интерпретация слов, раскрытие национально-культурного компонента их значения. Изучение лексики в национально-культурном аспекте позволяет «проникнуть» в языковую картину мира иной лингвокультурной общности и усвоить и понять национально-культурную специфику языковых средств. Так, например, лингвокультурология проявляется особенностью мировоззрения того или иного народа, что подтверждает взаимодействие языка и культуры в разных языковых картинах мира [Ковалева 2018: 173].

Функция оценки обеспечивает особый, свойственный только человеку стиль языковой интерпретации знания – оценочную интерпретацию. Данный тип языковой интерпретации предполагает схематизацию опыта познания объектов и событий в соответствии с коллективной и индивидуальной системами норм, идеалов, стереотипов, ценностей, на основе определенных оценочных шкал, принятых в рамках той или иной культуры. Это – исключительно языковая система межличностной ориентации в мире, коллективно-индивидуальная модель взаимоотношений и мировидения [Болдырев 2015: 42].

Мы обращаемся к культуре ингушского народа, роману ингушского писателя И.М. Базоркина «Из тьмы веков». Автор писал роман и многие свои произведения на русском языке, поэтому интересно проследить взаимодействие русской и ингушской культур. В процессе межкультурного общения познание направлено на восприятие ментальности другой нации. Сопоставительное изучение культур становится возможным через рассмотрение национальных ценностей в определенном контексте.

Говоря о языковых особенностях литературного билингвизма И.М. Базоркина, важно отметить, что его основной характеристикой является доминирование русского языка. Это обусловлено следующими причинами:

1) возможность доступа к более широкой читательской аудитории, ознакомление со своей культурой как можно большего круга людей;

2) введение ингушской культуры в контекст русской и европейской культур;

3) восприятие Советского Союза как единого социально-культурного целого, характерное для писателей советского периода.

В то же время приоритетное значение в вопросе о художественной атрибутивности художественного творчества писателя должно принадлежать ему самому, а И.М. Базоркин считал себя ингушским писателем.

Ингушский народ, являющийся немногочисленным этносом, отличает бережное хранение своих традиций, обычаев, самобытной культуры, многовековой истории. Кодекс чести ингушского народа заключается в любви к Родине, родному дому, семье, что не противоречит другим народам, в том числе и русскому. Здесь важно подчеркнуть общность ценностных ориентаций «*…Дождь в родном краю – масло, а солнце – целебное лекарство!*» [Базоркин 2001, т. 1: 40] – дома легко переносить и палящее солнце, дома и дождь мягок; в русском языке находим соответствие: (*Дома и стены помогают*).

«*Великое дело – добро*!» [Базоркин 2001, т. 1: 55] – это также изречение, которое соответствует правилам поведения любого честного человека. Для ингушей это кодекс чести «Эздел» – свод правил ингушей.

«*Смерть в родном краю краше жизни на чужбине. Пусть не верят… звуку зурны на расстоянии. Он красив только издали!»* [Базоркин 2001, т. 1: 158] – (близкое соответствие находим в русском языке: «*Где родился, там и пригодился*»). Но если говорить точнее, смысл горской пословицы заключается в следующем: для каждого горца важно, если даже всю жизнь он находился где-то вдали, он должен всегда помнить, что где-то его родина, к которой он привязан. Это память об этнической родине.

О любви к родному краю свидетельствует также следующий контекст: *За поворотом открылось Дарьяльское ущелье и разлившийся мутный Терек. Сбоку в него врывались зеленые прозрачные волны Амархи. Калой остановился, окинул взглядом простор и, указав на слияние рек, полушутя, полусерьезно закричал: – Вон твоя, а вот наша жизнь!.. Она хоть и не такая глубокая, но зато чище! – И ветер унес назад, в ущелье, его веселый раскатистый смех»* [Базоркин 2001, т. 1: 296].

В рамках ингушской системы ценностей важны род и семейный клан. Его ценностное содержание концептуализируется с помощью таких признаков, как «свет домашнего очага», «светлый дом», «радость», «будущее», «прогресс», «знание». Этим ценностям в тексте романа противопоставляется тьма, обладающая антонимическими признаками: «прошлое», «бесправие», «безропотность», «необразованность», «отсталость».

«*Великое дело – добро!*» [Базоркин 2001, т. 1: 55]. Значение понятно для многих народов.

Если совсем нечего дать, например, сироте, у ингушей положено его хотя бы приласкать. Добрым человеком можно быть всегда.

«*– Если взвесить все, то больше стоит заботиться не о земных делах и тяжбах, а о вечной жизни…*» [Базоркин 2001, т. 1: 92] – это истина для любого человека.

Это закон у ингушей, когда умрешь, тебя будут вспоминать по добрым делам. «*Если нельзя, чтоб было так, как хочется, то пусть будет хоть так, как возможно*» [Базоркин 2001, т. 1: 105] – в русском языке этому выражению близка по смыслу пословица (*из двух зол выбираем лучшее*).

«*Горе твое не новость на земле, оно не больше, чем у других. Не следует больше других и убиваться*» [Базоркин 2001, т. 1: 109] – у ингушей в горе, как и в радости, должна быть сдержанность, так как свод ингушских правил запрещает ингушу или ингушке показывать свои чувства другим.

«*Кто не умеет заглянуть в свое будущее, тот ничего не найдет в своем прошлом* [Базоркин 2001, т. 1: 162] – без прошлого нет настоящего, любой ингуш должен знать 7 своих предков, историю своего рода, а также врагов и друзей.

Таким образом, ценностные аспекты национальной языковой картины мира свидетельствуют о мудрости предков, нажитой веками взаимодействия человека и природы, о наблюдениях наших предков за окружающим миром. Близость основных поведенческих правил многих народов, живущих по совести, в соответствии с определенными нравственными установками, благоприятствовала культурному взаимовлиянию и сотрудничеству этих народов. Поэтому в кодексе чести ингушского и русского народов находим много общего, о чем свидетельствует роман И.М. Базоркина «Из тьмы веков». В то же время у каждого народа есть свои особенности, что связано с разными историческими условиями проживания, религиозными воззрениями и другими причинами. В этой связи у каждого народа наряду с общими существуют определенные особенности вербализации ценностей, что требует комплексного лингвокультурного подхода при изучении этих единиц. Знание такого материала и привлечение его при обучении студентов будет способствовать успешной межкультурной коммуникации.

Литература

Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1 (42). С. 38-45.

Ковалева Л.В. Национальные особенности фразеосочетаний в европейских языках // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 173-176.

Базоркин И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Из тьмы веков. Роман. Магас: Сердало, 2001. 384 с.

Базоркин И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. Из тьмы веков. Роман. Магас: Сердало, 2001. 352 с.

Патиева М.М. Мифолого-религиозная картина мира ингушей // Православие и российская культура: прошлое и современность: сборник статей 35-й Международной конференции, посвященной празднику 24 мая – Дню славянской письменности и культуры (Тобольск-Тюмень, 24–25 мая). Тюмень, 2013. Ч. 2. С. 228-232.

M.M. Patieva (Tyumen, Russia)
Tyumen Higher MilitaryEngineering Command School
named after Marshal of Engineering Troops A.I. Proshlyakov
A.P. Ushakova (Tyumen, Russia)
Tyumen Higher MilitaryEngineering Command School
named after Marshal of Engineering Troops A.I. Proshlyakov

VALUE ASPECTS OF THE INGUSH CODE OF HONOR

The article considers the Ingush code of honor from the point of view of verbalization of the values of national culture and interaction with the culture of languages of other peoples.

Key words: value, anti-value, culture studies, intercultural communication, national-cultural component of vocabulary.

Л.Э. Рупышева *(Улан-Удэ, Россия)*
Восточно-Сибирский государственный институт культуры
rupysheva71@mail.ru

КОНЦЕПТ *УРГЫ* ‘ПРОСТРЕЛ’ В ФОЛЬКЛОРНО-ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА БУРЯТ

Работа посвящена описанию концепта УРГЫ ‘ПРОСТРЕЛ’ в фольклорно-языковой картине мира бурят. Выявлены значения и способы толкования соответствующего понятия *ургы*, сделана попытка дать этимологию, фонетические варианты слова. Название растения указывает на монгольское происхождение. В сознании бурят концепт УРГЫ воспринимается как символ весны, тепла, нежности, любви и верности.

Ключевые слова: бурятский язык, концепт, фитоним, языковая картина мира.

Отличительной чертой сегодняшнего языкознания является формирование новых лингвистических направлений, среди которых одним из важнейших становится концептология – наука о концептах, их содержании и отношениях внутри концептосферы. Концептология исследует как национальные, так и групповые, а также художественные и индивидуальные концептосферы [Баталова 2015: 58]. Анализ концепта позволит проникнуть в пласты национальной культуры, в сферу языкового сознания личности и этноса в целом, определить их содержание и установить аксиологическую окраску.

Поиск научных публикаций по тематике исследований позволил нам прийти к заключению о том, что специальные обобщающие работы по концептам бурятской лингвокультуры отсутствуют, но имеются публикации, в которых исследуются отдельные концепты – УВАЖЕНИЕ [Бухаева 2014], ЧЕЛОВЕК, СЕМЬЯ [Гымпилова 2016; 2017], СНЕГ [Чимитдоржиева 2016], СОЛНЦЕ / ЛУНА [Тагарова 2018]. Бурятские концепты с компонентом-фитоним мало изучены и до сих пор остаются вне поля внимания лингвистов.

Мы рассматриваем концепт в соответствии с определением Ю.С. Степанова [Степанов 2001: 43] как «сгусток культуры в сознании человека», «основная ячейка в ментальном мире человека», «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний».

Прежде чем перейти к выявлению средств репрезентации исследуемого концепта в текстах, необходимо определить основные смыслы, соотносящиеся с именем концепта в бурятской языковой картине мира.

Во многих культурах растения символизируют жизненную силу, жизненный цикл, питание, изобилие. На Востоке цветы всегда считались одними из главных способов выражения мыслей и чувств. Люди считали каждое дерево, каждый цветок, каждый растительный организм убежищем духа, тончайшим проявлением жизни. Фенологические наблюдения за природой способствовали тому, что образы растений и процессы, связанные с ними, являются основным способом ассоциативной интерпретации явлений внутреннего мира человека и вызывают большой интерес.

Не исключением в этой интерпретации является национальная культура бурят, в которой почитают символ забайкальской весны – подснежник. Он имеет собирательное значение для обозначения всех весенних цветов, которые цветут прямо из-под снега – ветрениц, сон-травы и некоторых других. В этнической Бурятия подснежниками называют *ургуи, ургы* ‘прострел’.

Для выявления понятийных характеристик концепта УРГЫ ‘ПРОСТРЕЛ’ мы обратимся к словарным дефинициям. Лексема «прострел» имеет значение: (Pulsatilla Mill.), род многолетних трав семейства лютиковых. Прикорневые листья перисто- или пальчаторассеченные, пластинки прикорневых листьев более или менее сильно рассеченные. Цветки одиночные, довольно крупные, сине-фиолетовые или желтые [Определитель растений Бурятии 2001: 297-299].

Этимологический словарь монгольских языков указывает на монгольское происхождение: халх. *яргуй*, бур. *ургы* ‘подснежник’; халх. *ургуй* ‘щавель’. Вероятно, семантическое развитие названия *ургы* шло от неразложимой морфемы ur халх., калм. ‘желвак; шишка, нарост’, впоследствии оформилось в праязыковую форму *urγï-, от которой образовалась форма URγU: халх., бур. *урга-*, калм. *ур*h-, ср.-монг. *hurγu-* ‘расти, произрастать; появляться (о шишках), всходить (о солнце)’. Ср. urgi-, uruγ. Позднее перешло в праязыковую форму *ïrγuy, от которой образовалась форма URγUI: халх. *яргуй*, бур. *ургы* ‘подснежник’ [ЭСМЯ 2018: 202]. Таким образом, воспроизводится словообразовательная модель: ur → *урга-* → *ургы*. Семантическая схема: ‘желвак; шишка, нарост’ → ‘расти, произрастать; появляться (о шишках), всходить (о солнце)’ → ‘подснежник’. Можно предположить, что путь становления фитонима получил свое развитие от формы пушистого комочка или ростка растения на потускневшей земле ранней весной, который на солнце растет очень быстро и спустя несколько дней формируется в красивый весенний цветок. Распространены фонетические варианты слова: *уурогой, уурэгэй, ургы сэсэг, ургуй* [Малышев 1965].

Признаки концепта УРГЫ широко представлены в народном сознании и обнаруживаются в текстах художественной литературы, песнях, пословицах, приметах.

Тиигээд сэнхирхэн дэльбэтэй, гал шарахан нюдэтэй түрүүшын сэсэг - ургы... ‘С голубыми лепесточками, с желтыми тычинками первый цветок – *ургы*…’ [НКБЯ].

В произведении Х. Намсараева [Намсараев 1959] создание образа строится на перцептивном модусе (обоняние), что свидетельствует о стремлении автора передать свое чувственное восприятие мира: *Хабарай урин дулаан эхилжэ, наруули газарта түрүүшын ургы сэсэг һалбараад, хоншуухан үнэр хамар өөдэ хангалтажа* ‘Весеннее тепло пришло, на освещенной солнцем земле распустился первый подснежник, который издает благоухающий запах …’

Фитоним *ургы* онтологически связан с наступлением тепла: *Ургы сэсэгэй задарха / үрин дулаан саг ерэбэ* ‘цветок подснежник раскрывается, теплый год настает’; *Урин дулаан болохол даа* / *Ургы ногоон ургахал даа* ‘с приходом теплых деньков, растут подснежники’ [НКБЯ].

Символ нежности фитонима *ургы* осмысляется в следующем отрывке произведения: «… на ножках, покрытых серебристым пухом, они тянули тонкие лиловые чаши цветов к солнцу. Ярко-желтая серединка сыпала пыльцу на лепестки, и со стороны казалось – будто они покрыты веснушками. Это не просто цветы, а сама нежность суровой моей Сибири. Наверное, поэтому мы так любим их» [Ургулька – нежность моей земли].

В стихотворении Цындымы Бабуевой «*Ургын* h*албарха ха*h*ада*» данный фитоним обретает смысловое значение любви, верности: «*Инаг хоерой дурые* / *ирагуу сэдьхэлэй дууе* / *Хөөбэр са*h*ан доро*h*оо* / *Хөөрхэн ургы шагнаба*, / *Хүхэхэн дэльбээрээ даллаба: / харыт намайе, обеорыт*!» [Баллада о любви, верности и долге перед Родиной].

Цветок растения может иметь статус поэтического символа. Так, жизненный цикл цветка может служить метафорой человеческой жизни – от расцвета цветка до его угасания, увядания. Эта символика присутствует в поэтической картине мира Г.Д. Фроловой [Фролова 2002: 104-105], где цветок ассоциируется с человеком. Так, в хороводной песне образ подснежника символизирует с одной стороны, девушку – чистую, невинную, пробуждение весны, с другой – увядание цветка, предчувствие неизбежной смерти. При этом, эпитет h*айхан* ‘красивый’ усиливается определением *улаан* ‘красное’: *Ургы* h*айхан сэегые / Улажа хосорхонь хайралтайема. / Улаан* h*айхан шараймнай Үтэлоод* h*уухан хайралтайема.* ‘Подснежник – красивый цветок, / Когда увянет – жалко. / Красивое румяное личико, / Когда состарится – жалко’.

В пословице выражается восторг с помощью художественного приема гиперболы: *ургы ногоон дэлхэйн шэмэг, хүгшэд хуримай шэмэг* ‘подснежник – украшение земли, старики – украшение свадьбы’; *ургы ногоо – дэлхэйн шэмэг, ухаатай басаган – гэрэй шэмэг* ‘подснежник – украшение земли, умная девушка – украшение дома’; *сэсэшүүл сугларбал түрын шэмэг / ургы ургабал уулын шэмэг,* / *урагууд сугларбал хуримай шэмэг* ‘букет цветов – временное украшение, подснежник расцвел – горы украшение, скопление родственников – украшение свадьбы’ [НКБЯ].

Фитоним *ургулька* «подснежник, прострел» представлен также в примете: «Первую встреченную ургульку надо сьесть – на счастье» [Отцветает ургуй!].

Таким образом, проведенный анализ лексических единиц выявил значения и способы толкования соответствующего понятия *ургы*, сделана попытка дать этимологию, фонетические варианты слова. Название растения указывает на монгольское происхождение. Установлена словообразовательная модель: ur → *урга-* → *ургы* и семантическая схема: ‘желвак; шишка, нарост’ → ‘расти, произрастать; появляться (о шишках), всходить (о солнце)’ → ‘подснежник’.

Создание образа строится на перцептивном модусе (обоняние), что свидетельствует о стремлении автора передать свое чувственное восприятие мира. На основе анализа материала можно сделать вывод о том, что в сознании бурят концепт УРГЫ воспринимается как символ весны, тепла, нежности, любви и верности.

Литература

Баллада о любви, верности и долге перед Родиной. URL: http://asiarussia.ru/blogs/19092 (дата обращения: 29.11.2019).

Баталова Х.И. К вопросу об актуальности исследования концептов // Lingua-universum. 2015. № 4. С. 58-60.

Малышев Л.И. Перспективы хозяйственного освоения. Систематический список местных русских, бурятских и тофаларских названий растений // Высокогорная флора Восточного Саяна. М.: Наука, 1965. С. 305-318.

Намсараев Х.Н. Үүрэй толон. Улаан-Үдэ, 1959.

НКБЯ – Национальный корпус бурятского языка. URL: http://www.web.corpora.net/BuryatCorpus/search/ (дата обращения: 29.11.2019).

Определитель растений Бурятии. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2001.

Отцветает ургуй! URL: www.stihi.ru/2010/05/24/1446 (дата обращения: 29.11.2019).

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2001.

Ургулька – нежность моей земли. URL: https://www.liveinternet.ru/community/geo_club/post163448646/ (дата обращения: 29.11.2019).

Фролова Г.Д. Бурятские народные песни. Песни хонгодоров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002.

ЭСМЯ – Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. Т. III. Q – Z. М.: ИВ РАН, 2018.

L.E. Rupysheva (Ulan-Ude, Russia)
East-Siberian State Institute of Culture

THE CONCEPT URGI ‘PROSTREL’ IN THE FOLK-LANGUAGE PICTURE OF THE BURYATS’S WORLD

The work is devoted to the description of the concept of URGI ‘PROSTREL’ in the folk-language picture of the Buryats’s world. The meanings and ways of interpreting the corresponding concept urgi are considered, an attempt is made to give

the etymology, phonetic variants of the word. Urgi indicates the Mongolian origin. The concept of URGI is perceived in the mind as a symbol of spring, warmth, tenderness, love and fidelity.

Key words: Buryat language, concept, linguistic picture of the world, phytonym.

О.П. Рябко *(Ростов-на-Дону, Россия)*
Южный федеральный университет
o.ryabko@yandex.ru

КОГНИТИВНО-ФРЕЙМОВАЯ ТЕОРИЯ НОМИНАЦИИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается когнитивно-фреймовая теория номинации с учетом психологического аспекта. Психологический аспект значим как для когнитивной лингвистики в целом, поскольку эта наука интегративна по своей природе, а также для теории номинации, однако в максимальной степени значимость такого аспекта проявляется в когнитивно-фреймовой теории номинации. Общие теоретические положения подтверждаются и верифицируются за счет анализа специфики флоронимической номинации и соответствующей картины мира.

Ключевые слова: когнитивно-фреймовая теория номинации, психологический аспект, флоронимическая номинация, флоронимическая картина мира.

В середине двадцатого столетия научный мир засвидетельствовал становление когнитивной науки, которая образовалась путем слияния трех значимых познавательных областей – нейродисциплин, вычислительной техники, когнитивной психологии. Для современного гуманитарного знания актуальным остается доминирование антропоцентризма как базового подхода для различных исследовательских парадигм.

Становление когнитивного подхода, как интердисциплинарной науки, изучающей природу знаний, то, как эти знания репрезентируются в познавательной деятельности человека, определяется особым интересом к человеку, к его внутреннему миру, его речемыслительной деятельности, к философии бытия личности. Активное использование когнитивного подхода позволило выявить и сформировать когнитивную парадигму знания, которая направлена на изучение формально-содержательных аспектов языка как производных от теории познания. При таком подходе закономерно исследуется как само познание, так и аспекты познавательной деятельности.

В когнитивной лингвистике последовательно описываются непосредственно не наблюдаемые и не осознаваемые субъектом параметры языка, связанные с определением корреляций языковых форм и их когнитивных аналогов, устанавливается пропорциональное соотношение таких единиц. Становлению когнитивной лингвистики предшествовало обращение языкового мировоззрения как зарубежных, так и отечественных лингвистов к изучению психологических основ языка на основании ментальных понятий

внутренней формы языка, образа, сознания, репрезентации, памяти, внимания.

Теоретическое обоснование специфики внутренней формы языка намечалось уже в трудах В. Фон Гумбольдта, который предложил разграничивать типы формы как признака языка и языкового знака. Им отмечено и наличие диалектической взаимосвязи внешней и внутренней формы языковых знаков: «действительная материя языка – это, с одной стороны, звук вообще, а, с другой стороны – совокупность чувственных впечатлений и непроизвольных движений духа, предшествующих образованию понятия, которое совершается с помощью языка» [Гумбольдт 1984: 70]).

В. Фон Гумбольдт указывал, что определенная корреляция внутренней и внешней форм языка и многообразие внутренних форм детерминируют многообразие языков мира. Специфика внутренней формы языковых знаков выступает в качестве одного из оснований формирования наивной языковой картины мира. Количество таких картин мира определяется количеством языков, так как они являются производными «от номинативной деятельности человека, деятельности по означиванию и обозначению мира» [Гумбольдт 1984: 74]).

Разделяя взгляды В. Фон Гумбольдта, российский ученый А.А. Потебня и его последователи, являясь сторонниками психологического направления в лингвистике, рассматривали речемыслительные акты как явление сугубо психическое, отмечая при этом, что язык, слово вносят в этот акт культурное, социальное и индивидуальное значения.

Психологически ориентированные языковые концепции во многом связаны с работами Ноама Хомского, трансформированно-порождающая грамматика которого была противоположна идеям бихевиоризма, так называемая «хомскианская революция». Она характеризуется признанием связи грамматики с семантикой, а языка – с когнитивными системами, вовлеченными в использование языка.

Для когнитивной лингвистики характерно наличие тенденции к изучению языковых форм в единстве с их категориально-концептуальными основами, к выявлению и описанию неосознаваемых компонентов семантики, которые тем не менее могут служить основой языкотворчества. Обращая внимание на этот факт, Ноам Хомский отмечал, что язык есть компонент психической деятельности человека и, соответственно, лингвистика в рассматриваемом аспекте взаимодействует с общей психологией. Язык становится уже традиционным объектом исследования таких наук, как нейрофизиология, когнитивная психология и других, на разных основаниях исследующих специфику функционального взаимодействия деятельности мозга, ее отражения в сознании и выражения средствами языка.

Таким образом, качественно новый подход к языку, как явлению языкового воздействия на человека, становится предметом когнитивной лингвистики, изучающей взаимосвязь мышления, языка и сознания в восприятии действительности. Внимание исследователей направлено на объяснение скрытого механизма, с помощью которого человек порождает, последовательно воспроизводит и номинирует языковые формы картирования мира, его фрагментов в рамках научного и обыденного знания.

Научное знание последовательно, вербально, отличается системностью. Напротив, обыденное знание фрагментарно, не всегда вербализовано, суще-

ствует в ментальных образах о вещах и явлениях действительности. Такое знание возникает и первоначально стабилизируется на уровне сознания носителя языка и получает языковое выражение посредством перцептивно-чувственных номинаций объектов. Существует и пограничное знание, неявное личностное знание, представленное навыками, умениями, личным опытом [Полани 1985].

Выбирая номинацию, индивид опирается на личностное знание, интуитивно использует неосознаваемые механизмы логики и языка мозга. В процессе восприятия окружающего мира действуют ментальные репрезентации, структура которых формируется «образом как категории сознания, а не признака объекта, который не может совпадать с оригиналом уже в силу того, что он живет в пространстве индивидуального сознания, а не в контексте действительной жизни» [Арутюнова 1999: 318]. Выбор номинации, как момент языкового творчества, осуществляется неосознанно в рамках образного мышления, используя структуру фрейма. Данные положения значимы как для общей когнитивной (когнитивно-фреймовой) теории номинации, так и для исследования в этом аспекте некоей общей целостной картины мира, а также разных ее фрагментов, которые могут рассматриваться как своеобразные частные картины мира, например, флоронимическая и т.д. Такие картины мира могут структурироваться единицами разных типов. Предпочтительным представляется описание такой структуры как особого вида гетерогенного поля, имеющего исходно фреймовую природу.

В гетерогенной структуре флоронимического поля номинирование объектов флоры происходит разными факторами.

Когнитивный фрейм мотивации флоронимов с параметрическим признаком представлен информационным / интуитивно-эмотивным компонентом. Он характеризует внешненаблюдаемые признаковые свойства растений на уровнях перцепции, фиксируемые зрением, вкусовыми, тактильными и звуковыми ощущениями. К параметрическим признакам сложноструктурных флоронимических образований, фиксируемых зрением, относятся признаки «форма», «внешний вид», «манера роста», «цвет» и «размер» растений, составляющие ядро параметрических признаков.

Переходную зону параметрических признаков сложных флоронимов составляют признаки запаха (положительная оценка запаха::отрицательная оценка запаха); признаки тактильности (гладкость::шероховатость); признаки вкуса с двойной бинарной оценкой (сладкость::горькость), (кислость::соленость). Периферию параметрических признаков сложных флоронимов составляют признаки «звук», «вес» и полоразличительный признак. Флоронимические наименования производны от культурных архетипов и эмотивных отношений человека к природной действительности, которые интерпретируются в терминах теории «фигура-фон», прототипической семантики, теории семейных сходств.

Когнитивный фрейм мотивации в прагматической и локативно-темпоративной группах признаков сложноструктурных флоронимов представлен дискурсивно-логическими индуктивными основаниями, которые реализуются в форме номинативного вывода.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 318.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 70.

Кубрякова Е.С. Исследования по общему языкознанию // Актуальные проблемы российского языкознания. М., 1997. С. 19.

Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии. М.: Прогресс. 1985. 156 с.

O.P. Ryabko (Rostov-on-Don, Russia)
Southern Federal University

COGNITIVE-FRAME THEORY OF NOMINATION: PSYCHOLOGICAL ASPECT

The article considers the cognitive-frame theory of nomination taking into consideration the psychological aspect. The psychological aspect is significant both for cognitive linguistics in general, since this science is integrative in nature, as well as for the theory of nomination, but mostly the significance of this aspect is manifested in the cognitive-frame theory of nomination. The general theoretical positions are confirmed and verified by analyzing the specifics of the floronymic nomination and its corresponding picture of the world.

Key words: cognitive-frame theory of nomination, psychological aspect, floronymic nomination, floronymic picture of the world.

О.Г. Скворцов *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
skvortsovy@mail.ru
Т.В. Попова *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
popovatv@mail.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФРЕЙМА *ТВОРИТЬ* СРЕДСТВАМИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО И АССОЦИАТИВНОГО ГНЕЗД

В статье рассматриваются особенности интерпретации фрейма «творчество / творить» в обыденном сознании словообразовательными и лексическими средствами русского языка. Для этого выявляется характер репрезентации глубинной пропозиции «субъект – действие – объект» в дериватах словообразовательного гнезда с вершиной ***творить*** и ассоциативных реакциях на этот же стимул.

Ключевые слова: творчество, пропозиция, производитель действия, объект действия, словообразовательное гнездо, ассоциативное гнездо, лексическая интерпретация.

Интенсивное развитие когнитивной лингвистики обусловливает необходимость более глубокого и полного осмысления особенностей отражения и категоризации мира средствами разных уровней языка. В настоящее время общепризнано, что поверхностные языковые единицы опираются на общие пропозициональные структуры, интерпретируя их в силу своих структурно-семантических особенностей и возможностей. По мнению М.Н. Янко-Триницкой, «пропозициональный подход характеризуется универсальностью и показывает способ мышления и организации человеческого сознания <...> ... следует признать, что язык “ориентирован” на пропозицию, которая является смысловой основой языковых единиц всех уровней» [Янценецкая 2014: 167].

В данной статье предполагается выявить специфику интерпретации одной из когнитивных структур – фрейма «творить / творчество» – средствами русской лексики и словообразования. Обращение именно к этому когнитивному смыслу обусловлено его актуализацией в русском общественном сознании рубежа XX–XXI вв., что обусловлено демократизацией жизни русского общества во всех сферах жизни, усилением личностного и игрового начала в социуме и языке, востребованностью именно этого качества личности. Актуализация смысла «творить» проявилась, в частности, в активном пополнении гнезда слов с синонимичным корнем ***креатив-*** / ***креат-***. По данным Национального корпуса русского языка, 2 слова с корнем ***КРЕАТИВ-*** / ***КРЕАТ-*** появлялись в русском языке в XIX в. (***рекреация*** – 1855 г., ***креатура*** – 1858 г.), 2 – в первой половине XX в. (***креатор*** – 1921 г., ***креационизм*** – 1936 г.) и 7 – на рубеже XX–XXI вв.: ***креатив, креативный, креативить*** – 1997 г., ***креативность*** – 1999 г., ***креативщик*** – 2000 г., ***креативно*** – 2000 г., ***креационист*** – 2005 г. Помимо этих слов в современных русских текстах зафиксированы еще неолексемы ***гастро-креатив, креационистский*** и ***репродуктивно-креативный***, информации о которых в НКРЯ нет. Эти новообразования высокочастотны в речи. Об этом можно судить по количеству ответов на запросы в поисковых системах Интернета (Яндекс, 13.01.2020): ***креатив*** – 161 млн. ответов, ***креативно*** – 12 млн., ***креативный*** – 10 млн., ***креатор*** – 2 млн., ***гастро-креатив*** – 775 тыс., ***репродуктивно-креативный*** – 659 тыс., ***креативщик*** – 47 тыс., ***креативить*** – 32 тыс., ***креатура*** и ***креативность*** – по 6 тыс. ответов.

Обращение именно к фрейму «творить» целесообразно еще и потому, что он позволяет сопоставить естественную интерпретацию данной пропозиции носителями языка на обыденном уровне сознания: словообразовательное гнездо (далее – СГ), отражающее деривационную категоризацию, складывалось стихийно, не искусственным образом; лексическая же интерпретация этой пропозиции может быть выявлена по данным «Русского ассоциативного словаря» Ю.Н. Караулова. В этом словаре отражается именно лексическая репрезентация смысла «творить», поскольку в ассоциативном гнезде (далее – АГ) глагола ***творить***, содержащем 102 реакции (далее – R), нет словообразовательных реакций вообще, а в АГ со стимулом ***творчество*** – обнаружено только 2 однокоренных слова: ***творить*** и ***плодотворный*** [РАС I: 650].

– **Интерпретация фрейма «творить» средствами СГ *творить***. По данным «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова [Тихонов 2003: 214-215], СГ глагола ***творить*** состоит из 102 слов, включая вершину гнезда. Пропозиция этого действия представлена дериватами с корнем -***твор***- следующим образом.

Субъект действия отражен в 14 субстантивах, преимущественно сложных словах (*творец* ↔ *песнетворец, рифмотворец, смехотворец, стихотворец, стихотвор, стихотворица, чудотворец, чудотвор, теплотвор, крючкотвор, крючкотворец, языкотворец* ↔ *сотворчество:* 2 субъекта), 1 прилагательном (*крючкотворский),* 2 глаголах (*крючкотворствовать, крючкотворить*) – всего в 17 дериватах. Субъект, как правило, соотносится с объектом творчеств (в 16 производных словах), в единичных случаях – с наличием второго субъекта, совместно с которым производит действие (*сотворчество*).

Объект действия (иногда его результат) присутствует в 15 композитах, приведенных выше, а также в 27 существительных, в основном, со значением действия или состояния (*кроветворчество, бумаготворчество, жизнетворение, жизнетворчество, мифотворчество, песнетворчество, планотворчество, словотворчество, стихотворчество, терминотворчество, формотворчество, языкотворчество, болезнетворность, плодотворность, неплодотворность, крючкотворство, смехотворность, смехотворство* и под.), 20 сложных прилагательных и причастиях (*словотворческий, стихотворческий, языкотворческий, плодотворящий, болезнетворный, жизнетворный, злотворный, теплотворный, тошнотворный, чудотворный* и под.), 8 глаголах (*крючкотворствовать, крючкотворить, оплодотворить, -ся, -ять, -яться, стихотворствовать, чудотворить*), 6 наречиях (*болезнетворно, плодотворно, неплодотворно, смехотворно, тошнотворно, чудотворно*). Всего – в 76 дериватах.

В СГ актуализирована также семантика действия / состояния: «чистое» творчество (*творение, творчество*), совместное творчество (*сотворчество*), негативный результат «творчества» (*вытворить, -ся, -ять, -яться, натворить, сотворить, -ся, -ять, -яться)*, творчество в связи с объектом (см. в предыдущем абзаце 27 субстантивов и 8 глаголов) – всего 47 производных.

– **Интерпретация фрейма «творить» средствами АГ** со стимулами ***творить*** и ***творчество***. Оба стимула являются результатом свертывания одной и той же пропозиции и актуализируют один и тот же ее компонент – собственно процесс творчества, создания чего-л. нового, но представляют его в словах разных частей речи.

В АГ ***творить*** 5 реакций содержат компонент «субъект творчества» (*художник 2, волшебник, гений, ученый*), 65 – «объект / результат творчества» (*чудеса 35, добро 9, зло 2, дела 2, дело 1, беззаконие, поэзию, стихи, счастье, себя, черт знает что, что?*), 21 R – само действие и вызываемое им психологическое состояние (*делать 6, создавать 3, созидать 2 и созидать, изобретать, изобретательный, писать, рисовать, родить* ↔ *пробовать* ↔ *разрушать*), 1 – «средство» творчества (*фантазия*).

В АГ ***творчество*** 52 реакции содержат компонент «субъект творчества» (*народное 7, народов 1, народов мира 1, масс 1, писателя 7, поэта 3, поэт 1, Пушкина 2, Блока, Маршака, художника 5, художник 4, певца, актера, детское, молодежи, молодых, школьников, студентов муз, индивидуальное, мое,*

генсека, гений, человек), 5 R – «объект / результат творчества» (*картина 3, дело, произведение*), 6 R – само действие (*деятельность, работа, рисовать, творить, погружение, устное творчество*), 8 R – сфера творчества (*искусство 4, кино, литературное, музыка, наука*).

Таблица. **Основные категориальные смыслы фрейма «творить»**

Категориальные смыслы фрейма «творить»	Количество единиц, манифестирующих категориальный смысл в СГ или АГ		
	СГ ***творить***	АГ ***творить***	АГ ***творчество***
Субъект	17	5	52
Действие	47	21	6
Объект	76	65	5
Всего	101 дериват	102 R	102 R

Сопоставление полученных результатов (см. табл.) позволяет выделить следующие особенности словообразовательной и лексической категоризации фрейма «творить» в русском языке.

1. Категоризация фрейма «творить / творчество» и лексическими, и словообразовательными средствами опирается на 3 основные компонента любой пропозиции: субъект – действие – объект действия.

2. При словообразовательной категоризации связь действия с объектом (75% дериватов фиксируют ее) намного значимее связи действия с его производителем (16,5%); при лексической категоризации значимость субъекта еще более понижается (5 R из 102 в АГ ***творить***). Если же фрейм «творить» материализуется в существительном ***творчество***, то ситуация принципиально меняется – на первое место выдвигается категория субъекта творчества, причем производитель действия манифестируется в основном через синтагматические связи (творчество кого? чье?).

3. При лексической интерпретации фрейма «творить» используются в основном простые слова (100 слов-реакций из 102 R), при словообразовательной – сложные производные: в СГ ***творить*** лишь 20 дериватов не относятся к композитам (*творец, творчество, творческий, натворить, сотворить* и под.). Поэтому лексическая категоризация опирается на синтагматические связи действия с объектом и субъектом, словообразовательная же – осуществляется в основном через полипропозициональные словообразовательные значения композитов. Такие СЗ связывают несколько элементов пропозиции или несколько пропозиций воедино: в СГ ***творить*** доминируют СЗ «действие (творчество / творение), совершаемое над объектом, названным мотивирующим существительным (н.м.с.)» и «человек, творящий / создающий то, что н.м.с.».

4. Лексические и словообразовательные средства категоризации и содержательной интерпретации фрейма «творить» взаимно дополняют друг друга и обогащают интерпретационный потенциал языка: лишь 3 компонента СГ и АГ частично совпали – стимул ***творить*** имеет реакции *чудо 8, зло 2, стихи* 1, которым соответствуют производные *чудотворный, злотворный, стихотворный*; остальные объекты творчества специфичны для СГ и АГ, ср. объекты в СГ (*слово, песня-, рифма, смех, стих, термин, фор-*

ма, язык, тепло, кровь, бумага- и под.) и объекты в АГ (*чудеса, добро, дела, беззаконие, поэзию, себя, счастье, черт знает что, что*).

Литература

РАС I – Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: Астрель: АСТ, 2002. 784 с.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словрь русского языка: в 2 т. М.: Астрель: АСТ, 2003. Т. 2. 941 с.

Янко-Триницкая М.Н. Пропозициональный аспект словообразования (обзор работ сибирских дериватологов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 1 (27). С. 167-192.

O.G. Skvorchov (Ekaterinburg, Russia)
Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
T.V. Popova (Ekaterinburg, Russia)
Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

INTERPRETATION OF THE FRAME TO CREATE BY MEANS OF A WORD-FORMING AND ASSOCIATIVE NEST

The article discusses the features of the interpretation of the frame “creativity / create” in the ordinary mind by word-formation and lexical means of the Russian language. For this, the character of the representation of the deep proposition “subject – action – object” in the derivatives of the word-building nest with the top to create and associative reactions to the same stimulus is revealed.

Key words: creativity, proposition, producer of action, object of action, word-building nest, associative nest, lexical interpretation.

О.В. Сухарева *(Воронеж, Россия)*
Воронежский государственный университет
sukhareva-ov@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ АКТУАЛИЗАЦИИ КОННОТАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОНИМОВ ПРИ СЛОВОСЛОЖЕНИИ

В статье описывается процесс порождения этноконнотаций художественными онимами английского языка в рамках культурологической направленности лингвокогнитивного подхода. Словосложение выступает как продуктивный способ словообразовательной деривации исследуемых языковых единиц.

Ключевые слова: художественный оним, этноконнотация, концептуальная деривация, словообразовательная деривация, словосложение, концептуальная интеграция.

Рассмотрение процесса порождения новых этнокультурных смыслов при словообразовательной деривации представляется перспективным с позиций лингвокогнитивных исследований. Это объясняется взаимообусловленностью когнитивных и языковых механизмов, необходимостью создания средств репрезентации для новых концептуальных сущностей, которые образуются вследствие познавательной и интерпретирующей деятельности человека.

Процессы концептуальной деривации выступают в качестве «когнитивных доминант языковых процессов» [Болдырев 2018: 39] и являются основополагающими в нашей работе, поскольку предопределяют формирование этнокультурной коннотативной семантики рассматриваемых англоязычных онимов. По мнению Н.Н. Болдырева, вторичная языковая интерпретация основывается на вторичной концептуализации знаний о мире» [Болдырев 2018: 39].

Появление культурно-маркированных коннотаций, или этноконнотаций [Быкова 2005: 34], детерминировано профилированием определенных признаков концептуальных структур и обусловлено национально-культурной спецификой языкового сознания. Исследуемые нами художественные онимы как категория имен собственных, функционирующих в произведениях различных форм художественного творчества человека [Сухарева 2014: 26], характеризуются особой этноспецифичностью. Актуализируя имплицитные смыслы, они реализуют свой богатый коннотативный потенциал в результате различных деривационных процессов.

Словообразовательная деривация англоязычных художественных онимов составляет 23%, что свидетельствует о ее значимости в процессах категоризации и концептуализации окружающей действительности. Факт выявления не только узуальных, но и окказиональных (т.е. не зафиксированных в словарях, но проявляющихся в речи коммуникантов) производных слов, композитов и телескопизмов подтверждает, что словообразование предоставляет неограниченные возможности для репрезентации новых концептуальных структур в современном английском языке.

В фокусе нашего внимания в рамках данного исследования находится словосложение, которое демонстрирует высокую степень продуктивности и составляет 26% от общего количества анализируемых единиц.

Рассмотрение словосложения с позиций когнитивной лингвистики представляется наиболее целесообразным, так как анализ взаимодействия когнитивных и лингвистических механизмов позволяет объяснить формирование интегрированных когнитивных структур. Принимая механизм концептуальной интеграции за когнитивное основание, отметим, что при словосложении на первом этапе происходит интеграция концептуальных структур, репрезентированных основами сложного слова: атрибутивным компонентом является англоязычный художественный оним. Впоследствии полученный бленд выступает в качестве исходного пространства и участвует в процессе концептуальной метафоризации [Сухарева 2014: 123].

Так, композит **Linus blanket** означает anything that provides reassurance and a feeling of security [ODRA 2010: 215], *успокаивающее средство, «утешитель», что-либо, вселяющее чувство безопасности.* Linus – имя персо-

нажа комиксов “The Peanuts” Ч.М. Шульца, маленького мальчика, который никогда не расстается со своим одеялом. В сознании коммуникантов фокусируются признаки «придающий уверенность», «защищающий»: “In reality, women don’t substitute cats for relationships, <…> their moggies providing a furry **Linus blanket** until someone nice comes along” [The Observer].

Композиты, содержащие англоязычные художественные онимы, играют особую роль как номинативные единицы языка не только в силу своей емкости, позволяющей в сжатом виде обозначить фрагмент действительности, но и как средства создания образности. Например, **Alice band** – *цветная повязка для головы, ободок* (Alice – героиня произведений Л. Кэрролла “Alice’s Adventures in Wonderland” и “Through the Looking Glas”), **Robin Hood tax** – *налог на финансовые операции, взимаемый с богатых граждан и используемый для помощи нуждающимся* (Robin Hood – герой средневековых английских легенд, помогавший бедным), **Romeo slipper** – *закрытая мужская туфля с глубоким вырезом по бокам* (Romeo – герой трагедии У. Шекспира “Romeo and Juliet”), **Dagwood sandwich** – *многослойный бутерброд большого размера* (Dagwood – герой американских юмористических комиксов “Blondie”) и т.д.

Согласно результатам проведенного исследования, композиты, содержащие художественные онимы, строятся по словообразовательной модели N1+N2→N3 как наиболее продуктивной в системе современного английского языка. Первый компонент композита N1, в силу гетерогенного характера рассматриваемых нами онимов, может быть представлен следующими ономастическими моделями:

1) имя: **Juliet cap** – *кружевной чепец*, **Juliet balcony** – *французский балкон, не имеющий площадки* (Juliet – героиня трагедии У. Шекспира “Romeo and Juliet”), **Wendy house** – *детский домик для игр* (Wendy – персонаж произведения Дж.М. Барри “Peter Pan; or, the Boy Who Wouldn’t Grow Up”);

2) фамилия: **Bates motel** – *отель, имеющий зловещий и устрашающий внешний вид или атмосферу* (Bates – герой романа “Psycho”, написанного Р. Блохом и экранизированного А. Хичхоком, владелец отеля, убивающий своих постояльцев);

3) имя+фамилия: **Dolly Varden dress** – *цветное приталенное платье* (Dolly Varden – героиня романа Ч. Диккенса “Barnaby Rudge”, жизнерадостная, легкомысленная красавица, которая предпочитает носить яркие платья с цветочным рисунком).

Исследование когнитивного аспекта коннотации с позиций культурологической направленности позволяет изучить динамический характер семантики художественных онимов в процессах словообразовательной деривации. Ее ключевыми механизмами являются концептуальная интеграция и метафоризация, в результате действия которых в языковом сознании коммуникантов порождаются культурно-специфические номинации новых когнитивных структур. Лингвокреативность языкового сознания как свидетельство интерпретирующего, динамического характера языка способствует актуализации коннотативного потенциала художественных онимов.

Литература

Болдырев Н.Н. Концептуальная деривация как основа вторичной языковой интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2018. № 33. С. 37-42.

Быкова О.И. Этноконнотация как вид культурной коннотации: на материале номинативных единиц немецкого языка. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005.

Сухарева О.В. Коннотативность художественных онимов английского языка: дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2014.

ODRA – The Oxford Dictionary of Reference and Allusion. New York: Oxford University Press, 2010.

O.V. Sukhareva (Voronezh, Russia)
Voronezh State University

COGNITIVE BASES OF CONNOTATIONAL POTENTIAL ACTUALISATION BY ARTISTIC NAMES IN THE PROCESS OF COMPOUNDING

The article describes the process of production of ethnoconnotation by English artistic names within the culturological perspective of linguo-cognitive approach. Compounding acts as a productive means of word-formative derivation of analysed language units.

Key words: artistic name, ethnoconnotation, conceptual derivation, word-formative derivation, compounding, conceptual integration.

А.В. Таскаева *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный институт искусств им. П.И. Чайковского
taskaeva_anna@bk.ru

ЛИЧНЫЙ ГЕРОЙ: ОСОБЕННОСТИ КОНКРЕТИЗАЦИИ ГЕРОИЧЕСКОГО

В статье описано, каким образом посредством языка преломляются в индивидуальном сознании носителя английского языка (как родного, так и неродного) представления о личном герое. Проведен анализ англоязычных ответов пользователей социального сервиса обмена знаниями Quora, на вопрос о том, кто твой личный герой. В результате исследования обнаружено, что статус личного героя приобретают родители, родственники, близкие люди. Представления о героическом неразрывно связаны с жертвенностью и самоотверженностью. Личный герой – это человек, необязательно известный широкой общественности, являющийся модельной личностью для отдельно взятого человека, который своим примером вдохновляет и мотивирует.

Ключевые слова: личный / персональный герой, невоспетый герой, англоязычные респонденты, личная оценка, жертва, самоотверженность.

Цель настоящего исследования – описать, каким образом посредством языка преломляются в индивидуальном сознании носителя английского языка (как родного, так и неродного) представления о личном герое / кумире (a personal hero).

В таксономиях героев американских психологов З. Франко (Z.E. Franco), К. Блау (K. Blau) и Ф. Зимбардо (P.G. Zimbardo), советского и российского философа и социолога В.Д. Плахова отдельно не выделяется тип «личного героя». В известной таксономии героических личностей, разработанной американскими психологами С. Эллисоном (S.T. Allison) и Дж. Гетелсом (G.R. Goethals), выделяемый нами героический тип более всего соотносится с категорией «невоспетый герой» (“unsunghero”) (https://blog.richmond.edu/heroes/category/unsung-heroes/). Авторы отмечают, что «будь то правители, родители, божества или учителя, герои описываются как мужественные, бескорыстные и способные применить свой талант во благо других. Слава не обязательно сопутствует героизму. Мы признаем невоспетых героев, которые трудятся в безвестности, и чьи действия надолго меняют жизнь их окружения. Мы также видим героизм в людях, которые не стремились стать героями» (цит. по [Джумайло 2019: 196]).

Материалом исследования послужил социальный сервис обмена знаниями Quora. Анализу подвергались ответы, добавленные пользователями Quora (https://www.quora.com/), на вопрос о том, кто твой личный герой / кумир (всего 120 ответов, около 108 тыс. знаков). Все комментарии написаны на английском языке, однако пользователи являются резидентами разных стран, большинство респондентов из США, Индии и Великобритании.

Обоснуем выбор материала исследования. Создатели Интернет-портала Quora формулируют цель данного Интернет-ресурса следующим образом: помочь людям понять то, как устроен мир. Основная идея Quora заключается в том, что люди «из разных миров» отвечают на одни и те же острые и актуальные вопросы: «вопросы о событиях, недавно произошедших в мире, вопросы, ответы на которые важны для принятия жизненно важных решений, и вопросы, которые дают представление о том, почему другие люди думают иначе». Тем самым пользователи-читатели получают возможность посмотреть на одну и ту же проблему с разных сторон, узнать разные точки зрения. Само понятие *личный герой* предполагает персонифицированную оценку, личное отношение, частное мнение конкретного человека, и именно этот портал дает возможность получить доступ к таким персональным оценкам и суждениям.

Мы проанализировали ответы пользователей Интернет портала на вопросы, которые звучали следующим образом:

Who is your personal hero? Why does he inspire you? (Кто твой личный герой? Почему он вдохновляет тебя?)

Who is a real life hero? What makes a person a hero? (Кто настоящий герой? Что делает человека героем?)

Is there any hero in real life? (Есть ли герой в реальной жизни?)

Heroes: Who is someone you admire and why? (Герои: Кем вы восхищаетесь и почему?)

Who is your role model in life? What is something that inspires you? (Кто твой пример для подражания в жизни? Есть ли кто-то, кто тебя вдохновляет?)

Who are today's heroes, and why? (Кто герой нашего времени и почему?) и другие.

В анализируемых ответах прослеживается следующая тенденция: люди называют одно или несколько имен и обосновывают свой выбор, приводя очень разные истории из жизни, зачастую с подробным описанием какого-то знаменательного (или не очень) события или анализируя свой жизненный путь. Однако называя известное имя, авторы, как правило, не ссылаются на личный опыт, а акцентируют внимание читателей на достижениях героя, которые, по их мнению, являются самыми значимыми.

Итак, проведенное исследование показало, что мать и отец, родители как единое целое (а также бабушка, дедушка, брат, сестра, жених, невеста, тетя, дядя, близкий друг) – самый популярный ответ о личном герое. С. Эллисон и Дж. Гетелс пришли к тем же выводам, объясняя это тем, что «отношения с родителями являются первыми значимыми отношениями в жизни каждого человека. Это отношения, которые неизменно определяют наши ценности, стремления и поведение в будущем. Именно поэтому, когда мы добиваемся успеха в карьере и личной жизни, мы видим в этом заслугу родителей, по крайней мере частично» (здесь и далее переведено нами) (https://blog.richmond.edu/heroes/2019/06/05/why-our-fathers-are-our-heroes/).

Героям – родственникам, близким людям и друзьям – приписываются следующие характеристики, выраженные лексемами: incredible (невероятный), inspiring (вдохновляющий), dynamic (активный), energetic (энергичный), fearless (бесстрашный), kind (добрый), loving (любящий), generous (щедрый), always helping people (всегда помогающий людям), patient (терпеливый), amazing (удивительный), brilliant (выдающийся), talented (талантливый). Наиболее важным героическим свойством является самоотверженность, что находит подтверждение в анализируемых текстах. Приведем несколько примеров:

He is such a **selfless** man and a man with much patience. Он самоотверженный человек и обладает необычайным терпением (об отце).

My father's entire life has been about giving to his family, about **selfless** service. Вся жизнь моего отца была посвящена самоотверженному служению семье (об отце).

Are *we really that dumb that we can*'t choose between reel, fancy heroes and **selfless**, real hero. Неужели мы действительно настолько глупы, что не можем различить настоящих самоотверженных героев от раскрученных?

В исследовании было обнаружено, что, преломляясь через индивидуальное сознание, представления о героическом неразрывно связываются с жертвенностью: твоим личным героем становится тот, кто пожертвовал чем-либо ради тебя (sacrifice). Приведем несколько примеров:

I look up to them for their unconditional love and their ability to **sacrifice** for me. Я восхищаюсь ими за их безусловную любовь и способность жертвовать собой ради меня (о родителях).

She is my backbone who supports me. Her **sacrifices**! Она моя опора, которая поддерживает меня. Она многим жертвует! (о матери).

The persons I admire the most are the parents who can **sacrifice** almost anything and everything for their own kids. Люди, которыми я восхищаюсь

больше всего, – родители которые могут пожертвовать всем или почти всем ради своих детей (о родителях).

The persons that I admire the most are mother and father who does everything in their power to provide the most and best for their kids even if it means that they have to **sacrifice** their own happiness, well being, health and so on. Люди, которыми я больше всего восхищаюсь, – это мама и папа, делающие все возможное, чтобы дать своим детям самое лучшее, даже если ради этого приходится жертвовать собственным счастьем, благополучием, здоровьем и другим.

She worked hard and **sacrificed** to create the best opportunities for her children, from education to everything else. Она упорно трудилась и жертвовала многим, чтобы открыть новые возможности своим детям, начиная от образования и заканчивая всем остальным (о матери).

What I'm now is just because of him **sacrificing** many of his for oursake. Я тот, кем я являюсь, только благодаря тому, что он пожертвовал многим ради нас (об отце).

На основе анализируемого материала можно сделать вывод о вдохновляющей, мотивирующей функции личного героя (inspire). Несколько примеров:

I don't think only a person who is well-known or celebrity is a hero but a person who **inspires** other persons to grow well and do well is also a hero. Я не думаю, что только известный человек является героем, а тот, кто вдохновляет других людей меняться к лучшему.

That real life hero is none other than my Father. He really **inspires**me a lot. Этот настоящий герой не кто иной, как мой Отец. Он действительно вдохновляет меня.

Every living being is a hero for me who can teach me something worth for life, who can make me realize my mistakes , who can enlighten me and one who can **motivate / inspire** me to do something better than before. Герой для меня каждый, кто может меня чему-то научить, помочь мне осознать ошибки, просветить и мотивировать / вдохновить меня стать лучше, чем прежде.

Кроме того, в качестве личных героев участники обсуждения называют медийных личностей / селебрити, супергероев (вымышленных персонажей комиксов и фильмов), политических лидеров, религиозные фигуры, людей, преодолевающих физические недостатки и тяжелые жизненные обстоятельства, ученых, учителей и «повседневных героев» – тех, кто случайно оказался рядом и помог в чрезвычайной ситуации.

Таким образом, *личный герой* – это человек, необязательно известный широкой общественности, являющийся модельной личностью для отдельно взятого человека, который своим примером вдохновляет и мотивирует. Представления о *личном герое* обусловливаются личным опытом и субъективной оценкой поведения, которое может считаться героическим в связи с принесенной жертвой / готовностью к самопожертвованию и самоотверженностью.

Литература

Джумайло О.А. Герой своего времени, герой вне времени, или герой на все времена – quiproquo // Новое прошлое / The New Past. 2019. № 1. С. 192-205.

Плахов В.Д. Герои и героизм: опыт современного осмысления вековой проблемы: монография. СПб.: КАРО, 2008. 239 с.

Allison S.T., Goethals G.R. Heroes: What they do and why we need them. New York: Oxford University Press, 2011.

Allison S.T., Goethals G.R. Heroic leadership: An influence taxonomy of 100 exceptional individuals. New York: Routledge, 2013.

Franco Z.E., Zimbardo P.G. The banality of heroism // Greater Good. 2006. № 3 (2). P. 30-35.

Franco Z.E., Blau K., Zimbardo P.G. Heroism: A conceptual analysis and differentiation between heroic action and altruism // Review of General Psychology. 2011. № 15 (2). P. 99-113.

A.V. Taskaeva (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky

PERSONAL HERO: HOW TO SPECIFY THE HERIOC

The article describes the ideas of apersonal hero in the individual consciousness of the native and non-native speaker of English. We have analyzed the English-language responses of users of the question-and-answer website Quora to the question of who is your personal hero. As a result of the study, it was found that parents, relatives, close people acquirethe status of a personal hero. Representations of the heroic are connected with sacrifice and selflessness. A personal hero is a person who is not necessarily known to the public, but who is a model person to a certain individual, who inspires and motivates.

Key words: personal hero, unsung hero, English-speaking respondents, personal assessment, sacrifice, selflessness.

Н.Н. Фаттахова *(Казань, Россия)*
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Nelya7@mail.ru
Н.И. Файзуллина *(Казань, Россия)*
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Nelya7@mail.ru
А.М. Мубаракшина *(Казань, Россия)*
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Nelya7@mail.ru

КАТЕГОРИЗАЦИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ НАЦИОНАЛЬНОГО ФОКУСА ВНИМАНИЯ

В статье на примере народных загадок рассматриваются возможные варианты осложнения выделяемых национальным сознанием категорий. Авторы в результате анализа народных загадок русского, татарского и английского языков устанавливают, что вычленяемые объективные категории могут осложняться аксиологическим компонентом, выделением «предельных» показателей, а также отличаться способом их репрезентации в тексте загадки.

Ключевые слова: загадка, фольклор, денотат, категория.

Изучение ментальной деятельности посредством производимых человеком языковых знаков затрагивает ряд проблем, сопряженных с ментальной деятельностью говорящего, среди которых и систематизация полученных знаний, помещение в фокус национального внимания той или иной категории. Интерес к выявлению причин концентрации национального внимания на том или ином признаке предмета, безусловно, связан со стремлением уяснить сложные процессы, направленные на созидание многоуровневого эмпирического знания, закрепленного в языке: «Вся деятельность по категоризации мира, то есть по распределению по особым группировкам, классам и т.п. – по категориям, носит всегда в конечном счете языковой характер» [Кубрякова 2010: 14].

Обращение к данной проблеме отечественных когнитологов [Болдырев, Дубровская 2015; Заботкина, Боярская 2010] подчеркивает значимость затронутой проблематики и указывает на полиаспектное ее изучение. Так, Н.Н. Болдырев пишет: «концептуализация и категоризация могут рассматриваться в двух основных аспектах: статическом и динамическом. В статическом аспекте концептуализация – это система знаний (концептуальная система, картина мира, концептосфера и т.д.), а категоризация – система категорий. В динамическом аспекте – это осмысление объектов мира и формирование единиц знания о них – концептов (концептуализация) и процессы распределения этих знаний по рубрикам опыта, т.е. определенным категориям, соотнесение с конкретными категориями (категоризация)» [Болдырев 2014: 38].

Мы полагаем, что в зависимости от предмета исследования выявленные характеристики известных категорий могут быть дополнены параметрами синхронии / диахронии, территориального применения, степени «языковой» выраженности описываемого признака, а также принадлежности к определенным этапам развития условий жизни человека. Подобные выводы видятся нам вполне естественными ввиду длительного изучения загадок разных народов.

Так, при сопоставлении загадок о ветре были обнаружены определенные особенности в описании одного и того же предмета в русском, татарском и английском языках.

В русской загадке внимание уделяется движению денотата и его акустическому «поведению», что характеризуется как полет, вой, пляска, стук: *Летит, а не птица, воет, а не зверь (ветер)* [Рыбникова 1932: 239]; *Сивый жеребец улицей несется (ветер)* [Рыбникова 1932: 239]; *Не человек, а пляшет (ветер)* [Рыбникова 1932: 239] *Шумит, гудит целый век, а не человек (ветер)* [Рыбникова 1932: 239]; *Без рук, без ног, под окном стучит – в избу просится (ветер)* [Рыбникова 1932: 239].

Следовательно, русское языковое сознание при описании ветра в первую очередь фиксируется на скорости перемещения воздушных масс и их акустических признаках. Данные фокусные категории являются значимыми для всех носителей лингвокультуры, поскольку иначе загадка не может быть разгадана.

В загадке *Выше леса, тоньше колоса (ветер)* [Садовников 1959: 237] базируется на латентном указании невидимости денотата.

В татарских загадках также отмечаются акустические показатели и эксплицитно подчеркивается невидимость ветра: *Үзе күренми, үзе сызгыра, үзе бар нәрсәне пыр туздыра (җил-давыл)* [Мәхмутов 1976: 47]; *Үзе җансыз, тавышы ямьсез (җил-давыл)* [Мәхмутов 1976: 47]. Однако текст загадки содержит не

только объективное указание на физическое действие, но и его отрицательную оценку.

Особое внимание уделяется силе физического воздействия денотата: *Аяксыз-кулсыз капка ача, ача да артына кача (җил-давыл)* [Мәхмутов 1976: 47]; *Үзе аяксыз-кулсыз, үзе агач сындыра (җил-давыл)* [Мәхмутов 1976: 47].

Невидимость является ключевой категорией и при описании ветра в английской загадке: Something comes and goes you never see (wind) [Taylor 1951: 78]; The hou*se is full of it and you can't* see it (wind) [Taylor 1951: 78]; My mother have a b*oy, all talky talk, but you can't* see him (wind) [Taylor 1951: 273]. Более того, категория «невидимость» реализуется и посредством стремления обнаружить какие-либо следы денотата: Around the house and leaves no trail it behind (the wind) [Taylor 1951: 65]; What goes over hill and vale, makes a noise, but never leaves a trail? (wind) [Taylor 1951: 65]; What can pass before the sun without making a shadow? (the wind) [Taylor 1951: 66].

Неутомимость является отличительной категорией ветра, согласно английской загадке: Go day and night and never get tired (wind) [Taylor 1951: 55]; What flies and rests never? (wind) [Taylor 1951: 111].

Проанализируем выделенные категории.

Первая категория – физическое (акустическое) действие. Данная категория может быть репрезентирована лишь как объективное действие или же получить аксиологическое добавление в виде оценки. Здесь же может быть рассмотрено взаимодействие выделенной категории и ощущение субъекта действия, что наблюдается в английской загадке как тезис о неутомимости денотата. Такая трактовка категории раскрывает национальное видение описываемого действия, фокус национального внимания, которое имплицитно предполагает наличие определенного промежутка времени для отдыха субъекта, чего не находим в русской и татарской загадках. Более того, подобная логика свидетельствует о восприятии выделенной категории как способной достичь некоторой конечной точки, или точки предела. При описании физического действия может затрагиваться и объект, на который направлено действие, что в свою очередь может указывать на масштаб упоминаемого действия.

Вторая категория – невидимость, что было отмечено во всех трех сопоставляемых корпусах загадок, однако с разницей в способе изложения материала (с максимальной экспликацией выведенной категории или же имплицитно). Выбор способа репрезентации категории во многом связан с образностью языка.

Другая особенность категориального описания была выявлена при загадывании загадок о предметах быта, которые сейчас уже не используются активно человеком (кочерга, ухват, светец и др.). Предъявляемые описания адекватно считывались респондентами, но получали логические связи с иными предметами действительности. Подобное наблюдение дало основание говорить о важности учета условий жизни человека при категоризации окружающего пространства.

Таким образом, проведенное исследование позволяет говорить, что процесс категоризации является довольно сложным, поскольку может иметь ряд наслоений, обусловленных аксиологическим пластом, актантной

рамкой или же рассмотрением выявленной категории как динамического явления, способного достигать минимальные и максимальные показатели. Особое внимание следует уделить и средствам фиксации вычлененной категории – имплицитным или эксплицитным, которые напрямую связаны с вводимыми национальными образами.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 236 с.

Болдырев Н.Н., Дубровская О.Г. О формировании социокультурной специфики дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3. С. 14-25.

Заботкина В.И., Боярская Е.Л. Явление полисемии и категоризирующая деятельность сознания // Когнитивные исследования языка. 2010. № 7. С. 60-68.

Кубрякова Е.С. О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о ее роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира // Когнитивные исследования языка. 2010. № 7. С. 13-18.

N.N. Fattakhova (Kazan, Russia)
Kazan (Volga Region) Federal University
N.I. Faizullin (Kazan, Russia)
Kazan (Volga Region) Federal University
A.M. Mubarakshina (Kazan, Russia)
Kazan (Volga Region) Federal University

CATEGORIZATION AS A RESULT OF NATIONAL FOCUS

The article considers possible variants of complication of categories allocated by the national consciousness on the example of folk riddles. The authors, as a result of the analysis of folk riddles of the Russian, Tatar and English languages, establish that the objective categories can be complicated by the axiological aspect, the allocation of “limit” indicators, and also differ in the way they are represented in the text of the riddle.

Key words: riddle, category, folklore, denotation.

Т.В. Хвесько *(Тюмень, Россия)*
Тюменский государственный университет
t.v.khvesko@utmn.ru
Н.Ю. Басуева *(Тюмень, Россия)*
Тюменский государственный университет
n.y.basueva@utmn.ru

ВОПЛОЩЕНИЕ СОЦИОКОГНИТИВНОГО КОМПОНЕНТА В ОНОМАСТИКЕ

В статье рассматриваются когнитивные маркеры в составе ономастических единиц: прецедентность и коннотативность, которые зачастую слабо различаются в научной литературе. Проведенные ассоциативные эксперименты и об-

зор научной литературы показывают, что все прецедентные имена коннотативны, но далеко не все эмоционально окрашенные онимы прецедентны. Актуальным представляется исследование социокогнитивного воплощения прецедентности в ономастике разных культур.

Ключевые слова: прецедентные имена, ассоциативные эксперименты, ономастические стереотипы, когнитивность, коннотативность.

Развитие гуманитарных наук, в том числе ономастики, характеризуется когнитивным описанием языковой действительности, где часто присутствуют понятия «когниция», «прецедентность» и «коннотативность». По мнению Е.С. Кубряковой, когниция – это совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов: восприятия, категоризации, мышления, речи, служащих обработке и переработке информации, т.е. всех процессов, в ходе которых сенсорные данные трансформируются, поступая в мозг, и преобразуются в виде ментальных репрезентаций разного типа (образов, пропозиций, фреймов, скриптов, сценариев и т.п.), чтобы удерживаться при необходимости в памяти человека [Кубрякова 2007: 9].

По мнению В.З. Демьянкова, *когниция* является процедурой получения и использования «предзнаний» (в том числе и обыденного «со-знания») – разновидности мыслительных операций, обслуживающих и сопровождающих восприятие (в частности, обработку) и продуцирование как знаний, так и языковых выражений для этих знаний. Познание в широком смысле слова складывается из двух компонентов: познания интуитивного или когниции, и познания рассудочного – *когниция* и *концепт* лежат в сфере интуитивного «предпознания», а познание (в узком смысле) и понятие – в сфере рассудочной, или «дискурсивной» [Демьянков 2005: 5]. Различия в ментальных структурах носителей языков подчеркивают социо-культурные различия народов, сформировавших язык. Мыслительные привычки и установки, навыки восприятия и эмоциональной жизни наследуются людьми от прошлых поколений без ясного осознания [Болдырев 2009].

Термин «прецедентность», наряду с терминами «прецедентный текст» и «прецедентная ситуация», был предложен Ю.А. Карауловым; теория прецедентного имени в дальнейшем разрабатывалась Б.Г. Гудковым, В.В. Красных, И.В. Захаренко, И.С. Брилевой, Н.П. Вольской и нашла отражение в лингвокультурологическом словаре «Русское культурное пространство». Авторы этого коллективного исследования определяют прецедентное имя как «воплощенное» имя собственное, связанное с широко известным текстом, ситуацией и/или фиксированным комплексом определенных качеств, способное регулярно употребляться интенсионально (*Дюймовочка, Колумб, Макаренко, Кащей*). Общим для них является существование общенационального инвариантного представления, стоящего за каждым из этих имен [РКП 2004: 23-24].

Термин «прецедентность» становится чрезвычайно востребованным в современных исследованиях по ономастике, лингвокультурологии и когнитивной лингвистике. В наши дни количество прецедентных имен расширяется, растет частотность их использования; данные о прецедентных именах постоянно пополняются новыми наблюдениями за их функционированием [Отин 2004].

Особо следует упомянуть исследование Е.А. Нахимовой, в котором на материале современной российской публицистики показано разнообразие прецедентных феноменов по видам, сферам-источникам, по форме представления и иным параметрам, рассредоточенность прецедентных феноменов, то есть их присутствие в различных частях текста, взаимодействие с иными образными средствами (метафора, антитеза, аллюзия, гипербола и др.), затронуты вопросы восприятия и понимания прецедентных имен [Нахимова 2007].

Однако не любое имя с широкой известностью становится прецедентным. Более того, существуют целые разряды имен, не актуальных с точки зрения прецедентности. Проведенный в студенческой среде г. Тюмени ассоциативный эксперимент на рефлексию антропонимов (известных политических деятелей) подтверждает, что каждое из приведенных имен является стереотипом, указывающим на некоторую эталонную совокупность определенных качеств и представлений [Хвесько, Басуева 2015]: Хрущев (реформатор; «хрущевки» – малогабаритные квартиры; кукуруза; «кузькина мать»); Ленин (революционер, вождь пролетариата, мавзолей, памятник, коммунист); Брежнев (застой, ордена и поцелуи, густые брови, безвольный); Ельцин (первый президент, пьянство, патриот, умный политик, государственный переворот); Жириновский (лидер ЛДПР, эксцентричный, патриот, эмоциональный, критик, истеричный).

Ментальность мыслится не как биологически укорененная константа поведения, а как исторически складывающаяся структура, определяющая мысли, чувства, поведение людей, их ценности и «жесты». По мнению И.А. Стернина, «менталитет» – понятие, характеризующее не только нацию в целом, но и различные социальные группы людей. В связи с этим менталитет определяется автором как «*специфический способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для определенной группы людей*» [Стернин 2003: 24].

Развитие прецедентости у ойконимов происходит преимущественно через метонимию (использование названия места для обозначения какого-либо одного исторически значимого события) и только после этого – перенос названия происходит на любое другое событие, обладающее теми же свойствами (ср. *Сталинград, Бородино, Вотерлоо, Хиросима, Чернобыль, Фукусима*).

У человека чувственный образ слова соотносится с образом обозначаемого словом объекта или явления действительности. Включаясь в систему смысловых семантических связей, слово начинает выступать для человека как средство вербального выражения мысли. Примером процесса аппелятивации служит переход имени собственного в нарицательное: имя портного (Макинтош) – вещь (макинтош – плащ), имя изобретателя (Ампер, Кулон) – единица измерения (ампер, кулон) и другие. Помимо имен нарицательных, образованных от антропонимов, существуют также имена нарицательные, образованные от топонимов, например: название места (Бордо) – напиток (бордо в значении «вино»), название местности (Камчатка) – место (камчатка – отдаленное место), название местности (Панама) – головной убор (панама) [Хвесько 2007].

Если раньше исследователей интересовала семантика производных слов, образованных от имен собственных, как совокупность значений производящей основы, то в наши дни речь идет о концептуальной интеграции, сравните:

– **jane** (в значении «молодая женщина, иногда подруга») происходит от женского имени Jane. **Erle Stanley Gardner:** *'Who was this jane? Anybody I know?' 'No one you know…* She had been a nurse in San Fran*cisco.'* (1967);

– **jack** (в значении «полицейский офицер, детектив»). **John Wainwright**: *These county coppers… couldn't get their minds unhooked from the words 'New Scotland Yard'* – as if every jack in the Metropolitan Police District worked from there (1971).

Когнитивная наука, как наука о процессах познания, о результатах восприятия мира и ментальной деятельности людей, способствует пониманию языковой когниции антропонимов. Опираясь на положения когнитивной лингвистики, можно утверждать, что в языке существуют ментальные стереотипы формирования значений, для которых характерно относительное постоянство и универсальность. Метафора и метонимия представляют собой языковые когниции, мощное средство вербализации ментальных схем, используемых посредством языка как способ структурирования человеческого мышления. Что касается других стилистических приемов (иронии, сарказма, гиперболы и др.), то развитие этих исследований в ономастике только зарождается.

Суммируя сказанное выше, отметим, что коннотативность онима представляется нам более широким понятием; наличие коннотаций в семантической структуре имени собственного может стать базой для развития прецедентности. Любое прецедентное имя коннотативно, но утверждать обратное нельзя [Крюкова, Врублевская, Кирпичева 2016].

Говоря о перспективах данного направления анализа имен собственных, следует отметить, что в отечественной ономастике и лингвокультурологии детально исследованы свойства и функции только национальных, входящих в «русское культурное пространство», и частично интернациональных прецедентных и коннотативных имен. Региональная, групповая, социумная, индивидуальная (в аспекте языкового паспорта говорящего) коннотативность и прецедентность имен собственных нуждаются в выявлении и детальном анализе.

Литература

Болдырев Н.Н. Оценочная метарепрезентация: проблемы изучения и описания // Когнитивные исследования языка. 2009. № 5. С. 43-51.

Демьянков В.З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 5-10.

Крюкова И.В., Врублевская О.В., Кирпичева О.В. Имена собственные в макро- и микросоциуме: монография. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2016.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 8-16.

Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007.

Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2004.

РКП – Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. М.: Гнозис, 2004.

Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж: Истоки, 2003.

Хвесько Т.В. Страноведение: этимология топонимов Великобритании: учебное пособие. Тюмень: Сити-пресс, 2007.

Хвесько Т.В., Басуева Н.Ю. Вербальное воздействие как стимул к познанию // Когнитивные исследования языка. 2015. № 21. С. 607-611.

T.V. Khvesko (Tyumen, Russia)
Tyumen State University
N.Yu. Basueva (Tyumen, Russia)
Tyumen State University

EMBODIMENT OF SOCIO-COGNITIVE COMPONENT IN ONOMASTICS

The article considers cognitive markers in the composition of onomastic units: precedent and connotation, which are often poorly differentiated in the scientific literature. Associative experiments and a review of the scientific literature show that all precedent names are connotative, but not all emotionally colored onyms are precedent. It seems relevant to study the socio-cognitive embodiment of precedent in onomastics of different cultures.

Key words: precedent onyms, association experiments, onomastical stereotypes, cognitiveness, connotation.

Н.В. Шестеркина *(Саранск, Россия)*
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
nvshest@mail.ru

МИФОРИТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МИРА

Мифоритуальная модель мира (МРММ) – результат традиционного мышления с функцией «свернутого» ритуала. Определяющей чертой МРММ служит «деятельность», когда в процессе ритуального преобразования все вещи получают «подлинное» существование. В качестве *вещи* выступает «все живое и неживое, рукотворное и природное, включенное в модель мира».

Ключевые слова: ритуал, мифоритуальная модель мира, мифосознание, религиозное сознание, деятельность.

Отдельные ученые оперируют термином *мифоритуальная модель мира* (МРММ), понимая под ней результат традиционного мышления с функцией «свернутого» ритуала [Тульпе 2012: 66]. О древнем ритуале писали многие ученые (В. Топоров, 1988; А.К. Байбурин, 1993; Е.И. Брунова, 2007; В. Кабо, 2007; М.А. Воронкина 2017). Магический ритуал является «древнейшим сценарием» [Брунова 2007: 40]. Ритуал в архаических религиях являлся выражением культа верховной силы, ее почитания, обожествления, жертвоприноше-

ния, поклонения. Основными темами ритуалов были сотворение мира из хаоса, круговорот дня и ночи, зимы и лета, жизни и смерти. Ритуальные мистерии воссоздавали сотворение мира, рождение, смерть и воскресение божества. Ритуалы, как правило, связаны с хозяйственной деятельностью и жизненным циклом, в них присутствуют темы древнейших мифов. Уподобление какому-либо событию в мифосознании отражает отождествление, например, строительство дома является тождеством сотворения мира, свадьба – священного брака, похороны – последующего воскресения, болезнь – борьбы злых и добрых духов. Ритуалы помогали переживать опасные дни, переходы из разных фаз жизни, диктовали правила при проведении различных действий. Многочисленные праздники были предназначены для проведения ритуалов, посвященных божествам [Мечковская 1998: 47-48; Воронкина 2017].

Мифология, ритуалы и язык конкретного народа представляют три семиотические системы, у каждой из них есть определенная информация о мире и специфический для каждой способ хранения и передачи ее из поколения в поколение. Соотношение в религиозной сфере языка, мифорелигиозных воззрений и ритуалов понимается однозначно: *язык* – первичная семиотика; *религиозное сознание* – вторичная семиотическая система, обладающая более богатым содержанием по сравнению с языком. Вопрос о соотношении в древности мифа и *ритуала* нерешен. Распространено мнение о первичности мифа по отношению к ритуалу, согласно которому миф являет собой некое конфессиональное содержание, мотивирующее ритуал и выступающее планом выражения мифосознания. Но некоторые ученые придерживаются мнения, что ритуал был первым семиотическим процессом, на котором сформированы мифопредставления и язык: «…Язык символических действий, как в истории отдельного человека, так и в истории человечества, *предшествует* словесному языку и служит базой для усвоения последнего» [Иванов 1985: 351], ибо зачатки ритуалов наблюдаются даже у насекомых и приматов.

Ученые-эволюционисты (Ф.Р. Рэглан, С.Х. Хук, Э.О. Джеймс, Т.Х. Гэстер и др.), связывая настоящее и прошлое, «культурное» и «дикое», наполненное «чисто ритуальным» смыслом, использовали метод проверки данных архаических ритуалов и полевых этнографических исследований в их взаимодополнении и обнаружили много неочевидных и парадоксальных ритуалов, отражающих различные типы архаического сознания. В их тезисе *о приоритете ритуала над мифом* ритуал рассматривается как «колыбель человеческой культуры», как «делание», а не «слово»; ими подчеркивается его синкретический характер, большая «практичность» и «наглядность» [Режабек 2003: 282]. Этот тезис подтвержден в исследованиях, посвященных ритуальному происхождению форм культуры, – философии, мифологии, драмы, религии, искусства и т.д. (А.Б. Кук, Дж. Харрисон, Г. Мэррей, Ф.М. Корнфорд и др.) [Топоров 1988: 31].

Но связь мифа и ритуала не рассматривают прямолинейно и односторонне, т.к. «даже в самых архаических обществах имеются <…> мифы, генетически не сводимые к ритуалам, и, наоборот, во время обрядовых празднеств широко инсценируются мифы» [Мелетинский 1976: 36]. В ар-

хаических ритуалах телодвижение и жест в филогенезе предшествовали слову, и первичные мифологические представления, бесспорно, древнее языка. Некоторые ученые усматривают их «доязыковое бытие» в «коллективном бессознательном» (по К.Г. Юнгу), которое является формой врожденных универсальных психических структур. Юнг называл эти структуры архетипами, предполагая наличие структур «тень» (антагонист, антипод), «Я», «мудрый старик», «анима» (существо противоположного пола), «мать» и др. Коллективное бессознательное присуще всем людям и является всеобщим основанием душевной жизни каждого человека, оставаясь сверхличным по своей природе [Юнг 2005: 240]. Природные процессы в представлениях древних – это «символическое выражение внутренней и бессознательной драмы души» [Там же: 243], воспринимаемое человеческим сознанием через отражение в зеркале природных событий. Согласно этому, мифологическая тематика выражает доисторический опыт человека и передается по наследству. Однако психические образования, наследуемые бессознательно, возможно, были мотивом для первых ритуальных жестов и телодвижений, обусловивших появление как мифологических представлений, так позже и языка [Мечковская 1998: 52], ибо, образно говоря, миф – это «то состояние души, которое стучится в мир слова <…>, не довольствуясь ритуалом» [Топоров 1988: 60]. Допускают возможность существования «протомифа» как некоего промежуточного состояния без словесной дискретной оболочки, предшествующего появлению языка и сформированного в «недрах» ритуала. Ритуальные жесты и телодвижения в филогенезе предшествуют словам. Язык зарождался как «перевод» движений и жестов и закреплялся в их значениях. Таким образом, мифосознание по своему содержанию глубже, чем система языковых значений; языку присуща более простая, четкая и «более рационалистическая семиотика» как «переводу» «туманных образов коллективного бессознательного» [Мечковская 1998: 54] в слова.

Итак, ритуал этноса служит древнейшим способом хранения и передачи информации бесписьменного общества, отражающей его *картину мира* (КМ) и *модель поведения в значимых ситуациях*. Смысл ритуала заключается в воспроизведении КМ и должного поведения людей, а его соблюдение выступает залогом как безопасности и процветания общества, так и сохранения его идентичности [Мечковская 1998: 53].

Определяющей чертой МРММ служит «деятельность», и в процессе ритуального преобразования все вещи имеют «подлинное» существование. В качестве *вещи* выступает «все живое и неживое, рукотворное и природное, включенное в модель мира» [Тульпе 2012: 69] ментальным образом. Ритуальная «осуществленность» отражает отождествление частей целого между собой, а также всякую часть с целым, так что каждая часть является одновременно «делаемым» и «делающим», «преобразовываемым» и «преобразующим», структурирующим элементом целого, свернутым и «разворачивающимся» ритуалом, т.е. каждая часть не только представляет целое, но им и является. В «обрядовых» и «бытовых» ситуациях, маркирующих временные точки в цикле *смерть – возрождение*, любой предмет, оставаясь собой или разрушаясь, выражает «фрагмент» и/или эпизод космогонии, ибо он инкорпорирует в себе фундаментальные свойства мира. Именно эта взаимообусловленность элементов и системы объясняет «ритуальную заботу» о правильном функционирования всего, что составляет

мир, поскольку нарушение в одном звене чревато нарушением или разрушением целого [Тульпе 2012: 69; Фрейденберг 1978: 63].

Формы общественного сознания опирались на мифологическую КМ и несли в себе родовые черты мифосознания. В архаическом обществе мир богов тесно связан с миром людей, «сверхъестественное» (наделенное плотью) взаимодействует с естественным, существуя в нем, но не вторгаясь в него. Боги зооморфны или антропоморфны, они постоянно общаются с людьми, вмешиваясь в их жизнь; полномочный представитель небес выступает земным правителем, посредником между людьми и богами. Функции его заключались в мироупорядочивающей, строительной, хозяйственной, творческой, военно-политической жизни. Храмовые и гражданские постройки того времени отражают вселенский миропорядок. Мифическое представление о вещи как части человеческой жизни объясняет многочисленные изображения сцен дарений; сцены пиров напоминают, что еда – это жизнь, а пиршество – торжество жизни.

Подытоживая рассмотрение данного вопроса, мы подчеркиваем релевантность для анализа мифоконцептов мифорелигиозной картины мира в силу изложенных выше характеристик, а для анализа фольклорных текстов – фольклорно-языковой КМ. Однако в содержании *мифоритуальной модели мира* (МРММ) наиболее полно отражена роль ритуала как самой важной концептуальной составляющей архаического общества.

Литература

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.

Брунова Е.Г. Пространственные отношения в архаичной языковой модели мира (лексико-этимологическое и лингвокультурологическое исследование): монография. Тюмень: ТюмГУ, 2007. 176 с.

Воронкина М.А. Когнитивные особенности отождествления в ритуале мифопоэтической эпохи // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017.№ 4. С. 39-44.

Иванов Вяч.Вс. Примечания // Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985. С. 340-364.

Кабо В.Р. Круг и крест: Размышления этнолога о первобытной духовности. М.: Вост. лит., 2007. 328 с.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Восточн. литература, 1976. 407 с.

Мечковская Н.Б. Язык и религия: пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: ФАИР, 1998. 352 с.

Режабек Е.Я. Мифомышление (когнитивный анализ). М.: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.

Топоров В.Н. Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира: энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1987. Т. 2. С. 161-163.

Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 7-60.

Тульпе И.А. Мифология. Искусство. Религия. СПб.: Наука, 2012. 320 с.

Фрейденберг О.М. Введение в теорию античного фольклора (лекции) // Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: Наука, 1978. С. 9-169.

Шестеркина Н.В. Теоморфные признаки концепта HIMMEL как отражение коллективного бессознательного // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 2. С. 53-63.

Юнг К.Г. Происхождение архетипов коллективного бессознательного // Юнг К.Г. Психика: структура и динамика. М.; Минск, 2005.

N.V. Shesterkina (Saransk, Russia)
Mordovian State University named after N.P. Ogarev

MYTH-RITUAL WORLD MODEL

Myth-ritual world model (MRWM) is a result of a traditional thinking with a function of a “wrapped” ritual. The defining attribute of MRWM is “activity” when all the things due to the ritual transformation get their “real” existence. As a thing we see “all alive and not alive, hand-made and natural, included into the world model”.

Key words: ritual, myth-ritual world model, myth-consciousness, religious consciousness, activity.

С.Х. Шихалиева *(Махачкала, Россия)*
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
sabrinash@ibt.org.ru

МЕТОД ВЫВЕДЕНИЯ КОМПОНЕНТОВ МЕТАФОРЫ В ПАРАДИГМЕ «ТЕМАТИЧЕСКИЕ ЕДИНСТВА» И «ТЕМАТИЧЕСКИЕ РАЗРЫВЫ» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ТАБАСАРАНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Доклад содержит описание компонентов когнитивной метафоры в корпусе параллельных евангельских текстов. Описание компонентов когнитивной метафоры осуществляется характеристиками фрагментов русского и табасаранского языков. Цель доклада – исследовать строение компонентов когнитивной метафоры с употреблениями «тематические единства» и «тематические разрывы». Первый шаг обработки компонентов метафоры осуществляется описанием глагольных форм в табасаранском тексте с русским подстрочным переводом – INF (инфинитив), PART (причастие), CONV (деепричастие), MSD (масдар). Второй шаг – это описание компонентов неметафорического понимания INF (субстантив), PART (субстантив / адъектив), CONV (адвербиал), MSD (адвербиал / субстантив). Парадигма описания метафорической системы позволила выявить изменения тематической непрерывности в разнотипных модальных значениях.

Ключевые слова: параллельные тексты, лексическая семантика, табасаранский дискурс, перевод, говоры табасаранского языка, русский художественный текст.

Изучению языка писателя посвящено множество работ, позволяющих объективировать не только характеристику стиля автора, но и исследовать фор-

мальную модель метафорической системы произведения [Баранов 2014: 430]. В связи с этим не прекращаются попытки исследовать формальную модель метафоры Евангелия [Дули 2019: 12]. При этом особое внимание уделяется интерпретации метафорической системы с указанием узуса «текст-смысл», на основе которой строятся методы математической логики [Мельчук 1974: 20]. Актуальность данного исследования определяется описанием формальной модели метафоры с употреблениями дискурсивных практик переводчика. Предметом исследования являются словоупотребления с указанием стилизации лексических групп [Алексеев 2003]. Материалом исследования послужили тексты Евангелия с указанием узуса говоров переводчика:

– «Евангелие от Марка», 1997 г. // Перевод Б. Хан-Магомедова, нитрикский диалект ↔ говор селения Кандык; богословский редактор М. Алексеев;

– «Евангелие от Луки», 2005 г. // Перевод Р. Азизова, этегский диалект ↔ говор селения Ляхла; богословский редактор М. Алексеев;

– «Евангелие от Иоанна», 2010 г. // Перевод Ш. Казиева, говор селения Гуми; богословский редактор М. Алексеев.

Отобранный лексический материал подвергся членению текстов в программе Паратекст 8 и Flex. Членение парадигматических классов показало, что дискурсивные типы табасаранского языка, входящие в коннотативный компонент модальности, выявляют описание лексики с указанием парадигматических классов [Кибрик 1982; 1988]. Метод членения компонентов метафоры мотивирует описание дискурсивных практик с указанием парадигматических классов табасаранского языка [наречие* диалект*говор] {тематический разрыв *тематическое единство}. (см. табл. 1).

Таблица 1

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗРЫВЫ И ТЕМАТИЧЕСКИЕ ЕДИНСТВА ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК		
Южное наречие (Самурско-кюринский округ)	**Северное наречие (Кайтагский округ)**	
«Евангелие от Марка» 1997 г.	«Евангелие от Луки» 2005 г.	«Евангелие от Иоанна» 2010 г.
тематическое единство	**тематические разрывы**	**тематические разрывы**
нитрикский диалект (основа табасаранского литературного языка)	этегский диалект	сувакский диалект

Компьютерная обработка текста в значительной степени помогла решить задачу выборки лексического материала и анализа форм с показателями типологической группировки глагола. Парадигматические классы модальности с установкой различных типов глагольных форм русского и табасаранского языков описывались количеством токенов [Шихалиева 2004; 2010] (см. табл. 2).

Таблица 2

Кол-во токенов 1424	ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ГРУППИРОВКА ГЛАГОЛЬНЫХФОРМ				%
	INF	**MSD**	**PAST**	**CONV**	
Марк	50	11	19	62	10,02
Лука	32	3	19	42	15,14
Иоанн	50	18	43	29	10,17

Для анализа различных типов модальности в русском и табасаранском языках сопоставлялись дискурсивные маркеры «должно, мочь, хотеть» (см. табл. 3).

Таблица 3

ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА ГРУППИРОВКИ МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В РУССКОМ И ТАБАСАРАНСКОМ ЯЗЫКАХ				
Классификация текстов	**INF**	**MSD**	**CONV**	**PART**
глагол «делать»	ap’-u-z «делать должен»	ap’-u-b «делание мочь»	ap’-u-r-aj-gan «делая»	ap’-u-r-aji «делающий хотеть»

На первом этапе группировки компонентов модальности классифицировались дескрипторы коммуникативных намерений русского текста в табасаранском языке. На втором уровне – подклассы метафорических моделей с особенностями осмысления компонентов матричного предиката. Так, выявилась организация значений ментального предиката – прямое (основное), переносное (непрямое) (см. табл. 4).

Таблица 4

МЕНТАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ «ТЕМАТИЧЕСКИЕ ЕДИНСТВА* РАЗРЫВЫ»			
Информации переднего плана русского дискурса	Буквальный табасаранский перевод 1996 г.	Буквальный табасаранский перевод 2005 г.	Буквальный табасаранский перевод 2010 г.
ПРЯМОЕ (ОСНОВНОЕ)	**ПЕРЕНОСНОЕ (НЕПРЯМОЕ)**		
	INF	**MSD / CONV**	**MSD / PART**
крестить waftiz_ap’uz	waftiz+ap’uz «кресщение+делать»	št-u-an+ap’-ub «в воду + делание»	štuan+ap’u-r-aji-r «в воду + делающий»
проповедовать wjaz_ap’uz	wjaz+ap’uz «чтение+делать»	ulχub+ap’-ub «говорение делание»	ulχub+ap’u-r-aji «говорение делающий»

Исходная исследовательская установка с описанием компонентов метафоры позволила представить парадигму диалектов табасаранского языка. Причем формальные употребления парадигматических лакун, выявляющих асимметрию диалектов с использованием русского перевода, не исчерпывают описание компонентов модальности. В первом случае актуализируется описание контрастивной серии «глагол ↑ действие» (behavioral) ↔ «глагол → имя» (procedural), во втором случае – осмысление многослойных коммуникативных намерений с указанием:

• корреляты пропорционального сужения метафоры – INF ↔ MSD → PART → CONV;

• корреляты пропорционального расширения метафоры – INF → PART↑MSD↑CONV;

• корреляты с описанием компонентов метафоры «должно», «мочь», «хотеть» – INF ↔ MSD → PART → CONV.

Функционирование лексических групп определялось особенностями описания компонентов метафоры в последние десятилетия: а) личностью переводчика; б) жанровой формой языка Евангелия; в) составом лексико-фразеологической системы в переводах. Последующее описание компонентов метафоры в лексико-фразеологическом составе параллельных текстов выявило функциональное изменение, что представляет интерес как в собственно лингвистическом отношении, так и в общефилологическом плане. Тем не менее, не трудно определить, какие функциональные изменения в языковой структуре относятся к описанию метафоры, а какие относятся к сдвигу диалектов: начиная с конца 1990-х годов, табасаранский язык подвергается сдвигу и заметно ускоряется в последние десятилетия.

Литература

Алексеев М.Е., Шихалиева С.Х. Табасаранский язык. М.: Академия, 2003. 139 с.

Баранов А. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянкой культуры, 2014. 630 с.

Дули Р., Левинсон С. Анализ дискурса: базовые понятия. М.: ИПБ, 2019. 167 с.

Кибрик Е. А. Табасаранские этюды. М.: МГУ, 1982. С. 34-44.

Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. М.: МГУ, 1988. 225 с.

Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». Семантика, синтаксис. М.: Наука, 1974. С. 23-35.

Шихалиева С.Х. Грамматические категории глагола табасаранского языка. Махачкала: Юпитер, 2004. С. 99-105.

Шихалиева С.Х. Словосочетания в табасаранском языке. Махачкала: Динэм, 2010. 172 с.

S.Kh. Shikhalieva (Makhachkala, Russia)
Dagestan Federal Research Center RAS

METHOD OF FORMAL DERIVATION OF METAPHOR COMPONENTS WITH THE PARADIGM OF "THEMATIC UNITIES" AND "THEMATIC BREAKS" (BASED ON THE RUSSIAN AND TABASARAN LANGUAGES)

The report describes the components of cognitive metaphor in the corpus of gospel texts. The description of the components of cognitive metaphor is carried out by the characteristics of fragments in parallel texts of the Russian and Tabasaran languages. The purpose of the report is to investigate the structure of the components of the cognitive metaphor with the use of "thematic unity" and "thematic gaps". The first step of the study of the components of metaphor in the Tabasaran text is carried out by describing the verb forms with the Russian subscript translation-INF (infinitive), PART (participle), CONV (adverb), MSD (masdar). The second step is to describe the components of non-metaphorical understanding: INF (substantive), PART (substantive / adjective), CONV (adverbial), MSD (adverbial / substantive). The paradigm of describing the metaphorical system of the gospel allowed us to compare changes in the thematic continuity of different types of modal values in the period from 1996 to 2010.

Key words: parallel texts, lexical semantics, Tabasaran language discourse, translation, Tabasaran language dialects, Russian literary text.

Н.М. Юрьева *(Москва, Россия)*
Институт языкознания РАН
o.yuriev@list.ru

ДЕЙСТВИЕ ИНТЕРАКТИВНОГО КОМПОНЕНТА В РАССКАЗЫВАНИИ ИСТОРИИ ДЕТЬМИ (ПО МАТЕРИЛАМ ЭКСПЕРИМЕНТА)

В статье отражена попытка подойти к осмыслению генезиса устного нарратива в речевой деятельности детей. На материале устных историй, рассказанных в экспериментах с детьми трех – семи лет, анализируется интерактивный компонент, действующий в ходе рассказывания детьми истории.

Ключевые слова: рассказывание истории, интерактивный компонент, речевая интеракция, когнитивно-дискурсивный механизм.

В современной науке, будучи одной из форм дискурса, устная история (как и письменные истории и т.п.) предстает, с одной стороны, как важный компонент социального взаимодействия, и, с другой стороны, как специфический дискурсивный и речемыслительный феномен, в котором взаимодействуют несколько когнитивно-дискурсивных узлов, концентрирующих процессы восприятия, обобщения, интерпретации и формирования у рассказчика образа происходящих событий, а также «процессы наррации – вербального развертывания образа события в виде рассказа о событии» [Шмид 2003; Демьянков 1994; Болдырев 2017]. Вместе с тем, «рассказывание истории – не линейный

процесс, в котором последовательно разворачиваются и возникают нарративные уровни и структуры»; это – «многомодульный порождающий процесс, в котором каждый модуль выполняет свою задачу и воздействует на другой» [Юрьева 2019а: 280], но о его действии пока известно совсем немного.

Опыт теории развития подтверждает, что обращение к данным речевого онтогенеза, предоставляющего исследователям свой «действительный потенциал» через экстериоризованные особенности действия высших психических функций (среди которых важнейшая роль в развитии человека и его мышления принадлежит речи – дискурсу), многие взаимодействующие модули дискурсивного «действа», скрытые в дискурсе зрелой языковой личности, останутся редуцированными.

Эта статья посвящена интерактивному компоненту, который функционирует внутри процесса рассказывания, и обращена к области интеракции и когнитивно-дискурсивных механизмов, обеспечивающих рассказывание устной истории детьми.

Дискурсивный материал получен в эксперименте с детьми 3–7 лет, которые рассказывали историю по книге с иллюстрациями. Интерактивный компонент представлен фрагментами диалога взрослого с ребенком, который рассказывает историю. По условиям проведения эксперимента взрослый выступал как пассивный участник повествовательной ситуации. *Участники:* 101 ребенок, посещающие детский сад, воспитатель в группе, для которого ребенок рассказывал историю. Подробная методика проведения эксперимента и анализ материалов описаны в [Сигал, Бакалова, Пушина, Юрьева 2013; Юрьева 2019б: 390-406]. Из общего дискурсивного материала выбирались истории с фрагментами диалога участников. Истории *со встроенным интерактивным компонентом* составили 25 историй: младшая группа (дети 3,3 л. – 4,6 л.) – 9 историй; средняя группа (4,5 л. – 5,7 л.) – 11 историй; старшая и подготовительная группы (5,5 л. – 6,11 л.) – 5 историй.

Анализ историй проводился по каждой группе детей и был сосредоточен на следующих задачах: а) выделить регулярные последовательности высказываний в диалогах взрослого и ребенка, которые возникают в ходе рассказывания; б) определить функциональное назначение высказываний взрослого.

Результаты эксперимента. Краткая характеристика рассказанных детьми историй и высказываний взрослого, включенных в нарративизацию.

Для большинства историй, рассказанных детьми младшей группы (3–4 года), характерны следующие особенности:

– неупорядоченная форма истории в виде «скопления» высказываний. По каждому эпизоду ребенок сообщает о действиях участников истории, прибегая к простым высказываниям, отражающим ситуативное восприятие фрагментов изображения. *Собачка туда полезла, а мальчик смотрит.* Часто ребенок начинал рассказ только после *общего вопроса* взрослого: *Что здесь нарисовано?* И далее в ответ начинал историю с выделения и обозначения основных участников истории: *щенок, лягушка, мальчик.* Затем история предстает в виде *несфокусированной нарративной цепи*, состоящей из

сообщений, фиксирующих визуально наблюдаемые действия участников истории. *Мальчик смотрит в дырочку* / *Собака бежит*;

– включение в ход рассказывания вопросов ребенка, обращенных к взрослому, которые сопровождают осмысление ребенком эпизодов истории и относятся к восприятию и пониманию содержания эпизодов, действий участников, определению предметов. *А это кто такой? / А олень их везет, правда ?*;

– включение вопросов взрослого с целью привлечь внимание ребенка к действиям участников истории: *Что они делают? / Что он делает?*

Речевая активность взрослого в рассказывании истории минимальна и составила не более 1% от общего количества высказываний детей.

В средней группе (4–5 лет) отмечено увеличение действия интерактивного компонента, которое проявлялось в виде: а) вопросов ребенка, обращенных к взрослому: *Это что? Как это называется?* с целью ориентации в конкретном эпизоде истории, означивания воспринимаемой ситуации и предметов; б) высказываний взрослого, побуждающих ребенка к нарративу: *Расскажи, что случилось?*; в) вопросов взрослого, направляющих внимание ребенка на выделение участников истории, их действий, осмысление структуры эпизода и важных компонентов происходящих событий. *Мальчик спит, а лягушка? А потом? Как ты думаешь, куда пошел мальчик?* Важно, что среди вопросов преобладают относящиеся к выделению участников истории и их действий; г) предложение взрослым своего осмысления событийного ряда и смыслового ядра истории. *Может быть, они ищут лягушку?;* д) означивание и пояснение незнакомых ребенку предметов *Это нора, видишь, суслик выглядывает*.

Речевая активность взрослого в рассказывании составила около 4% от общего количества высказываний ребенка (около 30–35 высказываний).

В группах детей 5–7 лет зафиксированы всего 5 историй с интерактивным компонентом. В этот период «наблюдается осмысление ребенком целостности сюжета ребенком, возникновение смыслового ядра истории, сфокусированность рассказа и его вербального оформления в связную нарративную цепь» [Сигал, Бакалова, Пушина, Юрьева 2013]. Речевая активность взрослого составила около 0,5% от общего количества высказываний ребенка в нарративе (30–40 высказываний) и представлена в следующих речевых действиях: а) обозначение темы истории. *Сейчас расскажи историю про мальчика, собачку и лягушку*; б) вопросы, направленные на выделение основных участников истории в отдельных эпизодах. *Кто здесь нарисован*; в) вопросы о действиях и результатах действий участников истории, относящиеся к каждому эпизоду. *Расскажи, что делает мальчик. Что с ним случилось?*; г) вопросы, направленные на развитие сюжета истории. *И что было потом?*; д) коррекция взрослым лексических единиц, не адекватно используемых ребенком. (Реб.) *Мальчик зашел в дупло* / (Взр.) *Посмотри, он заглянул в дупло*.

Результаты анализа показывают, что, хотя условием проведения эксперимента было пассивное участие взрослого, в ходе рассказывания ребенком истории взрослые участники вступают с ним в диалог и прибегают к различным приемам интенсификации его дискурсивной деятельности. «Поддержка» взрослого практически на каждой возрастной ступени обращена к процессам, происходящим в когнитивной сфере ребенка, которые направлены на структурацию отдельных эпизодов истории, выделение участников, действий, резуль-

татов действий, оречевление событийных эпизодов. Полученные данные позволяют предположить, что в перспективе становления нарративного дискурса в речи детей интерактивный компонент, представленный фрагментами диалога взрослого с ребенком, является специфическим экстериоризованным когнитивно-дискурсивным механизмом, «внедряющимся» в ход рассказывания истории ребенком, когда он еще не обладает достаточным уровнем развития когнитивного базиса нарративной компетенции, находящегося в основании нарративных умений.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. Тамбов, 2017. С. 19-81.

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 23-27.

Сигал К.Я., Бакалова З.Н., Пушина Н.И., Юрьева Н.М. Очерки по синтаксису связной речи. М.: Ключ-С, 2013.

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Юрьева Н.М. К построению модели порождения устной истории детьми // Когнитивные исследования языка. 2019а. Вып. XXXYI. С. 276-283.

Юрьева Н.М. Интерактивный компонент в устных нарративах детей-дошкольников: к постановке гипотезы // Psycholinguistics. 2019б. № 25 (2). P. 390-406.

N.M. Yurieva (Moscow, Russia)
Institute of linguistics of Russian Academy of Science

ACTIVITY OF INTERACTIVE COMPONENT IN STORYTELLING BY CHILDREN (ON THE BASIS OF MATERIALS OF THE EXPERIMENT)

The article reflects the effort to analyze the genesis of oral narrative in the verbal activity of children. The analysis of the interactive component registered in the course of storytelling of children is made on the basis of oral stories told in the experiments with the children of three to seven years old.

Key words: storytelling, interactive component, verbal interaction, cognitive discursive mechanism.

Н.А. Юшкова *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский государственный юридический университет
yushkova-n@yandex.ru

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ И ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ МОЛОДЕЖИ: ВЕКТОРЫ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ

В статье анализируются особенности восприятия прецедентных феноменов современными молодыми людьми в возрасте от 17 до 20 лет. На матери-

але мини-комментариев к крылатым выражениям из басен И.А. Крылова выявляются аксиологически значимые параметры интерпретации.

Ключевые слова: прецедентные феномены, крылатые выражения, басни, языковое сознание, аксиологический комментарий.

Прецедентные феномены – прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные тексты, прецедентные ситуации – отражают общенациональную культурную память [Карасик 2010; Красных 2016; Ковшова, Гудков 2018], концептуально значимые смыслы отражаются в них как «мировидение и миропонимание, имеющее семиотическую природу» [Телия 1996: 222]. Восприятие прецедентных феноменов молодыми людьми вызывает интерес исследователей, поскольку позволяет описать, как интерпретируется культурный код современными носителями языка, заметить аксиологические трансформации, определить, достигает ли своей цели «нравственный посыл, содержащийся в культурном коде прецедентных знаков» [Феденева, Юшкова 2019: 315].

Крылатые выражения из басен И.А. Крылова, прочно вошедшие в интертекстуальное культурное пространство, отражают морально-этические нормы, не утратившие своей актуальности. Однако эти выражения «воспринимаются нередко приблизительно или вообще не узнаются “средним” читателем» [Сидоренко 2016: 40].

Молодым людям 17–20 лет был предложен список прецедентных высказываний – крылатых выражений из произведений русского баснописца («Волк и Волчонок», «Две собаки», «Лисица и Сурок», «Волк и Ягненок», «Осел и Соловей», «Кот и Повар» и др.). Респонденты отбирали три наиболее актуальных выражения для сферы права и давали обоснование своего выбора в виде мини-комментариев объемом 5–7 предложений. Полученные тексты позволили выявить особенности восприятия прецедентных ситуаций, изображенных великим баснописцем.

В понимании прецедентной ситуации придерживаемся основных положений, высказанных В.В. Красных [2002]. Прецедентные ситуации относятся к ментефактам, которые хранятся в когнитивной базе в виде «минимизированного инварианта восприятия» [Ковшова, Гудков 2018: 109], и могут быть при необходимости вербализованы. Использование ресурсов языковой системы определяется значимым для мировосприятия концептуальным содержанием, представленным «в языковых формах и выражениях различного уровня сложности: от отдельной морфемы до целого высказывания и текста» [Болдырев 2016: 26]. Учитывается, что языковая форма «именно моделирует описываемую говорящим действительность, задает свои отношения в рамках того жизненного контекста, в который оно включено» [Михайлова 1998: 247].

Аксиологические установки, проявляющиеся в ответах респондентов, выявляют их отношение к прецедентной ситуации, эти установки «касаются коллективного самосознания, оценочной ориентации, вкусов, интересов, осведомленности носителей национально-языкового сообщества» [Национальные базовые ценности 2015: 4]. Вектор аксиологического комментария определяется концептуальными элементами, вербализованными в мини-текстах через номинации субъектов ситуации, их характеристики и описание типового взаимодействия.

Рассмотрим особенности восприятия современными молодыми людьми крылатого выражения *У сильного всегда бессильный виноват* из басни

И.А. Крылова «Волк и Ягненок», выявим номинативные цепочки и прямые аксиологические характеристики субъектов ситуации.

Образ *сильного* представлен множественными номинациями, среди которых можно выделить тематические группы: 1) *служебная и социальная иерархия;* 2) *власть;* 3) *деньги*. Встречается и комплексная оценка, отражающая тесно связанные друг с другом компоненты, закрепленные в языковом сознании: сильные – это *те, у кого есть деньги, власть, авторитет*.

Номинации образа *бессильного* менее разнообразны и связаны прежде всего со служебной и социальной иерархией (*подчиненный; младшие (по чину, званию); тот, кто ниже по рангу, по жизни* и др.). Однако в номинативной цепочке выделяется тематическая группа *народ*, которая вступает в отношения внутренней антонимии к тематической группе *власть*. В отдельных случаях фиксируются прямые номинации (*бессильные, более слабые*), подчеркивающие диффузное восприятие субъекта в целом.

Доминирующей чертой *слабых* является пассивность, они *принимают на себя удары, страдают*. Главной причиной такого поведения становится страх: сильные, чье поведение отличается динамикой, *держат в страхе обычных людей*. Смысловая оппозиция, соотносимая с заданной в структуре крылатого выражения антонимией языковых единиц, выраженных субстантивированными прилагательными *сильный* и *бессильный*, прослеживается в комментариях регулярно.

Полученный в ходе исследования материал показывает, что в оппозиции *сильный* / *бессильный* активным действующим началом обладает только первый субъект. Его действия получают самую широкую аксиологическую интерпретацию.

В комментариях респондентов моделируются служебные отношения начальника и подчиненного. Поведение *сильного* маркирует группа глаголов отношения *винить, обвинять, предвзято относиться, недооценивать*. Стоящие выше по служебной лестнице *всегда винят подчиненных; перекладывают свою вину на нижестоящих; предвзято относятся к подчиненным им людям, недооценивают их или обвиняют в том, что эти люди не делали*. Активное проявление своего отношения свидетельствует о психологической зависимости сильного от слабого, поскольку для сохранения своего статуса *сильный ... будет пытаться сохранить свое достоинство за счет слабого*.

Значимыми для языкового сознания в связи с рассматриваемой прецедентной ситуацией оказываются не только особенности служебной иерархии, но и отношения между «власть имеющими» и «обычными людьми». Субъект – носитель власти как особой силы – может *воспользоваться связями; пользоваться своим статусом; использовать свои преимущества*. Констатация таких возможностей как признаков *сильного* регулярно переходит к суждениям оценочного типа: *оказывать давление; злоупотреблять силой; ...злоупотребляя правом и возможностями более сильного; злоупотребляют своими полномочиями* и др. Злоупотребление своими полномочиями для субъекта оказывается важным и потому, что это *позволяет им [сильным] чувствовать свою власть, силу*.

Семантика глагола *злоупотреблять* и его производных подчеркивает общую негативную оценку действий субъекта: в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой к слову *злоупотреблять* дается значение «употреблять во зло, незаконно или недобросовестно». Высокая частотность использования слов этой группы выводит комментарии респондентов в правовой контекст, поскольку актуализируется компонент лексического значения, указывающий на незаконность действия субъекта. Этот смысл в полной мере коррелирует с юридическими терминами *злоупотребление должностными полномочиями / злоупотребление полномочиями*, которые используются для обозначения преступлений, предусмотренных ст. 201 и ст. 285 Уголовного кодекса Российской Федерации [Большой юридический словарь].

Ответы респондентов позволяют реконструировать закрепленные в языковом сознании молодых людей причины деформаций в отношениях *сильных* и *бессильных*: 1) особенности общественного устройства, которые приводят к *социальной несправедливости, неравенству в обществе*; 2) неразвитость правовой системы, которая влечет за собой возможность *оправдать себя за счет закона; оставаться хорошим при плохих поступках, прикрываясь при этом законом*; 3) несовершенство человеческой природы: *наблюдаем человеческую агрессию, которая проявляется обычно на бессильного, слабого человека*.

Важно, что респонденты четко осознают необходимость правового регулирования ситуации противостояния: *Такое поведение имеет место быть и в реальной жизни, но, чтобы не допустить данного отношения, были созданы регуляторы (в данном случае такими регуляторами выступают законы)*.

Материалы, полученные в ходе исследования, подтверждают, что крылатые выражения из басен И.А. Крылова, в которых прямо или опосредованно отражаются проблемы государственной власти и/или судебной системы, задают респондентам вектор аксиологического комментария. Прецедентная ситуация воспринимается и комментируется молодыми людьми в контексте современных реалий с учетом морально-этических ориентиров вневременного характера.

Литература

Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М.: Правда, 1986.

Болдырев Н.Н. Когнитивная лингвистика. М.; Берлин, 2016.

Большой юридический словарь. URL: http://www.info-law.ru/dic/1/symb_%D0%B7/page_5 (дата обращения: 21.12.2019).

Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010.

Ковшова, Гудков – Словарь лингвокультурологических терминов / авт.-сост. М.Л. Ковшова, Д.Б. Гудков; отв. ред. М.Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2018.

Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры: Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016.

Михайлова О.А. Ограничения в лексической семантике: Семасиологический и лингвокультурологический аспекты. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998.

Национальные базовые ценности и их динамика: результаты социолингвистического мониторинга / авторы-составители: С.Ю. Данилов, Т.В. Ицкович,

Н.А. Купина, Т.В. Матвеева, О.А. Михайлова, Ю.Н. Михайлова, Ю.Б. Пикулева, И.В. Шалина; отв. ред. И.Т. Вепрева. Екатеринбург: Ажур, 2015.

Сидоренко К.П. О концепции словаря интертекстовых единиц из басен И.А. Крылова // Вопросы лексикографии. 2016. № 1 (9). С. 40-63.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.

Феденева Ю.Б., Юшкова Н.А. Прецедентные знаки и их трансформации в языковом сознании молодежи // Слово. Словарь. Словесность: к столетию кафедры русского языка и 95-летию профессора Сакмары Георгиевны Ильенко: сборник научных статей / под ред. проф. В.Д. Черняк. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. С. 309-315.

N.A. Yushkova (Ekaterinburg, Russia)
Ural State Law University

PRECEDENT PHENOMENA AND LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF YOUNG ADULTS: VECTORS OF AXIOLOGICAL COMMENTS

The article analyzes how young adults aged 17–20 perceive precedent phenomena. Their short comments on Krylov's idiomatic phrases highlight the axiological patterns of interpretation.

Key words: precedent phenomena, idiomatic phrases, fables, linguistic consciousness, axiological comments.

VII. КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕЧЕТВОРЧЕСТВА

Л.С. Абросимова *(Ростов-на-Дону, Россия)*
Южный федеральный университет
lara.abrossimova@mail.ru

КОГНИТИВНО-ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СЛОВОТВОРЧЕСТВА

В современной науке вопросы лингвистики эмоций занимают прочные позиции среди разрабатываемых проблем. На примере окказионального словотворчества автор рассматривает взаимовлияние когниции и эмоции, подчеркивая, что адекватное современности изучение словотворческих процессов должно исходить из системной природы данного феномена, задаваемой его основными элементами – культурой вообще, языком как ее органической части, а также говорящим субъектом (мыслящим, чувствующим человеком) в их взаимосвязи.

Ключевые слова: антропоцентризм, когниция, эмоция, окказиональное словотворчество, лингвокреативная деятельность.

Эмоционально-чувственное состояние человека неизбежно связано с языковыми особенностями и речевым поведением говорящего, исследования которых позволяют, изучая, в том числе, субъективные компоненты значения языковых единиц, выявить общие постулаты эмотиологии. Важным сегодня видится объединение достижений традиционной лингвистики и нового, когнитивно-ориентированного направления в изучении сущности языковых явлений. Если раньше в лингвистике эмоций, в основном, изучались структурные компоненты языковых единиц в виде значений аффиксов эмоциональной окраски или отдельных рядов слов, то сегодня исследования направлены на динамическое описание имплицитных эмотивных категориальных смыслов и способов их выражения в языке, на изучение эмотивного кода как отдельного языка, так и универсальных способов передачи эмоциональных состояний.

Здесь возникает вопрос о соотношении когнитивного и психологического (эмоционального) в процессе словотворчества. Как справедливо отмечает В.И. Заботкина: «анализ причин создания новых слов позволяет сделать вывод о тесном взаимодействии эмоциональной и когнитивной составляющих» [Заботкина 2019: 69]. Представляется, что адекватное современности изучение словотворческих процессов должно исходить не из узких структуралистских взглядов, как это было раньше, а из системной природы данного феномена, задаваемой его основными элементами – культурой вообще, языком как ее органической части, а также говорящим субъектом (мыслящим, чувствующим человеком) в их взаимосвязи и взаиморазвитии, т.е. – в культурно-антропологическом контексте. Эмоции играют важную роль как при создании слова, так и при его восприятии и адаптации, что можно описать, по терминологии Н.Н. Болдырева «концептуальным взаимодействием», которое подразумевает «взаимную «настройку» или согласование используемого концептуального содержания всеми участниками общения [Болдырев 2018: 13].

Психологический аспект развития культуры представляет собой сложное многоаспектное образование, в котором явно выражено 2 ведущих принципа организации психической жизни человека (пока оставляем за скобками его национально-культурные особенности): рациональное и иррациональное.

Рациональное в культуре и в человеке – это способность и потребность к упорядочению своих отношений с действительностью, что выражается в категоризации, концептуализации и находит выражение в понятиях науки, философии, в практической деятельности. Иррациональное начало включает оценку мира, оно основано на эмоциональном интеллекте. В сфере словотворчества это выражается в приращении эмоциональной составляющей интенций творца слова, реализуемых экспрессивными моделями и созданием окказионализмов.

Людям часто не хватает своего языка, устоявшегося словаря, они заимствуют новые слова, стихийно воспринимают чужую языковую культуру, но одновременно «отдают» и себя, свой языковой «мир», вписываясь в языковое мировое пространство. Важную роль могут играть мотивы языкового поведения, связанные с наличием потребностей, интересов, достижений, установок и выбором средств их реализации. В.И. Шаховский, родоначальник отечественной эмотиологии, считает, что «…в человеке все движимо эмоциями, в том числе его креативное мышление, его аксиологическое поведение, все его вербальные рефлексии, в том числе и эмоциональные» [Шаховский 2008: 13-14].

Учеными доказано взаимовлияние эмоций и когнитивной деятельности человека на разных уровнях. Dolan (2003) отмечает связь эмоциии, мышления и поведения, Duncan и Barret (2007), Pessoa (2008) проводят нейробиологический анализ связи когниции и эмоции, Bishop (2007) изучает нейрокогнитивные механизмы эмоционального беспокойства и др. В свою очередь, многие отечественные ученые (В.Ю. Апресян, Л.Г. Бабенко, В.И. Заботкина, Е.Ю. Мягкова, Д.А. Романов, В.И. Шаховский и др.) изучают те возможности, какие предоставляет говорящему система языка, в частности, ее модальный аспект, для воплощения своего восприятия действительности и восприятия другого человека, выявляют те прагматически релевантные параметры речевого общения, которые актуальны именно для данного социума и определенного дискурса.

Одним из ярких проявлений эмоциональных переживаний человека является стремление к созданию нового слова, способного передать «свой» неповторимый, индивидуальный смысл. Хорошо известно, что В. Хлебников со страстью и вдохновением экспериментировал, вдумываясь в смысл каждого слова, каждой буквы. Естественно, что каждый творец нового слова имеет свои, веские для этого причины. Самый известный роман В.П. Аксенова «Остров Крым» был написан в конце семидесятых годов XX века. Автор в своем романе использует множество авторских неологизмов: «врэвакунт», «жуемотина», «советикус», «недобитки», «саланда-маранда гэбэшная», «долбодуб» и др. В большинстве случаев даже без контекста эти аксеновские окказионализмы дают автору большие возможности для политической и социальной сатиры, а также помогают читателю

прочувствовать настроение автора, его негативное отношение к советскому режиму и грусть по поводу невозможности воплотить в жизнь желаемую «альтернативную историю», лишенную коммунистических императивов. Роман изобилует англицизмами, без которых, несомненно, можно было бы обойтись, но автор использует их в качестве единиц, помогающих воссоздать атмосферу зарубежья, стилизовать разговорную речь и изобразить героев и события более ярко: «мессаж», «апойтмент», «полл», «камерамен», «суперстар», «герлфрендиха», «тича», «фриланс». Сейчас большинство таких заимствований понятны всем, но еще 30–40 лет назад они вызывали бы непонимание, будь у советского читателя возможность познакомиться с романом. Непонимание было бы обусловлено отсутствием опыта, незнанием английского языка, владеть которым было в то время без надобности.

Индивидуальное влияние языка отдельной личности на социум определяется ее участием в общественной деятельности, в решении разных проблем бытия, существования, преобразования мира, в общении с другими людьми. Другими словами, все это связано с экспериенциальной природой лингвокреативной деятельности человека. Следовательно, «концепты, принадлежащие индивидуальному когнитивному пространству, во-первых, создают уникальную картину мира в сознании конкретного человека, а во-вторых, предстают, с одной стороны, как некодифицированная область когнитивного пространства, но с другой стороны, социальная по своей сути, поскольку она определяется единством принятых в определенном лингвокультурном сообществе оценок и отношений к миру и человеку» [Манаенко 2019: 87].

Следует добавить, что авторы создают новые слова не только для формирования своего индивидуального когнитивного пространства, а в стремлении сформировать новое отношение к происходящему со стороны читателя, то есть распространить свою «уникальную картину мира» на общее когнитивное пространство. Благодаря окказионализмам А.И. Солженицына, который в своем романе «Архипелаг Гулаг» воссоздал эпоху того страшного времени, читатель эмоционально глубже чувствует переживания автора. А.И. Солженицын не мог найти таких эмоциональных и емких слов в русском языке и создавал свои *(лишенцы, повторники, дрыновать, мантулить* и др.). В его окказионализмах – сокращениях, метафорах, словодеформациях – читатель усматривает сходство с особенностями тоталитарного новояза Дж. Оруэлла. Оба автора используют свой язык, свои слова-окказионализмы с целью демонстрации и осуждения факта превращения человека в обезличенную единицу, в порядковый номер без будущего.

Таким образом, индивидуальное словотворчество вызвано потребностью не только выразить свою мысль, но и, познавая окружающую действительность, дать ей свою оценку, выразить свои взгляды на происходящее и передать их своим читателям. Очевидно, что словотворческая деятельность авторов всегда сопровождается эмоциональным приращением, она обусловлена индивидуальным опытом, социальным и культурным содержанием эпохи. Когнитивная оценка происходящего, зависящая от множества факторов, может быть разной и может вызывать различные эмоции. В этом отношении когниция невозможна без эмоции и наоборот.

Литература

Апресян В.Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты // Вопросы языкознания. 2011. № 1. С. 19-51.

Бабенко Л.Г. Типология ментальных слияний в структуре комплексных эмотивных концептов // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVII. С. 32-37.

Болдырев Н.Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 5-14.

Заботкина В.И. Соотношение когниции и эмоции в антропоцентрической парадигме // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVII. С. 68-72.

Манаенко Г.Н. Концепт как отношение и параметры его осмысления // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVII. С. 87-91.

Мягкова Е.Ю. Эмоциональная сфера человека и язык: подходы к исследованию // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей. М.: МАКС Пресс, 2010. Вып. 40. С. 118-124.

Романов Д.А. Языковая репрезентация эмоций: уровни, функционирование и системы исследований: дис. … д-ра филол. наук. Тула, 2004.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.

Bishop S. Neurocognitive mechanisms of anxiety: an integrative account // Trends in Cognitive Science. 2007. № 11. P. 307-316.

Dolan R. Emotion, cognition, and behavior // Science. 2003. № 298. P. 1191-1194.

Duncan S., Barrett L.F. Affect is a form of cognition: A neurobiological analysis // Cognition and Emotion. 2007. № 21. P. 1184-1211.

Pessoa L. On the relationship between emotion and cognition // Nature Review Neuroscience. 2008. № 9. P. 148-158. URL: http://www.lce.umd.edu/publications_files/Pessoa_NRN_2008.pdf.

L.S. Abrosimova (Roston-on-Don, Russia)
Southern Federal University

COGNITIVE-EMOTIONAL ASPECTS OF INDIVIDUAL WORD-FORMATION

In modern science, issues related to the research of emotions have gained a foothold among others. Examining occasional word-formation, the author reveals the mutual influence of cognitive and emotional processes, emphasizing that an adequate study of word-formation should proceed from the systemic nature of this phenomenon, defined by its basic elements (culture in general, language as its organic part, and also a cognizing and feeling person) in their interconnection.

Key words: anthropocentrism, cognition, emotion, occasional word-formation, linguo-creative activity.

И.В. Беляева *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
rin_1901@mail.ru

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ КАК ПРОДУКТ ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЗНАНИЯ[1]

В статье рассматриваются когнитивные аспекты формирования интерпретирующих значений фразеологизмов с компонентом-зоонимом. Установление концептуальных связей между областью-источником интерпретации и областью-мишенью интерпретации рассматривается как результат лингвокреативной деятельности сознания.

Ключевые слова: фразеологизм, компонент-зооним, интрепретирующее значение, лингвокреативная дейтельность, межконцептуальные связи.

Когнитивная лингвистика постулирует влияние языка на человеческое сознание. Однако такое воздействие имеет билатеральную направленность, так как человек является креативной лингвистической личностью, творящей язык и активно его преобразующей [Кубрякова 2009]. При этом под лингвокреативностью понимается не только создание новых языковых единиц, но и сама способность к их восприятию, интерпретация, связанная с генерированием мысли. Н.Н. Болдырев определяет интерпретацию как вид познавательной активности, процесс и результаты понимания и объяснения человеком мира и себя в этом мире [Болдырев 2015: 5].

Формирование фразеологизмов также связано с реализацией интерпретирующей функции сознания. Источником фразеологизма является новое знание, появившееся в результате рассмотрения уже известного, зафиксированного в языке знания под новым углом зрения. Таким образом, лингвокреативность проявляется на уровне онтологии и эпистемологии, реализуясь в конструировании языковых единиц для обозначения новых или интерпретации существующих реалий.

Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом являются продуктами творческой деятельности человека, которая заключается в комбинировании существующих моделей в новые модели, знаки, репрезентации, которые создают новые соединения [Заботкина 2018]. Формирование фразеологической единицы начинается с индивидуальной интерпретации, осуществляемой субъектом с опорой на его концептуальную систему. Предшественником любого фразеологизма является «меткое» выразительное словосочетание, точно отражающее свойство фрагмента мира. Если данное выражение правильно интерпретируется в концептуальной системе слушателя и привлекает его внимание своей формой, то воспринимающая сторона воспроизводит данное словосочетание в процессе коммуникации с другим человеком. Тот, в свою очередь, может также использовать понравившуюся комбинацию слов в последующих коммуникативных актах и, таким образом, словосочетание приобретает общеизвестный и общеупотребительный характер и превращается во фразеологизм.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00267) в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина

При этом первоисточник словосочетания (автор) со временем нередко забывается, и в таком случае фразеологизм рассматривается в качестве продукта народного творчества. Исключением являются выражения, приобретающие свойство фразеологичности после их представления в средствах массовой информации, кинематографе, художественной литературе и публицистике, так как источник фразеологизма фиксируется. К таким словосочетаниям относятся фразеологизмы-афоризмы, крылатые выражения, популярные цитаты известных людей. Так, фразеологизм *от мертвого осла уши* заимствован из романа И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев»; английское выражение to grin like a Cheshire cat принадлежит Л. Кэроллу, впервые появившись в сказке «Алиса в стране чудес»; французский фразеологизм le pavé de l'ours происходит из басни Лафонтена «Медведь и садовник» и т.д.

Фразеологизм иногда сравнивают с янтарем, поскольку он формируется постепенно и со временем приобретает большую ценность. Структура словосочетания способна к фразеологизации, влекущей за собой фразеологическую зависимость всех составляющих его компонентов. Таким образом, структура фразеологизма «застывает», подобно затвердеванию смолы при образовании янтаря. Кроме того, в янтаре бывают включения в виде небольших частиц флоры и фауны, а в случае фразеологизмов такими включениями являются приобретенные со временем дополнительные оттенки значения, расширяющие сферу его применения. Такая генерализация значения дает фразеологизму возможность функционировать в новых для него сферах. Например, фразеологизмы *отделять мух от котлет,* a dog's breakfast, *enlevez le bœuf* возникли в области кулинарии, но быстро утратили узкоспециализированный характер; выражения *темная лошадка,* dark horse, cheval de retour изначально относились к области конного спорта, позже стали применяться в политике, а теперь употребляются во многих сферах человеческой деятельности, характеризуя любую личность, чьи внутренние качества, характер, принципы и т.д. неизвестны, неясны [Словарь русского языка 1999].

Согласно В.И. Заботкиной, важными составляющими процесса креативности является девиация (отклонение) и конфронтация, в результате которых образуются новые связи, новые паттерны и модели [Заботкина 2018]. При формировании фразеологизма творческая языковая личность устанавливает новые межконцептуальные связи, которых нет в ее концептуальной или языковой картине мира. Подобные отношения могут быть представлены в формате когнитивной матрицы, являющейся единицей многоаспектного знания системы взаимосвязанных когнитивных контекстов или областей концептуализации объекта, интегрированных вербально в единый комплекс [Болдырев 2019: 90]. Таким образом, интерпретирующие значения фразеологизмов могут рассматриваться как знания матричного характера, что обусловливает их способность гештальтно действовать на сознание людей, вызывая определенные чувства, эмоции.

Значение фразеологизма неотделимо от концептуальных областей, входящих в компонентный состав когнитивной матрицы, среди которых выделяются две области: интерпретирующая (исходная) и интерпретируемая (конечная) [Панасенко 2014: 109]. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом образуются в результате взаимодействия интерпретирующей ко-

гнитивной области ЖИВОТНЫЙ МИР с интерпретируемыми областями ЧЕЛОВЕК, НЕЖИВАЯ ПРИРОДА, РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР, АРТЕФАКТЫ, АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ, СОБЫТИЯ и ФОРМЫ ПЕРЦЕПЦИИ. В процессе интерпретации выделенный языковой личностью признак представителя животного мира проецируется на человека. При этом устанавливаемые межконцептуальные связи могут быть предметно-логическими и ассоциативными. Как утверждает М.В. Никитин, предметно-логическая связь возникает в случае наличия общих или схожих свойств у связываемых сущностей, в то время как ассоциативная (по определению автора, синестезическая связь) свойственна референтам, не имеющим реальной или приписываемой общности [Никитин 2007: 197-198].

Наибольшее количество связей области ЖИВОТНЫЙ МИР устанавливается с сегментами домена ЧЕЛОВЕК. Так, категория «животные» устанавливает межконцептуальные связи в домене «физические качества человека» для сегмента, характеризующего «внешний вид человека»: рус. *серая мышь*, *грязный как свинья*, *гадкий утенок;* англ. as gaudy as a peacock, a dolly bird, like smth. The cat brought in; фр. un chat *é*corch*é,* laid comme un singe, une t*ê*te de M*é*duse и т.д. Множество связей формируется между сегментами «звуки животных» и «голос человека». Например, рус. *соловьиное пение, реветь белугой, пищать как комар;* англ. the sweet throat of a nightingale, to roar like a lion, wolf whistle; фр. Pousser des cris de paon, rire comme une baleine, une voix de ch*è*vre / voix chevrotante. При установлении внешнего сходства между фигурами животного и человека формируются межконцептуальные связи, объединяющие области ЖИВОТНЫЙ МИР и ЧЕЛОВЕК, в сегментах «строение тела» (рус. *жирный как свинья*, *драная кошка, здоровый как бык;* англ. as fat as a pig, graceful as a swan, snake hip; фр. mince comme la langue d'un chat, maigre comme un chat de goutti*è*re, *é*norme comme une baleine). Аналогии внешнего вида животного и человека проводятся также между сегментами «части тела»: рус. *свиное рыло*, *лебединая шея, рыбьи глаза*; англ. bull neck, shank's pony, aquiline nose; фр. un cou de sygne, avoir la gueule fendue comme une greouille, un nez aquiline и т.д. Межконцептуальные связи в домене «физические качества человека» характеризуют «кинетику», т.е. манеру двигаться. Например, рус. *гусиный шаг*, *нестись как перепуганный олень, скакать как козленок;* англ. to run like a deer, make a jack rabbit start, as fast as a hare; фр. sauter comme un cabri, faire le pied de grue, courir comme un z*è*bre. В зависимости от принадлежности к тому или иному виду животные часто обладают определенными особенностями, отличающими их от представителей других видов. При обнаружении подобных особенностей у человека устанавливаются межконцептуальные связи, на основе которых интерпретируются физические возможности человека: рус. *заживет как на собаке*, *собачье чутье*, *слепой как крот*, *живучий как кошка*; англ. to have a memory like an elephant, eagle eye, as strong as an ox, lithe as a panther; фр. avoir les yeux de lynx, myope comme une taupe, fort comme un *beouf, c'est la bête* и др.

Образование межконцептуальных связей, объединяющих элементы разных областей на основе реальных или мнимых признаков, представляет собой сложный процесс, требующий сопоставительного анализа знания об объекте одной категории со знанием объекта, принадлежащего к другой категории – с одной стороны, и осуществления творческой когнитивной деятельности, позволяющей обнаружить существующие сходства – с другой. Таким образом,

формирование интерпретирующих значений фразеологических единиц с компонентом-зоонимом является результатом креативной деятельности сознания, зафиксированным в языковой форме.

Литература

Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1. С. 5-12.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний: Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2019. 480 с.

Заботкина В.И. Креативность в лексиконе: взаимодействие когниции и коммуникации // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сборник научных трудов. М.: КДУ: Университетская книга, 2018. Вып. 2. С. 22-25.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1. С. 5-12.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: учебное пособие. 2-е изд. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. 819 с.

Панасенко Л.А. Инерпретирующий потенциал лексических категорий: дис. … д-ра филол. наук. Тамбов, 2014.

Словарь русского языка: в 4-х томах. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. Т. 4.

I.V. Beliaeva (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

THE INTERPRETIVE MEANINGS OF PHRASEMES WITH THE ZOONYM-COMPONENT AS A PRODUCT OF THE LINGUIOCREATIVE ACTIVITY OF THE CONSCIOUSNESS

The article focuses on the cognitive aspects of interpretive meaning construction of phrasemes with a zoonym component. The author argues that building of inter-conceptual links between source and target areas of interpretation in the process of conceptual derivation results from linguocreative activity of human consciousness.

Key words: phraseme, zoonym component, interpretive meaning, linguocreative activity, inter-conceptual links.

Е.Н. Боровицкая *(Киев, Украина)*
Институт психологии им. Г.С. Костюка НАПН Украины
bolenar@mail.ru

КОГНИТИВНАЯ АНАЛОГИЯ КАК МЫСЛИТЕЛЬНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ АКТУАЛИЗАЦИИ РЕЧЕТВОРЧЕСТВА (ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ПРОБЛЕМЫ)

Предлагается постановка вопроса о когнитивной аналогии как структурно-функциональном механизме актуализации речетворчества, о творче-

ском характере самой аналогии как процесса, где создание форм по аналогии предполагает своеобразную переработку речевого опыта. Говорим об аналогии как мыслительной тенденции, способной функционировать в качестве когнитивного механизма актуализации речетворчества.

Ключевые слова: аналогия, когнитивная аналогия, мыслительная тенденция, речетворчество, стратегия.

Как известно, большую роль в исследовании аналогии сыграло младограмматическое направление в языкознании (А. Лескин, К. Бругман, Г. Пауль, Б. Дельбрюк и др.). Одним из трех положений, выдвинутых младограмматиками и составляющих теоретическую основу самого младограмматизма, было положение об аналогии: *очень важную роль в процессе создания новых языковых форм и вообще в фонетико-морфологических изменениях играет аналогия* [Звегинцев 1964: 172-232; Кондрашов 1979: 71-81]. Таким образом, внимание ученых было направлено на установление новообразований по аналогии, на формулирование фонетических законов. Кроме того, в работах И.А. Бодуэна де Куртенэ, Г. Остхофа, и особенно в трудах Г. Пауля, было показано, что аналогия – такая же закономерность в развитии языков, как и фонетические законы [Звегинцев 1964: 172-232; Кондрашов 1979: 71-81].

Поскольку функциональная роль языковой аналогии связана с изменением, например, формы слова, вследствие известных ассоциаций между представлениями, то когнитивная аналогия определенно может основываться на психологических мотивах к поиску новых языковых форм уже как когнитивных сущностей, детерминированных различными концептуальными признаками и т.д. Напомним, те аналогические явления в языке, которые берут начало в психических побуждениях, рассматривал еще младограмматик Ф. Мистели. Однако эта идея была оставлена без внимания, и даже зачастую подвержена критике. Как известно, явление аналогии и фонетические законы, выдвинутые младограмматиками, в течение многих лет были предметом оживленной дискуссии, в процессе которой им же самим и пришлось пересмотреть понятие фонетического закона, и в силу того, что в дальнейшем сферу их действия пришлось ограничить рядом факторов, среди которых оказался и фактор встречного действия аналогий [Звегинцев 1964: 172-232; Кондрашов 1979: 71-81].

Одними из теоретических и методологических предпосылок для изучения аналогии явились взгляды на аналогию таких лингвистов, как Л. Блумфилд, Ф. де Соссюр, Г.Г. Бондарчук, Е.С. Кубрякова, В.Ф. Новодранова, С.В. Мичугина и другие. Оригинальной видится классификация основных типов аналогии, основанная на разнообразных ассоциациях, лежащих в основе аналогии, конкретном источнике аналогического образования и модели механизма аналогии, включающей такие типы аналогии, как лексический / аналогический, корреляционный / ассоциативный / парадигматический, синтаксический / дефиниционный, разработанная Е.С. Кубряковой [Кубрякова 1987: 43-51].

Таким образом, рассуждая о когнитивной аналогии в речетворчестве, следовательно, имеем дело с аналогией как когнитивным механизмом, где результаты его использования прослеживаются, с одной стороны, на когнитивном уровне становления категории, а с другой – на уровне функционирования и формирования новых единиц языка, что отражает сложную взаимообусловлен-

ность языка и мышления, а также концептуальной и языковой картин мира [Новодранова, Мичугина 2014: 109-113].

Таким образом, поскольку с развитием языковой системы неизбежно изменяется статус аналогических преобразований, необходимо учитывать все системные изменения в языке и понимать, а следовательно, рассматривать функционирование аналогии как когнитивного механизма с учетом цельных общесистемных параметров и психологических мотивов в интерпретации языковых явлений как масштабных категорий на концептуальном уровне.

Поскольку у нас постановка вопроса о когнитивной аналогии как структурно-функциональном механизме актуализации речетворчества, поэтому здесь не так важны фонетические или грамматические изменения языковых форм в их «чистом» виде, а скорее важен творческий характер самой аналогии как процесса, где создание форм по аналогии предполагает своеобразную переработку речевого опыта. Здесь, аналогия должна рассматриваться как когнитивный механизм создания нового *(стихотворения, картины, песни, мелодии и т.д.)* на основе смежности концептуальных признаков объектов, детерминированных условиями его построения *(темой, идеей, замыслом, а также, опытом, переживаниями и т.д.)*.

В этом отношении очень показательным является исследование аналогии как когнитивного механизма построения категории цвета на основе смежности концептуальных признаков категорий света, пространства, температуры В.Ф. Новодрановой и С.В. Мичугиной [Новодранова, Мичугина 2014: 109-113]. Здесь аналогия имеет двоякую природу и реализуется не только на концептуальном уровне, но и на уровне формирования языковой категории с последующим ее развитием [Новодранова, Мичугина 2014: 109-113].

Таким образом, двойственный характер аналогии по своей природе и последствиям делает ее, с одной стороны, организующим инструментом системности в языке, с другой стороны, когнитивным механизмом, преобразующим началом, построением нового. Итак, когнитивная аналогия может служить средством появления разного рода инноваций, а значит и источником творчески мыслительной деятельности, а также отклонений, исключений и даже аномалий.

Таким образом, *когнитивная аналогия*, возможно, способна даже преобразовываться в свободный прием воображения, что важно в организации речетворчества, и, безусловно, актуально в контексте понимания *аналогии как стратегии* (термин В.А. Моляко), где стратегия, согласно В.А. Моляко, – это скорее мыслительная тенденция личности, и никак не метод, и даже не способ решения задачи [Моляко 2007].

Считаем, именно *аналогизирование как стратегия*, направленная на поиск аналогов, видится той гибкой мыслительной тенденцией, способной превратиться в свободный прием воображения (фантазии) в речетворчестве. Ее роль заключается в нахождении сходства между структурами, функциями каких-то двух отличных единиц (образов). На основе установления такого сходства переносим действующую структуру, функцию в новое решение. Выделяются полные аналогии (абсолютное совпадение структуры или функции), значительные аналогии (преобладающее совпадение, и исполь-

зование структуры или функции в новом решении) и фрагментарные аналогии (сходство или частичное сходство элементов (функций) обоих единиц (образов), и их использование в новом решении). Впоследствии выделяются близкие аналоги (сравнение однотипных единиц (образов)), отдаленные аналоги (сравнение разнотипных единиц (образов), в зависимости от того, к какому классу они принадлежат), очень отдаленные аналоги (сравнение совершенно разных единиц (образов), причем, как структурно, так и функционально). Замечаем, что *стратегия поиска аналогов* может переплетаться с другими стратегиями: *комбинированием* (стратегией, направленной на осуществление комбинаторных действий), которая осуществляется *на основе аналогизирования*, но неизбежно через изменение теоретических установок, *реконструированием* (стратегией реконструктивных действий), что осуществляется также *на основе аналогизирования*, и неизбежно через изменение теоретических установок и т.д.) [Моляко 2007]. Следовательно, такие мыслительные тенденции, среди которых *стратегия аналогизирования*, в том или ином контекстах, способны превратиться в свободный прием творческого воображения, а также функционировать в качестве инструмента его актуализации в речетворчестве.

Таким образом, *когнитивная аналогия* способна к реализации на концептуальном уровне как масштабная категория, а также на уровне формирования нового с последующим его развитием.

Литература

Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1964. Ч. 1. С. 172-232.

Кондрашов Н.А. История лингвистических учений: учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности Русский язык и литература. М.: Просвещение, 1979. С. 71-81.

Кубрякова Е.С. Размышления об аналогии // Сущность, развитие и функции языка. М.: Наука, 1987. С. 43-51.

Моляко В.А. Творческая конструктология (пролегомены). Киев: Освита Украины, 2007. 388 с.

Новодранова В.Ф., Мичугина С.В. Аналогия как когнитивный механизм построения категории на основе смежности концептуальных признаков // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. 17. С. 109-113.

E.N. Borovytska (Kiev, Ukraine)
Institute of Psychology named after G.S. Kostyuke
of the National Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine

COGNITIVE ANALOGY AS A MENTAL TENDENCY OF ACTUALIZATION OF SPEECH CREATION (THEORETICAL AND HISTORICAL BACKGROUND OF DEVELOPMENT OF THE PROBLEM)

It is proposed to raise the question of cognitive analogy as a structural and functional mechanism for actualization of speech creation, the creative nature of analogy itself as a process where the creation of forms by analogy involves a kind of processing

of speech experience. We are talking about the analogy as a mental tendency that can function as a cognitive mechanism for actualization speech creation.

Key words: analogy, cognitive analogy, mental tendency, speech creation, strategy.

Т.А. Гридина *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский государственный педагогический университет
tatyana_gridina@mail.ru

ОПЕРАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВЕРБАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ: ИГРОВОЙ «ТРАНСФЕР» КОГНИТИВНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ЖАНРЕ АФОРИЗМА

В статье рассматривается феномен вербальной креативности в свете операциональных механизмов игровой концептуализации, в ходе которой осуществляется перекодировка когнитивных стереотипов путем их трансфера в специально смоделированный приемами языковой игры нестандартный ассоциативный контекст. На материале сатирических сентенций С.Е. Леца анализируется жанр афоризма, в основе которого лежит парадокс опрокидывания пресуппозиций, апеллирующих к категориям «общеизвестности» и «истинности». Постулируется тесное взаимодействие логико-фактологического и ассоциативно-эвристического механизмов обработки информации в процессах речевого творчества.

Ключевые слова: вербальная креативность, игровая концептуализация, когнитивный стереотип.

Природа вербальной креативности как проявление творческой инициативы говорящих в использовании языка требует обращения к операциональным механизмам, позволяющим создавать нечто новое на базе уже существующего. Характеризуя когнитивный аспект речетворчества [Боно 1999; Кубрякова, Демьянков 2007; Коновалова 2012; Минюрова 2013], можно рассматривать операциональные механизмы вербальной креативности как языковой «трансфер» известного носителям языка (прототипического, стереотипизированного или индивидуального) знания в иную систему координат, где происходит концептуальная перекодировка когнитивных стереотипов. Возможность такого трансфера обеспечивается «бесконечной интерпретационной валентностью» слова [Лосев 1982], проявляющей аспекты лингвокреативной «обработки» когниций разного типа как эвристический ресурс обновления языкового канона. Особой формой лингвокреативного мышления выступает языковая игра (ЯИ), моделирующая ассоциативный контекст деавтоматизации привычного восприятия, употребления и порождения вербальных знаков на фоне опознаваемого прототипа [Гридина 1996]. Специфика игровой концептуализации ярко проявляется в жанре афоризма как виде смыслового парадокса, построенного преимущественно на эффекте обманутого ожидания, опрокидывания «пресуппозиций», апеллирующих к категориям «общеизвестности» и «истинности». Представляется продуктивной методология анализа данного жанра с учетом когнитив-

ного базиса и лингвокреативной техники ЯИ, задающих вероятностный прогноз декодирования парадоксальной версии предъявления «расхожей» истины. В этом отношении показательны получившие всемирную известность сатирические сентенции польского писателя Станислава Ежи Леца, опубликованные в книге с говорящим названием «Непричесанные мысли» [Лец 2018]. Проанализируем некоторые примеры в заданном ключе.

Афоризмы Е. Леца нередко сформулированы как вопросно-ответные единства. Например: *Что такое **хаос**? Это **порядок**, нарушенный при сотворении мира*. Парадоксальное ассоциативное отождествление оппозитов *хаос – порядок* создает новый вектор восприятия концепта ХАОС как философской космогонической категории. Ср.: «**хаос** – в греч. мифологии зияющая бездна, наполненная туманом и мраком, из которой произошло все существующее» [Философская энциклопедия]. Вместе с тем в наивном сознании концептуализация феномена *хаос* может принимать иные акценты: *«Хаос – это та же гармония, только понять ее многим не дано. Хаос – суть бытия, ведь толком объяснить никто не может [ничего] о появлении жизни в мире, да и о самом появлении мира. Значит Хаос – это и есть сам мир»* [Что такое хаос?]. Рассмотренный афоризм можно отнести к разряду философизмов, обыгрывающих известный постулат о «единстве и борьбе противоположностей».

В качестве обыгрываемых языковых прототипов в афоризмах Е. Леца активно используются устойчивые обороты, фразеологизмы, цитаты, транслирующие представления о нормах общественной морали и иронически дискредитирующие их: *За всю жизнь ему не довелось **быть пригвожденным общественным мнением к позорному столбу***. Контаминация выражений *общественное мнение* (своеобразный кодекс поведения в обществе, с которым следует считаться) и *пригвоздить к позорному столбу* («апофеоз» публичного осуждения) создает игровой *эффект ассоциативной интеграции*. При этом нарушается пресуппозиция употребления последнего выражения в отрицательно-оценочном смысле. Возникает ироническая импликатура: пригвождение к позорному столбу общественным мнением есть удел личности, не признающей «запретов» на самовыражение, что не свойственно «законопослушным гражданам», живущим под «игом» подчинения коллективному уставу. Ср. также лозунг в защиту свободы художественного творчества от государственной цензуры, афористически «закодированный» орнитологической метафорой: *Учитывайте опыт орнитологов! Чтобы писатели могли **расправить крылья**, им необходима **свобода пера***. Переносный смысл прототипических фразем воспринимается на фоне буквальной вербализации когнитивного стереотипа – визуального образа птицы в свободном полете. Выражение *свобода пера* обнаруживает связь с исходной когницией и ее последовательной трансформацией (ср. *перо птицы – перо для письма – писательское перо* «творческий стиль автора» – *свобода пера* «отсутствие цензуры» со стороны власти), соответствующую когнитивную привязку содержит и оборот *расправить крылья* в прямом и переносном значениях (об ощущении творческой свободы», «вдохновения»).

Обширную группу составляют афоризмы Е. Леца, изящно обыгрывающие разнообразные житейские максимы, выступающие как пресуппозиции эмпирического характера, транслирующие концептуальное осмысление действительности сквозь призму обыденного сознания носителей языка. Игровой ко-

гнитивный трансфер в данном случае приобретает «модусный» вектор оценки знаний о мире «в плане их соответствия коллективным и индивидуальным представлениям о норме, стереотипам и оценочным шкалам» [Болдырев 2019: 106]. Так, индивидуальный ракурс авторской языковой игры приобретает сценарный концепт ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛИ, предполагающий последовательное движение к получению желаемого результата и представленный в обыгрываемом вербальном прототипе выражением *добежать до цели* (подобно спортсмену, пришедшему к финишу первым): *Добежав до* ***ЦЕЛи*** *и, обернувшись, я увидел:* ***ЛЕЦ.*** Конструктивным принципом языковой игры выступает ассоциативное отождествление (на основе анаграммной фонетической идентификации) корневой морфемы в слове *цель* и собственного имени *Лец*. Целью жизни писателя оказывается сама жизнь и он сам как состоявшаяся творческая личность. Смех, обнажающий парадоксы расхожих истин, – его единственная защита от «мировой глупости и пошлости».

Афоризмы Е. Леца выворачивают наизнанку привычную, предсказуемую логику восприятия формы и значения словесных знаков, обыгрывая их формальное тождество при несовпадении смыслов. Ср., например, оценочную дискредитацию императивных надписей-регламентаций, регулирующих процесс соблюдения человеком самых элементарных норм культуры общественного поведения: *На каждом шагу надписи: «Не плевать! Не сорить! Не шуметь! Не ехать в левом ряду!» Я не видел лишь надписи: «****Не убивать****!» А, может, пошло бы на пользу?* Этот «дописанный» автором призыв (слоган) коррелирует с библейским «**Не убий!**» и по контрасту с мелкими и навязчивыми ограничительными запретами бытового характера в иронической форме выражает идею истинных жизненных ценностей.

Замечательно остроумны иронические сентенции Е. Леца, отсылающие к возрастным стереотипам: *Календарь молодости однообразен – на дворе все время* ***май*** (ср. ассоциативную параллель *май – молодость*, основанную на пресуппозициях *весна* – время обновления в природе, *май* – пора цветения, *молодость* – самый яркий период в жизни человека»). Метафора *календарь молодости однообразен* задает неожиданный вектор оценочной концептуализации, имплицитно актуализируя идею неизбежной смены этапов жизненного цикла, в ходе которого человек получает разнообразный опыт. Еще более заострен этот тезис в афоризме, отождествляющем когнитивный и лингвистический планы высказывания: *Человек* ***рождается, живет и умирает в одном предложении***. Игровой эффект ассоциативной провокации создается неожиданным переключением общеизвестной максимы о том, что человек смертен, в русло описания самой языковой техники, допускающей возможность представить жизнь человека от рождения до смерти в одном предложении.

Лингвокогнитивный базис афоризмов Е. Леца во многих случаях связан с рефлексией над значениями однокоренных слов, сопоставление которых в одном контексте разрушает пресуппозиции их самостоятельного употребления. Например: *Надо хотя бы* ***сказанным наметить границы недосказанного***. В данном случае *сказанное* не просто противопоставляется *недосказанному* по параметру эксплицированной или неэксплицированной,

часто намеренно скрываемой, хотя и подразумеваемой информации. За афористической фразой может скрываться как конкретный намек (например, недоверие к слову политика, заверениям прессы и т.п.), так и более общий, философский смысл, выражающий идею относительности истины (безграничных возможностей познания).

Таким образом, лингвокреативная техника обработки типовых когниций в афоризмах Е. Леца ориентирована на парадоксальную перекодировку их интерпретации в заданном автором игровом ключе. Это тот когнитивный источник лингвокреативности, который самим Е. Лецем обозначен афоризмом «***Факты воображения***», соединяющим два основополагающих начала любого, в том числе языкового, творчества: логико-фактологическое и ассоциативно-эвристическое.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / науч. ред. В.З. Демьянков. 2-е изд. М., 2019.

Боно Эдвард де. Латеральное мышление. СПб., 1999.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.

Кубрякова Е.С, Демьянков В.З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 8-16.

Коновалова Н.И. Креативная составляющая интеллекта: к 100-летию IQ // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2012. № 10. С. 35-48.

Лец С.Е. Непричесанные мысли. Сборник афоризмов и цитат. М., 2018.

Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М.,1982.

Минюрова С.А. Человек: креативный и/или инновационный? // Лингвистика креатива / отв. ред. Т.А. Гридина. Екатеринбург, 2013. С. 59-77.

T.A. Gridina (*E*katerinburg, Russia)
Ural State Pedagogical University

OPERATIONAL MECHANISMS OF VERBAL CREATIVITY: GAME “TRANSFER” OF COGNITIVE STEREOTYPES IN THE GENRE OF APHORISM

The article considers the phenomenon of verbal creativity in the light of operational mechanisms of game conceptualization, during which cognitive stereotypes are recoded by transferring them to a non-standard associative context specially modeled by language game techniques. Based on the satirical maxims of S.E. Lez, the author analyzes the genre of aphorism, which is based on the paradox of overturning presuppositions that appeal to the categories of “common knowledge” and “truth”. The close interaction of logical-factual and associative-heuristic mechanisms of information processing in the processes of speech creativity is postulated.

Key words: verbal creativity, game conceptualization, cognitive stereotype.

М.Ю. Илюшкина *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
ilyushkina_maria@mail.ru
Т.С. Вершинина *(Екатеринбург, Россия)*
Уральский государственный медицинский университет
Минздрава РФ
wtatiana@mail.ru

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ СПОРТИВНЫХ КРИЧАЛОК

В настоящее время спорт так прочно вошел в жизнь социума, что трудно представить общественную жизнь без тех или иных проявлений физической культуры и спорта. В исследовании предпринимается попытка создания структурно-тематической и лексико-стилистической классификаций спортивных кричалок и комплексная оценка кричалок.

Ключевые слова: речевое воздействие, поведение, спортивный дискурс, кричалки, лексико-стилистические особенности.

Введение. Язык не только связан с мыслительными и познавательными процессами человека, но и как когнитивный механизм обусловливает поведение индивида. С позиций когнитивизма внутренние состояния человека «физически проявлены, наблюдаемы и интерпретируются как получение, переработка, хранение, а затем и мобилизация информации для рационального решения задач» [Демьянков 1994: 17]. В когнитивистике широко представлены исследования текстов таких видов дискурса, как политический или художественный; однако в недостаточной степени, на наш взгляд, уделено внимания изучению текстов спортивного дискурса, особенно их разновидности – спортивным кричалкам, выступающим в качестве особой формы коммуникативного взаимодействия в диаде «болельщики – спортсмены» и влияющих на исход спортивного состязания. Сказанное объясняет обращение авторов данной статьи к исследованию спортивных кричалок и попытку выявить степень воздействия их как на болельщиков, так и на спортсменов. В качестве рабочего определения в данном исследовании используется дефиниция Оксфордского словаря: «Кричалка – это повторяющаяся ритмичная фраза, которую обычно выкрикивают или поют толпой в унисон» (https://en.oxforddictionaries.com/definition/chant).

Анализ истории такого раздела науки, как психология спорта, показывает, что на сегодняшний день проблема взаимодействия команды и болельщиков практически не охвачена системным изучением. На наш взгляд, большой вклад в развитие данного направления могут внести лингвистические исследования, выявляющие настрой и действенность спортивных кричалок, их установки, направленные как на игроков, так и на болельщиков, а также на команду противников и их болельщиков. Так, речевая деятельность футбольных болельщиков по сути своей всегда агональна [Леонтьев 2014: 259] и определяется самим «духом» футбольных матчей: их соревновательный характер отражается в эмоциональном состоянии бо-

лельщиков, что находит выражение в их постоянных вербальных дуэлях. Так, исполняемые болельщиками песни и речевки (кричалки) – это жанры футбольного дискурса, служащие маркером агонального характера их речевой и неречевой деятельности [Хейзинга 1997: 315].

Кричалки как жанр современного фольклора. Свое развитие жанр кричалки получил в конце 1970-х. В это время был создан огромный пласт фанатского фольклора именно в виде запоминающихся двустиший и четверостиший [Фатеев 2012: 82]. В настоящее время кричалка стала многожанровым явлением – она рассказывает о происходящих событиях то в форме частушки, то в форме садисткого стишка («садюшки»), то в виде загадки. Футбольные кричалки, называемые в фанатской среде «речевками», продолжают развиваться, охватывая довольно широкий диапазон тем, начиная от футбола и заканчивая современными общественными проблемами [Строганов 2014: 43].

Целью данного исследования является классификация спортивных кричалок на примерах баскетбольных и футбольных клубов мирового уровня. Актуальным типом классификации, на наш взгляд, является распределение «кричалок» по клубной принадлежности (например, ФК «Спартак» (Москва), БК «УГМК» (Екатеринбург)). Здесь можно выделить две большие группы:

– «кричалки» частные, принадлежащие только конкретному клубу, например: *«Где “Торпедо” – там победа!»*;

– «кричалки» общие, в текстах которых название одного клуба может быть изменено на название другого: *«В России нет еще пока команды лучше “Спартака” (ЦСКА)!»*.

Также возможна классификация по времени возникновения «кричалок». Некоторые из них можно датировать с точностью до дня (это «кричалки», посвященные определенному игроку, либо важному событию в жизни клуба): *«Хоть ори, хоть не ори – забивает гол Ари!»*.

1. «Кричалка»-садюшка (садистский стишок):

«Мальчик. Трибуны. Большой стадион.
Громко он крикнул: “Зенит-чемпион!”
Сломаны череп и два позвонка –
Много болельщиков у “Спартака”!»

В данной разновидности «кричалок» присутствуют все основные признаки садистского стишка: четверостишия с попарно рифмующимися строчками, черный юмор.

2. «Кричалка»-загадка. Композиционно данный тип состоит из двух частей: загадки (вопроса) и отгадки (ответа), которые взаимосвязаны и могут быть зарифмованы друг с другом:

«Что за мусорная яма? –
Это общество “Динамо”.
Что за кучка рядом с ней? –
Это общество Коней!»

Следующий вид классификации – по содержанию.

1. «Кричалки» – «за»:

«Не надо вопросов, не надо ответов,
В России есть лидер – “Крылья Советов”!»

«Кричалки» данного типа поднимают игровой и моральный дух команды, настраивают на победу, заряжают положительными эмоциями участников матча (в том числе и самих болельщиков).

2. «Кричалки» – «против»: «Раскатаем, словно блин, мы казанский ваш “Рубин”!» Кричалки данного типа направлены на подавление игрового духа команды-соперника.

Лексико-стилистическая классификация спортивных кричалок. В качестве материала исследования были выбраны 100 русскоязычных и столько же англоязычных кричалок восьми различных футбольных и баскетбольных команд. В связи с малоизученностью темы кричалок, нами была предпринята попытка создать свою двухкомпонентную классификацию спортивных кричалок, состоящую из структурно-тематического и лексико-стилистического компонентов.

Первая группа – это деление спортивных кричалок «по сходству с другими жанрами фольклора». Данный признак был заимствован из классификации футбольных кричалок Д.Н. Фатеева [Фатеев 2012]. В первую очередь, спортивная кричалка схожа с таким жанром устного народного творчества, как частушка. Она должна быть краткой: иметь двух- или четырехстрочную форму. Среди кричалок-частушек также были отмечены случаи схожести с садистким стишком (садюшкой).

Примером таких кричалок-частушек БК УГМК будут:

«Наш УГМК непобедим,
Очень мы гордимся им,
Сердцем мы всегда с тобой,
Клуб Лисиц наш дорогой!»

Однако в текстах англоязычных кричалок таких примеров не было обнаружено. Немаловажно отметить такую разновидность кричалок, как кричалки-загадки. Композиционно данный тип состоит из двух частей: загадки (вопроса) и отгадки (ответа), которые взаимосвязаны и могут быть зарифмованы друг с другом. У болельщиков БК УГМК есть следующая кричалка данного типа:

«Кто сказал, что проиграем?
Кто сказал, что не забьем?
Начинаем мы атаку,
Всех на поле разорвем.
Раскатаем мы защиту,
Заберем у вас очки, чтоб все знали –
Мы с Еката и непобедимы мы!»

Вторая группа – это деление спортивных кричалок «по размеру». Они могут быть короткими и содержать в себе до двух строк текста, а также может быть и одно слово или два слова, которые повторяются на протяжении всей кричалки:

«Кто не прыгает, тот барсик! Хэй! Хэй!»

«УГМК!!! УГМК!!! УГМК!!! УГМК!!! УГМК!!!»

Важным фактом является то, что коротких кричалок замечено чуть больше в англоязычных текстах, например: «Fired up, up, Eagles, fired up!»

Лексико-стилистический анализ английских и русских спортивных кричалок. Для создания лексико-стилистической классификации спортивных кричалок были взяты спортивные кричалки российских футбольных и баскетбольных болельщиков, а также англоязычные кричалки, размещенные на спортивных фанатских форумах. Необходимо отметить, что самым частотным в спортивных кричалках является риторический прием:

«Пришла пора, пришла пора
Нам разорвать любого гранда.
Футбол – народная игра,
Спартак – народная команда».

Данный прием чаще всего используется в англоязычных текстах:

«Jump, Jump, get it, get it;
Rebound, that ball!»

Заключение. Проблема коммуникативного взаимодействия в диаде «болельщики – спортсмены» является многогранной, поскольку для выявления продуктивных подходов к созданию спортивных кричалок необходимы комплексные психолингвистические исследования. Предпринятая в работе попытка создать структурно-тематическую и лексико-стилистическую классификацию спортивных кричалок, созданных болельщиками русских и английских баскетбольных и футбольных команд, лишь отчасти решает такую сложную проблему, как поведение болельщиков и определение влияния кричалок на поведение фанатов.

Литература

Громов Д.В. Прагматика современной молодежной речевки // Труды ученых Московского городского педагогического университета. 2007. Вып. 4. С. 148-156.

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17-33. URL: http://www.infolex.ru/Cogni.html#_Toc32468340.

Зильберт Б.А. Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи // Язык, сознание, коммуникация. М., 2001. Вып. 17. С. 45-55.

Леонтьев В.В. Агональная вербальная грубость в речевом поведении футбольных болельщиков // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 255-268.

Строганов М.В. Футбольные кричалки как жанр городского фольклора // Ситуация постфольклора : городские тексты и практики: тезисы конференции. М.: РАГСиНХ при Президенте РФ, 2014. С. 43-44.

Фатеев Д.Н. Позднетрадиционный фольклор. Классификация жанра футбольной кричалки // Русский язык за рубежом. 2012. № 3. С. 80-84.

Хейзинга Й. Homo Ludens: Статьи по истории культуры. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.

***M*.Y. Ilyushkina** (*E*katerinburg, Russia)
Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
***T*.S. Vershinina** (*E*katerinburg, Russia)
Ural State Medical University

LEXICO-STYLISTIC FEATURES OF LINGUISTIC MANIPULATION OF SPORT FAN CHANTS

Nowadays sport is being intergrated in the social life which makes its existence impossible without sportive activities. The authors make attempts to create structural and lexico-stylistic classifications of sport fan chants. Moreover, the fan chants complex evaluation is given from the position of linguistics as well as from the position of extralinguistic factors.

Key words: linguistic manipulation, behavior, sport discourse, fan chants, lexico-stylistic features.

М.И. Киосе *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
Институт языкознания РАН

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КРЕАТИВНОСТЬ МОНО- И ПОЛИМОДАЛЬНОЙ ФОРМ ДЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ[1]

В работе исследуются трансформации показателей параметров лингвистической креативности в мономодальном и полимодальном тексте детской художественной литературы. Устанавливаются параметры и группы параметров, которые демонстрируют вариативность при переходе одной формы (формы печатного текста) в другую (форма диафильма). Сопоставительный анализ показателей параметров демонстрирует ряд техник конструирования, используемых авторами вторичного полимодального текста при трансформации способов и средств передачи лингвокреативности.

Ключевые слова: лингвистическая креативность, параметры лингвокреативности, тексты детской художественной литературы, полимодальность.

Вариативность форматов моно- и полимодальной коммуникации накладывает определенные требования на выбор средств лингвистической креативности, которая является одной из основных характеристик художественного текста. При создании текстов для детской аудитории полимодальные формы используются довольно часто [Hunt 2005; Белоглазова 2010], при этом одним из вариантов такого текста является текст вторичный, в котором языковое содержание и оформление подвергается значительным изменениям за счет его замещения содержанием и оформлением средствами другой модальности. Одним из примеров такого вторичного полимодального текста является диафильм, где синхронизируются два коммуникативных формата передачи содержания с помощью визуального канала, лингвистическая модальность и модальность изображения. Здесь происходит, таким образом, особый процесс согласования, или «адаптации модальностей» [Демьянков 2019], при котором одна из модальностей (в

[1] Исследование выполнено в Институте языкознания РАН при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040 «Параметризация лингвокреативности в дискурсе и языке»)

данном случае, изображение) становится вторичной по отношению к исходной (первичной) текстовой модальности, выступая в составе полностью вторичного полимодального текста.

В настоящем исследовании анализу подвергаются трансформации показателей параметров лингвистической креативности (подробнее о понимании лингвокогнитивной природы явления см. в [Ирисханова 2009; Jones 2015; Зыкова 2017]), которые устанавливаются при сопоставлении двух форматов текста, мономодального (исходный авторский текст) и полимодального (сокращенный и измененный авторский текст с добавленными статическими изображениями). В связи с тем, что часть содержания исходного текста «перешла» в содержание изображения, можно было предположить, что изменился состав и количество параметров лингвистической креативности в тексте полимодальной формы, однако затруднительно без проведения процедуры параметрического анализа утверждать, как именно изменилось лингвокреативное содержание исходного текста. Так, можно было полагать, что часть дискурсивно-прагматического содержания исходного текста будет передана средствами другой модальности. В этом случае общая дискурсивно-прагматическая нагрузка исходного текста, реализуемая, в частности, и средствами лингвистической креативности, должна быть уменьшена соответственно уменьшению объема текста, т.е. плотность средств лингвокреативности на единицу объема текста останется сходной. Однако сама форма презентации содержания в диафильме такова, что сначала в большинстве случаев идет изображение, а текст помещается под картинкой, что, предположительно, снижает значимость дискурсивно-прагматического воздействия самого текста. Данное наблюдение может свидетельствовать в пользу общего снижения количества и разнообразия средств лингвокреативности в тексте. При этом нельзя забывать и о том, что в текстовом компоненте диафильма остаются самые значимые или самые ускоряющие повествование фрагменты исходного текста, выступающие в качестве «динамизаторов» [Демьянков 2006; Ирисханова 2018] нарратива детского художественного произведения. Таким образом, существует ряд факторов, которые потенциально могут вызвать разные изменения плотности и состава параметров лингвокреативности, и определить, как же в действительности влияет на трансформацию лингвистической креативности самого текста выбор одной из модальностей в качестве вторичной формы вторичного полимодального текста (дискурсивная вторичность одной из модальностей во вторичном полимодальном тексте), можно только с помощью статистического параметрического анализа.

На первом этапе анализа исходный текст произведения детской художественной литературы (в качестве материала исследования исходной формы текста выступает рассказ Ю. Сотника «Райкины пленники», у которого есть вторичный формат в виде диафильма) был аннотирован на предмет присутствия показателей лингвистической креативности, выявленных и апробированных в [Зыкова, Киосе 2020]. Параметры лингвокреативности определяются как параметры нарушения литературной нормы, универсальные средства выразительности, случаи интерференции языковых, межъязыковых и межсемиотических элементов [Там же].

Всего анализу подвергались показатели 57 параметров 6 языковых уровней (фонологический, морфологический, словообразовательный, лексический,

синтаксический, орфографический). Например, среди параметров лингвокреативности лексического уровня аннотированию подвергались смена регистров коммуникации, смена профессионального кода, наличие лексического экспрессива, наличие лексического неологизма и окказионализма, наличие многозначности, наличие стилистического тропа, наличие фразеологизма и др.

Объем аннотированного текста измерялся в словах и знаках и составил 1769 слов, 10683 знаков с пробелами и 8790 знаков без пробелов при средней длине слова 6,039 / 4,969 знаков. Анализу подвергалось 240 дискурсивных единиц (рассказ полностью), в качестве которых для удобства анализа рассматривалось структурно оформленное предложение.

Была проведена поуровневая разметка параметров. Например, во фрагменте (1а-г) представлены 4 дискурсивные единицы.

В (1а) среди параметров лингвистической креативности определяются аффиксальная модификация субъективной и функциональной оценки в *девчонка*, два случая новации имени собственного в *Борису* и *Раису* (используются полные варианты имен для называния детей), три случая использования фразеологизма в п*люнуть на что-л., взять кого-л. измором, проучить кого-л.*, используются однородные сказуемые с оценочным значением.

(1а) *Борису очень хотелось плюнуть на все и взять Раису измором, проучить хорошенько эту девчонку.*

В (1б) обнаруживаем смену профессионального кода в использовании терминов *заседание* и *профессору*, смену регистров коммуникации в использовании слова сниженной разговорной окраски *глупо*.

(1б) *Но он подумал, как будет глупо, если он не попадет к профессору и на заседание кружка.*

В (1в) отмечаем наличие эллиптической конструкции, синтаксическую активность служебной части речи в *и*.

(1в) *И из-за чего!*

В (1г) фиксируем категориальную новацию местоимения (неопределенное местоимение *каких-то* используется как определенное в тексте, так как речь идет о конкретных пуговицах), аффиксальную модификацию субъективной и функциональной оценки в *сестренки*, параллельные конструкции или параллелизмы с (1в), однородные члены предложения, эллиптическую конструкцию и синтаксическую фигуру (анафора с (1в)):

(1г) *Из-за каких-то пуговиц и упрямой сестренки!*

Таким же образом в численно-кодовом виде с комментированием получили описание все дискурсивые единицы произведения. Далее была проведена статистическая обработка файла аннотирования на предмет 1) количества параметров каждого уровня; 2) общего количества параметров одного уровня; 3) корреляции всех параметров всех уровней в специально разработанной для нужд данного анализа статистической программе HETEROSTAT (среда разработки C++Builder), которая позволяет определить корреляции каждого параметра с каждым в больших базах данных.

На втором этапе была проведена разметка тех же параметров в тексте диафильма. Объем аннотированного текста составил 1045 слов, 6371 зна-

ков с пробелами и 5427 знаков без пробелов при средней длине слова 6,097 / 5,193 знака. Сопоставление длин слов первичного и вторичного полимодального текстов указывает на то, что во втором случае использовались несколько более длинные слова, что может свидетельствовать о снижении общего количества служебных слов. При этом это снижение не столь значительное, что, очевидно, связано с выбором более развлекательной формы подачи материала и соответствующим преобладанием более коротких (а значит, более простых для восприятия и интерпретации) языковых форм.

Приведем здесь только выводы в отношении сопоставления численных значений параметров.

Так как объем полимодального текста оказался в 1,42 раза короче мономодального, данное значение для нас послужило контрольным в определении порога вариативности численных значений параметров. Сопоставление значений параметров показало, что в отношении фонологических, морфологических и словообразовательных параметров данные отличаются в пределах 1,44–1,63, т.е. значимых трансформаций в проявлениях лингвокреативности не наблюдается. В отношении орфографических параметров отметим, что их показатели не очень значительны, в связи с чем мы не считаем возможным делать определенные выводы об их трансформации. Однако ситуация отличается в проявлениях лексических и синтаксических параметров. В исходном тексте их количество больше в 1,81 и 2,14 раза соответственно. Среди лексических параметров наибольшие расхождения мы заметили в отношении лексико-парадигматических новаций (использование в ближайшем контексте синонимов, антонимов, омонимов и др.), количества стилистических тропов, количества использованных фразеологизмов. Среди синтаксических параметров наибольшую активность в первичном тексте занимает использование синтаксических фигур (анафоры, эпифоры, градации), независимой автосемантии, нарушение сочетаемости разных типов. Все эти средства обладают функцией повышения и сохранения концентрации внимания читателя.

Представляется важным отметить и те единичные параметры, значения которых, наоборот, увеличились во вторичном полимодальном тексте. Это наличие лексических экспрессивов и эмотивов (почти одинаковое в обоих случаях большое количество), сохранены все случаи фонетической акцентуации, инверсии компонентов линейной схемы.

Полученные данные в целом свидетельствуют о том, что при трансформации исходного текста авторы вторичного полимодального текста ориентировались (скорее всего, ненамеренно) на снижение роли параметров лингвокреативности, требующих большой концентрации внимания (комплексные синтагматические и образные парадигматические новации), отдавая предпочтение единичным средствам, обладающим наибольшей экспрессивностью и доступностью интерпретации. Это также означает и большую плотность во вторичном тексте единичных экспрессивных средств, что позволяет автору сделать общий характер нарратива динамичным, а креативность – легко интерпретируемой. Таким образом, в качестве техник трансформации лингвокреативности мономодального художественного текста в полимодальный можно назвать техники динамизации повествования, облегчения читательской интерпретации, снижения концентрации внимания читателя.

Возможность применения данных техник, очевидно, связана с требованиями полимодального формата репрезентации детского текста, а именно с тем, что до прочтения каждого фрагмента читатель уже успел познакомиться с изображением, содержание которого во-многом дублирует содержание текста, и отсутствие динамики повествования и необходимость долгой концентрации внимания на том, что уже известно читателю из изображения, не будет способствовать успешности полимодального произведения.

Литература

Белоглазова Е.В. Дискурсная гетерогенность литературы для детей: когнитивный и лингво-прагматический аспекты: дис. … д-ра филол. наук. СПб., 2010.

Демьянков В.З. Можно ли измерить динамику нарратива? // Художественный текст как динамическая система: материалы международной конференции, посвященной 80-летию В.П. Григорьева. М.: Управление технологиями, 2006. С. 118-123.

Демьянков В.З. Согласование и адаптация модальностей // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVIII. С. 88-100.

Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М.: Гнозис, 2017.

Зыкова И.В., Киосе М.И. Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте: кинодискурс vs. дискурс детской литературы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020 (в печати).

Ирисханова О.К. О понятии лингвокреативности и ее роли в метаязыке лингвистических описаний // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. V. С. 158-171.

Ирисханова О.К. К вопросу об измерении динамики нарратива // Образы языка и зигзаги дискурса: сборник научных статей к 70-летию В.З. Демьянкова / отв. ред. В.В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2018. С. 192-215.

Hunt P. Understanding children's literature. London and New York: Routledge, 2005.

Jones R.H. The Routledge Handbook of Language and Creativity. London: Routledge, 2015.

***M*.I. Kiose** (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University
Institute of Linguistics RAS

LINGUISTIC CREATIVITY OF MONOMODAL AND MULTIMODAL CHILDREN'S LITERATURE

The work features the transformations which occur in representing linguistic creativity in monomodal and multimodal formats of children' literature. Parametric and statistical analysis helps define the groups of parameters and individual parameters which demonstrate variable values in changing the format of printed stories into the format of a microfilm. In the contrastive parametric study

we detect a group of construal techniques used to transform the linguistic creativity of original monomodal texts into its multimodal form.

Key words: linguistic creativity, parameters of linguistic creativity, children's literature, multimodality.

Л.А. Козлова (*Барнаул, Россия)*
Алтайский государственный педагогический университет
lyubovkozlova@list.ru

АНАЛОГИЯ КАК ФАКТОР, РЕГУЛИРУЮЩИЙ ЛИНГВОКРЕАТИВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматривается проблема лингвокреативной деятельности языковой личности, одним из проявлений которой являются интенциональные языковые аномалии, т.е. отступление от языковых канонов для передачи дополнительных смыслов и повышения экспрессивности текста. Как показано в работе, регулятором, определяющим границы таких отступлений, служит аналогия, дающая возможность творческого использования языка, но одновременно способствующая сохранению читабельности текста.

Ключевые слова: антропоцентризм, лингвокреативная деятельность, аномалия, аналогия, языковая личность, регулятор.

Одним из следствий антропоцентрической направленности современной лингвистики является повышение интереса исследователей к изучению процессов творческого, нестандартного использования языковых единиц различных уровней [Демьянков 2015; Ирисханова 2009; Позднякова 2006, Ремчукова 2005 и др.]. Изучение этих процессов позволяет выявить как креативную энергию, заложенную в самом языке, так и присущее человеку стремление к играм, в том числе играм с языком. Языковое творчество может иметь самые разнообразные формы реализации в языке, но наиболее частотными формами проявления лингвокреативной деятельности говорящего являются языковая игра и языковые аномалии. Несмотря на то, что данные феномены частично пересекаются, они все же различаются как своими механизмами, так и своими функциями. Если основная функция языковой игры состоит в создании игрового эффекта, то основной функцией интенциональных языковых аномалий является не просто привлечение внимания читателя к необычной языковой форме, а выражение при помощи нее особого смысла. Как отмечает О.К. Ирисханова, целесообразно различать креативность различных видов: креативность в художественном тексте, публицистике, обыденной речи и т.д. [Ирисханова 2009: 169]. Объектом нашего внимания является художественный текст.

Помимо поворота научной парадигмы к фактору человека, значительным стимулом для исследования лингвокреативности стали и изменившиеся текстовые практики. Различные девиации, или аномалии стали художественным приемом литературы постмодернизма, в основе эстетики которого лежит провозглашенный Ж. Деррида принцип децентрации, стремление к преодолению стереотипности. Наиболее ярким представителем подобных текстовых прак-

тик считается Дж. Джойс. Как отмечают исследователи, роман «Улисс» буквально пронизан техникой «асинтаксизма», в нем насчитывается более тысячи окказиональных новообразований, что делает его чрезвычайно трудным как для восприятия, так и для перевода [Нестерова, Наугольных 2019]. Отдавая должное таланту Дж. Джойса, основное произведение которого по-прежнему занимает первые строчки среди 100 наиболее продаваемых книг, вместе с тем следует признать, что этот роман настолько труден для восприятия, что многие читатели, используя известную прецедентную фразу, считают, что *"*everyone wants to have read James Joyce, but no one wants to read him*"*.

Влияние текстовых практик литературы постмодернизма было столь значительным, что некоторые лингвисты стали говорить о необходимости революционного преобразования языка, о создании т.н. open-structure grammar, или grammarless language, которые бы, по их мнению, не ограничивали творческие способности авторов. Так, автор книги с символическим названием «Язык будущего» завершает свою книгу призывом: *"Write* freely, make mistakes, express your mind, then study the best authors and cor*rect your papers"* [Berne 1976: 108].

В связи с наличием таких довольно экстремальных мнений закономерно встает вопрос о границах языковой креативности, нарушение которых может сделать тексты нечитабельными. Мы полагаем, что своеобразным регулятором лингвокреативной деятельности языковой личности выступает фактор аналогии, который позволяет говорящему создавать новые единицы на основе имеющихся в его языковой компетенции структур, хранящих знания о моделях словообразования и сочетаемости, при этом внося элемент творчества в эти модели. Эти структуры, вслед за Е.Г. Беляевской, могут быть обозначены как фреймы, в которых хранятся знания не о мире, а о языке [Беляевская 2018: 348]. Как отмечала Е.С. Кубрякова, аналогия выступает как важный фактор, лежащий в основе развития и функционирования языка, позволяющий говорящему легко переходить от известных ему форм к созданию новых, а потому ей принадлежит важная роль в процессах речепорождения [Кубрякова 1990: 31]. Говоря о лингвокреативности, исследователи неизменно подчеркивают, что она регламентируется языковыми правилами (rule-governed creativity) [O'Grady, Dobrovolsky 1993: 1]. В когнитивной лингвистике аналогия рассматривается как основа когниции и механизм, который лежит в основе процессов категоризации и концептуализации. Д. Хофстадтер и Э. Сандер метафорически определяют ее как *"the fuel and fire of all thinking"* [Hofstadter, Sander 2013].

Языковые аномалии могут иметь место при использовании единиц различных уровней языка: словообразования, морфологии и синтаксиса. Обратимся к анализу примеров таких аномалий. Наиболее частотны случаи такого употребления в сфере словообразования. Так, Дж. Стейнбек, описывая чувства и эмоции своего спутника в путешествии – пуделя Чарли, пишет: Once Charley fell in love with a dachshund. A romance radically unsuitable, physically ridiculous, and mechanically impossible. But all these problems Charley ignored. He loved deeply and tried <u>dogfully</u> (J. Steinbeck. Travels with Charley in Search of America). В основе авторского новообразования

dogfully лежит аналогия с существующим в английском языке наречием manfully – *мужественно*, но при этом, используя данную модель словообразования, автор использует необычную корневую лексему, что не только привлекает внимание читателя своей новизной, но и приводит к приращению смысла: Чарли вел себя по-собачьи мужественно (ср. со знаменитым есенинским *«ты по-собачьи дьявольски красив»*).

Высокая продуктивность суффикса -ness, с помощью которого образуются абстрактные существительные, часто используется авторами для создания собственных новообразований, в которых присутствуют признаки намеренного отклонения от нормы. Нормативно в качестве производящей лексемы используются прилагательные, образующие с помощью данного суффикса абстрактные имена качества: weak-weakness, clever-cleverness и т.д. Обращаясь к творчеству классика современной английской литературы Дж. Фаулза, мы находим в текстах его романов многочисленные примеры аномалий на уровне словообразования. Так, Фаулз создает значительное число существительных с суффиксом -ness, используя при этом в качестве производящей основы не прилагательные, как в канонической модели словообразования, а числительные (oneness), местоимения (nobodiness), причастия (unexpectedness), наречия (nowness) и даже предлоги (withoutness). Подобные единицы, построенные по аналогии с существующей моделью словообразования, привлекают внимание читателя к ключевым концептам текстов писателя. Например: I was trying to emphasize the importance of the now. The <u>nowness</u> of any given point in time is pure and virginal (J. Fowles. Wormholes). С помощью данного новообразования автор подчеркивает значимость концепта НАСТОЯЩЕЕ и призывает дорожить тем, что существует здесь и сейчас – природу и окружающих нас людей.

Приведем пример интенциональной аномалии на уровне морфологии: I went into the biggest shop on the main street. Mama always <u>shopped</u> there (E. O'Brien. The Country Girls). Из контекста романа мы знаем, что мать героини утонула, и по правилам английской грамматики здесь должна быть употреблена форма Past Perfect, но автор употребляет Past Indefinite, в результате чего происходит приращение смысла: в сознании девочки мать продолжает оставаться живой.

Обратимся к аномалиям на уровне сочетаемости слов: *'You mustn't fret.' He spoke in the sweet, disarming way that I had known so well. 'I don't. Not a good idea.' This was* <u>so Hal</u>, and I laughed (E. Buchan. Revenge of the Middle-Aged Woman). Интенсификатор so, указывающий на предельно высокую степень качества или признака, канонически сочетается с прилагательными и наречиями. В данном случае употребление интенсификатора с именем собственным указывает на то, что в фокусе внимания оказывается не сам человек, а присущие ему качества, и значение сочетания может быть интерпретировано как *'it was so characteristic of Hal'*.

Приведем еще один пример. Описывая свое состояние после потери любимой женщины, герой романа Джона Фаулза говорит: I didn't think about her, <u>I felt about her</u> (J. Fowles. Magus). В данном примере, нарушая канонические правила валентности глагола feel и употребляя его в составе параллельной синтаксической конструкции по аналогии с глаголом think, автор передает всю

горечь потери: его герой ощущает эту потерю не только разумом, но и чувствами, что значительно повышает экспрессивность текста.

Таким образом, языковые аномалии являются одной из форм реализации лингвокреативного потенциала языковой личности. Их суть состоит в отступлении от канонических правил для передачи дополнительных смыслов и повышения экспрессивности текста, а аналогия выполняет регулирующую функцию, очерчивая границы таких отступлений и тем самым сохраняя читабельность текста.

В заключение скажем несколько слов о судьбе авторских языковых аномалий. Одни из них, как это случилось, например, со знаменитой фразой Н. Хомского a grief ago, получают широкое распространение и различные вариации в текстовых практиках (ср.: “When I was a young man – two wives ago, 250000 cigarettes ago, 3 000quarts of booze ago…” (K. Vonnegut)). Другие не получают такого распространения в языковой практике, но привлекают внимание лингвистов, оставляя свой след в описании языка. Как отмечал И. Бродский, большому писателю, сумевшему понять закономерности языка, удается произвести улучшения в языке и остаться в истории [Brodsky 1986: 30].

Литература

Беляевская Е.Г. Типология фреймов в конструировании языковой системы и дискурса // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXIV. С. 246-349.

Демьянков В.З. Языковое творчество и речевая креативность // Язык как медиатор между знанием и искусством: сборник докладов международного научного семинара. М.: ИК «Азбуковник», 2009. С. 11-19.

Ирисханова О.К. О понятии креативности и его роли в метаязыке лингвистических описаний // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. V. С. 158-171.

Кубрякова Е.С. Аналогия // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 31-32.

Нестерова Н.М., Наугольных Е.А. Деформация языка в произведениях Дж. Джойса: проблема интерпретации и перевода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 23. № 2. С. 460-472.

Позднякова Е.М. Креативность действия в зеркале лингвокреативной деятельности человека // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 3. С. 43-49.

Ремчукова Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики. М.: Либриком, 2016.

Berne S. Future Language. N.Y.: Horizon Press, 1976.

Brodsky J. To Please a Shadow // Less than One: selected essays. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1986. P. 297-313.

Hofstadter D., Sander E. Surfaces and Essences. Analogy as the Fuel and Fire of Thinking. N.Y.: Basic Books, 2013.

O’Grady W., Dobrovolsky M. Contemporary Linguistics. N.Y.: St. Martin’s Press, 1993.

L.A. Kozlova (Barnaul, Russia)
Altai State Pedagogical University

ANALOGY AS A FACTOR REGULATING THE LINGUOCREATIVE ACTIVITY OF THE LANGUAGE EGO

The article studies the problem of linguocreative activity of the language ego, manifested in the intentional language anomalies, i.e. deviation from the language canons with the aim of expressing additional meanings and enhancing the expressiveness of the text. As the research shows, the function of a regulator outlining the borderline of these deviations is carried out by analogy, which gives a possibility to use the language creatively but at the same time contributes to the preservation of the text readability.

Key words: anthropocentrism, linguocreative activity, anomaly, analogy, language ego, regulator.

Н.В. Кулакова *(Красноярск, Россия)*
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
kulakova-nv@yandex.ru

СЛОВОТВОРЧЕСТВО КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Раскрывается одно из ключевых требований ФГОС начального общего образования – развитие речи обучающихся. Представлены результаты экспериментально-опытной работы по развитию письменной речи младших школьников в процессе использования окказионализмов и их способности к актуализации ассоциаций, основанных на анализе вещественного значения корня и деривационного значения аффикса.

Ключевые слова: словотворчество, сочинение, младший школьник, лингвистические способности.

Парадигма личностно ориентированного развивающего образования в России обусловлена основными требованиями, предъявляемыми ФГОС начального общего образования, в котором особое значение придается проблеме развития речи младших школьников, так как от уровня развития речи зависит успешность обучения в целом. Неоспоримым фактом является то, что развитая речь человека способствует его успешной реализации в социуме.

Психологическая природа связной речи, ее механизмы и особенности развития у детей отражены в работах М.Т. Баранова, Л.С. Выготского, Н. И. Жинкина, В.И. Капинос, Т.А. Ладыженской, А.А. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, М.Е. Соловейчик и др. Все исследователи отмечают, что детям необходимо специальное речевое воспитание, которое связано с одним из важнейших психологических образований, обусловливающих успешность человека в самых разных областях деятельности, – креативностью.

Высший уровень развития речи и творчества представляют сочинения. Работая над коммуникативно-творческими видами текстовых упражнений,

школьники учатся грамотно и выразительно передавать свой опыт эмоционального восприятия жизни, проявлять самостоятельность суждений, реализовывать свой творческий потенциал, а значит, и развивают свою речь.

По мнению М.Р. Львова, изучение языка должно способствовать тому, чтобы его единицы использовались «в общественной и индивидуальной практике самих учащихся, в их трудовой, познавательной, игровой, творческой и иной деятельности» [Львов 1983: 54]. Деятельностный подход к письменной речи как предмету обучения предполагает формирование у обучающихся потребности излагать мысли и чувства в письменном виде. Такой подход способствует развитию лингвистических способностей, языковой и коммуникативной компетентностей учеников.

В связи с ростом новообразований (окказиональных слов) как в художественных и публицистических произведениях, так и в живой речи возникает потребность пристального изучения данных слов в школе на уроках гуманитарного цикла, чтобы учащиеся имели возможность лучше осмыслить значение и функциональную роль этих слов в тексте и в устной речи.

Функционирование словообразования в тексте представляет собой специфический объект исследования отечественных лингвистов (И.Л. Загрузная, Е.А. Земская, В.В. Лопатин и др.).

К отношению словообразования и текста возможны два подхода: от текста к словообразованию, когда выявляется влияние дискурса на формирование и функционирование словообразовательных единиц, и от словообразования к тексту, когда ищется ответ на вопрос о том, как деривационный механизм участвует в организации связной речи [Кулакова 2007].

Р.Г. Гатауллин, исследуя влияние контекста на интерпретацию окказиональных словообразовательных конструкций, выявил, что текст: а) обеспечивает понимание и интерпретацию конструкций, которые в изолированном виде обладают множеством толкований; б) меняет интерпретацию; в) конкретизирует значение многозначных словообразовательных конструкций; г) определяет их эффективность и роль в номинативной функции; д) фиксирует использование словообразовательных конструкций в конкретной функции; е) уточняет и специфицирует интерпретацию длинных конструкций [Гатауллин 2001].

Все вышесказанное определило гипотезу нашего исследования: использование окказиональных слов в процессе написания сочинений младшими школьниками на уроках русского языка может способствовать развитию речи, если учитывать текстообразующие качества окказионализмов и их способность к актуализации ассоциаций, основанных на анализе вещественного значения корня и деривационного значения аффикса. Экспериментально-опытное обучение осуществлялось в средней общеобразовательной школе № 108 г. Красноярска.

Аналитическая работа над языковым материалом позволяет направлять внимание учащихся как на структурные элементы слова и их семантическое значение, так и на изменение значения слов в зависимости от их употребления. Так ученикам было предложено выполнить следующие задания:

1. Прочитайте стихотворение:

Под ногами в листопад

Листья желтые летят,
А под листьями шуршат
Шурш, Шуршиха и Шуршонок –
Папа, мама и ребенок. (В. Голяховский)

– Назовите авторские новообразования, укажите способ образования. Что обозначают эти слова? Зависит ли значение слов от способа образования? Напишите текст (сказку, рассказ и т.д.) о семье Шуршей.

Окказиональные слова, используемые в стихотворении, могут вызвать у учащихся множество образов / ассоциаций, что, в свою очередь, способствует дифференцированному раскрытию сюжетной линии в тексте.

В качестве примера приведем сочинения учеников 2 класса:

О чем могут рассказать Шурш, Шуршиха и Шуршонок?

В одном сказочном лесу, в домике из сухих листьев и сплетенных между собой сосновых иголок, жила удивительная семья, состоящая из Шурша, Шуршихи и Шуршонка. В их домике было очень хорошо и уютно. На стенах висели портреты бабушек и дедушек. Кроватки были из мягкого мха, а мебель из еловых шишек. В доме у них жили ручные сверчки, и поэтому по вечерам в домике было светло. Шурши были помощниками Ветра по шуршанию листвой. Когда Ветра в лесу не было, Шурши ставили самовар и пили чай с ватрушками. Чай Шурши пили тоже очень шумно, при этом важно причмокивая. Если Шуршам делать было нечего и чай тоже не хотелось пить, они ходили в гости к другим Шуршам. Все они были большими озорниками и шутниками. Когда они собирались вместе, то веселому празднику не было конца. Один раз в год Ветер устраивал соревнование между Шуршами по шуршанию травой, во время соревнований было очень шумно. Наш знакомый папа Шурш сделал это громче всех и занял первое место, мама Шуршиха – третье, а Шуршонок пока еще тренируется.

Зимой Шурши надевали теплые шубы и катались на лыжах, издавая шум. Для Шуршонка это было любимое занятие.

Вот так и жила веселая семейка Шуршей. (Яна П., 2 класс)

О чем могут рассказать Шурш, Шуршиха и Шуршонок?

Жили-были Шурш, Шуршиха и Шуршонок. Это такие маленькие создания, которые чуточку похожи на мышей. А похожи они тем, что у них такие же длинные хвостики. Живут они в домике, который построили из соломы и листьев. Спят на кроватках из досточек, покрытых травкой и укрытых листьями. Однажды Шуршонок пошел в лес и услышал, как листья, шурша между собой, о чем-то разговаривают. Шуршонок прислушался. Оказывается, листья разговаривали о том, как первоклассники пришли в лес и намусорили. Шуршонок скорей побежал к себе домой за граблями, чтобы затем снова вернуться и убрать этот мусор. Он так увлекся уборкой, что не заметил, как наступил вечер. Шуршонок отправился домой и, когда сел пить чай с мамой и папой, то все им рассказал. Папа за столом поведал о том, что, пока сынок наводил порядок в лесу, он ходил к старому другу орлу, который ждал его на холме. Орел принимал участие в соревнованиях, Шурш за него болел. А мама рассказала, что вкусный торт сегодня на столе появился благодаря рецепту, который ей дала соседка ежиха. И подробно описала, как она его готовила.

Вот о каких событиях нам могли бы рассказать Шурш, Шуршиха и Шуршонок. (Юля Л., 2 класс)

Хочется отметить, что некоторые ученики проявили инициативу и создали текст, используя окказиональные слова, придуманные самостоятельно:

Шумная сказка

Эту сказку ты прочтешь
Шумно, шумно, шумно…
Жили-были синий Волн
И его Волниха.
Синий Волн был очень шумен,
И Волниха тоже.
И ребенок был у них
Шумный-шумный Волненок.
Вся семья идет гулять
Ночью вдоль дорожек:
Волн-отец, Волниха-мать
И ребенок Волненок. (Анна К., 2 класс)

2. Упражнение: Придумай и запиши маленькую сказку о героях, которые живут в сказочной стране. В этой стране все время идет дождь. Какие герои могут там жить?

Задание упражнения дало возможность учащимся попробовать образовать по знакомым моделям как названия стран (Дождляндия, Тучляндия, Тучкоград, Дождлин, Дождоград), так и имена героев (Дождиха, Дожденок, Туч, Тучиха, Тучонок, Облачище, Облачиха). Затем учащиеся сочиняли сказки, употребляя только что образованные окказиональные слова.

Оценивались сказки с точки зрения проработанности сюжета и оригинальности. Сказки, написанные в экспериментальном классе, превосходят по этому критерию сказки, написанные в контрольном классе.

В качестве примеров приведем сочинение учащегося экспериментального класса.

Туч, Тучиха и Тучонок

Жили-были Туч, Тучиха и Тучонок. Они летали по небу и выполняли важную работу: они собирали над морем влагу, а затем летели на полянку и там проливались дождем. На этой полянке росли их друзья – цветы и деревья. Они с радостью встречали семью тучек, особенно в жаркий день.

Но однажды на этой полянке вырос очень вредный цветок. Он был всем недоволен. Когда прилетали тучки, этот цветок кричал им: «Эй, тучи, уходите отсюда! Вы мне мешаете. Я хочу, чтобы солнце увидело мою красоту!».

Тучки очень обиделись на него и не стали прилетать и поливать эту поляну.

Вскоре вся земля высохла и потрескалась, а цветы и деревья стали засыхать. Из последних сил они попросили Ветра: «Ветер, извинись перед тучками за то, что один цветок их обидел. Нам здесь очень плохо, пусть они нам помогут!».

Ветер полетел к семье туч и все им передал. Туч, Тучиха, Тучонок были добрыми и простили цветок. Они полетели и полили полянку, которая сразу стала оживать. А тучки жили долго и счастливо. И когда прилетали к полянке, то любовались цветами. (Саша А., 3 класс)

Таким образом, можно сделать вывод о возможности использования в качестве опорных слов для образования текстов таких окказиональных слов, которые способны вызвать цепь ассоциаций, способны передать то, что порой не под силу узуальному лексикону. Семантический компонент окказиональных слов, актуализируя образные ассоциации, связанные с

данными словами, может составлять основу образности создаваемых текстов [Кулакова 2005].

Литература

Гатауллин Р.Г. Влияние контекста на интерпретацию окказиональных словообразовательных конструкций. Вестник Башкирского университета. 2001. № 3. С. 45-51. URL: http://www.uic.bashedu.ru/str_n_col/vestnic/magaz1_3/gataul.html.

Кулакова Н.В. Текстообразующая роль словообразовательных окказионализмов // Теоретические и прикладные аспекты современной филологии: материалы XII филологических чтений имени проф. Р.Т. Гриб (1928–1995). Красноярск, 2007. Вып. 7. С. 72-78.

Кулакова Н.В. Использование словообразовательных окказионализмов как текстообразующего средства при написании сочинений младшими школьниками: дис. … канд. пед. наук. Красноярск, 2005. 193 с.

Львов М.Р. Общие вопросы методики русского языка: учебное пособие для слушателей ФПК. М., 1983.

N.V. Kulakova (Krasnoyarsk, Russia)
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

VERBAL CREATIVITY AS A MEANS OF DEVELOPING WRITTEN SPEECH OF PRIMARY SCHOOL CHILDREN

One of the key requirements of the Federal State Educational Standard of primary general education is revealed – the development of students' speech. The results of experimental work on the development of written speech of younger schoolchildren in the process of using occasionalisms and their ability to actualize associations based on the analysis of the real value of the root and derivational value of the affix are presented.

Key words: word-making, composition, primary school student, linguistic abilities.

У.Л. Кшеновская *(Новосибирск, Россия)*
Новосибирский государственный педагогический университет
sj@ngs.ru

ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОМ АСПЕКТЕ

В докладе освещаются процессы лингвокреативности с позиций когнитивно-дискурсивного подхода, что позволяет выявить специфику нетривиального взаимодействия языковой и концептуальной систем сознания языковой личности. Лингвокреативные процессы являются одновременно когнитивными и коммуникативными: с одной стороны, осуществляется выбор и конструирование инновационной номинации, с другой – реализация определенной речевой интенции, реализуемой в конкретном дискурсе. Дискурс при этом выступает не только коммуникативным событием, но и трансфером нового знания.

Ключевые слова: лингвокреативность, языковая личность, дикурс, когнитивно-дискурсивный подход.

Дискурсивные характеристики языковых явлений являются по сути продолжением их когнитивных свойств. Языковые явления, обладающие определенными концептуальными характеристиками, в дискурсе могут приобретать особые свойства и передавать иные значения. Кроме того, именно в дискурсе для решения ситуативных коммуникативных задач появляются единицы, не зафиксированные в языковой системе, но потенциально ею предполагаемые и выстроенные согласно моделям, содержащимся в когнитивно-деривационной базе формообразования или, напротив, нарушая эти модели.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения общих и специфичных механизмов лингвокреативности; потребностью в обобщении эмпирического корпуса материала, а также включенностью работы в целый ряд современных лингвистических направлений: когнитивного, дискурсивного, коммуникативного и др.

Разнообразие существующих подходов к процессам лингвокреативности говорит об актуальности, сложнопостижимости и многоаспектности рассматриваемого явления.

В зарубежной лингвистической теории понятие лингвокреативности восходит к работам Н. Хомского, который говорил о лингвокреативности как о врожденной лингвистической способности человека генерировать и понимать бесконечное количество новых фраз и предложений из конечного числа слов по определенной модели обработки языкового опыта [9].

В трудах отечественных лингвистов лингвокреативность рассматривается не только с позиции порождения новых языковых сущностей, но и нестандартного использования и творческого преобразования уже имеющихся в языке единиц.

В контексте данного исследования мы понимаем лингвокреативность как творческую способность языковой личности создавать в ходе дискурсивной деятельности инновационные единицы из заложенных языковой системой средств по аналогии с существующими моделями или отступая от них, для передачи посредством языкового знака ментальных конструктов знания о реальной или конструируемой действительности.

Когнитивно-дискурсивный подход к процессам лингвокреативности позволяет выявить специфику взаимодействия языковой и концептуальной систем сознания языковой личности и получить доступ к механизмам передачи нестандартными языковыми средствами инновационных ментальных конструктов знания о реальной или конструируемой действительности

Понятие лингвокреативности напрямую связано с понятием языковой личности, предложенным Ю.Н. Карауловым. «Нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю, к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов 1987: 7].

Под языковой личностью Ю.Н. Караулов понимает «относительно устойчивую во времени, т.е. инвариантную в масштабе самой личности, часть в ее структуре, которая является на деле продуктом длительного исторического развития» [Караулов 1987: 42], носителем национального

начала и объектом передачи опыта от поколения к поколению, выраженная «в языке и через язык» [Там же: 38].

Языковая личность для передачи смыслов постоянно осуществляет выбор из множества языковых форм в процессе дискурсивной деятельности, именно в ходе дискурсивных практик индивидуальная языковая личность может проявить сугубо индивидуальные или этнокультурные специфические черты, реализуя свой творческий потенциал.

В ходе дискурсивной деятельности языковая личность стремится к успешной интерпретации реципиентом своей интенции, следуя в связи с этим принятым языковым нормам, используя конвенциональные языковые знаки и отступая от них исключительно целенаправленно. Именно в наличии интенции состоит отличие творческого переосмысления языка (преодоление ограничений, накладываемых языковой системой, преобразование, дополнение и пополнение языковых средств, эксплуатация потенциальных возможностей языка в рамках конкретной коммуникативной ситуации) от неграмотного его использования.

Механизм лингвокреативной деятельности можно описать в общих чертах в категориях эмоционального и рационального или исходя из дихотомии «образ – понятие». В сознании говорящего возникает некий смысл, размытый гештальт, которому подбирается по прототипической модели или на основе существующего прообраза определенное языковое оформление, таким образом, запускается механизм кодирования содержания мысли посредством конфигурации разноуровневых языковых средств. Чем удачнее выбраны средства или прототипическая модель, тем легче осуществляется узнавание продукта лингвокреативной деятельности потенциальным реципиентом. Кроме того, для уточнения смысла и снятия размытости необходимо дискурсивное оформление, т.е. включение личностного осмысления в систему общественного знания.

Дискурс, таким образом, выступает актуализирующей средой лингвокреативной деятельности языковой личности, которая пользуется языком для передачи своих интенций как инструментом, позволяющим претворить в жизнь еще не реализованные, но потенциально существующие свойства языка.

В свою очередь реципиенту дискурс выстраивает условия коммуникативной ситуации для успешного декодирования смысла, заложенного в созданной в ходе лингвокреативной деятельности единице. Одним из таких условий является предвосхищение, или антиципация. На этапе столкновения с продуктом лингвокреативной деятельности у реципиента возникает момент непредсказуемого когнитивного диссонанса, который тут же устраняется за счет контекстуальных связей. Реципиент, не найдя в своей языковой базе лингвокреативного знака, за счет дискурса как средства порождения и существования нового смысла заполняет эту лакуну и, пользуясь целостным восприятием, участвует в дешифровке смысла инновационной (лингвокреативной) единицы. Так как инновации, получившиеся в результате лингвокреативной деятельности языковой личности, требуют дополнительных когнитивных усилий со стороны реципиента для их распознавания и осмысления, то они подвергаются критическому оцениванию, а также потенциальному присвоению и использованию уже в собственной дискурсивной деятельности. Реципиент в данном случае выступает своего рода экспертом лингвокреативной деятельности языковой личности и потенциальным транслятором полученного знания. Дискурс, таким обра-

зом, выступает не только своего рода лабораторией экспериментального тестирования потенциальных свойств языковой системы отдельной языковой личностью, но и полем апробации лингвокреативного опыта, его передачи и распространения.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика глагола: сборник статей. М.: Директ-Медиа, 2016. 222 с.

Гридина Т.А. Лингвокреативные стратегии семантизации слова и освоение операциональной техники языковой игры в онтогенезе: экспериментальные данные. Екатеринбург, 2014.

Демьянков В.З. Об антропоцентрическом направлении в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVII. С. 43.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.

Козлова Л.А. Языковые аномалии как средство реализации креативного потенциала языка и их реализации в тексте // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия:. Филология. 2012. № 2s (18). С. 121-128.

Колесов И.Ю. Семантические исследования языка в новой парадигме гуманитарного знания // Языковые процессы в эпоху глобализации: материалы международного научного семинара. М.: Изд-во МГПУ, 2016. С. 106-111.

Кшеновская У.Л., Гусева В.В. Когнитивная метафора и концептуальное смешение в рекламном дискурсе // Когнитивное моделирование: труды Второго Международного форума по когнитивному моделированию / отв. науч. ред. С.И. Масалова, В.Н. Поляков, В.Д. Соловьев. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2014. С. 68-75.

Манерко Л.А. Новая методика исследования категоризации в лингвистике // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2000. № 2. С. 39.

Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge, MA: MIT Press, 1965.

Leech G. Principles of pragmatics. London: Longman, 1983. 250 p.

U.L. Kshenovskaya (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Pedagogical University

LINGUACREATIVITY IN THE COGNITIVE-DISCURSIVE ASPECT

The research focuses on linguacreativity as a cognitive and discursive phenomenon. The cognitive-discursive approach reveals the specific nature of a nontrivial interaction of two systems in a creative linguistic personality's mind – linguistic and conceptual. Linguacreative processes are both cognitive and communicative: the act of innovative nomination is carried out together with a certain speech intention realized in a particular discourse which makes the latter not only a communicative event, but also a transfer of new knowledge.

Key words: linguacreativity, linguistic personality, discourse, cognitive-discursive approach.

Е.В. Рыжкина *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
phraseologinya@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ КОГНИТИВНЫХ МЕХАНИЗМАХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КРЕАТИВНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Работа посвящена изучению фразеологической креативности в когнитивном ракурсе. В ней рассматриваются когнитивные основания языкотворчества в сфере английской фразеологии и, в частности, механизмы смыслопорождения в ходе окказионального варьирования фразеологизмов в речи. Особое внимание уделяется концептуальной интеграции при формировании и модификации фразеологического значения.

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеологическое значение, креативность, окказионализм, когнитивный механизм, концептуальная интеграция.

Фразеологическая креативность, являющаяся предметом данного исследования, охватывает широкий спектр новаций в сфере фразеологии – от различных окказиональных преобразований существующих единиц до создания непосредственно фразеологических неологизмов. Иными словами, это любая форма новаторского использования фразеологии, направленного на решение когнитивных и коммуникативных задач человека в ходе его речемыслительной и дискурсивной деятельности.

Будучи явлением сложным и многогранным, фразеологическая креативность рассматривалась с позиций различных научных направлений, которые задавали свой ракурс исследования. Характерный для современной, когнитивно-дискурсивной парадигмы принцип интегративности позволяет привлекать в зону лингвистики и даже комбинировать данные и методологию других наук о человеке (когнитологии, психологии, культурологи, прагматики и др.), что открывает новые перспективы в исследовании языка и, в частности, языкотворчества. При всем многообразии подходов к толкованию данного явления на современном этапе, основные концепции креативности в языке сходятся в понимании того, что любые проявления языкового творчества обусловлены креативностью мышления (см., например, [Langacker 1987]). Это значит, что инновации на языковом уровне призваны воплощать новые ментальные сущности, которые возникают в результате определенных когнитивных операций, операций со знаниями.

Важнейшим для понимания природы языковой (фразеологической) креативности является положение когнитивной лингвистики о том, что язык непосредственно вовлечен в процессы познания, интерпретации получаемой о мире информации и формирования структур знания (Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, W. Chafe, Ch. Fillmore, A. Wierzbicka и др.). И более того,

язык сам выступает как «интерпретирующий фактор, реализующий познавательные и коммуникативные интенции человека» [Болдырев 2017: 42]. С этой точки зрения фразеологическая креативность может рассматриваться как проявление интерпретирующей функции языка, ибо через варьирование существующих единиц и образование новых носитель языка объективирует обновленный опыт познания мира, коллективный и индивидуальный, и, что очень важно, *свою* интерпретацию называемого фрагмента действительности.

Внеязыковое знание, соотносимое с фразеологической единицей, определенным образом структурируется и укладывается в некую концептуальную схему (например, фрейм), которая формирует семантический инвариант данной единицы, обеспечивающий ее тождество в ходе функционирования в коммуникации, включая ее окказиональные трансформации. В то же время эта схема достаточно гибка и подвижна, чтобы при необходимости дать место новому знанию. Это свойство обусловливает некоторую диффузность фразеологической семантики, допускающую множественность прочтения ФЕ в различных контекстах ее реализации и, следовательно, ее вариативность, а также создает предпосылки для более значительных преобразований семантики и/или структуры фразеологизма в исторической перспективе. В конкретном же акте коммуникации объем инвариантного знания, кодируемого данной ФЕ, конкретизируется и дополняется индивидуальными представлениями субъекта речи, которые вербализуются в процессе речетворчества, в том числе посредством разнообразных форм креативности. Это становится возможным благодаря действию механизма смысловых замен, который позволяет человеку соотнести в процессе речетворчества релевантный фрагмент картины мира и личное знание и в этом контексте интерпретировать используемые в речи языковые единицы, насыщая их индивидуальными смыслами [Залевская 2000].

В основе творческого обновления ФЕ лежат разного рода ментальные операции. Так, говоря о проявлениях интерпретирующего характера конструирования мира в языке, Н.Н. Болдырев называет выделение фрагментов опыта, фокусирование внимания на отдельных объектах, профилирование их характеристик и взаимосвязей и др. [Болдырев 2017: 43]. Опыт исследования фразеологического материала позволяет сделать заключение о том, что в случае чисто семантического преобразования ФЕ (без изменения лексико-грамматической формы), как правило, имеет место перепрофилирование концептуальной структуры, стоящей за данным оборотом, фокусирование / дефокусирование внимания на отдельных концептуальных признаках, нередко происходит перераспределение информации или замена одних смысловых элементов на другие.

Например, современный смысл английской ФЕ bear one's cross (нести свой крест) возник в результате языковой интерпретации креста как религиозного символа. Знание о Кресте, почерпнутое из Евангелия, образует фон исходного событийного фрейма, в структуре которого обозначены такие узловые признаки, как «вольная жертва», «тяжелое страдание», «терпение», «искупление», «спасение» и др. В ходе концептуализации этого знания в английской фразеологии происходит перепрофилирование

данного фрейма, высвечиваются одни признаки и дефокусируются другие. В итоге значение идиомы bear one's cross сформировано вокруг признака «тяжелое страдание» (подробнее см. [Рыжкина 2018: 122-125]).

При структурно-семантическом варьировании, особенно в условиях вклинивания, добавления или замены лексического компонента ФЕ, значение новообразования обычно формируется в ходе концептуальной интеграции (в терминологии G. Fauconnier и M. Turner), т.е. синтезируется в результате сложного взаимодействия элементов исходных ментальных пространств, ассоциирующихся с компонентами ФЕ. При этом избирательное соединение исходных концептуальных элементов на основе их тождества, сходства или аналогии опирается на вспомогательные операции, такие как соединение / сложение элементов, завершение или добавление определенных фоновых концептуальных структур. Так создается новая концептуальная структура, основа фразеологического значения, не распределяющегося полностью между значениями лексических компонентов ФЕ.

Примером ФЕ, возникших подобным образом в результате окказионального варьирования, является серия сравнительных оборотов-синонимов innocent as a dove, innocent as a babe unborn и innocent as a babe in arms, которые представляют видовые модификации концепта INNOCENCE (невинность). Образное основание каждой из этих единиц позволяет акцентировать релевантные признаки в исходном фрейме, которые обусловили специфику значения соответствующей ФЕ. Так, первый из оборотов innocent as a dove (невинный как голубь) строится на сравнении с голубем, символизирующим чистоту и непорочность, что ставит в фокус концептуальный признак **нравственной чистоты**. Два других фразеологизма основаны на образе младенца, который служит эталоном неопытности в английской лингвокультуре. Соответственно на передний план выдвигается признак **отсутствия жизненного опыта**. Фокус в каждой из двух номинаций приходится на более частный аспект. Образ ФЕ innocent as a babe unborn (житейски неопытный человек) изображает **наивного** человека, не умеющего распознавать добро и зло, – по ассоциации с ребенком в утробе матери, который еще не видел жизни. Фразеологизм innocent as a babe in arms (инфантильный человек) навеян образом младенца, который еще не может ходить и нуждается в постоянной заботе, и таким образом исходный фрейм снова перепрофилируется с акцентом на признаке «**отсутствие самостоятельности**» (подробнее см. [Рыжкина 2018: 125-127]).

Формально данные единицы были созданы путем окказиональной замены конечных лексических компонентов, при которой новые, варьирующиеся элементы структуры служат формальными десигнаторами модификаций на концептуальном уровне или, точнее, представляют одно из исходных ментальных пространств. К примеру, фразеологическое значение оборота innocent as a dove конструируется в ходе взаимодействия ментальных пространств, соотносимых, с одной стороны, с лексемой innocent и, с другой стороны, с культурно-языковым символом dove, между которыми устанавливаются отношения подобия. Акцентируемый при этом концептуальный признак «чистота» задает вектор концептуальной интеграции и в последующем определяет нюансы значения фразеологизма в целом. Подобным образом происходит формирование семантики двух других оборотов, лишь с той разницей, что в качестве первого

исходного пространства в данном случае выступает уже сложившаяся концептуальная структура, вербализованная ФЕ innocent as a dove. Соответствующее концептуальное содержание подвергается новой обработке при замене правого компонента фразеологизма и вступает во взаимодействие с новым ментальным пространством (представленным компонентами a babe unborn или a babe in arms). Исходный фрейм вновь перепрофилируется, и создается иная модификация фразеологического значения.

Проанализированные примеры также свидетельствуют о важном механизме, который, как правило, задействуется при варьировании ФЕ. Как показал анализ, в большинстве случаев новаторского употребления фразеологизмов наблюдается аналогичность, даже схематичность новообразований, говорящая о существовании четкого алгоритма, который соединяет образец лексико-грамматического построения с определенной концептуальной структурой, что позволяет продуцировать новые единицы с заданными свойствами [Рахматуллаева 2015].

Действие аналогии с опорой на отлаженные когнитивные механизмы делает проявления креативности во фразеологии прозрачными и в некоторой степени прогнозируемыми, что демонстрирует системность фразообразовательных процессов.

Литература

Болдырев Н.Н. Интерпретирующий фактор языка в познании и коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXIX. С. 40-47.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 2000.

Рахматуллаева Н.Г. Когнитивные основания структурно-семантической аналогии во фразеологии английского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2015.

Рыжкина Е.В. Методология исследования фразеологической окказиональности в условиях полипарадигмальности (на материале английского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 16 (811). С. 115-131.

Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. I. Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987.

E.V. Ryzhkina (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

ON COGNITIVE VEHICLES OF IDIOM CREATIVITY IN THE ENGLISH LANGUAGE

The research is concerned with idiom creativity from the cognitive perspective. The work focuses on the cognitive mechanisms that underlie creative functioning of English idioms ranging from their original modifications in discourse to the formation of neologisms. Among the cognitive operations involved in idiomatic meaning formation and change prominence is given to conceptual integration.

Key words: idiom, semantics, creativity, nonce phrase, cognitive mechanism, conceptual integration.

Е.С. Шмелёва *(Москва, Россия)*
Институт языкознания РАН
katherineshm@gmail.com

КРЕАТИВНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ НА БАЗЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ПОЗИЦИЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИЙНЫХ ТЕКСТОВ)[1]

Статья представляет результаты исследования, проведенного с целью изучения словообразовательных лингвокреатем на базе фразеологических единиц. Исследование осуществлено на материале англоязычных медийных заголовков, где подобные манифестации лингвокреативности встречаются особенно часто. Сделанные выводы позволяют более точно изучить не только словообразовательные, но также когнитивные процессы, которые лежат в основе лингвокреатем.

Ключевые слова: лингвокреативность, креативное словообразование, фразеология, медийный заголовок.

Особенности функционирования современных медиа в общем и прессы в частности формируют все новую повестку лингвистических исследований. Значительная конкуренция, которую создают англоязычной прессе интернет-ресурсы, заставляет печатные газеты и журналы, а также их электронные версии находиться в постоянном состоянии борьбы за читательское внимание.

Важную роль в ориентации читателя выполняет заголовок. Составляя смысловое единство с текстом статьи, он призван, с одной стороны, проинформировать читателя о примерной тематике статьи, а с другой, сделать это в достаточной степени ярко и нестандартно, оставив, при этом, элемент загадки и заинтриговав аудиторию. Именно по этой причине элементы лингвокреативности (или, пользуясь терминологией В.П. Григорьева, лингвокреатемы), становятся все более частотными именно в заголовках современной прессы. Под лингвокреативностью мы, вслед за И.В. Зыковой понимаем «реализацию (и/или воплощение) креативных возможностей языковой системы на самых разных ее уровнях и в отношении самых разных аспектов ее функционирования» [Зыкова 2017: 628].

В нашей статье осуществлена попытка выявления и систематизации лингвокреатем, которые были сформированы в ходе различных словообразовательных процессов на базе фразеологических единиц языка (ФЕ). Под фразеологизмом мы, вслед за А.В. Куниным понимаем «устойчивое сочетание лексем с полностью или частично переосмысленным значением» [Кунин 1972: 8]. Данное определение содержит указание на такую важную характеристику ФЕ, как ее устойчивость, причем, очевидно, что устойчивостью обладает как семантика, так и форма фразеологизма. Следовательно, всякая деривационная модификация в его отношении креативна, а изменение формы, логичным образом, влечет за собой изменение семантики. Именно поэтому в ходе нашего исследования мы не только рассмотрели словообразовательные процессы,

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН

лежащие в основе вновь образованных на базе ФЕ лингвокреативных единиц, но также осуществили попытку выявления тех когнитивных (мыслительных) процессов, которые способствуют их формированию.

Первая группа выявленных нами примеров словообразовательной лингвокреативности является результатом такого способа словообразования, как блендовое словосложение. Поясним данный термин. Как следует из определения, данного И.В. Арнольд, словосложение представляет собой «объединение двух, реже трех основ», результатом чего является сложное слово, «функционирующее как одно целое и выделяющееся в составе предложения как особая лексическая единица, благодаря своей цельнооформленности» [Арнольд 2012: 159]. Блендинг (также: стяжение или контаминация), в свою очередь, представляет собой «объединение в речевом потоке структурных элементов двух языковых единиц на базе их структурного подобия или тождества, функциональной или семантической близости» [Лингвистический энциклопедический словарь], при этом, важной характеристикой такого способа словообразования является, используя терминологию Н.А. Лавровой, «осколочный» характер совмещенных элементов [Лаврова 2011: 91]. В ходе нашего исследования мы столкнулись с целым рядом примеров креативного словообразования, которое одновременно обладает характеристиками как словосложения, так и блендинга, и назвали такой способ словообразования «блендовым словосложением». Этот способ словообразования предполагает совмещение сложных слов посредством своего рода «склейки» в области элемента, совпадающего для исходных единиц. При этом, конечная единица обладает совмещенной структурой «осколочных» единиц, что характерно для блендинга, однако, вместе с тем, каждая из исходных единиц, по сути, также полностью сохраняет свою форму, что характерно для словосложения. Интересно отметить, что с когнитивной точки зрения результирующая лингвокреатема характеризуется совмещением семантики, которое мы соотносим с концептуальной интеграцией значений исходных единиц. В нашем понимании данного явления мы ссылаемся на определение, данное Ж. Фоконье и М. Тернером: «концептуальная интеграция – “смешение” – это общая когнитивная операция <…>; при смешении, структура исходных ментальных пространств проецируется на отдельное, “совмещенное” ментальное пространство» (“Conceptual integration – ‘blending’ – is a general cognitive operation <…> in blending, structure from input mental spaces is projected to a separate, ‘blended’ mental space” [Fauconnier, Turner 1998: 133].

Пример словообразовательной лингвокреатемы, сформированной в результате блендового словосложения, находим в заголовке из журнала The Economist от 31 октября 2019 г. “Egghead-hunting”. Озаглавленная данным образом статья посвящена методам, к которым прибегают американские компании для того, чтобы заполучить в ряды своих сотрудников наиболее даровитых выпускников Стэнфордского университета. Очевидно, что в основе данной словообразовательной лингвокреатемы лежит устойчивая единица head hunting – букв. «охота за головами», т.е. «поиск и рекрутинг персонала, в особенности на высокопоставленные должности» [Merriam-Webster Online English Dictionary]. Далее в результате процесса словосло-

жения данной единицы с другой устойчивой единицей egg head, которую следует понимать как «интеллектуал, эрудит» [Merriam-Webster Online English Dictionary], формируется сложная лингвокреатема с интегрированным значением «охота за умниками». Аналогичную модель словообразования можно также наблюдать в заголовке из журнала The Economist от 21 ноября 2019 г. “Warheads up”. Даже прочтение данного заголовка в отрыве от текста последующей статьи позволяет читателю мгновенно идентифицировать фразеологическую единицу heads up в значении «держать нос выше». В то же время, последующая статья повествует о растущем ядерном потенциале Китая и, соответственно, возросшем числе ядерных боеголовок (warheads). Таким образом, в данном случае формируется бленд фразеологической единицы (heads up) и сложного слова (warheads) в результате их формального и семантического совмещения в элементе “heads”.

Вторая выделенная нами достаточно многочисленная группа словообразовательных лингвокреатем включает примеры дериватов на базе ФЕ, образованных путем аффиксации. Как показало наше исследование, в основе их формирования лежат несколько иные когнитивные процессы. В ходе анализа отобранного нами языкового материала был выделен целый ряд лингвокреативных заголовков, которые с когнитивной точки зрения строятся на дефразеологизации (буквализации) исходной ФЕ с последующей модификацией ее формы. Интересно отметить, что буквальному переосмыслению могут подвергаться как все элементы ФЕ, так и отдельные единицы в ее составе. При этом, семантика, которую вносят аффиксы в результирующие лингвокреативы, безусловно, не способна изменить лексическое наполнение ФЕ так же значительно, как это делают единицы, участвующие в блендовом словосложении.

Пример аффиксального креативного словообразования на базе буквально переосмысленной ФЕ можно наблюдать в заголовке статьи из журнала The Economist от 5 декабря 2019 г. “Uncommon grounds”. Озаглавленная данным образом статья посвящена процессу импичмента, инициированному в отношении президента США Д. Трампа, и тому факту, что Демократическая и Республиканская партии представляют в Конгресс противоречивые доклады по этому поводу. Иными словами, они не способны прийти к «общему знаменателю», что вызывает в сознании читателя семантику ФЕ common ground. Однако дальнейшее ознакомление с текстом статьи также содержит информацию о том, что каждая из партий обладает своей мотивацией (grounds), подчас не вполне стандартной (uncommon). Следовательно, вызванную в сознании читателя ФЕ можно также понимать буквально. Дефразеологизированное в ходе буквализации сочетание, поменяв статус на свободное, далее подлежит деривации, которая изменяет не только семантику его элементов, но также и грамматические характеристики существительного в его составе (от неисчисляемого ground к исчисляемому grounds). Если говорить о семантических отношениях между буквальным пониманием лингвокреатемы uncommon grounds и переосмысленным значением ФЕ common ground, в данном случае речь скорее идет не о концептуальной интеграции значений, а о совмещении их семантики в области семы «опора, основание чего-либо».

Таким образом, на основании изученного материала можно сделать вывод о том, что креативным словообразование на основе ФЕ делает то, что модифи-

кации подлежит единица, которая изначально характеризуется устойчивостью формы и семантики. Модификация формы ФЕ в свою очередь ведет к значительным изменениям ее смыслового наполнения, что является результатом таких сопутствующих словообразованию когнитивных процессов, как буквализация, концептуальная интеграция или совмещение значений. Именно поэтому чрезвычайно важным представляется тот факт, что изучение креативного потенциала единиц английского языка должно носить комплексный интегративный характер с целью выявления модификаций не только на словообразовательном, но также и на лексическом уровне языка.

Литература

Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М.: Флинта: Наука, 2012. 376 с.

Григорьев В.П. Поэтика слова. М.: Наука, 1979. 343 с.

Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М.: Гнозис, 2017. 752 с.

Кунин А.В. Фразеология современного английского языка. М.: Международные отношения, 1972. 289 с.

Лаврова Н.А. Контаминация в современном английском языке: структура, семантика, прагматика // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2011. № 8 (223). Вып. 51. С. 88-93.

Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science. 1998. Vol 22 (2). P. 133-187.

Merriam-Webster Online English Dictionary. URL: http://www.merriam-webster.com.

The Economist. URL: http://www.economist.com.

E.S. Shmelyova (Moscow, Russia)
Institute for Linguistics of the Russian Academy of Sciences

CREATIVE WORD-FORMATION IN PHRASEOLOGY FROM COGNITIVE LINGUISTICS PERSPECTIVE (BASED ON ENGLISH LANGUAGE MEDIA TEXTS)

The article provides the results of the research aimed at studying manifestations of linguocreative word formation on the basis of phraseological units. The research was implemented as exemplified in English language media headlines, which are characterized by abundance of these. The conclusions derived allow the possibility of studying both the formal characteristics of linguocreative word formation, on the one hand, and the underlying cognitive processes, on the other.

Key words: linguistic creativity, creative word formation, phraseology, media headline.

Н а у ч н о е и з д а н и е

16+

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 2 (41)

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ПАРАДИГМА В ЛИНГВИСТИКЕ И СМЕЖНЫХ НАУКАХ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалы X Международного конгресса по когнитивной лингвистике
17-20 сентября 2020 года

Главный редактор
Николай Николаевич Болдырев

Ответственный редактор выпуска
Чудинов Анатолий Прокопьевич

Печатается в авторской редакции.

Подписано в печать 01.06.2020. Дата выхода в свет 30.08.20 г. Формат 60 х 84/16.
Физ. печ. л. 60,8. Тираж 500 экз. Заказ №
Цена свободная

Учредители:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов»
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук
Адрес редакции и издателя:
392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Адрес типографии:
620049, Свердловская область, г. Екатеринбург, пер. Автоматики, д. 2
ООО Универсальная Типография «Альфа Принт»

Cognitive Linguistics